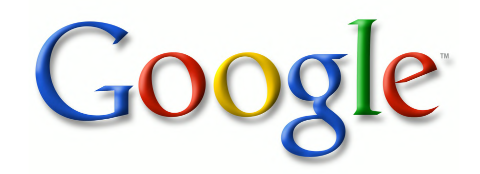

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
VE
RI
TAS

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1904.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

VII. — ТОМЪ CCXXVIII. — 1/14 ІЮЛЯ 1904.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1904

3360

СОРОКЪ ЛѢТЪ

ТОМУ НАЗАДЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

III *).

Московская публицистика.

Въ теченіе всего 1862 года, я продолжалъ посѣщать оба литературные круга въ Москвѣ, держась преимущественно Аксаковскаго, и новыя впечатлѣнія отъ нихъ почти нисколько не отличались отъ первоначальнаго. Въ разныя „пятницы" нѣсколько измѣнялся составъ посѣтителей, появлялись иногда новыя лица, но и при измѣненіяхъ Аксаковское общество отличалось сравнительно бо́льшимъ постоянствомъ, нежели Катковское, такъ что значительная часть его участниковъ не измѣняла ни одной „пятницѣ". Собираться у Аксаковыхъ начинали еще около восьми часовъ вечера, хотя понемногу, и раньше двухъ часовъ ночи никогда не расходились. Внѣшность собраній въ обоихъ домахъ, и у Аксакова, и у Каткова, была прежняя, да и характеръ бесѣдъ представлялъ тѣ же отличія, особенно въ отношеніи къ степени ихъ живости; но главный интересъ, разумѣется, представляло содержаніе разговоровъ. Въ Аксаковскомъ кругу, при

*) См. выше: іюнь, стр. 757.

бо̀льшей его отзывчивости къ русской жизни, не только затрогивалось бо̀льшеее число вопросовъ, чѣмъ въ Катковскомъ, но и обсуждались они глубже, участливѣе, и самые пріемы обсужденія у тѣхъ и другихъ были неодинаковы.

Конечно, въ обоихъ обществахъ обращались къ обсуждаемымъ предметамъ съ полною серьезностью и одинаково отрицательно относились къ уродливому, мертвящему и давящему строю отжившаго прошлаго, но характерныя различія выступали, когда дѣло доходило до собственнаго творчества, до созидательныхъ усилій, направленныхъ къ способамъ выхода изъ прежняго положенія въ новое.

Въ моментъ послѣ крестьянскаго освобожденія намѣчались многіе вопросы внутренней русской жизни, напримѣръ,—объ организаціи мѣстныхъ учрежденій, о будущихъ формахъ общественной дѣятельности, о способахъ развитія сельскаго самоуправленія, о преобразованіи суда, о городскомъ управленіи и т. д.; но въ Катковскомъ обществѣ преобладали, въ отношеніи къ нимъ, академическія, холодныя разсужденія съ государственной точки зрѣнія и видимо недоставало того живого чутья русской жизни съ ея наличными условіями и нуждами, о которомъ упомянуто было выше. Отношеніе къ этой жизни у Каткова больше сказывалось внѣшнее, сочинительное, тогда какъ въ Аксаковскомъ обществѣ, наоборотъ, выступали на первый планъ внутреннія, бытовыя требованія. Здѣсь больше говорили о справедливомъ равновѣсіи интересовъ, ждали бо̀льшаго добра отъ призыва общественныхъ силъ, отъ бо̀льшаго простора для ихъ дѣятельности, и больше вѣрили въ народную стихію, надѣясь, между прочимъ, что даже предоставленный въ волостныхъ судахъ просторъ правовому обычаю народа, при должной свободѣ его примѣненія, внесетъ свой вкладъ въ юридическую науку. Положимъ, и самые существенные вопросы въ тотъ моментъ представлялись еще недостаточно выясненными, нѣсколько туманными, и обо многомъ судили только съ высоты общихъ положеній, но не сходны бывали способы отыскиванія необходимаго. Затронется какой-нибудь изъ подобныхъ вопросовъ—и у Каткова выдвинутъ образцы англійскихъ учрежденій, справки о порядкахъ древняго Рима, да обнаружатъ зудъ къ сочиненію для Россіи чего-то въ родѣ аристократическаго строя; а въ Аксаковскомъ обществѣ поищутъ основаній въ наличныхъ жизнеспособныхъ элементахъ, общественныхъ данныхъ, и справятся со считающимися неутратившими жизненности корнями древняго русскаго быта, хотя въ этомъ послѣднемъ

отношеніи доходили иногда до излишества вѣры, подъ вліяніемъ пристрастія къ родной старинѣ.

Такъ же, какъ въ разговорахъ, различіе это выражалось и въ печати. Политическіе взгляды на нужды русской жизни у Каткова отражались главнымъ образомъ на „Современной Лѣтописи", составлявшей еженедѣльное приложеніе къ „Русскому Вѣстнику", и сравненіе ея съ Аксаковскимъ „Днемъ" выходило характерно какъ по наружности, такъ и по содержанію. Въ „Современной Лѣтописи" на первомъ планѣ являлись обширныя корреспонденціи изъ Лондона, Парижа, изъ Вѣны, а затѣмъ лишь временами выступали редакціонныя статьи по русскимъ вопросамъ въ объясненномъ выше духѣ, сухіе обзоры текущихъ явленій по оффиціальнымъ и газетнымъ источникамъ, да рѣдкія прямыя сообщенія корреспондентовъ изъ губерній, тоже скорѣе поверхностныя, тогда какъ, напримѣръ, сильно отражавшійся на многихъ интересахъ процессъ примѣненія „Крестьянскихъ Положеній", возбуждавшій цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, былъ тогда въ самомъ разгарѣ. Въ „Днѣ" же, напротивъ, русскіе вопросы составляли главное. Имъ посвящались и редакціонныя статьи, и доставленныя сотрудниками, и многія корреспонденціи изъ различныхъ угловъ Россіи, причемъ печатаніе этого матеріала очень часто сопровождалось примѣчаніями редакціи. Отзывались Калуга и Самара, Кіевъ и Нерехта, Волынь и Зарайскъ, Воронежъ и Бѣлоруссія, Ливны и Черниговъ, Смоленскъ и Донъ, Оренбургъ и Вильно и т. д. Для интересовъ же заграничныхъ славянъ существовалъ особый „Славянскій Отдѣлъ". По содержанію, различіе обоихъ органовъ рельефнѣе можетъ быть обозначено на примѣрахъ отдѣльныхъ русскихъ вопросовъ того времени.

Мысль о необходимости новыхъ мѣстныхъ учрежденій, дающихъ просторъ общественнымъ силамъ, носилась въ воздухѣ, хотя образъ будущихъ земскихъ учрежденій, съ обозначеніемъ даже только главныхъ видовъ ихъ творчества, тогда еще не сложился и о нихъ больше говорили какъ объ *управленіи земскими повинностями*. Но на какихъ началахъ построить эти учрежденія, какъ именно организовать представительство населенія—о томъ держалось большое разномысліе. Руководимая Павловымъ и Чичеринымъ газета „Наше Время" высказалась разъ въ томъ смыслѣ, что основою тутъ должна быть прежняя сословность. Противъ этого выступила Катковская „Современная Лѣтопись". По ея словамъ, даже англійскіе публицисты считаютъ вредными „горизонтальныя" дѣленія народа, подходящія къ категоріи кастъ и сословій, такъ какъ они разъединяютъ народъ, дѣля его на слои,

лежащіе одинъ на другомъ и другъ друга давящіе, и при такомъ устройствѣ политическая борьба ведетъ къ потрясеніямъ вулканическаго характера. Предпочтительнѣе другое положеніе, при которомъ горизонтальныя дѣленія утратили политическое значеніе, и политическія группы приняли характеръ не сословій, а *партій*, охватывающихъ всѣ классы народа и раздѣляющихъ каждый изъ нихъ на части „вертикально" разграничивающею чертою. Не высказываясь прямо о положеніи дворянскихъ собраній, Катковская газета считала лучшимъ шагомъ къ новой комбинаціи устройство—вмѣсто посословныхъ—земскихъ выборовъ, и управленіе земскими повинностями посредствомъ не депутатовъ отъ отдѣльныхъ сословій, а лицъ, избранныхъ *совокупностью* сословій. Такъ, полемика о „горизонтальномъ" и „вертикальномъ" началахъ протянулась нѣкоторое время, но до болѣе конкретныхъ формъ не дошла; впослѣдствіи же сбивчивость представленій успѣла еще выразиться въ томъ, что разъ та же Катковская газета выдвинула даже мысль, что земскія учрежденія можно устроить въ видѣ измѣненія наличныхъ губернскихъ правленій.

Напротивъ, Аксаковъ прямо и рѣшительно началъ съ упраздненія прежней роли дворянства. По тогдашнему его мнѣнію, дворянство, созданное изъ *служилой*, *дружинной* массы, главнѣйшею и существеннѣйшею привилегіею имѣло право владѣть землею и людьми, личностью и трудомъ крестьянъ; съ упраздненіемъ же этого основного аттрибута сословнаго достоинства, „распущенная дружина обращается домой—въ земство", а тамъ только двѣ дѣйствительно бытовыя стихіи: община и личность, общинники-крестьяне и личные землевладѣльцы; другихъ же дѣленій не предвидится. Съ утратою сословіемъ исторической почвы, дворянству слѣдуетъ, проникнувшись сознаніемъ такого положенія, отрѣшась отъ безплодныхъ сожалѣній и „духа сословной гордости и исключительности", устранить перегородки, отдѣляющія его отъ народа въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ. Въ результатѣ, дворянству предлагалось „торжественно, предъ лицомъ Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, *какъ сословія*", съ указаніемъ, что „всякое иное рѣшеніе отзовется вредными послѣдствіями для самого же дворянства". Такъ смотрѣли на дѣло наиболѣе выдающіеся славянофилы въ началѣ 1862 года. На это скоро послѣдовалъ откликъ „Сѣверной Почты" (тогдашняго органа Валуевскаго министерства внутреннихъ дѣлъ), сущность котораго, однако, заключалась лишь въ уклончиво-канцелярскомъ замѣчаніи, что подобныя статьи „не выражаютъ мысли правительства, не согласны со смысломъ новыхъ узаконеній и

не соотвѣтствуютъ правильному развитію проистекающихъ изъ нихъ послѣдствій". „Современная Лѣтопись", въ свою очередь, слегка и туманно возразила „Дню", но главнымъ образомъ противорѣчила обратной крайности, а именно—Б. Чичерину, продолжавшему настаивать на удержаніи въ земскомъ устройствѣ всѣхъ сословныхъ отличій, какъ они у насъ существовали.

Къ тому же земскому вопросу примкнулъ и вопросъ объ имущественномъ цензѣ, который тогда затрогивался еще въ примитивныхъ основаніяхъ. Аксаковъ поставилъ ребромъ самый его корень, высказавъ, что не видитъ для идеи этого ценза никакой нравственной основы. Трудно понять,—говоритъ онъ,—почему обладающій бо́льшимъ имуществомъ долженъ быть болѣе способенъ, разуменъ и надѣленъ тѣми качествами, какія необходимы для полезнаго участія въ общественномъ дѣлѣ. Если въ цензѣ видятъ обезпеченіе бо́льшей консервативности, то вѣдь консерватизмъ не тождественъ со справедливостью и общею пользою; вообще же имущественный цензъ, предполагающій въ имуществѣ и признакъ, и мѣрило нравственныхъ свойствъ, отдающій богатому, хотя бы безпутному, предпочтеніе предъ бѣднымъ, хотя бы достойнымъ, выражаетъ собою начало „безнравственное". Нужно,—говоритъ онъ,—чтобы крестьянскія общества въ дѣлахъ, собственно ихъ касающихся, пользовались полнымъ самоуправленіемъ, а личные владѣльцы могли имѣть свои собранія, заняться ихъ собственными интересами, но для дѣлъ общихъ тѣмъ и другимъ необходимы общія ихъ собранія по округамъ, дѣйствующія посредствомъ выборныхъ. Аксаковъ еще допускалъ въ принципѣ цензы даже разной величины, но—единственно для того, чтобы яснѣе различать интересы образуемыхъ такимъ способомъ группъ, а никакъ не для подавленія голосовъ бѣдныхъ богатыми. Противъ этого въ „Днѣ" же выступилъ собственный его сотрудникъ—Кошелевъ, выдвигавшій другого характера оригинальную мысль, по которой всякое благоустроенное государство должно охранять и покровительствовать „меньшинство имущихъ" на томъ основаніи, „чтобы поощрять другихъ ко вступленію въ него и стремиться къ тому", чтобы такимъ образомъ „всѣ, наконецъ, сдѣлались имущими"; т.-е. средствомъ къ распространенію зажиточности выставлялось ограниченіе правъ! Отсюда выводилось, что неимущіе и малоимущіе должны образовать „особое состояніе", съ отдѣльными представителями и распорядителями. Кошелевъ, впрочемъ, скоро отсталъ, заявивъ о какомъ-то соглашеніи съ „Днемъ", а Катковская газета, возражая и Аксакову, и Кошелеву, и ссылаясь на образцы древняго Рима, тоже

ухватилась за мысль о нѣсколькихъ цензахъ разной величины, но... для рекомендаціи такого порядка, при которомъ бы представители меньшаго ценза занимались самыми мелкими дѣлами, а обладатели высшаго имущества получали роль, свойственную „аристократіи". Вотъ среди какихъ первоначальныхъ соображеній витала еще тогда идея ценза, но соображенія эти характерны были въ томъ отношеніи, что показывали — кто чего искалъ. Здѣсь—равновѣсіе интересовъ, тутъ—сословная похоть или гегемонія имущественности, а тамъ—аристократическія мечтанія.

Принципіальный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ народа, общества и государства разсматривался въ цѣломъ рядѣ статей „Дня", и эти отношенія представлялись такъ. „Народъ" есть совокупность всѣхъ различныхъ классовъ населенія страны, составляющая цѣльный духовный организмъ. „Общество" — та среда, въ которой умственная дѣятельность народа совершается сознательно, т.-е. это—народъ на второй ступени своего развитія, „народъ самосознающій", представляющій совокупную дѣятельность выдѣляемыхъ народомъ живыхъ силъ, орудіе же дѣятельности общества — слово, свобода котораго такъ же необходима, какъ свобода дышать, ѣсть и двигаться. „Государство" — начало дѣятельности внѣшней, умѣряемое вліяніемъ внутренней силы общества, которое и полагаетъ ему нравственные предѣлы. Поэтому мысль должна принадлежать обществу, а дѣйствіе— правительству. Государство образно уподоблялось корѣ на деревѣ: если вся сила дерева пойдетъ въ кору, то кора крѣпнетъ и толстѣетъ, но при этомъ сжимается и слабѣетъ сердцевина, чтò готовитъ гибель всему дереву съ корою, такъ какъ послѣдняя можетъ задушить древесную жизнь; какъ противъ отолщенія коры нѣтъ другого средства, кромѣ возбужденія дѣятельности прочихъ òргановъ, такъ и государство, противъ его болѣзненнаго роста внутрь, можетъ быть спасаемо только живымъ обществомъ съ его свободою слова, свободою критики и дѣятельности. А потому главнѣйшій интересъ—возможно бòльшее нравственное усиленіе общества.

Особенно характерно оттѣнялись отношенія къ польскому дѣлу. Положеніе его тогда еще далеко было отъ того крайняго обостренія, какого оно скоро достигло подъ вліяніемъ наступившихъ рѣзкихъ событій. На лицо были пока извѣстныя манифестаціи въ Варшавѣ и разныхъ мѣстахъ Западнаго края, да нѣкоторыя документальныя заявленія. При недостаточномъ еще обозначеніи сущности тогдашнихъ польскихъ стремленій, среди русскаго общества полякамъ симпатизировали даже многіе, хотя

имъ неясно было, идетъ ли дѣло только о свободной національной жизни Царства Польскаго, или о болѣе широкихъ притязаніяхъ. Спокойнѣе относилась къ полякамъ и печать. Манифестаціи, конечно, порицались въ московскихъ кружкахъ, но вообще мнѣнія заходили немногимъ дальше. У Каткова факты разсматривались, такъ сказать, съ внѣшней обсерваторіи, съ государственной точки зрѣнія; но Аксаковъ относился къ этому дѣлу съ бо́льшимъ внутреннимъ участіемъ, такъ какъ тутъ сталкивались интересы „народностей". Правда, онъ успѣлъ уже высказать рѣзкія слова: „безумные поляки, какъ вы торопитесь затушить всякую искру сочувствія, которую могла бы зажечь въ единоплеменныхъ братьяхъ ваша любовь къ родинѣ... безумьемъ, какъ Божіею карою, пораженные поляки!.." — но это было по поводу вынырнувшихъ гдѣ-то заявленій о польскихъ притязаніяхъ на Кіевъ, Волынь, Черниговъ и Смоленскъ. Однако, онъ стремился къ возможному выясненію степени справедливости и основательности взаимныхъ русско-польскихъ счетовъ по существу, желалъ для самихъ поляковъ возможности высказываться свободно и даже вызывалъ ихъ на откровенное объясненіе. „Намъ слѣдуетъ, — высказывалъ онъ печатно, — добиться правды въ нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ, а для этого — узнать отъ нихъ самихъ толкомъ, чего они хотятъ?"... „Вполнѣ откровенная литературная полемика всего сильнѣе, всего чище, могла бы способствовать разъясненію дѣла и вразумленію нашей собственной *недоумѣвающей совѣсти*"; желательно „мирное, братское обсужденіе междуплеменныхъ взаимныхъ правъ и отношеній... и если поляки въ состояніи переродиться, покаяться въ своихъ историческихъ заблужденіяхъ и стать славянскимъ мирнымъ народомъ, то, конечно, русскій народъ былъ бы радъ видѣть въ нихъ добрыхъ родственныхъ сосѣдей". Тонъ этого приглашенія, очевидно, былъ далекъ отъ того крайняго раздраженія, въ какое скоро впалъ тотъ же Аксаковъ, когда событія расшевелили страсти, да и самая попытка спокойно и серьезно объясниться, вмѣсто того чтобы считаться только орудіями внѣшней борьбы, выражала новое и лучшаго достоинства отношеніе къ взаимнымъ племеннымъ счетамъ. И подобная печатная полемика была еще возможна въ 1862 году.

Вызовъ не остался, однако, безъ отвѣтовъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Скоро въ газетѣ „День" появилась обширная статья польскаго писателя Грабовскаго, написанная въ аристократическомъ духѣ. Политическое право польскаго меньшинства помѣщиковъ и примыкающихъ къ нимъ элементовъ на За-

падный край она основывала на томъ, что тамошніе поляки, по давнему происхожденію,—не пришлые люди, а тѣ же мѣстные жители, только давно перемѣнившіе свою національность на польскую и православіе—на католицизмъ,—главнымъ образомъ, по мотивамъ выгоды;—и что между поляками и остальною массою мѣстнаго населенія образовалась уже жизненная связь; церковная унія XVII вѣка, въ этой статьѣ, представлялась необходимою реформою, а въ возстаніи противъ Польши Хмельницкаго и другихъ такихъ же народныхъ движеніяхъ отрицался характеръ борьбы за національную независимость, и эти возстанія пренебрежительно назывались простыми крестьянскими „бунтами“, которые только не удалось подавить. Выступили статьи и другихъ поляковъ, между прочимъ, съ укорами, что подъ русскою властью населеніе края страдало отъ административныхъ притѣсненій, отъ откуповъ и т. под., на что Аксаковъ отвѣтилъ признаніемъ дѣйствительности указываемаго зла, но съ объясненіемъ, что оно не имѣетъ отношенія къ національнымъ счетамъ, такъ какъ касается не спеціально поляковъ, а представляетъ общее русское зло: „мы терпимъ еще больше и негодуемъ еще сильнѣе, мы безпощадно обличаемъ язвы своей страны, ея ложь и неправды“... А одновременно съ непріязненными выступили изъ Кіева отклики другой, хотя и маленькой польской фракціи, относившейся къ дѣлу уже не съ аристократической или сословной, но съ народной точки зрѣнія. Напримѣръ, полякъ Горжалчинскій высказывался такъ: „Полякъ долженъ имѣть въ виду народныя потребности, онъ долженъ быть русскимъ, когда рѣшаются народные вопросы... Только тогда помѣщики будутъ представителями народа, когда станутъ за народъ и права его народности“. Изъ сотрудниковъ „Дня“ наиболѣе безпристрастенъ къ полякамъ былъ В. А. Елагинъ, не мало споривші по этому вопросу въ Аксаковскомъ кругу и не остававшійся безъ умѣряющаго вліянія на редакцію. Проводя параллель между поляками и русскими, Елагинъ особенно оттѣнялъ различіе у тѣхъ и другихъ государственнаго и общественнаго началъ: польское государство было съѣдено,—говорилъ онъ,—но польское общество дѣятельно, и его нельзя упрекнуть въ равнодушіи къ своему національному дѣлу; а у насъ государство укрѣпилось, но общество страдаетъ слабостью и недугами. Однако, открывшаяся-было русско-польская разъяснительная полемика не успѣла развиться и скоро оборвалась подъ вліяніемъ событій, давъ только интересное начало.

Къ современнымъ заботамъ малоруссовъ о развитіи своего

языка отношеніе московскихъ литературныхъ круговъ тогда еще не вполнѣ опредѣлилось. Только Катковъ успѣлъ уже высказаться непріязненно, а Аксаковъ еще собирался обстоятельно разобраться въ этомъ дѣлѣ по существу или самъ, или черезъ своего сотрудника Гилярова-Платонова, такъ что я помню лишь тогдашніе его словесные отзывы. Онъ вообще находилъ малорусскія стремленія ложными, полагая, что слѣдуетъ, напротивъ, стараться о наибольшемъ объединеніи двухъ русскихъ племенъ, которыя при нѣкоторыхъ своихъ различіяхъ хорошо дополняютъ другъ друга. Къ малорусскому же народу онъ относился вполнѣ сочувственно. Сопоставляя малорусскій лиризмъ и индивидуализмъ съ великорусскимъ духомъ общиннаго единства, сказавшимся въ исторіи глубокимъ политическимъ инстинктомъ и твердостью въ отстаиваніи своей духовной самостоятельности, — проявленною хотя бы въ расколѣ,—Аксаковъ опредѣлялъ различіе этихъ племенъ такъ: великорусскій народъ—духовнѣе, а малорусскій—душевнѣе.

Затрогивался и еврейскій вопросъ, но только въ „Днѣ“. Исходя изъ того, что у христіанъ и евреевъ разные просвѣтительные источники,—евангеліе и талмудъ, причемъ въ послѣднемъ есть не мало нравственно безобразнаго,—а также, что подобные источники вообще руководятъ частнымъ, общественнымъ и государственнымъ бытомъ, просвѣщеніемъ и законодательствомъ, „День“ заключалъ, что съ этимъ должно сообразоваться и распредѣленіе правъ въ государствѣ. „Вѣротерпимость“—доказывалъ онъ—необходима, но она существенно отличается отъ „вѣроугодливости“, выражаемой, напр., въ томъ, еслибы христіане, не ограничиваясь предоставленіемъ чужой вѣрѣ простой свободы, стали сами хлопотать о преуспѣяніи еврейства. Отсюда выводилось, что если евреевъ и можно допускать къ государственнымъ должностямъ, то не къ тѣмъ, гдѣ ихъ власти подчиняется бытъ христіанъ, не къ участію въ законодательствѣ, администраціи и народному представительству. Этимъ вызваны были въ „Днѣ“ же возраженія нѣкоторыхъ образованныхъ евреевъ (между прочимъ, покойнаго Португалова), которые заявляли, что если безобразія и есть въ талмудѣ, то послѣдній вовсе не имѣетъ такого авторитетнаго значенія и представляетъ сводъ взаимныхъ противорѣчій, почему еврейская интеллигенція—большею частью даже не знающая талмуда—не повинна въ солидарности съ дикимъ элементомъ талмудическихъ толкованій. Впрочемъ, и самъ Аксаковъ, среди этой полемики, высказывался за предоставленіе евреямъ не только свободы быта, самоуправленія и

просвѣщенія, но и права жить повсемѣстно въ Россіи. Позже, онъ впадалъ уже въ болѣе ограничительныя тенденціи, но какъ велико разстояніе отъ упомянутыхъ мотивированныхъ заключеній до той пошлой, низменной травли, какою стали отличаться нѣкоторые органы нашей печати въ позднѣйшія десятилѣтія! Припоминаю, по поводу упомянутой полемики, еще оригинальный случай мистификаціи. Когда появилась въ „Днѣ" первая статья о еврействѣ, вдругъ Аксаковъ получаетъ статью за подписью „Александровъ" и помѣченную изъ г. Бугульмы, гдѣ, между прочимъ, приводились подтвердительныя извлеченія изъ талмуда. Принявъ Александрова за ученаго спеціалиста по гебраизму, Аксаковъ придалъ этой статьѣ особенное значеніе и не замедлилъ помѣстить ее въ своей газетѣ, а потомъ обнаружилось, что авторъ статьи—двоюродный братъ его, Ал. Ник. Аксаковъ, и прислалъ ее не изъ Бугульмы, а съ той же Спиридоновки, на которой помѣщалась и редакція „Дня". Въ этомъ Ал. Ник., дѣйствительно интересовавшійся тогда еврействомъ, самъ же и признался своему брату.

Я привелъ очеркъ объясненныхъ мнѣній какъ потому, что они, касаясь ближайшихъ вопросовъ того времени, характеризуютъ, до извѣстной степени, взгляды московскихъ литературныхъ круговъ въ наиболѣе спокойное, мирное для нихъ время, предъ приближавшимися переломами, такъ и потому, что самъ жилъ тогда въ сферѣ сужденій о такихъ предметахъ. Знакомствъ въ ту пору я пріобрѣлъ въ Москвѣ еще очень мало и, за исключеніемъ означенныхъ кружковъ, проводилъ время въ библіотекахъ, въ усиленномъ чтеніи дома, въ рѣдкихъ посѣщеніяхъ новыхъ знакомцевъ и въ ознакомленіи съ внѣшними особенностями московской жизни.

Между послѣдними помню тогдашнія публичныя чтенія въ „Обществѣ Любителей Россійской Словесности". Интересъ къ нимъ поддерживался тѣмъ, что они представляли одно изъ немногихъ періодическихъ умственныхъ развлеченій Москвы, почему привлекали большую и разнообразную публику: тутъ бывали представители литературы и науки, московскіе тузы, средній интеллигентный людъ, студенты и много дамъ. Билеты для входа на чтенія выдавалъ безплатно секретарь общества Лонгиновъ у себя на квартирѣ, на Пречистенскомъ бульварѣ. Въ назначенное утро соберется публика въ университетской залѣ, раздастся зычный голосъ Лонгинова, возвѣщающій предварительный протоколъ съ рѣшеніемъ прочитать въ данный день то-то и то-то, а затѣмъ выступитъ съ рѣчью опирающійся на посохъ

предсѣдатель Погодинъ. Обращался онъ обыкновенно къ политическимъ и литературнымъ „злобамъ дня" и рѣчь его пестрѣла довольно разнообразными элементами. Бывали въ ней очень мѣткія замѣчанія и напыщенныя фразы, хвалительный тонъ перемежался съ негодующимъ противъ нѣкоторыхъ господствовавшихъ въ политическомъ мірѣ мотивовъ и рѣзко враждебнымъ по адресу литературныхъ группъ, съ которыми Погодинъ считался; слышались порою крѣпкія выраженія; говорилось и вполнѣ заслуживавшее сочувствія,—словомъ, рѣчи имѣли такой же смѣшанный характеръ, какимъ отличался и самъ Погодинъ. Потомъ Лонгиновъ прочтетъ отрывокъ изъ какихъ-либо воспоминаній, иногда собственныхъ, съ тенденціознымъ осложненіемъ; Аксаковъ прочтетъ приготовленную для „Дня", но встрѣтившую цензурныя затрудненія статью, и часть засѣданія, такимъ образомъ, получаетъ публицистическій характеръ; затѣмъ, кто-нибудь изъ литературныхъ старцевъ подѣлится съ публикою невиннѣйшимъ по содержанію стихотвореніемъ или легкою замѣткою о какомъ-либо давнемъ поэтѣ,—все это поочередно вызоветъ аплодисменты, а тамъ публика расходится.

Памятно мнѣ и совсѣмъ другого рода своеобразное московское явленіе—богословскіе споры въ Кремлѣ на Святой недѣлѣ. Ведутся они изстари, привлекая много православныхъ и раскольниковъ различнѣйшихъ толковъ. Встрѣтивъ первый разъ подобное явленіе, нельзя было имъ не заинтересоваться. Придя на второй день Пасхи въ Кремль, я увидѣлъ въ разныхъ мѣстахъ тѣсно сплотившіяся кучки народа. Вотъ тутъ-то, подъ открытымъ небомъ, и шли диспуты, въ которыхъ принималъ участіе каждый желающій. Чаще всего рѣчь заходила о такихъ старинныхъ спорныхъ пунктахъ, какъ двуперстіе и трехперстіе или сугубая и трегубая аллилуя, но иногда доходили и до монофизитства, монофелитства, а изрѣдка появлялись между толкователями даже такіе отрицатели, которые приводили слушателей въ крайнее негодованіе. Выступали раскольничьи начетчики; случалось, показывался и православный священникъ; иногда въ разгаръ спора кто-нибудь сошлется на рѣдкую книжицу, пообѣщаетъ принести ее на слѣдующій день и дѣйствительно приноситъ, послѣ чего вчерашнее преніе возобновляется. У всѣхъ видно стараніе вести споры какъ можно миролюбивѣе, но случалось, что чья-нибудь натура не выдержитъ и разразится грубѣйшею выходкою, вскорѣ послѣ которой, за успокоеніемъ, слѣдуетъ извиненіе съ оправданіемъ, что вспылилъ-де, стараясь объ истинѣ, и съ просьбою не сердиться, отвѣтъ на что обыкно-

венно получался снисходительный, дружелюбный. Кучки собирались, сливались, раздѣлялись и расходились въ теченіе всего дня, а особенно сгущались около вечеренъ. Бывало, что съ религіозной точки зрѣнія касались и житейскихъ явленій. Заходили прислушиваться къ спорамъ и образованные люди, а по преданію не малое участіе въ нихъ принималъ извѣстный славянофилъ Хомяковъ. Я слѣдилъ за этими преніями всю Святую недѣлю, и почти каждый день удавалось услышать что-нибудь новое, характерное. Между прочимъ, особенно помню одного горячаго спорщика, появлявшагося въ центрѣ кучекъ нѣсколько разъ: самый простой по виду человѣкъ, въ старомъ зипунѣ, это былъ такой отрицатель, что многихъ приводилъ въ ужасъ. Справками изъ писанія онъ такъ и сыпалъ, но для того, чтобы отвергать и чудеса̀, и Божіе человѣколюбіе, изрекалъ даже хулы, за что его уже прямо ругали, а напослѣдокъ—какъ мнѣ передавали—даже побили, но онъ встрѣчалъ подобную враждебность съ терпѣніемъ, какъ будто свысока.—Кто̀ онъ такой?—спрашиваю:—книжникъ записной, что-ли?—Просто шорникъ съ Тверской,—отвѣтили мнѣ.

Время, однако, шло и приближался затишный для Москвы лѣтній періодъ, на который многіе собирались выѣзжать, кто въ деревню, а кто на дачу. Это затишье и меня побудило уѣхать гостить на лѣто въ одну изъ подмосковныхъ губерній, слишкомъ за двѣсти верстъ отъ Москвы. Тамъ я попалъ въ уѣздный міръ, гдѣ вращался среди помѣщиковъ, мировыхъ посредниковъ, и старался по возможности наблюдать крестьянскую жизнь, не переставая слѣдить за ходомъ явленій въ мірѣ печати, куда мнѣ предстояло скоро вернуться.

IV.

Уѣздный уголъ.

Развернулись предо мною картины изъ совсѣмъ другой области тогдашней русской жизни.

Уѣздъ, въ который попалъ я, былъ не захолустный и, по составу общества, не безъинтересный. Конечно, въ помѣщичьей средѣ было „всякаго жита по лопатѣ“; водились и почти дикіе по понятіямъ помѣщики, но встрѣчались и люди образованные, слѣдившіе за ходомъ государственной и общественной жизни, много читавшіе и интересовавшіеся порядками заграничныхъ странъ; на лицо было не мало и разныхъ промежуточныхъ об-

щественныхъ оттѣнковъ, такъ что можно было находить кружки, подходящіе къ различнымъ требованіямъ.

Духъ реформъ успѣлъ тогда значительно измѣнить внѣшность общественной жизни. У иныхъ совершался переломъ общественныхъ понятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ получала распространеніе въ обществѣ и фраза, часто затруднявшая или даже устранявшая искренность рѣчи. Въ обращеніе вошли клички: „консерваторъ“, „либералъ“, „передовой“, „отсталой“; старые пріемы дѣйствія получали подновленныя названія; интрига переименовалась въ „агитацію“, принятіе группами рѣшеній въ „вотированіе“, но вообще какъ въ болѣе широкихъ кругахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ кружкахъ доминировали рѣчи либеральныя. Сочувствіе „прогрессу“, ироническое отношеніе къ недавнему прошлому и сохранившимся его сторонникамъ, рѣзкая критика современныхъ порядковъ съ пожеланіемъ коренного измѣненія жизненнаго строя—выражались громко, однако и розни было довольно. Если у однихъ либеральныя рѣчи соотвѣтствовали ихъ дѣйствительнымъ понятіямъ, то у другихъ подобныя рѣчи бывали дѣломъ своего рода „моды“, вліяніе которой доходило до того, что либеральничали даже иные несомнѣнные крѣпостники: мужикамъ, молъ, дали свободу—надо и намъ свободы, да побольше участія въ общихъ дѣлахъ страны. Но и крѣпостники заявляли себя неодинаково.

Болѣе упрямые и искренніе изъ крѣпостниковъ рѣшались еще открыто высказывать свои мысли и чувства, иногда даже очень простодушно. Помню, напримѣръ, одного старика, у котораго, по разсказамъ, при первой вѣсти о совершившейся уже отмѣнѣ крѣпостного права, вырвалось восклицаніе: „Неужели правда? Хоть бы дали мнѣ прежде спокойно умереть, а тамъ пусть бы себѣ дѣлали, что̀ хотятъ“! Другой старецъ, благоговѣвшій предъ преданіями старины, съ полною наивностью выражалъ мнѣ разъ свои недоумѣнія: „Что̀ это у насъ теперь за порядки пошли? Я, помѣщикъ, дворянинъ, не смѣй ударить своего человѣка, а позовутъ его въ волость, тамъ мужики будутъ его судить и накажутъ; я—не могу, а простой мужикъ его сѣчетъ! Значитъ, у меня, дворянина, изъ рода въ родъ здѣшняго помѣщика, меньше права, чѣмъ у мужика. Вѣдь это даже смѣшно! Скажите, пожалуйста мнѣ, куда это насъ ведутъ? Нѣтъ, прежде бы до этого не допустили!“—заключилъ съ горькою улыбкою старецъ, указывая на висѣвшій въ его кабинетѣ большой портретъ Екатерины, на который онъ чуть не молился. Но осторожные и политичные крѣпостники, находя неловкимъ явно

противорѣчить новому духу, предпочитали иронически прималчивать, отводя душу въ болѣе тѣсномъ кружкѣ единомышленниковъ, гдѣ можно говорить откровеннѣе. Слушая чужія громкія рѣчи, такой крѣпостникъ, бывало, улыбается, въ полголоса приговаривая: „Кого это вы морочить хотите? И цѣли ваши, и люди вы—прежніе, только норовите прикрыть свои дѣлишки новою, подкрашенною формою; ну, да посмотримъ еще, долго ли вы на этой позиціи удержитесь"! Вообще, судя по однѣмъ рѣчамъ, не сразу можно было различать степени искренности высказываемыхъ сужденій, и только тѣ или другія личныя дѣйствія да наступившія скоро перемѣны разсужденій разъясняли уже—кто говорилъ то, что̀ думалъ, и кто лишь подчинялся модѣ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, либеральный тонъ въ описываемый моментъ казался господствующимъ.

Знакомство съ помѣщичьимъ кругомъ облегчалось тѣмъ, что большинство его проявляло тогда общительность. Еще въ концѣ зимы, около масляницы, многіе помѣщики перебрались на время изъ своихъ деревень въ городъ, дѣлали тамъ другъ другу визиты и собирали у себя вечерами знакомыхъ. Сегодня соберутся у одного, завтра у другого, потомъ у третьяго; но общенія по кружкамъ оказалось недостаточно, и потому устроивались еще общія танцовальныя собранія, любительскіе спектакли и даже литературныя чтенія. Иниціаторы сочли нужнымъ привлечь къ общенію еще городское купечество на томъ основаніи, что „въ настоящее время" необходимо, оставивъ сословную кичливость, стремиться къ сближенію сословій. И купцы оказались отзывчивы. Просидѣвъ день въ бакалейной, красной или рыбной лавкѣ, купецъ къ вечеру облекался во фракъ и являлся поглядѣть на танцы или послушать Некрасовское стихотвореніе да Тургеневскій и Щедринскій разсказы, или полюбоваться Гоголевскою „Женитьбою" на сценѣ, а купеческія дамы и дѣвицы отплясывали съ дворянами на славу, знакомясь тутъ же съ помѣщицами и чиновницами.—„Хорошо насъ приняли дворяне,—отзывались представители купечества,—мы *ими* очення благодарны". Съ наступленіемъ же лѣта, общеніе поддерживалось въ другой формѣ,—хотя только мужское,—главнымъ образомъ мировыми съѣздами, которые представляли тогда первый образецъ публичныхъ засѣданій. Съѣзды эти собирались два раза въ мѣсяцъ, и на нихъ появлялось изъ уѣзда не мало помѣщиковъ, привлекаемыхъ интересомъ общаго для всѣхъ ихъ дѣла; заходили туда же и городскіе жители, такъ что въ залѣ съѣзда образовывалась большая публика, и мировой съѣздъ до нѣкоторой

степени усвоивалъ характеръ своего рода общественнаго развлеченія. При такихъ частыхъ и людныхъ собраніяхъ, довольно было вначалѣ знать двухъ-трехъ помѣщиковъ, чтобы скоро расширить кругъ своего знакомства и, слушая много разговоровъ, вникать въ міръ мѣстныхъ дѣлъ и отношеній.

Среди новыхъ вѣяній, однако, почти во всѣхъ группахъ усматривались и грубые остатки прежнихъ нравовъ. Общество это кипѣло внутренними интригами и борьбою партій, только не принципіальныхъ, а личныхъ и дѣйствовавшихъ временами довольно грубо. Не много нужно было повращаться въ этой средѣ, чтобы замѣтить, какая масса накопилась тамъ личныхъ и партійныхъ счетовъ. Все это иногда разражалось очень неприглядными столкновеніями въ общественныхъ собраніяхъ или даже при случайныхъ встрѣчахъ. У людей погрубѣе, повзрывчатѣе, эти столкновенія доходили даже до самой крайней формы скандала, а другіе пробирали другъ друга заочно или въ глаза, взводя одинъ на другого различныя обвиненія или передавая компрометирующіе разсказы о прошломъ противниковъ. Такъ и слышалось: партія такого-то помѣщика, партія этого и т. под. Слушая представителей той или другой партіи, мудрено было разбирать, какіе изъ пристрастныхъ отзывовъ вѣрнѣе и кто именно въ данномъ случаѣ правъ, но била въ глаза обостренность счетовъ. Разъ, невзлюбившая за что-то одного изъ мировыхъ посредниковъ партія устроила ему грандіозную сцену: во время пріѣзда губернатора, на мировомъ съѣздѣ вывалили на этого посредника цѣлую кучу грязи, публично обвиняя его и въ мелкомъ взяточничествѣ, и въ какихъ-то другихъ гадостяхъ. Изъ этого возникло дѣло, появился осуждающій эту исторію административный циркуляръ, данное происшествіе проникло въ печать, но въ чемъ состояла фактическая подкладка обвиненій—достаточно не разъяснилось, такъ какъ на виду осталось лишь то, что дѣло заглохло, и посредникъ удержался на мѣстѣ, продолжая дѣйствовать въ одной коллегіи съ своими обвинителями.

Зато, среди тѣхъ же волненій обнаруживалась и измѣнчивость человѣческихъ отношеній. Случались перебѣжки изъ партіи въ партію, ярые противники мирились и сближались между собою и т. под. Мѣнялись и общественныя оцѣнки. Зналъ я тамъ, между прочимъ, одного богатаго помѣщика З—го, который часто бывалъ предметомъ очень насмѣшливыхъ отзывовъ. Зло трунили надъ его крѣпостничествомъ, разсказывали комичные анекдоты объ его скопидомствѣ и разныхъ, бывавшихъ съ нимъ, житейскихъ случаяхъ. Судя по обилію и характеру этого матеріала,

можно было думать, что ему совсѣмъ закрыты пути къ какому-либо успѣху въ обществѣ своего уѣзда. Но З., ведя свою линію, отличался большою выдержкою, къ выходкамъ относился спокойно и дождался своего торжества. Года полтора послѣ описываемаго времени, когда уѣздное большинство свалило прежняго предводителя, вдругъ въ собраніи предложили его кандидатуру. З. съ достоинствомъ отозвался, что его кандидатура едва ли будетъ удобна, такъ какъ онъ,—говоря откровенно,—по убѣжденіямъ „консерваторъ, т.-е., въ русскомъ переводѣ,—крѣпостникъ".—„Вотъ, вотъ такого намъ теперь и нужно, надоѣли уже другіе",—послышалось съ разныхъ сторонъ, между прочимъ, отъ недавнихъ противниковъ и насмѣшниковъ, и въ результатѣ З. надолго украсилъ собою предводительское кресло уѣзда, поддерживаемый одобреніемъ плотнаго большинства. Натура взяла свое.

Мировой съѣздъ въ описываемое время сосредоточивалъ на себѣ главный интересъ въ уѣздѣ, особенно потому, что это была самая горячая пора „уставныхъ грамотъ". По Положенію 19 февраля, на составленіе и введеніе этихъ грамотъ по каждому имѣнію предоставлялось два года, но на практикѣ дѣло затягивалось, и первый годъ въ этомъ отношеніи прошелъ совсѣмъ безрезультатно. Большинство помѣщиковъ относилось къ грамотамъ неумѣло, недоразумѣній и попытокъ къ одностороннему устройству дѣлъ было довольно, недовѣрчивые крестьяне на соглашенія не шли, а кромѣ того у помѣщиковъ проявлялся даже нѣкоторый интересъ къ затяжкѣ, такъ какъ до введенія уставной грамоты, сокращавшей крестьянскія повинности, можно было пользоваться послѣдними съ большею выгодою. Но на второй годъ медлить было уже нельзя и выходъ изъ томительнаго переходнаго положенія начался массовой. Мировые посредники имѣли право, послѣ повѣрки представленныхъ помѣщиками уставныхъ грамотъ, сами вводить ихъ въ дѣйствіе, если дѣло не представляло какихъ-либо осложненій; но когда предполагались отрѣзки отъ надѣла, перемѣны участковъ и при нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ—требовалось представленіе грамотъ на обсужденіе мирового съѣзда. А такъ какъ подобныхъ случаевъ на практикѣ встрѣчалось много, то съѣздъ заваливался подобными дѣлами, и лѣто 1862 года представлялось моментомъ самой напряженной дѣятельности этого рода. Помѣщика интересовала не только своя уставная грамота, но и чужія, потому что рѣшеніе чужого дѣла являлось предвѣстіемъ для исхода его собственнаго, коль скоро оно имѣло съ нимъ сходство по обстоятельствамъ.

Все это увеличивало составъ публики на съѣздахъ, возбуждало много разговоровъ, споровъ, и вообще поддерживало оживленіе уѣздной жизни.

Что же касается состава мировыхъ посредниковъ, то какъ ни новъ онъ былъ, а уже представлялъ измѣненіе противъ первоначальнаго, такъ какъ на немъ успѣло отразиться давленіе помѣщичьей среды. Хотя посредники назначались не путемъ дворянскихъ выборовъ, а на основаніи соглашенія губернатора съ предводителями и, будучи утверждены сенатомъ, не могли подвергаться увольненію помимо сената же, но юридическая прочность ихъ положенія на практикѣ нерѣдко уступала вліянію помѣщичьяго недовольства, вопреки которому оставаться на мѣстѣ рѣшался не всякій. Такъ было и въ нашемъ уѣздѣ. На происходившихъ за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемаго времени дворянскихъ выборахъ помѣщики одного посредника благодарили за дѣятельность, а другому наговорили столько непріятнаго, предлагая въ то же время менѣе казистую выборную должность, что этотъ послѣдній поддался и вышелъ изъ посредниковъ. Затѣмъ составъ съѣзда установился такой: одинъ посредникъ былъ тотъ самый, которому „агитація“ партіи устроила упомянутую выше сцену грязныхъ обвиненій; другой, удостоенный благодарностей, былъ изрядный крѣпостникъ; третій—благодушный, но пустой и безцвѣтный, а четвертый—знающій, энергичный и самостоятельный, но ужъ слишкомъ рѣшительнаго и властнаго нрава; при спокойныхъ отношеніяхъ, это былъ интересный въ обществѣ человѣкъ, съ которымъ пріятно было поговорить, читающій и либеральныхъ взглядовъ, но крестьянское управленіе было у него въ ежовыхъ рукахъ, съ губернскою властью онъ постоянно задирался, а съ противниками изъ помѣщиковъ былъ настолько рѣзокъ, что его опасались, хорошо зная, что при столкновеніяхъ онъ не остановится ни предъ чѣмъ, и готовъ дойти хоть до дуэли.

Живо представляются въ моей памяти картины мирового съѣзда. Съ утра уже въ день съѣзда появлялись въ городѣ мировые посредники, замѣтные еще издали по металлическимъ цѣпямъ на груди, съ которыми они не разставались весь день, такъ что приходилось встрѣчать ихъ съ этимъ украшеніемъ и на улицѣ, и въ магазинахъ, и на городскомъ бульварѣ. Показываются и пріѣзжіе помѣщики, изъ которыхъ одни останавливались у городскихъ знакомыхъ, а другіе, за отсутствіемъ въ городѣ порядочныхъ гостинницъ,—на постоялыхъ дворахъ съ номерами, гдѣ еще можно было кое-какъ перебиваться день, а но-

чевать была чистая бѣда, вслѣдствіе дрянности мебели, недостатка чистоты и обилія клоповъ. До начала съѣзда происходятъ въ разныхъ мѣстахъ города предварительныя встрѣчи и разговоры. А около дома мирового съѣзда начинаютъ собираться крестьяне, располагаясь прямо на землѣ. Въ дрянныхъ зипунишкахъ, лаптяхъ и сѣро-бѣлыхъ колпакообразныхъ шапкахъ, одни лежатъ, другіе дремлютъ сидя, третьи жуютъ добытый изъ котомокъ „хлѣбушко" или переговариваются между собою, сопровождая свои слова ôханьями, и у всѣхъ въ лицѣ одно выраженіе — безграничнаго терпѣнія, соединеннаго съ запуганностью. Проходятъ мимо ихъ въ двери дома съѣзда разные господа, а мужики полусонными, безстрастными глазами созерцаютъ ихъ привилегію входить свободно, когда угодно, и терпѣливо выжидаютъ—когда-то наступитъ и ихъ чередъ, когда-то допустятъ ихъ предъ лице начальства, для объясненія ихъ наболѣвшихъ нуждъ и желаній. Глядя на эту размѣстившуюся по землѣ толпу, невольно, бывало, подумаешь: вотъ люди земли — они, словно растенія, на ней возросшія, къ ней же и льнутъ.— Но вотъ насталъ часъ съѣзда. Въ большой, свѣтлой залѣ, вокругъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, усѣлись: предводитель, четыре украшенныхъ цѣпями мировыхъ посредника, около нихъ четыре же кандидата, секретарь и членъ отъ правительства, назначенный на четыре уѣзда, вслѣдствіе чего ему приходилось поочередно участвовать въ разныхъ съѣздахъ, переѣзжая изъ одного города въ другой. Вокругъ, на легкихъ стульяхъ, расположилась масса публики; въ прихожихъ ждетъ очередная группа крестьянъ; а въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ устроенъ буфетъ, куда временами заходятъ присутствующіе, заводятъ тамъ нерѣдко оживленные разговоры, споры и пререканія.

Начинаются занятія. Все идетъ сравнительно спокойно, пока читаются поступившія бумаги, циркуляры, губернскія предложенія, и лишь изрѣдка замѣчаются тонкія взаимныя пикировки несогласныхъ между собою членовъ съѣзда. Но когда доходитъ до разбора дѣлъ присутствующихъ помѣщиковъ—положеніе мѣняется и часто возникаютъ острыя препирательства. Иной, неугомонный, такъ настаиваетъ на своихъ требованіяхъ, не убѣждаясь никакими доводами о невозможности удовлетворить его желанія, что горячій разговоръ съ нимъ тянется очень долго, сопровождаясь колкостями, и прерывается при взаимныхъ выраженіяхъ рѣшительнаго неудовольствія, послѣ чего помѣщикъ, разводя руками, идетъ раздѣлить свое негодованіе съ кѣмъ-либо изъ публики. Помню одного отставного маіора, который изво-

дилъ своего мирового посредника безпрестанными претензіями и жалобами на него, а на съѣздѣ такъ на него напиралъ, что посреднику еле-еле удавалось обороняться.—„Ну, солоно же вамъ приходится отъ вашего маіора, впору вамъ хоть участокъ перемѣнить, чтобы отъ него избавиться",—замѣтилъ кто-то посреднику послѣ одной подобной сцены. Но посредникъ благодушно отвѣтилъ:—„Эхъ, что тутъ мѣнять!—вѣдь у каждаго посредника найдется свой маіоръ!"—А вотъ и другая сцена: является на съѣздъ помѣщикъ съ прошеніемъ по какому-то самому ординарному дѣлу, но настоящая-то суть вовсе не въ этомъ дѣлѣ. Помѣщикъ письменно заявляетъ, что по закону ему бы слѣдовало обратиться прямо къ посреднику, но такъ какъ послѣдній публично обвинялся въ такихъ-то и такихъ-то позорныхъ дѣяніяхъ, то авторъ, не имѣя къ нему никакого уваженія, не желаетъ имѣть съ нимъ и дѣла, почему проситъ распоряженія непосредственно отъ мирового съѣзда. Тутъ поднимается такая буря, отъ которой съѣздъ не скоро успокоивается. Обиженный посредникъ требуетъ копіи прошенія для возбужденія судебнаго преслѣдованія обидчика, помѣщикъ требуетъ позволенія иллюстрировать свою бумагу фактами, и, наконецъ, еле-еле удается съѣзду перейти къ очереднымъ дѣламъ. Положимъ, сцены послѣдняго рода были не часты,—однако, онѣ и при рѣдкости были характерны для нравовъ среды. Иначе ведутся разговоры съ крестьянами. Робко, съ видимою сосредоточенностью, выражающею опасеніе, какъ бы не забыть высказать чего-нибудь существеннаго, крестьяне просятъ о томъ или другомъ, объясняются противъ возраженій или пренебрежительныхъ внушеній, увѣряя въ своей правотѣ; тонъ у нихъ часто молящій, взывающій къ справедливости, участію къ ихъ положенію, и рѣдко проявляется настойчивость. Случалось, даже на колѣнки станутъ. „Насъ пожалѣйте!"—„Истинную правду говорю!" или—„Какъ Богъ святъ!"—иногда возглашаетъ мужикъ, воздѣвая руки къ иконѣ, и крестится. Но слишкомъ много разговаривать имъ не полагается, и если на съѣздѣ отнесутся къ ихъ притязаніямъ неблаговолительно, то скоро послѣдуетъ внушеніе замолчать. А кто не уймется сразу и продолжаетъ настаивать, такому иной разъ случалось услышать отъ выпроваживающаго его строгаго посредника: „Тебя, братъ, видно, еще не выпороли, такъ не безпокойся—выпорютъ"! Довѣрія къ начальству у крестьянъ вообще было мало, и они относились къ послѣднему почти всегда только пассивно, разыскивая совѣтовъ на сторонѣ. Помню, разъ мнѣ пришлось остановиться по пути на сельскомъ постояломъ дворѣ и, кормя лошадей, разговориться

съ хозяиномъ объ окружныхъ крестьянскихъ дѣлахъ. И вотъ, черезъ нѣсколько дней, уже пришли ко мнѣ изъ этой округи, верстъ за сорокъ, двое или трое крестьянъ съ горькими жалобами на какое-то рѣшеніе по ихъ деревнѣ и съ просьбою научить, что̀ дѣлать. Дѣло было правое по существу, но почти безнадежное въ формальномъ отношеніи. По настоянію крестьянъ, я написалъ имъ какое-то прошеніе, предваривъ о малыхъ шансахъ успѣха, а когда отказался отъ предложеннаго вознагражденія, то они, спустя нѣкоторое время, сочли долгомъ принести мнѣ хоть деревянную чашку меду, который надо было принять, оплативъ это приношеніе хотя деньгами.

Среди описанныхъ занятій пройдетъ на съѣздѣ нѣсколько часовъ. Умаются члены съѣзда, подъ-конецъ томится и публика и начинаетъ постепенно расходиться. Всѣмъ пора отдохнуть и пообѣдать, а это послѣднее—тоже вопросъ для пріѣзжихъ. Кто не остановился у знакомыхъ или не получилъ приглашенія отъ городского жителя, тому остается пропитаться въ номерѣ на постояломъ дворѣ чаемъ съ баранками или лавочною закускою, сардинами, сыромъ и т. под. Правда, на постояломъ дворѣ предлагаютъ заказать обѣдъ, но я разъ попробовалъ этотъ способъ и закаялся. Подали мнѣ—и довольно дешево—четыре блюда: окрошку изъ огурцовъ съ кусочками ржавой ветчины, грибы въ какой-то грязи, исправлявшей должность соуса, кусокъ пережареннаго до засушки чернаго мяса и „пирожное", въ роли котораго являлась простая маленькая булочка, украшенная сверху ягодкою варенья. Кромѣ этого пирожнаго, пришлось остальныя блюда отослать назадъ, чуть отвѣдавъ, и придти къ заключенію: нѣтъ, лучше обходиться чаемъ съ баранками.—Вечеромъ, значительная часть бывшихъ на съѣздѣ покажется на бульварѣ, а иные собираются другъ у друга въ номерѣ или на квартирѣ, гдѣ образуются иногда цѣлыя группы и идутъ толки о дѣлахъ, друзьяхъ и противникахъ. Такъ день съѣзда и оживитъ общество, поддерживая отношенія, содѣйствуя знакомствамъ и сближеніямъ, а иногда зарождая новыя „агитаціи".

Но если проявленія взаимныхъ счетовъ могли производить непріятное впечатлѣніе, то внѣ ихъ сферы значительная часть уѣзднаго общества была не безъинтересна, и среди лучшей группы мѣстной интеллигенціи можно было не безъ удовольствія проводить время въ разговорахъ о самыхъ различныхъ предметахъ: о современныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, о литературѣ, объ интересахъ сельскаго хозяйства, о перспективахъ будущаго русской жизни, о вопросахъ экономиче-

скихъ, нравственныхъ и т. под. Многіе съ интересомъ слѣдили за ходомъ подобныхъ явленій, и когда иной участникъ мѣстныхъ агитацій отвлекался отъ текущей практики въ подобныя выси, то онъ нерѣдко казался другимъ человѣкомъ, разсуждая основательно и выражая симпатіи, не подходящія къ тому, что творилось въ уѣздѣ на дѣлѣ. Много было людей читающихъ, у нихъ нерѣдко можно было найти серьезную книгу, получалось не мало журналовъ и газетъ, а все это часто подвергалось обсужденію и спорамъ, такъ что, вращаясь въ кругу подобныхъ людей, довольно удобно было слѣдить за движеніями въ мірѣ печати. Преобладающій тонъ, какъ я уже замѣтилъ выше, былъ либеральный, причемъ онъ захватывалъ даже людей, къ нему не подходящихъ по своей внутренней сущности. Распространеніемъ и симпатіями пользовались: „Современникъ", „Русскій Вѣстникъ", „Русское Слово", „День", и каждое изъ выражавшихся ими направленій находило себѣ сторонниковъ. Проникали въ эту среду и передавались изъ рукъ въ руки также нумера лондонскаго „Колокола", возбуждавшіе интересъ не только у либераловъ, но и у иныхъ крѣпостниковъ, у которыхъ временами проскальзывали даже мысли о конституціи, только съ такимъ осложненіемъ, чтобы доминировали „господа" подъ именемъ бояръ или какимъ-нибудь однозначащимъ названіемъ. Имя Герцена было популярно, въ большомъ почетѣ, и слова его иными принимались съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ, какъ непререкаемый авторитетъ. Слово „народъ" съ эффектомъ произносилъ иногда рядовой помѣщикъ; Некрасовскій „Парадный подъѣздъ"—особенно тѣ мѣста, гдѣ говорится, что Волга не такъ затопляетъ весною поля, какъ великою скорбью народною переполнилась наша земля, и гдѣ дѣлается землѣ вызовъ показать ту сторонку, гдѣ бы ея сѣятель и кормитель, бѣдный мужикъ не страдалъ—съ дрожью въ голосѣ декламировалъ тотъ самый мировой посредникъ, который круто распоряжался у себя въ участкѣ; Герценомъ восхищались и такіе помѣщики, которые, годъ спустя, переносили свои хвалы на дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ.

Словомъ, въ данномъ обществѣ сказывалось такое же раздвоеніе, какое у насъ нерѣдко замѣчается въ различіи отношеній къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, когда они выступаютъ въ отвлеченномъ и въ болѣе конкретномъ видахъ. Какъ будто не замѣчалось, что окруженный симпатіями „народъ"—это тотъ самый мужикъ, который располагается на землѣ возлѣ дома мирового съѣзда и пренебрежительно подвергается административ-

нымъ строгостямъ; что предвидимая расширенная политическая дѣятельность не тождественна съ тѣми чисто личными партіями и общественными пріемами, которые такъ внѣдрились въ наличную уѣздную и губернскую политику; что исповѣдуемыя идеи нуждаются въ большей сознательности и практической послѣдовательности. Близкому будущему пришлось уже вѣрнѣе и точнѣе разсортировать людей по ихъ дѣйствительной, внутренней сущности, но до этого испытанія, въ 1862 году, многое еще такъ перепутывалось подъ однообразною внѣшностью, что поддерживало не мало недоразумѣній, и для сколько-нибудь успѣшнаго оріентированія среди общества требовался внимательный анализъ.

Я вращался среди такихъ сужденій, когда въ столичной печати вдругъ появились первыя темныя точки, скоро разросшіяся въ тучи, положившія начало тѣмъ расколамъ и реакціоннымъ тенденціямъ, которыя, постепенно развиваясь, затянулись на нѣсколько десятилѣтій и дошли до настоящаго времени, сильно поколебавъ достоинство періодической печати, возбудивъ въ ней инстинкты политической травли, угодливости, взаимныхъ обвиненій, и т. п. Живо помню произведенное этими первыми симптомами впечатлѣніе въ обществѣ. Первый поводъ къ нимъ дали знаменитые петербургскіе пожары, начавшіеся въ концѣ мая.

Первыя вѣсти объ этихъ пожарахъ пришли въ провинцію, сопровождаемыя тѣми же нелѣпыми толками о поджогахъ политическаго характера, какіе распространялись и въ народной массѣ столицъ: поджигаютъ-де не то русское революціонное юношество, не то поляки. Болѣе образованная часть уѣзднаго общества этому не вѣрила и даже негодовала противъ толковъ, а другіе относились къ подобнымъ вѣстямъ съ смутнымъ недоумѣніемъ. Такое же разнообразіе впечатлѣній и толкованій встрѣчалось и въ столицахъ. Скороспѣлые, необдуманные выводы во взбудораженной тревогою, растерявшейся темной массѣ были еще понятны,—однако, въ такомъ же духѣ принялась муссировать вопросъ о пожарахъ и часть печати. Въ Петербургѣ нашлись изданія, поддавшіяся вліянію вульгарныхъ сказокъ, но на петербургской печати останавливаться не буду, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, московскую, представлявшуюся тогда болѣе серьезною. Неожиданное отношеніе къ этому дѣлу поспѣшили проявить Катковскія изданія, примѣшавшія къ вопросу о пожарахъ личные счеты.

Въ одномъ изъ іюньскихъ нумеровъ „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника“ появилось письмо изъ Петербурга, съ описаніемъ этихъ пожаровъ, подписанное священникомъ Беллюсти-

нымъ, который былъ извѣстенъ, какъ авторъ изданной за границею обличительной книги о русскомъ духовенствѣ, а также многими статьями въ русскихъ изданіяхъ. Не ограничиваясь изображеніемъ ужасовъ видѣннаго бѣдствія, Беллюстинъ, подъ вліяніемъ свѣжо-испытанныхъ тяжкихъ впечатлѣній, коснулся также причинъ пожаровъ и вызванныхъ ими народныхъ толковъ. По его словамъ, народъ указывалъ, какъ на главную причину,—на „учащуюся“ и „ученую“ молодежь, связывая означенное бѣдствіе съ разными прокламаціями, которыя предъ тѣмъ, по его выраженію, „враги общественнаго спокойствія щедрою рукою сыпали въ народъ“. Оговариваясь, что не рѣшается вѣрить подобнымъ толкамъ, Беллюстинъ, тѣмъ не менѣе, прибавлялъ: „Но что̀, если и тутъ есть своя доля правды? Что̀, если и въ самомъ дѣлѣ эта молодежь, увлеченная погибельными возгласами проповѣдниковъ анархіи и всеобщаго погрома, посредственно или непосредственно принимаетъ въ этомъ участіе?“ — Далѣе шли разсужденія, построенныя на основаніи такихъ представленій о виновникахъ, и дѣлались явные намеки на руководительство поджогами изъ Лондона, т.-е. группою Герцена.

Если у Беллюстина подобныя слова могли еще объясняться избыткомъ сильныхъ впечатлѣній, въ острый моментъ затруднявшихъ обдуманность, то Катковъ утилизировалъ его сообщеніе въ томъ же духѣ, находясь вдали отъ мѣста пожаровъ, и высказался въ редакціонной статьѣ. Статья эта тоже начиналась съ утвержденія, что не хочется вѣрить ожесточенной народной молвѣ, пока не будетъ „несомнѣнныхъ доказательствъ“ и „формальное слѣдствіе не обнаружитъ фактовъ“, однако, тутъ же прибавлялось, что объясненныя подозрѣнія „проглядываютъ въ печати и слышатся отъ людей, способныхъ къ *самообладанію*, въ сопровожденіи *уликъ* и доводовъ“, а въ подкрѣпленіе приводилась добытая откуда-то легенда о какихъ-то искусно составленныхъ яйцевидныхъ зажигательныхъ снарядахъ, указывающихъ на умѣлую или ученую руку. Затѣмъ, послѣ рѣзкихъ до бранности киваній въ эту сторону, статья „Современной Лѣтописи“ дѣлала прыжокъ въ Лондонъ и, обратясь къ представителямъ тамошней русской печати съ осужденіемъ ихъ дѣятельности, заключала: „Мы знаемъ, что̀ это за люди“, и — „развѣ нельзя ожидать всего отъ людей, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ!“ Выходило, что и по мнѣнію Каткова, признававшаго въ этотъ самый моментъ потребность самообладанія,—петербургскими пожарами руководило изъ Лондона общество Герцена, дѣйствовавшее руками находившихся въ Россіи его приверженцевъ.

Однако, и тутъ, считаясь съ духомъ того времени, названная статья старалась еще удержаться на либеральной почвѣ и, выражая, что вина осуждаемыхъ ею явленій вовсе не въ свободѣ, высказывала: „Всего опаснѣе были бы такія мѣры, которыя клонились бы къ стѣсненію возбудившейся въ обществѣ жизни и которыя, имѣя въ виду подавлять зло, стали бы только поддерживать условія, благопріятствующія злу".—„Когда будетъ самоотвѣтственная печать,—говорила московская газета,—тогда потеряютъ значеніе заграничныя типографіи; когда будетъ правильный судъ съ присяжными и со всѣми *гарантіями* — исчезнутъ жертвы; когда общественнымъ интересамъ будетъ дана надлежащая сила и значеніе—прекратится безучастіе къ общественному дѣлу". Такъ Катковъ заботился еще объ оттѣненіи своихъ рѣчей отъ ретроградныхъ принциповъ, но впослѣдствіи, какъ извѣстно, переходя со ступеньки на ступеньку, онъ уже освободился отъ такого стремленія и не находилъ болѣе нужды въ подобныхъ аккомпаниментахъ для своей проповѣди.

Статья эта и своимъ содержаніемъ, и необычнымъ для редакціи тономъ вызвала большое недоумѣніе; но не успѣло сгладиться произведенное ею впечатлѣніе, какъ читающей публикѣ пришлось получить еще болѣе сильное: въ іюньской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" появилась довольно пространная „Замѣтка для издателя Колокола", гдѣ Катковъ рѣзко и грубо сводилъ уже счеты прямо съ Герценомъ и его кружкомъ. Эта „Замѣтка" была вызвана тѣмъ, что „Колоколъ" отозвался на упомянутую выше Катковскую статью и, возмутясь обвиненіями въ поджогахъ, потребовалъ объясненія словъ Каткова: „мы знаемъ, что̀ это за люди". Не находя уже возможнымъ настаивать на руководительствѣ поджогами изъ Лондона, Катковъ, въ отвѣтъ, сталъ упираться на то, что заграничная агитація, дѣйствующая на умы русскихъ людей и подводящая ихъ подъ кары, ничѣмъ не лучше дѣйствій обыкновенныхъ поджигателей, а скорѣе — преступнѣе; главное же содержаніе „Замѣтки" состояло въ личныхъ обращеніяхъ къ Герцену, проникнутыхъ такою грубостью и озлобленіемъ, которыя указывали на личную враждебность, какъ на главный мотивъ, причемъ въ рѣчи Каткова проглядывали и ближайшіе поводы къ уязвленію его самолюбія. Такъ, по словамъ Каткова, онъ, будучи незадолго предъ тѣмъ за границею, самъ навѣстилъ-было кружокъ Герцена, съ цѣлью повліять на него; но, не объяснивъ, что̀ именно произошло при этой встрѣчѣ, Катковъ высказалъ только, что ему пришлось сразу убѣдиться въ безплодности своихъ усилій къ обращенію Герцена на надлежащій

путь, такъ что это мѣсто наводило на мысль о непріятныхъ обстоятельствахъ упомянутой встрѣчи. Катковъ утверждалъ, что весь интересъ „Колокола“ заключался въ приходившихъ къ нему изъ Россіи матеріалахъ, но исходившее отъ самой редакціи дѣлало ихъ болѣе вредными, чѣмъ полезными; успѣхъ же „Колокола“ среди русскихъ читателей онъ объяснялъ незрѣлостью, умственнымъ безсиліемъ нашего общества, недостаточностью нашей цивилизаціи, безсиліемъ нашей казенной науки и существовавшимъ разладомъ между мыслью и жизнью, при которыхъ заграничная проповѣдь встрѣчала, вмѣсто отпора, сочувствіе и поддержку. Плохо поддавался резюмировкѣ обильный потокъ враждебныхъ пререканій, но вообще Катковъ тутъ не щадилъ выраженій, называя Герцена человѣкомъ безъ убѣжденій, только говорящимъ тономъ пророка, безчестнымъ ломакою, клеветникомъ, авторомъ мерзкихъ выходокъ, и т. п., и т. под.

Впечатлѣніе, произведенное означенными статьями на публику, какъ столичную, такъ и провинціальную, было сильно и значительно измѣнило ея отношеніе къ Каткову и его изданіямъ. Грубый, рѣзкій тонъ ихъ такъ расходился съ тактичностью, приличіемъ и вообще достоинствомъ рѣчи, отличавшими до того „Русскій Вѣстникъ“, что привычные къ нимъ его читатели разводили руками, словно предъ ними вдругъ совсѣмъ другой человѣкъ заговорилъ. И обвиненіе учащихся и ученыхъ людей въ такихъ преступленіяхъ, какъ поджоги, и рѣшительно противорѣчившая характеру лучшихъ органовъ тогдашней печати бранная полемика съ противниками, не имѣвшими къ тому же доступа въ русскую печать, наводили на мысль, что Катковъ какъ будто выходитъ на совсѣмъ новый путь. Иные пытались объяснять это какимъ-либо случайнымъ, минутнымъ вліяніемъ, приписывая его, между прочимъ, Леонтьеву, или не въ мѣру возбужденнымъ чувствомъ раздраженія, но другіе и на это замѣчали, что человѣкъ даже въ раздраженіи и при уязвленіи самолюбія можетъ выносить на свѣтъ лишь то, что̀ есть въ его натурѣ, а для рѣшимости выступить съ такими рѣчами нуженъ внутренній переломъ, соединенный съ готовностью къ перемѣнѣ направленія. И дальнѣйшіе факты стали оправдывать послѣднее, такъ какъ Катковъ съ этого времени дѣйствительно болѣе и болѣе направлялся къ ретроградству, дойдя со временемъ до Геркулесовыхъ столповъ, противорѣча тому, что̀ самъ прежде отстаивалъ, и публика его скоро смѣнилась другого рода людьми.

Во время появленія означенныхъ статей, я, какъ замѣчено выше, былъ въ провинціи, и помню, какое онѣ тамъ возбудили

недоумѣніе. Ихъ читали и перечитывали; не мало было по этому поводу толковъ и споровъ; иные почитатели Каткова стали отъ него отворачиваться, а нерѣшавшіеся сразу разставаться съ прежнимъ предметомъ сочувствія—какъ бы успокоивали себя заключеніемъ: „это все Леонтьевъ“.

Но и другія вѣсти, приходившія одновременно изъ столицъ, производили смущающее дѣйствіе. Тамъ настроеніе вообще установилось тревожное: выступала усиленная административная недоверительность къ общественному движенію, закрывались школы, а всего больше подвергался подозрѣніямъ, по старому обычаю, литературный міръ. Слышалось оттуда объ арестахъ и преслѣдованіяхъ литераторовъ и пріостанавливалось на нѣсколько мѣсяцевъ изданіе журналовъ. При оцѣнкѣ неблагонамѣренности обнаруживалось даже очень плохое пониманіе людей, такъ что преслѣдованіе, между прочимъ, обратилось и на Аксакова. Его „День“ въ іюнѣ подвергся пріостановкѣ за полемическую статью, представлявшую отвѣтъ рижской нѣмецкой печати по вопросу о значеніи нѣмецкаго элемента въ Россіи и о поддержкѣ послѣдняго Петербургомъ. Пріостановка длилась три мѣсяца, но и затѣмъ „День“ былъ возобновленъ въ сентябрѣ, съ устраненіемъ Аксакова отъ званія редактора, въ качествѣ котораго допущенъ былъ Ю. Ѳ. Самаринъ, хотя на дѣлѣ полнымъ хозяиномъ газеты все-таки оставался самъ Аксаковъ, возвратившій себѣ прежнее формальное право еще позже, послѣ личнаго его обращенія съ ходатайствомъ къ императору. Вообще, хотя преобразовательное движеніе у насъ продолжалось, причемъ подготовлялись судебная и земская реформы, но уже чувствовалась та первая со времени приступа къ реформамъ реакція, которою отмѣчается въ исторіи новой русской жизни 1862-й годъ. Выступленіе Каткова съ новыми рѣчами въ такую пору оттѣнялось еще рельефнѣе и характернѣе. Тревожнымъ и загадочнымъ представлялось также положеніе польскаго дѣла. Хотя съ назначеніемъ великаго князя Константина на постъ намѣстника царства польскаго начинались тамъ органическія реформы, но происшедшее въ Варшавѣ покушеніе на его жизнь, съ послѣдующими однородными фактами, являлись, въ свою очередь, безпокойными симптомами, ставившими неясный вопросъ—что̀ выростетъ изъ наличнаго положенія дальше.

Вообще, въ ту пору, когда мнѣ пришлось возвращаться изъ провинціи въ Москву, горизонтъ русской жизни началъ заволакиваться облаками и ожидалось не мало новаго.

V.

Возвращеніе въ Москву.

Въ Москву я вернулся уже въ концѣ сентября и, устроившись на постоянное жительство въ меблированныхъ же комнатахъ, возобновилъ свои весеннія знакомства. Въ эту пору уѣзжавшіе на лѣто изъ города москвичи уже возвращались, зимній сезонъ московской жизни начинался, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились и литературныя общенія, въ томъ числѣ Катковскія и Аксаковскія пятницы. Я не замедлилъ навѣстить оба кружкà и сталъ постояннымъ ихъ посѣтителемъ. Тутъ мнѣ предстояли новыя встрѣчи и пришлось сближаться съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, знакомство съ кѣмъ прежде завязалось у меня только самое поверхностное.

Внѣшность, порядокъ и главный личный составъ этихъ литературныхъ собраній были прежніе, но внутри ихъ почувствовалась нѣкоторая разница противъ весны: въ Катковскомъ обществѣ какъ будто ощутилось больше натянутости, и въ разговорахъ повѣяло новымъ, антипатичнымъ духомъ, тогда какъ Аксаковское съ каждою пятницею болѣе и болѣе оживлялось; росло въ немъ число участниковъ, расширялся кругъ обсуждаемыхъ предметовъ и усиливался интересъ бесѣдъ.

На первомъ же вечерѣ у Каткова пришлось замѣтить перемѣну въ немъ самомъ. Наружное олимпійство Каткова сохранялось, но—обыкновенно молчаливый, сдержанный въ словахъ и вообще тактичный — онъ сталъ больше разверзать свои уста, только преимущественно для раздражительныхъ рѣчей. Онъ говорилъ больше прежняго и временами даже горячился, выражая негодованіе противъ разныхъ противниковъ, но это больше выступало не въ видѣ серьезной, обоснованной критики, а—проникнутое гнѣвнымъ тономъ, впадавшимъ въ такую обвинительность, которая производила смущающее впечатлѣніе. Доставалось и петербургской печати, и заграничной, и противникамъ разныхъ направленій, причемъ приписывалась имъ не простая ошибочность мнѣній, но и вредная въ политическомъ смыслѣ преднамѣренность. Конечно, все это выражалось гораздо умѣреннѣе, чѣмъ Катковымъ же въ послѣдующее время, но при тогдашней непривычкѣ къ подобному тону въ серьезныхъ литературныхъ кругахъ—это не могло не рѣзать слуха, какъ новый, непріятный элементъ. Казалось, что Катковъ чѣмъ-то чувствительно задѣтъ,

что его выводитъ изъ спокойствія и мутитъ нѣчто новое, особенное, а это наводило на мысль—не составляетъ ли причины тотъ, происшедшій лѣтомъ и объясненный въ предыдущей главѣ литературный эпизодъ, который возбудилъ въ обществѣ неблагопріятные для Каткова толки? На этомъ, первомъ посѣщенномъ мною осеннемъ вечерѣ присутствовали, между прочимъ, малороссъ, профессоръ Юркевичъ, и пріѣзжій изъ харьковской губерніи писатель Г. П. Данилевскій; благодаря тому, зашла рѣчь о Малороссіи, и тутъ Катковъ особенно обрушился на такъ называемое теперь украинофильство (тогда оно еще не носило этого названія). Хотя послѣднее выражалось собственно въ заботахъ о свободѣ и развитіи малорусскаго языка, но Катковъ не только горячо обвинялъ тогдашнихъ сторонниковъ малорусской литературы въ слабомысліи, ложности понятій и безплодности затѣй, но бросалъ по ихъ адресу и политическіе укоры болѣе широкаго значенія, намекая на умѣстность внѣшнихъ обузданій. Слушатели относились къ этимъ рѣчамъ неодинаково. Юркевичъ, хотя выставлялъ нѣкоторыя преимущества родныхъ ему малороссійскихъ нравовъ, особенно семейныхъ, предъ великорусскими, но при своемъ оффиціально-благонамѣренномъ образѣ мыслей слегка поддерживалъ своими репликами Катковскія политическія соображенія, а Данилевскій поддакивалъ въ свою очередь, такъ какъ онъ вообще умѣлъ приспособляться къ различнымъ сферамъ, одновременно сходясь съ редакціею малороссійской „Основы“ и примыкая къ Каткову, а также приноравливаясь и къ проникнутому московскимъ историческимъ духомъ Аксаковскому обществу, гдѣ я его тоже встрѣчалъ. Остальные же Катковскіе гости больше прималчивали, а потомъ разбились на группы и завели между собою другіе разговоры. Такъ протянулось время до ужина, когда гости стали размѣщаться за нѣсколькими отдѣльными столиками, и вечеръ кончился уже за полночь, оставивъ въ свѣжемъ человѣкѣ не совсѣмъ пріятное ощущеніе.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производили возобновленныя Аксаковскія пятницы. По прежнему тутъ преобладающимъ элементомъ являлись славянофилы, однако вмѣстѣ съ ними встрѣчались и люди, не принадлежавшіе къ этой группѣ, а просто отличавшіеся живымъ и болѣе искреннимъ отношеніемъ къ интересамъ русской жизни и независимымъ образомъ мыслей. Соберутся, бывало, человѣкъ двадцать—и оживленные разговоры идутъ съ начала вечера до глубокой ночи почти безъ перерывовъ. Славянофильскія односторонности не подавляли, противъ нихъ можно было спорить, но чувствовалось присутствіе одного изъ лучшихъ,

правдивыхъ общественныхъ элементовъ даннаго времени. Конечно, попадались и безцвѣтные люди, и случайные посѣтители, сказывались различія во взглядахъ, но и послѣднія отличались большею частью тѣмъ же прямымъ, честнымъ отношеніемъ къ жизненнымъ вопросамъ и свободою отъ узкихъ, низменныхъ цѣлей, какими вообще обусловливаются нравственное достоинство общества и самый интересъ общенія. Участіе къ народному положенію, отзывчивость къ требованіямъ справедливости и простору для дѣятельности общественной силы объединяли и людей, не совсѣмъ одинаково смотрѣвшихъ на способы улучшенія жизненныхъ условій. Собраніе людей въ домѣ подъ славянофильскимъ флагомъ едва-ли когда-либо—прежде или послѣ—было такъ привлекательно, какъ осенью и зимою 1862 года. Тогда здѣсь встрѣчались и такіе люди, которые потомъ сторонились отъ съузившагося въ стремленіяхъ и впавшаго въ нетерпимость славянофильскаго круга, и оттого означенное собраніе представляло болѣе широкій, чѣмъ партійный интересъ. Кромѣ лицъ, о которыхъ я упоминалъ выше, во второй главѣ, изъ посѣщавшихъ въ это время Аксаковскія пятницы, назову еще нѣсколькихъ. Бывалъ здѣсь симпатичный поэтъ А. М. Жемчужниковъ, живо относившійся почти ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ. Появлялся Ал. Мих. Унковскій, который, послѣ своего тверского губернскаго предводительства и невольнаго удаленія въ Вятку за неодобренныя дѣйствія при выработкѣ крестьянской реформы, готовясь къ будущему адвокатству, занимался въ это время защитою дѣлъ крестьянъ по имѣніямъ кн. Меншикова, гр. Д. А. Толстого, княгини Черкасской и др. Встрѣчались: В. А. и Н. А. Елагины, изъ которыхъ первый спеціально интересовался справедливою постановкою польскаго вопроса; С. А. Юрьевъ—живой, искренній писатель и ученый—впослѣдствіи издававшій хорошій московскій ежемѣсячный журналъ „Бесѣда“; публицистъ Гиляровъ-Платоновъ, принадлежавшій къ маленькому кругу либеральныхъ цензоровъ, а потомъ долго издававшій въ Москвѣ газету „Современныя Извѣстія“; извѣстный свѣтлою административною дѣятельностью В. А. Арцимовичъ, который тогда, только-что покинувъ губернаторство въ Калугѣ,—гдѣ пріобрѣлъ особенную извѣстность справедливымъ и участливымъ веденіемъ крестьянскаго дѣла,—назначенъ былъ московскимъ сенаторомъ. Много бы можно было сказать о личной характеристикѣ каждаго изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что черты людей той эпохи теперь начинаютъ забываться, но это отвлекло бы далеко отъ нити разсказа, а потому ограничусь напоминаніемъ, что каждый изъ нихъ былъ

цѣльною, вполнѣ опредѣленною личностью съ твердыми убѣжденіями и симпатіями, какія теперь встрѣчаются очень-очень рѣдко. Раза два встрѣчалъ я тамъ М. Е. Салтыкова; разъ былъ гр. Л. Н. Толстой. Навѣщали также пятницы библіографы Лонгиновъ и Бартеневъ; изъ прочихъ припомню: беллетриста и драматурга Чаева, профессора Лешкова, В. И. Даля, В. П. Безобразова, двухъ братьевъ Сухотиныхъ, офицера Ордынскаго: но, разумѣется, перечислять всѣхъ, особенно не пріобрѣвшихъ характерной извѣстности или случайныхъ посѣтителей, не стану.

Въ числѣ пятничныхъ Аксаковскихъ гостей помню еще трехъ декабристовъ, которые, отбывъ тридцатилѣтнюю сибирскую ссылку, появились, уже въ царствованіе императора Александра II, внутри Россіи, удивляя своими сохранившимися нравственными силами, трудоспособностью и участливостью къ современной жизни. Одинъ былъ—П. Н. Свистуновъ, занявшій должность члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Калугѣ, гдѣ дѣйствовалъ дружно съ Арцимовичемъ; въ журналахъ встрѣчались его статьи по финансамъ. Другой—Гавр. Ст. Батенковъ; помню его высокую, сѣдую фигуру, съ крупными чертами лица, и рѣчь, отличавшуюся рѣзкимъ акцентомъ на *о*. Третій—былъ Дм. Иринарх. Завалишинъ. Всѣ они въ 1826 году были приговорены къ каторгѣ, но эта тяжелая доля не сокрушила ихъ нравственной личности, и они вернулись изъ Сибири бодрыми и дѣятельными. Батенковъ умеръ въ слѣдующемъ 1863 году; Свистуновъ былъ въ Москвѣ случайно и вернулся въ Калугу, а Завалишинъ осѣлъ въ Москвѣ прочно. Съ этимъ послѣднимъ я скоро сблизился; онъ часто посѣщалъ меня, мы вмѣстѣ бывали у общихъ знакомыхъ, и потому мнѣ пришлось не мало наблюдать его своеобразную личность. Жизненная энергія въ Завалишинѣ била ключомъ. Хорошо образованный, внимательно слѣдившій за ходомъ русской и европейской жизни, онъ при этомъ отличался еще такою словоохотливостью, что могъ бы казаться даже болтуномъ, еслибы рѣчь его не была такъ содержательна. Много разсказывалъ онъ о прошломъ и полонъ былъ соображеніями относительно настоящаго и будущаго. Къ этому присоединялись еще большой полемическій задоръ и рѣзко-обличительное направленіе, доводившее Завалишина до неуживчивости. Въ ранней молодости онъ былъ морскимъ офицеромъ и, по его разсказамъ, участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, вернувшись изъ котораго примкнулъ къ декабристамъ. Но 14 декабря его въ Петербургѣ не было, и онъ арестованъ былъ въ Симбирскѣ. Послѣ каторги онъ поселился-было въ Восточной Сибири и, какъ человѣкъ выдающихся знаній

и способностей, пользовался извѣстнымъ уваженіемъ въ административномъ мірѣ, такъ что его нерѣдко приглашали къ участію въ обсужденіи дѣлъ по устройству Восточной Сибири во время генералъ-губернаторства Муравьева-Амурскаго и Корсакова. Тамъ онъ заявлялъ себя рѣзкою критикою административныхъ проектовъ и постоянными возраженіями, вызывая тѣмъ противъ себя неудовольствія. Разсказывая объ этомъ, онъ сильно осуждалъ верхній и средній восточно-сибирскій административный персоналъ, выставляя его полнымъ самоувѣренности и, вмѣстѣ, неумѣлости, верхоглядства и даже грубаго невѣжества. Изъ приводившихся имъ, для иллюстраціи послѣдняго, анекдотовъ помню такой. Разъ, послѣ совѣщанія, гдѣ присутствовалъ Завалишинъ, дѣловая бесѣда перешла въ частный разговоръ. Почему-то рѣчь коснулась упоминавшагося въ печати вопроса о зундскихъ пошлинахъ. Собесѣдники попросили Завалишина объяснить, въ чемъ состоитъ сущность этого вопроса. „Я отвѣтилъ, — разсказывалъ Завалишинъ,—что это достаточно опредѣляется самымъ названіемъ: зундскія пошлины значатъ—пошлины при проходѣ черезъ Зундъ. И вдругъ, послѣ этого, меня огорошиваютъ новымъ вопросомъ: —А что̀ такое Зундъ?—Каковъ уровень познаній! Люди, рѣшающіе крупные вопросы, не знаютъ, что̀ такое Зундъ! Мнѣ оставалось только развести руками. Вы, можетъ быть, мнѣ не повѣрите, но какъ бы это ни показалось вамъ невѣроятнымъ—ручаюсь, что это было такъ; вотъ каковы тамъ вершители мѣстныхъ судебъ въ наше время!“—Борьба Завалишина съ мѣстнымъ административнымъ творчествомъ, однако, не ограничилась сферою совѣщаній; онъ началъ еще строго критиковать его въ столичной печати и совсѣмъ раздражилъ противъ себя мѣстное начальство. Какъ человѣкъ безпокойный, Завалишинъ—по его словамъ—признанъ былъ вреднымъ для края и подвергся удаленію изъ Сибири, откуда направился въ Москву, гдѣ въ первое время поселился у своей родственницы. Такъ, черезъ тридцать-пять лѣтъ послѣ ссылки съ запада на крайній востокъ, ему пришлось испытать еще высылку въ обратномъ направленіи—съ востока на западъ. Отрицательную черту Завалишина представлялъ избытокъ самолюбія, доводившій его до рисовки и запальчивости въ полемикѣ. Онъ полемизировалъ даже съ нѣкоторыми декабристами, вызывая тѣмъ мысль, что у него были съ ними еще сибирскіе счеты. Обращала на себя также вниманіе не совсѣмъ гармонировавшая съ его преклоннымъ возрастомъ заботливость о своей наружности. Предъ дамами онъ таялъ, расшаркиваясь и разсыпаясь въ любезностяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемаго вре-

мени, будучи въ Москвѣ проѣздомъ съ юга въ Петербургъ, я навѣстилъ Завалишина и былъ удивленъ его внѣшнимъ видомъ. Онъ украсился затѣйливымъ парикомъ съ длинными вьющимися волосами и какимъ-то яркимъ галстухомъ; а еще черезъ нѣсколько времени до меня дошло извѣстіе, что болѣе чѣмъ семидесятилѣтній Завалишинъ женился въ Москвѣ на молодой дѣвушкѣ. Съ моимъ переѣздомъ въ Петербургъ, наши сношенія прервались, и я узнавалъ о немъ только изъ печати. Смѣшанная была натура. Умеръ Завалишинъ, кажется, послѣднимъ декабристомъ.

Въ одну изъ Аксаковскихъ пятницъ появился еще совсѣмъ необыкновенный гость: губернскій предводитель дворянства, кажется, гродненской губерніи, полякъ гр. Старжинскій. Помню его полную, стриженую и рѣчистую фигуру. Онъ не имѣлъ до того никакого личнаго знакомства съ Аксаковымъ, но, будучи однимъ изъ активныхъ представителей тогдашняго польскаго политическаго движенія, явился, чтобы столковаться съ выдающимся русскимъ общественнымъ кру́гомъ, какъ съ добросовѣстными противниками, относительно разныхъ сторонъ польскаго вопроса, и, между прочимъ, доказывать основательность польскихъ притязаній на западный край. По-русски Старжинскій не умѣлъ или не хотѣлъ говорить, а потому объясненія шли на французскомъ языкѣ. Онъ горячо отстаивалъ право поляковъ въ западныхъ губерніяхъ; объясненія по этому предмету заинтересовали всѣхъ, и вокругъ говорившихъ сплочивался тѣсный кружокъ слушателей. Старжинскій появлялся двѣ или три пятницы; однако, какъ ни много было споровъ—они не приводили ни къ какимъ соглашеніямъ, потому что у обѣихъ сторонъ были слишкомъ различны основныя точки зрѣнія: Старжинскій видѣлъ въ западныхъ губерніяхъ страну польской дворянской интеллигенціи, а его противники—страну русскаго народа; а что̀ важнѣе—дворянство или наро́дъ—въ этомъ ни одна сторона не дѣлала уступокъ. Такъ спорившіе и разошлись, оставшись при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ. Послѣ пришлось узнать изъ газетъ, что Старжинскій, за какое-то участіе въ мятежѣ, былъ преданъ суду, и что̀ сталось съ нимъ дальше—не знаю.

Интересъ живого и внутренне-содержательнаго состава Аксаковскаго общества настолько усиливался, что сталъ-было даже перетягивать людей изъ другихъ литературныхъ кружковъ. Появлялись туда временами посѣтители Каткова, которые иногда дѣлили вечеръ на̀-двое, больше засиживаясь у Аксакова, а иногда и весь вечеръ проводили въ Аксаковскомъ кругу. Случалось даже,

что навѣдывались нѣкоторыя лица, примыкавшія къ Павлово-Чичеринскому „Нашему Времени“, при всемъ отличіи этого чахнувшаго органа отъ „Дня“. Нравственная сила брала свое.

Работалъ я въ это время и у Каткова, и у Аксакова, только не въ одинаковой мѣрѣ. Въ редакціи „Русскаго Вѣстника“ давали мнѣ временами матеріалы для отдѣльныхъ работъ, назначавшихся въ „Современную Лѣтопись“; только это у насъ какъ-то плохо клеилось, между прочимъ, потому, что статьи подолгу залеживались. Приготовленную работу, бывало, уже наберутъ, но корректура ея все-таки вылеживается мѣсяцами, несмотря на то, что нумера „Современной Лѣтописи“ выходили каждую недѣлю. Одна статья, помню, залежалась до того, что это меня совсѣмъ раздосадовало, и, несмотря на неоднократныя завѣренія Леонтьева, что она пойдетъ въ одинъ изъ ближайшихъ нумеровъ, я взялъ къ себѣ ея корректуру и отказался отъ печатанія. Около этого времени, Катковъ съ Леонтьевымъ сняли въ двѣнадцатилѣтнюю аренду отъ университета газету „Московскія Вѣдомости“, которая должна была выходить подъ ихъ редакціею съ 1 января 1863 года, и предполагалось пристроить меня тамъ; однако, это не могло состояться уже потому, что я отсталъ отъ Катковскаго круга раньше означеннаго срока. Проще и скорѣе пристроился я по работѣ къ „Дню“. Кромѣ того, что я сталъ помѣщать тамъ статьи, одну за другою, Аксаковъ далъ мнѣ постоянное занятіе, предоставивъ въ мое распоряженіе провинціальныя газеты, для извлеченія изъ нихъ болѣе выдающихся, съ точки зрѣнія „Дня“, фактовъ, составленія по нимъ обзоровъ, замѣтокъ и самостоятельныхъ статей. Работа эта не только поставила меня въ болѣе близкія отношенія къ „Дню“, но возъимѣла для меня еще и другое значеніе.

Масса тогдашнихъ провинціальныхъ изданій была велика по объему, но очень бѣдна содержаніемъ, такъ какъ частныхъ газетъ было мало, да и изъ нихъ вниманія заслуживали почти только одесскія и кіевскія, а въ прочихъ мѣстностяхъ издавались лишь тощіе эфемерные листки. Оффиціальныя же изданія состояли изъ епархіальныхъ и губернскихъ вѣдомостей. Эти послѣднія, конечно, сами по себѣ, не представляли почти никакого интереса, но были цѣнны тѣмъ, что при многихъ изъ нихъ прилагались печатные журналы засѣданій губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, которыя давали обширный матеріалъ, изображавшій ходъ крестьянскаго дѣла по вступленіи его въ самый интересный фазисъ. Въ эту пору черезъ присутствія проходило много любопытныхъ дѣлъ по разсмотрѣнію уставныхъ

грамотъ, по разбору взаимныхъ споровъ; тамъ же обсуждались и болѣе общіе вопросы, словомъ—шелъ процессъ осуществленія „Положеній" на самомъ дѣлѣ, въ конкретныхъ формахъ, и рѣшалась участь огромной массы деревень. Означенные журналы, представляя ходъ преній въ присутствіяхъ, отзывы и отдѣльныя мнѣнія ихъ членовъ, въ значительной мѣрѣ характеризовали направленіе крестьянскаго дѣла по мѣстностямъ, такъ что при помощи этого матеріала можно было судить: гдѣ дѣло ведется справедливѣе и гдѣ пристрастнѣе, гдѣ преобладаютъ крѣпостническія и гдѣ—болѣе достойныя общественныя группы, какими способами проводится одностороннее примѣненіе Положеній и какіе вопросы пріобрѣтаютъ бо́льшее значеніе на практикѣ. Выяснялись при этомъ и отдѣльныя личности мѣстныхъ дѣятелей, въ качествѣ представителей того или другого направленія. Вообще, вчитываясь въ этотъ матеріалъ, не трудно было войти въ курсъ дѣла, а оно меня сильно интересовало. Еще съ ранней юности видя положеніе крестьянства, я часто возмущался его безправіемъ, приниженностью и общимъ пренебреженіемъ къ его интересамъ, а потому не могъ не относиться участливо къ дѣлу его новаго устройства, создававшаго для него и правовыя, и экономическія основы. Да и гдѣ принципы справедливости, человѣчности, порядка и развитія страны затрогиваются такъ чувствительно, какъ въ сферѣ крестьянскаго дѣла, гдѣ больше нуженъ участливый откликъ? Другія дѣла касаются хотя и важныхъ интересовъ, но не настолько, какъ тамъ, гдѣ стоитъ вопросъ о положеніи главной массы населенія,—положеніи, отъ котораго зависитъ характеристика общаго порядка страны. Вѣдь страна рабовъ или нищеты главной массы и страна огражденія права и довольства этой массы—слишкомъ различныя представленія! Я очень жалѣлъ тогда, что мнѣ были закрыты пути къ непосредственному участію въ дѣлѣ устройства крестьянъ, а года черезъ полтора, когда мнѣ открылись эти пути (см. мои статьи о крестьянскомъ дѣлѣ въ Юго-западномъ краѣ, „Вѣстн. Европы", 1900—1902 гг.), я не могъ не отнестись къ этой дѣятельности съ извѣстнымъ увлеченіемъ. Въ описываемое время, слѣдя за означеннымъ дѣломъ по бумажнымъ только матеріаламъ—хотя и при просторномъ горизонтѣ,—я сталъ втягиваться въ его интересы, а послѣ практическаго участія въ немъ—расположился къ нему еще сильнѣе, такъ что и впослѣдствіи посвящалъ ему наибольшее вниманіе, дѣйствуя возможными для меня способами. Поэтому, припоминая свою давнюю пору, могу сказать, что работа при „Днѣ", въ 1862 году, втягиваніемъ меня въ крестьянское

дѣло до извѣстной степени предопредѣляла мою дальнѣйшую жизнь.

При установившихся у меня отношеніяхъ къ „Дню" и постоянныхъ посѣщеніяхъ его кружка, я могъ ближе приглядѣться и къ выдававшейся личности самого Аксакова. Часто приходилось слушать его, много говорить и спорить съ нимъ, какъ въ большомъ обществѣ, такъ и отдѣльно, а потому предо мною довольно рельефно обрисовывался портретъ этого рѣзко оттѣнявшагося отъ большинства современниковъ дѣятеля нашей литературной и общественной жизни второй половины прошедшаго вѣка.

Это былъ человѣкъ полный внутренней кипучей энергіи, большой иниціативы, исключительной искренности и очень отзывчивый къ интересамъ народа. Черты эти были самыми привлекательными въ его натурѣ. Всего антипатичнѣе ему были: ложь, лицемѣріе и своекорыстные мотивы. Слово „ложь" онъ употреблялъ какъ самое сильное выраженіе въ полемикѣ съ противниками, хотя это слово нерѣдко адресовалось имъ и неудачно, такъ какъ среди полемическихъ увлеченій онъ иногда принималъ за ложь проявленія несходныхъ съ его воззрѣніями принциповъ. Особенно нападалъ онъ на то либеральничанье и гоньбу за „прогрессомъ", которыя, по его мнѣнію, были дѣломъ показа, а не дѣйствительнаго убѣжденія, и находили исходъ въ громкихъ фразахъ; такія нападки съ его стороны бывали даже черезчуръ часты; —однако не мѣшаетъ вспомнить, что въ описываемую пору подобное фразерство было дѣйствительно очень распространено и такъ перемѣшивалось съ выраженіями настоящихъ убѣжденій, что не легко было отличать искреннихъ людей отъ фальшивыхъ или легковѣсныхъ, достоинство которыхъ стало потомъ обрисовываться примѣрами ренегатства, послѣ котораго бывшіе либералы и прогрессисты очутились въ дебряхъ реакціонерства или противнаго прислужничества силѣ и источникамъ вещественныхъ благъ. Вмѣстѣ съ означенными симпатичными чертами, въ Аксаковѣ дѣйствовала глубокая, такъ сказать стихійная преданность традиціямъ славянофильской школы, своей семьи и ея круга. Страстно любя все русское, онъ постоянно искалъ настоящихъ русскихъ началъ, историческихъ и народно-бытовыхъ, но эта самая страстность порождала увлеченія, сбивавшія его далеко въ сторону. „Западъ", „Петербургъ", Петровская традиція пересадки иноземщины на русскую почву, съ пренебреженіемъ ея свойствъ и требованій и разобщеніемъ правительственной и общественной стихіи съ народною—были для него предметами ин-

стинктивнаго отвращенія, своего рода пугаломъ, дѣйствовавшимъ черезъ мѣру. Вполнѣ сознавая безобразія современныхъ оффиціальныхъ порядковъ, не отрицая дурного и въ до-Петровскомъ строѣ жизни, Аксаковъ все-таки видѣлъ въ послѣднемъ больше живыхъ началъ, относя встрѣчавшіяся въ немъ безобразія на счетъ давняго невѣжества и грубости нравовъ, но—не ложности принциповъ, а отсюда и происходили взыванія къ преданіямъ до-Петровской Руси. Возставая противъ насильной пересадки иноземнаго, онъ при этомъ иногда такъ зарывался черезъ край, что относился отрицательно и къ незаслуживающему осужденія, изъ подозрительности къ иноземному заимствованію. Этимъ объяснялись нѣкоторые его своеобразные критическіе отзывы о реформахъ, напр., судебной, хотя въ общемъ онъ ей симпатизировалъ, такъ какъ имъ глубоко была прочувствована неправда дореформеннаго судебнаго порядка. Дайте намъ реформы, только построенныя на русскихъ началахъ, соглашенныя съ русскими традиціями и голосомъ населенія!—вотъ что̀ было его основнымъ желаніемъ. Та же приверженность къ старымъ началамъ сказывалась и во взглядахъ Аксакова на общее государственное устройство, причемъ онъ считалъ возможнымъ совмѣщеніе хорошаго порядка съ отсутствіемъ формальныхъ гарантій противъ эксцессовъ власти, то-есть, былъ солидаренъ съ извѣстнымъ возгласомъ своего брата Константина: „Гарантія есть *зло*; пусть лучше разрушится жизнь, чѣмъ стоять съ помощью зла“! Достаточнымъ средствомъ противъ означенныхъ эксцессовъ Аксаковъ считалъ свободу общественнаго мнѣнія и слова, не останавливаясь предъ соображеніями о зависимости самой свободы отъ вопроса о гарантіяхъ. Вообще, предъ нимъ носился образъ такого дерева безгарантійности, на которомъ, въ видѣ плодовъ, ростутъ и свободное слово, и развитіе общественной и народной жизни страны. Это была очень характерная комбинація, но она же была источникомъ многихъ взаимныхъ противорѣчій. Ихъ пародировали такъ: очень хороши груши, а для полученія ихъ надо разводить вербу!

Живя преимущественно въ идейномъ мірѣ, Аксаковъ, однако, мало знакомъ былъ съ современными русскими бытовыми сферами, особенно съ провинціальною жизнью, отчего нерѣдко подпадалъ вліянію фикцій. Дворянство и вообще болѣе образованные круги онъ зналъ, но остальныя сферы часто представлялись ему не въ дѣйствительномъ видѣ, а въ томъ, въ какомъ бы ему желалось ихъ видѣть. То-есть, въ этомъ отношеніи онъ отчасти жилъ въ „эмпиреяхъ“. Чтобы не распространяться объ этомъ

много, остановлюсь на одномъ примѣрѣ, именно на его отношеніи къ духовенству. О монашескомъ или высшемъ духовенствѣ еще случалось слышать отъ Аксакова серьезные критическіе отзывы, но бѣлое, особенно сельское духовенство представлялось ему въ очень идеализированномъ видѣ. Въ немъ онъ видѣлъ хранителей русскихъ началъ, въ немъ предполагалъ неугасающій священный огонь заботъ о просвѣщеніи народа, и потому высказывался за сосредоточеніе низшаго народнаго образованія въ церковныхъ школахъ. Такъ какъ школьный вопросъ въ ту пору выдвигался на очередь, то по этому предмету бывало много споровъ, въ которыхъ мнѣ приходилось принимать немалое участіе, потому что я видалъ церковныя школы на югѣ и былъ нѣсколько знакомъ съ нравами провинціальнаго духовенства. Тогда особенно било на эффектъ размноженіе церковныхъ школъ въ кіевской епархіи. Едва появилось распоряженіе митрополита Арсенія объ ихъ открытіи, какъ посыпалась разомъ такая масса оффиціальныхъ сообщеній о томъ, что казалось, будто школы есть уже въ каждомъ приходѣ, а число учениковъ обѣщаетъ исчезновеніе безграмотности въ кіевской губерніи всего черезъ нѣсколько лѣтъ. Наружный эффектъ былъ блестящій: вотъ, молъ, чтò можетъ сдѣлать сельское духовенство и притомъ какъ быстро! Но бѣда была въ томъ, что весь успѣхъ оставался въ бумажныхъ вѣдомостяхъ. На самомъ же дѣлѣ бòльшая часть школъ существовала номинально, а изъ остальныхъ многія находились въ самомъ жалкомъ и безполезномъ состояніи: сгоняемые крестьянскіе мальчики оставались безъ учителя, лишь изрѣдка навѣщаемые дьячкомъ или пономаремъ, проводили время въ бездѣльи, за нѣсколько мѣсяцевъ ничему не выучивались и т. под. Словомъ, наружный блескъ нисколько не соотвѣтствовалъ внутреннему содержанію, чтò впослѣдствіи было обличаемо и мѣстнымъ учебнымъ вѣдомствомъ, у котораго по этому поводу возникла даже острая борьба съ духовенствомъ. И вотъ, когда, бывало, выдвинутъ Аксакову внушительные факты подобнаго рода и пойдетъ рѣчь о необходимости считаться не съ тѣмъ, чтò должно бы быть и чтò желательно, а съ тѣмъ, чтò существуетъ на дѣлѣ, т.-е. не съ предполагаемымъ духомъ жизни, а съ наличными безучастіемъ и казенщиною—онъ начинаетъ уступать и самъ негодуетъ, а спустя нѣкоторое время опять поддается той же вѣрѣ въ живое творчество сельскаго духовенства, показывая, какъ нелегко ему разставаться со сложившимися фикціями.

Также не въ мѣру расположенъ онъ былъ видѣть въ разныхъ народностяхъ московскія симпатіи, которымъ-де только

мѣшаютъ выражаться посторонніе элементы. Многому въ исторіи и современности онъ давалъ объясненія въ смыслѣ подобныхъ симпатій, и такія комбинаціи у него составлялись скоро. Припомню одинъ случай, касающійся давней старины. Разъ зашла рѣчь о Малороссіи и коснулись вопроса, отчего имя Мазепы усвоило тамъ бранный смыслъ. Было замѣчено, что причина тутъ—частое примѣненіе этого имени великоруссами къ хохламъ въ укорительномъ значеніи, такъ какъ не обратились же въ брань имена Выговскаго или Брюховецкаго, тоже измѣнявшихъ московскому государству. Но Аксаковъ рѣшительно возсталъ противъ этого:—нѣтъ, оскорбительность слова „Мазепа“ создана не великоруссами, а самимъ малорусскимъ народомъ, который восчувствовалъ, что Мазепа пошелъ противъ его историческаго тяготѣнія къ Москвѣ.

Чуткость къ защищаемымъ интересамъ и опасливость за нихъ возбуждали въ Аксаковѣ и легковѣріе къ извѣстіямъ и слухамъ. Помню, какъ въ одну изъ пятницъ онъ сообщилъ о полученномъ частномъ извѣстіи, будто въ Петербургѣ готовится разрѣшеніе проживать въ Россіи іезуитамъ. Это его сильно встревожило: новость хоть и несообразная, но чего не дождешься отъ „Петербурга“! Не мало о томъ было горячихъ рѣчей, и Аксаковъ даже громко заговорилъ противъ допущенія іезуитовъ въ своей газетѣ, а потомъ оказалось, что означенный слухъ не имѣлъ никакого основанія.—Но вмѣстѣ съ подобною подозрительностью у Аксакова проявлялся и избытокъ довѣрчивости къ людямъ. Будучи самъ человѣкомъ прямымъ, искреннимъ, онъ легко довѣрялъ тѣмъ, кто попадалъ въ его ноту, поддѣлываясь къ его взглядамъ. Не нужно называть именъ, но извѣстно, какъ втирались въ близость къ нему и выставлялись солидарностью съ нимъ люди, просто старавшіеся устроивать свои дѣлишки и не имѣвшіе съ нимъ въ нравственномъ отношеніи ничего общаго.

Вообще, въ Аксаковѣ исканіе правды соединялось съ страстнымъ отношеніемъ къ опредѣленнымъ идеямъ и фикціямъ, причемъ брали верхъ то одно, то другое. Хотѣлось, чтобы правда и была, и выходила такою, какъ желательно. А затѣмъ полемическія увлеченія и вліяніе возраста, давая перевѣсъ чувству, вводили Аксакова въ бо́льшую и бо́льшую нетерпимость, которая уже очень давала себя чувствовать въ послѣдніе годы его жизни. Послѣднее изданіе его, „Русь“, сильно уже отличалось отъ „Дня“.

Ѳ. Воропоновъ.

ДРУЗЬЯ ДѢТСТВА

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе.

IX *).

— Подъѣзжаемъ мы къ Одессѣ, — продолжалъ мой Василій Андреичъ, — а я и не радъ, что подъѣзжаемъ. То рвался, тосковалъ, какъ бы скорѣй пріѣхать, а теперь ужъ и не надо, хоть бы и не было ея совсѣмъ. Хожу, скучаю и все думаю: какъ же это такъ я вдругъ съ Джемиль разстанусь? Чувствую, что опутала она меня окончательно и ничего мнѣ безъ нея не надо, —нехай пропадаетъ все!

— Что-же, она очень красива была? — спросилъ я.

— Какое тамъ красива, — и не красива совсѣмъ! Худая, желтая, какъ лимонъ, и даже съ рябинкой немножко, — въ дѣтствѣ, говоритъ, оспа была. Но глаза, братецъ ты мой... чортъ ихъ знаетъ, чтò это за глаза такіе были, — настоящія портъ-саидскія звѣзды! Бывало, смотришь въ нихъ — и дна не видно, а взглянетъ она на тебя, — такъ искрами всего и осыплетъ, и тутъ ужъ чортъ знаетъ, на чтò готовъ, только бы она хоть еще разокъ этакъ на тебя взглянула... А волосы какіе!.. Бывало, распуститъ она косы, а онѣ ее такъ съ ногъ до головы и окутаютъ чернымъ атласомъ, — никакого платья не нужно! И причесывала она ихъ особенно, не такъ, какъ наши барышни причесываютъ — взгромоздятъ копну на головѣ, воткнутъ вилы какія-то

*) См. выше: іюнь, стр. 567.

въ макушку и думаютъ, что хорошо. Нѣтъ, Джемиль, бывало, ихъ заплететъ въ двѣ косы, да въ три ряда головку обовьетъ,— ну, ей-Богу, всякая царица этакой коронѣ позавидовала бы...

— Василій Андреичъ, да ты поэтъ!—неосторожно воскликнулъ я.

Василій Андреичъ разсердился.

— Какой тамъ еще поэтъ (онъ произносилъ: „поѣтъ")!— сроду стиховъ не писалъ, да и вообще писать не умѣю:—ять на ять наѣзжаетъ, фертомъ погоняетъ! А ты ежели смѣяться будешь, ей-Богу, я разсказывать не стану.

— Что̀ ты, Василій Андреичъ,—на самомъ интересномъ мѣстѣ! Нѣтъ, ужъ разсказывай, разсказывай, пожалуйста; я теперь ни слова не скажу...

Онъ посмотрѣлъ на меня исподлобья и, убѣдившись, что я говорю совершенно серьезно, продолжалъ:

— Ну-съ, высадились мы въ Одессѣ, стоимъ на пристани и не знаемъ, что̀ намъ дѣлать. Будь у меня братья ребята хорошіе, я бы ихъ къ братьямъ повелъ; но какъ тутъ поведешь, когда тебя самого, можетъ, кочергой встрѣтятъ? Подумалъ я, подумалъ и повелъ ихъ на монастырское подворье,—пускай хоть тамъ съ дороги немножко отдохнутъ. Оставилъ ихъ на подворьи, пошелъ къ братьямъ, - у тѣхъ рожи на три аршина вытянулись.—„А, говорятъ, вотъ они мощи явленныя! Откуда пожаловалъ? А мы, говорятъ, ужъ все про тебя знаемъ, какъ ты команду взбунтовалъ и съ парохода бѣжалъ и въ штрафную книгу записанъ,— все знаемъ!" — „Что-жъ, говорю, коли знаете, то и разсказывать нечего". Взялъ шапку и ушелъ. Бродилъ-бродилъ по Одессѣ,— смерть-тоска, ничего на умъ не идетъ!—и самъ не знаю, какъ носомъ въ монастырское подворье уткнулся. Ну, думаю, стало быть, судьба! Разыскалъ въ номерахъ своихъ арабчатъ,—смотрю, мой Зурбаръ на постели храпака̀ отхватываетъ (и во что̀ онъ только спалъ, не знаю!), а Джемиль, бѣдняжечка, у окошка сидитъ и мухъ платочкомъ разгоняетъ, чтобы супруга не тревожили. А что̀ ему мухи,—у него на башкѣ хоть въ три пушки пали, онъ и то не услышитъ! Увидала меня, такъ вся и засіяла: „Ахъ, говоритъ, это вы? Какъ я рада! Здѣсь такъ скучно, тяжело, люди какіе-то всѣ непривѣтливые,—скорѣй бы въ Кіевъ! А ваши какъ дѣла"?

— Мои, говорю, дѣла, какъ сажа бѣла; да ну ихъ къ чорту, еще успѣемъ дѣловъ надѣлать! А вотъ, если вамъ скучно, такъ пойдемте на бульваръ гулять,—тамъ музыка играетъ и

вообще очень весело. Посмотрите, какъ у насъ въ Одессѣ веселятся.

— „Но какъ же, говоритъ, Зурбаръ? Онъ, бѣдняжка, только-что задремалъ"...

— Э, говорю, пусть его спитъ, зачѣмъ его будить,—пойдемте съ вами хоть одинъ разокъ вдвоемъ побудемъ!

Испугалась и сразу, словно туча, потемнѣла.

— „Нѣтъ, говоритъ, я безъ него никуда не пойду, да и незачѣмъ мнѣ идти,—тамъ, я думаю, всѣ нарядные, а у меня кромѣ этого платья, что̀ на мнѣ, ничего больше нѣту".

— Ишь, говорю, женская природа-то заговорила! А на что̀ вамъ платье? Васъ здѣсь никто не знаетъ; а хотите, чтобы на васъ смотрѣли, такъ распустите косы,—за вами всѣ кавалеры побѣгутъ.

Ну, уговорилъ ее идти; разбудили мы Зурбара, лохмы ему пригладили и пошли. И бѣда только мнѣ съ ними была,—чисто дѣти,—ахаютъ, отъ магазиновъ не отдерешь, на все удивляются, обо всемъ разспрашиваютъ... Около памятника Екатерины такъ часа полтора стояли, все допытывались: да кто, да изъ чего сдѣланы, да зачѣмъ?.. Еще Джемиль ничего, она смѣтливая была и сразу какъ-то понимала, какъ себя держать нужно, ну, а Зурбаръ этотъ опротивѣлъ мнѣ до чортиковъ,—такъ бы, кажется, съ лѣстницы его и спустилъ, дубину этакую...

— Отъ ревности!—нечаянно вырвалось у меня.

Василій Андреичъ молча на меня покосился, но разсказа своего не прервалъ; видимо, эти воспоминанія ему самому доставляли жгучее удовольствіе.

— Пришли мы, наконецъ, на бульваръ, сѣли на скамеечкѣ и слушаемъ музыку. Вечеръ былъ, какъ сейчасъ помню, тихій такой, знаешь, какіе у насъ въ Одессѣ весной бываютъ?—кругомъ народъ ходитъ, всѣ такіе нарядные, веселые; у барынь на поясахъ цвѣты, въ рукахъ—цвѣты; бѣлой акаціей пахнетъ до одурѣнія; внизу огни, наверху—огни, а тутъ еще музыка эта... не знаю, что̀ играли, но такъ за сердце и забираетъ! Какъ глядь!—моя Джемиль отвернулась и тихонько такъ въ платокъ плачетъ.—„Что̀ такое? говорю. Отчего вы это? Развѣ вамъ не нравится?" — „Ахъ, нѣтъ, говоритъ, хорошо... Какъ у васъ здѣсь хорошо... какіе вы счастливые! А у насъ... у насъ ничего этого нѣтъ... Нашъ народъ бѣдный... голодный... ничего у нихъ нѣтъ... и ничего они никогда не узнаютъ, не увидятъ"...

И плачетъ—разливается. Взялъ я ее за руку и говорю: —Эхъ, Джемиль, слезами горю не поможешь! Что̀ изъ того, что

мы съ вами въ уголкѣ поплачемъ, да тихонько платочкомъ утремся,—нашихъ слезъ никто не увидитъ и не услышитъ. Работать надо, воевать надо, на улицу выходить надо, да кричать во все горло, чтобы на небѣ услыхали,—это вотъ по моему! А все прочее—наплевать... Такъ, что-ли?

Она сейчасъ слезы проглотила, платкомъ вытерлась и говоритъ: „Я буду работать! буду работать... заработаю денегъ и вернусь къ своимъ,—школу открою, буду ихъ учить, просвѣщать... мы съ Зурбаромъ вмѣстѣ будемъ"... Зурбаръ—Зурбаръ... все у нея Зурбаръ на умѣ, а Зурбаръ сидитъ себѣ, какъ бревно, и отъ удовольствія въ носу ковыряетъ.

Отвелъ я ихъ опять на подворье, а самъ всю ночь по улицамъ прошлялся,—денегъ ни копѣйки, къ своимъ идти не хочется, да и сна ни въ одномъ глазу нѣту,—все думаю, чтò я буду дѣлать, когда Джемиль уѣдетъ? Здòрово меня забрало, про всѣ дѣла свои позабылъ, и будь у меня тогда цѣлковыхъ пять въ карманѣ,—я бы, пожалуй, съ ними въ Кіевъ уѣхалъ.

На другой день проводилъ я ихъ на желѣзную дорогу, усадилъ въ вагонъ и Джемиль побожиться заставилъ, что она мнѣ обо всѣхъ своихъ дѣлахъ писать будетъ. Обѣщалась... „Какъ же, говоритъ, мнѣ не писать, когда вы теперь для меня самый лучшій другъ на свѣтѣ? Должно быть, говоритъ, наши съ вами души—родныя между собою; долго онѣ бродили по свѣту одинокія, а теперь вотъ встрѣтились и узнали другъ друга; оттого мы съ вами такъ и подружились"...

Какъ вѣдь скажетъ-то,—и отвѣтить сразу не съумѣешь! Но я все-таки ее подъязвилъ.—А Зурбаръ? говорю.

— „Зурбаръ—мужъ, говоритъ, а вы—другъ; другъ лучше мужа. У насъ есть пословица: женъ много, а другъ—одинъ; жена умретъ,—возьмешь другую; потеряешь друга—другого не найдешь"!

Ну, думаю, я бы лучше желалъ быть вторымъ мужемъ, чѣмъ единственнымъ другомъ,—но вслухъ этого не высказалъ. Чтò она? Дитя... а дитя обижать грѣхъ.

Прозвонилъ второй звонокъ, вышелъ я на площадку, смотрю, и она бѣжитъ. Запыхалась вся, губы дрожатъ и какой-то сверточекъ мнѣ въ руку суетъ.—„На-те, говоритъ, вамъ обо мнѣ на память... вамъ мои волосы нравились, такъ я для васъ отрѣзала! Ну, тутъ ужъ я не вытерпѣлъ, обнялъ ее и расцѣловалъ.— Чтò хочешь, говорю, дѣлай, не могу! Люблю до смерти—и чортъ меня совсѣмъ подери!.. Спасибо, меня кондукторъ за шиворотъ съ площадки стащилъ, а то бы я не знаю, чего надѣлалъ: по-

жалуй, до Раздѣльной-то либо Зурбаръ меня убилъ, либо я Зурбара убилъ, а ужъ такъ бы дѣло не обошлось, потому отъ разлуки я окончательно свою голову потерялъ.

Ну, что̀ потомъ было, этого я тебѣ хорошенько не могу разсказать, потому что самъ забылъ. Должно быть, шлялся по Одессѣ, какъ потерянный, больше ничего; тоска, понимаешь, была страшная! Никогда не думалъ, чтобы черезъ женщину можно было этакъ страдать: все забылъ до капельки, и про обиды свои, и что работы нѣтъ, и что жрать нечего,—ну, ни о чемъ заботы нѣтъ, одна Джемиль на умѣ, да и шабашъ! Очухался я, когда отъ нея первое письмо получилъ; пишетъ она мнѣ, что встрѣтили ихъ въ Кіевѣ плохо, что работы никакой пока еще не нашли, что дьяконъ—человѣкъ очень добрый, но самъ бѣдный и имъ помочь ничѣмъ не можетъ. Прочиталъ я это письмо, и сразу у меня въ башкѣ просвѣтлѣло, точно съ похмелья рюмку водки хватилъ. Да что̀ же это, молъ, я-то дѣлаю? Они тамъ бьются, съ голоду подыхаютъ, а я разводы развожу да какъ прошлогодняя тыква въ разсолѣ кисну! Сейчасъ это подобрался, первымъ дѣломъ на толкучку свои новые штаны отнесъ, продалъ, и имъ деньги отослалъ, потомъ пошелъ старыхъ знакомыхъ отыскивать, толкнулся туда-сюда,—и заварилось у меня дѣло. Такіе пары развелъ—мое почтеніе,—вся моя машина въ ходъ пошла, словно только-что изъ ремонта вышла. Ну, а какъ до работы я дорвался, и сердце у меня успокоилось; посылаю Джемиль телеграмму въ отвѣтъ на ея письмо: „Не унывай, Джемиль, надѣйся на меня,—пока я живъ—и ты жива“!

— Но почему же телеграмму, а не письмо?—спросилъ я.

Василій Андреичъ конфузливо улыбнулся.

— Да потому что самъ-то ужъ я больно скверно пишу, не хотѣлось мнѣ передъ ней срамиться. Ты бы поглядѣлъ, какъ она ко мнѣ писала,—каждое письмо, прямо, бери и въ книгѣ печатай, а иной разъ еще стихами. Особенно одно было... я его прежде наизусть зналъ, теперь позабылъ. Представляетъ она себя тамъ, будто въ пустынѣ заблудилась; песокъ, вѣтеръ, пыль, ну, и всякая тамъ чертовщина; кругомъ черепа валяются, устала она, пить хочется, и чудится ей, что уже смерть ее догоняетъ и холодными своими крыльями обнять хочетъ. Упала она зàмертво и вдругъ слышитъ тихое пѣніе; ей кажется, будто она въ раю,—открываетъ глаза и видитъ—трава зеленая, а въ травѣ ручеекъ журчитъ и надъ головою у нея пальмы,—охъ, ужъ эти мнѣ пальмы,—не будь ихъ, прòклятыхъ, можетъ быть, и Зурбара не было бы! Ну, и въ заключеніе всего, каждый

стихъ кончается такими словами: „Это ты, это ты, милый другъ!" То-есть, стало быть, и ручеекъ, и трава, и пальмы— чортъ бы ихъ дралъ,—все это я, Васька Дукачевъ...

— А у тебя цѣлы эти письма?

— Нѣтъ,—отрывисто и мрачно сказалъ Василій Андреичъ.— Всѣ порвалъ... и волосы въ печкѣ сжегъ... чтобы никакой памяти не оставалось.

— Жаль!—проговорилъ я.—Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

Онъ ничего не отвѣчалъ на мой вопросъ и снова возвратился къ прерванному разсказу.

— Вотъ, проходитъ мѣсяцъ, проходитъ другой, идетъ у насъ съ ней переписка, она мнѣ письмо, я ей телеграмму—и вдругъ полное молчаніе. Чтò такое за исторія? ничего не понимаю... Безпокоюсь страшно, пишу, взываю—ни строчки! Въ это время у меня дѣла хорошо поправились, рублей пятьдесятъ я накопилъ и думаю себѣ: „Какого чорта я здѣсь сижу,—дерну-ка въ Кіевъ, узнаю, чтò такое съ арабчатами случилось". Съ этакимъ намѣреніемъ прихожу домой и вижу письмо; пишетъ она мнѣ: „Зурбаръ боленъ, лежалъ въ больницѣ, изъ Кіева они уѣзжаютъ и такого-то числа будутъ на вокзалѣ". Грѣшенъ я, признаюсь, пожалѣлъ въ душѣ, что Зурбара Господь къ себѣ не прибралъ, и на другой день, сломя голову, бѣгу на вокзалъ. А дѣло ужъ въ сентябрѣ было, темнотища на платформѣ страшная, насилу я ихъ въ толпѣ разыскалъ. Увидали мы другъ друга, стоимъ и ни одного слова выговорить не можемъ,—чувствую только, она вся дрожитъ, и я дрожу... Ну, наконецъ, опомнились мы, взялъ я ихъ, посадилъ на пролетку и говорю извозчику: „На Болгарскую улицу!" Она такъ и всполошилась: „Куда это, говоритъ?"— „Ко мнѣ на квартиру,—хозяйка, говорю, у меня хорошая, и у ней комнатка лишняя есть".—„Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, ни за что, пожалуйста, не надо,—мы лучше опять на подворье поѣдемъ"! Обидно мнѣ это стало: вижу, боится она меня и все норовитъ отъ меня подальше отодвинуться. Но я и виду не подалъ, а шутя этакъ говорю: „Чтò жъ, не надоѣли еще монахи?"—„Нѣтъ, говоритъ, намъ вѣдь не надолго, мы ужъ на подворье поѣдемъ".— „Ну, чортъ съ вами, думаю, на подворье, такъ на подворье"!

Пріѣхали мы на подворье, взяли номеръ, принесли намъ свѣчку—гляжу я на нихъ и вижу, плохо ихъ дѣло! Худые оба стали, обносились, оборвались,—она, точно монашка, въ черной хламидѣ какой-то, а на Зурбарѣ вмѣсто бешмета кофтенка напялена,—ну, просто, глядѣть жалко!

— Ну, чтò, спрашиваю, какъ васъ въ Кіевѣ принимали?

Насупилась она и отвѣчаетъ этакъ угрюмо, совсѣмъ даже на себя не похоже:

— „Будь онъ проклятъ, вашъ Кіевъ, ненавижу я его и всю вашу Россію ненавижу! Холодная она, и люди въ ней живутъ каменные, безъ сердца въ груди. Еслибы я могла, я бы всю ее сожгла, какъ Содомъ и Гоморру, чтобы и памяти отъ нея на землѣ не осталось...

Да какъ вдругъ схватитъ себя за голову, какъ закричитъ:

— „Никто, никто насъ не пожалѣлъ, весь городъ я исходила, какъ милостыни работы у всѣхъ просила, и—никто, никто! Зачѣмъ вы, говорятъ, пріѣхали,—у насъ своихъ нищихъ много!— Обманулъ меня настоятель, ненавижу я его, всѣхъ ненавижу, всѣхъ!.. Поѣду въ Турцію, туркамъ служить буду,—турки лучше русскихъ, добрѣе, они людей цѣнить умѣютъ"...

И расплакалась; а глядя на нее, и Зурбаръ завылъ. „Эхъ, думаю, дѣти вы, дѣти, еще не знаете вы, какъ кошка мышку по головкѣ гладитъ"!

Ну, вижу я, что совсѣмъ они разстроились, простился и ушелъ. Возвращаюсь на другой день—Джемиль меня въ коридорѣ встрѣчаетъ.

— „Другъ мой, говоритъ, простите меня, я васъ вчера обидѣла! Но еслибы вы знали, сколько мы пережили, какихъ униженій натерпѣлись,—еслибы вы могли только знать"!..

— Э, говорю, я ужъ все это раньше васъ зналъ, вы меня не удивите! Вы еще только начинаете, въ приготовительный классъ поступили, а я ужъ курсъ кончилъ и медаль получилъ за трудолюбіе и искусство.

— „Да, да, говоритъ, я забыла, вѣдь вы мнѣ тогда говорили, предупреждали, а я, глупая, вамъ не повѣрила... Но теперь ужъ нѣтъ, теперь меня никто не обманетъ; теперь я буду злая и хитрая, какъ лисица, — буду сама кусаться, царапаться, о-охъ, какъ!.. вы увидите"!

— Что-жъ, говорю, это хорошо, въ обиду себя никому не надо давать, — око за око, зубъ за зубъ, только, смотрите, не ошибитесь: когда кусаться будете, своихъ съ чужими не смѣшайте. Вотъ, вы вчера кричали: „всѣхъ ненавижу, всю Россію ненавижу",—а чѣмъ васъ Россія обидѣла? Къ кому вы обращались? Къ сильнымъ да къ богатымъ? Ну, такъ я вамъ скажу,— идите теперь къ намъ, къ бѣднымъ труженикамъ, и если мы васъ этакъ же обидимъ, какъ богачи обидѣли, тогда смѣло можете на всю Россію наплевать.

Покраснѣла моя Джемиль и лицо руками закрыла.

— „Ахъ, говоритъ, я и сама не помню, что такое вчера со мною было... Устала я, измучилась... вѣдь вы не знаете моего горя“...

Отвела меня въ сторону и шепчетъ:—„Мой Зурбаръ очень боленъ... у него воспаленіе въ легкихъ было, и докторъ въ больницѣ сказалъ, что ему скорѣе надо на родину ѣхать, а если онъ въ Россіи останется, то отъ чахотки умретъ“.

— Врутъ, говорю, доктора! Съ чего ему умирать? Онъ молодой, поправится.

Пошли мы въ номеръ, посмотрѣлъ я на Зурбара,—дѣйствительно, совсѣмъ парень никуда не годится... Вечеромъ-то я его не разсмотрѣлъ хорошенько, а тутъ вижу—обтянулся весь, губы синія, щеки провалились и только глазища одни словно уголья сверкаютъ, ажъ жутко. Жаль мнѣ его стало... но чувствую—жалѣть-то жалѣю, а у самого въ душѣ точно бѣсъ какой подшептываетъ: „врешь, подлецъ, радъ будешь, если Зурбаръ помретъ“... А что жъ ты думаешь, вѣдь и вправду радъ... такая ужъ природа подлая, ничего съ ней не подѣлаешь; ты хочешь направо идти, а она тебя налѣво тащитъ; ты на гору, а она тебя подъ гору, да норовитъ еще носомъ въ самую грязь ткнуть.

Такъ проходитъ у насъ нѣсколько дней. Живутъ мои арабчата на подворьи, я къ нимъ каждый день въ гости хожу, и все больше да больше мнѣ дурь эта въ голову лѣзетъ. Иной разъ какъ подумаешь, что не нынче—завтра Джемиль уѣдетъ и никогда въ жизни своей я ее больше не увижу,—такъ бы не знаю чего надѣлалъ... Но ничего, крѣплюсь, и даже виду не подаю, что у меня въ душѣ происходитъ. О томъ, что я на площадкѣ вагона вытворялъ, когда они въ Кіевъ уѣзжали,—ни помину, какъ будто и не было ничего: вѣжливъ, холоденъ и даже ручку не позволяю себѣ поцѣловать, какъ бывало въ прежнія времена. И Джемиль тоже успокоилась: видитъ, что я этакимъ джентльменомъ себя держу,—перестала отъ меня, какъ отъ чорта, шарахаться, а напротивъ, съ полнымъ ко мнѣ довѣріемъ. Черезъ хозяйку свою досталъ я ей работу, — въ восточный магазинъ какія-то кружева плести,—такъ она на эти кружева и набросилась, день и ночь надъ ними копается, не оторвешь. Вижу—работница золотая, чего ни дай—все сдѣлаетъ, да не кое-какъ, а съ толкомъ, съ любовью, съ усердіемъ. Какъ, бывало, ни придешь къ нимъ,—все она что-нибудь возится: либо прибираетъ, либо чинитъ, либо пишетъ и читаетъ,—никогда я ее сложа руки и выпуча глаза не видалъ. Она работаетъ, а Зурбаръ кверху брюхомъ лежитъ и въ потолокъ смотритъ,—даже смотрѣть про-

тивно. Она около него и такъ, и сякъ ухаживаетъ, чтобы ему было помягче, да послаще, а онъ еще недоволенъ, рожу на сторону кривитъ и по своему тамъ что-то ругается, скотина этакая! Охъ, и зло меня разбирало на него! такъ бы, кажется, и выбросилъ его въ окошко, но ничего не подѣлаешь, —не могу, не смѣю, только, бывало, сцѣплю зубы, кулаки сожму и сижу—молчу. Но однажды не стерпѣлъ, здороваго тумака ему далъ, и вотъ какъ было дѣло. Пришивала она ему пуговицу къ рубашкѣ, да нечаянно какъ-то иголкой его и уколола, — батюшки мои, что съ нимъ сдѣлалось! Побѣлѣлъ весь, какъ бумага, зубы оскалилъ, размахнулся и... ударилъ ее, понимаешь,—при мнѣ ударилъ! Ну, ужъ этого я перенести не могъ,—заревѣлъ, какъ быкъ, и хорошую затрещину ему по физіономіи закатилъ. Джемиль—въ слезы, вцѣпилась въ меня, тащитъ въ корридоръ... „Что вы, дѣлаете? говоритъ. Жестокій вы, злой человѣкъ, безжалостный!.. Вѣдь Зурбаръ больной; у него такой характеръ раздражительный, а вы этого не понимаете... Ахъ, бѣдный мой Зурбаръ, милый, несчастный мальчикъ"!.. Побѣжала къ нему, слышу, цѣлуетъ его, плачетъ, причитаетъ... Разсердился я и ушелъ. Однако, на другой день опять притащился; вхожу—Зурбаръ на меня чортомъ смотритъ, но ничего, лапу протягиваетъ и „бонжуръ", говоритъ,—все какъ слѣдуетъ. Скрѣпился я, лапу принялъ, сѣлъ,—сижу. „Что, говорю, умилостивили своего идола?"—„Ахъ, говоритъ, какъ вамъ не стыдно,—онъ больной, ему простить надо!.."—„А что, спрашиваю, частенько это у васъ бываетъ?"—Съежилась вся, покраснѣла и глаза въ землю опустила—боится прямо на меня смотрѣть. „Нѣтъ, говоритъ, не часто"... А вижу—вретъ, старается Зурбара своего всячески выгородить. „Ну, ладно, говорю, хорошо, если правда, но все-таки вы скажите своему бѣдному мальчику, что если онъ при мнѣ еще разъ посмѣетъ васъ ударить, я его вотъ въ эту стѣну вколочу"... И съ добродушной этакой улыбкой сжалъ кулакъ и ей показываю, а самъ на Зурбара смотрю, и онъ на меня смотритъ, тоже себѣ улыбается. Улыбаемся оба, а сами другъ дружку сожрать готовы.

Вотъ, кончила она свою работу въ магазинѣ, получила двѣнадцать рублей, я ей и говорю:

— Ну что, Джемиль, можно жить въ Одессѣ, какъ вы думаете?

— „Ахъ, говоритъ, съ такимъ другомъ, какъ вы, вездѣ жить можно! Вѣдь я себя теперь человѣкомъ чувствую, а не попрошайкой; и все это черезъ васъ. Вѣдь это мои первыя заработанныя въ Россіи деньги, — въ Кіевѣ мы съ Зурбаромъ объѣд-

ками питались, которые намъ добрый дьяконъ изъ милости на кухню присылалъ"...

— Ну, что же, говорю, вотъ и оставайтесь здѣсь. Нынче же подворье по боку, я вамъ квартирку найду, вещей у васъ, кромѣ Зурбара, никакихъ,—берите его подъ мышку, переселяйтесь, да и за работу!

— „Нѣтъ, говоритъ, нельзя... Я бы осталась, мнѣ Одесса нравится, но Зурбару нельзя въ Россіи оставаться,—докторъ сказалъ: вредно."

Ему вредно!.. А онъ, ей Богу, толстѣть началъ въ Одессѣ,— чего ему? Жизнь сытая, спокойная: цѣлый день на кровати лежитъ, да кофей съ сухарями пьетъ. Я ей такъ все это и высказалъ, — ужъ очень меня досада на нее взяла. Носится съ своимъ сокровищемъ, а того не видитъ, что около нея человѣкъ на стѣну изъ-за нея готовъ лѣзть!

Вздохнула она и нахмурилась. „И за что̀ вы, говоритъ, моего Зурбара не любите? Никакого зла онъ вамъ не сдѣлалъ"...

Этотъ разговоръ происходилъ у насъ на улицѣ, когда мы съ ней изъ восточнаго магазина шли, и какъ разъ въ это самое время около насъ трамвай остановился. Я ей и говорю:

— Ну, хорошо, не хотите въ Одессѣ оставаться,—Богъ съ вами, не надо, уѣзжайте въ своей Іерусалимъ подъ пальмы, но по крайней мѣрѣ поѣдемте съ вами сейчасъ на „Фонтаны"; хочется мнѣ хоть одинъ разъ съ вами наединѣ побыть!

— „А какъ же Зурбаръ? говоритъ. Онъ, бѣдняжка, тамъ одинъ"...

— Ничего, говорю, вашему Зурбару не сдѣлается; онъ, небось, теперь храпитъ во всю носовую завёртку, объ васъ и думать забылъ. Поѣдемте,—а то вѣдь вы и Одессу-то путемъ не видали!

— „Нѣтъ, шепчетъ, я съ вами одна не поѣду"...

Тутъ ужъ меня окончательно взорвало.

— Да что̀ это, вскрикнулъ я,—или вы меня боитесь? Неужто я такой ужъ подлецъ передъ вами, что со мной и прогуляться страшно?

Джемиль взглянула на меня и улыбнулась... Эхъ, чортъ бы ее взялъ,—за одну эту улыбку я бы не знаю, что̀ сдѣлалъ!

— „Вы-то, говоритъ, подлецъ? Да вы, говоритъ, и сами не знаете, какая въ васъ благородная душа и золотое сердце... съ вами не страшно на край свѣта идти, не только-что на „Фонтаны"... Не васъ я боюсь, а себя... слышите? Себя больше всего боюсь, а вы этого ничего не понимаете... „Эхъ, вы, глупый вы, говоритъ, человѣкъ... давайте сюда руку, поѣдемте на „Фонтаны"!

Взяла меня подъ руку и потащила на трамвай... и, скажу я тебѣ, дѣйствительно, здòрово тогда я на дурака былъ похожъ!

Пріѣхали мы на „Фонтаны", спустились къ морю и сѣли на камушкахъ. Солнце ужъ зашло; на морѣ зыбь была большая: прибѣжитъ одна волна, объ земь ударится и заплачетъ, а за нею ужъ и другая бѣжитъ, и третья,—сердятся, другъ черезъ дружку перескакиваютъ, спѣшатъ, какъ бы скорѣе до берега дойти, а дойдутъ—и бѣлымъ полотномъ разстелются, какъ будто ихъ и не бывало никогда. „Эхъ, думаю, вотъ и вся моя жизнь такая... бьюсь-бьюсь, кидаюсь во всѣ стороны, а такъ, должно быть, до своего счастья никогда и не достигну"!

Джемиль видитъ, что я пригорюнился, взяла меня за руку и голову ко мнѣ на плечо положила.

— „А помните, говоритъ, какъ мы съ вами на звѣзды смотрѣли"?

— Помню, говорю, я-то все помню, а вотъ ты забыла...

Обнялъ ее, цѣлую, и она ничего, только еще крѣпче ко мнѣ прижимается.

— „Нѣтъ, говоритъ, ничего я не забыла, но только открылись теперь передо мной двѣ дороги, и не знаю я, куда мнѣ идти и что̀ дѣлать"...

— А вотъ что̀ дѣлать, говорю,—брось ты своего дурацкаго Зурбара и давай съ тобой какъ мужъ и жена жить. Развѣ ты не видишь, какой онъ человѣкъ есть? Ему бы только подъ пальмой лежать, да чтобы ему финики сами въ ротъ сыпались, а жизни онъ не понимаетъ и ничего кромѣ утробы своей не сознаетъ. Какъ же тебѣ съ нимъ жить, ты подумай? Вѣдь ты огонь; ты сама горишь и другихъ зажигаешь,—такъ давай вмѣстѣ горѣть,—посмотри, какого пожара съ тобой надѣлаемъ,—небо загорится!.. А Зурбару дадимъ денегъ и отправимъ его во-свояси,—пускай его подъ пальмой лежитъ, да финики кушаетъ!

— „Нѣтъ, говоритъ, не могу я Зурбара бросить... Несчастный онъ, больной и безъ меня совсѣмъ погибнетъ. Тебя люблю, и его люблю... и никакъ не могу съ нимъ разстаться"!

Вотъ такъ фунтъ! Что̀ тутъ съ ней дѣлать? Удивительный народъ эти женщины, и нашему брату никакъ невозможно всю ихнюю механику понять...

— Ну, говорю, коли такъ, то, стало быть, намъ и говорить съ тобой нечего... Тебѣ и супцу, и борщичку хочется, ну, а я такъ не могу... Оставайся съ своимъ Зурбаромъ, мѣшать не стану... До свиданья, будьте здоровы!

Всталъ и ухожу,—она за мной, за руки меня хватаетъ, плачетъ—разливается.

— „Милый, Вася (въ первый разъ Васей меня назвала!)... постой, дай подумать... Я знаю, ты мнѣ не вѣришь, ты думаешь,—я хитрая, тебя обманываю, — нѣтъ, это неправда! Я тебя люблю за то, что ты сильный, смѣлый и добрый... а его мнѣ жалко! Понимаешь ты,—жалко!.. я безъ него съ тоски пропаду, всю жизнь себя проклинать буду, и не будетъ мнѣ безъ него ни свѣту, ни радости...

Такъ мы съ этимъ и разстались. Прибѣжалъ я домой, какъ бѣшеный, ничего не вижу, ничего не понимаю, въ глазахъ красный туманъ стелется, въ ушахъ шумитъ,—я ужъ и самъ не разберу, — не то будто она плачетъ, не то море гудётъ... Ну, такая тоска, хоть объ стѣну расшибись, и чтò мнѣ дѣлать— не знаю, но чувствую, что нужно какой-нибудь конецъ положить, а въ такомъ положеніи оставаться невозможно. И вступило мнѣ тутъ въ башку,—пойду сейчасъ, убью Зурбара, да и концы... А у меня револьверъ былъ,—такъ себѣ, въ столѣ валялся; я его на толкучкѣ какъ-то купилъ, на всякій случай. Вытащилъ я его, прочистилъ, на всѣ заряды зарядилъ, и сразу мнѣ даже легче стало, какъ будто хорошее дѣло сдѣлалъ. „Что жъ, думаю, мнѣ все равно пропадать, а ей по крайней мѣрѣ руки развяжу, потому что измучаетъ онъ ее и либо когда-нибудь убьетъ изъ ревности, либо она всю жизнь, какъ водовозная кляча, на него работать будетъ. Съ этой мыслью хладнокровно этакъ кладу револьверъ въ карманъ, берусь за ручку двери, чтобы идти—и остаюсь недвижимъ... Навалилась на меня силища могучая, пригнула меня къ полу, и лишился я всѣхъ своихъ чувствъ и сознанія.—Чтò ты на это скажешь?—неожиданно перебилъ самъ себя Василій Андреичъ и съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня.

— Да чтò же я скажу? Ничего не скажу. Въ обморокъ упалъ, вотъ и все.

— А обморокъ-то отчего?

— Отъ усталости, отъ напряженія,—мало ли отчего? Ты, Василій Андреичъ, ужъ очень чувствительный,—я отъ тебя этого и не ожидалъ.

— Э, ну тебя, зналъ бы, лучше не разсказывалъ! Чтò за чувства? Никакихъ чувствъ у меня нѣтъ; это у барынь и чувства, и обмороки тамъ разные, а я человѣкъ простой, рабочій. Нѣтъ, братъ, это Богъ меня не пускалъ...

— А я думаю, это доброта твоя тебя не пускала, Василій Андреичъ! Вѣдь ты очень добрый,—ну, развѣ возможно, чтобы ты могъ человѣка убить?

Но и этотъ комплиментъ ему не понравился.

— Какой тамъ къ чорту добрый! —недовольно проворчалъ онъ. —Нашелъ тоже добраго,—всю свою жизнь только и дѣлалъ, что и себѣ, и другимъ кашу портилъ. Но пуще всего Джемиль мнѣ жалко... все-таки она хорошая была, и ничего, кромѣ гадости, я ей на память не оставилъ.

— Чтò же ты—неужели такъ и не видалъ ее послѣ этого?

— Нѣтъ,—отрывисто пробормоталъ Василій Андреичъ.—И не видалъ, и не слыхалъ, и ничего не знаю...

— Жаль... А вѣдь она тебя дѣйствительно любила!

— Э, совсѣмъ не любила! Зурбара она любила, а не меня... я ей просто въ родѣ игрушки былъ! А вѣдь какъ, бывало, голоскомъ своимъ выпѣвала... „Ты—оазисъ! Ты—вода живая! Ты—другъ мой!“ Другъ—другъ, а какъ дошло до дѣла,—милаго друга по затылку, и сама съ Зурбаромъ подъ тѣнь пальмъ удалилась сладкіе финики кушать...

— Дались тебѣ эти финики! Ничего ты, Василій Андреичъ, не понимаешь,—тутъ, братъ, психологія женской души...

— Ну, да, психологія-то, можетъ, и была, да любви-то никакой не было...—сказалъ Василій Андреичъ, и съ какимъ-то мрачнымъ торжествомъ воскликнулъ:—Ну, ужъ и запилъ я тогда... ужъ и запилъ!.. Все, чтò около себя и на себѣ было,—все до ниточки пропилъ и, наконецъ, до бѣлой горячки допился. Какъ ужъ это произошло,—не помню; помню только, что все этотъ проклятый арабъ меня донималъ—зубы оскалитъ, глаза выворотитъ и хохочетъ во всю пасть. И вѣдь чудеса-то: про Джемиль я ни разу и не вспомнилъ, какъ будто бы ея и не было никогда, и теперь даже никогда и во снѣ не вижу, а вотъ Зурбаръ такъ до сей поры и стоитъ передо мной, какъ живой. Часто во снѣ за нимъ съ револьверомъ гоняюсь и никакъ поймать не могу; проснусь — ажъ вспотѣлъ весь, вотъ какъ онъ меня мучаетъ. Павелъ Дмитричъ тогда говорилъ мнѣ: „это, говоритъ, оттого, что ненависть сильнѣй любви, и что человѣкъ зло помнитъ сильнѣй, чѣмъ добро“...

— Кто это такой Павелъ Дмитричъ?—спросилъ я.

— А это студентикъ былъ одинъ въ больницѣ,—за мной ухаживалъ и даже исторію моей болѣзни писалъ. Славный былъ паренекъ, и много онъ тогда меня поддержалъ и утѣшилъ въ дни скорби моей и униженія моего. Очнулся я тогда,—смотрю, вертится около меня какой-то черненькій, кудрявый, и все смѣется. Я сначала думалъ,—чертенокъ какой-нибудь,—много ихъ тогда около меня прыгало,—и говорю ему: „брысь, анаѳема“! А онъ меня за пульсъ взялъ и говоритъ: „Эка вы, батенька, чертей-то

около себя развели, и охота вамъ съ этимъ народомъ путаться"! А я его спрашиваю:—„Да ты самъ-то кто такой будешь,—нешто не чортъ"? Тàкъ онъ и закатился.—„Нѣтъ, говоритъ, я студентъ медицины, Павелъ Дмитричъ такой-то".—„Эге, стало быть, я—въ больницѣ?"—„Такъ точно, въ больницѣ, въ сумасшедшемъ отдѣленіи".—„Плохо мое дѣло",—говорю.—„Да ужъ на чтò хуже,—до зеленаго змія допился. И какъ это васъ, батенька, угораздило?"—„А очень просто!—отвѣчаю ему.—Отъ несчастной любви"... Боже мой, какъ онъ зальется,—я даже сначала обидѣлся, а потомъ и самъ разсмѣялся. Однако, возражаю ему: „Чтò жъ тутъ смѣшного? Неужто нашъ братъ-рабочій даже влюбиться недостоинъ?"—„Не въ томъ, говоритъ, дѣло; конечно, любовь—не картошка, и слыхалъ я, что отъ нея люди вѣшаются, топятся, съ ума сходятъ, но чтобы до бѣлой горячки допиваться могли,—это я въ первый разъ вижу".—„Ну, такъ вотъ, говорю, и посмотри"... да, въ сердцахъ, взялъ и разсказалъ ему все, какъ было. Еще пуще хохочетъ... „Вы, говоритъ, настоящій Ромео".—„Какой-такой еще Ромео?"—„Да развѣ вы не читали?" —„Нѣтъ, не читалъ".—„Ну, такъ, говоритъ, я вамъ принесу". И принесъ. Очень мнѣ эта исторія понравилась,—въ концѣ ажъ слеза прошибла... и что жъ ты думаешь,—вѣдь похоже!

— То-есть, ты на Ромео похожъ?—спросилъ я.

— Не я,—какой я, чортъ, Ромео,—похожъ на него, какъ сапогъ на ананасъ! Нѣтъ, а вотъ Джемиль похожа на Джульету, —это дѣйствительно. Какъ она на балконѣ-то, когда Ромео провожала... Слушалъ я, и вотъ точь-въ-точь моя Джемиль разговариваетъ... до того даже, что и голосъ ея началъ мнѣ чудиться! Да... — со вздохомъ заключилъ Василій Андреичъ. — Такая же была... мечтательница... оттого и пропала...

— Ну, а Павелъ Дмитричъ чтò же?—напомнилъ я ему.

— Ничего, подружились мы съ нимъ. Каждый день онъ въ палату ходилъ, все меня щупалъ, разспрашивалъ и въ книжку записывалъ. Прибѣжитъ, бывало, и сейчасъ ко мнѣ. „Ну, чтò, говоритъ, новѣйшій Ромео, какъ дѣлà? Много чертенятъ передавилъ?"—„Нѣтъ, говорю, нынче послѣдняго ногтемъ прищелкнулъ, больше не осталось". Хохочетъ. Смѣшливый былъ до смерти; бывало, какъ войдетъ, такъ всю палату въ лоскъ и положитъ: и сидѣлки, и фельдшерà, и больные со смѣху помираютъ. Милосердная сестра часто ему говорила: „Вы мнѣ, Павелъ Дмитричъ, всѣхъ больныхъ въ гробъ уложите, я на васъ доктору буду жаловаться". А онъ ей на это: „Ничего, говоритъ, сестрица, смѣхъ — самое лучшее лекарство отъ всѣхъ болѣзней"! И точно: бывало,

какъ похохочешь съ нимъ, даже на душѣ какъ будто отлегнетъ. За это всѣ больные его любили; чуть-чуть, бывало, запоздаетъ,—ужъ и скучать начали. „Эхъ, говорятъ, что это нашъ смѣхотворъ не идетъ, хоть бы душу отвести, а то что-й-то, братцы, тошно на свѣтъ Божій глядѣть“...

Начали мы съ нимъ спорить, да вѣдь какъ,—сколько разъ чуть до драки не доходило! Онъ-то все больше смѣшкомъ, ну, а я очень даже серьезно сердился. „Тебѣ, говорю, хорошо; ты, вотъ, въ университетѣ кончишь, засядешь нашему брату на шею, да и пошелъ брюхо ростить и купоны отъ билетовъ отрѣзывать“.—„А чтò же, говоритъ, конечно, буду, потому купоны—вещь хорошая: не сѣешь, не жнешь, а завсегда и сытъ, и веселъ“.—„То-то, говорю, и есть; а того не думаешь, что кабы нашего брата-труженика не было, то и купоновъ бы у тебя не было. И потому не смѣй ты надъ нами издѣваться и намъ въ глаза тыкать, что мы—невѣжи! Нечего тебѣ насъ этимъ урекать; уважать ты насъ долженъ и почитать, а не скалиться“.—„А за чтò, говоритъ, мнѣ васъ уважать? Яословъ уважать не могу, а вѣдь вы всѣ не болѣе, какъ ослы“.—„Какъ такъ ослы? Почему такое?“—„Да потому что сами шею подъ хомутъ подставляете, вотъ почему. Ты самъ подумай: стоитъ-себѣ оселъ, стоитъ смирнёхонько, и только ушами хлопаетъ,—ну, какъ же на него не сѣсть? Садись смѣло, да въ хвостъ его, подлеца, да въ зубы, да по бокамъ,—дуй, хлещи, погоняй, небось, не посмѣетъ брыкаться, скотина вислоухая“!..

Ну, такъ онъ, бывало, этими словами своими взнуздаетъ меня, ажъ въ глазахъ потемнѣетъ. Остервенюсь и начну на всю палату кричать: „А, ты думаешь, мы брыкаться не умѣемъ? Погоди, брыкнемъ! Мы такъ брыкнемъ, что всѣ твои купоны къ чортовой тещѣ на похлебку полетятъ! Не играй, братъ, огонькомъ, не потушишь плевкомъ“!.. И пойду, и пойду, да ужъ и самъ, наконецъ, не помню, чего говорю, а тутъ, смотришь, и больные всѣ съ кроватей посползли, тоже-себѣ чего-то галдятъ, и сестра бѣжитъ, руками машетъ... „Ахъ, Павелъ Дмитричъ, да чтò же это за наказаніе такое? Опять вы мнѣ всѣхъ больныхъ раздразнили,—какъ вамъ это не стыдно! Вѣдь у нихъ теперь температура подымется“...

А Павелъ Дмитричъ въ отвѣтъ: „Не безпокойтесь, голубушка; это я опытъ дѣлаю, какъ по наукѣ доказано: который больной злится,—значитъ, здоровъ будетъ; пересталъ злиться—капутъ, шейте ему саванъ. Ну, вотъ, я, стало быть, и пробую“!

Ужъ не знаю, правду это онъ говорилъ или шутилъ, по

своему обычаю, но злилъ онъ меня здòрово, и сколько разъ мы съ нимъ, не простившись, разставались, какъ будто бы даже вовсе незнакомы. А на другой день, чуть только онъ свою бѣсенячью мордочку въ дверь просунетъ,—я ужъ и радъ, и всю свою обиду забылъ, и опять мы съ нимъ пріятели. Хорошій былъ человѣкъ, съ душой, а пуще всего мнѣ нравилось то, что для него, кажется, ничего невозможнаго на свѣтѣ не было. Бывало, скажешь ему: „Павелъ Дмитричъ, да вѣдь это нельзя?“—„Какъ такъ нельзя? Почему нельзя?“—„Да вѣдь, пожалуй, лобъ расшибешь!“—„Дуракъ, а тебѣ чтò, или лба жалко? Эка штука—лобъ! Ты только не бойся, а тамъ ужъ видно будетъ. Ничего бояться не надо; кто ничего не боится, тотъ все можетъ“... И такъ онъ тебя завинтитъ этимъ безстрашіемъ своимъ, что ажъ весело станетъ. „Эхъ, думаешь-себѣ, и вправду, чего бояться,—вѣдь только одна смерть страшна, да и та одна,—другой не будетъ“... Очень мнѣ это по вкусу пришлось, и восчувствовалъ я въ себѣ опять большую силу, такъ что едва дождаться могъ, чтобы меня изъ больницы выписали. Больно ужъ хотѣлось мнѣ скорѣе на волю выйти и свою жизнь по новому перестроить, а пуще всего—показать Павлу Дмитричу, какъ ослы брыкаться умѣютъ. Жалко, не пришлось!

— Почему же?—спросилъ я.

— Да потому, что пропалъ Павелъ Дмитричъ! Такая ужъ участь моя: не везетъ мнѣ на хорошихъ людей, да и все,—точно ихъ кто-нибудь заколдовалъ. Съ чухонцемъ подружился—его зубастый англичанинъ слопалъ; Джемиль съ Зурбаромъ въ Турцію ушла, а Павелъ Дмитричъ безъ вѣсти пропалъ, и гдѣ искать его—не знаю... Такъ всѣ и разсѣялись, точно ихъ вѣтромъ разметало! А вышло это дѣло такъ: передъ самой моей выпиской изъ больницы вдругъ нѣту Павла Дмитрича, да и шабашъ. И день нѣту, и другой, и третій... наконецъ, я до того заскучалъ, что рѣшился къ сестрѣ милосердія обратиться. Пришла она ко мнѣ термометръ ставить, я ее и спрашиваю: „Скажите, молъ, пожалуйста, отчего Павла Дмитрича не видать“? Пробурчнула она мнѣ что-то и ушла, а потомъ уже поздно вечеромъ, на ухо мнѣ и шепчетъ: „Не увидимъ мы больше нашего Павла Дмитрича: у нихъ, въ университетѣ какой-то скандалъ вышелъ, и его прямо съ улицы взяли и изъ Одессы подъ конвоемъ выслали“...—„Вотъ тебѣ, думаю, и купоны“!.. Но представь себѣ, не знаю почему, никакого безпокойства у меня объ немъ не было, да и сейчасъ нѣтъ: ужъ очень онъ парень-то отважный,—такой нигдѣ не пропадетъ. Я до сихъ поръ объ немъ вспоминаю:

чуть, этакъ, въ дѣлахъ заминка и всѣми чувствами разстроишься,—вдругъ точно тебѣ кто въ уши дунетъ: „Не робѣй, Васька, ничего бояться не надо!"—и воспрянешь! Да, я тебѣ скажу: сильное слово—великое дѣло, только надо его во-время сказать...

— Ну, а что же съ тобой было, когда ты изъ больницы вышелъ?

— Да всего много было, и не перескажешь. Изъ больницы я прямо на улицу вышелъ, къ братьямъ ужъ и не являлся, да оно и незачѣмъ было, потому что любимый мой младшій братишка на манчжурскую дорогу служить уѣхалъ, а прочіе братья и сестры окончательно передо мною свиньями оказались: въ то время, какъ я въ больницѣ лежалъ, они потихоньку батькину усадьбу продали, между собою раздѣлили, а мнѣ даже и кукиша не показали. Ну, и чортъ съ ними! Отправился я, по старой памяти, въ Карантинъ, къ знакомому ночлежнику. Ну, тамъ, конечно, обступили, на радостяхъ водкой угощаютъ,—я ни-ни, ни капли! Думаю-себѣ: ужъ если самъ Господь-Богъ меня отъ страшнаго дѣла уберегъ, значитъ, я на что-нибудь да нуженъ, а вѣдь дѣла-то на свѣтѣ не только что питейному акцизу доходъ доставлять, стало быть, поживемъ да поищемъ чего-нибудь получше. Въ такомъ смыслѣ я и своимъ карантиновцамъ высказался; ну, конечно, за это меня подлецомъ назвали и попросили убираться вонъ,—дескать, ты своимъ товарищамъ измѣнникъ... А какіе они мнѣ товарищи, если имъ отъ меня только водка нужна? Пьешь вмѣстѣ—другъ; пересталъ пить—пошелъ къ чорту,—это ужъ выходитъ не товарищество, а скотство... Ну, я ихъ своимъ чередомъ выругалъ и ушелъ.

— Что же, нашелъ, чего искалъ?—спросилъ я.

Василій Андреичъ прищурился и загадочно усмѣхнулся.

— А ты какъ думаешь?—вмѣсто отвѣта произнесъ онъ.

— Да, должно быть, нашелъ, ужъ очень у тебя видъ самодовольный.

Василій Андреичъ усмѣхнулся еще загадочнѣе.

— Ну, а коли знаешь, такъ и спрашивать нечего,—значительно сказалъ онъ.—Дѣла, братъ, у насъ такъ и прутъ,—орудуемъ понемножку,—надо же когда-нибудь и объ рабочемъ человѣкѣ подумать... Ас-соціа-цію затѣваемъ! — прибавилъ онъ, съ особеннымъ удовольствіемъ выговаривая мудреное иностранное слово.

Я покачалъ головой.

— Смотри, Василій Андреичъ, какъ бы тебѣ съ этой ассоціаціей въ какую-нибудь непріятность не влетѣть! — предостерегъ я его.

— Зачѣмъ влетать? — съ увѣренностью возразилъ мнѣ Василій Андреичъ.—У насъ все по законному,—уставъ написали и къ министру съ прошеніемъ отправили,—теперь разрѣшенія ожидаемъ. Что̀ жъ тутъ плохого, что рабочій человѣкъ самъ себѣ и своимъ товарищамъ хочетъ жизнь обезпечить?

— Конечно, ничего плохого нѣтъ, и дай вамъ Богъ успѣха. Ну, а какъ же у васъ съ Воробьевымъ кончилось?

— Съ Воробьевымъ ничего не вышло. Подалъ я начальнику порта жалобу на четырехъ листахъ, гдѣ все подробно описалъ, а такъ какъ я знаю, что Воробьевъ не получилъ никакого образованія и воспитанія, то я просилъ еще потребовать у него дипломъ и произвести ему экзаменъ, на какомъ основаніи, напримѣръ, онъ служитъ механикомъ? Однако, ничего я этимъ не достигъ, потому что жалобу мнѣ назадъ вернули, а жалованья за четыре мѣсяца и фондовыхъ денегъ такъ и не отдали по причинѣ клеветы Воробьева, будто я хотѣлъ бѣжать съ парохода и бунтовалъ команду. Добился своего, собака, и унизилъ меня передъ всѣми, но я этого такъ не оставлю, а подамъ на нихъ на всѣхъ жалобу министру,—пускай тамъ мое дѣло разберутъ. Выйдетъ, не выйдетъ, а все-таки, можетъ, призадумаются.

Онъ вынулъ изъ кармана какую-то облупленную цыбулю, озабоченно на нее посмотрѣлъ и воскликнулъ:

— Эге, а вѣдь ужъ три часа,—вотъ мы заговорились-то! Пойдемъ-ка, погуляемъ, а потомъ, если хочешь, я тебя съ своей невѣстой познакомлю!

Я согласился, и мы отправились. Улицы Одессы были полны гуляющими, и, какъ мнѣ показалось, мы съ Василіемъ Андреичемъ были предметомъ всеобщаго вниманія, въ виду нѣкотораго несоотвѣтствія нашихъ фигуръ и костюмовъ. По крайней мѣрѣ, я нѣсколько разъ ловилъ на себѣ изумленные взоры изящныхъ одесситокъ, а стоявшіе на посту городовые провожали насъ черезчуръ пристальными взглядами, напоминающими взглядъ коршуна, высматривающаго себѣ жертву среди мирнаго куринаго выводка. Василій Андреичъ тоже замѣчалъ это вниманіе и громко ругался.

— Вотъ за что̀ не люблю эту проклятую Одессу,—здѣсь на улицу нельзя выйти безъ того, чтобы тебя съ ногъ до головы не оглядѣли. А чего глядѣть? У меня въ карманахъ ничего краденаго нѣтъ. Воръ-народъ, а всѣ воры, говорятъ, любопытные. Самъ чего-нибудь стянулъ, да и смотритъ, кабы и у него не украли. Небось, красть не буду, а чего нужно, — прямо возьму!

Мы прошлись по Дерибасовской, Ришельевской, Екатерининской, поглядѣли съ лѣстницы на загаженное пароходами море и затѣмъ спустились въ самыя нѣдра Карантинной слободки, — этого знаменитаго пріюта одесской голытьбы и бездомовья. Здѣсь насъ сразу обдало терпкимъ запахомъ неопрятной нищеты: изъ отворенныхъ настежь дверей закусочныхъ и чайныхъ валилъ удушливый паръ; на шаткихъ галереяхъ домовъ сушилось какое-то безформенное тряпье; посреди площади лежали, сидѣли или безцѣльно расхаживали мрачныя фигуры утратившихъ образъ и подобіе Божіе людей; откуда-то доносились нестройные звуки дикой пѣсни въ перемежку съ болѣзненнымъ визгомъ разстроенной гармоники и отчаянными ругательствами. Василій Андреичъ остановился и вздохнулъ.

— Вотъ гдѣ я, Валерьянъ Борисычъ, цѣлыхъ два года прожилъ!—сказалъ онъ съ горечью.—Видишь, вонъ, домъ-то съ галереей, гдѣ растрепанныя бабы съ папиросками сидятъ? Тамъ я и обиталъ, въ ожиданіи лучшихъ дней. Ѣли мало, зато пили много, а еще больше того ругались и проклинали. Вотъ такъ же, вотъ, бывало, лежишь на улицѣ,—дѣлать нечего, работы нѣтъ, въ брюхѣ—африканская пустыня, во рту—изверженіе Везувія, въ груди—злость и тоска, и думаешь-себѣ, въ кого бы, этакъ, камнемъ запустить, да такъ, чтобы мозги наружу выскочили? И запускали... ты думаешь, нѣтъ? Сколько тутъ душъ каждый годъ пропадаетъ безъ вѣсти—и не пересчитаешь. А тамъ, наверху, поютъ, пляшутъ, на резиновыхъ шинахъ раскатываются, тысячными дѣлами ворочаютъ,—каково это намъ все чувствовать и понимать? Я какъ-то, разъ, Джемиль сюда привелъ, такъ она послѣ этого всю ночь не спала,—плакала. „Ахъ, говоритъ, это хуже, чѣмъ у насъ, да какъ же это можно такъ жить?“ — „То-то, говорю, и есть, а ты думала, что у насъ тутъ райское блаженство! Эхъ, ты, мечтательница“!..

Въ это время одна изъ растрепанныхъ бабъ, сидѣвшихъ на галереѣ мрачнаго дома, мимо котораго мы проходили, перевѣсилась черезъ перила и сиплымъ голосомъ закричала Василію Андреичу:

— Васька! Никакъ это ты, чортъ?

— Я!—откликнулся Василій Андреичъ, внимательно присматриваясь къ бабѣ.—А ты, флейта безносая, все еще жива?

Баба закатилась густымъ, хриплымъ хохотомъ.

— Жива, жива, а ты что̀ же это, тараканье мясо, старыхъ знакомыхъ не признаешь? Ишь расфуфырился,—аль купца обокралъ? Угости мерзавчикомъ,—поцѣлую!

И простирая Василію Андреичу объятія, она заскрипѣла своимъ ужаснымъ голосомъ: „Зац-цѣлуй меня до смер-рти, отъ тебя и смерть мил-ла"!.. Василій Андреичъ досталъ изъ жилетнаго кармана двугривенный и бросилъ его пѣвицѣ.

— На... получай!.. — крикнулъ онъ ей. — А за поцѣлуй спасибо.

Баба ловко подхватила двугривенный и, поднявъ рваную юбку, принялась танцовать съ разухабистыми жестами какой-то непристойный танецъ, выкрикивая на всю улицу: „Я всѣмъ извѣстный сор-ван-нецъ"!..

— Пойдемъ скорѣе! — сказалъ мнѣ Василій Андреичъ.—А то еще, чего добраго, помоями обольютъ,—это у насъ въ Карантинкѣ за любезность считается.

Мы торопливо удалились, а вслѣдъ намъ долго еще неслись крики, хриплый хохотъ и хриплое пѣніе: „Я всѣмъ извѣстный сорванецъ"!..

— Шансонетки по ресторанамъ пѣла,—проговорилъ Василій Андреичъ, когда мы были уже далеко. — И даже очень недурненькая была. Ну, а потомъ подцѣпила себѣ француза, носъ подгулялъ,—и пошла въ Карантинъ на сломку... Много у насъ тамъ этакихъ сладкихъ объѣдковъ по канавамъ гніетъ! А все это, Валерьянъ Борисычъ, твои скучные люди забавляются. Скучно имъ, вотъ они и выискиваютъ кусочекъ послаще, пососутъ-пососутъ, да и бросятъ; имъ развлеченіе, а черезъ это живая душа пропала. Эхъ, Валерьяша, плюнь ты на скучныхъ людей,—ищи живую душу!.. Живая душа дорого стòитъ!

Очевидно, прогулка по этимъ мрачнымъ мѣстамъ вызвала въ Василіѣ Андреичѣ тьму мрачныхъ воспоминаній, и онъ все больше и больше впадалъ въ меланхолическое настроеніе. Когда мы переходили черезъ знаменитый Карантинный мостъ, съ котораго въ прежнія времена часто бросались внизъ головой обиженные судьбой неудачники, Василій Андреичъ снова остановился. Мостъ былъ теперь, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, огороженъ прочной рѣшеткой, и эта рѣшетка вызвала въ моемъ спутникѣ взрывъ угрюмой веселости.

— Ишь ты!.. — воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по рѣшеткѣ. — Обгородили, — берегутъ нашего брата, какъ быка на бойнѣ! Точно не все равно имъ, какъ упадешь—лбомъ или затылкомъ... А жалко: прежде лучше было. Стоишь, бывало, на краешкѣ, такъ тебя и тянетъ туда. Сколько разъ и я здѣсь стаивалъ... особенно зимой. Одежонка на тебѣ—одинъ воздушный зефиръ; ни сзади, ни спереди никакой опредѣленной пер-

спективы; весь ты съ ногъ до головы обгаженъ и исплеванъ, а тутъ прямо въ лобъ злѣйшій морякъ дуетъ и свиститъ во всѣ уши: „Какого чорта,—прыгай, да и все тутъ, а я подтолкну“... Нѣтъ, братъ, погодишь, успѣю еще въ могилѣ належаться, дай поглядѣть на вольный свѣтъ, авось онъ какъ-нибудь на другой бокъ перевернется... Ну, и ничего, какъ-то этакъ на всѣ винты закрутишься, и пошелъ себѣ съ гордымъ духомъ карантинныхъ блохъ кормить. Д-да... некрасивые моментики бывали...—задумчиво проговорилъ Василій Адреичъ и, взглянувъ на свою цыбулю, прибавилъ другимъ тономъ:—Поѣдемъ, Валерьянъ Борисычъ, на Бугаевку-то, а то сейчасъ всѣ гудки загудутъ, мой будущій тесть на работу уйдетъ. Мужикъ строгій, старинныхъ правилъ; у него и поговорка такая: „разсчитался—лежи, а нанялся—служи“! Я ужъ съ нимъ и спорить боюсь, потому что онъ мнѣ прямо сказалъ: „Ежели хоть одно соленое слово отъ тебя услышу,—со двора сгоню, не видать тебѣ моей Настьки“!

— А что это за соленыя слова такія?—спросилъ я, смѣясь.

— А разныя такія забористыя, напримѣръ: „капитализмъ“, „пролетарій“ и все въ этомъ родѣ. Особенно терпѣть не можетъ, когда при немъ скажутъ про восьмичасовой рабочій день. Бѣда! Прямо старикъ на стѣну лѣзетъ! Еще бы: триддать лѣтъ на фабрикѣ работаетъ, до старшаго мастера дослужился, вотъ ему и непріятно. Но ничего, человѣкъ хорошій,—я его уважаю. Этакіе-то лучше: въ него не скоро понятіе вобьешь, а ужъ коли вбилъ, такъ крѣпко, не то что другіе бываютъ въ родѣ какъ пробки,—куда ихъ потянетъ, туда они и плывутъ. Это ужъ совсѣмъ дрянь...

Въ это время мы уже сидѣли на конкѣ и проѣзжали Обжорный рядъ и толкучку. Несмотря на позднее время, у дощатыхъ балагановъ и около торговокъ толпился еще народъ; какія-то загадочныя личности тутъ же на улицѣ снимали съ себя разныя принадлежности костюма и перемѣняли ихъ на другія, вѣроятно только-что пріобрѣтенныя; воздухъ былъ пропитанъ кислымъ запахомъ залежавшагося тряпья, и изъ общаго безформеннаго гула, стоявшаго надъ толпой, вырывался чей-то острый и тонкій, какъ иголка, крикъ: „Мусью, мусью, купите гультики, хорошіе гультики, какъ разъ по вашему растенію“...

— Тоже мѣста знакомыя! — съ улыбкой сказалъ Василій Андреичъ.—Здѣсь въ пять минутъ можно хорошій костюмъ перемѣнить на плохой—и обратно; выйдешь, такъ мать родная не узнаетъ. Кстати тутъ же на улицѣ и цырюльники есть: за три копѣйки стригутъ, брѣютъ и завиваютъ. Кому нужно свой видъ

перемѣнить,—лучшаго мѣста не найдешь; всѣмъ одесскимъ жуликамъ здѣсь главная квартира. Ну, пріѣхали, давай вылѣзать!

Мы вышли на пустынную, немощеную улицу предмѣстья и стали подниматься въ гору, перелѣзая черезъ канавы, поросшія крапивой и бурьяномъ, взбираясь на желѣзнодорожныя насыпи, скользя по ползучимъ тропинкамъ, протоптаннымъ неизвѣстно кѣмъ въ глубокихъ глинистыхъ оврагахъ. А вотъ и Дюковскій садъ, все такой же тощій, чахлый, съ желтою примятою травой, съ грудами засаленныхъ бумажекъ и яичной скорлупы подъ деревьями... Гдѣ-то совсѣмъ близко послышались звонкіе дѣтскіе голоса, смѣхъ; сквозь листву замелькали розовыя и синія рубашонки, платьица, стриженыя и косматыя головки... Мы вышли на площадку, среди которой возвышались качели, торчалъ столбъ для гигантскихъ шаговъ и была устроена трапеція. Куча разноцвѣтной мелюзги съ оживленнымъ пискомъ копошилась здѣсь, осаждая качели, на которыхъ высоко взлетали два босоногихъ джентльмена въ возрастѣ отъ пяти до восьми лѣтъ. Мы постояли и полюбовались.

— Вотъ площадку для бѣдныхъ дѣтишекъ устроили!—сказалъ Василій Андреичъ.—Въ наши съ тобой времена этого не было. Бѣгали по улицѣ, задеря хвостъ, да на кулачки дрались, а теперь, ишь ты,—и трапеція, и обручи, и всякая штука... любопытно поглядѣть! Да, братъ, двигается что-то, здорово двигается... хорошо, что я съ Карантиннаго моста не прыгнулъ, а то ничего бы не увидалъ! Эхъ, ужъ если ломать голову, то не даромъ!..

Онъ быстро зашагалъ впередъ, я послѣдовалъ за нимъ, и скоро мы очутились на вершинѣ холма, у подножія котораго раскинулось все предмѣстье съ своими кривыми, бугристыми улицами, канавами, заброшенными пустырями, огородами и жалкими домишками, гдѣ ютился рабочій людъ. Стадо коровъ ползло по улицѣ, и пыль тонкою сѣрою вуалью стлалась надъ предмѣстьемъ, а выше и дальше вздымались все трубы, трубы, трубы... цѣлый лѣсъ трубъ,—и длинные, черные хвосты дыма медленно и дѣловито тянулись по небу, сливаясь съ легкими, пушистыми облаками. Вдругъ гдѣ-то далеко заревѣлъ гудокъ,—ему отвѣчалъ другой, потомъ третій, четвертый, пятый... и мирная, праздничная тишина откликнулась на этотъ зовъ протяжнымъ, жалобнымъ стономъ.

— Шесть часовъ,—сказалъ Василій Андреичъ, вынимая часы.—Аккуратъ по моимъ!

Я ничего не отвѣчалъ и, не отрываясь, смотрѣлъ на раз-

стилающуюся передо мной картину, позолоченную заходящимъ солнцемъ. Изъ домовъ уже выходили люди по двое и по одиночкѣ; пустынное предмѣстье запестрѣло синими, черными, коричневыми блузами, и все это сливалось въ одинъ могучій потокъ, который катилъ свои живыя волны туда, гдѣ дымились высокія трубы и ревѣли призывные гудки. Можетъ быть, вблизи эта картина была не такъ красива, но отсюда, съ высоты холма, она производила потрясающее впечатлѣніе, и я чувствовалъ, какъ грудь моя расширяется, сердце усиленно бьется, точно я самъ былъ частицею этого громаднаго человѣческаго потока, въ непрерывномъ движеніи котораго было что-то сильное и захватывающее. Василій Андреичъ тихонько тронулъ меня за рукавъ.

— А что, засмотрѣлся? — сказалъ онъ. — Какова армія-то, а?.. Видалъ?

Я взглянулъ на него,—его суровое лицо сіяло торжествомъ, въ желтыхъ глазахъ прыгали веселыя искры,—казалось, въ эту минуту онъ забылъ всю свою скитальческую жизнь, всѣ разочарованія, обиды, униженія, все неустройство и горечь прошедшихъ дней,—онъ былъ теперь весь въ будущемъ, онъ вѣрилъ въ будущее и былъ счастливъ... Я его понялъ.

— Да...—задумчиво проговорилъ я, съ тайной завистью къ этому человѣку, въ которомъ ничто не могло истребить жажды жизни и вѣры въ жизнь. — Да, хорошо жить, когда не одинъ.

— То-то!—вымолвилъ Василій Андреичъ.—Вотъ я и говорю, иди-ка ты къ намъ, на Бугаевку, здѣсь не заскучаешь, а скучные люди твои,—нехай они себѣ подыхаютъ! Ихъ дѣло прошло, а наше... наше только еще начинается!..

Онъ подхватилъ меня подъ руку, и мы начали спускаться внизъ по крутой тропинкѣ, проложенной среди исполинскаго репейника и лопуховъ, которые когда-то въ дѣтствѣ представлялись намъ дѣвственными лѣсами. Василій Андреичъ окончательно развеселился и всю дорогу безъ умолку говорилъ, вспоминая разные смѣшные случаи изъ нашихъ ребяческихъ похожденій и заставляя меня хохотать вмѣстѣ съ нимъ. Въ такомъ настроеніи мы явились и въ домъ его будущаго тестя. Вся семья была въ сборѣ и сидѣла за вечернимъ чаемъ; самъ хозяинъ былъ весьма почтенный человѣкъ, съ почтенной сѣдой бородой, строгимъ взглядомъ большихъ на выкатѣ глазъ и необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства, проявлявшимся не только въ словахъ и движеніяхъ, но даже въ манерѣ пить чай. Прежде чѣмъ откусить кусочекъ сахару, онъ обводилъ всѣхъ внушительнымъ взоромъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „не чужое ѣмъ,

а свое!“—а когда протягивалъ свою пустую чашку для новаго ея наполненія, то на лицѣ его ясно выражалось: „вотъ, захочу и еще выпью, и никто мнѣ запретить не можетъ, потому—самъ себѣ хозяинъ“! Жена его, еще не старая и довольно миловидная женщина, напротивъ, проявляла чрезмѣрную суетливость и повидимому была большая охотница поговорить, но въ присутствіи мужа стѣснялась и ограничивалась только тѣмъ, что безпрестанно открывала и закрывала ротъ и оправляла свое пышное зеленое платье со сборками. Василій-Андреичева невѣста мнѣ не особенно понравилась: это была самая обыкновенная мѣщанская „барышня“, очень свѣженькая, съ круглыми, черными, какъ вишня, глазками, незначительными чертами лица и модной прической „гейша“, отличавшейся множествомъ шпилекъ, торчавшихъ на затылкѣ. Держалась она немножко странно: видно было, что она стѣсняется, но въ то же время изо всѣхъ силъ старается быть развязной; поэтому все у нея выходило какъ-то неестественно и некрасиво. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ представителей семейства, былъ тутъ еще подростокъ лѣтъ семнадцати, братъ невѣсты; несмотря на свою молодость, онъ велъ себя крайне независимо, и его красивое серьезное лицо поразило меня своей интеллигентностью. Рядомъ съ своимъ самодовольнымъ отцомъ, достигшимъ всей возможной для него высоты мѣщанскаго благополучія, рядомъ съ простоватой матерью и сестройгейшей, онъ казался человѣкомъ совсѣмъ другого міра, и я съ большимъ интересомъ смотрѣлъ на этотъ юный отпрыскъ русской рабочей семьи.

Василій Андреичъ представилъ меня всѣмъ по очереди, а хозяину отрекомендовалъ особенно, прибавивъ при этомъ, что я—писатель и что за каждую книжку мою мнѣ платятъ по рублю. Эти слова произвели на присутствующихъ различное впечатлѣніе: юноша метнулъ на меня быстрый и внимательный взглядъ; гейша хихикнула; мамаша суетливо поправила свои сборки и сказала: „очень пріятно!“—а хозяинъ выразилъ на лицѣ недовѣріе, сдѣлалъ основательный хлебокъ съ блюдечка и потомъ уже вымолвилъ коротко и твердо:—Врешь!

— Ну, вотъ тебѣ и врешь!—воскликнулъ Василій Андреичъ, смѣясь. — Экая голова у тебя, Акимъ Степанычъ, твердая, молоткомъ не пробьешь! Ну, не вѣришь, спроси самъ.

Акимъ Степанычъ обратилъ на меня вопросительный взглядъ, на который я отвѣчалъ, что дѣйствительно платятъ и даже не по рублю, а гораздо больше. Старикъ поставилъ блюдечко на столъ и вздохнулъ.

— Что жъ, стало быть, дураковъ на свѣтѣ еще много, что за пустяки деньги даютъ,—медленно сказалъ онъ.—Какая польза отъ этихъ книжекъ? Одинъ переводъ времени! Которымъ дѣлать нечего, ну, еще отъ скуки все-таки занятіе, а рабочему человѣку это ни на что не нужно.

Юноша нахмурилъ брови, гейша опять хихикнула. Василій Андреичъ толкнулъ меня подъ столомъ ногой и продолжалъ:

— Да вѣдь ты, Акимъ Степанычъ, сроду, небось, ни одной книжки не прочиталъ? Почемъ же ты знаешь, что отъ книжекъ пользы нѣтъ?

— Я псалтырь каждый праздникъ читаю,—возразилъ Акимъ Степанычъ.—И евангеліе читаю. А тамъ что̀ сказано-то, забылъ? „Горе книжникамъ и фарисеямъ"!.. Не зря это сказано.

— Чудакъ-человѣкъ, да это совсѣмъ не про то сказано!

— Ну, про то или не про то, а вотъ сказано же! И вѣрь... Книжки только голову человѣку забиваютъ. Начитается и пошелъ разныя загогули загогуливать! То не такъ, это не этакъ, и чортъ ему не братъ... Былъ у насъ на заводѣ одинъ такой-то, — читалъ, читалъ, да и дочитался. Приходитъ однажды и кричитъ на весь заводъ: „Я, говоритъ, теперь такое слово знаю, такое слово знаю!.." — „Какое-такое слово?" — „А вотъ такое: только одно слово и скажу, — сейчасъ нашему брату-рабочему другой цѣнизмъ будетъ"! И сказалъ... А его за это слово взяли, да по этапу на родину. Вотъ тебѣ и „цѣнизмъ"! Нѣтъ, ужъ это не даромъ сказано: „Горе вамъ, книжники и фарисеи"! Ты это помни.

И, помолчавъ немного, онъ обратился ко мнѣ.

— А все-таки какъ-нибудь вы мнѣ ваше рукодѣлье принесите. Я посмотрю: можетъ, что-нибудь и путное...

Я обѣщалъ. Въ это время юноша всталъ, обдернулъ рубаху и сказалъ:

— Ну, я пойду.

— Это куда же?—спросилъ отецъ съ оттѣнкомъ неудовольствія въ голосѣ.

Юноша что-то пробуркнулъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату; Акимъ Степанычъ поставилъ недопитое блюдце на столъ и послѣдовалъ за нимъ. Въ его отсутствіе общество замѣтно оживилось. Василій Андреичъ подсѣлъ къ невѣстѣ, которая безпричинно смѣялась, закрывая ротъ платочкомъ, а хозяйка, послѣ долгаго молчанія, разверзла свои уста и засыпала меня цѣлымъ каскадомъ вопросовъ, на которые я даже не успѣвалъ отвѣчать.

— Вы, молодой человѣкъ, ро̀маны пишете? Ахъ, мы съ

Настенькой очень любимъ рòманы! Мы завсегда потихоньку отъ Акима Степаныча читаемъ. Вы какіе рòманы пишете—страшные или чувствительные? Настенька любитъ страшные, а я—чувствительные. Вы читали „Тайну королевы"? Вотъ рòманъ, такъ рòманъ,—ужъ сколько я слезъ надъ нимъ пролила, помнишь, Настенька? Мы и въ театрѣ бываемъ на святкахъ,—до смерти люблю театры! Акимъ Степанычъ, конечно, не одобряетъ, но вѣдь въ нынѣшнее время нельзя же молодымъ людямъ безъ развлеченія... У насъ Настенька одна, — что же ей такъ въ „запиртѣ" и сидѣть? Прежде, конечно, считалось даже неприличнымъ барышнѣ на улицу выходить, но вѣдь теперь совсѣмъ другое время! Вотъ, когда я была въ барышняхъ...

Мнѣ такъ и не пришлось узнать, что случилось съ ней, когда она была въ барышняхъ, потому что въ эту минуту возвратился Акимъ Степанычъ и занялъ свое мѣсто за столомъ. Онъ видимо былъ чѣмъ-то разстроенъ, и всѣ почувствовали себя стѣсненными. Оживленіе смѣнилось натянутостью; Настенька перестала смѣяться и обмахивала свое раскраснѣвшееся лицо платочкомъ, чтобы согнать съ него слѣды веселости; хозяйка съ удвоенной суетливостью принялась перемывать посуду, изрѣдка кидая на мужа встревоженные взгляды.

— Вотъ вѣдь совсѣмъ испортился мальчишка!—началъ Акимъ Степанычъ послѣ того, какъ допилъ остывшій чай и потребовалъ себѣ новую порцію.—Говорю ему: сиди дома, нечего тебѣ безъ дѣла по улицамъ околачиваться, завтра въ четыре часа надо въ мастерскую идти,—а онъ мнѣ: „Я, говоритъ,—не могу, у насъ нынче товарищеское собраніе, а я членъ".—Ахъ, чтобы ты издохъ! говорю. Какое-такое собраніе? Какой-такой „членъ?" Слесаришки разные паршивые, кастрюльники, а туда же—члены! Члены-то, я говорю, вонъ они гдѣ сидятъ, ихъ рукой не достанешь, а ты знай свои кастрюльки, и нечего тебѣ свой сопливый носъ въ чужіе горшки совать"! Какъ же, ты думаешь, онъ на эти слова мои отвѣтилъ? Надѣлъ шапку, завернулся и пошелъ... Ахъ, ты, поганецъ этакій! Выволочку хорошую ему за это дать, больше ничего на предбудущее время не остается.

— А я...—начала-было хозяйка, но, встрѣтивъ суровый взглядъ мужа, сейчасъ же остановилась и замолчала. За нее отвѣтилъ Василій Андреичъ.

— Ты, Акимъ Степанычъ, все по старинному норовишь!—сказалъ онъ.—Это все оттого, что ноги у тебя коротки, за ними не поспѣешь! Заблудился въ темномъ лѣсу, вотъ и боишься каждаго пенька, а мы ужъ давно на широкую дорогу вышли, намъ бояться нечего.

— Не дури мнѣ голову! — сердито проворчалъ старикъ.— Хорошо поёшь, гдѣ-то сядешь! На какую это такую дорогу вы вышли? Смотри, не на Владимірку ли?

— Ну вотъ, опять на старый пень наткнулся!—засмѣялся Василій Андреичъ.—Какая теперь Владимірка? Давно уже ее отмѣнили; теперь есть Великій Сибирскій путь, и по немъ поѣздъ-экспрессъ ходитъ!

— Это что еще за слово такое—„экспрессъ"? Сколько говорю тебѣ, Василій Андреичъ, не поминай ты при мнѣ этихъ своихъ словъ! Сказалъ: не люблю, и не люблю... Настя!—неожиданно обратился онъ къ дочери.—Ты чего же это, какъ дыня американская, разсѣлась? Ступай корову доить,—не слышишь, давно на дворѣ реветъ?

Настя немного измѣнилась въ лицѣ, но ничего не возразила и вышла. Мать, шумя оборками, поспѣшила за ней. Мы съ Василіемъ Андреичемъ переглянулись, и оба разомъ встали, чувствуя, что нашъ визитъ нѣсколько затянулся. Хозяинъ тоже поднялся и долго крестился на образа.

— Ну, прощай, Акимъ Степанычъ,—сказалъ Василій Андреичъ, протягивая ему руку.

— Куда же ты?—съ удивленіемъ спросилъ старикъ.—Сиди! Я-то уйду сейчасъ, мнѣ на заводъ пора, а тебѣ чего? У васъ, вѣдь, на фабрикѣ другой порядокъ времени.

— Нѣтъ, ужъ я пойду. Ты нынче не въ духѣ, какъ бы намъ съ тобой не поругаться. За что ты Настеньку сейчасъ огорчилъ? Всего только одно слово я и сказалъ, а ты ужъ и повозку на бокъ! Норовитый ты человѣкъ, Акимъ Степанычъ, проржавѣлъ во всѣхъ частяхъ, никакимъ тебя масломъ не умаслишь!

— Ну-ну-ну!—дружелюбно прервалъ его Акимъ Степанычъ. —Ты тоже хорошъ сахаръ, никакимъ зубомъ тебя не возьмешь. Сиди, говорю; вотъ, сейчасъ мои бабы придутъ, закусочку сорудятъ, лисабончику по рюмочкѣ дербанемъ. Господинъ писатель тоже съ нами выпьетъ!

Возвратились „бабы" и тоже начали упрашивать насъ посидѣть. Пришлось остаться и выпить по рюмочкѣ „лисабончику", а когда старикъ ушелъ, то и дамы выпили. Настенька разрумянилась и сдѣлалась гораздо естественнѣе и лучше; Василій Андреичъ сталъ упрашивать ее спѣть какую-то его любимую пѣсню, и къ моему удивленію Настенька немножко невѣрно, но съ большимъ чувствомъ запѣла старинную студенческую пѣсню:

„Часовой!"—Что, баринъ, надо?—
„Притворись, что ты заснулъ!"...

Въ маленькомъ домикѣ сгущались тихія сумерки; свѣжій дѣвичій голосокъ безсознательно выводилъ рыдающія ноты грустной пѣсни; Василій Андреичъ жужжащимъ басомъ вторилъ, а я сидѣлъ, и мнѣ вспоминалось студенческая мансарда на Васильевскомъ Острову, вся насквозь прокуренная табачнымъ дымомъ, тусклый свѣтъ керосиновой лампы, тоскливый пискъ потухающаго самовара, молодыя лица, молодые голоса и та же самая пѣсня, густой, свинцовой струей вливавшаяся въ душный полумракъ... Боже мой, какъ давно это было!.. И гдѣ теперь эти пѣвцы?!.. Многіе изъ нихъ, можетъ быть, уже замолкли навсегда; другіе постарѣли, облысѣли и скучно влачатъ свои никому не нужные дни,—а пѣсня все жива, только поетъ ее теперь не косматый студентъ-семидесятникъ, а дочь заводскаго мастера съ прической гейши. Что же, можетъ быть, это и къ лучшему, господа!..

— Здорово! — воскликнулъ Василій Андреичъ, когда Настенька кончила.—Вотъ это такъ пѣсня,—слушаешь, не наслушаешься, такъ тебѣ во всѣ жилы и ударяетъ! Спасибо, Настенька!.. Ну, а теперь, Валерьянъ Борисычъ, пойдемъ, мнѣ завтра въ четыре часа вставать надо, а то вся Одесса безъ макаронъ останется!

Когда мы вышли, на улицѣ была уже ночь, и крупныя, южныя звѣзды весело сіяли на прозрачномъ осеннемъ небѣ. Въ предмѣстьи было тихо и темно, но на горизонтѣ таинственно волновались темнорозовые отблески городскихъ огней и изрѣдка то набѣгалъ, то снова замиралъ глухой гулъ далекаго города. По временамъ онъ почти совершенно исчезалъ, превращаясь въ едва слышный шопотъ, и тогда въ тишину предмѣстья врѣзывался новый звукъ, тяжелый и протяжный,—это шелъ по степи ночной поѣздъ.

— Ну, какъ тебѣ моя Настенька понравилась? — спросилъ меня Василій Андреичъ. Я не хотѣлъ огорчать пріятеля и отвѣчалъ ему, что ничего, понравилась. Но Василій Андреичъ, вѣроятно, уловилъ въ моемъ голосѣ ноту неискренности, потому что вздохнулъ и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Что жъ подѣлаешь,—другой такой, какъ Джемиль, не найдешь, а курсистка какая-нибудь все равно за меня не пойдетъ. Конечно, Настенька — она съ глупцой... я самъ это вижу, но все-таки ничего себѣ, дѣвочка добрая. Подростетъ, можетъ, еще и поумнѣетъ, ей вѣдь лѣтъ не много. А мнѣ, братъ, надоѣло бобылемъ скитаться! тридцать-четыре года ужъ,—гляди, куда дѣло-то подкатываетъ; случись какая-нибудь катавасія, такъ вѣдь это пожалѣть тебя некому будетъ. Одно только: боюсь, какъ бы у

насъ это дѣло не разладилось. Разругаемся какъ-нибудь съ старикомъ въ дрызгъ—и прощайте, Настенька! Видалъ, какой онъ? Конечно, и его тоже понять надо: всю свою жизнь онъ достигалъ, по зернышку, по крупкѣ собиралъ, небось, хватилъ горячаго до слезъ,—ну, понятно, и трясется теперь, какъ бы всего не лишиться. Вотъ и маменька моя покойница такая же была, и здорово ей отъ меня за это доставалось, а теперь жалѣю. Что съ нихъ взять? Темные они, какъ медвѣди въ лѣсу, а по своему тоже насъ любили, у другихъ изъ горла куски рвали, чтобы мы сыты были, живы были... Какъ подумаешь, такъ и судить не за что, да и зачѣмъ? Намъ съ ними дѣлить нечего; все равно, они свой путь по своему прошли, а мы по своему пойдемъ, только и всего.

Опять на насъ набѣжала гулкая волна безпокойной городской суеты, а когда она отхлынула, шумъ поѣзда уже угасъ въ далекой степи, поглощенный темнотой и безмолвіемъ ночи.

— Вотъ братишка Настенькинъ—это такъ морякъ!—воскликнулъ вдругъ съ оживленіемъ Василій Андреичъ.—Кабы старикъ зналъ, сколько я ему книжекъ перетаскалъ, давно бы меня по шапкѣ! А теперь по-французски учится, хочетъ за границу дернуть. Какъ, говоритъ, скоплю сто цѣлковыхъ, такъ и поѣду. Ничего, пускай, я одобряю. Мальчишка бѣдовый, нигдѣ не пропадетъ. А старикъ позудитъ-позудитъ, да и отпуститъ. Это вѣдь онъ давеча все зря говорилъ насчетъ выволочки; самъ до смерти его любитъ, и малый все, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Эхъ, жалко, вотъ, Настенька-то не такая,—въ мамашу уродилась, такая же... дыня американская!—вспомнилъ онъ выраженіе Акима Степаныча и засмѣялся.

Было уже поздно, когда мы подошли къ ярко освѣщенному подъѣзду гостинницы „Бристоль". Здѣсь мы съ нимъ распростились, и, взявъ съ меня слово, что я непремѣнно побываю у него на Старопортофранковской, Василій Андреичъ удалился, напѣвая своимъ жужжащимъ басомъ отрывокъ любимой пѣсни:

„И, гремя о шпору шпорой,
Тихо ходитъ часовой"...

Когда я поднялся къ себѣ въ номеръ и выглянулъ въ окно на улицу, пѣсни уже не было, не было и пѣвца,—они ушли въ тихую, звѣздную ночь, а вмѣсто нихъ на подъѣздѣ сосѣдней гостинницы ссорились и шумѣли какія-то барышни въ свѣтлыхъ туалетахъ, причемъ одна изъ нихъ настойчиво угрожала откусить кому-то носъ, выпить глаза и залить за шкуру сала. Я

уже не сталъ доискиваться, кому это предназначалось столь жестокая казнь и, затворивъ наглухо жалузи, легъ въ постель. Но мнѣ не спалось: въ желудкѣ тихо ныль и тосковалъ „лисабончикъ" гостепріимнаго Акима Степановича; въ ушахъ звучалъ глухой стонъ узника, просившаго свободы; передъ глазами легкой вереницей проходили никогда мною невидѣнныя, но странно знакомыя лица—черноокая мечтательница Джемиль, бѣловолосый чухонецъ Михрютка, зубастый англичанинъ, кроткій Бульонщикъ, свирѣпый Воробьевъ, добродушный толстякъ Винтура, насмѣшливый Павелъ Дмитричъ... Они все шли и шли, а я безпокойно ворочался на пружинномъ матрасѣ, и мнѣ было скучно и жалко, что жизнь моя также проходитъ, почти прошла, и мнѣ нечѣмъ ее помянуть, и впереди все холодно и пусто... Заснулъ я уже подъ утро.

Побывать у Василія Андреича я такъ и не успѣлъ, потому что неожиданно получилъ телеграмму изъ Севастополя отъ сестры, которая желала со мной повидаться, и сейчасъ же собрался въ путь. Василій Андреичъ пришелъ провожать меня на пароходъ и на прощанье сунулъ мнѣ какую-то засаленую рукопись.

— Вотъ, посмотри, что̀ я тутъ накарябалъ,— сказалъ онъ, застѣнчиво улыбаясь.—Можетъ, оно тебѣ на что-нибудь и пригодится; а не пригодится—брось въ печку на подтопку; я не обижусь,—писака-то я ужъ больно плохой! При случаѣ, письмецо катни на Старопортофранковскую,—все-таки мы съ тобой друзья дѣтства, хотя и на разныхъ этажахъ живемъ,—ты въ бель-этажѣ, а я на чердакѣ. Ну, это, я думаю, не мѣшаетъ: ты тамъ у себя внизу за веревочку дернешь, а я тебѣ съ чердака откликнусь: дескать, живъ-здоровъ, и тебѣ того же желаю... Все-таки любопытно!

Я обѣщалъ писать. Въ эту минуту пароходная труба выдыхнула изъ своихъ нѣдръ черную тучу дыма, и страдающій удушьемъ паровой свистокъ съ натугой прогудѣлъ три раза. Провожающихъ попросили удалиться съ парохода, и пестрая волна хлынула по сходнямъ на берегъ. Заработалъ винтъ, и пристань медленно поплыла влѣво; публика тѣснилась къ периламъ; мелькали старыя, молодыя, мужскія, женскія лица; слышались обрывки возгласовъ, привѣтствій, смѣха, рыданій; взвивались бѣлые платки, шляпы, фуражки... Василій Андреичъ стоялъ у самыхъ перилъ и махалъ мнѣ шляпой; я долго еще видѣлъ его бронзовое лицо, освѣщенное улыбкой, и густые вихры, осыпанные золотою солнечною пылью. Затѣмъ все слилось въ одно безформенное пятно и задернулось голубоватою дымкой; Одесса становилась все меньше и меньше и какъ будто погружалась

въ море... еще одна страница жизни перевернулась,—начиналась новая глава съ смутно угадываемымъ, но незнакомымъ содержаніемъ...

Я пошелъ въ каюту, легъ на койку и развернулъ оставленную мнѣ Василіемъ Андреичемъ рукопись. Она была написана карандашомъ на листахъ сѣрой писчей бумаги и носила слѣды долгаго пребыванія въ карманѣ. Поэтому на сгибахъ строки постерлись, и приходилось угадывать то, что̀ въ нихъ содержалось. Почеркъ былъ крупный, дѣтскій, а слогъ и правописаніе сохранили въ себѣ всѣ характерныя особенности южно-русскаго произношенія. Рукопись называлась: „Умъ во буракѣ *тми* или маленькая голова" и заключала отрывочную автобіографію Василія Андреича. На этихъ сѣрыхъ, просаленныхъ клочкахъ дешевой бумаги онъ съ трогательнымъ паѳосомъ описывалъ свою жизнь съ самаго дѣтства, часто прерывая свое повѣствованіе лирическими отступленіями въ родѣ слѣдующихъ: „Провѣряя жизнь своего отца, а также свою, своихъ товарищей и *знакомихъ* и другихъ людей, я задаю себѣ вопросъ: для чего же создала меня на свѣтъ природа? И чѣмъ она меня наградила? И на что я живу? Но никто мнѣ не отвѣчаетъ, мой темный умъ молчитъ, и я, какъ утопающій въ морѣ, не вижу около себя береговъ и тщетно взываю въ *пустиню*:—помогите!.."

Или еще: „Мое первоначальное воспитаніе было поручено небу и улицѣ, а когда люди стали требовать отъ меня то, чего мнѣ никто не давалъ, и я не могъ этого исполнить, меня наградили насиліями и оскорбленіями, отъ которыхъ душа моя больна до сихъ поръ и, можетъ быть, никогда не выздоровѣетъ. О, люди, они хотятъ, чтобы пѣтухъ пѣлъ по соловьиному, а *соловій* кричалъ по пѣтушиному; но вѣдь природа сильнѣй человѣка, и онъ не можетъ своимъ перстомъ опрокинуть цѣлую гору... Слабъ и хилъ ты, человѣкъ, зачѣмъ же ищешь счастья въ насиліяхъ надъ братьями, когда тебѣ самому нужна рука помощи! Но никто тебѣ ее не подастъ, когда придетъ твое время страданія, и ты останешься одинъ въ пустынѣ среди дикихъ звѣрей"...

Иногда рукопись прерывалась надолго; это было видно по измѣнившемуся почерку и неровному слогу, а нѣкоторыхъ листовъ и совсѣмъ не было,—вѣроятно, они утерялись во время скитаній Василія Андреича по бурному житейскому морю. Да оно было и немудрено, потому что писалось это не въ кабинетѣ и не въ одинъ присѣстъ, а урывками, гдѣ-нибудь въ кочегарнѣ, въ промежуткахъ между двумя вахтами, или въ тѣ горькія времена, когда, „вслѣдствіе злоупотребленій", Василій Андреичъ

оставался безъ мѣста и переходилъ изъ одной ночлежки въ другую. Но, несмотря на отрывочность и небрежность работы и на недостатки слога и орѳографіи, отъ этихъ грязныхъ листковъ, пропитанныхъ запахомъ пота и машиннаго масла, вѣяло такою наивною искренностью, такою свѣжестью души, что безъ волненія ихъ было невозможно читать, и я какъ взялъ ихъ въ руки, такъ и не могъ оторваться до конца. Изъ Севастополя я написалъ Василію Андреичу письмо, въ которомъ благодарилъ его за удовольствіе, доставленное мнѣ чтеніемъ его автобіографіи, и просилъ его продолжать. На это письмо отвѣта не было. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я послалъ ему одно за другимъ еще два письма, и только въ концѣ ноября получилъ отъ него отвѣтъ. Вотъ что̀ онъ мнѣ писалъ:

„Братъ Валерьянъ! Письма твои получилъ, но исполнить твою просьбу писать свои записки сейчасъ не могу, благодаря злоупотребленію, которое мнѣ сдѣлали на фабрикѣ. Фабрика Сандоса принадлежитъ наслѣдникамъ и есть опекунъ; какъ ведутъ дѣло опекуны, тебѣ писать не нужно, самъ знаешь? Про дѣла опекуна знаетъ *макароній* мастеръ и, желая меня замѣнить своимъ пріѣхавшимъ родственникомъ, дѣлалъ разныя злоупотребленія, но видя, что цѣли не достигаетъ, онъ подговорилъ кочегаровъ, которые, по наученію машиниста, сдѣлали такъ, что донка, которая качаетъ воду въ котелъ, не могла работать. Послѣ цѣлой недѣли моей работы день и ночь, я обнаружилъ злоупотребленіе и обратился къ фабричному инспектору съ жалобой, такъ какъ меня увольнили, благодаря подлости и хитрости мастера. Фабричный инспекторъ, зайдя на фабрику, пошелъ въ кабинетъ опекуна и послѣ долгихъ неизвѣстныхъ мнѣ разсказовъ, выйдя, сказалъ: „вамъ платятъ за двѣ недѣли жалованье, а больше для васъ я ничего не могу сдѣлать“. И такъ я ни за что, ни про что, благодаря злоупотребленію, остался съ 1-го ноября безъ службы. Какъ теперь поступать и что̀ дѣлать, скажи мнѣ, высокодаровитый избранникъ неба! Кругомъ подлость, обманъ, *хитріе* и *сильніе* безнаказанно обижаютъ слабыхъ. Фондовыхъ денегъ такъ и не получилъ; капитанъ порта говоритъ—не даютъ, и ничего не подѣлаешь. Жаловаться некому, до царя далеко, до Бога высоко. Но я буду нести свой крестъ, покамѣсть еще есть бодрость. Я одинъ, и мнѣ много не нужно; благодаря своей силѣ и по примѣру отца, пойду на пристань и тамъ достану кусокъ хлѣба. Но что̀ дѣлать тому, у кого кричатъ маленькія дѣти, а сила давно уже ушла на пользу благосостоянія одесскихъ капиталистовъ? Оставить ли его на жертву голодной смерти, или сни-

зойти къ его невыносимымъ страданіямъ и отдать ему то, что̀ ему принадлежитъ по законамъ природы? Разрѣши мнѣ этотъ вопросъ, ты, человѣкъ Великаго ума и мудрости! Затѣмъ остаюсь тебѣ преданъ, твой вѣрный другъ и братъ В. Дукачевъ".

Прочитавъ это письмо, я задумался. Итакъ, мой бѣдный другъ опять выброшенъ за бортъ общественнаго корабля, въ безпощадную пучину нищеты и отчаянія, и одинъ безсмысленный взмахъ волны можетъ далеко унести его отъ тихаго берега, гдѣ онъ надѣялся основать свою маленькую пристань. Мнѣ вспомнились его мечты жениться и „обсѣмениться", вспомнилась Настенька, своимъ наивнымъ голоскомъ распѣвавшая мрачную пѣсню... и я пожалѣлъ обоихъ. Какъ мало имъ нужно было для счастья, но и это малое имъ не давалось! Прибьется ли Василій Андреичъ снова къ тихому берегу, или его захватитъ какой-нибудь свирѣпый шквалъ и разобьетъ ему голову объ угрюмые, холодные камни? Зная неукротимый характеръ и страстную натуру Василія Андреича, можно было ждать скорѣе послѣдняго, и дѣйствительно, въ его письмѣ было что-то такое, что̀ меня обезпокоило. Сквозь сдержанный тонъ прорывалось скрытое озлобленіе, а его обращенія ко мнѣ, какъ къ человѣку великаго ума и мудрости, и всѣ эти высокопарные эпитеты, начинавшіеся даже съ большой буквы, были проникнуты явной ироніей. Я сейчасъ же ему отвѣтилъ немножко въ его насмѣшливомъ тонѣ, стараясь примирить его съ послѣдней неудачей на макаронной фабрикѣ и въ заключеніе звалъ его въ Петербургъ, обѣщая ему помощь и работу. Но въ отвѣтъ на это письмо послѣдовало глубокое молчаніе, и сколько я ни дергалъ за веревочку съ своего нижняго этажа,—чердакъ не отзывался.

Время шло, и наступилъ уже май, а вмѣстѣ съ нимъ и бѣлыя петербургскія ночи, которыя я такъ ненавижу, можетъ быть, потому, что онѣ похожи на всю мою жизнь. О, эти ночи, безглазыя, бездушныя, безжизненныя! Все въ нихъ ни свѣтъ, ни мракъ; ихъ зари не бодрятъ, а разслабляютъ; ихъ молчаніе не успокоиваетъ, а раздражаетъ; и такъ онѣ проходятъ, тусклыя, нѣмыя, безстрастныя, какъ жизнь человѣка съ пустой душой и потухшимъ сердцемъ... Я проводилъ ихъ безъ сна, запершись въ своей комнатѣ, со спущенными занавѣсками, съ зажженной лампой, но даже и сквозь эти искусственныя преграды я чувствовалъ ихъ медленное шествіе и ихъ холодное дыханіе. Нервы у меня разболѣлись; чудовищные кошмары грезились мнѣ на яву, я безумно тосковалъ и рвался куда-нибудь туда, гдѣ бываетъ настоящая ночь, гдѣ сіяютъ настоящія звѣзды и гдѣ небо по-

хоже на черный бархатъ. Но куда? Въ Крымъ? на Кавказъ? За границу? Мнѣ было все равно. Вещи мои были давно уже уложены въ дорогу, но кое какія дѣла удерживали меня въ Петербургѣ, и я съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ считалъ часы и дни, которые мнѣ еще оставалось пробыть здѣсь.

Но, вотъ, наконецъ дѣла всѣ кончены, меня ничто не удерживаетъ, я могу свободно ѣхать... и все-таки я лежу еще въ своей квартирѣ на диванѣ и съ тоской прислушиваюсь къ ненавистной для меня featureвознѣ ненавистныхъ „скучныхъ людей", которымъ я отдалъ свою душу, свое сердце, свой талантъ, а взамѣнъ получилъ отъ нихъ только разочарованіе и тоску. На меня напала знакомая мнѣ апатія, когда я совершенно не могъ работать, не хотѣлъ никуда ѣхать, когда я желалъ бы не жить... и въ то же время боялся умереть. Въ одну изъ такихъ отвратительныхъ минутъ мнѣ подали письмо въ узкомъ бѣломъ конвертѣ, купленномъ очевидно въ мелочной лавочкѣ за копѣйку; я брезгливо взялъ его за кончикъ и хотѣлъ зашвырнуть въ корзину, но взглянулъ на адресъ и остановился. Почеркъ показался мнѣ знакомымъ, штемпель былъ — Одесса... Я поспѣшно разорвалъ конвертъ, вынулъ листокъ, исписанный крупными, неровными буквами, и нашелъ подпись — Анна Штуль, Шмуль или Шпуль, невозможно было разобрать. Но я уже чувствовалъ, что письмо имѣетъ какое-то отношеніе къ моему пріятелю, и съ жаднымъ вниманіемъ принялся разбирать таинственные іероглифы, выведенные неумѣлою рукой. „Милостивій государъ! — писала Анна Шмуль или Шпуль. — По вашимъ письмамъ къ моему брату я поняла, что вы ему хорошій пріятель и не откажетесь ему помочь въ бѣдственномъ его положеніи, которое постигло его 24 февраля у него на квартирѣ. Мы этого ничего не знали, а узнали ужъ когда его отвезли въ заключеніе, гдѣ онъ и до сихъ поръ находится. Я нѣсколько разъ ходила къ г. прокурору и просила, чтобы меня допустили видѣть моего брата, но братъ насъ не принялъ и сказалъ, что не желаетъ видѣть родственниковъ и что никакой помощи ему не нужно, а между прочимъ я слышала, что онъ очень страдаетъ болью головы и ревматизмомъ суставовъ. Меня это очень огорчаетъ, потому что съ дѣтства онъ былъ мнѣ хорошій братъ, и я никогда отъ него не отрекалась, какъ другіе братья и сестры. Напротивъ, я и мой мужъ мы всегда желали его видѣть и очень обижались, что онъ насъ не посѣщалъ. Богъ съ нимъ, такой ужъ у него характеръ, но мнѣ очень его жалко, и я ночей не сплю, все думаю, чтобы ему помочь въ заключеніи. Г. прокуроръ сказалъ, что его можно

выдать на поруки за 1000 руб., но у насъ съ мужемъ такой суммы нѣтъ; все, чтò получаемъ, то и проживаемъ. Милостивій государь! Помогите, чѣмъ можете, и облегчите участь бѣднаго человѣка"!..

Этотъ вопль неизвѣстной мнѣ женской души, донесшійся до меня съ окраинъ далекой Одессы, пробудилъ въ моей душѣ необычайную бодрость и жажду дѣятельности. Васькѣ Дукачеву, должно быть, на роду было написано быть для меня источникомъ живой воды, какъ во времена моего нѣжнаго дѣтства, такъ и въ сумрачные зрѣлые годы. Я не раздумывалъ больше, куда и когда мнѣ ѣхать; я быстро собрался и тѣмъ же вечеромъ выѣхалъ на югъ... И когда это черное южное небо, о которомъ я такъ страстно мечталъ въ блѣдномъ Петербургѣ, когда оно взглянуло на меня всѣми своими задумчивыми, ласковыми очами,— когда я услышалъ вдали могучій шопотъ свободнаго моря, я почувствовалъ снова, что я еще живу, что я могу работать, могу любить, могу надѣяться и чего-то ждать...

Я остановился въ той же гостинницѣ „Бристоль" и рано утромъ, переодѣвшись и хорошо отдохнувъ, отправился на розыски m-me Анны Шпуль или Штуль. Это мнѣ удалось безъ особеннаго труда, потому что, какъ оказалось, почтенный господинъ Шульцъ (а не Шмуль и не Шпуль!) содержалъ въ предмѣстьи крошечную молочную лавочку съ громадной вывѣской, на которой была изображена ярко-красная корова, изнемогавшая подъ бременемъ переполненнаго вымени. Я вошелъ въ темненькій магазинчикъ, пропитанный острымъ запахомъ залежавшагося сыра и прокислаго молока, и оглядѣлся; изъ-за прилавка поднялась низенькая, полная женщина въ синемъ ситцевомъ капотѣ и съ очень замѣтными усиками надъ верхней губой.

— Чтò вамъ угодно?—спросила она, сдѣлавъ оффиціально-любезное лицо.—У насъ есть парижское масло, сыръ-бри, сыръ-бакштейнъ, рокфоръ...

— Нѣтъ, мнѣ не нужно ни парижскаго масла, ни рокфора, прервалъ я ее.—Мнѣ нужно видѣть m-me Анну Шульцъ, сестру Василія Андреевича Дукачева...

Возгласъ изумленія вырвался изъ груди низенькой женщины, и оффиціальная любезность смѣнилась потоками слезъ. Меня сейчасъ же увели въ arrière-boutique, представили почтенному господину Шульцу, занимавшемуся сортировкой сыровъ, и предложили мнѣ чашку превосходнаго кофе съ густыми сливками и нѣмецкими шмандт-кухенами. За кофе я узналъ все, чтò касалось моего пріятеля и положенія его дѣлъ, и сейчасъ же рѣ-

шилъ отправиться къ прокурору—хлопотать о свиданіи и объ отдачѣ его мнѣ на поруки. Супруги Шульцъ провожали меня до дверей магазина; Анна Андреевна съ экспансивностью, напоминавшею мнѣ ея брата, разсыпалась въ благодарностяхъ; супругъ былъ гораздо сдержаннѣе, но тоже, повидимому, былъ доволенъ моимъ участіемъ, и оба просили меня навѣщать ихъ и увѣдомлять о результатахъ моихъ хлопотъ.

— Васъ онъ, конечно, приметъ!—говорила m-me Шульцъ.—Вы ему такой другъ, что это будетъ даже безсовѣстно съ его стороны къ вамъ не выйти! Но меня онъ такъ обидѣлъ, такъ обидѣлъ, что я до сихъ поръ плачу (она, дѣйствительно, сейчасъ же прослезилась и вытерла глаза батистовымъ платочкомъ)... Мы съ мужемъ послали ему бѣлье, послали деньги, и онъ все это назадъ вернулъ,—говоритъ, „мнѣ ничего не нужно". Какъ же это такъ не нужно въ такомъ положеніи? Это одинъ предлогъ, больше ничего! Всегда онъ былъ такой гордый и скрытный, никогда намъ о своихъ дѣлахъ не разсказывалъ! Прибѣжитъ, бывало, въ годъ разъ на минутку, наговоритъ непріятностей и опять пропалъ бѣ-знать куда...

— Упрямая голова и сумасбродъ!—подтвердилъ господинъ Шульцъ.—Кутить-мутить любитъ, оттого нигдѣ не уживается. На пароходѣ служилъ—скандалъ; на фабрикѣ служилъ—скандалъ,—вездѣ скандалъ; такъ нельзя карьеру дѣлать. Я всегда Аннѣ говорилъ: твой братъ способный человѣкъ, честный человѣкъ, но любитъ дѣлать скандалъ,—пфа!.. Das ist sehr schlecht!..

— Конечно, мы съ мужемъ люди очень простые! — стремительно начала опять Анна Андреевна.—Мы живемъ завсегда въ тишинѣ и никакихъ политическихъ порядковъ не касаемся, потому что у насъ торговля и намъ некогда въ эти дѣла влипать. Но вѣдь все-же-таки я ему родная сестра, такъ или нѣтъ? И вдругъ за всѣ мои къ нему добрыя чувства онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Не хочу тебя видѣть и ничего мнѣ отъ тебя не нужно"... Можете себѣ представить, каково это было мнѣ перенести!

— Das ist sehr schlecht, sehr schlecht!..—какъ дятелъ, повторилъ почтенный господинъ Шульцъ, и дѣйствительно, въ эту минуту онъ былъ очень похожъ на сію трудолюбивую и настойчивую птицу.

Насилу я отъ нихъ вырвался, и только когда ярко-красная корова съ переполненнымъ выменемъ осталась далеко позади, я понялъ, почему мой пріятель такъ упорно избѣгалъ несомнѣнно добрыхъ и несомнѣнно порядочныхъ господъ Шульцъ. Есть такіе доброжелательные люди, которые самаго хладнокровнаго чело-

вѣка могутъ довести до ножа и веревки... а въ жилахъ Василія Андреича текла далеко не холодная кровь!

Прокуроръ, можетъ быть, благодаря моей литературной извѣстности, очень любезно разрѣшилъ мнѣ свиданіе съ Василіемъ Андреичемъ, но насчетъ порукъ отвѣчалъ уклончиво, намекнувъ, что въ дѣлѣ открылись новыя обстоятельства, и отпустить Дукачева на свободу представляется теперь неудобнымъ. Я вышелъ отъ него немножко обезкураженный этимъ страшнымъ словомъ „дѣло“ и особенно этой строго-оффиціальной обстановкой, которая всегда окружаетъ представителей правосудія. „Дѣло“!... Я нѣсколько разъ повторялъ и про себя, и вслухъ это слово, стараясь вникнуть въ его смыслъ, и, какъ это часто бываетъ, вдругъ совершенно пересталъ его понимать. Въ концѣ концовъ оно начало мнѣ представляться въ видѣ высокой стѣны, за которою происходитъ что-то таинственное, и Василій Андреичъ, который былъ *тамъ*, за стѣной, казался мнѣ чужимъ и страннымъ существомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ міромъ, гдѣ я жилъ. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли мы съ нимъ гуляли по этимъ же самымъ улицамъ, освѣщеннымъ тѣмъ же самымъ солнцемъ, и толковали о самыхъ простыхъ и понятныхъ вещахъ? А теперь... улицы тѣ же, солнце то же, но Василія Андреича нѣтъ, у него „дѣло“, и онъ не можетъ ходить по этимъ улицамъ, не можетъ говорить о простыхъ и понятныхъ вещахъ; а между тѣмъ онъ не умеръ, онъ живъ, онъ даже здѣсь, очень близко отъ меня, и я не могу его видѣть, не могу къ нему пойти, потому что у него „дѣло“... Какое „дѣло“? Что̀ такое „дѣло“?..

У меня разболѣлась голова, и я вернулся къ себѣ въ номеръ совсѣмъ въ другомъ настроеніи, чѣмъ былъ давеча утромъ. А по улицамъ мчалась радостная весенняя жизнь, пахло бѣлой акаціей, гдѣ-то играла музыка и бродячій пѣвецъ-итальянецъ надтреснутымъ баритономъ рыдалъ подъ самыми окнами: „vorrei morire“...

На другой день не осталось и слѣда отъ моей „куриной истерики“, какъ называлъ эти припадки одинъ старый профессоръ, и я въ здравомъ умѣ и твердой памяти отправился на свиданіе къ Василію Андреичу. Меня провели въ пріемную и попросили подождать; суровая и холодная обстановка этой пріемной еще болѣе способствовала моему „отрезвленію“. Только когда гдѣ-то далеко внизу хлопнула тяжелая дверь, сердце у меня немножко вздрогнуло, и какой-то подлый холодокъ поползъ по позвоночному столбу, производя невыносимое ощущеніе скольз-

каго гада, медленно пробирающагося съ позвонка на позвонокъ. Я провелъ плечами и стряхнулъ съ себя этого гада,—сердце начало биться опять ровно и спокойно. Между тѣмъ дверь хлопнула опять и теперь уже совсѣмъ близко; за стѣной послышался шумъ, похожій на тяжелое шарканье ногъ, и чей-то голосъ громко сказалъ: „Сюда пожалуйте"! Дверь отворилась, и въ пріемную не вошелъ, а вдвинулся какой-то странный человѣкъ, весь заросшій волосами, въ длинномъ сѣромъ халатѣ, который былъ ему не по росту и неловко путался у него между ногами. Это и былъ Василій Андреичъ. Неуклюже придерживая обѣими руками расходившіяся полы халата, онъ сначала взглянулъ на меня дико и недружелюбно, но сейчасъ же желтые глаза его загорѣлись, и на лицѣ появилась широкая улыбка.

— Валерьянъ! Какъ это ты?..—воскликнулъ онъ весело.

— Судьба, Василій Андреичъ...

— Здорово! Ну, давай лапу!

Вмѣсто „лапы", я протянулся къ нему весь, и мы расцѣловались взасосъ, причемъ Василій Андреичъ ободралъ мнѣ все лицо своей необычайно густо разросшейся щетиной.

— Ахъ, ты, чортъ!..—продолжалъ Василій Андреичъ.—Ну что, какъ ты? Живъ?

— Какъ видишь. Но это не интересно... ты какъ?

— Отлично! Я, братъ, доволенъ!.. Очень хорошо... Однимъ словомъ, „чирингъ"!—какъ говорятъ англичане.

— Чирингъ-то чирингъ, а однако, я слышалъ, у тебя ревматизмъ былъ и что-то такое съ головой?

Василій Андреичъ нахмурился.

— Это тебѣ не Шульчиха ли наврала? Это она все тутъ съ какимъ-то ревматизмомъ носилась. Ты ее гдѣ-нибудь видѣлъ?

— Видѣлъ,—сознался я.

— Такъ и есть! Экая баба ядовитая, эта моя сестрица! Она тутъ вздумала ко мнѣ заявиться съ своимъ „васисдасомъ", но я ихъ обоихъ такъ турнулъ, что они, небось, и теперь еще не очухаются.

— Зачѣмъ же это ты? Они, кажется, очень добрые и симпатичные люди.

— Превосходнѣйшіе люди! Великолѣпнѣйшіе люди! Но я не могу... Въ малой пропорціи еще ничего, кое-какъ проглотишь, но въ большой... тошнитъ, словно лакрицы объѣлся! Одинъ глазъ морщитъ, другой вонъ тащитъ... Я такъ имъ и сказалъ: оставьте вы, пожалуйста, меня въ покоѣ! Ничего мнѣ не нужно и все очень хорошо. Дайте мнѣ хоть отдохнуть. Да, ей Богу, я здѣсь

прямо отдыхаю, ты что̀ думаешь? Читаю себѣ, хожу, лежу, думаю; никто не мѣшаетъ,—ни кочегаровъ, ни макаронныхъ мастеровъ, ни инспекторовъ, никакихъ чертей-дьяволовъ нѣтъ... Чирингъ!

— Ну и чудакъ же ты, Василій Андреичъ!—сказалъ я.

— А пускай себѣ чудакъ! Но, ей Богу, хорошо... Замотался я, обдуматься надо. Вѣдь мнѣ тридцать-пять лѣтъ, а я еще и не знаю, для чего существую на свѣтѣ. Что̀ я такое дѣлалъ? Какъ жилъ? шутъ его знаетъ,—вертѣлся, какъ карась на сковородѣ, больше ничего. Надо, надо свои мозги дурацкіе въ порядокъ привести!

— А Настенька?—спросилъ я.

— Настенька, братъ, тю-тю, улыбнулась! За толстомордаго оберъ-кондуктора замужъ вышла и вознеслась,—у самой жандармихи дитя крестила, а старшій телеграфистъ съ ней па-де-катръ танцовалъ. Это все тогда же разыгралось: какъ только меня съ макаронной фабрики выставили, такъ старикъ мнѣ сейчасъ же гарбузъ прислалъ. Ну, конечно, я съѣлъ и отступилъ,— что̀ же мнѣ, повѣситься что-ли? А теперь жалѣетъ старикъ-то,— мнѣ какъ-то Настенькинъ братишка сказывалъ. „Я, говоритъ, его любилъ,—это, то-есть, меня-то!—онъ мнѣ, говоритъ, къ сердцу присохъ, и ни за что бы я ему не отказалъ, ежели бы онъ постоянно въ носъ мнѣ не тыкалъ невѣжествомъ моимъ“... А вретъ, небось,—просто испугался, какъ бы я его въ какой-нибудь криминалъ не вляпалъ. Осмотрительный старикъ,—не отслуживши молебна, черезъ лужу не перескочитъ! Ну, а все-таки подаваться началъ,—мальчишкѣ-то какого-то учителя нанялъ, студента... Смотри еще, какъ бы онъ на старости лѣтъ какого-нибудь фокуса не показалъ. Бываютъ этакіе старики чудные: иной купчина, глядишь, всю свою жизнь грабитъ, тащитъ, сундуки наколачиваетъ, и вдругъ все это къ чорту,—выроетъ себѣ въ лѣсу яму и сидетъ. Вотъ, я думаю, Акимъ Степановъ тоже какъ бы въ яму не сѣлъ. А Настенька—Богъ съ ней... я даже радъ, что такъ вышло. Все къ лучшему! Она—дѣвочка мягкая, сердечко у ней разсыпчатое; случись со мной вотъ этакое, какъ сейчасъ,—что̀ бы она стала дѣлать? Нѣтъ, братъ, съ этими дѣлами у меня покончено. Я теперь—вотъ!..

Онъ провелъ пальцемъ по воздуху длинную черту и продолжалъ:

— Все пополамъ! Тамъ одно, а здѣсь другое... Черезъ все я перешагнулъ, по всѣмъ счетамъ расплатился,—кончено! Вотъ, обдумаюсь, въ башкѣ своей поразберусь, кое-какое хламьё

выброшу, кое-что оставлю, — и начинается новый оборотъ жизни!

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ,—всѣ черты его подвижнаго лица сіяли восторгомъ; въ глазахъ горѣлъ все тотъ же внутренній огонь, котораго не могли угасить ни годы, ни мрачная Карантинка, ни обиды и „злоупотребленія“, ни крушенія личнаго счастья, ни даже тюрьма...

— Чортъ тебя знаетъ, Василій Андреевичъ!..—невольно вырвалось у меня.—Ты какой-то... несокрушимый! Откуда у тебя все это берется?

Василій Андреичъ вдругъ весь подобрался, искоса взглянулъ на присутствующаго здѣсь помощника смотрителя и стыдливо запахнулъ разъѣхавшіяся полы халата.

— А что?—спросилъ онъ пониженнымъ голосомъ.—Можетъ, я что-нибудь лишнее сказалъ?

— Да нѣтъ, ничего лишняго, успокойся,—просто, удивляюсь я твоей жизнеспособности,—и кто тебя этимъ сокровищемъ наградилъ?

— Должно быть, батька!—усмѣхнулся Василій Андреичъ.—Выносливый былъ, двадцать пудовъ на спинѣ подымалъ, ну, и мнѣ кое-что отъ него досталось. Ишь, горбъ-то какой (онъ повелъ своими широкими плечами)! Сколько ужъ мнѣ въ него ни накладывали,—все тащу!

— Ну, тащи, тащи!—сказалъ я и не удержался—погладилъ его по „горбу“ и по буйно заросшей головѣ. Только смотри, Василій Андреичъ, не надорвись...

— Что-жъ, надорвусь,—плакать некому. На горбъ—это наплевать; это у всякаго верблюда горбъ, да еще два! Мнѣ бы вотъ башку-то, башку-то свою въ порядокъ привести,—больно она у меня всякимъ репьемъ и чертополохомъ заросла, ничѣмъ его оттуда не выскребешь! Очистить бы ее хорошенько, требуху-то всю эту протухлую, да со всѣхъ концовъ зажечь, чтобы и духу ея не оставалось,—вотъ это задача!—озабоченно произнесъ Василій Андреичъ и посмотрѣлъ на меня.

Я не успѣлъ ему отвѣтить, потому что въ эту минуту помощникъ смотрителя взглянулъ на часы и поднялся изъ-за стола, гдѣ онъ все время безучастно перелистывалъ какую-то книгу.

— Кончайте, господа!—сказалъ онъ.—Полчаса уже прошло.

— Неужто ужъ прошло?—съ сожалѣніемъ воскликнулъ Василій Андреичъ.—Ишь ты, какъ проскочило, и не замѣтили!.. А я, было, только на разговоръ наладился. Ну, дѣлать нечего, прощай. Вотъ вѣдь я какой дуракъ: про себя наговорилъ,—на возу не увезешь, а тебя и не спросилъ, какъ твои дѣла и прочее...

— Да у меня ничего особеннаго нѣтъ,—утѣшилъ я его.—Ты вотъ все новые обороты жизни начинаешь, а я какъ поставилъ точку, такъ на ней до сихъ поръ и стою.

— Ну нѣтъ!—возразилъ Василій Андреичъ.—Далеко еще тебѣ до точки! Вотъ, придетъ курноска, она всѣмъ намъ точку поставитъ, а покуда живъ человѣкъ, онъ до конца дней своихъ есть знакъ вопроса. Я, братъ, теперь грамматику долблю и здо̀рово всѣ эти знаки препинанія постигъ...

И, замѣтивъ, что помощникъ смотрителя сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, онъ торопливо докончилъ:

— Ну, прощай, Валерьяша, спасибо тебѣ за привѣтъ и дружбу! А сестрицѣ моей скажи, что у нея у самой въ головѣ ревматизмъ, и чтобы они ко мнѣ съ своимъ участіемъ не лѣзли! Когда мнѣ рука помощи была нужна, они меня, небось, только нѣмецкими проповѣдями угощали, а теперь ужъ покорно благодарю, я и безъ нихъ очень доволенъ и прошу оставить меня въ покоѣ. Пускай они тамъ свои бри-ври развѣшиваютъ, я имъ не мѣшаю, и скажи имъ, что я до̀-смерти радъ и доволенъ, чего и имъ отъ всей души желаю...

Мы распростились, и тяжелая дверь снова захлопнулась за Василіемъ Андреичемъ; въ пріемной снова стало холодно и пусто, какъ будто Василій Андреичъ унесъ съ собою и тепло, и свѣтъ жизни. Но, должно быть, частица того и другого осталась въ моей душѣ, потому что я давно уже не чувствовалъ себя такимъ молодымъ, здоровымъ и дѣятельнымъ, какъ въ эту минуту. Несокрушимый Василій Андреичъ съ своими планами „новаго оборота жизни“ подѣйствовалъ на мои усталые нервы, какъ ударъ гальваническаго тока, и, идя по улицѣ, я въ тактъ своимъ шагамъ повторялъ подхваченное имъ гдѣ-то словечко „чирингъ, чирингъ“!.. Чортъ возьми, отчего бы и мнѣ тоже не начать новую жизнь?..

Вечеромъ я навѣстилъ почтенную чету Шульцъ и въ смягченныхъ выраженіяхъ передалъ желаніе Василія Андреича, чтобы его оставили въ покоѣ. Я увѣрилъ ихъ, что онъ совершенно здоровъ, веселъ и ни въ чемъ не нуждается; господинъ Шульцъ былъ, кажется, этимъ очень доволенъ, но m-me Шульцъ немножко всплакнула и почему-то особенно старалась убѣдить меня въ томъ, что они съ мужемъ всегда заботились о судьбѣ Василія Андреича, и что у Василія Андреича ужасно непріятный характеръ. По правдѣ сказать, я этому не повѣрилъ, потому что по натурѣ большой пессимистъ и подозрительно отношусь къ людямъ, которые черезчуръ много говорятъ о своихъ добродѣте-

ляхъ. Главная добродѣтель человѣка—не замѣчать собственныхъ добродѣтелей, и истинно добродѣтельный человѣкъ—тотъ, который ничего о своей добродѣтели не знаетъ. Но мнѣ казалось, что въ словахъ m-me Шульцъ звучатъ какія-то ноты раскаянія, и мнѣ было ее жаль. Видимо, она сознавала, что очень мало сдѣлала для своего брата, когда это было нужно, а теперь, когда она хотѣла что-нибудь сдѣлать, то было уже нельзя и не нужно. И это ее мучило.

Дѣло съ Василіемъ Андреичемъ у насъ наладилось-было не дурно. Я бывалъ у него разъ въ недѣлю, носилъ ему книги, между прочимъ, свои собственныя произведенія, и даже удостоился довольно лестнаго отзыва.

— Ничего, здорово написано!—сказалъ мнѣ Василій Андреичъ.—Только ужъ больно грустно,—ажъ въ слезу вгоняетъ. Тебѣ бы огоньку побольше подпустить, чтобы во всѣ жилы ударяло, а то слеза—она вѣдь дура, была, да и просохла, только ты ее и видѣлъ! Это для барышень,—точно, оно хорошо, а нашего брата слезой не прошибешь,—намъ давай каленаго желѣза въ бокъ,—вотъ тогда мы почувствуемъ!

Но больше всего во время нашихъ свиданій мы говорили о немъ самомъ и объ „очисткѣ“ его головы, за которую онъ принялся съ жаромъ и настойчивостью. Онъ постоянно сѣтовалъ на то, что не получилъ никакого „образованія и воспитанія“, требовалъ у меня разныхъ учебниковъ и горько жаловался, что ученіе идетъ у него очень туго.

— Читаю и ни чертà не понимаю, вотъ вѣдь какая исторія, Валерьянъ Борисычъ!—говорилъ онъ съ огорченіемъ.—Глядишь, слова будто всѣ знакомыя, а сложишь ихъ вмѣстѣ—ничего не выходитъ. Вотъ вѣдь до чего башка-то мхомъ заросла, шутъ ее подирай! Ни зги не видно, чисто дремучій лѣсъ, хоть топоромъ вырубай! Ну, да погоди, я те прочищу... это ужъ я—не я буду, ежели весь мусоръ изъ нея не выколочу...

И нужно было видѣть его неистовый восторгъ, когда однажды онъ сообщилъ мнѣ, что „постигъ“ геометрію. Я сначала подумалъ, не сошелъ ли онъ съ ума, до того страненъ былъ у него видъ, когда онъ вышелъ ко мнѣ въ пріемную.

— Поймалъ, братъ, теперь не уйдешь!—провозгласилъ онъ, весь сіяя торжествомъ.—Теперь я ее вотъ гдѣ держу, во всю пятерню... сдѣлайте одолженіе, можете произвести экзаменъ! И вѣдь какая простая штука, а я надъ ней бился! Бывало, сидишь-сидишь,—вотъ-вотъ, кажется, за самый хвостъ ухватилъ, анъ глядь!—она и выскочила! Но теперь нѣтъ; теперь, можно сказать, окончательно вцѣпился и никакимъ клещомъ не выдернешь...

Насилу я догадался, что рѣчь идетъ о геометріи, а то мнѣ уже Богъ знаетъ что̀ представилось, и я даже вспомнилъ о тѣхъ бѣсенятахъ, которыхъ нѣкогда изгонялъ изъ него Павелъ Дмитричъ.

Такъ мы съ нимъ праздновали большія побѣды и оплакивали вмѣстѣ маленькія пораженія, когда вдругъ случилось неожиданное событіе, прервавшее наши свиданія. Прихожу однажды въ пріемную, на встрѣчу выходитъ смотритель и съ прискорбіемъ сообщаетъ, что Василія Андреича сегодня ночью отвезли на вокзалъ и отправили куда-то—не то въ Петербургъ, не то въ Москву... Огорченный и разстроенный, я поѣхалъ сейчасъ же къ прокурору, но и прокуроръ могъ мнѣ только сказать, что Дукачевъ отправленъ въ одну изъ столичныхъ тюремъ,—и больше ничего. Впрочемъ, онъ добавилъ еще, что слѣдствіе по дѣлу Дукачева уже закончено и, вѣроятно, скоро послѣдуетъ приговоръ; каковъ будетъ приговоръ, онъ тоже хорошенько не зналъ, хотя выразилъ предположеніе, что, судя по всему, надо ждать самаго обыкновеннаго административнаго взысканія,—легонькаго тюремнаго заключенія, или маленькой высылки въ не столь отдаленныя мѣста, или вообще чего-нибудь въ этомъ родѣ.

— Вашъ протеже́—очень оригинальный субъектъ!—съ улыбкой закончилъ прокуроръ, вспомнивъ, вѣроятно, какой-нибудь забавный эпизодъ изъ своихъ обязательныхъ встрѣчъ съ Василіемъ Андреичемъ.—И я вполнѣ понимаю тотъ художественный интересъ, который въ васъ вызванъ этимъ живымъ человѣческимъ документомъ. Парень, повидимому, чрезвычайно добродушный и съ прирожденнымъ здравымъ смысломъ, хотя и очень дурно направленнымъ. Но оригиналъ! Большой оригиналъ! Представьте себѣ,—спрашиваю я его однажды:—„Скажите пожалуйста, откуда у васъ взялись такія идеи? Не внушали ли ихъ вамъ со стороны, не было ли у васъ какихъ-нибудь подстрекателей? Назовите имена, это очень облегчитъ вашу участь". И что̀ же, вы думаете, онъ мнѣ отвѣчалъ? „Никакихъ, говоритъ, подстрекателей у меня не было, кромѣ голода и нужды; голодное брюхо—это, говоритъ, ваше превосходительство, самый главный всему зачинщикъ. Ну-ка, не покорми васъ день, да другой, да третій, небось, говоритъ, и вы, ваше превосходительство, волкомъ завоете, не взирая, что прокуроръ"!... Забавный господинъ!.. Надѣюсь, вы намъ скоро его представите въ новомъ произведеніи вашего талантливаго пера?

Я поблагодарилъ прокурора за комплиментъ и любезность и поспѣшилъ въ гостинницу, а черезъ нѣсколько часовъ я уже

сидѣлъ въ вагонѣ и съ грустью провожалъ глазами убѣгавшія отъ меня южныя небеса.

Ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ отыскать Василія Андреича мнѣ не удалось, и я, послѣ долгихъ хлопотъ и справокъ по разнымъ канцеляріямъ, потерялъ, наконецъ, всякую надежду напасть на слѣды своего пріятеля, затерянные въ необъятной Руси. Весьма возможно, что вышла какая-нибудь нечаянная ошибка, и его отправили не въ Петербургъ и не въ Москву, а въ какой-нибудь изъ большихъ провинціальныхъ городовъ; возможно также, что въ бумагахъ была перепутана его фамилія, или я въ своихъ поискахъ сдѣлалъ какой-нибудь невольный промахъ, но какъ бы то ни было, Василій Андреичъ исчезъ изъ моей жизни, и я, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ его найти, а онъ, по обыкновенію своему, не догадался мнѣ написать, хотя и зналъ мой постоянный адресъ. Все это такъ меня разстроило, что я вскорѣ заболѣлъ какой-то скверной невральгіей и по настоятельному совѣту петербургскихъ знаменитостей уѣхалъ за границу лечиться гидропатіей и солнцемъ. Но ни гидропатія, ни солнечныя и электрическія ванны—ничто не могло меня исцѣлить отъ усталости жить, и я, какъ извѣстный „l'homme qui a perdu son ombre“ у Шамиссо, безцѣльно таскался по Европѣ, тщетно цѣпляясь за всякую возможность возвратить утраченный „тонусъ жизни“. Увы! тонусъ жизни даетъ только любовь къ жизни, а у меня этой любви-то и не было,—была только привычка жить... Все, все на свѣтѣ—мужчины, женщины, красота и безобразіе, шумъ борьбы и мирная тишина полей, радостный блескъ утра и загадочное молчаніе ночи, смѣхъ и слезы, все одинаково казалось мнѣ сѣрымъ, скучнымъ, банальнымъ, и я, какъ полумертвый Бенъ-Акиба въ „Уріэлѣ Акоста“, твердилъ, глядя на несущійся передо мною потокъ жизни, одни и тѣ же слова: „было!.. все это было“!.. Но иногда, въ самыя сумеречныя минуты своего существованія, я вдругъ вспоминалъ свою послѣднюю встрѣчу съ Василіемъ Андреичемъ... и тогда вдругъ что-то жаркое зажигалось въ моей груди, и я спрашивалъ себя: гдѣ-то теперь мой другъ дѣтства, куда несется и представляетъ ли изъ себя до сихъ поръ „знакъ вопроса“, или неумолимая смерть давно поставила надъ нимъ молчаливую точку?

Я вернулся въ Россію. Петербургъ встрѣтилъ меня довольно кисло, какъ всегда, и, повидимому, за время моего долгаго отсутствія, ничего новаго не произросло среди мховъ и лишаевъ старой Ингерманландіи. Тѣ же хмурыя небеса, то же искусственное оживленіе на Невскомъ проспектѣ и мертвый покой

на окраинахъ, тѣ же газеты и журналы и вѣчная полемика между „отцами“ и „дѣтьми“, то же ожиданіе какихъ-то перемѣнъ, тѣ же боги и богини, немножко только измѣнившіе костюмъ и гримировку, и та же передъ ними раболѣпная толпа, которой, по выраженію одного французскаго писателя, нужно qu' un peu d'illusion se mêle à la vérité pour la fanatiser“... „Бывало... все это бывало“...

Въ ночь подъ Новый годъ я былъ на одномъ „литературномъ“ обѣдѣ по подпискѣ и вернулся домой почти въ четыре часа утра и совершенно разбитый. Было много вина и много рѣчей; одинъ юный, модный поэтъ читалъ свое стихотвореніе, въ которомъ выражалъ желаніе выпить ни болѣе, ни менѣе, какъ цѣлый океанъ, и проглотить ни болѣе и ни менѣе, какъ цѣлую вселенную; одна извѣстная и тоже модная артистка, изогнувъ свой станъ на манеръ декадентской лиліи, продекламировала что-то изъ Метерлинка; два извѣстныхъ литератора, къ умиленію присутствующихъ, сняли сюртуки и проплясали трепака, не какого-нибудь, а „нашего“, „родного“, „русскаго“ трепака, съ присядкой, съ переборомъ, въ три ноги... Потомъ кого-то качали и кричали „ура“!.. потомъ всѣ цѣловались, съ чѣмъ-то поздравляли другъ-друга и пѣли „Gaudeamus igitur“... Однимъ словомъ, было, какъ говорится, очень оживленно, очень весело и... очень старо! Отъ всего этого, т.-е. отъ вина, рѣчей, Метерлинка, „Gaudeamus“'а и трепака, у меня въ головѣ образовался такой сумбуръ, что мнѣ сдѣлалось „и кюхельбекерно, и тошно“, и я совершенно пересталъ понимать, кто я, гдѣ я и къ чему все это придетъ... Пришло это, однако, къ тому, что я кое-какъ раздѣлся, легъ въ постель и заснулъ, но и во снѣ меня преслѣдовали кошмарныя впечатлѣнія новогодняго вечера... Метерлинковскіе стихи въ видѣ какихъ-то длинныхъ блѣдныхъ языковъ, бѣшеный трепакъ въ образѣ зеленаго бѣса верхомъ на бутылкѣ, пьяненькій и веселый старичокъ-Gaudeamus въ средне вѣковомъ беретѣ, наконецъ какія-то необыкновенно тощія, необыкновенно печальныя зеленыя лиліи, истекающія зелеными слезами... Я плакалъ вмѣстѣ съ ними, я ужасно страдалъ, я умолялъ, чтобы меня пощадили, и проснулся отъ страшнаго звона въ головѣ, въ тѣлѣ, во всемъ домѣ. Было уже свѣтло, и въ передней, дѣйствительно, кто-то отчаянно звонилъ. Моя прислуга, должно быть, тоже очень весело и оживленно встрѣтила Новый годъ, потому что крѣпко спала; я поднялся и самъ пошелъ отпирать дверь.

— Вамъ телеграмма!—проворчалъ сердитый, заспанный и озябшій разсыльный, подавая мнѣ пакетъ.

Телеграмма? Откуда? Вѣроятно, какой-нибудь поклонникъ или поклонница моего „талантливаго“ пера поздравляютъ съ Новымъ годомъ и желаютъ, чтобы я еще долго-долго, много-много и т. д., и т. д... вообще, желаютъ того, чего обыкновенно желаютъ во всѣхъ юбилейныхъ и новогоднихъ поздравленіяхъ. Нехотя я распечаталъ телеграмму, взглянулъ на подпись—и протеръ глаза. Потомъ еще разъ протеръ глаза и прочелъ: „Валерьянъ, живъ? Поздравляю съ Новымъ годомъ, ура! Василій Дукачевъ“. Мѣсто отправленія было написано неразборчиво—не то Хабаровскъ, не то Харбинъ, не то Квантунъ—Богъ его знаетъ... вѣроятно, дежурный телеграфистъ, утомленный праздничной сутолокой, и самъ хорошенько не зналъ, что̀ писалъ. Но я пока и не думалъ объ этомъ; я зналъ только одно, что Василій Андреичъ живъ, цѣлъ и шлетъ мнѣ откуда-то, чуть не съ того свѣта, свое побѣдное „ура“! О, несокрушимый Васька Дукачевъ!.. И вспомнилась мнѣ вдругъ одна сценка изъ далекаго дѣтства, какъ мы однажды заночевали съ нимъ въ Дюковскомъ саду и какъ съ непривычки я никакъ не могъ заснуть, пугаясь всякихъ таинственныхъ шороховъ и жалобнаго плача совы въ сосѣднемъ оврагѣ. Мнѣ было жутко, мнѣ было холодно, сова казалась мнѣ злою колдуньей, пожирающею дѣтей, и я безпрестанно будилъ крѣпко спавшаго со мной рядомъ Ваську и шопотомъ спрашивалъ его: „Васька, а Васька... ты живъ?“—И когда онъ отвѣчалъ мнѣ звонко и сердито: „Живъ, живъ,—дрыхни!“—мнѣ сразу становилось тепло и уютно и совсѣмъ ничего не страшно,—даже старой колдуньи-совы въ оврагѣ...

Такъ было и теперь. Всѣ мои ночные кошмары разсѣялись, какъ туманъ; не было ни Метерлинка, ни трепака, ни зеленыхъ лилій съ зелеными слезами; былъ свѣтлый день, и яркое зимнее солнце,—солнце Новаго года пронзало своими лучами темную ткань спущенныхъ гардинъ. Я нетерпѣливо отбросилъ ихъ, чтобы впустить въ комнату больше свѣта, и еще разъ перечелъ: „Живъ, Валерьянъ?“—Живъ, живъ!—отвѣчалъ я ему мысленно, и я чувствовалъ, что пока Васька Дукачевъ живъ, то и я живъ, и ничего мнѣ не страшно...

В. І. Дмитріева.

ЭМИГРАЦІЯ
КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ

Эмиграціонное движеніе крымскихъ татаръ приняло въ прошедшемъ 1903 году весьма крупные размѣры; татары массами покидали Крымъ и отъѣзжали въ Турцію. „Крымскій Вѣстникъ“ сдѣлалъ приблизительный подсчетъ татарскихъ переселенцевъ, принимая во вниманіе и приготовлявшихся къ переселенію. „Чуть не ежедневно,—сообщалъ онъ,—на пароходѣ общества „Олегъ“ слѣдовали за границу 600—800 человѣкъ, иногда болѣе, иногда менѣе, эмигрантовъ-татаръ. Можно смѣло сказать, что за это время ушло не менѣе десяти тысячъ татаръ. Судя по приготовленіямъ къ зимѣ, ихъ уйдетъ въ общемъ до пятидесяти тысячъ“.

Внѣ сомнѣнія, такая эмиграція должна сильно отразиться на внутренней жизни Крыма. Въ Крыму теперь считается 450 тыс. жителей; до 45% этого населенія падаетъ на города и 55%, т.-е., до 250 тыс., на уѣзды. Изъ нихъ около 200 тысячъ магометанъ. Если ихъ уйдетъ 50 тысячъ, то это число составитъ 1/4 всѣхъ жителей магометанъ; процентъ очень внушительный.

Мѣсто татаръ займутъ новые люди. Въ чьи руки—русскихъ, нѣмцевъ, болгаръ-колонистовъ — попадутъ татарскія земли? Совершится ли занятіе оставленныхъ мѣстъ такимъ же образомъ, какъ и въ былое время, или администрація выработаетъ новую систему? Для рѣшенія этихъ и другихъ вопросовъ, вызываемыхъ татарской эмиграціей, заглянемъ въ недавнее прошлое; посмотримъ, какова была наша „колонизаціонная политика“ въ Тавридѣ.

Со времени присоединенія къ Россіи (1783 г.), Крымскій

полуостровъ, какъ и материковые уѣзды таврической губерніи, представлялъ собою арену постоянныхъ передвиженій переселенческихъ партій. Шли сюда великороссы, малороссы, болгары, нѣмцы, греки, чехи, эстонцы, а въ города — вездѣсущіе евреи. Ранѣе стали заселяться материковые уѣзды нынѣшней таврической губерніи—мелитопольскій и днѣпровскій.

До половины XVIII в. мелитопольскій уѣздъ былъ почти необитаемъ и назывался дикой степью, по которой бродили стаи волковъ да табуны дикихъ лошадей. Поселенные здѣсь крымскимъ ханомъ въ 1759 г. ногайцы черезъ одиннадцать лѣтъ „отъ подданства и власти Оттоманской Порты совсѣмъ отвернулись, а съ Россійской Имперіей въ вѣчную дружбу и союзъ вступили". (О судьбѣ ихъ будетъ сказано ниже).

Русская колонизація мелитопольскаго уѣзда, собственно, начинается со времени присоединенія Крыма. Правда, русскій элементъ проникалъ сюда и ранѣе, но только на время, для занятій рыболовствомъ и чумачествомъ. Древнѣйшія поселенія этого уѣзда образовались по лѣвую сторону р. Конки, правѣе знаменитаго въ свое время „Великаго Луга". Кн. Потемкинъ и его сподвижники—гр. Мордвиновъ, генералы Каховскій, Струковъ, Поповъ, Синельниковъ и др.—получили въ нынѣшнихъ мелитопольскомъ и днѣпровскомъ уѣздахъ громадныя имѣнія и перевели на нихъ крѣпостныхъ по преимуществу изъ Малороссіи. Въ днѣпровскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ было роздано помѣщикамъ болѣе 276 тыс. десятинъ. Во всей же Таврической области было роздано имъ около 625 тысячъ десятинъ, или $^1/_8$ часть всей площади [1]).

Такимъ путемъ образовались въ концѣ позапрошлаго и въ началѣ прошлаго столѣтій по р. Конкѣ: Васильевка, Янчыкранъ, Карачокранъ, Эристовка и Скельна—на земляхъ Попова; Ивановка—на землѣ Синельникова; Веселянка, Хитровка, Царицынъ-Кутъ—на землѣ Канкриныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ селеній, по разсказамъ старожиловъ, возникли еще до покоренія Крыма; ихъ заселили запорожскіе казаки, бѣглые солдаты и крѣпостные, бродяги всѣхъ сословій и губерній. „Независимо отъ самовольныхъ переходовъ, кн. Потемкинъ пригласилъ свободныхъ людей изъ Малороссіи, бѣлорусскихъ и великорусскихъ губерній, а также изъ-за границы для заселенія богатаго днѣпровскаго побережья, и охотниковъ явилось множество" (Ханацкій. Памятная книга Тавр. губ., стр. 220).

[1]) Лашковъ, Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія, стр. 132—133.

Къ концу позапрошлаго столѣтія было семнадцать русскихъ поселковъ, расположенныхъ на сѣверномъ и сѣверо-западномъ рубежѣ мелитопольскаго уѣзда, по теченію Днѣпра и Конки. Первоначально привлекали поселенцевъ необозримые луга и плавни, на сотни верстъ тянувшіеся по берегамъ Днѣпра и Конскихъ водъ, гдѣ скотъ круглый годъ могъ находить себѣ подножный кормъ. По ту сторону Днѣпра и Конки была русская земля, стояли старыя запорожскія слободы, гдѣ заднѣпровскіе поселенцы могли найти себѣ защиту и помощь на случай набѣга ногайцевъ.

Съ 1801—1802 г. начинаетъ заселяться восточный рубежъ мелитопольскаго уѣзда, правый берегъ рѣки Молочной. То были духоборы, а послѣ молокане. Въ 1801 году, съ разрѣшенія императора Александра I, тридцать семействъ изъ екатеринославской губерніи поселились на правомъ берегу р. Молочной. Вскорѣ затѣмъ большая часть духоборовъ тамбовской губерніи, вслѣдствіе раздоровъ съ молоканами, переселилась на Молочныя воды; за ними пошелъ и знаменитый ихъ пророкъ Капустинъ. Въ 1802 г. основаны были „Терпѣніе“ и „Спасское“. Потомъ уже само правительство назначило правый и лѣвый берега р. Молочной исключительно для духоборскихъ и молоканскихъ поселеній. Число духоборовъ въ тридцатыхъ годахъ, по словамъ профессора Пецгольда, простиралось до 4.000 душъ обоего пола. Духоборческія и молоканскія селенія славились своими прекрасными садами и образцовымъ хозяйствомъ. Съ удивительной энергіей духоборы насаждали въ дѣвственной степи лѣса, разводили сады и огороды. Садоводство широко развилось, главнымъ образомъ, въ сектантскихъ селеніяхъ. Но, какъ извѣстно, эти прекрасные работники принуждены были выселиться изъ мелитопольскаго уѣзда, и такимъ образомъ югъ лишился нѣсколькихъ тысячъ трудолюбивыхъ, высококультурныхъ гражданъ. Нигдѣ на югѣ общинное хозяйство, общинные порядки, равно какъ и частная жизнь, не стояли такъ высоко, какъ у духоборовъ. Въ 1841—43 гг. всѣ они, за исключеніемъ очень немногихъ семей, принявшихъ православіе, выселены съ р. Молочной на Кавказъ, откуда, въ 1899 году, обстоятельства заставили ихъ эмигрировать въ Канаду и навсегда потерять родину. Такимъ образомъ, на оставленную духоборами землю пришлось вызывать желающихъ занять „духоборскія мѣста“. Поселенцы получали отъ казны на постройку и на покупку скота по 50 руб. на дворъ, освобождались на четыре года отъ податей и повинностей, и слѣдующіе четыре года платили ихъ въ половинномъ размѣрѣ. Болѣе ранніе переселенцы, буквально, „садились на духоборческія мѣста“, т.-е.,

входили въ деревянныя избы духоборовъ, брали все оставшееся послѣ нихъ имущество и выплачивали деньги по оцѣнкѣ особой коммиссіи. Точно также впослѣдствіи, спустя тридцать лѣтъ, изъ тѣхъ же мѣстъ, но только съ другого берега р. Молочной, должны были выселиться въ Америку еще болѣе культурные меннониты, которые, поселившись одновременно съ духоборами, оказали большое вліяніе на раціональную постановку сельскаго хозяйства своихъ сосѣдей — духоборовъ и молоканъ. Послѣ того какъ на р. Молочной поселились духоборы и нѣмцы-меннониты, началось быстрое заселеніе мелитопольской степи. То была чисто русская колонизація изъ внутреннихъ губерній; заселеніе совершалось бѣглыми, государственными крестьянами, по вызову правительства и помѣщиками.

Въ новомъ краѣ земли были вольныя; — паши, сколько хочешь, живи по своей волѣ, какъ думаешь. Просторъ степей, богатая земля, свобода—притягивали неспокойные элементы, которымъ тѣсно жилось отъ пановъ или въ силу личныхъ качествъ. Дезертиры, бѣглые крѣпостные, не выносившіе рабскаго гнета, раскольники, преступники, ускользнувшіе отъ наказанія, бѣглые острожники—были первыми колонизаторами края. Этотъ вольный сбродъ, не уживавшійся на родинѣ, съ радостью принимался въ новомъ краѣ и помѣщиками, и сельскими обществами. Само правительство смотрѣло на бѣглыхъ сквозь пальцы; оно само какъ бы санкціонировало здѣсь право убѣжища въ цѣляхъ скораго заселенія края.

Значительное число селеній сѣверныхъ уѣздовъ губерніи было основано самовольными выходцами изъ государственныхъ крестьянъ. Эти добровольные переселенцы не пользовались ни льготами, ни пособіями отъ казны и терпѣли не мало мытарствъ, прежде чѣмъ успѣвали выхлопотать себѣ земли и разработать ихъ. Первоначально владѣли землей по праву перваго захвата: хозяинъ, распахавшій участокъ, пользовался имъ самъ, передавая его затѣмъ дѣтямъ по наслѣдству. Бо̀льшая часть переселенцевъ были бѣдны, многіе не имѣли воловъ и лошадей. Много труда было положено первыми поселенцами при возведеніи построекъ въ степномъ краѣ, при обработкѣ дѣвственной почвы; много нужды и горя приходилось имъ испытывать на первыхъ порахъ. Просторъ полей, воля, надежда на лучшее будущее удерживали поселенцевъ въ новомъ краѣ.

Наибольшая доля селеній образовалась по вызову правительства. Переселенцы, шедшіе по вызову правительства, пользовались нѣкоторыми льготами и пособіями, какъ на пути, такъ

и по прибытіи на мѣсто. Такъ, они получали прогоны—$1^1/_2$ к. на каждую душу и лошадь, кормовыя по $3^1/_2$ коп. на каждую душу обоего пола свыше шести лѣтъ. Прогоны, кормовыя и пособіе переселенцы получали безвозмездно. Пособіе на постройку и обзаведеніе скотомъ выдавалось различное — отъ 55 (обычно) до 100 руб. на семью. Давались льготы отъ податей и рекрутчины на восемь лѣтъ.

Помѣщичья колонизація была значительно меньше только-что описаннаго типа колонизаціи.

Значительная доля земель завоеваннаго края была раздана военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, съ условіемъ ихъ заселенія. Получивъ землю, помѣщики переселяли туда или своихъ крѣпостныхъ, или купленныхъ. Охотно принимались бѣглые, которымъ они сначала давали льготы, а потомъ закрѣпощали.

Съ образованіемъ большихъ селеній, при обиліи земель, было положено начало такъ называемой хуторской колонизаціи. Когда тѣсно становилось жить въ селеніи, тогда нѣсколько семей, по своей личной инициативѣ, или по приговору схода, отдѣлялись отъ селенія, садились на свободныя земли и образовывали самостоятельный поселокъ.

Для иллюстраціи приведемъ данныя объ образованіи нѣсколькихъ селеній днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ. Село Большія-Копани, одно изъ самыхъ зажиточныхъ и цвѣтущихъ въ днѣпровскомъ уѣздѣ, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ, какъ и большинство селеній, расположенныхъ въ западной, прибрежной части уѣзда. Образованіе его относится къ концу прошлаго столѣтія. Первыми поселенцами его были солдаты и крѣпостные разныхъ губерній. Правильное заселеніе, собственно, началось съ 1810 года, когда, по вызову правительства, явились переселенцы изъ курской губерніи. Въ послѣдующіе годы переселеній значительными массами не было,—нѣсколько семей были приняты по приговорамъ общества. Со времени послѣдней ревизіи до 1873 г. разновременно причислены казенной палатой 52 ревизскія души; за это же время выселилось въ другія селенія таврической губ. и Черноморье до 100 душъ.

Село Казачьи-Лагери, славящееся арбузами, получило свое начало еще отъ запорожцевъ, поселившихся здѣсь хуторами. Эти хутора, разбросанные среди необитаемой въ то время мѣстности, представляли очень удобныя мѣста для всѣхъ, скрывавшихся отъ преслѣдованія правительства, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется недружелюбное отношеніе тогдашняго начальства къ образованію хуторовъ. Нѣсколько разъ хуторяне получали при-

казаніе переселиться въ село, но хуторяне мало слушались, и процессъ образованія хуторовъ, получившій впослѣдствіи болѣе широкое развитіе, не прекращается еще и въ настоящее время.

Всѣ селенія (11) Сладкобалковской волости начали возникать въ началѣ прошлаго столѣтія и заселялись сначала бѣглыми, которые искали здѣсь, за р. Конкой, свободныхъ земель, а въ позднѣйшее время выходцами изъ Большого Токмака и Орѣхова.

Орѣховская волость, *бердянскаго уѣзда*, населена государственными крестьянами-малороссами. Село Орѣхово, какъ и большинство селеній, расположенныхъ въ сѣверной части уѣзда, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ селеній. Орѣхово—это ядро, изъ котораго образовались селенія нынѣшней днѣпровской и другихъ, смежныхъ съ ней волостей. Первыми поселенцами были бѣглые, крѣпостные, солдаты и вообще всѣ тѣ, кому плохо жилось на родинѣ. Сама природа и мѣстныя условія способствовали колонизаціи этого богатаго края. Конка, лѣвый притокъ Днѣпра, была тогда многоводной рѣкой, изобилующей рыбою; по берегамъ ея—тучныя пастбища. Тутъ же, невдалекѣ, днѣпровскіе плавни, представлявшіе надежное убѣжище отъ преслѣдованій. Уголокъ этотъ, благодаря такимъ условіямъ, сталъ быстро заселяться. Земли было много; каждый селился, гдѣ кто хотѣлъ, и захватывалъ земли, сколько хотѣлъ. Въ то время ею мало дорожили. Были даже случаи отказа отъ излишней земли. Изъ Орѣховскихъ хуторовъ образовались селенія: Ново-Андреевка, Даниловка, Щербаки, Новопавловка.

Въ 1822 г. было основано селеніе Новоспасское *сосланными* сюда изъ тамбовской и оренбургской губерній *молоканами*, шедшими на новыя мѣста довольно охотно. Черезъ три года основано было новое молоканское селеніе—Астраханка, изъ сосланныхъ сюда молоканъ астраханской губерніи. Спустя четыре года послѣ водворенія ихъ, къ нимъ добровольно стали приходить молокане тамбовской, оренбургской, владимірской и воронежской губерній.

Молоканскія селенія—самыя зажиточныя изъ русскихъ селеній. У молоканъ—богатая постройка, превосходный скотъ,—они хорошіе овцеводы,—въ широкомъ употребленіи усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія; вообще, сельское хозяйство у сектантовъ поставлено раціональнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ селеніяхъ. Сектанты многое переняли у нѣмцевъ-колонистовъ. У молоканъ имѣются общественные капиталы для покупки земель. Народъ они предпріимчивый, охотно переселяются на новыя мѣста, если условія поселенія на нихъ имъ кажутся лучшими; очень интересуются религіозными вопросами.

По зажиточности, далѣе, слѣдуетъ поставить *болгаръ-колонистовъ*. Болгарами образованы въ 1861—62 годахъ семь колоній въ мелитопольскомъ уѣздѣ: Терновка, Димитріевка, Александровка, Покровка, Волконешты, Болградъ и Второконстантиновка; въ бердянскомъ уѣздѣ ими заселены три волости: Царево-даровская (15 селеній), Анрово-Старотрояновская (15 селеній) и Преславская (5 колоній) и нѣсколько колоній на полуостровѣ.

При переселеніи болгарамъ были даны значительныя льготы, свобода навсегда отъ рекрутской повинности и земельный надѣлъ по 50 дес. на семейство, независимо отъ личнаго состава послѣдняго, что, по среднему разсчету, составитъ у нихъ душевой надѣлъ около 20 дес., тогда какъ другіе поселенцы получали не болѣе 9—15 дес. на душу.

Помимо того, выдавались значительныя ссуды—125 рублей и болѣе—на дворъ.

Главная масса болгаръ—до 29 тыс.—прибыла на мѣсто въ 1861—62 г.г. изъ отграниченнаго къ Молдавіи видинскаго пашалыка и адріанопольскаго округа. Со стороны княжескаго и турецкаго правительства выселенія эти встрѣтили всевозможныя стѣсненія и затрудненія. Такъ, напр., съ переселенцевъ требовалась уплата податей впередъ за три года. Несмотря на стѣсненія, народное движеніе изъ Турціи приняло такіе широкіе размѣры, что русское правительство вынуждено было принять мѣры къ пріостановкѣ его. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 9 января 1863 г. воспрещено дальнѣйшее переселеніе массами задунайскихъ выходцевъ.

Эмигрантамъ подъ поселенія были назначены всѣ казенныя земли таврической губерніи; изъ нихъ мѣста осѣдлости избирались переселенцами по собственному усмотрѣнію. Къ несчастію, совершенные неурожаи 1862—65 г.г. разорили поселенцевъ, не давая имъ возможности устроиться и окончательно осѣсть на избранныхъ мѣстахъ. Неурожаи подорвали въ нихъ вѣру въ пригодность для земледѣльческой культуры занятыхъ ими земель. Начались переходы съ мѣста на мѣсто; многіе порывались уйти на Кавказъ, а значительная часть видинцевъ возвратилась даже обратно въ Турцію.

Правительство употребило энергичныя мѣры для облегченія продовольственныхъ нуждъ и для поддержанія земледѣльческаго хозяйства,—выдавались щедрыя ссуды на обсѣмененіе полей и на продовольствіе. Несмотря на это, болгары не покидали мысли оставить облюбованныя ими мѣста; въ 1866 г. почти всѣ поселенцы приготовились двинуться далѣе, на Кубань; они со дня

на день ожидали изъ Петербурга и Тифлиса разрѣшеній на посланныя ими туда просьбы. Только рѣшительный отказъ въ этихъ просьбахъ и настоятельныя требованія оставаться на прежнихъ мѣстахъ убѣдили населеніе еще разъ обработать и засѣять свои поля. Хорошіе урожаи 1866 и 1867 г.г. сразу перемѣнили положеніе вещей. Болгары дѣятельно принялись за устройство своихъ жилищъ, носившихъ до этого характеръ временной стоянки. Черезъ нѣсколько лѣтъ колоніи представляли собой картину нѣкотораго довольства [1]). Въ настоящее время болгарскія колоніи хорошо устроены и по зажиточности уступаютъ только нѣмецкимъ колоніямъ. Болгары стараются подражать нѣмцамъ-колонистамъ, охотно перенимаютъ у нихъ внѣшнюю культуру, заводятъ сельско-хозяйственныя машины, племенной скотъ, увеличиваютъ посѣвную площадь. Болгары „жадны на работу", но у нихъ нѣтъ того порядка, той систематичности въ трудѣ, какая замѣчается у нѣмцевъ; лѣтомъ работаютъ иногда цѣлыя ночи, готовы батрака замучить на работѣ, не умѣя правильно распредѣлить часы труда и отдыха. Этимъ, вѣроятно, объясняется то явленіе, что крестьяне охотнѣе идутъ въ батраки къ нѣмцу, чѣмъ къ православному болгарину. Въ религіозномъ отношеніи наши болгары консервативны; болгарина нескоро совратишь въ сектантство. Религіозными вопросами они мало или даже совсѣмъ не интересуются: „какъ вѣрили наши дѣды и прадѣды, такъ и мы вѣримъ,—говорятъ они пропагандисту-сектанту;—о вѣрѣ иди къ попу балакать; у насъ попъ есть, съ нимъ и говори". Живутъ въ достаткѣ, но грязны, нечистоплотны, особенно женщины. У иныхъ богатая, роскошная постройка,—но грязь ужасная. Нѣмецъ заводитъ культурную обстановку, заботится о культурныхъ удобствахъ въ силу органическаго тяготѣнія къ культурѣ; болгаринъ же заводитъ у себя то же, что̀ и первый, но чаще изъ одного честолюбія, лишь для того, чтобы похвастаться. Богатый болгаринъ покупаетъ хорошую мебель, устроиваетъ большія хоромы, но комнаты пустуютъ,—самъ онъ не живетъ въ нихъ, переходитъ въ нихъ развѣ только по праздникамъ, чтобы показывать ихъ своимъ гостямъ.

Самый культурный, самый богатый народъ на югѣ—это *нѣмцы-колонисты*. Въ исторіи иноземной колонизаціи таврической губерніи первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ нѣмцамъ. На югъ первая партія нѣмцевъ прибыла въ 1789 г.; то были меннониты, которые въ числѣ 228 семей сѣли на лѣвомъ берегу

---

[1]) Клаусъ, „Наши колоніи", стр. 364—365.

Днѣпра, между рѣками Конкой и нынѣшней Каховкой. Нѣмецкая колонизація совершалась на основаніи манифеста 1763 г., и затѣмъ на основаніи правилъ о переселенцахъ 1804 года. Манифестомъ 1763 года колонистамъ были дарованы: свобода вѣроисповѣданія, вѣчная свобода отъ воинской повинности, тридцатилѣтняя льгота отъ платежей, значительный поземельный надѣлъ, денежныя пособія; „внутренняя юрисдикція была предоставлена благоучрежденію колоній"; предоставлено право производить торговлю и промыслы, заводить фабрики и мануфактуры даже съ припискою къ нимъ крѣпостныхъ людей [1]).

Въ 1804 г. были изданы правила поселенія въ Новороссійскомъ краѣ, въ которыхъ относительно иностранныхъ выходцевъ было постановлено: 1) допускать къ переселенію въ Россію и къ водворенію на казенныхъ земляхъ исключительно хорошихъ земледѣльцевъ, а также мастеровъ, полезныхъ въ сельскохозяйственномъ быту; 2) требовать отъ эмигрантовъ свидѣтельства о томъ, что они—добрые хозяева и могутъ каждый изъ нихъ вывезти не менѣе 300 гульденовъ; 3) даровать льготу въ податяхъ и повинностяхъ только на десять лѣтъ; по прошествіи этого срока, облагать поселенцевъ поземельной податью отъ 15 до 20 коп. за дес., а затѣмъ уравнять съ тою, которую платятъ государственные крестьяне; 4) производить поселенцамъ: *кормовыхъ*—со дня прибытія поселенцевъ на границу по 10 коп. взрослой и 6 коп. малолѣтней душѣ, по прибытіи на мѣсто, до перваго урожая—отъ 5 до 10 коп. каждой душѣ, судя по цѣнѣ жизненныхъ припасовъ; ссуду на хозяйственное обзаведеніе *до 300 р. на семью*, съ уплатой въ послѣдующія десять лѣтъ; 5) „для доставленія вящшихъ удобствъ и покровительства иностранцамъ, на казенныхъ земляхъ поселеннымъ, препоручить ихъ собственному начальству, подъ наименованіемъ: „Контора опекунства иностранныхъ поселенцевъ" [2]).

Для водворенія иностранныхъ поселенцевъ было передано въ распоряженіе колоніальнаго начальства земли въ таврической губерніи 214.000 дес., по рѣкѣ Молочной и ея притокамъ, съ лучшей черноземной почвой этого района. Въ 1804 г. на лѣвомъ берегу рѣки Молочной образовалось 10 меннонитскихъ колоній, на правомъ—три. Въ слѣдующемъ году прибыли нассаусцы, вюртембергцы, баденцы и прирейнскіе баварцы, въ числѣ 250 семей, и расположились вдоль праваго берега Молочной, немного выше духоборческихъ селеній.

[1]) Клаусъ, „Наши колоніи", стр. 8—9.

[2]) Ibid., стр. 20—21.

Эти первые поселенцы образовали колоніи Пришибской волости: Пришибъ, Гофенталь, Альтъ-Нассау, Вейнау, Вассерау и Альтъ-Монталь.

Въ 1809—1810 г.г. прибыло изъ Германіи еще около 600 семей католиковъ и лютеранъ, которые основали девять колоній той же Пришибской волости.

Начиная съ 1814 до 1822 г. приходили переселенцы частью изъ Германіи, частью изъ нѣмецкихъ колоній петербургской губерніи; одни изъ нихъ осѣдали въ старыхъ колоніяхъ, другіе основали новыя: Розенталь, Блюменталь и др.

Съ 1820 г. впускъ въ Россію иностранныхъ поселенцевъ былъ пріостановленъ, такъ что дальнѣйшая колонизація производилась путемъ разселенія изъ старыхъ колоній.

Въ 1877—79 г.г., когда меннониты были привлечены къ отбыванію воинской повинности, всѣ они, за исключеніемъ двухъ—трехъ семей, ушли въ Америку, продавъ землю и имущество колонистамъ и крестьянамъ.

Всего въ трехъ уѣздахъ нѣмецкихъ колонистскихъ дворовъ значилось по земской переписи:

Днѣпровскій у.	Мелитопольскій у.	Бердянскій у.
113	1.874	3.075
Земли на дворъ.		
84 дес.	46 дес.	37 дес.

Колонисты получали отъ казны *по 60—65 дес.* на дворъ. Въ 1868 г., по Высочайшему повелѣнію, часть запасныхъ земель отдана была въ надѣлъ безземельнымъ колонистамъ, имѣвшимъ усадьбы въ колоніяхъ, по 12½ дес. на дворъ. Такъ образовался многочисленный классъ клейнвиртовъ. Впослѣдствіи, въ 1881 г., клейнвирты у меннонитовъ получили прибавку въ 2,4 дес. на дворъ изъ земель съуженнаго солевознаго тракта.

Всего принадлежитъ нѣмцамъ надѣльной земли въ мелитопольскомъ уѣздѣ 84.490 дес., въ бердянскомъ уѣздѣ—123.809 дес. Кромѣ того, запасной земли бывшаго овчарнаго участка у нѣмцевъ мелитопольскаго уѣзда—6.505 дес., бердянскаго уѣзда—11.743 дес. Изъ доходовъ съ этихъ запасныхъ участковъ совершаются покупки земли для безземельныхъ. Скупка земли особенно дѣятельно совершается за послѣднія десятилѣтія; въ однихъ материковыхъ уѣздахъ частновладѣльческихъ земель числится свыше 270 тыс. дес., все же землевладѣніе нѣмцевъ въ таврической губерніи превышаетъ 800.000 десятинъ [1]).

---

[1]) Постниковъ, „Южно-русское крестьянское хозяйство“.

Болѣе энергично скупка земель совершается на полуостровѣ. *Въ Крымъ* нѣмцы явились одновременно съ возникновеніемъ ихъ колоній въ материковыхъ уѣздахъ. Въ 1805 г. образовались въ симферопольскомъ уѣздѣ три колоніи: Нейзацъ, Фриденталь и Розенталь, основанныя выходцами изъ Вюртемберга. Эти колоніи, вмѣстѣ съ возникшей въ 1811 г. колоніей Кроненталь, образовали собой Нейзацкій колонистскій округъ. Въ томъ же 1805 г. въ ѳеодосійскомъ уѣздѣ нѣмцами были основаны колоніи: Гейльбрунъ, Судакъ, Герценбергъ и Цюрихталь, образовавшія собой Цюрихтальскій округъ.

Нѣмецкія колоніи, по расширеніи, отдѣляли выселки, которые обращались потомъ въ новыя колоніи.

До 1860—62 г.г. другихъ иноземныхъ колонистовъ, кромѣ нѣмцевъ, въ Крыму было очень немного; невелика была и русская колонизація полуострова. Въ 1784 г. въ городѣ Балаклавѣ и его окрестностяхъ были поселены греки, которымъ было нарѣзано 11.000 дес. земли; кромѣ Балаклавы, греки поселились въ деревняхъ и извѣстны были подъ названіемъ греческаго батальона.

На основаніи указа 1801 г., часть болгаръ и грековъ, выходцевъ изъ Турціи, была поселена въ Крыму; они образовали колоніи Старый-Крымъ и Кишлавъ.

Русскія поселенія въ Крыму первоначально основывались или близъ городовъ, или на трактахъ между ними. Русскіе поселенцы размѣщались частью на казенной землѣ, частью на помѣщичьей, частью селились на мѣстахъ, оставленныхъ греками въ 1779 году [1]).

Первыми русскими поселенцами были отставные солдаты, являвшіеся въ Крымъ по вызову правительства. Кн. Потемкинъ поселялъ отставныхъ солдатъ въ симферопольскомъ и ѳеодосійскомъ уѣздахъ. Въ незначительныхъ размѣрахъ происходило поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ на купленныхъ и пожалованныхъ земляхъ. Земли эти, по большей части, были населены безземельными татарами, проживавшими въ нихъ въ качествѣ десятинщиковъ, а потому не было необходимости переселять сюда крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Переселенія производились только для заселенія совершенно пустующихъ земель. Вообще же, русскихъ земель на полуостровѣ было немного, и число рус-

[1]) Въ 1779 г. было выселеніе христіанъ изъ Крыма; болѣе 30.000 чел., преимущественно грековъ, переселились тогда въ маріупольскій уѣздъ.

скихъ поселянъ въ нихъ ко времени крымской войны составляло не болѣе 15.000 душъ [1]).

Такъ шло заселеніе края до крымской войны. Война нанесла страшный ударъ мѣстному хозяйству. Къ разоренію отъ войны присоединился еще ущербъ отъ новаго выселенія татаръ [2]). Въ 1860—63 г.г. эмигрировало татаръ, по оффиціальнымъ даннымъ, болѣе 181.000 душъ. Эта цифра опредѣлена по числу выданныхъ паспортовъ, но она далеко не опредѣляетъ всего числа бѣжавшихъ въ Турцію; на ряду съ открытой эмиграціей усиленно шла эмиграція тайная. Эмиграція коснулась 784 деревень. Ногайцы покинули всѣ свои аулы. Вотъ цифры покинутыхъ деревень въ уѣздахъ: бердянскомъ—67; мелитопольскомъ—9; днѣпровскомъ—20; перекопскомъ—278; симферопольскомъ—146; евпаторійскомъ—196; ѳеодосійскомъ—67. Всего—784.

Болѣе всего ушло татаръ изъ перекопскаго уѣзда (278 дер.). Во время крымской войны татары держали себя двусмысленно; свое сочувствіе туркамъ открыто опасались проявлять. Они выражали его скорѣе пассивно —бѣгствомъ въ Турцію. Еще до заключенія мира, татары понемногу уходили тайкомъ въ Турцію. Въ концѣ 1859 года выселеніе это приняло огромные размѣры: татары массами бѣжали къ туркамъ, бросая свое хозяйство. Имущество продавали за безцѣнокъ или бросали даромъ; пустѣли десятки татарскихъ деревень.

Въ мартѣ 1860 года, когда движеніе сдѣлалось повсемѣстнымъ и явилось опасеніе, что край опустѣетъ, воспослѣдовалъ указъ, въ силу котораго дозволялось выпускать изъ каждаго селенія не болѣе одной десятой части населенія. Но было уже поздно. Мѣра эта только встревожила населеніе: каждый боялся опоздать, и бѣгство сдѣлалось всеобщимъ. Толпы въ тысячу семействъ разомъ являлись къ начальству просить о выдачѣ паспортовъ.

Изъ Евпаторіи и другихъ крымскихъ портовъ татары просто бѣжали на турецкія фелуки, появлявшіяся у крымскихъ береговъ подъ предлогомъ охоты на дельфиновъ.

Причины такой усиленной эмиграціи, какъ и современнаго

---

[1]) Первая эмиграція татаръ была вслѣдъ за присоединеніемъ Крыма. По сообщенію путешественника Палласа, число выселившихся въ Турцію татаръ, до 1790 г., равнялось 80.000 душъ обоего пола. Павелъ Сумароковъ число эмигрантовъ опредѣляетъ въ 300.000 чел.; цифра эта кажется сильно преувеличенной, если мы припомнимъ опредѣленіе населенія Крыма, данное барономъ Игельстромомъ, современникомъ этой эмиграціи—(около 114 т. д.).

[2]) Ханацкій, стр. 223.

эмиграціоннаго движенія—1) экономическія, 2) религіознаго характера, 3) крайнее невѣжество, которое давало возможность распространяться и получать вѣру разнымъ нелѣпымъ слухамъ, распускаемымъ въ народѣ. Характерно, что эмиграція совсѣмъ не коснулась ялтинскаго уѣзда и слабо задѣла вообще горный районъ, тогда какъ со всей силой она разразилась въ степномъ углу (перекопскій уѣздъ).

Горные татары болѣе обезпечены, земельныя отношенія у нихъ менѣе запутаны; они значительно развитѣе, въ силу болѣе частыхъ сношеній съ людьми разныхъ національностей.

У степныхъ татаръ, помимо запутанныхъ земельныхъ отношеній, масса безземельныхъ десятинщиковъ. Положеніе ихъ, безъ того незавидное, ухудшилось въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда распространился слухъ, что всѣхъ безземельныхъ будутъ вадѣлять землей изъ участковъ, на которыхъ они сидѣли,—владѣльцы послѣднихъ начали сгонять съ своей земли десятинщиковъ. Этимъ приходилось искать новыхъ земель и принимать болѣе трудныя условія аренды.

Многія натуральныя повинности были замѣнены денежной, что тяжелымъ бременемъ ложилось на многихъ и не могло не вызвать недовольства.

Помимо сказаннаго, громадную роль играли слухи, напримѣръ, о томъ, что правительство якобы хочетъ всѣхъ татаръ выселить въ другія губерніи, или что хотятъ уничтожить исламъ, для чего-де заводятъ школы, или что султанъ строитъ новые города, въ которые хочетъ собрать всѣхъ правовѣрныхъ. Тревожно настроенные умы готовы были всему этому вѣрить.

А тутъ на глазахъ—подстрекающій къ выселенію примѣръ—горцы, уходившіе съ Кавказа въ Турцію и зимовавшіе среди ѳеодосійскихъ и бердянскихъ татаръ. Что эти горцы играли не малую роль въ дѣлѣ эмиграціи татаръ, какъ давшіе первый толчокъ народному движенію, видно изъ того, что движеніе очень рано открылось среди бердянскихъ ногайцевъ, бросавшихъ всѣ свои аулы, и среди ѳеодосійскихъ татаръ.

Администрація ничего не предпринимала для успокоенія встревоженнаго населенія; полагая, что выселеніе татаръ соотвѣтствуетъ видамъ правительства, губернское начальство придало этому дѣлу характеръ общей мѣры и затребовало списки желающихъ выселиться въ Турцію. Были даже случаи, когда собирали на площадяхъ народъ и читали ему о дозволеніи выселиться изъ Крыма.

Эмиграція пріостановлена была прекращеніемъ выдачи паспортовъ.

Народъ успокоился; прошелъ десятокъ лѣтъ, и броженіе опять началось. Мы разумѣемъ 1874-й годъ, когда особенно сильно заволновались горскіе татары изъ-за введенія всеобщей воинской повинности, отъ которой татары были свободны. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ (кстати сказать, неточнымъ), въ теченіе 1874 г. бѣжало изъ Крыма всего 474 человѣка. Бѣглецы были по преимуществу лица призывнаго возраста.

Массовая эмиграція не состоялась потому, что эмиграція не была разрѣшена, — не выдавали заграничныхъ паспортовъ. Для успокоенія населенія командированъ былъ въ Крымъ кн. Воронцовъ.

Онъ указалъ слѣдующія средства для успокоенія татаръ:

1) Степнымъ татарамъ отвести изъ казенныхъ земель надѣлы.

2) Ускорить окончаніе спорныхъ дѣлъ о лѣсныхъ дачахъ, отобранныхъ отъ южнобережныхъ татаръ въ 1838 году.

3) Разсмотрѣть жалобы татаръ на завладѣніе казною ихъ землями и домами.

4) Отмѣнить существующія стѣсненія въ выдачѣ паспортовъ для путешествія въ Мекку.

5) Передать вакуфныя земли въ вѣдѣніе обществъ.

Въ 1875 г. уходъ татаръ продолжался, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде. Командированный въ Крымъ т. с. Косаковскій предложилъ для успокоенія татаръ тѣ же мѣры, что кн. Воронцовъ.

Потомъ эмиграціонное движеніе заглохло на нѣсколько лѣтъ; усилилось оно въ послѣдніе годы.

Обращаетъ на себя вниманіе характерное обстоятельство: выселяются не одни только безземельные татары; значительный процентъ эмигрантовъ состоитъ изъ земельныхъ собственниковъ, и притомъ хорошо обезпеченныхъ землею. Были недавно случаи, когда татарскія деревни изъ 20—30 домовъ поголовно уходили за границу, несмотря на то, что въ распоряженіи этихъ дворовъ находилось до тысячи десятинъ удобной земли.

Такими случаями не упускаютъ воспользоваться спекулянты, играющіе не послѣднюю роль и въ самой эмиграціи татаръ, наживаясь на счетъ послѣднихъ. Теперь проектируютъ: земли эмигрирующихъ татаръ скупать крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ съ цѣлью перепродажи ихъ русскихъ переселенцамъ. Нечего говорить, что такая мѣра очень желательна. Все же одною изъ главныхъ причинъ выселеній является тяжелое экономическое положеніе безземельныхъ; отъ безземелья страдаетъ болѣе другихъ татарское населеніе.

Вакуфы могли бы до извѣстной степени ослабить безземелье, но только ослабить, а не устранить.

Выше мы говорили, что въ 1860—62 г.г. татары эмигрировали изъ 687 крымскихъ селеній.

Чтобы скорѣе заселить опустѣвшій край, правительство назначило подъ заселеніе всѣ освободившіяся земли ушедшихъ татаръ и значительную часть казенныхъ участковъ. Земли эти щедро раздавались безземельнымъ, проживавшимъ въ Крыму, и переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній. Въ это время образовалось наибольшее число русскихъ селеній въ Крыму.

Образованіе русскихъ посёлковъ и нѣмецкихъ колоній совершается и въ настоящее время. Въ образованіи новыхъ селеній громадную роль играли арендаторы и десятинщики.

Населеніе изъ арендаторовъ и десятинщиковъ является крайне подвижнымъ, благодаря неустойчивости окружающихъ обстоятельствъ и измѣненію арендныхъ условій, вслѣдствіе чего перекочевки, вызванныя какими-нибудь недоразумѣніями съ землевладѣльцами или надеждами на болѣе льготныя условія, представляютъ обычное явленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое исчезновеніе старыхъ и возникновеніе новыхъ поселковъ не представляютъ собою исключительнаго явленія.

Не рѣдкость и такія случаи (они часты особенно у нѣмцевъ): арендаторы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ аренды, выкупаютъ участки земли и устроиваются на нихъ въ качествѣ поселенцевъ-собственниковъ.

Кромѣ русскихъ, на татарскихъ земляхъ сѣли нѣмцы, приходившіе изъ старыхъ колоній, чехи и эстонцы.

Чехи, пришедшіе въ Крымъ въ 1861—62 г.г., основали четыре колоніи: Таборъ, Богемку, Цареквиссъ и Александровку въ перекопскомъ уѣздѣ. Первоначально они получали по 15 дес. на дворъ, а потомъ, съ уходомъ части чеховъ въ мелитопольскій уѣздъ, нарѣзка земли была увеличена до 20 дес. на дворъ.

Эстонцы въ 1862—64 г.г. основали нѣсколько поселковъ въ перекопскомъ уѣздѣ, и въ недавнее время—въ симферопольскомъ.

Кромѣ помянутыхъ національностей, въ Крыму живутъ евреи, поселившіеся здѣсь съ давнихъ поръ, цыгане, армяне (тоже—давнишніе обитатели полуострова); поляки—колонисты позднѣйшаго времени.

Ни одна губернія Россійской имперіи не представляетъ столько разнообразія въ этнографическомъ отношеніи, какъ таврическая. Въ составъ ея населенія входятъ одиннадцать національностей. Въ трехъ материковыхъ уѣздахъ и симферопольскомъ преобладаетъ русское населеніе, а въ остальныхъ четырехъ уѣздахъ—татарское. Болгары живутъ, главнымъ образомъ, въ

бердянскомъ и ѳеодосійскомъ уѣздахъ; нѣмцы — въ материковыхъ и перекопскомъ уѣздахъ; евреевъ больше въ крымскихъ уѣздахъ, чѣмъ въ материковыхъ. Племенной составъ населенія, приблизительно, представляется въ такомъ видѣ:

Націи.	Бердянск.	Мелитоп.	Днѣпров.	Перекопск.	Евпатор.	Феодос.	Симфер.	Ялтинск.	Севастоп. градонач.	Всего.
	Уѣзды.									
	На сто человѣкъ приходится:									
Русскихъ	80.5	85,7	96,8	27,6	39,0	52,5	28,5	6,3	71,7	70,8
Татаръ	—	—	—	50,7	46,3	29,4	44,7	89,4	—	12,2
Нѣмцевъ	7,3	11,3	0,1	10,0	2,9	3,2	7,2	—	—	6,8
Евреевъ	3,8	2,6	2,7	4,4	7,3	4,7	11,6	2,2	9,4	4,4
Болгаръ	8,4	0,2	—	—	—	5,1	—	—	—	3,5
Грековъ	—	—	—	0,5	0,3	2,6	2,5	2,0	17,3	0,95
Цыганъ	—	0,02	—	3,4	3,9	0,5	3,4	—	—	0,6
Армянъ	—	0,01	—	0,8	0,3	2,0	2,1	—	0,5	0,5
Поляковъ	0,04	0,07	0,4	—	—	—	—	0,1	1,1	0,2
Чеховъ	—	0,1	—	1,3	—	—	—	—	—	0,03
Эстонцевъ	—	—	—	1,3	—	—	—	—	—	0,02

Татарская эмиграція истекшаго года нѣсколько измѣняетъ представленную картину; судя по сообщеніямъ южныхъ газетъ, отливъ татаръ въ Турцію долженъ былъ быть громадный. Не успокоилось еще въ Крыму и теперь море народнаго движенія; постоянно волнуется оно, какъ и омывающее крымскій берегъ неспокойное Черное море; уходятъ одни, на ихъ мѣсто приходятъ другіе. Колонизаціонный процессъ еще далеко не завершился.

При разсмотрѣніи этого процесса, рѣзко бросаются въ глаза два обстоятельства: отсутствіе строгаго плана въ дѣлѣ колонизаціи и крайне несправедливое отношеніе къ русскому колонизаціонному элементу въ сравненіи съ иноземнымъ. Прошлое показываетъ, что дѣломъ колонизаціи завѣдывали кабинетные люди, мало или вовсе незнакомые съ новымъ краемъ, не знавшіе ни особенностей его природы, ни его нуждъ. Все дѣлалось сверху, путемъ указовъ, предписаній, циркуляровъ, словомъ—бумажнымъ путемъ. „Раздача земель русскимъ владѣльцамъ,—говоритъ Ханацкій,—въ первое время производилась *безъ всякаго порядка*; не обращалось вниманія на то, что многіе изъ новыхъ владѣльцевъ, получивъ земли, оставляли ихъ на произволъ судьбы. При томъ не были точно опредѣлены границы между помѣщичьими

землями и татарскими, отчего возникло огромное количество тяжбъ" [1]).

Земля раздавалась по ордерамъ кн. Потемкина и позднѣе гр. Зубова *безъ обозначенія мѣста* дарованной земли, каковая выбиралась по личному усмотрѣнію. Естественное послѣдствіе такихъ порядковъ — частое возникновеніе земельныхъ безпорядковъ: захватъ чужой собственности, нарушеніе границъ владѣній. „Въ нашей имперіи переселенія совершаются весьма дурно, по причинѣ худыхъ чиновниковъ,—писалъ Богдановичъ,—и потому они кончаются дурно" [2]).

Другой крупный недостатокъ нашей „колонизаціонной политики" на югѣ—это излишній „протекціонизмъ" по отношенію къ иностранцамъ въ ущербъ коренному земледѣльческому населенію. Къ иноземцамъ правительство относилось какъ къ тропическому растенію,—такъ же заботливо ухаживало за ними,—а русскаго крестьянина садили на землю такъ, какъ садятъ тополь или иву: вобьютъ въ землю колъ,—и рости себѣ съ Богомъ, плодись, размножайся и наполняй землю! Думается, что не отъ неспособности нашихъ крестьянъ приспособляться къ новымъ мѣстнымъ условіямъ хозяйство ихъ оставляло и оставляетъ желать многаго, а главнымъ образомъ,—отъ тѣхъ условій, въ которыя ставили ихъ власть имущіе. Русскіе крестьяне доказали на дѣлѣ цѣлымъ рядомъ фактовъ свою способность къ дѣлу колонизаціи, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ, по своимъ естественнымъ условіямъ, мѣстностяхъ. Правда, иностранные поселенцы — нѣмцы оказались лучшими колонистами, чѣмъ русскіе. Но не нужно забывать того, что они, при болѣе высокой своей культурности, были поставлены въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ русскіе колонисты. Правительство оказывало имъ такую помощь и поддержку, о которой послѣдніе не могли и мечтать. Помимо крупныхъ привилегій, льготъ, пособій, нѣмецкіе колонисты получили еще *широкое самоуправленіе*.

Колоніи нѣмецкихъ выходцевъ на первыхъ порахъ развивались довольно плохо; на ряду „съ добрыми хозяевами" въ Россію попадали и несовсѣмъ „добрые". Постоянная поддержка правительства при *широкой самодѣятельности* колоній дала возможность имъ окрѣпнуть и стать на ту высоту, на которой онѣ сейчасъ находятся.

Поставленный на первыхъ же порахъ въ положеніе пасынка, русскій колонистъ теперь уже не въ силахъ бороться съ тѣмъ,

---

[1]) Хавацкій, стр. 212.

[2]) „Вѣстникъ Европы" 1866 г., кн. I, стр. 185.

чтò создала покровительственная система, игнорировавшая коренное земледѣльческое населеніе. Этотъ „протекціонизмъ“ привелъ въ дальнѣйшемъ къ скопленію земельныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ нѣмецкихъ частныхъ собственниковъ и колонистовъ, привелъ къ образованію на югѣ новаго типа помѣщиковъ. „И прежде було плохо отъ панивъ,—жалуется поселенецъ-хохолъ, —да усэ-жъ булы свои, а тэперь паны наши стали німцы“. Особенно тяжело положеніе безземельныхъ, которыхъ нужда заставляетъ принимать „панскія“ условія при арендованіи земельныхъ участковъ. Мы далеко отклонились бы отъ своей задачи, если бы стали разсматривать тяжелое экономическое положеніе безземельныхъ на югѣ; интересующихся отсылаемъ къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ по данному вопросу.

Увеличеніе числа безземельныхъ, этого „вѣчно переселенческаго элемента“ стоитъ въ неразрывной связи со скупкою земель, производимою въ громадныхъ размѣрахъ нѣмецкими колоніями и отдѣльными лицами. Въ одной таврической губерніи въ рукахъ нѣмецкихъ колонистовъ—болѣе 800.000 дес., или одна шестая часть всей площади губерніи; между тѣмъ они составляютъ всего около 7%, тогда какъ русскаго населенія въ таврической губерніи свыше 70% [1]. Искусственное сосредоточеніе громаднѣйшихъ земельныхъ участковъ въ немногихъ рукахъ есть прямая несправедливость къ нуждающемуся въ землѣ русскому крестьянству, а существованіе такихъ палестинъ, какъ имѣніе г. Фальцъ-Фейнъ,—при всѣхъ его зоологическихъ богатствахъ,—есть прямое зло, если мы считаемся съ матеріальнымъ положеніемъ безземельныхъ и обѣднѣніемъ народныхъ массъ.

Задача нашего времени—не укрѣплять, а разрушать экономическое рабство, покоящееся на правѣ сильнаго. Силой сложившихся и поддерживаемыхъ условій трудящійся классъ лишается того, чтò ему принадлежитъ по праву,—лишается возможности имѣть свой кусокъ земли для обработки.

Прошло сто лѣтъ со времени основанія нѣмецкихъ колоній, а у колонистовъ и сейчасъ еще остаются такъ называемыя запасныя земли, являющіяся фондомъ для скупки земель. Запасные участки сдаются за десятки тысячъ въ аренду безземельнымъ, а на арендованныя деньги этихъ безземельныхъ идетъ усиленная скупка „излишнихъ земель“. Дарственная земля—теперь уже громадная экономическая сила, дѣйствующая сама по себѣ. И, конечно, не русскому голодному крестьянину бороться съ этой силой,

[1]) „Въ настоящее время нѣмецкое землевладѣніе составляетъ въ трехъ новороссійскихъ губерніяхъ свыше 1.750.000 дес.“ (Постниковъ, „Южно-русское крестьянское хозяйство“).

съ капиталами нѣмецкихъ колонистовъ. Не удивительно, что „свободныя“ земли переходятъ въ руки послѣднихъ, какъ болѣе экономически сильныхъ, а крестьянина нужда заставляетъ брать эту „свободную“ землю въ аренду или идти въ батраки. Если русскій крестьянинъ, такъ крѣпко цѣпляющійся за землю, не въ силахъ ее удерживать въ своихъ рукахъ, оказывается слабымъ въ экономической борьбѣ съ колонистами, то о татарахъ и говорить нечего; экономическая сила колонистовъ для нихъ—vis major. Подъ давленіемъ желѣзной силы экономическихъ условій они снимаются съ прадѣдовскихъ мѣстъ и бѣгутъ въ Турцію, гдѣ имъ сулятъ молочныя рѣки и кисельные берега...

Сказаннымъ мы нисколько не думаемъ умалять значенія нѣмецкихъ колонистовъ, какъ „культуртрегеровъ“: колонистами много сдѣлано для развитія земледѣлія, скотоводства, для введенія въ жизнь раціональнаго сельскаго хозяйства. Благодаря вліянію нѣмцевъ, русскіе завели у себя сельско-хозяйственныя машины.

Большую услугу южнорусскому хозяйству колонисты оказали образованіемъ мастеровъ, умѣющихъ справляться съ машинами и произвести въ нихъ нужную починку. Безъ этого не могло бы имѣть мѣсто значительное распространеніе самыхъ машинъ. Благодаря введенію машинъ и улучшеннаго инвентаря, расширены площади посѣвовъ, измѣнилась система земледѣлія.

Нельзя, конечно, отрицать всѣхъ этихъ заслугъ, также какъ и нравственныхъ качествъ нѣмецкаго населенія, его высокой культуры и образцовой общественной организаціи, оказывающихъ вліяніе на нашихъ поселенцевъ. Къ сожалѣнію, степень полезнаго вліянія ихъ не такъ велика, какъ можно было ожидать; не велика,—благодаря замкнутости колонистовъ и презрительному отношенію ихъ къ русскому элементу. Плохо еще и то, что русскаго крестьянина нужда заставляетъ идти не въ ученики, а въ батраки къ суровымъ культуртрегерамъ. Ошибки покровительственной политики, игнорировавшей коренное населеніе, съ каждымъ годомъ даютъ сильнѣе себя чувствовать этому населенію, показателемъ чего служитъ увеличеніе числа безземельныхъ и ихъ тяжелое положеніе. Заботы объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія и должны лечь въ основаніе мѣропріятій по урегулированію движенія земельной собственности на югѣ; ихъ интересы, какъ болѣе слабыхъ въ экономической борьбѣ, должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ.

Г. Пятигорскій.

ИЗЪ
ФАУСТА

ТРАГЕДІЯ ГЁТЕ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Готическая комната съ высокими сводами, гдѣ жилъ нѣкогда Фаустъ, въ прежнемъ видѣ.

Мефистофель—*выступаетъ изъ-за занавѣса и, приподнявъ его, осматривается: виденъ* Фаустъ, *распростертый на старинномъ прадѣдовскомъ ложѣ.*

Несчастный, тутъ постель твоя была;
Теперь лежи, влюбленный не на шутку—
Кого Елена сѣтью оплела,
Не скоро тотъ придетъ опять къ разсудку.
(*Озираясь*).
Гляжу кругомъ, отъ оконъ до дверей:
Все та же, прежняя картина,
И только стекла кажутся тусклѣй
И гуще стала паутина.
Чернила высохли, бумага пожелтѣла.
Но все по прежнему стоитъ съ тѣхъ поръ,
И даже на столѣ перо еще то цѣло,

Которымъ Фаустъ писалъ нашъ договоръ.
На немъ остался даже крови слѣдъ,
Что̀ такъ искусно выманилъ тогда я,—
Она на вѣкъ скрѣпила нашъ обѣтъ,—
Для антикварія находка дорогая.
А эта шуба, этотъ столъ,
Здѣсь все опять напоминаетъ,
Какъ мальчику я всякій вздоръ мололъ,
Который онъ, быть можетъ, вспоминаетъ.
Опять я чувствую охоту
Укутаться въ твой теплый мѣхъ
И какъ доцентъ приняться за работу,
Чтобъ доказать, что я правѣе всѣхъ.
Съ учительствомъ сей даръ сроднился,
Но чортъ его давно лишился.
(*Онъ снимаетъ шубу и встряхиваетъ ее: изъ нея вылетаютъ цикады, жучки и фарфарели*).

Хоръ насѣкомыхъ.

Здорово, здорово,
Нашъ старый патронъ!
Явился ты снова
И вдругъ окруженъ.
Ты насъ незамѣтно
Въ тиши насадилъ.
Теперь мы роями,
Танцуя, летимъ.
Лукавый таится
Въ груди глубоко;
Но въ шубѣ развиться
Намъ очень легко.

Мефистофель.

Я вижу съ радостью, какъ новый міръ живетъ!
Кто сѣетъ во̀-время, тотъ во̀-время пожнетъ.
Встряхну еще, не дамъ погибнуть вамъ.
Глядишь, они опять взлетаютъ тамъ и сямъ,
Наверхъ, кругомъ, во всѣ углы и щели
Они, родные, полетѣли.
Скрывайтесь тутъ средь книгъ, листовъ
Пергамента и слоя пыли,

Ползите въ трещины горшковъ
И въ черепъ, гдѣ глаза когда-то были!
Въ грязи и мусорѣ, какъ на квартирѣ,
Навѣки можете селиться въ мірѣ.
(*Влѣзаетъ въ шубу.*)
Что жъ, полѣзай ко мнѣ на плечи!
Сегодня я—хозяинъ твой опять.
Но для чего пустыя рѣчи,
Когда никто не хочетъ признавать?
(*Онъ звонитъ въ колоколъ; раздается дребезжащій, пронзительный звукъ, отъ котораго трясется галерея и двери отворяются настежь.*)

Фамулусъ — *нетвердою поступью приближаясь по длинному и темному ходу.*

Чтò за гулъ! Какъ ливень льется!
Домъ дрожитъ и полъ трясется;
Въ окнахъ блескъ и дребезжанье,
Яркой молніи сверканье,
А сквозь старыхъ камней груду
Известь сыплется повсюду,
И таинственная сила
Всѣ запоры отворила...
Ужасъ, ужасъ! Исполинъ
Тамъ, какъ Фаустъ, стоитъ одинъ,
Въ томъ же старомъ одѣяньи.
Въ сердцѣ страхъ и ожиданье...
Что-то будетъ? Чтò случится?
Ждать ли надо, или скрыться?

Мефистофель—*дѣлаетъ ему знакъ.*

Сюда, мой другъ! Какъ звать васъ? Никодемусъ?

Фамулусъ.

Да, ваша милость, точно такъ... Oremus!

Мефистофель.

Не надо.

Фамулусъ.

Радъ, что вы меня узнали.

Мефистофель.

О, да, вы много въ жизни изучали;
А все еще студентъ, хоть и старикъ!
Ученый въ васъ учиться не отвыкъ.
Такъ всѣ мы карточный возводимъ домъ,
Но до конца его не доведемъ.
Лишь вашъ учитель, тотъ другое дѣло,
И первымъ онъ назваться можетъ смѣло;
Не даромъ славный докторъ Вагнеръ нынѣ
Одинъ въ ученомъ мірѣ, какъ въ пустынѣ,
Онъ—что ни день—премудрость умножаетъ.
Всезнанія искатели толпой
Стекаются къ нему со всѣхъ сторонъ.
И свѣтитъ съ каѳедры, лишь только онъ
Одинъ, какъ Петръ, ключами обладаетъ;
Лишь передъ нимъ отверсты рай и преисподня,
И всѣмъ онъ яркою звѣздой сіяетъ.
Да, не сравнится съ нимъ никто сегодня
И слава Фауста передъ нимъ тускнѣетъ,
Онъ до всего одинъ дойти умѣетъ.

Фамулусъ.

Осмѣлюсь вамъ замѣтить, господинъ,
Что не вполнѣ согласенъ съ вами;
Объ этомъ, вѣрите-ль, не можетъ быть и рѣчи,
А какъ онъ скроменъ—посудите сами:
Съ учителемъ онъ жаждетъ новой встрѣчи,
Его всегда все та же мысль тревожитъ,
Онъ отъ нея въ себя придти не можетъ.
Пусть Фаустъ исчезъ—онъ долженъ возвратиться,
И комната, гдѣ докторъ жилъ когда-то,
Гдѣ онъ работалъ, та же остается,
Пока хозяинъ прежній не вернется;
И даже входъ въ нее хранится свято.
Сейчасъ здѣсь стѣны задрожали,
Со всѣхъ дверей замки упали,
Не то бы не войти и вамъ самимъ.

Мефистофель.

Но гдѣ жъ хозяинъ, развѣ невидимъ?
Веди къ нему, не то сходи за нимъ.

Фамулусъ.

Не знаю, можно ли, не позволяетъ
Онъ никому входить и даже мнѣ.
Онъ мѣсяцы въ полнѣйшей тишинѣ
Сидитъ одинъ и дѣло завершаетъ.
Ученѣйшій, нѣжнѣйшій изъ людей
Похожъ на обжигателя углей.
Минуты отдыха не знаетъ даже,
Глаза красны, и носъ и уши въ сажѣ.
Отъ этой утомительной работы
Ничѣмъ теперь не оторвешь его ты.

Мефистофель.

Какъ, онъ меня не приметъ,—неужели?
А я бы могъ ему помочь достигнуть цѣли.
(*Фамулусъ уходитъ, Мефистофель съ важностью садится.*)
Едва я прежній постъ занять успѣлъ
И въ старой шубѣ спрятался отлично,
Какъ прежній гость идетъ, и юнъ, и смѣлъ,
Теперь онъ будетъ дерзокъ безгранично.

Бакалавръ—*врываясь въ галерею.*

Дверь стоитъ незапертая!
Наконецъ, войду сюда я.
Мѣсто есть теперь надеждѣ,
Что не плѣснитъ онъ, какъ прежде,
Что живымъ онъ въ заключеньѣ
Не погибъ отъ разложенья.

Двери, окна покосились,
Даже стѣны наклонились;
Всюду видно разрушенье
И всему грозитъ крушенье.
Я во всемъ люблю отвагу;
Но сюда впередъ—ни шагу.

Что̀ я вижу?—Невозможно!
Ужъ не здѣсь ли, осторожно,
Скромнымъ фуксомъ я являлся
И съ почтеніемъ склонялся

Передъ длинной бородою
И плѣнялся болтовнею?

А всѣ тѣ, кто безъ печали
Только тексты повторяли,
Хоть не вѣрили ихъ силѣ,
И себя, и насъ губили.
Чтò я вижу? Неужели
Въ гробъ сойти не всѣ успѣли?

Тамъ все тотъ же, чтò за чудо!
Онъ сидитъ за этой грудой,
Столъ и книги, шуба та же,
И не двинулся онъ даже!
Здѣсь мололъ онъ всякій вздоръ
И казался мнѣ хитеръ.
Но сегодня не поймаетъ,
Лучше пусть не начинаетъ.

Почтенный старецъ, если мутной Леты
Потокъ изъ головы не все унесъ,
Припомните ученика примѣты,
Теперь ушедшаго отъ школьныхъ лозъ!
Все тотъ же вы передо мной,
Но я вернулся къ вамъ—другой.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я васъ цѣнилъ, и радъ, что звономъ
Своимъ опять сюда привлекъ;
Подъ незатѣйливымъ кокономъ
Таится пестрый мотылекъ.
Да, въ локонахъ и кружевахъ
Тогда вы дѣтски милы были.
Косы вы прежде не носили?
Теперь въ короткихъ волосахъ
Вы смотрите рѣшительно и смѣло;
Но слишкомъ круто вы не ставьте дѣло.

БАКАЛАВРЪ.

Почтеннѣйшій, хоть мы на старомъ мѣстѣ—
У насъ теперь другія времена.
Не нужно намъ ни хитрости, ни лести,
Двусмысленность въ словахъ намъ не нужна.

Смѣялись вы надъ добрымъ простакомъ
И безъ труда вамъ удалось тотъ разъ,
Чего никто не смѣлъ уже потомъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Когда всю правду безъ прикрасъ
Откроешь ты зеленой молодежи,
Она же смыслъ вещей потомъ
На собственной узнаетъ кожѣ.
Она твердитъ, гордясь своимъ умомъ,
Что былъ ея учитель дуракомъ.

БАКАЛАВРЪ.

А можетъ быть плутомъ! И кто на свѣтѣ
Намъ истину открыто говоритъ?
Учителя мы слушаемъ какъ дѣти,
Онъ то прикраситъ правду, то смягчитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да, для ученья, точно, время есть.
Учить другихъ и вы готовы стали,
Хоть мѣсяцы и дни недолго счесть,
Когда свой опытъ вы пріобрѣтали.

БАКАЛАВРЪ.

Все опытъ, но что̀ пользы въ немъ?
Не можетъ съ духомъ онъ сравниться!
И намъ тому, что̀ познаемъ,
Совсѣмъ не стоило учиться.

МЕФИСТОФЕЛЬ—*послѣ нѣкотораго молчанія.*

Ужъ я давно того же мнѣнья.
Какъ я былъ глупъ—теперь вполнѣ постигъ.

БАКАЛАВРЪ.

Я очень радъ,—вотъ, наконецъ, старикъ,
Въ которомъ есть хоть искра размышленья!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я тщетно золота искалъ, зарытый кладъ:
Нашелъ я только угли и осколки.

БАКАЛАВРЪ.

Признайтесь, вы другихъ не стоили наградъ,
Вашъ черепъ пустъ, какъ тотъ, что тамъ, на полкѣ!

МЕФИСТОФЕЛЬ—*добродушно.*

Мой другъ, твоя учтивость безпримѣрна.

БАКАЛАВРЪ.

Кто по-нѣмецки вѣжливъ—лжетъ навѣрно.

МЕФИСТОФЕЛЬ—*въ своемъ креслѣ, все больше выкатываясь на авансцену, къ партеру.*

И душно, и темно мнѣ стало тутъ;
Быть можетъ, я у васъ найду пріютъ?

БАКАЛАВРЪ.

Чтò за претензія все роль играть,
Когда и быть пора бы перестать!
Вѣдь жизнь въ крови людей течетъ.
Лишь въ юношѣ она бѣжитъ рѣкой,
Ключомъ изъ сердца жарко бьетъ,
Изъ жизни жизнь родитъ своей струей.
Въ немъ все шевелится и возникаетъ,
Чтò слабо—падаетъ, чтò сильно—выростаетъ.
Пока полъ-міра мы завоевали,—
Чѣмъ занимались вы? Мечтали?
Все планы, мыслей жалкіе зачатки!
Да, старости на всемъ замѣтенъ слѣдъ,
Заботы долгой и нужды остатки;
И тотъ, кто прожилъ тридцать лѣтъ—
Для жизни тотъ давно отпѣтъ,
Его убить пора и крестъ надъ нимъ поставить.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не можетъ даже чортъ тутъ ничего добавить.

БАКАЛАВРЪ.

Не захочу, такъ чорта быть не можетъ.

Мефистофель—*въ сторону*.

А все-же чортъ упасть тебѣ поможетъ.

Бакалавръ.

Вотъ юности высокое призванье!
Міръ не былъ—онъ мое созданье;
Лишь я изъ моря солнце вызываю,
Я перемѣны мѣсяца рождаю,
Мнѣ свѣтитъ день и предо мной
Земля красуется весной,
Лишь для меня впервые предъ очами
Все небо вспыхнуло звѣздами.
Кто, какъ не я, разбилъ оковы
Рутины скучной и суровой?
Я полонъ вѣчнымъ внутреннимъ огнемъ,
Какъ духъ велитъ, одинъ иду при немъ,
Иду въ порывѣ страстномъ надъ землею,
Свѣтъ впереди и только тьма за мною!
(*Уходитъ*).

Мефистофель.

Ступай, чудакъ, ступай себѣ мечтать!
Бѣги къ своей несбыточной надеждѣ:
Чтò можно мудраго, чтò глупаго сказать,
О чемъ бы міръ давно не думалъ прежде?..
Но юность все о новомъ помышляетъ,
И къ этому привыкли мы давно:
Вино вездѣ бушуетъ и играетъ,
А подъ конецъ уляжется оно.

(*Къ молодому партеру, который не апплодируетъ.*)

Вы мною недовольны, дѣти?
Я не могу на васъ пенять:
Вѣдь чортъ давно живетъ на свѣтѣ—
Состарьтесь, чтобъ его понять!

Кн. Д. Цертелевъ.

НАПОЛЕОНЪ ТРЕТІЙ

и

ДЮРЮИ

Очеркъ изъ времени „Второй имперіи“.

Года два тому назадъ вышли въ свѣтъ въ Парижѣ „Воспоминанія“ Дюрюи, министра народнаго просвѣщенія въ эпоху второй имперіи [1]). Это былъ человѣкъ дѣловой, и его воспоминанія посвящены главнѣйше вопросамъ того вѣдомства, которымъ онъ управлялъ. Хотя онъ занималъ мѣсто въ наукѣ, какъ авторъ многотомныхъ руководствъ по исторіи Греціи, Рима и Франціи, но его труды, основательные, правдивые и постоянно исправляемые имъ соотвѣтственно успѣхамъ науки, не отличались новизной взглядовъ и блескомъ изложенія, поэтому не могли доставить ему особенной извѣстности въ средѣ современныхъ ему научныхъ и литературныхъ силъ. Кромѣ того, оставаясь долго въ тѣни, Дюрюи не былъ связанъ личными узами признательности съ правительствомъ, предшествовавшимъ второй имперіи; министромъ имперіи сдѣлался онъ уже въ послѣднюю ея половину, когда ему самому было за пятьдесятъ лѣтъ, въ такую пору жизни, когда трудно уже съ пыломъ молодости привязаться къ новымъ людямъ и новымъ порядкамъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ мемуары Дюрюи, лишенные страстности и животре-

[1]) Notes et Souvenirs, par Victor Duruy.

пещущаго интереса, не обратили на себя во Франціи особеннаго вниманія. Но эти самыя качества ихъ должны представлять именно для нашего общества значительную цѣнность, знакомя какъ съ образомъ мыслей средняго французскаго человѣка шестидесятыхъ годовъ прошедшаго вѣка по вопросамъ, затрогивающимъ донынѣ не одну Францію, такъ и съ окружавшими его историческими личностями, имѣвшими вліяніе на ходъ политической жизни Европы, и вообще съ бытомъ тогдашней Франціи, во многомъ остающимся безъ перемѣнъ и до нашего времени. Почти одновременно появлялись въ свѣтъ сочиненія другихъ историковъ и публицистовъ — Ротана, Вандаля, Масона, Эмиля Олливье, касавшіяся лицъ и событій второй имперіи. Франція какъ бы раскаявалась въ томъ, что отвѣтственность въ великомъ несчастіи, въ которомъ много была сама виновна, возложила на одно лицо, взявшее на себя, въ особенно трудную эпоху ея жизни, столько же по своей волѣ, сколько и по волѣ судьбы, тяжелое бремя ея политическаго руководства. Пользуясь воспоминаніями Дюрюи и вышеупомянутыми трудами, постараемся дать здѣсь очеркъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго въ свое время государственнаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспроизвести личность императора Наполеона III, своеобразную и сложную, составляющую до сихъ поръ загадку для психолога и историка.

I.

Когда въ іюнѣ 1815 года, нѣсколько дней спустя послѣ сраженія при Ватерлоо, поспѣшно оставляла тюльерійскій дворецъ приглашенная Наполеономъ I-мъ, за отказомъ оставшейся въ Вѣнѣ императрицы Маріи-Луизы, быть въ немъ хозяйкою—любимая его свояченица и падчерица по первому его браку, бывшая королева голландская Гортензія Богарнэ съ семилѣтнимъ сыномъ, принцемъ Людовикомъ - Наполеономъ, и отправлялась съ нимъ въ долгое изгнаніе, въ которомъ и окончила жизнь,—то едва ли она думала, чтобы это малое дитя когда-либо заняло престолъ своего великаго дяди, снесенный усиліями всей Европы, и возстановило его славное имя. Между тѣмъ, не прошло полувѣка, какъ всѣ смѣнившія имперію правительства оказались не на высотѣ своей задачи. Пала монархія Бурбоновъ, опиравшаяся лишь на одну часть населенія, наиболѣе видную, но наименѣе понимавшую современныя ей потребности общества и скомпрометтировавшую себя эмиграціею еще во дни обновленія Франціи. Пала

и іюльская монархія, этотъ, повидимому, удачный компромиссъ традиціи съ принципами великой революціи, привлекавшій къ себѣ симпатіи городской интеллигенціи, людей суда, банка, общественной жизни, но къ сожалѣнію направившій всѣ свои заботы на одну сферу имущества и капитала и тѣмъ отвратившій отъ себя трудовое населеніе. Не удержалась и вторая республика 1848 года, возбудивъ въ рабочемъ классѣ неосторожными обѣщаніями фантазеровъ преувеличенныя надежды, разрушенныя въ скоромъ времени жестокимъ усмиреніемъ соціалистическаго движенія въ столицѣ и главныхъ городахъ, послѣ чего она уже влачила безцѣльное существованіе въ рукахъ представителей старыхъ партій, мечтавшихъ о возвращеніи къ порядкамъ, осужденнымъ исторіей.

Одновременно съ установленіемъ республики, двери Франціи открылись для принца Людовика-Наполеона, и, по утвержденіи ея конституціи, онъ, на произведенномъ согласно съ нею всеобщемъ голосованіи, подавляющимъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ въ президенты республики. Очевидцамъ одного лишь паденія второй имперіи и окончательнаго, повидимому, установленія во Франціи республиканскаго строя не слѣдуетъ судить о событіяхъ въ ней половины прошедшаго вѣка съ современной точки зрѣнія, не принимая въ соображеніе политической жизни, какая вылилась тамъ ко времени возрожденія имперіи. Душа народа, вездѣ и всегда чуткая къ самоотверженному труду радѣтелей о ея пользѣ и долго помнящая сдѣланное ими добро, во Франціи не могла примириться съ мыслью объ устраненіи навсегда давно невиданнаго гиганта, установившаго наиболѣе подходящій ему гражданскій строй, примирившаго его и отстоявшаго его пріобрѣтенія отъ напора чужеземцевъ, и если въ конечномъ результатѣ приведшаго страну на край гибели, то лишь въ благородномъ увлеченіи идеей ея могущества и славы. Пѣсни Беранже́, воинственное настроеніе учащейся молодежи, патріотическій духъ театральныхъ представленій, современное униженіе Франціи въ сравненіи съ ея былымъ величіемъ, увлеченіе Наполеоновской эпопеей даже со стороны наиболѣе серьезныхъ историковъ и публицистовъ, самое перенесеніе праха императора съ острова св. Елены въ Парижъ, — все это въ теченіе десятковъ лѣтъ поддерживало общую память о почившемъ геніѣ Франціи, соединившемъ въ представленіи большинства порядокъ и свободу, какъ возможность спокойнаго, плодотворнаго труда для каждаго, не опасаясь препятствій, которыя поставлялъ средневѣковый строй съ его привилегіями, все это возбуждало ожиданія

подобнаго ему разумнаго руководителя, который бы повелъ народъ по пути благополучія и славы, и подготовляло почву для носителя его имени. При такихъ условіяхъ даже ребяческія, не сулившія никакого успѣха попытки переворота, произведенныя юнымъ Людовикомъ-Наполеономъ въ Страсбургѣ и Булони (первое еще по настоянію романтической матери), вызывая улыбку презрѣнія въ высшихъ сферахъ установившагося строя, принесли свою долю пользы дѣлу молодого претендента, обнаруживъ въ немъ смѣлость, всегда привлекательную толпѣ. И вотъ, когда избранникъ націи, въ которомъ она въ своемъ увлеченіи увидѣла и такія достоинства, которыми онъ не обладалъ, проявилъ на посту президента республики серьезный государственный умъ, предусмотрительность, доброжелательность и пріобрѣтенное долгими годами изгнанія знаніе человѣческихъ нуждъ и отношеній— качества, напоминавшія его великаго дядю. Но укрѣпившееся въ палатѣ большинство, руководимое партійными интересами, стало сначала систематически противодѣйствовать его начинаніямъ, а потомъ обнаружило стремленіе его устранить, настаивая предъ наступленіемъ срока новыхъ выборовъ въ президенты на законѣ о воспрещеніи вторичнаго избранія лица, состоявшаго уже однажды президентомъ республики. Тогда предъ Франціей сталъ вопросъ: сохранить ли обветшавшія учрежденія, будь то республики или прежнихъ монархій, или поддержать какъ бы посылаемаго судьбой представителя Наполеоновской идеи.

Какъ извѣстно, Людовикъ-Наполеонъ предупредилъ рѣшеніе націи, распустивъ палату, арестовавъ и выславъ ея руководителей и произведя государственный переворотъ, сопровождавшійся кровопролитіемъ на улицахъ Парижа. Переворотъ этотъ былъ вновь утвержденъ плебисцитомъ, а черезъ годъ послѣдовало и возстановленіе имперіи. Новѣйшіе публицисты сожалѣютъ о поспѣшности, обнаруженной въ данномъ случаѣ Наполеономъ III, вопреки отличавшей его въ эти годы осмотрительности, подъ давленіемъ товарищей по изгнанію, людей талантливыхъ, но съ слабыми нравственными принципами, усвоившихъ привычки заговорщиковъ и съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ исхода предпріятія. Они не сомнѣваются, что какимъ бы закономъ ни было воспрещено переизбраніе президента, при тогдашнемъ настроеніи Франціи онъ непремѣнно былъ бы вторично избранъ такимъ же большинствомъ, какъ и въ первый разъ, а затѣмъ учрежденіе имперіи пришло бы само собою, безъ потрясенія. Этимъ онъ только укрѣпилъ бы свой тронъ и династію и не носилъ бы весь вѣкъ, какъ

самъ выражался, „ядра арестанта (un boulet) на ногѣ", всегда напоминавшаго ему о допущенномъ правонарушеніи.

Какъ бы то ни было, Франція, привыкшая къ тому, чтобы начало всякаго новаго режима скрывалось, если не во мракѣ неизвѣстности, то во мракѣ преступленія, простила своему избраннику, благодаря успѣху всѣхъ дѣйствій Наполеона III въ первые годы правленія. Замѣчательно искусное привлеченіе Англіи, этого непримиримаго врага перваго Наполеона, опасавшейся возстановленія военнаго могущества Франціи, къ совмѣстнымъ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, увѣнчавшимся подъ Севастополемъ блестящимъ успѣхомъ французскаго оружія, еще болѣе оттѣненнымъ геройскимъ сопротивленіемъ противника, итальянская кампанія 1859 года, привѣтствованная всѣми свѣтлыми умами Европы и приведшая къ освобожденію и объединенію родственнаго Франціи народа, возвратили ей, послѣ долгаго перерыва, прежнее международное значеніе,—пробили сильную брешь въ направленномъ противъ нея и династіи Наполеоновъ сооруженіи вѣнскаго конгресса и дали Франціи такія внѣшнія условія, при которыхъ она не только перестала опасаться за свое существованіе, но становилась во главѣ континентальныхъ державъ. Внутри страны порядокъ и спокойствіе, пріобрѣтенные хотя и цѣной самостоятельности учрежденій и политической свободы націи, открыли широкій просторъ труду во всѣхъ областяхъ народной жизни. Стройная бюрократія, подъ личнымъ руководствомъ императора, заключеніемъ торговыхъ трактатовъ, покровительствомъ промышленнымъ предпріятіямъ и заботой о положеніи рабочаго класса—вела Францію по пути матеріальнаго благополучія, возбуждая удивленіе и уваженіе въ другихъ странахъ. Наступали мирные для Франціи шестидесятые годы. Достигшій 50-лѣтняго возраста, счастливый цезарь, избѣгая войнъ, носился съ мыслью о разрѣшеніи возникающихъ международныхъ затрудненій путемъ конгрессовъ, а внутри, прислушиваясь къ голосу немногочисленныхъ депутатовъ оппозиціи, напоминавшихъ объ умѣстности возвращенія народу доли участія въ управленіи страною, приступалъ къ мѣрамъ, клонившимся къ ослабленію слишкомъ абсолютнаго характера образа правленія, а также утверждалъ законы, впервые признавшіе равноправность труда и капитала,—составившіе лучшій памятникъ второй имперіи.

Въ эти спокойные, относительно, дни, когда по закону судьбы стали уже сходить со сцены первые ближайшіе сотрудники-товарищи императора, случай сблизилъ Наполеона III съ Викторомъ Дюрюи, скромнымъ преподавателемъ одного изъ париж-

скихъ лицеевъ, авторомъ руководствъ по исторіи Греціи, Рима и Франціи. Почти ровесникъ императору, сынъ художника-техника, мастера фабрики гобеленовъ подъ Парижемъ, воспитанникъ Главной Нормальной школы (нашъ педагогическій институтъ) и съ молодости посвятившій себя педагогическому труду, Дюрюи, ни по рожденію, ни по воспитанію, не имѣлъ связи съ тѣмъ достаточнымъ, интеллигентнымъ кругомъ, изъ котораго вышло большинство блестящихъ дѣятелей политики и науки временъ іюльской монархіи. Однажды только судьба улыбнулась ему въ трудовые годы: когда онъ былъ приглашенъ преподавателемъ сына короля Луи-Филиппа, герцога Омальскаго, и затѣмъ, когда его бывшій ученикъ занялъ постъ алжирскаго генералъ-губернатора, онъ былъ предназначенъ на должность генеральнаго инспектора этого округа по вѣдомству просвѣщенія. Но внезапно наступившая революція 48-го года, устранивъ отъ активной жизни его покровителя, надолго остановила и его карьеру. Февральская республика не только не побаловала его, а напротивъ, во время реакціоннаго министерства Фаллу, подвергла остракизму изъ правительственныхъ учебныхъ заведеній его дѣтище—историческія сочиненія. Отъ возстановленной имперіи Дюрюи также не ожидалъ улучшенія своего положенія, такъ какъ не могло не быть извѣстно, что при президентскихъ выборахъ онъ голосовалъ не за Наполеона, а за Кавеньяка. Въ это невеселое для него время Дюрюи неожиданно получилъ приглашеніе отъ императора повидаться съ нимъ для объясненій по поводу задуманнаго имъ сочиненія о жизни Юлія Цезаря.

„Въ назначенный часъ,—говоритъ Дюрюи, — я явился въ Тюльери и былъ тотчасъ принятъ. Когда императоръ желалъ нравиться, его голубые глаза были полны очарованія. Въ тотъ разъ его рѣчь и взглядъ были для меня бархатные. Онъ посадилъ меня возлѣ себя, и мы разговорились, какъ два ученые, о куріяхъ, всадникахъ, сенатѣ и плебеяхъ: я—весь въ моихъ римлянахъ, не видя предъ собой побѣдителя русскихъ и австрійцевъ; онъ—безъ сомнѣнія изучая меня въ моихъ историческихъ разсужденіяхъ. Когда мы дошли до Августа, императоръ предоставилъ мнѣ произнести длинный монологъ о причинахъ паденія имперіи: я развивалъ мысль, что первый цезарь основалъ единовластіе, но не монархію (une royauté, mais non pas une monarchie), вслѣдствіе чего императоры, не имѣя огражденія своей отвѣтственности ни въ дворянствѣ и духовенствѣ монархическихъ государствъ, ни въ учрежденіяхъ странъ свободныхъ, были лишены защиты отъ замысловъ честолюбцевъ. Чтобы овладѣть вер-

ховной властью, чтобы стать богомъ на землѣ, достаточно было устранить лицо, и отъ Августа до Константина ихъ устраняли сорокъ разъ.

„Уже давно лошади, ожидая поѣздки въ Булонскій лѣсъ, нетерпѣливо ржали подъ окномъ, когда императоръ всталъ и окончилъ аудіенцію нѣсколькими любезными словами о моихъ личныхъ дѣлахъ. Оставшись одинъ на дворѣ Каруселя, я мысленно сказалъ самому себѣ: „Ну, мой другъ, не поздравляю тебя за это свиданье съ твоимъ государемъ. Зато, — подумалъ я, — если ты оказался дурнымъ придворнымъ, то остался добрымъ гражданиномъ“. Я въ сущности сказалъ ему въ этотъ разъ то, что впослѣдствіи приходилось говорить нѣсколько разъ: — Государь, вы носите на себѣ тяжелую и сложную броню, — она будетъ слишкомъ тяжка для вашего сына; по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ онъ достигнетъ власти еще въ молодые годы. Сбрасывайте поэтому наиболѣе тяжелыя ея части — остальное будетъ достаточно для его охраны“...

Вскорѣ затѣмъ нашъ ученый былъ польщенъ письмомъ къ нему императора, въ которомъ послѣдній, останавливаясь на мысли, что величіе генія измѣряется продолжительностью его посмертнаго вліянія, спрашивалъ его, на какихъ учрежденіяхъ, пережившихъ Цезаря, слѣдовало бы, по его мнѣнію, особенно настаивать. Въ отвѣтъ на это письмо, Дюрюи, возвращаясь къ той же мысли объ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ опорѣ власти, указывалъ, что ни произведенный Цезаремъ переворотъ, освободившій римскій міръ отъ подчиненія сотнѣ избранныхъ семействъ, ни сосредоточеніе, на пользу всего населенія, въ одномъ лицѣ всѣхъ государственныхъ функцій, составлявшее сущность завѣщаннаго имъ порядка, не могутъ сравниться по своей благотворности съ тѣмъ вниманіемъ, какое онъ оказывалъ мѣстнымъ общественнымъ собраніямъ во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ ему ни приходилось дѣйствовать, въ Киликіи ли, Испаніи или Галліи, и что эти мѣстныя силы, вмѣстѣ съ крѣпкими городскими муниципіями, выдержали напоръ средневѣкового варварства и связали античный міръ съ современными государствами.

Отношенія, счастливо установившіяся между императоромъ и Дюрюи, не остались тайной для окружающихъ и не могли не повести къ улучшенію его служебнаго положенія. Вскорѣ онъ получилъ каѳедру исторіи въ политехнической школѣ и должность одного изъ главныхъ инспекторовъ народнаго просвѣщенія — нѣчто въ родѣ ревизора министерства. Кромѣ того, императоръ, во время отсутствія его личнаго секретаря Моккара, начинавшаго уже

старѣть и болѣть, обращался къ содѣйствію Дюрюи по дѣламъ личной переписки. Это также давало поводъ къ свободной бесѣдѣ съ государемъ по разнороднымъ предметамъ. „Однажды,— говоритъ Дюрюи, — просматривая съ императоромъ жизнь Цезаря, я остановился на мѣстѣ, гдѣ упоминалось о дозволительности нарушенія закона въ тѣхъ случаяхъ, когда общество идетъ къ гибели и когда требуются для его спасенія героическія средства. Я посовѣтовалъ исключить это мѣсто, клонившееся— по поводу Цицерона и Катилины — къ оправданію ненужнаго переворота 2 декабря, замѣтивъ, что подобныя вещи иногда дѣлаются, но о нихъ лучше не напоминать. Въ другой разъ императоръ прочиталъ предисловіе къ своей книгѣ. Въ немъ, среди многаго хорошаго, проводилась теорія о провиденціальныхъ людяхъ. Я возсталъ противъ этой удобной доктрины, въ силу которой судьба становится сообщницей дѣлъ, весьма мало до нея касающихся. Вмѣшательство въ наши дѣла—сказалъ я—таинственнаго существа, которое древніе называли судьбой и создали для объясненія непонятнаго, изгнано нами, по крайней мѣрѣ, изъ обученія.—Но что̀ вы говорите, ужасно.—Нѣтъ, государь, основа педагогіи—спасеніе дѣлами, цѣну которымъ опредѣляетъ правда. Тѣ, кому ввѣрено воспитаніе юношества, должны учить, что мы не рабы, а сами устроители своей судьбы.

„Не знаю,—прибавляетъ Дюрюи,—убѣдилъ ли я императора, но самъ еще разъ убѣдился въ его мягкости, отвращеніи къ угодничеству и возможности свободы рѣчи съ нимъ“.

Въ этихъ разговорахъ императоръ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ образомъ мнѣній своего собесѣдника по основнымъ вопросамъ человѣчества, къ которымъ такъ лежала его мистическая душа. Дюрюи, серьезный ученый и практикъ жизни, оказался настоящимъ сыномъ своего отечества,—страны, которая приняла христіанство еще во времена апостольскія, дала изстари не мало мучениковъ, вынесла на своихъ плечахъ тяжесть крестовыхъ походовъ, въ вѣкъ Людовика прославилась въ западной Европѣ проповѣдниками, а въ прошедшемъ столѣтіи, послѣ ужасовъ революціи, заявила себя сильнымъ мистическимъ настроеніемъ, представителями котораго были Шатабріанъ, Лакордеръ и особенно Ламене́, и въ то же время въ которой знаменитые кардиналы, руководившіе нѣкогда ея политикою, ставя выше всего интересъ отечества, заключали союзы съ протестантскими государствами противъ католическихъ, и гдѣ родился Вольтеръ—это наиболѣе яркое олицетвореніе скептицизма и сухого здраваго смысла. Дюрюи не скрылъ отъ императора,

что не считаетъ себя правовѣрнымъ католикомъ, а развѣ христіаниномъ въ смыслѣ ученія первыхъ отцовъ церкви и бл. Тертулліана, признававшаго „omnia naturaliter christiana“,—разъ снисшедшее откровеніе, по его мнѣнію, продолжаетъ проявляться въ великихъ открытіяхъ человѣческаго ума и самоотверженныхъ подвигахъ сердца. Христіанская нравственность, борьба съ грубыми инстинктами обязательна и необходима, но нравственность человѣка зависитъ не столько отъ того или другого вѣроученія, сколько отъ твердости воли. Рожденная въ лонѣ семейства, она ростетъ по мѣрѣ интеллектуальнаго роста человѣка, съ развитіемъ нашихъ альтруистическихъ способностей и чувства долга предъ обществомъ. Правила ея всегда останутся начертанными на скрижаляхъ нашей совѣсти. Благородство жизни всегда будетъ обусловливаться чувствомъ долга и чести. Вся теологія и философія заключаются въ прекрасномъ стихѣ Корнеля: „faites votre devoir et laissez faire aux dieux“—исполняйте вашъ долгъ и предоставьте остальное богамъ. Во всякомъ случаѣ, религія всегда останется одною изъ главнѣйшихъ основъ семейнаго, общественнаго и государственнаго быта, и правительство, прислушивающееся къ голосу націи, не имѣетъ права колебать всосанныхъ съ молокомъ матери вѣрованій своихъ подданныхъ.

Понятно, что такой человѣкъ, какъ Дюрюи, долженъ былъ понравиться Наполеону III. Хотя императоръ, какъ умный правитель, признавалъ себя обязаннымъ уважать религіозное чувство большинства населенія и въ интересахъ династіи былъ склоненъ благоволить къ духовенству, тѣмъ не менѣе въ сущности былъ, повидимому, лишь туманнымъ деистомъ во вкусѣ начала XIX вѣка и не имѣлъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій. Кромѣ того, онъ уже давно тяготился окружавшей его съ первыхъ лѣтъ правленія клерикальной опекой и нетерпѣливо сносилъ громы и молніи, исходившіе на него изъ Рима въ отвѣтъ на его же старанія смягчить для папы послѣдствія освобожденія Италіи. При такихъ условіяхъ послѣдовало, 18 іюля 1863 года, увольненіе министра народнаго просвѣщенія и исповѣданій Рулана и назначеніе на его мѣсто Дюрюи; при этомъ, однако, завѣдываніе дѣлами исповѣданій по желанію императора было отдѣлено отъ народнаго просвѣщенія и предоставлено министерству юстиціи. Извѣстіе объ этомъ Дюрюи получилъ во время одной изъ служебныхъ поѣздокъ. Назначеніе это было для него совершенно неожиданно. Онъ скорѣе ожидалъ окончательнаго предложенія мѣста личнаго секретаря императора и опасался этого предложенія, такъ какъ оно заставило бы его отказаться отъ любимыхъ за-

нятій—профессуры. До какой степени съ своей стороны императоръ дорожилъ принятіемъ Дюрюи этого назначенія—видно изъ того, что онъ поручилъ Моккару написать отъ его имени письмо женѣ Дюрюи съ просьбой оказать на него вліяніе, еслибы онъ по скромности вкусовъ сталъ отказываться отъ новаго назначенія. По возвращеніи въ Парижъ, при представленіи императору, Дюрюи услышалъ отъ него только любезное слово: „Ну, теперь дѣло пойдетъ у насъ хорошо". Затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время, Дюрюи получилъ письмо отъ итальянскаго посланника въ Парижѣ, кавалера Нигра, въ которомъ послѣдній, привѣтствуя его съ высокимъ назначеніемъ, передавалъ слышанный имъ отъ императора самый лестный о немъ отзывъ.

Труднѣе, повидимому было для Дюрюи удовлетворить общественное мнѣніе, недоумѣвавшее, какимъ образомъ онъ могъ принять министерскій постъ отъ лица, противъ котораго самъ дважды подавалъ голосъ. Какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, Дюрюи говоритъ: „Правитель этотъ уже двѣнадцать лѣтъ обладалъ верховной властью; онъ возвратилъ Франціи принадлежавшее ей мѣсто среди европейскихъ націй; внутри страны онъ началъ освободительное движеніе, и по всему было видно, что онъ не остановится на этомъ пути. Имѣя возможность видѣть его вблизи, я оцѣнилъ возвышенность его чувствъ, а жизненный опытъ укрѣпилъ во мнѣ убѣжденіе въ необходимости твердой власти для управленія кораблемъ, несущимъ наши свободы и благополучіе. Если въ 1848 году я голосовалъ за Кавеньяка, то потому, что видѣлъ энергію этого честнаго человѣка въ борьбѣ съ мятежомъ. Время и люди мѣняются, но я остаюсь тѣмъ же самымъ съ моимъ девизомъ: порядокъ—сначала, свобода—потомъ. Во всю жизнь я никогда не кричалъ: vive la monarchie! или: vive la république!, не располагая энтузіазмомъ къ услугамъ тѣхъ, кто меня выше. Я намѣревался остаться въ тѣни добрымъ гражданиномъ, сторонникомъ своевременныхъ реформъ, не вызванныхъ уличнымъ крикомъ. Предложенный мнѣ постъ освобождалъ меня отъ мелкихъ заботъ жизни и давалъ мнѣ возможность посвятить себя лишь общему благу. Довѣріе императора облегчало мнѣ исполненіе моей задачи, мнѣ не было дано никакихъ указаній, никогда министръ не былъ такъ свободенъ въ своемъ вѣдомствѣ. При такихъ условіяхъ отказъ былъ съ моей стороны невозможенъ, онъ былъ бы просто трусостью".

Управленіе Дюрюи вѣдомствомъ просвѣщенія, продолжавшееся шесть лѣтъ, дѣйствительно представляетъ собою образецъ старательной, разнообразной и толковой дѣятельности. Правда, въ

основѣ ея не видно глубоко задуманной теоріи—къ этому отчасти не подготовили его прежнія занятія, болѣе кабинетно-ученыя и педагогическія, чѣмъ административныя, но зато онъ постоянно считался съ назрѣвшими потребностями жизни, ясно имъ сознанными. Первоначальное обученіе, конечно, прежде всего обратило на себя его вниманіе. Вмѣстѣ съ императоромъ онъ былъ сторонникомъ обязательнаго обученія, въ силу уже одной необходимости распространенія просвѣщенія въ населеніи, призванномъ закономъ о всеобщемъ голосованіи къ участію, хотя бы въ принципѣ, въ политической жизни страны. Къ сожалѣнію, введеніе всеобщаго дарового обученія встрѣтило препятствіе въ государственномъ бюджетѣ, издавна обремененномъ расходами по внѣшней оборонѣ и администраціи. Приходилось въ дѣлѣ учрежденія народныхъ училищъ обращаться къ содѣйствію мѣстныхъ обществъ и при ихъ помощи довольствоваться широкимъ освобожденіемъ отъ платы за ученіе неимущихъ и возможнымъ увеличеніемъ содержанія учителей. Духовенство также оказывало помощь въ устройствѣ первоначальныхъ училищъ, имѣя на то право согласно закону Фаллу 1851 г. о свободѣ преподаванія; но Дюрюи считалъ для государства дѣломъ чести обходиться въ этомъ дѣлѣ собственными средствами, такъ какъ содѣйствіе духовенства пріобрѣталось цѣною не всегда желательнаго усиленія его вліянія въ руководствѣ школою. Особенное сочувствіе среди населенія заслужили заботы Дюрюи объ устройствѣ вечернихъ классовъ для взрослыхъ, въ видахъ доставленія возможности учебныхъ занятій рабочему люду, а также повторенія и пополненія пріобрѣтенныхъ въ раннемъ возрастѣ свѣдѣній.

Болѣе личной иниціативы Дюрюи проявилъ въ дѣлѣ средняго образованія во Франціи. Какъ и слѣдовало ожидать, самъ воспитанный на классикахъ, основательно съ ними знакомый, всю жизнь проведшій въ мірѣ древнихъ грековъ и римлянъ, Дюрюи наиболѣе сочувствовалъ классической системѣ образованія юношества и считалъ ее лучшимъ средствомъ развитія интеллектуальныхъ силъ человѣка. Онъ печалился только, что вслѣдствіе устарѣлой, рутинной постановки преподаванія классиковъ эта система все-таки даетъ Франціи мало истинныхъ людей и гражданъ. Въ виду этого его заботы были направлены на упрощеніе и улучшеніе способовъ преподаванія и пополненіе его нѣкоторыми другими науками. Такъ имъ было возстановлено преподаваніе въ лицеяхъ философіи, отмѣненное въ 1849 году, и расширено преподаваніе любимой его исторіи. Въ отношеніи послѣдняго онъ справедливо замѣчалъ, что оно заканчивается на слишкомъ

ранней эпохѣ. „При Наполеонѣ I и Бурбонахъ дозволялось читать ее лишь до 1789 года, при Людовикѣ-Филиппѣ—до 1815 г. Воспитанники лицеевъ и даже высшихъ школъ, не будучи знакомы ни съ современнымъ строемъ государствъ, ни съ важнѣйшими вопросами политической жизни въ правдивомъ освѣщеніи, удовлетворяя жажду знанія современности изъ мутнаго источника партійныхъ памфлетовъ и получая въ школѣ свѣдѣнія лишь о событіяхъ и лицахъ далекихъ эпохъ, имѣющихъ мало связи съ окружающимъ ихъ міромъ,—склонны представлять власть въ образѣ какихъ-то чуждыхъ имъ тирановъ и съ раннихъ лѣтъ вдаются въ неосмысленную оппозицію. Между тѣмъ большинство ихъ, вступая въ государственную службу, скоро призываются къ такимъ положеніямъ, гдѣ имѣютъ вліяніе на населеніе и, сами сбитые съ толку, должны руководить имъ". Дюрюи не заблуждался при этомъ въ особенной трудности, которую представляетъ во Франціи преподаваніе современной исторіи, въ виду столь частыхъ переворотовъ, которые она испытывала со времени революціи, оставившей въ наслѣдство почти непримиримыя партіи. Каждое правительство желаетъ, чтобы его хвалили, и порицали предшествующее. Но онъ находилъ, что правдивая исторія всегда скажетъ не только о дурномъ, но и о добромъ, которое оставилъ по себѣ каждый режимъ. По его мнѣнію, каждый преподаватель и слушатель могутъ имѣть свои личныя убѣжденія и симпатіи, свое особое задушевное знамя, но превыше ихъ должно стоять общее знамя блага Франціи, одинаково дорогое для всѣхъ.

Можетъ показаться удивительнымъ, что лицо, такъ искренно убѣжденное, какъ Дюрюи, въ превосходствѣ гуманитарнаго, классическаго характера средней школы, явилось горячимъ сторонникомъ реальнаго преподаванія въ той же школѣ, столь ревностнымъ, что до сего времени, несмотря на всѣ послѣдующія измѣненія въ школьномъ дѣлѣ, Дюрюи считается творцомъ реальнаго образованія во Франціи. Объясняется это, какъ намъ кажется, бо̀льшей близостью въ западно-европейскихъ странахъ интеллигентныхъ людей въ управленіи къ дѣйствительной жизни; неумолимые ея запросы сильнѣе на нихъ дѣйствуютъ, заставляютъ ихъ болѣе считаться съ новыми факторами жизни, хотя бы невполнѣ имъ симпатичными, и принимать соотвѣтственныя мѣры въ сферѣ закона, не боясь теоретическаго несогласія ихъ съ другими, остающимися въ силѣ, началами и неизбѣжныхъ на первыхъ порахъ ошибокъ, впослѣдствіи поправимыхъ. Дюрюи говоритъ, что его издавна поражалъ все сильнѣе раздававшійся голосъ населенія, требовавшій введенія въ средней школѣ болѣе

жизненнаго, практическаго, профессіональнаго обученія, несмотря на общепризнанность, казалось бы, преимущества классическаго образованія. Вдумываясь въ причины такого явленія, Дюрюи находилъ, что первоисточникъ его слѣдуетъ искать въ широкой демократизаціи современной Франціи, сбросившей съ себя прежній аристократическій строй, которому наиболѣе соотвѣтствовало классическое образованіе, имѣющее главною цѣлью создать человѣка, а не того или другого профессіонала. Между тѣмъ современная жизнь, ослабивъ традиціонное значеніе землевладѣнія и выдвинувъ впередъ промышленность, торговлю, капиталъ со всѣми печальными послѣдствіями ихъ неустойчивости, прежде всего потребовала, для большинства населенія, вооружить юношу запасомъ спеціальныхъ свѣдѣній на суровую борьбу съ конкурренціей и вообще съ усложнившимися условіями существованія. Для Дюрюи было тяжело видѣть, какъ въ его отечествѣ, въ ущербъ самимъ французамъ, преуспѣвали въ промышленныхъ, банковыхъ и другихъ предпріятіяхъ швейцарцы, нѣмцы и представители другихъ народностей, благодаря знанію новыхъ языковъ и техническому образованію. Еще въ бытность его главнымъ инспекторомъ, осматривая учебныя заведенія, онъ пришелъ къ заключенію, что если классическая школа пригодна для образованія литераторовъ, адвокатовъ, врачей, то будущимъ дѣятелемъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства необходимо дать соотвѣтственныя ихъ спеціальности познанія. По этому поводу Дюрюи передаетъ одинъ случай, глубоко запавшій ему въ память и имѣвшій, быть можетъ, болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ самъ по себѣ заслуживалъ. „Въ скромномъ лицеѣ г. Кутанса,—говоритъ онъ,—въ четвертомъ классѣ, встрѣтилъ я высокаго, широкоплечаго, въ полотняной блузѣ, мальчика. Пока онъ ни хорошо, ни худо—скорѣе худо, чѣмъ хорошо—переводилъ мнѣ нѣкоторыя греческія и латинскія выраженія, я всматривался въ него и наконецъ спросилъ, кто его отецъ.—Фермеръ, отвѣчалъ онъ.—А вы чѣмъ намѣреваетесь быть?—Также сельскимъ хозяиномъ.—Онъ продолжалъ переводъ, а моему воображенію представилась семейная картина: отецъ составилъ себѣ состояніе продажей англичанамъ—возможно дорого—масла и телятъ. Потомъ сказалъ себѣ, какъ и всѣ отцы: „Такъ какъ я скопилъ копѣйку, то пусть мой сынъ знаетъ больше меня. Для этого я отдамъ его начальству, вѣдающему у насъ просвѣщеніемъ". Вѣдомство приняло этого сына фермера, намѣревающагося также стать фермеромъ, и вмѣсто сельско-хозяйственнаго обученія заставило его изучать

садъ греческихъ корней“ („Le jardin des racines grecques“ — извѣстное во Франціи руководство).

Результатомъ этихъ мыслей и соображеній былъ докладъ Дюрюи императору о введеніи средняго *спеціальнаго* образованія. Въ немъ указывалось, что въ дѣйствовавшей во Франціи системѣ народнаго образованія существовалъ большой пробѣлъ по отношенію къ средней школѣ. Въ то время какъ и первоначальное обученіе, и высшее образованіе, представляли задатки широкаго распространенія въ странѣ—первое—множествомъ всякаго рода начальныхъ школъ, учреждаемыхъ правительствомъ, городами, сельскими общинами, духовенствомъ, а второе—при посредствѣ значительнаго числа столичныхъ и провинціальныхъ факультетовъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній,—для средняго образованія существуютъ лишь десятки классическихъ лицеевъ и коллежей, отвѣчающихъ потребностямъ немногочисленнаго класса, который посвящаетъ своихъ дѣтей государственной службѣ или такъ-называемымъ свободнымъ профессіямъ, но почти нѣтъ учебныхъ заведеній, которыя бы представляли возможность большинству населенія пріобрѣтать техническія знанія, необходимыя для другихъ профессій, промышленныхъ, торговыхъ, сельско-хозяйственныхъ, и для подготовки къ дальнѣйшему прохожденію такого образованія. Кое-гдѣ только осталось нѣсколько такихъ школъ, еще со временъ Кольбера. Для пополненія этого пробѣла Дюрюи предлагалъ устроить, въ видѣ образца, на средства правительства и разрѣшить повсемѣстно устройство среднихъ училищъ спеціальнаго образованія, съ допущеніемъ возможно широкихъ программъ преподаванія, примѣнительно къ характеру мѣстности, въ которой такое училище будетъ основано, земледѣльческому, горнозаводскому, промышленному или иному. По словамъ Дюрюи, императоръ, внимательно прислушивавшійся, еще до представленія формальнаго доклада, къ объясненіямъ его по данному предмету, ограничивался замѣчаніемъ: „лишь бы это не ослабило классическаго образованія“. По разсмотрѣніи же доклада въ совѣщаніи министровъ, онъ положилъ резолюцію: „Такъ какъ зачатки предлагаемаго учрежденія уже существуютъ, то разовьемъ ихъ; пусть тѣ, кто желаетъ изучать латынь и грековъ, идутъ въ классическіе лицеи, а кто нуждается въ знаніи новыхъ языковъ и прикладныхъ наукъ—во французскій коллежъ (collége français—такъ онъ назвалъ училища новаго типа)“. Это рѣшеніе облегчило исходъ дѣла въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ представленіе министра прошло единогласно, и 21-го апрѣля 1865 года состоялся желанный законъ. Конечно, дѣло не обо-

шлось безъ порицаній. Тѣ же лица, которыя возражали противъ укрѣпленія и расширенія классическаго преподаванія въ лицеяхъ, возстали теперь противъ реальной школы, какъ неспособной дать такое же гуманитарное образованіе; но безпристрастное мнѣніе страны сочувственно отозвалось на призывъ Дюрюи о содѣйствіи къ устройству новыхъ учебныхъ заведеній. Отовсюду потекли пожертвованія, предложенія даровыхъ помѣщеній, всякаго рода пособія, цѣну которыхъ знаетъ только практическій дѣятель. Духовенство, съ своей стороны, воспользовалось новымъ поприщемъ для примѣненія своихъ богатыхъ педагогическихъ силъ и средствъ. Уже черезъ четыре года послѣ изданія закона, въ восьмидесяти городахъ Франціи дѣйствовали среднія училища новаго типа. При этомъ, по настоянію Дюрюи, какъ въ классическихъ лицеяхъ, такъ и въ реальныхъ коллежахъ были введены гимнастическія упражненія, ручныя работы и образовательныя экскурсіи; для удешевленія послѣднихъ онъ входилъ въ сношенія съ подлежащими властями и правленіями частныхъ обществъ. Лично для заботливаго министра наградой за умѣлую отзывчивость къ назрѣвшей потребности общества послужили многочисленные адресы, стипендіи, избраніе въ почетные члены техническихъ обществъ. Съ своей стороны успѣхъ дѣла онъ приписывалъ благодушному слову императора.

Одновременно шли заботы министерства о реформѣ женскаго образованія. Принимались мѣры къ повсемѣстному открытію начальныхъ школъ для малолѣтнихъ дѣвочекъ съ возможнымъ обученіемъ рукодѣлью и другимъ профессіямъ. Но особенное вниманіе было обращено на среднее женское образованіе, довольствовавшееся до тѣхъ поръ устарѣлыми пансіонами въ монастыряхъ. При помощи учебнаго персонала факультетовъ и лицеевъ были открыты въ столицѣ и провинціи научные курсы для приходящихъ ученицъ. Сначала, особенно въ Парижѣ, дѣвушки являлись на эти курсы въ сопровожденіи матерей, трудно свыкавшихся съ предоставленіемъ ихъ дочерямъ нѣкоторой свободы, но скоро эти учрежденія приняли общій типъ средней школы. Ко времени оставленія Дюрюи министерства, въ 1869 году, такихъ женскихъ учебныхъ заведеній было по городамъ Франціи свыше пятидесяти. „Благодаря Бога,—писалъ Дюрюи одной особѣ, принимавшей къ сердцу дѣло женскаго образованія,—наши женщины серьезны и чисты: онѣ не предполагаютъ всюду зла и не хотятъ быть обреченными на роль прекрасныхъ созданій, думающихъ только о модѣ. Онѣ стремятся имѣть общеніе съ мужьями не только чувствомъ, но и мыслями составить одну съ ними душу“. Въ дру-

гомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Я вовсе не хочу, чтобы наши женщины были педантками (bas bleu), но вліяніе матери на воспитаніе дѣтей и на направленіе ихъ образа мыслей такъ велико, что становится страшнымъ оставлять ихъ чуждыми умственной жизни современнаго міра. Часть нашихъ затрудненій происходитъ отсюда. Однажды,—продолжаетъ онъ,—спросили путешественника, возвратившагося изъ Спарты, что̀ онъ видѣлъ наиболѣе замѣчательнаго. „Женъ, умѣющихъ творить мужчинъ“,—отвѣчалъ тотъ. Наши жены, къ сожалѣнію, по большей части умѣютъ творить только дѣтей“. Само собою разумѣется, что въ дѣлѣ реформы женскаго образованія Дюрюи встрѣтилъ не мало затрудненій въ общественныхъ предразсудкахъ, особенно со стороны крайнихъ представителей духовенства, которые вопіяли, что онъ беретъ женщину съ лона церкви, чтобы посадить на колѣни университета, намекая тѣмъ на бывшія вначалѣ случаи неприличнаго обращенія молодежи съ учащимися дѣвушками. Но и тутъ его поддержала помощь императора и его супруги. Послѣдняя, на первыхъ же порахъ, дозволила своимъ племянницамъ, герцогинямъ Альба, посѣщать эти курсы, что̀ послужило примѣромъ и для другихъ семействъ высшаго общества.

Привлеченіе женщины къ дѣлу медицинской помощи также было предметомъ заботы министра. Былъ составленъ проектъ учрежденія женскихъ медицинскихъ курсовъ. Императрица Евгенія особенно торопила Дюрюи этимъ докладомъ, указывая на примѣръ Россіи, гдѣ уже существовали въ то время врачебные курсы. Къ сожалѣнію, увольненіе Дюрюи и послѣдовавшія затѣмъ исключительныя обстоятельства задержали дѣло, и проектъ былъ утвержденъ уже при правительствѣ республики. Въ подробномъ докладѣ по данному вопросу Дюрюи излагалъ всѣ основанія, которыя побуждали допустить во Франціи женщину къ медицинскому образованію и къ врачебной помощи: отсутствіе надлежащей медицинской помощи въ провинціи, несмотря на всѣ мѣры къ привлеченію сюда свѣдущаго мужского персонала; недостаточную подготовку фельдшерицъ и сестеръ милосердія, лишающую ихъ возможности приносить желаемую пользу дѣлу, къ которому особенно склонна любящая, сострадательная француженка; широкую область акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, составляющую какъ бы естественное достояніе женщинъ; наконецъ, нужды Алжира и колоній, гдѣ, за отсутствіемъ женской медицинской помощи, иногда вымираютъ цѣлыя семейства, не рѣшающіяся обратиться къ мужчинѣ-врачу. Онъ коснулся и печальнаго положенія во Франціи интеллигентныхъ жен-

щинъ, особенно пожилыхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ доступа къ общественной дѣятельности,—положенія, обязывающаго придти на помощь предоставленіемъ имъ занятій, на которыя онѣ вполнѣ способны, какъ это удостовѣряютъ ихъ успѣхи въ усвоеніи естественныхъ наукъ. „Конечно,—прибавлялъ онъ,—было бы желательно, чтобы женщина не имѣла другихъ заботъ, кромѣ материнства, воспитанія дѣтей и домоводства. Но, къ несчастію, наше дѣловое общество требуетъ полезныхъ для себя занятій отъ большинства своихъ членовъ, и этой неумолимой, эгоистичной потребности часто жертвуетъ самимъ дитятей. Иногда нужда внезапно ниспадаетъ на семейство, пользовавшееся достаткомъ: молодая жена теряетъ все, потерявъ руку, на которую опиралась; если умираетъ чиновникъ, содержаніе котораго служило единственнымъ средствомъ существованія семьи, и оставляетъ послѣ себя однѣхъ дочерей, то опасность для нихъ велика. Вокругъ ихъ дома блуждаетъ нѣчто худшее нужды. Развивая учрежденія, которыя предупреждали бы паденіе и приготовляли будущность труда, достатка и чести, мы исполнили бы долгъ благоразумной предусмотрительности". Приведенный докладъ, думается намъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которые впослѣдствіи, какъ передавали Дюрюи, указывалъ Гамбетта, какъ на своего рода евангеліе, долженствующее служить руководствомъ при всѣхъ реформахъ въ области образованія.

Интереснымъ памятникомъ созидательной дѣятельности Дюрюи въ сферѣ средняго образованія остался еще основанный въ 1868 году французскій лицей въ Константинополѣ. Основательно знакомый съ ходомъ разселенія французовъ на Востокѣ и утвержденія вліянія Франціи въ такъ-называемомъ Левантѣ, Дюрюи предположилъ, къ обоюдной пользѣ отечества и мѣстныхъ жителей, устроить на Балканскомъ полуостровѣ и по побережью Средиземнаго моря сѣть французскихъ среднихъ училищъ реальнаго типа, съ преимущественнымъ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ и естественныхъ наукъ. Эти учебныя заведенія должны были имѣть французскій учебный персоналъ, директора-француза, но состоять въ вѣдѣніи мѣстнаго правительства и не имѣть исключительнаго вѣроисповѣднаго характера, а допускать законоучительство всѣхъ исповѣданій и религій. Было уже получено согласіе мѣстныхъ правительствъ на учрежденіе такихъ лицеевъ въ Аѳинахъ, Бухарестѣ, Константинополѣ, Смирнѣ, Александріи и Тунисѣ, съ обѣщаніемъ матеріальной помощи, но время позволило Дюрюи устроить лицей только въ Константинополѣ, гдѣ число учениковъ, французовъ, грековъ, болгаръ, турокъ, скоро

дошло до пятисотъ. Одна великая держава пыталась-было затормозить учрежденіе этого лицея и достигла того, что папа объявилъ его учебный персоналъ отлученнымъ отъ церкви, но отлученіе это осталось безъ практическаго результата.

Въ области высшаго образованія, соотвѣтственно развитію техническаго образованія въ средней школѣ, министерство Дюрюи прежде всего озаботилось учрежденіемъ для реальныхъ училищъ учительскаго института, названнаго „École normale spéciale", который въ отношеніи этихъ училищъ исполнялъ такую же задачу, какую исполняла „École normale" въ отношеніи классическихъ лицеевъ. Въ связи съ тою же реформою средняго образованія была основана „École pratique des hautes études". Это своеобразное учрежденіе находилось—по крайней мѣрѣ за время управленія Дюрюи—въ составѣ уже существовавшихъ факультетовъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній, пользовалось ихъ преподавательскимъ персоналомъ и пособіями и имѣло цѣлью дать возможность лицамъ, прошедшимъ высшую классическую или техническую школу, дальнѣйшимъ трудомъ, чтеніемъ въ библіотекахъ, занятіями въ лабораторіяхъ, составленіемъ рефератовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, дополнять пріобрѣтенныя свѣдѣнія по всѣмъ наукамъ, словеснымъ, естественнымъ, экономическимъ и политическимъ, достигать званія доктора и двигать самую науку. Учрежденіе такихъ дополнительныхъ классовъ потребовало въ свою очередь широкаго развитія вспомогательныхъ къ нимъ учрежденій, и министерство не скупилось здѣсь средствами, ссылаясь предъ императоромъ, между прочимъ, на заботы въ то время русскаго правительства о реальномъ образованіи и реформѣ технологическаго института. Сосредоточеніе во Франціи всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній (кромѣ военныхъ) въ вѣдомствѣ одного министерства, конечно, во многомъ помогало Дюрюи, но много помогала ему въ этомъ дѣлѣ и добрая воля императора. Получившія особенное развитіе въ 60-хъ годахъ публичныя лекціи нашли доступъ, при содѣйствіи Дюрюи, и въ тюльерійскій дворецъ, гдѣ императоръ знакомился съ самими профессорами.

Но главною задачею, которую поставилъ себѣ Дюрюи въ дѣлѣ высшаго образованія, его задушевною мыслью, было возбужденіе и рѣшеніе вопроса о введеніи во Франціи свободы высшаго преподаванія. Пресловутый законъ Фаллу установилъ свободу первоначальнаго и средняго образованія; что же касается высшаго, то онъ оставилъ вопросъ о немъ открытымъ, сохранивъ временно за однимъ правительствомъ право учрежденія высшихъ

учебныхъ заведеній и завѣдыванія ими. Образъ мыслей Дюрюи и вся его дѣятельность по управленію народнымъ просвѣщеніемъ исключаютъ всякое предположеніе о томъ, чтобы, ратуя за свободу университетскаго образованія, онъ руководствовался какими-либо узкими клерикальными побужденіями, изъ которыхъ возникъ упомянутый законъ. Правда, онъ ясно сознавалъ, что въ данное время, при значительности затратъ, требующихся для устройства и поддержанія высшихъ школъ, онѣ будутъ открываемы, кромѣ правительства, преимущественно — если не исключительно — духовенствомъ, богатымъ матеріальными и личными силами. Но какъ истинный сынъ Франціи, обновленной великой революціей 1789 года, онъ свято вѣрилъ въ спасительность принципа свободы образованія, провозглашеннаго этой революціей. Онъ слишкомъ насмотрѣлся на давленіе, производимое послѣдовавшими правительствами, съ эгоистическими цѣлями, на строй преподаванія, чтобы не желать возвращенія отцу полнаго права давать дѣтямъ образованіе, какого хочетъ семейство. Кромѣ того, онъ видѣлъ рутину и апатію, въ которую впали высшія правительственныя школы Франціи при отсутствіи такихъ же частныхъ школъ, и ожидалъ ихъ оживленія отъ благотворной конкурренціи. Ознакомленный своими серьезными учеными занятіями съ міровоззрѣніемъ другихъ современныхъ народовъ, онъ считалъ даже необходимымъ бо́льшую широту духовной жизни интеллигенціи отечества, а достичь ее находилъ возможнымъ только при разнообразіи строя высшихъ учебныхъ заведеній, допускаемомъ свободою преподаванія. Онъ питалъ надежду, что временное враждебное отношеніе во Франціи духовенства къ современному обществу,—результатъ неутихшихъ еще волнъ революціи и исключительныхъ обстоятельствъ дня, вызвавшихъ озлобленіе главы церкви,—уступятъ мѣсто болѣе спокойному сожительству его съ окружающимъ міромъ, которое напомнитъ Францію прежнихъ вѣковъ, когда духовенство не отдѣляло интересовъ религіи отъ интересовъ страны. Во всякомъ случаѣ онъ вѣрилъ въ возможность для каждаго правительства, установленіемъ надлежащихъ способовъ наблюденія, предупреждать уклоненія отъ признанныхъ нормъ нравственности и гражданскаго общежитія, еслибы они были допущены со стороны высшихъ школъ, учрежденныхъ частными лицами или корпораціями. Исходя изъ этихъ основаній, Дюрюи предлагалъ ввести соотвѣтственное дополненіе въ законѣ Фаллу. При этомъ, однако, онъ оставлялъ одно ограниченіе, именно—признаніе за дипломами правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній преимущества предъ дипломами такихъ

же частныхъ школъ, въ случаѣ поступленія на государственную службу или конкурса на исполненіе правительственныхъ предпріятій. По настоящему вопросу Дюрюи не встрѣтилъ поддержки своихъ сотрудниковъ. Большинство членовъ министерскаго совѣта было за сохраненіе прежняго порядка. Императоръ категорически не высказывался и, повидимому, посовѣтовалъ еще разъ запросить мнѣнія генеральныхъ инспекторовъ, какъ ближе стоящихъ къ дѣлу. По крайней мѣрѣ въ такомъ положеніи оказался вопросъ объ оставленіи Дюрюи министерства. Тѣмъ не менѣе, онъ впослѣдствіи внесъ проектъ на обсужденіе сената уже по принадлежавшему ему праву сенатора. Но и тутъ судьба ему не благопріятствовала. Наступившая война и паденіе имперіи отложили вопросъ о свободѣ высшаго образованія. При правительствѣ республики онъ былъ вновь возбужденъ, и въ концѣ 70-хъ годовъ, при министрѣ просвѣщенія Жюль-Симонѣ, рѣшенъ даже въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ предлагалъ Дюрюи, а въ 80-хъ годахъ, при министерствѣ Ферри, подвергся вновь ограниченіямъ, почти тождественнымъ съ предположенными Дюрюи.

Къ сожалѣнію, несмотря на корректный образъ дѣйствій въ отношеніи духовенства, Дюрюи въ дѣятельности по народному просвѣщенію постоянно встрѣчалъ съ его стороны различныя затрудненія. Хотя Дюрюи и не было предоставлено завѣдыванія исповѣданіями, тѣмъ не менѣе, случаи соприкосновенія его съ духовенствомъ не могли не быть часты. Съ одной стороны епископы, входившіе, по закону, въ составъ министерскаго совѣта, а также нѣкоторые изъ провинціальныхъ—досаждали ему не всегда искренними воплями о разнузданности нравовъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и преувеличенными требованіями усиленія въ нихъ авторитета духовной власти, доходившими до требованія назначенія директоровъ заведеній не иначе, какъ изъ лицъ духовнаго сана. Широко толкуя изреченіе: „ite et docete“ (шедше, научите), забывая, что живутъ не въ средніе вѣка, они склонны были домогаться, чтобы даже свѣтскую науку правительство удѣляло юношеству лишь въ той мѣрѣ, въ какой это находило возможнымъ духовенство. Съ своей стороны монашескія конгрегаціи, завѣдывавшія частными школами, одолѣвали его требованіями подчасъ неисполнимыхъ льготъ. Такъ они домогались для каждаго изъ сочленовъ, имѣющихъ отношеніе къ школѣ, хотя бы не принадлежащихъ къ педагогическому персоналу, освобожденія отъ военной службы, вопреки существовавшему о томъ правилу для правительственныхъ школъ. Болѣе того, Дюрюи приходилось иногда быть посредникомъ во взаимныхъ столкно-

веніяхъ обѣихъ фракцій духовенства, епископовъ, настоятелей приходовъ, съ одной стороны, и монашествующихъ общинъ—съ другой. Иные епископы, особенно изъ числа болѣе преданныхъ галликанизму, т.-е. установленному еще со временъ Людовика XIV болѣе самостоятельному положенію французскаго духовенства въ отношеніи къ папскому престолу, откровенно жаловались ему на невозможное положеніе, создаваемое конгрегаціями, подчиненными лишь Риму, присвоивающими себѣ право передавать имъ указанія помимо законныхъ путей,—на агитацію, производимую ими среди подчиненнаго епископамъ духовенства, и на злобное отношеніе ихъ къ окружающему, въ томъ числѣ школьному, міру, вызывающее взаимную ненависть этого міра, тогда какъ самое существованіе этихъ конгрегацій во Франціи не въ силу закона, а единственно—снисходительности правительства, по мнѣнію епископовъ, должно бы было побуждать ихъ, для пользы самаго дѣла, къ большей скромности и миролюбивому отношенію къ окружающимъ. Ретивые члены конгрегацій въ свою очередь жаловались на нерадѣніе іерархіи, на недостаточность поддержки съ ея стороны въ ихъ борьбѣ съ религіознымъ равнодушіемъ персонала инспекціи и учащихся.

Къ числу интересныхъ случаевъ столкновенія Дюрюи съ духовенствомъ относится, между прочимъ, случай съ знаменитымъ Ренаномъ. Назначенный на должность профессора еврейскаго языка въ „Collége de France“, Ренанъ не удержался, чтобы не проводить въ своихъ лекціяхъ взглядовъ, изложенныхъ въ его извѣстномъ сочиненіи „Vie de Jésus“. Это не замедлило повлечь за собой со стороны слушателей разнаго рода манифестаціи, перешедшія и на улицу. Архіепископъ парижскій встрепенулся и обратился къ императору съ горячимъ заявленіемъ, въ которомъ указывалъ, что дальнѣйшее оставленіе Ренана на каѳедрѣ было бы оскорбительно для религіознаго чувства французовъ. Императоръ, уважая престарѣлаго и вообще умѣреннаго монсиньора Дарбуа, соглашался-было съ его мнѣніемъ. Хотя инипіатива назначенія Ренана не принадлежала Дюрюи и онъ самъ не признавалъ за нимъ особенныхъ достоинствъ лингвиста, однако находилъ произвольнымъ увольнять профессора отъ должности по причинѣ совершенно посторонней его преподавательской дѣятельности, тѣмъ болѣе что лично ему Ренанъ нравился, какъ изящный писатель, и самое сочиненіе его онъ считалъ наивной пасторалью. Онъ заявилъ императору, что если увольненіе Ренана состоится, то онъ будетъ принужденъ подать въ отставку. Не желая доводить дѣло до крайности, императоръ предполагалъ-

было пріостановить лекціи до слѣдующаго семестра и, не лишая Ренана содержанія, разрѣшить ему отпускъ, чѣмъ дать время успокоиться общественному мнѣнію и самому лектору, но опасеніе запроса въ законодательномъ корпусѣ при обсужденіи бюджета остановило его. Тогда было рѣшено предложить Ренану, въ замѣнъ каѳедры, занять открывшуюся тѣмъ временемъ должность библіотекаря національной библіотеки. Ренанъ на это предложеніе не согласился и сгоряча облекъ свой отказъ въ крайне рѣзкую форму, выразившись, между прочимъ: „возьмите ваши сребренники". Послѣ того уже не оставалось другого выхода, кромѣ увольненія Ренана отъ должности, которое и состоялось. „Зато же,—говоритъ Дюрюи въ своихъ „Воспоминаніяхъ",—я имъ отомстилъ, назначивъ на вакантную должность еврея Мунка, самаго лучшаго гебраиста". Замѣчательно, что въ то время какъ пресса и оппозиціонные круги долго не могли простить Дюрюи этого инцидента, добродушный Ренанъ не питалъ къ нему никакой непріязни, и впослѣдствіи, при выборѣ его въ академики, подалъ за него свой голосъ. И о самомъ императорѣ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, относящихся ко времени уже послѣ 1870 года,—„La Réforme intellectuelle",—Ренанъ далъ мѣсто сочувственному отзыву. „Наполеонъ III,—говоритъ онъ,—погибъ отъ того, что было въ немъ высокаго и благороднаго. Еслибы онъ удовольствовался внутри подавленіемъ политической свободы, еслибы продолжалъ опираться на умѣренный клерикализмъ, еслибы предоставилъ націи обогащаться вволю и удовлетворять жаждѣ матеріальныхъ наслажденій, то его правленіе и судьба его династіи утвердилась бы надолго. Но въ одномъ отношеніи онъ стоялъ выше страны: онъ любилъ добро и благородную культуру человѣчества. Онъ мечталъ о славѣ".

II.

Пользуясь расположеніемъ императора, цѣнившаго его свѣдѣнія, умъ и правдивость, Дюрюи находилъ случаи, кромѣ исполненія непосредственныхъ обязанностей, подавать голосъ и по другимъ вопросамъ, касавшимся внутренней жизни страны и внѣшней политики, частью по соприкосновенію ихъ съ предметами его вѣдомства, частью по личному запросу императора или собственной иниціативѣ. „Великія нравственныя теченія,—говоритъ Дюрюи, — обыкновенно овладѣваютъ обществами и даютъ эпохѣ опредѣленный характеръ. Въ средніе вѣка всѣ (въ запад-

ной Европѣ) были католиками и не видѣли дальше своего феодальнаго владѣнія или деревни; въ шестнадцатомъ вѣкѣ вѣрили въ короля, въ восемнадцатомъ — въ философію. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ родилась, со времени возстанія Испаніи и Германіи противъ Наполеона I-го, новая идея національностей; позже— вопросы соціальные взяли верхъ надъ политическими. Наполеонъ III былъ представителемъ двухъ свѣтлыхъ идей: поднятія трудящагося класса и освобожденія угнетенныхъ народовъ". Онъ высказывалъ сожалѣніе, что въ то время какъ матеріальные интересы находятъ толпы защитниковъ, великія идеи правды и человѣколюбія имѣютъ за собой лишь одинокихъ представителей и душу народовъ. Еще Наполеонъ I, при составленіи гражданскаго уложенія, сказалъ: „Оба конца общественной цѣпи извѣстны. Я согласенъ, чтобы въ первомъ ряду стоялъ богачъ, но несогласенъ, чтобы въ послѣднемъ стоялъ нищій. Пусть тутъ будетъ небольшой собственникъ, торговецъ или искусный ремесленникъ, который былъ бы въ состояніи умѣреннымъ трудомъ кормить, одѣвать и дать пріютъ семьѣ. Законодатель не долженъ приноравливать гражданскаго закона къ такому быту, гдѣ бы только немногіе могли обладать, а постараться разрѣшить задачу такъ, чтобы самый малый имѣлъ хотя что-нибудь". Положеніе Наполеона III въ отношеніи къ соціальному вопросу было, конечно, труднѣе, насколько народная жизнь Франціи во второй половинѣ прошедшаго вѣка стала сложнѣе ея жизни въ началѣ вѣка. Онъ былъ призванъ охранить собственника, затрудненнаго въ правильномъ веденіи дѣлъ безпрерывными революціями, и въ то же время дать возможность рабочему, вышедшему изъ пеленокъ первобытныхъ производствъ, занять соотвѣтствующее ему мѣсто и пользоваться хотя сколько-нибудь земными благами, въ уровень съ требуемымъ отъ него развитіемъ умственныхъ силъ и съ новыми условіями жизни. „Въ этихъ видахъ,—говоритъ Дюрюи, —были основаны при больницахъ пріюты для выздоравливающихъ рабочихъ, пенсіонная касса дала рабочему нѣкоторое обезпеченіе на старости, установлены даровое обученіе бѣдныхъ дѣтей, общинная медицинская помощь, финансовыя учрежденія открыли рабочему дешевый кредитъ, законъ о стачкахъ далъ ему болѣе свободы для обсужденія своихъ интересовъ, учреждены и широко развиты общества взаимопомощи и сберегательныя кассы; щедрое расходованіе государственныхъ средствъ на общеполезныя постройки дало рабочимъ новый трудъ и вознагражденіе; проведеніе въ столицѣ и большихъ городахъ широкихъ улицъ и бульваровъ, даже въ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, оздоровило

ихъ жилища; такса на хлѣбъ поддерживала его умѣренную цѣну; отмѣна паспортовъ столько же облегчила передвиженіе населенія, сколько торговые договоры удешевили и облегчили оборотъ товаровъ. Словомъ, заботливостью о нуждающихся Наполеонъ III благородно исполнилъ долгъ главы государства. Онъ самъ называлъ себя выходцемъ изъ народа (un parvenu) и память о собственной долѣ побуждала его сочувствовать всякому горю и нуждѣ“. Дюрюи съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на своемъ участіи въ выработкѣ законовъ объ организаціи участія рабочихъ въ выгодахъ предпріятія и объ ограниченіи фабричнаго труда женщинъ и дѣтей. По его словамъ, почти не проходило засѣданія совѣта, чтобы императоръ не вынесъ какого-либо проекта о помощи бѣднымъ. Рука его всегда была открыта и онъ не умѣлъ отказывать, хотя самъ иногда бывалъ вынужденъ брать впередъ часть содержанія, а впослѣдствія, живя въ Англіи, —воспользоваться снисходительностью владѣльца, отдавшаго ему въ наемъ виллу за половинную плату.

Вопросы внѣшней политики наиболѣе поглощали вниманіе императора Наполеона III-го въ продолженіе всего его правленія. Къ нимъ направлялъ его самый смыслъ призванія его страною къ кормилу правленія — возстановленіе утраченнаго значенія, если не главенства Франціи въ средѣ европейскихъ государствъ. По силѣ вещей, по измѣнившимся запросамъ политической жизни народовъ и по личной симпатіи, ему выпало избрать способомъ къ достиженію этой цѣли идею свободныхъ народностей, которыя бы группировались вокругъ Франціи. Такая цѣль, при такихъ средствахъ, не могла быть достигнута безъ войнъ, и слишкомъ противорѣчила закрѣпленному вѣнскимъ конгрессомъ тогдашнему строю Европы. На неизбѣжность войны указывали въ то время публицисты и поэты. Къ ней стихійно звало народное чувство носителя имени Наполеона. Ожиданіе войны, самая война, наконецъ ея послѣдствія вызываютъ обыкновенно усиленіе дипломатической дѣятельности. Но и среди мира примѣненіе новаго для правящихъ сферъ начала народностей усложняло дѣло политическихъ комбинацій и союзовъ, которые уже не могли опираться на традиціонныхъ узахъ родства или солидарности монархій. Сюда присоединялось относительное миролюбіе императора, съ трудомъ сдерживавшаго еще не остывшій тогда воинственный пылъ многихъ круговъ во Франціи и изыскивавшаго всѣ возможныя средства соглашенія прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ рѣшенію спора оружіемъ. Въ этомъ отношеніи Наполеонъ III существенно разнился отъ Наполеона I-го, который

хотя старался сохранять значеніе великаго сановника, соединяющаго въ себѣ всѣ власти страны, но, увлекаемый военнымъ геніемъ, выходилъ иногда на борьбу и тогда, когда его не завлекали къ ней непримиримые противники. Можно думать, что слова его первой бордоской рѣчи: „l'empire c'est la paix“—имперія это миръ,—были искренни. Эта двойственность типа войны и союза составляла во всякомъ случаѣ отличительную черту внѣшней дѣятельности Наполеона III-го, усиливала значеніе дипломатіи и приводила иногда къ положенію вещей, напоминавшему XVIII вѣкъ, когда вчерашній врагъ становился завтра другомъ и другъ вашего врага продолжалъ оставаться вашимъ другомъ. Разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ путемъ конгрессовъ или третейскаго суда также всегда было идеаломъ, къ которому стремилась вторая имперія.

Уже въ эпоху крымской войны 1854 — 1856 годовъ было замѣчено дипломатическое искусство Наполеона III-го. Въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, издавна нерасположеннымъ къ Россіи, — въ которой оно видѣло главнаго представителя коалиціи державъ, низвергнувшихъ Францію съ пьедестала и еще недавно унизившихъ ее, заставивъ отказаться отъ своего союзника Мегмета-Али-паши египетскаго и предпринятаго ею дѣла возрожденія Египта,—онъ съумѣлъ вступить въ союзъ съ Англіей противъ нашего отечества, въ виду ея интересовъ на Востокѣ, несмотря на дознанную опасность для нея усиленія династіи Наполеоновъ и вообще Франціи на континентѣ Европы, и въ извѣстной мѣрѣ привлечь къ этому союзу Австрію и Пруссію, хотя тяготившихся покровительственнымъ гнетомъ Россіи, но крѣпко связанныхъ съ нею традиціонными узами. При этомъ, возбужденіе польскаго вопроса, которое могло бы поставить всѣ три державы въ одинъ лагерь, было имъ осторожно отложено, не безъ согласія вліятельной парижской эмиграціи. И во время войны территорія ея была ограничена отдаленной въ то время окраиной, а по достиженіи ея цѣли, взятія Севастополя, чтобы не возбудить въ противникѣ ненависти и жажды возмездія и не лишиться въ будущемъ возможности совмѣстныхъ съ нимъ дѣйствій, французскимъ правительствомъ были употреблены всѣ старанія удержать Англію отъ продолженія войны и серьезныхъ дѣйствій въ Финскомъ заливѣ и подъ столицей, къ которымъ она въ это время вполнѣ приготовилась. На парижскомъ конгрессѣ также обнаружилась готовность Наполеона III-го къ возможному смягченію условій мира и особая предупредительность къ нашему представителю на немъ, князю Орлову, и къ послу

графу Киселеву, сдѣлавшемуся persona gratissima тюльерійскаго двора. Но особенно знаменательно было въ этомъ отношеніи послѣдовавшее за войной, лѣтомъ 1857 года, свиданіе двухъ императоровъ въ Штутгартѣ, въ гостяхъ у королевы вюртембергской Ольги. По свѣдѣніямъ отъ компетентныхъ лицъ, на этомъ свиданіи были установлены какъ бы общія основы дальнѣйшихъ дѣйствій. Императоръ французовъ не скрылъ своихъ плановъ освобожденія Италіи, открывалъ перспективу возможности отпаденія отъ Австріи ея польскихъ провинцій въ случаѣ ея пораженія, просилъ за Польшу, здраво сознавая, что при данныхъ обстоятельствахъ улучшеніе ея судьбы могло послѣдовать лишь въ связи ея съ доброжелательной къ ней Россіей. Послѣдствіями этого свиданія, съ нашей стороны, были: благосклонное отношеніе къ Франціи во время наступившей въ 1859 году итальянской войны, выразившееся въ нотѣ нашего правительства, удержавшей въ началѣ войны государства германскаго союза отъ заступничества за Австрію, и облегчительныя реформы, предпринятыя съ того времени въ царствѣ польскомъ. Къ сожалѣнію, послѣднія были остановлены печальными событіями 1863 года, обострившими отношенія между обѣими сторонами и между правительствами Россіи и Франціи.

Еще рельефнѣе выразился смыслъ и характеръ внѣшней дѣятельности Наполеона III-го въ итальянской войнѣ 1859 года. Эта война была главнымъ дѣломъ его политической жизни, плодомъ давнихъ стремленій обоихъ родственныхъ народовъ, наслѣдственнымъ завѣтомъ основателя династіи, освободившаго уже однажды Италію отъ иноземной власти и одарившаго ее въ то время болѣе совершенными учрежденіями, вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ личныхъ симпатій второго императора, возникшихъ еще въ молодые годы на почвѣ совмѣстной съ итальянцами жизни и борьбы противъ врага. Она не имѣла, подобно крымской войнѣ, одной политической, отрицательной цѣли — устраненія преобладанія въ Европѣ одной изъ великихъ державъ, одного разрушенія созданной прежнимъ порядкомъ группировки государствъ. Она имѣла и положительную цѣль, какъ освобожденія, такъ и объединенія итальянскаго народа, въ силу твердо усвоеннаго Наполеономъ III принципа законности и благодѣтельности самостоятельнаго существованія каждаго народа, единаго по этнографическому происхожденію, языку и культурѣ,—принципа, получившаго общепризнанное названіе идеи національностей. Въ данномъ случаѣ примѣненіе этого принципа, конечно, представляло и непосредственную выгоду для Франціи, какъ касавшееся

народа одной съ нею латинской расы и раздѣлявшаго съ нею однѣ историческія судьбы...

Идея національностей, при всей трудности ея примѣненія въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно къ малымъ народамъ, при массѣ исключеній, которыя она представляетъ,—все-таки идея истинная и высокая, какъ проявленіе посредствующаго звена въ міровой цѣпи, соединяющаго семейство со всѣмъ человѣчествомъ, и благотворная, если совмѣщается съ правиломъ:—не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь. Взрывъ этой идеи въ XIX вѣкѣ столько же былъ вызванъ борьбою европейскихъ народовъ, въ началѣ вѣка, съ Наполеономъ I, вводившимъ въ созданныя имъ королевства хотя болѣе свѣтлыя, но чуждыя населенію французскія гражданскія учрежденія, сколько главнымъ образомъ полнымъ пренебреженіемъ къ ней вѣнскаго конгресса, безжалостно дробившаго и соединявшаго страны срединной Европы, не взирая на ихъ національность. Приходится только удивляться тому, какъ убѣжденнымъ представителемъ народной идеи сталъ Наполеонъ III, личность космополитичная, хотя французъ по культурѣ и считавшій себя французомъ, но по происхожденію полу-итальянецъ, даже съ экзотическимъ оттѣнкомъ по своей бабкѣ съ материнской стороны—императрицѣ Жозефинѣ, уроженкѣ вестъ-индскихъ колоній, до сорокалѣтняго возраста не знавшій отечества и впервые нашедшій его почти на престолѣ. Объясненіе этого явленія, быть можетъ, лежитъ именно въ невольномъ блужданіи его, въ лучшіе годы жизни, по странамъ Европы и Америки, въ лично вынесенномъ впечатлѣніи громаднаго значенія совпаденія народной и политической жизни, какъ одного изъ главныхъ элементовъ благоденствія народовъ, тяжелаго положенія ихъ тамъ, гдѣ политическая жизнь расходится съ народною, и несравненно лучшаго, гдѣ онѣ совпадаютъ, и вообще въ свойствѣ человѣческаго сердца особенно цѣнить то, чего кому недостаетъ.

Самый походъ продолжался недолго. Французская армія, съ присущей ей доблестью и наученная опытомъ недавней войны, быстро сломила передовыя силы непріятеля при Мадджентѣ, но побѣда подъ Сольферино, надъ главными его силами, досталась труднѣе: по кровопролитію сраженіе это напомнило Европѣ бородинскій бой и оставило глубокое впечатлѣніе въ умѣ императора, впервые увидѣвшаго ужасы настоящей войны. Впереди предстояла осада крѣпостей знаменитаго четыреугольника, или переходъ черезъ южную часть Тироля, входившаго въ составъ земель германскаго союза, возбудившій безпокойство въ государ-

ствахъ этого союза, которыя и начали мобилизоваться. При такихъ условіяхъ императоръ Наполеонъ предпочелъ воспользоваться предложеніемъ противника о мирѣ, который и былъ заключенъ въ Виллафранкѣ, удовольствовавшись уступкою Австріею сардинскому королевству (иначе Пьемонтъ) Ломбардіи съ ея столицей Миланомъ и снятіемъ ея гарнизоновъ изъ столицъ всѣхъ отдѣльныхъ итальянскихъ владѣній, причемъ государямъ ихъ предоставлялось образовать особый союзъ, подъ предсѣдательствомъ папы. Онъ благоразумно предоставлялъ продолженіе дѣла освобожденія и объединенія Италіи дальнѣйшему ходу событій и вызванному побѣдами народному энтузіазму. Дѣйствительно, не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ всѣ герцогства Италіи —Модена, Парма, Лукка, Тоскана и значительная часть Папской области присоединились къ Пьемонту по свободному опросу населенія; присоединилось къ нему и королевство Неаполь и Сицилія, сдавшіяся горсти гигантовъ подъ предводительствомъ Гарибальди, составивъ всѣ вмѣстѣ одно королевство Италіи подъ властью Савойскаго дома. До полнаго объединенія Италіи оставались—Венеціанская область, добытая отъ Австріи дипломатическимъ трудомъ Наполеона уже въ 1866 году, и небольшая провинція Романья съ городомъ Римомъ. По настоянію дѣловыхъ людей, не обошлось безъ непосредственнаго вознагражденія Франціи: ей были уступлены Пьемонтомъ области Савойя и Ницца, лежащія по сю сторону Альпъ, съ населеніемъ болѣе французскаго, чѣмъ итальянскаго склада, и матеріальные интересы котораго всегда клонились въ сторону Франціи. Пріобрѣтеніе этихъ областей давало Франціи естественную границу со стороны Италіи и владѣніе горными проходами, обезпечивавшее отъ внезапнаго вторженія иноземцевъ съ этой стороны. Во всякомъ случаѣ укрѣпленію ихъ за новымъ отечествомъ предшествовалъ, по желанію императора, плебисцитъ населенія.

Въ настоящее время, спустя почти полвѣка, нелегко представить себѣ всю трудность положенія, въ которое было поставлено французское правительство вопросомъ о Римѣ: съ одной стороны, ропотъ высшихъ классовъ, искренно или притворно преданныхъ папѣ, и опасеніе неумолимой вражды духовныхъ властей; съ другой—вопли Италіи о неисполненныхъ обѣщаніяхъ, объ оставленіи дѣла объединенія на полпути и немыслимости для нея другой столицы кромѣ Рима, продолжавшаго находиться во власти французскихъ войскъ. Трудность эта была такъ велика, что объ нее разбивалась даже франко-итальянская дружба, а самъ герой Италіи, Гарибальди, получилъ въ братоубійственной

схваткѣ тяжелую рану, и до времени не было придумано другого выхода, кромѣ перенесенія центральныхъ учрежденій изъ Турина во Флоренцію.

Въ теченіе всѣхъ указанныхъ событій будущій министръ просвѣщенія Дюрюи еще оставался скромнымъ дѣятелемъ вѣдомства и могъ только сочувствовать, вмѣстѣ съ соотечественниками, освобожденію Италіи. Но съ 1863 года, когда сталъ министромъ, и онъ получилъ возможность сказать вѣское слово. Однажды на совѣщаніи министровъ возникъ вопросъ о характерѣ принадлежности папскому престолу поземельныхъ владѣній. Нѣкоторые изъ сочленовъ, вслѣдствіе ли партійнаго взгляда, или по малому знакомству съ предметомъ, утверждали, что владѣніе это имѣетъ догматическій характеръ, какъ тѣсно связанное съ духовной властью папъ и едва ли не съ требованіями культа. Дюрюи горячо возсталъ противъ такого толкованія. Справками изъ исторіи онъ доказывалъ, что при всей высотѣ каноническаго значенія папской власти, свѣтская власть папъ, въ особенности государственное право ихъ на владѣніе данной территоріей въ Италіи, есть право историческое, преходящее, ничѣмъ не отличающееся отъ такой же власти свѣтскихъ государей. Поземельныя права ихъ, возникая изъ такихъ же договоровъ, интригъ и даже войнъ, какъ и у другихъ владѣтелей, росли и умалялись въ зависимости отъ обыденныхъ событій политической жизни. Достоинство ихъ какъ государей и матеріальная самостоятельность хотя необходимы для католическихъ государствъ, въ предупрежденіе зависимости папъ отъ государя Италіи и косвеннаго вліянія его на жизнь этихъ государствъ, но не исключаютъ возможности совмѣстнаго пребыванія ихъ въ Римѣ съ королемъ Италіи. Поэтому нѣтъ основанія препятствовать занятію Рима и его округа итальянскимъ правительствомъ, если по международному договору всѣхъ державъ будетъ подтверждено за папой державное право (souveraineté)—и Италія обяжется уважать и охранять его, а всѣми государствами будетъ гарантированъ папѣ опредѣленный доходъ, соразмѣрный числу ихъ католическихъ подданныхъ. Мнѣніе это цѣликомъ не прошло, быть можетъ, по новости его для тогдашняго времени. Все ограничилось очищеніемъ отъ французскихъ войскъ области Романьи, занятіе же Рима продолжалось ко вреду нравственнаго престижа Франціи до печальныхъ дней 1870 года, когда войска были вызваны для защиты собственнаго отечества. Но историкъ-министръ имѣлъ утѣшеніе видѣть впослѣдствіи свою мысль почти осуществленною: короля Италіи, живущаго въ Квириналѣ, а папу—въ Ватиканѣ,

на фактическихъ условіяхъ modus vivendi, измѣненія котораго они едва ли сами желаютъ.

Свидѣтелямъ разгрома Франціи Германіею, лишившаго ее двухъ прекрасныхъ провинцій и отъ котораго она лишь недавно оправилась, можетъ показаться софизмомъ, что своимъ объединеніемъ, подъ главенствомъ Пруссіи, германскій народъ столько же обязанъ настойчивому и умѣлому образу дѣйствій прусскаго правительства и его геніальнаго руководителя, сколько и стараніямъ императора французовъ. Но тѣмъ, кто присматривался къ политической жизни Европы еще съ пятидесятыхъ годовъ прошедшаго вѣка, памятны и понятны эти старанія Наполеона III-го, вполнѣ сознательныя и клонившіяся ко благу обоихъ народовъ. Появленіе его у кормила правленія Франціи совпало со временемъ особеннаго усиленія политическаго значенія Австріи и глухой, робкой борьбы съ ней Пруссіи за преобладаніе въ Германіи. Несмотря на всѣ недочеты внутренняго устройства Австріи, на невозможность даже для нея иной разъ обойтись безъ посторонней помощи въ улаженіи домашнихъ дѣлъ,—авторитетъ ея вѣковой императорской династіи, искусство дипломатіи, опытная бюрократія, многочисленное, стойкое и разнообразное войско, легко оправлявшееся послѣ пораженій, вызванныхъ случайностью неудачнаго командованія, и одерживавшее побѣды подъ начальствомъ талантливыхъ личностей, доставили Австріи въ половинѣ XIX-го вѣка такое господствующее положеніе, при которомъ она одной рукой распоряжалась силами германскаго союза, другой—владѣла Миланомъ и Венеціей, вершила судьбы прочихъ земель Италіи, нерѣдко хозяйничала въ Константинополѣ и простирала руководство дѣлами Европы до самаго Петербурга. Когда король Пруссіи попытался въ 1849 году принять предложенную ему эфемернымъ франкфуртскимъ парламентомъ корону германской имперіи, то Австрія подвергла его жестокому униженію въ Ольмюцѣ и заставила отъ нея отказаться. Не забудемъ также, что, если не самымъ сильнымъ, то самымъ упорнымъ врагомъ Наполеона І-го на континентѣ Европы была та же Австрія, положившая, несмотря на брачный союзъ его съ ея эрцгерцогиней, противъ него на вѣсы судьбы свое могущество въ рѣшительный моментъ 1813 года, когда звѣзда его вновь было-заблестѣла и когда союзныя Россія и Пруссія, встрѣтивъ неожиданный отпоръ на поляхъ Силезіи, находились въ недоумѣніи, не оставить ли императорскую Францію въ сонмѣ европейскихъ державъ, довольствуясь лишь гарантіями собственной безопасности. И послѣ низ-

ложенія Наполеона, не кто иной, какъ Австрія съ особенной жестокостью уничтожала все, что сколько-нибудь напоминало его имя, и поддерживала въ Германіи строй, направленный къ униженію Франціи. Воспоминанія молодости Людовика-Наполеона въ свою очередь были связаны съ памятью о постоянномъ преслѣдованіи, которому онъ подвергался вмѣстѣ съ матерью отъ австрійскаго правительства, особенно послѣ смерти герцога Рейхштадтскаго: достаточно имъ было остаться въ любомъ городѣ Германіи или Италіи на болѣе долгій срокъ, чтобы получить предложеніе отъ мѣстной власти, такъ или иначе зависѣвшей отъ Австріи, покинуть городъ, чѣмъ иногда нарушался только-что налаженный планъ образованія юноши, и быть вынужденнымъ вернуться въ единственно гостепріимный для нихъ замокъ Аренсбергъ, въ Швейцаріи. Все это не могло не укрѣпить въ Наполеонѣ III убѣжденія въ силѣ Австріи, быть можетъ преувеличенное и получившее новое подтвержденіе на поляхъ Сольферино. Понятно, что при такихъ условіяхъ, подъ такими впечатлѣніями, сдѣлавшись правителемъ Франціи, сильной съ давнихъ поръ народнымъ единствомъ, Наполеонъ III, если бы и не имѣлъ вѣры въ благотворность національной идеи и не ожидалъ наступленія эры мира съ утвержденіемъ ея среди народовъ Европы, то былъ бы склоненъ ко всякаго рода комбинаціямъ въ видахъ ослабленія могущества разноплеменнаго, давящаго другіе народы государства и къ созданію ему противовѣса въ политическомъ объединеніи германскаго народа. „Я ненавижу вѣнскіе трактаты", — сказалъ онъ удивленному мэру одного изъ пограничныхъ городовъ Франціи въ отвѣтъ на его скромное привѣтствіе, и имѣлъ силу надорвать эти трактаты итальянскимъ походомъ. Оставалось, для блага и величія Франціи, окончательно упразднить ихъ установленіемъ въ Германіи, взамѣнъ ихъ, другого порядка, болѣе стойкаго, справедливаго и соотвѣтствующаго новымъ потребностямъ народовъ. Поэтому, уже въ то время, когда датско-германская война 1863 года, веденная по уполномочію германскаго союза Австріей и Пруссіей во имя той же національной идеи, окончилась отторженіемъ отъ Даніи Гольштиніи и Шлезвига и присоединеніемъ ихъ къ Пруссіи, несмотря на протестъ Австріи, Наполеонъ III не воспротивился этому присоединенію, усилившему Пруссію, а когда возникшій изъ-за него между союзниками споръ угрожалъ надолго затянуться, то могъ быть только доволенъ этой querelle d'allemand, продолженіе которой обезпечивало спокойствіе сосѣдямъ.

Къ этому же времени относится сближеніе Наполеона III

съ княземъ Бисмаркомъ. Въ бытность свою, въ 1862 году, недолгое время прусскимъ посломъ въ Парижѣ, Бисмаркъ познакомился съ императоромъ французовъ и другими политическими дѣятелями Франціи, и не прекращалъ сношеній съ ними и послѣ возвращенія въ Берлинъ на постъ главы кабинета. Въ одно изъ лѣтнихъ пребываній императора въ Біаррицѣ Бисмаркъ нашелъ случай, какъ бы откровенно познакомить Наполеона III съ планомъ исключенія Австріи изъ состава германскаго союза и объединенія Германіи съ Пруссіей во главѣ, прося его содѣйствія и указывая впереди на возможность при этомъ расширить восточные предѣлы Франціи до естественной границы, соотвѣтствующей этнографическому составу населенія. Такой границей въ умѣ императора Наполеона, какъ и каждаго француза, могла бы быть только рѣка Рейнъ, во всемъ ея среднемъ и нижнемъ теченіи, до котораго доходили владѣнія Франція при Наполеонѣ I-мъ. Но въ половинѣ XIX вѣка эта граница включала въ себѣ не только часть германскихъ земель, отторгнутую отъ Франціи вѣнскимъ конгрессомъ, но и самостоятельное королевство Бельгію. Какъ ни былъ расположенъ Наполеонъ III помочь германскому народу, къ которому никогда не питалъ вражды, однако предлагаемое Франціи вознагражденіе не могъ не признать проблематическимъ. Онъ рѣшительно устранилъ предположеніе о присоединеніи Бельгіи къ Франціи, какъ всегда, въ наиболѣе даже интимныхъ разговорахъ съ самыми близкими лицами, отрицательно относился къ такому предположенію. Несмотря на всѣ узы единства языка, исповѣданія, культуры, частью происхожденія, связывавшія и донынѣ связывающія Бельгію съ Франціей, на продолжительность періода, когда эта страна принадлежала Франціи, на выраженное самими бельгійцами въ 1830 году желаніе возвратиться въ ея составъ,—императоръ понималъ, что судьба Бельгіи безповоротно рѣшена Европой и что покушеніе на ея независимость и нейтралитетъ вызоветъ отпоръ со стороны если не всей Европы, то во всякомъ случаѣ Англіи, для которой нахожденіе Антверпенскаго порта во власти нейтральнаго государства представляло жизненный интересъ въ смыслѣ безопасности. Другое дѣло—сосѣдняя съ Франціей область Германіи по лѣвому берегу Рейна: и желаніе видѣть Францію и передать ее потомству въ томъ составѣ, въ какомъ создали ее труды основателя династіи, и неудержимое въ то время, наряду съ увлеченіемъ національной идеей, исканіе естественной границы, и характеръ населенія данной территоріи, издавна подвергавшейся французскому вліянію,

не могли не укрѣплять въ Наполеонѣ III-мъ мысли о правотѣ расширенія предѣловъ Франціи до городовъ, лежащихъ по лѣвому берегу Рейна включительно, коль скоро германскій народъ будетъ единъ и свободенъ на всемъ пространствѣ отъ Рейна до Вислы и отъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей до Мюнхена и Вѣны. Однако, и здѣсь взглядъ на карту говорилъ, что при исключеніи Бельгіи изъ предлагаемаго приращенія, по самому ея географическому положенію клина, вдающагося между Франціей и Прирейнской провинціей Пруссіи, присоединеніе части этой провинціи станетъ эфемернымъ и недолговѣчнымъ. Все это побудило осторожнаго мечтателя, вѣдавшаго судьбами Франціи, остановиться на томъ, что въ случаѣ войны между Пруссіей и Австріей Франція сохранитъ нейтралитетъ, притомъ даже и въ томъ случаѣ, если бы какая-либо третья держава примкнула къ одной изъ воюющихъ сторонъ. Объ этомъ рѣшеніи императора было сообщено какъ прусскому, такъ и австрійскому правительствамъ. Такое положеніе Франціи дозволяло ей, не принимая участія въ войнѣ, явиться въ рѣшительный моментъ авторитетнымъ посредникомъ для установленія условій мира, выгодныхъ и для Франціи, особенно если,—какъ думалось императору,—обѣ стороны истомятся въ продолжительной борьбѣ. Упомянутое рѣшеніе имѣло еще другое значеніе. Не было вѣроятія, чтобы какая-либо изъ другихъ державъ присоединилась къ Австріи— ни Англія, прежнія симпатіи которой къ Австріи, какъ могучей хранительницѣ на континентѣ установленнаго вѣнскимъ конгрессомъ порядка, стали уже переходить на Пруссію, особенно со времени брака ея наслѣднаго принца, будущаго императора Фридриха III-го, съ англійской принцессой, ни тѣмъ болѣе Россія, продолжавшая таить къ Австріи непріязнь—наслѣдіе крымской кампаніи, и также принявшая въ отношеніи къ ней, въ данномъ случаѣ, нейтральное положеніе, несмотря на усиленное ходатайство о помощи изъ Вюртемберга. Поэтому самая строгость объявленнаго Франціей нейтралитета заключала въ себѣ косвенное дозволеніе Италіи примкнуть къ Пруссіи въ предстоящей войнѣ. Италія уже давно томилась по Венеціанской области, а поводъ къ войнѣ всегда могъ представиться въ виду демонстративнаго накопленія Австріею военныхъ силъ въ этой области, на границѣ молодого королевства. По тщательному подсчету военныхъ силъ соперниковъ, сдѣланному военными экспертами Пруссіи и Италіи, соединенныя силы Пруссіи и Италіи едва равнялись силамъ Австріи. Императоръ желалъ успѣха Пруссіи, но, видимо, въ немъ сомнѣвался.

Какъ извѣстно, дѣйствительность превзошла ожиданія Наполеона III-го. Лѣтомъ 1866 года возникла война между Пруссіей и Италіей съ одной стороны и Австріею—съ другой. Почти всѣ государства Германіи приняли сторону Австріи — не только южной: Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, но и сѣверной: Саксонія, Ганноверъ, Кассель, Нассау и др. На несчастье, постороннія дѣлу соображенія побудили поставить во главѣ арміи, назначенной дѣйствовать противъ Пруссіи, хотя лично мужественнаго и отличившагося въ послѣднюю войну отдѣльными подвигами, но недостаточно опытнаго и предусмотрительнаго, молодого генерала Бенедека, тогда какъ пользовавшійся общимъ уваженіемъ стратегъ эрцгерцогъ Альбрехтъ былъ назначенъ командовать на второстепенномъ театрѣ войны, въ Италіи. Послѣдствіемъ этого было, что Пруссія, сильная избраннымъ генеральнымъ штабомъ и сочувственнымъ отношеніемъ другихъ державъ, нанесла быстрое и рѣшительное пораженіе австрійскимъ войскамъ при Кёнигтрецѣ (иначе Садовой) въ Богеміи и ихъ союзникамъ при Лангензальцѣ въ Ганноверѣ и Киссингенѣ въ Баваріи. Правда, Австрія имѣла въ свою очередь блестящіе успѣхи въ Италіи, разгромивъ при Кустоццѣ ея сухопутныя и при Лиссѣ, подъ начальствомъ адмирала Тегетгофа, ея морскія силы, но эти успѣхи не могли имѣть вліянія на исходъ войны. Побѣдоносный врагъ былъ готовъ идти на Вѣну. Австрія стояла на краю гибели. Въ эту тяжелую для нея минуту императоръ Францъ-Іосифъ обратился къ посредничеству Наполеона III-го, предоставивъ впередъ въ его распоряженіе судьбу Венеціанской области. Этотъ неожиданный царственный даръ былъ тогда же переданъ имъ Италіи и возбудилъ въ Европѣ общій возгласъ о неизмѣнно счастливой звѣздѣ императора французовъ. Но то былъ уже послѣдній истинно блестящій день второй имперіи.

Посредничество Наполеона III-го въ пользу Австріи не могло быть особенно настойчиво, такъ какъ отчасти противорѣчило его собственному затаенному желанію объединенія германскаго народа, чтò было извѣстно побѣдителю; но во всякомъ случаѣ прусскому правительству приходилось принять его во вниманіе, изъ опасенія возобновленія войны съ участіемъ свѣжихъ силъ противника. Результаты его сводились къ слѣдующимъ условіямъ мира, заключеннаго въ Прагѣ послѣ предварительнаго перемирія въ Никольсбургѣ. Бывшій германскій союзъ упразднялся, и Австрія, за его упраздненіемъ, переставала быть его членомъ по своимъ нѣмецкимъ землямъ; установлялась линія рѣки Майна, раздѣлявшая Германію на сѣверную и южную. Изъ числа госу-

дарствъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ этой линіи, тѣ, которыя примкнули во время войны къ Австріи—Ганноверъ, Кассель, Нассау, вольный городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, безусловно присоединялись къ Пруссіи; тѣ же, кои примкнули къ Пруссіи, медіатизировались въ отношеніи своихъ державныхъ правъ и, вмѣстѣ съ увеличенной Пруссіей, образовывали новый сѣверо-германскій союзъ подъ ея главенствомъ; къ числу послѣднихъ была отнесена и Саксонія, въ виду оказаннаго ею слабаго сопротивленія и особаго покровительства императора Наполеона. Государства по южную сторону р. Майна—Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Дармштадтъ—оставались независимыми на прежнемъ основаніи и уплачивали Пруссіи лишь опредѣленную контрибуцію, при чемъ Баварія уступала ей часть своихъ владѣній, лежавшую къ сѣверу отъ Майна, и зарейнскій Пфальцъ (онъ же Палатинатъ); этимъ государствамъ предоставлялось образовать особый южно-германскій союзъ. Гольштинія и Шлезвигъ окончательно утверждались за Пруссіей, при чемъ, однако, жителямъ сѣвернаго Шлезвига датской національности предоставлялось въ опредѣленный срокъ произвести голосованіе по вопросу объ оставленіи за Даніей или о присоединеніи къ Пруссіи.

Когда содержаніе мирнаго договора сдѣлалось извѣстнымъ въ Парижѣ, то вызвало тамъ взрывъ неудовольствія. Легкомысленная толпа, мѣряя свои и чужія дѣла разными мѣрками и забывая, что имъ оканчивалась война, въ которой Франція не участвовала, искала въ немъ земель. которыя присоединялись бы къ Франціи. Оппозиціонные круги взывали объ опасности, угрожающей ей отъ появленія на границѣ ея могущественнаго сосѣда. Императоръ счелъ нужнымъ успокоить общественное мнѣніе. Помѣщенная въ правительственномъ „Монитёрѣ“ статья разъясняла, что произведенныя договоромъ, заключеннымъ при содѣйствіи Франціи, измѣненія установили болѣе выгодное для нея равновѣсіе силъ Австріи и Пруссіи. Они дали сосѣднему съ нею миролюбивому народу задатки блага, которымъ она сама давно пользуется, что несомнѣнно вызоветъ признательность къ ней въ этомъ народѣ. Кромѣ того, остающееся въ силѣ раздѣленіе нѣмецкихъ владѣній на три отдѣла (tronçons), изъ которыхъ одинъ подпадаетъ вліянію Пруссіи, другой остается за Австріей и третій — южно-германскія государства — образуетъ особое цѣлое, напоминающее созданный Наполеономъ I-мъ рейнскій союзъ, устраняетъ возможность нежелательнаго давленія всего германскаго племени на интересы французскаго народа. Во всякомъ случаѣ, при какой-либо опасности съ данной сто-

роны, такая великая держава, какъ Франція, находясь въ сонмѣ другихъ государствъ, всегда будетъ имѣть возможность, путемъ добрыхъ услугъ и искусной дипломатіи, разсчитывать на сочувствіе другихъ державъ, независимо отъ собственныхъ силъ.

Однако, въ концѣ концовъ, императоръ долженъ былъ уступить давленію общественнаго мнѣнія и дѣльцовъ стараго закала, видѣвшихъ спасеніе въ однихъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ, подобно тому, какъ они побудили его оградить себя отъ Италіи присоединеніемъ Савойи и Ниццы. Была возбуждена переписка съ прусскимъ правительствомъ объ исправленіи восточной границы Франціи въ сторону Рейна, въ виду территоріальнаго увеличенія Пруссіи. Безъ указанія на опредѣленныя мѣстности, упоминалось лишь въ общихъ чертахъ объ извѣстныхъ ему предположеніяхъ, предшествовавшихъ послѣднимъ событіямъ. Въ отвѣтѣ на это, князь Бисмаркъ, вмѣшивая въ дѣло личность своего государя, рѣзко заявилъ, что король не счелъ себя въ правѣ, въ вознагражденіе за принесенныя его подданными жертвы, входить въ соображенія объ уступкѣ исконныхъ крѣпостей Германіи, Кёльна, Кобленца и Майнца, и другихъ владѣній. Этотъ отвѣтъ заставилъ опасаться разрыва между недавними друзьями. Возникли различныя предположенія о способѣ разрѣшенія недоразумѣнія. Къ этому времени относится записка Дюрюи, въ которой онъ, предостерегая отъ преувеличенныхъ требованій, указывалъ, что владѣніе Франціей прирейнскими крѣпостями было бы такимъ же вызовомъ съ ея стороны Германіи, какимъ было бы со стороны Германіи возведеніе, согласно постановленію вѣнскаго трактата, существующихъ крѣпостей на французской границѣ. По его мнѣнію, было достаточно, не требуя возстановленія границъ, которыхъ Франція достигала въ наиболѣе счастливую эпоху правленія Наполеона I-го, ограничиться требованіемъ предѣловъ, въ которыхъ онъ получилъ ее отъ директоріи,—болѣе скромныхъ, но болѣе соотвѣтствующихъ этнографическому составу населенія, заключающихъ въ себѣ именно тѣ крѣпости Ландау, Сарлуи, Триръ и Люксембургъ, которыя угрожали Франціи, и небольшую область Палатинатъ (Пфальцъ), памятную успѣшными дѣйствіями здѣсь римскихъ легіоновъ, побѣдами Тюренна и принадлежавшую Франціи еще во время Людовика XIV-го. Однако, императоръ, опасаясь ли излишней огласки, или слѣдуя, быть можетъ, подходившему къ его характеру правилу: „de minimis non curat praetor“,—преторъ не интересуется мелочами,—предпочелъ прекратить переписку о гра-

ницахъ и остановился на судьбѣ герцогства люксембургскаго, относительно котораго было заявлено притязаніе самой Пруссіей.

Герцогство Люксембургъ, этотъ пережитокъ среднихъ вѣковъ и эпохи вѣнскаго конгресса, соприкасающееся съ Бельгіей и находящееся между Франціей и Прирейнской провинціей Пруссіи, нѣкогда составляло значительную страну, расхватанную впослѣдствіи по краямъ сосѣдями. Съ 1814 года оно входило въ составъ германскаго союза, но было соединено съ Голландіей по личному праву короля голландскаго, какъ члена Нассау-Оранскаго дома, которому принадлежали престолы обѣихъ странъ. Для охраны отъ Франціи, въ крѣпости его главнаго города, также Люксембурга, по уполномочію союза были поставлены прусскія войска. Въ австро-прусской войнѣ 1866 года Люксембургъ не участвовалъ; когда же, по окончаніи войны, германскій союзъ былъ упраздненъ, то Пруссія вознамѣрилась включить его въ новый сѣверо-германскій союзъ съ оставленіемъ въ немъ своихъ войскъ на прежнемъ основаніи, т.-е., въ сущности, присоединить его къ себѣ. Въ виду измѣнившагося взаимнаго положенія Франціи и Пруссіи въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ оно было въ эпоху конгресса, Наполеонъ III пожелалъ тогда присоединить его къ Франціи, на что получилъ согласіе и голландскаго короля, не заинтересованнаго слишкомъ въ судьбѣ Люксембурга, такъ какъ въ случаѣ его смерти безъ мужского потомства право на Люксембургъ переходило въ другую вѣтвь Нассаускаго дома. Спорное дѣло перешло въ Лондонъ и по постановленію конференціи представителей великихъ державъ въ притязаніяхъ Пруссіи и Франціи о присоединеніи было отказано, Люксембургъ признанъ нейтральнымъ, крѣпость г. Люксембурга—подлежащею срытію, и Пруссія обязалась вывести свои войска изъ герцогства. Такъ окончился возникшій изъ пражскаго договора эпизодъ о Люксембургѣ и вообще исправленіи восточной границы Франціи, долгое время занимавшій не столько императора французовъ, сколько общественное мнѣніе Европы.

Наступилъ 1867-й годъ. Европа стала успокоиваться послѣ пережитаго потрясенія. Австрія была довольна, что вышла изъ опасности, которою ей грозила коалиція чуть не всѣхъ великихъ державъ, съ утратою лишь одной Венеціанской области, потеря которой уже давно была для нея вопросомъ времени. Германскій народъ, въ Пруссіи, Саксоніи, герцогствахъ, курфиршествахъ и другихъ „33-хъ отечествахъ“ (drei und dreissig Vaterländer) сѣвера и центра, былъ пока доволенъ достигнутыми размѣрами объединенія. Южно-германскіе короли съ ихъ подданными, не

лишенными сепаратистскихъ тенденцій, были довольны сохраненіемъ своей независимости и по прежней привычкѣ обращали взгляды на сосѣдній Парижъ. Франція занялась всемірной выставкой, которую посѣтили всѣ государи. Между тѣмъ прошелъ слухъ, что прусское правительство заключаетъ съ Баваріей и другими южными государями конвенціи о взаимномъ пользованіи вооруженными силами въ случаѣ военныхъ дѣйствій, очевидно клонящіяся къ поглощенію этихъ государствъ въ военномъ отношеніи. Слухъ этотъ поразилъ оффиціальныя сферы Франціи. Былъ сдѣланъ словесный запросъ въ Берлинѣ чрезъ мѣстнаго посла. Князь Бисмаркъ развязно отвѣтилъ ему, что его начальство можетъ не безпокоиться, что возможность принятія со стороны Пруссіи мѣръ къ болѣе тѣсному сближенію съ южно-германскими государствами предусмотрѣна императоромъ французовъ, и что по взаимному ихъ соглашенію присоединеніе этихъ государствъ къ сѣверо - германскому союзу обусловлено правомъ Франціи занять Бельгію. Изумленіе парижскихъ сферъ могло только возрости: явное нарушеніе трактата 1866 года, ограничившаго вліяніе Пруссіи лишь сѣверо-германскими государствами; противорѣчіе съ постоянными утвержденіями императора относительно Бельгіи, а между тѣмъ категорическое заявленіе компетентнаго лица! Несмотря на всѣ старанія министра иностранныхъ дѣлъ, онъ не могъ получить отъ императора положительнаго разъясненія. Предполагая, что настоящій случай возникъ изъ какихъ-либо интимныхъ переговоровъ, которые еще нуждаются быть облеченными въ должную форму, что, быть можетъ, они находятся въ связи съ циркулировавшимъ слухомъ о проектѣ Пруссіи такъ или иначе присоединить къ себѣ Голландію, въ какомъ случаѣ Бельгія уже изъ-за одного чувства самохраненія сама присоединилась бы къ Франціи,—дѣловитый Друэнъ-де-Луи счелъ себя въ правѣ запросить князя Бисмарка, черезъ Бенедетти, какимъ путемъ могло бы, по его мнѣнію, осуществиться присоединеніе Бельгіи къ Франціи, причемъ просилъ его набросать, вмѣстѣ съ французскимъ посломъ, проектъ соглашенія по этому предмету. Бисмаркъ исполнилъ это желаніе министра, но такъ какъ присланный въ Парижъ проектъ не заключалъ въ себѣ ничего новаго противъ прежнихъ разговоровъ объ отсутствіи со стороны Пруссіи препятствій къ занятію Франціею Бельгіи, далеко недостаточномъ для осуществленія этого предположенія, уже отклоненнаго однажды императоромъ, то проектъ этотъ остался имъ неподписаннымъ, и дѣло не имѣло дальнѣйшаго хода. Само собою разумѣется, что со времени иници-

дента о военныхъ конвенціяхъ личныя отношенія императора французовъ къ прусскому канцлеру окончательно пошатнулись: Наполеонъ III убѣдился, что имѣетъ дѣло не съ вторымъ Кавуромъ, а съ лицомъ, не разбирающимъ средствъ въ достиженія цѣлей своего правительства. Отсюда было уже недалеко до враждебныхъ дѣйствій.

Настоящій инцидентъ интересенъ, впрочемъ, не столько самъ по себѣ, сколько по вліянію, какое имѣлъ несостоявшійся проектъ соглашенія о Бельгіи и южно-германскихъ государствахъ на послѣдующія событія. Дѣло въ томъ, что при свиданіи князя Бисмарка съ посломъ Бенедетти первый, изложивъ свои мысли по предположенію о признаніи Пруссіею права Франціи занять Бельгію въ вознагражденіе за согласіе ея на присоединеніе Пруссіею южно-германскихъ владѣній, просилъ Бенедетти изложить на письмѣ эти мысли, что̀ и было тогда же исполнено и составило черновикъ проекта соглашенія, который, по просьбѣ Бисмарка, былъ оставленъ у него, а переписанный набѣло экземпляръ отосланъ посломъ въ Парижъ.

Чрезъ нѣкоторое время, при свиданіи съ королемъ баварскимъ, князь Бисмаркъ сообщилъ ему о происходившихъ съ французскимъ посломъ переговорахъ относительно южно-германскихъ государствъ и Бельгіи, причемъ показалъ ему и проектъ соглашенія, написанный Бенедетти; конечно, инціативу предложенія какъ бы объ обмѣнѣ этихъ государствъ на Бельгію онъ приписалъ французскому правительству, а Пруссію выставилъ добродѣтельнымъ агнцемъ, отвергшимъ это предложеніе. Этотъ инцидентъ, въ освѣщеніи прусскаго канцлера, долженъ былъ показать южно-германскимъ государямъ всю тщету ихъ заигрываній съ Франціей, неискренность ея симпатій къ нимъ и безцѣльность поставляемыхъ ими препятствій къ объединенію съ остальной Германіей. Рѣчи канцлера не остались безплодными. Всѣ затрудненія, которыя Пруссія встрѣчала до того времени со стороны Баваріи, Вюртемберга и Бадена въ ея объединительныхъ мѣрахъ, сразу прекратились. Въ свою очередь Пруссія великодушно наградила эти государства отказомъ отъ опредѣленной пражскимъ договоромъ контрибуціи, и въ частности Баварію—отказомъ отъ уступки, согласно тому же договору, ея владѣній за р. Майномъ и зарейнскаго Пфальца,— само собою разумѣется, до тѣхъ поръ, пока провозглашеніе германской имперіи не лишило бы значенія существованіе внутри ея какихъ-либо границъ. Еще большій вредъ принесли Франціи переговоры съ прусскимъ правительствомъ о Бельгіи тѣмъ, что дали Пруссіи поводъ впослѣдствіи,

при возникновеніи войны съ Франціей, сообщить всѣмъ иностраннымъ державамъ о готовившемся, будто бы, со стороны Наполеона III покушеніи на независимость Бельгіи, что на первыхъ же порахъ возбудило въ нихъ непріязненное отношеніе къ императору французовъ и заставило потребовать отъ него строгаго соблюденія ея нейтралитета.

Въ числѣ лицъ, отозвавшихся въ эти годы на важные вопросы дня, занимавшіе правительство и общественное мнѣніе Франціи, встрѣчаемъ и Дюрюи. Относительно присоединенія Бельгіи онъ, не касаясь общихъ политическихъ причинъ, затруднявшихъ это присоединеніе, благородно высказывалъ императору, что хотя въ 1830 году бельгійцы сами просили о присоединеніи къ Франціи, но болѣе тридцати лѣтъ самостоятельнаго существованія и свободныя учрежденія сроднили ихъ съ независимостью. Хотя затѣмъ и есть въ Бельгіи партія, которая, изъ видовъ житейской карьеры и большихъ матеріальныхъ выгодъ, желаетъ присоединенія, однако большинство населенія не на ея сторонѣ. Поэтому въ данное время присоединеніе Бельгіи къ Франціи, по мнѣнію Дюрюи, противорѣчило бы великому принципу народной воли, введенному императоромъ въ международный строй. Къ этому онъ прибавилъ, что и насчетъ выгодности для Франціи владѣнія провинціями, составляющими нынѣ Бельгію, наиболѣе искусные руководители политики Франціи прежняго времени, кардиналы Ришельё и Мазарини, были различнаго мнѣнія: въ то время, какъ Мазарини находилъ полезнымъ для нея обладаніе богатыми городами и землями Фландріи, Ришельё почему-то отрицалъ его нецѣлесообразность.

Для насъ, русскихъ, интересенъ еще слѣдующій проектъ министра-историка. Послѣ того, какъ заключеніемъ военныхъ конвенцій съ южно-германскими государствами были нарушены Пруссіею въ отношеніи Франціи если не буква, то смыслъ пражскаго мирнаго договора и стали очевидными неизбѣжность войны между ними и необходимость для Франціи подкрѣпить себя союзами, явились предположенія о различныхъ политическихъ комбинаціяхъ. Дюрюи,—припоминая, какъ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка Австрія, воевавшая въ то время съ Пруссіей, поддерживаемой Англіей, по указанію канцлера Кауница заключила союзъ съ недавнимъ врагомъ своимъ, Франціей, и съ Россіей, —совѣтовалъ Наполеону III заблаговременно оградить себя заключеніемъ такого же союза съ Австріей и Россіей, присоединивъ къ нему также Италію и Данію, еще не окончившую тогда счеты съ Пруссіей по сѣверному Шлезвигу. Въ несомнѣнномъ для него

случаѣ побѣды союзниковъ, Австрія могла бы быть вознаграждена возвращеніемъ ей Силезіи, а Россія—присоединеніемъ Познани къ ея царству польскому; вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣстился бы болѣе къ западу и центръ тяжести Германіи, къ бо̀льшей пользѣ для Франціи. Проектъ Дюрюи грѣшилъ однимъ недостаткомъ: онъ столько же являлся запоздалымъ, сколько и преждевременнымъ. Съ одной стороны Австрія, только-что благополучно вышедшая изъ серьезной войны и приступившая къ внутреннему обновленію, не имѣла основанія пускаться въ военныя приключенія изъ-за давно забытой Силезіи. Отношенія между Франціей и Россіей были далеки отъ „прекрасныхъ дней Аранжуэца“ франко-русской дружбы конца пятидесятыхъ годовъ, да и для общественнаго мнѣнія обѣихъ нашихъ народностей присоединеніе Познани звучало бы тогда горькой ироніей. Не говоримъ уже о второстепенныхъ союзникахъ: болѣе сильный изъ нихъ, Италія, только-что подверглась разгрому, хотя и достигла объединенія, была также поглощена тяжкимъ дѣломъ внутренняго устройства, —словомъ, въ политическомъ отношеніи составляла еще пока незначащую величину—une quantité négligeable.—Преувеличивая, быть можетъ, слабость Австріи, какъ нѣкогда онъ преувеличивалъ ея силу, Наполеонъ III выразился въ это время о главномъ, предлагаемомъ ему союзникѣ: „on ne s'allie pas à un cadavre“—съ трупомъ не соединяются. Съ другой стороны, молодые народы Европы, не окончивъ блужданій по чуждымъ для нихъ лагерямъ, не достигли еще въ то время болѣе яснаго пониманія своихъ политическихъ интересовъ и симпатій, къ которому они теперь приближаются.

Кстати упомянуть о письмѣ Дюрюи къ императору, относящемся къ тому времени, когда послѣдній, повидимому, находился въ нравственно-угнетенномъ состояніи, будучи вызванъ Англіею на болѣе энергическій шагъ въ польскомъ дѣлѣ и оставленъ ею на полпути, а также не былъ поддержанъ ею въ предположеніи о созывѣ конгресса. Въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ утѣшалъ государя указаніемъ на исторію, которая помянетъ добромъ его заботы объ обездоленныхъ народахъ, и увѣреніемъ, что съ политическимъ развитіемъ обществъ идея мирнаго, объективнаго и доброжелательнаго рѣшенія международныхъ споровъ не заглохнетъ и возьметъ верхъ надъ грубыми инстинктами силы.

Въ постоянномъ, серьезномъ и разнообразномъ трудѣ проходили годы службы Дюрюи на министерскомъ посту. Самый характеръ личнаго правленія императора, разрѣшавшаго большую часть дѣлъ по отдѣльнымъ докладамъ министровъ, безъ внесенія

ихъ на общее обсужденіе, какъ нельзя болѣе подходилъ къ наклонностямъ труженика, не пріученнаго жизнью блестѣть въ собраніяхъ, держалъ его въ сторонѣ отъ главныхъ воротилъ и продолжалъ оставлять въ немъ наилучшее впечатлѣніе о государѣ. Свое личное положеніе онъ считалъ обезпеченнымъ. Между тѣмъ приближалось время, когда императоръ принялъ рѣшеніе приступить къ освободительнымъ реформамъ, къ которымъ давно побуждали его лучшіе сотрудники, не заботясь о томъ, что ихъ осуществленіе отодвинетъ дѣятелей перваго часа. Въ іюлѣ 1869 года послѣдовало посланіе императора сенату, которымъ онъ возвѣщалъ о предстоящемъ расширеніи правъ законодательнаго корпуса. Одновременно были уволены отъ должности три главнѣйшихъ министра; Руэръ, Барошъ, Вьютри. Черезъ нѣсколько дней Дюрюи получилъ отъ императора слѣдующее письмо:

„Дорогой г. Дюрюи! Одна изъ печальныхъ сторонъ нынѣшняго положенія вещей та, что я принужденъ разстаться съ министромъ, который пользовался моимъ довѣріемъ и оказалъ великія услуги народному просвѣщенію. Если политика не знаетъ жалости (n'a pas d'entrailles), то государь ее знаетъ и выражаетъ вамъ свое крайнее сожалѣніе. Надѣюсь видѣться съ вами на дняхъ и узнать, что я могъ бы сдѣлать, чтобы выразить вамъ мою искреннюю признательность.—Наполеонъ".

Карьера Дюрюи была этимъ окончена. Званіе сенатора, высшая степень ордена почетнаго легіона и разрѣшеніе продолжительнаго отпуска послужили ему наградой за службу. Отпускомъ онъ воспользовался для путешествія по Италіи, Греціи и Балканскому полуострову. Въ бытность въ Константинополѣ онъ посѣтилъ лицей въ Галата-Сераѣ и любовался играми его воспитанниковъ разныхъ національностей, въ свободные часы. Тамъ же онъ долженъ былъ видѣть слѣды установившагося послѣ восточной войны порядка вещей, когда французскіе дипломатическіе агенты трудились, совмѣстно съ русскими, надъ возрожденіемъ народовъ полуострова, по слову императора французовъ, что онъ оберегъ Турцію не для того, чтобы она угнетала христіанскія народности. На балу у французскаго посла онъ былъ очарованъ супругой тогдашняго нашего посла, Н. П. Игнатьева, и польщенъ тѣмъ, что, по ея словамъ, дѣти ея изучали исторію по его руководствамъ. По возвращеніи въ Парижъ, онъ засталъ другихъ людей и другіе порядки.

Политическія событія шли тѣмъ временемъ во Франціи быстрымъ ходомъ. Въ концѣ 1869 года послѣдовало письмо императора къ извѣстному депутату оппозиціи, Эмилю Олливье, приглашавшее

его на постъ перваго министра, съ предоставленіемъ ему самому избрать прочихъ министровъ. Этимъ косвенно признавалась солидарность членовъ кабинета. Затѣмъ была обнародована новая конституція имперіи, которою отмѣнялась учредительная власть сената и окончательно устанавливалась отвѣтственность министровъ передъ палатами. Наполеонъ III и его преемники становились уже ограниченными монархами. Вторичнымъ плебисцитомъ 19 мая 1870 года эта конституція была утверждена подавляющимъ большинствомъ голосовъ всей Франціи. Императоръ видимо спѣшилъ исполненіемъ давняго намѣренія, предъ наступленіемъ грозы, вызванной нежданнымъ усиленіемъ могущества Пруссіи, не прощавшей Франціи ея вмѣшательства въ защиту побѣжденнаго и нарушившей въ свою очередь мирный договоръ. Франціи предстояло такимъ образомъ одновременное разрѣшеніе двухъ задачъ громадной важности—внутренняго обновленія и внѣшняго проявленія своего достоинства великой державы, наступленія или защиты, превысившее силы ея правительства и народа. Трагизмъ положенія Наполеона III-го заключался въ томъ, что, желая самъ и ища, на случай военныхъ событій, опоры въ сознательномъ сочувствіи и содѣйствіи всѣхъ слоевъ населенія, онъ долженъ былъ надѣлить страну болѣе свободными учрежденіями, между тѣмъ не имѣлъ вокругъ трона сочувственной ему сильной и просвѣщенной группы лицъ, которымъ выпало бы приводить въ дѣйствіе новый правительственный механизмъ, а принужденъ былъ обратиться за этимъ къ представителямъ прежнихъ историческихъ партій, къ тому же генеральному штабу бурбоно-орлеанской монархіи и республики, хотя не имѣвшему арміи, но крѣпкому посторонними симпатіями. Наполеонъ III выразился въ эти дни, что онъ принимаетъ каждаго человѣка, всякую идею, оставляя за собой лишь борьбу съ революціей, но этотъ призывъ не былъ теперь услышанъ интеллигенціей страны,—несмотря на утрату вѣры въ давнихъ боговъ, не довѣрявшей и лицу, нарушившему однажды слово и замедлившему введеніемъ реформъ. Если же онъ нашелъ себѣ гдѣ-либо откликъ, то среди лицъ, которыя не могли быть убѣжденными помощниками императорскаго правительства. За императора стояли крестьянинъ, рабочій, ремесленникъ, торговецъ, небольшой поземельный или городской собственникъ, поджидавшіе результата доброжелательныхъ мѣръ о нихъ наслѣдника имени Наполеона. Надъ ними стояла бюрократія, свыкшаяся съ имперіей, многочисленная, не лишенная образованія, но недостаточно обезпеченная и самостоятельная, и не успѣвшая выдѣлить изъ своей среды новаго поколѣнія послѣ-

дователей Наполеоновской идеи. Отсюда произошло то явленіе, что когда, въ виду подстерегавшаго Францію врага, оппозиція съ неудержимой страстностью бичевала внѣшнюю и внутреннюю политику правительства, восхваляя тѣ же вѣнскіе трактаты, оберегавшіе, будто бы, Францію отъ вторженія врага, противъ которыхъ она сама въ былое время ратовала, а также заподозривала правительство въ своекорыстныхъ цѣляхъ при требованіи увеличенія арміи, то встрѣчала со стороны министровъ лишь слабый отпоръ ея требованіямъ ограниченія необходимыхъ контингентовъ и кредитовъ. Не говоримъ уже объ эпигонахъ февральской революціи, взывавшихъ къ странѣ о разоруженіи, завѣряя, что нѣмецкій рабочій никогда не пойдетъ противъ французскаго.

При такихъ условіяхъ внутренняго положенія страны предстояло Наполеону III-му выйти на поединокъ—продолженіе вѣковой распри романо-германскаго міра, начала которой относится къ временамъ побѣдъ легендарнаго Арминія и юнаго императора Граціана. Къ тому времени онъ перешелъ уже шестидесятилѣтній возрастъ. Двадцать лѣтъ личнаго управленія отозвались на его некрѣпкомъ организмѣ. Говоря современнымъ языкомъ, онъ переутомился. Осторожность, предписывавшая сотрудникамъ „класть сутки между рѣшеніемъ и исполненіемъ“, перешла у него въ нерѣшительность. Кромѣ того, хроническій недугъ подтачивалъ его силы, въ моменты пароксизмовъ лишалъ его сознанія и требовалъ операціи, исходъ которой не могъ быть извѣстенъ, а впослѣдствіи, когда спустя два года она была произведена, оказался для него гибельнымъ. Между тѣмъ юный возрастъ наслѣдника-сына, едва достигшаго 14-ти лѣтъ, побуждалъ его спѣшить рѣшеніемъ задачи, возлагать которую на отрока и опекуншу-мать было бы преступно. Среди семьи и близкихъ императоръ, къ сожалѣнію, также не находилъ должной помощи: его супруга, добросовѣстная помощница въ обыденныхъ дѣлахъ, была слишкомъ впечатлительна, страстна и податлива на постороннія вліянія, чтобы прислушиваться къ ея голосу въ минуты государственной опасности. Двоюродный братъ—принцъ Наполеонъ, крайнимъ образомъ мыслей, высказываемымъ притомъ съ особенной шумихой, только вредилъ ему въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами. Сестра послѣдняго, принцесса Матильда, могла доставлять императору отдыхъ и развлеченіе послѣ трудовъ, въ литературныхъ и философскихъ бесѣдахъ, но не серьезный совѣтъ въ вопросахъ политики. Не было подъ рукой и талантливаго товарища, почти родного, герцога Морни, беззавѣтная смѣлость котораго, когда-то нравственно гибельная для

Наполеона III-го, впослѣдствіи была ему драгоцѣнна при исполненіи задуманныхъ имъ благородныхъ задачъ правленія. Недоставало ему и родственныхъ связей съ другими дворами, продолжавшихъ и въ XIX вѣкѣ сохранять важное значеніе, если не въ обыденные, то въ рѣшительные дни государственной жизни. Бракъ принца Наполеона съ сестрой короля Италіи, принцессой Клотильдой, давалъ опору для Италіи во Франціи и ея правителѣ, но пока еще не наоборотъ. Родственная связь съ русскимъ императорскимъ домомъ по браку умершаго уже въ то время двоюроднаго брата императора французовъ, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, сына принца Евгенія Богарнэ и принцессы Баварской, съ сестрою императора Александра II, Маріей, была слишкомъ слаба, чтобы парализовать наши германскія связи, и притомъ потеряла всякое значеніе послѣ неудачи кандидатуры молодого герцога Николая Лейхтенбергскаго на греческій престолъ, отвергнутой Англіею. Чтобы встрѣтить врага, Наполеонъ III оставался одинъ съ преданной ему арміей; но и здѣсь военачальники изъ числа героевъ Крыма и Италіи уже поотвыкли въ годы мира отъ военной практики и науки, а болѣе молодые были нерѣдко обязаны своимъ повышеніемъ не столько личнымъ качествамъ и познаніямъ, сколько успѣхамъ въ тюльерійскихъ салонахъ. Что касается военной администраціи и интендантства, то можно думать, что по свойственному французскимъ военнымъ сферамъ нерасположенію къ занятію докучливыми мелочами дѣла, состояніе ихъ было такое же, какимъ оно было и передъ итальянской кампаніей 1859 года. Въ то время самъ императоръ писалъ о немъ военному министру слѣдующее: „Меня приводитъ въ отчаяніе, что мы всегда имѣемъ передъ другими арміями видъ дѣтей, никогда не бывавшихъ на войнѣ. Ни на какой предметъ не существуетъ точныхъ правилъ. Одни требуютъ нужнаго имъ вдвойнѣ, другія отпускаютъ половину того, что̀ необходимо. Я томлюсь по осадномъ паркѣ и нарѣзнымъ орудіямъ. Если бы ихъ имѣлъ, то не былъ бы вынужденъ измѣнять весь планъ кампаніи“. Понятно, что такая неудовлетворительность подготовки къ войнѣ, въ сравненіи съ превосходствомъ въ этомъ отношеніи непріятеля, вмѣстѣ съ общими, предшествовавшими ей, неблагопріятными условіями, сами по себѣ должны были послужить залогомъ тяжелаго пораженія французовъ, котораго не могли потомъ исправить ни безнадежная защита Парижа, ни судорожные порывы безоружнаго почти населенія, при правительствѣ національной обороны.

Послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія Франціи,

была, какъ извѣстно, допущенная прусскимъ королемъ кандидатура принца Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ, которая, въ случаѣ успѣха, ставила бы въ тылу Франціи новаго врага. По настоянію французскаго посла, король взялъ назадъ свое разрѣшеніе, но не далъ ручательства въ томъ, что случай впередъ не повторится, и при этомъ оскорбилъ посла, показавъ ему двери,— такъ по крайней мѣрѣ гласилъ текстъ опубликованной телеграммы короля къ канцлеру. Это и послужило поводомъ для справедливо оскорбленной Франціи объявить Пруссіи войну, по единогласному рѣшенію законодательнаго корпуса и правительства, одобренному общественнымъ мнѣніемъ. Этой телеграммѣ придавалось особое значеніе, какъ искусному маневру вызвать противника на бой, самимъ княземъ Бисмаркомъ, цинично хвалившимся сдѣланной въ ней фальсификаціей, придавшей ей оскорбительный смыслъ. Намъ кажется, что гораздо болѣе значенія, въ смыслѣ вреда для Франціи, имѣло оглашеніе прусскимъ правительствомъ, тотчасъ по начатіи войны, пресловутаго проекта соглашенія съ ней о присоединеніи Бельгіи. При крайне натянутыхъ взаимныхъ отношеніяхъ, Франція могла объявить Пруссіи войну раньше или позже, могла объявить ей войну и Пруссія: одно объявленіе войны не составило бы предосудительнаго дѣйствія, но оно непремѣнно расположило бы противъ Франціи постороннія государства. Несправедливо было огласить о предполагавшемся, будто бы, со стороны противника покушеніи на самостоятельность небольшого государства, самостоятельное существованіе котораго было признано всѣми великими державами необходимымъ въ ихъ собственномъ интересѣ и поставлено подъ ихъ особую охрану, и вызвать съ ихъ стороны напоминовеніе противнику о безусловномъ наблюденіи нейтралитета даннаго государства; а это было равносильно возбужденію въ нихъ ненависти къ Франціи, какъ закоренѣлому нарушителю общаго мира, и некорректному способу обращенія шансовъ войны въ пользу Пруссіи. И дѣйствительно, при всѣхъ подавляющихъ заботахъ объ исполненіи плана военныхъ дѣйствій, французскій полководецъ долженъ былъ постоянно помнить о ненарушимости границъ Бельгіи. Упомянутое предостереженіе, не освободивъ Францію отъ обязанности безплодно держать на бельгійской границѣ часть военныхъ силъ на случай возможнаго нарушенія Пруссіей съ своей стороны неприкосновенности предѣловъ Бельгіи и вторженія отсюда,—сразу, само по себѣ, помимо первыхъ неудачъ, придало франко-германской войнѣ характеръ оборонительный, несвойственный темпераменту французскихъ войскъ, подобно тому, какъ инымъ націямъ несвой-

ственны войны наступательныя. Надо помнить, что восточная граница Франціи, въ большей ея части, соприкасается съ землями южной Германіи, открывающими путь въ Австрію, а не въ Пруссію, и отдѣленными въ свою очередь отъ сѣверной Германіи—отъ владѣній Пруссіи—сильными предгорьями линіи рѣки Майна. Для наступленія въ сторону Пруссіи, въ виду установленной въ 1814 году границы и за выдѣленіемъ Бельгіи, оставался лишь небольшой восточный клинъ Франціи, примыкающій къ Палатинату и къ части Рейнской провинціи съ ихъ крѣпостями. Сюда были сосредоточены всѣ силы Пруссіи и ея германскихъ союзниковъ. Къ этому же пограничному углу направлены были и французскіе корпуса, характеръ дѣйствій которыхъ по необходимости не былъ заранѣе точно опредѣленъ: лишь въ части наступательный, онъ долженъ былъ зависѣть отъ послѣдующихъ событій; а такъ какъ первыя наступательныя попытки не удались, то скоро онъ обратился въ оборону и, при безцѣльности оставаться въ небольшой, крайне пересѣченной мѣстности, наполнявшейся притомъ войсками противника, перешелъ въ общее отступленіе. Но устранимъ предположеніе о нарушеніи Франціею неприкосновенности нейтральной границы въ началѣ войны, хотя бы частичномъ, хотя бы въ отношеніи одного Люксембурга, неизвѣстно противъ кого присоединеннаго лондонской конференціей къ нейтралитету Бельгіи. Перейдемъ къ тому времени, когда послѣ кровопролитныхъ тактическихъ успѣховъ, бывшихъ въ то же время стратегическими неудачами, соединенной шалонской арміи предстояло, съ императоромъ въ обозѣ, или поворно возвратиться въ столицу, оставивъ безъ защиты поля восточной Франціи, или безцѣльно блуждать въ ея предѣлахъ. Можно быть увѣреннымъ, что въ этотъ печальный періодъ войны, если бы армія имѣла возможность проникнуть въ Бельгію при снисходительномъ отношеніи державъ, не имѣвшихъ тогда основанія бояться традиціоннаго наступленія и побѣдъ Франціи, которыхъ они опасались въ началѣ войны, то исходъ войны могъ бы быть иной. Талантливые полководцы временъ Людовика XIV и директоріи, дѣйствуя въ этой же мѣстности, пропускали иногда за собой непріятеля, чтобы потомъ, оборотясь, сдавить его при содѣйствіи, въ его тылу, подоспѣвшихъ изъ отечества силъ. Такихъ силъ, въ данномъ случаѣ, подъ Мецемъ было достаточно. Но категорическое заявленіе державъ о неприкосновенности Бельгіи, сдѣланное на первыхъ порахъ, затруднило ихъ уравновѣсить этой уступкой не въ мѣру доброжелательный къ Германіи ихъ нейтралитетъ, дозволившій ей устремить на Францію всѣ

свои силы, безъ остатка. Императоръ видимо надѣялся на такое разрѣшеніе, иначе не было надобности придвигать армію къ границѣ нейтральной Бельгіи. Сами бельгійцы, въ которыхъ заговорила родственная кровь, были не прочь помочь своему старшему брату въ бѣдѣ. Но разрѣшеніе не приходило. Послѣ того французской арміи остался одинъ выходъ—плѣнъ Седана. Думается, что въ часы невольнаго отдыха плѣнникъ въ Вильгельмсгöге, перебирая мысленно причины военныхъ неудачъ, не только останавливался на своемъ неосуществившемся предположеніи поставить Бельгію въ такія условія, при которыхъ она не могла бы, противъ своей воли, вредно вліять на судьбы Франціи, но и припоминалъ совѣтъ министра-историка возстановить восточную границу Франціи до предѣловъ 1795 года съ ихъ крѣпостями и Палатинатомъ. Смотря на дѣло съ слишкомъ большой высоты, мечтая о границѣ Рейна, онъ въ свое время пренебрегъ этой болѣе скромной границей, на которой, быть можетъ, съ нимъ сторговался бы практикъ-канцлеръ. А между тѣмъ она значительно расширяла пограничную полосу, изъ которой можно было для Франціи произвести въ началѣ войны желанное наступленіе.

Великія событія, отражаясь на малыхъ людяхъ, коснулись и бывшаго министра просвѣщенія. Съ паденіемъ имперіи закрылся и сенатъ, въ которомъ Дюрюи ожидалъ найти заслуженный почетъ и обезпеченіе въ старости. Пришлось возвратиться къ ученымъ трудамъ, прерваннымъ годами министерскихъ занятій. Какъ истый парижанинъ, Дюрюи остался въ столицѣ и во время ея осады. Оба сына его находились въ арміи, и одинъ изъ нихъ даже въ плѣну. Самъ онъ, благодаря крѣпкому здоровью, принялъ званіе капитана національной гвардіи и по временамъ навѣщалъ ближайшій къ его мѣсту жительства фортъ. Подъ конецъ осады случалось ѣсть и конину; свѣжій хлѣбъ получался имъ ежедневно только благодаря признательности сосѣдняго булочника, помнившаго въ немъ устроителя вечернихъ курсовъ. Послѣ того, какъ прошли тяжелые дни осады и мятежа, для Дюрюи начались тихіе и однообразные годы лица, отодвинутаго судьбой отъ русла дѣятельной жизни. Вѣрные греки и римляне, исторію которыхъ онъ дополнялъ и переиздавалъ, слѣдя за любимой наукой, продолжали доставлять ему средства къ жизни. Утѣшеніемъ ему въ эти годы служило общество старшаго сына, Жоржа Дюрюи, также серьезнаго историка и публициста, и его товарища, извѣстнаго слависта Лависса, и уваженіе, которымъ онъ пользовался въ широкихъ кругахъ не только прежнихъ, но и новыхъ дѣятелей. Къ этому же времени относится избраніе его въ члены

Французской академіи. Кандидатура въ академики была ему предложена еще въ бытность его министромъ, но тогда онъ деликатно отъ нея отказался,—теперь же выборъ имѣлъ для него двойную цѣну. Во вступительной рѣчи, посвященной характеристикѣ его предшественника, историка Миньé, онъ нашелъ случай сказать нѣсколько теплыхъ словъ по адресу другого академика, ученика его молодыхъ лѣтъ, герцога Омальскаго, также испытавшаго превратности судьбы, но особенно—о незабвенномъ для него, злополучномъ императорѣ, никогда—по его словамъ—не требовавшемъ отъ него ничего иного, кромѣ беззавѣтнаго служенія благу отечества. Въ эти годы случалось Дюрюи бывать и въ Англіи, для посѣщенія императорской семьи въ дни ея скорбныхъ воспоминаній. Свиданія съ императрицей глубоко его трогали. Не обходилось и безъ того, что, зная объ общемъ къ нему уваженіи, обращались къ его помощи на случай, если бы обстоятельства сложились благопріятно для императорскаго принца, но правдивый старикъ всегда давалъ одинъ отвѣтъ: — „Къ сожалѣнію, изъ Седана не возвращаются“—on ne revient pas de Sedan.

Дюрюи скончался въ ноябрѣ 1894 года, на 83-мъ году жизни. Послѣдніе годы онъ посвятилъ обработкѣ своихъ воспоминаній, начатыхъ еще задолго и писанныхъ исподволь. Примирительнымъ настроеніемъ дышатъ эти мемуары, заслуживающіе вниманія всякаго мыслителя и общественнаго дѣятеля. Вопреки утвердившемуся мнѣнію о печальной участи Франціи въ XIX вѣкѣ, перемѣнившей столько правительствъ, Дюрюи, взирая съ безмятежной высоты, какъ бы благодаритъ судьбу за то, что послѣ Наполеона I, отъ котораго едва ли бы отказалась какая страна, она дала Франціи возстановителемъ законной монархіи Людовика XVIII-го, „наиболѣе благоразумнаго изо всѣхъ эмигрантовъ“, распускавшаго палаты, когда онѣ заявляли себя слишкомъ реакціоннымъ направленіемъ, — затѣмъ, короля Луи-Филиппа, хозяина, оберегавшаго Францію извнѣ и устроившаго внутри свободный и просвѣщенный бытъ для ея буржуазіи,—и, наконецъ, Наполеона III, покровителя ея „малыхъ сихъ“, униженныхъ и оскорбленныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возвратившаго ей міровое значеніе, которое можетъ временно меркнуть, но никогда не погаснетъ,—словомъ, рядъ достойныхъ правителей, соотвѣтствовавшихъ—каждый своему времени. Онъ жалѣетъ только, что эти правители присвоивали себѣ вѣчность, тогда какъ не имѣли даже обычнаго права римскихъ государей указывать изъ своей семьи

достойнаго и подготовленнаго преемника, что фактически создавало цѣлыя династіи мудрыхъ цезарей, и когда они были лишь ступенями (étapes) на пути выработки соотвѣтственныхъ народному строю учрежденій. Онъ мирится съ республикой, но желаетъ ей большей устойчивости и, въ этихъ видахъ, усиленія власти президента, а также установленія отвѣтственности министровъ предъ президентомъ, а не палатами, подобно императорскому строю. „Мы устроили государство, — говоритъ Дюрюи, — на подобіе опрокинутой пирамиды: голова несетъ на себѣ все, тогда какъ необходимо, чтобы тѣло поддерживало голову, чтобы въ основѣ зданія стояли наши общины, департаменты и провинціи, обладая самостоятельными учрежденіями. Послѣ мрачной неудачи у насъ, — продолжаетъ онъ, — самой блестящей изъ монархическихъ реставрацій, никакая другая уже не удастся, и хотя я не безусловный приверженецъ всеобщей подачи голосовъ, но думаю, что республика, родившаяся случайно, продержится. Это напитокъ иногда горькій, но народъ, испытавшій отъ него опьяненіе, уже не захочетъ другого напитка“...

Къ послѣднему приходится сдѣлать прибавку: если одни учрежденія не могутъ быть вѣчны, то и другія подчинены тому же закону, по крайней мѣрѣ форма ихъ проявленія подлежитъ измѣненію въ уровень роста потребностей, политическихъ воззрѣній и идеаловъ каждаго народа. Кромѣ того, Дюрюи забываетъ здѣсь о великой роли личности въ исторіи, такъ рельефно выясненной его современникомъ, англійскимъ историкомъ Карлейлемъ. Она особенно благотворна въ переходныя эпохи, когда отжившій строй смѣняется новымъ. Въ эти моменты свѣтлыя личности, соединяющія въ себѣ прекрасныя стороны своего народа, если не всего современнаго имъ человѣчества, какъ бы пророчески предвидя будущее, содѣйствуютъ созиданію такихъ порядковъ, которые потомъ вызываютъ признательность поколѣній. Возвращаясь къ Наполеону III-му, нельзя, конечно, причислить его къ такимъ свѣточамъ, ни по его дарованіямъ, ни по нравственной основѣ, расшатанной съ первыхъ лѣтъ дѣтства. Счастливый соперникъ назвалъ его „непризнанной бездарностью“. Но эта „бездарность“ во многомъ дополнила дѣло геніальнаго Наполеона I-го. Она внесла въ политическій обиходъ Франціи, а съ нею и Европы, новую идею національности и необходимости, притомъ, согласія самихъ народовъ на распоряженіе ихъ участью. Правда, примѣняя эту идею къ жизни, Наполеонъ III-й палъ; но доколѣ человѣчество будетъ жить вѣками, а не днями, доколѣ осуществленіе всякой идеи будетъ требовать жертвы не одной лич-

ности, иногда ряда поколѣній,—печальный конецъ не долженъ быть поставляемъ ему въ вину. Внутри страны, насколько онъ самъ понималъ и насколько дозволяли ему современные способы, онъ добросовѣстно заботился о просвѣщеніи народа и поднятіи его матеріальнаго благосостоянія. Пусть же за одно это будетъ ему „легка земля“ въ чужой странѣ, но среди народа, который, несмотря на узкій подчасъ эгоизмъ, даетъ пріютъ всякому человѣческому горю и умѣетъ соединить у себя порядокъ и свободу— этотъ девизъ послѣдняго цезаря во Франціи и его разумнаго сотрудника.

С. Раевскій.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

въ

ГЕРМАНІИ

I.

Правовыя нормы городского самоуправленія Германіи весьма разнообразны. Отдѣльныя государства, входящія въ составъ этой новѣйшей имперіи, имѣютъ каждое свое городское, муниципальное законодательство или положеніе; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сверхъ того, существуютъ еще особые законы для отдѣльныхъ частей страны. Такъ, въ Баваріи, провинціи, расположенныя съ правой стороны Рейна, имѣютъ муниципальную организацію, отличную отъ муниципальной организаціи провинцій лѣвой стороны Рейна. Въ Пруссіи дѣйствуютъ слѣдующіе муниципальные законы:

1) въ шести восточныхъ провинціяхъ королевства—законъ 30-го мая 1853 г., съ его дополненіями и измѣненіями;

2) въ Вестфаліи и Рейнской провинціи—законы 19-го марта и 15-го мая 1856 г.;

3) во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—законъ 25-го марта 1867 г., и т. д.

Муниципальное законодательство южной Германіи находилось долгое время подъ вліяніемъ Наполеоновскаго режима и только къ концу девятнадцатаго вѣка усвоило духъ и принципы знаменитаго прусскаго законодателя, барона Штейна. Пруссія съ самаго начала девятнадцатаго вѣка осталась ему вѣрна. Установленный Штейномъ „Порядокъ управленія всѣхъ городовъ прусской монархіи“, опубликованный 19-го ноября 1808 года,

до сихъ поръ служитъ основаніемъ прусскаго муниципальнаго законодательства. Только въ нѣкоторыхъ частяхъ этотъ законъ подвергся измѣненіямъ и дополненіямъ. Главныя законодательныя основанія прусскаго городского самоуправленія устояли въ теченіе цѣлаго столѣтія, отличавшагося во всѣхъ почти другихъ отношеніяхъ такими радикальными перемѣнами. Несмотря на свой библейскій возрастъ, дѣтище барона Штейна сохранило въ себѣ много жизненной энергіи и способно еще долго просуществовать.

Причина такой необычайной для нашего времени долговѣчности лежитъ въ широтѣ принциповъ, положенныхъ въ основаніе законодательства Штейна. Городской статутъ Штейна проникнутъ вѣрой въ благодѣтельное вліяніе общественной самодѣятельности и довѣріемъ къ благоразумію гражданъ. Въ рескриптѣ Фридриха-Вильгельма, сопровождавшемъ законъ 19-го ноября 1808 г., указывается на обнаружившуюся „настоятельную потребность въ дѣятельномъ участіи гражданъ въ общественномъ управленіи" и на „необходимость дать городамъ болѣе самостоятельную и лучшую организацію, образовать въ гражданскомъ обществѣ посредствомъ закона прочный объединительный центръ, доставить имъ дѣятельное вліяніе на общественное управленіе и возбуждать и поддерживать посредствомъ этого участія общественныя чувства". [1]). Съ этой цѣлью законъ даетъ городскому самоуправленію самыя широкія полномочія. Параграфъ 108-й этого закона гласитъ:

„Городскіе представители получаютъ, благодаря своему избранію, безграничное полномочіе представлять городское общество во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ города и завѣдывать всѣми дѣлами общества" [2]).

Для того, чтобы городскіе представители вполнѣ поняли всю широту ихъ полномочій и всю независимость ихъ положенія, въ статутѣ указано (§ 110, абзацъ 2):

„Законъ и ихъ избраніе суть ихъ полномочіе; ихъ убѣжденія и ихъ взгляды относительно блага города—ихъ инструкція; ихъ совѣсть — та власть, которой они обязаны отчетомъ. Они въ полномъ смыслѣ слова—представители всѣхъ гражданъ".

Въ томъ же духѣ формулированы прочія постановленія закона 1808 г. Число городскихъ избирателей было довольно значительно. За немногими исключеніями, всѣ граждане, обладавшіе

---

[1]) Sammlung der für die Kngl. Preussischen Staaten erschienenen Gesetze und Verordnungen von 1806 bis zum 27-ten Oktober 1810, p. 324.

[2]) Ib., p. 338.

доходомъ не менѣе 200 талеровъ—около 250 рублей—въ годъ (въ менѣе крупныхъ городахъ—150 талеровъ) пользовались равнымъ правомъ голоса при выборѣ городскихъ представителей. Голосованіе было закрытое, посредствомъ записокъ. Участіе въ выборахъ было обязательно для гражданъ. Каждый избиратель могъ быть избраннымъ въ городскіе представители, съ тѣмъ, однакожъ, ограниченіемъ, что въ каждомъ округѣ не менѣе двухъ третей избранныхъ должны были принадлежать средѣ домовладѣльцевъ. Городскіе представители не получали никакого вознагражденія за свою службу. Законъ прямо указываетъ на то, что принятіе вознагражденія за общественную службу означало бы недостатокъ общественнаго чувства. Число городскихъ представителей колебалось, въ зависимости отъ величины города, отъ 24 до 102. Они выбирались на три года и обновлялись, по жребію, по третямъ.

Собраніе городскихъ представителей обсуждало всѣ городскія дѣла, принимало рѣшенія, обязательныя для гражданъ, и наблюдало за правильнымъ исполненіемъ этихъ рѣшеній и вообще за правильнымъ веденіемъ городскихъ дѣлъ. Исполненіе рѣшеній собранія городскихъ представителей и вообще само веденіе городскихъ дѣлъ предоставлены были особому органу—магистрату, члены котораго избирались собраніемъ городскихъ представителей. Для покрытія расходовъ по городскому самоуправленію послѣдніе назначали налоги и распредѣляли ихъ между гражданами. Законъ говоритъ:

„Они (городскіе представители) имѣютъ право и обязанность распредѣлять между гражданами денежныя средства и повинности, необходимыя для удовлетворенія потребностей города“ (§ 109).

Никакихъ ограниченій въ этомъ отношеніи первоначальный статутъ не содержитъ. Государственной власти статутъ въ этомъ отношеніи и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оставилъ только очень ограниченное право вмѣшательства; ей оставленъ лишь высшій надзоръ, формулированный такимъ образомъ (§ 2):

„Этотъ высшій надзоръ государственной власти выражается въ томъ, что она просматриваетъ печатныя извлеченія изъ отчетовъ и тѣ счета городовъ касательно управленія общественнымъ имуществомъ, которые подлежатъ опубликованію; разрѣшаетъ жалобы на городское управленіе отдѣльныхъ гражданъ или цѣлыхъ группъ, утверждаетъ новые статуты и выборы членовъ магистрата“.

Таковы главныя постановленія городского статута барона

Штейна. Изъ нихъ видно, что Штейнъ, въ началѣ XIX-го вѣка, предоставилъ городскому самоуправленію Пруссіи, въ которой въ то время господствовалъ абсолютный монархическій образъ правленія, такія широкія права, какія и въ наше время и даже въ демократическихъ государствахъ не вездѣ предоставлены городамъ. И въ Пруссіи эти широкія права были ограничены съ теченіемъ времени. Кругъ вѣдомства городского самоуправленія съуженъ, вліяніе городскихъ представителей на исполнительные органы городского самоуправленія ослаблено, зависимость этихъ самыхъ органовъ отъ государственной власти усилена. Самое основаніе городского самоуправленія передвинуто и радикально измѣнено введеніемъ классовой системы избранія городскихъ представителей. Послѣдняя перемѣна имѣла, можетъ быть, наибольшее вліяніе на судьбы городского самоуправленія. Ограничивъ вліяніе менѣе обезпеченныхъ классовъ населенія, тѣхъ классовъ, которые наиболѣе заинтересованы въ прогрессивныхъ реформахъ, наиболѣе энергично къ нимъ стремятся и въ то же время наиболѣе сильны числомъ, классовая избирательная система стѣснила притокъ живой двигательной силы, общественной дѣятельности и общественнаго прогресса. Преобладающее вліяніе было предоставлено незначительному меньшинству наиболѣе обезпеченныхъ гражданъ, въ общемъ мало заинтересованныхъ въ соціальной работѣ общественныхъ учрежденій, въ частностяхъ нерѣдко враждебныхъ ей. Классовая избирательная система дала всему городскому самоуправленію узкій классовый характеръ. Этотъ классовый характеръ выражается подчасъ съ такою рѣзкостью, что прогрессивнымъ партіямъ приходится иногда обращаться къ консервативному прусскому правительству и просить о вмѣшательствѣ его въ дѣла городского самоуправленія.

II.

Для дѣйствующаго въ настоящее время муниципальнаго законодательства въ Пруссіи нормальнымъ служитъ „Городской порядокъ шести восточныхъ провинцій прусской монархіи“ [1]). Этотъ статутъ мы поэтому возьмемъ основаніемъ для нашей характеристики.

---

[1]) M. von Branchitsch, Die neuen preussischen Verwaltungsgesetze. Bd. III. Berlin, 1902.

Кругъ вѣдомства городского самоуправленія остается столь же широкимъ, какъ по закону 1808 года.

„Нѣмецкая община,—говорится въ одномъ недавнемъ разъясненіи высшаго административнаго суда (Oberverwaltungsgericht),—обнимаетъ по своему происхожденію и по своей сущности общій комплексъ экономическихъ, общественныхъ и политическихъ цѣлей, ограниченный новѣйшимъ законодательствомъ лишь правомъ надзора со стороны государственной власти“ [1]). Но это право, право надзора со стороны государственной власти, а также ея право вмѣшательства въ дѣла городского самоуправленія, значительно расширено. Согласіе правительства требуется не только при выборѣ главы города (Bürgermeister и Oberbürgermeister) и членовъ магистрата, но также при установленіи новыхъ налоговъ. Сверхъ того, созданъ особый наблюдательный органъ, окружной комитетъ, совершенно независимый отъ городского самоуправленія и сильно зависимый отъ правительства. Этотъ комитетъ (Bezirksausschuss) имѣетъ своимъ предсѣдателемъ начальника округа (Regierungspräsident) и состоитъ изъ шести членовъ, изъ которыхъ двое назначаются правительствомъ, а четверо выбираются провинціальнымъ представительствомъ (Provinzialausschuss). Кругъ вліянія этого комитета очень широкій. Онъ не только наблюдаетъ за правильнымъ веденіемъ городскихъ дѣлъ, разрѣшая въ первой инстанціи всѣ жалобы на городское управленіе, но во многихъ случаяхъ принимаетъ прямое участіе въ послѣднемъ. Постановленія собранія городскихъ представителей нуждаются въ утвержденіи со стороны комитета при введеніи новыхъ правилъ и статутовъ, при заключеніи городскихъ займовъ, при продажѣ принадлежащей городу недвижимости и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Ограничивъ независимость городского самоуправленія разными институтами, стоящими внѣ его, новое законодательство, сверхъ того, стѣснило свободу его движенія внесеніемъ двойственности въ его внутреннюю организацію. Независимость магистрата, исполнительнаго органа городского представительства, отъ послѣдняго—доведена до такой степени, что тотчасъ превращается въ зависимость городского представительства отъ магистрата. Магистратъ отнюдь не обязанъ исполнять всѣ постановленія собранія городскихъ представителей; въ извѣстныхъ случаяхъ законъ прямо вмѣняетъ ему въ обязанность сопротивляться постановленіямъ собраній, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда „городскіе

---

[1]) Ibid., p. 23.

представители приняли рѣшеніе, превышающее ихъ полномочія, противное закону или праву, или вредное благу государства или интересамъ городского общества“ (§ 56).

Такимъ образомъ, магистрату приписывается болѣе высокая способность судить о томъ, что̀ соотвѣтствуетъ благу государства и интересамъ городского общества, чѣмъ собранію городскихъ представителей; магистратъ, какъ будто, играетъ роль ментора при городскихъ представителяхъ. Всѣ постановленія собранія городскихъ представителей нуждаются въ одобреніи магистрата; все городское хозяйство, всѣ служащіе по городскому управленію подчинены магистрату, или, вѣрнѣе, лично его предсѣдателю, бюргермейстеру, или обербюргермейстеру,—дѣйствительному хозяину города.

Снабдивъ послѣдняго такими широкими правами, законодатели позаботились въ то же время объ ослабленіи личной зависимости этого избранника городскихъ представителей отъ его избирателей. Бюргермейстеръ и обербюргермейстеръ [1]) избираются сразу на *двѣнадцать лѣтъ*, на срокъ вдвое болѣе продолжительный, чѣмъ мандатъ городскихъ представителей. Зато зависимость бюргермейстера отъ правительства усилена. Какъ уже было сказано, бюргермейстеръ нуждается для вступленія въ должность—въ утвержденіи со стороны правительственной власти (короля или начальника округа, смотря по величинѣ города), и послѣдняя имѣетъ неограниченное право отказать въ утвержденіи всѣмъ тѣмъ кандидатамъ, которые не подходящи для ея цѣлей. Если городскіе представители во второй разъ выбираютъ кандидата, уже отклоненнаго разъ правительствомъ, или даже выбираютъ другого кандидата, но также непріемлемаго для правительства, то послѣднее имѣетъ право назначить хозяиномъ города правительственнаго коммиссара. Вслѣдствіе этого, городскіе представители, сознавая всю слабость своей позиціи, уже при выборѣ кандидатовъ принимаютъ въ разсчетъ желанія правительства. Сверхъ того, обербюргермейстеръ, бюргермейстеръ, всѣ члены магистрата и всѣ служащіе по городскому управленію подчинены въ дисциплинарномъ отношеніи правительственной власти, которая можетъ налагать на нихъ дисциплинарныя взысканія.

Всѣ эти ограниченія и стѣсненія весьма обидны для достоинства городского представительства; подчасъ они очень непріятны въ личномъ отношеніи и приводятъ къ многочислен-

---

[1]) Обербюргермейстеры имѣются только въ наиболѣе крупныхъ городахъ.

нымъ конфликтамъ, очень досаднымъ для обѣихъ сторонъ и тормазящимъ нормальное движеніе городскихъ дѣлъ, — но рѣшающаго вліянія на характеръ городского самоуправленія они имѣть не могутъ; ихъ дѣйствіе ограничивается, въ большинствѣ случаевъ, одною внѣшностью, однѣми формами. *Характеръ* городского самоуправленія опредѣляется характеромъ господствующихъ въ немъ классовъ. Поэтому наибольшее вліяніе на характеръ городского самоуправленія Пруссіи имѣла классовая избирательная система, характеризованная нами выше въ общихъ чертахъ.

Изложимъ теперь, вкратцѣ, сущность этой системы, о которой, какъ извѣстно, Бисмаркъ отозвался разъ крайне непочтительно [1]). Всѣ граждане раздѣляются на три класса, въ зависимости отъ ихъ имущественнаго положенія. Образовательный цензъ не играетъ никакой роли, общественное положеніе — также. Къ первому классу принадлежатъ граждане, платящіе наивысшіе размѣры прямыхъ налоговъ (подоходнаго налога и т. под.), съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы сумма прямыхъ налоговъ, уплачиваемыхъ гражданами перваго класса, составляла одну треть общей суммы прямыхъ налоговъ всѣхъ гражданъ-избирателей. Ко второму классу принадлежатъ граждане съ средней налогоспособностью, къ третьему классу—граждане наименьшей налогоспособности [2]),—всегда съ такимъ разсчетомъ, чтобы сумма прямыхъ налоговъ, уплачиваемыхъ избирателями каждаго класса, составляла одну треть общей суммы прямыхъ налоговъ даннаго избирательнаго округа.

Каждый классъ избираетъ одну треть общаго числа городскихъ представителей. Но число избирателей перваго класса всегда очень ограниченное и часто въ сотни разъ меньше числа избирателей третьяго класса, такъ что положеніе точно такое же, какъ еслибы избирателямъ перваго класса было предоставлено нѣсколько сотъ или даже тысячи избирательныхъ голосовъ. Эта классификація сводится въ сущности къ „деклассификаціи“ девяти-десятыхъ гражданъ отъ городского самоуправленія. Эти граждане, понятно, чувствуютъ свое положеніе и поэтому бо̀льшею частью совершенно отказываются отъ участія въ выборахъ городского самоуправленія. Классовая система передала городское хозяйство въ руки первыхъ двухъ классовъ избирателей, т.-е. почти исключительно въ руки высшей буржуазіи. Мелкая буржуазія, большинство чиновничества и интеллигентныхъ профессій, вся рабочая масса, фактически, не имѣютъ вліянія на городское само-

[1]) Das Elendste aller Wahlsystem (самая жалкая изъ всѣхъ избирательныхъ системъ).

[2]) Minimum образуетъ годовой налогъ въ четыре марки.

управленіе. Послѣдствія такого положенія ясны безъ большихъ объясненій. „Никто себѣ не врагъ", и граждане первыхъ классовъ, завѣдующіе городскимъ хозяйствомъ, понятно, не сдѣлаютъ ничего такого, что противно ихъ интересамъ, и, понятно, съ особымъ вниманіемъ будутъ относиться къ тѣмъ сторонамъ городского хозяйства, которыя соприкасаются съ интересами ихъ классовъ. Это можно было предвидѣть à priori и это подтвердилось на дѣлѣ.

III.

Полной картины современнаго состоянія городского хозяйства германской имперіи мы дать не можемъ. Для этого недостаетъ нужныхъ данныхъ. Приходится ограничиваться отрывочными свѣдѣніями, характерными въ томъ или другомъ отношеніи. Къ началу текущаго года, въ 31 городѣ Германіи имѣлись особыя городскія статистическія бюро, опубликовавшія не мало интересныхъ свѣдѣній. Ни въ одной странѣ городская статистика не разработана до такой степени, какъ въ Германіи. Одинъ нѣмецкій статистикъ вычислилъ, что въ одной Германіи сдѣлано для городской статистики почти ровно столько, сколько во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, вмѣстѣ взятыхъ [1]). Германскіе муниципалитеты раньше другихъ поняли значеніе статистики для правильнаго веденія городскихъ дѣлъ. Кромѣ особыхъ статистическихъ изданій отдѣльныхъ городовъ—недѣльныхъ, мѣсячныхъ и годичныхъ, въ Германіи имѣется уже цѣлый рядъ сравнительныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ отраслямъ городского хозяйства; имѣется организація для поощренія и совершенствованія городской статистики—съѣздъ городскихъ статистиковъ; имѣется органъ, въ которомъ группируются и обрабатываются добытыя городской статистикой данныя—„Статистическій ежегодникъ нѣмецкихъ городовъ" [2]). Въ десяти томахъ этого ежегодника, изъ которыхъ послѣдній вышелъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сгруппированы матеріалы, касающіеся городского хозяйства пятидесяти наиболѣе крупныхъ городовъ Германіи.

Правительство, съ своей стороны, предприняло, лѣтъ двадцать тому назадъ, статистическое изслѣдованіе городского хозяйства прусскаго королевства. Результаты этого изслѣдованія, конечно, для нашего времени уже нехарактерны; въ послѣднія двадцать

---

[1]) Die deutsche Städtestatistik am Beginne des Jahres 1903, p. 4.

[2]) Dr. Neefe, Statistsches Jahrbuch deutscher Städte.

лѣтъ, въ городскомъ хозяйствѣ Пруссіи произошли крупнѣйшія перемѣны. Но онѣ имѣютъ значительный историческій интересъ. Мы поэтому съ нихъ начнемъ [1]). По этимъ даннымъ, относящимся къ 1883—84 бюджетному году, вся сумма расходовъ всѣхъ городскихъ обществъ Пруссіи, при городскомъ населеніи того времени въ 9.468.565 душъ, составляла 272.210.000 марокъ. Изъ этой суммы почти четвертая часть тратилась на просвѣщеніе: 61.986.000 марокъ. Это—самая крупная цифра бюджета. Второе мѣсто занимаетъ расходъ на благотворительныя учрежденія: 35.864.000 марокъ. Немного менѣе — 31.921.000 марокъ потребовали „средства сообщенія": устройство и содержаніе улицъ, площадей и т. под. Городскіе долги, разумѣется, также занимаютъ крупное мѣсто въ расходномъ бюджетѣ: на уплату процентовъ вмѣстѣ съ очередными погашеніями въ отчетномъ году потребовалось 26.923.000 марокъ.

Городскія предпріятія уже тогда играли крупную роль въ городскомъ хозяйствѣ: расходъ на нихъ составлялъ 33.778.000 марокъ, но ихъ доходность была значительно выше: 59.950.000 марокъ. Другіе отдѣлы городского хозяйства также давали крупные доходы: просвѣтительныя учрежденія—19.882.000 марокъ, благотворительныя учрежденія — 11.478.000 марокъ, городское имущество—12.234.000 марокъ, и т. д. Городскіе налоги доставляли только $^2/_5$ всѣхъ городскихъ доходовъ,—всего 108.493.000 марокъ, что̀ составляло 11,46 мар. на душу городского населенія. Съ того времени налоги, какъ извѣстно, безпрерывно увеличивались.

Въ 1894—95 г. городскіе налоги составляли въ саксонскомъ королевствѣ уже 17,69 м. на душу городского населенія; причемъ 86,82% всѣхъ налоговъ доставлялъ подоходный налогъ и 13,18%—косвенные налоги. Вообще, подоходный налогъ все болѣе и болѣе вытѣсняетъ въ бюджетѣ германскихъ городовъ косвенные налоги, въ особенности налоги на предметы потребленія. Такъ, въ 1899 г., къ которому относятся новѣйшія данныя [2]), налоги на предметы потребленія доставляли: въ Кёльнѣ —3,98% всѣхъ городскихъ налоговъ, въ Кенигсбергѣ—3,7%, въ Берлинѣ—1,32%, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—0,8%, а въ Шарлоттенбургѣ, Данцигѣ, Дортмундѣ, Килѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ налоги на предметы потребленія совершенно исчезли изъ городского бюджета. Значительную роль эти налоги

[1]) Reitzentstein und Trüdinger, Kommunales Finanzwesen in Schönberg's Handbuch der politischen Oekonomie. Bd. III, 2.

[2]) Statistisches Jahrbuch deutscher Städte für 1902, p. 427.

теперь играютъ въ крупныхъ прусскихъ городахъ только въ видѣ исключенія. Къ этимъ исключеніямъ принадлежатъ: Аахенъ, Бреславль, Кассель, Познань, Потсдамъ и Висбаденъ, гдѣ они еще доставляютъ отъ 20 до 26% всей суммы городскихъ налоговъ. Болѣе значительную роль, чѣмъ въ Пруссіи, налоги на предметы потребленія продолжаютъ играть въ баварскомъ королевствѣ, гдѣ они, въ Вюрцбургѣ, напримѣръ, доставляютъ 37,57% всей суммы городскихъ налоговъ. Но самую значительную роль во всей германской имперіи они играютъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, составляя въ Страсбургѣ 86%, а въ Мецѣ—90% всѣхъ городскихъ налоговъ. Эти тяжелые налоги представляютъ собою незавидное наслѣдство французскаго тамъ режима. Какъ уже было замѣчено, — гдѣ эти налоги исчезли или понижены, ихъ мѣсто занимаетъ подоходный налогъ, и рядомъ съ нимъ—налогъ съ недвижимостей и налогъ съ промысловъ, т.-е. налоги, менѣе тягостные для слабой въ имущественномъ отношеніи части населенія. Это можетъ показаться поразительнымъ при классовой организаціи городского самоуправленія, такъ какъ буржуазія, господствующая, благодаря этой организаціи, въ городскомъ самоуправленіи, вообще не имѣетъ обыкновенія добровольно брать на себя всю тяжесть налоговаго бремени. Но она этого не сдѣлала и въ данномъ случаѣ; реформой налоговой системы города обязаны государственному законодательству, проведшему ее не безъ оппозиціи со стороны городского самоуправленія. Отношеніе послѣдняго къ этому вопросу очень ярко выразилось еще очень недавно, на съѣздѣ представителей германскихъ городовъ въ Дрезденѣ. На собраніи представителей наиболѣе „передовыхъ" городскихъ самоуправленій была принята протестующая резолюція противъ постановленія рейхстага отмѣнить всѣ налоги на предметы потребленія *съ 1910 года*! Таковъ спеціальный духъ классоваго городского самоуправленія. Послѣ этого никто не будетъ ожидать отъ германскихъ муниципалитетовъ крупной соціальной работы. Главное ихъ вниманіе посвящено вопросамъ, интересующимъ болѣе состоятельные слои населенія. Забота о кварталахъ, въ которыхъ проживаетъ „лучшая" часть населенія, въ отношеніи благоустройства и красоты улицъ, площадей и скверовъ, въ отношеніи средствъ сообщенія, водоснабженія, освѣщенія, канализаціи и т. д., прежде всего занимаетъ вниманіе „отцовъ города". Точно также учрежденія, нужныя высшимъ классамъ населенія, какъ-то высшія и среднія учебныя заведенія, театры, музеи, памятники и т. под., занимаютъ первое мѣсто среди общеполезныхъ городскихъ учрежденій.

Но, удовлетворивъ эти потребности „первой“ необходимости, т.-е. необходимыя потребности первыхъ классовъ, городское самоуправленіе обратило свое вниманіе также на интересы другихъ классовъ и успѣло сдѣлать и въ этомъ отношеніи довольно много.

Мы видѣли выше, что расходы городовъ на народное образованіе весьма значительны. Правда, при этомъ города дѣйствовали подъ сильнымъ давленіемъ со стороны государственной власти, вмѣнившей имъ *въ обязанность* заботиться объ элементарномъ образованіи всѣхъ дѣтей школьнаго возраста; но нельзя не признать, что города сдѣлали въ этомъ отношеніи во многихъ случаяхъ больше, чѣмъ отъ нихъ требуетъ законъ. Поощреніе *средняго* образованія города приняли на себя добровольно и тратятъ на это дѣло значительныя суммы. Такъ, въ 1899—1900 г. Берлинъ израсходовалъ на гимназіи и реальныя училища 1.841.660 м., Бреславль—свыше 600.000 м., Дрезденъ—357.000 м., Ганноверъ—378.000 м., Лейпцигъ—424.000 марокъ и т. д. [1]). Особаго вниманія заслуживаютъ быстро возростающіе расходы городовъ на профессіональное образованіе рабочаго и ремесленнаго класса и на высшіе народные курсы. Эти расходы составляли въ 1899—1900 г.: въ Берлинѣ 699.000 марокъ, въ Гамбургѣ—394.000 м., въ Лейпцигѣ—217.000 м., въ Мюнхенѣ—205.000 марокъ [2]).

Народныя читальни все больше привлекаютъ къ себѣ вниманіе городскихъ дѣятелей, но результаты пока незначительные; частныя лица и частныя общества пока больше сдѣлали въ этомъ отношеніи, чѣмъ городское самоуправленіе. Городскія библіотеки и читальни для образованнаго класса болѣе многочисленны и лучше обставлены. Потребности *первыхъ* классовъ населенія въ музыкѣ, театрѣ и даже въ циркѣ также не остались безъ вниманія со стороны „отцовъ города“. Въ „Статистическомъ ежегодникѣ“ 1901-го года мы находимъ свѣдѣнія о тридцати городскихъ театрахъ, изъ которыхъ каждый, въ среднемъ, получаетъ городскую субсидію въ 43.532 марки въ годъ. 19 городовъ содержатъ городскіе оркестры, обходящіеся подчасъ очень дорого (въ Висбаденѣ—130.000 м. въ годъ); а 13 городовъ имѣютъ еще городскіе цирки. Это вниманіе „отцовъ города“ къ потребностямъ первыхъ классовъ по истинѣ трогательно...

---

[1]) Statistisches Jahrbuch deutscher Städte, Bd. X, p. 224.

[2]) Ibid.

Тѣмъ не менѣе, большая часть городскихъ расходовъ посвящена нуждамъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Настоятельность этихъ нуждъ и ихъ тѣсная связь съ государственными интересами побудили государственную власть вмѣнить заботу о нихъ въ обязанность общинъ и сдѣлать соотвѣтствующіе расходы обязательными. Къ этимъ расходамъ, кромѣ расходовъ на элементарное народное образованіе, о которыхъ уже была рѣчь, принадлежатъ расходы на помощь бѣднымъ. Въ Пруссіи, какъ уже было разъ упомянуто, послѣдніе расходы составляли въ 1883—84 г.—61.986.000 марокъ, почти четвертую часть всѣхъ городскихъ расходовъ. Во всей Германіи въ 1885 г. расходы городскихъ и сельскихъ общинъ на помощь бѣднымъ составляли 90.282.159 [1]). Въ наше время эти расходы, безъ сомнѣнія, значительно выше, но, къ сожалѣнію, относящіяся сюда статистическія данныя еще не разработаны. Изъ данныхъ 1885 г. интересны еще слѣдующія подробности.

Число лицъ, пользовавшихся помощью, составляло 1.592.386, обнимая *3,43*°/о всего населенія имперіи. Уже эта цифра показываетъ, что дѣло помощи имѣетъ огромное значеніе въ народной жизни. Но она не обнаруживаетъ *всего* значенія этого дѣла, такъ какъ показываетъ лишь число бѣдныхъ, *получившихъ* помощь, умалчивая о тѣхъ бѣднякахъ, которые были оставлены безъ помощи. Число послѣднихъ, однакожъ, очень велико; оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ два или въ три раза превышаетъ число первыхъ; на это указываютъ другія детали упомянутаго изслѣдованія. Такъ, въ Берлинѣ въ томъ же году число бѣдныхъ, получившихъ вспомоществованіе отъ города, составляло 6,63°/о всего населенія, въ Бременѣ—6,84°/о, а въ Гамбургѣ—даже 9,66°/о. Многіе, правда, предполагаютъ, что въ крупныхъ городахъ число бѣдныхъ особенно велико; но это предположеніе не основано на научномъ изслѣдованіи, а единственно на томъ, что о пауперизмѣ въ крупныхъ городахъ *больше писали*, чѣмъ о пауперизмѣ мелкихъ мѣстъ. А priori можно столько же сказать въ пользу противоположнаго взгляда, сколько въ пользу этого. Здѣсь, однакожъ, не мѣсто вдаваться въ детали этого вопроса. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что очень значительное число бѣдняковъ даже при очень тяжелыхъ обстоятельствахъ остаются безъ всякой помощи со стороны общества. Данныя упомянутаго изслѣдованія показываютъ, что общественная по-

---

[1]) Paul Kollman, Handwörterbuch für Staatwissenschaften (Armenwesen).

мощь имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ при тяжкой болѣзни или смерти главы семьи. Безработица, отъ которой такъ страдаетъ рабочее населеніе, очень рѣдко признается достаточной причиной для общественной помощи. Изъ 1.000 жителей лишь 1,86 получили въ 1885 г. помощь вслѣдствіе безработицы, хотя обильный процентъ безработныхъ, какъ извѣстно, въ нѣсколько разъ выше.

Степень помощи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, понятно, очень неравномѣрна. Для всей Германіи она составляетъ, въ среднемъ, 54 марки на одного бѣднаго, пользовавшагося общественною помощью, а въ Берлинѣ—91,5 марки.

Масштабомъ развитія общественной помощи можетъ служить отношеніе цифры соотвѣтственныхъ расходовъ къ цифрѣ населенія. Въ 1885 г. это отношеніе составляло для всей Германіи 193 марки на 100 жителей. Въ городскихъ обществахъ оно, разумѣется, выше, чѣмъ въ сельскихъ. На 100 жителей приходилось, въ среднемъ, расходовъ на общественную помощь [1]: въ Баваріи—въ сельскихъ обществахъ 109 марокъ; въ городскихъ обществахъ—227 марокъ; въ Эльзасъ-Лотарингіи—въ сельскихъ обществахъ 50 марокъ, въ городскихъ обществахъ—478 марокъ; въ остальной Германіи—въ сельскихъ обществахъ 90 марокъ, въ городскихъ—311 марокъ.

Выше всего эти расходы—въ крупныхъ городахъ. Въ Берлинѣ они составляютъ на 100 жителей 556 марокъ, а въ Гамбургѣ—587 мар.

Помощь состоитъ главнымъ образомъ въ денежномъ пособіи на дому нуждающагося (такъ наз. „открытая помощь"). Только $^1/_5$ всѣхъ расходовъ тратится на „закрытую" помощь въ больницахъ и другихъ учрежденіяхъ.

Относительно нѣкоторыхъ областей Германіи мы имѣемъ также данныя, выражающія степень развитія общественной помощи съ теченіемъ времени, показывающія, что успѣхи въ этомъ отношеніи весьма значительны. Приведемъ еще интересную таблицу, показывающую размѣры общественной-обязательной, общественной-добровольной и частной помощи бѣднымъ. Она касается шести городовъ и взята изъ IX-го тома „Ститистическаго ежегодника германскихъ городовъ" [2]).

---

[1]) Ibid.
[2]) Neefe, Statistisches Jahrbuch deutscher Städte, Bd. IX, p. 265.

На одного жителя приходилось расходовъ въ маркахъ:	Кассель.	Франкфуртъ-на-Од.	Фрейбургъ-въ-Баденѣ.	Галле-на-С.	Крефельдъ.	Любекъ.
Публичная помощь бѣднымъ (обязательная для города) . . .	2,33	1,94	3,5	2,91	5,33	2,04
Городская благотворительность (добровольная)	0,41	1,86	3,83	1,18	1,09	4,56
Частная благотворительность . . .	6,53	1,11	4,51	2,84	1,91	4,92
Сумма . . .	9,27	4,91	11,84	6,93	8,33	11,52

IV.

Въ тѣсной связи съ благотворительною дѣятельностью общественнаго управленія находится его соціальная работа въ собственномъ смыслѣ этого слова. Несомнѣнно, что и чисто благотворительная дѣятельность имѣетъ соціальное значеніе; поддерживая бѣдныхъ, слабыхъ и несчастныхъ въ трудныя минуты, благотворительность даетъ имъ возможность оправиться и снова стать на собственныя ноги и продолжать полезную работу въ общенародномъ хозяйствѣ. Съ другой стороны, соціальная работа, предупреждая бѣдность со всѣми ея послѣдствіями, значительно облегчаетъ дѣло благотворительности. Естественно, поэтому, что во многихъ случаяхъ благотворительныя учрежденія берутъ на себя инициативу соціальной дѣятельности. Переходъ отъ чисто благотворительной къ соціальной работѣ столь же простъ, какъ проста мысль дать бѣдному вмѣсто подаянія работу. Практическое осуществленіе этой мысли не такъ трудно, какъ обыкновенно предполагаютъ. Не нужно быть поклонникомъ извѣстнаго буржуазнаго экономиста Юлія Вольфа, чтобы признать справедливость его замѣчанія, что „въ работѣ недостатка нѣтъ. Она только ждетъ законодателя и правителя, который бы ее организовалъ и распредѣлялъ на пользу и на благо всего общества и тысячъ индивидуумовъ, чувствующихъ себя въ настоящее время пасынками порядка вещей, который дѣйствительно далеко не исполнилъ всего того, къ чему онъ способенъ“.

Справедливость этихъ словъ признается теперь почти всѣми, и вопросъ о доставленіи работы безработнымъ сталъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ вопросовъ современной Германіи вообще

и городского самоуправленія въ частности. Уже въ 1896 г., къ которому относятся и послѣднія опубликованныя свѣдѣнія, тридцать-шесть германскихъ городовъ имѣли учрежденія для снабженія безработныхъ работой [1]). Программа этихъ учрежденій во многихъ случаяхъ очень примитивна, ограничиваясь отсрочкой части городскихъ работъ до зимняго времени, когда безработица достигаетъ своего апогея. Но нѣкоторые города, какъ, напр., Штутгартъ, предпринимаютъ спеціальныя работы, обезпечивающія работой всѣхъ мѣстныхъ безработныхъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Дальше всѣхъ пошелъ городъ Оффенбахъ-на-Майнѣ. Въ его бюджетѣ съ 1899 г. имѣется спеціальная сумма—въ первомъ году она составляла 30.000 марокъ—для снабженія работой всѣхъ безработныхъ мѣстныхъ жителей. При общественныхъ работахъ такого рода заработная плата обыкновенно значительно ниже нормальной, но въ Оффенбахѣ она довольно высокая: взрослый работникъ получаетъ не менѣе 22 пфенниговъ (10 коп.) въ часъ.

Но рабочіе страдаютъ не только отъ *отсутствія* работы, а также отъ неумѣнія ее найти, отъ недостатка необходимыхъ свѣдѣній. Учрежденіе справочныхъ бюро труда представляетъ поэтому не менѣе полезное дѣло, которое притомъ не требуетъ значительныхъ издержекъ. Городскія управленія одно за другимъ приступили къ организаціи такихъ бюро (Arbeitsnachweis), существующихъ уже въ 60—70 городахъ [2]), какъ-то въ Штутгартѣ, Франкфуртѣ, Майнцѣ, Мюнхенѣ, Нюрнбергѣ, Бреславлѣ, Брауншвейгѣ, Шарлоттенбургѣ, Магдебургѣ и т. д.

Оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ соціальныхъ начинаній меньшаго значенія, какъ-то: устройство народныхъ ресторановъ, народныхъ бань, народныхъ увеселеній и т. под., обратимся къ вопросу, привлекающему въ послѣднее время вниманіе всѣхъ соціаль-политиковъ и имѣющему весьма крупное значеніе,—къ квартирному вопросу.

Этотъ вопросъ, весьма важный въ экономическомъ отношеніи, не менѣе важенъ также въ отношеніи народной гигіены и народной нравственности.

Въ крупныхъ городахъ, какъ Берлинъ, Гамбургъ, Лейпцигъ, Бреславль, Франкфуртъ-на-Майнѣ, большинство населенія, въ особенности менѣе состоятельная часть населенія, расходуетъ на квартиру отъ 25 до 30% всѣхъ своихъ доходовъ; при этомъ

[1]) Trimborn und Thissen, Die Thätigkeit der Gemeinde auf socialem Gebiete. „Arbeiterwahl" 1900.

[2]) Ibid.

многіе живутъ въ такой тѣснотѣ, что ихъ жилища представляютъ собою постоянные очаги всякихъ заразныхъ болѣзней. Моральныя послѣдствія этой тѣсноты не менѣе серьезны, хотя большею частью остаются въ неизвѣстности. Лишь изрѣдка выплываетъ наружу какой-нибудь особенно ужасный случай и ужаснымъ свѣтомъ освѣщаетъ темныя жилища темныхъ, бѣдныхъ людей. Такъ, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, судился въ берлинскомъ судѣ одинъ несчастный отецъ большого семейства за то, что его малолѣтнія дѣти, мальчикъ лѣтъ 14-ти и дѣвочка лѣтъ 13-ти, имѣли сношенія другъ съ другомъ, не оставшіяся безъ послѣдствій. При слѣдствіи обнаружилось, что дѣти всегда спали въ одной кровати и чуть ли не въ той же кровати, въ которой спали родители. При такихъ условіяхъ такія послѣдствія были весьма вѣроятны,—поэтому отецъ судился за неосторожность. Однакожъ, судъ, прусскій судъ, всегда очень строгій въ вопросахъ половой нравственности, оправдалъ подсудимаго, доказавшаго, что крайняя тѣснота жилища не допускала лучшаго распредѣленія спальныхъ мѣстъ, а крайняя бѣдность не допускала лучшаго жилища. Этотъ ужасный случай, понятно, сильно взволновалъ общественное мнѣніе; для всѣхъ было ясно, что онъ не исключительный, а характерный для обширнаго слоя городского населенія и бросаетъ яркій свѣтъ на моральныя послѣдствія жилищной тѣсноты.

Санитарныя послѣдствія этой тѣсноты обнаружились не менѣе ярко при холерной эпидеміи въ Гамбургѣ. Они побудили мѣстное управленіе къ введенію особаго жилищнаго закона (въ 1898 г.) и организаціи жилищной инспекціи. Въ томъ же году городское самоуправленіе Дрездена также установило жилищный статутъ, идущій нѣсколько дальше гамбургскаго. По дрезденскому статуту квартира считается переполненной и подлежащей закрытію, если объемъ воздуха составляетъ менѣе 20-ти кубическихъ метровъ на каждаго взрослаго обитателя и менѣе 10-ти куб. метровъ на каждаго ребенка. При сдачѣ мѣстъ для ночлега, на каждаго ночлежника требуется не менѣе 10-ти куб. метровъ воздуха и $3^1/_2$ квадратныхъ метровъ плоскости. Послѣднее правило осталось, однакожъ, безъ примѣненія, такъ какъ оказалось, что число жилищъ, противныхъ правилу, слишкомъ велико (около 3.000), и не было возможности доставить ночлежникамъ нормальныя помѣщенія.

Этотъ неудачный опытъ Дрездена показалъ, что для разрѣшенія жилищнаго вопроса недостаточно строгихъ правилъ и строгой полиціи. Серьезность этого вопроса требуетъ отъ

„отцовъ города“ немного больше напряженія, чѣмъ выработка новыхъ статутовъ и назначеніе двухъ-трехъ новыхъ чиновниковъ.

Корни квартирнаго вопроса лежатъ въ землѣ. Квартирный вопросъ тѣсно связанъ съ земельнымъ вопросомъ.

Колоссальный подъемъ цѣнъ на городскую землю неизбѣжно долженъ былъ привести къ соотвѣтственному подъему цѣнъ на дома и квартиры. Можно, правда, посмотрѣть на вопросъ съ другой стороны и сказать, что высокія цѣны на квартиры составляютъ причину высокихъ цѣнъ на землю. И та, и другая точка зрѣнія справедлива, при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Въ старыхъ населенныхъ мѣстахъ, съ уравновѣшенными цѣнами на квартиры и установившимися способами и формами домостроительства, цѣна квартиръ соразмѣрна цѣнѣ на землю. Въ мѣстахъ же вновь населяемыхъ или при введеніи новыхъ системъ или формъ домостроительства—напр., при замѣнѣ камня кирпичомъ или одноэтажныхъ домовъ многоэтажными,—квартирныя цѣны имѣютъ рѣшающее вліяніе на земельныя цѣны. Характерный примѣръ вліянія типа постройки на земельныя цѣны приводитъ Адольфъ Дамашке [1]). Въ одномъ берлинскомъ предмѣстьѣ, только-что открытомъ для домостроительства, въ договорѣ между собственникомъ земли и домостроителемъ продажная цѣна была прямо поставлена въ зависимость отъ рѣшенія магистрата относительно типа домовъ. Понятно, почему пятиэтажный домъ даетъ больше дохода, чѣмъ двухъ- или трехъэтажный домъ, а при бо́льшемъ доходѣ можно больше заплатить за землю. Въ этомъ случаѣ мы видимъ простѣйшую форму вліянія магистрата на земельныя цѣны; въ другихъ случаяхъ это вліяніе не такъ очевидно, хотя и не менѣе значительно. Такіе случаи весьма многочисленны.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда высокія цѣны на землю уже окончательно установились, магистратъ имѣетъ возможность способствовать удешевленію квартиръ. Значительная доля квартирной платы остается въ рукахъ домовладѣльца въ видѣ предпринимательской прибыли; эта доля особенно значительна въ домахъ, обитаемыхъ бѣднѣйшимъ населеніемъ. Въ послѣднихъ домахъ часто имѣется еще арендаторъ, прибыль котораго обыкновенно поглощаетъ еще бо́льшую долю квартирной платы, чѣмъ прибыль домовладѣльца: квартирный арендаторъ „работаетъ“ болѣе интенсивно...

Возьмемъ примѣръ. Въ 1898 г. городское управленіе Страс-

---

[1]) A. Damaschke. Vom Gemeindesozialismus. Berlin, 1900.

бурга поручило особой коммиссіи изслѣдованіе квартирнаго вопроса. При этомъ обнаружился слѣдующій поучительный фактъ. Одинъ домъ, обошедшійся домовладѣльцу въ 7.000 марокъ, сдается имъ арендатору за 700 марокъ въ годъ; арендаторъ же получаетъ за квартиры *2.200 марокъ* въ годъ. Такимъ образомъ, домовладѣлецъ получаетъ на свой капиталъ 10% прибыли, а арендаторъ—*более 200%! Почти 70% квартирной платы остаются въ рукахъ арендатора!* Эти 70% можно бы сберечь бѣдному люду, населяющему этотъ домъ.—Возможно, что этотъ случай—исключительный; но несомнѣнно, что во всѣхъ домахъ, населенныхъ бѣднымъ людомъ, очень значительная доля квартирной платы остается въ рукахъ арендатора или домовладѣльца, если онъ не гнушается такой „работой". Эту-то долю можно спасти и очень простымъ способомъ. Городъ долженъ взять на себя устройство квартиръ для бѣднаго населенія. Матеріальныхъ жертвъ не потребуется. За свои квартиры городъ могъ бы взимать плату, достаточную для покрытія не только процентовъ на капиталъ и на погашеніе долга и на расходы по управленію, но также весь рискъ, и все-таки значительно удешевить квартиры. Разсчетливые и практичные англичане уже давно приступили къ этому дѣлу. Городскія квартиры для рабочаго населенія имѣются въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Глазговѣ и др. городахъ. Манчестеръ уже въ 1897—98 г. могъ помѣщать въ городскихъ домахъ—municipal housing—24.000 человѣкъ [1]). Германія также выступила на этотъ путь, но очень медленно двигается впередъ. Какъ будто какая-то тяжесть мѣшаетъ ей свободно двигаться по этому многообѣщающему пути. Не трудно понять, въ чемъ тутъ дѣло. Городское самоуправленіе находится въ Германіи, большею частью, въ рукахъ домовладѣльцевъ, которые въ дешевыхъ квартирахъ не нуждаются...

Въ Пруссіи законодатель установилъ, что, по меньшей мѣрѣ, половина городскихъ представителей должна состоять въ каждомъ городѣ изъ домовладѣльцевъ. Въ другихъ странахъ имущественный цензъ, требуемый отъ городскихъ избирателей или избранниковъ, приводитъ къ такимъ же результатамъ. Поэтому дѣло устройства городскихъ квартиръ находится въ Германіи только въ зачаточномъ состояніи. А между тѣмъ сдѣланные опыты дали и въ Германіи прекрасные результаты. Укажемъ на примѣръ Фрейбурга-въ-Баденѣ, занимающагося устройствомъ

[1]) Arbeiterwahl, 1900, p. 60.

дешевыхъ квартиръ *съ 1864 г.*, имѣющаго, слѣдовательно, большой опытъ въ этомъ дѣлѣ. Изъ данныхъ этого опыта видно, что квартирная плата *въ* $5^0/_0$ со стоимости дома покрываетъ проценты на капиталъ, амортизацію ($^1/_2{}^0/_0$), расходы по содержанію ($^3/_4{}^0/_0$) и потери отъ пустующихъ квартиръ ($^1/_4{}^0/_0$),—словомъ, рѣшительно всѣ расходы. Въ цитированномъ выше страсбургскомъ случаѣ квартирная плата составляла *больше* $30^0/_0$ стоимости дома.

Сопоставленіе этихъ двухъ цифръ показываетъ, сколько городское управленіе можетъ сдѣлать въ отношеніи удешевленія квартиръ, если оно—хочетъ.

V.

Муниципальныя предпріятія вообще пріобрѣтаютъ все большее значеніе въ городскомъ хозяйствѣ. Мы видѣли выше, что въ Пруссіи, которая не занимаетъ перваго мѣста въ этомъ движеніи, уже въ 1883—84 г. валовой доходъ промышенныхъ предпріятій городскихъ обществъ составлялъ почти 60 милліоновъ марокъ, тогда какъ всѣ расходы по этимъ предпріятіямъ, включая и экстраординарные расходы на расширеніе старыхъ и основаніе новыхъ—въ 10.283.000 марокъ, составляли всего 33.778.000 марокъ. Муниципальныя предпріятія уже теперь служатъ существенной поддержкой для муниципальныхъ финансовъ, а при дальнѣйшемъ развитіи вполнѣ способны сдѣлать излишними всякіе городскіе налоги, даже если они не выйдутъ изъ круга собственно городского хозяйства и ограничатся тѣми областями, которыя и безъ того находятся внѣ свободной частной конкурренціи, какъ-то: водоснабженіе, канализація, освѣщеніе, средства сообщенія, скотобойни, рынки и т. под. Съ ростомъ городского населенія и повышеніемъ уровня его благосостоянія доходы съ этихъ предпріятій быстро увеличиваются. Они уже теперь образуютъ очень крупную цифру; но львиная доля этихъ доходовъ остается въ рукахъ предпринимателей, большею частью крупныхъ банковъ. А между тѣмъ городское самоуправленіе не менѣе банковыхъ управленій способно стоять во главѣ такихъ предпріятій.

Водоснабженіе уже теперь находится большею частью въ рукахъ городского самоуправленія. Санитарное значеніе этого дѣла было при этомъ главной побудительной причиной; но оно оказалось также доходной статьей. Такъ, Берлинъ получилъ въ 1896—97 г. съ своихъ водопроводовъ $1^1/_2$ милліона марокъ

чистаго дохода, а во всей Пруссіи городскіе водопроводы доставили въ 1892—93 г. болѣе четырехъ милліоновъ чистаго дохода.

Городскіе газовые заводы и городскія электрическія станціи доставили въ томъ же году городскимъ кассамъ Пруссіи около 10 милліоновъ чистаго дохода, хотя освѣщеніе еще во многихъ городахъ находится въ частныхъ рукахъ. Берлинъ имѣетъ собственные газовые заводы съ 1847 года; въ 1896—97 бюджетномъ году онъ, при весьма дешевой цѣнѣ на годъ (12 пфенниговъ (5 копѣекъ) за кубическій метръ),—получилъ съ нихъ 4 милліона марокъ чистаго дохода. Несмотря на такія крупныя выгоды общественнаго хозяйства, болѣе половины газовыхъ заводовъ (50,1%) находилось, при послѣдней переписи (въ 1895 г.), въ частныхъ рукахъ. Правда, во многихъ случаяхъ городскія общества связаны въ этомъ отношеніи старыми договорами.

Еще бо́льшія выгоды представляетъ эксплоатація городскихъ трамваевъ, въ особенности при примѣненіи электрической тяги. Поэтому, частныя компаніи предусмотрительно связали самые крупные города долговременными контрактами. Пока въ Германіи только въ двадцати городахъ городскіе трамваи принадлежатъ городскому обществу. Городскія общества были менѣе предусмотрительны, чѣмъ частныя общества, и причинили городскому населенію и городскимъ финансамъ колоссальныя потери.

Но ни въ одной отрасли городского хозяйства безпечность городского управленія не имѣла такихъ крупныхъ послѣдствій, какъ въ отношеніи земельнаго вопроса. Значеніе земельнаго вопроса для городского населенія было уже отмѣчено выше. Цѣнность земель возросла въ центрахъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, во много разъ, и огромныя цѣнности, составляющія продуктъ культурной работы всего общества и по праву ему принадлежащія, очутились въ рукахъ случайныхъ частныхъ людей, сваливались на нихъ словно манна небесная.

Приведемъ нѣкоторыя цифры, взятыя у того же спеціалиста по этому вопросу—Адольфа Дамашке [1]).

Въ Шёнебергѣ, предмѣстьѣ Берлина, кусокъ земли, стоившій въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія 8.000 марокъ, проданъ былъ въ 70-хъ годахъ, т.-е. черезъ 50 лѣтъ, за 6 милл. марокъ. Теперь за него, можетъ быть, можно было бы получить 15 или 20 милліоновъ. Въ самомъ Берлинѣ, въ старомъ городскомъ кварталѣ, мѣсто, стоившее въ 1842 году вмѣстѣ съ домомъ

[1]) A. Damaschke, „Vom Gemeindesozialismus“. Berlin, 1900.

34.000 марокъ, продано было въ 1895 г. безъ дома (вслѣдствіе его разрушенія) за 1.975.000 марокъ.

Въ Кёнигсбергѣ маленькое имѣніе, вблизи города, стоившее въ 1827 г. 12.000 марокъ, цѣнилось въ 1895 г. въ 450.000 марокъ; другое мѣсто, купленное въ 1827 г. за 30.000 марокъ, оцѣнивается теперь въ 600.000 марокъ.

Въ этихъ случаяхъ повышеніе земельныхъ цѣнъ было, правда, исключительно быстрое, но вообще ростъ земельныхъ цѣнъ, въ особенности цѣнъ на городскія земли, представляетъ, какъ извѣстно, обычное, вполнѣ регулярное, явленіе. Въ 1881 г. берлинскій магистратъ предпринялъ спеціальное изслѣдованіе этого вопроса, обнаружившее, что за короткій періодъ отъ 1868 до 1877 г. земельныя цѣны поднялись во всѣхъ частяхъ города, въ среднемъ, на 50%.—Чѣмъ вызванъ ростъ цѣнъ на городскую землю, чья это заслуга?

Въ первомъ приведенномъ примѣрѣ, относящемся къ берлинскому предмѣстью Шёнебергъ, дѣло произошло такимъ образомъ: крестьянинъ Киліанъ купилъ, въ 20-хъ годахъ, картофельную пахоту за 2.700 талеровъ (8.000 марокъ). Вмѣстѣ съ членами своей семьи, можетъ быть также съ помощью работника, онъ обработывалъ эту маленькую пахоту, сѣялъ и собиралъ—картофель. Золотыхъ розсыпей онъ тамъ не открылъ, точно также какъ и другихъ цѣнныхъ рудъ. Плодородность земли Киліанъ также не увеличилъ; по крайней мѣрѣ, ничего объ этомъ неизвѣстно. Словомъ, Киліанъ и его семья ровно ничего не сдѣлали для увеличенія стоимости ихъ земельной собственности. Они въ этомъ отношеніи столь же невинны, сколько пишущій эти строки или читающій ихъ. А между тѣмъ Киліанъ получилъ за свой кусокъ земли почти въ тысячу разъ больше, чѣмъ онъ за него заплатилъ, а мы—не получили ничего...; хуже того, намъ же придется расплачиваться, если намъ когда-либо придется поселиться въ одномъ изъ домовъ, построенныхъ на картофельномъ полѣ г. Киліана. Понятно, домостроитель, заплатившій Киліану 6 милліоновъ за землю, конечно, взыщетъ эти милліоны съ процентами съ квартирантовъ; въ дѣйствительности Киліанъ получилъ многомилліонный подарокъ на счетъ квартирантовъ. За что же, спрашивается, эти послѣдніе такъ наказаны?—А за то, что они дружными массами пришли въ Берлинъ и упорнымъ трудомъ способствовали его росту, его развитію и его обогащенію. Киліанъ получилъ 6 милліоновъ марокъ за то, что Берлинъ выросъ и развился. Это кажется анекдотомъ, а между тѣмъ это—фактъ, даже довольно обыкновенный фактъ. Дѣйствительно, соб-

ственники городскихъ и близкихъ къ городу земель получаютъ милліоны и милліарды за труды, въ которыхъ они не принимали никакого участія. Городъ разростается и приближается къ окрестнымъ деревнямъ,—*за это* жители этихъ деревень получаютъ милліонные подарки. Городъ улучшаетъ мостовыя, совершенствуетъ освѣщеніе, водоснабженіе и канализацію, — *за это* городскіе домовладѣльцы получаютъ въ подарокъ милліоны. Городъ расширяетъ старыя улицы, прокладываетъ новыя, устроиваетъ площади, скверы и сады,—все это стоитъ городу громадныя суммы,—и *за это* сосѣдніе домовладѣльцы получаютъ новые милліонные подарки. За все, что̀ дѣлается городомъ, обществомъ и государствомъ, за все, что̀ дѣлаетъ современная культура, домовладѣльцы и землевладѣльцы получаютъ болѣе или менѣе крупную дань въ видѣ повышенія цѣнности ихъ собственности, такъ называемой прибавочной ренты (Zuwachsrente). Не нужно быть противникомъ частной собственности, чтобы считать такое положеніе вещей, противорѣчащее здравому представленію о собственности, какъ продуктѣ собственнаго труда, крайне ненормальнымъ. Прибавочная земельная рента, приростъ земельныхъ цѣнъ есть продуктъ труда *всего общества*, слѣдовательно, также *собственность* всего общества; между тѣмъ, въ настоящее время эта общественная собственность служитъ добычей случайныхъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ и массы темныхъ посредниковъ, коммиссіонеровъ и спекулянтовъ.

Но какъ спасти общественную собственность, не затрогивая принципа частной собственности, служащаго основаніемъ всего современнаго экономическаго строя?—Это не такъ трудно, какъ кажется на первый взглядъ.—Починъ уже сдѣланъ, и притомъ со стороны, стоящей выше всякихъ подозрѣній въ отношеніи приверженности къ основамъ существующаго экономическаго строя. Не кто иной, какъ само императорское германское правительство сдѣлало этотъ знаменательный починъ. Правда, не въ самой Германіи, а на Дальнемъ Востокѣ, въ Kiautschau, на китайскомъ побережьѣ.

Тамъ военнымъ управленіемъ установленъ слѣдующій простой „модусъ“: если цѣнность земли повысилась, то $33^1/_3\%$ повышенія взимаются въ видѣ добавочнаго налога, сверхъ обычныхъ налоговъ, въ пользу кассы военнаго управленія. Въ докладѣ, представленномъ имперскому рейхстагу, это, единственное въ своемъ родѣ, установленіе мотивировано такимъ образомъ:

„Благодаря этимъ мѣрамъ, управленіе получаетъ долю въ ростѣ стоимостей, не подавляя частной дѣятельности. Если зе-

мельныя цѣны *не* повышаются, то управленіе не получаетъ *ничего*. Но если земельныя цѣны возростаютъ по причинамъ, независимымъ отъ собственниковъ земель, а исключительно благодаря расцвѣту мѣстности вслѣдствіе дѣятельности управленія и всѣхъ жителей, то управленіе или общество—интересы обоихъ въ данномъ случаѣ тожественны—должны получить свою долю. Намъ кажется очень умѣреннымъ, если управленіе довольствуется одной третью, оставляя двѣ трети частнымъ лицамъ".

Эти соображенія неоспоримы, и въ имперскомъ рейхстагѣ всѣ буржуазныя партіи, безъ исключенія, выразили одобреніе этимъ мѣрамъ. Даже закоренѣлый манчестерецъ, Евгеній Рихтеръ, похвалилъ управленіе Kiauthchau за его разумныя мѣропріятія; онъ сказалъ дословно слѣдующее:

„Я нахожу весьма цѣлесообразнымъ способъ, которымъ управленіе старается помѣшать тому, чтобы имперскія предпріятія послужили на пользу только частнымъ лицамъ, увеличивая цѣнность ихъ земельной собственности; управленіе нашло остроумный способъ получить долю въ ростѣ земельныхъ цѣнъ".

Консервативная партія рейхстага пошла еще дальше; ея представитель заявилъ, что, по его мнѣнію, третьей доли мало, что управленіе должно требовать *половину* роста земельныхъ цѣнъ [1]).

Никто не нашелъ въ этой мѣрѣ ничего угрожающаго принципу частной собственности; поэтому никто не можетъ сопротивляться введенію подобной мѣры въ самой Германіи. Прежнихъ потерь, колоссальныхъ по своимъ размѣрамъ, составляющихъ много милліардовъ, уже нельзя вернуть; но указанная мѣра даетъ возможность сохранять въ будущемъ общественное достояніе.

Одновременно съ этимъ общественное управленіе должно стремиться къ возможному расширенію общественной земельной собственности и уже ни въ какомъ случаѣ не должно выпускать изъ рукъ того, что̀ оно имѣетъ. Крупные города, впрочемъ, давно уже роздали свою свободную землю; только въ незначительныхъ городахъ и сельскихъ общинахъ еще сохранились свободныя общественныя земли, зато нѣкоторые города поняли значеніе общественной земельной собственности и пользуются теперь всякимъ удобнымъ случаемъ для ея увеличенія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ для характеристики значенія общественной земельной собственности для общественнаго хозяйства.

Городъ Гёрлитцъ въ Силезіи расширяетъ изъ года въ годъ

---

[1]) A. Damaschke, op. cit.

свое землевладѣніе; благодаря этому, онъ имѣетъ возможность уменьшать постепенно городскіе налоги. Въ 1892 г. его земельная собственность доставляла уже 660.560 марокъ чистаго дохода. Городъ Гагенау въ Эльзасѣ покрываетъ почти всѣ общественные расходы доходами городского хозяйства.

Фрейденштадтъ въ Вюртембергѣ имѣетъ 2.400 гектаровъ общественнаго лѣса и 13 гектаровъ общественнаго луга. Доходъ съ этихъ угодій покрываетъ всѣ общественные расходы, оставляя еще излишекъ въ 33.000 марокъ, распредѣляемый между членами общества. Гертсгеймъ въ Гессенѣ, община, насчитывающая всего 110 семействъ, имѣетъ ежегодно излишекъ общественныхъ доходовъ надъ общественными расходами въ 53.225 марокъ.

Зигмарингендорфъ покрываетъ доходами общественнаго хозяйства не только всѣ общественные расходы, но также всѣ государственные налоги общинниковъ. Клингенбергъ въ Баваріи выдаетъ каждому общиннику изъ излишковъ общественнаго хозяйства 300 марокъ наличными и сверхъ того дрова, солому и проч.

Эти интересные примѣры побуждаютъ Адольфа Дамашке, у котораго мы ихъ заимствуемъ, настоятельно рекомендовать общественному управленію не продавать больше ни пяди общественной земли и не упускать ни одного удобнаго случая къ расширенію общественнаго землевладѣнія. Общественная земля можетъ отдаваться въ аренду,—въ случаѣ необходимости, напримѣръ, при постройкѣ домовъ или фабрикъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; но ни въ какомъ случаѣ она не должна отчуждаться въ частныя руки.

Любопытно, что англійскіе лэндлорды всегда придерживались такой системы,—не въ отношеніи общественныхъ земель и не въ интересахъ общества, а относительно своихъ собственныхъ земель и въ своихъ личныхъ интересахъ. Они не продаютъ своихъ земель, а сдаютъ ихъ только въ аренду, и эта система—lease holde—не помѣшала ни расцвѣту страны, ни росту городовъ. Почти весь Лондонъ построенъ на основаніи этой системы, благодаря которой англійскіе лэндлорды сохранили въ своихъ рукахъ большую часть всей земельной собственности страны.— Нельзя не пожелать, чтобы всякое общественное управленіе столь же предусмотрительно заботилось объ интересахъ общества, какъ англійскіе лэндлорды позаботились о своихъ личныхъ и о фамильныхъ интересахъ.

Р. М. Бланкъ.

Берлинъ.

СУПРУГА МИНИСТРА

— Gerolamo Rovetta, „La moglie di Sua Eccelenza“. Romanzo. Milano, 1904.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Идетъ дождь. Хозяинъ отеля „Tête-pointue“ въ Вилларъ-Олонѣ, румяный блондинъ Трюбъ, проходитъ озабоченно черезъ переднюю отеля, усердно отвѣшивая поклоны своимъ пансіонерамъ, выходитъ на крыльцо, поднимаетъ глаза къ сѣрому небу и высовываетъ руку на воздухъ:—дождь!

— Проклятая погода!

Онъ надвигаетъ на носъ золотые очки, которые обыкновенно носитъ по срединѣ лба, смотритъ на три зубца „Dents du Midi“, покрытыхъ тяжелой свинцовой шапкой, видитъ сгущающіяся облака за горой, туманъ, покрывающій всю долину, прорѣзанную Роной, застилающій бѣлыя деревушки на обоихъ берегахъ, и châlets, разбросанные по склону горы, и бормочетъ сердитымъ голосомъ:

— Только бы сегодня и завтра выглянуло солнце,—больше ничего я не прошу у неба! Большая первоклассная семья... восемь господъ и десять человѣкъ прислуги.

Хозяинъ смотритъ въ сторону Женевы: тамъ тоже все закутано туманомъ.

— Вотъ горе-то!.. Когда буря надвигается съ озера, это—на цѣлую недѣлю.

Вдругъ, хотя небо продолжаетъ заволакиваться тучами, лицо Трюба проясняется: на террасу вышелъ пансіонеръ, занимающій въ первомъ этажѣ угловой номеръ съ салономъ,—баронъ Марко Данова.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ баронъ! Мое нижайшее почтеніе!

Но баронъ, венеціанецъ родомъ, утратившій венеціанскій акцентъ въ Египтѣ, гдѣ онъ накралъ много милліоновъ, не отвѣчаетъ на глубокіе поклоны хозяина. Онъ недоволенъ, и его бритое лицо, обрамленное короткой черной—слишкомъ черной—бородой, исказилось отъ злости.

— Что-жъ вы предсказывали хорошую погоду?! Видите—дождь!—Свирѣпый баронъ хмуритъ брови и, скрещивая руки на груди, смотритъ грозно на Трюба.

— Пустяки, господинъ баронъ... всего нѣсколько капель; это ненадолго. Завтра...

Венеціанецъ изъ Египта еще болѣе злится

— Завтра?! Вы уже это говорите цѣлую недѣлю. Стоило взбираться на тысячу-триста метровъ, чтобы тонуть здѣсь! Самое лучшее—собрать вещи и уѣхать.

Трюбъ съ отчаяніемъ хватается за голову.

— Уѣхать, когда начинается хорошая погода?! Барометръ поднимается! Теперь только и жить здѣсь. Повѣрьте мнѣ, господинъ баронъ,—погода должна проясниться; иначе вѣдь я погибъ... Нѣтъ, это невозможно! Я вѣрю въ свою звѣзду и знаю, что приношу счастье моимъ пансіонерамъ. Мнѣ теперь необходима хорошая погода. Сегодня утромъ я получилъ телеграмму... сюда пріѣзжаетъ большая и знатная итальянская семья: цѣлый букетъ молодыхъ, красивыхъ дамъ.

Клювообразный носъ барона Данова вспыхиваетъ. Въ „Tête-pointue" совершенно нѣтъ молодыхъ и прекрасныхъ дамъ, и барону ихъ очень недостаетъ. Трюбъ продолжаетъ:

— Они займутъ весь первый этажъ, а ихъ прислуга—третій и четвертый. Отъ семи до восьми-сотъ франковъ въ день. Вы сами понимаете, господинъ баронъ, если сегодня и завтра будетъ идти дождь, то они изъ Бэ проѣдутъ дальше и не поднимутся въ Вилларъ... Ручаюсь вамъ, что завтра будетъ чудесный день. Вотъ, взгляните на вершины „Diablerets": онѣ проясняются.

— А на „Dent du Midi" не смотрѣть?

— Вечеромъ; а утромъ непреложнымъ барометромъ служатъ „Diablerets".

Марко Данова побѣжденъ увѣреннымъ тономъ хозяина.

— Такъ, значитъ, можно будетъ сдѣлать знаменитую экскурсію на „Chamossaire"?

— Конечно!—Трюбъ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.—Будьте покойны, господинъ баронъ. Ровно въ шесть часовъ васъ разбудятъ, и все будетъ готово: мулъ, проводникъ и... первоклассное солнце.

Обѣщаніе хорошей погоды на слѣдующій день—единственная отрада въ горахъ, когда идетъ дождь. Марко Данова, успокоенный, открываетъ зонтикъ и уходитъ, медленно ступая по намокшей землѣ.

Туманъ сгущается, и внезапный порывъ вѣтра заставляетъ хозяина быстро вернуться въ отель; избѣгая встрѣчъ съ взбѣшенными пансіонерами, онъ спѣшитъ къ себѣ, въ бюро, но тамъ, на порогѣ, его встрѣчаетъ несносная ворчунья, м-ссъ Эйръ.

— Ну, ужъ и денекъ, господинъ Трюбъ!—Хозяинъ довольно холодно здоровается съ м-ссъ Эйръ,—она нанимаетъ комнату въ третьемъ этажѣ, безъ балкона, окнами на сѣверъ.

— Простите, я очень занятъ... долженъ разобрать почту...—Трюбъ подходитъ къ столу и беретъ въ руки пачку писемъ. Но м-ссъ Эйръ не уходитъ.

— Такъ откуда же они пріѣдутъ... д'Ореа и Монкавалло? изъ Эгля или изъ Бэ?

— Смотря по погодѣ.

— Погода извѣстно какая—дождь да дождь.

— Завтра будетъ солнечный день. Ручаюсь за это.

— Ну, да, старая пѣсня: сегодня—дождь, а хорошая погода... завтра.

Въ сущности, м-ссъ Эйръ все равно, будетъ ли дождь, или хорошая погода. Ей гораздо важнѣе узнать, пріѣдутъ ли д'Ореа и Монкавалло въ экипажахъ изъ Эгля, и въ скольких ландо, или по желѣзной дорогѣ изъ Бэ, и отдѣльнымъ ли поѣздомъ или обыкновеннымъ. Ей важно знать, сколько у нихъ человѣкъ прислуги, сколько сундуковъ, будутъ ли они обѣдать за табль-д'отомъ или въ ресторанѣ à la carte; займутъ ли они первый этажъ; гдѣ будетъ помѣщена прислуга, въ четвертомъ ли этажѣ, какъ полагается, или же хозяинъ будетъ имѣть дерзость помѣстить слугъ въ третьемъ, въ одномъ корридорѣ съ нею. Все это ее очень волнуетъ. Единственный интересъ ея жизни въ теченіе всего года составляютъ пріѣзды и отъѣзды туристовъ въ отеляхъ, гдѣ она живетъ, лѣтомъ—въ „Tête-pointue", осенью—на озерѣ

Комо, въ „Villa d'Este", а зимой—въ „Hôtel Royal", въ Санъ-Ремо. Во всѣхъ этихъ отеляхъ главное ея занятіе заключается въ томъ, чтобы пользоваться всѣми правами и привилегіями, включенными въ цѣну за пансіонъ, и наблюдать за тѣмъ, чтобы въ точности соблюдались всѣ правила другими пансіонерами: чтобы не разговаривали въ читальнѣ, не курили въ салонѣ, не брали газетъ изъ читальни, не играли на роялѣ позже одиннадцати часовъ. Вѣчный крикъ ея души: „запрещается—défendu—verboten—prohibited"! Къ вопросу о погодѣ она совершенно равнодушна, такъ какъ никогда не дѣлаетъ экскурсій—изъ экономіи, и наслаждается видомъ моря и озера только изъ оконъ.

— Прошлой осенью,—говоритъ она,—д'Ореа и Монкавалло пріѣхали въ „Villa d'Este" на двѣ недѣли и привезли съ собой пятьдесятъ-восемь сундуковъ; нельзя было пройти по коридору.

Видя, что трудно отдѣлаться отъ несносной старухи, Трюбъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, вывѣдать у нея что-нибудь полезное для себя.

— Они много тратятъ?

— Они несносны! Вѣчные крики, суета. Поднимаютъ на ноги всю прислугу отеля; газеты, рояль, билліардъ—все становится ихъ собственностью. Они разгоняютъ всѣхъ пансіонеровъ.

— Это знатная семья? Титулованная?

— Монкавалло—изъ Неаполя. У нихъ много титуловъ: герцоги, князья, маркизы—но денегъ нѣтъ. Д'Ореа—изъ Болоньи; у нихъ много денегъ, но нѣтъ титуловъ. Торговали мукой и колбасой. Одна изъ Монкавалло, красавица, замужемъ за Луціаномъ д'Ореа, который тратитъ огромныя деньги на Фанфанъ Трекёръ, знаменитую шансонетную пѣвицу изъ „Follies Parisiennes". Она теперь учится пѣть и хочетъ выступить въ Миланѣ; къ несчастью, у нея чахотка, и Монкавалло этимъ утѣшаются.

Бьетъ десять часовъ—время, когда приносятъ почту. М-ссъ Эйръ поднимается, чтобы первой захватить „Times". Она только напоминаетъ еще хозяину, чтобы онъ внушилъ прислугѣ пріѣзжающей семьи, что правила должны быть строго соблюдены: нельзя громко разговаривать въ корридорѣ, чистить тамъ платье и шумѣть! Потомъ она проситъ дать ей бумагу и конвертъ, чтобы написать письмо мужу, полковнику Эйру, который служитъ въ Калькуттѣ; онъ всегда выбираетъ мѣсто службы подальше отъ своей супруги, которая, однако, хранитъ ему вѣрность, и при всякомъ удобномъ случаѣ упоминаетъ имя полковника для поддержки своего престижа.

— До свиданья, господинъ Трюбъ,—говоритъ она, направляясь къ двери, но на порогѣ останавливается.

— Да, еще вотъ чтò: въ „Villa d'Este“ у нихъ были двѣ несносныя собачки; онѣ лаяли и бѣгали по всему дому. Здѣсь запрещено держать собакъ.

Она уходитъ, захлопывая дверь, и хозяинъ ворчитъ ей вслѣдъ:

— Вотъ несносная старуха! Платитъ меньше всѣхъ, никогда никакихъ extra, а претензій безъ конца!

Дзинь!.. его зовутъ къ телефону. Изъ Бэ спрашиваютъ, идетъ ли дождь въ Билларѣ.

— Проясняется,—отвѣчаетъ онъ.—Ручаюсь за великолѣпную погоду. Кто говоритъ?... Закарелла? Кто это? Вы уже заказывали комнату?

Отвѣтъ таковъ, что Трюбъ подскакиваетъ отъ радости.

— Это—они! Закарелла—ихъ мажордомъ, завѣдующій дѣлами этой знатной итальянской семьи. Они теперь въ Бэ, откуда поднимутся въ Вилларъ.

— Отлично!.. Въ четыре часа... отлично!—Трюбъ говоритъ сладкимъ голосомъ, и въ разсѣянности отвѣшиваетъ поклоны, точно уже находится въ присутствіи Монкавалло и д'Ореа — всѣхъ восьми господъ и прислуги.

— Хорошо! обѣдъ въ ресторанѣ, въ семь часовъ. Все будетъ готово... Благодарю! Мое нижайшее почтеніе!

Онъ даетъ отбой, суетливо звонитъ, призывая секретаря, метръ-д'отеля и лакеевъ, и отдаетъ имъ приказанія съ нѣкоторой торжественностью:

— Обѣдъ въ семь часовъ. Прислугу помѣстить въ третьемъ этажѣ—это удобнѣе для господъ и стòитъ вдвое дороже. Они не боятся расходовъ. Богатѣйшія двѣ семьи. Нужно только имъ угодить.

Румяный Трюбъ внѣ себя отъ радости. Теперь онъ не боится дождя и бури. Нужно только, чтобы они пріѣхали,—тогда ужъ они не такъ скоро сбѣгутъ. Даже если будетъ идти дождь, они станутъ дожидаться хорошей погоды.

II.

— Неужели же намъ оставаться въ Бэ до трехъ часовъ?

— Цѣлый день провести на вокзалѣ!

— Какая тоска, какая смертельная тоска!

— Синьоръ Закарелла! — кричатъ хоромъ нѣсколько взбѣшенныхъ голосовъ.

Синьоръ Закарелла не отвѣчаетъ, или, быть можетъ, даже не слышитъ. Окруженный носильщиками и прислугой, онъ занятъ выгрузкой вещей: поѣздъ стоитъ всего нѣсколько минутъ, и нужно вынести шестьдесятъ штукъ багажа.

— О, Розалѝ!—такъ старая герцогиня Монкавалло обращается къ своему брату, князю Розалино ди-Сантъ-Энодіо, внимательно читающему росписаніе поѣздовъ.—Розалѝ, неужели нельзя раньше поѣхать въ Вилларъ?

— Нѣтъ, милая Христина, мы пропустили поѣздъ. Въ Швейцаріи никогда нельзя попасть съ поѣзда на поѣздъ; это нарочно такъ устроивается для выгоды рестораторовъ. Придется завтракать въ этомъ дрянномъ кафè, которое они имѣютъ дерзость называть „Le grand restaurant de la gare“.

— Это невозможно, дядя Розалѝ!

Всѣ опять неистово зовутъ синьора Закарелла, который жестикулируетъ среди безчисленныхъ чемодановъ и сундуковъ и ругается, перемѣшивая нѣмецкія, французскія и итальянскія слова; онъ ищетъ то несессера донны Маріи-Граціи, то ящика съ красками молодой герцогини Ремигіи; суматоху увеличиваютъ еще путающіеся между ногъ два маленькихъ черныхъ пуделя, связанные одинъ съ другимъ серебряной цѣпочкой; они отчаянно лаютъ на поѣздъ. Наконецъ, всѣ вещи вынесены и поставлены подъ навѣсъ, поѣздъ отходитъ и наступаетъ тишина. Закарелла прибѣгаетъ на зовъ растерянной семьи.

— Вотъ и я, донна Марія! Простите, синьора герцогиня, съ этими идіотами швейцарцами можно потерять голову...

— Гдѣ же мы будемъ завтракать? Подумали вы объ этомъ?— повторяютъ хоромъ герцогиня и князь Розалино.

Прекрасная донна Марія-Грація д'Ореа, старшая дочь герцогини, стоитъ, опершись на высокій зонтикъ, и ничего не говоритъ; она не обращаетъ вниманія на окружающихъ. Ея большіе черные глаза глядятъ вдаль съ выраженіемъ глубокой грусти.

— Завтракъ заказанъ въ „Grand Hôtel de Bex“,—отвѣчаетъ Закарелла. Здѣсь насъ ждутъ два ландо; я ихъ заказалъ по телеграфу изъ Лозанны.

— Для меня не было ничего въ Лозаннѣ, синьоръ Закарелла?—спрашиваетъ донна Марія-Грація, вздрогнувъ отъ неожиданнаго порыва вѣтра.

— Нѣтъ, донна Марія.

— Такъ справьтесь, пожалуйста, здѣсь, на телеграфѣ,—

продолжаетъ она тихимъ, но яснымъ и необычайно пѣвучимъ голосомъ.—Луціанъ, можетъ быть, телеграфировалъ изъ Парижа, пріѣдетъ ли онъ въ Бэ или въ Эгль. А также оставьте, пожалуйста, нашъ адресъ въ Вилларѣ.

Голосъ донны Маріи-Граціи звучитъ печально; она ждетъ извѣстій отъ мужа скорѣе со страхомъ, чѣмъ съ надеждой.

Синьоръ Закарелла спѣшитъ въ телеграфное бюро, но возвращается оттуда съ отрицательнымъ отвѣтомъ:

— Ничего нѣтъ, донна Марія.

— А для меня? для меня?—спрашиваютъ хоромъ другіе.

— Ни для кого нѣтъ ничего... Пожалуйте, пора садиться въ экипажи.

Закарелла говоритъ рѣшительнымъ тономъ командира; недаромъ прислуга называетъ его „капитаномъ", хотя онъ только управляющій имѣньями своихъ господъ.

— Завтракъ заказанъ на двѣнадцать часовъ. Въ двухъ ландо помѣстятся дамы, князь, молодой маркизъ и mademoiselle. Я и лакеи поѣдемъ въ омнибусѣ. Паскале и нѣсколько человѣкъ прислуги останутся здѣсь. Я не могу оставить шестьдесятъ штукъ багажа безъ присмотра.

— Отлично, отлично! Вы великолѣпно распорядились!

"Капитанъ" совершенно равнодушенъ къ похваламъ герцогини Христины и князя Розалино. Онъ отлично знаетъ, что вся компанія, господа и прислуга, находится въ полной зависимости отъ него, исполняющаго приказанія единственнаго неограниченнаго повелителя—владѣльца милліоновъ, дона Луціана д'Ореа.

Герцогиня Христина и донна Марія уже сѣли въ коляску. Мать, Христина Монкавалло ди-Сантъ-Энодіо ди-Карпино, — герцогиня, княгиня и маркиза,—сохраняетъ и въ своей цвѣтущей старости тонкія черты своей дочери; на фонѣ волнистыхъ бѣлыхъ волосъ, такихъ же серебристыхъ, какъ длинная борода князя Розалино, красиво выдѣляется розоватая свѣжесть лица, а черное платье смягчаетъ ея строгій, царственный видъ.

— Гдѣ же Ремигія? Идолъ мой, гдѣ ты? – громко зоветъ герцогиня.

— Тотò! Mademoiselle! вы не видѣли, гдѣ малютка?—спрашиваетъ донна Марія, поворачивая голову къ второй коляскѣ.

— Она только-что была здѣсь,—отвѣчаетъ Тотò, сынъ князя Розалино, стройный, бѣлокурый юноша, одѣтый на англійскій манеръ, въ короткихъ панталонахъ. Онъ невозмутимо стоитъ подъ дождемъ, чтобы еще болѣе походить на чистокровнаго англичанина.

— Герцогиня Ремигія—въ кафе́,—отвѣчаетъ доннѣ Маріи mademoiselle.—Она пошла съ графиней Мими напоить Дина и Дона (такъ зовутъ двухъ маленькихъ пуделей, связанныхъ серебряной цѣпочкой).

— Что̀ за безобразіе! — бормочетъ довольно громко Закарелла.

— Идолъ, идолъ мой! скорѣе!

— Скорѣе, малютка! Не задерживай насъ!

— Не жди меня, мама. Поѣзжайте безъ меня въ Бэ!—раздается тонкій голосокъ изъ кафе́.—Я остаюсь здѣсь!

— Ты остаешься здѣсь? Что̀ это значитъ?—тревожно спрашиваетъ мать.

— Я остаюсь здѣсь,—повторяетъ Ремигія, показываясь подъ навѣсомъ платформы. Динъ и Донъ выбѣгаютъ вслѣдъ за ней, несутся во всю прыть къ коляскамъ и стараются впрыгнуть въ одну изъ нихъ.

— Паскале, уберите собачонокъ! Возьмите ихъ въ омнибусъ!—кричитъ синьоръ Закарелла взбѣшеннымъ голосомъ.

— Нѣтъ, синьоръ капитанъ, я этого не позволю: мои сокровища останутся со мной!

Герцогиня Ремигія, идолъ своей матери, подходитъ къ коляскамъ, держа въ одной рукѣ большой кусокъ хлѣба, а въ другой—кусокъ ветчины. Въ своемъ короткомъ альпійскомъ костюмѣ, въ большой соломенной шляпѣ набекрень, съ Alpenstock'омъ подъ мышкой—руки у нея заняты—молодая дѣвушка, очень высокая и худощавая, имѣетъ нѣсколько мальчишескій видъ. За ней идетъ, стуча сапогами, подбитыми гвоздями, коренастый швейцарскій горецъ, съ черными очками, надвинутыми на шляпу, поверхъ вѣнка изъ альпійскихъ розъ и цвѣтовъ Edelweiss. Это старый гидъ, изъ окрестностей Бэ. Ремигія заявляетъ, что идетъ смотрѣть разлитіе Роны вмѣстѣ съ Мими и нагонитъ остальную компанію въ Бэ. Она приглашаетъ идти съ собой и Тото, который молча киваетъ въ знакъ согласія: онъ по принципу не произноситъ лишнихъ словъ, чтобы какъ можно болѣе походить на англичанина. Мать и сестра тщетно пытаются отговорить „идола“ отъ ея предпріятія. Она непреклонна и, обѣщавъ строгому капитану Закарелла, что ровно въ три четверти третьяго вернется въ Бэ, увѣривъ мать, что не простудится и не подвергнется никакой опасности, убѣждаетъ ихъ уѣхать, и остается на станціи въ обществѣ гида, Тото, Мими и mademoiselle. Они всѣ подчиняются ея капризамъ, одни изъ любви, а другіе поневолѣ: всѣхъ ихъ она водитъ за собой, какъ связанныхъ цѣ-

почкой Дина и Доня. Мими обожаетъ Ремигію, Тото втайнѣ влюбленъ въ нее, а mademoiselle Jenny слушается ея, чтобы не потерять мѣсто,—она знаетъ, что до нея смѣнились три француженки.

— Несносная дѣвчонка!—ворчитъ синьоръ Закарелла, располагаясь поудобнѣе въ коляскѣ, въ которой онъ ѣдетъ одинъ, слѣдуя за ландо герцогини.—Невыносимая дѣвчонка!—Онъ ее терпѣть не могъ, потому что она вышучивала его и была всегда очень непочтительна. Впрочемъ, она никому не выказывала почтенія и никого не слушалась—даже свою мать. Ни герцогиня Христина, ни донна Марія никогда не рѣшались сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія „идолу", которому дѣйствительно всѣ поклонялись. Даже донъ Луціанъ, который вѣчно устроивалъ сцены всѣмъ членамъ семьи, очень сдерживалъ себя въ обращеніи съ Ремигіей. При первомъ же столкновеніи она дала ему серьезный отпоръ:

— Если ты думаешь, что доведешь меня до слезъ, какъ мою сестру, то очень ошибаешься!—сказала она. — Я тебя не боюсь, потому что хорошо тебя знаю.

Глаза дѣвушки при этомъ не смѣялись, а глядѣли на него острымъ взглядомъ. Луціанъ чувствовалъ, какъ онъ проникалъ ему въ душу, сердился и старался обратить все въ шутку.

„Не легко же будетъ справиться съ ней ея мужу! — думалъ онъ про себя.—Сестра ея—плакса, но зато я командую ею, какъ хочу. Между ними столько же общаго, какъ между бутылкой чернилъ... и бокаломъ шампанскаго"!

Донъ Луціанъ былъ правъ. Ремигія — миніатюрная блондинка, худенькая и розовенькая, вѣчно смѣющаяся, живая, какъ ртуть. Марія-Грація—высокая, стройная женщина, очень изящная, съ блестящими черными волосами и большими грустными черными глазами, въ которыхъ чувствуется поэтичная страдающая душа. Ей еще нѣтъ двадцати-семи лѣтъ, но на видъ ей больше тридцати, а „идолу"—двадцать, хотя иногда, когда она рѣзвится, на видъ ей не болѣе пятнадцати. Контрастъ между двумя сестрами всѣхъ поражаетъ, и нѣкоторые вѣрные поклонники старой герцогини, не допускающіе ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея строгой добродѣтели, объясняютъ это чудо тѣмъ, что донна Марія-Грація похожа на свою мать, а Ремигія на отца... умершаго много лѣтъ тому назадъ отъ прогрессивнаго паралича; нужно замѣтить, однако, что онъ не былъ ни маленькаго роста, ни блондинъ, ни человѣкъ съ сильнымъ характеромъ.

III.

Ремигія вернулась со своей свитой, какъ обѣщала, въ три четверти третьяго, наполнила залу ресторана шумомъ и гамомъ, заставила всѣхъ участвовать въ кормленіи Дина и Дона, затормошила бѣднаго капитана своими распоряженіями и, съ аппетитомъ уписывая завтракъ, стала смѣшить всѣхъ, разсказывая въ комичномъ видѣ подробности экскурсіи. Пришло время отъѣзда; подали уже лошадей, когда вдругъ явился portier и принесъ телеграмму.

— Отъ Луціана,—тихо проговорила донна Марія, взявъ телеграмму и спокойно раскрывая ее. Она знала, что ничего пріятнаго ее не ожидаетъ, а къ непріятнымъ сюрпризамъ она уже привыкла.

Прочтя телеграмму, она обратилась къ матери:

— Поѣзжайте одни въ Вилларъ. Я буду ждать Луціана въ Бэ.

Синьоръ Закарелла, взявъ въ руки распечатанную телеграмму, прочелъ ее сначала про себя, потомъ громко.

— „Купилъ автомобиль (это былъ предлогъ, подъ которымъ Луціанъ внезапно уѣхалъ изъ Люцерна въ Парижъ)—фирмы Мерцедесъ-Янко. Жди меня въ Бэ вмѣстѣ съ синьоромъ Закарелла. Твоя мать и семья пусть ѣдутъ въ Вилларъ. Привѣтъ".

Очевидно, Луціанъ д'Ореа хочетъ остаться наединѣ съ женою въ Бэ, и нельзя сказать, чтобы семья донны Маріи была этимъ недовольна. Возвращаясь изъ Парижа, Луціанъ бываетъ обыкновенно очень не въ духѣ и говоритъ всѣмъ непріятности. Во всякомъ случаѣ, никто не протестуетъ противъ его распоряженія и не выказываетъ неудовольствія. Всѣ поднимаются и собираются въ путь. Князь Розали уже готовъ и стоитъ у зеркала, явно любуясь собой. Серебристая борода придаетъ ему внушительный видъ. Стройный, изящный, онъ еще очень красивъ, и самъ, какъ и другіе, забываетъ, что ему уже стукнуло шестьдесятъ лѣтъ. Онъ цѣлуетъ въ лобъ „блѣдную мимозу", донну Марію, и по обыкновенію шутитъ на прощанье, говоря племянницѣ:—Помни, Марія, gratia plena, пословицу: возвращающемуся мужу—какъ отступающему непріятелю—нужно приготовить золотой мостъ.

Къ Маріи подходитъ мать, которая послѣ нѣкотораго колебанія проситъ дочь одолжить свою мѣховую накидку „идолу".

— Тебѣ здѣсь будетъ жарко, а мы тамъ, на тысячѣ трех-

стахъ метрахъ высоты, да еще при такомъ вѣтрѣ, будемъ мерзнуть, какъ въ Сибири... Поклонись Луціану,—прибавляетъ она.—Помни, что вѣдь ты всегда можешь дѣлать все, что̀ пожелаешь. Только не нужно ему противорѣчить. Конечно, у него тяжелый характеръ... но что̀ же дѣлать, дорогая, каждый изъ насъ несетъ свой крестъ!—Герцогиня крѣпко цѣлуетъ дочь, и видя, что у нея слезы на глазахъ, прижимаетъ ее къ сердцу, патетически вздыхаетъ и быстро уходитъ, чтобы не дать волю своимъ чувствамъ. Ремигія прощается съ сестрой, уже сидя въ колясвѣ, занятая своими собачками, и кричитъ ей:—Прощай, дорогая, до свиданія въ Вилларѣ!

Марія-Грація остается одна у подъѣзда отеля и глядитъ вслѣдъ отъѣзжающимъ коляскамъ; синьоръ Закарелла отправился на станцію распорядиться о билетахъ и багажѣ. Когда коляски скрываются изъ виду, она долго еще смотритъ вдаль.

— Какая пустота, Боже, Боже! — Какая пустота и въ ея душѣ!

Небо еще покрыто тучами, но дождь уже не идетъ. Марія дѣлаетъ машинально нѣсколько шаговъ и, не отдавая себѣ отчета, продолжаетъ идти дальше. Она видитъ маленькую церковь среди зелени, окруженную стѣной; церковь открыта, и она въ нее входитъ. Одна только лампадка теплится у статуи Мадонны, стоящей на алтарѣ, покрытомъ бѣлой скатертью. Статуя деревянная, сдѣланная неумѣлой рукой, но Маріи нравится убогая, какъ бы покинутая всѣми Мадонна; она глядитъ на нее съ умиленіемъ, и у нея становится легче на душѣ. Но когда она дольше разглядываетъ убогость статуи, въ потертомъ синемъ плащѣ, безъ всякихъ украшеній, ей снова становится грустно: ей кажется, что деревянная статуя повторяетъ ей, такой прекрасной и такой богатой, холодныя и страшныя слова, которыя ей говорятъ всѣ, отнимая у нея право даже на страданія и слезы.

— На что ты жалуешься? У тебя есть все—богатство, роскошь, молодость и красота. Ты можешь имѣть все, что̀ пожелаешь. Милліоны твоего мужа неисчерпаемы, и кошелекъ его всегда открытъ для тебя. Если это тебя не удовлетворяетъ, и ты все-таки считаешь себя несчастной, то это съ твоей стороны возмутительная неблагодарность... Осуши, осуши твои слезы!

Донна Марія слышитъ за своей спиной легкій стукъ шаговъ; кто-то сѣлъ на стулъ за нею. Она даже не оборачивается. Она знаетъ, что это—синьоръ Закарелла, которому ея мужъ далъ строгое приказаніе всюду слѣдить за ней и доносить ему обо всемъ, что̀ она дѣлаетъ.

IV.

Послѣ телеграммы, извѣщавшей о его пріѣздѣ въ Бэ, донъ Луціанъ не подаетъ больше признаковъ жизни. Проходитъ нѣсколько дней; Марія живетъ въ одиночествѣ и ждетъ. Синьоръ Закарелла обнаруживаетъ больше нетерпѣнія, и хотя ничего не говоритъ доннѣ Маріи, но внутренно взбѣшенъ противъ своего господина:—Зачѣмъ обрекать донну Марію на жизнь въ этомъ пеклѣ, гдѣ кишатъ комары и москиты? Вѣдь не трудно было бы послать телеграмму съ распоряженіемъ, чтобы она уѣхала въ Вилларъ къ матери. Но онъ не заботится о женѣ, поглощенный своей Фанфанъ.

Закарелла не смѣетъ взглянуть въ лицо донны Маріи,—до того ему стыдно за дона Луціана. Но она невозмутима, и все съ тѣмъ же спокойнымъ и грустнымъ лицомъ ждетъ грядущихъ событій.

Въ Вилларѣ тоже есть москиты, но тамъ свѣжо и въ „Tête pointue“ дни проходятъ незамѣтно. „Идолу“ весело; она окружена покорной ея капризамъ свитой, а глядя на нее, и мать ея сіяетъ отъ радости. Князь Розали очень доволенъ столомъ и помѣщеніемъ.—Здѣсь хорошо, значитъ нечего трогаться съ мѣста. Вся семья занята только заботами о личныхъ удобствахъ, боится нарушить свое благополучіе и все придумываетъ сентенціи для оправданія своего эгоизма. На этотъ разъ ихъ лозунгъ: „нельзя вмѣшиваться въ отношенія мужа и жены“. Слѣдуя этому мудрому правилу, старая герцогиня и ея братъ не телеграфируютъ и не пишутъ въ Бэ ничего, кромѣ „поклоновъ и поцѣлуевъ“, не спрашиваютъ о Луціанѣ, не удивляются его поведенію, не выражаютъ сожалѣнія объ отсутствіи Маріи, о томъ, что она томится въ одиночествѣ въ душномъ Бэ.

— ...Это ты, Марія? — телефонируетъ мать.—Какъ поживаешь?—мы тоже не дурно; „Идолу“ весело... А въ Бэ—жарко?—Синьоръ Трюбъ увѣряетъ, что хорошая погода продлится цѣлый мѣсяцъ. Прощай, дорогая! Всѣ мы шлемъ тебѣ привѣты и поцѣлуи. Поклонъ отъ дяди Розалино.

На этомъ разговоръ кончается.

Проходитъ недѣля, двѣ недѣли, а Марія все живетъ въ Бэ одна въ ожиданіи мужа, и почти не выходитъ изъ отеля, боясь, какъ бы мужъ не пріѣхалъ въ ея отсутствіе, и не разсердился, не заставъ ея. Наконецъ, по прошествіи двухъ недѣль, около десяти часовъ вечера, когда никто уже не ждетъ, раздается пых-

тѣніе мотора... „тэ-тэ-тэ-тёф-тёф-тёф“ — и появляется донъ Луціанъ; автомобиль его поврежденъ, такъ какъ по дорогѣ онъ налетѣлъ на телеграфный столбъ близъ Эгля.

Донъ Луціанъ взбѣшенъ. Соскочивъ на землю, онъ стоитъ у электрическаго фонаря, весь покрытый пылью, въ широкой кожаной курткѣ и огромной шапкѣ, жестикулируетъ, кричитъ хриплымъ голосомъ и кажется какимъ-то страшнымъ ночнымъ чудовищемъ. Прежде чѣмъ войти въ отель и поздороваться съ Маріей, онъ кричитъ на несчастнаго chauffeur'а, который ни въ чемъ не виноватъ, и отдаетъ тутъ же множество приказаній растерявшемуся Закарелла.

— Негодяи!

Неизвѣстно, къ кому это слово относится, можетъ быть къ какому-нибудь встрѣчному возницѣ, который не свернулъ во̀-время съ дороги, но во всякомъ случаѣ это—первое слово, съ которымъ онъ обращается къ женѣ, едва поздоровавшись съ нею. Потомъ онъ опять выходитъ изъ себя, потому что не застаетъ въ отелѣ телеграммы, которой онъ ожидалъ. Онъ всѣмъ недоволенъ: отель слишкомъ темный, комнаты неудобныя, ужинъ плохой, лакеи не умѣютъ подавать. Въ какіе-нибудь полчаса онъ успѣваетъ разругаться съ хозяиномъ, слугами, портье́. Отказавшись отъ кофе — „въ Швейцаріи кофе—настоящій ядъ!“ —говоритъ онъ,—онъ отправляется къ себѣ въ комнату въ сопровожденіи лакея, и закрываетъ за собой дверь. Донна Марія не знаетъ, что̀ дѣлать: ждать ли его, или идти спать. Уже послѣ полуночи изъ его комнаты выходитъ лакей Андрей и заявляетъ доннѣ Маріи, что донъ Луціанъ не велѣлъ себя будить утромъ, потому что хочетъ хорошо выспаться.

На слѣдующій день, однако, донъ Луціанъ встаетъ очень рано. Свѣжій, надушенный, въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, съ опущенной на глаза соломенной шляпой, онъ уже не похожъ на вчерашнее чудовище, хотя все еще въ скверномъ настроеніи духа. Луціанъ—красивый, стройный молодой человѣкъ, только преждевременно полысѣвшій. Съ самаго утра онъ начинаетъ ругаться съ хозяиномъ и прислугой, а за завтракомъ, выпивъ шоколадъ и съѣвъ множество хлѣба съ масломъ и медомъ, онъ начинаетъ дѣлать Маріи сцены ревности.

Донъ Луціанъ ревнуетъ жену не изъ любви къ ней, а изъ тщеславія и каприза, и главнымъ образомъ изъ деспотизма. Онъ считаетъ жену своей неприкосновенной собственностью, какъ своихъ лошадей, своего повара, своего chauffeur'а. Вернувшись изъ Парижа, онъ еще болѣе свирѣпствуетъ, изливая на женѣ

тѣ муки ревности, которымъ его подвергаетъ Фанфанъ. На Фанфанъ онъ тратитъ гораздо больше денегъ, чѣмъ на жену, а между тѣмъ она никогда не соглашалась признавать себя его собственностью. Ей нельзя устроивать сцены, и если бы Луціанъ сталъ слишкомъ ей надоѣдать, то у нея уже есть наготовѣ его соперникъ, американскій милліонеръ м-ръ Кеннетъ, „глицеринный король", стремящійся замѣнить Луціана въ сердцѣ Фанфанъ. Такимъ образомъ, добродѣтельная жена должна расплачиваться еще и за капризы пріятельницы своего мужа.

Марія-Грація не даетъ ни малѣйшаго повода къ ревности, но Луціанъ все-таки находитъ предлоги для сценъ. Въ Бэ таковымъ является молодой чахоточный англичанинъ, съ которымъ донна Марія обмѣнялась лишь нѣсколькими словами,—конечно, при Закарелла,—въ отсутствіе мужа. Она отвѣтила ему на нѣсколько вопросовъ объ Италіи, куда онъ собирался ѣхать. Въ первый день пріѣзда Луціана онъ подходитъ послѣ завтрака проститься съ Маріей-Граціей передъ отъѣздомъ въ горную санаторію въ Лейзинѣ. Донъ Луціанъ свирѣпо оглядываетъ его, а послѣ его ухода устроиваетъ дикую сцену Маріи, отдаетъ приказъ синьору Закарелла, чтобы отнынѣ завтракъ и обѣдъ подавались имъ въ комнату, и цѣлый день пристаетъ къ женѣ съ вопросами и попреками.

Марія сидитъ блѣдная и не отвѣчаетъ ему ни слова; только вечеромъ, за обѣдомъ, когда Луціанъ наконецъ замолкаетъ, у нея наполняются глаза слезами. Упреки мужа ее не огорчаютъ—она слишкомъ горда, чтобы страдать отъ такихъ отвратительныхъ и глупыхъ обвиненій; ей даже жалко мужа, который кажется ей больнымъ, безумнымъ,—но она чувствуетъ, что у нея устали нервы,—устали до ужаса. Какая мучительная жизнь—и никакого исхода изъ нея! Она знаетъ, что пожалуйся она матери или дядѣ Розалино, они бы стали успокоивать ее сентенціями, доказывать, что ревность мужа должна льстить женѣ, какъ доказательство его любви, и стали бы убѣждать ее, что ея доля—счастливая и завидная.

Къ концу обѣда, разгоряченный нѣсколькими бокалами шампанскаго, Луціанъ объявляетъ Закарелла, что уѣдетъ на нѣсколько дней въ Лозанну, и начинаетъ восторженно говорить о музыкѣ, о божественномъ дарѣ пѣнія, дѣлая довольно ясные намеки на Фанфанъ; тщеславіе его доходитъ до того, что онъ готовъ хвастать своими галантными похожденіями даже передъ женой. У него вдругъ является желаніе пѣть, и онъ требуетъ, чтобы Марія пошла съ нимъ въ салонъ, гдѣ есть рояль, и акком-

панировала ему. Въ музыкѣ онъ отличается постоянствомъ, и, избравъ какую-нибудь арію, поетъ уже только ее весь сезонъ. На этотъ разъ—очевидно подъ вліяніемъ Фанфанъ—онъ увлеченъ „Травіатой", и поетъ арію за аріей довольно фальшивымъ, непріятнымъ тенoромъ. Но невзыскательная публика въ салонѣ—нѣсколько старыхъ англичанокъ—приходитъ въ восторгъ, чтò очень льститъ тщеславію Луціана.

Пѣніе прерывается непріятнымъ для Луціана инцидентомъ: ему приносятъ телеграмму—отъ Фанфанъ, которая сообщаетъ ему, что въ виду своего колоссальнаго успѣха она еще остается въ Парижѣ и пріѣдетъ въ Лозанну только черезъ недѣлю.

Луціанъ внѣ себя: за словами телеграммы онъ видитъ призракъ американскаго милліонера. Онъ обрываетъ пѣніе и уходитъ, сопровождаемый женой и Закарелла. Встревоженные, они робко спрашиваютъ, не нужно ли ему чего-нибудь. Луціанъ грубо отвѣчаетъ, чтобъ его оставили въ покоѣ, что ему никто не нуженъ. Донна Марія уходитъ къ себѣ въ комнату, а онъ бѣжитъ на телеграфъ, ругается съ чиновникомъ, который не хочетъ открыть ему телеграфнаго бюро въ такой поздній часъ, но долженъ все-таки уступить его настояніямъ,—телеграфируетъ сначала въ рѣшительномъ и угрожающемъ тонѣ, потомъ, вслѣдъ за первой, посылаетъ вторую телеграмму, прося прощенія, соглашаясь на все и моля не забывать его.

V.

Такъ проходятъ дни за днями—очень невеселые для Маріи, и Луціанъ даже не упоминаетъ о поѣздкѣ въ Вилларъ. Когда Марія заговариваетъ о матери, Луціанъ сейчасъ же мѣняетъ тему разговора.

Какія у него намѣренія? Неужели придется остаться въ Бэ все лѣто? Прямо спросить его объ этомъ жена не рѣшается. Онъ попрежнему придирчивъ, дѣлаетъ Маріи-Граціи сцены ревности, а по вечерамъ поетъ „Травіату"... Потомъ вдругъ настроеніе его мѣняется; онъ перестаетъ кричать и браниться, перестаетъ пѣть и все время молчитъ, не отвѣчаетъ на вопросы, такъ что трудно угадать, чего онъ хочетъ, почти не ѣстъ за столомъ. Донна Марія и синьоръ Закарелла не знаютъ, чтò и думать, и предполагаютъ, конечно, что онъ встревоженъ какимъ-нибудь извѣстіемъ изъ Парижа. Но на этотъ разъ они оба ошиблись: въ его дурномъ расположеніи духа виноватъ не Парижъ, а Бо-

лонья. Объ этомъ узнаетъ раньше всѣхъ вѣрный Закарелла и спѣшитъ сообщить важную новость доннѣ Маріи.

— Черезъ нѣсколько дней сюда прибудетъ его превосходительство, чтобы поѣхать съ нами въ Вилларъ, гдѣ проведетъ все лѣто. Донъ Луціанъ,—Закарелла говоритъ въ полголоса, хотя онъ наединѣ съ донной Маріей,—донъ Луціанъ, вѣроятно, боится какихъ-нибудь замѣчаній и выговоровъ... Этимъ объясняется его раздраженіе.

— Ну, да, конечно, этимъ все объясняется,—говоритъ донна Марія, и внутренно чувствуетъ нѣкоторое облегченіе, предвидя хоть временный перерывъ преслѣдованій мужа.

Джіакомо д'Ореа—или „его превосходительство", какъ его почтительно называетъ синьоръ Закарелла—единственный братъ Луціана и старше его лѣтъ на десять. Онъ былъ его опекуномъ, и до нѣкоторой степени замѣнялъ ему отца. Онъ хотѣлъ воспитать Луціана въ современномъ духѣ, пріучить его къ труду, заинтересовать его искусствомъ, но всѣ его старанія были тщетны; Луціанъ не хотѣлъ учиться и работать, и увлекался только женщинами—въ особенности такими, на которыхъ нужно тратить много денегъ.

Теперь Луціанъ давно вышелъ изъ-подъ опеки брата, и можетъ располагать собой, какъ хочетъ, но онъ продолжаетъ нѣсколько бояться Джіакомо и долженъ подчиняться отчасти его авторитету, такъ какъ Джіакомо признается всѣми—также и Луціаномъ—главой семьи. Онъ внушаетъ всѣмъ уваженіе своимъ умомъ и трудолюбіемъ, а также своей честностью и скромнымъ образомъ жизни. Въ немъ сосредоточивалась энергія цѣлаго ряда поколѣній, и не осталось и слѣда грубости и жадности его предковъ; онъ вышелъ изъ семьи энергичныхъ и работящихъ людей средняго круга, и наслѣдственныя черты не выродились въ немъ, а напротивъ того, пріобрѣли гармоничную законченность и утонченность. Онъ проникся современнымъ духомъ равноправности и энергичнаго индивидуализма и зналъ, что важно не только пріобрѣтать какъ можно больше денегъ, но и умѣть разумно пользоваться ими. У него было много помѣстій, образцово устроенныхъ въ современномъ кооперативномъ духѣ; онъ принималъ участіе во многихъ новыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, внося во всѣ дѣла большое пониманіе, а также тонкое эстетическое чувство. Онъ не чувствовалъ особенной склонности къ политикѣ, но ему все-таки пришлось временно посвятить себя ей. Избранный депутатомъ, онъ былъ искреннимъ либераломъ, болѣе честнымъ, чѣмъ многіе его собратья, и черезъ два года

долженъ былъ принять портфель министра финансовъ по настоянію своей партіи. Но онъ недолго оставался министромъ. У него было достаточно ума и энергіи для видной политической роли, но онъ не умѣлъ „приспособляться къ обстоятельствамъ“ и интриговать. Желая провести реформы, въ которыхъ онъ видѣлъ путь къ экономическому возрожденію своей родины, онъ увидѣлъ, что приходится, для достиженія цѣли, идти на компромиссы, хитрить. Это возмутило его непреклонную гордость и честность, и онъ оставилъ постъ министра, чтобы вернуться къ своимъ промышленнымъ предпріятіямъ и управленію своихъ земель. Короткая политическая карьера не оставила въ немъ горечи; онъ пріобрѣлъ только бо̀льшій жизненный опытъ и сдѣлался болѣе осторожнымъ. Онъ не любилъ говорить о своемъ парламентскомъ прошломъ, отъ котораго у него остался только титулъ „превосходительства“, и то лишь въ тщеславной семьѣ его невѣстки,—причемъ никто не позволялъ себѣ произносить его въ присутствіи Джіакомо. Онъ требовалъ, чтобъ его просто называли Джіакомо д'Ореа—и даже просто Дореа, безъ апострофа. Онъ не скрывалъ скромнаго купеческаго происхожденія своей семьи—„мельницы и колбасныя лавки“,—по выраженію м-ссъ Эйръ. Апострофъ и титулъ „донъ“ были нововведеніями Луціана, надъ которыми Джіакомо смѣялся, въ особенности когда говорилъ о братѣ съ тетей Джіокондой, восьмидесятилѣтней старушкой, еще очень здоровой и бодрой. Она жила въ деревнѣ, потому что не могла пріучиться носить шляпы и жить по городскому. Она только посылала поклоны и подарки „двору Нанетто“ и не желала знакомиться съ семьей Луціана, чтобы не заставлять краснѣть своего племянника.

Джіакомо былъ очень противъ женитьбы Луціана на герцогинѣ Монкавалло, и старался всѣми силами отговорить его:

— Слишкомъ много титуловъ,—говорилъ онъ ему,—слишкомъ велика разница расъ и слишкомъ много блеска! Да и ты еще не созрѣлъ для семейной жизни.

Но именно этотъ блескъ и вскружилъ голову Луціану. Всѣ эти титулы и дворцы, позолота и кружева льстили его тщеславію,—и онъ не думалъ о томъ, что за этимъ скрываются долги и разореніе; его капризъ, его страсть къ Маріи все болѣе разгоралась, чѣмъ болѣе появлялось препятствій. Бракъ все-таки состоялся, и Джіакомо примирился съ совершившимся фактомъ. Монкавалло и ди-Сантъ-Эводіо были почти совсѣмъ разорены, и Джіакомо взялся управлять ихъ дѣлами, что̀ свелось къ полной

ликвидаціи и стоило Джіакомо много денегъ, такъ какъ онъ хотѣлъ сохранить престижъ родственниковъ Луціана.

У семьи д'Ореа много милліоновъ; ихъ хватаетъ даже для необузданныхъ капризовъ Луціана, но Джіакомо согласенъ потворствовать расточительности брата лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Ничего пятнающаго честь семьи онъ не намѣренъ допустить, и въ случаѣ надобности съумѣетъ выказать свою власть.

Теперь такой моментъ наступилъ. Онъ узналъ о связи Луціана съ Фанфанъ Тревёръ, узналъ, что въ три мѣсяца Луціанъ истратилъ на нее пятьсотъ-семьдесятъ тысячъ лиръ... и рѣшилъ, что положитъ этому конецъ.

Что̀ дѣлать? Написать ему?—это̀ не поможетъ. Вызвать Луціана въ Болонью?—это слишкомъ опасно...

Джіакомо рѣшается, наконецъ, отправиться въ Вилларъ вмѣстѣ съ братомъ и невѣсткой. Это ему не особенно улыбается; лѣто едва ли будетъ пріятное. Но другого исхода онъ не видитъ,—придется провести мѣсяцъ въ обществѣ родственниковъ Луціана.

Къ счастью, среди этихъ скучныхъ, несносныхъ людей есть исключеніе—Марія-Грація. Джіакомо любилъ бесѣдовать съ нею. Она нѣсколько холодна, слишкомъ величественна и сдержанна, но несомнѣнно умная и добрая женщина,—очень добрая, и такая несчастная. Но остальные члены семьи невыносимы: герцогиня-мать, которая точно поднимается съ трона, когда говоритъ и снисходительно даритъ свое вниманіе окружающимъ, князь Розалино со своей холодной любезностью,—всѣ ихъ разговоры объ аристократическихъ принципахъ, о семейныхъ чувствахъ при полномъ безсердечіи, при отсутствіи всякой искренности, вѣчный этикетъ... какая скука!

А все-таки приходится ѣхать въ Вилларъ.—Проклятая Фанфанъ!.. Проклятый мальчишка!

Дурное настроеніе Луціана, его молчаливость и отсутствіе аппетита продолжаются до дня прибытія Джіакомо; но наканунѣ его пріѣзда Луціанъ вдругъ снова становится разговорчивымъ и начинаетъ ѣсть съ аппетитомъ.

— Джіакомо ѣдетъ въ Вилларъ, будетъ жить вмѣстѣ съ моей тещей,—что̀ это значитъ?—онъ, очевидно, узналъ про Фанфанъ и собирается возвращать меня на стезю добродѣтели и экономіи... Но тутъ, очевидно, что-то скрывается и помимо Фанфанъ!

Донъ Луціанъ пересталъ угрюмо молчать—но всѣ его разговоры сводятся къ филиппикамъ противъ брата. Онъ напа-

даетъ на жену и на Закарелла за ихъ преклоненіе предъ Джіакомо, и хочетъ сдѣлать ихъ своими союзниками противъ брата.

— Онъ скучный педантъ,—брюзжитъ Луціанъ,—онъ напускаетъ на себя пуританскую скромность и лицемѣріе, скупъ и никому не довѣряетъ,—потому-то онъ и дѣлаетъ все самъ. Но,— тутъ Луціанъ глубоко вздыхаетъ,—ужъ если намъ приходится прожить вмѣстѣ мѣсяцъ, то лучше не ссориться, не правда ли, Марія? Я ненавижу семейные раздоры.

Для Луціана очень важно не ссориться съ братомъ. Пятьсотъ-семьдесятъ тысячъ лиръ уплачены въ Парижѣ Фанфанъ, но осталось уплатить еще очень много. Кромѣ того, Фанфанъ пріѣдетъ скоро въ Лозанну. Она хочетъ сдѣлать блестящую карьеру и пѣть въ Миланѣ, въ „La Scala"; для этого нужно много денегъ, а если онъ не дастъ, то у нея есть наготовѣ милліонеръ Кеннетъ. Чтобы бороться съ нимъ, нужны деньги— и придется выслушивать проповѣди брата, чтобы не ссориться съ нимъ. Вѣдь пріобрѣтаетъ богатство Джіакомо, а Луціанъ умѣетъ только тратить.

Бѣдный донъ Луціанъ чувствуетъ себя почти нищимъ, несмотря на свои милліоны. Какой онъ несчастный! Ему приходится жертвовать своей независимостью, своимъ самолюбіемъ, чтобы не ссориться съ братомъ, приходится также быть любезнымъ съ своей сентиментальной женой, чтобы Джіакомо не засталъ ее съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, когда пріѣдетъ въ Бэ.

— Я вѣдь никогда не дѣлалъ тебѣ ни малѣйшихъ непріятностей,—не правда ли, дорогая? Ты совершенно свободна и можешь располагать собой какъ знаешь, не правда ли, дорогая?

— Конечно, Луціанъ.

— Такъ я прошу тебя, чтобы въ тѣ нѣсколько дней, которые Джіакомо пробудетъ съ нами,—надѣюсь, что онъ не долго останется,—ты не была грустной, а имѣла довольный и счастливый видъ,—вѣдь ты счастлива, не правда ли, дорогая?

— Конечно, Луціанъ. Къ тому же, Джіакомо такой добрый. Онъ всегда былъ милъ ко мнѣ.

Луціанъ готовъ вспылить, но сдерживается, боясь снова довести жену до слезъ; онъ только позволяетъ себѣ, чтобы развлечь Марію и излить хоть отчасти свою досаду, посмѣяться надъ братомъ за его спиной.

— Ну, знаешь ли, онъ добрый только потому, что не умѣетъ быть злымъ. Вотъ человѣкъ, который обязанъ своей репутаціей и своими удачами именно своимъ недостаткамъ. Онъ не умѣетъ

тратить деньги; другого бы считали скупымъ, а онъ слыветъ великимъ финансистомъ. Онъ не умѣетъ одѣваться, не изященъ, и этимъ создалъ себѣ репутацію возвышеннаго и серьезнаго человѣка. Онъ всегда чувствовалъ себя неловко въ женскомъ обществѣ; другой бы казался смѣшнымъ, а онъ слыветъ образцомъ строгой нравственности... Храбрость моего брата всегда заключалась въ томъ, что онъ былъ труслив. Вотъ вамъ примѣръ: его назначаютъ министромъ. Другіе держатся на этомъ посту, пока не сломятъ себѣ шеи, а онъ испугался, сбѣжалъ—и создалъ себѣ репутацію непреклоннаго и сильнаго человѣка. Еслибы онъ остался министромъ, онъ былъ бы такимъ осломъ, какъ и другіе, а ушелъ—и прослылъ политическимъ геніемъ, непреклонно отстаивающимъ свои идеи. Развѣ я не правъ, синьоръ Закарелла?

Закарелла киваетъ головой, но при словѣ „оселъ" дѣлаетъ невольное движеніе протеста. Луціанъ это замѣчаетъ и настаиваетъ на своемъ.

— Ослы, ослы! Всѣ ослы становятся министрами. Всѣ политическіе дѣятели—ослы и шуты. Неужели ты, Марія, думаешь, что нужна хоть крупица таланта, чтобы выдвинуться въ политикѣ?

Настойчивый вопросъ Луціана заставляетъ Марію только поднять на него свои мягкіе черные глаза, кажущіеся еще болѣе черными и глубокими подъ ея бархатными рѣсницами; но она не отвѣчаетъ ему ни слова.

— Я ненавижу политику!..—продолжаетъ Луціанъ,—и открыто въ этомъ сознаюсь. Я предпочитаю спортъ, потому что онъ укрѣпляетъ тѣло и духъ. Посмотрите, какіе у меня мускулы!.. Онъ протягиваетъ вытянутую руку женѣ и синьору Закарелла, который громко выражаетъ свой восторгъ:

— Мраморъ!.. бронза!.. настоящая бронза!

— Я люблю искусство, литературу! Министромъ можно сдѣлаться, а поэтомъ и художникомъ нужно родиться. Я люблю музыку...—и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ распространяется о божественномъ дарѣ музыки и пѣнія.—Министромъ можно сдѣлаться, но теноромъ нужно родиться. Пѣніе утѣшаетъ и возвышаетъ душу!

Луціанъ поднимается, идетъ въ салонъ, открываетъ рояль, зоветъ Марію и подъ ея аккомпаниментъ поетъ цѣлый вечеръ аріи изъ „Травіаты".

На слѣдующій день, за завтракомъ, повторивъ еще нѣсколько разъ, что Джіакомо—педантъ, оселъ и скряга, Луціанъ объяв-

ляетъ женѣ, что они поѣдутъ вдвоемъ въ Монтрё на автомобилѣ на встрѣчу брату.

— Такъ помни, Марія, о чемъ я тебя просилъ. Не хандри. Кажись такою, какова ты въ дѣйствительности, т.-е. довольной и счастливой!

VI.

Какъ только въ Виллярѣ узнаютъ отъ „дорогой Маріи", что Луціанъ наконецъ пріѣхалъ въ Бэ, вся семья посылаетъ по телефону и ему „поклоны и поцѣлуи", и больше ничего: онѣ знаютъ, что благоразумнѣе всего молчать.

Дни проходятъ за днями безъ всякихъ извѣстій изъ Бэ, а герцогиня-мать изрѣдка обмѣнивается съ братомъ нѣсколькими словами по этому поводу; она удивляется, что „нашъ Луціанъ и наша дорогая Марія" все еще не сообщаютъ о своемъ пріѣздѣ. Но... „нельзя вмѣшиваться въ отношенія мужа и жены"—и всѣ молчатъ и веселятся.

Для герцогини Христины и князя Розалино каждый день, проведенный безъ Луціана, является выигрышемъ и лишнимъ днемъ полной свободы и возможности проявлять свою grandezza, не подвергаясь насмѣшкамъ и замѣчаніямъ Луціана. Ремигія тоже довольна отсутствіемъ сестры, при которой она чувствуетъ себя всегда отодвинутой на второй планъ. Когда есть на лицо красавица Марія-Грація, на бѣдную малютку смотрятъ какъ на ребенка. Во-первыхъ, синьора д'Ореа замужемъ, а Ремигія еще барышня; затѣмъ Марія—воплощеніе граціи и женственности, а Ремигія—сущій дьяволенокъ... и всегда черные волосы и грустные поэтичные глаза одерживаютъ верхъ надъ веселымъ и лукавымъ личикомъ голубоглазой младшей сестры. Пусть она лучше остается въ Бэ, пока Ремигія не найдетъ для себя какого-нибудь второго дона Луціана... хотя бы стараго и некрасиваго, какъ баронъ Данова. Не все ли равно: онъ будетъ тѣмъ болѣе добрымъ и послушнымъ мужемъ.

Недоволенъ и встревоженъ одинъ только синьоръ Трюбъ. Теперь въ Виллярѣ стоитъ чудная погода, но слишкомъ ужъ знойная; метеорологъ Трюбъ предвидитъ новый періодъ дождей и боится, что оставшіеся въ Бэ, вмѣсто того, чтобы подняться въ Вилларъ, отзовутъ и остальныхъ членовъ семьи. Трюбъ всегда ждетъ неожиданностей отъ итальянскаго легкомыслія, и не считаетъ себя въ безопасности, пока вся семья не соберется въ „Tête-pointue".

— Что слышно, князь?

Только съ княземъ Розалино Трюбъ и можетъ говорить. Герцогиня Ремигія очень привѣтлива, но постоянно хохочетъ, и Трюбу кажется, что она вышучиваетъ его. Остальные очень сдержанны и едва киваютъ головой въ отвѣтъ на его постоянные низкіе поклоны. Съ мажордомомъ и лакеями нельзя разговаривать, не угостивъ ихъ бутылкой вина.

— Ну, такъ какъ же, князь? Когда пріѣдутъ герцогъ и герцогиня д'Ореа?—Трюбъ путается въ такомъ количествѣ различныхъ титуловъ, и изъ предосторожности производитъ всѣхъ въ герцоги.

— Еще ничего не писали. Имъ, очевидно, пріятно живется въ Бэ.

— Это невозможно, князь! Вѣдь теперь въ Бэ тридцать градусовъ жары, всѣ оттуда бѣгутъ. Меня каждый день забрасываютъ просьбами о комнатахъ. Знатнѣйшія семьи изъ Америки, даже изъ Австраліи, желаютъ провести все лѣто въ „Tête-pointue"; я то-и-дѣло всѣмъ отказываю. Узнали какимъ-то образомъ, что самыя лучшія комнаты, оставленныя для герцога и герцогини д'Ореа, теперь свободны, и ко мнѣ пристаютъ, чтобы я ихъ сдалъ.

— А вы отвѣтьте, что комнаты заняты, и дѣло съ концомъ. Если моя племянница не пріѣзжаетъ сюда, значитъ ей хорошо въ Бэ. Отъ добра добра не ищутъ.

Въ ясные лунные вечера съ большой террассы отеля виднѣются вдали, въ самой глубинѣ долины, желтоватые огоньки: это Бэ. Какъ тамъ должно быть жарко, если здѣсь, на высотѣ, едва можно дышать! И какъ несносенъ, должно быть, Луціанъ, retour de Paris! Какіе капризы, какія сцены!.. Но чтобы не разстроивать себя грустными мыслями, мать Маріи старается думать о другомъ; она прерываетъ блаженное молчаніе брата, отдыхающаго въ креслѣ послѣ обѣда, разговорами о томъ, что Луціанъ, вѣроятно, привезъ чудные подарки женѣ изъ Парижа, какъ въ прошлый разъ, когда онъ преподнесъ ей удивительную нитку жемчуга, цѣной въ шестьдесятъ тысячъ лиръ.

— Вѣдь Марія въ сущности очень счастлива, у нея есть все, чего она только пожелаетъ... Сколько женщинъ хотѣли бы быть на ея мѣстѣ!... Конечно, нѣтъ розы безъ шиповъ...

Успокоивая такими словами свое материнское сердце, герцогиня Христина со спокойной совѣстью радуется веселому настроенію духа „идола". Пріѣхавъ въ „Tête pointue", Ремигія сразу обратила на себя вниманіе собравшихся у входа пансіонеровъ

своимъ мальчишескимъ видомъ и своими властными манерами. Она покрикиваетъ на своихъ собачекъ, которыя вырвались у нея и не хотятъ дать себя сцѣпить, и, пользуясь ихъ непослушаніемъ, бѣгаетъ, топаетъ ножкой и кричитъ своимъ тонкимъ, серебристымъ голоскомъ—для того, конечно, чтобы всѣ ею любовались:

— Динъ! Донъ! скорѣе сюда!.. Славный Донъ! Сокровище мое!.. и Динъ тоже. Бѣдненькій, дорогой Динъ!

— Какая ножка! какая талія!.. Да вѣдь она настоящій огонь, эта малютка!—Баронъ Марко Данова въ полномъ восторгѣ.—Могу васъ поздравить, синьоръ Трюбъ!

Ремигія видитъ, что произвела впечатлѣніе, и предвкушаетъ радость ожидающихъ ее побѣдъ... Ей будетъ весело въ Вилларѣ! Какое счастье для нея, что Марія-Грація осталась въ Бэ!

Она окидываетъ быстрымъ взглядомъ дамъ, гуляющихъ по саду, и другихъ, которыя читаютъ или ходятъ по hall'у, и сразу опредѣляетъ, къ какому кругу общества онѣ принадлежатъ: двѣ француженки изъ Женевы; англичанки, путешествующія по круговымъ билетамъ Кука и Комп.; бо́льшая же часть пансіонерокъ—нѣмки, разряженныя въ пестрыя, безвкусныя блузки... Къ сожалѣнію, и среди мужчинъ тоже еще не видно „второго дона Луціана“.

Въ первый вечеръ знатная итальянская семья пообѣдала поздно въ ресторанѣ, погуляла съ полчаса въ саду и ушла рано спать, чтобы отдохнуть съ дороги. Только Тото еще остался выкурить обязательную трубку табаку, хотя усталъ больше другихъ и очень нуждался въ отдыхѣ. Лицо его выражаетъ не только усталость, но также досаду и тревогу. Онъ внимательно оглядываетъ пансіонеровъ. Ремигія должна была бы согласиться, что онъ, въ своемъ безупречномъ смокингѣ и въ сѣромъ бэретѣ, имѣетъ болѣе англійскій видъ, чѣмъ всѣ эти настоящіе англичане въ „Tête-pointue“,—но вѣдь она такая кокетка и такъ несправедлива къ нему!

„Идолу“ нѣтъ времени думать о Тото. Чинно гуляя подъ-руку съ матерью,—Дина и Дона убрали, и теперь не время гоняться за ними,—она уже замѣтила, хотя и не подаетъ вида, что всѣ молодые люди—тѣ, съ которыми ей придется танцовать и играть въ тэннисъ,—слѣдятъ за ней съ явнымъ восхищеніемъ. Она замѣтила также, что и болѣе степенные люди глядятъ ей вслѣдъ, въ особенности одинъ съ черной бородой, точно выкрашенной ваксой, тотъ, который прошепталъ Трюбу:—Какая ножка! какая талія!

Ремигія, вмѣстѣ съ Мими Карфо и mademoiselle, занимаетъ комнаты во второмъ этажѣ. Спальни обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ—рядомъ, и соединяющая ихъ дверь открыта. За комнатой Ремигіи, съ другой стороны, идетъ маленькій салонъ, а потомъ комната mademoiselle.

— Угадай, Ремигія, кто въ Вилларѣ?—говоритъ Мими подругѣ, въ то время, какъ обѣ онѣ раздѣваются въ своихъ комнатахъ.

— Кто?—спрашиваетъ Ремигія, показываясь на порогѣ въ ночной кофточкѣ и нижней юбкѣ.

Мими заплела на ночь свои роскошные свѣтлые волосы, болѣе темнаго оттѣнка, чѣмъ у Ремигіи, и ложится въ постель. Она—красивая, нѣсколько полная дѣвушка, и слишкомъ худенькая Ремигія часто завидуетъ округленности ея формъ.

Мими хохочетъ и не сразу отвѣчаетъ на вопросъ подруги, подзадоривая ея любопытство. Наконецъ она объявляетъ, что горничная герцогини Христины увидѣла въ корридорѣ желтое, сухое лицо и злые искрящіеся глаза ихъ старой знакомой изъ Villa d'Este.

— М-ссъ Эйръ!—радостно восклицаетъ Ремигія. Это извѣстіе приводитъ ее въ такой восторгъ, что она скачетъ по комнатѣ, подбѣгаетъ къ Мими, которая уже легла въ постель, душитъ ее поцѣлуями, кричитъ:—Вотъ радость, вотъ радость!—и зоветъ mademoiselle, чтобы сообщить ей радостную вѣсть.

Француженка приходитъ съ заспанными глазами, и при словахъ Ремигіи улыбается только губами,—глаза у нея потухшіе и никогда не смѣются и не блестятъ.

— Я уже знаю объ этомъ,—отвѣчаетъ она.—Она уже сцѣпилась съ Каролиной и безъ конца повторяетъ: „Запрещено! запрещено!"—Она все такая же, какъ и въ Villa d'Este: все та же война противъ Дина и Дона. Она говоритъ, что не позволитъ имъ спать въ комнатѣ Каролины, потому что эта комната—рядомъ съ нею самой,—говоритъ, что сдѣлаетъ заявленіе хозяину.

— Ну-съ, мы повоюемъ съ ней!—весело отвѣчаетъ Ремигія.—Завтра же съ утра захватимъ „Times", Тото будетъ непрерывно курить трубку въ ея присутствіи, будемъ бѣгать по корридору и заявимъ хозяину, что при первомъ запрещеніи чего бы то ни было вся компанія уѣдетъ въ Гліонъ или Ко. Дину и Дону должна быть предоставлена полная свобода, а каждый вечеръ—музыка и танцы за полночь.

— Каждый вечеръ танцы?—говоритъ болѣе разсудительная

Мими:—а откуда же взять танцоровъ? Въ Вилларѣ, кажется, молодыхъ людей мало.

— Ты это тоже замѣтила, Мими? А тѣ, которые есть здѣсь, очевидно, французы изъ Женевы: никакого шика! Сегодня вечеромъ на верандѣ я замѣтила только одного возможнаго танцора, изящнаго молодого человѣка съ бѣлой гвоздикой въ петлицѣ и съ моноклемъ... Онъ навѣрное англичанинъ. Но и онъ носитъ бѣлый галстухъ при смокингѣ—это вѣдь ужасно! Ремигія грустно качаетъ головой.—И чего это мамѣ пришло въ голову...

Mademoiselle чувствуетъ, что „идолъ" имѣетъ что-то противъ матери; чтобы не вмѣшиваться въ семейную распрю, она говоритъ, что устала, и уходитъ къ себѣ въ комнату, пожелавъ обѣимъ дѣвушкамъ спокойной ночи.

Ремигія садится на постель къ Мими.

— Я, право, не понимаю мою мать,—говоритъ она.—Если она хочетъ, чтобы я нашла себѣ тоже какого-нибудь дона Луціана, почему не везетъ меня въ Сенъ-Морисъ или въ Остенде?.. Вилларъ—мѣсто для невѣстъ съ хорошимъ приданымъ и скромнымъ характеромъ, а не для такихъ, какъ я.

Глаза Мими наполняются слезами. Ей всегда грустно, когда Ремигія начинаетъ говорить о своемъ замужествѣ.

— Не безпокойся, это еще не такъ скоро будетъ,—говоритъ Ремигія. Но, успокоивъ Мими, она опять принимаетъ озабоченный видъ. Да и найду ли я когда-нибудь второго дона Луціана? Молодой или старый, это мнѣ все равно. Я только не хочу сдѣлать худшую партію, чѣмъ сестра. Любви я не ищу. Я вѣдь не такая влюбчивая, какъ ты...

Мими ничего не отвѣчаетъ: подруга ея сказала правду. Мими не то что влюбчива, а мечтаетъ о любви, которой бы она отдалась всей душой,—хотя бы любовь эта требовала величайшаго самопожертвованія. Но Мими надѣется, что ея жизнь озарится любовью. Она—дочь майора, умершаго въ Африкѣ; мать ея живетъ въ Сициліи на жалкую пенсію, и еще счастье для Мими, что ее взяла къ себѣ герцогиня Монкавалло, ея далекая родственница, и возитъ ее всюду съ собой, чтобы сдѣлать удовольствіе Ремигіи. При такихъ обстоятельствахъ, едва ли у нея будетъ случай полюбить кого-нибудь и встрѣтить взаимность. Мими Карфо слишкомъ строго воспитана, слишкомъ добродѣтельна и благочестива, чтобы представить себѣ возможность иной любви, кромѣ той, которая ведетъ къ браку.

— Что̀ съ тобой, Мими? О чемъ ты задумалась?

— Такъ, обо всемъ вообще... Ни о чемъ въ частности. Я устала, спокойной ночи!

— Я тоже пойду спать. Спокойной ночи!..

Поцѣловавъ Мими, Ремигія идетъ въ свою комнату и, раздѣваясь, оглядываетъ себя въ зеркалѣ. Распущенные длинные волосы окружаютъ ее нѣжнымъ золотистымъ сіяніемъ. Волосы у нея дѣйствительно великолѣпные, но какъ бы слишкомъ тяжелы для ея хрупкой, тоненькой фигуры. Красивые голубые глаза... алыя губы... Все лицо интересное, живое. Но Ремигія недовольна своей худобой. Быстро затушивъ электрическій свѣтъ, она спѣшитъ лечь въ постель, но она еще долго не можетъ заснуть.

„Нѣтъ, въ меня никто не влюбится!—съ отчаяніемъ думаетъ она:—я слишкомъ маленькая и невзрачная. Чтобы выйти замужъ безъ приданаго, нужна другая наружность,—такая, какъ у моей сестры. Хорошо какой-нибудь Фанфанъ,—ей не нужно приданаго, не нужно выходить замужъ,—у нея нѣтъ родныхъ, которые бы ей мѣшали жить, какъ хочетъ. У меня только волосы красивые, а однимъ этимъ нельзя понравиться... Неужели же я не сдѣлаю блестящей партіи? Неужели меня будутъ возить по озерамъ, горамъ и морямъ, а потомъ придется удовольствоваться бракомъ по любви? Еще годъ или два, и всякая надежда будетъ потеряна; придется выйти замужъ за Тото. Послѣ смерти отца онъ сдѣлается княземъ ди Сантъ-Энодіо,—но кромѣ титула у него ничего не будетъ.

„Что-жъ дѣлать, выйду замужъ за Тото! — лишь бы онъ только не надоѣдалъ мнѣ своей любовью. А не то пойду за дядю Розали“. Ремигія смѣется, думая о томъ, какое лицо будетъ у Тото, напускающаго на себя обыкновенно англійскую холодность, когда его соперникомъ окажется его собственный отецъ; продолжая смѣяться, она забываетъ о своихъ печаляхъ и спокойно засыпаетъ.

Мими еще долго не можетъ заснуть. Она терзается мыслями о Ремигіи, которую въ своей невинности считаетъ ангеломъ красоты и невинности. Она увѣрена, что всѣ должны ее обожать, а избранникъ Ремигіи рисуется ей въ самыхъ идеальныхъ краскахъ, сказочнымъ существомъ, воплощеннымъ на землѣ въ образѣ какого-нибудь юнаго Зигфрида съ мистической печальной душой Лоэнгрина. Мими заранѣе готова обожать его, и долго не спитъ, мечтая о грядущемъ счастьи подруги, которую она надѣляетъ въ воображеніи всѣми качествами своей собственной идеально-чистой и возвышенной души.

Одна только mademoiselle засыпаетъ въ этотъ вечеръ сей-

часъ же, и видитъ во снѣ Дина и Дона; они убѣгаютъ отъ нея, она гонится за ними; Ремигія сидитъ въ лодкѣ и зоветъ ее. Она бросается въ воду, плыветъ и никакъ не можетъ двигаться въ тяжелой водѣ, которая тянетъ ее внизъ.... душитъ ее...

VII.

„Идолъ" въ бѣшенствѣ противъ Тото, который вмѣсто того, чтобы быть любезнымъ и заводить знакомства, ни съ кѣмъ не разговариваетъ и старается всѣхъ отдалить своей холодностью.

Тото ревнивъ. Подъ его англійской наружностью скрывается горячее южное сердце, и теперь онъ напускаетъ на себя неприступность не только изъ рисовки, а изъ хитрости, внушенной любовью; онъ старается никого не допустить къ Ремигіи. Онъ тоже замѣтилъ съ облегченіемъ, что пока въ „Tête-pointue" нѣтъ второго дона Луціана,—но онъ можетъ появиться съ минуты на минуту.

Съ непроницаемо-холоднымъ лицомъ, невозмутимо куря трубку, онъ съ притворнымъ равнодушіемъ, но скрытой тревогой освѣдомляется ежедневно у Трюба о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ пансіонерахъ: каждый пріѣздъ безпокоитъ его; каждый отъѣздъ облегчаетъ душу.

Но и безъ второго дона Луціана несчастный Тото не можетъ надѣяться ни на минуту покоя. Любя Ремигію,—развѣ можно быть спокойнымъ?

Когда они наединѣ — т.-е. только съ ея матерью и его отцомъ, когда они ѣдутъ въ коляскѣ или въ отдѣльномъ купэ,— но только тогда,—Ремигія бываетъ мила съ нимъ. Онъ пользуется этимъ, чтобы дѣлать ей упреки, читать мораль, вздыхать и вымаливать у нея неправдоподобныя обѣщанія серьезности и послушанія. Ремигія выслушиваетъ его тогда безъ гнѣва, почти покорно, не смѣется, а нѣжно улыбается и все обѣщаетъ... Но какъ только на сцену появляются другіе, т.-е. мужчины какой бы то ни было національности, Ремигія все забываетъ, громко говоритъ, хохочетъ и глаза у нея блестятъ. Она забываетъ о Тото, и думаетъ только о другихъ. У нея какое-то бѣшеное желаніе всѣмъ нравиться, всѣхъ покорить, произвести впечатлѣніе на всѣхъ, даже на хозяина отеля и на портьè.

— Какое отчаяніе, какой адъ,—бормочетъ Тото,—любить такую кокетку!

Онъ все время повторяетъ, что общество въ Вилларѣ—самое

неподходящее, что все это — люди безъ всякаго шика, что среди пансіонеровъ нѣтъ ни одного человѣка съ именемъ, — онъ справлялся по книгѣ для пріѣзжихъ, — и что поэтому имъ не слѣдуетъ ни съ кѣмъ знакомиться.

— Да и къ чему они намъ? — говоритъ онъ. — Для тэнниса насъ, вмѣстѣ съ mademoiselle, четверо, такъ что намъ никого другого не нужно.

Тото надѣется такимъ образомъ устранить всякія новыя знакомства, — но онъ не принялъ въ разсчетъ Дина и Дона, настолько общительныхъ и ласковыхъ со всѣми, что, благодаря имъ, Ремигія вскорѣ знакомится со всѣми пансіонерами. Начинается это съ того, что Ремигія ежедневно кормитъ своихъ собачекъ на террасѣ, сейчасъ же послѣ общаго обѣда. Это происходитъ очень торжественно; самъ хозяинъ отеля — къ ужасу м-ссъ Эйръ — выноситъ двѣ миски съ супомъ, и Идолъ присутствуетъ при ѣдѣ своихъ „дорогихъ сокровищъ", громко осыпая ихъ ласками, безпокоится, чтобы онѣ не простудились, спрашиваетъ хозяина, не слишкомъ ли горячъ супъ, и громко разсказываетъ о замѣчательномъ умѣ Дина и Дона, о томъ, какъ она ихъ обожаетъ. Окруженная своей свитой, Тото, Мими и Mademoiselle, Ремигія обращаетъ на себя общее вниманіе своей живостью, своимъ веселымъ смѣхомъ, и всѣ пансіонеры — въ особенности мужчины — тоже выходятъ на террассу смотрѣть, какъ она кормитъ собачекъ, и восторгаются красотой Дина и Дона. Вначалѣ они только обмѣниваются между собой замѣчаніями относительно крошечныхъ черныхъ пуделей, и Марко Данова съ видомъ знатока увѣряетъ, что такія собачки въ большой модѣ въ Парижѣ, и что онѣ навѣрное стоютъ тысячи двѣ франковъ. Восхищаясь собачками, баронъ главнымъ образомъ, однако, разглядываетъ очаровательную молодую дѣвушку, восторгается ея ножками, таліей, волосами, ртомъ, и находитъ ее чрезвычайно интересной и пикантной. Онъ старается обратить на себя ея вниманіе, обсуждая внутренно вопросъ, могутъ ли у него быть шансы на успѣхъ, если онъ начнетъ ухаживать за нею.

„Въ сущности, почему же нѣтъ? — думаетъ онъ. — Красивыя женщины созданы для богатыхъ мужчинъ... Жениться вѣдь то же самое, что купить. Какой у нея голосъ!.. Она, положительно, можетъ вернуть молодость!.. Почему бы не попытаться?" — Милліонеръ чувствуетъ силу своихъ денегъ даже надъ молодостью и невиннымъ видомъ юной герцогини, въ жилахъ которой течетъ кровь неаполитанскихъ и сицилійскихъ королей. Онъ рѣшается завязать знакомство съ очаровательной дѣвушкой. Герцогиня

Христина и ея братъ пьютъ кофе, стоя тутъ же на террасѣ. Тото куритъ свою вѣчную трубку, весь дрожа внутренно отъ бѣшенства, но Марко Данова обращается прямо къ Ремигіи:

— Какъ ихъ зовутъ? Я хотѣлъ бы узнать имена этихъ двухъ сокровищъ. Онъ сто разъ слышалъ ихъ имена—Ремигія наполняла весь отель криками: Динъ! Донъ!—но онъ, конечно, дѣлаетъ видъ, что не знаетъ.

— Какъ ихъ зовутъ?

Наступаетъ сначала короткая пауза, потомъ Ремигія, опустивъ глаза и покраснѣвъ, отвѣчаетъ:

— Одного—вотъ этого—зовутъ Динъ, а другого—Донъ.

— Динъ и Донъ?—баронъ громко и весело хохочетъ, а Ремигія поднимаетъ голову и быстро оглядываетъ его. Она не видитъ въ немъ ни его клювообразнаго носа, ни крашеной черной бороды, а только возможнаго... второго дона Луціана.

— Динъ—Донъ! Динъ—Донъ!—повторяетъ Данова, дѣлая видъ, точно звонитъ въ колокольчикъ.—Какъ это удивительно остроумно!

— Динъ—Донъ! Динъ—Донъ!—вторятъ ему синьоръ Трюбъ и сама Ремигія, а за ними и собравшіеся вокругъ нихъ остальные пансіонеры. Всѣ вставляютъ свои замѣчанія и обращаются прямо къ Ремигіи. „Ледъ разбитъ“, и всѣ уже считаютъ себя ея знакомыми. Молодой англичанинъ, съ гвоздикой въ петлицѣ и съ моноклемъ, тоже принимаетъ участіе въ общемъ разговорѣ,—одинъ только Тото стоитъ въ сторонѣ и злится. У него потухла трубка; но когда хозяинъ подноситъ ему спичку, чтобы снова зажечь, Тото такъ сердито глядитъ на него, что тотъ поспѣшно отходитъ. Бѣднаго юношу терзаетъ ревность... Что̀ за возмутительная кокетка!.. Никѣмъ она не гнушается, даже такими вульгарными людьми. Нѣтъ у нея ни сердца, ни гордости. И какъ это отецъ и тетка не умѣютъ охранять своего достоинства!

Но „идолъ“ въ восторгѣ отъ своего успѣха и не обращаетъ никакого вниманія на кузена. Старая герцогиня тоже рада, что ея любимицѣ весело, и привѣтливо улыбается всѣмъ.

Тото не въ состояніи больше этого вынести; онъ подходитъ къ Ремигіи и говоритъ ей сухимъ тономъ:

— Я уѣзжаю... въ Эгль...

— Отлично! Привези мнѣ персиковъ и хорошую дыню.

Князь Розалино и герцогиня Христина даютъ ему тоже рядъ порученій,—просятъ купить папиросъ, о-де-колонъ, бѣлую и красную шерсть... Mademoiselle даетъ два письма, съ просьбой опустить ихъ въ Эглѣ, чтобъ они скорѣе дошли. Тото уходитъ,

и въ ушахъ его еще звучитъ раздражающій его веселый смѣхъ Ремигіи.

„Я не вернусь больше въ Вилларъ, не вернусь!“—повторяетъ онъ про себя, хотя въ глубинѣ души уже раскаявается въ своей выходкѣ. На террасѣ веселье все ростетъ, разговоры становятся все болѣе непринужденными и дружественными.

— Vous permettez, mademoiselle?

Молодой блондинъ съ гвоздикой въ петлицѣ подходитъ, держа высоко на воздухѣ кусокъ сахара, и показываетъ его издали собачкамъ, которыя, завидя угощеніе, становятся на заднія лапки и поднимаютъ мордочки. Ремигія краснѣетъ, кивая головой и опуская глаза, но сейчасъ же поднимаетъ голову и поправляетъ себѣ прическу. Она очень сдержанна съ англичаниномъ, какъ всегда съ молодыми людьми, зная что этимъ еще болѣе привлекаетъ ихъ. Она не благодаритъ англичанина ни единымъ словомъ, но покрикиваетъ на собачекъ, требуя, чтобы онѣ продолжали служить и подали лапку, благодаря за сахаръ.

Дону понравилось давать лапку, и послѣ англичанина онъ подаетъ ее и Марку Данова, который въ полномъ восторгѣ отъ такой любезности.

— Браво, браво! Вотъ такъ благовоспитанный джентльменъ! Теперь мы друзья на всю жизнь!—говоритъ онъ, пожимая лапку и Дину.

Марко Данова чувствуетъ, что теперь уже будетъ легко познакомиться со всей семьей, развязно подходитъ къ герцогинѣ и, снявъ шляпу,—причемъ обнажается его большая лысина,—заговариваетъ съ нею:

— Я знаю въ Болоньѣ депутата Джіакомо д'Ореа, бывшаго министра; я съ нимъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Можетъ быть, это и есть вашъ зять, пріѣзда котораго ожидаютъ въ Вилларѣ?

— Нѣтъ,—герцогиня киваетъ головой въ отвѣтъ на поклонъ, сопровождая этотъ жестъ привѣтливой улыбкой.—Нѣтъ, Джіакомо—братъ моего зятя.

Данова снова надѣваетъ шляпу и продолжаетъ говорить громкимъ, самоувѣреннымъ голосомъ:

— Удивительный человѣкъ! Очень талантливый и дѣятельный, настоящій аристократъ. Его слову можно такъ же вѣрить, какъ его подписи... Такъ, значитъ, онъ—вашъ родственникъ... Я еще вчера только писалъ ему по одному дѣлу. Позвольте представиться вамъ: Марко Данова. На высотѣ тысячи трехсотъ метровъ можно вѣдь не такъ строго соблюдать правила этикета.

Марко Данова продолжаетъ непринужденно разговаривать съ

видомъ собственника Виллара,—говоритъ о Боловьѣ, о Джіакомо, о милліонахъ и о мельницахъ, прерываетъ себя отъ времени до времени громкимъ смѣхомъ, совершенно безъ всякаго повода, и все время не теряетъ изъ глазъ Ремигію.

— Что за талія! что за голосъ! Какъ она пикантна!...

— А молодой герцогинѣ не скучно въ нашемъ скромномъ Вилларѣ?—спрашиваетъ онъ.

Ремигія краснѣетъ, но не опускаетъ глазъ и окидываетъ барона томнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, напротивъ, — говоритъ она, — мнѣ здѣсь очень нравится.

— Конечно, Вилларъ—не Санъ-Морисъ, но здѣсь хорошій климатъ, отель нашъ отличный... можно дѣлать интересныя экскурсіи. А кромѣ того, у насъ есть тэннисъ. Вы играете въ тэннисъ, герцогиня?.. Да?.. Въ такомъ случаѣ, вамъ здѣсь навѣрное не будетъ скучно. Здѣсь есть отличные игроки. Если позволите, я представлю вамъ моего друга, выигравшаго призъ на многихъ состязаніяхъ.

Герцогиня Христина разрѣшаетъ, и Марко Данова подзываетъ молодого англичанина съ гвоздикой въ петлицѣ.

— Сэръ Артуръ Вудъ—вилларскій чэмпіонъ. Удивительный игрокъ. У него замѣчательно изящный стиль въ игрѣ.

За этимъ знакомствомъ слѣдуютъ, съ согласія матери, и другія.

— По вечерамъ,—продолжаетъ баронъ,—когда нельзя играть въ теннисъ, у насъ танцуютъ. И я тоже танцую. Позвольте вамъ представить monsieur Анри Мало, — чистокровный парижанинъ, неутомимый танцоръ. А также моего юнаго друга Лотара Шмидта изъ Франкфурта.

Такимъ образомъ, герцогиня, ея дочь и ея братъ знакомятся со всѣми молодыми людьми, танцорами и игроками въ теннисъ.

Съ этого вечера Марко Данова входитъ въ роль стараго друга всѣхъ Монкавалло и д'Ореа, присутствующихъ и отсутствующихъ. Онъ совѣтуетъ герцогинѣ вызвать донну Марію въ Вилларъ до пріѣзда дона Луціана,—„когда покажется его моторъ, —говоритъ онъ,—она сможетъ сейчасъ же спуститься въ Бэ"— шутитъ съ Мими Карфо и mademoiselle, потѣшаетъ Ремигію и ея свиту, передразнивая поклоны и прыжки синьора Трюба, человѣка-барометра. Ремигіи очень весело; она хохочетъ надъ всѣми шутками барона, который, въ свою очередь, все болѣе и болѣе увлекается „очаровательнымъ діаволенкомъ"; ему нравятся тонкія женщины, и онъ всегда считалъ наибольшею прелестью

женщинъ красивые свѣтлые волосы,—непремѣнно свѣтлые. Онъ даже объяснялъ своимъ друзьямъ причину своего увлеченія блондинками: „кажется, точно погружаешь руки въ золото, въ живое, горячее золото“!

— Удивительные волосы, настоящее золото! И какой ротъ! Я готовъ былъ бы заплатить за это полъ-милліона.

Мими Карфо возмущается влюбленными взглядами барона и убѣждаетъ Ремигію не подпускать къ себѣ „толстаго пашу́“.

— Онъ такъ глядитъ на тебя, точно хочетъ съѣсть глазами! Отвратительный человѣкъ!

Ремигія только пожимаетъ плечами и говоритъ:

— Пріятнаго аппетита!

Мими въ ужасѣ.

— Неужели ты позволишь этому... уроду ухаживать за тобой? Обѣщай мнѣ... поклянись, что не позволишь!

Ремигія ничего не обѣщаетъ.

— Развѣ ужъ онъ такой уродъ?—говоритъ она. — Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Если представить себѣ, что онъ фараонъ, переодѣтый въ европейское платье, то онъ можетъ считаться красавцемъ. Онъ такой забавный... мнѣ съ нимъ весело.

— Чтò ты, чтò ты!.. у него крашеная борода.

— Ну, такъ что же?.. Вѣдь ты знаешь, что мнѣ все равно: красавецъ ли или уродъ...

„Идолъ“ опять пожимаетъ плечами.

Когда Тото возвращается изъ Эгля, съ персиками и дыней— и съ самыми рѣшительными намѣреніями бороться противъ кокетства и легкомыслія Ремигіи, онъ слышитъ издали высокій, веселый голосъ молодой дѣвушки и блѣднѣетъ отъ неожиданности: голосъ этотъ раздается съ мѣста, отведеннаго для игры въ тэннисъ; подойдя ближе, онъ видитъ Ремигію, играющую въ тэннисъ съ сэромъ Вудомъ, противъ Мими Карфо и monsieur Мало. Марко Данова стоитъ тутъ же и слѣдитъ за игрой.

— Кокетка!.. кокетка!..—бормочетъ несчастный Тото, быстро уходя.—Еслибы я могъ забыть ее или умереть!..

Онъ поздно сходитъ къ обѣду,— когда уже подаютъ второе блюдо; у него разстроенное блѣдное лицо. Онъ ругаетъ Вилларъ, возмущается несносными, невоспитанными людьми, которые живутъ въ отелѣ, и объявляетъ, что не будетъ ни играть въ теннисъ, ни танцовать. Въ этомъ отвратительномъ отелѣ онъ не желаетъ ни съ кѣмъ знакомиться.

„Идолъ“ даетъ ему вдоволь наругаться, и ничего не возра-

жаетъ; но послѣ обѣда, когда начинаетъ играть оркестръ, она вызываетъ его на террасу и говоритъ ему:

— Пожалуйста, не разыгрывай второго дона Луціана. Смотри, чтобы тебѣ этого не запретили—я... и въ особенности мама!

Тото, который думалъ, что повліялъ на „идола“ своимъ гордымъ поведеніемъ, теряется отъ ея неожиданныхъ словъ и, едва сдерживая себя, говоритъ съ дрожью въ голосѣ:

— Надѣюсь, что я имѣю право быть въ какомъ угодно настроеніи... хорошемъ или дурномъ.

— Да, но не имѣешь права ревновать и компрометтировать меня передъ всѣмъ обществомъ. Вѣдь еслибы даже я это тебѣ позволила, то мама навѣрное запретитъ. Я тебя предостерегаю, потому что люблю тебя...

При этихъ словахъ глаза юноши наполняются слезами.

— Не говори, по крайней мѣрѣ, что ты меня любишь!— говоритъ онъ почти шопотомъ.

— Мама уже замѣтила, — продолжаетъ Ремигія еще болѣе мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ, — что ты очень не въ духѣ, и говорила объ этомъ съ дядей Розали... Знаешь, вѣдь это можетъ кончиться тѣмъ, что тебя ушлютъ изъ Виллара.

— А ты бы этого хотѣла, конечно?

— Ничуть я этого не хочу,—поэтому-то я и предупреждаю тебя объ опасности. Если мама узнаетъ... все будетъ кончено. У нея свои планы—она все ищетъ для меня второй экземпляръ очаровательнаго дона Луціана. Но вѣдь здѣсь нѣтъ такого... Ты бы самъ долженъ былъ это понять, радоваться, быть любезнымъ со всѣми, а ты ведешь себя какъ медвѣдь. Я, право, не понимаю тебя!

Ея слова нѣсколько успокоиваютъ Тото, но еще не вполнѣ.

— Такъ, значитъ,—говоритъ онъ,—этотъ блондинъ съ гвоздикой?..

— Онъ готовится въ электротехники... Какъ видишь, онъ не можетъ быть идеаломъ мамы.

— А... Дàнова?

Тото смотритъ ей пристально въ глаза, но Ремигія хохочетъ.

— Фараонъ, выкрашенный нубійской ваксой?... Ты ревнуешь къ фараону?

Несчастный влюбленный юноша тоже смѣется, повѣривъ, что его страхи напрасны.

— Знаешь, почему ты такой... несносный?..—говоритъ Ремигія:—потому, что ты мнѣ не довѣряешь. Вѣрь мнѣ!—Ремигія смотритъ на него съ томной нѣжностью.—Будь привѣтливъ со

всѣми. Познакомься съ фараономъ, съ электротехникомъ, со всѣми другими. Танцуй не только со мной, а также съ Мими и съ mademoiselle, для того, чтобы успокоить подозрѣнія мамы. Довѣрься мнѣ...

Тото покоренъ нѣжнымъ взглядомъ любимой дѣвушки, но все еще не можетъ вполнѣ успокоиться.

— Ну, а потомъ? Вѣдь если твоего дона Луціана еще нѣтъ... онъ можетъ явиться съ минуты на минуту.

Ремигія поднимается на цыпочки и, нагибаясь къ самому уху кузена, нѣжно шепчетъ:

— Положись на меня!

VIII.

Марія-Грація написала матери о предстоящемъ пріѣздѣ своего beau frère'а въ „Tête pointue", и капитанъ Закарелла въ свою очередь заказалъ по телефону двѣ комнаты для его превосходительства Джіакомо д'Ореа. Трюбъ—въ полномъ восторгѣ; отнынѣ ему нѣтъ никакого дѣла до погоды — дождь ли, туманъ — все равно, для него небо „въ Tête-pointue" —неизмѣнно ясное, голубое.

— Я ожидаю пріѣзда важной персоны,—заявляетъ онъ съ гордостью всѣмъ своимъ пансіонерамъ, — министра финансовъ. Онъ—beau frère герцогини д'Ореа Монкавалло, которая считается самой красивой женщиной въ Неаполѣ и Римѣ.

Разговаривая съ секретаремъ въ бюро, онъ весело потираетъ руки и отдаетъ приказаніе подавать шампанское только по восемнадцати франковъ бутылку.

— Все равно,—говоритъ онъ,—всѣ эти герцогини и князья живутъ на чужой счетъ,—имъ все равно, сколько ни заплатить. Всѣ расходы несутъ д'Ореа, которые прежде были лавочниками. Они нажили милліоны, торгуя колбасой,—я это знаю отъ старой ворчуньи, м-ссъ Эйръ... Кстати, ее теперь держите въ строгости,—никакихъ поблажекъ. Если ей мѣшаетъ прислуга итальянцевъ, она можетъ отправляться на всѣ четыре стороны.

Но радость Трюба далеко не раздѣляется семьей его знатныхъ пансіонеровъ. Марія-Христина часто обращается съ тревожными вопросами къ брату Розали:

— Съ чего это вздумалъ пріѣзжать сюда еще и этотъ... торгашъ?.. Мало намъ было одного Луціана—теперь еще и этотъ скряга сваливается намъ на голову. Закарелла будетъ усердствовать передъ нимъ, соблюдать экономію... какая тоска!

— Чтò же дѣлать!—со вздохомъ отвѣчаетъ князь Розалино, но, помолчавъ, находитъ, чѣмъ утѣшить сестру.

— Будемъ надѣяться, что Луціанъ и Джіакомо скоро начнутъ ссориться, и тогда... будемъ надѣяться!

Ремигія хотя и скрываетъ это, но въ дѣйствительности очень недовольна скорымъ пріѣздомъ родныхъ, въ особенности сестры. Она по прежнему танцуетъ по цѣлымъ вечерамъ, играетъ въ теннисъ, но мучаетъ Тото своей холодностью, а своими капризами доводитъ до слезъ бѣдную mademoiselle. Со своими поклонниками, однако, она продолжаетъ быть очень милой, даже болѣе, чѣмъ прежде. Она играетъ цѣлыми часами въ теннисъ съ сэромъ Вудомъ, а во время перерывовъ онъ учитъ ее носить монокль; къ обѣду она является, пристегнувъ къ кушаку цвѣты, которые собираетъ для нея во время прогулки Мало, а Лотару Шмиту она дала свой альбомъ — тотъ, который предназначенъ только для избранныхъ друзей,—и онъ ей вписалъ въ него любовное признаніе нѣмецкими стихами, которые онъ переводитъ ей на итальянскій и читаетъ вечеромъ на балконѣ, при лунѣ. Но самый серьезный ея поклонникъ — Марко Данова. Она и прежде благосклонно принимала его ухаживанія, но, узнавъ о пріѣздѣ сестры, хочетъ довести его до рѣшительнаго объясненія. Въ его отсутствіе, чтобы успокоить ревность остальныхъ ухаживателей, она зоветъ его „папашей-фараономъ", передразниваетъ его походку и рисуетъ на пескѣ кончикомъ Alpenstock'а удачныя каррикатуры на него.

Но когда онъ на лицо, она дѣлается совершенно другой, нѣжно называетъ его „милымъ барономъ" и даетъ ему право пользоваться всѣми привилегіями почтеннаго возраста въ обращеніи съ молоденькой дѣвушкой. Во время прогулокъ она идетъ съ нимъ подъ руку и позволяетъ ему нѣжно пожимать ей руку и брать ее за талію. Вечеромъ, среди танцевъ, она никогда не теряетъ его изъ виду, и посылаетъ ему украдкой томные взгляды, какъ бы говоря, что ей хотѣлось бы танцовать только съ ея „милымъ барономъ",—хотя она больше всего танцуетъ съ сэромъ Вудомъ. Когда она видитъ, что баронъ очень хмурится, она объявляетъ своему кавалеру, что устала, и, запыхавшись, садится въ кресло, въ углу веранды.

„Фараонъ", который уже тоже начинаетъ вести себя такимъ же ревнивцемъ, какъ Тото, — самъ того не замѣчая, — садится около нея, и начинаетъ ворчать тихимъ голосомъ:

— Цѣлый день тэннисъ!.. цѣлый вечеръ танцы!.. вы выбиваетесь изъ силъ и совершенно не пользуетесь воздухомъ и горами.

Ремигія томно обмахивается вѣеромъ и, глядя ему въ глаза, говоритъ нѣжнымъ голосомъ:

— Милый баронъ!.. добрый, хорошій баронъ!..

Баронъ не можетъ устоять. Онъ быстро оглядывается—герцогини Христины нѣтъ по близости, сѣдовласаго дяди тоже нѣтъ, —одинъ только Тото наблюдаетъ за ними, но онъ не въ счетъ... Данова жметъ руку Ремигіи.

— Какъ вы раскраснѣлись... растрепались!..

— Я вѣрно отвратительна... уродлива?..

Данова переходитъ отъ ревности къ восторгу передъ ея красотой, и употребляетъ чисто восточныя сравненія:

— Вы настоящая, живая роза!.. Прекрасная, благоуханная!.. И какой ротикъ!.. Настоящій рай Магомета!.. Скажите, гдѣ бы можно было найти такой ротикъ, какъ вашъ? Я бы заплатилъ... полъ-милліона... Нѣтъ, милліонъ, два милліона... наличными деньгами...

Ремигія продолжаетъ говорить томнымъ, разслабленнымъ голосомъ:

— Зачѣмъ милліоны... Не нужно милліоновъ!..

— Какъ такъ не нужно милліоновъ?

— Не нужно! Для меня милліоны не имѣютъ никакого значенія... никакого... Мнѣ нужно другое!

— Такъ что же вамъ нужно? — взволнованно спрашиваетъ баронъ, глядя на нее жадными глазами.

Ремигія принимаетъ грустный видъ, вздыхаетъ и становится еще болѣе обольстительной.

— Я хотѣла бы, чтобы меня любили... Я жажду неизмѣнной любви!

Лицо съ клювообразнымъ носомъ нѣсколько вытягивается. Эти слова о вѣчной любви означаютъ въ концѣ концовъ: „женитесь на мнѣ“! Марко Данова уже наводилъ справки, и знаетъ, что молодая дѣвушка ничего не принесетъ въ приданое, кромѣ своей родни. Сдѣлка эта довольно невыгодная. Конечно, съ другой стороны, недурно бы породниться съ Джіакомо д'Ореа; изъ этого можно извлечь нѣкоторыя выгоды, даже чисто матеріальныя. Данова смогъ бы тогда войти въ сношенія съ правительствомъ, получить поставки на желѣзныя дороги, затѣять крупныя биржевыя дѣла...

Марко Данова продолжаетъ пристально глядѣть на Ремигію, какъ бы опредѣляя ея стоимость.

— Я хотѣлъ бы имѣть... ваши волосы. Какіе они у васъ очаровательные!

— Вы хотѣли бы... быть блондиномъ?—говоритъ „идолъ“ съ дѣтской невинностью.

— Я хотѣлъ бы имѣть ваши волосы... *ваши*—на васъ...

IX.

Закарелла телеграфировалъ изъ Бэ о прибытіи д'Ореа въ Вилларъ черезъ день. Ремигія обнаруживаетъ все бòльшую нервность, и Мими безпокоится за свою подругу, чувствуя въ ея веселости что-то напускное. Кромѣ того, ее безпокоитъ благосклонность „идола“ къ отвратительному „фараону“.

Уже за̀-полночь. Мими Карфо лежитъ въ постели и ждетъ, чтобы ея подруга зашла къ ней поболтать передъ сномъ, но той все нѣтъ. Мими зоветъ ее, наконецъ, черезъ открытую дверь:

— Ремигія! Ты развѣ не зайдешь ко мнѣ сегодня пожелать спокойной ночи?

Изъ сосѣдней комнаты слышно, какъ захлопывается окно; Ремигія входитъ къ Мими и начинаетъ отстегивать бѣлый шолковый кушакъ, стягивающій ея тонкую, какъ у осы, талію.

— Какъ, ты еще не раздѣлась?

— Мнѣ не хочется спать. Я не сурокъ, какъ mademoiselle, которая уже давнымъ давно спитъ. Подожди, я сейчасъ къ тебѣ приду.

Черезъ нѣсколько минутъ она появляется въ ночномъ костюмѣ, съ распущенными волосами, и садится на постель къ Мими.

— Ты, кажется, стояла у окна все время? — спрашиваетъ Мими.

— Да,—отвѣчаетъ Ремигія, и начинаетъ напѣвать въ полголоса:

„Блѣднымъ свѣтомъ луны
Озаренъ тихій садъ“...

— А кто вмѣстѣ съ тобой вздыхалъ при лунѣ?

Ремигія смѣется.

— Всѣ трое. На террасѣ папироска...

— Сэръ Вудъ,—поясняетъ Мими.

— У окна въ третьемъ этажѣ трубка.

— Бѣдный Тото!

— А въ первомъ этажѣ, на угловомъ балконѣ, турецкая трубка.

— Нѣтъ! нѣтъ! — взываетъ Мими съ мольбой: — не нужно Дановы! — Въ голосѣ ея слышатся слезы.

Ремигія становится серьезной. Встряхнувъ головой, какъ она всегда дѣлаетъ, чтобы положить конецъ шуткамъ, она начинаетъ убѣждать свою подругу.

— Нужно быть благоразумной, милая! Завтра, пріѣзжаетъ въ Вилларъ моя сестра, Луціанъ и... самая важная особа въ семьѣ... его превосходительство (она произноситъ это очень иронически); на меня ужъ тогда не будутъ обращать никакого вниманія. Всѣ будутъ заняты Джіакомо. А ты знаешь, что̀ это за человѣкъ! Вѣчно молчитъ, хмурится и занятъ одной только мыслью... о сокращеніи расходовъ. Вѣдь онъ пріѣзжаетъ сюда для того, чтобы проповѣдывать экономію и сократить расходы Луціана. Расходы на Фанфанъ, конечно, не будутъ сокращены— экономію будутъ соблюдать только относительно насъ—мамы, дяди Розалино и меня!—Ремигія горячится, возмущенная несправедливостью судьбы.—Мнѣ надоѣло зависѣть отъ этихъ торгашей, надоѣло находиться всегда въ обществѣ донны Маріи-Граціи, надоѣло зависѣть отъ распоряженій не всегда особенно любезнаго капитана Закарелла, и я рѣшила попытать счастья—въ Египтѣ. Мнѣ нужны милліоны, хотя бы источникомъ ихъ былъ фараонъ съ выкрашенной ваксой бородою. Д'Ореа разбогатѣли, торгуя колбасой,—а я составлю себѣ состояніе ваксой.

— Что̀ ты, что̀ ты, дорогая! — съ отчаяніемъ восклицаетъ Мими Карфо, а Ремигія, соскочивъ съ ея постели, прыгаетъ по комнатѣ и со смѣхомъ выкрикиваетъ:

— Милліоны, милліоны! Да здравствуютъ милліоны!

— Иди сюда, садись ко мнѣ, выслушай меня! — умоляетъ взволнованная Мими, и Ремигія однимъ прыжкомъ снова садится на постель.

— Хорошо, говори! но я тебя не буду слушать,—и она со смѣхомъ затыкаетъ себѣ уши пальцами. Мими ее нѣжно обнимаетъ и старается завладѣть ея руками.

— Нѣтъ, ты подумай, дорогая!.. Онъ такой отвратительный! Нельзя, чтобы онъ былъ твоимъ мужемъ!

— Что̀ мнѣ до того, что онъ отвратительный! Мнѣ всѣ они одинаково противны,—онъ, какъ Тото̀, какъ другіе. Все равно непріятно, чтобы около тебя постоянно торчалъ человѣкъ, отъ котораго пахнетъ табакомъ,—а всѣ они курятъ. Если „фараонъ" захочетъ меня поцѣловать, я закрою глаза и задержу дыханіе— я всегда такъ дѣлаю, когда меня цѣлуетъ дядя Розалино. Кромѣ того, я ему не буду позволять много курить; я, какъ м-ссъ Эйръ,

постоянно буду говорить: „proibito—défendu—verboten"! Со всѣми было бы то же самое, а фараонъ, я повторяю, мнѣ больше нравится, чѣмъ сэръ Вудъ съ его ослиными ушами. Сэръ Вудъ такой обыкновенный, а мой паша гораздо болѣе оригиналенъ. Онъ такъ увѣренъ въ силѣ своихъ милліоновъ, что ни съ кѣмъ не церемонится и не чувствуетъ ни къ кому почтенія—даже къ мамѣ, даже къ дядѣ Розалино. Только меня онъ боится и слушается, какъ Динъ и Донъ. Я однимъ взглядомъ могу сдѣлать съ нимъ все, что̀ хочу. И не все ли мнѣ равно, какой онъ! Я хочу только не зависѣть отъ д'Ореа, не быть въ свитѣ моей сестры. У меня будетъ больше милліоновъ, чѣмъ у нея, и всѣ будутъ у моихъ ногъ, даже мама, даже дядя Розалино.

Мими печально вздыхаетъ.

— Твоя сестра!.. именно ея примѣръ долженъ былъ бы отпугнуть тебя. Подумай, сколько слезъ ей сто̀ютъ ея милліоны!

— Потому что моя сестра глупа... Я-то съумѣю держать въ рукахъ моего фараона. Вѣдь умѣетъ же Фанфанъ справляться съ Луціаномъ. Вотъ у кого нужно учиться!

У Мими остается только одна надежда.

— А увѣрена ли ты, что Данова дѣйствительно хочетъ жениться на тебѣ?

— Еще бы! онъ влюбленъ по уши.—Ремигія смѣется.—И всѣ его увѣренія въ любви всегда въ связи съ его милліонами,—это тоже мнѣ нравится своей оригинальностью; вѣдь до чего надоѣли слова о сердцѣ, душѣ, звѣздахъ, лунѣ! Мой паша практиченъ. Все, что̀ ему нравится, онъ готовъ купить и уплатить за это милліонъ наличными деньгами. Мои волосы?—милліонъ. Мои глаза?—милліонъ. Ножка?—милліонъ—вотъ уже три милліона. Но такъ какъ я не продаюсь въ розницу, то придется купить все и отдать всю кассу. Онъ сегодня вечеромъ уже почти объяснился. А завтра сдѣлаетъ предложеніе—ручаюсь тебѣ. Мы отправимся вмѣстѣ къ озеру Шаванъ, и когда вернемся, еще до прибытія моей сестры въ Билларъ, баронъ Данова оффиціально будетъ просить моей руки у „герцогини-матери".

Мими въ отчаяніи, и глаза у нея полны слезъ.

— Подожди еще, подожди, умоляю тебя, подожди хоть одинъ день!

— Мнѣ скоро минетъ двадцать-одинъ годъ, дорогая,—мнѣ нѣтъ времени ждать. И скажи, неужели бы ты предпочла, чтобы я вышла замужъ за бѣднаго электротехника или за Тото̀?

— Конечно,—лишь бы не за Данову.

— Не все ли тебѣ равно, Данова или другой? Я все равно

никого не полюблю, и кто бы ни сталъ моимъ мужемъ, я семейныхъ добродѣтелей проявлять не буду. И потому прошу тебя—голосъ Ремигіи сдѣлался холоднымъ и повелительнымъ—не жалѣть меня и не настроивать мою сестру на то, чтобы она меня жалѣла. Напротивъ того, дѣлай видъ, что ты въ восторгѣ отъ Дановы, находишь его очень симпатичнымъ и пріятнымъ человѣкомъ и радуешься моему браку. Я такъ хочу. Иначе я тебя возненавижу.

Мими опускаетъ голову. Она понимаетъ, что подчинится желанію своей подруги, но ей очень тяжело.

— Послушай, дорогая!—говоритъ она:—ты бы хоть посовѣтовалась съ сестрой; она такая добрая. Или поговори съ синьоромъ Джіакомо, разспроси его о Дановѣ.

— Пожалуйста, не говори мнѣ о его превосходительствѣ! Ты вѣдь знаешь, что я его терпѣть не могу. Онъ кажется мнѣ, со своей бородкой, со своими длинными волосами, настоящимъ козломъ.

— У него такое умное и доброе лицо. Онъ, во всякомъ случаѣ, лучше Дановы—и болѣе молодъ.

— Можетъ быть, но Данова готовъ жениться на мнѣ, а его превосходительство и не подумаетъ.

— Какъ знать? Еслибы ты захотѣла...

— Джіакомо? Онъ никогда не удостоивалъ меня чести обратить на меня вниманіе.

— Потому что ты никогда не была любезна съ нимъ... Попытайся, и увидишь...

— Нѣтъ, мнѣ скорѣе кажется, что онъ питаетъ слабость къ моей сестрѣ.

У Мими при этихъ словахъ мелькаетъ лучъ надежды, и она продолжаетъ говорить еще болѣе убѣдительнымъ тономъ:

— Твою сестру онъ жалѣетъ, а тебя... ты могла бы ему понравиться, еслибъ захотѣла. Онъ бы также влюбился въ тебя, какъ и всѣ. Повремени, по крайней мѣрѣ, не поѣзжай завтра на озеро... Данова не убѣжитъ!

„Идолъ“ лукаво улыбается.

— Нѣтъ, это, кажется, невозможно,—говоритъ она и продолжаетъ твердить свое:—Для меня всѣ мужчины отвратительны, всѣ уродливы, всѣ одинаковы, всѣ — обуза и отвратительная трубка табаку.

— Но подумай, милая, о его положеніи...

— Въ смыслѣ денегъ?—живо подхватываетъ Ремигія.—Тутъ ты права. Милліоновъ у него больше, чѣмъ даже у Дановы.

— А общественное его положеніе какое! Онъ талантливъ...

— Что касается таланта, то и мой фараонъ не дуракъ.

— Но синьоръ Джіакомо можетъ опять стать... министромъ.

— И въ такомъ случаѣ я была бы... супругой министра. Я бы управляла государствомъ. Всѣхъ соціалистовъ—въ тюрьму!.. И Луціанъ долженъ былъ бы мнѣ повиноваться: „Сейчасъ же порви съ Фанфанъ!"—приказала бы я ему:—„Ни гроша больше Фанфанъ!"—Мама жила бы со мной и ты—тоже, дорогая, а дядю Розали и Тотò я отправила бы въ Тринакрію.

Все это Ремигія говоритъ со смѣхомъ, но понемногу становится болѣе серьезной. Въ ея капризной головкѣ мелькаетъ мысль о возможности завоевать сердце Джіакомо д'Ореа, и образъ фараона понемногу блѣднѣетъ. Всѣ ей будутъ повиноваться... и сестра, и другіе...

Протянувъ руки впередъ, она устремляетъ глаза вдаль, потомъ вдругъ вскакиваетъ и хохочетъ.

— А капитанъ Закарелла? Первымъ дѣломъ, еслибы я сдѣлалась супругой его превосходительства, капитанъ Закарелла получилъ бы отставку—безъ пенсіи!

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

I.

Прежде чѣмъ подняться въ Вилларъ, Джіакомо д'Ореа хотѣлъ пожить нѣсколько дней въ Бэ, чтобы привыкнуть къ климату и воздуху. Здоровье его, вслѣдствіе переутомленія, стало ненадежнымъ, и отъ малѣйшей неосторожности у него дѣлаются спазмы въ желудкѣ и мигрень.

Въ Бэ братья живутъ довольно мирно, стараясь каждый не давать предлога къ ссорѣ. Луціанъ чувствуетъ, что Джіакомо пріѣхалъ съ цѣлью читать ему нотаціи, и старается такъ распредѣлить часы дня, чтобы не оставаться наединѣ съ братомъ и не давать ему случая начать непріятный разговоръ. Джіакомо, съ своей стороны, зная, что случай представится, все равно, рано или поздно, самъ собой, не торопится идти ему на встрѣчу.

Луціанъ не ревнуетъ теперь Марію, потому что ему удобнѣе, чтобы она была любезна съ Джіакомо, и онъ очень милъ съ женой,—чтобы поддерживать въ ней хорошее настроеніе духа. Самъ онъ избѣгаетъ общества брата. Подъ предлогомъ осмотра новаго автомобиля, на который онъ хочетъ обмѣнять старый,

онъ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ, и появляется только за завтракомъ и обѣдомъ,—и тогда очень любезенъ, не говоритъ непріятностей, не восхваляетъ божественный даръ пѣнія. Вечеромъ онъ уходитъ въ свою комнату, говоря, что очень усталъ, и оставляетъ жену съ Джіакомо и съ вѣрнымъ Закарелла, которому приказываетъ наблюдать за женой и братомъ.

— Я боюсь, какъ бы они не составили заговора противъ меня, — говоритъ онъ капитану. — Вслушивайтесь, не подавая, конечно, вида, во всѣ ихъ разговоры.

Во время долгихъ совмѣстныхъ прогулокъ и бесѣдъ Джіакомо и Марія очень сближаются, чувствуя симпатію другъ къ другу. Джіакомо жалѣетъ свою невѣстку, видя, какъ она несчастна въ бракѣ съ Луціаномъ. Но и помимо жалости она внушаетъ ему симпатію и уваженіе своей серьезностью, своимъ умомъ,—и болѣе всего ему нравится ея нѣжный, пѣвучій голосъ. Иногда онъ даже не слышитъ того, что̀ она говоритъ, до того его чаруютъ звуки ея голоса; ему хотѣлось бы тогда закрыть глаза и мечтать. Они часто говорятъ о литературѣ, и Марія разсказываетъ ему иногда содержаніе романовъ, которые она читала. Особенное впечатлѣніе производитъ на Джіакомо въ ея художественномъ пересказѣ романъ Мопассана „Fort comme la Mort“. Джіакомо понимаетъ весь трагизмъ запоздалой любви, о которой говорится въ романѣ; внимая нѣжному голосу разсказчицы, онъ съ горечью думаетъ о себѣ, о томъ, что вся его жизнь прошла безъ любви.

Синьоръ Закарелла тоже поддается обаянію голоса Маріи и увлеченъ ея разсказомъ. Онъ иногда краснѣетъ отъ стыда, думая о своей гнусной роли шпіона, и уходитъ тогда подальше въ садъ, удостовѣрившись сначала, изъ предосторожности, что донъ Луціанъ не выглядываетъ изъ окна.

„Какъ бы я хотѣлъ служить доннѣ Маріи-Граціи и его превосходительству, а не этому сумасброду!“—думаетъ онъ.

Въ „Tête-pointue“, какъ и въ Бэ, въ первые дни послѣ пріѣзда д'Орея, царитъ полная гармонія и хорошее настроеніе духа. Вся семья выѣзжаетъ на встрѣчу Маріи и двумъ братьямъ на ближайшую станцію „Гріонъ“ и шумно выражаетъ свою радость объятіями и восклицаніями. Герцогиня въ высшей степени любезна съ Джіакомо. Князь Розалино тоже очень привѣтливъ, и— къ удивленію Джіакомо—Ремигія болѣе внимательна и мила съ нимъ, чѣмъ обыкновенно. Когда онъ приходитъ къ себѣ въ комнату, онъ видитъ на письменномъ столѣ букетъ рододендроновъ,

и лакей говоритъ ему, что цвѣты эти принесла и поставила сюда молодая герцогиня.

Спустившись къ обѣду, Джіакомо благодаритъ Ремигію за цвѣты, и она говоритъ, что собрала ихъ въ горахъ для него. Баронъ Данова вмѣшивается въ ихъ разговоръ, заявляя, что и онъ участвовалъ въ собираніи цвѣтовъ. Джіакомо благодаритъ и барона, а за обѣдомъ, сидя около донны Маріи, говоритъ ей, что пріятно пораженъ перемѣной въ Ремигіи.

— Она очень похорошѣла и стала такой милой. Прежде она меня терпѣть не могла, и не скрывала этого.

Марія, вмѣсто отвѣта, улыбается, грустно качая головой. Она не такъ довѣрчива, какъ Джіакомо, и знаетъ, что Ремигія, какъ и Луціанъ, способна сдѣлать непріятность безъ всякой цѣли, но всякая ея любезность дѣлается непремѣнно съ какимъ-нибудь разсчетомъ. „Какая цѣль этого букета?“ —думаетъ она про себя.

Луціанъ тоже замѣчаетъ, что Ремигія особенно любезна съ его превосходительствомъ. Онъ говоритъ объ этомъ со смѣхомъ женѣ и Закарелла, но внутренно злится; ему непріятно вниманіе, оказываемое всѣми въ Вилларѣ его брату. Онъ чувствуетъ себя отодвинутымъ на второй планъ изъ-за Джіакомо,—даже синьоръ Трюбъ отвѣшиваетъ болѣе глубокіе поклоны бывшему министру. Онъ же, со своими изящными туалетами, которые онъ мѣняетъ по нѣскольку разъ въ день, и со своимъ автомобилемъ, остается въ тѣни,—а о томъ, что онъ умѣетъ пѣть, въ Вилларѣ даже не знаютъ. Онъ дѣлаетъ видъ, что ему это все равно, и старается казаться очень веселымъ, но наединѣ съ Закарелла онъ изливаетъ накопившуюся въ немъ злобу, а вскорѣ опять начинаетъ дѣлать сцены Маріи. Сначала онъ требовалъ, чтобы она была какъ можно болѣе любезна съ Джіакомо, а теперь находитъ, что она преувеличенно ухаживаетъ за этимъ „осломъ, котораго считаютъ великимъ человѣкомъ“. Мало-по-малу раздраженіе Луціана наростаетъ,—и давно подготовлявшаяся ссора между братьями разражается бурнымъ объясненіемъ.

Просматривая „Фигаро“, Джіакомо д'Ореа находитъ въ отдѣлѣ „театра и музыки“ извѣстіе о большомъ успѣхѣ Фанфанъ Трекёръ въ новой созданной ею роли Жермены въ пьесѣ „Le corset envolé“.

— А Луціанъ?.. Что̀ жъ теперь будетъ дѣлать этотъ сумасшедшій?

Джіакомо, не подавая вида, внимательно наблюдаетъ за братомъ: Луціанъ крайне внимателенъ къ женѣ, любезенъ съ гер-

погиней Христиной и предлагаетъ ей и дядѣ Розалино повезти ихъ на автомобилѣ къ Pont de Nant, шутитъ съ Ремигіей и Мими, высмѣивая Данову, сэра Вуда, ревнивца Тотò, натравливаетъ Дина и Дона на м-ссъ Эйръ и старается завоевать общія симпатіи. Но Джіакомо замѣчаетъ, что Луціанъ получаетъ и отправляетъ много телеграммъ и, при всемъ своемъ напускномъ весельи, часто выходитъ изъ себя, накидываясь то на прислугу, то на синьора Закарелла, который видимо смущенъ и не смѣетъ взглянуть въ глаза доннѣ Маріи: явный признакъ, что его господинъ собирается сдѣлать какую-нибудь гадость.

„Онъ, очевидно, предполагаетъ оставить здѣсь жену и удрать въ Парижъ“,—думаетъ про себя Джіакомо.

Дѣйствительно, два дня послѣ появленія замѣтки въ „Фигаро“, Луціанъ заявляетъ за завтракомъ притворно-равнодушнымъ тономъ, что уѣзжаетъ—онъ не говоритъ, что въ Парижъ—въ Лозанну и, можетъ быть, въ Женеву... Никто не спрашиваетъ о причинахъ его отъѣзда и о продолжительности путешествія. Всѣ, очевидно, прочли объ успѣхахъ Фанфанъ и предвидѣли отъѣздъ Луціана.

— Изъ Лозанны въ Женеву—прекрасная дорога,—замѣчаетъ внушительнымъ тономъ дядя Розалй. — Погода на Женевскомъ озерѣ очень ровная.

Всѣ молчатъ, и, послѣ короткой паузы, князь продолжаетъ, считая своимъ долгомъ поддерживать разговоръ:

— Тутъ, напримѣръ, идетъ дождь, а на озерѣ—солнце.

Опять всѣ молчатъ, и князь уже не рѣшается сказать еще что-нибудь.

Луціанъ недоволенъ поданнымъ ему виномъ, подзываетъ лакея, велитъ ему принести другое вино и продолжаетъ говорить о своемъ путешествіи.

— Въ Лозаннѣ будетъ съѣздъ членовъ парижскаго автомобильнаго клуба и гонка автомобилей; объявленъ призъ за ходъ въ девяносто верстъ въ часъ.

— И за то, чтобы сломать себѣ при этомъ шею?—говоритъ Джіакомо.

Донъ Луціанъ даже не удостоиваетъ его отвѣтомъ, но, пользуясь тѣмъ, что его прервали, обращается къ Маріи и сообщаетъ ей то, чтò болѣе всего боялся сказать брату:

— Я полагаю, что путешествіе продлится... не болѣе недѣли.

— Девяносто километровъ!—восклицаетъ Ремигія.—Вѣдь это уже значитъ не ѣхать, а летать,—и она повторяетъ томнымъ

голосомъ:—летать!.. летать!..,—глядя на Джіакомо, который не обращаетъ на нее никакого вниманія. Онъ продолжаетъ наблюдать за Маріей, еще болѣе поблѣднѣвшей послѣ извѣстія объ отъѣздѣ мужа, и на капитана Закарелла, который ѣстъ, опустивъ глаза на тарелку.

Послѣ завтрака Луціанъ остается внизу, давая разныя распоряженія. Объявивъ о своемъ отъѣздѣ во всеуслышаніе, онъ доволенъ, и дѣйствительно въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ зоветъ chauffeur'а, идетъ съ нимъ осматривать автомобиль, потомъ возвращается въ отель, напѣвая арію изъ „Травіаты“, и поднимается къ себѣ въ комнату, гдѣ его ждетъ лакей, чтобы уложить вещи.

— Возможно, что мнѣ придется пробыть въ отсутствіи дней пятнадцать...

Слышится стукъ въ дверь, и въ комнату входитъ Джіакомо. Луціанъ слегка блѣднѣетъ и хмуритъ брови. Все его хорошее расположеніе духа исчезаетъ. Онъ смотритъ на брата съ недовѣрчивымъ видомъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой,—говоритъ Джіакомо.

— Сейчасъ?—Луціанъ произноситъ это раздраженнымъ голосомъ.

— Да, сейчасъ,—отвѣчаетъ Джіакомо и дѣлаетъ знакъ лакею, чтобъ тотъ удалился.—Лакей спѣшитъ исполнить приказаніе, но Луціанъ его останавливаетъ и говоритъ, чтобы онъ не уходилъ далеко, такъ какъ онъ его сейчасъ позоветъ.—Уже поздно,—говоритъ онъ,—и нужно еще уложить вещи.

Когда дверь за лакеемъ затворяется, Луціанъ подходитъ къ шкафу, начинаетъ быстро вынимать платье, которое нужно уложить, и бросаетъ все на диванъ, дѣлая видъ, что присутствіе брата ему безразлично. Но его явное раздраженіе не смущаетъ Джіакомо, и онъ говоритъ твердымъ голосомъ:

— Ты вѣдь ѣдешь не въ Лозанну и не въ Женеву, а... въ Парижъ.

Луціанъ останавливается посреди комнаты и отвѣчаетъ, глядя брату прямо въ глаза:

— Я ѣду въ Лозанну и ѣду въ Женеву, а потомъ поѣду и... въ Парижъ, если захочу. Я воленъ располагать собой, и не обязанъ никому давать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Джіакомо садится, чтобы показать, что у него времени много, и отвѣчаетъ очень спокойно:

— Ты долженъ давать отчетъ о твоихъ дѣйствіяхъ—по крайней мѣрѣ твоей женѣ.

— Женѣ?

— Да, женѣ. И помни также, что для того, чтобы свободно располагать собой, нужно никому не быть ничѣмъ обязаннымъ.

Луціанъ вскипаетъ.

— Ага, вотъ оно что!.. Такъ я и зналъ! Ты пріѣхалъ сюда не для того, чтобы дышать хорошимъ воздухомъ, а чтобы говорить со мной о деньгахъ. Ты хочешь подсчитать сумму моихъ долговъ?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчаетъ Джіакомо,—я не собираюсь сводить счеты, и говорю теперь не о твоихъ безумныхъ тратахъ. Пока еще я не думаю о томъ, чтобы оградить отъ твоихъ безумствъ наше общее состояніе. Объ этомъ, можетъ быть, придется позаботиться, но теперь не въ этомъ дѣло. Я говорю только о твоихъ обязанностяхъ по отношенію къ твоей женѣ.

— Оставь, пожалуйста, въ покоѣ мою жену! Это ея не касается.

— Напротивъ того, очень касается. Ты многимъ обязанъ твоей женѣ, помни это. Только благодаря ей, ея терпѣнію и добротѣ, у тебя есть еще семья, и ты еще не потерялъ общаго уваженія.

— И ты смѣешь мнѣ это говорить?

— Смѣю. Ты ни о чемъ не думаешь, кромѣ того, что у насъ съ тобой общій капиталъ. А я думаю о томъ, что у насъ есть еще нѣчто общее—честь нашего имени, и я не позволю тебѣ загрязнить ее.

Луціанъ вскакиваетъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и Джіакомо тоже поднимается.

— Я не позволю оскорблять себя!—кричитъ Луціанъ.—Я сейчасъ же велю Закарелла приготовить наши счеты...

— Какіе тамъ счеты!—говоритъ Джіакомо, пожимая плечами.—Я уже ихъ подвелъ, у меня цѣлая груда твоихъ векселей. Оставь въ покоѣ Закарелла. У меня въ рукахъ достаточно векселей, чтобы завтра же отдать тебя подъ опеку. И я это сдѣлаю, предупреждаю тебя, если это будетъ нужно для спасенія—не нашего состоянія, а чести нашего имени.

Луціана пугаютъ слова брата. Онъ увѣренъ, что Джіакомо способенъ на все подъ вліяніемъ своей скупости и своего святошества. Чтобы предотвратить бѣду, онъ дѣлаетъ видъ, что не вѣритъ серьезности угрозы.

— Хорошо, отдай меня подъ опеку. Вѣдь это... только слова!

— Они могутъ стать дѣломъ.

— Но я съумѣю защититься противъ тебя. Во всякомъ случаѣ, твоя угроза показываетъ твои чувства ко мнѣ. Я хотѣлъ бы знать причину твоего неудовольствія, а также настоящую причину твоего пріѣзда въ Вилларъ. Скажи мнѣ, пожалуйста, почему ты именно теперь затѣялъ этотъ разговоръ?

— Изволь, я отвѣчу тебѣ. Я пріѣхалъ въ Вилларъ, чтобы категорически заявить тебѣ, что ты долженъ порвать разъ навсегда съ этой парижанкой, на которую ты уже просадилъ столько денегъ... Ты знаешь—сколько?—я могу тебѣ сказать: около двухъ милліоновъ. Ты долженъ порвать... съ Фанфанъ Трекёръ.

Луціанъ въ бѣшенствѣ протягиваетъ руку, какъ бы для того, чтобы зажать ротъ Джіакомо.

— Не смѣй вмѣшиваться въ мою частную жизнь! Я тебѣ этого не позволю!

— Какая это частная жизнь? Объ этомъ знаетъ весь свѣтъ, и всѣ смѣются надъ тобой за твоей спиной... и за спиной твоей жены. Надъ нею смѣются, и ее жалѣютъ,—а это столь же оскорбительно.

Луціанъ взволнованно ходитъ по комнатѣ. Если Джіакомо, этотъ грубый плебей и торгашъ, осмѣлился громко произнести имя Фанфанъ, то и онъ, Луціанъ, имѣетъ право не стѣсняться съ братомъ. Луціанъ продолжаетъ шагать изъ угла въ уголъ, и вдругъ его осѣняетъ блестящая мысль. Онъ останавливается противъ Джіакомо и глядитъ ему въ глаза.

— Позволь мнѣ предложить тебѣ одинъ вопросъ. Это поможетъ намъ понять другъ друга.

— Хоть два, хоть десять вопросовъ!

— Это моя теща натравила тебя на меня?

— Нѣтъ, я никогда не говорилъ о тебѣ съ твоей тещей.

— Въ такомъ случаѣ... моя жена?

По блѣдному, изможденному лицу Джіакомо пробѣгаетъ какое-то странное выраженіе; это длится одну секунду, но для Луціана этого достаточно. Онъ теперь знаетъ, куда нужно цѣлиться, чтобы въ свою очередь больно задѣть брата.

— Ну да, конечно, моя жена! Это она тебя возстановила противъ меня во время вашихъ долгихъ интимныхъ бесѣдъ въ Бэ...

— Неправда! Мнѣ разсказала объ этомъ тетя Джіоконда,— отвѣчаетъ Джіакомо съ излишней поспѣшностью.

Луціанъ хохочетъ.

— Тетя Джіоконда? Въ деревнѣ? Не вѣрю;—это моя жена. Можетъ быть, она же и вызвала тебя въ Вилларъ?

— Неправда, неправда!

— Не кричи такъ! Къ чему ты кричишь?

Луціанъ наслаждается волненіемъ брата.

— Тетя Джіоконда,—повторяетъ онъ,—въ Фіумичино? Среди своихъ полей и виноградниковъ? Какъ же она могла узнать обо всемъ этомъ? Не вѣрю.

— А между тѣмъ это правда.—Джіакомо старается сдержать себя и прибавляетъ ироническимъ тономъ:—„Жиль-Блазъ“, „Фигаро“ и другія парижскія газеты доходятъ и въ Фіумичино.

— Но тетя Джіоконда не читаетъ по-французски... Кто же ей перевелъ? Ты или моя жена?

— Дрянной мальчишка!—бормочетъ Джіакомо сквозь зубы.— Онъ взбѣшенъ, но еще болѣе встревоженъ некрасивымъ оборотомъ, который принялъ разговоръ.

— Клянусь тебѣ честью, твоя жена мнѣ не сказала ни слова объ этомъ... Она слишкомъ горда... и слишкомъ тебя любитъ!

— Горда, это вѣрно,—прерываетъ его Луціанъ.—Но „слишкомъ любитъ“... едва ли это такъ!

— Она способна страдать и умереть, но никогда не скажетъ слова противъ тебя. Послушай, Луціанъ, одумайся! Я вѣдь желаю только добра тебѣ и всѣмъ намъ. Мы всегда жили согласно, не будемъ же ссориться и теперь!

Джіакомо уже не угрожаетъ, а старается подѣйствовать на чувства брата. Онъ говоритъ ему, что необходимо порвать... съ парижанкой, что она только дѣлаетъ его смѣшнымъ и окончательно разоритъ его. Онъ уговариваетъ его именемъ отца, котораго Луціанъ едва помнитъ, говоритъ о матери, и всячески старается растрогать его.

— Помни, вѣдь я обѣщалъ матери замѣнить тебѣ отца. Прошу тебя—не ѣзди въ Парижъ! Останься здѣсь! Если ты уѣдешь теперь отъ жены, это будетъ безуміемъ, публичнымъ скандаломъ.

— Но вѣдь пока я ѣду,—говоритъ Луціанъ, нѣсколько смущенный,—въ Лозанну, и—пока—еще не собираюсь ѣхать... въ Парижъ.

— Ты ѣдешь въ Лозанну, чтобы сейчасъ же, сейчасъ же уѣхать въ Парижъ.

— Я ѣду теперь въ Лозанну и, можетъ быть, въ Женеву, на съѣздъ автомобилистовъ, какъ я уже сказалъ. Можетъ быть, потомъ, прежде чѣмъ вернуться въ Вилларъ, мнѣ и придется еще куда-нибудь поѣхать; это зависитъ отъ обстоятельствъ, и

я всегда буду дѣлать то, что̀ считаю нужнымъ, не обращая вниманія на комментаріи заинтересованныхъ людей и не боясь... шпіоновъ.

— О, да, я знаю, что въ извѣстныхъ случаяхъ ты храбръ какъ левъ!

Джіакомо начинаетъ выходить изъ себя, но ему удается сдержаться.

— Тутъ нѣтъ шпіоновъ. Тутъ только твои родные, единственные люди, которые дѣйствительно желаютъ тебѣ добра. Посмотри, какой здѣсь чудный воздухъ!..—Джіакомо беретъ брата за руку и подводитъ къ открытому окну. Я тебѣ надоѣлъ моими „отеческими внушеніями"? Но я буду говорить съ тобой какъ человѣкъ безъ всякихъ предразсудковъ. Послушай: ты увлекся этой тощей парижанкой, два года возился съ ней, истратилъ на нее два милліона, и теперь довольно. Иначе вѣдь надъ тобой будутъ смѣяться. Нельзя же въ серьёзъ думать, что она—вторая Маргарита Готье́. Подумай, какое безуміе ѣхать въ такую жару въ Парижъ! Останься лучше въ Вилларѣ и пошли въ Парижъ вмѣсто себя капитана Закарелла, своего уполномоченнаго, съ туго набитымъ кошелькомъ и съ порученіемъ ликвидировать дѣла.

Эти слова производятъ нѣкоторое впечатлѣніе на Луціана.

— Ликвидировать... съ туго набитымъ кошелькомъ!..—Предлогъ ликвидаціи отличный. Но, конечно, онъ не пошлетъ туда никого, а поѣдетъ самъ въ Парижъ... съ набитымъ кошелькомъ— чтобы обратить въ бѣгство американскаго богача.

Джіакомо, видя, что братъ не отвѣчаетъ и задумался, начинаетъ питать надежду, что образумитъ его, и подыскиваетъ новые, еще болѣе убѣдительные доводы.

— Я вѣдь тебя знаю: ты не таковъ, чтобы дѣйствительно влюбиться въ какую-нибудь mademoiselle Фанфанъ. Ты не бросаешь ее только изъ тщеславія, только для того, чтобы доказать, что можешь позволить себѣ такую роскошь, чтобы не сказали въ Парижѣ, въ Остенде и въ Монте-Карло, что у тебя не хватаетъ милліоновъ на прихоти Фанфанъ Трекёръ. Въ тебѣ говоритъ теперь ревность собственника: ты знаешь, что есть десять другихъ человѣкъ, оспаривающихъ у тебя твою собственность, и это подзадориваетъ тебя. Такая ревность не имѣетъ ничего общаго съ любовью,—и поэтому самое лучшее въ данномъ случаѣ щедро расплатиться съ Фанфанъ и покинуть ее съ шикомъ.

Луціану очень тяжело. Онъ бы хотѣлъ отвѣтить этому полумонаху, что онъ не можетъ понять обаянія такихъ женщинъ, какъ Фанфанъ, но приходится молчать. Чтобы выполнить планъ,

который онъ задумалъ, нужно сдѣлать видъ, что онъ принимаетъ совѣты брата.

— Что-жъ, можетъ быть ты и правъ! Я ничего не имѣю противъ шикарной ликвидаціи, и съ этой цѣлью и поѣхалъ бы въ Парижъ,—если бы дѣйствительно вздумалъ туда ѣхать. Но противъ посылки Закарелла я протестую самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я не желаю имѣть видъ человѣка... который уже отданъ подъ опеку. Свои личныя дѣла я долженъ самъ устроить. Я поѣду самъ, и никого не пошлю.

Джіакомо обнаруживаетъ большую уступчивость.

— Конечно. Ты самъ устроиваешь свои дѣла—это и не могло быть иначе! Но зачѣмъ же тебѣ для этого ѣхать? Вѣдь Закарелла пошлешь ты—а это равносильно твоему пріѣзду.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ поѣду и никого не пошлю! Дѣла, которыя касаются только меня, должны быть выполнены мною.

Джіакомо теряетъ терпѣніе.

— А твоя жена тебя не касается? О ней ты не думаешь?

— Очень думаю, но въ мои отношенія съ женой я никому не позволю вмѣшиваться. Я самъ о ней думаю,—только я, съ твоего позволенія...

— Съ моего позволенія? Я не только позволяю, но и требую отъ тебя этого.

Джіакомо перестаетъ сдерживаться, возмущенный цинизмомъ брата.

— Нужно, наконецъ,—говоритъ онъ,—чтобы ты позаботился о твоей женѣ, объ этой несчастной... мученицѣ; передъ ея добротой и ея терпѣніемъ всѣ мы преклоняемся...

Луціанъ схватываетъ это слово на лету.

— Преклоняетесь? Да, да, я уже нѣсколько времени замѣчаю, что ты восторгаешься ею.

— Что̀? Что̀ ты замѣчаешь?—Джіакомо подходитъ къ брату и смотритъ ему прямо въ глаза.—Что̀ ты замѣтилъ?

Но Луціанъ не боится. Онъ чувствуетъ себя сильнымъ въ своей низости.

— Я ничего не хотѣлъ сказать. Я только говорю, что замѣтилъ... твое... преклоненіе передъ моей женой.

Джіакомо сжимаетъ кулаки отъ ярости.

— Мальчишка!.. Дрянной мальчишка!.. Лгунъ!

Луціанъ стоитъ невозмутимый, и въ свою очередь глядитъ на Джіакомо презрительнымъ и властнымъ взглядомъ: теперь онъ правъ, теперь онъ судья.

— Нѣтъ, я не лгунъ и менѣе всего мальчишка. Я пока

только наблюдаю, но предупреждаю тебя, что никогда не позволю моей женѣ искать защиты противъ меня, даже у членовъ семьи. Я никому никогда не позволю, даже...—Луціанъ останавливается и продолжаетъ ироническимъ тономъ: — даже тетѣ Джіокондѣ вмѣшиваться въ мои отношенія съ женой. Моей женѣ я скажу...

Онъ обрываетъ фразу, но въ глазахъ его появляется зловѣщій блескъ, отъ котораго бѣдный Джіакомо вздрагиваетъ. Луціанъ это замѣчаетъ—и ликуетъ.

Теперь онъ свободенъ и можетъ дѣлать все, что̀ захочетъ,—можетъ поѣхать въ Парижъ и оставаться тамъ, сколько ему вздумается; можетъ тратить сколько угодно денегъ... Влюбиться въ невѣстку!.. Онъ смѣется, потомъ глядитъ на Джіакомо и говоритъ полу-серьезно, полу-шутливо:

— Вотъ она какова, прекрасная Марія-Грація! Бѣдная мученица! Она воспользовалась пребываніемъ въ Бэ, чтобы завоевать твое расположеніе и посѣять раздоръ между нами. Очевидно, она умѣетъ не только страдать и молчать,—дѣло дошло даже до угрозы взять меня подъ опеку.

Джіакомо такъ пораженъ, что не знаетъ, что̀ и отвѣтить. Луціанъ возвышаетъ голосъ.

— Сегодня... сейчасъ же я уѣзжаю, пока еще не взятъ подъ опеку; но когда я вернусь—это будетъ очень скоро—я покажу бѣдной мученицѣ, какъ я преклоняюсь передъ нею!

Онъ уже не иронизируетъ; его душитъ злоба, и онъ ее изливаетъ, переставъ стѣсняться брата.

— Я не взялъ за ней ни гроша, окружилъ ее царской роскошью, содержу цѣлую орду аристократическихъ прихлебателей, у которыхъ ничего не осталось, кромѣ величавыхъ манеръ. Вотъ за что меня бы слѣдовало взять подъ опеку! Меня разоряютъ капризы, бѣшеныя траты моей жены. Но когда дѣло идетъ о моей женѣ, бѣдной мученицѣ, даже ты забываешь о своей скупости и ничего противъ этого не имѣешь. Ты преклоняешься передъ ней... и мнѣ приходится расплачиваться за чары моей жены!

— Говори тише! говори тише! — Джіакомо въ ужасѣ. Въ корридорѣ, во всемъ отелѣ могутъ услышать этого безумца.— Говори тише, молю тебя!—Но чѣмъ болѣе Джіакомо обнаруживаетъ страха, тѣмъ громче кричитъ Луціанъ. Онъ сначала представлялся взбѣшеннымъ, но постепенно вполнѣ вошелъ въ роль ревниваго мужа.

— Я заставлю мою жену во всемъ признаться! Что̀ она тебѣ сказала? Какимъ кокетствомъ она приворожила тебя? Вѣдь

ты ее сначала ненавидѣлъ, и дѣлалъ все, что могъ, чтобы помѣшать моему браку. Я не „великій человѣкъ“ и не желаю быть таковымъ, — но память у меня хорошая. И моя жена въ этомъ убѣдится, когда я вернусь. Какое лицемѣріе, какая ложь! Она лгунья, а не я. Лгунья, неблагодарная!

Джіакомо понимаетъ, что теперь уже не сдержать бѣшенства брата; онъ хватается за голову и убѣгаетъ, едва сдерживая крикъ. Онъ зналъ, что Луціанъ—злой человѣкъ, но этого онъ все-таки не ожидалъ.

— Несчастная женщина! несчастная женщина!

Джіакомо уже не думаетъ о томъ, чтобы удержать Луціана. Не дай Богъ, чтобы онъ остался въ Вилларѣ. Пусть ѣдетъ въ Парижъ, проваливается въ преисподнюю... куда угодно!

Тэ-тэ-тэ! Тёф-тёф-тёф!

Луціанъ уѣзжаетъ на автомобилѣ, черезъ часъ послѣ сцены съ братомъ. Онъ не пожелалъ ни съ кѣмъ видѣться и не простился съ женой. Онъ свидится съ нею, когда вернется... и тогда поговоритъ. Теперь онъ хочетъ уѣхать, не портя себѣ крови.

Тэ-тэ-тэ! Тёф-тёф-тёф!

— Такъ вотъ какова она, кроткая Марія-Грація, добродѣтельная супруга!.. Непогрѣшимая!.. А братецъ-то мой... Паоло и Франческа!

Луціанъ бормочетъ это про себя, чтобы убѣдить себя самого, что это дѣйствительно такъ, но внутренно онъ этому не вѣритъ, и поэтому радъ, что облекъ въ образы свои подозрѣнія и сможетъ убѣдить въ правдоподобности ихъ себя и другихъ... Такъ вотъ какова эта добродѣтельная жена! Теперь ей придется краснѣть и опускать передъ нимъ глаза...

Луціанъ завидовалъ доброй славѣ и общему почету, которымъ пользовалась его жена, и теперь радъ ея—мнимому—позору.

— Кончено... и она не лучше другихъ!.. Не за что будетъ восхвалять ее теперь. Кончены панегирики и гимны, начинается трагедія: „Паоло и Франческа“!

Автомобиль быстро мчится по направленію къ Эглю, и Луціанъ смѣется отъ радости.

— Да, любезный Паоло, нельзя тебѣ будетъ больше читать мнѣ нотаціи, а Франческѣ уже придется перестать шпіонить за мной. Могу, когда захочу, уѣхать въ Парижъ. Да здравствуетъ Парижъ! Могу наслаждаться сколько угодно въ обществѣ Фанфанъ!

Но, вспоминая о Фанфанъ, Луціанъ снова приходитъ въ грустное настроеніе духа.

„Съ нею-то радости мало! — думаетъ онъ. — У нея нахо-

дятся вѣчные предлоги, чтобы гнать меня прочь: то ей нужно пѣть, то отдыхать послѣ пѣнія, то готовиться къ пѣнію... а къ тому же еще этотъ м-ръ Кеннетъ—настоящая тѣнь Банко"!

Луціанъ думаетъ съ грустью о томъ, чтò его ожидаетъ въ Парижѣ, но все-таки находитъ себѣ утѣшеніе.

— На этотъ разъ по крайней мѣрѣ,—говоритъ онъ себѣ,— если у меня будутъ непріятности въ Парижѣ, я смогу выместить ихъ, по пріѣздѣ, на этой парочкѣ... Паоло и Франческа!.. Хороши, нечего сказать!

Такимъ образомъ, быстро мчась подъ яснымъ лазурнымъ небомъ, вдоль прозрачнаго голубого озера, Луціанъ накопляетъ въ душѣ злобныя и мрачныя мысли о мести.

II.

Выбѣжавъ отъ брата, Джіакомо спѣшитъ къ себѣ въ комнату, затыкая себѣ уши руками, точно боится, что и сюда долетятъ до него оскорбительныя клеветы Луціана. Онъ садится, совершенно измученный, за письменный столъ.

— На что же рѣшится теперь Луціанъ? Подниметъ *ли* скандалъ, или уѣдетъ, какъ сказалъ?.. А Марія?—Джіакомо глубоко страдаетъ отъ неизвѣстности и тревоги. Вдругъ онъ слышитъ пыхтѣнье автомобиля, поднимается, подходитъ къ окну и выглядываетъ изъ-за спущенныхъ занавѣсей.

— Слава Богу!—восклицаетъ онъ съ облегченіемъ.—Луціанъ уѣхалъ... Поѣзжай въ Парижъ или куда хочешь—хоть на край свѣта!

— Видно, онъ все-таки сильно привязанъ къ Фанфанъ. Но чтò будетъ, когда онъ вернется?.. Бѣдная Марія!

Джіакомо отходитъ отъ окна, грустно качая головой, и начинаетъ медленно переодѣваться къ обѣду. Онъ не зоветъ лакея, а одѣвается самъ, продолжая думать о Маріи и о Луціанѣ.

— Чтò за негодяй!.. Въ кого это онъ такой уродился? Заподозрить меня и Марію... Какая гадость! Но онъ самъ знаетъ, что это ложь, и нарочно все это выдумалъ, потому что это ему на руку!..

Джіакомо вдругъ понялъ отвратительный разсчетъ Луціана. Его инсинуаціи—обоюдоострый ножъ противъ жены и противъ брата. Съ этимъ ножомъ въ рукахъ, готовый ударить безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, Луціанъ чувствуетъ себя очень сильнымъ,

потому что можетъ дѣлать какія угодно сумасбродства для Фанфанъ и совершать какія угодно низости относительно своей жены.

— И вѣдь разсчетъ его вѣренъ! Если я начну протестовать, онъ въ состояніи разгласить по всему свѣту, что у меня любовная интрига съ его женой... Какой негодяй!

Подумавъ объ этомъ, Джіакомо впервые представляетъ себѣ совершенно опредѣленно, чтò заключается въ обвиненіи Луціана, и такъ взволнованъ, что долго стоитъ передъ зеркаломъ, не будучи въ состояніи завязать галстухъ,—до того у него дрожатъ руки. Онъ утратилъ свое обычное самообладаніе и уже не чувствуетъ себя свободнымъ—какъ прежде. Имъ овладѣло новое чувство странной робости.

Когда внизу, передъ входомъ въ столовую, онъ встрѣчаетъ Марію, онъ краснѣетъ помимо воли и чувствуетъ, что не въ состояніи взглянуть ей въ лицо.

Марія-Грація сразу замѣчаетъ волненіе Джіакомо, но объясняетъ его по-своему: она думаетъ, что онъ разстроенъ тѣмъ, что не смогъ удержать Луціана. Глядя на него своими большими черными глазами и грустно улыбаясь, она беретъ его подъ-руку, чтобы вмѣстѣ пойти въ столовую.

— Луціанъ дѣйствительно уѣхалъ?.. И дѣйствительно въ Парижъ?

Въ голосѣ ея слышатся слезы. Джіакомо едва ей отвѣчаетъ и только крѣпко жметъ ей руку.

— Не падай духомъ!—говоритъ онъ.

— Я очень мужественна... Знаешь, онъ даже не пришелъ попрощаться со мной!.. Онъ, можетъ быть, не смѣлъ,—прибавляетъ она, чтобы извинить мужа.

— О!..—Джіакомо ничего больше не говоритъ, но думаетъ про себя: „Если бы только она знала, на что у ея мужа хватаетъ смѣлости и дерзости“!

Но онъ, конечно, не говоритъ ей о сценѣ, происшедшей между нимъ и братомъ. Въ теченіе вечера Джіакомо старается быть подальше отъ Маріи; она вопросительно смотритъ на него своими большими, грустными глазами, но Джіакомо только качаетъ головой въ отвѣтъ.

Въ слѣдующіе дни онъ избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ, и съ этой цѣлью проводитъ почти все время съ Ремигіей. Послѣ завтрака, въ то время, какъ Марія медленно направляется въ садъ, въ свой обычный тихій и уединенный уголокъ, Джіакомо не слѣдуетъ за нею, какъ обыкновенно, съ газетами, а остается

смотрѣть, какъ кормятъ Дина и Дона, и старается не раздражаться непрерывными подобострастными поклонами Трюба.

Потомъ, поглядывая украдкой въ ту сторону, гдѣ сидитъ Марія въ тѣни деревьевъ, онъ учится у Ремигіи правиламъ игры въ тэннисъ и, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сѣтки, слѣдитъ за игрой.

— Брависсимо, малютка!—кричитъ онъ, называя Ремигію такъ, какъ ее зоветъ Марія.

И вечеромъ также, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, оставаться съ Маріей на террасѣ и говорить съ ней о литературѣ, онъ идетъ въ салонъ и смотритъ, какъ танцуетъ Ремигія, шутитъ съ нею и съ Мими, дразнитъ „идола“ ея „интернаціональными поклонниками“, усвоиваетъ себѣ ея жаргонъ, называетъ барона Данову „фараономъ“, а сэра Вуда—„конфетнымъ Аполлономъ“.

Марія-Грація, каждый разъ, когда ей удается встрѣтиться лицомъ къ лицу съ братомъ мужа, безмолвно спрашиваетъ его глазами:—Почему?—и какъ бы говоритъ ему съ грустью:—Неужели я должна лишиться единственнаго моего утѣшенія, твоей дружбы?

Джіакомо только слегка краснѣетъ въ отвѣтъ, качаетъ головой и спѣшитъ уйти.—Почему? почему?—повторяетъ мысленно Марія.

Но мало-по-малу она начинаетъ догадываться о причинѣ его сдержанности — и уже сама краснѣетъ, когда случайно встрѣчается глазами съ Джіакомо. Она все поняла безъ всякихъ объясненій; такимъ образомъ, хотя они повидимому отдаляются другъ отъ друга, но клевета Луціана, извѣстная только Джіакомо, и о которой Марія догадывается какимъ-то чутьемъ, еще тѣснѣе сближаетъ ихъ души. Джіакомо не сознается даже самому себѣ, что симпатія его къ Маріи стала еще болѣе глубокой,—можетъ быть, онъ даже не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Новое чувство, возникшее въ его душѣ, сливается съ жалостью и чувствомъ справедливости. Но по ночамъ ему не спится, и въ одну изъ безсонныхъ ночей онъ рѣшаетъ уѣхать изъ Виллара.

— Это необходимо! Когда Луціанъ вернется, онъ не долженъ застать меня здѣсь. Тогда онъ пойметъ нелѣпость своего отвратительнаго подозрѣнія.

Но Вилларъ кажется ему теперь такимъ очаровательнымъ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого красиваго озера!... — Нѣтъ, мнѣ именно слѣдуетъ остаться, а то Луціанъ подумаетъ, что я хочу

„sauver les apparences“, и увидить въ этомъ „улику“. Да и какъ это я уѣду и оставлю бѣдную Марію безъ всякой защиты? Нѣтъ, я долженъ остаться.

Мысль объ отъѣздѣ окончательно оставлена, но Джіакомо рѣшаетъ не давать брату ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ, и видится поэтому съ Маріей только за завтракомъ и обѣдомъ. Весь день и весь вечеръ онъ проводитъ съ Ремигіей.

Эта тактика, которой онъ слѣдуетъ съ молчаливаго согласія Маріи, не особенно тяготитъ его. Съ Ремигіей ему весело; она очень забавна, и ведетъ себя съ полной непосредственностью. Она совершенный ребенокъ, любитъ самыя невинныя удовольствія—тэннисъ, танцы, прогулки; ей пріятнѣе гулять при солнечномъ свѣтѣ, чѣмъ при лунѣ; она предпочитаетъ конфеты, которыя ей преподноситъ Данѝва, цвѣтамъ monsieur Мало, и въ сущности любитъ только Дина и Дона.

—Совершенно нельзя сказать, что ей двадцать лѣтъ.—Она мнѣ годится въ дочери;—я могъ бы имѣть уже двадцатилѣтнюю дочь!

Онъ можетъ совершенно свободно ухаживать за нею, какъ старшій родственникъ.... Это не обезпокоитъ ни сэра Вуда, ни даже Тото. — Бѣдный Тото, онъ серьезно влюбленъ въ нее.... Но почему бы имъ не пожениться, Ремигіи и Тото?

Живость и безпечность Ремигіи, которая вѣчно хохочетъ, никогда не предлагаетъ никакихъ вопросовъ, и если спрашиваетъ о чемъ-нибудь, то не ждетъ отвѣтовъ,—пріятно развлекаетъ Джіакомо, успокоиваетъ его нервы. Въ обществѣ рѣзвой дѣвушки онъ можетъ спокойно предаваться своимъ мыслямъ и молчать. Она какъ птичка летаетъ вокругъ него и наполняетъ воздухъ своимъ щебетаніемъ.

Какое счастье—молчать и думать о... другомъ, въ то время какъ невинная птичка продолжаетъ щебетать!... Молчать и слѣдить издали за бѣлой точкой въ глубинѣ сада, неподвижной среди зелени: это Марія, которая сидитъ съ книжкой въ рукахъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. — Бѣдная Марія! Какъ бы она заслуживала быть счастливой, быть любимой... Думая объ этомъ, Джіакомо громко вздыхаетъ. Ремигія, которая стоитъ подлѣ него, разсказывая о смѣшныхъ ухаживаніяхъ „фараона“, прерываетъ начатую фразу и спрашиваетъ его:

— О чемъ вы думаете, Джіакомо?

— Ни о чемъ,—я только слушаю васъ.

— Не говорите неправды, ваше превосходительство. Те-

перь вы явно солгали: еслибы вы слушали меня, вы бы расхохотались,—а вы вздыхаете!

Ремигія смѣется съ лукавымъ выраженіемъ лица.

— Можетъ быть, это вздохъ печальной души?—спрашиваетъ она.

Чтобы отвлечь вниманіе молодой дѣвушки, Джіакомо вздыхаетъ еще разъ, еще болѣе глубоко, и говоритъ, что онъ грустить о минувшей молодости, которую особенно начинаешь цѣнить, когда она уходитъ.

— Въ такомъ случаѣ,—быстро возражаетъ Ремигія,—больше всего ее долженъ былъ бы цѣнить „фараонъ", —но онъ нашелъ средство вернуть молодость, — онъ краситъ бороду нубійской ваксой.

Ремигія весело смѣется и, очевидно, уже забыла о вздохахъ и задумчивости Джіакомо.

Дѣйствительно, она сейчасъ же говоритъ совершенно другимъ тономъ:

— А вы помните, Джіакомо, что сегодня день, въ который вы обѣщали мнѣ вписать что-нибудь въ мой альбомъ? Не отказывайтесь,— вы обѣщали.

— Я не умѣю писать стиховъ.

— Напишите прозой.

— Я не могу написать ничего достойнаго вашего альбома. Я не писатель, а скромный финансистъ,—и не умѣю ничего писать, кромѣ цифръ.

— Въ такомъ случаѣ, подпишите только свое имя. Я хочу имѣть вашъ автографъ.

— Мими!—зоветъ Ремигія подругу.—Мими!

— Сейчасъ иду, дорогая!

Мими играетъ по близости въ крокетъ съ Тото. Она попрежнему ненавидитъ „фараона", и все надѣется, что Ремигія все-таки выйдетъ замужъ за Джіакомо. Поэтому она никогда не теряетъ ихъ изъ виду, когда они бесѣдуютъ наединѣ.

— Бросьте вашъ глупый крокетъ,—идите къ намъ! Здѣсь такъ свѣжо, такъ хорошо!—Ремигія располагается какъ можно удобнѣе на большомъ камышевомъ креслѣ и, подозвавъ вторично Мими и Тото, требуетъ, чтобы ей принесли ея ящикъ съ рукодѣльемъ, ея книги, ея альбомъ, всѣ ея вещи. Они спѣшатъ исполнить ея требованіе.

Джіакомо глядитъ на нее съ улыбкой и называетъ „малютку" тираномъ.

Ремигія тоже улыбается—очень нѣжно.

— У меня много недостатковъ, не правда ли?

— Властолюбіе и тиранія иногда свидѣтельствуютъ только о силѣ характера. Если тиранъ—хорошенькая дѣвушка съ золотистыми волосами, то бѣда еще не велика.

— Если это не недостатки, то, значитъ, у меня есть другіе. Пожалуйста, Джіакомо, скажите, какіе у меня недостатки. Прошу васъ!—голосъ ея становится болѣе настойчивымъ и нѣжнымъ.—Милый, хорошій, скажите!—Она начинаетъ сердиться.—Скажите сейчасъ же, какіе у меня недостатки,—иначе я васъ буду звать вашимъ превосходительствомъ.

Джіакомо смѣется и говоритъ:

— До сихъ поръ я замѣтилъ въ васъ одинъ большой недостатокъ: то, что и вы, при всей своей оригинальности, завели себѣ, какъ и всѣ дѣвушки..., альбомъ для автографовъ.

— Оригинальность моя заключается въ другомъ,—въ томъ, что у меня не одинъ альбомъ, а два: одинъ для знаменитостей—вотъ, смотрите, тутъ есть подпись Гарибальди, письмо Мацини, автографъ Рудини... Но я прошу васъ написать мнѣ что-нибудь не въ этотъ, а въ другой.

Она открываетъ другой альбомъ и передаетъ его Джіакомо.

— Напишите мнѣ что-нибудь въ этотъ альбомъ; онъ маленькій и запирается на ключъ, потому что въ немъ автографы знаменитостей, которыя мнѣ особенно дороги. Посмотрите, прочтите: Габріэле д'Аннунціо, Ростанъ...

— Довольно этихъ двухъ именъ; я ничего не напишу сюда.

— Непремѣнно напишите,—иначе я васъ всегда буду звать превосходительствомъ и высчитывать всѣ ваши титулы.

Мими тоже начинаетъ упрашивать Джіакомо, ставя передъ нимъ маленькую чернильницу и перо.

— Пожалуйста, синьоръ д'Ореа! Не заставляйте себя такъ долго просить!

Тото стоитъ подлѣ нихъ съ сердитымъ лицомъ. Онъ находитъ, что за Джіакомо слишкомъ ухаживаютъ... Его Ремигія никогда не просила написать что-нибудь въ альбомъ для избранныхъ!

— Кокетка! Она не можетъ оставить въ покоѣ даже его превосходительство!

Ремигія опять обращается къ Джіакомо:

— Достаточно одного какого-нибудь изреченія и подписи.

Джіакомо перестаетъ сопротивляться, беретъ альбомъ изъ рукъ Ремигіи, беретъ перо, которое ему даетъ Мими, и пишетъ быстро двѣ строчки.

— Готово.—Онъ возвращаетъ альбомъ Ремигіи.—И простите меня за то, что я не умѣю писать ничего, кромѣ цифръ.

Прочтя написанное, Ремигія краснѣетъ и горячо жметъ руку Джіакомо:

— Какой вы добрый! Какъ я вамъ благодарна!

Джіакомо написалъ въ альбомъ слѣдующее:

„Обязуюсь внести 5.000 лиръ въ пользу бѣдныхъ герцогини Ремигіи, по прозванію „Малютка“.

„Джіакомо д'Ореа“.

У Мими глаза блестятъ отъ радости.

— Боже! Боже! Какъ онъ великодушенъ! Какъ онъ достоинъ быть мужемъ моей Ремигіи!

Съ итальян З. В.

ПО ГАЛИЧИНѢ

Записки туриста.

I. — Львовъ — Карпаты.

Въ прекрасный день начала августа я выѣхалъ изъ Львова, въ костюмѣ альпійскаго туриста, съ мѣшкомъ за плечами, гдѣ, кромѣ необходимой перемѣны бѣлья, лежали только карты генеральнаго штаба, основящіяся къ горной части Галиціи. Солнце свѣтило въ окна скверныхъ вагоновъ товарно-пассажирскаго поѣзда, перерѣзывающаго холмистую долину. Пассажиры состояли по большей части изъ евреевъ и поляковъ, и только трое галицкихъ крестьянъ свидѣтельствовали, что я нахожусь въ малорусской странѣ. Мой путь лежалъ черезъ городокъ Стрій въ Синеводьско-Вишне, находящееся уже въ началѣ предгорій Бескида. Въ окна вагоновъ я наблюдалъ ландшафтъ, очень напоминавшій мнѣ кіевскую губернію. Та же нѣсколько холмистая равнина, спускающаяся къ Днѣстру, тѣ же поля, на которыхъ работали поселяне и поселянки въ красныхъ платкахъ и спидныцахъ, тѣ же поэтическія села, скрытыя въ вербовыхъ и вишневыхъ садахъ. Изъ окна поѣзда край казался очень населеннымъ и зажиточнымъ: одно поселеніе смѣнялось другимъ. На западномъ горизонтѣ, по мѣрѣ того, какъ мы спускались къ Днѣстру, начинали появляться очертанія еще невысокихъ холмовъ, предгорій Карпатъ, скрытыхъ за ними. Подъ мѣстечкомъ Миколаевомъ мы переѣхали черезъ Днѣстръ, представляющій здѣсь небольшую рѣчку, текущую среди широкой долины поемныхъ луговъ; рѣка, собственно, занимаетъ небольшое пространство, но дѣлаетъ безчисленное количество поворотовъ, образуетъ много притоковъ и

болотъ. Въ особенности широко раскинулась долина съ лѣвой стороны, гдѣ луга и мокрыя мѣста тянутся на далекое пространство. Съ этой же стороны Днѣстръ, еще не судоходный, принимаетъ цѣлую сѣть небольшихъ притоковъ, текущихъ съ Карпатъ. По живописной и свѣжей долинѣ одного изъ такихъ притоковъ—Стрія—нашъ поѣздъ началъ постепенно углубляться въ предгорье лѣсныхъ Карпатъ. По мѣрѣ приближенія къ предгорьямъ началъ видоизмѣняться ландшафтъ—онъ становился все живописнѣе и живописнѣе. Долина Стрія, небольшого потока, пробиравшагося съ пріятнымъ шумомъ по каменистому ложу, была густо заселена; усадьбы раскинулись по всей долинѣ вдоль рѣки; кресты церквей блистали на солнцѣ, и все это съ двухъ сторонъ увѣнчивалось отлогими зеленѣющими холмами, которые постепенно возвышались и придвигались все ближе и ближе къ рѣкѣ. Мы въѣзжали въ область Карпатъ, заселенную предпріимчивымъ малорусскимъ племенемъ бойковъ. Съ незапамятныхъ временъ заняли они эту часть Карпатъ, покрытую тогда сплошными лѣсами, и живутъ по преимуществу по долинамъ безчисленныхъ потоковъ, несущихъ воду съ высокихъ горъ по сѣверному склону въ бассейнъ Днѣстра. Ихъ села имѣютъ большею частью уже иной видъ, чѣмъ у жителей долины и низменности Днѣстра. Располагаясь по спуску отлогихъ холмовъ, по длинѣ потока, усадьбы не имѣютъ привлекательнаго вида. Хозяйственныхъ построекъ мало, хаты большею частью стоятъ далеко отъ дороги, построены изъ дерева и не особенно чисты.

Такъ смотрятъ по крайней мѣрѣ всѣ тѣ небольшія поселенія, раскинувшіяся по долинѣ Стрія, по которой нашъ поѣздъ поднимается къ станціи Синеводьске, лежащей уже совершенно въ горахъ. Здѣсь горы значительной высоты — справа возвышается покрытая лѣсами Параска (1.200 м.), а прямо передъ нами долина врѣзывается въ Карпаты, которыя возвышаются на горизонтѣ, образуя линію неизъяснимой прелести, съ полукруглыми зелеными вершинами. Поѣздъ останавливается у небольшого зданія станціи, и я выхожу, чтобы идти къ товарищу, проводящему здѣсь вакаціонное время. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ села по долинѣ Стрія отъ Синеводьска и дальше на верхъ, къ венгерской границѣ, благодаря живописному положенію въ горахъ, чудному свѣжему воздуху, своеобразной прелести купанія въ холодной водѣ потока и разнообразію прогулокъ, привлекаютъ значительное число дачниковъ изъ Львова. Мѣстные бойки сдаютъ половины своихъ хатъ горожанамъ, и цѣны за эти помѣщенія ростутъ очень быстро, въ особенности въ послѣднее

время. По пыльной дорогѣ села я отправился разыскивать хату своего товарища, что мнѣ послѣ разспросовъ и удалось вполнѣ благополучно.—Синеводьске-Вишне расположено при сліяніи двухъ горныхъ рѣчекъ, Стрія и Онора, сбѣгающихъ зелеными долинами съ мелодическимъ шумомъ по камнямъ. Зеленыя горы поднимаются кругомъ, и истинная прелесть этихъ Карпатъ заключается именно въ этой зелени, въ отсутствіи отвѣсныхъ скалъ и острыхъ профилей. Ихъ крутые склоны, покрытые лугами и орѣшникомъ, поднимаются вверхъ, гдѣ ихъ увѣнчиваетъ темно-зеленый еловый („смерековый") лѣсъ. Эти лѣса представляютъ громадное богатство и служатъ предметомъ главнаго вывоза. Всѣ станціи завалены гигантскими бревнами.

Особые пути частныхъ желѣзныхъ дорогъ ведутъ по долинамъ внутрь горъ и доставляютъ изъ глубины лѣса цѣлые поѣзда бревенъ и стволовъ. На всѣхъ станціяхъ дымятъ трубы „тартаковъ", какъ здѣсь называютъ лѣсопильни. Громадное пространство занято складами уже готовыхъ досокъ разной толщины. Хотя я уроженецъ лѣсной части черниговской губерніи, но я былъ пораженъ этимъ громаднымъ количествомъ древеснаго матеріала хвойныхъ породъ, который громоздился вокругъ меня на станціи Синеводской.

Эксплоатація лѣсныхъ богатствъ Карпатъ приняла за послѣднія десятилѣтія громадные размѣры. Цѣлые склоны, раньше покрытые непроходимымъ и дремучимъ лѣсомъ, теперь оголены, и только пни и щепки свидѣтельствуютъ о былой ихъ красотѣ. Такое хищническое хозяйство не сулитъ ничего добраго въ недалекомъ будущемъ. Цѣны на землю съ лѣсомъ возросли въ небывалой пропорціи, и капиталисты, по преимуществу евреи, скупаютъ у мѣстныхъ владѣльцевъ лѣса и сейчасъ же устроиваютъ лѣсопильни. Такъ, мнѣ передавали, что лѣса гр. Дѣдушицкихъ, купленные съ торговъ за безцѣнокъ, цѣнятся въ чужихъ рукахъ въ нѣсколько милліоновъ. Между тѣмъ, мѣстное населеніе бойковъ не принимаетъ большого участія въ этой эксплоатаціи. Находясь на проѣзжей старинной дорогѣ въ Венгрію и не занимаясь земледѣліемъ, бойки издавна преданы торговлѣ. Это, такъ сказать, армяне нашего Кавказа. Очень смышленые и живые, бойки—по преимуществу мелкіе разносные торговцы. Сфера ихъ торговли очень широка: не говоря уже о цѣлой Австріи, гдѣ они разносятъ фрукты, бойки съ мелкими товарами заходятъ и въ Болгарію, и въ Сербію. Такія путешествія расширили ихъ умственный горизонтъ, сдѣлали ихъ непохожими на прочихъ галичанъ—они именно бойки, расторопны, пользуются обстоятель-

ствами и практичны. Разносчики-мужчины возвращаются на непродолжительное время домой въ свои села и, отдохнувъ и исполнивъ свои дѣла по хозяйству, опять уходятъ въ разносъ. Остальная часть населенія остается дома. Женщины занимаются небольшимъ хозяйствомъ, скотоводствомъ, садоводствомъ и продажей ихъ продуктовъ. Земледѣліе, какъ это ясно изъ самой природы, не развито, и только сѣнокосы по отлогимъ спускамъ требуютъ косарей. За послѣднее время наплывъ польскихъ дачниковъ тоже даетъ значительный заработокъ мѣстному населенію, которое сдаетъ половины своихъ хатъ, такъ называемыя „кімнаты", нетребовательныхъ горожанамъ, стремящимся насладиться природой. Что касается удобствъ, то ихъ очень немного, и, напр., мой семейный товарищъ иногда съ трудомъ достаетъ мясо, даже молоко и масло. Но отсутствіе всѣхъ культурныхъ удобствъ выкупается, однако, возможностью дѣлать прогулки въ чудныя мѣста высокихъ горъ, гдѣ воздухъ удивительно здоровъ, гдѣ луга чередуются съ лѣсами, и съ каждаго холма открываются чарующіе виды. Купанье въ горныхъ рѣкахъ, какъ, напр., въ Стріѣ тоже восхитительно; вы раздѣваетесь на прибрежныхъ камняхъ и входите въ воду, которая не доходитъ нигдѣ до пояса. Холодная и прозрачная влага бьется по камнямъ и старается васъ свалить съ ногъ. Вы находите себѣ мѣсто, гдѣ можно удобнѣе лечь, на какомъ-нибудь выглаженномъ водою камнѣ, и вода съ шумомъ бьетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Ощущеніе получается удивительно бодрящее, и такая, конечно, недолгая ванна очень освѣжаетъ человѣка. Мнѣ приходилось купаться въ этихъ потокахъ во время прогулокъ, и всю мою усталость снимало какъ рукой отъ этого купанья въ холодной, какъ ледъ, водѣ, быстро шумящей по камнямъ и камушкамъ. Но меня тянетъ дальше, въ болѣе дикую область—въ воспѣтую гуцульскими пѣснями Чорнугору, которая таинственно манитъ туриста своею удаленностью отъ проѣздныхъ дорогъ, культурныхъ центровъ и городовъ, въ которой жили извѣстные „опрішки",—и я отправился изъ Синеводьска на сосѣднія горы; тамъ по зеленымъ крутымъ склонамъ я вдоволь наѣлся молодыхъ орѣховъ, которыхъ тутъ—изобиліе. Усталый, но восхищенный чудными панорамами Карпатъ, возвратился я къ товарищу и, великолѣпно проспавъ короткую ночь на сѣнѣ въ „стодолѣ", утромъ уже былъ на вокзалѣ.

Опять пыльные вагоны „особового", т.-е. пассажирскаго поѣзда, — и я ѣду дальше на югъ. Путь мой лежитъ снова черезъ Стрій, Ходоровъ; мы пересѣкаемъ плодородную и плотно населенную долину Днѣстра; по лѣвой сторонѣ ея спускаемся

къ югу. Каждый, кто бывалъ въ центрѣ Малороссіи, можетъ здѣсь воочію видѣть, какъ близка здѣшняя матеріальная культура къ нашей, напримѣръ, кіевской. Тѣ же живописныя села, съ бѣлыми хатками, соломенныя и дощатыя крыши которыхъ выглядываютъ изъ зелени вербъ, осокорей и тополей. Тѣ же журавли (лебедки у колодцевъ) скрипятъ, вытягивая воду; тѣ же заросшіе ряской ставки и свиньи, нѣжащіяся въ грязи. На поляхъ тѣ же селяне въ соломенныхъ шляпахъ, и тѣ же разноцвѣтныя полоски жита, овса, пшеницы и подсолнуховъ, кивающихъ по вѣтру ярко-желтыми головками. Тѣ же корчмы и еврейскія лавки, гдѣ туристъ сразу чувствуетъ себя какъ въ Золотоношѣ или Бѣлой-Церкви. Въ особенности здѣшній ландшафтъ напоминаетъ нашъ малорусскій, въ этой широкой днѣстровской долинѣ, обрамленной невысокими холмами, и только совершенно иная—католическая—архитектура церквей указываетъ на то, что я въ Галичинѣ, а не гдѣ-нибудь около Гадича. Въ жаркій полдень подъѣзжаю я къ значительному пункту — городу Станиславову, расположившемуся очень привольно въ широкой долинѣ Золотой и Черной Быстрицѣ, впадающихъ въ Днѣстръ съ правой стороны. Закусивши въ вокзальномъ ресторанѣ, гдѣ лакеи не желали меня понимать, ибо я обращался къ нимъ по-галицки, я сѣлъ въ поѣздъ, отправляющійся на венгерскую границу, въ Кересмезы, занявъ для себя мѣсто у окна. Вблизи Станиславова, значительнаго пункта лѣсной торговли (такъ какъ по Быстрицѣ сюда сплавляютъ лѣсъ изъ карпатскихъ лѣсовъ), долина этихъ обоихъ притоковъ очень широка и ровна, какъ столъ. Диллювіальныя и аллювіальныя четвертичныя образованія, приносимыя рѣками, отложились здѣсь ровно, образовавъ плодородную область, покрытую сѣнокосами и полями. Села раскинулись немного выше, а не на самомъ берегу рѣки. Поѣздъ шелъ между селами и рѣчнымъ ложемъ, мимо прекрасныхъ сѣнокосовъ. Чѣмъ дальше мы удалялись отъ Станиславова, тѣмъ больше мѣнялся ландшафтъ и тѣмъ больше измѣнялся видъ селъ, и постепенно изъ сферы культуры земледѣльческой, хлѣбной, мы приближались къ скотоводческой и лѣсной. Этотъ переходъ, конечно, совпадалъ съ перемѣной вида долины. Холмы постепенно становились выше; отлогіе склоны, покрытые до сихъ поръ обработанными полями, замѣнялись или темно-зеленой шапкой лѣса, или крупными каменистыми горами съ частыми осыпями. Рѣка внизу шумѣла громко и грозно по камнямъ, долина съуживалась и поѣздъ замедлялъ ходъ. Я приближался уже къ Гуцульщинѣ.—

Около станціи Надворной, въ узкой долинѣ Быстрицы, мы покидаемъ ее и поднимаемся въ горы, чтобы послѣ перевала пріѣхать на станцію Делятинъ въ долинѣ Прута. Это уже совсѣмъ горная область. Темно-зеленыя громады горъ царствуютъ надъ долиной; потоки, журча несутъ свои холодныя воды съ этихъ высотъ, и на лугахъ виднѣются уже широкія сѣрыя крыши гуцульскихъ хатъ безъ трубъ. Поѣздъ медленно поднимается по лѣвой сторонѣ Прута (мы миновали станціи Дору, Ямну, Микуличинъ, Тартаровъ), и уже въ темнотѣ я вижу въ окно вагона, какъ мѣстность становится дичѣе и гористѣе. Въ началѣ десятаго мнѣ говорятъ, что поѣздъ подъѣзжаетъ къ Ворохтѣ, станціи, откуда мой маршрутъ велъ уже въ горы и гдѣ я долженъ былъ сойти. На плохо освѣщенномъ керосиновыми лампами вокзалѣ уже толпились молодые гуцулы въ своихъ живописныхъ костюмахъ и коверканнымъ польскимъ языкомъ предлагали нести вещи пріѣхавшимъ путешественникамъ. Меня встрѣтили здѣсь мои знакомые галичане, и черезъ часъ я уже покоился глубокимъ сномъ туриста. Первымъ дѣломъ моимъ утромъ было броситься къ окну и отдернуть занавѣску, такъ какъ въ этой мѣстности очень часты дожди, которые видоизмѣняютъ всю красоту горъ. Но опасенія мои были напрасны — яркое солнце освѣщало горы и небо было чисто. Выпивъ кофе, я уже черезъ полчаса вдыхалъ въ себя удивительный воздухъ Карпатъ: свѣжій, благоухающій отъ окружающихъ луговъ и еловыхъ лѣсовъ. Этотъ воздухъ освѣжаетъ тѣло, бодритъ душу и настроиваетъ на какой-то бодрый, приподнятый тонъ. Благодаря всему этому, уже черезъ нѣсколько минутъ, я въ очень миломъ обществѣ проживающей здѣсь галицкой интеллегенціи шелъ по дорогѣ, ведущей въ Ворохту.

До самаго послѣдняго времени это было гуцульское поселеніе, раскинувшееся по крутымъ склонамъ долины Прута, шумящаго тамъ, далеко внизу. Съ проведеніемъ желѣзной дороги въ Кересмезо, при постоянно возростающемъ сплавѣ лѣса по рѣкѣ плотами, здѣсь стали, конечно, появляться евреи и затѣмъ поляки. Живописность мѣстоположенія, горный воздухъ и сообщеніе желѣзной дорогой сдѣлали то, что туристы-поляки облюбовали себѣ это мѣсто. На крутомъ холмѣ, покрытомъ лѣсомъ, появился отель „Чорногорскій дворецъ“, гдѣ теперь можно достать скверненькій номеръ и довольно сытный и свѣжій обѣдъ. За отелемъ появились и виллы, и дачи, и Ворохта сдѣлалась дачнымъ курортомъ, пока еще мало извѣстнымъ. Близость самой высокой горы Чорногоры Говерли (2.058 м.),

возможность здѣсь отдохнуть, приготовиться къ восхожденію и запастись проводниками и лошадьми, — все это заставляетъ туристовъ останавливаться въ Ворохтѣ. Конечно, это видоизмѣнило нѣсколько ея характеръ: виллы и отель, увѣнчанный австрійскимъ флагомъ, дорожки къ дачамъ, фонтаны и группы польскихъ туристовъ и туристокъ оживили Ворохту. Этимъ наплывомъ пріѣзжаго люда пользуются гуцулы, и за лошадей и за проводниковъ берутъ теперь очень дорого. Сюда часто дѣлаютъ экскурсіи разныя спортивныя общества изъ Кракова, Львова и т. д. Во время моего пребыванія, цѣлая компанія молодежи, обоего пола, принадлежащей къ „польскимъ сокóламъ", наполнила Ворохту шумомъ и жизнью. Въ легкихъ костюмахъ и ботинкахъ шли они по дорогѣ на Говерлю, которая гордо подымала свою таинственно-зеленую вершину на западѣ, среди другихъ горъ. Обыкновенно для восхожденія на Говерлю требуется, минимумъ, два съ половиною дня. Первый день беретъ на себя дорога къ самой горѣ. Путь идетъ чуднымъ лѣсомъ, долиной Прута. Къ вечеру, часамъ къ 6, туристы, обыкновенно верхами, достигаютъ „полонинъ", т. е. высокихъ альпійскихъ пастбищъ, и ночуютъ гдѣ-нибудь у пастуховъ. Утромъ слѣдующаго дня лошади оставляются у подошвы горы и начинается пѣшее восхожденіе, при чемъ не требуется никакой особой одежды и предосторожностей. Вы поднимаетесь по лугамъ, покрытымъ травой и камнями, и послѣ четырехчасового пути достигаете вершины Говерли. Будучи выше остальныхъ своихъ сосѣдей, она возвышается среди нихъ своимъ наиболѣе остроконечнымъ зеленымъ шпицемъ и даетъ возможность видѣть всю цѣпь Чорногоры на юго-востокѣ, Венгерскія Карпаты на западѣ и Лѣсныя Карпаты на сѣверо-востокѣ. Восхожденіе на эту часть Карпатъ не представляетъ особыхъ трудностей. Благодаря своимъ образованіямъ каменно-угольной и третичной эпохи, легко поддающимся дѣйствію воды и вѣтра, склоны горъ размыты, образуютъ легко доступные холмы и, по увѣренію проф. Шухевича, знатока мѣстности, въ Чорногорѣ нѣтъ ни одной вершины, на которую нельзя было бы взобраться верхомъ. Но возвратимся къ нашей Ворохтѣ, которая привольно раскинулась по зеленымъ склонамъ долины Прута.

Осмотрѣвши село и полюбовавшись живописностью его расположенія, мы отправились опять назадъ къ отелю, подъ которымъ шумитъ Прутъ. Онъ дѣлаетъ здѣсь поворотъ къ сѣверу и недавно проведенное шоссе вьется надъ самой рѣкой. Солнце пекло довольно ощутительно, и наша компанія спустилась по

откосу, пробираясь между кустарниками и стволами смерекъ (елей), чтобы принять освѣжающую ванну въ свѣжемъ потокѣ. Затѣмъ, послѣ обѣда на площадкѣ передъ отелемъ, мы предприняли вдвоемъ восхожденіе на сосѣднюю гору Ребровачъ (1.200 м.). Для этого мы опять спустились въ долину и, заплативши по 25 крейцеровъ „побережинку" гуцулу съ ружьемъ за плечами (гора, какъ и весь окрестный лѣсъ, есть собственность государства), начали подниматься по тропинкѣ среди поруба, густо поросшаго малинникомъ. Это пріятное растеніе въ изобиліи покрываетъ нижнюю часть склоновъ Карпатъ, разростаясь особенно на опушкахъ лѣса и на свѣже вырубленныхъ участкахъ. Малиновыя ягоды прямо просились въ ротъ, и, утоляя ими жажду, мы постепенно поднимались вверхъ. На полугорѣ начался опять смерековый лѣсъ; высокіе, ровные, коричневато-сѣрые стволы этихъ карпатскихъ великановъ поднимались вокругъ насъ. Ихъ темно-зеленыя вѣтви пѣли намъ какую-то непонятную, тихую сагу, а изъ лѣса, закиданнаго валомъ отмершихъ и поваленныхъ бурей смерекъ, полускрытыхъ травой и папоротникомъ, казалось, неслась къ намъ невысказанная лѣсная тайна. Около часа шли мы этимъ лѣсомъ и наконецъ вышли на „полонину", а черезъ полчаса были на вершинѣ Ребровача. Видъ съ этой горы очень живописенъ. Прямо передъ нами была долина Прута и хаты Ворохты. На сѣверо-востокѣ мы видѣли долину другого потока и его сліяніе съ Прутомъ при селѣ Тартаровѣ. За этой долиной поднималась цѣпь холмовъ, закрывавшихъ горизонтъ, и невольно приковывающая глаза, даже не географа, своею правильностью расчлененія. Одиннадцать полукруглыхъ вершинъ, совершенно одинаковыхъ по формѣ и величинѣ съ раздѣляющими ихъ ложбинами, заросшими лѣсомъ. Правильность очертаній удивительна, и глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на этой вереницѣ горъ. Къ западу на горизонтѣ, въ золотомъ туманѣ заходящаго солнца, вздымались великаны Чорногоры, а подъ ними синѣла уже вечерняя мгла надъ далекими гуцульскими долинами. Долго смотрѣлъ я на эту чудную картину и неохотно началъ спускаться домой, на что потребовалось всего полчаса. Я долженъ былъ вернуться въ село, чтобы договорить себѣ на завтра коня и проводника дальше въ горы, къ горнымъ жителямъ. У большой хаты сидѣлъ сѣдой, какъ лунь, гуцулъ, который и нанялъ мнѣ лошадь до села Жабьяго. Со мной долженъ былъ идти его сынъ. Послѣ долгой „дискуссіи" я договорился съ ними за 3 банки, или за 6 ав-

стрійскихъ кронъ. Вернувшись къ гостепріимной семьѣ моихъ знакомыхъ, я заснулъ какъ убитый, заказавъ себя разбудить въ шесть часовъ утра.....

II.—Гуцульщина.

Этотъ край очень мало знакомъ русскимъ и вообще европейскимъ туристамъ, почему я для лучшей оріентировки предпошлю дальнѣйшему описанію моей экскурсіи краткій очеркъ его географическаго положенія. Какъ извѣстно, Карпаты образуютъ гигантскую дугу отъ Моравіи до Дуная, при чемъ выгнутая ихъ сторона обращена на сѣверо-востокъ. Широкія и массивныя цѣпи ихъ идутъ почти параллельно, образуя нѣсколько отдѣльныхъ узловъ и частей. На с.-з.—Бескиды и Татры, любимое мѣсто экскурсій поляковъ; далѣе идутъ Бескиды, заселенные горалами, поэтическимъ польскимъ племенемъ; южнѣе—такъ называемые „лісови Карпаты" и затѣмъ наша Чорногора, которая представляетъ узелъ высокихъ горъ, часто переходящихъ за 2.000 метровъ. Здѣсь Карпаты очень расширяются и около верховьевъ Черемоша уже идетъ цѣпь въ Буковину къ ю.-в., а главная масса направляется на югъ въ Венгрію. Такимъ образомъ, Чорногора есть часть Карпатъ, лежащихъ между Венгріей, Галичиной и Буковиной. Политическая граница первой идетъ по самому гребню Чорногоры, а Буковину отдѣляетъ отъ Галичины глубокая долина Поркалаба и Черемоша, имѣющая направленіе къ сѣверо-востоку. Эта горная область образуетъ треугольникъ, остріе котораго упирается въ гребень горъ, а вершина выходитъ къ днѣстровской долинѣ между 47,75° и 48,5° с. ш. Эта часть Карпатъ представляетъ широкое плато съ горными цѣпями третичныхъ породъ, при чемъ высота ихъ постепенно понижается къ долинѣ Днѣстра. Главныя высоты расположены на венгерской границѣ: Говерля (2.058), Толмачекъ (2.018), Піпъ-Иванъ (2.028). Эти цѣпи, или какъ ихъ тутъ называютъ—„пасмо", отдѣлены другъ отъ друга продольными долинами и перерѣзаны поперечными сдвигами, въ которыхъ находятъ выходъ источники. Для яснаго представленія здѣшняго ландшафта необходимо коснуться вкратцѣ ихъ геогностическаго строенія. Какъ свидѣтельствуютъ одиночные изслѣдователи (Реманъ, Кайндль и Шухевичъ), первенствующе выступаютъ здѣсь на всѣхъ долинахъ олигоценскіе песчаники и мягкіе шиферы, которые отъ м. Ямна называются Ямнинскими,

Подъ ними скрыты гнейсы, появляющіеся на дневную поверхность въ глубокихъ долинахъ около Баркута. Далѣе на востокъ выступаетъ мѣловая система и каменноугольная. Всѣ породы эти некрѣпки, рыхлы, сильно поддаются размыванію и вывѣтриванію, благодаря чему мы имѣемъ эти полукруглыя очертанія и цѣлый рядъ отлогихъ уступовъ, обезпечивающихъ полонины и зеленые склоны. Съ другой стороны, постепенное измельчаніе сланцевъ уже съ незапамятныхъ временъ породило здѣсь растительность соотвѣтственно высотѣ: лугъ и лѣсъ по склонамъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ Чорнугору совсѣмъ непохожею на Альпы. Мы не видимъ здѣсь снѣжной короны, мы не получаемъ того сильнаго впечатлѣнія отъ глубокихъ ущелій, скалъ, отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, которыхъ здѣсь нѣтъ. Вершины Карпатъ покрыты желто-зелеными лугами, которые снизу опоясаны темной гирляндой непроходимыхъ лѣсовъ. Долины идутъ въ различныхъ направленіяхъ, и горы постепенно переходятъ въ отлогіе холмы. Источники, или какъ ихъ зовутъ гуцулы—„жерела", просачиваются изъ полонинъ въ каменное ложе высокихъ долинъ и образуютъ потоки въ сравнительно широкихъ ложахъ. Они поэтому не образуютъ грандіозныхъ, съ большимъ паденіемъ водопадовъ, но только небольшіе „гуки" по камнямъ и пороги, „шумы", въ нижнихъ частяхъ. Главное направленіе—на сѣверо-востокъ и на востокъ; путь ихъ извилистъ и бо̀льшая часть ихъ течетъ въ Днѣстръ и Прутъ. Прутъ, какъ мы говорили, имѣетъ жерела подъ вершиной Говерли; изъ главныхъ его притоковъ назовемъ Прутецъ, Бистрецъ изъ-подъ Попа-Ивана, притокъ Черемоша и самый Черемошъ, питающійся снѣговыми водами въ почти безлюдномъ краю, на границѣ между Венгріей, Гуцульщиной и Буковиной. Пробивая себѣ дорогу черезъ предгорья Карпатъ, рѣки эти соединяются въ долинѣ Прута, который, выйдя на свободное мѣсто, поворачиваетъ у Коломіи параллельно горамъ и течетъ мимо Черновицъ къ Черному морю. Край этотъ раньше былъ подъ польской короной и теперь составляетъ уѣзды (повіти) Коссовскій, Надворнянскій, часть Коломійскаго и нѣкоторые куски сосѣднихъ уѣздовъ. Сообщеніе очень неудобно, и здѣсь только въ одномъ мѣстѣ есть хорошій переходъ на Венгрію въ Керемезо, куда идетъ желѣзная дорога изъ Станиславова. Поэтому уже издавна и по орографическимъ, и по религіознымъ, этнографическимъ и экономическимъ причинамъ Гуцульщина тяготѣла къ долинѣ Днѣстра и была съ ней связана политически и экономически. Оттуда шелъ хлѣбъ, кукуруза и товары. Оттуда шла и религія, и тамъ гуцулы чув-

ствовали себя связанными съ судьбою малорусскаго народа. Оттуда же идетъ теперь новая эксплоатація и полонизированіе горцевъ, а также и образованная малорусская интеллигенція, занимающая здѣсь мѣста священниковъ и народныхъ учителей.

Населеніе—чисто славянское; хотя о происхожденіи гуцуловъ очень спорятъ, но ясно одно, что языкъ ихъ сохранился въ чистомъ видѣ и что они уже съ давнихъ временъ имѣютъ здѣсь свое обиталище. Ни европейскими, ни русско-малорусскими учеными этотъ крайне заманчивый для географа, этнолога и этнографа, а въ особенности слависта край, съ его интереснымъ и оригинальнымъ населеніемъ, еще не изученъ и не описанъ. Для малороссовъ и русскихъ, владѣющихъ малорусскимъ языкомъ, можно воспользоваться прекраснымъ трудомъ—„Гуцульщина“ Шухевича (4 тома, Львовъ; изд. Науков. Товар. имени Шевченка 1901)—въ особенности томомъ первымъ, гдѣ описываются физіографія и этнологія края. Четвертый томъ еще теперь въ печати, и послѣ его выхода въ свѣтъ получится точное и полное описаніе гуцуловъ, составленное чаловѣкомъ, болѣе двадцати лѣтъ изучавшимъ край.

III.—Въ сердцѣ Гуцульщины.

Когда я проснулся, — мой проводникъ, молодой, черноволосый и черноглазый гуцулъ, уже ждалъ меня съ конемъ передъ крыльцомъ. Наскоро сложивъ свои вещи въ мѣшокъ и поблагодаривъ милыхъ хозяевъ за гостепріимство, я закинулъ свой швейцарскій сакъ за плечи и сѣлъ на лошадь. Надо сказать, что гуцульскія сѣдла не отличаются особенными удобствами. Лошадь сѣдлается очень просто: на спину кладется въ видѣ потника вчетверо сложенный „коцъ“,—т.-е. мѣстнаго производства толстое, изъ овечьей шерсти, одѣяло и затѣмъ на это кладется деревянная основа сѣдла съ одинаково высокими луками; къ сѣдлу привѣшены стремена, часто деревянныя, изъ дубовыхъ вѣтвей. Сѣдло прикрѣпляется широкою подпругой; для мягкости сверхъ сѣдла привязывается еще одинъ коцъ, обыкновенно въ разноцвѣтныхъ полосахъ. Лошадь имѣетъ еще уздечку, и это—все ея снаряженіе. Все это выдѣлывается самими гуцулами, и собственно сѣдло держится крѣпко, но долгая ѣзда на немъ приводитъ къ ломотѣ спины и ранамъ у непривычныхъ туристовъ. Этотъ способъ верховой ѣзды остается одинаковымъ и для женщинъ, и по дорогѣ часто встрѣчаешь гуцулокъ, которыя съ голыми икрами

бодро трясутся на сѣдлѣ, отправляясь съ провизіей въ городъ. Вскочивъ на лошадь, я усѣлся поудобнѣе, и мы двинулись шагомъ вверхъ по ворохтянской улицѣ, при чемъ проводникъ шелъ рядомъ со мной спокойнымъ шагомъ привыкшаго къ длиннымъ переходамъ горца. Наша дорога шла мимо села, поднималась на холмъ и спускалась опять ниже къ Пруту. Въ одномъ изъ этихъ низкихъ мѣстъ вниманіе мое привлекло громадное зданіе съ фабричной трубой; это опять былъ значительный „тартакъ“, т.-е. лѣсопильня. Все пространство было загромождено лѣснымъ матеріаломъ, досками и штангами. Здѣсь же вытянулись въ линію какіе-то безобразные шалаши, кое-какъ сбитые изъ кусковъ досокъ и покрытые кое-какъ обрѣзками дерева. Въ этихъ шалашахъ слышался звукъ пилъ и, очевидно, шла работа. Рабочіе гуцулы, въ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, рѣзали здѣсь тонкія доски для крышъ; остальные складывали эти досочки въ особыя круглыя пачки цилиндрической формы; въ каждой такой пачкѣ было по 100 досочекъ („дрань“); обвязавши проволокой, рабочіе устанавливали ихъ особымъ способомъ, и дрань была готова къ продажѣ. Я спросилъ у одного изъ нихъ про цѣну; оказалось, что плата за эту работу всего 5 „шустокъ“ въ день (т.-е. 1 гульденъ) на своихъ харчахъ. Пильщики получали почти вдвое больше и даже 14—15 шустокъ (т.-е. 1½ гульдена). Такъ какъ вся Гуцульщина крыта такими дранками, то промыселъ этотъ беретъ много рабочихъ рукъ, и громаднѣйшіе штабы готовыхъ пачекъ можно видѣть при каждомъ тартакѣ. Попрощавшись съ рабочими, мы начали подниматься дальше, и скоро Ворохта скрылась за высокимъ лѣсомъ. Дорога шла просѣкой; справа отъ меня тянулись рельсы небольшой желѣзной дороги, которая спеціально доставляла дерево на тартакъ изъ глубины лѣса. Малиновая заросль шла каймой по дорогѣ, и цѣлыя группы рабочихъ гуцуловъ, встрѣчавшіяся мнѣ, утоляли голодъ спѣлыми ягодами. Каждый изъ проходившихъ былъ снабженъ топоромъ: очевидно, весь этотъ людъ шелъ на какую-нибудь лѣсопильню. Они снимали свои войлочныя низкія шляпы, и на ихъ гуцульское привѣтствіе: „Слава Іисусу Христу!“ я и мой проводникъ отвѣчали: „Единому Богу слава на віки!“—Это привѣтствіе распространено по всей Гуцульщинѣ, Покутью и Подоліи галицкой, конечно, только среди русиновъ.

Между тѣмъ дорога все больше и больше поднималась по лѣсу, и, наконецъ, мы переправились черезъ Прутъ, который здѣсь шумѣлъ въ узкой долинѣ, среди обрывистыхъ, заросшихъ лѣсомъ береговъ. Мы минули домикъ лѣсного сторожа и начали

подниматься по берегу потока Арджелицы. Мѣстность здѣсь становилась все угрюмѣе и дичѣе. Громадные стволы смерекъ поднимались кругомъ, воздухъ былъ сырой и повсюду просачивались источники. Наконецъ, новопролагаемая экипажная дорога кончилась, и мой конь ступалъ по тропинкѣ, спотыкаясь по корнямъ. Кругомъ—полное безлюдье, ибо лѣсъ—„камеральный", т.-е. принадлежитъ государству. Послѣ труднаго подъема мы достигли опять пролагаемой дороги и, заплативши 20 геллеровъ за проѣздъ, начали спускаться уже ниже. Лѣсъ порѣдѣлъ; появлялись открытыя мѣста, лужайки, луга. Наконецъ, при одномъ изъ поворотовъ, лѣсъ разступился, и чудная панорама зеленой долины открылась передъ моими глазами. Зеленая, вся полная свѣжести и юной красоты, она спускалась внизъ, вся залитая горячимъ солнцемъ. Верхнія полонины были пустынны, по среднимъ склонамъ разбросаны были хаты горныхъ гуцуловъ, чѣмъ ниже, тѣмъ чаще. Слѣва и справа поднимались зеленыя вершины Килуевки (1.382 м.), Гордія (1.478 м.). По листамъ карты генеральнаго штаба я понялъ, что нахожусь на срединѣ водораздѣла, отдѣлившаго систему верхняго Прута отъ системы его притока Черемоша. Источники уже текли на югъ и юго-западъ. У одного изъ такихъ источниковъ, на зеленой лужайкѣ, мы устроили привалъ. Конь былъ разсѣдланъ, и мы съ проводникомъ подкрѣпили силы припасами изъ моего мѣшка и утолили жажду ледяной водой „жерела". Затѣмъ путешествіе возобновилось; покачиваясь въ сѣдлѣ, я весь отдался наблюденію окружающаго меня пейзажа, пока коникъ мой переходилъ съ одной полонины на другую; онъ дѣлалъ зигзаги на крутыхъ спускахъ и самъ поднимался рысью по отлогимъ лугамъ. Мимо меня проходилъ рядъ картинъ: вотъ открывается какая-нибудь боковая долина; густой лѣсъ покрываетъ ея бока, а по срединѣ вьется бѣлой ниткой среди темныхъ и желтоватыхъ камней какой-нибудь безъимянный потокъ; вотъ мы ѣдемъ по откосу полонины, постоянно разбирая жерди заборовъ, отдѣляющихъ одну усадьбу отъ другой. Эти заборы характеризуютъ Гуцульщину и придаютъ особую окраску ея заселеннымъ мѣстамъ въ полонинахъ и долинахъ. Гуцулы, имѣя много лѣса, не жалѣютъ его на огорожу своихъ сѣнокосовъ и строятъ ее безъ всякаго желѣза, не скрѣпляя даже перевязками изъ лыка. Для постройки на извѣстномъ разстояніи втыкаются парами высокіе, не обрубленные колья, между которыми закладываются продольные такимъ образомъ, что одинъ конецъ кольевъ кладется на другой подъ нѣкоторымъ угломъ. Для проѣзда надо только снять въ одной клѣткѣ три-четыре жерди въ одномъ

концѣ и, переѣхавъ, опять обязательно заложить. Благодаря тому, что жерди положены подъ угломъ, вся линія огорожи имѣетъ зигзагообразную форму и тянется на верхъ по склону горъ. Эти огорожи, съ ихъ высокими вертикальными кольями, дѣлятъ склоны на неправильные большіе и малые куски. Если смотрѣть сверху на эти склоны, то получается цѣлая сѣть сѣрыхъ линій на зеленой муравѣ пастбищъ, что̀ характерно очень для здѣшняго ландшафта. Необходимость имѣть сѣно на зиму и выпускать скотъ на луга заставляетъ гуцула обгородить такъ все открытое пространство, что очень часто встрѣчается помѣха и пѣшему, и верховому движенію по тропинкамъ, ведущимъ на верхъ въ горы.

Спустившись ниже, я замѣчаю, что хаты все чаще разбросаны по долинѣ. На вопросъ: „Что̀ это за село?"—гуцулъ отвѣчалъ: „Ильця-Жабье",—куда я направлялся. Гуцульское село—совершенно не то село, что̀ мы имѣемъ, напримѣръ, въ нижней Галичинѣ или въ Украйнѣ; тамъ мы видимъ компактную массу хатъ съ опредѣленными улицами, площадью въ серединѣ, гдѣ находятся церковь, корчма и школы. Гористость мѣстности, лѣса по склонамъ горъ и значительная средняя высота долинъ (500—900 м.) указали первымъ насельникамъ этого края на долины, какъ на лучшее мѣсто для постояннаго жилья. Скотоводческое и сѣнокосное хозяйство обусловило вѣроятно разбросанность усадебъ; каждая долина отъ ея устья до дикихъ, неудобныхъ ея частей представляетъ естественную улицу одного поселенія. Если мы обратимся къ точнымъ картамъ, то это обстоятельство будетъ намъ ясно. Долина Прута имѣетъ много очень поселеній; изъ одного вы переходите въ другое; но разстоянія между отдѣльными хатами бываютъ иногда больше километра. Только уже внизу, въ предгорьяхъ, гдѣ долины расширяются, мы видимъ центры селъ съ лавками, корчмами и церквами. Уже въ той долинѣ, въ которую я спускался, начиналось село Жабье, тянущееся по р. Ильцѣ и Черемошу болѣе чѣмъ на 22 километра внизъ. Крыши безтрубныхъ хатъ сѣрѣли въ высокихъ лугахъ и спускались внизъ къ потоку, который становился все значительнѣе. Наконецъ, мы спустились съ послѣдняго уступа горъ и поѣхали по каменистой дорогѣ рядомъ съ русломъ потока Ильци. Появились уже корчмы, церковь съ отдѣльной колокольней, и я выѣхалъ въ такъ называемое Жабье-Ильцю, гдѣ долженъ былъ остановиться у здѣшняго учителя, къ которому у меня была рекомендація. Дѣтишки въ бѣлыхъ рубашкахъ и гуцулки смотрѣли на меня съ удивленіемъ, не понимая, что̀ нужно здѣсь этому

туристу. Однако, мое малорусское привѣтствіе сразу доказало имъ, что я „руснакъ“, и мнѣ ласково отвѣчали на мои: „Слава Ісусу“.

Теперь я находился уже въ самомъ центрѣ Гуцульщины. Долина замыкалась кругомъ горами, поднимавшимися до половины неба; лѣса обрамляли ихъ края, а выше зеленѣли далекія полонины. Въ селѣ былъ слышенъ только гуцульскій діалектъ, виднѣлись костюмы горцевъ, и только евреи въ своихъ косматыхъ мѣховыхъ шапкахъ и полуевропейской одеждѣ являлись чѣмъ-то наноснымъ въ этомъ сердцѣ славянскихъ горцевъ. Жандармъ въ коричневой съ мѣдью каскѣ и съ винтовкой черезъ плечо, увидя меня, подошелъ и спросилъ меня: откуда я ѣду, для чего и куда? Когда мои объясненія показались недостаточными, а малорусскій выговоръ подозрительнымъ, онъ потребовалъ отъ меня легитимаціи. Меня начинало это раздражать, тѣмъ болѣе, что мой гуцулъ съ недовѣріемъ на меня поглядывалъ. Я сразу перешелъ на нѣмецкій языкъ и, подавая назойливому блюстителю порядка мою студенческую карточку, сказалъ жандарму строго: „Я—туристъ и желаю изучить этотъ край съ географической точки зрѣнія. Я въ университетѣ въ Лейпцигѣ, и не понимаю, по какому праву вы такъ интересуетесь мной“. Жандармъ по слогамъ началъ разбирать нѣмецкій текстъ и пожелалъ освѣдомиться, гдѣ же это Лейпцигъ и почему я именно ѣду въ Жабье? Я покончилъ этотъ разговоръ, сказавъ, что это его не касается; но онъ продолжалъ слѣдовать за мною. Только когда я ему показалъ конверты съ адресомъ мѣстнаго учителя, онъ указалъ на гору вправо, изрекъ: „А панъ профессоръ живетъ здѣсь!“ и низко поклонился мнѣ, а я уже пѣшкомъ, расплатившись съ гуцуломъ, направился на гору, гдѣ стоялъ одноэтажный домъ съ краткою надписью: „Школа народня“. Черезъ десять минутъ вошелъ я въ сѣни и отдалъ рекомендацію.

Цѣлая группа сельской молодежи окружила меня, съ интересомъ разспрашивая меня:—„Чи панъ з Украіни, чи панъ зъ Рѡссіи?“—Самъ профессоръ К—ій принялъ меня крайне радушно, и черезъ нѣкоторое время я сидѣлъ среди компаніи учащейся галицкой молодежи и утолялъ голодъ кулешемъ изъ кукурузы, брындзой (овечій сыръ) и „голубцями“. Послѣ первыхъ безсвязныхъ разговоровъ меня спросили, какъ мнѣ понравились гуцулы? Я отвѣчалъ, что на первый взглядъ они кажутся мнѣ очень дикими. „Ходимъ же краще, пане, о самими гуцулами про ïх побалакаемо!“—сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, священникъ М., еще мо-

лодой цэлибатъ.—„Тутъ ко мнѣ пришло нѣсколько гуцульскихъ хозяевъ, узнавшихъ, что я гощу въ Жабьемъ. Они сидятъ въ бесѣдкѣ, и я васъ имъ сейчасъ представлю". Я не отказывался, и, выйдя въ садикъ съ отцомъ М., мы вошли въ крытую „альтанку", гдѣ за большимъ столомъ сидѣли гуцулы. „Ось, панове газды (хозяева), я привів вам пана з України россійськой—витайте його, бо це наши люде там мешкають!—"Сразу гуцулы встали, и нѣсколько загорѣлыхъ рукъ протянулось ко мнѣ. Они съ нескрываемой радостью здоровались со мной и съ интересомъ разсматривали невиданнаго ими „украинца" изъ далекой Украйны, про которую имъ столько разсказывалъ отецъ М. И они, и я, понимали другъ друга превосходно. Мнѣ такъ отрадно было слушать ихъ чистую отъ полонизмовъ, руссицизмовъ и германизмовъ, немного гортанную малорусскую рѣчь. Какъ объяснилъ мнѣ любезный отецъ М., это были все горцы изъ окрестныхъ хуторовъ—„газды", пришедшіе увидать своего „духовнаго отця".

Разговоръ вертѣлся на воспоминаніяхъ и мѣстныхъ польско-русинскихъ отношеніяхъ. Я сѣлъ въ сторонкѣ и началъ наблюдать гуцуловъ. Это были рослые, крѣпкіе мужчины среднихъ лѣтъ. Ихъ продолговатыя лица были загорѣлыя; носы правильны, глаза—съ глубокими впадинами. Они носили длинные волоса и усы, бороду брили. Цвѣтъ волосъ—черно-синій и русый. Одѣты для воскресенья они были по праздничному и очень живописно. Бѣлыя рубахи безъ вышивокъ, но съ красной лентой на шеѣ и широкими рукавами; у нѣкоторыхъ шея была обвязана шолковыми платками. Сверхъ рубахи была надѣта безрукавка, не доходящая немного до таліи и расходящаяся на груди. Эта безрукавка, называемая „киптарь", неотдѣлима отъ понятія „гуцулъ". Она дѣлается изъ бараньей или овечьей шкуры, шерстью внизъ. Весь ея верхъ расшитъ оригинальными узорами; разноцвѣтныя фигуры и арабески, шитыя шерстью, покрываютъ спину и грудь. Среди шитья есть украшенія изъ цвѣтной кожи, нашивки изъ мѣди и фольги. Въ общемъ получается очень живописная куртка. Штаны широкіе изъ яркокраснаго домашняго сукна или изъ бѣлаго полотна спускались до ступни и были заворочены въ одну складку—а не заложены—въ „онучи" изъ малиноваго или краснаго съ узорами сукна; послѣднія, плотно обвязанныя веревками, составляла одно цѣлое съ кожаною обувью, „постолами". Эти постолы сдѣланы изъ одного куска кожи, безъ каблуковъ и подошвы. Собранные вокругъ пятки шнуркомъ, который обвивалъ красиво ногу выше, они представляютъ ту же обувь, которую

носятъ часто въ Новороссіи пастухи. Красные штаны церетягивались на таліи широкимъ, въ поларшина, твердымъ, какъ изъ металла, кожанымъ поясомъ. Этотъ поясъ гуцулъ носитъ вездѣ и всегда. Сшитый изъ нѣсколькихъ рядовъ кожи овецъ, онъ прошитъ еще нитками въ три, четыре ряда. Цвѣтъ его черный или темно-малиновый. Мѣдныя бляхи и украшенія блистаютъ на кожѣ. Спереди привѣшивается ножъ, трубка, мѣшокъ для табака и т. под. Благодаря этому поясу, гуцулъ кажется стройнѣе, и этотъ корсетъ облегчаетъ ему ходьбу по горамъ и ѣзду верхомъ. У каждаго изъ сидѣвшихъ гуцуловъ черезъ плечо на широкой красно-желтой, тканой дома, лентѣ былъ перевѣшенъ „кошель“ квадратной формы и тоже очень яркихъ цвѣтовъ. Шляпы ихъ были круглы, съ небольшими загнутыми полями, тоже мѣстнаго чернаго войлока. Ленты, обручи изъ серебряной и позолоченной фольги и небольшія пѣтушьи черныя перья украшали эти шляпы; по тульѣ и по этой шляпѣ можно сразу узнать гуцула. Въ рукахъ у нихъ уже не было знаменитыхъ „топорцевъ“, а только палки. На мой вопросъ, почему гуцулы перестали ихъ носить и я даже въ праздникъ не вижу ихъ, мой сосѣдъ, черный и лохматый, съ живостью отвѣтилъ мнѣ:

— О, раньше у насъ въ горахъ всѣ носили „топорци“, даже въ церковь руснаки появлялись съ топорцями въ лѣвой рукѣ, въ праздничномъ костюмѣ. Но уже лѣтъ пятнадцать, какъ поляки запретили намъ ихъ носить. Жандармы искали ихъ у каждаго, рыскали по хатамъ и въ нѣкоторыхъ селахъ бросали наши топорци въ потоки. А эти топорци были очень дорогіе, съ серебряными насѣчками, дорогими рѣзанными ручками и нѣкоторые стоили до 50 гульденовъ. Ну, та гуцулъ никого не боится и безъ топорця, и безъ пушки (винтовки).

— Видите ли,—вмѣшался въ разговоръ отецъ М.,—дѣйствительно, правительство запретило гуцуламъ ношеніе оружія и топоровъ, такъ какъ, собираясь большими массами на церковныя празднества съ топориками въ церкви, они послѣ службы обыкновенно шли „до кôрчмы“ и, напившись отвратительной водки, вступали въ ссору между собою. Нерѣдко случалось, что дикая натура не выдерживала, топорець сверкалъ въ воздухѣ и вонзался въ грудь противника.

— Да, бывало и такъ!—соглашались гуцулы:—очень уже пьютъ наши хозяева. Иногда пропьетъ въ корчмѣ не только свой заработокъ, но и луга, и будущій сѣнокосъ. А потомъ и ходитъ на заработки.

— Ага!—сказалъ гуцулъ, сидѣвшій напротивъ меня, съ ру

сыми волосами:—раньше привольно жилось въ горахъ: коси, гдѣ хочешь, мѣста было вдоволь! Теперь разбогатѣли одни скупщики лѣсовъ и полонинъ, даютъ въ долгъ людямъ, назначаютъ всѣ цѣны, а гуцулъ на него только работаетъ, и обѣднѣли мы всѣ. Нѣтъ у насъ и людей образованныхъ, чтобы намъ помочь. Школъ еще мало; только у учителя или отца духовнаго можетъ руснакъ попросить совѣта въ какомъ-нибудь дѣлѣ. А учитель ничего не можетъ сдѣлать: если захочетъ помочь гуцуламъ, то поляки сейчасъ переводятъ его подальше. Одна наша надежда на ксьондзовъ нашихъ; они могутъ очень много сдѣлать, чтобы гуцулъ боролся противъ поляковъ и евреевъ, и народъ нашъ усердно ходитъ въ церковь и уважаетъ священниковъ. Но многіе священники держатъ панскую руку, а такихъ намъ не надо. Вотъ панъ отецъ духовный только объ насъ и заботился, пока у насъ на парафіи были. Зато и любили мы его за это!—закончилъ руснакъ и, перегнувшись черезъ столъ, поцѣловалъ руку молодого священника, который съ блескомъ любви въ глазахъ окинулъ ихъ всѣхъ своимъ бодрымъ взглядомъ. И когда эти суровыя лица обратились къ своему любимцу,—столько благодарности, безграничной преданности засвѣтилось въ ихъ выразительныхъ глазахъ, что было ясно, какъ они любятъ своего бывшаго „отця духовнаго". И дѣйствительно, единственная народная демократическая интеллигенція, понимающая гуцульскіе интересы, имѣющая здѣсь національное сознаніе и желаніе выбиться изъ-подъ „польщизны" и изъ еврейской эксплоатаціи, представлена здѣсь народными учителями и священниками. Эти люди, по большей части родомъ изъ Галиціи, вносятъ свѣтъ и пропаганду русинскихъ идей и ведутъ тяжкую борьбу съ польской администраціей за права народа. Священникъ, живя все время среди поселянъ, лучше вооруженъ въ борьбѣ, и потому можетъ больше сдѣлать. Отецъ М., пробывши въ здѣшнемъ приходѣ полтора года, устроилъ здѣсь нѣсколько кружковъ, библіотеку, читальню, защищая грудью интересы гуцуловъ, а теперь подготовлялъ своихъ друзей къ устройству „громадьского склепа" (общественнаго магазина). Гуцулы съ восторгомъ слушали его и боялись, кажется, вздохнуть, чтобы не перебить его рѣчи. Они ясно сознавали всю пользу „склепа" противъ еврейскихъ цѣнъ, но боялись, что войтъ, какъ полякъ, будетъ противиться новому завоеванію народа. Много я еще разспрашивалъ гуцуловъ про ихъ край, одежду, занятія, промыслы и надежды. Они давали мнѣ очень толковые отвѣты, и всѣ ихъ надежды были, что когда „ўсі гуцулы порозумнійшають, то тоді й лях, и жид не будуть

нас жахав“ (ругать). Но уже солнце въ это время было близко отъ рѣзкой линіи Карпатъ, и такъ какъ гуцулы пришли издалека, то, пожавъ мнѣ руку и благоговѣйно поцѣловавъ ее у отца М., съ выраженіями ему любви и преданности, они начали прощаться.

„Теперь если я и помру завтра, то ничего! Я видѣлъ отца духовнаго передъ смертью“,—говорилъ одинъ пожилой хозяинъ, съ мокрыми отъ слезъ глазами. Когда ихъ стройныя фигуры въ живописномъ уборѣ скрылись за угломъ школы, отецъ М. обратился ко мнѣ: —„Я пробылъ у нихъ всего полтора года и очень полюбилъ ихъ. Гуцулы имѣютъ очень много хорошихъ чертъ и только нуждаются въ просвѣщеніи. Однако, борьба противъ ополячиванія очень тяжела, ибо и сила, и власть—не у насъ. Провести, напримѣръ, русинское правленіе въ читальню, выбрать нашего войта, писаря—это уже очень затруднительно, ибо, кромѣ угрозъ, польскіе администраторы часто забываютъ законы, какъ вамъ это хорошо извѣстно.—Но не хотите ли выкупаться въ нашемъ Черемошѣ: еще не поздно!“ —предложилъ онъ мнѣ. Мы сдѣлали нѣсколько десятковъ шаговъ и очутились на берегу Черемоша, какъ разъ при впаденіи въ него Ильцы. Части плотовъ были разбросаны на каменистомъ берегу. Черемошъ—одинъ изъ главныхъ сплавочныхъ путей для Гуцульщины, и „дарабы“ (плоты) идутъ по немъ всю весну и лѣто. Освѣжившись, мы полюбовались чуднымъ видомъ трехъ Пагуровъ на востокѣ. Эти три вершины поднимались рядомъ, причемъ самый красивый былъ Великій Пагуръ; слабо-конусообразная верхушка его, сплошь покрытая лѣсомъ, возвышалась надъ другими товарищами. Послѣ сытной „вечери“ въ искреннемъ обществѣ людей, изъ которыхъ каждый старался удовлетворить мой географическій и этнологическій интересъ, я отправился на верхъ, въ мезонинъ, и предался въ объятія Морфея.

На другой день я предпринялъ экскурсію въ село для изученія внутренняго убранства хатъ. Какъ я уже говорилъ, усадьбы гуцуловъ раскинуты на далекое пространство и на значительную высоту. Ихъ любимое мѣсто для осѣдлаго житья, это—открытые склоны горъ, обращенные къ долинѣ, по преимуществу спускающіеся на югъ, юго-востокъ и юго-западъ. Тамъ ютятся ихъ „обистьи“, и туда я направилъ свой путь, поднимаясь по зеленому крутому склону. Перелѣзши черезъ нѣсколько оградъ, мы вздохнули вольнѣе; крутизна смѣнилась слабо наклоннымъ лу-

гомъ. Прямо передъ нами была хата знакомаго моему спутнику гуцула, куда онъ меня велъ, какъ въ наиболѣе характерную. Хата была обращена внизъ, къ долинѣ Ильци и на юго-востокъ. За ней поднимался крутой склонъ, уже покрытый лѣсомъ; справа и слѣва шли такіе же зеленые склоны, съ сѣрыми крышами усадебъ; внизу виднѣлись Жабье и долина Черемоша.

Подойдя къ хатѣ, мы встрѣтили уже хозяина, вышедшаго къ намъ на встрѣчу. „Слава Ісусу Христу!“ — привѣтствовали мы его.—„Слава единому Богу и вамъ!“—прошамкалъ старикъ. „Дьякувати вамъ красно, що завітали мене; прошу панівъ до хати“. Мы не отказывались и, пройдя черезъ сѣни, вошли въ правую хату, т.-е. комнату. Бывавшему въ нашихъ малорусскихъ хатахъ сразу бросается въ глаза близость этой постройки и внутренняго плана и убранства съ нашей. Однако, гуцульская обстановка имѣетъ свои особенности, соотвѣтствующія окружающей природѣ и хозяйству. Войдя черезъ высокій деревянный порогъ, я очутился въ квадратной комнатѣ пространствомъ не больше девяти аршинъ въ поперечникѣ. Стѣны были изъ коричпевато-черныхъ обструганныхъ старыхъ бревенъ и представляли гладкую поверхность. Два окна съ правой стороны отъ входа плохо освѣщали внутренность хаты. Слѣва отъ меня была печь; ея „каминъ“, т.-е. верхняя и лицевая часть, была выложена кафлями желтаго цвѣта. Ихъ покрывали рисунки самаго наивнаго свойства: на одной нарисованъ гуцулъ на лошади; на другой— какіе-то звѣри и птицы; на третьей нарисованъ „жидъ“ съ „пейсами“. Другіе кафли покрыты растительнымъ и крестообразнымъ орнаментомъ. За каминомъ имѣется „запичокъ“ и сбоку лежанка, покрытая ковромъ мѣстнаго тканья—„килимъ“. Между печкой и противоположной стѣной стоитъ большая деревянная кровать, покрытая килимами съ грудой подушекъ въ красно-желтыхъ тканыхъ наволочкахъ. Тутъ же рядомъ стоитъ рѣзной „кòферъ“, т.-е. наша скрыня, гдѣ хранятся бѣлье, деньги и вообще болѣе цѣнныя вещи. По другимъ двумъ стѣнамъ идутъ лавки, между которыми стоитъ столъ, покрытый грубою скатертью. Надъ лавкой виситъ рядъ изображеній святыхъ, безъ оправъ и ризъ. Справа отъ дверей, у стѣны имѣется всегда или посудный шкафъ, или пòлка. Здѣсь была полка „мисныкъ“, на которой были разставлены стоймя глиняныя тарелки. Хозяинъ пригласилъ насъ сѣсть, и здѣсь я уже лучше разсмотрѣлъ хату. По сволокамъ и бревнамъ, поддерживающимъ крѣпкій потолокъ изъ досокъ, были для украшенія прикрѣплены искусственные цвѣты. Надъ кроватью на жердкахъ висѣли килима, коцы и рядна. Полъ былъ изъ де-

рева, а не глиняный. Видно, что всѣ предметы были сдѣланы на мѣстѣ; слѣва отъ меня стояли деревянныя „коновки“, съ деревянными же ручками, которыя играютъ здѣсь роль ведеръ.

— Почему вы не устроиваете въ хатахъ трубъ для отвода дыма?—спросилъ я, такъ какъ замѣтилъ еще въ сѣняхъ отверстіе въ стѣнѣ, заткнутое теперь тряпками, куда проходилъ дымъ изъ печки въ сѣни.

— Видите ли, пане, у насъ вѣтры сильные въ горахъ, то задувало бы дымъ всегда, а съ другой стороны—и теплѣе съ дымомъ. Мы надъ этимъ дымомъ осенью мясо дымимъ; и крыша, когда продымится, то долго служитъ, не прогниваетъ. Зачѣмъ намъ трубы? Такъ удобнѣе! Вотъ, посмотрите сами, какъ все хорошо.

Я вошелъ въ сѣни. Надо мною поднималась крыша черная, а мѣстами лоснившаяся отъ сажи; дѣйствительно, ни паутины, ни грязи на ней не было. Осмотрѣвъ еще разъ хату, я вышелъ посмотрѣть усадьбу. У гуцуловъ, какъ у народа горнаго, живущаго сѣномъ и овцами, построекъ немного. Для овецъ и „безрогихъ“ (т.-е. свиней) придумано очень оригинальное помѣщеніе. Вокругъ всѣхъ трехъ сторонъ хаты крыша выступаетъ очень далеко и низко къ землѣ. Это все пространство огорожено крѣпкими бревнами, такъ что получается крытый и темный корридоръ съ трехъ сторонъ. Съ двухъ боковъ, по линіи фасада, въ этотъ корридоръ ведутъ двери, и туда загоняютъ овецъ на зиму и осень. Такимъ образомъ овцы защищены отъ дикихъ звѣрей и отъ стужи — ихъ грѣютъ части теплой комнаты. Съ другой стороны, и сами овцы придаютъ больше теплоты обитателямъ хаты. Эта пристройка характеризуетъ всѣ гуцульскія жилья. Кромѣ этого, подъ угломъ стоитъ навѣсъ для дровъ, иногда еще мѣсто для коровъ и лошадей. Кругомъ идетъ крѣпкій заборъ съ воротами подъ навѣсомъ и форткой; дворъ этотъ очень невеликъ и узокъ. Заперевъ единственный входъ, гуцулъ совершенно отгороженъ отъ всего свѣта. Уже за предѣломъ этой усадьбы находится скудный огородикъ (картофель и капуста). Еще дальше, на разныхъ мѣстахъ сѣнокоса возвышаются довольно высокія четырехугольныя постройки изъ досокъ, съ острою четырехгранною крышею. Это „оплиты“ для сохраненія сѣна отъ частыхъ здѣсь дождей и скотины. Вотъ и всѣ постройки; садовъ, конечно, на этой высотѣ (800 м.) нѣтъ, и хата гуцула показываетъ проходящему только свою сѣрую крышу и заборъ. Благодаря тому, что онѣ почти всегда построены на косогорѣ,—задняя часть кажется врытой въ землю, а благодаря рельефу склона—снизу не

видно оконъ. Издали такая усадьба представляетъ сѣрое пятно, такъ какъ видна только крыша хаты и навѣсъ для овецъ. Эти хаты, раскинутыя по отлогостямъ склоновъ, очень оживляютъ пейзажъ, и только въ лѣсахъ и на высокихъ верхушкахъ и полонинахъ онѣ совершенно исчезаютъ.

Попрощавшись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, мы пошли назадъ въ долину, чтобы осмотрѣть церковь и мѣстныхъ жителей, такъ какъ былъ какой-то праздникъ и служеніе еще не кончилось. Церковь стояла недалеко отъ рѣчки, на холмѣ, и была обнесена крѣпкимъ заборомъ. Черезъ ворота мы проникли на цвинтарь, гдѣ пестрѣла яркими колерами толпа гуцуловъ. У мужчинъ, кромѣ киптарей, на плечи были наброшены еще куртки изъ малиноваго, чернаго и краснаго мѣстнаго сукна. У хлопцевъ на шеяхъ—дорогіе шолковые платки. Шляпы съ пукомъ лентъ красныхъ, розовыхъ и иныхъ цвѣтовъ придавали очень нарядный видъ красавцамъ-хлопцамъ, съ черными, какъ смоль, волосами и правильными чертами лица. Съ другой стороны толпились женщины и дѣти. Яркость цвѣтовъ и здѣсь была поразительная. Ярко-красныя повязки на головахъ, ленты у дѣвушекъ, расшитыя разноцвѣтными нитками киптарки, украшенныя фольгой, бусами и шитьемъ, кошели черезъ плечо, красно-желтые спидныци,—все это двигалось и пестрѣло, какъ макъ въ цвѣту. Я рѣдко въ Италіи даже видѣлъ такую живописную и яркую толпу. Въ церковь входили одни, выходили другіе; кучки оживленно разговаривали, жестикулировали и смѣялись. Внутри гуцульская церковь не особенно отличается отъ костёловъ, но зато снаружи она имѣетъ совершенно своеобразный видъ. Представьте себѣ небольшое деревянное строеніе прямоугольной формы; на двухскатной крышѣ утвержденъ невысокій куполъ, тоже деревянный, съ четырехскатной пирамидальной, тоже деревянной, крышей и съ крестомъ по срединѣ. Пристройка около алтаря и выступы съ двухъ сторонъ придаютъ ей форму креста. Стѣны не крашены, цвѣта обыкновенно бураго; кругомъ идутъ навѣсы: одинъ—выступъ крыши, другой—ниже—обхватываетъ всю церковь кругомъ. Эти навѣсики придаютъ особенную окраску гуцульскимъ церквамъ. Деревянная же невысокая колокольня стоитъ всегда отдѣльно ниже церкви. Иногда куполъ выкрашенъ въ голубую краску, но обыкновенно церковь вся сохраняетъ натуральный цвѣтъ матеріала. Такія миніатюрныя церковки видалъ я потомъ въ глухихъ долинахъ, и этотъ „домъ Божій“ изъ дерева, въ Карпатскихъ горахъ, на фонѣ смерековой зелени, имѣлъ какую-то особую прелесть.

Но вотъ зазвонили колокола, и, крестясь и забирая свои палки, гуцулы двинулись съ церковнаго двора. Почти всѣ отправлялись въ корчму. Я шелъ за ними тоже и, попавъ среди женщинъ, напрасно пытался найти хоть одно хорошенькое личико. Бо̀льшая часть замужнихъ имѣла очень старообразный видъ; дѣвушки были неизящны; толстыя губы и некрасивые лбы не привлекали моихъ взоровъ. Передъ корчмою, на берегу Ильци уже было полно народу. Изъ корчмы неслись пьяные крики, а здѣсь гуцулы и гуцулки, сидя кучками, громко разговаривали. Почти каждый курилъ трубку, и странно было смотрѣть на бабъ и молодицъ, изо рта которыхъ висѣли длинныя трубки — „файки", которыя онѣ сосредоточенно курили. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что къ отрицательнымъ качествамъ горнаго племени надо отнести его любовь къ спиртнымъ напиткамъ. Напившись, гуцулъ не помнитъ себя; онъ требуетъ у услужливаго „шинкаря" рому, коньяку и дорогихъ винъ, и спускаетъ все, что̀ имѣетъ въ своемъ поясѣ. Женщины не уступаютъ мужчинамъ, въ особенности за послѣднее время. Это и подачки туристовъ порождаютъ попрошайничество и наглость. Съ другой стороны, гуцулъ очень легко относится къ святости брака. Очень часто хозяинъ оставляетъ жену и переходитъ къ другой. Недавно даже былъ случай простого обмѣна женъ двумя уже пожилыми гуцулами. Почти каждый имѣетъ свою „любаську", что̀ отражается на женщинѣ дурно.

Наиболѣе понравились мнѣ дѣти — подростки 7—12 лѣтъ; среди мальчиковъ попадаются типы поразительной, почти античной красоты; глаза удивительно красивы и умны. Но среди нихъ очень много такихъ, которые не знаютъ ни матери, ни отца, и рѣдко добиваются народной школы. Они заработываютъ скудное пропитаніе въ далекихъ полонинахъ, въ качествѣ помощниковъ пастуха, а зимою перебиваются по селамъ.

Наглядѣвшись на пьющихъ гуцуловъ и гуцулокъ, я отправился обратно, чтобы заранѣе достать лошадей на „Чорнугору" и „Піпъ-Иванъ". Намъ обѣщали приготовить на утро пять лошадей, по числу ѣдущихъ. Мы желали ѣхать безъ проводниковъ, такъ какъ одинъ изъ насъ зналъ мѣстность, а у меня были карты. Остановка была только за погодой.

М. Русовъ.

МОРСКАЯ ДѢВА

РОМАНЪ

— The Sea-Lady, by H. G. Wells.

I.

На всѣхъ дошедшихъ до насъ преданіяхъ о появленіи на землѣ русалокъ лежитъ отпечатокъ неправдоподобности. Даже весьма обстоятельный разсказъ о русалкѣ, появившейся въ Брюгге и оказавшейся столь способной ко всякимъ дамскимъ рукодѣльямъ, возбуждаетъ нѣкоторое недовѣріе. Я долженъ сознаться, что еще годъ тому назадъ я совершенно не вѣрилъ въ подобныя вещи. Но теперь, стоя лицомъ къ лицу съ неоспоримыми фактами, имѣвшими мѣсто въ моемъ ближайшемъ сосѣдствѣ, и имѣя въ лицѣ моего троюроднаго брата, Мельвилля, главнаго свидѣтеля всего происшествія, я совсѣмъ иными глазами смотрю на эти старыя легенды. И въ данномъ случаѣ такое большое количество лицъ старалось замять это дѣло, что не произведи я тщательнаго разслѣдованія, и эта исторія черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ оказалась бы столь же мало вѣроятной, какъ и тѣ древнія легенды. Даже и теперь нѣкоторые скептики...

Попытка замять дѣло должна была встрѣтить особенныя трудности въ этомъ спеціальномъ случаѣ, и ея относительный успѣхъ, повидимому, показываетъ, какъ серьезны бываютъ мотивы для сохраненія тайны во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Относительно мѣста дѣйствія этихъ событій не можетъ, конечно, существовать никакихъ разногласій или недоразумѣній. Они на-

чались на морскомъ берегу къ востоку отъ Сандгетскаго зàмка, по направленію къ Фолькстону, и кончились на побережьи близъ фолькстонскаго мола, въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ отъ послѣдняго. Происшествіе началось въ прекрасный августовскій день, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, и его можно было наблюдать изъ оконъ нѣсколькихъ домовъ. На первый взглядъ недостатокъ точныхъ свѣдѣній долженъ показаться мало вѣроятнымъ уже изъ-за одного этого обстоятельства. Но въ этомъ отношеніи читатель, быть можетъ, позднѣе перемѣнитъ свое мнѣніе.

Двѣ очаровательныя дочери мистрисъ Рандольфъ-Бентингъ купались въ это время въ морѣ со своей гостьей, миссъ Мабель Глендоверъ. Эта послѣдняя и мистрисъ Бентингъ и дали мнѣ точныя показанія о первомъ появленіи Морской Дѣвы. Отъ миссъ Глендоверъ старшей я не получалъ и не старался получить какихъ бы то ни было свѣдѣній, такъ какъ она является наиболѣе заинтересованнымъ лицомъ во всемъ, что̀ послѣдовало. Тутъ задѣты сердечные вопросы — въ данномъ случаѣ, кажется, очень сложные...

Вы должны знать, что виллы, расположенныя къ востоку отъ Сандгетскаго замка, имѣютъ то громадное преимущество, что сады ихъ спускаются къ самому морю. Тутъ нѣтъ ни аллей, ни дорогъ или тропинокъ, отрѣзывающихъ отъ берега девяносто-девять изъ ста домовъ, выходящихъ на море.

Виллы эти поэтому пользуются большимъ спросомъ во время купальнаго сезона, и многіе изъ ихъ владѣльцевъ отдаютъ ихъ на лѣто лицамъ изъ высшаго общества.

Рандольфъ-Бентинги несомнѣнно принадлежали къ числу такихъ лицъ. Правда, они не были аристократы, и неподкупленная газета не причислила бы ихъ къ „знати“. Они не имѣли герба. Но, какъ говорила иногда мистрисъ Бентингъ, они и не предъявляли такихъ претензій; въ нихъ отнюдь не было чванства (да и кто же въ наше время имѣетъ эту слабость?). Они были просто Бентинги — Рандольфъ-Бентинги изъ многочисленнаго гемпширскаго рода, занимавшагося пивовареніемъ, и причислила ли бы ихъ соотвѣтственнымъ образомъ вознагражденная газета къ „знати“ или нѣтъ,—не могло быть сомнѣнія, что мистрисъ Бентингъ имѣла всѣ права выписывать „Gentlewoman“, а мистеръ Бентингъ и сынъ его Фредъ были настоящіе джентльмены и всѣ ихъ привычки и помышленія отличались изяществомъ и изысканностью. Вмѣстѣ съ ними жили обѣ миссъ Глендоверъ, которымъ м-съ Бентингъ со времени смерти м-съ Глендоверъ отчасти замѣнила мать.

Обѣ миссъ Глендоверъ, сестры только по отцу, принадлежали къ безспорно благородному провинціальному роду, только въ послѣднемъ поколѣніи переставшему заниматься торговлей и, подобно Антею, сразу оживившемуся и разбогатѣвшему. Старшая изъ нихъ, Аделина, главная наслѣдница, была очень богата и обладала коммерческой жилкой. У нея были темные волосы, сѣрые глаза и серьезные взгляды на жизнь; когда отецъ ея, а вскорѣ послѣ него и мачиха, умерли, она была уже не первой молодости. Ей шелъ двадцать-седьмой годъ. Она принесла свои юные годы въ жертву дурному характеру отца, но послѣ переселенія его въ лучшій міръ выказала себя человѣкомъ очень энергичнымъ. Для всѣхъ стало очевидно, что она обладала дѣятельнымъ и способнымъ умомъ, большимъ запасомъ энергіи и значительной долей честолюбія. Она выказала себя послѣдовательницей строго соціалистическаго ученія, съумѣла обратить на себя вниманіе на общественныхъ митингахъ и теперь была невѣстой блестящаго и многообѣщающаго, но нѣсколько экстравагантнаго молодого человѣка, Гарри Чатриса, племянника графа, возможнаго кандидата либеральной партіи отъ гитской избирательной группы въ графствѣ Кентъ. Его кандидатура подлежала по крайней мѣрѣ обсужденію, и онъ теперь занимался этимъ дѣломъ; и миссъ Глендоверъ пріятно было сознавать, что, занимаясь съ своей стороны тѣмъ же вопросомъ, она поддерживала его, а это-то и было главной причиной, почему Бентинги взяли на лѣто виллу въ Сандгетѣ. Порою онъ пріѣзжалъ и оставался тамъ день, два, затѣмъ вновь уѣзжалъ по дѣламъ; онъ былъ извѣстенъ какъ блестящій, многосторонній молодой человѣкъ съ большими политическими способностями, и гитскіе избиратели могли быть довольны, что напали на него. А Фредъ Бентингъ былъ женихомъ менѣе выдающейся, менѣе богатой и болѣе ординарной семнадцатилѣтней сестры миссъ Глендоверъ, Мабель, которая еще въ школѣ поняла, что ей безполезно соперничать съ Аделиной.

У Бентинговъ дамы не купались совмѣстно съ мужчинами, что̀ въ 1898 году еще не считалось вполнѣ приличнымъ, но м-ръ Рандольфъ Бентингъ и сынъ его Фредъ не нашли нужнымъ ни остаться дома, ни отправиться на прогулку, какъ того требовали бы старые обычаи, а спокойно отправились сопровождать дамъ къ берегу. Небольшая процессія выстроилась въ саду подъ зелеными дубами, спустилась по лѣстницѣ и направилась къ самому морю.

Впереди всѣхъ шли м-съ Бентингъ и миссъ Глендоверъ,

послѣдняя въ одномъ изъ тѣхъ простыхъ дорогихъ утреннихъ костюмовъ, которые такъ нравятся соціалистамъ; она никогда не купалась, такъ какъ считала это ниже своего достоинства. Вслѣдъ за этимъ авангардомъ шли одна за другой всѣ три молодыя дѣвушки въ изящныхъ парижскихъ купальныхъ костюмахъ и головныхъ уборахъ, совершенно скрывавшихся подъ широкими мохнатыми плащами съ капюшонами, въ чулкахъ и туфляхъ; само собой понятно, что онѣ купались въ чулкахъ и туфляхъ. За ними шли горничная м-съ Бентингъ, вторая горничная и дѣвушка миссъ Глендоверъ съ полотенцами на рукахъ, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ слѣдовали мужчины.

Тамъ, гдѣ кончается садъ и начинается берегъ, миссъ Глендоверъ свернула съ дороги, сѣла на зеленую желѣзную скамейку подъ дубомъ и, открывъ „Sir George Tressady“—свою излюбленную въ то время книгу,—устремила глаза на спускавшееся по берегу общество. На залитомъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ побережьи красиво выдѣлялась эта группа счастливыхъ, оживленныхъ лицъ, а за ними, отливая то зеленымъ, то багрянымъ цвѣтомъ, спокойное, волнуемое лишь легкой, слабой зыбью, лежало море, эта древняя мать чудесъ.

Подойдя къ мѣсту, до котораго доходитъ вода во время прилива, гдѣ уже не считается болѣе неприличнымъ оставаться въ одномъ купальномъ костюмѣ, молодыя дѣвушки вручили свои плащи горничнымъ; м-съ Бентингъ заботливо заглянула въ воду, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли у берега медузъ, и молодыя дѣвушки, немного поболтавъ и посмѣявшись, вошли въ воду. Но не прошло повидимому и минуты, какъ Бетти, старшая миссъ Бентингъ, перестала плескаться и остановилась; всѣ взглянули въ одномъ направленіи, и вотъ, на разстояніи какихъ-нибудь тридцати ярдовъ, показалась голова Морской Дѣвы, словно плывшей назадъ къ берегу.

Онѣ сначала приняли ее за обитательницу одного изъ сосѣднихъ домовъ. Ихъ слегка удивило, что онѣ не замѣтили, какъ она спускалась въ воду, но помимо этого ея появленіе не представляло собой ничего удивительнаго. Онѣ сдѣлали нѣсколько бѣглыхъ проницательныхъ замѣчаній, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ. Онѣ сразу замѣтили, что она очень красиво плавала, что у нея было прекрасное лицо и очень красивыя руки, но онѣ не могли видѣть ея чудныхъ золотистыхъ волосъ, скрытыхъ подъ моднымъ фригійскимъ чепчикомъ, подобраннымъ ею — какъ она позднѣе созналась моему троюродному брату — за нѣсколько дней до того на нормандскомъ берегу. Не могли

онѣ видѣть и ея красивыхъ плечъ, такъ какъ она носила красный костюмъ.

Рѣшивъ, что дальнѣйшія наблюденія уже переступятъ границу приличія, Мабель снова погрузилась въ волны, но въ эту минуту случилось нѣчто ужасное.

Плывшая фигура сдѣлала какое-то странное движеніе, протянула вверхъ руки и... исчезла!

Съ минуту никто не двигался. Прошла одна, двѣ, три секунды, надъ водой на мгновеніе показалась обнаженная рука и вновь исчезла.

Мабель разсказывала мнѣ, что она застыла отъ ужаса, но обѣ миссъ Бентингъ, нѣсколько опомнившись, воскликнули: „О, она тонетъ!“—и поспѣшили выбѣжать изъ воды, къ большому удовольствію м-съ Бентингъ. Миссъ Глендоверъ, замѣтивъ, что произошло нѣчто необычайное, спустилась внизъ по ступенькамъ и громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ воскликнула: „Ее нужно спасти“! Горничныя—какъ и подобаетъ—только подняли крикъ, но мужчины, повидимому, дѣйствовали съ величайшимъ присутствіемъ духа. „Фредъ, лѣстницу сосѣда!“—крикнулъ м-ръ Рандольфъ Бентингъ; дѣло въ томъ, что сосѣдъ Бентинговъ, вмѣсто приличныхъ каменныхъ ступеней, устроилъ у себя высокій валъ, съ котораго спускалась длинная деревянная лѣстница, и м-ръ Бентингъ не разъ говорилъ, что случись какое-нибудь несчастіе, ею можно было бы воспользоваться. Въ одну минуту они оба сбросили съ себя сюртуки и жилеты, воротники и башмаки и спустили лѣстницу въ воду.

— Гдѣ она скрылась, отецъ?—спросилъ Фредъ.

— Сюда, прямо!—сказалъ м-ръ Бентингъ, и словно въ подтвержденіе его словъ изъ воды вновь показалась рука и „что-то темное“; на основаніи послѣдующихъ событій я склоненъ думать, что это „что-то“ было не что̀ иное, какъ хвостъ Морской Дѣвы.

Ни отецъ, ни сынъ не были опытными пловцами,—повидимому, м-ръ Бентингъ въ эту критическую минуту забылъ даже тѣ элементарныя правила искусства плаванія, которыя когда-то зналъ,—но они мужественно двинулись впередъ, толкая передъ собой лѣстницу, и пустились въ глубину съ храбростью, дѣлающею честь нашей націи и расѣ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, рядомъ съ ними появилась Морская Дѣва. Она не казалась ни блѣдной, ни испуганной или запыхавшейся, какъ разсказалъ мнѣ позднѣе Фредъ, хотя онъ былъ слишкомъ возбужденъ въ ту минуту, чтобы замѣтить

такую подробность. Она улыбнулась и заговорила спокойнымъ, пріятнымъ голосомъ.

— Судороги,—сказала она,—у меня судороги.

М-ръ Бентингъ только-что намѣревался сказать ей, чтобы она, ради большей безопасности, крѣпче держалась за лѣстницу, когда небольшая волна совершенно залила ему ротъ, и онъ началъ неистово брызгаться.

— Мы вытащимъ васъ,—сказалъ Фредъ.

Нѣкоторое время они качались такимъ образомъ на водѣ. Фредъ говоритъ, что Морская Дѣва смотрѣла спокойной, но нѣсколько смущенной, и, повидимому, измѣряла глазами разстояніе до берега.

— Развѣ вы меня спасаете?—спросила она его.

Онъ старался придумать, что̀ бы предпринять, прежде чѣмъ отецъ его пойдетъ ко дну.

— Конечно, мы васъ спасаемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Вы вытащите меня на берегъ?

Она казалась столь хладнокровной, что онъ попытался объяснить ей свой планъ дѣйствій:

— Попытаюсь достать... конецъ лѣстницы... толкну ногами. Глубины здѣсь всего нѣсколько ярдовъ... еслибы мы могли только...

— Одну минуту... передохнуть... полонъ ротъ воды!—сказалъ м-ръ Бентингъ.

Тутъ Фреду показалось, что съ ними произошло чудо. Ихъ захватило сильнымъ водоворотомъ, и онъ едва успѣлъ схватить Морскую Дѣву и ухватиться за лѣстницу, чтобы не быть унесеннымъ далеко въ море. Отецъ его исчезъ изъ виду съ выраженіемъ изумленія на лицѣ, но, мгновеніе спустя, вновь показался рядомъ съ нимъ, судорожно хватаясь за лѣстницу. Ихъ сразу перенесло ярдовъ на двадцать ближе къ берегу, на глубину не болѣе пяти футовъ, и Фредъ нащупалъ ногами дно.

Тогда его испугъ и смущеніе уступили мѣсто чистѣйшему героизму. Толкая передъ собой лѣстницу и Морскую Дѣву, онъ бросилъ своего окончательно смущеннаго родителя, затѣмъ поднялъ Морскую Дѣву на руки и вынесъ ее изъ воды.

— Спасена!—воскликнули молодыя дѣвушки.

— Спасена!—крикнули горничныя.

— Спасена!—повторили отдаленные голоса; въ этомъ крикѣ не приняли участія только м-съ Бентингъ, которой казалось, что у м-ра Бентинга припадокъ, и м-ръ Бентингъ, который, повидимому, представилъ себѣ, что всѣ законы природы, по которымъ мы, благодаря Бога, можемъ плавать и погружаться въ

воду, нарушены, и что ему остается лишь биться во всѣ стороны, пока не наступитъ смерть. Однако, черезъ нѣсколько секундъ, голова его вновь оказалась наверху, ноги нащупали почву, и онъ принялся встряхиваться, производя какой-то странный шумъ и напоминая не то кита, не то моржа, не то лошадь или разсерженную кошку. Тогда м-съ Бентингъ обратила наконецъ свое вниманіе на очаровательную ношу, которую держалъ ея сынъ.

Какъ это ни странно, но Морская Дѣва пробыла на сушѣ по крайней мѣрѣ минуту, прежде чѣмъ кто-либо замѣтилъ, что она была не похожа на... другихъ дамъ. По всей вѣроятности, они тѣсно обступили ее со всѣхъ сторонъ, разсматривая ея прекрасное лицо, или же думали, что она носитъ темную амазонку не особенно скромнаго, но новаго покроя, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Какъ бы тамъ ни было, никто изъ нихъ не замѣтилъ этого, хотя оно было ясно, какъ Божій день. И такъ они стояли вокругъ нея, воображая, что Фредъ спасъ изъ воды очаровательную свѣтскую даму, обитательницу одного изъ сосѣднихъ домовъ, и только удивлялись, почему никто не являлся за ней. А она крѣпко держалась за Фреда, и Фредъ, какъ въ томъ упрекала его впослѣдствіи миссъ Мабель Глендоверъ, крѣпко держалъ ее.

— У меня были судороги,—сказала Морская Дѣва, почти дотрогиваясь губами до щеки Фреда и взглянувъ на м-съ Бентингъ.—Я увѣрена, что это были судороги... Они еще теперь продолжаются.

— Я никого не вижу...—начала м-съ Бентингъ.

— Унесите меня, пожалуйста,—сказала Морская Дѣва, закрывая глаза, словно ей стало дурно, хотя на щекахъ ея игралъ румянецъ.—Унесите меня!

— Куда?—пробормоталъ Фредъ.

— Отнесите меня въ домъ!—прошептала она ему.

— Въ какой домъ?

М-съ Бентингъ подошла ближе.

— Въ *вашъ* домъ,—сказала Морская Дѣва и закрыла глаза, не обращая вниманія на всѣ дальнѣйшія замѣчанія.

— Она... Я не понимаю...—сказала м-съ Бентингъ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности.

И тутъ они увидѣли... Первая замѣтила это Нетти, младшая миссъ Бентингъ. Не находя словъ, она только протянула свой указательный палецъ. И тогда всѣ увидѣли, въ чемъ дѣло! Миссъ

Глендоверъ, кажется, позже всѣхъ другихъ. Во всякомъ случаѣ это было бы на нее похоже.

— Мама,—сказала Нетти, выражая, наконецъ, словами общій ужасъ:—Мама! У нея *хвостъ*!

— Смотрите!—воскликнули одна за другой всѣ три горничныя и Мабель Глендоверъ:—Хвостъ!

— О!—произнесла миссъ Глендоверъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Это русалка!—крикнула одна изъ горничныхъ.—Русалка! —крикнули за нею всѣ остальные.

Только сама русалка оставалась совершенно спокойной; прильнувъ къ плечу Фреда, она лежала у него на рукахъ словно безъ чувствъ.

II.

Такова была эта живая *картина*, насколько мнѣ удалось возстановить ее. Вы должны представить себѣ небольшую кучку людей на берегу и нѣсколько поодаль отъ нихъ м-ра Бентинга, только-что вышедшаго изъ воды, мокраго, смущеннаго, едва не утонувшаго. Лѣстница сосѣда между тѣмъ спокойно уплывала въ море.

Несомнѣнно, это было одно изъ тѣхъ положеній, которыя сразу бросаются въ глаза.

Дѣло происходило вскорѣ послѣ прилива, и общество стояло въ какихъ-нибудь тридцати ярдахъ отъ воды. Никто, какъ разсказывала м-съ Бентингъ моему кузену Мельвиллю, не зналъ, что̀ дѣлать; между тѣмъ имъ было крайне непріятно, что ихъ видѣли въ замѣшательствѣ,—эта національная черта сказывалась въ нихъ даже въ преувеличенной мѣрѣ. Русалкѣ, повидимому, пріятно было оставаться загадкой, и она крѣпко держалась за Фреда, для котораго эта ноша не была слишкомъ тяжела. Въ это время на берегу показалась жившая неподалеку многочисленная семья, и всѣ члены ея, сильно жестикулируя, уставились на наше общество. Это были какъ разъ такіе люди, которыхъ Бентинги не желали знать,—по всей вѣроятности какіе-нибудь торговцы. Вдругъ одинъ изъ нихъ—наиболѣе вульгарный, часто стрѣлявшій чаекъ—началъ спускаться съ лѣстницы, словно собираясь предложить свой совѣтъ, и въ ту же минуту м-съ Бентингъ замѣтила съ западной стороны направлявшуюся на нихъ подзорную трубу.

Мало того, извѣстный писатель, жившій рядомъ съ ними,

раздражительный маленькій человѣчекъ, въ очкахъ, съ четырехугольной головой, вдругъ появился на своемъ неприступномъ валу и началъ кричать что-то о своей лѣстницѣ. Никто, конечно, не думалъ и не заботился объ его глупой лѣстницѣ. Его возбужденіе было совершенно нелѣпо. Судя по его голосу и жестамъ, онъ сильно ругался, и каждую минуту, казалось, готовъ былъ соскочить съ вала и подойти къ нимъ.

— *Дорогая* моя!—обратилась м-съ Бентингъ къ Мабель:—что̀ намъ *дѣлать*?—Передавая эту исторію моему кузену Мельвиллю, она всегда особенно останавливалась на этой подробности.—*Дорогая* моя! *Что̀* намъ дѣлать?

Въ своемъ отчаяніи она, кажется, даже бросила бѣглый взглядъ на воду. Но отправить русалку назадъ въ море значило бы навлечь на себя большія непріятности.

У нихъ, очевидно, былъ только одинъ выходъ. Такъ думала и м-съ Бентингъ.

— Остается только взять ее домой,—сказала она.

И они, дѣйствительно, унесли ее къ себѣ.

Не трудно представить себѣ эту маленькую процессію. Впереди всѣхъ Фредъ, мокрый и изумленный, запыхавшійся и безмолвный. Въ объятіяхъ у него Морская Дѣва. У нея была прекрасная фигура, еслибы не ужасный хвостъ, съ котораго, при каждомъ его движеніи, стекала вода. На ней было красивое длинное платье изъ красной матеріи, отдѣланное толстымъ бѣлымъ кружевомъ. Фригійскій чепчикъ скрывалъ ея золотистые волосы, оставляя открытымъ лишь низкій бѣлый лобъ, изъ-подъ котораго блестѣли ея глаза цвѣта морской волны. На основаніи всего послѣдующаго я склоненъ думать, что она въ эту минуту внимательно разсматривала веранды и окна дома.

Вслѣдъ за этой группой шла, кажется, м-съ Бентингъ. Затѣмъ—м-ръ Бентингъ. Насквозь промокшій и измученный, м-ръ Бентингъ, должно быть, шелъ рядомъ съ нею и неизмѣнно повторялъ одну и ту же фразу:

— Конечно, дорогая, *я*, ты знаешь, не могъ говорить!

За ними слѣдовали молодыя дѣвушки въ своихъ мохнатыхъ плащахъ, съ испуганными, но заинтересованными лицами, а затѣмъ горничныя несли сюртуки Фреда и м-ра Бентинга.

Шествіе замыкала миссъ Глендоверъ, крайне разстроенная и смущенная; теперь она по крайней мѣрѣ не принимала позъ и только сжимала въ рукахъ „Sir George Tressady“.

Такъ, или приблизительно такъ, сопровождаемые неистовыми криками о какой-то лѣстницѣ, ясно разносившимися съ садо-

ваго вала, они внесли въ домъ Морскую Дѣву (казалось, не сознававшую всего происходившаго) и уложили ее на кушетку въ комнатѣ м-съ Бентингъ.

И не успѣла еще миссъ Глендоверъ предложить послать за докторомъ, какъ Морская Дѣва вздохнула и пришла въ себя.

III.

Таковы наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какъ очутилась на сушѣ фолькстонская русалка. Нѣтъ сомнѣнія, что съ ея стороны это было заранѣе обдуманное вторженіе. У нея никогда не было судорогъ, у нея не могло быть судорогъ, а что касается опасности утонуть, то она не грозила никому, кромѣ м-ра Бентинга, драгоцѣнную жизнь котораго она чуть было не погубила въ самомъ началѣ своего приключенія. Вслѣдъ затѣмъ, разсчитывая на свою моложавую и блестящую внѣшность, она попросила свиданія съ м-съ Бентингъ, чтобы заручиться поддержкой и симпатіей этой доброй дамы въ своемъ странномъ набѣгѣ на человѣческій родъ.

Ея разговоръ съ м-съ Бентингъ показался бы невѣроятнымъ, еслибы мы не знали, что, несмотря на многіе свои недостатки, Морская Дѣва была особа чрезвычайно начитанная. Она доказала это въ разговорахъ съ моимъ кузеномъ Мельвиллемъ. Между ними двумя установились одно время дружескія отношенія,— такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ объ этомъ Мельвилль; и мой кузенъ, обладающій значительной любознательностью, узналъ много интересныхъ подробностей о жизни „тамъ внизу“, какъ выражалась Морская Дѣва. Вначалѣ Морская Дѣва отвѣчала на его разспросы чрезвычайно сдержанно, но мало-по-малу стала болѣе откровенной.

— Ясно,—пишетъ мой кузенъ въ своихъ запискахъ объ этомъ происшествіи,—что старыя представленія о подводной жизни, какъ о непрерывномъ прыганіи среди коралловыхъ гротовъ, смѣняющемся въ лунныя ночи расчесываніемъ волосъ на скалистыхъ берегахъ, нуждаются въ значительныхъ поправкахъ. Что касается, напримѣръ, литературы, то они имѣютъ все, что̀ есть у насъ, и могутъ свободно читать все.

Конечно, они не печатаютъ книгъ „тамъ внизу“, ибо типографскія краски совершенно расплылись бы въ водѣ,—это она объяснила вполнѣ ясно; но тѣмъ или инымъ способомъ почти вся земная литература, какъ говоритъ Мельвилль, попала и къ

нимъ. „Мы все знаемъ",—говорила она. Источники ихъ разнообразны и иногда довольно странны. Многія книги были найдены на потонувшихъ корабляхъ. Съ большинства пассажирскихъ пароходовъ летятъ внизъ повѣсти и журналы, но они не всегда представляютъ собою цѣнныя пріобрѣтенія. Иногда за бортъ бросаютъ книги особаго рода, когда онѣ уже почти дочитаны до конца. (Мельвилль, какъ читатель, легко приходящій въ негодованіе, безъ сомнѣнія, понимаетъ это). Кромѣ того, съ прибрежныхъ мѣстностей, въ которыхъ по воскресеньямъ собирается много народу, по временамъ бросаютъ въ воду образчики болѣе легкой литературы. Да и книжные магазины, какъ увѣрялъ меня Мельвилль, послѣ первыхъ громкихъ успѣховъ нашихъ популярныхъ романистовъ, отправляютъ въ море тѣ остающіеся экземпляры ихъ распространеннѣйшихъ сочиненій, которыхъ не принимаютъ ни больницы, ни тюрьмы.

— Объ этомъ я что-то не слыхалъ,—замѣтилъ я.

— Но *онѣ* знаютъ это,—сказалъ Мельвилль.

Много книгъ доставляютъ также приморскіе курорты. Молодыя парочки, пресытившись идиллической жизнью на берегу, спѣшатъ, наконецъ, уѣхать и часто оставляютъ въ курортахъ много прекрасныхъ новѣйшихъ романовъ. Въ глубокихъ водахъ Ламанша, повидимому, имѣется особенно цѣнная коллекція англійскихъ книгъ; такъ, тамъ можно найти почти все изданіе Таухница, котораго бросаютъ за бортъ въ послѣднюю минуту возвращающіеся съ материка добросовѣстные или боязливые путешественники; такой же источникъ американскихъ изданій имѣлся одно время въ Мерсеѣ, но онъ за послѣдніе годы изсякъ. Съ своей стороны и миссіонерское общество попеченія о рыболовахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ бросало въ море пуки назидательныхъ брошюръ, что̀ сильно подняло духовный уровень въ глубинахъ Сѣвернаго моря. На этотъ счетъ Морская Дѣва давала самыя точныя свѣдѣнія.

Принимая во вниманіе условія накопленія литературы на днѣ моря, не приходится удивляться, что беллетристическія произведенія составляютъ такой же преобладающій элементъ въ этой подводной библіотекѣ, какъ и на прилавкахъ лондонской библіотеки Мюди; но кузенъ мой узналъ, что различные иллюстрированные и особенно модные журналы цѣнятся даже выше, чѣмъ повѣсти, и перечитываются съ захватывающимъ интересомъ. Тутъ моему кузену сразу сталъ ясенъ одинъ изъ мотивовъ, привлекшихъ на сушу отважную русалку.

— Мы бы уже давно начали носить платья,—сказала она,

и съ оттѣнкомъ смѣха въ голосѣ прибавила:—Причина тутъ не недостатокъ женственности у насъ, м-ръ Мельвилль. Но, какъ я уже говорила м-съ Бентингъ, приходится считаться съ обстоятельствами: какъ *можно надѣяться* сохранить что-нибудь изящное подъ водой? Напримѣръ, кружево!

— Мокнетъ!—сказалъ мой кузенъ Мельвилль.

— Обращается въ тряпку!—сказала Морская Дѣва.

— Пропадаетъ!—сказалъ Мельвилль.

— Другое соображеніе, видите ли, волосы,—серьезно замѣтила Морская Дѣва.

— Конечно,—сказалъ Мельвилль.—Да! вы никогда не можете *высушить* ихъ!

— Вотъ именно!—отвѣтила она.

Тутъ кузену Мельвиллю сталъ ясенъ одинъ старый вопросъ.

— И поэтому... въ старое время..?

— Вотъ, вотъ!—воскликнула она.—Когда еще не было столькихъ туристовъ, моряковъ и методистовъ, можно было выходить на берегъ, садиться и расчесывать ихъ на солнцѣ. И тогда, конечно, можно было и причесать ихъ. Но теперь...

Она сдѣлала недовольное движеніе и, кусая губы, серьезно посмотрѣла на Мельвилля. Мой кузенъ издалъ какой-то звукъ, выражавшій сочувствіе.—Ужасный современный духъ! — какъ-то машинально произнесъ онъ...

Но если романы и моды, повидимому, и составляютъ преобладающую духовную пищу русалокъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что на морское дно никогда не попадаютъ наиболѣе серьезные образчики нашей литературы. Морская Дѣва разсказывала, напримѣръ, объ одномъ интересномъ случаѣ съ капитаномъ корабля, который былъ введенъ въ заблужденіе громкими рекламами „Times"'а и „Daily Mail" и купилъ не только подержанный экземпляръ перепечатанной „Times"'омъ „Encyclopoedia Britannica", но и извѣстный сборникъ литературныхъ образцовъ и цитатъ, этотъ экстрактъ литературы по всѣмъ предметамъ, который былъ добытъ докторомъ Ричардомъ Гарнетомъ и появился въ его увѣсистомъ изданіи. Уже давно извѣстно, что даже величайшіе умы прошлаго отличались излишней многорѣчивостью и нѣкоторой запутанностью изложенія. Доктору Гарнету удалось, какъ всѣми признано, схватить сущность ихъ идей и представить ее въ такомъ сжатомъ видѣ, что самые дѣловые люди могутъ практически ознакомиться теперь со всѣмъ, что есть въ литературѣ, безъ ущерба своимъ болѣе серьезнымъ занятіямъ. Несчастный, введенный въ заблужденіе, капитанъ, повидимому, взялъ съ собой

на корабль все изданіе Гарнета съ очевиднымъ намѣреніемъ выступить на берегъ въ Сиднеѣ наиболѣе мудрымъ изъ живущихъ на свѣтѣ людей. Послѣдствія этого можно было предвидѣть. Навалившись всей тяжестью науки половины девятнадцатаго столѣтія и литературы всѣхъ временъ, въ сильно сконцентрированномъ состояніи, на одинъ бокъ его небольшого судна, эти книги моментально опрокинули его...

Корабль, какъ разсказывала Морская Дѣва, пошелъ ко дну, словно бы онъ былъ нагруженъ свинцомъ, а команда и другія подвижныя части его послѣдовали за нимъ только черезъ нѣсколько часовъ. Первымъ явился капитанъ; замѣчательно, что онъ опустился головой внизъ—фактъ, объясняющійся вѣроятно тѣмъ, что онъ уже успѣлъ нагрузить свою голову добытыми изъ драгоцѣннаго сборника знаніями...

Однако, эти исключительныя счастливыя случайности являются слишкомъ незначительнымъ противовѣсомъ непрерывно продолжающемуся дождю легкой литературы. Повѣсти и газеты составляютъ главное чтеніе и на днѣ моря. Какъ показали послѣдующія событія, Морская Дѣва, повидимому, составила себѣ представленіе о человѣческой жизни и чувствахъ по газетамъ и современнымъ повѣстямъ и оттуда же почерпнула идею своего путешествія на землю. И если она по временамъ недостаточно высоко цѣнила наиболѣе благородныя стремленія человѣческаго духа, если она иногда относилась къ Аделинѣ Глендоверъ и многимъ серьезнымъ вопросамъ жизни съ извѣстнымъ скептическимъ легкомысліемъ, если она, наконецъ, безспорно подчиняла разумъ и справедливость своей пылкой страсти, то нужно быть справедливымъ и признать, что ея заблужденія въ значительной степени объясняются книгами, изъ которыхъ она почерпнула свои представленія о людяхъ...

IV.

Кузенъ Мельвилль никакъ не могъ понять Морскую Дѣву. Иногда, судя по его словамъ, она казалась ему существомъ столь же реальнымъ, какъ мы съ вами,—иногда ее вновь окружала какая-то таинственность. Порою ему казалось, что ее можно было ударить или убить, какъ всякаго другого—хотя бы перочиннымъ ножомъ;—порою, наоборотъ, ему представлялось, что, даже разрушивъ всю вселенную, вы не согнали бы улыбки съ ея лица. Но объ этой двойственности русалки мы поговоримъ

подробнѣе послѣ. Для всякаго, кто имѣлъ съ нею дѣло, она представляла на первый взглядъ удивительно мало страннаго. Вы имѣли передъ собой вполнѣ реальное существо, такую же женщину, какъ всѣ другія.

Въ нашемъ мірѣ въ настоящее время все чудесное представляется совершенно обычнымъ; выростая, мы научаемся ничему не удивляться,—и что же страннаго можетъ представить для насъ реальное существованіе русалокъ, когда намъ извѣстны распространяющіеся по всей вселенной лучи Маркони, когда мы знаемъ, что Дюару удалось обратить въ твердыя тѣла всякіе неосязаемые предметы? Бентингамъ она представлялась столь же понятной, столь же разумно и дѣйствительно существующей, надѣленной столь же опредѣленными, ясно выраженными чувствами, какъ и все прочее въ мірѣ Бентинговъ. Такою была она для нихъ съ самаго начала и такою же живетъ она и понынѣ въ ихъ памяти.

V.

Я имѣю возможность передать здѣсь довольно подробно и разговоръ, который Морская Дѣва вела въ то памятное утро съ м-съ Бентингъ, лежа на кушеткѣ въ ея уборной, еще совершенно мокрая, сохраняя очевидные слѣды своего сходства съ рыбами. М-съ Бентингъ часто разсказывала объ этомъ моему кузену Мельвиллю во время продолжительныхъ прогулокъ, которыя оба они—и особенно м-съ Бентингъ—такъ охотно совершали въ тѣ счастливые дни. Морская Дѣва, повидимому, съ первыхъ же словъ расположила къ себѣ великодушную и обходительную м-съ Бентингъ. Усѣвшись на кушеткѣ, она скромно прикрыла свой физическій недостатокъ пледомъ и, то опуская глаза, то прямо и довѣрчиво глядя въ лицо м-съ Бентингъ, сразу „поставила вопросъ ребромъ", какъ выражалась эта послѣдняя, и „свободно и откровенно" отдала себя въ ея руки; она выражалась при этомъ чистымъ, грамматически правильнымъ языкомъ, сразу обнаружившимъ въ ней не простую русалку, а утонченную аристократку, настоящую Морскую Дѣву.

— „М-съ Бентингъ",—говорила м-съ Бентингъ, передавая моему кузену Мельвиллю свой разговоръ съ Морской Дѣвой съ соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ драматизмомъ,—„позвольте мнѣ оправдаться передъ вами за мое вторженіе; я *знаю*, что это было вторженіе. Но я была *вынуждена* поступить такимъ образомъ; и если вы только захотите выслушать мою исторію,

м-съ Бентингъ, я увѣрена, вы найдете если не полное оправданіе моему поступку, — я понимаю, какъ строги должны быть ваши правила,—то, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторое* извиненіе тому, что̀ я сдѣлала, тому, что̀ я *должна* назвать притворствомъ по отношенію къ вамъ, м-съ Бентингъ. Да, это было притворство, потому что у меня никогда не было судорогъ... Но, м-съ Бентингъ",—здѣсь м-съ Бентингъ дѣлала длинную, многозначительную паузу,—„у меня никогда не было матери!

— Послѣ этого,—разсказывала дальше м-съ Бентингъ,—бѣдняжка разразилась слезами и созналась, что она родилась какимъ-то ужаснымъ, чудеснымъ образомъ, много, много вѣковъ тому назадъ, въ какомъ-то ужасномъ мѣстѣ недалеко отъ Кипра, и что она не имѣла никакого права на имя... Впрочемъ, *тамъ*.... —и м-съ Бентингъ сдѣлала характерный жестъ, которымъ она всегда сглаживала малѣйшую неделикатность, случайно приходившую ей на умъ. — И все это она говорила съ такой милой интонаціей, какъ настоящая лэди!

— Конечно,—сказалъ мой кузенъ Мельвиллъ,—существуютъ классы, которымъ извинительно... Приходится взвѣшивать...

— Именно,—замѣтила м-съ Бентингъ.—И, какъ видите, она, повидимому, умышленно выбрала *меня*, какъ наиболѣе подходящаго человѣка, къ которому ей пріятно было обратиться. Она попала къ намъ не случайно, она избрала насъ. Она говоритъ, что долгое время, день за днемъ, плавала вдоль берега, высматривая людей, и когда увидѣла мое лицо въ то время, какъ я слѣдила за купающимися дѣвочками...

— Вы знаете, каковы эти забавныя дѣвочки,—сказала м-съ Бентингъ, съ легкимъ смѣхомъ, и въ ея добрыхъ глазахъ показались слезы умиленія.—Она почувствовала непреодолимое влеченіе ко мнѣ съ перваго же...

— *Этому я легко* могу повѣрить,—любезно сказалъ мой кузенъ Мельвиллъ.

— Все это очень странно и очень напоминаетъ одну нѣмецкую легенду,—сказала м-съ Бентингъ.—Гм... какъ ее?

— Ундину?

— Да, да, Ундину. И эти бѣдныя созданія, повидимому, дѣйствительно безсмертны, м-ръ Мельвиль; они рождаются изъ стихій и потомъ вновь расплываются въ стихіи... и совсѣмъ какъ въ той легендѣ... у нихъ нѣтъ души! Нѣтъ души! Ничего! И бѣдняжка чувствуетъ это. Она ужасно страдаетъ отъ этого. Но для того, чтобы пріобрѣсти душу, имъ приходится идти къ людямъ. По крайней мѣрѣ такъ онѣ думаютъ тамъ внизу. Вотъ почему она

явилась въ Фолькстонъ—за душой; это ея главная цѣль, м-ръ Мельвилль, но она не преслѣдуетъ ее съ чрезмѣрнымъ фанатизмомъ. Она—такая же, какъ *мы*. И она чувствуетъ, что, переселяясь на землю, она *должна* попасть въ *хорошее* общество. Ея чувства вполнѣ понятны. Но подумайте, сколько ей предстоитъ затрудненій! Служить предметомъ всеобщаго любопытства, давать пищу глупымъ газетнымъ замѣткамъ, чувствовать, что на тебя указываютъ пальцами...

— Она не желаетъ этого, — сказала м-съ Бентингъ, дѣлая энергичное движеніе руками.

— Чего же она хочетъ?—спросилъ мой кузенъ Мельвилль.

— Она хочетъ, чтобы къ ней относились какъ къ человѣческому существу, хочетъ *быть* человѣческимъ существомъ, какъ вы и я. Она хотѣла бы жить вмѣстѣ съ нами, быть членомъ нашей семьи, узнать, какъ мы живемъ,—словомъ, научиться жить. Она просила у меня совѣта о томъ, какія книги ей читать, гдѣ достать портниху, гдѣ найти священника, который могъ бы дѣйствительно понять ее, и еще многое другое. Она совершенно отдаетъ себя въ мои руки. И она просила обо всемъ этомъ такъ мило, такъ граціозно!..

— Гм!..—произнесъ мой кузенъ Мельвилль.

— Еслибы вы только слышали ее!—воскликнула м-съ Бентингъ.

— А есть у нея средства?—вдругъ спросилъ онъ.

— Даже большія. Она сказала мнѣ, что у нея есть ящикъ... что онъ привязанъ къ концу балки; и Рандольфъ сторожилъ тамъ до полудня; потомъ, когда уже можно было войти въ воду и достать конецъ каната, которымъ онъ былъ привязанъ, Рандольфъ и Фредъ вытащили его изъ воды и помогли Фитчу и кучеру поднять его. Какъ-то странно для лэди имѣть такой ящикъ,—хорошо сдѣланный, правда, но деревянный; на крышкѣ его нарисованъ корабль и ножомъ вырѣзано имя: „Томъ Вильдерсъ“; но она говоритъ, что кожа слишкомъ скоро портится тамъ внизу,—приходится довольствоваться тѣмъ, чтò можно достать, а главное то, что онъ *полонъ*, полонъ золотыхъ монетъ и вещей... Да, золота... и брилліантовъ, м-ръ Мельвилль. Она столь же богата, какъ очаровательна и прекрасна. И право, вы знаете, м-ръ Мельвилль, скорѣе... Да, я рѣшила помочь ей, насколько могу. Она будетъ нашимъ платнымъ гостемъ. Какъ вы знаете — для *васъ* это не секретъ — Аделина... Да... Она заступитъ ея мѣсто. Я буду вывозить ее, знакомить и такъ далѣе. Это будетъ большой помощью для нея. И для всѣхъ, кромѣ нѣсколькихъ близкихъ

друзей, она будетъ дѣйствительно молодой дамой, временно лишившейся употребленія ногъ; намъ придется взять надежную женщину—вы знаете, есть такія женщины, которыя ничему не удивляются; онѣ, правда, немного дороги, но достать ихъ можно и теперь;—она будетъ прислуживать ей, шить ей платья, во всякомъ случаѣ—юбки... мы будемъ одѣвать ее въ длинныя юбки... и чѣмъ-нибудь прикроемъ это, знаете...

— Прикроемъ?...

— Хвостъ...

Кузенъ Мельвилль выразилъ свое согласіе только головой и бровями. Этотъ пунктъ до сихъ поръ былъ для него неясенъ, и у него захватило дыханіе. Несомнѣнный хвостъ! Это уничтожало всѣ существующія теоріи. Онъ чувствовалъ, однако, что на этой темѣ не слѣдовало долго останавливаться. Но онъ и м-съ Бентингъ были старые друзья.

— Такъ у нея дѣйствительно есть... хвостъ? — спросилъ онъ.

— Такой же, какъ у большой макрели,—отвѣтила м-съ Бентингъ, и онъ уже больше не спрашивалъ.

— Странная исторія!—сказалъ онъ.

— Но что же я *могу* сдѣлать? — спросила м-съ Бентингъ.

— Конечно, вы многое берете на себя, — сказалъ мой кузенъ Мельвилль, и почти нечаянно повторилъ:—*Хвостъ*!

Передъ его глазами, совершенно нарушая теченіе его мыслей, живо и ясно выступали блестящія очертанія лоснящагося, отливающаго то зеленымъ, то серебрянымъ цвѣтомъ, хвоста макрели.

— Нѣтъ, вы знаете,—сказалъ Мельвилль, — протестуя во имя разума и девятнадцатаго столѣтія,—„хвостъ“!

— Я дотрогивалась до него,—сказала м-съ Бентингъ.

VI.

Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о первомъ разговорѣ Морской Дѣвы съ м-съ Бентингъ были получены мною позднѣе отъ самой м-съ Бентингъ.

Морская Дѣва сдѣлала одну странную ошибку.

— Ваши четыре очаровательныя дочери,—сказала она,—и ваши два сына...

— Дорогая моя!—воскликнула м-съ Бентингъ,— ихъ предварительный разговоръ былъ уже оконченъ:—у меня только двѣ дочери и одинъ сынъ!

— Тотъ молодой человѣкъ, который вынесъ... который спасъ меня?

— Да. А двѣ другія барышни, пріятельницы моихъ дочерей, онѣ живутъ у насъ.

— Значитъ, я ошиблась?

— Да.

— А другой молодой человѣкъ?

— Вы не думаете про м-ра Бентинга?

— Кто это м-ръ Бентингъ?

— Второй джентльменъ, который...

— *Нѣтъ!*

— Больше никого не было...

— Но нѣсколько дней тому назадъ?

— Не былъ ли это м-ръ Мельвиллъ?.. А, знаю! Вы думаете про м-ра Чатриса! Помню, помню, онъ какъ-то сошелъ съ нами внизъ. Высокій молодой человѣкъ, съ свѣтлыми, слегка вьющимися волосами,—не такъ ли? И съ задумчивымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый полотняный костюмъ и сидѣлъ на берегу.

— Кажется, да,—сказала Морская Дѣва.

— Онъ мнѣ не сынъ. Онъ... нашъ другъ, женихъ Аделины, старшей миссъ Глендоверъ. Онъ пріѣзжалъ сюда на день, на два, и вѣроятно скоро пріѣдетъ опять, по дорогѣ изъ Парижа. Боже мой! Неужели вы думали, что у *меня* можетъ быть такой сынъ!

Морская Дѣва не сразу отвѣтила.

— Какая глупая ошибка съ моей стороны!—медленно произнесла она и съ большимъ оживленіемъ прибавила:—Понятно, онъ слишкомъ старъ, чтобы быть вашимъ сыномъ! Но я видѣла его только издали. Такъ онъ женихъ миссъ Глендоверъ?

— Да, — отвѣтила м-съ Бентингъ. — Они обручились три мѣсяца тому назадъ.

— Боже мой! — сказала Морская Дѣва. — Она, кажется... И онъ очень влюбленъ въ нее?

— Конечно,—отвѣтила м-съ Бентингъ.

— *Очень?*

— О, *конечно*. Еслибы онъ не былъ влюбленъ, зачѣмъ бы...

— Да, конечно,—задумчиво отвѣтила Морская Дѣва.

— И это такая прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ партія. Аделина какъ разъ можетъ помочь ему...

И м-съ Бентингъ, въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ, изложила Морской Дѣвѣ біографію м-ра Чатриса, не упустивъ даже и того, что онъ племянникъ графа — и почему бы ей дѣйстви-

тельно не упомянуть объ этомъ?—и указавъ на блестящую будущность, открывавшуюся для него, благодаря союзу съ плебейскимъ, но весьма значительнымъ состояніемъ миссъ Глендоверъ. Морская Дѣва внимательно слушала ее.

— Онъ молодъ, талантливъ, онъ можетъ многаго добиться. А она такъ серьезна, такъ разсудительна... и постоянно читаетъ. Она читаетъ даже Синюю Книгу... правительственную Синюю Книгу... всю эту ужасную статистику и росписи. Она знакома и съ положеніемъ бѣдныхъ классовъ, и со всѣми этими вещами. О положеніи бѣдняковъ она знаетъ больше, чѣмъ кто-либо изъ моихъ знакомыхъ; знаетъ, сколько они заработываютъ, что ѣдятъ, по скольку ихъ живетъ въ комнатѣ. Они живутъ такъ скученно, знаете... прямо ужасно... Онъ именно нуждается въ такой помощницѣ. Она такъ серьезна и навѣрное съумѣетъ устроить у себя политическій салонъ и оказывать вліяніе на людей. И, знаете, она умѣетъ говорить съ рабочими и интересуется трэдъ-юніонами и прямо *удивительными* вещами.

И съ этого добрая м-съ Бентингъ перешла на весьма убѣдительный, но запутанный анекдотъ объ учености миссъ Глендоверъ...

— Онъ скоро опять пріѣдетъ сюда? — небрежно спросила вдругъ Морская Дѣва.

М-съ Бентингъ въ пылу разсказа оставила вопросъ безъ отвѣта, такъ что Морская Дѣва повторила его затѣмъ еще разъ столь же безпечнымъ тономъ.

М-съ Бентингъ, однако, показалось, что Морская Дѣва вздохнула, но она не была въ этомъ увѣрена. Она была такъ занята своимъ разсказомъ, что не обращала достаточно вниманія на свою слушательницу.

Если она могла думать еще о чемъ-нибудь, кромѣ собственныхъ словъ, то по всей вѣроятности только о „хвостѣ“.

VII.

Даже м-съ Бентингъ—особа, относившаяся ко всему вообще (кромѣ вопросовъ о приличіи) довольно спокойно—не могла не почувствовать извѣстнаго смущенія, очутившись въ своемъ будуарѣ съ живымъ, реальнымъ существомъ изъ сказочнаго міра. Имъ подали чай въ будуаръ, такъ какъ м-съ Бентингъ, несмотря на всѣ увѣренія Морской Дѣвы, настаивала на томъ, что она *должна* чувствовать себя усталой и не можетъ участвовать въ

пріемѣ гостей. „Послѣ *такого* дня“, — сказала м-съ Бентингъ. Онѣ сидѣли втроемъ съ Аделиной Глендоверъ, а Фредъ и другія три барышни то-и-дѣло бѣгали взадъ и впередъ по лѣстницѣ (къ большому неудовольствію слугъ, которыхъ они, такимъ образомъ, лишали этого наблюдательнаго поста); они говорили о „хвостѣ“, обсуждали теоріи существованія русалокъ и старались найти предлогъ, чтобы лишній разъ взглянуть на Морскую Дѣву. М-съ Бентингъ запретила имъ входить въ комнату и взяла съ нихъ слово соблюдать тайну, и они были разстроены и недовольны, насколько это возможно для молодежи. Они принялись-было играть въ крокетъ, но то-и-дѣло украдкой поглядывали на окна будуара.

Что касается м-ра Бентинга, то онъ немедленно улегся въ постель.

Сидѣвшія въ будуарѣ дамы старались быть какъ можно болѣе любезными въ отношеніи другъ друга. М-съ Бентингъ и миссъ Глендоверъ были слишкомъ хорошо знакомы съ требованіями хорошаго общества (какъ извѣстно, чрезвычайно смѣшаннаго въ наше время), чтобы подробно разспрашивать Морскую Дѣву объ образѣ ея жизни, о точномъ мѣстѣ ея жительства, о кругѣ ея знакомствъ, хотя имъ и хотѣлось бы многое разузнать. Морская Дѣва, съ своей стороны, ограничивалась сообщеніемъ интересныхъ поверхностныхъ свѣдѣній, какъ настоящая лэди. Она говорила, что ей очень пріятно быть на воздухѣ, а не мокнуть въ водѣ, и особенно восхищалась чаемъ.

— А у васъ развѣ нѣтъ *чая?* — въ изумленіи воскликнула миссъ Глендоверъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Нѣтъ, вы дѣйствительно хотите сказать...?

— Я никогда до сихъ поръ не *пробовала* чая. Да развѣ мы можемъ вскипятить воду?

— Чтò за странная, чтò за изумительная жизнь! — воскликнула Аделина.

— Я не могу себѣ *представить* жизнь безъ чая. Это хуже, чѣмъ... Я хочу сказать, что это напоминаетъ мнѣ... жизнь за границей, — сказала м-съ Бентингъ, наливая Морской Дѣвѣ вторую чашку.

— Боюсь, — вдругъ сказала она, — какъ бы чай не повредилъ вамъ...

Она въ нерѣшительности взглянула на Аделину.

— Но вѣдь это китайскій, а не цейлонскій чай.

И она налила чашку.

— Для меня этотъ подводный міръ непонятенъ, совершенно непонятенъ,—сказала Аделина.

Ея темные глаза на минуту задумчиво остановились на Морской Дѣвѣ. Чай открылъ ей глаза на подводную жизнь даже въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ „хвостъ".

— Непонятенъ,—повторила она.

Морская Дѣва взглянула на нее съ внезапной откровенностью.

— Представьте же себѣ, до чего мнѣ непонятна ваша жизнь!—замѣтила она.

Наступило молчаніе; дамы пріискивали новую подходящую тему. Стоявшія на столѣ розы навели ихъ на разговоръ о цвѣтахъ, и миссъ Глендоверъ замѣтила:

— У *васъ*, вѣрно, есть *свои* анемоны! Какъ они должны быть красивы среди подводныхъ скалъ!

Морская Дѣва отвѣчала, что они дѣйствительно были очень красивы, особенно культивированные сорта̀...

— А рыбы?—сказала м-съ Бентингъ.—Какъ странно должно быть видѣть вокругъ себя рыбъ!

— Нѣкоторыя изъ нихъ подплываютъ и берутъ пищу изъ рукъ,—замѣтила Морская Дѣва.

М-съ Бентингъ что-то пробормотала въ отвѣтъ. Ей вспомнились выставки хризантемъ, а она принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые могутъ восхищаться только привычнымъ. Она даже не замѣтила, какъ Морская Дѣва и миссъ Глендоверъ перешли къ вопросу объ освѣщеніи.

— Солнечный свѣтъ кажется здѣсь такимъ золотистымъ,—сказала Морская Дѣва.—Это всегда такъ?

— До васъ достигаетъ, вѣроятно, только то чудное, голубоватое мерцаніе, которое приходится иногда наблюдать въ аквbooріумахъ...—замѣтила миссъ Глендоверъ.

— Мы живемъ гораздо глубже, — отвѣтила Морская Дѣва. —На цѣлую милю вокругъ все фосфоресцируетъ, и это напоминаетъ... не нахожу подходящаго сравненія. Ну, хоть освѣщенные по ночамъ города, только свѣтъ еще ярче.

— Неужели?—сказала м-съ Бентингъ, вспоминая освѣщеніе лондонскаго „Strand"'а послѣ театровъ.—Такая яркость?

— О, да,—отвѣтила Морская Дѣва.

— Но...—замѣтила Аделина,—этотъ свѣтъ никогда не гаснетъ?...

— Да, у насъ нѣтъ ни дней, ни ночей, ни времени, ни чего-либо подобнаго.

— Это, однако, *очень* странно, — замѣтила м-съ Бентингъ, держа въ рукахъ чашку миссъ Глендоверъ.

Заинтересованныя Морской Дѣвой, онѣ, не замѣчая, пили одну чашку за другой.

— Но какъ же вы знаете, когда воскресенье?

— Мы не...—начала Морская Дѣва.—Впрочемъ, да... Мы же слышимъ чудные гимны, несущіеся съ пассажирскихъ пароходовъ.

Но, немного погодя, между ними чуть было не произошло болѣе серьезнаго недоразумѣнія. Миссъ Глендоверъ высказала предположеніе, что подводные жители должны имѣть свои „задачи"; характерное для настоящей лэди поверхностное отношеніе къ дѣлу, повидимому, уступило здѣсь мѣсто ея обычной серьезности, и она начала предлагать вопросы. Морская Дѣва отвѣчала уклончиво; и миссъ Глендоверъ, замѣтивъ свою излишнюю настойчивость, постаралась исправить свою ошибку замѣчаніями общаго характера.

— Какъ жаль, что я никогда не увижу этого! — сказала она.—Хотѣлось бы взглянуть на вашу жизнь, участвовать въ ней, но для этого нужно родиться въ морѣ.

— Родиться въ морѣ?—спросила Морская Дѣва.

— Ну, да.. какъ ваши морскія дѣти...

— *Какія* дѣти?—спросила Морская Дѣва.

Съ минуту она смотрѣла на нихъ съ нескрываемымъ изумленіемъ; безсмертной русалкѣ были непонятны непрерывное увяданіе и умираніе—эти необходимыя условія человѣческаго существованія. Но, глядя на ихъ лица, она, казалось, что-то припоминила.

— Да,—сказала она и, не желая, повидимому, продолжать разговоръ, согласилась съ Аделиной.—У насъ дѣйствительно все по иному,—сказала она. — Какъ будто бы то же самое и всетаки совсѣмъ иное. Это-то и удивительно. Развѣ я не похожа?... А между тѣмъ я никогда до сегодняшняго дня не дѣлала себѣ прически и не носила платья.

— Что же вы носите?—спросила миссъ Глендоверъ.—Вѣрно что-нибудь очень красивое.

— Во всякомъ случаѣ, нашъ костюмъ нѣсколько иной,—сказала Морская Дѣва, сметая крошки хлѣба.

М-съ Бентингъ пристально взглянула на свою гостью. Въ умѣ ея въ эту минуту мелькнуло смутное подозрѣніе о чемъ-то языческомъ. Но Морская Дѣва сидѣла передъ нею въ своемъ платьѣ, съ причесанными наверхъ волосами, и съ такимъ не-

виннымъ выраженіемъ въ глазахъ, что подозрѣнія м-съ Бентингъ сразу исчезли.

Я не могу выразить той же увѣренности относительно Аделины.

VIII.

Замѣчательно, что Бентинги дѣйствительно выполнили начертанную м-съ Бентингъ программу. Одно время, по крайней мѣрѣ, Морскую Дѣву положительно считали больной дамой, несмотря на рядъ свидѣтелей ея перваго появленія на сушѣ и вопреки обнаружившимся затѣмъ значительнымъ внутреннимъ несогласіямъ. Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ прибавилось еще то обстоятельство, что одна изъ горничныхъ разсказала обо всемъ происшествіи своему ухаживателю, а тотъ, въ свою очередь, въ ближайшее же воскресенье передалъ объ этомъ начинающему журналисту. Журналистъ сперва не говорилъ, однако началъ наводить справки, и въ концѣ концовъ рѣшилъ, что за это дѣло стоитъ взяться. Повсюду шли неопредѣленные, но упорные слухи о чемъ-то...

Наконецъ, начинающій журналистъ отправился позондировать почву въ редакціи двухъ главныхъ фолькстонскихъ газетъ и узналъ, что слухи о происшествіи дошли и до нихъ. Они думали и на этотъ разъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, пройти это сверхъестественное явленіе молчаніемъ, но предпріимчивость начинающаго журналиста заразила и ихъ. Замѣтивъ это, онъ рѣшилъ, что времени терять нечего, и, предоставивъ имъ выбирать репортеровъ для наведенія справокъ, тотчасъ же телефонировалъ въ „Daily Gunfire“ и „New Paper“. Получивъ отвѣтъ, онъ еще серьезнѣе взялся за дѣло. Онъ укрѣпилъ свою репутацію—репутацію начинающаго журналиста!

— Клянусь, что тутъ что-нибудь да есть,—сказалъ онъ.— Надо только разузнать... въ этомъ все дѣло.

У него, какъ я сказалъ, уже была извѣстная репутація, и онъ теперь укрѣпилъ ее. Статья „Daily Gunfire“ была написана въ скептическомъ тонѣ, но со многими подробностями, а въ „New Paper“ бросалось въ глаза заглавіе: „Наконецъ, настоящая русалка!“

Вы, можетъ быть, думаете, что этимъ дѣло и кончилось, но не такъ оно было въ дѣйствительности. Есть вещи, которыя кажутся невѣроятными, даже если онѣ напечатаны въ мелкой газетѣ. Былъ моментъ, когда и Бентинги, и Морская Дѣва уже

мысленно видѣли у дверей своего дома вереницу репортеровъ, отъ которыхъ нельзя избавиться иначе, какъ предложивъ имъ зайти опять,—когда они уже считали свою тайну достояніемъ печати. Они мысленно представляли себѣ, какъ мало-по-малу разростается все происшествіе, какъ на нихъ со всѣхъ сторонъ сыплется градъ разспросовъ, какъ подъ окнами ихъ дома собирается толпа любопытныхъ, какъ являются фотографы для снимковъ, какъ ростутъ и ростутъ слухи. Всѣ Бентинги и Мабель были въ ужасѣ, положительно въ ужасѣ. Аделина была скорѣе раздосадована этой неминуемой и, насколько это касалось ея лично, крайне нежелательной гласностью.

— Никогда они не посмѣютъ...—сказала она.—Подумайте, какая непріятность для Гарри!—и при первой возможности она удалилась въ свою комнату. Остальные, съ необычнымъ для нихъ равнодушіемъ къ ея интересамъ, обступили кушетку Морской Дѣвы—она почти не притронулась къ завтраку—и стали обсуждать предстоящія непріятности.

— Они помѣстятъ въ газетахъ наши портреты,—сказала старшая миссъ Бентингъ.

— Они будутъ насъ интервьювировать!

— Но я совсѣмъ этого не хотѣла,—простонала Морская Дѣва, держа въ рукахъ „Daily Gunfire".—Нельзя ли это *остановить?*

— Вы не знаете нашихъ журналистовъ,—сказалъ Фредъ...

Затрудненіе было, однако, улажено благодаря такту моего кузена Мельвилля. Онъ имѣлъ кое-какое отношеніе къ прессѣ и часто бесѣдовалъ съ журналистами. А этотъ народъ, какъ извѣстно, иногда очень свободно выражается о печати. Пріѣхавъ къ Бентингамъ, онъ сразу замѣтилъ обуявшій ихъ ужасъ—ужасъ передъ неминуемой гласностью—и, обмѣнявшись взглядомъ съ Морской Дѣвой, тутъ же принялъ опредѣленное рѣшеніе.

— Рѣчь идетъ не о пустякахъ, м-съ Бентингъ,—сказалъ онъ.—Но дѣло можно еще спасти. Вы смотрите на него слишкомъ безнадежно. Надо только дѣйствовать рѣшительно. Позвольте *мнѣ* повидаться съ этими репортерами и написать въ лондонскія газеты. Надѣюсь, что мнѣ удастся остановить ихъ.

— Какимъ образомъ?—сказали Фредъ и м-съ Бентингъ.—Вы не думаете подкупить ихъ?

— Подкупить!—сказалъ м-ръ Бентингъ.—Мы не во Франціи. *Англійскую* газету не подкупишь.

— Предоставьте это мнѣ,—сказалъ Мельвилль, чувствуя себя въ своей сферѣ.

И Бентинги, пожелавъ ему успѣха, но не особенно вѣря въ него, предоставили ему полную свободу дѣйствій.

Мельвилль съ умѣньемъ взялся за дѣло.

— Что̀ это за исторія съ русалкой? — спросилъ онъ у двоихъ изъ мѣстныхъ журналистовъ.—Что̀ это за исторія съ русалкой?—повторилъ мой кузенъ, между тѣмъ какъ они молча предоставили другъ другу право голоса.

— Надъ вами кто-нибудь посмѣялся!—сказалъ Мельвилль.— Подумайте только!.. Русалка!

— Такъ *мы* и думали,—сказалъ младшій изъ журналистовъ.— Мы были увѣрены, что тутъ какая-нибудь мистификація... Однако, статья въ „New Paper“...

— Удивляюсь, что и Бангерстъ...

— Извѣстіе появилось и въ „Daily Gunfire“, — замѣтилъ старшій журналистъ.

— Сто̀итъ ли обращать вниманіе на эти мелкія газеты!— воскликнулъ мой кузенъ съ убійственнымъ презрѣніемъ.—Надѣюсь, вы не будете черпать фолькстонскія новости изъ какихъ-то лондонскихъ газетъ.

— Но какъ могъ возникнуть этотъ слухъ?—началъ-было старшій изъ журналистовъ.

— Не все ли равно?

Младшаго журналиста осѣнила въ эту минуту вдохновенная мысль. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку.

— Вы, быть можетъ, не откажетесь набросать тутъ то, что̀ мы могли бы сказать по этому поводу...

И Мельвилль не отказался.

IX.

Начинающій молодой журналистъ, первый пронюхавшій обо всемъ дѣлѣ, явился на слѣдующій вечеръ къ Бангерсту въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія.

— Я все разузналъ и видѣлъ ее,—запыхаясь, проговорилъ онъ.—Я ждалъ около дома и видѣлъ, какъ ее посадили въ карету. Я говорилъ съ одной изъ горничныхъ... мнѣ удалось войти въ домъ подъ предлогомъ посмотрѣть телефонъ, я выдалъ себя за телефоннаго мастера и испортилъ тамъ проволоку... и это фактъ. Несомнѣнный фактъ... Это—русалка съ хвостомъ... настоящимъ русалочнымъ хвостомъ. У меня здѣсь...

Онъ развернулъ свою рукопись.

— О чемъ вы говорите?—спросилъ Бангерстъ изъ-за своей высокой конторки, со злобой взглянувъ на рукопись.

— О русалкѣ... Въ Фолькстонѣ несомнѣнно *есть* русалка.

Бангерстъ отвернулся отъ него и сердито постучалъ по чернильницѣ.

— А что если такъ?—сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія.—Пусть ее будетъ.

Онъ повернулся къ молодому начинающему журналисту, и его крупное лицо казалось теперь особенно крупнымъ, а голосъ звучалъ какъ-то особенно рѣзко и звонко:

— Неужели вы думаете, что можно заставить публику вѣрить во что-нибудь только потому, что это правда? Они отлично знаютъ, во что вѣрить, во что не вѣрить, и никогда не повѣрятъ въ существованіе русалокъ... И хотя бы все побережье было усѣяно русалками, мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Мы должны поддержать свою честь. Понимаете?.. Да, вы не оправдали моихъ ожиданій. Это вы принесли намъ весь этотъ вздоръ о какомъ-то комическомъ открытіи...

— Это не вздоръ, это такъ и есть.

— Уффъ!

— Я узналъ объ этомъ отъ члена „Королевскаго Общества".

— Мнѣ рѣшительно безразлично, отъ кого вы это узнали. Вздоръ, въ который не вѣритъ публика, не можетъ считаться фактомъ. Если эти факты вѣрны, тѣмъ хуже для нихъ. Они покупаютъ нашу газету, чтобы наскоро просмотрѣть ее, и мы должны давать имъ подходящую пищу. Печатая эту статью съ заголовкомъ, я былъ увѣренъ, что вы напали на какое-нибудь забавное происшествіе, на какой-нибудь скандальчикъ во время совмѣстнаго купанія или что-нибудь въ этомъ родѣ, и думалъ, что вы съумѣете представить его подъ надлежащимъ соусомъ. Такія вещи понятны для *всѣхъ*. Уѣзжая въ Фолькстонъ, вы намѣревались дать описаніе костюма Салисбери и всѣхъ прочихъ, тамъ, на морскомъ берегу. Вы хотѣли дать статью объ акклиматизаціи „Café". И вмѣсто этого вы занимаетесь этимъ (тутъ слѣдовалъ нецензурный эпитетъ) вздоромъ!

— Но лордъ Салисбери не *пріѣхалъ* въ Фолькстонъ.

Бангерстъ безнадежно пожалъ плечами.

— Чортъ побери!—воскликнулъ онъ, обращаясь уже къ своей чернильницѣ:—какое вамъ до *этого* дѣло?

Молодой человѣкъ, повидимому, размышлялъ. Послѣ короткаго молчанія онъ вновь обратился къ Бангерсту, повернувшему ему спину. Голосъ его звучалъ тономъ ниже.

— Я могу еще передѣлать это, представить все въ видѣ шутки; напримѣръ, въ видѣ комическаго діалога съ человѣкомъ, который дѣйствительно повѣрилъ въ это.

— Нѣтъ,—сказалъ Бангерстъ,—ни подъ какимъ видомъ. Нѣтъ! Они подумаютъ, что вы хотите быть умнѣе ихъ, что вы смѣетесь надъ ними. Они ненавидятъ все, что̀ имъ кажется умнымъ.

Молодой человѣкъ хотѣлъ-было что-то возразить, но спина Бангерста ясно показывала, что аудіенція кончена.

— Ни подъ какимъ видомъ,—повторилъ Бангерстъ, хотя бесѣда, повидимому, уже была кончена.

— Такъ я могу передать свои свѣдѣнія въ „Gunfire“?

Бангерстъ поддержалъ его въ этомъ намѣреніи.

— Отлично,—сказалъ молодой человѣкъ, вспыливъ,—я такъ и сдѣлаю.

Но этотъ разсчетъ былъ сдѣланъ безъ редактора „Gunfire“.

X.

Вскорѣ послѣ этого я самъ впервые услышалъ о русалкѣ; конечно, я и не подозрѣвалъ тогда, что мнѣ со временемъ придется писать ея исторію. Это было въ одинъ изъ моихъ рѣдкихъ пріѣздовъ въ Лондонъ; Микльсустъ давалъ мнѣ завтракъ въ „Penwiper Club“, несомнѣнно—одномъ изъ лучшихъ клубовъ Лондона. Недалеко отъ двери я замѣтилъ одиноко сидѣвшаго за завтракомъ молодого начинающаго журналиста. Всѣ столы вокругъ него были пусты; остальная часть комнаты, наоборотъ, была переполнена. Онъ сидѣлъ лицомъ къ двери и при появленіи каждаго новаго лица поднималъ голову, словно кого-то поджидая. Я ясно видѣлъ, какъ онъ разъ поклонился кому-то, но поклонъ остался безъ отвѣта.

— Слушайте, Микльсустъ,—сказалъ я,—почему этого господина всѣ избѣгаютъ? Я только-что видѣлъ въ курильной комнатѣ, какъ онъ хотѣлъ завязать разговоръ съ кѣмъ-то, но на него, повидимому, наложено табу...

— Кажется,—процѣдилъ Микльсустъ.

— Что̀ же онъ сдѣлалъ?

— Онъ дуракъ,—сказалъ Микльсустъ съ полнымъ ртомъ, очевидно, недовольный.—У... у...—произнесъ онъ, проглотивъ пищу.

Я съ минуту помолчалъ.

— Чтò же онъ сдѣлалъ?—повторилъ я.

Миклсустъ не сразу отвѣтилъ мнѣ, продолжая ожесточенно ѣсть. Потомъ, наклонившись ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ, началъ издавать какіе-то негодующіе звуки, изъ которыхъ я ничего не могъ понять.

— Неужели?—сказалъ я, когда онъ кончилъ.

— Да,—сказалъ Миклсустъ. Проглотивъ пищу, онъ налилъ себѣ вина и забрызгалъ скатерть.

— На дняхъ онъ *меня* продержалъ чуть не цѣлый часъ.

— Да?—сказалъ я.

— *Болванъ*!—произнесъ Миклсустъ.

Я уже боялся, что разговоръ на этомъ кончится, но, проглотивъ вино, онъ продолжалъ:

— Онъ заставляетъ васъ высказать свое мнѣніе.

— О чемъ?..

— Да о томъ, что это нельзя доказать.

— Да?

— И потомъ показываетъ вамъ, что у него *есть* доказательства, выставляя при этомъ на видъ свой чертовскій умъ.

Я былъ нѣсколько смущенъ.

— Доказать чтò?—спросилъ я.

— Да вѣдь я же сказалъ вамъ,—отвѣтилъ Миклсустъ, и лицо его стало краснымъ.—Эта проклятая фолькстонская русалка.

— Онъ думаетъ, что она *дѣйствительно* существуетъ?

— *Да*, онъ думаетъ,—сказалъ Миклсустъ, краснѣя еще больше и пристально глядя на меня. Казалось, онъ мысленно спрашивалъ себя, не намѣренъ ли я поддержать этого гнуснаго негодяя. Съ минуту мнѣ казалось, что съ нимъ сдѣлается апоплексическій ударъ, но къ счастью онъ во-время вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ ко мнѣ, какъ къ своему гостю. Поэтому онъ вдругъ набросился на лакея за то, что тотъ не убиралъ нашихъ тарелокъ.

— Давно вы не играли въ гольфъ?—спросилъ я Мильксуста, когда лакей съ тарелками исчезъ. Миклсустъ всегда приходитъ въ хорошее настроеніе при воспоминаніи о гольфѣ, только не во время самой игры. Тогда, говорятъ... Будь я м-съ Бентингъ, я бы прекратилъ на этомъ мѣстѣ свой разсказъ и поднялъ бы брови и руки, чтобы показать, какъ вліяетъ на Миклсуста игра въ гольфъ.

Я сдѣлалъ видъ, что интересуюсь гольфомъ—игрой, которую я въ дѣйствительности ненавижу и презираю больше всего на свѣтѣ. Представьте себѣ большого, толстаго человѣка, какъ Микль-

сустъ, которому слѣдовало бы носить тюрбанъ и длинное черное платье, чтобы скрыть свою толщину; представьте себѣ, какъ этотъ человѣкъ, вооружившись цѣлымъ наборомъ разныхъ снарядовъ, гонитъ передъ собой маленькій бѣлый мячъ, дѣлая это то съ ребяческой торжественностью, то съ мальчишеской яростью, въ зависимости отъ того, везетъ ли ему, или нѣтъ, и попутно пріучаетъ какого-нибудь невиннаго мальчишку божиться, ругаться и выжидать подачки. Вотъ что̀ такое гольфъ! Какъ бы тамъ ни было, я воздержался отъ насмѣшекъ и обстоятельно говорилъ о гольфѣ; когда мнѣ удалось наконецъ вновь взглянуть на начинающаго журналиста, завтракъ нашъ подходилъ къ концу.

Онъ говорилъ съ державшимъ его пальто лакеемъ и, какъ я замѣтилъ, проявлялъ при этомъ излишнюю фамильярность. Лакей смотрѣлъ на него недовѣрчиво, но съ почтеніемъ, и отвѣчалъ кратко, но вѣжливо.

Когда мы выходили, разговоръ ихъ еще продолжался. Лакей держалъ въ рукахъ мягкую войлочную шляпу начинающаго журналиста, а начинающій журналистъ вытаскивалъ изъ бокового кармана цѣлую кипу бумагъ.

— Это ужасно! Бо̀льшая часть ихъ получена мною здѣсь,— сказалъ онъ, когда мы проходили.—Не хотите ли...

— У меня очень мало времени для чтенія, — отвѣтилъ лакей.

XI.

Въ лицѣ горничной Паркеръ Морская Дѣва несомнѣнно пріобрѣла драгоцѣнное сокровище. На видъ Паркеръ казалась еще моложавой, но она служила горничной у одной дамы, пріѣхавшей изъ Индіи, и вынесла оттуда значительный опытъ: ей пришлось выступить свидѣтельницей въ судебномъ процессѣ и подвергнуться перекрестному допросу. Въ свое время она была обманута любимымъ человѣкомъ, котораго встрѣтила на прогулкѣ съ другой,—что̀ совершенно противорѣчило ея понятіямъ о приличіяхъ, соблюденіе которыхъ она ставила выше всего на свѣтѣ. Ничто въ жизни, рѣшила она, уже не могло ее удивить. Она смотрѣла на всю жизненную мишуру съ выраженіемъ строгаго безпристрастія въ своихъ карихъ глазахъ, спокойно исполняя свой долгъ и окончательно отказавшись отъ болѣе дѣятельнаго участія въ жизни. Руки она всегда держала сложенными, и ее нельзя было представить себѣ иначе, какъ безусловно опрятной,

чистой и корректной. Голосъ ея всегда звучалъ тихо и удивительно ясно, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ „жеманства“.

Вступая въ объясненіе съ Паркеръ, м-съ Бентингъ слегка волновалась. Понятно, что съ Паркеръ должна была говорить м-съ Бентингъ, такъ какъ Морская Дѣва не имѣла въ этомъ отношеніи никакого опыта. Но волненіе м-съ Бентингъ вскорѣ улеглось.

— Вы понимаете, — сказала м-съ Бентингъ, дѣлая первый шагъ,—она... она больная.

— Я не знала этого,—почтительно отвѣтила Паркеръ,— очевидно считая своимъ долгомъ понять то, что̀ ей говорили.

— Да,—сказала м-съ Бентингъ, тереби своей обтянутой въ перчатку рукой кончикъ скатерти:—у нея хвостъ, какъ у русалки.

— Хвостъ! Въ самомъ дѣлѣ! И это очень мучительно?

— О, нѣтъ, милая, это не влечетъ за собой никакихъ неудобствъ. Но, вы понимаете, тутъ надо умѣть молчать...

— Конечно, сударыня,—сказала Паркеръ; казалось, она хотѣла сказать, что это всегда необходимо.

— Намъ особенно нежелательно, чтобы прислуга...

— Низшая прислуга... конечно, сударыня.

— Вы понимаете?—и м-съ Бентингъ спокойно взглянула на Паркеръ.

— Прекрасно, сударыня!—сказала Паркеръ, даже не мигнувъ, и онѣ перешли къ вопросу о жалованьи.—Все обошлось какъ *нельзя* лучше,—говорила м-съ Бентингъ, облегченно вздыхая при одномъ воспоминаніи объ этой минутѣ. Паркеръ очевидно была того же мнѣнія...

Она не только умѣла молчать, но отличалась умомъ и ловкостью. Паркеръ предложила „для этого“ нѣчто въ родѣ футляра отъ скрипки, и она же посовѣтовала Морской Дѣвѣ носить длинныя платья, скрывавшія контуры футляра. Паркеръ первая предложила Морской Дѣвѣ пользоваться для передвиженія по саду и по комнатамъ кресломъ для больныхъ, а для спусканія съ лѣстницы—носилками. До того Морскую Дѣву съ большой готовностью переносилъ всегда Фредъ Бентингъ. Но Паркеръ сразу заявила, что это совершенно не согласуется съ ея понятіями о приличіи, и тѣмъ заслужила вѣчную благодарность Мабель Глендоверъ. Паркеръ же первая заговорила о прогулкахъ и предложила нанять на лѣтній сезонъ экипажъ и пару лошадей, что̀ и было сдѣлано къ большому удовольствію какъ Бентинговъ, такъ и Морской Дѣвы. По ея же совѣту они еже-

дневно совершали прогулку въ экипажѣ по морскому берегу и, доѣхавъ до обычнаго мѣста гулянья, переносили Морскую Дѣву въ кресло. Паркеръ заботилась обо всемъ: если существовало какое-нибудь мѣсто, гдѣ Морской Дѣвѣ пріятно было бы провести время, Паркеръ немедленно указывала на него; съ другой стороны, если было почему-либо нежелательно, чтобы Морская Дѣва что-нибудь сдѣлала или куда-нибудь поѣхала, Паркеръ тотчасъ же ставила незамѣтныя, но непреодолимыя преграды. Паркеръ же освободила Морскую Дѣву отъ положенія неотъемлемой собственности семьи Бентинговъ, когда произошелъ разрывъ, и она же доставила ей соотвѣтствующее положеніе въ свѣтѣ. Она не дѣлала упущеній ни въ большомъ, ни въ маломъ. Она первая обратила вниманіе на то, что Морской Дѣвѣ надо было обзавестись визитными карточками (ей дали крайне подходящее и изящное имя: „миссъ Дорисъ Талассія Уотерсъ") и она же замѣнила ящикъ „Тома Вильдерса" шкатулкой для драгоцѣнностей, чемоданомъ и сундуками.

Въ тысячахъ мелочей эта Паркеръ проявляла удивительно тонкое пониманіе приличій. Такъ, однажды, когда м-съ Бентингъ закупала для Морской Дѣвы различныя принадлежности туалета, Паркеръ вдругъ сочла нужнымъ вмѣшаться.

— Тутъ имѣются чулки, сударыня,—сказала она въ полголоса.

— *Чулки*!—воскликнула м-съ Бентингъ.—Но...!

— Мнѣ кажется, ей *слѣдуетъ* имѣть чулки,—спокойно, но твердо отвѣтила Паркеръ.

И дѣйствительно, почему такой непоправимый физическій недостатокъ, какъ отсутствіе ногъ, можетъ служить оправданіемъ отсутствію необходимыхъ для всякой лэди предметовъ? Мы соприкасаемся здѣсь съ основными, существеннѣйшими принципами жизни людей, соблюдающихъ приличія.

XII.

Журналисты и Паркеръ нѣсколько отвлекли меня отъ сути моего разсказа. Вы, конечно, понимаете, что пока молодой начинающій журналистъ наводилъ справки, бѣгалъ за Бангерстомъ и все еще на что-то надѣялся, а Паркеръ проявляла такія достоинства, о которыхъ нельзя было даже мечтать, въ красивой маленькой виллѣ на фолькстонской Ривіерѣ событія шли своимъ чередомъ. Какъ только Бентинги, всѣ мысли которыхъ были

одно время исключительно направлены на новаго интереснаго члена ихъ семьи, начали интересоваться и другими вещами, — стало очевидно, что обѣ гостившія у нихъ молодыя дѣвушки не вполнѣ раздѣляли ту радость, которую доставляло Бентингамъ присутствіе въ ихъ домѣ такого очаровательнаго, состоятельнаго и — въ извѣстномъ отношеніи — знатнаго гостя, какъ миссъ Уотерсъ.

Разладъ не замедлилъ обнаружиться, какъ только м-съ Бентингъ заговорила съ миссъ Глендоверъ о своихъ новыхъ планахъ.

— И она дѣйствительно пробудетъ съ нами все лѣто? — спросила Аделина.

— Конечно, дорогая, вы ничего не имѣете противъ?

— Меня это нѣсколько удивляетъ.

— Она просила меня, дорогая...

— Я думаю о Гарри. Если въ сентябрѣ будутъ общіе выборы... а всѣ думаютъ, что такъ и будетъ... Вы обѣщали заняться выборной агитаціей.

— Не думаете ли вы, что *она*...

— Она будетъ страшно мѣшать.

— Но, дорогая!

— Она съ нами не гармонируетъ, — сказала Аделина.

М-съ Бентингъ бросила взглядъ на море.

— Я никогда не сдѣлаю ничего, что можетъ повредить планамъ Гарри. Вы знаете, какъ мы всѣ стоимъ за него. Рандольфъ готовъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ. Но неужели вы увѣрены, что она будетъ мѣшать намъ?

— А что же она можетъ дѣлать?

— Она можетъ даже оказаться полезной.

— О, *полезной*!

— Она можетъ пріобрѣсти намъ голоса. Она вѣдь очень привлекательна.

— Не для меня, — сказала миссъ Глендоверъ. — Я ей не довѣряю.

— Но для многихъ другихъ. И, какъ говоритъ Гарри, во время выборовъ *слѣдуетъ предоставлять дѣйствовать* всякому, кто можетъ оказаться полезнымъ. Вы, дорогая, неправильно судите о ней. Она просила у меня позволенія...

— Быть намъ полезной?

— Да, — отвѣтила м-съ Бентингъ, слегка покраснѣвъ. — Она разспрашивала меня, почему у насъ вообще бываютъ выборы, какое они имѣютъ значеніе, почему Гарри кандидатъ и

все прочее. Она хочетъ подробно ознакомиться со всѣмъ этимъ. *Я* не могла отвѣтить и на половину ея вопросовъ.

— Поэтому-то она ведетъ такіе длинные разговоры съ Мельвиллемъ и поэтому же Фредъ такъ часто забываетъ о Мабель...

— *Дорогая*!—сказала м-съ Бентингъ.

— Я бы не хотѣла, чтобы она въ *чемъ-либо* содѣйствовала намъ,—сказала миссъ Глендоверъ.—Она можетъ только испортить дѣло. Она легкомысленна... и относится ко всему съ насмѣшкой. Она глядитъ, явно не вѣря тому, что̀ ей говорятъ, и только портитъ настроеніе... Вы, дорогая м-съ Бентингъ, кажется, не вполнѣ понимаете, какое значеніе имѣютъ эти выборы для меня и для Гарри. Она стоитъ на дорогѣ ко всему этому—какъ явное противорѣчіе.

— О, дорогая! Я никогда не слышала, чтобы она противорѣчила.

— О, она не *противорѣчитъ*. Но она... Въ ней есть что-то... Она не ставитъ ни во что самые важные, самые жизненные вопросы. Развѣ вы этого не чувствуете? Она пришла къ намъ изъ другого міра.

М-съ Бентингъ не поддавалась. Аделина вновь перешла къ доводамъ болѣе низменнаго характера.

— Какъ бы то ни было, — сказала она,—мы относимся къ ней слишкомъ довѣрчиво. Откуда мы знаемъ, *кто* она? Тамъ внизу она могла быть чѣмъ угодно. У нея, быть можетъ, были серьезныя причины выйти на берегъ...

— *Дорогая*!—воскликнула м-съ Бентингъ. — Это вы называете христіанской любовью?

— Какъ они живутъ?

— Еслибы они не жили вполнѣ прилично, она не умѣла бы такъ держать себя.

— Уже одно то, что она явилась сюда! Ее никто не приглашалъ...

— Я пригласила ее *теперь*,—вѣжливо замѣтила м-съ Бентингъ.

— Вамъ ничего другого не оставалось. Надѣюсь однако, что ваша любезность...

— Это не любезность, это моя обязанность,—сказала м-съ Бентингъ.—Еслибы даже она не была такъ очаровательна... Вы повидимому забываете,—она понизила голосъ,—зачѣмъ она явилась сюда.

— Это-то я и хотѣла бы знать.

— Въ наши дни господства матеріализма и всякихъ безза-

коній, когда всякій *имѣющій* душу стремится потерять ее,— встрѣтить существо, которое *не имѣетъ* души и старается обрѣсти ее...

— Да развѣ она что-нибудь дѣлаетъ для этого?

— М-ръ Фланжъ приходитъ къ ней два раза въ недѣлю. Онъ приходилъ бы чаще, но теперь очень много конфирмующихся.

— А когда онъ приходитъ, то садится и беретъ ее за руку и говоритъ самымъ тихимъ голосомъ, а она сидитъ и улыбается... она прямо смѣется надъ тѣмъ, что̀ онъ говоритъ.

— Да, потому, что онъ долженъ еще расположить ее къ себѣ. Надѣюсь, м-ру Фланжу дозволительно дѣлать все, что̀ онъ находитъ нужнымъ, чтобы показать религію въ наиболѣе привлекательномъ свѣтѣ?

— Я не вѣрю, чтобы она дѣйствительно разсчитывала пріобрѣсть душу. Я не вѣрю, чтобы она стремилась къ этому.

Она повернулась къ двери, считая разговоръ оконченнымъ.

Лицо м-съ Бентингъ горѣло яркой краской. Она воспитала сына и двухъ дочерей, держала въ рукахъ мужа и — когда это было нужно — умѣла быть твердой, даже съ Аделиной Глендоверъ.

— Милая моя, — начала она твердымъ, но *спокойнымъ* голосомъ, —вы положительно несправедливы къ миссъ Уотерсъ. Она, быть можетъ, и кажется легкомысленной. Она позволяетъ себѣ иногда смѣяться и дурачиться. Существуютъ разные взгляды на вещи. Но я увѣрена, что въ дѣйствительности она такъ же серьезна, такъ же скромна, какъ—всякая другая. Вы судите о ней слишкомъ поспѣшно. И я увѣрена, что если бы вы знали ее лучше... какъ я ее знаю...

М-съ Бентингъ сдѣлала краснорѣчивую паузу.

На щекахъ миссъ Глендоверъ выступили два маленькихъ красныхъ пятна. Взявшись уже за ручку двери, она повернулась къ м-съ Бентингъ.

— Во всякомъ случаѣ я увѣрена, что Гарри согласится со мной въ томъ, что она не можетъ быть намъ полезной. Мы должны дѣлать свое дѣло, намъ предстоитъ не простая избирательная кампанія. Мы должны распространять извѣстныя идеи. Гарри имѣетъ свои, новые и широкіе взгляды. Мы хотимъ вложить въ это дѣло всю нашу энергію. Особенно *теперь*. А ея присутствіе...

Она на минуту остановилась.

— Она отвлекаетъ всѣхъ отъ настоящаго дѣла. Она переворачиваетъ все вверхъ дномъ. Она привлекаетъ всеобщее

вниманіе къ себѣ. Она измѣняетъ взгляды на вещи. Она мѣшаетъ мнѣ твердо держаться моихъ принциповъ, и то же самое будетъ и съ Гарри...

— Мнѣ кажется, дорогая, вы могли бы *нѣсколько* положиться на мое сужденіе,—сказала м-съ Бентингъ и замолчала.

Миссъ Глендоверъ уже открыла-было ротъ, но закрыла его, не произнеся ни слова. Разговоръ, очевидно, былъ оконченъ. Обо всемъ, что можно было еще сказать, пришлось бы затѣмъ пожалѣть.

Дверь быстро открылась и закрылась, и м-съ Бентингъ осталась одна...

Черезъ часъ они всѣ встрѣтились за завтракомъ, и обращеніе Аделины съ Морской Дѣвой и м-съ Бентингъ не оставляло желать ничего лучшаго.

XIII.

Пора дать нѣкоторыя свѣдѣнія о Чатрисѣ, который, несмотря на свое позднее появленіе, является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ разсказѣ моего кузена Мельвилля. Я довольно часто встрѣчался съ нимъ, будучи студентомъ, и впослѣдствіи намъ тоже приходилось неоднократно сталкиваться. Уже въ университетѣ онъ обращалъ на себя вниманіе живостью и умомъ. У него была удивительно счастливая внѣшность; не будучи мотомъ, онъ однако проявлялъ большую щедрость. Въ послѣдній годъ пребыванія въ университетѣ, у него была какая-то непріятность, ходили слухи о какой-то дѣвушкѣ или женщинѣ изъ Лондона, но родные выпутали его изъ этой исторіи, и дядя его, графъ Бичкрофтъ, заплатилъ нѣкоторые изъ его долговъ. Правда, не всѣ,—такъ какъ семья ихъ не отличалась излишней сентиментальностью,—но онъ вновь могъ зажить спокойно. Семья его была небогата и изобиловала, кромѣ того, чрезмѣрнымъ количествомъ вѣчно хмурыхъ, ворчливыхъ тетокъ,— я нигдѣ не видалъ такого количества тетокъ. Но Чатрисъ обладалъ такой пріятной внѣшностью, такими прекрасными манерами и такими способностями, что онѣ, повидимому, всѣ рѣшили вывести его въ люди. Онѣ стали искать для него подходящаго дѣла, выгоднаго, но не утомительнаго и не явно коммерческаго; а пока Чатрисъ примкнулъ къ избранному кругу журналистовъ, къ аристократамъ среди нихъ, т. е., къ тѣмъ, которые ѣздятъ на званые обѣды, слегка кутятъ послѣ обѣда

въ обществѣ членовъ парламента и печатаются въ видныхъ журналахъ, когда нѣтъ другого подходящаго матеріала.

Не будучи еще общественнымъ дѣятелемъ, онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ энергичный, и его талантливыя, а иногда и блестящія статьи обращали на себя всеобщее вниманіе. Тетки его заявили, что характеръ его еще не вполнѣ установился, что проявляемый имъ иногда недостатокъ энергіи мѣшаетъ его движенію впередъ, а потому рѣшили отправить его въ Америку, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ недостатка въ энергіи; но тамъ его, повидимому, постигла неудача. Что-то съ нимъ случилось. Онъ вернулся назадъ неженатымъ, черезъ Индію. И тетка его, леди Пойнтингъ Маллоу, публично обозвала его, по возвращеніи, дуракомъ.

Что̀ именно случилось съ нимъ въ Америкѣ — очень трудно опредѣлить, даже не читая того, что̀ въ свое время писали о немъ американскія газеты. Въ дѣло; повидимому, была замѣшана дочь милліонера, будто-бы его невѣста. По словамъ „New-York Yell“, одной изъ наиболѣе язвительныхъ, колкихъ и извѣстныхъ въ Америкѣ газетъ, дѣло шло и еще о чьей-то дочери, которую „New-York Yell“ интервьюировалъ и о которой пустилъ затѣмъ статью подъ заглавіемъ:

„Издѣвательство Англійскаго Аристократа
„надъ
„Чисто-Американской Дѣвушкой.
„Интервью съ Жертвой
„его
„Безсердечнаго Легкомыслія“.

Я склоненъ, однако, думать, что эта вторая дочь, несмотря на приложенный къ статьѣ портретъ ея, была попросту плодомъ фантазіи современной журналистики; узнавъ о внезапномъ отступленіи Чатриса и не желая наводить справки, „New-York Yell“ придумалъ эту исторію. Настоящей причиной разрыва послужили, какъ я слышалъ, чистѣйшіе пустяки. Дочь милліонера, живая и интеллигентная дѣвушка, не отказалась отъ интервью по поводу своей предстоящей свадьбы, и высказала свои взгляды на бракъ вообще, на различные соціальные вопросы и на отношенія между англичанами и американцами. Газетный отчетъ объ этомъ интервью попался на глаза Чатрису. Онъ разсердился и совершенно потерялъ голову. А разъ разсердившись, уже не имѣлъ силы одуматься и вернуться назадъ. Разгорѣлась непріятная исторія, семья вновь заплатила нѣкоторые изъ его долговъ, отказавшись отъ другихъ, и Чатрисъ, спустя

нѣкоторое время, вновь вернулся въ Лондонъ, уже съ нѣсколько померкнувшей славой.

Въ Англіи, конечно, никто не зналъ настоящихъ обстоятельствъ этого дѣла, но для всѣхъ было очевидно, что онъ вернулся изъ Америки съ пустыми руками.

Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ познакомился съ Аделиной Глендоверъ, которая, какъ вы уже слышали отъ м-съ Бентингъ, какъ нельзя лучше подходила къ роли его помощницы и вдохновительницы. Его обрученіе съ ней примирило съ нимъ семью, уже давно ждавшую подходящаго случая, чтобы простить ему. И послѣ продолжительной подготовительной дѣятельности, онъ объявилъ себя филантропомъ-либераломъ съ не вполнѣ законченной программой, намѣреваясь начать борьбу противъ консервативной партіи.

Онъ находился въ Парижѣ, гдѣ ему нужно было сдѣлать нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ, когда въ Фолькстонѣ появилась Морская Дѣва. До окончательнаго рѣшенія дѣла ему нужно было поговорить съ однимъ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, послѣ чего онъ разсчитывалъ вернуться въ Фолькстонъ — передать обо всемъ Аделинѣ. И всѣ, не исключая и Морской Дѣвы, ежедневно ждали его возвращенія.

XIV.

Встрѣча миссъ Глендоверъ съ ея женихомъ, по возвращеніи его изъ Парижа, представляетъ одну изъ тѣхъ сценъ, для описанія которыхъ у меня нѣтъ достаточно точныхъ данныхъ. Пріѣхавъ въ Фолькстонъ, онъ остановился въ „Метрополѣ“, такъ какъ у Бентинговъ не было мѣста, а „Метрополь“ — ближайшая отъ Сандгета гостинница; вскорѣ послѣ полудня онъ отправился къ Бентингамъ и попросилъ доложить о себѣ Аделинѣ, что̀ было скорѣе мило, чѣмъ корректно съ его стороны. Они встрѣтились въ гостиной, и когда Чатрисъ заперъ за собой дверь, они по всей вѣроятности обмѣнялись поцѣлуемъ.

Я долженъ сознаться, что завидую смѣлости романистовъ, вводящихъ васъ въ подобныхъ случаяхъ за закрытую дверь и передающихъ вамъ все, что̀ говорили и дѣлали находящіяся тамъ лица. Но, несмотря на живѣйшее желаніе составить изъ имѣющихся у меня отрывочныхъ свѣдѣній послѣдовательное изложеніе событій, я долженъ отказаться отъ этого намѣренія. Я никогда не видѣлъ Аделины до этихъ событій, — а что̀ она представляетъ

собою теперь? Безпокойную и дѣятельную женщину, очень интересующуюся общественными дѣлами,—*но что-то въ ней погасло.* Мельвиллю разъ пришлось видѣть проблескъ этого „чего-то", но вообще онъ не любилъ ея; у нея были болѣе широкіе взгляды на вещи, чѣмъ у него, и онъ слегка боялся ея; она не была ни хорошенькой женщиной, ни „grande dame", ни полнѣйшимъ ничтожествомъ, а потому, по понятіямъ Мельвилля, представляла собой что-то несуразное. Онъ далъ мнѣ очень мало свѣдѣній объ этой прежней Аделинѣ. „Она хотѣла, чтобы ее считали политической дѣятельницей,—говоритъ онъ,—и вѣчно читала романы м-съ Гемфри Уордъ".

Возвратимся, однако, къ встрѣчѣ Чатриса съ миссъ Глендоверъ. Они открыто и прямо посмотрѣли другъ другу въ глаза, но въ движеніяхъ ихъ сказывались какая-то неловкость и застѣнчивость. Обмѣнявшись поцѣлуемъ, они сразу перешли къ дѣлу. „Ну, что слышно?"—спросила, должно быть, Аделина.— „Все въ порядкѣ",—отвѣчалъ Чатрисъ. Послѣ этого, выражаясь скорѣе намеками, Чатрисъ, вѣроятно, передалъ ей различныя подробности своего свиданія съ важнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Они несомнѣнно говорили о политикѣ, потому что когда они вскорѣ послѣ того сошли въ садъ, гдѣ м-съ Бентингъ и Морская Дѣва наблюдали за игравшими въ крокетъ барышнями, Аделина была уже обо всемъ освѣдомлена. Я предполагаю, что для такой пары, какъ они, эти серьезныя темы до извѣстной степени замѣняли повтореніе однѣхъ и тѣхъ же обычныхъ нѣжностей.

Морская Дѣва, повидимому, первая замѣтила ихъ.

— Вотъ онъ!—отрывисто произнесла она.

— Кто?—сказала м-съ Бентингъ, взглянувъ въ заблестѣвшіе вдругъ глаза Морской Дѣвы и замѣтивъ приближеніе Чатриса.

— Вашъ второй сынъ,—шутя, отвѣтила Морская Дѣва.

— Гарри и Аделина!—воскликнула м-съ Бентингъ.—Развѣ это не прелестная пара?

Но Морская Дѣва ничего не отвѣтила и въ ожиданіи ихъ приближенія откинулась на спинку кресла. Безъ сомнѣнія, они подходили другъ къ другу. Спустившись съ веранды въ полосу яркаго свѣта и направляясь по красивой лужайкѣ подъ тѣнь деревьевъ, они казались залитыми какимъ-то чуднымъ сіяніемъ, словно актеры на сценѣ громаднаго театра. Высокій, красивый и широкоплечій, слегка загорѣвшій отъ солнца, Чатрисъ казался чѣмъ-то озабоченнымъ, какъ всегда въ послѣднее время. Рядомъ съ нимъ, взглядывая то на него, то на сидѣвшее подъ деревьями общество, шла Аделина, слегка раскраснѣвшаяся и довольная.

Только подойдя совсѣмъ близко, Чатрисъ замѣтилъ, что подъ деревьями сидѣли не одни Бентинги. Присутствіе незнакомаго лица, повидимому, помѣшало ему начать говорить первому, и главная роль перешла къ Аделинѣ. М-съ Бентингъ встала со своего мѣста, и всѣ игравшіе въ крокетъ, — за исключеніемъ Мабель, которая выигрывала,—окружили Чатриса съ криками привѣтствія. Мабель осталась посреди площадки, громко требуя, чтобы ей дали „доиграть“.

Подойдя къ м-съ Бентингъ, Аделина, съ оттѣнкомъ торжества въ голосѣ, воскликнула:

— Все устроено. Онъ склонилъ ихъ всѣхъ на свою сторону и надѣется побѣдить.

Совершенно невольно глаза ея встрѣтились съ глазами Морской Дѣвы.

Я не могу, конечно, сказать, что̀ она прочла въ этихъ глазахъ или что̀ можно было прочесть въ нихъ въ этотъ моментъ. Съ минуту онѣ старались разгадать другъ друга; наконецъ, Морская Дѣва перевела свои глаза на Чатриса, котораго она, по всей вѣроятности, въ первый разъ видѣла вблизи. Можно ли допустить, чтобы въ глазахъ и той, и другого мелькнуло въ это мгновеніе хотя бы слабое выраженіе удивленія, нѣчто въ родѣ нѣмого вопроса? Она выдержала его взглядъ, а затѣмъ вопросительно взглянула на м-съ Бентингъ.

— О! Я совсѣмъ забыла! — воскликнула м-съ Бентингъ и представила ихъ другъ другу.

— Вы уже вернулись?—спросилъ Фредъ Чатриса, дотрогиваясь до его руки, и Чатрисъ поспѣшилъ подтвердить эту остроумную догадку.

Дочери м-съ Бентингъ, казалось, придавали большее значеніе завидному положенію Аделины, чѣмъ Чатрису, какъ личности.

— Не должны они развѣ дать мнѣ доиграть до конца, м-ръ Чатрисъ?—послышался голосъ Мабель.

— Галло, Гарри!—воскликнулъ м-ръ Бентингъ, старавшійся усвоить себѣ рѣзкія манеры.—Что̀ слышно въ Парижѣ?

— Какъ идетъ рыбная ловля?—спросилъ Гарри.

И такъ они всѣ обступили этого милаго молодого человѣка, „склонившаго ихъ всѣхъ на свою сторону“, за исключеніемъ, конечно, Паркеръ, которая оставалась на своемъ мѣстѣ и которую, я увѣренъ, нельзя было склонить ни на чью сторону.

Начались передвиганіе и перестановка садовыхъ стульевъ...

Никто, казалось, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на слова Аделины. Бентинги не думали о томъ, что̀ надо было сказать.

Она стояла посреди нихъ, словно примадонна среди забывшихъ свои роли актеровъ. Вдругъ они всѣ словно проснулись; послышался хоръ голосовъ.

— Все *дѣйствительно* устроено? — сказала м-съ Бентингъ.

— Значитъ, *будутъ* выборы,—сказала Бетти Бентингъ.

— Какъ интересно!—прибавила Нетти.

— Вы, значитъ, *видѣли* Его?—проговорилъ м-ръ Бентингъ съ видомъ знатока.

— Ура!—крикнулъ Фредъ.

Только Морская Дѣва не сказала ничего.

— Мы дадимъ имъ хорошее сраженіе,—сказалъ м-ръ Бентингъ.

— Надѣюсь,—сказалъ Чатрисъ.

— Мы сдѣлаемъ даже больше,—сказала Аделина.

— О, *да*!—сказала Бетти Беттингъ.—Несомнѣнно!

— Я знала, что они выставятъ его,—сказала Аделина.

— Еслибы у нихъ былъ умъ,—замѣтилъ м-ръ Бентингъ.

Онъ махнулъ своей толстой, маленькой рукой, казалось, не имѣвшей ни костей, ни мяса, а набитой опилками или конскимъ волосомъ. М-съ Бентингъ откинулась въ свое кресло и снисходительно улыбалась, глядя на него.

— Это не простые выборы,—сказалъ онъ.—Это вступленіе на новый путь.

Морская Дѣва задумчиво посмотрѣла на него.

— Чтò значитъ новый путь?—спросила она.—Я не совсѣмъ понимаю.

М-ръ Бентингъ выказалъ полнѣйшую готовность объяснить ей, въ чемъ дѣло.

— *Это*...—началъ онъ. Аделина слушала его съ интересомъ, смѣшаннымъ съ нетерпѣніемъ, стараясь какъ-нибудь вовлечь въ разговоръ Чатриса. Но Чатрисъ не проявлялъ никакого желанія принять активное участіе въ разговорѣ. Его, повидимому, очень интересовали взгляды м-ра Бентинга.

Барышни между тѣмъ,—по предложенію Мабель,—вернулись къ крокету, а остальные продолжали свою политическую бесѣду. Разговоръ перешелъ, наконецъ, на болѣе личную почву, касаясь, главнымъ образомъ, того, чтò сдѣлалъ и долженъ былъ еще сдѣлать Чатрисъ. М-съ Бентингъ вдругъ остановила м-ра Бентинга, собиравшагося предложить свой совѣтъ, и центральное мѣсто въ разговорѣ вновь заняла Аделина. Она набросала широкую программу. „Этотъ выборъ положительно ознаменуетъ собой новую эру“,—сказала она. И въ отвѣтъ на скромные протесты

Чатриса, она только улыбнулась, гордая и счастливая сознаніемъ того, что̀ она намѣревалась сдѣлать изъ него...

М-съ Бентингъ, съ своей стороны, вставляла иногда замѣчанія, чтобы объяснить Морской Дѣвѣ положеніе дѣлъ. „Онъ такъ скроменъ“,—сказала она по какому-то поводу; Чатрисъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ этого замѣчанія, и сильно покраснѣлъ. Не разъ пытался онъ перевести разговоръ съ себя на Морскую Дѣву, но, совершенно незнакомый съ ея положеніемъ, не могъ этого сдѣлать.

А Морская Дѣва, между тѣмъ, внимательно наблюдала за Чатрисомъ и Аделиной, и особенно за отношеніемъ Чатриса къ Аделинѣ.

Съ англ. Ел. Б.

ЗЕМСКАЯ СТАТИСТИКА

и

ЕЯ РАБОТЫ

Земство, согласно „Положенію" 1864 года, образовано „для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда" [1]). По организаціи своей, земство представляется органомъ самоуправляющимъ и, какъ таковой, оно не только близко стоитъ къ непосредственной жизни народа, но и подлежитъ сравнительно широкому контролю со стороны самого общества. Эти рѣдкія въ нашей русской жизни условія были главными причинами, почему мѣстности, въ которыхъ земскія учрежденія введены, такъ рѣзко отличаются отъ остальной, такъ называемой „неземской Россіи".

Параллель между губерніями „земскими" и „неземскими" проводилась въ печати, какъ частной, такъ и правительственной, много разъ,—и почти вездѣ и всегда указывалось на преимущества первыхъ въ отношеніи развитія мѣропріятій, клонящихся къ основнымъ нуждамъ населенія. Такъ, въ изданномъ министерствомъ финансовъ сборникѣ „Россія въ концѣ XIX вѣка" (1900 г.) приведены данныя о развитіи страхового дѣла въ зем-

---

[1]) „Положеніе о губ. и уѣздн. земскихъ учрежденіяхъ" 1864 г., гл. I, ст. 1. Новое положеніе 1890 г., въ силу котораго земству приданъ былъ болѣе сословный характеръ, оставило основную цѣль самаго учрежденія безъ измѣненія (см. гл. I, ст. I).

скихъ и неземскихъ губерніяхъ, относящихся къ 1895 году [1]). По даннымъ этимъ оказывается, что въ 34 земскихъ губерніяхъ крестьянскія постройки застрахованы (по обязательному страхованію) въ суммѣ 858 милліоновъ рублей, тогда какъ въ 20 неземскихъ (15—въ Европейской Россіи и 5—въ Сибири)—въ 210 милліоновъ рублей. Принимая во вниманіе число жителей въ той и другой части Россіи (по даннымъ переписи 1897 г.), оказывается, что на каждаго уѣзднаго жителя земской Россіи страховая гарантія отъ пожара составляетъ около 15 рублей, въ неземской же—всего 8 рублей. Въ томъ же изданіи (на стр. 918 и 919). читаемъ: „Результатомъ тридцатилѣтней дѣятельности земствъ является полное преобразованіе врачебно-санитарной помощи народной массѣ. Вмѣсто 350 больницъ приказа общественнаго призрѣнія съ 11½ тысячами кроватей, изъ которыхъ около 1.200 были назначены для душевно-больныхъ, въ настоящее время въ 34 земскихъ губерніяхъ ихъ насчитывается до 1.300 съ 30 тысячами кроватей для соматическихъ больныхъ и до 10 тысячъ мѣстъ для душевно-больныхъ". Кромѣ того, „дѣятельность земства не ограничивается только леченіемъ заболѣвшихъ, но все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ предупредительно-санитарный: правильное поголовное оспопрививаніе, борьба съ заразными болѣзнями и *систематическое изученіе* чрезъ особыхъ санитарныхъ врачей *мѣстныхъ бытовыхъ и экономическихъ условій* (курсивъ нашъ), способствующихъ заболѣваемости населенія, поглощаютъ столько же труда и денежныхъ средствъ, какъ и врачеваніе". Ничего подобнаго мы не видимъ въ губерніяхъ неземскихъ—здѣсь „врачебная помощь внѣгородскому населенію оставалась въ забвеніи до 1887 года. Только съ этого года въ 12 губерніяхъ началось устройство сельской медицины по типу, выработанному многолѣтнимъ опытомъ земствъ и на томъ же принципѣ всѣмъ доступной безплатной помощи"... „Однако, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи положеніе дѣлъ въ этихъ губерніяхъ все еще значительно уступаетъ положенію его въ губерніяхъ земскихъ",—въ нихъ всего 273 больницы на 2.524 кровати. Далѣе, изъ приведенныхъ цифровыхъ выраженій, характеризующихъ степень обезпеченности врачебною помощью внѣгородского населенія, какъ въ земскихъ, такъ и въ неземскихъ губерніяхъ, видимъ: въ земскихъ губерніяхъ приходится: 1 врачъ на 25 тысячъ жителей, 1 больничная кровать на 2.000, одинъ изъ 13 душевно-

[1]) Стр. 624 и 625.

больныхъ призрѣвается въ „спеціальныхъ больницахъ и колоніяхъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ требованіямъ современной науки", 27% своего годового бюджета земство расходуетъ на медицину, что составляетъ около 35 коп. на каждаго жителя. Въ неземской Россіи 1 врачъ приходится на 77 тысячъ населенія, 1 больничная кровать на 8 тысячъ человѣкъ, сумма же всѣхъ расходовъ, „считая даже единовременныя затраты на постройку сельскихъ больницъ", особенно развитую въ послѣднее время, достигаетъ 8 коп. на каждаго жителя—„вчетверо меньше, чѣмъ въ губерніяхъ земскихъ".

О заслугахъ земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія было много писано, и здѣсь достаточно упомянуть, что до того времени, пока земство не взяло дѣло народной школы въ свои руки, собственно начальная школа въ селеніяхъ совершенно отсутствовала. Въ настоящее время многія изъ земствъ приступили даже къ осуществленію вопроса о введеніи всеобщаго обученія. О заботѣ земства въ дѣлѣ народнаго образованія можно судить по ассигнуемымъ имъ на этотъ предметъ суммамъ. Такъ, въ 1871 году земствомъ ассигновано было на школьное дѣло всего 767 тысячъ рублей; въ 81 г.—3.683 тысячъ рублей; въ 91 г.—5.334 тысячи рублей, а въ 1900 г.—16.029 тысячъ рублей, тогда какъ въ губерніяхъ неземскихъ на этотъ предметъ въ 1900 году израсходовано менѣе 2 милліоновъ рублей. Въ среднемъ, за пятилѣтіе 1871—75 гг. расходъ земствъ на народное образованіе составлялъ 10% всего ихъ бюджета, а въ 1900 г.—18,2%.

Конечно, далеко не всѣ земства въ одинаковой степени заботятся о нуждахъ населенія, что находится въ зависимости отъ отношеній лицъ, избираемыхъ въ земскіе гласные, къ населенію. Такъ, вятское земство, почти сплошь состоящее изъ представителей крестьянства, въ 1901 году ассигновало на нужды народнаго образованія 1.358 тысячъ руб., или 31% всѣхъ своихъ расходовъ, тогда какъ симбирское—всего 176 тыс. руб., или 9% своего бюджета. Очевидно, вятскіе гласные-крестьяне яснѣе сознали необходимость просвѣщенія, чѣмъ симбирскіе земцы, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которыми не вполнѣ сознаны интересы народныхъ массъ. Но и сравнительно отсталое симбирское земство все-таки кое-что дѣлаетъ,—такъ, напримѣръ, значительную долю своего бюджета (27%) оно удѣляетъ на оборудованіе медицинской части.

Интереса къ общественнымъ нуждамъ, встрѣчаемаго въ земскихъ губерніяхъ, нѣтъ и не можетъ быть въ губерніяхъ не-

земскихъ, въ которыхъ самоуправленіе замѣнено бюрократіею и все дѣло находится въ рукахъ лицъ, органически не связанныхъ съ народной массой, чуждыхъ послѣдней, совсѣмъ или мало знакомыхъ съ нуждами населенія и, наконецъ, не имѣющихъ ни времени, ни охоты съ ними познакомиться, такъ какъ не считаютъ себя своими въ мѣстности, куда судьба ихъ забросила; кромѣ того, по своему положенію, лица эти лишены всякой иниціативы и обязаны лишь исполнять распоряженія начальства, послѣднее же, какъ бы доброжелательно настроено ни было, всегда стоитъ далеко отъ населенія, нужды его знаетъ мало и, въ силу своего положенія, хорошо знать ихъ не можетъ.

Чѣмъ ближе какое-либо учрежденіе по организаціи своей стоитъ къ жизни, тѣмъ болѣе тяготѣетъ надъ нимъ контроль самого общества, тѣмъ отчетливѣе и цѣлесообразнѣе должна быть его работа. Для производства же такого качества работы необходимо тщательное изученіе мѣстныхъ условій, необходимъ точный матеріалъ, который бы могъ быть положенъ въ основаніе самой работы. Земству пришлось именно такъ поступать. Не говоря еще о болѣе или менѣе систематическомъ изученіи той или другой мѣстности, земство собрало громаднѣйшій и богатѣйшій матеріалъ въ своихъ докладахъ и отчетахъ земскимъ собраніямъ; протоколы и журналы послѣднихъ служатъ прекрасными иллюстраціями къ этому матеріалу (по вопросамъ медицины, народнаго образованія, продовольствія и т. п.). Цѣнность этого матеріала, добросовѣстность при его собираніи находятся въ прямой зависимости отъ того общественнаго контроля, которому подлежатъ органы земскаго самоуправленія, вслѣдствіе чего фиктивность данныхъ является почти невозможною, такъ какъ на земскомъ собраніи всякая неточность можетъ быть обнаружена со стороны гласныхъ, которымъ, благодаря ихъ знанію мѣстныхъ условій, каждая невѣрность въ матеріалѣ невольно бросается въ глаза. Этотъ обширный матеріалъ, заключающійся въ отчетахъ, ежегодно публикуемыхъ всѣми 34 губернскими и почти всѣми 359 уѣздными земствами, къ сожалѣнію, мало еще использованъ, хотя попытки на основаніи его изучить ту или другую сторону земскаго хозяйства предпринимались и при томъ по иниціативѣ правительственныхъ учрежденій (напримѣръ, Г. П. Сазоновымъ были разработаны вопросы о дѣятельности земства по продовольствію, хлѣбной торговлѣ и по сельскому хозяйству). Эти частичныя изслѣдованія земства, ограниченныя большею частью предѣлами одного уѣзда и исполненныя разными долж-

востными лицами (врачами, членами управы, отдѣльными гласными и т. п.), хотя и рисуютъ вѣрную картину положенія того или другого уголка земской Россіи, но, вслѣдствіе разнообразія задачъ и пріемовъ собиранія свѣдѣній, не представляютъ собою не только чего-либо цѣльнаго, но иногда и сравнимаго между собою въ предѣлахъ хотя бы одной губерніи. Необходимость имѣть матеріалъ по цѣлой губерніи, собранный по одной болѣе или менѣе выдержанной программѣ, чувствовалась земствами съ самаго начала ихъ дѣятельности, такъ какъ безъ подобныхъ свѣдѣній никакое болѣе или менѣе правильное веденіе земскаго хозяйства немыслимо: невозможно ввести правильнаго распредѣленія земскихъ налоговъ, нельзя опредѣлить, какая мѣстность нуждается въ открытіи школы, больницы, пріемнаго покоя, гдѣ провести дорогу болѣе усовершенствованнаго типа и т. п. Вопросъ о систематическомъ изслѣдованіи губерніи въ цѣляхъ правильности обложенія земскими сборами поднятъ былъ калужскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ 1865 г.—въ первый годъ его дѣятельности, но остался неосуществленнымъ. Въ слѣдующемъ году московское губернское земство единогласно рѣшило вопросъ объ изслѣдованіи въ утвердительномъ смыслѣ. Тверское губернское земство, во второй годъ своего существованія, въ 1867 году, сочло необходимымъ, чтобы земли были „вѣрно измѣрены и расцѣнены по своимъ качествамъ и мѣстонахожденію, а остальныя податныя единицы вѣрно оцѣнены". Въ слѣдующемъ году то же губернское земство, по тому же вопросу, снова коснулось вопроса объ изслѣдованіи губерніи, причемъ была высказана мысль, что однимъ членамъ самого земства съ дѣломъ не справиться и надо обратиться къ „спеціалистамъ". Вятское III-е очередное губернское земское собраніе (въ 1869 г.) поручило тоже „спеціалисту" (В. Я. Заволжскому) изслѣдовать на мѣстѣ причины упадка благосостоянія 15 волостей трехъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи. Результаты этой работы были изданы земствомъ въ г. Вяткѣ въ 1871 г. подъ названіемъ: „Изслѣдованія экономическаго быта населенія сѣверной части Вятской губерніи. Составилъ служащій губ. земской управы В. Я. Заволжскій". Привожу полное заглавіе этой небольшой книжки (въ 133 стр.), потому что работою покойнаго Заволжскаго (ум. въ 1897 г.) положено начало громадной литературѣ, извѣстной подъ названіемъ *земской статистики*, которая въ дѣлѣ изслѣдованія страны земствомъ играетъ преобладающую роль. Начало постояннаго земскаго статистическаго учрежденія—„бюро" — было положено тверскимъ губернскимъ

земствомъ въ 1871 г., открытіе котораго было ясно мотивировано тѣмъ обстоятельствомъ, что „не говоря уже объ общей необходимости для земства отчетливаго знанія экономическаго состоянія той губерніи, хозяйствомъ которой оно призвано завѣдывать, разрѣшеніе многихъ весьма важныхъ вопросовъ оказывается невозможнымъ безъ полученія точныхъ статистическихъ данныхъ о положеніи губерніи въ отношеніи къ ея естественнымъ богатствамъ и развитію въ ней земледѣлія, промышленности, торговли и т. п.“ („Сводъ мат. по исторіи тв. губ. зем.“, Тв. 1882 г., т. I, стр. 188). Вслѣдъ за Тверью земскія статистическія организаціи возникли въ Вяткѣ—въ 1874 г., въ Москвѣ и Черниговѣ—въ 1876 г., и въ другихъ губернскихъ городахъ земской Россіи.

Для производства статистическихъ работъ среди самихъ земскихъ гласныхъ, за весьма немногими исключеніями, силъ не нашлось, и въ этомъ случаѣ, какъ при организаціи земской медицины, при учрежденіи земскихъ учительскихъ школъ и т. п. начинаніяхъ, пришлось обратиться къ лицамъ, до того времени стоявшимъ въ сторонѣ отъ земства, и такъ называемые земскіе статистики вошли въ составъ лицъ, работающихъ на земскомъ поприщѣ не по выбору, а по приглашенію въ качествѣ „спеціалистовъ“, и которыхъ въ послѣднее время окрестили названіемъ „третьяго элемента“ въ земствѣ. Этотъ третій элементъ, состоящій изъ наемныхъ людей, сыгралъ въ земствѣ, да и продолжаетъ играть въ немъ немаловажную роль: подъ крыломъ земства онъ, можно сказать, создалъ земскую медицину, земскую школу, земскую статистику.

По внѣшнимъ своимъ отношеніямъ къ земству эти лица третьяго элемента похожи на обыкновенныхъ служащихъ — чиновниковъ; въ дѣйствительности же между ними и послѣдними— громадная разница. Въ чиновничьемъ мірѣ иниціатива исходитъ сверху, и чѣмъ ниже кто-либо стоитъ на бюрократической лѣстницѣ, тѣмъ менѣе требуется отъ него творчества и все дѣло сводится къ исполненію приказаній свыше. Совершенно иначе— въ земствѣ, самая организація котораго уравниваетъ работающихъ среди него лицъ, заставляетъ ихъ болѣе жизненно относиться къ каждому дѣлу; и земство, обращаясь за силами внѣ своей среды, предоставило этимъ пришельцамъ болѣе или менѣе широкую свободу дѣйствій. Оно выставило свои требованія, выработку же программы, а иногда и самыхъ основъ дѣятельности предоставило этимъ наймитамъ, оставляя за собою право строгаго выбора лицъ и контроля надъ ихъ дѣйствіями. Эта широкая

свобода дѣйствія, предоставленная поступавшимъ на службу земства, не могла не привлечь къ земскому дѣлу массы русской интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что время расцвѣта земства совпало со временемъ героической поры въ жизни нашей интеллигентной молодежи, съ такъ называемымъ „хожденіемъ въ народъ“.

Это послѣднее движеніе, выросшее на почвѣ горячаго стремленія къ правдѣ, приняло особенно широкіе размѣры съ наступленіемъ реакціи послѣ блестящаго періода, послѣ такъ называемой эпохи великихъ реформъ. Молодыя силы русской интеллигенціи увидѣли въ этой реакціи шагъ назадъ; онѣ, какъ наиболѣе чуткій ко всякимъ неровностямъ жизни элементъ, не могли ни спокойно отнестись къ реакціи, переждать періодъ ея господства, ни стать въ ея ряды; имъ предстояло — или заявить чѣмъ-либо свой протестъ, или развить свою дѣятельность въ такомъ направленіи, чтобы она могла способствовать болѣе скорому вступленію русской жизни на прежній прогрессивный путь, безъ чего, конечно, немыслимо и самое развитіе страны. Для проявленія перваго вида дѣятельности у русской интеллигенціи силъ не было,—она не могла разсчитывать на поддержку населенія, громадная масса котораго только-что вышла изъ крѣпостничества; остался другой путь—пробудить въ массѣ народа сознаніе его законныхъ правъ и интересовъ. Но, чтобы „служить“ народу въ этомъ направленіи, необходимо стать къ нему лицомъ къ лицу, необходимо слиться съ нимъ — уйти въ него. Хожденіе въ народъ особенно было распространено въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Тысячи молодыхъ силъ, желая принести посильную пользу массѣ русскаго населенія, пренебрегая не только личными выгодами, но даже и элементарными удобствами культурной жизни, пошли въ сельскіе учителя, волостные писаря, акушерки, фельдшера и фельдшерицы, наконецъ, просто въ сельскіе рабочіе. Къ сожалѣнію, подобный наплывъ интеллигенціи на деревню былъ истолкованъ далеко не правильно административными органами, которые, реакціонно настроенные, приравняли всю массу къ горсти болѣе нервныхъ личностей, которые несли въ среду народа не одно желаніе пробудить въ немъ сознаніе своихъ правъ, а и нѣсколько бо̀льшее—стремленіе возбудить его противъ односторонней чиновничьей реакціи. У насъ еще въ памяти печальные результаты неумѣлой борьбы мѣстныхъ представителей этой реакціи съ пробужденіемъ альтруизма въ передовой части русскаго общества.

Земство съ своими жизненными задачами, съ своимъ антибюрократическимъ началомъ, не могло быть оставлено безъ вни-

манія со стороны представителей зародившагося движенія русской интеллигенціи, и многіе изъ нихъ поступили на земскую службу, заняли въ ней различныя должности, смотря по образованію, способностямъ и склонностямъ. Когда земство начало открывать свои статистическія бюрò, nolens volens въ составъ ихъ должны были войти тѣ же искатели правды изъ среды молодыхъ силъ русской интеллигенціи. И это было выгодно для обѣихъ сторонъ. Земство получало интересующихся дѣломъ, способныхъ къ неустанной работѣ сотрудниковъ, а послѣдніе получали возможность стать лицомъ къ лицу съ населеніемъ, изученіе жизни котораго они считали необходимымъ, такъ какъ безъ яснаго пониманія этой жизни никакая дальнѣйшая прогрессивная работа немыслима. И, какъ показало время, ни земство, ни его новые сотрудники не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Первое получило въ свое распоряженіе длинный рядъ замѣчательныхъ работъ, уясняющихъ необходимые для него вопросы; вторые получили нравственное удовлетвореніе, состоящее въ сознаніи, что и они внесли свою лепту въ культурную работу своей родины — способствовали развитію ея самосознанія.

Конечно, далеко не повсюду дѣло шло гладко: не всѣ статистики были одинаково талантливы, не между всѣми ими связь съ земствомъ одинаково прочна; съ другой стороны, не повсюду составъ земства стоялъ на одинаковой ступени сознанія своихъ задачъ. Вслѣдствіе поименованныхъ и подобныхъ имъ причинъ, и самое изслѣдованіе страны подвигалось въ разныхъ губерніяхъ не въ одинаковой степени и не въ однородномъ направленіи.

Я не имѣю намѣренія здѣсь излагать ни систематической исторіи работъ земства по изслѣдованію страны, ни методовъ, при этомъ употребленныхъ въ той или другой губерніи. Это — предметъ особаго изслѣдованія и представляющій спеціальный интересъ. Здѣсь же постараюсь дать краткую характеристику условій, при которыхъ приходилось вести дѣло, и указать, какіе результаты изслѣдованіями достигнуты, несмотря, какъ увидимъ ниже, на то, что и самыя условія были далеко не изъ благопріятныхъ для работъ.

Земство, какъ òрганъ самоуправляющій, по своей организаціи представляетъ прямую противоположность òрганамъ общеадминистративнымъ, основаннымъ на бюрократическомъ началѣ. Это основное различіе не могло не влiять и на установленіе взаимныхъ отношеній между этими двумя òрганами. Со стороны земства невольно явилось желаніе оградить себя отъ опеки, выражавшейся во вмѣшательствѣ мѣстной администраціи во внутрен-

нюю жизнь земства, нерѣдко простиравшагося за предѣлы требованій закона, и такимъ образомъ на мѣсто дружной общей работы часто устанавливались непріязненныя или недовѣрчивыя отношенія.

Администрація въ теоріи никогда не отрицала необходимости изученія страны, и нѣтъ ни одного вѣдомства, въ которомъ бы не существовало такъ называемыхъ статистическихъ учрежденій; имѣются они и въ провинціи; но въ громадномъ своемъ большинствѣ учрежденія эти, стоящія далеко отъ дѣйствительной жизни и проникнутыя обще-бюрократическими началами и порядками, влачатъ жалкое существованіе. Въ нихъ нѣтъ мѣста для творчества, нѣтъ живого интереса къ дѣлу, а есть одно отбываніе службы. Послѣдствіемъ подобной постановки дѣла являются плохое качество полученныхъ свѣдѣній и невозможность полученія болѣе вѣрныхъ, когда таковыя потребуются въ виду какой-либо настоятельной государственной нужды. Такъ мы проспали рядъ голодовокъ въ цѣлыхъ губерніяхъ, не съумѣли какъ слѣдуетъ произвести народной переписи, проморгали обѣднѣніе большей части нашего крестьянства.

Живая, жизненная дѣятельность земства, конечно, должна была явиться и явилась какимъ-то диссонансомъ на фонѣ бюрократическаго мѣстнаго управленія. Гармоніи между двумя, основанными на противоположныхъ началахъ, системами быть не могло—одно должно было тормазить другое, это же другое сразу было обречено тратить часть своей энергіи на борьбу и притомъ на борьбу, мало что̀ имѣющую съ сутью самой дѣятельности земства, а лишь съ формами ея. Эта борьба бюрократизма съ земствомъ проявляется во всѣхъ сферахъ дѣятельности послѣдняго; коснулась она и трудовъ земства по изученію страны.

Первое время существованія земской статистики въ Твери, въ Вяткѣ, въ Москвѣ и Черниговѣ, администрація мало обращала на нее вниманія,—отчасти потому, что число статистиковъ было невелико и всѣ они состояли изъ лицъ хорошо извѣстныхъ въ губерніи. Первый толчокъ недоброжелательства къ земской статистикѣ со стороны администраціи былъ данъ самими земцами. Дѣло въ томъ, что въ средѣ земства, рядомъ съ просвѣщенными ея членами, могущими въ общественномъ дѣлѣ стать выше личныхъ побужденій, всегда были люди, въ которыхъ узко-сословные интересы берутъ верхъ надъ общественными, и эти-то узкіе интересы они не прочь отстаивать нерѣдко даже вопреки здравому смыслу. Разъ эти темныя силы берутъ верхъ, говоря словами покойнаго профессора Ю. Э. Янсона („Теорія статистики“, Спб., 1894; стр. 184 и 185), „же-

ланіе свѣта замѣняется исканіемъ потёмокъ, статистика выбрасывается за бортъ, труды многихъ лѣтъ прерываются". Мотивами къ подобнымъ некультурнымъ выходкамъ со стороны самихъ земцевъ, какъ было сказано выше, большею частью были узко-партійные и сословные интересы. Такъ, черниговское статистическое бюро было закрыто самимъ земствомъ послѣ двухлѣтняго его существованія, несмотря на то, что за этотъ короткій промежутокъ времени оно выпустило въ свѣтъ рядъ работъ, замѣчательныхъ по новизнѣ пріемовъ и по тщательности выполненія, такъ что работы эти явились прототипомъ такъ называемаго черниговскаго метода земельно-статистическаго описанія. Изъ протоколовъ черниговскаго губернскаго земскаго собранія 1877 года видно, что суть всѣхъ нападокъ на статистику заключалась собственно не въ самомъ изслѣдованіи, а была выраженіемъ партійной борьбы, причемъ одержала верхъ не партія, къ которой принадлежала губернская земская управа, главнымъ образомъ защищавшая статистику, а противоположная; составъ управы совершенно перемѣнился и съ нимъ были пріостановлены и самыя статистическія работы, пользы которыхъ ставшая у кормила партія хотя и не отрицала, но находила ихъ для земства черезчуръ дорогими и сложными.

Нѣсколько иной характеръ носили нападки на статистическія изслѣдованія въ Рязани (въ 1882—83 гг.) и въ Курскѣ (въ 1886 г.). Какъ въ Рязани, такъ и въ Курскѣ найдено было, что статистическія изслѣдованія составлены тенденціозно, что статистики, подчеркивая народную нужду, виновниками нужды выставляютъ помѣщиковъ. Многіе просвѣщенные земцы доказывали расходившимся противъ статистики гласнымъ, что нападки ихъ неправильны, что рядомъ съ указаніемъ на народную нужду въ статистическихъ сборникахъ имѣются указанія и на прогрессъ въ области сельскаго хозяйства крестьянъ, гдѣ таковой былъ замѣченъ,—что статистики, указывая на случаи, когда нужда являлась послѣдствіемъ безхозяйственности бывшихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ, даютъ указанія и совершенно противоположнаго характера, которыми объясняется, что сравнительная зажиточность крестьянъ во время изслѣдованія является послѣдствіемъ гуманнаго отношенія къ нимъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ. „...Что статистика часто и много говоритъ о бѣдности крестьянъ, объ ихъ малоземельи и проч. Развѣ это не правда, которая сознана земствомъ и самимъ правительствомъ?.. Неужели лучше бы было, если бы гг. статистики сказали, что земли у крестьянъ достаточно, что всѣ надѣлы удовлетворительны, что „все обстоитъ

благополучно" и что земству не о чемъ заботиться по улучшенію быта крестьянъ? Къ сожалѣнію, ложь у насъ, вообще, черезчуръ преобладаетъ, черезчуръ мы къ ней привыкли, и высказываніе правды, простой и несомнѣнной, уже кажется намъ признакомъ „неблагонадежности", „неблагонамѣренной тенденціозности". Обѣднѣніе крестьянъ идетъ впередъ безостановочно и быстро, и если земство у насъ имѣется, то оно должно быть представителемъ и защитникомъ не одного какого-либо сословія, а всѣхъ въ его составъ входящихъ состояній, и должно пуще всего дорожить правдою" (слова А. И. Кошелева на засѣданіи рязанскаго губ. зем. собранія 26 января 1883 г.). Ни приведенныя слова, ни тому подобныя, сказанныя въ курскомъ собраніи, не спасли статистическихъ изслѣдованій въ обѣихъ губерніяхъ отъ ярости неправильно понявшихъ ихъ гласныхъ, и работы какъ по рязанской губерніи (описанія данковскаго и раненбургскаго уѣздовъ), такъ и курской („Итоги"), по постановленіямъ собраній были изъяты изъ обращенія, при чемъ рязанскія сожжены, а курскія сложены въ подвалъ при губернской земской управѣ, т.-е. отданы на съѣденіе мышамъ и преданы тлѣнію. Походъ противъ статистическихъ изслѣдованій былъ предпринимаемъ и въ другихъ земствахъ, но не съ такимъ печальнымъ для дѣла успѣхомъ, какъ въ указанныхъ случаяхъ. Въ защиту изслѣдованій раздавалось все болѣе и болѣе голосовъ, такъ какъ „принципіальные споры о статистикѣ отжили свое время. Эти споры аналогичны тѣмъ спорамъ о пользѣ наукъ и просвѣщенія, которые велись въ прошломъ (XVIII) столѣтіи. Тогда отрицали науку, нынче отрицаютъ изученіе своей страны, безъ котораго невозможна сознательная общественная и государственная жизнь. Безъ статистическаго изслѣдованія мы бродимъ въ потемкахъ, и всякая попытка и усиліе выбиться изъ темноты безусловно необходимы" (слова Ф. И. Родичева въ тверскомъ губ. земск. собраніи 1886 г.). Голоса благоразумія, указанія на оказанную уже статистическими изслѣдованіями для земскаго и общегосударственнаго хозяйства пользу, брали обыкновенно верхъ, и темныя силы принуждены были умолкнуть. Польза статистическихъ изслѣдованій сознавалась все большимъ и бóльшимъ числомъ земствъ, и самыя изслѣдованія сдѣлались какъ бы неотъемлемою принадлежностью большинства губернскихъ земствъ, и, по свидѣтельству профессора А. Ф. Фортунатова [1]), въ половинѣ 1893 года изъ 34 земскихъ губерній съ

[1]) „Сельско-хоз. статистика Европ. Россіи"; М. 1893.

359 уѣздами въ 28 по 258 уѣздамъ предпринимались на средства земства различныя хозяйственно-статистическія изслѣдованія. Тогда уже земская статистика насчитывала около 600 отдѣльныхъ печатныхъ изданій, относящихся къ изображенію хозяйственной жизни Россіи. Кромѣ нуждъ, непосредственно касавшихся земскаго хозяйства, по требованію центральныхъ административныхъ учрежденій, земства, при непосредственномъ содѣйствіи своихъ статистическихъ бюро, тамъ, гдѣ таковыя были, или опираясь на произведенныя ими изслѣдованія, много разъ доставляли обширные матеріалы для рѣшенія весьма важныхъ законодательныхъ предпріятій экономическаго характера, каковыми, напр., было пониженіе выкупныхъ платежей бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, выработка нормальныхъ цѣнъ на землю при учрежденіи крестьянскаго поземельнаго банка и другія. Особенно огромную помощь народу оказали статистическія бюро во время голода 1891—92 годовъ. Благодаря именно земскимъ статистическимъ бюро во многихъ губерніяхъ, охваченныхъ бѣдствіемъ, удалось опредѣлить распространеніе и размѣры нужды, а слѣдовательно, и оказать, насколько было возможно, помощь голодавшему населенію. Нѣкоторыя статистическія бюро (напр., нижегородское) приняли даже активное участіе въ борьбѣ съ голодомъ и по порученію земства не только изслѣдовали размѣры бѣдствія, но и организовали покупку и доставку хлѣба въ голодающія мѣстности.

3-го іюня 1893 года изданъ былъ законъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ для обложенія земскими сборами. Законъ этотъ хотя и ограничилъ самостоятельность земскихъ учрежденій въ дѣлѣ оцѣнки недвижимостей за счетъ расширенія власти административной, но въ то же время онъ наложилъ на земство весьма сложную работу по выработкѣ „проекта основаній оцѣнки изъ фактовъ дѣйствительной жизни и затѣмъ—примѣненіе утвержденныхъ основаній къ оцѣнкѣ каждаго отдѣльнаго недвижимаго имущества“ (Докладъ Н. Г. Кулябко-Корецкаго въ подсекціи статистики на IX съѣздѣ русск. естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ 1894 г.). Такая постановка оцѣночнаго дѣла должна была оказать вліяніе на развитіе земской статистики въ смыслѣ ея распространенія. И дѣйствительно, одно за другимъ начали открываться статистическія бюро въ губерніяхъ, гдѣ до того времени о подобныхъ работахъ и не думали. Самые статистики отнеслись къ новому закону съ горячимъ интересомъ. Желаніе обсудить — какъ поставить оцѣночное дѣло, сообразно новому закону, было однимъ изъ мотивовъ ходатайства со стороны зем-

скихъ статистиковъ объ учрежденіи при съѣздѣ естествоиспытателей и врачей особой секціи статистики, и когда ходатайство это было уважено и при секціи географіи была образована особая подсекція статистики, на съѣздѣ 1894 г. въ Москвѣ обсужденію оцѣночныхъ работъ на основаніи новаго закона было посвящено больше времени, чѣмъ какому-либо другому вопросу въ области статистики. Тому же вопросу было посвящено немало труда и въ слѣдующихъ съѣздахъ, на которыхъ земскіе статистики, какъ самые многочисленные и, главное, наиболѣе интересующіеся дѣломъ, составляли значительное большинство.

Быстрое, благодаря закону 1893 г., увеличеніе состава земскихъ статистиковъ и спеціальность задачи, имъ поставленной (оцѣночное дѣло), должны были повліять и на общій характеръ самаго состава изслѣдователей; казалось, духъ, господствующій въ земской статистикѣ въ первые годы ея существованія, долженъ былъ уступить мѣсто болѣе формальному бюрократическому направленію. Къ счастію, этого не случилось: земская статистика предшествовавшаго періода выработала методы изслѣдованія, благодаря которымъ всякая задача, поступившая имъ на изученіе, обнималась широко, ставилась въ связь съ соприкасающимися къ ней явленіями жизни, вслѣдствіе чего самая работа принимала въ высшей степени жизненный интересъ. Это-то обстоятельство и не дало земской статистикѣ заглохнуть, не дало даже и измѣнить своего обычнаго направленія, несмотря на кажущуюся узкость поставленной ей задачи.

Переходя къ административнымъ стѣсненіямъ, съ которыми пришлось бороться земскимъ изслѣдованіямъ, необходимо замѣтить, что стѣсненія эти касались какъ самаго метода изслѣдованій, такъ и состава персонала, ими занимающагося. Стѣсненія перваго рода (касающіяся метода) вытекаютъ главнымъ образомъ изъ распоряженій центральной административной власти — отъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—и такимъ образомъ являются если не ограниченіемъ законодательнаго характера, то, во всякомъ случаѣ, общей административной мѣрой. Стѣсненія же второго рода, ставящіяся земству при выборѣ персонала изслѣдователей, почти всецѣло являются распоряженіями мѣстной администраціи и основаны на личныхъ взглядахъ послѣдней. Въ числѣ стѣсненій перваго рода слѣдуетъ упомянуть рядъ министерскихъ циркуляровъ, касающихся производства земскихъ изслѣдованій и, главнымъ образомъ, — составленія подворныхъ переписей, основанныхъ на сплошномъ опросѣ населенія. Циркуляръ отъ 10 декабря 1873 г., считая, что по-

добный опросъ долженъ „производиться весьма осторожно и притомъ съ такимъ знаніемъ дѣла, которое доступно только спеціальнымъ учрежденіямъ, выяснившимъ на опытѣ, какого рода свѣдѣнія могутъ быть собраны посредствомъ переписи и какіе вопросы, по ихъ неисполнимости и несвоевременности, не должны быть предлагаемы населенію, дабы не возбуждать въ немъ напрасныхъ опасеній, а иногда и превратныхъ толкованій...", признаетъ необходимымъ, чтобы „комитеты оказывали какъ земству, такъ и городскимъ управленіямъ всевозможное содѣйствіе въ предпринимаемыхъ ими статистическихъ изслѣдованіяхъ — какъ участіемъ въ разработкѣ программы, такъ и въ самыхъ статистическихъ операціяхъ, наблюдая при этомъ, чтобы въ случаѣ производства такихъ операцій, при которыхъ необходимъ опросъ всего населенія данной мѣстности, разсмотрѣнныя предварительно въ комитетѣ программы представлялись на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ". Циркуляръ 9 декабря 1887 года подтвердилъ предшествующій относительно обязательности представленія на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ программъ переписей, къ числу которыхъ принадлежатъ и подворныя изслѣдованія. Несмотря на опредѣленныя требованія циркуляровъ, административныя власти часто требовали представленія на утвержденіе министерства и другихъ программъ, напр. по оцѣночнымъ изслѣдованіямъ.

Съ изданіемъ закона 1893 года, въ силу котораго роль земства въ дѣлѣ оцѣнки была сильно стѣснена и поставлена въ подчиненное положеніе оцѣночнымъ коммиссіямъ, въ которыхъ административный элементъ является преобладающимъ, казалось, можно было ожидать, что болѣе не понадобится не только какихъ-либо обще-административныхъ распоряженій, касающихся стѣсненія земства въ дѣлѣ статистическихъ изслѣдованій, но и особаго контроля надъ послѣдними; но было не такъ: въ виду предстоявшей въ то время всеобщей переписи населенія (которая была произведена 27 января 1897 г.), земствамъ и органамъ городского самоуправленія было воспрещено производство подворныхъ и тому подобныхъ переписей; при чемъ указывалось на два мотива: 1) чтобы не безпокоить населеніе частыми переписями, и 2) чтобы само населеніе, при учащеніи переписей, не стало смотрѣть на послѣднія какъ на явленіе обычное и не столь важное. Циркуляръ этотъ, изданный, какъ можно судить изъ приведенныхъ мотивовъ, въ видахъ успѣшности предстоявшей тогда переписи, цѣли своей не достигъ и даже, быть можетъ, повредилъ дѣлу. Во-первыхъ, онъ затормазилъ оцѣноч-

ное дѣло, а во-вторыхъ, изъ многолѣтней практики земскихъ изслѣдованій видимъ, что жалобъ на безпокойство населенія при производствѣ переписей со стороны послѣдняго никогда не возникало; нѣтъ и данныхъ предполагать, чтобы населеніе, вслѣдствіе повтореній переписи, стало смотрѣть на нее какъ на дѣло „неважное". Наоборотъ, населеніе, привыкая къ переписямъ, начинаетъ относиться къ нимъ сознательно, все болѣе и болѣе способно взглянуть на нихъ съ надлежащей точки зрѣнія, не видитъ въ нихъ подвоха. И кто знаетъ, еслибы передъ первой всенародной переписью 1897 года не были запрещены земскія подворныя переписи и, наоборотъ, во многихъ мѣстностяхъ предшествовали бы ей,—быть можетъ, и самая всенародная перепись удалась бы лучше; быть можетъ, она не повлекла бы въ глухихъ мѣстахъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ, яркимъ и крайне печальнымъ примѣромъ которыхъ явилось извѣстное дѣло самозакапывателей.

Стѣсненія, касающіяся персонала земскихъ изслѣдователей, до введенія новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, не имѣли подъ собою строго законной почвы и всецѣло зависѣли отъ взгляда мѣстной администраціи на тó или другое лицо, такъ какъ „Положеніемъ" 1864 г. земству предоставлялась бóльшая самостоятельность и законъ давалъ органамъ администраціи только право надзора *за законностью* дѣйствій земства; „Положеніемъ" же 1890 года установлено за администраціей право надзора и *за правильностью* дѣйствій земства. Въ силу этого новаго „Положенія" служащіе въ земствѣ по найму, хотя и не пользуются правами государственной службы, должны быть принимаемы на службу и перемѣщаемы съ одного мѣста на другое съ согласія мѣстнаго губернатора, и послѣдній, почему-либо признавъ кандидата неблагонадежнымъ, доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія подлежащаго министра. Неполученіе отъ губернатора увѣдомленія въ теченіе двухнедѣльнаго срока считается за изъявленіе имъ согласія на опредѣленіе или перемѣщеніе кандидата. Кромѣ того, губернаторамъ, въ видахъ общественной безопасности, предоставлено право немедленно удалять отъ должностей всѣхъ признанныхъ имъ неблагонадежными лицъ. Случаи удаленія съ земской службы работающихъ по найму лицъ бывали всегда, но до изданія новаго земскаго положенія бывали сравнительно рѣдко; въ послѣдніе же годы, именно, когда, вслѣдствіе изданія закона объ оцѣнкѣ 1893 года, число служащихъ по изслѣдованіямъ особенно возросло, случаи уда-

ленія по волѣ администраціи участились; участились и случаи удаленія лицъ, признанныхъ неблагонадежными.

Если не первою, то одною изъ первыхъ причинъ возникновенія недоразумѣній земства съ администраціей была партійная борьба въ самой земской средѣ. Несмотря на высокое общественно-воспитательное значеніе партійной борьбы, рознь, ею поселяемая, не можетъ не обратить на себя вниманія администраціи; — бывали случаи, когда одна изъ борющихся сторонъ обращалась къ администраціи за содѣйствіемъ. А тутъ на службѣ земства появились люди, не входящіе въ составъ выборныхъ, часто люди пришлые въ видѣ врачей, агрономовъ, статистиковъ и т. п. Лица эти — „третій элементъ въ земствѣ", призванные для выполненія опредѣленнаго земскаго дѣла, въ силу обстоятельствъ, стали ближе къ той партіи, представители которой ихъ пригласили, а потому встрѣчены были если не враждебно, то подозрительно представителями партіи противоположной, и послѣдніе часто ставили препятствія ихъ дѣятельности, часто переносили свою враждебность и на самыя личности этихъ агентовъ земства, избранныхъ ихъ партійными противниками. Здѣсь необходимо отмѣтить еще то обстоятельство, что весь сорокалѣтній періодъ дѣятельности русскаго земства совпалъ съ періодомъ крайне неровнымъ въ общественно-политическомъ отношеніи. Первая, меньшая часть этого періода ознаменовалась сильными колебаніями теченій прогрессивныхъ и реакціонныхъ: общественныя учрежденія то поднимали голову, то прятали ее, притаившись, чтобы какъ-нибудь пережить неблагопріятное для ихъ развитія время. Вторая, бо́льшая часть періода ознаменована придавленностью общественной жизни и властнымъ господствомъ чиновничьихъ административныхъ о́ргановъ. Въ такое переходное время сильно развивается подозрительность: красный призракъ революціоннаго движенія мерещится многимъ, и на лицъ, по своимъ занятіямъ близко соприкасающимся съ деревенскимъ людомъ, каковыми являются и земскіе изслѣдователи, начинаютъ смотрѣть съ опаской, начинается враждебное отношеніе даже и къ результатамъ ихъ работъ. Не вездѣ жизнь нашего села идетъ гладко и гармонично,—наоборотъ, повсюду видимъ борьбу экономическихъ интересовъ; притомъ борьба эта, вслѣдствіе большей примитивности отношеній, носитъ болѣе грубый характеръ, чѣмъ въ центрахъ. Изслѣдователь, чуждый этой борьбы, совершенно въ ней незаинтересованный, наоборотъ ищущій уловить суть ея, конечно, не всегда является желательнымъ свидѣтелемъ, а слѣдовательно и желаннымъ лицомъ въ уѣздѣ. Самое исканіе правды

съ его стороны кажется подозрительнымъ, и многіе невольно начинаютъ смотрѣть на него не какъ на простого наблюдателя, а какъ на лицо, могущее внести свое критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности въ глушь деревни, въ среду простолюдиновъ, которые,—какъ принято у насъ, быть можетъ, не столько думать, сколько говорить,—еще не созрѣли политически и которыхъ необходимо еще опекать. Здѣсь не говорю уже о боязни, когда раскрытіе правды бываетъ непріятно для нѣкоторой части мѣстныхъ вліятельныхъ элементовъ (напр., какъ мы видѣли выше,—причины обѣдненія крестьянъ въ Рязани, или причины разстройства помѣщичьяго хозяйства въ Курскѣ). Боязнь предъ наплывомъ „третьяго элемента“ со стороны представителей мѣстныхъ силъ невольно оказываетъ воздѣйствіе и на администрацію. „Нѣтъ дыма безъ огня“, говоритъ послѣдняя, и начинаются преслѣдованія, состоящія большею частью въ неутвержденіи кандидатовъ, представленныхъ земствомъ, и въ удаленіи со службы лицъ, кажущихся подозрительными. Все это происходитъ въ сущности безъ достаточныхъ причинъ, во-первыхъ, потому, что „огонь“-то ищется не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а во-вторыхъ и оттого, что администрація не располагаетъ органомъ, которому она могла бы поручить это дѣло съ увѣренностью, что оно будетъ выполнено вполнѣ правильно. Гоненія на представителей „третьяго элемента въ земствѣ“ вообще, и на занимающихся изслѣдованіемъ народной жизни—статистиковъ—въ частности, не имѣютъ за собою разумныхъ основаній, а потому являются большею частью совершенно напрасными. Зачѣмъ преслѣдовать людей, поставившихъ задачею для своей дѣятельности изслѣдованіе экономическихъ условій народной жизни? Работа ихъ можетъ принести только пользу, и единственный вредъ, могущій произойти, это—если собранныя свѣдѣнія окажутся невѣрными; но послѣднее обстоятельство быстро обнаружится, а слѣдовательно можетъ быть своевременно и устранено. Обвиненія земскихъ статистиковъ въ томъ, что параллельно съ изслѣдованіями они ведутъ какую-то другую подпольную работу, не могутъ имѣть мѣста при условіяхъ, которыми обставлена самая работа. Земскіе статистики обыкновенно являются на изслѣдованіе съ опредѣленной, утвержденной программой, заполнить которую имъ необходимо, при томъ спѣшно, такъ какъ растягивать изслѣдованіе не дозволяютъ ни время, ни наши климатическія и сельско-хозяйственныя условія. Да и самый опросъ населенія обыкновенно производится на сходѣ, гдѣ всякое слово становится достояніемъ всѣхъ присутствующихъ, а слѣдовательно и общеизвѣстнымъ. Притомъ время дорого: во-

первыхъ — требуется произвести изслѣдованіе возможно одновременно по всей описываемой территоріи и, во-вторыхъ,—его необходимо окончить въ теченіе нашего короткаго лѣта, которое притомъ раскалывается страдною порою на части, а во время страды все сельское населеніе настолько отвлечено спѣшными работами, что изслѣдователю приходится пріостановить свое дѣло въ деревнѣ. Но, вотъ, матеріалъ на мѣстѣ собранъ, и статистику опять приходится спѣшить, но уже не въ деревняхъ, а въ городѣ, надо поскорѣе разобрать собранное, чтобы можно было въ немъ оріентироваться и приступить къ разработкѣ и къ выводамъ. При такой лихорадочно-спѣшной работѣ, времени и настроенія для какого-либо другого занятія быть не можетъ.

Обращаюсь ко второй причинѣ, почему административныя стѣсненія ни къ чему положительному не приводятъ. Мѣстная администрація не располагаетъ необходимыми силами, которымъ бы она могла поручить надзоръ надъ дѣйствіями земскихъ изслѣдователей на мѣстѣ самой работы. Органомъ этимъ обыкновенно является полиція. Кто будетъ оспаривать, что должность полицейскаго пользуется не только у насъ, а вообще гдѣ бы то ни было, уваженіемъ и почетомъ? Но при обычныхъ условіяхъ въ полицейскую службу могутъ привлекаться лица мало развитыя, безъ большого образованія, и имѣющія лишь весьма смутныя понятія объ общественныхъ отношеніяхъ. Поэтому неудобно было ставить чиновъ полиціи на постъ наблюдателя, а слѣдовательно и цѣнителя, надъ дѣятельностью лицъ вполнѣ интеллигентныхъ. Притомъ въ разбираемомъ нами случаѣ наблюдателями надъ дѣйствіями земскихъ изслѣдователей могутъ быть лишь низшіе чины полиціи— урядники, такъ какъ не только исправнику, одному на весь уѣздъ, но и становымъ черезчуръ много другого дѣла, чтобы удѣлять еще время на непосредственный надзоръ за заброшеннымъ въ глушь деревни земскимъ статистикомъ. Что могутъ сдѣлать низшіе органы администраціи? Вмѣшательство ихъ можетъ быть только вредно и не для одного дѣла изслѣдованія; ихъ неумѣлое вмѣшательство легко можетъ произвести смуту среди населенія, что, конечно, не можетъ входить въ задачу болѣе высоко стоящей мѣстной административной власти.

Чтобы земскіе изслѣдователи гдѣ-либо занимались пропагандой анти-правительственныхъ идей, насколько извѣстно, обнаружено не было; если же и бывали такіе случаи, то какъ явленія исключительныя. Такъ изъ 600 человѣкъ, работавшихъ по порученію земства въ полтавской губерніи и заподозрѣнныхъ въ анти-правительственной агитаціи въ связи съ бывшими тамъ

аграрными волненіями, послѣ долгаго, тщательнаго разслѣдованія, не оказалось ни одного виновнаго въ приписываемыхъ имъ дѣяніяхъ. Въ 1902 году, вскорѣ за проявленіями смуты между крестьянами въ различныхъ частяхъ Россіи, земскія изслѣдованія были пріостановлены въ двѣнадцати губерніяхъ, такъ какъ было сочтено опаснымъ самое скопленіе значительнаго числа изслѣдователей среди сельскаго люда (правительственное распоряженіе въ іюнѣ 1902 г.); при этомъ начальникамъ остальныхъ двадцати-двухъ земскихъ губерній предоставлено право пріостанавливать изслѣдованія по своему усмотрѣнію. Насколько губернаторы воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, у насъ свѣдѣній нѣтъ; во всякомъ случаѣ, если и пользовались, то весьма рѣдко,—вѣроятно потому, что не находили достаточныхъ къ тому поводовъ, или, быть можетъ, стали осторожнѣе относиться къ получаемымъ ими свѣдѣніямъ и не рисковали на основаніи какихъ-либо шаткихъ данныхъ нарушать мирный ходъ полезной дѣятельности земства.

Несмотря на выше указанныя невзгоды, кадры земскихъ изслѣдователей до послѣднихъ годовъ росли. Такъ на съѣздъ 1894 года въ Москвѣ [1]) собрались 89 статистиковъ, въ Кіевѣ (въ 1898 г.)—ихъ было 120, а на послѣднемъ съѣздѣ въ Петербургѣ (въ 1901 г.)—около 400; большинство статистиковъ были земскіе. Правительственное распоряженіе 1902 года, которымъ пріостановлены оцѣночныя работы во многихъ земскихъ губерніяхъ, конечно, должно было оказать вліяніе на составъ земскихъ изслѣдователей въ смыслѣ пониженія числа ихъ; но это мѣра временная, и разъ работы возобновятся, придется увеличить и личный составъ изслѣдователей-статистиковъ.

Выше было указано на тотъ элементъ, среди котораго вербуются кадры земскихъ изслѣдователей-статистиковъ. Элементъ этотъ съ ростомъ культуры, съ развитіемъ самосознанія и все ростущимъ стремленіемъ русскаго общества къ самодѣятельности, долженъ въ свою очередь развиваться и рости,—иначе наша и безъ того глухая жизнь должна окончательно заглохнуть. Конечно, часть этого живого элемента, интеллигенція, при почти полномъ отсутствіи у насъ самостоятельной общественной дѣятельности, найдетъ исходъ для своего пытливаго ума въ непосредственномъ изученіи жизни народа, для чего земская среда представляетъ наиболѣе благопріятныя условія. Говоримъ—благо-

---

[1]) При съѣздахъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, начиная съ 1894 г., существуетъ подсекція статистики.

пріятныя, условно, такъ какъ и самимъ земскимъ статистикамъ, какъ элементу большею частью пришлому въ губерніи, притомъ часто неустойчивому, далеко не всегда удается установить прочную связь съ коренными земцами. Не говоримъ уже о тѣхъ рѣзкихъ и несправедливыхъ выходкахъ, какія позволяли себѣ обюрократившіеся „земцы“ нѣкоторыхъ, къ счастью немногихъ, губерній съ земскими статистиками, и которыя повели за собою уходъ послѣднихъ съ земской службы; но и помимо этого, разъ человѣкъ считаетъ себя чужимъ въ данной средѣ, онъ начинаетъ смотрѣть на свое пребываніе какъ на временное, что мѣшаетъ ему всецѣло посвятить себя интересующему его дѣлу, и онъ, присмотрѣвшись къ жизни, удовлетворивъ до извѣстной степени свой нравственный голодъ, болѣе или менѣе уяснивъ себѣ суть народной жизни, если не успѣетъ слиться съ окружающею средою, почувствовать себя нечужимъ, то, проработавъ нѣсколько лѣтъ, онъ уходитъ изъ земства, стараясь найти себѣ другое, болѣе обезпечивающее его въ матеріальномъ отношеніи, занятіе. Но, уходя изъ земства, такой изслѣдователь оставляетъ за собою слѣдъ, такъ какъ земскому быту онъ удѣлилъ всю свѣжесть энергіи своей молодости, въ земствѣ работалъ онъ не ради какихъ-либо личныхъ выгодъ, а исключительно ради интереса къ дѣлу, удовлетворяя своей жаждѣ знаній, что не могло не положить особой печати и на самую имъ произведенную работу, которая вслѣдствіе этого становилась работою далеко не заурядною.

Фактъ, что незначительная, сравнительно, матеріальная обезпеченность заставляетъ большинство земскихъ статистиковъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы, искать другого, болѣе постояннаго и лучше обезпечивающаго ихъ занятія, подтверждается цифровыми данными, собранными года три тому назадъ однимъ изъ бывшихъ земскихъ статистиковъ, а нынѣ виднымъ публицистомъ А. В. Пѣшехоновымъ, и приведенными въ его статьѣ „Кризисъ земской статистики“ („Русское Богатство“ 1901 г., № 12).

Изъ 289 лицъ—земскихъ статистиковъ,—о которыхъ А. В. Пѣшехоновъ собралъ свѣдѣнія, получали на земской службѣ годового содержанія:

не	менѣе	2.100	руб.	12	лицъ;
отъ	1.800	до	2.100	„	18	„
„	1.200	„	1.800	„	44	„
„	900	„	1.200	„	40	„
„	600	„	900	„	73	„
менѣе	—	„	600	„	102	„

Лица последней категоріи (102) состоять почти исключительно изъ счетчиковъ и регистраторовъ; остальныя 187 лицъ—собственно статистики, но и вышеозначенныя 102 лица въ значительномъ числѣ представляютъ собою кандидатовъ въ статистики, такъ какъ счетчики и регистраторы временно работающіе г. Пѣшехоновымъ совсѣмъ не принимались во вниманіе.

Средній годовой заработокъ счетчика составляетъ 403 рубля; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ падаетъ до 240 рублей. Изъ числа собственно статистиковъ болѣе всего оплачивается трудъ завѣдывающихъ бюрô; такихъ лицъ 21,—они, въ среднемъ, получаютъ 2.260 руб. въ годъ,—отъ 1.800 до 3.000 руб. Среднее годовое содержаніе прочихъ 166 статистиковъ равно 962 руб.; изъ нихъ только 9 (помощники завѣдующихъ бюро, самостоятельные уѣздные статистики и ведущіе особыя отрасли изслѣдованій) получали по 1.800 и болѣе рублей.

Понятно,—при такомъ скромномъ вознагражденіи и при условіи всѣхъ тѣхъ невзгодъ, съ которыми сопряженъ трудъ земскихъ изслѣдованій, статистики въ большей своей части не долго уживаются на службѣ земству и принуждены бываютъ искать другихъ занятій. Разъ статистикъ не расчитываетъ получить мѣсто завѣдующаго бюро или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе самостоятельнаго изслѣдователя, до извѣстной степени могущее удовлетворить его потребностямъ, особенно если онъ обзавелся семьей, онъ принужденъ бываетъ искать что-либо болѣе обезпечивающее существованіе его и его семьи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Та же статья А. В. Пѣшехонова даетъ свѣдѣнія о продолжительносги службы статистиковъ въ земствѣ; а именно, изъ 246 лицъ работало въ земствѣ:

менѣе 2 лѣтъ	86 человѣкъ.
отъ 2 до 5 „	99 „
„ 5 „ 10 „	19 „
„ 10 „ 15 „	25 „
свыше 15 „	17 „

Приведенныя А. В. Пѣшехоновымъ данныя относятся къ 1898 году, когда со времени изданія закона о переоцѣнкѣ не прошло и пяти лѣтъ, законъ же этотъ, какъ сказано выше, сильно увеличилъ численность персонала земскихъ статистиковъ, а потому можно предположить, что значительный процентъ лицъ, прослужившихъ въ земствѣ менѣе пяти лѣтъ, падетъ въ категорію лицъ, недавно привлеченныхъ къ дѣлу. Съ другой стороны, распоряженіе 1902 года, въ силу котораго были пріостановлены оцѣночныя работы въ 12 губерніяхъ, не дало и этимъ лицамъ

засидѣться на мѣстахъ. Куда же идетъ большинство земскихъ изслѣдователей? Числовыми данными по этому вопросу мы не располагаемъ, а потому приходится отвѣтить на него лишь въ общихъ чертахъ. Но прежде чѣмъ дать отвѣтъ, укажемъ на результаты земскихъ изслѣдованій.

По подсчету проф. А. Ф. Фортунатова [1]), къ началу 1894 года, т.-е. въ то время, когда земскія статистическія изслѣдованія велись только по почину самихъ земствъ, а не въ силу внѣшняго на нихъ воздѣйствія, были уже напечатаны результаты мѣстной подворной переписи крестьянскаго хозяйства въ 25 губерніяхъ, по 171 уѣзду съ 69.619 селеніями, 3.944.898 крестьянскими дворами и съ населеніемъ въ 23.508.452 человѣка обоего пола. По 19 губерніямъ для 125 уѣздовъ имѣлись печатные результаты изслѣдованій частно-владѣльческихъ хозяйствъ. Въ 11 губерніяхъ по 77 уѣздамъ опубликованы были результаты сплошного изслѣдованія территоріи; наконецъ, въ 17 губерніяхъ по почину земствъ устроивалась текущая статистика. Сюда не вошли земскія изслѣдованія, относящіяся до народной медицины, продовольственнаго вопроса, страхованія, промысловъ, фабрикъ и заводовъ и проч., имѣющія помимо чисто земскаго и общегосударственный интересъ и давшія обширный матеріалъ по отечествовѣдѣнію.

Такъ было въ началѣ 1894 года. За послѣднее десятилѣтіе земскія изслѣдованія разрослись и обслѣдованная ими территорія сильно расширилась. По имѣющимся у насъ даннымъ, къ началу 1904 года изъ 34 губерній, пользующихся земскими учрежденіями, только въ двухъ не предпринималось описаній путемъ подворнаго опроса; 18 губерній описаны подобнымъ способомъ полностью. Изъ 359 уѣздовъ земской Россіи подворная перепись практиковалась въ 246; въ этихъ послѣднихъ сельскаго населенія по народной переписи 1897 г. насчитывалось 43.088 тысячъ, тогда какъ на территоріи остальныхъ 113 уѣздовъ, которыхъ подворное описаніе не коснулось,—всего 15.141 тысяча жителей. Кромѣ того, въ 1883 году былъ изслѣдованъ ростовскій уѣздъ екатеринославской губерніи, впослѣдствіи отошедшій къ области Войска Донского. Такимъ образомъ, земствомъ описано около трехъ четвертей населенія земской Россіи. Текущая земская статистика производилась въ 31 губерніяхъ. Въ 22 губерніяхъ въ разное время выходило и отчасти еще и вы-

---

[1]) Ст. А. Ф. Фортунатова, „Земская статистика“, въ Энц. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XII, стр. 494.

ходить 38 періодическихъ земскихъ изданій (въ томъ числѣ два уѣздныхъ); изъ нихъ было: 17—по общеземскимъ вопросамъ, 15—по медицинѣ, санитаріи и ветеринаріи, и 6—по другимъ вопросамъ, входящимъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Наконецъ, 4 губернскія и 2 уѣздныхъ земства выпустили въ свѣтъ рядъ дешевыхъ книгъ и брошюръ для общедоступнаго чтенія по вопросамъ сельскохозяйственнымъ, научнымъ, а также обще-литературнаго содержанія.

Вся земская литература въ настоящее время насчитываетъ до 34.000 томовъ и брошюръ, изъ нихъ около 28.650 изданій, касающихся земскаго самоуправленія (протоколы земскихъ собраній, отчеты, смѣты доходовъ и расходовъ, доклады и т. п.), около 4.200—статистическихъ и другихъ, непосредственно касающихся изученія какъ народной жизни съ точки зрѣнія экономической, медицинской и проч., такъ и самой территоріи въ естественно-историческомъ отношеніи; періодическихъ изданій земства насчитывается до 1.000 томовъ; наконецъ, около 150 томовъ состоятъ изъ прочихъ изданій. Губернскими земствами издано всего около 11.000 томовъ, остальные 23.000—уѣздными. Главную массу уѣздныхъ изданій составляютъ книги по земскому самоуправленію (протоколы и журналы собраній, доклады и т. п.); громадное большинство книгъ, относящихся до непосредственнаго изученія страны (3.400 изъ 4.200) изданы губернскими земствами [1]).

Дѣлая этотъ подсчетъ дѣятельности земства по изслѣдованію страны, невольно припоминаются слова профессора А. И. Чупрова, сказанныя имъ еще въ 1888 г., а именно, что „мы можемъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія и справедливой гордости сказать, что крестьянское хозяйство, эта основа всей народной экономіи нашей земледѣльческой страны, изучено въ Россіи, какъ нигдѣ. Не мало пришлось потратить усилій и средствъ для осуществленія такихъ изслѣдованій. Но если когда-нибудь дойдетъ очередь до серьезныхъ заботъ о нашемъ крестьянскомъ классѣ, до поддержки его колеблющагося хозяйства, то, несомнѣнно, помянутъ добромъ тѣхъ неутомимыхъ, нерѣдко безвѣстныхъ тружениковъ, которые на службѣ земству собрали и обработали матеріалъ для подобныхъ описаній. Имѣя въ ру-

---

[1]) Приведенный подсчетъ земскимъ изданіямъ произведенъ нами на основаніи рукописнаго каталога библіотеки Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ С.-Петербургѣ, владѣющей наиболѣе полною коллекціей этихъ изданій. Кромѣ книгъ, имѣющихся въ самой библіотекѣ, въ каталогѣ послѣдней отмѣчаются всѣ вышедшія земскія изданія, хотя бы они библіотекой получены еще не были.

кахъ подобныя изслѣдованія, и правительство, и земство, и частныя лица могутъ идти въ дѣлѣ улучшеній по торной дорогѣ: они найдутъ въ сборникахъ не только богатый запасъ матеріаловъ, но даже какъ бы готовый планъ практическихъ мѣръ“ [1]).

Слова почтеннаго профессора, если не всецѣло, то во многомъ, сбылись: земскія изслѣдованія, по своимъ методологическимъ пріемамъ и по обширности добытаго матеріала, признаны единственными во всемъ свѣтѣ, и признаны таковыми не только русскими учеными, но и за границей, и на этомъ поприщѣ наша культурно-отсталая страна не имѣетъ соперниковъ. Изъ иностранныхъ ученыхъ сошлюсь на Туна (Thun), Маттеи (Matthaei), Штида (Stieda), Бертильона (Bertillon) и другихъ.

Альфонсъ Тунъ еще о первыхъ статистическихъ трудахъ московскаго земства говорилъ, что „особенности этого бюро (земско-статистическаго), которыя выдѣляютъ его изъ числа подобныхъ учрежденій не только Россіи, но и Европы, заключаются въ томъ, что статистическія свѣдѣнія собираются путемъ опроса на самыхъ мѣстахъ. Завѣдующій экспедиціей вмѣстѣ съ своими сотрудниками, отправляясь на изслѣдованіе какого-либо уѣзда, предварительно изучаютъ данныя по этому уѣзду, собранныя административнымъ путемъ. Потомъ, переходя отъ одной деревни къ другой, на мѣстѣ уже, на деревенскихъ сходахъ, повѣряютъ имѣющійся у нихъ матеріалъ, а также собираютъ новый. Собранный такимъ путемъ статистическій матеріалъ поражаетъ детальностью свѣдѣній (erstaunlich), относящихся до экономической жизни населенія. *Изданіе „Статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи“ заключаетъ въ себѣ данныя, подобныхъ которымъ нельзя найти ни въ одномъ западно-европейскомъ трудѣ.* Другое преимущество трудовъ этого бюро состоитъ въ томъ, что таблицы составляются тѣми же лицами, которыя собирали на мѣстахъ и самыя данныя. Вслѣдствіе лично пріобрѣтеннаго изслѣдователями подробнаго знанія мѣстныхъ условій, труды ихъ имѣютъ въ высокой степени научное значеніе (von höchsten wissenschaftlichen Werth); такимъ достоинствомъ отличается, напр., трудъ Орлова объ общинномъ землевладѣніи. Исполненіе подобныхъ трудовъ возможно лишь при условіи, чтобы руководители изслѣдованія были люди высоко образованные, а сотрудники—способные. Земскіе статистики—въ большинствѣ случаевъ люди молодые и до того увлечены своимъ

---

[1]) Статья А. И. Чупрова, „Значеніе статистики для правовѣдѣнія“. „Юрид. Вѣстникъ“, 1888, кн. 4, стр. 564—565.

дѣломъ, что, несмотря на небольшое вознагражденіе, при самыхъ неудобныхъ условіяхъ для путешествія, переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню и не утомляются задавать крестьянамъ, часто встрѣчающимъ ихъ недовѣрчиво, одни и тѣ же вопросы; и такъ изо-дня въ день—въ теченіе многихъ лѣтъ—они есть истинные піонеры точной (exacten) статистики, и притомъ же они же первые доставили и обработали обстоятельныя свѣдѣнія по экономическому положенію своей родины".

Не оставили безъ вниманія земскія изслѣдованія и различныя русскія ученыя учрежденія и, признавая за ними высоко научное значеніе, не разъ премировали труды ихъ; такъ, напр., Самаринской преміи московскаго университета удостоились земскіе статистики: покойный В. И. Орловъ (за земско-статистическіе труды вообще), В. Н. Григорьевъ (за работу по переселенческому вопросу), И. А. Вернеръ (за изъятые изъ обращенія курянами „Итоги" по Курской губерніи), В. П. Воронцовъ, пишущій подъ псевдонимомъ „В. В." (за сводную работу по русской общинѣ, составленную имъ на основаніи данныхъ земской статистики и изданную подъ заглавіемъ: „Итоги земско-статистическихъ изслѣдованій", т. I). Императорское Русское Географическое Общество премировало медалями земскихъ статистиковъ: покойныхъ В. И. Орлова и Н. А. Терешкевича, А. Ф. Фортунатова (нынѣ профессора) и Н. Н. Романова; послѣдній за свою 25-ти-лѣтнюю непрерывную дѣятельность на поприщѣ земской статистики получилъ также большую золотую медаль Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и т. д. Наконецъ, В. И. Покровскій, которому среди земскихъ статистиковъ принадлежитъ честь быть піонеромъ въ организаціи земскихъ статистическихъ бюро (въ 1871 г. въ Твери), избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ. Правительственныя учрежденія постоянно пользуются услугами земскихъ изслѣдователей; такъ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ широко примѣняетъ методъ земской статистики въ своимъ изслѣдованіямъ въ Сибири и степномъ краѣ; руководителями этихъ работъ приглашены министерствомъ почти исключительно земскіе статистики (Н. М. Астыревъ, Л. С. Личковъ, Е. А. Смирновъ, Н. О. Осиповъ, Е. С. Филимоновъ, Ф. А. Щербина, Л. К. Чермакъ и др.). Кубанское областное казачье управленіе поступаетъ подобнымъ же образомъ при предпринятыхъ имъ въ настоящее время изслѣдованіяхъ своей территоріи. Другія вѣдомства не только широко пользуются трудами земскихъ статистиковъ, но и непосредственно обра-

щаются къ нимъ за помощью при обсужденіи того или другого вопроса экономическаго характера, когда кромѣ теоретической подготовки требуется и знаніе мѣстныхъ условій. Извѣстный сборникъ: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства", изданный по иниціативѣ и на средства министерства финансовъ подъ редакціей профессоровъ А. И. Чупрова и А. С. Посникова, почти цѣликомъ составленъ земскими статистиками. Не разъ приглашались земскіе изслѣдователи и на разнаго рода совѣщанія, имѣющія общегосударственный интересъ. Такъ, въ нынѣ работающее, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте, Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности на ряду съ разными спеціалистами приглашались и В. И. Покровскій (бывшій тверской земскій статистикъ), и Н. М. Кисляковъ (статистикъ псковскаго земства).

Говоря о критическомъ отношеніи различныхъ слоевъ общества къ дѣятельности земскихъ изслѣдователей, нельзя не отмѣтить факта, что наиболѣе строгими и безпощадными критиками ихъ дѣятельности были они сами въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Такъ ветеранъ земской статистики А. А. Русовъ еще въ началѣ 90-хъ годовъ писалъ [1]): „Вина въ неподготовленности русскаго общества къ борьбѣ съ такимъ страшнымъ несчастіемъ, какое переживаетъ въ настоящее время треть Россіи [2]), лежитъ до извѣстной степени и на насъ, земскихъ статистикахъ: мы не умѣли до сихъ поръ заинтересовать его нашими таблицами о землѣ, ея пахаряхъ и ея урожайности, нашимъ изложеніемъ данныхъ, которыми характеризуется русское сельское хозяйство; мы не заставили его ежедневно и ежечасно думать вмѣстѣ съ нами о той нищетѣ, среди которой мы живемъ, и постоянно быть наготовѣ къ борьбѣ съ ея причинами и послѣдствіями". Болѣе суровой критикѣ земскіе изслѣдователи не подвергались ни отъ кого извнѣ, и самая эта критика свидѣтельствуетъ о той серьезности, съ которой сами статистики относятся къ своему дѣлу, и о горячей любви къ нему.

Возвратимся теперь къ поставленному выше вопросу: куда уходятъ земскіе статистики, разъ по той или другой причинѣ имъ приходится разстаться со службой въ земствѣ?... Куда идетъ большинство, сказать нельзя, такъ какъ опыта учесть это явленіе не производилось, но что значительное число бывшихъ

---

[1]) С. Н. Велецкій, „Земская Статистика", М. 1899, т. I, стр. XXIX.

[2]) Голодъ 1891—1892 гг.

земскихъ статистиковъ поступаетъ на государственную службу—фактъ неоспоримый. Въ министерствахъ финансовъ, земледѣлія и другихъ вѣдомствахъ можно насчитать не одинъ десятокъ лицъ, притомъ занимающихъ если не высшія, то далеко и не маленькія должности, изъ бывшихъ земскихъ статистиковъ. Выходитъ какое-то противорѣчіе въ жизни, какая-то иронія судьбы: люди гонимые охотно принимаются на государственную службу, и тогда какъ на службѣ общественной, гдѣ они обнаружили свои дарованія, ихъ преслѣдовали, обращались съ ними грубо, —на службѣ государственной ихъ цѣнятъ. Можно радоваться, что склонная къ застою бюрократическая среда въ лицѣ земскихъ работниковъ хотя бы нѣсколько обновляется свѣжимъ элементомъ; но вѣдь и наоборотъ, самая эта среда не можетъ не оказать вліянія на пришлый элементъ, чему способствуютъ оторванность отъ жизни народной и господствующая въ сферахъ Петербурга идея возможности устроить жизнь страны путемъ распоряженій изъ центра. Все это грозитъ превратить прежнихъ работниковъ на общественномъ поприщѣ въ обычныхъ чиновниковъ. Правда, общеніе съ бывшими товарищами, особенно на съѣздахъ, нѣсколько замедляетъ этотъ процессъ, неизбѣжный и далеко не отрадный исходъ котораго чувствуется.

Выше мы сказали, что, благодаря закону 1893 года, хотя ряды самихъ статистиковъ и расширились, пополняясь новыми силами, воодушевленными той же жаждой изученія народной жизни, но, какъ нѣкоторые заявляютъ, внутренняя связь между ними ослабѣваетъ, чтò ведетъ къ внутреннему „кризису". Этому кризису были посвящены на послѣднемъ съѣздѣ въ Петербургѣ особые доклады двухъ видныхъ работниковъ на поприщѣ земской статистики [1]). Думается, „кризисъ" этотъ не есть еще настоящій кризисъ; правда, онъ нежелателенъ, но избѣжать его трудно, разъ земскіе статистики насчитываютъ въ своей средѣ не десятки, а сотни участниковъ. Не съ этой стороны и грозитъ опасность дѣлу земскихъ изслѣдованій. Гораздо опаснѣе кризисъ внѣшній, вызываемый недовѣрчивымъ и отчасти враждебнымъ къ земству направленіемъ руководящихъ òргановъ администраціи. Правда, въ послѣднее время все чаще и чаще бюрократія прибѣгаетъ къ помощи мѣстныхъ дѣятелей, ближе стоящихъ къ дѣйствительной жизни,—къ такъ называемымъ „свѣдущимъ людямъ". При этомъ забывается, что эти „свѣдущіе люди" призываются только для

---

[1]) „Труды подсекціи статистики на XI съѣздѣ русск. естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ 1901 г.". Спб. 1902.

дачи показаній, безъ участія въ дѣйствительномъ рѣшеніи вопроса; притомъ самый выборъ ихъ зависитъ отъ разныхъ случайныхъ соображеній, такъ что ихъ самихъ нельзя назвать представителями мѣстнаго населенія, а слѣдовательно и получаемыя чрезъ нихъ свѣдѣнія, не оформленныя въ систему, являются простымъ суррогатомъ, а не дѣйствительнымъ знаніемъ, внести которое они призываются. Только сознательная работа можетъ быть производительною...

Каковъ будетъ конечный результатъ настоящаго направленія, поведетъ ли оно къ пришибленности общественной жизни въ Россіи, — что̀, конечно, будетъ сопровождаться большими недочетами въ общественной и экономической жизни страны,—или, наконецъ, будетъ сознана опасность подобнаго положенія? Ибо безъ самодѣятельности никакое общество правильно развиваться не можетъ—и должно если не погибнуть, то влачить жалкое существованіе, не обезпечивающее его ни отъ внутреннихъ, ни отъ внѣшнихъ, часто гибельныхъ случайностей...

Гибель земства, конечно, привела бы и къ гибели той части работы его, которая касается изслѣдованія страны. Но что̀ бы ни было впереди, мы должны признать, что участіе земства въ изученіи страны настолько громадно, что оно уже и въ настоящее время является однимъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ въ русское обществовѣдѣніе. Эта признанная какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами ея заслуга земства уже принесла пользу: она способствовала если не рѣшенію, то правильной постановкѣ разнообразныхъ задачъ экономической стороны жизни нашей обширной родины.

Дм. Рихтеръ.

СѢВЕРНЫЯ НОЧИ

Ночь, полна благоуханья,
Вся въ истомѣ, влагой дышетъ;
Вѣтра соннаго дыханье
Чуть сѣдой туманъ колышетъ.

Отразили рѣки воды
Звѣзды, мѣсяцъ величавый,
Голубого неба своды,
Берега и лѣсъ кудрявый.

Подчинясь дремотѣ сладкой,
На поляхъ цвѣты уснули,
Кроясь въ зелени украдкой,
Лепестки свои свернули.

Только съ рѣчки слышенъ шопотъ
Безпокойнаго волненья,
Лишь его капризный ропотъ
Знать не хочетъ усыпленья.

Рыбка рѣзвая проснется,
Шуму этому внимая,
Выйдетъ кверху и всплеснется,
Кругъ блестящій оставляя.

Да на склонѣ ближней горки
Коростель, во ржи скрываясь,
Далеко еще до зорьки
Тянетъ пѣсню, надрываясь.

Такъ легко мнѣ и отрадно
Съ вами, сѣверныя ночи,
Что, любуясь вами жадно,
Я отвесть не въ силахъ очи.

Май 1904 г.

В. Марковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 іюля 1904.

Кончина финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова.—Проектъ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи: сельскія и земельныя общества, сельскій староста, принудительное раздѣленіе земельныхъ обществъ, права и составъ земельнаго схода, сельскія обязательныя постановленія, волостное общество и всесословная волость, способъ утвержденія должностныхъ лицъ. — Крайности ультра-консерватизма.—Законъ о работѣ въ праздничные дни.

Четыре недѣли тому назадъ, въ ночь съ 3-го на 4-е іюня, скончался въ Гельсингфорсѣ генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ отъ раны, нанесенной ему утромъ въ зданіи финляндскаго сената. Убійца, Евгеній Шауманъ, служившій въ сенатѣ, сынъ уволеннаго сенатора, тутъ же покончилъ самоубійствомъ. Вдова покойнаго генералъ-губернатора получила слѣдующую телеграмму отъ Государя Императора:

„Съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ о кончинѣ вашего мужа. Да поможетъ вамъ Господь перенести тяжкую, горестную утрату. Имя Николая Ивановича Бобрикова будетъ всегда памятно истинно-русскимъ людямъ“ („Правит. Вѣстникъ“, 7 іюня).

Нѣкоторыя изъ газетъ, не ожидая результатовъ слѣдствія, заявляли съ увѣренностью, что это убійство было политическое, подготовленное издалека; слѣдствіе, конечно, или подтвердитъ такое предположеніе, или докажетъ противное. „Дѣло объ убійствѣ генералъ-адъютанта Н. И. Бобрикова—сообщаетъ „Новое Время“ (12 іюня) —подлежало бы вѣдѣнію мѣстныхъ судебныхъ установленій, но, по Высочайшему повелѣнію, оно направляется въ особомъ порядкѣ“. По словамъ „Финляндской газеты“, „оставленіе дѣла въ рукахъ мѣстныхъ властей, не говоря о политической нежелательности этого, не могло быть допущено уже потому, что въ Финляндіи существуетъ допотопная судебная организація. Нѣтъ института судебныхъ слѣдо-

вателей, нѣтъ предварительнаго слѣдствія, задачею котораго является разслѣдованіе мельчайшихъ подробностей дѣла и обнаруженіе всѣхъ участниковъ преступленія; все дознаніе полиціи передается въ судъ, который въ публичномъ засѣданіи приступаетъ прямо къ судебному слѣдствію и допрашиваетъ свидѣтелей подъ присягою. Оцѣнка свидѣтельскихъ показаній и другихъ доказательствъ не свободна, а строго установлена закономъ, такъ какъ финляндскій судопроизводственный кодексъ знаетъ еще теорію формальныхъ доказательствъ.... Очевидно,— заключаетъ газета,—что содѣянное противъ высшаго представителя верховной власти въ краѣ злодѣяніе не могло быть изслѣдовано въ этомъ порядкѣ. Нуженъ былъ судъ русскій, снабженный всѣми способами раскрытія преступленія“.....

Чѣмъ важнѣе и обширнѣе законодательная работа, тѣмъ сильнѣе отражаются на ея содержаніи стремленія и взгляды ея составителей. Редакціонная коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ задалась мыслью сохранить и даже обострить обособленность крестьянскаго сословія. Съ главными результатами, къ которымъ привела эта исходная точка, мы ознакомили нашихъ читателей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда появился въ печати общій очеркъ трудовъ редакціонной коммиссіи. Теперь становится извѣстнымъ самый текстъ составленныхъ ею законопроектовъ, еще ярче, конечно, иллюстрирующій и цѣли, преслѣдуемыя коммиссіею, и средства, съ помощью которыхъ она предполагаетъ достигнуть этихъ цѣлей. Присмотримся поближе, на первый разъ, къ проекту положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи.

Уже Кахановская коммиссія, работавшая въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, признавала необходимымъ отдѣлить сельское общество, какъ административную единицу, отъ крестьянской поземельной общины, какъ юридическаго лица въ смыслѣ гражданскаго права. Къ аналогичному заключенію пришли, десять лѣтъ спустя, и многія изъ числа губернскихъ совѣщаній, образованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для подготовительныхъ работъ по пересмотру положеній 1861-го года. Еще раньше сенатская практика санкціонировала такъ называемые *селенные* сходы, т.-е. собранія домохозяевъ, владѣющихъ землею на основаніи одного и того же юридическаго акта. На ту же дорогу вступаетъ и проектъ редакціонной коммиссіи, различая *сельскія* и *земельныя* общества, *сельскіе* и *земельные* сходы. Узаконяется, такимъ образомъ, то, что̀ давно уже создано жизнью, давно уже доказало свое право на существованіе. Изъ правильно установленнаго общаго начала не сдѣлано, однако, надлежа-

щихъ логическихъ выводовъ. Къ вѣдѣнію сельскаго схода, какъ органа сельскаго общества, проектъ относитъ совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и школьномъ обученіи, а также составленіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ, о тушеніи пожаровъ, о постройкахъ въ селеніяхъ, о порядкѣ содержанія въ чистотѣ и благоустройствѣ площадей, улицъ, прудовъ, колодцевъ и канавъ, объ уборкѣ и уничтоженіи палыхъ животныхъ и о другихъ мѣрахъ благоустройства и безопасности на земляхъ сельскаго общества. Спрашивается, кто ближайшимъ образомъ заинтересованъ въ этихъ мѣрахъ, кто испытываетъ непосредственно на себѣ ихъ дѣйствіе, кто страдаетъ отъ ихъ неприменѣнія или неправильнаго примѣненія? Очевидно—всѣ живущіе въ селеніи, образующемъ сельское общество [1], а также всѣ владѣющіе въ его предѣлахъ домомъ или другимъ недвижимымъ имуществомъ. Скажемъ болѣе: далеко не безъ основанія можно было бы присоединить къ нимъ и сосѣднихъ жителей (или владѣльцевъ), благосостоянію которыхъ эпидемія, эпизоотія, пожаръ, вспыхнувшіе въ селеніи, угрожаютъ иногда отнюдь не меньше, чѣмъ самимъ жителямъ селенія. Что же мы видимъ въ проектѣ? По его опредѣленію, сельское общество состоитъ „изъ крестьянъ, проживающихъ въ чертѣ одного селенія и притомъ владѣющихъ землей или иной недвижимостью, находящеюся въ той волости, въ предѣлахъ которой расположено селеніе". Итакъ, не признаются членами сельскаго общества живущія въ селеніи, хотя бы цѣлые десятки лѣтъ, лица не-крестьянскаго сословія, если даже они имѣютъ въ чертѣ селенія недвижимую собственность, если даже они подчинены волостному управленію и волостному суду (мѣщане, посадскіе, ремесленники, цеховые); не признаются членами сельскаго общества и живущіе въ селеніи крестьяне, если они принадлежатъ къ категоріи безземельныхъ или владѣютъ землею въ предѣлахъ другой волости. Первое изъятіе вытекаетъ изъ принципа сословной обособленности, положеннаго коммиссіею во главу угла,—но именно оно обнаруживаетъ съ особенною наглядностью несостоятельность этого принципа. Чисто крестьянскій характеръ сельскаго общества былъ понятенъ до тѣхъ поръ, пока оно не было отграничено, de jure, отъ поземельной общины (или, по новой терминологіи, отъ земельнаго общества), пока сельскій сходъ могъ дѣйствовать какъ хозяинъ общественной земли. Допущеніе къ участію въ немъ пришлыхъ жителей селенія, хотя бы только по вопросамъ, не касаю-

---

[1]) По общему правилу, въ составъ сельскаго общества входитъ только одно селеніе, но къ нему могутъ быть присоединяемы небольшія селенія (въ которыхъ менѣе 10 дворовъ), а селенія, въ которыхъ менѣе ста дворовъ, могутъ соединяться въ одно сельское общество, съ тѣмъ, чтобы въ немъ было не болѣе 500 дворовъ.

щимся земельнаго надѣла, могло повести къ нежелательному вмѣшательству постороннихъ лицъ въ хозяйственныя дѣла общины. Ничего подобнаго нельзя будетъ ожидать, разъ что земельное общество будетъ отдѣлено отъ сельскаго. Связующимъ звеномъ послѣдняго явится тогда исключительно общность интересовъ, обусловливаемыхъ совмѣстнымъ жительствомъ—интересовъ, совершенно чуждыхъ сословнаго характера. Сельское общество, какъ совокупность лицъ, имѣющихъ осѣдлость на опредѣленной территоріи—это, въ маломъ видѣ, все равно что городъ: сельское благоустройство столь же важно для *всѣхъ* жителей селенія, какъ городское—для всѣхъ жителей города. Чистая вода, чистый воздухъ, проѣздимыя улицы, возможно бо̀льшая безопасность—одинаково необходимы для *каждаго* жителя данной мѣстности, каково бы ни было ея наименованіе. Отсюда вытекаетъ само собою съ одной стороны его право участвовать, лично или черезъ представителей, въ принятіи мѣръ, ведущихъ къ правильной постановкѣ общественнаго хозяйства, съ другой—его обязанность нести соотвѣтственную долю вызываемыхъ ими расходовъ... Не ограничиваясь различіемъ по сословіямъ, редакціонная коммиссія установляетъ еще другое, зависящее отъ мѣста владѣнія недвижимостью. Нелегко понять, почему крестьянинъ, земля котораго лежитъ въ той же волости, гдѣ и селеніе, можетъ считаться членомъ сельскаго общества въ обитаемомъ имъ селеніи, а крестьянинъ, земля котораго лежитъ въ другой волости—не можетъ. Развѣ второй меньше заинтересованъ въ благоустройствѣ селенія, чѣмъ первый? Развѣ мѣсто нахожденія земли вліяетъ на убытки, причиняемые пожаромъ дома, или падежемъ содержимаго при домѣ скота, или болѣзнью домохозяина? Пойдемъ далѣе: развѣ для участія въ сельскомъ обществѣ, какъ хозяйственно-административной (а не земельной) единицѣ, необходимо владѣніе землею? Развѣ не связанъ съ сельскимъ обществомъ тотъ, кто имѣетъ въ немъ постоянную осѣдлость, арендуетъ домъ, содержитъ торговое или промышленное заведеніе?.. Единственной основой, на которой твердо и прочно можетъ быть построено сельское общество, представляется, въ нашихъ глазахъ, принципъ *территоріальный*. Споръ можетъ идти только о томъ, что̀ слѣдуетъ признать территоріей сельскаго общества: только селеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. пространство земли (кому бы оно ни принадлежало), на которомъ раскинулись соединяемые подъ однимъ общимъ именемъ дома, или, сверхъ того, ближайшія его окрестности (напр. полуверстный во всѣ стороны районъ, считая отъ крайнихъ построекъ)? Мы склоняемся къ послѣднему мнѣнію, въ виду указанной нами заинтересованности сосѣдей во всемъ касающемся благоустройства селенія. При бо̀льшей отдаленности связь между сельскимъ обществомъ и отдѣльными населенными

пунктами (усадьбами и т. п.) остается только одна: тѣ полицейскія и административныя услуги, которыя оказываютъ и менѣе близкимъ сосѣдямъ должностныя лица сельскаго общественнаго управленія. Эта связь не настолько велика, чтобы служить основаніемъ для включенія въ составъ сельскаго общества: вполнѣ достаточно привлечь всѣхъ пользующихся такими услугами къ нѣкоторому участію въ расходахъ на содержаніе сельскаго общественнаго управленія. Размѣръ этого участія могъ бы быть опредѣляемъ—при существованіи всесословнаго волостного общества—волостнымъ сходомъ. Если, на территоріи уѣзда, образуются новыя группы жителей, слишкомъ отдаленныя отъ ближайшаго селенія, чтобы быть соединенными съ нимъ въ одно сельское общество, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно многочисленныя, то изъ нихъ слѣдовало бы организовать новыя сельскія общества, опять-таки безъ различія сословій, а также независимо отъ основаній, на которыхъ онѣ владѣютъ или пользуются обитаемою ими землею. Проектъ редакціонной коммиссіи предусматриваетъ устройство новыхъ сельскихъ обществъ изъ крестьянъ, основавшихъ особыя селенія на арендуемыхъ ими частновладѣльческихъ или казенныхъ земляхъ; но вѣдь „особыя селенія“ могутъ быть основываемы и не одними крестьянами, и не только на арендуемой землѣ, но и на пріобрѣтенной въ полную собственность. Чѣмъ меньше часть населенія, остающаяся внѣ правильно организованныхъ и самоуправляющихся мельчайшихъ административно-хозяйственныхъ единицъ, тѣмъ больше шансовъ для охраненія порядка и для развитія благоустройства.

Противъ нашего взгляда на составъ сельскаго общества могутъ быть приведены—помимо обычныхъ принципіальныхъ возраженій, исходящихъ изъ узкаго пониманія сословности,—еще два аргумента. Между земельными и сельскими обществами проектъ редакціонной коммиссіи оставляетъ одно соединительное звено: сельскій староста, избираемый сельскимъ обществомъ, является предсѣдателемъ не только сельскаго, но и земельнаго схода. Какимъ же образомъ можно поставить во главѣ земельнаго схода—этого представителя чисто-крестьянской поземельной общины,—такое лицо, которое, при всесословномъ составѣ сельскаго общества, не всегда будетъ принадлежать къ крестьянскому сословію? Мы отвѣтимъ на это, что ненормальной является вообще возможность участія въ земельномъ сходѣ, да еще съ предсѣдательскими правами, лица, не входящаго въ составъ даннаго земельнаго общества. Сельскій староста-крестьянинъ, но членъ не той поземельной общины, представителемъ которой служитъ данный земельный сходъ, является по отношенію къ послѣднему столь же чужимъ, какъ и сельскій староста не-крестьянинъ. Успѣшно и усердно руководить земельнымъ сходомъ можетъ только тотъ, кто съ

нимъ солидаренъ, чьи интересы связаны съ интересами земельнаго общества. Во главѣ земельнаго схода должно стоять, поэтому, лицо, выбранное имъ самимъ изъ собственной его среды.—Другое предусматриваемое нами возраженіе заключается въ томъ, что сельскому старостѣ предоставлена дисциплинарная власть надъ членами сельскаго общества, съ правомъ подвергать, за неисполненіе приговоровъ сельскаго общества и за неповиновеніе законнымъ распоряженіямъ самого старосты, аресту или отдачѣ въ общественныя работы на срокъ не свыше двухъ дней и денежному взысканію до одного рубля. Неужели—могутъ сказать намъ—дѣйствіе этой власти должно быть распространено на лицъ такъ называемыхъ привилегированныхъ сословій, проживающихъ на территоріи или близъ территоріи сельскаго общества? Выходъ изъ этого затрудненія очень простой: полное уничтоженіе дисциплинарной власти сельскаго старосты. Она излишня, въ виду судебной отвѣтственности, которую влечетъ за собою каждое противозаконное дѣяніе или упущеніе; она несправедлива и опасна, потому что примѣняется, за рѣдкими исключеніями, только къ наиболѣе безпомощнымъ и приниженнымъ сельскимъ обывателямъ. Проектъ редакціонной коммиссіи подчиняетъ ей не только крестьянъ, но и другихъ лицъ бывшихъ податныхъ сословій, подсудныхъ въ настоящее время волостному суду. Отсюда явная несообразность: мѣщанинъ, живущій въ деревнѣ, можетъ быть арестуемъ и штрафуемъ сельскимъ старостою за неисполненіе приговора сельскаго схода, въ постановленіи котораго онъ никакого участія не принималъ (и не могъ принимать) и о существованіи котораго, можетъ быть, даже вовсе не зналъ. Правда, на распоряженіе старосты можетъ быть принесена жалоба земскому начальнику,—но она не останавливаетъ приведенія въ исполненіе наложеннаго старостою взысканія. Хорошо, если это былъ денежный штрафъ, подлежащій возмѣщенію; но какъ вознаградить неправильно арестованнаго или отданнаго въ общественныя работы?

Совершенно основательно отдѣляя земельныя общества отъ сельскихъ, проектъ редакціонной коммиссіи не во всемъ остается вѣрнымъ характеру земельныхъ обществъ, какъ юридическихъ лицъ. Что земельное общество можетъ, по собственному своему усмотрѣнію, раздѣлиться на части, съ соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ земель и платежей—это вполнѣ согласно съ свободой распоряженія, принадлежащей юридическому лицу; понятно и то, что для такого раздѣленія требуется большинство двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право участія въ земельномъ сходѣ, такъ какъ единогласіе всѣхъ входящихъ въ составъ юридическаго лица почти недостижимо, и меньшинство по необходимости должно подчиняться рѣшенію значительнаго большинства. Что намѣреніе раздѣлиться, выраженное земельнымъ обще-

ствомъ, должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія гражданскаго права —это подтверждается и тѣмъ, что приговоръ о раздѣлѣ признается подлежащимъ повѣркѣ губернскаго присутствія лишь по отношенію къ распредѣленію между вновь образующимися обществами выкупныхъ платежей, а не по отношенію къ распредѣленію земель и угодій. Контролируется, другими словами, не самое рѣшеніе, постановленное земельнымъ обществомъ, какъ собственникомъ земли, а только вытекающая изъ него финансовая отвѣтственность новыхъ обществъ передъ государствомъ. Прямо въ разрѣзъ со взглядомъ, выразившимся въ этихъ постановленіяхъ проекта, идетъ установляемое редакціонной коммиссіею принудительное раздѣленіе земельныхъ обществъ. Земскимъ начальникамъ дозволяется входить въ губернское присутствіе съ представленіями о раздѣленіи многолюдныхъ земельныхъ обществъ на два или нѣсколько самостоятельныхъ обществъ, безъ приговора о томъ самого общества (т.-е. безъ его согласія или даже вопреки его желанію). Окончательное разрѣшеніе такихъ представленій, разсмотрѣнныхъ предварительно губернскимъ присутствіемъ, предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ, а самый раздѣлъ, въ случаѣ одобренія его министромъ, производится особою коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Достаточно гарантирующимъ права земельнаго общества такой порядокъ признать нельзя; центральная администрація неизбѣжно будетъ полагаться на мнѣніе губернскаго присутствія, а послѣднее, въ большинствѣ случаевъ, будетъ расположено смотрѣть на дѣло глазами земскаго начальника. Какъ бы тщательно, притомъ, ни была произведена повѣрка данныхъ, говорящихъ въ пользу раздѣла, самый раздѣлъ слишкомъ легко можетъ оказаться нарушеніемъ гражданскихъ правъ юридическаго лица, ничѣмъ не оправдываемымъ вмѣшательствомъ въ область чисто-хозяйственной жизни. На практикѣ принудительный раздѣлъ земельныхъ обществъ допускался до сихъ поръ не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію, т.-е. въ случаяхъ исключительныхъ и рѣдкихъ (напр. при вѣроисповѣдной или племенной розни между членами общества); при дѣйствіи правилъ, проектируемыхъ коммиссіею, онъ можетъ сдѣлаться явленіемъ обыкновеннымъ. Абсолютно отрицать возможность условій, требующихъ прекращенія общаго владѣнія или общей собственности, мы не станемъ; но они должны быть опредѣлены общимъ гражданскимъ закономъ, и наличность ихъ должна быть констатируема общимъ гражданскимъ судомъ.

Какъ сельскимъ, такъ и земельнымъ сходамъ редакціонная коммиссія предоставляетъ право устранять своихъ членовъ, на время (не свыше трехъ лѣтъ), отъ участія въ сходѣ. По отношенію къ сельскимъ сходамъ это право кажется намъ ненужнымъ и опаснымъ,

по отношенію къ сходамъ земельнымъ, сверхъ того—противорѣчащимъ ихъ характеру и назначенію. Земельный сходъ является—представителемъ земельнаго общества, а земельное общество, какъ мы уже знаемъ—юридическое лицо, владѣющее землею. Устранять одного изъ членовъ земельнаго общества отъ участія въ земельномъ сходѣ, значитъ ограничивать, безъ судебнаго разбирательства и рѣшенія, его гражданскія права, стѣснять его въ пользованіи его имуществомъ. Оправданіемъ для этого, съ уничтоженіемъ круговой поруки, не можетъ служить даже недоимочность крестьянина. Вообще, устраненіе изъ состава схода (безразлично—сельскаго или земельнаго), ничѣмъ не регулируемое, всецѣло зависящее отъ усмотрѣнія большинства—большинства часто случайнаго и незначительнаго, — кажется намъ явленіемъ до крайности ненормальнымъ, несовмѣстнымъ съ благоустроенною сельскою жизнью.

Къ участію въ земельномъ сходѣ редакціонная коммиссія, оставаясь на почвѣ дѣйствующаго законодательства, допускаетъ всѣхъ домохозяевъ, входящихъ въ составъ земельнаго общества, но для участія въ сельскомъ сходѣ установляетъ возрастный цензъ, и притомъ весьма высокій — тридцатилѣтній. За введеніе именно этого ценза высказались, въ половинѣ девятидесятыхъ годовъ, только три губернскія совѣщанія, за еще бòльшее стѣсненіе избирательнаго права—только одно; шестнадцать совѣщаній признали достаточнымъ общее гражданское совершеннолѣтіе, десять подали голосъ за двадцатипятилѣтній возрастный цензъ, установленный для участія въ земскихъ и городскихъ выборахъ. Дальше этого послѣдняго срока идти, какъ намъ кажется, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ; но въ виду сравнительпой простоты дѣлъ, подвѣдомственныхъ сельскому сходу, вполнѣ возможно было бы остановиться на двадцати одномъ годѣ. Вопросъ о правѣ женщинъ, какъ домохозяекъ или замѣстительницъ домохозяина, участвовать въ сельскомъ и земельномъ сходѣ редакціонная коммиссія оставляетъ открытымъ, находя, что онъ долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Редакція ст. 21 и 26 говоритъ, однако, противъ допущенія женщинъ; толкуемая буквально, она устраняетъ примѣненіе обычая, благопріятнаго для женщинъ. Гораздо лучше, поэтому, было бы прямо узаконить право женщинъ на участіе въ сходахъ, особенно въ сходахъ земельныхъ, имѣющихъ гражданско-правовое значеніе. Способною распоряжаться имуществомъ женщина признается у насъ какъ общими гражданскими законами, такъ и крестьянскимъ обычнымъ правомъ.

Мы видѣли уже, что редакціонная коммиссія предоставляетъ сельскому сходу составленіе обязательныхъ для членовъ сельскаго общества постановленій о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ, о

тушенія пожаровъ, о постройкахъ въ селеніяхъ, о порядкѣ содержанія въ чистотѣ и благоустройствѣ площадей. улицъ, прудовъ, колодцевъ и канавъ, объ уборкѣ и уничтоженіи палыхъ животныхъ и о другихъ мѣрахъ благоустройства и безопасности на земляхъ сельскаго общества. Безспорно, всѣ прямо названные здѣсь предметы должны входить въ сферу дѣйствія сельскихъ сходовъ; но мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы заботливость о нихъ должна была выражаться въ формѣ обязательныхъ постановленій. Обязательныя постановленія — это нѣчто въ родѣ мѣстныхъ законовъ, дополняющихъ и разъясняющихъ общее законодательство. Ихъ редакція должна быть такъ же ясна, точна и опредѣленна, какъ и редакція закона. Мы знаемъ, что достигнуть осуществленія этихъ условій не всегда удается даже земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ; какимъ же образомъ можно ожидать, что съ ними справится сельскій сходъ, въ составѣ котораго сплошь и рядомъ нѣтъ ни одного хорошо грамотнаго человѣка?... Нежелательно чрезмѣрное размноженіе обязательныхъ постановленій и по другимъ причинамъ. Они могутъ развить страсть къ регламентаціи, къ вмѣшательству въ частную дѣятельность, къ предусматриванію всего вѣроятнаго и даже невѣроятнаго; они могутъ расширить до безконечности дисциплинарную власть сельскаго старосты, облеченнаго правомъ карать за ихъ нарушеніе; они могутъ привести къ конфликтамъ съ земствомъ, обязательныя постановленія котораго вращаются приблизительно въ той же сферѣ, какая намѣчается для сельскихъ обязательныхъ постановленій. Особенно опаснымъ было бы расширеніе этой послѣдней сферы неопредѣленнымъ выраженіемъ: „другія мѣры благоустройства и безопасности“. Къ числу такихъ мѣръ могло бы быть отнесено, напримѣръ, запрещеніе варить пиво, пѣть пѣсни, водить хороводы, выходить изъ дома позже извѣстнаго часа. Замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ подобныя ограниченія личной свободы вводились бы сельскимъ сходомъ не по собственной, непринужденной инипіативѣ, а подъ прямымъ или косвеннымъ давленіемъ земскаго начальника. Мы думаемъ, поэтому, что дѣятельность сельскаго схода въ области противопожарныхъ, санитарныхъ, строительныхъ мѣропріятій должна проявляться не въ видѣ обязательныхъ постановленій, а въ видѣ приговоровъ, относящихся къ отдѣльнымъ случаямъ (вычистить прудъ, починить дорогу, пріобрѣсти пожарную трубу) и основанныхъ либо на законѣ, либо на земскомъ обязательномъ постановленіи.

Въ той части своей работы, которая касается сельскихъ и земельныхъ обществъ, редакціонная коммиссія оставалась вѣрной ея за-

главію („Проектъ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи"); единственнымъ исключеніемъ являлось правило, предоставляющее сельскому старостѣ дисциплинарную власть надъ *всѣми* лицами бывшихъ податныхъ сословій (т.-е. не надъ одними крестьянами, но и надъ мѣщанами, ремесленниками и т. п.). Нельзя сказать того же самаго о постановленіяхъ, относящихся къ волостнымъ обществамъ. Въ составъ этихъ обществъ вводятся, на одинаковыхъ основаніяхъ съ крестьянами, всѣ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, владѣющіе въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью. Они не только подчиняются волостнымъ властямъ, но становятся (лично или черезъ представителей) участниками волостного схода и могутъ занимать должности по волостному управленію, если владѣютъ въ предѣлахъ волости *поземельною* собственностью [1]). Само собою разумѣется, что они привлекаются къ отбыванію мірскихъ повинностей волостного общества. Нарушена, такимъ образомъ, сословная обособленность волости: она перестаетъ быть *крестьянскою*, и работу коммиссіи уже въ теперешнемъ ея видѣ правильнѣе было бы назвать проектомъ положенія о *сельскомъ и волостномъ* общественномъ управленіи. Съ другой стороны, изъ объяснительной записки къ проекту видно, что, по мнѣнію редакціонной коммиссіи, „практика жизни уже давно требуетъ *территоріальнаго* опредѣленія состава волостей, въ качествѣ *исчерпывающаго* дѣленія *всей* уѣздной территорріи". Коммиссія соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка (коммиссіей статсъ-секретаря Каханова), что „въ территорію волостей фактически вошло, въ отношеніи весьма многихъ дѣлъ, *сплошное* пространство земель, *принадлежащихъ лицамъ всѣхъ сословій*, а потому, на практикѣ, волостное дѣленіе обнимаетъ собою *всю территорію уѣзда*, и понятіе стоящихъ внѣ волостей пространствъ, на которыя бы не распространялась если не власть, то дѣятельность волостного начальства, постепенно ослабѣваетъ". „Тѣ интересы и дѣла",—читаемъ мы дальше въ объяснительной запискѣ редакціонной коммиссіи,—„которые ввѣряются завѣдыванію волостныхъ обществъ, представляются не узкими интересами внутренняго благоустройства отдѣльныхъ поселковъ, а *болѣе широкими интересами общественнаго*

[1]) По отношенію къ этому послѣднему вопросу въ проектѣ усматривается противорѣчіе. Въ ст. 94, опредѣляющей предметы вѣдѣнія волостного схода, идетъ рѣчь о выборѣ сходомъ должностныхъ лицъ волостного управленія изъ *крестьянъ*, участвующихъ въ сходѣ; но по ст. 120, лица, причисленныя къ волостному обществу (а къ числу этихъ лицъ принадлежатъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые), если они владѣютъ, въ предѣлахъ волости, поземельною собственностью, могутъ быть избираемы на всѣ должности волостного общественнаго управленія. Мы думаемъ, что истинная мысль коммиссіи выражена въ ст. 120, прямо относящейся къ должностнымъ лицамъ волостного управленія.

хозяйства и управленія, касающимися извѣстнаго района уѣзда. Въ этомъ смыслѣ *волостная организація имѣетъ нѣкоторыя черты земской организаціи*, а потому принадлежность къ составу волостныхъ обществъ должна опредѣляться, главнымъ образомъ, признакомъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ въ предѣлахъ волостной территоріи". Изъ всѣхъ этихъ безспорныхъ положеній вытекаетъ, повидимому, только одинъ логическій выводъ: волость, какъ обнимающая *всю* территорію даннаго района, какъ соприкасающаяся, по своимъ задачамъ, съ земскими учрежденіями, должна быть *всесословною*, т.-е. въ ея составъ должны входить, по меньшей мѣрѣ, *всѣ* владѣющіе въ ея предѣлахъ недвижимымъ имуществомъ. Этого вывода редакціонная коммиссія, однако, не дѣлаетъ; ничего не говоря о причинахъ, побуждающихъ ее отступить отъ только-что принятыхъ предпосылокъ, она ограничиваетъ составъ волостного общества лицами бывшихъ податныхъ сословій. Привилегированные владѣльцы, на каждомъ шагу пользующіеся услугами волостныхъ учрежденій, заинтересованные въ хозяйственномъ благоустройствѣ и благополучіи мѣстности, гдѣ они живутъ или владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, часто одушевленные искреннимъ желаніемъ послужить сосѣднему населенію своими знаніями, своимъ трудомъ, попрежнему остаются среди него какъ бы чужими, не пользуясь правомъ участвовать въ его дѣлахъ и не раздѣляя лежащихъ на немъ обязанностей. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, ненормальность и несправедливость такого порядка вещей обнаруживаются именно теперь, на почвѣ проекта редакціонной коммиссіи и объясняющихъ его соображеній... Чѣмъ именно должна и можетъ быть въ настоящее время всесословная волость—объ этомъ мы говорили много и часто. Пока остается въ силѣ мѣстный судебно-административный строй, созданный положеніями 12-го іюля 1889 г., всесословная волость возможна и желательна, въ нашихъ глазахъ, лишь какъ мелкая хозяйственная земская единица. Рядомъ съ нею не должно быть мѣста для сословной крестьянской волости; административныя и полицейскія обязанности, лежащія теперь на волостныхъ старшинахъ и волостныхъ правленіяхъ, должны быть переданы низшимъ органамъ правительственной власти. Вопросъ о томъ, необходимъ ли волостной (всесословный) судъ, и если необходимъ, то какъ онъ долженъ быть устроенъ и какія категоріи дѣлъ должны быть предоставлены его вѣдѣнію, будетъ разсмотрѣнъ нами въ одномъ изъ слѣдующихъ нашихъ обозрѣній. Замѣтимъ теперь только одно: одинъ изъ самыхъ обычныхъ аргументовъ противъ всесословной волости—указаніе на введеніе въ составъ низшей самоуправляющейся единицы такихъ нежелательныхъ элементовъ, какъ мелкіе промышленники и торговцы, склонные къ ростовщичеству и вообще къ эксплоатаціи крестьянъ,—теряетъ свою

силу въ виду проекта редакціонной коммиссіи, отворяющей двери волостного общества для мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ. Не допускаются, значитъ, въ волостное общество только купцы, почетные граждане, священно- и церковнослужители, чиновники и дворяне, участіе которыхъ въ волостныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ не могло бы быть опаснымъ для крестьянскаго благополучія. Если при этомъ имѣется въ виду какая-либо охрана, то ея предметомъ служатъ, конечно, не крестьянскіе интересы, а интересы—или предразсудки—привилегированныхъ сословій. При той избирательной системѣ, которую намѣчаетъ редакціонная коммиссія (каждый членъ волостного общества, не входящій въ составъ сельскихъ обществъ, имѣетъ голосъ—*одинъ* голосъ—на волостномъ сходѣ, если владѣетъ такимъ количествомъ земли, отъ котораго полагается, для сельскихъ обществъ, одинъ выборный на волостной сходъ; владѣльцы меньшаго количества земли посылаютъ отъ себя на сходъ соотвѣтственное число уполномоченныхъ), личные землевладѣльцы ни въ какомъ случаѣ не могли бы имѣть на волостномъ сходѣ больше представителей, чѣмъ сельскія общества,—а *фактическое* преобладаніе нѣсколькихъ лицъ или даже одного лица мыслимо при всякомъ административно-хозяйственномъ устройствѣ... Единственная уступка, сдѣланная редакціонною коммиссіею требованіямъ жизни, заключается въ томъ, что лицамъ, не принадлежащимъ къ волостному обществу, разрѣшено присутствовать, *съ совѣщательнымъ голосомъ*, на волостномъ сходѣ, *съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія* волостного старшины или земскаго начальника. Мотивируется это нововведеніе тѣмъ, что въ общемъ ходѣ волостной жизни должны, естественно, возникать дѣла, соприкасающіяся съ интересами лицъ, не принадлежащихъ къ волостному обществу. И здѣсь совершенно правильной предпосылкѣ не соотвѣтствуетъ заключеніе. Совѣщательный голосъ, да еще обусловленный особымъ каждый разъ разрѣшеніемъ—явно недостаточная гарантія безспорно признаннаго интереса.

Въ одномъ отношеніи проектъ редакціонной коммиссіи не удовлетворитъ нашихъ газетныхъ охранителей: вопреки ихъ давнишнимъ требованіямъ, онъ оставляетъ въ силѣ *избраніе* должностныхъ лицъ сельскаго и волостного общественнаго управленія. Правда, утвержденіе избранныхъ лицъ зависитъ, въ той или другой формѣ, отъ земскаго начальника: но, какъ ни мало удовлетворителенъ этотъ порядокъ, онъ все-таки лучше назначенія, потому что сохраняетъ за сельскими и волостными сходами хоть нѣкоторое участіе въ организаціи своего управленія. Волостной старшина, по прежнему избираемый на трех-

лѣтній срокъ, все-таки будетъ знать, что по истеченіи трехъ лѣтъ онъ можетъ не быть переизбранъ и что тогда должность можетъ остаться за нимъ лишь въ случаѣ неутвержденія земскимъ начальникомъ цѣлаго ряда другихъ лицъ, послѣдовательно избранныхъ волостнымъ сходомъ; да и уѣздному съѣзду не очень-то удобно будетъ назначить волостнымъ старшиной именно то лицо, которое уже занимало эту должность, но затѣмъ было забраковано избирателями [1]). Полезной сдержкой для волостныхъ старшинъ это будетъ служить несомнѣнно. Что касается до сельскихъ старостъ, то проектъ хотя и не требуетъ ихъ утвержденія, но фактически дѣйствительность выбора зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія земскаго начальника. „Земскому начальнику,—гласитъ проектъ,—предоставляется, по извѣщеніи его (волостнымъ старшиною) объ избраніи сельскимъ старостою лица, по имѣющимся о немъ свѣдѣніямъ не соотвѣтствующаго сему назначенію, требовать отъ сельскаго общества замѣны избраннаго другимъ лицомъ“ [2]). Отсюда ясно, что между положеніемъ сельскихъ старостъ и положеніемъ волостныхъ старшинъ, при дѣйствіи правилъ, проектированныхъ редакціонною коммиссіею, существенной разницы не будетъ.

Дисциплинарная власть земскаго начальника надъ должностными лицами крестьянскаго общественнаго управленія сохраняется проектомъ на прежнемъ основаніи, съ тою только разницею, что волостные старшины не могутъ быть подвергаемы, въ этомъ порядкѣ, аресту; зато максимальная норма денежнаго съ нихъ взысканія повышена съ пяти до двадцати пяти рублей. Конечно, освобожденіе волостныхъ старшинъ отъ ареста по единоличному, ничѣмъ не ограниченному усмотрѣнію земскаго начальника составляетъ нѣкоторую перемѣну къ лучшему; но существенно важной ее признать нельзя, потому что положеніе волостного старшины можетъ быть сдѣлано безвыходнымъ или крайне тяжкимъ и помимо лишенія свободы, путемъ часто повторяемыхъ, сравнительно крупныхъ денежныхъ взысканій.

Чѣмъ упорнѣе редакціонная коммиссія стоитъ за обособленность крестьянскаго сословія, игнорируя или отрицая ясно выразившіяся требованія жизни, тѣмъ труднѣе было ожидать, что противъ нея мо-

---

[1]) Къ назначенію волостного старшины, по представленію земскаго начальника, уѣздный съѣздъ, на основаніи проекта, приступаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда волостной сходъ, послѣ неутвержденія избраннаго имъ лица земскимъ начальникомъ, откажется отъ производства новыхъ выборовъ.

[2]) Если сельскій сходъ не подчинится этому требованію, т.-е. откажется произвести новые выборы, то сельскій староста *назначается* уѣзднымъ съѣздомъ, по представленію земскаго начальника.

жетъ быть взведено обвиненіе въ недостаточно бережномъ отношеніи къ существующимъ порядкамъ. Невѣроятное, однако, оказывается возможнымъ. Въ саратовскомъ губернскомъ совѣщаніи произошло разногласіе по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли отдѣлить сельское общество отъ земельнаго и допустить въ составъ перваго крестьянъ, не принадлежащихъ къ послѣднему, т.-е. не владѣющихъ землею на территоріи сельскаго общества. Большинство совѣщанія согласилось съ извѣстными намъ уже предположеніями коммиссіи, не идя ни на одинъ шагъ дальше; но меньшинство, къ которому принадлежалъ, между прочимъ, членъ государственнаго совѣта П. А. Кривскій (бывшій саратовскій губернскій предводитель дворянства), нашло, что нѣтъ достаточныхъ основаній „измѣнять устройство сельскаго крестьянскаго міра, созданнаго самою жизнью и пережившаго крѣпостное право“ [1]). По мнѣнію меньшинства, сельскіе сходы, въ ихъ настоящемъ видѣ, „удовлетворяютъ почти исключительно интересамъ землепользованія крестьянъ, интересы же сосѣдскіе, интересы совмѣстной жизни въ одномъ селеніи, въ деревнѣ роли не играютъ; если и существуютъ приговоры сельскихъ сходовъ по вопросамъ благоустройства въ селеніяхъ и пр., то такія постановленія исходили не отъ самихъ сходовъ, а приняты подъ вліяніемъ посторонняго воздѣйствія. Сельскіе сходы, изъ предметовъ вѣдомства которыхъ будутъ выдѣлены земельные вопросы, явятся лишь искусственнымъ созданіемъ; кромѣ того, существованіе двухъ рядомъ стоящихъ самостоятельныхъ обществъ съ правомъ обложенія можетъ вызвать лишь рознь между земельнымъ и сельскимъ сходами, такъ какъ постановленія одного схода будутъ обязательны для другого, а подчиненіе одного схода другому поведетъ къ цѣлому ряду недоразумѣній“. Итакъ, интересовъ „совмѣстной, сосѣдской жизни“ въ деревнѣ вовсе нѣтъ? Жителямъ деревни все равно, горятъ ли ихъ дома отъ непринятія противопожарныхъ мѣръ, падаетъ ли ихъ скотъ отъ безпрепятственно распространяющейся эпизоотіи? Нѣтъ деревни, которая желала бы имѣть у себя школу и готова была бы дать средства—или часть средствъ—на ея устройство и содержаніе?.. Дѣйствительность представляетъ на каждомъ шагу опроверженія этого страннаго взгляда, низводящаго крестьянъ на степень какой-то инертной, тупой массы, безъ вновь развивающихся потребностей, безъ желанія улучшить условія сельскаго быта. Какимъ образомъ, дальше, можно говорить о подчиненіи одного схода другому, когда предметы вѣдомства ихъ и задачи совершенно различны? Какимъ образомъ, напримѣръ, постановленіе земельнаго схода о го-

---

[1]) Мы цитируемъ изложеніе „Саратовскаго Дневника“, перепечатанное въ № 10150 „Новаго Времени“.

родьбѣ общинной земли или о наймѣ пастуха можетъ столкнуться съ постановленіемъ сельскаго схода объ уборкѣ палаго скота или о покупкѣ пожарной трубы?... Забываетъ, наконецъ, меньшинство саратовскаго совѣщанія и о томъ, что порядокъ, кажущійся ему столь вреднымъ, давно уже существуетъ на практикѣ: съ сельскими сходами прекрасно уживаются селенные, безъ всякаго подчиненія однихъ другимъ.

По вопросу о волостномъ устройствѣ въ саратовскомъ губернскомъ совѣщаніи образовалось три мнѣнія: большинство согласилось всецѣло съ редакціонной коммиссіею, довольно значительное меньшинство подало голосъ за всесословную волость, а два члена (гг. Гардеръ и Ознобишинъ) высказались за безусловное сохраненіе status quo, т.-е. противъ введенія въ составъ волостного общества лицъ бывшихъ податныхъ сословій. По убѣжденію двухъ членовъ, этотъ „незначительный, повидимому, шагъ по наклонной плоскости неминуемо поведетъ въ будущемъ къ роковой для государства безсословной волости, къ слiянiю и уничтоженiю сословiй". Исходя изъ мысли, что Россiя „покоится на твердыхъ устояхъ сословности—дворянствѣ и крестьянствѣ,—и что наималѣйшая попытка разстроить эти устои поведетъ къ роковымъ послѣдствiямъ", гг. Гардеръ и Ознобишинъ не могутъ согласиться съ тѣмъ, чтобы „здоровому крестьянскому организму былъ привитъ, хотя бы и въ незначительномъ количествѣ, ядъ, который со временемъ неминуемо убьетъ его". Возражать на эти „странныя слова" мы, конечно, не будемъ: они приведены нами лишь какъ образецъ тѣхъ крайностей, до которыхъ доходитъ непримиримый ультраконсерватизмъ. Представители его, въ своемъ увлеченiи, не замѣчаютъ даже того, что подъ понятiе о смертоносномъ *ядѣ*, усматриваемомъ ими во всесословной волости, подходитъ, между прочимъ, помѣстное дворянство, ими же признаваемое однимъ изъ „устоевъ" русскаго государства. Не останавливаются они и на вопросѣ о томъ, почему совмѣстная дѣятельность сословiй, въ теченiе сорока лѣтъ не отравившая земства, „неминуемо" и сразу должна отравить волость?..

Такихъ сравнительно подробныхъ свѣдѣнiй, какiя мы имѣемъ о саратовскомъ губернскомъ совѣщанiи, въ печать проникло до сихъ поръ очень мало; въ газетахъ появлялись, большею частью, только короткiя извѣстiя о нѣкоторыхъ заключенiяхъ, принятыхъ нѣкоторыми совѣщанiями. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что засѣданiя совѣщанiй непубличны, а оглашенiе ихъ сужденiй зависитъ отъ усмотрѣнiя губернаторовъ. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: несмотря на составъ совѣщанiй, мало способствующiй самостоятельности и разнообразiю высказываемыхъ ими мнѣнiй, предположенiя редакцiонной коммиссiи нерѣдко встрѣчали отпоръ не только со стороны

меньшинства, но даже со стороны большинства членовъ совѣщаній. Такъ напримѣръ, большинство нижегородскаго совѣщанія признало ненужнымъ существованіе особаго крестьянскаго сословнаго суда; минское совѣщаніе нашло возможнымъ предоставить сельскимъ обывателямъ право избирать въ члены волостного суда лицъ всѣхъ сословій; тамбовское и полтавское совѣщанія высказались за сокращеніе компетенціи волостного суда (которую редакціонная коммиссія полагаетъ, наоборотъ, значительно расширить). Мы знаемъ даже такое совѣщаніе, большинство котораго разошлось съ редакціонной коммиссіей по *всѣмъ* существеннымъ вопросамъ крестьянскаго суда и управленія.

Въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ поднятъ вопросъ, не страдаетъ ли наше сельское хозяйство отъ чрезмѣрно большого числа праздничныхъ дней. Разрѣшивъ этотъ вопросъ утвердительно, Особое Совѣщаніе внесло его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ котораго постановлено исключить изъ свода законовъ указаніе на непроизводство въ воскресные и праздничные дни публичныхъ работъ и предоставить усмотрѣнію каждаго добровольное занятіе работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни, церковные и гражданскіе. Пойти дальше и установить какія-нибудь принудительныя мѣры, направленныя къ сокращенію праздничныхъ дней, Государственный Совѣтъ не призналъ возможнымъ, совершенно правильно находя, что выражающееся въ избыткѣ празднуемыхъ дней и въ способѣ празднованія, часто переходящаго въ разгулъ, неправильное пониманіе значенія праздниковъ можетъ отойти въ область минувшаго лишь съ постепеннымъ расширеніемъ умственнаго кругозора народа. На обязанности правительства, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, лежитъ только „всемѣрное содѣйствіе распространенію въ средѣ сельскаго населенія разумныхъ взглядовъ на сущность празднованія“. Такому воздѣйствію долженъ положить начало новый законъ, устраняющій всякую точку опоры для практиковавшагося до сихъ поръ ближайшими къ народу властями воспрещенія работы въ праздничные дни. Сочувствія заслуживаетъ одинаково какъ содержаніе закона, такъ и обнародованіе его вмѣстѣ съ мотивами, на которыхъ онъ основанъ. Пожелаемъ, чтобы этотъ способъ обнародованія былъ возведенъ на степень общаго правила. Зная мотивы закона, гораздо легче уяснить себѣ его значеніе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1904.

Событія на Дальнемъ Востокѣ.—Замѣчанія М. И. Драгомирова о дѣйствіяхъ японской арміи.—Особенности настоящей войны и сужденія иностранной печати.—Неудачные проекты будущаго русско-японскаго мира.—Балканскія дѣла.

Оффиціальныя извѣстія съ театра войны за послѣдній мѣсяцъ сообщають, съ одной стороны, о крупныхъ передвиженіяхъ японскихъ армій и частыхъ встрѣчахъ ихъ съ отдѣльными русскими отрядами, а съ другой—объ удачныхъ дѣйствіяхъ владивостокской крейсерской эскадры, успѣвшей произвести страшный переполохъ въ Японіи своимъ неожиданнымъ появленіемъ въ Корейскомъ проливѣ и затѣмъ у Гензана.

Значительная часть японскихъ войскъ, предназначенныхъ для осады и штурма Портъ-Артура, была отвлечена на сѣверъ смѣлымъ движеніемъ русскаго корпуса, направлявшагося къ югу, къ занятой японцами Квантунской области. Этотъ корпусъ, подъ начальствомъ барона Штакельберга, выдержалъ упорный двухдневный бой съ японскою арміею близъ станціи Вафангоу. Сраженіе—какъ видно изъ телеграммъ генералъ-лейтенанта барона Штакельберга и генералъ-адъютанта Куропаткина—началось на позиціи въ шести верстахъ южнѣе названной станціи: 1-го іюня „непріятель дѣлалъ усиленныя попытки сбить нашъ лѣвый флангъ. Аттаки непріятеля отбиты; мы удержали свою позицію". Въ дѣлѣ участвовало со стороны японцевъ не менѣе двухъ дивизій. „Ночь на 2-ое іюня прошла спокойно. Около двухъ часовъ по полуночи въ сторожевой цѣпи на нашемъ правомъ флангѣ завязалась перестрѣлка, скоро стихшая. Съ половины шестого часа утра на нашемъ лѣвомъ флангѣ началась канонада. Въ 6½ часовъ утра генералъ баронъ Штакельбергъ перешелъ съ частью силъ въ наступленіе въ обходъ праваго фланга противника и частью силъ на фронтъ противника. Около 10 часовъ утра противъ нашего праваго фланга противникъ развернулъ до бригады пѣхоты съ батареей и конницей и, оттѣснивъ нашъ конный отрядъ, направился черезъ Лункоо въ обходъ праваго фланга нашей позиціи. Для противодѣйствія этому въ 10½ часовъ генералъ баронъ Штакельбергъ выдвинулъ свой резервъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ, противникъ подвелъ къ утру 2-го іюня значительныя подкрѣпленія, и общая сила японцевъ измѣряется свыше трехъ дивизій". Затѣмъ, въ ночь на 3-е іюня баронъ Штакельбергъ телеграфировалъ: „2 іюня предполагалъ атаковать правый флангъ про-

тивника, но въ то время, когда назначенныя для сего части съ успѣхомъ начали тѣснить правый флангъ противника, японцы съ своей стороны атаковали мой правый флангъ превосходными силами. Я вынужденъ былъ выдвинуть весь мой резервъ, но онъ оказался недостаточнымъ; я вынужденъ былъ отступить по тремъ дорогамъ въ сѣверномъ направленіи. Потери большія, но еще не приведенныя въ извѣстность. Въ теченіе боя 3-я и 4-я батареи 1-й артиллерійской бригады были буквально засыпаны снарядами японцевъ; изъ 16 орудій 13 были приведены въ полную негодность и брошены. Поведеніе войскъ было отличное; многія части отступали лишь послѣ неоднократно повторенныхъ приказаній".

Между тѣмъ первая японская армія, предводимая генераломъ Куроки, двинулась къ западу, на соединеніе съ войсками генерала Оку, дѣйствовавшими противъ корпуса барона Штакельберга, и обѣ арміи стали соединенными силами тѣснить наши передовыя части, занимавшія важные стратегическіе пункты на пути къ Хайчену и Лаояну. „Съ ранняго утра 14 іюня японцы повели наступленіе на фронтъ нашей позиціи на Далинскомъ перевалѣ и въ обходъ ея праваго фланга силами не менѣе дивизіи пѣхоты съ тремя полевыми батареями. По выясненіи силъ противника и обнаруженіи обхода японцами нашего праваго фланга, нашъ отрядъ медленно отошелъ съ Далинскаго перевала. Противникъ пріостановилъ свое наступленіе. Наши потери еще не выяснены, но около 200 человѣкъ. Въ теченіе 13 іюня противникъ продолжалъ также наступленіе на Феньшуйлинскій и Модулинскій перевалы съ фронта и съ обхода фланговъ нашихъ позицій. Противъ Модулинскаго перевала было сосредоточено не менѣе 8 батальоновъ при 10 орудіяхъ. Къ 4 часамъ пополудни на главной лаоянской дорогѣ противникъ занялъ перевалъ Коудялинъ. Съ 12 іюня японцы предприняли также наступленіе на своемъ правомъ флангѣ и 13 іюня утромъ заняли Саймадзы".

Такимъ образомъ, японскія войска постарались завладѣть наиболѣе удобными для нихъ позиціями передъ наступленіемъ періода непрерывныхъ лѣтнихъ дождей, когда обѣ стороны будутъ по неволѣ обречены на продолжительное бездѣйствіе. Этотъ вынужденный перерывъ представляетъ для насъ главнѣйшій шансъ успѣха, такъ какъ къ осени численный перевѣсъ военныхъ силъ въ Манчжуріи долженъ наконецъ оказаться на нашей сторонѣ.

О военныхъ планахъ и способахъ дѣйствій японцевъ въ настоящей войнѣ высказалъ недавно очень интересныя замѣчанія генералъ М. И. Драгомировъ, въ обстоятельной статьѣ, напечатанной въ „Развѣдчикѣ". Соображенія и выводы нашего маститаго ветерана—одного изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ военнаго дѣла и въ то же время талантли-

ваго и остроумнаго писателя—заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ здѣсь in extenso:

„Первый періодъ кампаніи японцами законченъ, и о немъ можно теперь говорить откровенно, не рискуя навлечь упрекъ въ подсказываніи, наведеніи на мысли и т. п.

„Нужно замѣтить, что кампанія эта въ высшей степени оригинальна и по относительному положенію силъ, и по театру войны. Съ одной стороны, армія сухопутная съ безконечной коммуникаціонной линіей—это мы; съ другой—армія съ короткой коммуникаціонной линіей, но прерываемой моремъ—это японцы. Море, конечно, облегчаетъ всѣ снабженія, но, какъ уже сказано раньше, оно ставитъ армію въ необходимость держаться берега, дабы оставаться въ связи съ флотомъ, возможно болѣе близкой, а еще лучше непосредственной.

„Театръ войны можно назвать учебнымъ: до такой степени онъ представляетъ на маломъ пространствѣ массу случаевъ для разнородныхъ военныхъ операцій, морскихъ и сухопутныхъ. На пространствѣ всего двухсотъ двадцати верстъ (отъ устья р. Ялу до Инкоу), съ востока на западъ, и двухсотъ восьмидесяти съ сѣвера на югъ (отъ Ляояна до Артура), и въ сопредѣльномъ морѣ, уже разыгрались морскія стычки, бомбардировки и дѣйствія минами и, въ непродолжительномъ будущемъ, разыграются, вѣроятно, сложныя сухопутныя дѣйствія, до осады приморской крѣпости включительно.

„Оставляя въ сторонѣ первый шагъ японцевъ въ эту войну,—по мнѣнію многихъ съ этической стороны не совсѣмъ чистоплотный,—остановлюсь на обзорѣ ихъ операцій съ военно-технической точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи нельзя отказать имъ въ томъ, что они знаютъ военное дѣло и умѣютъ его дѣлать.

„Прежде всего они не разбрасываются и всегда опредѣленно знаютъ, чего хотятъ: задавшись цѣлью, они умѣютъ на ней сосредоточиться и не упускаютъ изъ виду, подъ вліяніемъ разныхъ фантазій и побужденій, навѣваемыхъ мимолетными впечатлѣніями обстановки и внушеніями проходимцевъ и аферистовъ, которыми кишатъ всѣ высшіе штабы, многочисленные въ особенности.

„Раньше было замѣчено, что въ качествѣ десанта японцы неизбѣжно должны будутъ держаться берега, и именно берега Корейскаго залива; иного пути имъ не было. Такъ оно и вышло. Но путь одно, а цѣль другое.

„Какою же они могли задаваться цѣлью на сказанномъ пути?—Только одною—вытѣснить насъ изъ Ляодунскаго полуострова. Но эта цѣль представляетъ весьма сложный комплексъ частныхъ цѣлей, опредѣляемыхъ родомъ, количествомъ и распредѣленіемъ вооруженныхъ силъ, нашихъ и японскихъ. Съ нашей стороны—флотъ и крѣпость у Артура на югѣ, сухопутная армія на сѣверѣ; съ японской—сухопутная армія, пока отдѣленная отъ насъ моремъ, и флотъ.

„Представляется вопросъ, въ какой послѣдовательности японцамъ вести кампанію? Прежде всего: 1) нужно ослабить нашъ флотъ, такъ какъ пока онъ могъ бороться съ японцами въ открытомъ морѣ, они о высадкѣ и помышлять не могли. И вотъ, вслѣдъ за неожиданнымъ нападеніемъ 27-го января, начинается рядъ бомбардировокъ Артура и упорныхъ попытокъ загородить выходъ изъ него брандерами и ми-

нами. Съ гибелью „Петропавловска", а еще болѣе съ гибелью нашего незабвеннаго, славнаго, честнаго Степана Осиповича (Макарова), японцы рѣшаются, наконецъ, приступить къ высадкѣ, попытавшись еще разъ загородить выходъ изъ Артура брандерами.

„Тутъ уже можно было начать высадки, которыя могли имѣть двоякій предметъ дѣйствій: Артуръ и нашу армію въ Ляоянѣ. Но Артуромъ японцы не могли заняться, не обезпечивъ себя со стороны Ляояна,—слѣдовательно, первымъ дѣломъ: необходимо: 2) высадиться въ Кореѣ и выдвинуть заслонъ противъ Ляояна, и затѣмъ 3) высадиться поближе къ Артуру и приступить къ его осадѣ.

„Всѣмъ извѣстно, что первая высадка сдѣлана въ Пеньянѣ 3-го апрѣля. Генералъ Куроки, не взирая на обозначенную нами возможность нападенія въ самомъ Пеньянѣ (поискъ ген. Мищенка), по окончаніи высадки предпринялъ наступленіе къ Ляояну. Его не остановила также необходимость форсировать переправу черезъ Ялу и возможность быть аттакованнымъ по совершеніи переправы, у Фыньхуаньчена. Здѣсь онъ остановился, началъ укрѣплять позиціи и устроивать свою базу, конечно, у Ичжю. Позиція у Фыньхуаньчена, фронтально обращенная къ Ляояну, вмѣстѣ съ тѣмъ является фланговой относительно нашего операціоннаго пути Ляоянъ—Артуръ.

„Дальше ген. Куроки и не пойдетъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ проскользнула мысль о томъ, будто въ наступленіи Куроки на Ляоянъ произошла „заминка". Кто ожидаетъ этого наступленія, тотъ, мнѣ кажется, будетъ ожидать его долго. Еще 7-го мая я подержалъ пари съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ, что Куроки дальше съ значительными силами не пойдетъ, и я думаю, что его выиграю: онъ не можетъ этого сдѣлать, еслибы даже хотѣлъ; но онъ и не хочетъ.

„Не можетъ потому, что это значило бы отдаляться отъ моря, а у него недостаточно перевозочныхъ средствъ, какъ уже не разъ объ этомъ упоминалось; а отъ Ичжю до Ляояна больше 160 верстъ,—на такое разстояніе, при недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, отдаляться отъ базы нельзя.

„Но какъ уже сказано, онъ такого наступленія и не хочетъ дѣлать, такъ какъ на позиціи у Фыньхуаньчена прикрываетъ осаду Артура вполнѣ удовлетворительно, слѣдовательно своей цѣли достигъ. Если намъ придется идти на выручку сего послѣдняго, то этого нельзя будетъ сдѣлать, не выбивъ Куроки изъ Фыньхуаньчена или не выставивъ противъ него сильнаго заслона. И теперь уже совершенно ясно, что Куроки только показываетъ видъ, будто хочетъ наступать; но ничего сколько-нибудь серьезнаго къ Ляояну не посылаетъ. Онъ, такъ сказать, „обозначаетъ шагъ на мѣстѣ".

„Небольшое замѣчаніе относительно переправы черезъ рѣку Ялу, представляющую тоже оригинальную особенность. Нужно сказать, что при пассивной оборонѣ рѣки, то-есть при расположеніи за нею только на одномъ берегу, обыкновенно нѣтъ никакой возможности судить о томъ, что̀ на противоположномъ берегу дѣлаетъ непріятель. Единственное для этого средство — свѣдѣнія, доставляемыя шпіонами, но они часто невѣрны, да и достаточными никогда быть не могутъ; силы мало-мальски значительныя занимаютъ своимъ расположеніемъ цѣлые десятки верстъ. Понимается, что при этомъ для вѣрныхъ свѣдѣній

понадобилось бы такое количество ловкихъ и хорошо знающихъ военное дѣло шпіоновъ, какимъ никто располагать не въ состояніи, даже японцы.

„Но на Ялу было совсѣмъ не такъ: пунктъ переправы опредѣлялся, можно сказать, съ геометрической точностью для всякаго съ перваго взгляда.

„Такъ какъ японцы отъ берега отдаляться не могли, такъ какъ имъ весьма дорого было содѣйствіе флота при форсированіи переправы, то ясно, что иначе, какъ въ той точкѣ, до которой могли доходить канонерки въ Ялу, японцы не могли переправляться.

„Правда, что, по газетнымъ свѣдѣніямъ, они, кромѣ того, сдѣлали демонстрацію переправы верстахъ въ восьмидесяти выше по Ялу, у Чайдена; но этой демонстраціей едва ли кого ввели въ заблужденіе, что видно и по силѣ нашего отряда—противъ Ичжю; еслибы онъ былъ и значительно сильнѣе, этого никто не нашелъ бы страннымъ.

„Итакъ, истекшій періодъ кампаніи со стороны японцевъ расчленяется на слѣдующія операціи:

„1) Ослабленіе нашего флота; 2) высадка въ Кореѣ и наступленіе въ Манчжурію для занятія позиціи фронтальной къ Ляояну и фланговой къ пути Ляоянъ—Артуръ; 3) высадка, подъ прикрытіемъ этого заслона, осадной арміи въ Бицзыво, и 4) приступъ къ осадѣ.

„Но это, какъ и всякій планъ,—умовая сторона дѣла; волевая же его сторона заключается вся въ исполненіи и принадлежитъ генералу Куроки. Исполняя совѣтъ Наполеона: при всякомъ положеніи или предпріятіи прежде всего рѣшать задачу за непріятеля, онъ могъ ожидать на своемъ пути и нападенія на Пѣньянъ, и активной обороны Ялу, и аттаки послѣ переправы черезъ эту рѣку. Человѣка, который, по выраженію Наполеона, „дѣлаетъ себѣ картины“, то-есть подчиняется воображенію, это могло бы если не остановить, то, по крайней мѣрѣ, побудить—наступать осторожнѣе; но Куроки это не остановило; очевидно, онъ изъ тѣхъ людей, которые знаютъ, что на встрѣчу неизвѣстному будущему можно идти или не идти, но, рѣшаясь идти, должно это дѣлать, отбрасывая всякую мысль о послѣдствіяхъ.

„Правда, могутъ сослаться на прекрасную организацію японскаго шпіонства и на освѣдомленность Куроки о нашихъ силахъ: но какъ бы послѣдняя ни была велика, она никогда не доходитъ до полной достовѣрности. Могутъ подойти свѣжія силы, можетъ измѣниться ихъ расположеніе, наконецъ, характеръ главнаго распорядителя въ началѣ кампаніи неизвѣстенъ. Изо всего этого понятно, въ какомъ мракѣ витаетъ распорядитель до столкновенія и до какой степени приходится бороться съ самимъ собою, чтобы на него рѣшиться. Для этого нужно твердо помнить и знать, что впередъ никто не скажетъ, онъ ли побьетъ, или его побьютъ, что съ непріятеля впередъ нельзя взять росписки, что онъ дастъ себя побить, и потому нужно дерзать и идти на „панъ или пропалъ“, лишь бы игра стоила свѣчъ.

„Нѣкоторые иногда оправдываютъ свою нерѣшительность—опасеніемъ большихъ потерь; но, во-первыхъ,—размѣры ихъ впередъ никогда знать нельзя; во-вторыхъ, цѣль всякой войны достигается не взирая на потери, а не заключается въ томъ, чтобы онѣ были возможно меньше; въ-третьихъ, не безъизвѣстно и то, что потеря вре-

мени иногда ведетъ къ такимъ жертвамъ, какихъ не вызвала бы самая рѣшительная операція".

Нельзя не замѣтить, что военнымъ успѣхамъ японцевъ въ Манчжуріи сильно способствуетъ повсемѣстная готовность туземнаго населенія сообщать нашему противнику всякія нужныя свѣдѣнія и даже исполнять опасныя функціи активныхъ лазутчиковъ; оттого каждый шагъ русскихъ войскъ и каждый выходъ нашей эскадры изъ Портъ-Артура становятся тотчасъ извѣстными непріятелю во всей подробности, причемъ исчезаетъ возможность осуществлять какіе-либо секретные планы или поражать японцевъ неожиданностью. Въ совершенно другомъ положеніи находится Владивостокъ, гдѣ нѣтъ китайцевъ или ихъ слишкомъ мало; тамъ наши крейсера и миноносцы свободны отъ всеобщаго неуловимаго шпіонства, и имъ блистательно удаются предпріятія, которыя были бы немыслимы для портъ-артурской эскадры,—хотя густой туманъ и ночная тьма бываютъ одинаково и въ окрестностяхъ Портъ-Артура, какъ и около Владивостока. О выходѣ владивостокскихъ судовъ въ открытое море японцы узнаютъ только послѣ того какъ потоплены какіе-нибудь транспортные пароходы близь береговъ Кореи или Японіи. Смѣлая экспедиція въ Корейскій проливъ, устроенная адмираломъ Скрыдловымъ и приведенная въ исполненіе адмираломъ Безобразовымъ въ первыхъ числахъ іюня, описывается слѣдующимъ образомъ въ оффиціальной телеграммѣ отъ 8 іюня:

„30 мая, для дѣйствія на морскія сообщенія японской арміи отправился отрядъ крейсеровъ въ составѣ крейсера „Россія" подъ флагомъ вице-адмирала Безобразова, крейсера „Громобой" и крейсера „Рюрикъ". Въ ночь на 7 іюня отрядъ возвратился во Владивостокъ. Утромъ 2 іюня отрядъ подошелъ съ сѣвера къ Симоносекскому проливу и, находясь отъ него въ 20 миляхъ, замѣтилъ по курсу на горизонтѣ два парохода, за которыми и началъ погоню; догнать пароходы не удалось за дальностью. Въ то же время открылось третье судно, овладѣть которымъ было поручено крейсеру „Громобой". Пароходъ этотъ, оказавшійся затѣмъ транспортомъ „Идзуми-Мару", не останавливался, несмотря ни на какія требованія, пока въ него не попало нѣсколько снарядовъ, послѣ чего онъ остановился и люди съ него стали бросаться за бортъ. Сигналомъ „Громобой" потребовалъ оставленія людьми парохода, что̀ и было исполнено на двухъ шлюпсахъ, а плававшіе въ водѣ люди были подобраны катеромъ съ крейсера и приняты на „Громобой". Транспортъ же „Идзуми-Мару" въ три слишкомъ тысячи тоннъ, занимавшійся перевозкою войскъ и грузовъ на театръ военныхъ дѣйствій, былъ потопленъ выстрѣлами. Среди 105 человѣкъ, принятыхъ съ транспорта на крейсеръ, находилось 17 офицерскаго званія. Потопивъ транспортъ „Идзуми-Мару", съ крейсера „Громобой" были усмотрѣны еще два парохода, на которые онъ и устремился. Настигнутыя суда оказались транспортами „Садо-Мару" и „Хитачи-Мару", каждый около шести тысячъ регистровыхъ

тоннъ; на транспортахъ кромѣ воинскихъ грузовъ оказалось: на первомъ—мастеровые телеграфнаго вѣдомства при 12 офицерахъ, кони и понтоны; на второмъ — болѣе 1,000 человѣкъ войска и воинскій грузъ. Завладѣніе „Садо-Мару" было поручено крейсеру „Россія", „Хитачи-Мару"—„Громобою", отъ котораго „Хитачи-Мару" пытался уйти; послѣ того, какъ нѣсколько предупредительныхъ выстрѣловъ по транспорту для его остановки не оказали дѣйствія, по транспорту былъ открытъ огонь; тогда онъ и остановился. На сигналъ объ оставленіи парохода людьми, пароходъ не обратилъ вниманія и только послѣ нѣсколькихъ принудительныхъ выстрѣловъ сталъ спускать шлюпки. Транспортъ тонулъ очень медленно, вслѣдствіе чего „Громобою" было приказано поспѣшить потопить пароходъ, что крейсеромъ вскорѣ и было исполнено. Преслѣдуемый крейсеромъ „Россія" транспортъ „Садо-Мару", послѣ нѣсколькихъ, сдѣланныхъ по немъ выстрѣловъ, остановился и по требованію сигналомъ сталъ спускать шлюпки и бота, которыхъ на немъ было особенно много. Шлюпки спускались торопливо и нѣкоторыя опрокинулись, остальныя приняли на себя значительное число людей и направились къ находившимся въ виду островамъ Тоусима и Икисима. Погода тихая, море совершенно спокойно. Крейсеру „Рюрикъ" было приказано взять къ себѣ офицеровъ, нижнихъ чиновъ и команду, но изъ всѣхъ чиновъ оказалось возможнымъ принять только 4 иностранцевъ, служившихъ на пароходѣ, и 25 офицеровъ; остальные чины не покидали транспорта. Тогда крейсеру „Рюрикъ" было приказано потопить его минами. Отъ перваго взрыва транспортъ не утонулъ, вслѣдствіе чего было приказано выпустить въ него вторую мину, отъ которой транспортъ сталъ погружаться. Считая дѣло съ транспортомъ оконченнымъ и въ виду наступившей пасмурности, отрядъ отправился въ дальнѣйшее крейсерство. Все время за дѣйствіемъ отряда слѣдилъ японскій крейсеръ. На слѣдующій день на пути къ Сангарскому проливу былъ встрѣченъ британскій пароходъ „Аллантоунъ". Посланному для его осмотра офицеру шкиперъ заявилъ, что идетъ изъ Мурорана въ Сингапуръ съ грузомъ 6.500 тоннъ угля. Опросъ команды, осмотръ документовъ и неисправность вахтеннаго журнала въ связи съ прежнею дѣятельностью парохода по перевозкѣ военной контрабанды въ Японію заставили сомнѣваться въ нейтральности его груза и вынудили отправить его во Владивостокъ съ конвоемъ военной команды подъ начальствомъ лейтенанта Петрова 10-го, для разбора дѣйствій парохода въ мѣстномъ призовомъ судѣ. Кромѣ этого парохода за остальное время крейсерства другихъ судовъ отрядъ не видѣлъ. На пароходѣ оказался одинъ интеллигентный японскій подданный, видимо не принадлежащій къ судовому составу".

Независимо отъ крейсеровъ и почти одновременно съ ними дѣйствовали въ Японскомъ морѣ и наши миноносцы, о чемъ адмиралъ Скрыдловъ сообщаетъ слѣдующее: „8-го іюня возвратилось во Владивостокъ изъ экспедиціи къ берегамъ Японіи отдѣленіе миноносцевъ, отправленное мною 2-го числа подъ командою капитана 2-го ранга Виноградскаго. Миноносцы подходили къ самому порту Іезачи, на островѣ Хоккаидо, войти въ который имъ помѣшалъ туманъ. Мино-

носцы захватили и уничтожили нѣсколько промысловыхъ и перевозочныхъ шкунъ, одну изъ которыхъ привели въ портъ. При осмотрѣ документовъ и грузовъ обнаружилось, что бо̀льшая часть шкунъ везли рыбные продукты и рисъ въ порты Сасебо и Симоносеки".

Нѣкоторыя особенности русско-японской войны даютъ иностраннымъ газетамъ обильный матеріалъ для разсужденій и выводовъ, не особенно лестныхъ для нашего національнаго самолюбія, но иногда ужъ черезчуръ поспѣшныхъ и отчасти явно неосновательныхъ. Прежде всего поразительно то легкомысліе, съ какимъ общее міровое положеніе и значеніе Россіи ставятся въ зависимость отъ хода и результата происходящихъ нынѣ событій на Дальнемъ Востокѣ. Каждой изъ великихъ державъ, владѣющихъ отдаленными территоріями или колоніями, приходилось неоднократно терпѣть серьезныя военныя неудачи на той или другой изъ своихъ окраинъ, и однако эти неудачи нисколько не подрывали и не колебали политическаго могущества страны, если послѣднее имѣло въ своей основѣ дѣйствительную внутреннюю силу націи. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ англійскія войска были разбиты бурами при Маюбѣ, и гордая Великобританія согласилась заключить съ побѣдителями миръ, признавъ полную почти независимость Трансвааля;—измѣнилось ли послѣ этого положеніе Англіи, какъ великой державы, и пострадали ли ея вліяніе и роль въ мірѣ? Въ концѣ истекшаго столѣтія та же Англія подвергалась жестокимъ ударамъ со стороны небольшой горсти южно-африканскихъ фермеровъ, земледѣльцевъ и скотоводовъ, съ которыми никакъ не могли справиться лучшіе ея генералы и всѣ наличныя британскія войска въ теченіе болѣе двухъ съ половиною лѣтъ; буры долго побѣждали англичанъ, вовсе не имѣя за собою численнаго перевѣса, и часто брали въ плѣнъ цѣлые англійскіе отряды съ пушками и обозами, причемъ захватывали въ свои руки даже такихъ высокопоставленныхъ офицеровъ, какъ лордъ Метуэнъ,—и тѣмъ не менѣе Англія оставалась тою же Англіею, какъ и раньше, и впечатлѣніе тогдашнихъ ея пораженій теперь изгладилось и забыто. Точно такъ же судьба Великобританіи не будетъ поставлена на карту, если предпринятая англичанами экспедиція въ Тибетъ—притомъ грубо-несправедливая и хищническая—окончится вполнѣ заслуженнымъ фіаско; не пострадаетъ также военно-политическая репутація Германіи отъ того, что ея войска, руководимыя отличными офицерами, побиваются какими-то дикими „гереро" въ южно-африканскихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ. Допустимъ на минуту, что, благодаря стеченію неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствъ, случилось бы невозможное,—что мы нашли бы

себя вынужденными очистить Манчжурію и отказаться отъ Портъ Артура;—это, конечно, отразилось бы на русскомъ „престижѣ“ въ Азіи и давало бы себя чувствовать, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но потеря была бы возмѣщена въ свое время тѣмъ или другимъ способомъ и во всякомъ случаѣ не могла бы быть долговѣчною, въ виду неудержимаго стихійнаго роста и постепеннаго внутренняго развитія Россіи. Россія осталась бы тою же великою державою и сохраняла бы такое же выдающееся положеніе въ Азіи и у Тихаго океана, какъ и до пріобрѣтенія Портъ-Артура и временнаго занятія Манчжуріи. Какой же смыслъ имѣютъ злорадные толки иностранныхъ и особенно англійскихъ газетъ по поводу первоначальныхъ успѣховъ Японіи въ ея нападеніи на наши отдаленныя азіатско-китайскія земли?

Въ сущности настоящая война имѣетъ всѣ признаки и свойства колоніальныхъ войнъ; и мы можемъ потерять колонію, какъ не разъ теряла Англія, но это не значитъ, что Японія можетъ побѣдить Россію, какъ увѣряютъ наивные японскіе патріоты. Между нами и японцами—та огромная разница, что они цѣликомъ, со всѣми своими національными силами и средствами, со всѣми своими войсками и со всѣмъ своимъ флотомъ, могли броситься на Манчжурію и Портъ-Артуръ, а мы можемъ удѣлять на защиту этихъ окраинъ только извѣстную часть нашихъ общихъ имперскихъ силъ, такъ какъ у насъ есть еще много другихъ крупныхъ интересовъ, кромѣ азіатско-китайскихъ, и значительныя войска и морскія эскадры нужны намъ также въ Европѣ. Для японцевъ вся будущность ихъ недавно еще только возрожденной и организованной имперіи, вся слава и все величіе ихъ честолюбивой и предпріимчивой націи—въ пріобрѣтеніи твердой точки опоры на азіатскомъ материкѣ, въ завоеваніи Портъ-Артура, въ успѣхѣ безумно-смѣлой, рѣшительной борьбы противъ одной изъ могущественнѣйшихъ державъ міра; они ведутъ эту войну съ энтузіазмомъ фанатиковъ, съ воодушевленіемъ патріотовъ, которымъ впервые суждено воевать съ великимъ европейскимъ государствомъ и доказывать право своего отечества на видное мѣсто, почетъ и вліяніе между культурными державами и націями міра. Японцы завоевываютъ себѣ теперь не только свое будущее мѣсто въ мірѣ, но и свою культурную и военно-политическую репутацію; оттого и война имѣетъ съ ихъ стороны такой необыкновенно страстный, самоотверженный и въ то же время глубоко сознательный характеръ. Для насъ же, война на Дальнемъ Востокѣ—страшная тяжесть, навязанная намъ обстоятельствами, и при тѣхъ естественныхъ, географическихъ и прочихъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ организація нашего военнаго дѣла въ Манчжуріи, успѣхи японцевъ были вполнѣ неизбѣжны и могли бы

быть даже несравненно болѣе значительными, чѣмъ достигнутые ими до сихъ поръ. Японцы тамъ—у себя дома, и не было бы ничего удивительнаго—и ничего для насъ постыднаго—въ томъ, что они захватили бы насъ врасплохъ и имъ удалось бы болѣе быстрыми дѣйствіями на сушѣ вытѣснить насъ изъ занятой нами территоріи. Позволимъ себѣ вульгарное сравненіе: если сильный мопсъ вцѣпится въ ногу огромнаго сенъ-бернара съ твердою рѣшимостью причинить ему возможно бо̀льшій вредъ, то онъ, конечно, можетъ этого достигнуть и даже заставить противника долго прихрамывать впослѣдствіи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мопсъ дѣйствительно побѣдилъ сенъ-бернара и доказалъ свое превосходство предъ нимъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Можно сказать, что Россія стояла только одной ногой въ Манчжуріи и только этой одной ногой защищалась, когда на нее навалилась вся военная сила Японіи. И несмотря на эти неравныя и крайне трудныя для насъ условія борьбы, конечный исходъ ея не возбуждаетъ сомнѣній даже между ближайшими друзьями и союзниками японцевъ въ Европѣ и Америкѣ; такая, большею частью скрытая, но твердая увѣренность въ невозможности окончательной японской побѣды выразилась весьма наглядно въ переговорахъ о послѣднемъ японскомъ займѣ, когда англійскія и американскія банкирскія фирмы не соглашались дать деньги даже за 6%, по курсу 93 за 100, если уплата процентовъ не будетъ обезпечена таможенными доходами Японіи. Очевидно, серьезные англо-американскіе капиталисты, при всемъ своемъ японофильствѣ, не придавали никакого значенія японскимъ мечтаніямъ о будущей денежной контрибуціи, которую, будто бы, получатъ „побѣдители",—и отвергли эти мечтанія и намеки безъ всякихъ церемоній. Въ этой всѣми признаваемой для насъ необходимости одолѣть Японію во что̀ бы то ни стало заключается сложная и опасная задача ближайшаго будущаго.

Между прочимъ, иностранныя газеты, относящіяся враждебно къ Россіи, стараются увѣрить свою публику, что неудачи на Дальнемъ Востокѣ приводятъ насъ, будто бы, въ отчаянное положеніе, что мы вовсе, будто бы, не въ состояніи вести продолжительную войну, что наши финансовыя средства уже истощены и что нашъ внѣшній кредитъ не имѣетъ солидныхъ основаній. Въ лондонскомъ „Times" (еженед. изд., отъ 17 іюня) напечатана любопытная статья въ этомъ духѣ, подписанная какимъ-то анонимнымъ капиталистомъ, имѣвшимъ, будто бы, много случаевъ изучать наше финансовое и экономическое положеніе за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Авторъ удивляется, что въ газетахъ принято говорить о значительныхъ или даже „безконечныхъ" ресурсахъ Россіи. Эти ресурсы, по его мнѣнію, существуютъ только въ воображеніи лицъ, совершенно незнакомыхъ съ предметомъ своихъ пи-

саній. Достаточно, говоритъ онъ, взять географическую карту Россіи и разсмотрѣть отдѣльныя области ея, одну за другою, съ точки зрѣнія производительности и доходности; при бѣгломъ взглядѣ на карту, дѣлается общая характеристика каждаго района, и въ результатѣ получается полное опроверженіе взгляда, что Россія есть, будто бы, страна съ какими-нибудь ресурсами. „Единственные крупные ея ресурсы, которые я знаю,—заключаетъ авторъ,—находятся въ карманахъ французскихъ и германскихъ покупателей процентныхъ бумагъ". Въ другой статьѣ, имѣющей видъ сообщенія „отъ русскаго корреспондента", разсказывается исторія о томъ, какъ русское правительство обращалось за содѣйствіемъ къ „еврейскимъ банкирамъ" и какъ послѣдніе ставили условіемъ займа измѣненіе законодательства объ евреяхъ; берлинскія фирмы, будто бы, требовали обѣщанія болѣе широкихъ перемѣнъ въ нашей внутренней политикѣ, безъ чего нѣмецкіе капиталисты не могутъ принять участія въ новомъ русскомъ займѣ.

Совѣстно встрѣчать подобныя нелѣпости въ такомъ авторитетномъ органѣ, какъ „Times". Очевидно, люди, пріобрѣтающіе русскія процентныя бумаги, руководствуются лишь соображеніями о выгодности этого помѣщенія капитала; они твердо знаютъ, что проценты по займу будутъ получаться своевременно, ибо до сихъ поръ никакихъ сомнѣній въ аккуратности уплаты никогда не возникало, хотя бы въ Россіи былъ неурожай и голодъ, и если Россія съ точностью исполняла свои финансовыя обязательства послѣ разорительной турецкой войны 1877—78 годовъ, то она не обанкротится и послѣ войны съ Японіею. Убѣждать читателей въ противномъ посредствомъ бѣглой оцѣнки различныхъ областей Россіи по картѣ,—это пріемъ совершенно ребяческій. Государство, располагающее ежегоднымъ бюджетомъ въ размѣрѣ свыше двухъ милліардовъ рублей, не можетъ имѣть недостатка въ предложеніяхъ услугъ со стороны иностранныхъ капиталистовъ; оно должно иногда отклонять эти услуги и во всякомъ случаѣ имѣетъ достаточный выборъ кредиторовъ, когда найдетъ нужнымъ прибѣгнуть къ займу. Такъ какъ капиталистамъ свойственно искать выгоды для себя, а не для кого-либо другого, то они не ставятъ и не могутъ ставить иныхъ условій, кромѣ чисто-финансовыхъ; если же они сдѣлали бы попытку затронуть вопросы политическаго или законодательнаго характера, то несомнѣнно лишились бы возможности участвовать въ предположенной комбинаціи и должны были бы уступить мѣсто болѣе тактичнымъ конкуррентамъ. Все это настолько общеизвѣстно, что даже наивнѣйшіе изъ газетныхъ читателей не примутъ указаній „Times"'а въ серьёзъ; но англійская дѣловая публика вообще не отличается наивностью, и потому неумѣлыя руссофобскія выходки лондонской печати являются въ сущности безцѣльными. При первомъ

поворотѣ военнаго счастья въ нашу сторону англійскіе публицисты заговорятъ въ другомъ тонѣ, и тогда обнаружится также степень прочности ихъ дружбы и союза съ Японіею.

Въ отличіе отъ англичанъ, японцы имѣютъ безспорное право быть наивными въ дѣлахъ международной политики; они естественно увлекаются своими успѣхами и преувеличиваютъ ихъ значеніе, выступая заранѣе въ роли побѣдителей. Они дѣйствуютъ впервые на аренѣ всемірной исторіи, и, какъ новички, они могутъ дѣлать безтактности, предаваться самодовольству и самопоклоненію,—и никто ихъ за это винить не станетъ. Одинъ изъ государственныхъ людей Японіи, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, зять всемогущаго маркиза Ито, баронъ Суематсу, откровенно заявилъ въ Парижѣ, что японское правительство увѣрено въ побѣдѣ и разсчитываетъ вполнѣ достигнуть своихъ цѣлей въ борьбѣ съ Россіей.

„Мы объявили войну,—сказалъ баронъ Суематсу сотруднику газеты „Temps",—во-первыхъ, чтобы добиться исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя Россіей не только передъ нами, но передъ всѣми державами, относительно Манчжуріи; во-вторыхъ, чтобы сохранить для насъ въ Кореѣ преобладающее вліяніе, которому угрожали успѣхи русскихъ въ Манчжуріи и ихъ лѣсныя предпріятія, болѣе военныя, чѣмъ промышленныя, на берегахъ Ялу. Вотъ причина, единственная причина войны, и она же опредѣляетъ ея предметъ. Мы желаемъ заставить русскихъ удалиться изъ Манчжуріи, и намъ необходимо имѣть въ Кореѣ рынокъ для своихъ продуктовъ и для нашей промышленной дѣятельности, безъ ущерба для корейской автономіи. Ничего другого мы не хотимъ". Судьба манчжурской желѣзной дороги, по мнѣнію барона Суематсу, представляетъ предметъ второстепенный, который самъ собою выяснится при заключеніи мирнаго трактата. На вопросъ собесѣдника, кому и при какихъ условіяхъ будетъ принадлежать иниціатива въ веденіи переговоровъ, и какъ отнесется Японія къ постороннему посредничеству, баронъ Суематсу отвѣтилъ слѣдующее: „По общему правилу, формулировать мирныя предложенія—не дѣло побѣдителей. Если поэтому, какъ мы надѣемся, преимущество останется за нами, то мы будемъ ждать, что̀ скажутъ наши противники. Мы съ своей стороны будемъ, разумѣется, сохранять свои позиціи. Что же касается посредничества третьихъ державъ, то это вопросъ болѣе щекотливый... Мы не дадимъ отвлечь себя отъ борьбы, пока не достигнемъ положительныхъ результатовъ, которые я только-что опредѣлилъ. Но предположите, что въ этотъ моментъ держава, дружественно расположенная и къ Россіи, и къ Японіи, пожелаетъ упо-

требить свои старанія, чтобы положить конецъ борьбѣ, почетной для обѣихъ сторонъ и въ то же время чрезвычайно убійственной;—я не думаю, что наша страна отказалась бы выслушать голосъ этой державы. Русскіе категорически заявили, что не допустятъ дружественнаго вмѣшательства; нашъ отказъ не такъ безусловенъ. Мы выслушали бы слова мира, сказанныя искреннимъ другомъ, подъ условіемъ соблюденія жизненныхъ интересовъ, для защиты которыхъ мы взялись за оружіе".

Японскій сенаторъ очень просто представляетъ себѣ будущій миръ съ Россіею: побѣжденный противникъ попроситъ „пардону", или какой-нибудь искренній другъ заступится за него и предложитъ отъ его имени исполнить всѣ существенныя требованія Японіи; тогда токійское правительство согласно будетъ вступить въ переговоры о мирѣ. Баронъ Суематсу говоритъ уже тономъ побѣдителя, какъ будто противная сторона потерпѣла рѣшительное пораженіе; но пока нѣтъ еще побѣжденныхъ, и ни одинъ изъ противниковъ не дождался еще своего Седана,—и потому заявленіе японскаго политическаго дѣятеля должно быть признано по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ. Такая самоувѣренность, выраженная въ частной бесѣдѣ съ французскимъ журналистомъ, можетъ, однако, считаться естественною и вполнѣ извинительною со стороны японскаго патріота, ослѣпленнаго небывалыми еще военными успѣхами своихъ соотечественниковъ на сушѣ и на морѣ. Но иногда и въ нашей печати высказываются взгляды, не только не соотвѣтствующіе дѣйствительному положенію дѣлъ, но и явно неосновательные по существу и построенные уже заранѣе на гипотезѣ полнаго ничтожества и безсилія противника. Такъ, „Новое Время", въ нумерѣ отъ 18 іюня, напечатало, въ видѣ письма въ редакцію, подробно мотивированный проектъ будущихъ условій русско-японскаго мира для „обезпеченія и упроченія преобладающаго положенія Россіи на берегахъ Тихаго океана",—проектъ, который сама редакція, въ передовой замѣткѣ, причисляетъ къ „мечтаніямъ", хотя и „утѣшительнымъ". Авторъ этого утѣшительнаго проекта предлагаетъ установить относительно Японіи такія радикальныя мѣры, которыя могли бы осуществиться не иначе какъ послѣ военнаго занятія Токіо и послѣ полнаго истощенія силъ пятидесятимилліоннаго японскаго народа,—и подобная перспектива почему-то показалась газетѣ утѣшительною!

Оригинальнѣе всего то, что жестокія условія мира рекомендуются „Новымъ Временемъ" именно въ качествѣ „великодушныхъ и умѣренныхъ", разсчитанныхъ на долговѣчность. Мало того: авторъ даже признаетъ справедливость нѣкоторыхъ стремленій и притязаній японскихъ патріотовъ, такъ какъ, по его словамъ, „для Японіи выходъ изъ

ея теперешнихъ предѣловъ или расширеніе ея территоріи составляетъ предметъ насущной, неотложной потребности народа, которому дѣйствительно мало мѣста на своихъ островахъ". „Прежде всего желательно,—говорится въ статьѣ,—чтобы новое положеніе, которое установится послѣ войны, было прочное или такое, чтобы возможность повторенія военной борьбы была отсрочена, если не на вѣчно, то на очень долгое время. Первое условіе для этого состоитъ въ томъ, чтобы побѣдитель показалъ себя великодушнымъ и умѣреннымъ, не обременяя побѣжденнаго слишкомъ жестокими условіями". А потому... „необходимо принять мѣры, чтобы сдѣлать Японію для насъ нестрашною или лишить ее средствъ вредить намъ. Какъ островная страна, она можетъ быть опасною только своею морскою силою или своимъ флотомъ. Слѣдовательно, условія будущаго мира должны преимущественно ограничить эту силу, опредѣливъ крайнее количество или размѣры военныхъ судовъ, болѣе которыхъ Японіи не будетъ позволено имѣть", —такъ, чтобы японскій флотъ „не превышалъ болѣе, напримѣръ, половины той морской силы, какую съ своей стороны Россія рѣшитъ содержать въ этой части Тихаго океана". Если, напр., мы будемъ имѣть тамъ въ мирное время десять крупныхъ военныхъ судовъ, то число кораблей соотвѣтственнаго типа во всемъ японскомъ флотѣ должно быть доведено до пяти; японцамъ запрещено будетъ строить лишніе военные корабли или заказывать постройку ихъ за границей, въ Англіи или Америкѣ, и Великобританія, вступившая въ союзъ съ сильною морскою державою, останется какъ бы безъ союзника. Таково благодѣтельное дѣйствіе проекта, придуманнаго случайнымъ сотрудникомъ „Новаго Времени"!

Но „это еще не все, — продолжаетъ авторъ: — допуская мирную экономическую эксплоатацію Кореи японцами, Россія не можетъ допустить попытокъ военнаго занятія этой страны. Ограниченіе морской силы Японіи отчасти уже ведетъ къ тому. Но Россія должна сохранить за собою возможность *верховнаго наблюденія и контроля* надъ ея будущими дѣйствіями". Для успѣшнаго выполненія этой наблюдательной и контролирующей функціи Россія должна завладѣть весьма важнымъ пунктомъ, который „природа сама указала" намъ и который нынѣ принадлежитъ Японіи. „Какъ стражъ, по серединѣ морского пролива, отдѣляющаго Японію отъ Кореи, и почти въ виду береговъ какъ Японіи, такъ и Кореи, лежитъ островъ Тсусима, съ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ портовъ свѣта. Портъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ числу первостепенныхъ стратегическихъ пунктовъ, подобно, напримѣръ, острову Мальта въ Средиземномъ морѣ, хотя Тсусима во всѣхъ отношеніяхъ лучше послѣдняго. Если Россія по окончаніи войны займетъ упомянутый островъ и обратитъ его въ перво-

классный военный портъ, то мы отрѣзываемъ этимъ Японію отъ материка и дѣлаемъ немыслимыми въ будущемъ ея военныя предпріятія". Авторъ напоминаетъ кстати, что островъ этотъ былъ уже занятъ нами сорокъ лѣтъ тому назадъ,—т.-е., въ дѣйствительности, занятъ только по недоразумѣнію, въ мирное время, командиромъ одного русскаго военнаго судна („Посадникъ"), но оставленъ вслѣдствіе протестовъ японцевъ и англичанъ; тогда, по словамъ автора, у насъ не рѣшились изъ-за этого „рисковать войною съ Англіею", а теперь, когда англичане стали прямыми союзниками Японіи, дѣло можетъ, будто бы, устроиться легче, безъ прежняго риска.

Нѣтъ надобности пояснять, что попытка ограничить размѣры японскаго флота и подвергнуть Японію „верховному наблюденію и контролю" Россіи составляла бы именно то посягательство на независимость противника, которое предусмотрѣно союзнымъ англо-японскимъ договоромъ и англійскимъ заявленіемъ о нейтралитетѣ, какъ законный поводъ къ немедленному военному вмѣшательству Англіи. Но, независимо отъ этого важнаго обстоятельства, самая мысль о постоянномъ „верховномъ наблюденіи и контролѣ" надъ энергическою, предпріимчивою многомилліонною сосѣднею націею заключаетъ въ себѣ очевидную несообразность, если не имѣть въ виду фактическаго покоренія этой націи, съ перспективою безконечныхъ отчаянныхъ войнъ. И такую, можно сказать, ужасную фантазію „Новое Время" называетъ „утѣшительною"! Печатая подобныя раздражающія „побѣдоносныя" статьи задолго до дѣйствительной побѣды надъ Японіею, газета даетъ нашимъ западно-европейскимъ друзьямъ и недругамъ благодарный матеріалъ для разсужденій о „ненасытномъ честолюбіи" и опасныхъ „завоевательныхъ замыслахъ" Россіи, угрожающихъ, будто бы, интересамъ всѣхъ остальныхъ великихъ державъ и требующихъ, будто бы, энергическаго отпора. Въ этомъ случаѣ „Новое Время" не имѣетъ для себя того оправданія, которое заставляетъ насъ снисходительно относиться къ наивнымъ выходкамъ барона Суематсу и его японскихъ единомышленниковъ.

Подъ вліяніемъ печальныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, интересъ къ балканскимъ и вообще турецкимъ дѣламъ значительно ослабѣлъ у насъ и въ западной Европѣ. Турки, по обыкновенію, воспользовались этимъ для устройства новыхъ „кровопусканій" въ нѣкоторыхъ областяхъ съ христіанскимъ населеніемъ и особенно въ отдаленныхъ армянскихъ округахъ Малой Азіи; но и христіанскія государства Балканскаго полуострова извлекли пользу изъ наступившаго затишья въ сферѣ высшей европейской политики и впервые сдѣлали

серьезную попытку взаимнаго сближенія на почвѣ общихъ политическихъ интересовъ, съ цѣлью болѣе успѣшной самостоятельной охраны ихъ отъ турецкихъ посягательствъ и насилій. Это естественное и необходимое сближеніе между Болгаріею, Сербіею и Черногоріею стало возможнымъ только послѣ паденія злополучной династіи Обреновичей, которая своимъ болѣзненнымъ мелочнымъ честолюбіемъ и интригантствомъ постоянно поддерживала смуту и рознь какъ внутри самой Сербіи, такъ и въ ея отношеніяхъ съ сосѣдними родственными и иноплеменными странами. Вслѣдствіе совершившейся перемѣны режима въ Сербіи, вся атмосфера балканскихъ дѣлъ какъ бы очистилась отъ нездороваго элемента, и первымъ крупнымъ результатомъ является прекращеніе существовавшаго доселѣ вреднаго антагонизма между двумя сильнѣйшими славянскими народами Балканскаго полуострова. Достиженіе такого результата, при крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ перваго года царствованія короля Петра Карагеоргіевича, составляетъ безспорную заслугу его министра-президента, генерала Саввы Груича.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1904.

I.

— Утверженная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Ѳедоровича Романова. Воспроизведена Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ подъ наблюденіемъ С. А. Бѣлокурова, дѣйствительнаго члена Общества. Москва. Синодальная типографія. 1904. f°.

Въ мартѣ нынѣшняго года исполнилось сто лѣтъ съ основанія „Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“. Подобные, болѣе или менѣе продолжительные, юбилеи въ послѣднее время у насъ уже нерѣдки: совершались или вскорѣ ожидаются: 150-лѣтній юбилей московскаго университета (въ будущемъ году); затѣмъ—Дерптъ (Юрьевъ), Казань, Харьковъ. Общество исторіи и древностей Россійскихъ въ свою очередь принадлежитъ къ числу крупныхъ научныхъ учрежденій: при своемъ началѣ, оно являлось выраженіемъ возникавшаго въ русскомъ образованномъ кругу научнаго интереса, уже не случайнаго и единичнаго, а сознательнаго и систематическаго. Правда, въ первые годы дѣятельность Общества не была особенно крупной: громадны были задачи, предстоявшія русской исторіографіи, и слишкомъ малочисленны научныя силы, которымъ надо было встрѣтиться съ этими задачами,—хотя уже въ эти годы появлялись нѣкоторые труды, для своего времени замѣчательные (напр., „Русскія достопамятности“);—но затѣмъ, съ сороковыхъ годовъ, съ редакторства и секретарства въ Обществѣ Бодянскаго, „Чтенія“ Общества стали важнѣйшимъ историческимъ сборникомъ того времени и донынѣ остаются чрезвычайно цѣннымъ собраніемъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій. Надо было бы ожидать, что къ столѣтнему юбилею Общество дастъ свою исторію, которая, дѣйствительно, была бы важнымъ вкладомъ въ исторію нашей исто-

рической науки;—такъ въ недавнее время дали свою исторію Общества Географическое и Археологическое;—къ сожалѣнію, этого ко дню юбилея не произошло, и какъ мы слышали, сдѣланъ будетъ только самый общій обзоръ этой исторіи, насколько онъ былъ собранъ въ юбилейныхъ рѣчахъ и адресахъ.

Общество съ своей стороны ознаменовало столѣтнюю годовщину своего существованія другимъ путемъ, именно изданіемъ „Утверженной грамоты" объ избраніи на Московское государство Михаила Ѳедоровича Романова.

Содержаніе грамоты давно извѣстно историкамъ; но грамота въ первый разъ издается съ выполненіемъ научныхъ требованій точности и наглядности. Въ послѣднее время очень распространяется изданіе памятниковъ уже не посредствомъ печати, которая не можетъ передать подлиннаго написанія, а посредствомъ фототипическаго факсимиле. Это послѣднее примѣнено здѣсь и къ „Утверженной грамотѣ": она воспроизведена такъ, что изданіе вполнѣ передаетъ всѣ подробности написанія подлинника, и его форматъ и всѣ особенности; кромѣ того, изданіе сообщаетъ самую исторію памятника. Дѣло въ томъ, что настоящая грамота въ первоначальномъ ея видѣ была тогда же написана въ двухъ экземплярахъ, которые оба заключаютъ подписи лицъ, участвовавшихъ въ избирательномъ соборѣ 1613 года; есть кромѣ того нѣсколько списковъ, сдѣланныхъ оффиціально въ разное время. Между этими текстами встрѣчаются нѣкоторыя отличія (вообще незначительныя), и въ изданіи Общества эти варіанты отмѣчены въ печатной долѣ текста (факсимиле остается неприкосновеннымъ): существованіе списковъ имѣетъ ту цѣнность, что иногда списки даютъ возможность установить правильное чтеніе тѣхъ мѣстъ первоначальнаго подлинника, гдѣ въ этомъ подлинникѣ въ настоящее время выцвѣли чернила или стерлись на сгибахъ и изломахъ бумаги и гдѣ первоначальныя буквы были раньше прочитаны по болѣе свѣжему состоянію рукописи.

Въ настоящемъ изданіи находимъ слѣдующее. Это—огромный по формату альбомъ (листъ, приблизительно, въ 1 аршинъ съ четвертью высоты, и 1 аршинъ ширины). Первыя двѣ страницы (этого формата) заняты объяснительнымъ введеніемъ редактора, г. Бѣлокурова; стр. 3—10 представляютъ печатный текстъ „Утверженной грамоты", гдѣ подъ страницей приведены варіанты изъ остальныхъ ея списковъ; наконецъ, на 9 листахъ слѣдуетъ фототипически воспроизведенный текстъ самой грамоты.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ грамота, по старинному обычаю, писана столбцомъ, т.-е. представляетъ огромный свитокъ, гдѣ отдѣльные листы, писанные только на одной сторонѣ, не сшивались въ те-

традь, а подклеивались одинъ къ другому: въ цѣломъ, получается столбецъ или свитокъ изъ послѣдовательно склеенныхъ листовъ, многіе въ $1^{1}/_{4}$ аршина высоты. Такая длина не поддавалась фототипіи, и для воспроизведенія грамота была раздѣлена по склейкамъ въ отдѣльные девять листовъ, которые и были фототипированы.

О внѣшней исторіи самаго памятника, за послѣднія десятилѣтія, находимъ въ предисловіи г. Бѣлокурова такія свѣдѣнія.

„Когда возникло предположеніе объ основаніи въ Москвѣ особаго Государственнаго Древлехранилища для болѣе важныхъ документовъ, экземпляръ грамоты 1613 г., хранившійся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ другими документами Архива велѣно было еще въ 1851 году (24 ноября, за № 10412) передать въ Государственное Древлехранилище. Въ 1857 году по всеподданнѣйшему докладу министромъ Императорскаго Двора записки князя М. А. Оболенскаго (директора Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ и завѣдывавшаго Государственнымъ Древлехранилищемъ) Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ: „находившуюся въ Кабинетѣ Его Величества подлинную грамоту объ избраніи на царство государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича передать въ Государственное Древлехранилище для храненія въ одномъ ковчегѣ съ таковою же грамотою, переданною туда изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ январѣ 1857 г. грамота 1613 г. получена была въ Москвѣ и присоединена къ составу Государственнаго Древлехранилища. Здѣсь оба экземпляра грамоты 1613 г. находились до 1882 г., когда Государственное Древлехранилище перенесено было въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ документовъ коего оно главнымъ образомъ и составлено; при этой передачѣ одинъ экземпляръ грамоты, до учрежденія Древлехранилища находившійся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, оставленъ былъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, а другой экземпляръ, несравненно лучшей сохранности, ранѣе хранившійся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, Синодальной Ризницѣ и Кабинетѣ Его Величества, перевезенъ былъ вмѣстѣ съ другими составными частями Государственнаго Древлехранилища въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ находится и до нынѣ“.

О настоящемъ воспроизведеніи „Утверженной грамоты“ г. Бѣлокуровъ говоритъ: „Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ, постановивъ къ исполняющемуся 18-го марта 1904 г. столѣтію своего существованія издать точное воспроизведеніе этого важнаго государственнаго акта посредствомъ фототипіи съ присоединеніемъ его печатнаго текста, рѣшило—въ виду несравненно лучшей

сохранности экземпляра грамоты, находящагося нынѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, издать точную копію съ него. Такъ какъ по техническимъ причинамъ оказалось невозможнымъ сдѣлать воспроизведеніе длинной полосой въ размѣрѣ подлинника (болѣе 5 аршинъ), то признано было наиболѣе цѣлесообразнымъ издать ее семью отдѣльными листами не произвольной величины, а той именно, какую каждый листъ имѣетъ въ оригиналѣ (отъ склейки до склейки), при чемъ второй и третій листы помѣщены вмѣстѣ на одномъ листѣ, потому что, какъ уже было сказано, третій листъ есть не что иное, какъ новый конецъ 2-го листа. При фотографированіи преслѣдовалась цѣль—сдѣлать снимки въ точномъ размѣрѣ оригинала. При воспроизведеніи оборотной стороны, подписей, сдѣлано отступленіе въ томъ отношеніи, что нѣкоторые снимки, имѣющіе подписи по склейкамъ, не раздѣлены по послѣднимъ, чтобы не портить подписей, а захватываютъ незначительную часть слѣдующаго листа.—Со второго экземпляра грамоты 1613 года сдѣланы двѣ таблицы (8-я и 9-я) снимковъ: первая со всего перваго листа и нѣсколькихъ строкъ второго, а вторая, составная, содержитъ снимки съ трехъ другихъ мѣстъ грамоты, и въ томъ числѣ второго и третьяго листовъ (именно: а) страница 12, строка 14 сверху—стр. 13, строка 26 св.; б) стр. 19, строки 3—48 св.); здѣсь же помѣщены снимки съ печатей грамоты, нарисованныхъ на спискѣ 1723 года. На оборотѣ сихъ двухъ таблицъ помѣщены снимки съ подписей, находящихся на этомъ экземплярѣ, между прочимъ для того, чтобы можно было сравнить обѣ подписи одного и того же лица (именно подписи №№ 75—103, 111—138 и 167—238). Всѣ фототипическіе снимки исполнены фотографіей Шереръ и Набгольцъ (А. И. Мей) при ближайшемъ участіи фотографа Нила Ив. Надымашина.

„При печатномъ изданіи текста грамоты въ основу положенъ также Архивскій экземпляръ, съ котораго сдѣланы и фототипіи, и отмѣчены всѣ разночтенія второго экземпляра, въ тѣхъ случаяхъ, когда чтеніе текста въ томъ или другомъ экземплярѣ вслѣдствіе порчи, гнилости, запачканія и пр. т. п. возбуждало сомнѣніе, наводились справки въ отмѣченныхъ выше спискахъ грамотъ и чтеніе мѣста возстановлялось при помощи ихъ. Кромѣ того, чтобы яснѣе видно было, откуда составитель грамоты бралъ тотъ или другой текстъ, вездѣ въ примѣчаніяхъ указывался источникъ, отмѣчались прибавки или сокращенія, а заимствованныя слова для большей наглядности поставлены въ ковычкахъ „ “. Кромѣ второго экземпляра грамоты отмѣчены также варіанты первоначальнаго проекта грамоты 1613 г. и грамоты 1598 г. Въ виду того, что подписи, какъ выше отмѣчено, слѣдуютъ въ томъ и другомъ экземплярѣ въ различномъ порядкѣ, онѣ напеча-

таны здѣсь въ два столбца по тому и другому экземпляру грамоты. Слова и буквы, въ оригиналѣ написанныя золотомъ, напечатаны здѣсь киноварью; буквы, вынесенныя надъ строкой, набраны курсивомъ; слова, написанныя подъ титломъ, напечатаны полностью, причемъ буквы, бывшія подъ титломъ, поставлены въ скобкахъ".

II.

— А. И. Фаресовъ. Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904.

Какъ видно изъ книги, г. Фаресовъ близко знавалъ Лѣскова, былъ съ нимъ въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ. Книга есть не столько біографія,—историческій трудъ, по возможности разносторонній и безпристрастный,—сколько апологія, защита писателя, къ которому біографъ спеціально расположенъ, защита отъ всякихъ, иногда не весьма сочувственныхъ отзывовъ критики, а тѣмъ паче отъ прямыхъ нападеній, какія иногда бывали. Въ этихъ случаяхъ г. Фаресовъ всегда стоитъ на стражѣ доброй славы своего героя, объясняетъ его добрыя намѣренія, отклоняетъ обвиненія и возраженія, приводитъ цитаты изъ его писемъ, изъ его устныхъ самозащитъ, наконецъ изъ сочиненій. Это стараніе защитить писателя, во всякомъ случаѣ желавшаго послужить благу своего общества, несомнѣнно заслуживаетъ почтенія, особенно когда на это потраченъ значительный трудъ; но безпристрастная критика, кажется намъ, не будетъ вполнѣ удовлетворена этой апологіей.

При всей заботѣ г. Фаресова собрать матеріалы апологіи, намъ кажется, что его цѣль достигнута еще не вполнѣ, и особенно крупное значеніе Лѣскова въ нашей литературѣ едва ли достаточно выяснено и доказано.

Біографія Лѣскова, какъ можно видѣть изъ книги г. Фаресова, до сихъ поръ не была изложена достаточно полно. Извѣстно главнымъ образомъ то, что онъ происходилъ изъ полу-дворянской, полу-церковной среды (при чемъ въ семьѣ были даже „квакерскіе" элементы); но рано потерялъ отца, и обученіе Лѣскова осталось незаконченнымъ; затѣмъ, при участіи родственниковъ, онъ бывалъ на службѣ, между прочимъ на частной практической службѣ, и рано началъ литературные опыты. Съ 1860-хъ годовъ онъ уже окончательно вступилъ на литературное поприще, на которомъ и остался до конца жизни.

Литературная дѣятельность Лѣскова, съ начала и до конца вызывавшая въ читателяхъ и критикѣ несходные, иногда крайне недруже-

любные отзывы, находитъ, напротивъ, ревностнаго адвоката въ г. Фаресовѣ. Біографъ видитъ въ немъ крупнаго, независимаго писателя, который въ началѣ своей дѣятельности „держался весьма либеральнаго образа мыслей — не примыкая однако къ партіи крайнихъ воззрѣній“ (стр. 29), къ концу жизни самъ считалъ себя „либераломъ чистѣйшей воды“ (стр. 409); и біографъ, въ послѣднихъ строкахъ своей книги, восхваляетъ его „безкорыстную службу „Противъ теченій“ всякихъ господствующихъ культовъ, какъ только онъ усматривалъ въ нихъ „соблазнителей смысла“ (стр. 411).

Но въ самомъ началѣ своего поприща Лѣсковъ съ своимъ „либерализмомъ чистѣйшей воды“ и своей „независимостью“ успѣлъ возстановить противъ себя большой кругъ писателей и читателей, который принялъ его не только за приверженца мракобѣсія, но чуть не за доносчика. Въ 1862 онъ написалъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ статью о петербургскихъ пожарахъ (кажется, такъ и донынѣ оставшихся не разъясненными полицейскимъ вѣдомствомъ), написанную такъ неловко, что ее сочли за доносъ на „поджигателей-радикаловъ“ (замѣтимъ, что *никакихъ* поджигателей-либераловъ не было тогда найдено; не было найдено даже тѣни какого-либо допустимаго подозрѣнія). Это впечатлѣніе статьи подѣйствовало на Лѣскова очень тяжело и смущало его до конца жизни: и самъ онъ потомъ всячески старался объяснить настоящій смыслъ своей статьи, и его біографъ наполняетъ многія страницы опроверженіемъ этой „клеветы“. На дѣлѣ, Лѣсковъ, конечно, не совершалъ такой нелѣпости, но онъ самъ былъ виноватъ въ возникновеніи „клеветы“; онъ взялся за истолкованіе тогдашнихъ волненій (волненія были, и съ петербургскими пожарами совпало распространеніе радикальныхъ прокламацій), но взялся крайне неловко: по собственному его сознанію, статья была „написана путанно“ (стр. 36)—нечего удивляться, что ее и поняли путанно. Впослѣдствіи, даже вскорѣ, Лѣсковъ еще разъ взялся толковать объ общественныхъ настроеніяхъ въ извѣстномъ романѣ „Некуда“, напечатанномъ въ 1864 въ „Библіотекѣ для Чтенія“, издававшейся П. Д. Боборыкинымъ. Урокъ со статьей о петербургскихъ пожарахъ не пошелъ Лѣскову въ прокъ: онъ опять принялся за дѣло очень „путанно“; онъ не понялъ, что говорить о чемъ-либо „по слухамъ“ или совсѣмъ не слѣдуетъ, или слѣдуетъ съ величайшей осторожностью. Результатомъ было опять обвиненіе въ доносѣ, отъ котораго Лѣскову опять пришлось открещиваться всю жизнь, а потомъ предоставить открещиваться его біографу. А именно, Лѣскову вообразилось, что какую-то большую опасность для общества составляла существовавшая тогда, такъ называемая Слѣпцовская „коммуна“. На дѣлѣ, это была невинная (и не весьма практичная) затѣя устроить нѣчто въ родѣ меблированныхъ комнатъ въ кружкѣ знако-

мыхъ одинокихъ людей. „Коммуна“ скоро распалась—просто потому, что оказалась практически неудобна;—но Лѣсковъ, примѣнивъ къ ней свое глубокомысліе, нашелъ въ ней принципіальную опасность и—написалъ „Некуда“. Дѣйствующія лица „романа“ и бытовыя подробности взяты были „по слухамъ“ изъ Слѣпцовской „коммуны“. Несчастная „коммуна“ представлялась какъ изобрѣтеніе либерализма, которому идти „некуда“ по этой зловредной дорогѣ... Со стороны Лѣскова это была опять большая безтактность, если не сказать больше. „Коммуна“ была такой простодушной затѣей, что было очень нелѣпо дѣлать по ея поводу намеки о политической зловредности,—это было именно сочтено за указаніе „консуламъ“, — и Лѣсковъ еще закрѣпилъ за собою неблагополучную репутацію. Ему опять пришлось потомъ не однажды защищаться отъ тѣхъ обвиненій, или по крайней мѣрѣ недовѣрія, какія сложились относительно его въ литературныхъ кругахъ, и, какъ сообщаетъ самъ г. Фаресовъ, до послѣднихъ дней, даже въ кругу людей, почитавшихъ „удивительный талантъ“ Лѣскова, такая самозащита Лѣскова оставляла неудовлетворительное впечатлѣніе: „въ его разсказѣ о литературныхъ событіяхъ 1862 года есть неточности... въ нихъ рисовалась до извѣстной степени душа Лѣскова, скрытная и подозрительная, временами склонная къ боязливому заметанію старыхъ слѣдовъ“ (стр. 41).

Каждый разъ при такихъ замѣчаніяхъ г. Фаресовъ отвергаетъ ихъ съ негодованіемъ и превозноситъ благія намѣренія, характеръ и писательскія достоинства своего героя, которому остается вѣренъ. Это прекрасно; но остается все-таки неразрѣшеннымъ недоумѣніе читателя: почему сохранялось это недовѣріе къ характеру, а также далеко не согласные отзывы о литературныхъ качествахъ твореній Лѣскова?

Что талантъ Лѣскова былъ значителенъ, это едва ли спорно, но несомнѣнно также, что это былъ талантъ не крупный и мало выработанный,—и относительно этого пункта г. Фаресовъ напрасно обрушивалъ свое негодованіе противъ критиковъ, указывавшихъ недостатки Лѣскова. Было много справедливаго въ приводимыхъ имъ замѣчаніяхъ Михайловскаго, и даже гг. Скабичевскаго и Потапенка. Дарованію Лѣскова вредило то, что ему недоставало эстетической мѣры,—вслѣдствіе чего и происходило „литературное ухарство“, которое замѣчали съ неудовольствіемъ даже люди, къ нему расположенные. Далѣе, было у него извѣстное знаніе практической жизни (напр., между прочимъ, знаніе духовнаго быта, не часто встрѣчавшееся въ литературѣ), но это знаніе не освѣщалось болѣе широкимъ пониманіемъ общественныхъ явленій; такое пониманіе у него просто отсутствовало; напр., Лѣсковъ ставилъ себѣ въ немалую заслугу смѣлое осужденіе нѣкоторыхъ ошибокъ или увлеченій въ настроеніи моло-

дыхъ поколѣній 1860-хъ годовъ, но онъ не съумѣлъ ни разграничить ихъ должнымъ образомъ, ни понять источникъ этихъ ошибокъ и увлеченій. Въ своихъ самозащитахъ, въ бесѣдахъ съ друзьями и почитателями, онъ не разъ излагаетъ свои взгляды на „нигилизмъ", —но ихъ просто скучно читать, напр. хоть бы послѣ того, что̀ было говорено объ этомъ другимъ современникомъ—Салтыковымъ. Въ разныхъ отношеніяхъ въ Лѣсковѣ сказывался самоучка: до своихъ идей онъ доходилъ часто именно „своимъ умомъ", но, какъ случается съ самоучками, своего ума бываетъ иногда вовсе недостаточно для того, чтобы объяснить (не только другимъ, но и самому себѣ) какія-либо сложныя явленія народной и общественной жизни въ исторіи и современности. Людямъ, которые доходятъ до этихъ вещей „своимъ умомъ", вещи представляются обыкновенно гораздо проще, чѣмъ другимъ, кому сложность явленія больше бросается въ глаза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самоучки отличаются обыкновенно большимъ самомнѣніемъ, изобрѣтаютъ порохъ, открываютъ Америки, а также берутся быть наставниками общества. Такимъ самодовольнымъ тономъ проникнуты бесѣды Лѣскова, собранныя теперь его біографомъ. Между прочимъ, косвенно, имя Лѣскова въ его бесѣдахъ ставится въ параллель съ именами гр. Л. Н. Толстого и Салтыкова...

Главной гордостью Лѣскова была именно увѣренность, что онъ былъ учителемъ общества, особливо религіозно-нравственнымъ. Но и здѣсь ему приходилось попадать въ разнорѣчія: онъ было возсталъ (и справедливо) противъ нѣкоторыхъ ученій гр. Толстого, какъ „непротивленіе злу",—но потомъ Лѣско̀въ дѣлается его же усерднѣйшимъ почитателемъ, хотя гр. Толстой не измѣнился. Лѣсковъ много пишетъ въ церковно-назидательномъ тонѣ, между прочимъ „разработывая литературно" темы древнихъ прологовъ, но истинныя нужды религіознаго просвѣщенія въ народной массѣ и въ обществѣ, причины такихъ (въ существѣ ненормальныхъ) явленій, какъ „редстокизмъ", „ирвингіанство", русское аристократическое католичество, наконецъ самое толстовство, и средства противодѣйствія имъ (если ужъ онъ хотѣлъ имъ противодѣйствовать),—несомнѣнно представлялись ему очень смутно. Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить и его извѣстныя „Мелочи изъ архіерейской жизни", гдѣ между прочимъ онъ предпринималъ „защиту архіереевъ", едва ли нужную съ той точки зрѣнія, съ которой онъ хотѣлъ это дѣлать. Эта „защита" производилась отчасти собираніемъ разныхъ житейскихъ анекдотовъ, дѣлавшихъ книгу очень занимательной, отчасти общими разсужденіями: послѣднія велись въ наставительномъ тонѣ, какъ бы отъ лица человѣка вполнѣ знающаго и опытнаго, но имѣли одинъ крупный недостатокъ: авторъ зналъ не мало внѣшнихъ бытовыхъ подробностей, но о цѣломъ

состояніи духовнаго просвѣщенія въ народной массѣ и въ обществѣ имѣлъ въ сущности весьма поверхностныя понятія. Не будемъ приводить примѣровъ; между прочимъ, объ этихъ „Мелочахъ“ довольно подробно было сказано еще лѣтъ двадцать-пять тому назадъ въ „Вѣстн. Европы“ (1880, декабрь).

Въ цѣломъ, трудъ г. Фаресова есть трудъ почтенный, какъ желаніе указать лучшія стороны и намѣренія писателя, котораго онъ близко зналъ; но какъ изслѣдованіе историко-литературное, онъ оставляетъ многое недостаточно разъясненнымъ, и авторъ, по нашему впечатлѣнію, напрасно не обратилъ больше вниманія на отзывы критики о Лѣсковѣ, въ которыхъ бывало сказано не мало вѣрнаго.

III.

— Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія.—Эпоха обличительнаго жара (1857—64 гг.).—Эпоха цензурнаго террора (1848—55 гг.).—Русское „Bureau de la presse“.—Ѳаддей Булгаринъ.—Съ 19 портретами и 81 каррикатурой. Спб. 1904. XIII т. 427 стр. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ.

— Мих. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Съ 4 портретами. Спб. 1904. VIII, 512 и IX стр. Книгоиздательство—тоже.

Книга г. Лемке принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ явленій нашей исторической литературы за послѣднее время. Дѣятельность нашей цензуры съ конца сороковыхъ годовъ и до половины шестидесятыхъ еще не встрѣчала такого подробнаго изложенія.

Въ предисловіи къ первой изъ этихъ книгъ авторъ пишетъ:

„Доказывать, что каждый долженъ стремиться стать образованнымъ человѣкомъ, а образованный человѣкъ — знать исторію своей литературы, какъ сильнѣйшаго проявленія человѣческаго духа, обусловливающаго и послѣдующее общественное развитіе—значитъ ломиться въ открытую дверь.

„Слѣдовательно, появленіе въ свѣтъ перваго и четвертаго очерковъ настоящаго тома не требуетъ особой аргументаціи.

„Но убѣждать въ положительной необходимости широкаго попутнаго изученія главнаго условія, при соблюденіи котораго только и возможно было русское печатное слово, особенно послѣднихъ двухъ столѣтій,—все еще, къ сожалѣнію, приходится.

„Казалось бы, чѣмъ лучше и основательнѣе изучена исторія цензуры, тѣмъ глубже и всестороннѣе усваиваются и уясняются разнообразныя стороны литературнаго прошлаго,—а безъ нихъ онѣ сплошь и рядомъ дѣлаются совершенно непонятными и даже неизвѣстными.

Между тѣмъ на дѣлѣ происходитъ иначе. Чтобы уяснить себѣ малѣйшіе, еле замѣтные изгибы литературной мысли и даже формы, изучаются біографіи писателей, общія историческія и политическія условія той или иной эпохи, и т. д., но доминирующее надъ всей литературой условіе — цензура, очень часто оставляется безъ вниманія. Результаты понятны и вполнѣ неизбѣжны: исторія литературы, какъ видимаго проявленія общественной мысли и движеній, не усваивается съ необходимой полнотой, масса пробѣловъ остается незаполненной, масса вопросовъ неразрѣшенной.

„Можно сказать утвердительно, что русское общество не знаетъ исторіи того института, черезъ горнило котораго прошла вся его литература. Значитъ (?), не знаетъ и исторіи литературы, кстати сказать, вообще у насъ сильно съуженной, благодаря изученію преимущественно только ея части—изящной литературы",—и т. д.

Довольно естественно, что изслѣдователь, посвятившій много труда тому или другому предмету, получаетъ наклонность показать свой товаръ лицомъ, нѣсколько преувеличивать и значеніе предмета, и свои заключенія. Думаемъ однако, что авторъ, относительно рекомендуемой имъ необходимости изученія цензуры, тоже усиленно ломится въ открытую дверь. Именно за послѣдніе годы явилось у насъ нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи нашей цензуры—цѣлыя книги г. Скабичевскаго, Н. Энгельгардта, длинный рядъ статей по тому же предмету въ „Русской Старинѣ" 1903 и 1904, и наконецъ множество отдѣльныхъ статей о тѣхъ или другихъ замѣчательныхъ цензурныхъ случаяхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что лица, работавшія надъ упомянутыми книгами и статьями, совершенно понимали и интересъ „изгибовъ литературной мысли", и „доминирующее условіе", и „массу пробѣловъ": пополнять эту массу и было цѣлью ихъ изысканій. Да и гораздо раньше этихъ изысканій, „доминирующее условіе" было очень хорошо извѣстно всѣмъ, нѣсколько близко заинтересованнымъ въ литературѣ и особливо принимавшимъ въ ней участіе. Когда историки литературы и біографы писателей ставили себѣ задачей объяснять историческій ходъ литературнаго развитія и судьбу отдѣльныхъ писателей, не однажды они разсказывали и тѣ испытанія, какія литературному труду приходилось выносить отъ „доминирующаго условія". Черезъ эти испытанія надо было проходить, между прочимъ, и многимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей русской литературы; и біографы разсказывали, какъ „доминирующее условіе" отзывалось на Пушкинѣ, Гоголѣ, даже на Жуковскомъ, потомъ на Бѣлинскомъ, Тургеневѣ, Салтыковѣ, Некрасовѣ и т. д., и т. д. Достаточно было видѣть силу „доминирую-

щаго условія" на такихъ крупныхъ величинахъ, чтобы составить себѣ довольно ясное понятіе о существѣ дѣла.

„Масса пробѣловъ" относилась къ деталямъ; въ нихъ, конечно, могло быть не мало любопытнаго, но существо дѣла, „доминирующее условіе", было ясно... Подробныя изслѣдованія объ исторіи нашей цензуры начались сравнительно недавно; но эта нѣкоторая запоздалость происходила вовсе не отъ недостатка пониманія важности этого историческаго вопроса, а просто оттого, что самый предметъ въ прежнее время находился подъ „доминирующимъ условіемъ"; говоря проще, въ прежнее время цензура не разрѣшила бы подобныхъ книгъ и статей о цензурѣ.

Тѣмъ не менѣе, новыя изслѣдованія, съ новыми подробностями, безъ сомнѣнія еще нужны и могутъ быть весьма поучительны. Послѣ названныхъ книгъ, трудъ г. Лемке былъ не только не лишнимъ, но представляетъ едва ли не самое полное изложеніе исторіи нашей цензуры. Собравъ уже извѣстный ранѣе литературный матеріалъ, авторъ пополнилъ его собственными поисками и, между прочимъ, воспользовался мало извѣстными и до сихъ поръ мало доступными матеріалами оффиціальныхъ изданій самого цензурнаго вѣдомства. Въ началѣ перваго тома онъ далъ довольно обширную исторію журнала „Искра" и между прочимъ иллюстрировалъ ее большимъ числомъ каррикатуръ изъ этого журнала. Съ большой подробностью разсказываетъ онъ также цензурные эпизоды изъ исторіи другихъ изданій; подробно излагаетъ судьбу самаго учрежденія, сложную исторію цензурныхъ преобразованій съ сороковыхъ годовъ, и потомъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ, стараясь указать не только ходъ дѣла, но и характеризовать дѣйствующихъ лицъ. Это послѣднее, конечно, нужно для исторіи; думаемъ однако, что эта сторона дѣла особенно трудна въ нашихъ условіяхъ, когда внутренно-политическая исторія послѣднихъ десятилѣтій еще слишкомъ мало разработана. Правда, въ этой исторіи нѣкоторыя лица опредѣлились достаточно ясно, но другія еще ожидаютъ оцѣнки. Правда также, что истинно государственныхъ умовъ было очень немного среди дѣловыхъ людей второй половины прошлаго вѣка, но бывали люди разумные и благожелательные, хотя имъ не всегда удавалось достигать исполненія своихъ благихъ намѣреній. Нашъ авторъ въ своихъ опредѣленіяхъ дѣйствующихъ лицъ, по нашему мнѣнію, едва ли вездѣ поставилъ правильную оцѣнку: если онъ считалъ (и справедливо) необходимымъ изучать „изгибы литературной мысли", то бывали случаи, когда для правильнаго вывода нужно также обращать вниманіе на „изгибы" административныхъ мыслей. Авторъ имѣетъ наклонность прямо судить и рядить; а для этого недостаетъ иногда точныхъ основаній.

Было бы слишкомъ долго останавливаться на разныхъ подробностяхъ книги: нѣкоторыя изъ нихъ вызываютъ на возраженія, или возбуждаютъ недоумѣніе. Авторъ, какъ и многіе, пытавшіеся изображать исторію шестидесятыхъ годовъ, дѣлаютъ иногда прямо грубыя ошибки, когда берутся перечислять людей по „партіямъ", „направленіямъ" и т. п., притомъ не имѣя къ этому даже простыхъ фактическихъ данныхъ,—не говоримъ о томъ, что слово „партія", въ примѣненіи къ нашимъ общественно-литературнымъ отношеніямъ, иногда бываетъ просто смѣшно. На стр. 13 „Эпохи цензурныхъ реформъ" весьма нескладно причисленъ къ редакціи „Современника" Н. Серно-Соловьевичъ. На стр. 298 автору, опять нескладно, понадобилось ставить вопросъ о томъ, какъ относился къ „Молодой Россіи" одинъ изъ тогдашнихъ писателей: по словамъ г. Лемке, этотъ писатель отнесся къ ней „если не отрицательно, то очень холодно". Изъ какихъ источниковъ авторъ извлекъ это показаніе, не знаемъ; но по давнему воспоминанію намъ помнится, что писатель просто смѣялся надъ этой прокламаціей, какъ надъ глупостью.

Но затѣмъ, въ цѣломъ, книга г. Лемке представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи литературы и общественнаго мнѣнія за послѣдніе полъ-вѣка.—А. П.

IV.

— Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. I томъ. Генезисъ капитализма. Переводъ съ нѣмецкаго. Вып. I съ предисловіемъ А. А. Мануилова. Москва. 1903. Стр. VI+XXV+331. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. 1904. Стр. 356. Ц. 1 р.

Разсматриваемыя книги составляютъ переводъ перваго тома обширнаго труда извѣстнаго русской публикѣ бреславльскаго профессора, Зомбарта, по вопросу о капитализмѣ. Программа этого далеко еще не законченнаго изслѣдованія очень обширна. Авторъ задался цѣлью, во-первыхъ, „прослѣдить развитіе капиталистической хозяйственной системы отъ самыхъ ея зачатковъ вплоть до современности, раскрыть собственные законы ея движенія и выяснить законность ея перехода въ грядущую эпоху хозяйства"; во-вторыхъ, построить на основаніи вывода, достигнутаго путемъ этихъ историко-теоретическихъ наблюденій систему соціальной политики; въ-третьихъ, увѣнчать это зданіе системой соціальной философіи. При сколько-нибудь удовлетворительномъ выполненіи этихъ задачъ работа Зомбарта должна представить явленіе, изъ ряда выходящее— не только по обширности ея темы, но и по тому методу, который положенъ въ ея основаніе. Зомбартъ очень критически относится къ обоимъ направленіямъ въ экономической наукѣ: теоретическому и историко-эмпирическому. „Пора, наконецъ, оставить,—говоритъ онъ,—

превознесеніе, въ качествѣ хозяйственныхъ теорій, разсужденій относительно цѣнности, цѣны, земельной ренты, труда, процента на капиталъ и многаго другого, съ чѣмъ мы еще встрѣчаемся въ нашихъ учебникахъ". „Слѣдуетъ рѣшительно настаивать на томъ, что соціальная наука есть наука эмпирическая въ высокомъ смыслѣ этого слова, что она должна класть въ основу каждаго изъ своихъ познаній непосредственное наблюденіе надъ событіями самой жизни". Между тѣмъ, большинству представителей экономической науки—не исключая реалистической историко-эмпирической школы—именно недостаетъ „позитивныхъ знаній, знанія фактическаго устройства хозяйственной жизни, знакомства съ историческимъ прошлымъ, въ особенности же наблюденій надъ реальными событіями современности". „Факты, факты и факты—вотъ девизъ, не перестававшій звучать въ моихъ ушахъ при работѣ надъ настоящей книгой",—заключаетъ авторъ. О фактахъ заботится и историческая школа политической экономіи, но Зомбартъ рѣзко себя отъ нея отдѣляетъ. Факты нужны ему не для описанія только или характеристики подлежащихъ явленій. Онъ ихъ собираетъ отовсюду и систематизируетъ для того, чтобы построить теорію. Эта теорія не будетъ имѣть всеобъемлющаго значенія; такихъ теорій въ соціальной наукѣ Зомбартъ не признаетъ. Всеобщая теорія хозяйственной жизни можетъ обнять, по его мнѣнію,—да и то въ будущемъ,—только очень немногія основныя черты и будетъ лишь какъ бы „прелюдіей къ подлинной симфоніи". Главнѣйшей же задачей экономической науки должно быть „формулированіе различныхъ теорій для различныхъ, исторически ограниченныхъ, періодовъ хозяйства". Соотвѣтственно такому взгляду на содержаніе экономической науки, экономическая теорія, по ученію Зомбарта, сводится къ теоріи хозяйственнаго развитія.

Спеціальную задачу самого Зомбарта съ его точки зрѣнія можно разсматривать какъ формулированіе теоріи капиталистическаго строя хозяйства, теоріи европейскаго капитализма или, какъ онъ самъ опредѣляетъ,—теоріи *современнаго* капитализма. Онъ подчеркиваетъ именно такое ограниченіе своей задачи, поясняя, что теоріи капитализма вообще не существуетъ, отвлеченная теорія капитализма—абсурдъ. Изъ этого читатель можетъ усмотрѣть, что Зомбартъ не придерживается очень распространеннаго взгляда о неизмѣнныхъ законахъ хозяйственнаго развитія; и по отношенію спеціально къ современному капитализму полагаетъ даже, что онъ есть явленіе болѣе или менѣе случайное. Только сочетаніе двухъ факторовъ, того, „что западная Европа въ громадныхъ размѣрахъ, посредствомъ беззастѣнчиваго колоніальнаго хозяйства, могла грабить чужія страны и что послѣднія такъ богаты были благородными металлами—дѣлаетъ возможнымъ воз-

никновеніе современнаго капитализма. Безъ обладанія колоніями Европа, вѣроятно, кончила бы не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ" (стр. 367).

Итакъ, задачей автора въ разсматриваемомъ нами трудѣ является построеніе теоріи развитія современнаго капитализма отъ момента его происхожденія до того, когда сдѣлается яснымъ „законность его перехода въ грядущую эпоху хозяйства". Матеріаломъ для этого построенія служатъ факты хозяйственной жизни прошлаго и настоящаго. А методъ сооруженія изъ нихъ стройнаго зданія теоріи Зомбартъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. Специфическій моментъ теоріи, по его объясненію, слѣдуетъ искать въ распорядкѣ фактическаго матеріала „съ точки зрѣнія какого-нибудь единаго принципа истолкованія". При вопросѣ объ этихъ послѣднихъ принципахъ, по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ, прежде всего приходится дѣлать выборъ между началами причинности и цѣлесообразности. Старые экономисты группировали факты, исходя изъ телеологической точки зрѣнія. Классическая и послѣдующія за ней экономическія школы примѣняли и принципъ причинности, и идею цѣли. „Первымъ же теоретикомъ, въ соціальной наукѣ, мыслящимъ по принципу причинности, является К. Марксъ". Зомбартъ не смотритъ на это измѣненіе основныхъ точекъ зрѣнія въ экономической наукѣ какъ на переходъ отъ низшаго метода къ высшему. По его мнѣнію, та или иная точка зрѣнія обусловливается характеромъ изучаемыхъ явленій. Телеологическій методъ „долженъ былъ быть самоочевиднымъ пріемомъ разсмотрѣнія вещей до тѣхъ поръ, пока хозяйственная жизнь (какъ это было въ бюрократическомъ государствѣ XVI—XVIII вѣковъ) представлялась наблюдателю явленіемъ, созданнымъ или сильно видоизмѣняемымъ сознательными òрганами общественнаго цѣлаго". Этотъ методъ получитъ больше правъ и въ тотъ пока лишь мыслимый періодъ хозяйственнаго развитія, когда производство и распредѣленіе продуктовъ будутъ подчинены общественному регулированію. Но эта точка зрѣнія неумѣстна въ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ „хозяйственный процессъ ускользаетъ отъ регулированія какими бы то ни было сознательно формирующими òрганами, и единичное хозяйство становится въ зависимость отъ рынка, законы котораго дѣйствуютъ по аналогіи съ законами природы, съ желѣзной, неумолимой силой". Къ явленіямъ такого общества слѣдуетъ примѣнять то начало истолкованія, какое имѣетъ мѣсто въ естественныхъ наукахъ: разсмотрѣніе ихъ съ точки зрѣнія причины и слѣдствія.

Конечной причиной изучаемыхъ явленій, дальше которыхъ авторъ не будетъ простирать своего анализа, или движущей силой соціальныхъ явленій, Зомбартъ считаетъ мотивы и цѣли, преслѣдуемые че-

ловѣкомъ. Но онъ не находитъ плодотворнымъ обращаться для объясненія явленій различныхъ хозяйственныхъ эпохъ къ однимъ и тѣмъ же мотивамъ. Въ этомъ случаѣ пришлось бы пользоваться слишкомъ общими психическими мотивами (въ родѣ „эгоизма“ и др.) для того, чтобы ссылка на нихъ могла удовлетворить кого-либо въ смыслѣ объясненія. Въ качествѣ конечной цѣли или движущей силы нужно принимать, по его мнѣнію, тѣ мотивы, которые господствуютъ надъ жизнью данной эпохи, и притомъ мотивы, „находящіе свой источникъ въ руководящихъ субъектахъ хозяйства“. По отношенію къ капиталистической эпохѣ, напр., такими движущими силами Зомбартъ считаетъ „мотивы, исходящіе не отъ рабочихъ, но только отъ предпринимателей; не отъ потребителей, но отъ производителей и торговцевъ“. Но не мотивъ только дѣйствующаго субъекта составляетъ причину даннаго явленія; оно обусловливается вмѣстѣ съ тѣмъ и рядомъ причинъ другого характера. И эти причины Зомбартъ включаетъ въ свое построеніе, но уже въ качествѣ объективныхъ условій хозяйственныхъ явленій. Эти условія должны быть разсматриваемы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Здѣсь нужно различать, во-первыхъ, условія, способствующія осуществленію намѣчаемыхъ хозяйственными субъектами цѣлей и препятствующія тому; во-вторыхъ, тѣ же объективныя условія подлежатъ подраздѣленію на естественныя или абсолютныя и соціальныя или относительныя, и затѣмъ—на условія первичныя и производныя. Послѣднія (производныя) нужно стараться объяснить тѣми же пріемами, „и если возможно, то—въ конечномъ счетѣ—объяснить въ смыслѣ дѣйствія движущихъ силъ современной хозяйственной жизни“. Не находящія такого объясненія условія хозяйственной дѣятельности должны считаться первичными, наряду съ первичной, психической причиной (мотивомъ) изучаемыхъ явленій. Этими условіями, не сведенными къ основной движущей силѣ, создаются опредѣленная сфера и историческая обстановка, въ которыхъ долженъ развиваться изучаемый строй явленій. „Если я такимъ образомъ, напр., признàю капиталистическій духъ движущей силой современной хозяйственной жизни и захочу прослѣдить его дѣятельность,—говоритъ Зомбартъ,—то мнѣ прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что развиваться онъ сталъ въ мірѣ столь своеобразно сложившихся отношеній, каково европейское средневѣковье, т.-е. среди опредѣленныхъ природныхъ условій, въ средѣ опредѣленныхъ расъ, при наличности опредѣленнаго объема техническихъ навыковъ, на извѣстномъ уровнѣ духовной культуры, въ рамкахъ опредѣленнаго правового и нравственнаго порядка; что онъ могъ бы произвести совершенно различныя дѣйствія, если бы только эти предпосылки его дѣятельности получили осуществленіе въ иной формѣ“.

Послѣ этого, слишкомъ обширнаго для краткой рецензіи, объясненія метода Зомбарта, безъ котораго, однако, нельзя получить правильнаго понятія о томъ, чего можно ожидать отъ предпринятаго Зомбартомъ труда,—мы можемъ лишь въ двухъ словахъ остановиться на той части труда, которая явилась въ русскомъ переводѣ. Часть эта, соотвѣтствующая первому тому подлинника, посвящена происхожденію современнаго капитализма (не говоримъ о введеніи, заключающемъ общія понятія объ организаціи хозяйственнаго труда). Начинается она изображеніемъ той почвы, на которой зародился капитализмъ,—ремесленной организаціи среднихъ вѣковъ въ производительномъ и торговомъ отношеніяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ самое зарожденіе капитализма, т.-е. такой организаціи, при которой „специфической формой хозяйства является предпріятіе". Капиталистическимъ же предпріятіемъ Зомбартъ называетъ форму хозяйства, „цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы, при помощи извѣстной суммы договорныхъ условій относительно оплачиваемыхъ деньгами дѣйствій и отвѣтныхъ дѣйствій, реализировать вещественное имущество, т.-е. воспроизводить его собственнику съ приростомъ. Имущество, которое используется такимъ образомъ, называется капиталомъ" (стр. 205). Первичной движущей силой капиталистической эпохи Зомбартъ считаетъ стремленіе къ полученію прибыли, къ наживѣ; въ этомъ отношеніи дѣйствующій субъектъ капиталистическаго хозяйства рѣзко отличается отъ субъекта предшествующихъ временъ, стремившагося въ хозяйственной дѣятельности къ удовлетворенію своихъ потребностей. Условіями или предпосылками капиталистическаго строя являются: 1) накопленіе извѣстнаго, точно, впрочемъ, неопредѣленнаго, количества средствъ въ денежной формѣ, для того, чтобы можно было вести предпріятіе съ цѣлью наживы; 2) развитіе капиталистическаго духа и 3) осуществленіе соціальныхъ условій, доставляющихъ капиталистическому предпринимателю „возможность вступленія съ третьими лицами въ договорныя отношенія, соотвѣтствующія его потребностямъ" (полученія прибыли). Изученіе того, какъ и почему появились и развились всѣ эти условія капиталистическаго хозяйства, и составляетъ задачу перваго тома „Современнаго капитализма". Но, какъ это уже было отмѣчено нѣмецкой критикой, Зомбартъ не выдержалъ послѣдовательности въ ходѣ своего изслѣдованія. Показавъ, какъ возникъ капиталъ въ ремесленномъ обществѣ, какъ онъ окрѣпъ и развился путемъ колоніальной торговли или, вѣрнѣе, „беззастѣнчивой эксплоатаціи и грабежа чужихъ странъ и народовъ" (стр. 334); выяснивъ, затѣмъ, происхожденіе и развитіе „капиталистическаго духа" или психическихъ предрасположеній, заключающихся „въ стремленіи къ наживѣ, въ счетной способности и въ экономическомъ раціонализмѣ"

(стр. 218),—авторъ оставляетъ до второго тома изслѣдованіе соціальныхъ предпосылокъ капитализма и посвящаетъ большой отдѣлъ развитію промышленнаго капитализма въ Германіи, т.-е. процессу превращенія ремесленной промышленности въ капиталистическую. Содержаніе этого отдѣла „Современнаго капитализма" отчасти извѣстно читателю по русскому переводу другого труда Зомбарта („Очеркъ промышленнаго развитія Германіи"). Этимъ заканчивается русское изданіе изслѣдованія Зомбарта.—В. В.

V.

— В. В. Вересаевъ. Разсказы. Т. I. Изданіе пятое.—Т. II. Изданіе второе.—Т. III. Изданіе второе. Спб. 1903.

—В. Ѳ. Боцяновскій. В. В. Вересаевъ. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. Вересаева. Спб. 1904.

Передъ нами писатель „безъ дороги", откровенно разсказавшій объ этомъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ. Поколѣніе, сбитое съ пути надвинувшейся спереди тьмой и потерявшее вѣру въ спасительность старыхъ устоевъ, признало его своимъ и заплатило горячимъ вниманіемъ за его простую и искреннюю исповѣдь.

Человѣкъ искалъ долго, мучительно и—не нашелъ... Если попытаться выразить въ нѣсколькихъ словахъ цѣль его исканій, ее можно было бы, кажется, опредѣлить такъ: найти такую точку зрѣнія, которая дала бы вѣру, что эта душная, невыносимо убогая, сдавленная всевозможными тисками жизнь хоть когда-нибудь можетъ измѣниться къ лучшему, можетъ дать возможность чуткому и мыслящему человѣку вздохнуть свободной грудью за себя и за другихъ. Народничество, марксизмъ, идеализмъ, позитивизмъ напрасно стали бы требовать отъ современнаго поколѣнія убѣжденныхъ и стойкихъ послѣдователей, въ родѣ тѣхъ, какими являлись дѣятели шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Для тѣхъ то направленіе, которому они служили, было ихъ религіей, ихъ святыней, одной вѣры въ которую, казалось, было достаточно, чтобы сотворить надъ жизнью чудеса. Теперь положеніе вещей нѣсколько измѣнилось. Если оставить въ сторонѣ спеціально философскую цѣнность каждаго изъ этихъ направленій, то можно сказать, что послѣднія пріобрѣли въ глазахъ молодого поколѣнія какъ бы служебное назначеніе. Если сдѣлать попытку сравненія, они, какъ облака у высокой горы, спустившись ниже, пали туманомъ на дороги и проходы, но зато открыли сверкающую вѣчнымъ блескомъ величія и красоты вершину, съ которой видно весь міръ. Цѣль, къ которой шли отцы и дѣды, осталась все та же, но теперь она обозна-

чилась рельефнѣе,—только нѣтъ увѣренныхъ и сильныхъ проводниковъ; повсюду туманъ: и много дорогъ, и не знаешь, по какой пойти. Обвинять молодое поколѣніе за то, что оно бросается отъ одной тропы къ другой, было бы безразсудно; надвинувшееся ненастье сложилось путемъ цѣлаго ряда историческихъ условій, въ которыхъ молодому поколѣнію пришлось играть роль искупительной жертвы, даже не за грѣхи отцовъ, а за... несовершенство мірозданія.

Поэтому не все ли равно—марксистъ, народникъ или идеалистъ, въ спеціальномъ смыслѣ этого слова? Для г. Вересаева, — если только мы вѣрно понимаемъ развитіе его настроеній,—это только пути, которые съ разныхъ сторонъ ведутъ въ Римъ, и въ нихъ онъ попеременно ищетъ возможности какъ-нибудь осмыслить пестрый хаосъ совершающихся на его глазахъ явленій, чтобы и съ своей стороны указать хоть маленькое средство измѣнить къ лучшему гнетущія условія закоснѣлой, отжившей жизни. Для насъ гораздо важнѣе, что въ немъ съ тревожнымъ мыслителемъ сочетался нервный художникъ, благодаря чему творчество его вышло, можетъ быть, даже въ ущербъ чистой художественности, глубоко содержательнымъ и идейнымъ.

Этимъ словамъ мы не придаемъ слишкомъ обширнаго значенія, но въ относительномъ смыслѣ онъ имѣетъ полное право на такую оцѣнку. Въ томъ, что̀ написано г. Вересаевымъ до сихъ поръ, онъ является писателемъ лишь опредѣленныхъ, рѣзко очерченныхъ моментовъ въ исторіи умственнаго развитія нашей интеллигенціи, писателемъ лишь извѣстнаго круга и извѣстныхъ интересовъ. Творчество его чрезвычайно субъективно, даже автобіографично. Но въ немъ отразился весь *новый* человѣкъ его поколѣнія, колеблющійся, неустойчивый, не находящій спасенія въ сознаніи своей оторванности отъ общаго стихійнаго теченія жизни, противъ котораго, въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ ему приходится жить, въ его совѣстливой душѣ поднимается невольный протестъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ разсказовъ, писатель Осокинъ такъ опредѣляетъ значеніе своей дѣятельности, обращаясь къ толпѣ, устроившей ему овацію: „Идетъ великая рать бойцовъ на великое освободительное дѣло. Я—рядовой этой рати, ну, можетъ быть, одинъ изъ ея... барабанщиковъ, что-ли? Но развѣ такія почести, какія вы сегодня воздали мнѣ, выпадаютъ на долю простыхъ барабанщиковъ? Нѣтъ, дѣло тутъ въ чемъ-то другомъ... За что̀ же вы благодарите меня? За „чудные звуки", за наслажденіе, которое я даю вамъ своими... „прелестными произведеніями"? Въ такомъ случаѣ, господа, вы ошиблись адресомъ. Идите къ тѣмъ, для кого эти „чудные звуки" составляютъ цѣль и высшую правду; для меня же они — высшая ложь, самое ужасное *проклятіе* искусства, и благодарить меня за

доставляемое наслажденіе—это злая насмѣшка или обидное признаніе моего безсилія. Я вовсе не хотѣлъ доставлять вамъ наслажденіе,—я хотѣлъ васъ мучить, терзать"...

Повидимому, мучить и терзать читателя стояло на первомъ планѣ и у г. Вересаева; красотѣ звуковъ онъ удѣляетъ несравненно меньше вниманія. Но въ первыхъ разсказахъ своихъ онъ далеко не былъ чуждъ стремленія ввести читателя въ обаятельную сѣнь поэтической грусти, которая нѣжитъ душу и убаюкиваетъ болѣзненно жгучую мысль. Въ одномъ изъ очерковъ г. Вересаевъ пишетъ настоящее стихотвореніе въ прозѣ, выражая въ немъ настроеніе, идущее, по его же признанію, совершенно въ разрѣзъ съ его собственнымъ разумомъ. Съ чувствомъ „тоскливой неудовлетворенности" герой разсказа шелъ теплой лѣтней ночью по полю. Ночь была настолько удивительно хороша, что ему захотѣлось насладиться, упиться ею до сыта,—„но по опыту я зналъ, что она только измучаетъ меня, что я могу прободрить здѣсь до самаго утра, и все-таки ворочусь домой недовольнымъ и печальнымъ".

„Но въ такія ночи, какъ эта,—читаемъ дальше,—мой разумъ замолкаетъ, и мнѣ начинаетъ казаться, что у природы есть своя единая жизнь, тайная и неуловимая, что за измѣняющимися звуками и красками стоитъ какая-то вѣчная, неизмѣнная и до отчаянія непонятная красота. Я чувствую, что красота недоступна мнѣ, что я не способенъ воспринять ее во всей ея цѣлости; и то немногое, что она мнѣ даетъ, только заставляетъ меня мучиться по остальному".

У каждаго въ душѣ больная есть струна... Больная струна г. Вересаева, звучащая въ основѣ большинства его произведеній, есть это именно „мученіе по остальному". „Остальное"—это для него не вселенная съ безчисленными мірами, не природа съ ея чарами и ужасами, но окружающій его громадный потокъ общей человѣческой жизни, несущійся по своимъ никому невѣдомымъ законамъ, не знающій людскихъ интересовъ, глухой къ человѣческимъ страданіямъ и скорби.

Разсказъ называется „Загадка". Сложной, пока неразрѣшенной загадкой представляется автору и этотъ быстрый круговоротъ жизни, надъ улучшеніемъ и осмысленіемъ котораго работаютъ напряженно тысячи умовъ, разбиваются тысячи жизней, повидимому не подвигая впередъ рѣшенія роковой задачи, что такое жизнь и какова въ ней роль сознательнаго и чуткаго человѣка, не желающаго жить только „за себя".

Единственнымъ утѣшеніемъ въ этой невозможности разрѣшить жизненную задачу путемъ самыхъ страшныхъ усилій является сознаніе, что всѣхъ бьющихся на этомъ пути связываетъ какая-то невидимая

тайная связь, которая дѣлаетъ работу общею и согрѣваетъ душу ощущеніемъ угадываемаго сочувствія и невидимаго сообщества.

Вернемся къ тому же разсказу. Герой его подошелъ къ усадьбѣ, откуда неслась музыкальная импровизація. „Звуки лились робко и неувѣренно. Они словно искали чего-то, словно силились выразить что-то, что̀ выразить были не въ силахъ. Не самою мелодіей приковывали они къ себѣ вниманіе,—ея, въ строгомъ смыслѣ, даже и не было,—а именно этимъ исканіемъ, томленіемъ по чемъ-то другомъ, что̀ невольно ждалось впереди.—„Сейчасъ ужъ будетъ *настоящее*",—думалось мнѣ. А звуки лились все такъ же неувѣренно и сдержанно. Изрѣдка мелькнетъ въ нихъ что-то,—не мелодія, а лишь обрывокъ, намекъ на мелодію,—но до того чудную, что сердце замирало. Вотъ-вотъ, казалось, схвачена будетъ тема, — и робкіе, ищущіе звуки разольются божественно-спокойною, торжественною, неземною пѣснью. Но проходила минута, и струны начинали звенѣть сдерживаемыми рыданіями: намекъ остался непонятнымъ, великая мысль, мелькнувшая на мгновеніе, исчезла безвозвратно.

„Что̀ это? Неужели нашелся кто-то, кто переживалъ теперь то же самое, что̀ я? Сомнѣнія быть не могло: передъ нимъ эта ночь стояла такою же мучительною и неразрѣшимою загадкою, какъ и передо мною"...

Этотъ отрывокъ прекрасно символизуетъ основной характеръ творчества г. Вересаева. И въ немъ, въ этомъ творчествѣ, мы встрѣтимъ и робкіе, ищущіе звуки, и сдерживаемыя рыданія, попытки горячо не то сказать, не то крикнуть что-то несознаваемое людьми, но нужное для жизни,—возвышенныя мысли, непонятые намеки. Читая безконечные діалоги народниковъ и марксистовъ, слѣдя за исполненной подвиговъ жизнью незамѣтныхъ героевъ, страждущихъ идеей общаго блага, такъ и кажется, что вотъ, сейчасъ, и будетъ самое *настоящее*, что̀ обнажитъ до корня причины безчисленныхъ недоразумѣній между людьми, укажетъ спасительный выходъ изъ невыносимаго положенія и прольетъ цѣлительный бальзамъ на истомленныя, измученныя души. Но *настоящаго* такъ и не дождется читатель, не дождется *ни одного* отвѣта на цѣлый рядъ мучительно поставленныхъ вопросовъ.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться на каждомъ изъ разсказовъ г. Вересаева, если только мы не хотимъ забираться въ пестрый и подчасъ туманный лабиринтъ разсужденій объ общинѣ, капитализмѣ, теоріяхъ марксизма и т. д. Достаточно указать на наиболѣе симпатичную сторону этого творчества, чтобы признать его органически связаннымъ съ однимъ изъ самыхъ могучихъ теченій русской литературы. Народъ съ его многосложными, часто противоположными интересами, которыхъ никакъ нельзя включить въ одну

общую схему, и затѣмъ кружокъ самоотверженныхъ и скромныхъ дѣятелей, отдающихъ свой трудъ на благо народа либо непосредственно, либо посвящающихъ свои знанія рѣшенію проблемъ этого блага, — такова среда, изъ которой по преимуществу беретъ свои сюжеты г. Вересаевъ. Вотъ рабочій Никитинъ съ своими утопическими „плантами" рудниковъ, которые должны, по его мнѣнію, улучшить условія каторжной шахтерской работы. Вотъ неуклюжій Ванька, превращающійся подъ вліяніемъ новыхъ условій фабричной жизни изъ деревенскаго тюленя въ грубаго фабричнаго звѣря-сторожа... цѣлая галерея людей, то легко, безъ сожалѣнія, отрывающихся отъ земли, то крѣпкихъ ея властью. Вотъ симпатичный образъ врача, гибнущаго на холерѣ отъ невѣжества и дикаго звѣрства расходившейся толпы, которой онъ пришелъ помогать; вотъ цѣлая группа лицъ (въ повѣсти „На поворотѣ"), мучительно бьющихся въ попыткахъ разобраться въ личныхъ и общихъ жизненныхъ задачахъ,—группа людей то сомнѣвающихся, колеблющихся, отъ разочарованія переходящихъ къ надеждѣ, то непримиримыхъ, упорно стремящихся къ своей цѣли, готовыхъ тысячу разъ скорѣе умереть, чѣмъ сдаться и пойти на самомалѣйшій компромиссъ съ своей, можетъ быть, односторонней, но возвышенно-дѣятельной совѣстью.

Психологическимъ синтезомъ всѣхъ большихъ и малыхъ посылокъ, изъ которыхъ однако, никакъ нельзя сдѣлать вывода о коренныхъ вопросахъ бытія, является въ той же повѣсти любопытная личность Токарева, который представляетъ собою сочетаніе Гамлета съ нашимъ роднымъ Обломовымъ, по своей наклонности къ неустанной рефлексіи и слабой волѣ. „Жизнь человѣка и его душа—это страшная и таинственная вещь,—говоритъ онъ.—За маленькимъ, узкимъ сознаніемъ человѣка стоятъ смутныя, громадныя и непреоборимыя силы; эти-то постоянно мѣняющіяся силы и формируютъ сознаніе, а человѣкъ воображаетъ, что онъ своимъ сознаніемъ формируетъ и способенъ формировать эти силы"...

Въ числѣ психологическихъ мотивовъ г. Вересаева видное мѣсто занимаетъ жалость къ человѣку, сознаніе котораго никакъ не можетъ справиться съ стоящими за нимъ „смутными, громадными и непреоборимыми силами". Гнетущее впечатлѣніе производитъ въ этомъ отношеніи лучшая повѣсть г. Вересаева—„Конецъ Андрея Ивановича". Авторъ вывелъ здѣсь на свѣтъ Божій темный, ускользающій отъ поверхностнаго взгляда міръ мелкихъ мѣщанскихъ интересовъ, невѣроятной грубости нравовъ, звѣрскаго, подогрѣтаго алкоголемъ, деспотизма съ одной стороны, и покорнаго страданія, затаеннаго горя—съ другой. Типы этой повѣсти жизненны, закончены, и вся она производитъ впечатлѣніе глубоко продуманнаго и правдиваго разсказа.

Изображеніе этого міра удается автору въ гораздо большей степени, чѣмъ картины изъ быта самодовольной „интеллигенціи", живущей лишь своими личными интересами, въ родѣ разсказа „Паутина", сюжетъ котораго на тему о непрочности семейнаго счастья обрисованъ слишкомъ эскизно.

Г. Боцяновскій въ своемъ критико-біографическомъ этюдѣ дѣлаетъ попытку опредѣлить тѣ общественныя теченія русской жизни, къ которымъ могли бы быть пріурочены разсказы г. Вересаева. Авторъ, по его словамъ, былъ „ярымъ адептомъ" марксизма. „Едва ли я ошибусь,—говоритъ г. Боцяновскій,—если выскажу предположеніе, что марксисты первые воздвигли тотъ весьма внушительный пьедесталъ, на который были положены уже первые разсказы г. Вересаева. Дѣйствительно, въ этихъ разсказахъ марксисты могли найти и находили чрезвычайно цѣнный матеріалъ для подтвержденія своей теоріи. Злобясь на деревню, на крестьянъ, тормозившихъ успѣхи капитализма, марксисты радовались всему, что̀ такъ или иначе свидѣтельствовало о разложеніи деревни. „Чѣмъ хуже, говорили они, тѣмъ лучше". Въ словахъ этихъ, конечно, не было жестокаго равнодушія, въ которомъ ихъ упрекали, — это была злоба противъ людей, которые не понимаютъ своей пользы, которые и сами не идутъ впередъ и другимъ мѣшаютъ. Всякая вѣсть о томъ, что этотъ архаическій пережитокъ разрушается, не могла не радовать марксистовъ. А г. Вересаевъ докладывалъ имъ, что положеніе вещей въ деревнѣ съ каждымъ годомъ становится все хуже и хуже. Чуть не въ каждомъ его разсказѣ слышится голосъ, увѣренно говорящій, что „въ Россеѣ-матушкѣ мужику приходитъ конецъ, не надобенъ онъ никому сталъ". Деревенская бѣднота рисуется самыми мрачными красками. Въ одинъ голосъ всѣ собесѣдники, съ которыми вступаетъ въ разговоръ г. Вересаевъ, говорятъ о томъ, что больше жить въ деревнѣ нельзя".

Г. Боцяновскій отмѣчаетъ затѣмъ поворотные моменты въ развитіи міросозерцанія писателя, въ общей сложности образующіе колебаніе между различными направленіями и настроеніями, и характеризуетъ различные изображенные г. Вересаевымъ типы. Примѣняясь къ выраженію изъ упомянутой выше рѣчи писателя Осокина, г. Боцяновскій приходитъ къ тому выводу, что г. Вересаевъ—„сыгралъ роль барабанщика, уже потому, что выступилъ съ живой искренней исповѣдью, не скрылъ своихъ сомнѣній и колебаній какъ по поводу подернувшей общественную жизнь этого времени плѣсени, такъ и по поводу слегка колебавшихъ эту плѣсень новыхъ теченій и исканій. Въ этомъ искреннемъ и правдивомъ трактованіи современныхъ намъ проклятыхъ вопросовъ заключается главнѣйшій секретъ того явленія,

что на разсказы г. Вересаева набрасывалась молодежь, набрасывались люди, жившіе въ эпоху общественныхъ сумерекъ".

Въ творчествѣ г. Вересаева есть еще одна черта, невольно привлекающая на его сторону симпатіи читателя: у преобладающаго большинства его героевъ на первый планъ выступаютъ идейныя и общественныя побужденія, обезпечивая человѣку высокій подъемъ духа, при которомъ низменныя и грубо эгоистическія наклонности сами собой отступаютъ на задній планъ. Эта черта произведеній г. Вересаева служитъ хорошимъ противовѣсомъ тому повѣтрію, охватившему нѣкоторые круги литературныхъ интересовъ, которое подъ разными знаменами и предлогами вноситъ антиобщественные элементы и свободу личности сводитъ къ торжеству грубаго эгоизма и нравственной распущенности.—Евг. Л.

Въ теченіе іюня, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авчинникова, В. В.—Проституція и проф. В. М. Тарновскій. Спб. 904. Цѣна 30 коп.

Анненковъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. IV. Отдѣльныя обязательства. Спб. 904. Ц. 4 р.

Анненская, А.—Фритіофъ Нансенъ и его путешествія. Съ портр. и 40 рис. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 1 р.

Байковъ, А. Л.—Современная международная правоспособность папства, въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Историко-догматическое изслѣдованіе. Спб. 904. Ц. 3 р.

Бондаренко, И. М.—Англійскій городъ въ средніе вѣка. Од. 904. Ц. 1 р.

Василенко, Н. П.—О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. Кіевъ. 904.

Венгеровъ, С. А.—Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный Сборникъ. Т. VI. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ VI томамъ. Спб. 1897—1904 гг. Ц. 2 р. 50 к.

Винклеръ, А. Э.—Сельско-хозяйственное счетоводство. 2-е, вполнѣ передѣланное изд. Од. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Воейковъ, А. И.—Метеорологія въ 4-хъ частяхъ. Ч. I: Предварительныя понятія.—Солнечная радіація.—Температура почвы и водъ. Ч. II: Температура и влажность воздуха.—Облачность.—Осадки.—Ч. III: Давленіе и движеніе воздуха.—Оптическія явленія въ атмосферѣ.— Атмосферное электричество. Спб. 904. Изд. Картограф. Заведенія А. Ильина. Часть IV: Погода.—Климатъ.—Метеоролог. учрежденія. Спб. 904.

Голубевъ, П. А.—Историко-статистическія таблицы Пермской губерніи, составленныя по отчетамъ, ежегодникамъ и спеціальнымъ изданіямъ разныхъ министерствъ. Пермь. 904.

Да-Коста, М.—Націонализмъ въ германской средней школѣ. Съ франц. С. Кондратьевъ. М. 904. Ц. 20 к.

Девіеръ, гр. А. А., и *Бредовъ*, В. Р.—Сводъ постановленій о горнопромышленности. Т. III: О наймѣ рабочихъ.—О производствѣ горнотехническихъ работъ.—О сборахъ съ горнопромышленниковъ и о распоряженіи добытыми ископаемыми. Спб. 904.

Денъ, В. Э.—Задачи экономическаго отдѣленія Спб. Политехническаго Института. Спб. 904.

Дьяконовъ, П. И.—Краткая русская грамматика. Этимологія и Синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 50 к.

Евзлинъ, З.—Банки и Банкирскія Конторы въ Россіи. Содержаніе: Историческій очеркъ и обзоръ законодательства о Банкахъ.—Государственный Банкъ.—Акціонерные коммерческіе Банки.—Общество Взаимнаго Кредита. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

Карѣевъ, Н.—Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 5-ое. Спб. 904. Ц. 50 к. Доходъ поступитъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Спб. Политехническаго Института.

Клоссовскій, А.—Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи. Од. 904.

Корниловъ, А. А.—Крестьянская реформа въ Калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ. Спб. 904.

Коссинскій, генер.-лейт.—Четвертое дополненіе къ III-му изданію Приказовъ по военному вѣдомству и Циркуляровъ Главнаго Штаба, за время съ 1-го января 1902 г. по 1-е января 1904 г. Спб. 904. Ц. 8 руб. съ отд. кн. Приложенія.

——— Приложенія. Спб. 904.

Кузминъ, С.—Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Лукинъ, А. П.—Кавказскіе курорты и ихъ переустройство „по системѣ" В. В. Хвощинскаго. Спб. 904. Ц. 75 к.

Наживинъ, Ив.—У дверей жизни. Очерки и разсказы. М. 904.

Огаревъ, Н. П.—Стихотворенія. Подъ ред. М. О. Гершензона. Т. I. Москва. 904. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.

Первовъ, П.—Международная школьная переписка. М. 904.

Петцъ, фонъ Г. Г.—Геологическое описаніе ю.-в. четверти 13-го листа X-го ряда 10-верстной карты Томской губерніи. (Листы: Змѣиногорскъ, Бѣлоглазово, Локоть и Кабанье). Спб. 904.

Пшибышевскій, Ст.—Для счастья. Др. въ 5 д. Перев. Я. Перовича. Од. 904. Ц. 25 к.

Саратъ Чандра Дасъ.—Путешествіе въ Тибетъ. Съ 2 карт., 2 план., 4 литограф. картин. и 50 рис. Съ англ. перев. п. р. Вл. Котвича. Спб. 904. Ц. 4 р.

Стасовъ, Влад.—Венеціанскій купецъ Шекспира. Спб. 904.

Таранчукъ, П.—Іерей Макарій. Повѣсть о превращеніи человѣка. Спб. 904. Цѣна 35 коп.

——— Діаконъ Назарій. Полубыль. М. 904. Ц. 90 к.

Тушинскій, Д. А.—Попечительства о народной трезвости въ 1901 году. Спб. 904.

Тэнъ, Ипп.—Исторія англійской литературы. Т. V: Современники. Съ франц. П. Коганъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Флеровскій, К.—Критика основныхъ идей естествознанія. Спб. 904. Цѣна 2 р. 50 к.

Чеховъ, Антонъ.—Вишневый садъ. Ком. въ 4 д. Спб. 904. Ц. 40 к.

Чистяковъ, Ив.—Образованіе народа во Франціи. Эпоха третьей республики (1870—1902). М. 904. Ц. 3 р.

Чунософъ, М.—Этюды. Спб. 904. Ц. 30 к.

Шумковъ, И. В.—О житнякѣ и нѣкоторыхъ дикорастущихъ травахъ, пригодныхъ для посѣва. Самара. 904. Ц. 30 к.

——— Кумысъ, какъ доходная отрасль сельскаго хозяйства, и приготовленіе кумыса при помощи здоровой закваски. Сам. 904. Ц. 30 к.

Щетинскій, А.—Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Изд. 2-е, съ 100 дополн. рис. Спб. 904.

— „Библіотека нашихъ дѣтей": 1) Въ гору. Исторія одной глухонѣмой дѣвочки, М. Пеньковой, съ рис. Изд. 2-е. Спб. 904. 2) Снѣжинки, съ рис, В. Мировичъ. Спб. 904. Ц. по 30 к.

— Изданія Товарищества „Знаніе": 1) К. Гаринъ, По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. Карандашомъ съ натуры. Спб. 904. Ц. 1 р. 2) Его же, Корейскія сказки. Спб. 904. Ц. 60 к. 3) С. Найденовъ, Пьесы, т. I. Спб. 904. Ц. 1 р. 4) Сборникъ Товарищ. „Знаніе", кн. 2-я. Спб. 904. Ц. 1 р.

— Историческій Каталогъ музея севастопольской обороны. 2-е изд. исправл. и дополн. къ ноябрю 1903 г. Спб. 904.

— Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историч. Общ. при Имп. Спб. Университетѣ, издав. п. р. Н. И. Карѣева (1904 г.). Т. XIII: Н. Н. Буличъ, Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Т. II. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

— Научно-образовательная Библіотека. Серія начальныхъ курсовъ: Гётте. Зоологія. Съ 65 рис. Перев. п. р. П. Сушкина. М. 904. Ц. 40 к.

— Новая Карта театра военныхъ дѣйствій: Манчжурія и Корея. Съ алфавитнымъ указателемъ и съ дополнительными картами: 1) Квантунской области; 2) Портъ-Артура и 3) Владивостока. Спб. 904. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна 80 к.

— Новый Уставъ о паспортахъ. Изданіе 1903 года, съ приложеніемъ сравнительнаго, хронологическаго и предметнаго указателей. Спб. 904.

— Образовательная Библіотека.—Л. Грецъ, Краткій курсъ электричества. Съ нѣм. В. Филипповъ. Съ 161 рис. Спб. 904. Ц. 80 к.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1901 г. Спб. Типографія кн. В. П. Мещерскаго.

— Отчетъ Харьковскаго Общества взаимопомощи трудящихся женщинъ за 1903 г. Харьк. 904.

— Программы чтенія для самообразованія. 4-е дополн. и переработанное изданіе. Спб. 904. Ц. 40 к.

— Труды геологической части Кабинета Е. И. В. Т. VI, вып. 1. Спб. 904.

— Уставъ полевой службы и наставленіе для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Высочайше утвержденъ 10 апрѣля 1904 г. Ц. 40 к.

ЗАМѢТКА.

Письмо въ Редакцію.

М. Г. Въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы" напечатана статья Н. Гутьяра—„И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ", въ которой, между прочимъ, приводится (стр. 138) слѣдующая выдержка изъ письма кн. В. А. Черкасскаго къ А. И. Кошелеву отъ 21-го янв. 1858 года: „Вообще же нельзя сказать, чтобы эта мысль (освобожденіе крестьянъ *съ землей*) нравилась здѣсь всѣмъ нашимъ соотечественникамъ. На дняхъ О... (кн. Д. Оболенскій?), говорятъ, написалъ большое письмо молодой Императрицѣ, гдѣ указываетъ ей на мнимыя опасности начинающагося преобразованія и достаточно, по его мнѣнію, раскрывающіяся изъ радости либеральной партіи! Вотъ какіе у насъ премудрые государственные люди и какъ они становятся дальновидны какъ скоро начинаютъ бояться за свои доходы..." Слова, поставленныя между скобокъ, принадлежатъ автору статьи, который, въ своемъ предположеніи, что подъ буквой О... слѣдуетъ разумѣть князя Д. Оболенскаго, впалъ въ крупное недоразумѣніе. Хотя кн. Д. А. Оболенскій и находился въ Римѣ, откуда было написано письмо кн. Черкасскаго, и именно въ то время, когда оно было написано, но не о немъ, конечно, говорилъ кн. Черкасскій, такъ какъ кн. Д. А. Оболенскій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ той группѣ дѣятелей освобожденія, представителями которой являлись Н. А. Милютинъ, кн. В. А. Черкасскій и Юрій Ѳед. Самаринъ. Съ послѣднимъ онъ состоялъ въ близкомъ родствѣ, былъ съ юности связанъ тѣсной дружбой и всегда находился въ полномъ единомысліи по всѣмъ основнымъ вопросамъ крестьянской реформы [1]).

П. Исаковъ.

12-го іюня 1904.

[1]) Повидимому, и авторъ статьи былъ въ сомнѣніи, какъ то видно изъ поставленнаго имъ вопросительнаго знака; дѣйствительно, какъ мы слышали, въ Римѣ былъ тогда еще одинъ нашъ соотечественникъ, фамилія котораго имѣла тотъ же самый иниціалъ,—что̀ доказываетъ, что кн. Черкасскій не ошибался, но онъ не прибавилъ ничего къ иниціалу, чтобы уничтожить и самую возможность ошибочнаго предположенія насчетъ кн. Д. А. Оболенскаго.—*Ред.*

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anatole France. Crainquebille, Putois, Riquet et plusieurs autres recitss profitables. Стр. 381. Paris, 1904. (Calmann Levy, éditeurs).

Въ новомъ сборникѣ разсказовъ Анатоля Франса наиболѣе интересна повѣсть „Crainquebille", о которой мы уже имѣли случай говорить, когда она появилась отдѣльной книгой. Это несомнѣнно одна изъ самыхъ яркихъ сатиръ на „комедію правосудія" въ французскихъ судахъ. Повѣсть „Crainquebille" очень характерна для міросозерцанія Франса, соединяющаго полный скептицизмъ съ безграничной жалостью къ жертвамъ „зла жизни". Эту же философію можно прослѣдить и въ остальныхъ разсказахъ новаго сборника.

Философія Анатоля Франса не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее воплощалъ въ своемъ мудромъ героѣ, профессорѣ Бержере, умѣющемъ безпристрастно относиться даже къ своимъ собственнымъ переживаніямъ и злоключеніямъ и оправдывать всѣхъ людей только потому, что каждый для себя правъ, т.-е. дѣйствуетъ согласно своимъ инстинктамъ—и, главное, потому, что абсолютной истины нѣтъ, и бòльшая или мѐньшая степень правоты, все равно, не можетъ внести гармонію въ жизнь. Любить фатально неправыхъ людей Франсъ не можетъ, и его отношеніе къ жизни поэтому только ироническое. Но онъ вноситъ въ свое отношеніе ко всѣмъ—къ добрымъ и къ злымъ—нѣчто въ его глазахъ равноцѣнное любви—жалость—и на ней строитъ свою мораль; она же приводитъ его къ мистическому примиренію съ жизнью. Смѣсъ ироніи съ жалостью придаетъ оригинальный отпечатокъ всему творчеству Франса, создавая иллюзію побѣды надъ пессимизмомъ—но только иллюзію. Покорно пріемля все, онъ въ сущности все отрицаетъ; его жалость къ людямъ исходитъ изъ сознанія безплодности жизни и страданій; смысла жизни въ явленіяхъ онъ не видитъ, а внѣ явленій—не ищетъ, и поэтому его „культъ жалости" холоденъ, чуждъ истинной любви, двигающей горами, чуждъ экстаза, связаннаго съ исканіемъ цѣли жизни,—и никакого исхода изъ пессимизма не представляетъ собой. Тутъ граница творчества Франса, какъ и всѣхъ современныхъ французскихъ писателей. У него, какъ и у нихъ всѣхъ, нѣтъ тяготѣнія къ далекому, а близкое питаетъ только его разъѣдающій аналитическій умъ.

Но Франсъ, прежде всего, большой художникъ, и хотя его философія сводится къ непроизводительному скептицизму, онъ все-таки умѣетъ извлечь изъ нея глубокія эмоціи и претворить ихъ въ яркіе образы, въ изысканную игру ума, доставляющую читателю истинно-художественное наслажденіе.

Въ новомъ его сборникѣ есть нѣсколько разсказовъ, въ которыхъ онъ какъ бы раздвигаетъ границы реальной жизни, включая въ нее и то, что̀ даетъ человѣку воображеніе. Это очень характерно для его скептицизма. Онъ такъ мало вѣритъ въ жизнь, такъ недовѣрчивъ къ человѣческой мысли и къ начинаніямъ человѣческаго ума, что для него одинаково допустимо—и одинаково недопустимо—все провѣренное и все непровѣренное разумомъ. Заходящій такъ далеко скептицизмъ неожиданнымъ образомъ сливается съ идеализмомъ, съ признаніемъ реальности того, что̀ живетъ въ человѣческой душѣ, не проявляясь въ явленіяхъ. Но это не освобождающій отъ тяжести явленій идеализмъ, не тяготѣніе къ высшей цѣли во имя таинственныхъ влеченій духа, а только своеобразное проявленіе пессимизма, который ищетъ исхода въ эстетическихъ эмоціяхъ. Образцомъ „скептическаго идеализма" Франса является чрезвычайно художественный, блестящій по остроумію и тонкой ироніи разсказъ „Putois".

Уже въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній, „Le crime de Silvestre Bonnard", Франсъ выступилъ въ защиту фантазіи. Крошечная фея имѣетъ дерзость предстать передъ старымъ ученымъ и доказывать ему, что она гораздо реальнѣе его, потому что, корпя надъ фактами, онъ никому не приноситъ счастья, въ то время, какъ она чаруетъ всѣхъ прекрасными снами, а только сны и составляютъ радость жизни. Въ „Putois" фея Сильвестра Боннара нѣсколько видоизмѣнена; въ разсказѣ идетъ рѣчь о вполнѣ реальномъ существѣ, о садовникѣ съ опредѣленными чертами характера, но особенность его заключается въ томъ, что его никогда не существовало. О немъ разсказываютъ старый знакомецъ читателей Франса, Люсьенъ Бержере, и его сестра, старая дѣва Зоя, дочери Бержере Полинѣ. Братъ и сестра вспоминаютъ о своемъ далекомъ дѣтствѣ, и когда Зоя спрашиваетъ брата, помнитъ ли онъ Питуа, онъ отвѣчаетъ, что это—самое яркое воспоминаніе его дѣтства; тогда они наперерывъ другъ передъ другомъ перечисляютъ всѣ его примѣты: низкій лобъ, блуждающій взглядъ, гусиныя лапки на вискахъ, выступающія скулы, сутуловатую фигуру, огромную физическую силу,—онъ легко могъ смять въ пальцахъ серебряную монету,—медлительность рѣчи; разсказываютъ, что онъ былъ садовникомъ въ домѣ ихъ отца, не отличался большою честностью, и когда въ домѣ что-нибудь пропадало, отецъ обыкновенно говорилъ, что тутъ дѣло не обошлось безъ Питуа. Но самое замѣчательное въ немъ, по

словамъ Бержере, это то, что хотя всѣ его отлично знали, все-же онъ... „не существовалъ",—быстро добавляетъ Зоя. Но Бержере останавливаетъ сестру за ея неосторожныя слова, и объясняетъ ей, что нужно прежде понять, что̀ значитъ въ сущности существовать, и тогда уже отрицать права Питуа на существованіе. „Нѣтъ,—говоритъ онъ,—сестра моя, Питуа существовалъ, хотя, конечно, существованіе его было особаго рода". Сбитая съ толку, Полина узнаетъ, наконецъ, что Питуа былъ выдуманъ ея бабушкой, матерью Бержере и Зои. Чтобы отдѣлаться отъ какой-то назойливой родственницы, приглашавшей ее и мужа слишкомъ часто къ обѣду, она отказалась придти въ одно изъ воскресеній подъ тѣмъ предлогомъ, что она ждетъ садовника, который долженъ придти работать въ саду. „Почему же ему не придти въ понедѣльникъ или во вторникъ?"—спрашиваетъ назойливая родственница, madame Корнульé, и получаетъ въ отвѣтъ: „Онъ свободенъ только по воскресеньямъ".—„А какъ же его зовутъ, вашего садовника?"—„Питуа",—отвѣчаетъ, не задумавшись, мать Бержере, и съ той минуты Питуа становится реальнымъ лицомъ. Madame Корнульé говоритъ, что она, кажется, слышала это имя, потомъ она дѣлаетъ заключеніе о характерѣ садовника: онъ работаетъ поденно, значитъ онъ лѣнтяй и бродяга; она поэтому уже относится къ нему съ недовѣріемъ, но все-таки проситъ свою родственницу прислать ей Питуа, когда ей нуженъ работникъ. Но Питуа не является, и изъ этого дѣлается дальнѣйшее заключеніе о его безпорядочномъ образѣ жизни. Потомъ ему уже приписываютъ всѣ случающіяся кражи и другія преступленія, его считаютъ соблазнителемъ кухарки madame Корнульé, его разыскиваютъ, и многіе утверждаютъ, что видѣли его на улицѣ пьянымъ. Весь городокъ увѣренъ въ его дѣйствительномъ существованіи, и даже отецъ Бержере говоритъ о немъ, какъ о реальномъ лицѣ, заявляя, что, какъ честный буржуа, онъ не считаетъ себя въ правѣ отрицать то, во что̀ всѣ вѣрятъ. Madame Бержере нѣсколько раскаявается въ своей выдумкѣ, но уже почти сама начинаетъ вѣрить въ нее, когда ей докладываютъ, что въ кухнѣ ее ждетъ человѣкъ по имени Питуа. Когда она входитъ въ кухню, человѣка этого уже нѣтъ, но она начинаетъ думать, что онъ дѣйствительно существуетъ, и что ложь ея оказалась правдой. Устами Бержере, разсказывающаго объ этомъ эпизодѣ своего дѣтства, Франсъ оправдываетъ существованіе того, что̀ возникаетъ только въ воображеніи людей: „Развѣ можно считать ни во что воображаемое существованіе?—восклицаетъ Бержере.—Вѣдь оказывали же миѳическія существа вліяніе на людей. Если вдуматься въ миѳологію, то мы увидимъ, что именно воображаемыя, а не реальныя существа наиболѣе сильно и продолжительно вліяютъ на людей. Всюду и всегда существа не болѣе

реальныя, чѣмъ Питуа, внушали людямъ ненависть и любовь, страхъ и надежду, создавали законы и принципы морали. Нашему Питуа недоставало величія и таинственности миѳическихъ персонажей; онъ родился въ средѣ разсудочныхъ людей, умѣющихъ читать и писать, лишенныхъ фантазіи, создающей сказки и миѳы, но тѣмъ не менѣе его существованіе нельзя оспаривать".

Странное впечатлѣніе производитъ этотъ философски задуманный и написанный очень убѣдительно, умно и художественно разсказъ. Авторъ какъ будто бы разбиваетъ узкія рамки дѣйствительности и проповѣдуетъ свободу творческихъ силъ души, говоря о реальности воображаемаго и иронизируя вмѣстѣ съ тѣмъ надъ недѣйствительностью того, что̀ кажется реальнымъ. Но отъ его прославленій фантазіи вѣетъ безнадежностью. Если воображеніе только длитъ ткань жизни, то въ чемъ его освободительная сила? Почему воображаемый Питуа отраднѣе вполнѣ реальнаго бродяги и лѣнтяя? Фантазія, какъ и все, что̀ живетъ только въ душѣ человѣка, не воплощаясь въ явленіи, расширяетъ жизнь, обогащая ея духовное содержаніе, открывая несуществующее для внѣшнихъ чувствъ, но явное для души. Эта творческая сила воображенія уничтожается, если оно обращено на повтореніе дѣйствительности. Но для скептика Франса нѣтъ святынь, какъ въ жизни, такъ и за ея предѣлами, и поэтому онъ поетъ гимны фантазіи только для того, чтобы съ тѣмъ болѣе убійственной ироніей показать безсиліе жизни, чтобы еще болѣе глубоко пожалѣть то, что̀ онъ не въ состояніи полюбить.

Культъ жалости составляетъ основу отношеній Франса къ міру,— и религію онъ тоже понимаетъ только какъ жалость. Въ этомъ отношеніи характеренъ разсказъ „Le Christ de l'Océan", написанный въ видѣ наивной легенды. Въ немъ говорится о найденномъ на морѣ послѣ гибели рыбацкой лодки Распятіи, которое сохраняется въ церкви маленькой бретонской деревни, какъ священная реликвія. Распятіе приплыло оторваннымъ отъ креста, и священникъ заказываетъ для него дубовый крестъ и вѣшаетъ его надъ алтаремъ. Но когда онъ приходитъ на слѣдующій день служить обѣдню, онъ видитъ, что крестъ исчезъ и Распятіе лежитъ на алтарѣ. Пораженный этимъ чудомъ, священникъ предлагаетъ своей паствѣ соорудить новый крестъ, болѣе достойный Спасителя; всѣ жители деревни приносятъ столько серебра, сколько могутъ, а жены погибшихъ рыбаковъ отдаютъ на сооруженіе креста свои вѣнчальныя кольца. Но и серебряный крестъ исчезаетъ, какъ и дубовый, какъ и потомъ еще болѣе драгоцѣнный крестъ, присланный изъ Парижа благочестивыми и богатыми людьми. Распятіе снова лежитъ на алтарѣ. Только черезъ два года юродивый юноша, Пьеръ, заявляетъ, что нашелъ на морскомъ берегу истинный крестъ

Спасителя: оказывается, что это—двѣ скрещенныя дощечки—обломокъ погибшаго рыбацкаго судна. И когда къ этому импровизированному кресту прибиваютъ гвоздями Распятіе, и вѣшаютъ его надъ алтаремъ, оно уже не покидаетъ своего мѣста и ликъ Христа какъ бы говоритъ вѣрующимъ: „Мой крестъ сооруженъ изъ страданій человѣческихъ, ибо я дѣйствительно—Богъ несчастныхъ и неимущихъ". Всякая религія священна для Франса лишь поскольку она обращена на людей,—поэтому христіанство и язычество сливаются у него въ единую религію жалости. Цѣли бытія онъ не ищетъ, и не видитъ, и потому равно всѣмъ умиляется и все отрицаетъ; а такъ какъ самое ясное и осязательное въ мірѣ—страданіе, то единственное, проникающее его душу чувство—жалость, единственное активное отношеніе его къ несправедливостямъ міра—разъѣдающая иронія. Онъ не учитъ, какъ жить, покорствуя высшему долгу—таковаго онъ не признаетъ,—а только освѣщаетъ уродство жизни и ея жестокость.

Въ нѣсколькихъ разсказахъ сборника Франса есть элементъ чудеснаго, какъ, напр., въ „Adrienne Buquet", гдѣ молодая женщина ясно предвидитъ неожиданную смерть своего друга, или въ „La Pierre Gravée", гдѣ описывается чудодѣйственная сила стариннаго талисмана. Чудесное кажется Франсу столь же дѣйствительнымъ—или недѣйствительнымъ, какъ сама жизнь, и его иронія объединяетъ факты и вѣрованія; онъ не даетъ предпочтенія ни тому, ни другому, и потому допускаетъ и то, и другое. Повторяемъ, что эта примиренность со всѣмъ, что̀ есть, съ возможнымъ и невозможнымъ,—только кажущаяся—и исходитъ изъ глубокаго скептицизма. Анатолю Франсу болѣе удаются поэтому обличительные разсказы, чѣмъ умиленные,—причемъ и тѣ, и другіе написаны въ ироническомъ тонѣ. Но въ обличеніяхъ еще сильнѣе проявляется его насмѣшливый скептическій умъ и блескъ его художественнаго таланта. Въ новомъ сборникѣ есть нѣсколько великолѣпныхъ образцовъ его сатирическаго дарованія, направленнаго на излюбленную имъ тему—на французское правосудіе. Лучшій разсказъ въ этомъ родѣ носитъ заглавіе: „Monsieur Thomas". Въ немъ изображенъ „непреклонный судья", увѣренный въ правотѣ и незыблемости своихъ принциповъ только потому, что онъ никогда не разбирался въ нихъ: „Если разобраться въ какихъ бы то ни было принципахъ, становится яснымъ, что принциповъ-то и нѣтъ",—прибавляетъ авторъ для характеристики своего героя. Особенность Тома̀ въ томъ, что онъ съ величайшей убѣжденностью и честностью относится къ своему долгу судебнаго слѣдователя; но самое пониманіе долга дѣлаетъ его безчеловѣчнымъ. Тутъ опять сказывается одна изъ основныхъ идей Франса—его предпочтеніе непосредственныхъ инстинктовъ внушеніямъ разсудка. Чувствами человѣкъ тяготѣетъ къ добру, а

разсуждая и создавая себѣ принципы, онъ неминуемо приноситъ зло своимъ ближнимъ;—такъ думаетъ Анатоль Франсъ. Не признавая абсолютнаго добра, онъ руководствуется только относительнымъ, только состраданіемъ, и потому считаетъ всякое убѣжденіе—все равно, хорошее или дурное — зломъ, потому что оно преграждаетъ путь жалости. Такое зло онъ видитъ и въ идеѣ правосудія, и потому иронизируетъ надъ честнымъ слѣдователемъ, какъ бы предполагая, что другого воплощенія идеи справедливости, кромѣ близорукаго и исполнительнаго судейскаго чиновника, не можетъ быть. Слѣдователь Томà считаетъ человѣческое правосудіе отраженіемъ божественнаго, и потому „любитъ" карать преступниковъ, считая страданіе благомъ и возмездіе—непреложнымъ закономъ. Онъ приговариваетъ бродягъ къ тюремному заключенію, увѣренный, что этимъ спасаетъ ихъ души. Не будучи жестокимъ, онъ совершенно безпощаденъ по принципу, такъ какъ у него чисто догматическое, а не конкретное представленіе о человѣческихъ страданіяхъ. Онъ приверженецъ системы одиночнаго заключенія, и съ гордостью показываетъ разсказчику, отъ имени котораго ведется повѣствованіе, новую, идеальную, по его мнѣнію, тюрьму, которая тому кажется какой-то лабораторіей, устроенной мрачными безумцами для того, чтобы плодить безумцевъ. Но слѣдователь Томà считаетъ одиночную тюрьму спасительной, потому что заключенный находится въ ней не одинъ, а лицомъ къ лицу со своимъ Создателемъ и верховнымъ судьей. Особенно ярко сказывается безсердечіе его принциповъ въ его способѣ вести слѣдствіе. Онъ умѣетъ доводить свидѣтелей и обвиняемыхъ до показаній, подтверждающихъ обвиненіе, дѣлая это не изъ злобы, а изъ усердія при исполненіи своего долга. Разсказчикъ присутствуетъ при допросѣ одного свидѣтеля, причемъ тотъ говоритъ только, что видѣлъ изъ окна проходящаго мимо подсудимаго, и сообщилъ объ этомъ мимоходомъ своей женѣ; слѣдователь же заноситъ въ протоколъ, что свидѣтель и его жена видѣли подсудимаго, который бродилъ вокругъ дома съ очень подозрительнымъ видомъ; всѣ другіе отвѣты свидѣтеля слѣдователь тоже сейчасъ же переводитъ на судейскій языкъ, послѣ чего свидѣтель подписываетъ протоколъ и уходитъ. На вопросъ разсказчика, почему свидѣтельскія показанія не записываются дословно, а формулируются совершенно въ другомъ духѣ, слѣдователь спокойно отвѣчаетъ, что онъ, какъ и всѣ его товарищи, совершенно точно заносятъ въ протоколъ слова свидѣтелей, но что, конечно, нужно оформить то, что свидѣтели по невѣжеству не умѣютъ выразить. „А главное,—прибавляетъ онъ,—нужно имѣть въ виду цѣль показаній, группировать ихъ, чтобы помочь судьямъ и ярче выдвинуть вину подсудимаго; она обыкновенно очень смутно намѣчается въ неточныхъ отвѣтахъ свидѣтелей

и самого подсудимаго. Еслибы мы не систематизировали свидѣтельскихъ показаній, то самыя очевидныя улики казались бы слабыми, и большинство обвиняемыхъ избѣгло бы наказанія". На возраженіе разсказчика, что свидѣтели часто не понимаютъ протокола, составленнаго съ ихъ словъ, слѣдователь спѣшитъ возразить, что онъ очень остороженъ въ этомъ отношеніи. Когда допрошенный имъ однажды свидѣтель собирался подписать протоколъ, котораго очевидно не понялъ, хотя ему дважды его прочли, слѣдователь нарочно приписалъ въ концѣ фразу, опровергающую все предыдущее. Свидѣтель, не читая приписанныхъ словъ, уже взялъ перо въ руки, для подписи, но слѣдователь остановилъ его и объяснилъ, что онъ совершилъ бы преступное дѣяніе, подписавъ протоколъ, опровергающій его показаніе, т.-е. истину. Въ отвѣтъ на это растерявшійся свидѣтель сказалъ: „Вы—болѣе свѣдущій и образованный человѣкъ, чѣмъ я, господинъ слѣдователь, и навѣрное лучше знаете, что̀ слѣдуетъ писать".—„Вы видите, такимъ образомъ,—заключаетъ Тома̀,—что добросовѣстный служитель закона оберегаетъ себя отъ всякихъ ошибокъ. Повѣрьте мнѣ, судебныя ошибки—чистѣйшій миѳъ".

Въ томъ же ироническомъ тонѣ написанъ разсказъ „Les juges intègres", состоящій изъ воображаемаго діалога двухъ судей, портреты которыхъ разсказчикъ видѣлъ въ картинной галереѣ. Они съ одинаковымъ краснорѣчіемъ и съ одинаковой убѣдительностью проповѣдуютъ радикально противоположные взгляды на правосудіе: одинъ доказываетъ, что законы должны быть неизмѣнны и безпощадно строги, что то, что̀ разъ установлено, должно сохранить силу на вѣки, такъ какъ законъ выше человѣка и человѣкъ долженъ ему подчиняться, не разсуждая; другой утверждаетъ, что законы мѣняются, что они—созданія человѣческой воли, несовершенны и подлежатъ измѣненіямъ, что авторитетъ „написаннаго" не безусловенъ, и т. д. Обмѣнявшись своими взглядами, они отправляются въ судъ—примѣнять каждый на дѣлѣ свои противоположные принципы; оба они—„неподкупные судьи", оба считаютъ себя правыми; авторъ же хочетъ доказать сопоставленіемъ ихъ противорѣчивыхъ убѣжденій, что нѣтъ единой истины, или что нѣтъ абсолютнаго правосудія,—и что правы только люди инстинкта, т.-е. внимающіе голосу жалости. Въ концѣ разсказа иронія Франса доходитъ до крайнихъ предѣловъ. По уходѣ судей, бесѣду продолжаютъ ихъ лошади (разсказъ фантастическій). Онѣ увѣрены, что наступитъ время, „когда земля станетъ достояніемъ лошадей", и принципы, по которымъ онѣ намѣреваются управлять грядущимъ лошадинымъ царствомъ, не многимъ разнятся отъ сказаннаго судьями; но наивный цинизмъ бесѣдующихъ лошадей болѣе ярко и болѣе жестоко обрисовываетъ безсердечность человѣческихъ взглядовъ на правосудіе. Осно-

вой идеальнаго „лошадинаго строя жизни“ одна изъ лошадей считаетъ, чтобы каждому было обезпечено мѣсто въ конюшнѣ, кормъ и свобода любви, т.-е. чтобы лошадиные законы согласовались съ требованіями лошадиной природы. Вторая же, болѣе идеально настроенная лошадь, требуетъ, чтобы законы были подчинены велѣніямъ высшей воли, аттрибуты которой—могущество и доброта. „Нужно понять, что законъ жизни—страданіе, что лошади созданы для того, чтобы быть подъ ярмомъ и изнемогать подъ ударами кнута. Люди—носители этой высшей воли, и нужно ей подчиняться. Если люди причиняютъ намъ зло, значитъ это зло благо, и значитъ только тотъ законъ хорошъ, который приноситъ намъ страданія. Поэтому и когда наступитъ лошадиное царство, мы тоже будемъ подвержены всяческимъ терзаніямъ въ силу всевозможныхъ предписаній, постановленій и законовъ, ибо таково велѣніе высшей воли. Нужно понять, что лошадь создана для того, чтобы страдать, и что если она не страдаетъ, то не исполняетъ своего назначенія: благословеніе не можетъ почить на счастливыхъ лошадяхъ“.

Такова эта „лошадиная философія“—пародія на французскіе порядки и на ученія нѣкоторыхъ католическихъ ревнителей нравственности. Этотъ разсказъ, также какъ и нѣкоторые другіе въ томъ же родѣ, вызванъ въ значительной степени жгучимъ во Франціи вопросомъ о католическомъ вліяніи на народныя школы и на народную массу. Анатоль Франсъ принимаетъ дѣятельное участіе въ разгорѣвшейся на этой почвѣ борьбѣ, и его блестящій сатирическій талантъ служитъ ему мощнымъ орудіемъ.

Въ общемъ, новая книга Франса принадлежитъ къ числу его наиболѣе интересныхъ произведеній по своей художественности и яркости.

II.

Hermann Bahr. Der Meister. Komödie. Berlin, 1904 (S. Fischer, Verlag).

Австрійская и въ частности вѣнская современная литература отличается отъ общей нѣмецкой своей живостью, южнымъ темпераментомъ, особой легкостью,—иногда переходящей въ поверхностность. Во многихъ отношеніяхъ вѣнскіе писатели нашихъ дней, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, напоминаютъ парижанъ. Для нихъ важнѣе—ка̀къ сказать, чѣмъ что̀ сказать; острота мысли замѣняетъ у нихъ глубину идейнаго содержанія. Они оригинальны, блестяще умѣютъ схватывать интересные оттѣнки современной психологіи, пикантно и умно формулировать ихъ. У нихъ чисто французскій esprit, заставляющій часто

забывать о недостаточной глубинѣ ихъ писаній. Таковъ прежде всего хорошо извѣстный и русской публикѣ Артуръ Шнитцлеръ; таковъ также и Германъ Баръ. Въ своихъ блестящихъ критическихъ этюдахъ онъ даетъ смѣлыя, оригинальныя и стилистически яркія формулировки новыхъ литературныхъ теченій; и его книги „Studien der Moderne", „Ueberwindung des Naturalismus" и др.—принадлежатъ къ числу лучшихъ характеристикъ новѣйшей литературы. Чуткость къ пониманію современности—и въ литературѣ, и въ жизни—основная черта Бара, замѣняющая у него оригинальность мысли. Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ, Баръ обнаруживаетъ тѣ же качества и недостатки: онъ блестящъ, очень современенъ, изображаетъ „новыхъ людей", которые стремятся внутренно освободиться отъ всѣхъ переживаній въ области морали,—но глубже,—туда, гдѣ кончаются всякія модныя вѣянія и чувствованія и начинается вѣчный трагизмъ душевной жизни,—онъ не заглядываетъ. Онъ—психологъ своего времени, т.-е. только тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ современность отъ другихъ эпохъ,—и только какъ таковой онъ и имѣетъ значеніе.

Въ своихъ новѣйшихъ драмахъ Германъ Баръ выводитъ на сцену модный со времени Ницшевскаго сверхъ-человѣка типъ сильной натуры, подчиняющей себѣ окружающихъ и борющейся противъ всѣхъ буржуазныхъ предразсудковъ. Этотъ типъ выведенъ былъ въ его драмѣ „Атлетъ", а теперь онъ изображаетъ его въ нѣсколько измѣненномъ освѣщеніи въ новой комедіи „Der Meister". Самыя заглавія двухъ пьесъ указываютъ на общность ихъ замысла: и „атлетъ", и „учитель"—свободные люди, которые хотятъ провести въ жизнь свое теоретическое пониманіе свободы духа. Но постановка вопроса въ двухъ пьесахъ разная—болѣе оптимистическая въ драмѣ „Атлетъ" и болѣе пессимистическая въ комедіи „Der Meister". „Атлетъ" успѣшно велъ борьбу съ предразсудками окружающихъ его людей, съумѣлъ дать отпоръ всѣмъ нападкамъ буржуазной среды и отстоять свое любимое дѣло отъ противодѣйствій враговъ,—но онъ самъ вдругъ оказывается солидарнымъ съ ревнителями отрицаемой имъ буржуазной морали. Онъ узнаетъ объ измѣнѣ своей жены, и вскипѣвшая въ немъ ревность и чувство оскорбленной гордости будятъ въ немъ жажду мести, категорическое желаніе сейчасъ же порвать съ невѣрной женой. Онъ слишкомъ привыкъ властвовать надъ людьми, чтобы перенести обиду. Но когда его первый порывъ находитъ поддержку въ его прежнихъ врагахъ, въ особенности въ его братѣ, котораго онъ презираетъ за узость его буржуазныхъ принциповъ, онъ понимаетъ, что не можетъ быть съ ними за-одно, и что для свободнаго человѣка долженъ быть иной исходъ, чѣмъ месть за обиду. Онъ примиряется съ женой,—тѣмъ

болѣе, что она выясняетъ ему психологію своего поступка, не столь преступнаго, какъ мужу ея кажется въ первую минуту; они рѣшаютъ продолжать общее дѣло и не расходиться. Но конецъ драмы все-таки печальный. Разрыва нѣтъ, но чувствуется, что исчезла прежняя полнота чувства. Свободный человѣкъ-атлетъ понялъ, что чувства сложнѣе всякихъ теоретическихъ принциповъ, и испыталъ на себѣ тяжесть судьбы, надъ которой безсильна человѣческая воля.

Въ комедіи „Der Meister" Баръ возвращается къ той же темѣ, но разработываетъ ее болѣе смѣло—почти парадоксально. Эта комедія выше „Атлета" тѣмъ, что частный вопросъ о взаимныхъ правахъ мужа и жены расширенъ до болѣе глубокой проблемы о границахъ и сущности свободы человѣческихъ чувствъ и поступковъ. Основное положеніе комедіи крайне рѣзкое: мужъ узнаетъ о томъ, что жена ему измѣняетъ, или, вѣрнѣе, знаетъ объ этомъ еще раньше, чѣмъ это обнаруживается случайно для всѣхъ,—и относится къ „эротическому капризу" своей жены такъ же легко, какъ къ своимъ собственнымъ „шалостямъ", которыя не мѣшаютъ ему искренно и глубоко любить жену. Онъ признаетъ за ней право на такую же свободу и не думаетъ, что долженъ порвать съ нею изъ-за ея измѣны;—но тутъ-то и начинается настоящая драма, т.-е. конфликтъ между свободой—порожденіемъ разума—и чувствомъ, не принимающимъ этой свободы. Вторая проблема гораздо интереснѣе первой, и въ комедіи Бара вопросъ поставленъ очень интересно,—только поставленъ, ибо разрѣшить его нельзя.

Герой комедіи, Кай Дуръ, „учитель" (или мастеръ), какъ его зовутъ,—такая же властная и свободолюбивая натура, „какъ „Атлетъ" въ предыдущей пьесѣ. Онъ—искусный хирургъ, возбудившій противъ себя негодованіе медицинской академіи тѣмъ, что онъ осмѣлился лечить—и главное—вылечивать, какъ это онъ иронически подчеркиваетъ при случаѣ—людей, не имѣя надлежащихъ дипломовъ. Медицинскій факультетъ оффиціально объявляетъ его шарлатаномъ, ставитъ преграды его дѣятельности; одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ его преслѣдователей—его же собственный братъ, членъ медицинскаго совѣта; онъ считаетъ своимъ долгомъ—„ставить науку выше родственнаго чувства", хотя въ сущности дѣйствуетъ подъ вліяніемъ зависти и злобы, а не научной добросовѣстности. Дуръ всѣми покинутъ, терпитъ со всѣхъ сторонъ гоненія, но твердо стоитъ на своемъ, не желая добиваться санкціи у факультета. Онъ неустанно трудится, и главной его опорой является его жена, американка по происхожденію, помогающая ему работать въ устроенной имъ хирургической лечебницѣ; у него есть нѣсколько ассистентовъ и учениковъ-докторовъ, преклоняющихся передъ его мастерствомъ. Среди нихъ выдѣляется

полу-комическое лицо, японецъ докторъ Кокоро, представляющій смѣсь наивности съ восточнымъ лукавствомъ, обожающій „учителя", но очень рѣзко критикующій нравы и принципы культурныхъ европейцевъ. Къ числу вѣрныхъ приверженцевъ Дура принадлежитъ и его секретарша Ида, которую онъ уговорилъ бросить занятіе музыкой, за неимѣніемъ дѣйствительнаго таланта, и заняться хотя и скромнымъ, но полезнымъ дѣломъ,—быть его помощницей. Всѣ они всецѣло подчиняются властной волѣ „учителя", но внутренно стремятся освободиться изъ подъ его ига. Между нимъ и этими людьми происходитъ постоянная глухая борьба, знаменующая борьбу чувства и разсудка. Дуръ поставилъ цѣлью своей жизни свободу—не только отъ предразсудковъ и отъ внѣшнихъ стѣсненій, но и отъ всякаго рабства чувствъ, отъ всего, что̀ дѣлаетъ жизнь трудной и сложной, мѣшаетъ отдаваться дѣлу, противорѣчитъ логикѣ и разуму. Онъ хочетъ жить легко, и, благодаря своей счастливой натурѣ, достигаетъ этого. Испытывая гоненія со всѣхъ сторонъ общества, очутившись въ положеніи отверженца, онъ продолжаетъ жить съ полной беззаботностью, работать съ увлеченіемъ и безъ всякаго чувства горечи. Легкость и свобода духа выражаются у него и въ его чувствахъ къ женѣ. Онъ ее глубоко любитъ, но это не мѣшаетъ ему увлекаться другими женщинами и потворствовать своимъ капризамъ. Всѣ его увлеченія—не серьезныя, мимолетныя,—и онъ въ этомъ отношеніи не обманываетъ женщинъ, на которыхъ останавливается его выборъ. Его секретарша Ида была тоже короткое время предметомъ его увлеченія, и она не можетъ простить ему не мимолетность его чувства, а то, что онъ—и пока оно длилось—совершенно не серьезно относился къ ней, въ то время какъ она отдалась ему со всей искренностью и горячностью молодого чувства. Для него ихъ общее прошлое какъ бы не существуетъ, и онъ совершенно равнодушно уговариваетъ ее выйти замужъ за своего скромнаго ассистента, находя этотъ бракъ разумнымъ и считая, что свобода человѣка заключается въ томъ, чтобы онъ подчинялся разуму. Ида повинуется ему и соглашается выйти замужъ за нѣсколько жалкаго доктора Бальзама, нѣжно ее любящаго, хотя онъ и знаетъ объ ея отношеніяхъ къ учителю. Но Ида всѣми силами души возмущается противъ свободы, проповѣдуемой учителемъ въ ущербъ всему святому и дорогому для чувства. Такой же протестъ Дуръ вызываетъ и въ своей женѣ, прекрасной Віолетѣ. Она преклоняется передъ духовной силой мужа, но неуязвимость его свободолюбія кажется ей безсердечіемъ и пугаетъ ее своей холодностью. Онъ слишкомъ высоко вознесся надъ властью обстоятельствъ, надъ властью судьбы и леденитъ ее своей свободой даже въ любви къ ней. Она знаетъ, что онъ ее любитъ,

но не понимаетъ, какъ эта любовь уживается съ свободой. Отъ инстинктивнаго протеста она переходитъ къ фактическому; неудовлетворенная въ своей любви къ слишкомъ совершенному, слишкомъ сильному и холодному мужу, она увлекается молодымъ сосѣдомъ, графомъ Ванинымъ, который ей близокъ тѣмъ, что онъ внутренно терзается, что онъ слабъ въ борьбѣ съ судьбой и чувства преобладаютъ у него надъ разумомъ. Віолета, однако, скрываетъ свою связь съ графомъ, думая, что мужъ ея, при всей своей свободѣ, все-таки не простилъ бы ей измѣны, и продолжаетъ помогать Дуру въ попеченіяхъ о больныхъ, поддерживаетъ его въ его одиночествѣ.

Но обстоятельства жизни Дура внезапно мѣняются. Ему удалось вылечить какого-то молодого принца, и въ награду за это ему присуждается титулъ почетнаго профессора. Объ этомъ опубликовано во всѣхъ газетахъ, и къ Дуру собирается депутація, состоящая изъ бургомистра, предсѣдателя медицинскаго совѣта и—главное—брата Дура, для врученія ему почетнаго диплома. Принимая депутацію, Дуръ и его жена не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи довольно рѣзко обойтись со своими недавними гонителями; особенно зло вышучиваетъ Дуръ своего брата за его внезапное признаніе заслугъ „шарлатана"—послѣ герцогскаго декрета. Высказавъ все это брату—и этимъ, конечно, еще болѣе обозливъ его противъ себя,—Дуръ становится любезнымъ хозяиномъ, и пріемъ депутаціи заканчивается мирно. На немъ присутствуетъ также графъ Ванинъ, явившійся поздравить „учителя" съ выпавшей на его долю честью, и неувѣренность его манеръ, волненіе, которое онъ не можетъ удержать при видѣ ласковаго обхожденія Дура съ Віолетой, выдаетъ до нѣкоторой степени его сердечную тайну и составляетъ яркій контрастъ съ самообладаніемъ „учителя".

Тайна графа и Віолеты вскорѣ, однако, обнаруживается для всѣхъ: въ имѣніи графа, на фермѣ, происходитъ пожаръ—какъ разъ въ то время, когда графъ и Віолета находятся тамъ, въ верхнемъ этажѣ, въ комнатахъ, которыя графъ отвелъ для свиданій съ женой Дура. Нижній этажъ горитъ, и графу съ Віолетой приходится спасаться вдвоемъ изъ окна на виду у собравшейся внизу толпы народа, въ томъ числѣ многочисленныхъ знакомыхъ; супружеская измѣна Віолеты становится такимъ образомъ очевиднымъ для всѣхъ фактомъ. Графъ немедленно отправляется объясняться съ Дуромъ, прежде чѣмъ до послѣдняго могли бы дойти слухи о происшедшемъ отъ другихъ. Онъ очевидно ждетъ вызова, и заранѣе подчиняется всѣмъ условіямъ. Но, къ его удивленію, Дуръ, предварительно показавъ ему на примѣрѣ, что онъ отличный стрѣлокъ, отказывается отъ всякаго „возстановленія чести" и отпускаетъ его, совѣтуя ему не терять само-

обладанія. Къ Дуру являются со всѣхъ сторонъ друзья и доброжелатели, въ томъ числѣ и братъ, предлагая ему быть его секундантомъ, или прислать ему опытнаго адвоката, если онъ захочетъ затѣять дѣло о разводѣ. Но Дуръ совершенно спокойно отсылаетъ ихъ всѣхъ, заявляя, что не намѣренъ ни драться, ни разводиться съ женой, признавая за ней полное право на „капризы чувствъ". Этимъ онъ, конечно, возстановляетъ всѣхъ противъ себя, и ему предстоитъ еще одно испытаніе: къ нему является депутатъ отъ „анархической молодежи" съ выраженіемъ сочувствія къ его геройскому подвигу, разрушающему „предразсудокъ семьи". Но и пылкаго анархиста Дуръ выпроваживаетъ, вышутивъ его и давъ ему совѣтъ не возводить въ принципъ супружеской измѣны, такъ какъ въ такихъ случаяхъ не можетъ быть общихъ правилъ: „если жена обманываетъ мужа, то это можетъ быть отвратительно, или можетъ быть героическимъ поступкомъ, или же совершенно безразличнымъ" — все дѣло въ томъ, каковъ мужъ и какова жена, и такъ какъ этого никто не можетъ знать кромѣ нихъ самихъ—то лучше не предписывать имъ, какъ они должны поступать. То, чтò одинъ долженъ сдѣлать въ данномъ случаѣ, другой именно не долженъ, и всякіе законы и правила въ данномъ отношеніи только ограничиваютъ свободу".

Но самое тяжелое объясненіе ожидаетъ Дура, когда къ нему является жена. Ему кажется, что имъ нечего объясняться, такъ какъ для него все рѣшено и онъ полагаетъ, что жизнь ихъ ни въ чемъ не измѣнится. Но Віолета, къ его великому удивленію и скорби, не согласна съ нимъ. Она заявляетъ, что уходитъ отъ него, потому что не можетъ житѣ въ разряженномъ воздухѣ его свободы. Она чувствуетъ себя человѣческимъ существомъ, съ человѣческими страстями и слабостями; ей нужны и счастье, и страданія, а не безразличіе свободы. Онъ пробуетъ остановить ее, спрашивая, неужели она такъ сердита на него — за то, что она его обманула, но Віолета проситъ его оставить иронію, говоритъ, что считаетъ его правымъ и сильнымъ, но что душа ея жаждетъ не правоты и свободы, а глубины чувствъ. Удержать ее онъ не можетъ, хотя даже на минуту выходитъ изъ себя и начинаетъ требовать, чтобы она осталась. Она съ грустью видитъ этотъ первый порывъ непосредственной страсти, и жалѣетъ, что онъ проявился слишкомъ поздно. Она слишкомъ убѣждена въ отчужденности ея мужа отъ всѣхъ людей, въ томъ, что для него, свободнаго, всѣ другіе люди—лишніе, и потому уходитъ къ графу, къ которому ее влечетъ не „эротическій капризъ", а родство ихъ пламенныхъ натуръ. Дуръ остается въ одиночествѣ и утѣшается горькими философскими размышленіями въ бесѣдѣ съ докторомъ Кокоро, который всегда говорилъ ему, что культурные европейцы напрасно

такъ гордятся могуществомъ разума, и теперь торжествуетъ, видя что побѣда на сторонѣ непосредственныхъ стихійныхъ страстей. Дуръ не сдается; онъ только жалѣетъ, что другіе не понимаютъ его чувства свободы, но все-же онъ глубоко страдаетъ. Ему осталось его дѣло, но онъ ясно видитъ, что этого мало для души. Свободный человѣкъ не побѣдилъ, — въ этомъ идея комедіи, оставляющей открытымъ вопросъ о томъ, гдѣ истина—на сторонѣ ли непонятаго другими проповѣдника свободы, или тѣхъ, кого онъ считаетъ „жалкими и комичными" существами, рабами чувствъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1904.

Учебный планъ гимназій на 1904—5 годъ. —Ретроспективныя нападенія.—Рѣчь попечителя оренбургскаго учебнаго округа.—Неудача просвѣтительныхъ начинаній въ черниговской губерніи и успѣхъ ихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. — Еще объ общеземской организаціи.—„Телеграмма съ душкомъ".—Симпатичные проекты и несимпатичная оппозиція.—В. Д. Спасовичъ и „Русскій Вѣстникъ".—Письмо бывшаго предсѣдателя новоторжской уѣздной земской управы.

Циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 18-го мая оставлены въ силѣ, на 1904—5 учебный годъ, общія основанія программы, установленной въ 1902 и 1903 гг. для шести первыхъ классовъ гимназій. Сохранено, такимъ образомъ, дѣленіе гимназій и равныхъ имъ учебныхъ заведеній на двѣ группы: одну, небольшую, подходящую, до извѣстной степени, къ типу классической гимназіи гр. Д. А. Толстого, и другую, гораздо болѣе многочисленную, съ значительными отступленіями отъ этого типа. Греческій языкъ, въ гимназіяхъ второй группы, исключенъ изъ числа обязательныхъ предметовъ. Предполагать, что въ близкомъ будущемъ имѣется въ виду возвращеніе къ старому порядку, нѣтъ основаній; доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, допускаемое циркуляромъ, въ силу Высочайшаго указанія, освобожденіе учениковъ VI-го класса, занимавшихся въ V-мъ классѣ греческимъ языкомъ, отъ дальнѣйшаго его изученія, если о томъ будутъ просить ихъ родители. Довольно далеки отъ прежде господствовавшаго типа и гимназіи первой группы, три первые класса которыхъ ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ классовъ второй группы. Какъ тамъ, такъ и тутъ преподаваніе латинскаго языка, прежде обрушивавшееся на учениковъ съ самаго момента поступленія ихъ въ гимназію, начинается теперь только съ третьяго класса; преподаваніе греческаго языка въ гимназіяхъ первой группы начинается не съ третьяго, а только съ четвертаго класса. Выигрышъ отъ этого чрезвычайно великъ: облегчается переходъ не только изъ гимназіи одного разряда въ гимназію другого разряда, но и изъ гимназіи въ реальное училище, или наоборотъ; расширяется кругъ полезныхъ знаній для тѣхъ, кому обстоятельства не позволяютъ идти дальше третьяго класса; отсутствіе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго языка въ третьемъ позволяетъ ввести преподаваніе гораздо болѣе подходящаго къ возрасту учениковъ природовѣдѣнія, раньше начать преподаваніе исторіи и усилить препо-

даваніе новыхъ языковъ. Неоцѣнима, въ нашихъ глазахъ, заслуга того, кто былъ иниціаторомъ и первымъ проводникомъ давно назрѣвшей, но упорно отклонявшейся реформы. Генералъ-адъютанту Ванновскому не было дано довести до конца начатое имъ дѣло; но онъ заложилъ фундаментъ, на которомъ до сихъ поръ продолжаетъ рости новое зданіе, сравнительно богатое воздухомъ и свѣтомъ. Этого не видятъ или не хотятъ видѣть газетные реакціонеры, больше чѣмъ когда-либо въ послѣднее время оскорбляющіе память покойнаго министра не только порицаніемъ, но и похвалою.

Что̀ ставится въ вину генералу Ванновскому людьми, дерзающими говорить отъ имени Россіи, но выражающими, въ сущности, только мнѣніе небольшой и никѣмъ не уважаемой клики? Два дѣйствія, совершенныя „добрымъ старикомъ" подъ вліяніемъ какихъ-то изверговъ, которымъ „не было дѣла ни до русской семьи, ни до русскаго народа": „принятіе имъ на себя роли судьи-посредника между распущенною частью молодежи и полиціею", приведшей къ оправданію первой и осужденію послѣдней, и „приступъ къ ломкѣ старой школы безъ разработки новаго плана для ея замѣны". Оба обвиненія одинаково лишены фактическаго основанія. „Судьей-посредникомъ" между частью молодежи и полиціей—если можно назвать судомъ или посредничествомъ разслѣдованіе событій, безъ права произнесенія приговора,—генералъ Ванновскій былъ не въ качествѣ министра, а гораздо раньше, въ силу особаго Высочайшаго порученія, даннаго ему весною 1899-го года. Докладъ, тогда представленный имъ, не былъ распубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что безусловно благопріятнымъ онъ не былъ ни для той, ни для другой стороны. Никакой „ломкѣ" старая школа при П. С. Ванновскомъ не подверглась, хотя планъ реформы имѣлся, въ главныхъ чертахъ, на лицо; рядъ частичныхъ измѣненій долженъ былъ расчистить почву для постройки, на безпрепятственное окончаніе которой существовала тогда основательная надежда. Мы видѣли уже, что постройка продолжалась и послѣ ухода Ванновскаго, продолжается и теперь, хотя и въ менѣе широкихъ размѣрахъ. Коренной ошибки въ выборѣ пути не было, слѣдовательно, допущено даже съ точки зрѣнія преемниковъ ген. Ванновскаго.

Насъ хотятъ увѣрить, что генералъ Ванновскій, какъ министръ народнаго просвѣщенія, впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, какъ военнымъ министромъ, проведшимъ преобразованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. Военную школу онъ „возродилъ", „чудотворно прививъ ей порядокъ и дисциплину", создавъ этимъ самымъ „тѣхъ героевъ-офицеровъ, которые составляютъ теперь гордость русской семьи"; но въ гражданской школѣ онъ „сталъ твор-

цомъ еще бо̀льшей смуты и лишилъ авторитета весь воспитательный и руководительный ея составъ". Совершенно невѣрны исходныя точки этого сужденія. Порядокъ и дисциплина не были чужды Милютинскимъ военнымъ гимназіямъ; „героевъ-офицеровъ" выходило изъ нихъ не меньше, чѣмъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Это доказала съ полною ясностью восточная война 1877—78 г. Съ другой стороны, „воспитательный авторитетъ" гражданской школы былъ подорванъ гораздо раньше управленія генерала Ванновскаго; „смута" въ ея средѣ началась давно и къ концу 90-хъ годовъ достигла своего апогея. До тѣхъ поръ съ нею боролись преимущественно репрессіей, дошедшей до крайнихъ предѣловъ и все-таки безрезультатной; П. С. Ванновскій задался мыслью устранить самые источники смуты, насколько они коренятся въ устройствѣ школьнаго дѣла. Противорѣчія въ его дѣйствіяхъ не было уже потому, что задачи, которыя ему въ разное время предстояло рѣшить, были совершенно разнородны. Къ военной школѣ—разъ что признается необходимымъ съ самаго начала подчеркнуть ея спеціальный характеръ — предъявляются существенно иныя требованія, чѣмъ къ школѣ гражданской. Какъ военный министръ, П. С. Ванновскій исполнялъ эти требованія; какъ министръ народнаго просвѣщенія, онъ вполнѣ правильно призналъ ихъ неприменимыми въ области общаго образованія. „Подтягиванье" не принадлежитъ къ числу тѣхъ средствъ, которыя одинаково цѣлесообразны вездѣ и всегда. Понявъ эту простую истину и положивъ ее въ основаніе своихъ мѣропріятій, П. С. Ванновскій показалъ себя не только „добрымъ старикомъ", но и человѣкомъ, сохранившимъ, несмотря на преклонный возрастъ и на неподготовленность къ новому для него дѣлу, замѣчательную ясность ума и твердость воли.

Ретроспективныя нападенія на генералъ-адъютанта Ванновскаго имѣютъ въ виду не столько прошедшее, сколько настоящее и ближайшее будущее. П. С. Ванновскій считалъ нужнымъ коллективное обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ учебной реформы; его преемнику рекомендуется „не тратить времени на безконечныя, многоголовыя, а потому и безполезныя коммиссіи". П. С. Ванновскій признавалъ необходимость коренного измѣненія условій, при которыхъ дѣйствуетъ средняя и высшая школа; теперь пускается въ оборотъ мысль, что достаточно „вырвать твердою рукою плевелы изъ нивы народнаго просвѣщенія"—и „новый учебный годъ начнется при совершенно новой атмосферѣ порядка, дисциплины и религіозно-нравственнаго уклада". Перечисляются, затѣмъ, категоріи вредныхъ дѣятелей, противъ которыхъ должны быть направлены репрессивныя мѣры: это—„законоучители, проповѣдующіе ученикамъ толстовство; преподаватели исторіи, восхваляющіе передъ русскими дѣтьми всѣ мерзости французской

27*

революціи; учителя словесности, издѣвающіеся надъ Татьяной Пушкина и Лизой Тургенева и развращающіе учениковъ и ученицъ всѣми мерзостями Горькаго и Андреева". Такихъ преподавателей, безъ сомнѣнія, очень мало, и не въ нихъ, въ сущности, мѣтитъ псевдо-охранительная пресса. „Очищеніе" средней и высшей школы отъ „несогласномыслящихъ", искусственное единообразіе преподавателей и преподаванія, неразрывно связанное съ нимъ пониженіе умственнаго и нравственнаго уровня педагогическаго персонала—вотъ настоящая цѣль, преслѣдуемая представителями литературной полиціи. Но развѣ восхваляемый ими методъ леченья не былъ испытанъ много и много разъ? Развѣ не были удаляемы профессора и учителя, признанные, хотя бы только на основаніи предположеній и догадокъ, недостаточно благонадежными? Развѣ существовалъ такой попечитель учебнаго округа, который относился бы пассивно къ явнымъ нарушеніямъ преподавательскаго долга? Совѣтникамъ, вся мудрость которыхъ сводится къ восхваленію дисциплинарныхъ мѣръ, можно отвѣтить: es ist schon Alles da gewesen; строгость была доведена до nec plus ultra, а желанный результатъ достигнутъ все-таки не былъ... Для полноты картины прибавимъ еще одну черту, не требующую комментаріевъ: „ужасное положеніе", въ которомъ находится школа, приписывается „Московскими Вѣдомостями"... „либеральной интеллигенціи и печати"!

Попытки привлечь къ отвѣтственности интеллигенцію и печать,— т.-е. ту часть печати, которую принято называть „либеральною",— встрѣчаются, впрочемъ, не только на страницахъ реакціонныхъ газетъ. Въ рѣчи, обращенной къ мѣстному педагогическому персоналу, новый попечитель оренбургскаго учебнаго округа, Н. Ч. Заіончковскій, выразилъ мысль, что часть „интеллигентнаго общества и нѣкоторые органы печати, одни не вѣдая что̀ творятъ, другіе—отлично это вѣдая, подрывали въ глазахъ учащихся авторитетъ какъ учителей, такъ и учебныхъ предметовъ: учащихъ поголовно объявляли бездушными формалистами, чуть ли не врагами учениковъ,—а преподаваемые въ школѣ предметы — частью безполезными, частью сводомъ тенденціозно-подобранныхъ побасенокъ, разсчитанныхъ, будто бы, на задержку развитія учащихся". Неужели, однако, для обвиненія въ формализмѣ—направленнаго, конечно, не противъ всѣхъ учащихъ поголовно и даже не столько противъ учащихъ, сколько противъ системы, органами которой они служили, — не было никакихъ основаній? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что гимназическій режимъ, созданный гр. Д. А. Толстымъ и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, остававшійся почти неизмѣненнымъ, меньше всего способствовалъ установленію правильныхъ, довѣрчивыхъ отношеній между учащими и учащимися? Развѣ случайно исчезъ или сталъ до крайности рѣдкимъ тотъ типъ учителей, пред-

ставителями котораго являлись, въ шестидесятыхъ годахъ, Водовозовъ, Стоюнинъ, Ушинскій, Острогорскій? Какія впечатлѣнія вынесъ изъ педагогическаго міра В. В. Розановъ, въ то время еще весьма близкій къ ультра-охранителямъ и свободный, слѣдовательно, отъ подозрѣнія въ принципіальной враждѣ къ порядку, на стражѣ котораго стоялъ Катковъ? А изъ числа предметовъ, выдвинутыхъ на первый планъ уставомъ 1871-го года, развѣ не было такихъ, способъ преподаванія которыхъ отталкивалъ учениковъ и приводилъ въ отчаяніе родителей? Развѣ можно назвать „безполезными" тѣ предметы (русскую словесность, исторію, природовѣдѣніе), которымъ, въ обществѣ и въ печати, предлагалось дать болѣе широкую постановку, ограничивъ господствующую роль классическихъ языковъ? Мы не помнимъ, чтобы кто-нибудь называлъ сочиненія древнихъ авторовъ, даже въ томъ видѣ, въ какомъ они читались въ гимназіяхъ, „сводомъ тенденціозно-подобранныхъ побасенокъ"; но вѣдь на первый планъ выдвигалось, особенно до 1890-го года, не чтеніе авторовъ, а изученіе грамматики, отнюдь не благопріятствовавшее развитію учащихся. Не споримъ, словомъ *развитіе* иногда злоупотребляли; но развѣ можно отрицать, что, правильно понятое, оно является далеко не пустымъ звукомъ—и что о немъ мало думали творцы и исполнители устава 1871-го года?

Идеализируя среднюю школу, какою она была съ 1871 по 1890 г., г. попечитель оренбургскаго учебнаго округа изображаетъ настоящее положеніе ея въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Неправильное пониманіе сердечности привело къ „безсердечному упраздненію серьезнаго ученья". „Наши недавно еще *учебныя* заведенія обратились въ *неучебныя*, въ какія-то фабрики свидѣтельствъ, аттестатовъ, дипломовъ... Получившіе у насъ свидѣтельства объ окончаніи средней школы, переходя изъ нея въ высшую крайне невѣжественными, безъ интереса къ ученью и любви къ наукѣ, не привыкшими къ труду и недисциплинированными, естественно не въ состояніи заинтересоваться наукой и воспринимать ее въ этой высшей школѣ". Въ какой степени эта картина соотвѣтствуетъ дѣйствительности — мы судить не беремся; спросимъ только, многимъ ли больше, чѣмъ теперь, была распространена любовь къ наукѣ между оканчивавшими гимназическій курсъ 15—20 лѣтъ тому назадъ, многимъ ли сильнѣе была у нихъ привычка къ труду? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно вспомнить, что именно въ восьмидесятыхъ годахъ упала до минимума цифра поступающихъ на историко-филологическій факультетъ — факультетъ, составляющій какъ бы естественное продолженіе классической гимназіи. Невеликъ, значитъ, былъ интересъ къ классицизму, который гимназія, въ эпоху расцвѣта системы гр. Д. А. Толстого, умѣла вдохнуть въ своихъ питомцевъ... Замѣтимъ, въ добавокъ, что гимназистовъ, окончившихъ

курсъ въ 1902, 1903 и 1904 гг., перемѣны, введенныя П. С. Ванновскимъ и отчасти удержанныя въ силѣ при Г. Э. Зенгерѣ, вовсе не коснулись; переработкѣ подверглись, пока, только учебные планы низшихъ и среднихъ классовъ. Что касается до „сердечности", ставшей, въ 1901 г., девизомъ учебнаго вѣдомства, то весьма возможно, что кое-гдѣ ее смѣшали съ слабостью; но почему? Потому что въ средней школѣ, за послѣднюю треть вѣка, почти совершенно было утрачено понятіе объ истинно-сердечномъ отношеніи къ учащимся. Когда его стали требовать свыше, вмѣсто него во многихъ случаяхъ оказался на лицо только жалкій суррогатъ сердечности, чуждый искренняго чувства.

Отъ прошедшаго и настоящаго г. попечитель учебнаго округа перешелъ къ будущему. Указанія, имъ данныя, касаются въ особенности преподавателей отечественной исторіи. Онъ требуетъ отъ нихъ преподаванія въ духѣ исторической правды, но въ то же время въ направленіи строго-національномъ и патріотическомъ, какъ этотъ предметъ преподается въ школахъ всего цивилизованнаго міра. „Не скрывайте отъ учащихся—говоритъ онъ дальше—нашихъ слабыхъ сторонъ, печальныхъ событій въ исторіи родной земли, но пріучайте ихъ при этомъ относиться къ матери-Россіи и отрицательнымъ въ ней явленіямъ не такъ, какъ Хамъ отнесся къ своему отцу, а такъ, какъ отнеслись къ послѣднему Симъ и Іафетъ... Вдохните въ своихъ питомцевъ вѣру въ Россію". Симъ и Іафетъ, какъ повѣствуетъ библія, прикрыли наготу отца своего; ссылка на ихъ примѣръ едва ли поэтому совмѣстима съ требованіемъ исторической правды. Изъ двухъ несогласованныхъ между собою указаній руководящая роль слишкомъ легко можетъ остаться за тѣмъ, подчиненіе которому сопряжено съ наименьшимъ рискомъ: часть правды можетъ оказаться скрытой или окрашенной въ цвѣтъ, измѣняющій ея истинное значеніе. Между тѣмъ знакомство съ исторіей черпается учащимися не изъ однихъ только классныхъ уроковъ — и чѣмъ больше изложеніе учителя будетъ расходиться съ фактами, тѣмъ сильнѣе будетъ впечатлѣніе, получаемое отъ послѣднихъ. Не всегда могутъ привести къ желанной цѣли и усилія „вдохнуть вѣру", если въ основаніи ихъ лежитъ предписаніе начальства. Слова поэта: „man merkt die Absicht und man ist verstimmt"—примѣнимы не только къ читателямъ, но и къ слушателямъ, въ особенности если у преподавателя больше усердія, чѣмъ умѣнья.

Отрадно было встрѣтить въ рѣчи лица, призваннаго къ завѣдыванію школьнымъ дѣломъ въ одной изъ нашихъ окраинъ, выраженіе глубокаго уваженія къ памяти покойнаго П. Н. Ильминскаго и къ его системѣ просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ. Оговорка, сдѣланная ораторомъ,—что онъ чтитъ эту систему „въ чистомъ ея

видѣ"—не уменьшаетъ значенія его словъ, такъ какъ основной чертой системы Ильминскаго является значительная роль, отводимая, въ школѣ и въ церкви, природному языку инородцевъ. Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ и намѣреніе г. попечителя стремиться къ возможному увеличенію числа начальныхъ школъ. „На какія бы средства", говоритъ онъ, „онѣ ни открывались—казенныя, общественныя (городскія и земскія) или частныя—я буду привѣтствовать ихъ съ одинаковою радостью, равно любить ихъ... Мы здѣсь не одни дѣятели на нивѣ народнаго просвѣщенія: съ нами встрѣчаются на ней другія вѣдомства. Нашъ искренній имъ привѣтъ, миръ и любовь. Нива эта широка, а дѣлателей мало: всѣмъ хватитъ мѣста, и никакая междувѣдомственная борьба недопустима, хотя бы уже потому, что каждое вѣдомство дѣлаетъ одно и то же государево и земское дѣло". Нужно надѣяться, что точно такъ же смотритъ—или будетъ смотрѣть—на школьный вопросъ и духовное вѣдомство оренбургскаго края. Успѣшное развитіе начальной школы возможно только тогда, когда всѣ ея разряды пользуются одинаковымъ признаніемъ, когда ни одинъ изъ нихъ не претендуетъ на привилегированное положеніе сравнительно съ другими и не считаетъ пораженіемъ ихъ успѣхъ, количественный и качественный.

О важности распространенія въ оффиціальныхъ сферахъ такихъ взглядовъ на начальную школу, какіе выразилъ въ своей рѣчи г. попечитель оренбургскаго учебнаго округа, можно судить по слѣдующимъ фактамъ, заимствуемымъ нами изъ черниговской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 130). Въ черниговской губерніи числится около восьмисотъ начальныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ, но для введенія всеобщаго обученія къ нимъ нужно было бы прибавить еще не менѣе 1.600. Средства, отпускаемыя на школы, невелики, курсъ ученья слишкомъ короткій, результаты, достигаемые имъ, крайне недостаточны. Желая придти на помощь населенію, покойный губернскій предводитель дворянства кн. Н. Д. Долгоруковъ задумалъ основать общество, цѣлью котораго было бы развитіе образованія среди простонародья губерніи. Преждевременная смерть князя помѣшала осуществленію его желанія. Нынѣшній губернскій предводитель А. А. Мухановъ, желая продолжать дѣло своего предмѣстника, въ концѣ прошлаго года пригласилъ къ себѣ лицъ, соприкасающихся съ дѣломъ народнаго образованія въ губерніи, и предложилъ имъ ходатайствовать объ учрежденіи общества содѣйствія народному образованію въ черниговской губерніи. Программа общества намѣчалась очень широкая. Сюда входило устройство и содержаніе различныхъ школъ, общежитій при нихъ, библіотекъ, читаленъ, книжныхъ складовъ, забота о физическомъ раз-

витіи учащихся, разнообразная помощь учащимъ и проч. Уставъ общества былъ выработанъ бывшимъ предсѣдателемъ черниговской губернской земской управы В. М. Хижняковымъ и представленъ на утвержденіе. На дняхъ учредители общества получили сообщеніе отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа, что министерство народнаго просвѣщенія не признаетъ возможнымъ удовлетворить ходатайство объ учрежденіи общества. Какъ много теряетъ, вслѣдствіе такого отказа, населеніе черниговской губерніи, сколько силъ, готовыхъ работать на общую пользу, обрекается на бездѣйствіе—это не требуетъ объясненія. Достаточной гарантіей противъ „увлеченій" служила, повидимому, иниціатива губернскаго предводителя дворянства, не говоря уже о тѣхъ многочисленныхъ средствахъ наблюденія и контроля, которыми располагается учебное вѣдомство. Аналогичную неудачу потерпѣла черниговская губернія и по другому вопросу: не разрѣшены курсы, которые губернская земская управа предполагала устроить, въ теченіе нынѣшняго лѣта, для народныхъ учителей губерніи (по общей и агрономической химіи, физикѣ, ботаникѣ, зоологіи, землевѣдѣнію, педагогической психологіи, школьной гигіенѣ и русской исторіи).

Больше чѣмъ когда-либо стремленіе къ образованію чувствуется теперь на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, начиная отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Съ какою жадностью накидывается народъ на предлагаемую ему умственную пищу—это видно, между прочимъ, изъ послѣднихъ отчетовъ двухъ нижегородскихъ просвѣтительныхъ учрежденій: городской „пушкинской" безплатной народной читальни и коммиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы". Въ читальнѣ книги, газеты и журналы выдавались, въ теченіе 1903-го года, болѣе 36 тысячъ разъ. Между посѣтителями составляли: по сословіямъ—крестьяне 54%, мѣщане 36%; по степени образованія—окончившіе низшую школу почти 86%; по роду занятій—чернорабочіе 56%, мастеровые 25%, прислуга 6%. Главный контингентъ читателей, по словамъ отчета—обитатели трущобъ, бездомный оборванный людъ, босяки. Посѣщаютъ читальню и дѣти-золоторотцы, проводящіе иногда цѣлый день за чтеніемъ и привлекающіе къ тому своихъ товарищей. Крестьяне, приходящіе изъ деревни на заработки, часто обращаются съ просьбою дать почитать какую-нибудь книжку, предоставляя выборъ завѣдующему читальней. Никакихъ недоразумѣній съ публикой не было, порядокъ никѣмъ не нарушался, книги, за исключеніемъ двухъ случаевъ, возвращались въ исправности. Вся бѣда въ томъ, что число книгъ, допущенныхъ въ безплатныя народныя читальни, очень невелико, и матеріалъ для чтенія, при усердіи читателей, истощается слишкомъ скоро. Отсюда нѣкоторое уменьшеніе числа требованій, хотя читальня существуетъ

только три года. Чуть не каждый день приходится отказывать посѣтителямъ въ книгахъ, газетахъ и журналахъ, которые свободно выдаются въ читальняхъ, не носящихъ названія „народныхъ".

Очень интересенъ отчетъ коммиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы", о первыхъ шагахъ которой мы говорили въ прошедшемъ году [1]). Заключеніе, къ которому очень скоро пришла коммиссія, подтвердилось дальнѣйшимъ опытомъ: для народа вовсе не требуется какая-то особая народная литература. Публика, состоящая главнымъ образомъ изъ босяковъ, золоторотцевъ, рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ и пришедшихъ на заработки крестьянъ, съ величайшимъ вниманіемъ и восторгомъ слушаетъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островскаго, Тургенева, Некрасова, даже Шекспира. Чтенія продолжаются обыкновенно часа 3—4; ихъ было въ теченіе года 27, на каждомъ присутствовало отъ 400 до 600 чел., за годъ перебывало болѣе 12 тысячъ. Аудиторія всегда была переполнена и не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ слушать чтеніе. Ошибочно было бы думать, что бездомный людъ идетъ на чтенія съ цѣлью погрѣться: находящаяся рядомъ съ „Столбами" другая чайная, куда входъ для всѣхъ свободенъ, пустѣетъ во время чтеній въ „Столбахъ". Благодаря денежнымъ пожертвованіямъ и даровому труду, устройство каждаго чтенія обходилось коммиссіи лишь въ нѣсколько копѣекъ. Среди исполнителей оказалось немало талантливыхъ людей; своимъ художественнымъ чтеніемъ они увлекали слушателей настолько, что многіе приходили потомъ въ городскую читальню и требовали тѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ только-что слышали въ „Столбахъ". Мѣстность, гдѣ помѣщаются „Столбы" (Живоносновская улица) напоминаетъ Хитровъ рынокъ въ Москвѣ и еще недавно приводила въ ужасъ проходящихъ; теперь, съ открытіемъ безплатной читальни и безплатныхъ чтеній и развлеченій, здѣсь значительно меньше наблюдается разгула и пьянства. Во главѣ обоихъ учрежденій стоитъ одно и то же лицо (В. М. Волковъ). Любопытна сообщаемая мѣстной газетой („Волгаремъ") исторія его усилій, долго не приводившихъ къ цѣли. Когда онъ въ первый разъ, около десяти лѣтъ тому назадъ, поднялъ въ городской думѣ вопросъ объ открытіи народной читальни, предложеніе его было отклонено большинствомъ 35 голосовъ противъ 8, при чемъ одинъ изъ членовъ большинства выразился такъ: „для людей трудящихся нужно хорошее питаніе и хорошій сонъ, а не чтеніе книгъ и газетъ". Въ 1896 г. большинство противъ читальни опустилось до двухъ голосовъ (17 противъ 15). Побѣду принесли съ собою пушкинскіе дни 1899-го года: рѣшено было ознаменовать ихъ

[1]) См. „Обществ. Хронику" въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

открытіемъ читальни имени Пушкина. Къ сожалѣнію, данное ей наименованіе *народной*, до крайности ограничило кругъ доступнаго для нея матеріала. Примѣръ Нижняго-Новгорода доказываетъ съ полною ясностью необходимость расширенія каталога народныхъ читаленъ или преобразованія ихъ въ „общественныя" библіотеки, располагающія гораздо бо̀льшей свободой въ выборѣ книгъ и періодическихъ изданій.

Не такъ смотрятъ на дѣло наши газетные обскуранты. Вологодская городская дума постановила недавно открыть городскую публичную библіотеку, руководствуясь, между прочимъ, именно тѣмъ, что существующая въ Вологдѣ „народная" библіотека можетъ считаться достаточною только для подростковъ. Это постановленіе думы „Московскія Вѣдомости" называютъ „швыряніемъ денегъ". „Хотя бы на время войны"—восклицаетъ о̀рганъ г. Грингмута—„наши самоуправленія догадались бросить свои просвѣтительныя начинанія: это просто противно становится". Чтобы оцѣнить по достоинству эти слова, нужно замѣтить, что той же газетой вологодской городской думѣ ставится въ вину отказъ въ ассигнованіи средствъ на наемъ помѣщенія для содержанія военноплѣнныхъ японцевъ. Такое ассигнованіе вовсе не входитъ въ кругъ обязанностей, возложенныхъ закономъ на городское общественное управленіе. Городская дума имѣла полное право—или, лучше сказать, была обязана—отклонить расходъ, предметъ котораго стоитъ внѣ сферы городского благоустройства. Столь же несомнѣнно и то, что забота городского управленія о нуждахъ населенія — какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ—не можетъ и не должна быть прекращаема войною. Нѣкоторыя начинанія, болѣе крупныя, приходится, быть можетъ, отложить до другого времени, въ виду вызываемыхъ войною, обязательныхъ для города затратъ на призрѣніе солдатскихъ семействъ; но расходы, безспорно производительные и вмѣстѣ съ тѣмъ посильные для городской кассы (содержаніе городской библіотеки потребуетъ въ Вологдѣ ежегодно всего 600 рублей), вполнѣ совмѣстимы съ условіями военнаго времени. Вѣдь не исчезаетъ же, едва ли даже уменьшается въ это время пьянство; не должна, слѣдовательно, ослабѣвать и борьба съ пьянствомъ, одним изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ которой является возможно бо̀льшее распространеніе, возможно бо̀льшая доступность полезныхъ развлеченій.

Упрекая вологодскую думу за отказъ въ ассигнованіи средствъ на устройство помѣщенія для плѣнныхъ японцевъ, реакціонная печать продолжаетъ возставать противъ земскихъ и городскихъ пожертвованій на нужды военнаго времени, въ особенности если они находятся въ связи съ такъ называемой общеземской организаціей. Сначала развивавшаяся безпрепятственно, эта организація встрѣчаетъ теперь

оффиціальное противодѣйствіе. Пермское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило, вслѣдствіе протеста губернатора, постановленіе губернскаго земскаго собранія, предоставившее сто тысячъ рублей въ распоряженіе московской организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Опротестовано было и аналогичное постановленіе бессарабскаго губернскаго земскаго собранія, но протестъ этотъ былъ отклоненъ (по большинству голосовъ) губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ; губернаторъ остался при своемъ мнѣніи и перенесъ дѣло на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ своей стороны земство, по словамъ „Одесскихъ Новостей", возбудило, черезъ министра императорскаго двора, ходатайство о Высочайшемъ соизволеніи на присоединеніе бессарабскаго земства къ общеземской организаціи. Основаніемъ для такого ходатайства послужило, повидимому, полученіе кишиневскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства телеграммы съ выраженіемъ Высочайшей благодарности земству за сдѣланное имъ пожертвованіе, безъ всякой оговорки относительно его формы.

Въ борьбѣ противъ „общеземской организаціи" и противъ правомѣрности земскихъ постановленій о пожертвованіяхъ, вызванныхъ войною, особеннымъ невѣжествомъ отличился, какъ и слѣдовало ожидать, „Гражданинъ". Онъ увѣрялъ, что эти постановленія идутъ въ разрѣзъ съ принципомъ предѣльности обложенія и съ правомъ контроля, принадлежащимъ губернатору. Что это послѣднее право осталось неприкосновеннымъ—доказательствомъ тому служатъ только-что упомянутые нами протесты,—а при отсутствіи протеста не можетъ считаться нарушеннымъ и принципъ предѣльности, вовсе не имѣющій абсолютнаго значенія. Въ „Дневникѣ" кн. Мещерскаго предлагалось, дальше, обязать земство немедленно по окончаніи войны отмѣнить налогъ, вызванный пожертвованіями. Редактору „Гражданина", очевидно, неизвѣстно, что никакого новаго налога земства, по случаю войны, не вводятъ и ввести не могутъ. Не имѣя, бо̀льшею частью, свободныхъ текущихъ средствъ, они дѣлаютъ заимствованія изъ разныхъ капиталовъ, а для *постепеннаго* покрытія заимствуемыхъ суммъ повышаютъ процентъ обложенія. Возвратиться, вслѣдъ за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, къ прежнему проценту обложенія невозможно какъ потому, что это значило бы отказаться отъ безусловно необходимаго пополненія капиталовъ [1]), такъ и потому, что нужды, обусловленныя войною, требуютъ чрезвычайныхъ расходовъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ послѣ ея окончанія... И съ такими свѣдѣніями

---

[1]) Обыкновенный источникъ заимствованій—страховой капиталъ, важность пополненія котораго не требуетъ доказательствъ.

о земскомъ дѣлѣ газета осмѣливается произносить обвинительные приговоры надъ дѣятельностью земства!

Къ попыткамъ затормозить и съузить участіе общественныхъ учрежденій въ борьбѣ съ послѣдствіями войны реакціонныя газеты охотно присоединяютъ вылазки противъ отдѣльныхъ дѣятелей этой борьбы. Крайнихъ предѣловъ усердіе особаго рода достигаетъ въ статьѣ: „Телеграмма *съ душкомъ*", помѣщенной въ № 150 „Московскихъ Вѣдомостей". Въ концѣ мая уполномоченный московскаго городского общественнаго управленія на театрѣ военныхъ дѣйствій, А. И. Гучковъ, заявилъ, по телеграфу, убѣдительную просьбу прислать возможно больше бѣлья. „Не опасайтесь избытка" — гласила его телеграмма: —„громадный недостатокъ въ войскахъ и госпиталяхъ; запасовъ никакихъ нѣтъ". Что можетъ быть, повидимому, проще и невиннѣе такой просьбы? Мыслимо ли обращеніе ея въ доказательство неблагонамѣренности, близко соприкасающейся съ измѣной? Именно такой фокусъ продѣлываютъ, однако, „Московскія Вѣдомости", утверждая, что г. Гучкову *улыбается* констатируемый имъ недостатокъ, приписывая его телеграммѣ „таинственный смыслъ, а можетъ быть и умыселъ", приравнивая ее къ ложнымъ извѣстіямъ о взятіи Портъ-Артура, а самого г. Гучкова— къ японцамъ или враждебнымъ Россіи англичанамъ. Выступая съ подобными извѣтами, слѣдовало, по меньшей мѣрѣ, доказать, что въ мѣстѣ, откуда послана телеграмма, недостатка въ бѣльѣ не было вовсе. Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? „Московскія Вѣдомости" не знаютъ (хотя, конечно, легко могли бы узнать), гдѣ находится, откуда телеграфировалъ г. Гучковъ. Не могутъ онѣ, затѣмъ, знать и о томъ, въ чемъ именно данный госпиталь или данная часть войскъ чувствуетъ недостатокъ. Категорическому утвержденію г. Гучкова онѣ противопоставляютъ только *предположеніе*, что, въ виду большого количества отправленнаго на театръ военныхъ дѣйствій бѣлья и не особенно значительнаго, пока, числа раненыхъ (а больные?), бѣлья вездѣ *должно быть* достаточно. Ссылку защитниковъ г. Гучкова на то, что о потребности въ бѣльѣ свидѣтельствуетъ и уполномоченный Краснаго Креста, кн. Щербатовъ, газета опровергаетъ тѣмъ, что въ письмѣ кн. Щербатова идетъ рѣчь о *войскахъ*, получающихъ отъ начальства лишь самое *необходимое* и нуждающихся, поэтому, въ помощи Краснаго Креста; но вѣдь въ телеграммѣ г. Гучкова говорится, между прочимъ, о войскахъ, а не объ однихъ только госпиталяхъ. Не потрудились обвинители-добровольцы выяснить, наконецъ, и то обстоятельство, кому была адресована телеграмма г. Гучкова и предназначалась ли она имъ для печати? Если онъ послалъ ее московской городской управѣ, а широкую огласку она получила помимо его воли, то какъ назвать намеки „Московскихъ Вѣдомостей" на „таинственный

умыселъ" г. Гучкова? Допустимъ, однако, что г. Гучковъ прямо апеллировалъ къ широкой публикѣ; развѣ онъ не имѣлъ на то нравственнаго права? Развѣ, убѣдясь въ наличности вопіющей нужды и въ недостаткѣ средствъ для ея удовлетворенія, г. Гучковъ могъ скрывать или замалчивать истину, изъ опасенія перетолкованій? Да и какія здѣсь могутъ быть перетолкованія? Что госпитальное дѣло поставлено, во время настоящей войны, вообще хорошо—объ этомъ приходится слышать со всѣхъ сторонъ; но развѣ это исключаетъ возможность частныхъ недосмотровъ или просто случайныхъ пробѣловъ? Къ устраненію одного изъ нихъ и стремился г. Гучковъ, посылая свою телеграмму; открыть въ ней какой-то „душокъ" могло только болѣзненно-разстроенное обоняніе. Въ непозволительной выходкѣ противъ г. Гучкова слышится, кромѣ какого-то личнаго раздраженія, все та же свѣтобоязнь, которою такъ долго страдало наше общество. Страшнымъ, подъ ея вліяніемъ, представляется не самое зло: страшной представляется *правда*, раскрытіе которой—первый шагъ къ устраненію зла.

Рядомъ съ общественными учрежденіями мишенью для тенденціозныхъ нападокъ продолжаетъ служить либеральная пресса. Стыдно становится за печать, когда читаешь, напримѣръ, статьи „Московскихъ Вѣдомостей" противъ другой, особенно ненавистной имъ московской газеты. Перепечатавъ изъ „Варшавскаго Дневника" злобную характеристику „Русскихъ Вѣдомостей", поющихъ, будто бы, въ унисонъ съ польскими газетами и словно сожалѣющихъ о неудачѣ тѣхъ или другихъ японскихъ замысловъ, òрганъ г. Грингмута продолжаетъ такъ: „почти каждый день московская газета представляетъ новыя и новыя подтвержденія, что въ дѣлѣ отраженія новѣйшаго монгольскаго нашествія она заняла какое-то странное „нейтральное" положеніе, не дающее возможности съ твердымъ убѣжденіемъ сказать, что въ возникшей борьбѣ, несомнѣнно страшной и жестокой, ея усилія направлены всецѣло *противъ* (курсивъ въ подлинникѣ) врага нашего отечества". Чтò же приводится въ подтвержденіе этихъ словъ? Только то, что мнѣніе японскаго посла въ Вѣнѣ о такъ называемой „желтой опасности" воспроизведено „Русскими Вѣдомостями" *безъ всякой оговорки*, хотя оно представляетъ собою „сплошной диѳирамбъ Японіи, ея конституціонному устройству и т. п.". Никому не возбраняется, конечно, повторять, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ давно избитыя фразы о коварствѣ, хвастовствѣ, тщеславіи японцевъ— но болѣе чѣмъ странно возводить этотъ пріемъ на степень общаго правила и видѣть въ его несоблюденіи недостатокъ патріотизма. Заявленія японскихъ дипломатовъ—любопытный матеріалъ, съ которымъ слѣдуетъ знакомить читателей, но отнюдь не обязательный предметъ

полемики. Формула: „молчаніе—знакъ согласія“ здѣсь совершенно непримѣнима.

Мы замѣтили выше, что стремленіе къ расширенію и углубленію образованія проявляется, между прочимъ, и на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Въ Москвѣ, какъ сообщають „Русскія Вѣдомости“, составленъ, въ прошломъ году, проектъ общества, которое, состоя подъ покровительствомъ московскаго университета и московскаго техническаго общества, „имѣло бы цѣлью содѣйствіе успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій. Объединяя представителей чистой науки и техники, общество ставитъ задачей своей дѣятельности оказывать поддержку труженикамъ, работающимъ въ различныхъ отрасляхъ прикладного знанія и часто падающимъ духомъ и забрасывающимъ свой талантъ въ виду тѣхъ препятствій, которыя ставитъ жизнь на пути способному и производительному; общество намѣрено приходить на помощь такимъ работникамъ своимъ знаніемъ, руководствомъ, авторитетомъ, матеріальнымъ содѣйствіемъ. Казалось, симпатичная цѣль общества, подобнаго которому еще не имѣется въ Россіи, должна была бы обезпечить и возможно скорое его осуществленіе, тѣмъ болѣе, что общество основывалось не съ однѣми платоническими надеждами. Еще въ октябрѣ прошлаго года было положено основаніе его капиталу взносомъ суммы въ 100.000 рублей инициаторомъ общества, послѣ чего проектъ устава общества былъ посланъ на утвержденіе правительства. Съ тѣхъ поръ судьба проекта остается неизвѣстной. Оправданіе этой проволочки тяжелыми временами, переживаемыми нынѣ нашею родиной, въ данномъ случаѣ едва-ли было бы подходящимъ, такъ какъ именно эти тяжелыя времена подтверждаютъ значеніе цѣлаго ряда усовершенствованій и изобрѣтеній и подчеркиваютъ необходимость для Россіи идти болѣе энергично впередъ въ дѣлѣ знанія и техники. Съ другой стороны, авторитетность учрежденій, подъ покровъ которыхъ ставится новое общество, также, казалось бы, должна была вызвать со стороны высшей администраціи готовность содѣйствовать его осуществленію. Дѣло, однако, почему-то остается безъ дальнѣйшаго движенія. Желательно думать, что ему не суждено быть сведеннымъ на нѣтъ“. Мы раздѣляемъ вполнѣ и эту надежду, и ожиданіе крупныхъ результатовъ отъ ея исполненія. Самая мысль объ учрежденіи такого общества служитъ, въ нашихъ глазахъ, характернымъ и отраднымъ признакомъ настроенія, все больше и больше овладѣвающаго умами.

Гораздо скромнѣе, но не менѣе симпатично другое дѣло, также задуманное въ Москвѣ. Московское губернское земство предполагаетъ устроить, лѣтомъ будущаго года, общеземскую выставку по народному

образованію. Ходатайство о разрѣшеніи выставки уже представлено правительству. Проектируются два отдѣла выставки: первый имѣетъ цѣлью дать сравненіе различныхъ мѣстностей по постановкѣ въ нихъ народнаго образованія, второй—освѣтить различныя отрасли этого дѣла въ ихъ настоящемъ положеніи и намѣтить пути къ ихъ дальнѣйшему усовершенствованію. Нужно ли говорить, откуда идетъ уже теперь оппозиція этому проекту, кто спѣшитъ заранѣе набросить подозрѣніе на его авторовъ? „Выставкѣ"—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости"—„можно было бы сочувствовать, если бы за нею не скрывалась все та же *общеземская* затѣя г. Шипова. При выставкѣ, по всей вѣроятности, будетъ организованъ, подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ, какой-нибудь *общеземскій* съѣздъ съ гастролями нашихъ извѣстныхъ политическихъ *этуалей* либерализма, со всѣми извѣстными въ такихъ случаяхъ послѣдствіями". Болѣзнь, которую мы когда-то назвали *земствофобіей*, оказывается неизлечимой; все чаще и чаще повторяющіеся ея пароксизмы получаютъ все болѣе и болѣе отталкивающій характеръ.

Въ „Новомъ Времени" появилось недавно письмо В. Д. Спасовича, доказывавшее необходимость равноправности языковъ русскаго и польскаго въ общественныхъ учрежденіяхъ привислинскаго края. Газета, въ отношеніи своемъ къ окраинамъ сходящаяся почти во всемъ съ реакціонной прессой, послѣдовала, въ данномъ случаѣ, принципу: audiatur et altera pars. Напечатанная ею, вслѣдъ затѣмъ, корреспонденція старалась опровергнуть мнѣніе В. Д. Спасовича, не нарушая основныхъ условій правильнаго спора. Иначе поступилъ „Русскій Вѣстникъ" (№ 6, стр. 883—4), не остановившійся, въ возраженіи В. Д. Спасовичу, передъ самыми странными полемическими пріемами. В. Д. Спасовичу приписывается намѣреніе сдѣлать изученіе польскаго языка обязательнымъ для всѣхъ русскихъ—участниковъ мѣстнаго самоуправленія въ привислинскомъ краѣ,—а это намѣреніе признается равносильнымъ желанію посадить *русскій народъ* за польскій букварь и польскую грамматику. „Отчего бы"—восклицаетъ журналъ—„не предложить еще обязательнаго обращенія русскихъ въ католическую вѣру, да кстати ужъ не возстановить ли польское *крулевство* и не подчинить ли ему Московію на правахъ *быдла* отъ Александрова до Владивостока"?! „Подумайте сами"—читаемъ мы дальше,—„что бы сталось съ Россіей, еслибы она пошла на подобныя уступки всѣмъ народностямъ, которыя населяютъ ее. Если признать польскій языкъ равноправнымъ, то справедливость требуетъ признать и остальные языки тоже равноправными съ русскимъ. Тогда бы русскимъ въ

казанской, уфимской и т. п. губерніяхъ, да въ доброй трети Россіи пришлось изучать языкъ татарскій, въ Бердичевѣ и тому подобныхъ городахъ—изучать еврейскій языкъ, въ Закавказіи—грузинскій, армянскій языки и всѣ нарѣчія горцевъ, въ Сибири инородцы бы потребовали изученія ихъ языковъ и т. д. Мыслимое ли это дѣло и не было ли бы это столпотвореніемъ вавилонскимъ?.. Полагаемъ, что благоразумная часть русскаго общества не раздѣлитъ мнѣнія г. Спасовича и не согласится на подобныя уступки, ведущія къ разрушенію столь великими трудами созданнаго государства россійскаго". Отстраняя явныя преувеличенія, нагроможденныя журналомъ въ видѣ „жупеловъ" для устрашенія читателей, ограничимся разсмотрѣніемъ тѣхъ немногихъ аргументовъ, за которыми можно признать хоть какое-нибудь значеніе. Допустимъ, что въ привислинскомъ краѣ будутъ введены выборныя городскія думы и земскія собранія. Кто войдетъ въ ихъ составъ изъ среды русскаго населенія края? Очевидно—только тѣ, кто имѣетъ въ немъ болѣе или менѣе постоянную осѣдлость и прочно съ нимъ связанъ занятіями или имущественнымъ положеніемъ. Столь же несомнѣнно и то, что такія лица, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, *понимаютъ* польскій языкъ и, слѣдовательно, могутъ усвоить себѣ содержаніе рѣчей, произносимыхъ по-польски. Для совмѣстной дѣятельности ихъ съ поляками больше ничего и не нужно, такъ какъ они сами, конечно, говорили бы въ собраніяхъ по-русски. Чтобы понимать польскій языкъ, нѣтъ надобности въ изученіи польскаго букваря и польской грамматики; достаточно прислушаться къ живому польскому слову—а для живущихъ среди поляковъ это не представляетъ никакихъ затрудненій. Если наличность общей почвы, на которой, въ мирномъ трудѣ, будутъ сходиться русскіе и поляки, послужитъ для первыхъ лишнимъ побужденіемъ къ знакомству съ польскимъ языкомъ, то это не принесетъ имъ ничего, кромѣ пользы. Совершенно инымъ будетъ положеніе поляковъ, если отъ нихъ потребуется произнесеніе рѣчей непремѣнно по-русски: научиться говорить на чужомъ языкѣ—говорить правильно или, по меньшей мѣрѣ, свободно,—несравненно труднѣе, чѣмъ дойти до пониманія того, что говорятъ другіе... Софизмомъ, и весьма слабымъ, является, далѣе, ссылка на разноязычіе народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства. Съ польскимъ языкомъ, имѣющимъ славное прошлое и богатую литературу, нельзя, очевидно, сравнивать ни еврейскій жаргонъ (вѣдь не на древне-еврейскомъ же языкѣ говорятъ между собою евреи, живущіе въ Россіи), ни нарѣчія не-культурныхъ инородцевъ. Нельзя упускать изъ виду и того, что послѣдніе на сѣверѣ и востокѣ Россіи почти вездѣ сильно перемѣшаны съ русскими, между тѣмъ какъ въ привислинскомъ краѣ масса населенія принадлежитъ

къ польской національности. Возможно бо̀льшее уравненіе народностей, что̀ бы ни прорицали наши ретроградныя Кассандры, имѣло бы результатомъ не разрушеніе, а укрѣпленіе русскаго государства.

Въ нашей апрѣльской хроникѣ мы упомянули о статьѣ „Гражданина", возводившей на бывшую новоторжскую уѣздную земскую управу обвиненіе въ *недочетѣ*, весьма похожемъ на растрату; тогда же мы привели соображенія, убѣждавшія насъ въ неосновательности этого обвиненія. Оказывается, что мы не ошиблись. Въ письмѣ, полученномъ редакціею „Вѣстника Европы" 28-го мая, т.-е. послѣ отпечатанія іюньской книжки, бывшій предсѣдатель управы, Н. А. Балавинскій, сообщаетъ, что никакого недочета въ земской кассѣ, въ день сдачи ея вновь назначенной управѣ, не было и что на клеветническое обвиненіе „Гражданина" можно отвѣтить не иначе, какъ привлеченіемъ кн. Мещерскаго къ уголовной отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. А. Балавинскій удостовѣряетъ, что бывшіе земскіе врачи новоторжскаго уѣзда, которые, по словамъ „Гражданина", поспѣшили бросить свои мѣста, оставивъ населеніе безъ медицинской помощи, на самомъ дѣлѣ продолжали свои занятія дальше назначеннаго ими срока и сдали свои должности врачамъ, назначеннымъ новою управою.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Комитета по организаціи Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Казани.

Комитетъ по организаціи Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Казани, избранный съ разрѣшенія господина Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа изъ среды профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго Университета, считаетъ долгомъ увѣдомить городскія и земскія общественныя учрежденія Восточной Россіи о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ въ г. Казани предполагается открытіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ съ отдѣленіями историко-филологическимъ и физико-математическимъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ.

Предположено принимать на Курсы лицъ, кончившихъ женскія среднія учебныя заведенія. Преимущественное право поступленія на Курсы предполагается предоставить лицамъ женскаго пола, кончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округовъ: Казанскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго и Западно-Сибирскаго, а также въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Восточной Сибири и Средней Азіи. Въ настоящее время уроженки и жительницы этихъ мѣстностей, ищущія высшаго образованія, принуждены направляться въ столичные города, надолго отрываться отъ семьи и нерѣдко страдать отъ дороговизны жизни въ столицахъ. Этими соображеніями и руководствовались профессора и преподаватели Казанскаго Университета, возбуждая ходатайство объ открытіи Высшихъ Женскихъ Курсовъ на Востокѣ Россіи, въ г. Казани. Въ настоящее время проектъ положенія о Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ г. Казани уже выработанъ и находится на разсмотрѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій для скораго открытія и правильной организаціи Курсовъ является количество матеріальныхъ средствъ, которыми будутъ располагать Курсы. Комитетъ по организаціи Курсовъ возлагаетъ въ этомъ отношеніи надежду на матеріальную поддержку со стороны городскихъ и земскихъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, и поэтому обращается къ городскимъ и земскимъ общественнымъ учрежденіямъ Восточной Россіи съ покорнѣйшею просьбою оказать матеріальную поддержку дѣлу, предпринятому въ интересахъ всего Востока Европейской Россіи и Сибири. Починъ пожертвованіямъ уже положенъ Казанскимъ Губернскимъ Земствомъ, внесшимъ въ кассу Комитета 3.000 р. въ ознаменованіе столѣтняго юбилея Императорскаго Казанскаго Университета, предстоящаго 5 ноября 1904 г.

II. — Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1905 г.

Золотая медаль, учрежденная 1878 г. С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ въ память заслугъ вице-предсѣдателя этого Общества, члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Воронова, нынѣ находящаяся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Общества Грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ 1905 г. автору лучшаго сочиненія, посвященнаго одной изъ слѣдующихъ темъ:

1) *Исторія возникновенія и развитія Обществъ содѣйствія начальному народному образованію въ Россіи и общій обзоръ ихъ дѣятельности.*

Трудъ этотъ долженъ быть написанъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и дать по возможности полную и безпристрастную картину дѣятельности этихъ Обществъ на пользу народнаго просвѣщенія; при этомъ должно быть выяснено значеніе частной иниціативы въ связи съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла и общимъ состояніемъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ, обращая должное вниманіе на примѣнявшіяся мѣропріятія для доставленія какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія, автору слѣдуетъ выяснить значеніе имѣющагося въ этомъ дѣлѣ опыта и указать желательныя средства, способы и задачи для наиболѣе плодотворнаго развитія дѣятельности Обществъ.

2) *Книга для чтенія по отечественной географіи и исторіи.*

Желательно имѣть популярно изложенный систематическій очеркъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній о Россіи для читателя, имѣющаго образованіе лишь начальное. Выборъ матеріала предоставляется автору, однако при изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду религіозное міросозерцаніе православнаго народа русскаго, необходимо преимущественно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ жизни Россіи. Весьма желательны соотвѣтственно подобранныя иллюстраціи къ тексту.

3) *Сочиненіе, посвященное вопросу о введеніи сельско-хозяйственныхъ занятій въ начальной школѣ и устройству школьныхъ хозяйствъ.*

Вопросъ этотъ долженъ быть по возможности всесторонне освѣщенъ и разсмотрѣнъ отчасти на основаніи опыта Французской и Германской школы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни. Здѣсь должно быть принято во вниманіе не столько утилитарное, сколько общепедагогическое значеніе такихъ занятій, основанныхъ на наблюденіи и ознакомленіи съ природою. Съ другой стороны, слѣдуетъ выяснить какъ общественное значеніе такихъ

школьныхъ хозяйствъ, такъ и ихъ практическое значеніе для жизн сельскаго учителя. Сочиненіе это, однако, не должно ограничивать одними общими разсужденіями академическаго характера, но заклю чать въ себѣ наглядные примѣры и факты, взятые изъ русской школь ной жизни, а конечные выводы формулировать въ вполнѣ ясныхъ опредѣленныхъ тезисахъ.

Всѣ представляемыя на конкурсъ сочиненія должны удовлетворят требованіямъ литературнаго изложенія. Труды эти могутъ быть ка печатные, такъ и рукописные.

Условія присужденія медали въ память А. С. Воронова:

1) Согласно правилъ о медали въ память А. С. Воронова, так вая можетъ быть присуждена за сочиненіе, явившееся въ предш ствующіе два года предъ послѣднимъ присужденіемъ медали, а та какъ медаль была присуждена въ текущемъ 1904 г., то нынѣ так вая можетъ быть присуждена лишь за сочиненія, появившіяся раньше 1901 года.

2) Сочиненіе должно быть представлено въ Правленіе С.-Пете бургскаго Общества Грамотности (С.-Пб., Театральная ул., д. № 5 или избранную для присужденія медали Воронова особую коммисс не позже 1 декабря сего 1904 года, причемъ до этого срока кажд дѣйствительный членъ Общества имѣетъ право письменно заявить тѣхъ трудахъ, которые, по его мнѣнію, имѣли бы право на присужд ніе медали.

3) Если признано будетъ удостоеннымъ медали рукописное соч неніе, то таковое, по соглашенію Правленія С.-Петербургскаго Общ ства Грамотности съ авторомъ, можетъ быть издано за счетъ Общ ства, съ уплатою автору вознагражденія по соглашенію.

ПОПРАВКА.

Въ іюньской книгѣ журнала, стр. 617, строка 11 сверху, напечатано: „бо четырехъ лѣтъ"; слѣдуетъ читать: „не болѣе четырехъ лѣтъ".

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлев

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія —Характеристики. Съ портретомъ В. А. Спб. 904. Стр. 623. Ц. 3 р. 50 к.

Хотя въ предисловіи къ настоящему сборнику и говорится, что этотъ сборникъ положитъ „нѣкоторую преграду столь обычному у насъ забвенію о служителяхъ высшихъ общественныхъ потребностей", какимъ несомнѣнно и былъ Викторъ Антоновичъ, — но этотъ сборникъ такъ богатъ и такъ превосходно составленъ, что онъ заслужитъ лучшимъ памятникомъ покойному и его обширной и плодотворной дѣятельности, которую такъ коротко и вмѣстѣ такъ полно охарактеризовали надписи на вѣнкахъ, возложенныхъ на его гробъ,—на одномъ: „Человѣколюбивому стражу закона", а на другомъ: „Отцу сиротъ". За біографическимъ очеркомъ покойнаго, написаннымъ А. Ѳ. Кони, слѣдуютъ самыя „Воспоминанія" о покойномъ и его „Характеристики", расположенныя въ пяти отдѣлахъ. Первые три отдѣла посвящены тремъ періодамъ и вмѣстѣ центрамъ его служебной и общественной дѣятельности: Тобольскъ, Калуга и Варшава. Главное мѣсто принадлежитъ, конечно, Калугѣ, гдѣ В. А. былъ губернаторомъ въ трудный и важнѣйшій историческій моментъ русской исторіи (1858—1868 г.г.)—время уничтоженія вѣкового крѣпостного права. Два послѣдніе отдѣла: „юбилейный" (1891 г.) и „посмертный" (1893 г.) содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ привѣтствій В. А. по поводу его юбилея, и искреннія, сердечныя обращенія къ его глубоко чтимой памяти. Кто изъ близко знавшихъ Виктора Антоновича не повторитъ и теперь, по истеченіи перваго десятилѣтія со времени его кончины, строфы изъ стихотворенія его родственника и друга, А. М. Жемчужникова:

„Пусть время скорбь мою смягчить уже успѣло, —
Но по тебѣ, мой другъ, тоскою я томимъ;
И часто, загрустивъ душой осиротѣлой,
Зову тебя: „...гдѣ ты? Приди, поговоримъ,
Надъ современностью въ бесѣдѣ духъ возвысимъ,
Побудемъ въ области добра и красоты!...
„Но ты безмолвствуешь!..."

Костомаровъ, Н. И.—Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга третья: т.т. VII и VIII. — Изданіе Литературнаго Фонда. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Въ настоящемъ, новомъ изданіи два тома прежняго, авторскаго изданія, VII-й и VIII-й, соединены въ одну книгу, по порядку третью изъ тѣхъ восьми книгъ, которыя должны впослѣдствіи соединить въ себѣ всѣ 21 томъ прежнихъ изданій. Содержаніе этого новаго выпуска составляетъ исторія „сѣверно-русскихъ народоправствъ", республикъ: Новгородской, Псковской и Вятской,—во времена „удѣльно-вѣчевого уклада";—эта исторія была избрана Н. И. Костомаровымъ первоначально какъ предметъ для чтеній по вступленіи его на каѳедру въ здѣшнемъ университетѣ, въ 1860—61 годахъ. Списокъ источниковъ, помѣщенныхъ въ началѣ книги, послужившихъ историку основаніемъ, при изученіи и изложеніи избраннаго имъ отдѣла нашей исторіи, столь же интереснаго, сколько и важнаго,—содержитъ въ себѣ свыше 200 названій, кромѣ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ. Одно это уже говоритъ о всесторонности и глубинѣ изслѣдованій со стороны автора, и дѣйствительно, изложивъ подробно политическую исторію отношеній Великаго Новгорода, Вятки, его независимой колоніи, и Пскова —къ прочимъ русскимъ землямъ, къ ливонцамъ, инородцамъ и между собою, Костомаровъ останавливается спеціально на описаніи общественной жизни и нравовъ этихъ трехъ республикъ, посвящаетъ особую главу ихъ торговой международной дѣятельности и исторіи новгородской церкви, стремившейся, путемъ борьбы съ владыками, къ самостоятельности. Для удобства пользованія этимъ обширнымъ трудомъ, не утратившимъ и понынѣ своего научнаго значенія, независимо отъ мастерства изложенія, которымъ отличался Костомаровъ, издатели присоединили весьма подробный алфавитный указатель собственныхъ именъ для этихъ двухъ томовъ.

Богуславскій, Н. Д., полковн. генер. шт.—Японія. Военно-топографическое и статистическое обозрѣніе. Изд. 2-е. Спб. 1904.

Первое изданіе, благодаря тому, что уже съ августа прошедшаго года начались усиленные переговоры съ Японіею, вызвавшіе всеобщій интересъ къ этой странѣ, быстро выступившей на историческую сцену,—разошлось „менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ по выходѣ", а въ виду не прекращавшагося спроса на него въ публикѣ, авторъ былъ принужденъ безотлагательно повторить его, ограничившись одними поправками, съ весьма небольшими дополненіями. Главная цѣль этого труда состоитъ въ изслѣдованіи элементовъ, составляющихъ сильныя и слабыя стороны японской имперіи—въ военномъ отношеніи; но тѣмъ не менѣе читатель найдетъ здѣсь краткій историческій очеркъ Японіи, весьма подробное описаніе страны по ея островамъ, государственнаго и административнаго ея устройства, положеніе земледѣлія, скотоводства и шелководства, рыболовства, финансовъ и вооруженныхъ силъ. Въ приложеніяхъ помѣщены: описаніе японскихъ колоній, 116 статистическихъ таблицъ и подробная географическая карта Японіи. Авторъ составлялъ свой трудъ до начала настоящей войны, но уже въ предчувствіи близкой ея возможности, и пришелъ въ концѣ книги къ слѣдующему заключенію, какъ результату своихъ изслѣдованій: „Пополняемая значительнымъ по численности (около 50 милл. жителей), единоплеменнымъ, грамотнымъ и патріотичнымъ населеніемъ, обученная и организованная по-европейски, японская армія является серьезнымъ противникомъ".

Новая карта военныхъ дѣйствій. Маньчжурія и Корея. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904. Ц. 80 коп.

Это изданіе, превосходно выполненное (въ масштабѣ 1 дюймъ на 50 верстъ) и притомъ довольно доступное по цѣнѣ, съ дополнительными картами Квантунской области, Портъ-Артура и Владивостока, имѣетъ еще одно очень важное преимущество — предъ всѣми прочими, намъ извѣстными картами, а именно, оно снабжено алфавитнымъ указателемъ, при помощи котораго можно легко найти тотчасъ же на картѣ городъ или мѣстечко, упоминаемые въ телеграммахъ или корреспонденціяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1904 г.

(Тридцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ го[д]
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	[illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, [іюлѣ] и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. [П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Одесскія [Новости"], Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

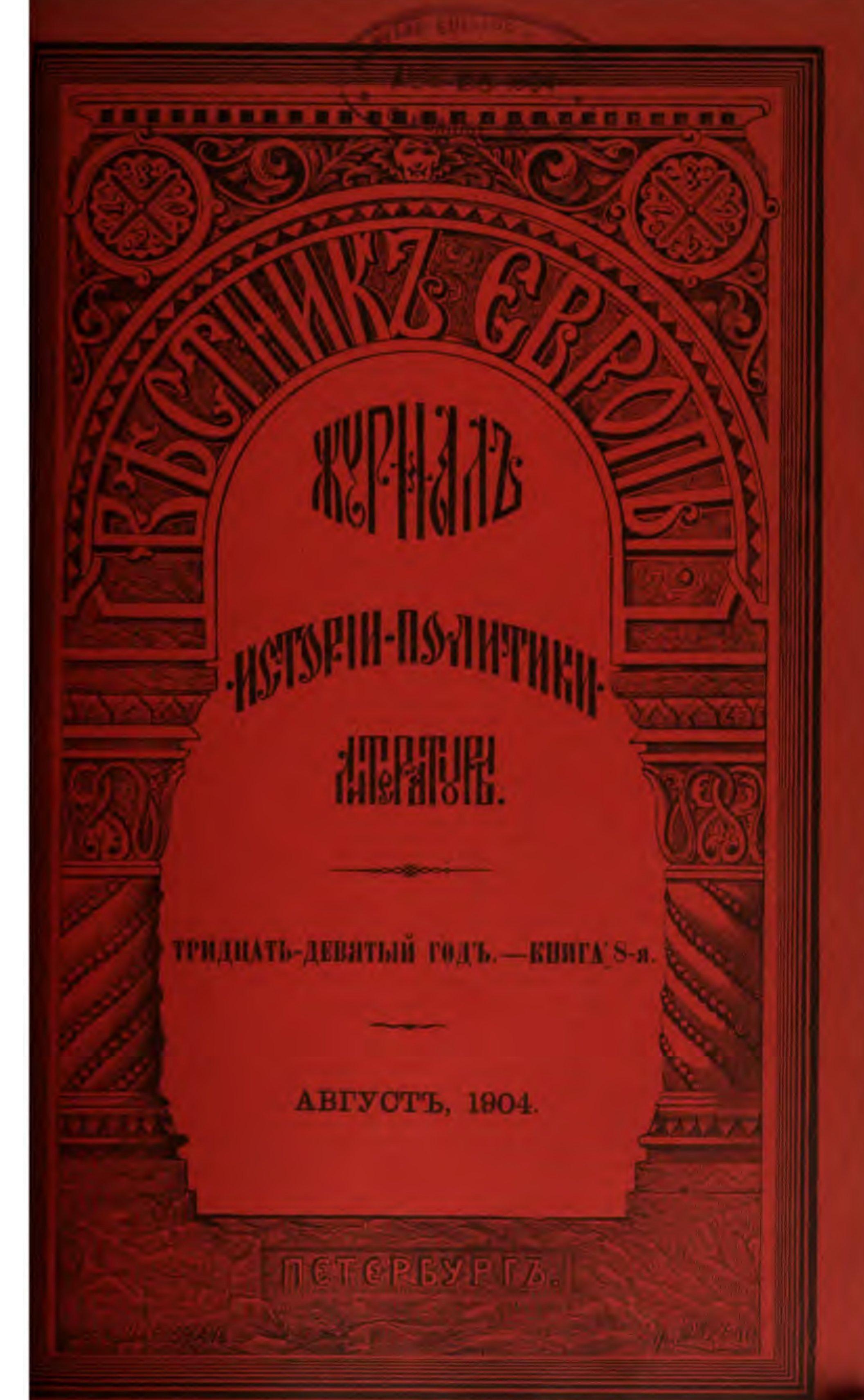
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Билеты на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

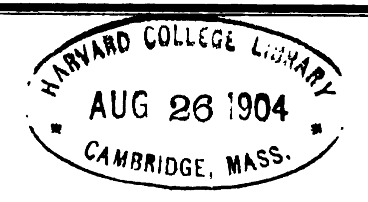

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1904.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1904-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

СОРОКЪ ЛѢТЪ

ТОМУ НАЗАДЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Окончаніе.

VI *).

Осень 1862 года.

Начало шестидесятыхъ годовъ вообще было очень отзывчиво къ общественнымъ интересамъ, да и крупные интересы этого же рода выдвигались тогда одинъ за другимъ. Печать имѣла значительную возможность не только обсуждать вопросы и критиковать проекты, но и обличать въ этихъ интересахъ отдѣльные жизненные факты, приводя имена и подробности обстоятельствъ. А при такой возможности сами органы печати относились къ своему дѣлу болѣе серьезно, стараясь выяснять дѣйствительность и ея нужды ради достиженія основа[illegible] понятій о нихъ, а направленія—проводить наиболѣе [illegible]нныя. Вопросъ о „направленіи“ былъ тогда на первомъ [illegible] Флюгерство, ловленіе внѣшнихъ вѣяній, угожденіе низ[illegible] вкусамъ и инстинктамъ, безразлично къ ихъ достоин-

*) [illegible]чше, іюль, стр. 5.

ству, не имѣли такого простора, какой они получили впослѣдствіи; напротивъ, если проявлялись гдѣ-нибудь подобныя поползновенія, то они возбуждали въ обществѣ чувство отвращенія. Поэтому печать являлась извѣстною нравственною силою и роль ея въ бóльшей мѣрѣ была—наставительная. Значительная часть ея отражала лучшіе элементы общества, и общество больше заимствовалось отъ нея серьезными мыслями, чѣмъ искало въ ней развлеченія. При такихъ условіяхъ, то, чѣмъ занималась печать, показывало—какія мысли обращались въ обществѣ.

Въ началѣ осени 1862 года ожидали большихъ реформъ отъ близкаго будущаго, но преобладающій интересъ принадлежалъ еще крестьянскому дѣлу. Какъ объяснено было выше, въ это время шелъ процессъ практической развязки крестьянско-помѣщичьихъ отношеній по разнымъ деревнямъ. Между прочимъ, прилагалось много усилій къ одностороннему устройству интересовъ [1]). Понятно, поэтому, какъ распространено и напряжено было вниманіе къ тому, насколько бумажныя рѣшенія „Положеній" уберегутся отъ искаженій на практикѣ, въ какую плоть и кровь облекутся они, тѣмъ болѣе, что люди, заинтересованные въ крестьянскомъ дѣлѣ, встрѣчались почти во всѣхъ сферахъ. А на такой вопросъ всего краснорѣчивѣе могли отвѣчать отдѣльные примѣры съ ихъ подробностями, показывавшіе—какъ устроилось дѣло помѣщика такого-то съ крестьянами такого-то селенія. Случаи успѣха неправильностей и примѣры встрѣченныхъ злоупотребленіями препонъ давали основанія судить о степени существовавшаго простора несправедливостямъ и о солидности гарантій противъ нихъ. Но печать въ этой области не только удовлетворяла читательскому интересу, а еще въ значительной мѣрѣ помогала самому дѣлу, такъ какъ ея критика и вообще гласность не оставались безъ вліянія на самихъ тѣхъ, отъ кого зависѣлъ исходъ крестьянскихъ дѣлъ. Чтò могло бы быть продѣлано или пропущено втихомолку—не могло проходить такъ успѣшно, ставъ предметомъ общаго вниманія, въ томъ числѣ и представителей власти, которые въ тогдашнее живое время очень считались съ силою публичнаго сужденія; да и люди, непосредственно заинтересованные въ односторонностяхъ, совѣстились освѣщенія некрасивыхъ дѣйствій. И вотъ, отдѣльныя кре-

[1]) Вотъ гдѣ значительная часть корней пресловутаго вопроса объ „оскудѣніи центра", причинъ котораго у насъ ищутъ такъ невпопадъ. Односторонности проявлялись вездѣ, но въ западномъ краѣ крестьянъ выручала политика, а на югѣ и востокѣ—земельный просторъ; въ центрѣ же выручать было нечему, и односторонности остались безъ противовѣса.

стьянскія дѣла стали выплывать въ печати массою; одни занимали мѣсто въ провинціальныхъ корреспонденціяхъ между разными текущими фактами, а другимъ посвящались спеціальныя статьи. Много бы можно было почерпнуть изъ этого матеріала, но въ виду его обилія ограничусь приведеніемъ, для образца, только одного дѣла, выдававшагося какъ по способу обращенныхъ на крестьянъ дѣйствій, такъ и по видности положенія помѣщика.

Пересматривая печатные журналы губернскихъ присутствій, наткнулся я разъ на возникшій въ ярославской губерніи споръ между адмираломъ кн. Меншиковымъ (бывшій морской министръ и главнокомандующій въ крымскую войну) и крестьянами Васильевской волости. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. По „Положенію" назначена была для каждой мѣстности опредѣленная норма высшаго крестьянскаго земельнаго надѣла на душу, съ тѣмъ, что если фактически у крестьянъ земли въ пользованіи было столько же или больше, то они имѣютъ право получить въ надѣлъ полную означенную норму, а если меньше, то— должны удовольствоваться сохраненіемъ этого меньшаго противъ нормы количества. У васильевскихъ крестьянъ земли было больше нормы, слѣдовательно они имѣли право на полученіе въ надѣлъ полной нормы, но противъ этого-то съ противоположной стороны заранѣе подготовлена была замысловатая атака. Еще за два года до изданія „Положеній", когда основанія ихъ были неизвѣстны, но о предстоявшей постановкѣ размѣра надѣла въ зависимость отъ фактическаго крестьянскаго пользованія могло знать лицо, принадлежавшее къ высшимъ сферамъ, уполномоченный кн. Меншикова, чиновникъ Егоровъ, объявилъ крестьянамъ помѣщичій „приказъ" — согласиться на уменьшеніе ихъ земельнаго пользованія, причемъ отрѣзка была обѣщана имъ же въ аренду. Крестьяне не соглашались; имъ пригрозили взысканіями, и въ результатѣ явился письменный ихъ приговоръ съ выраженіемъ не только вытребованнаго согласія, но еще и благодарности помѣщику. Вдобавокъ, написаны были условія, на основаніи которыхъ каждый крестьянинъ оставлялъ за собою въ арендѣ ту самую долю земли, которая считалась отрѣзанною отъ его участка, а въ арендную плату обращалась та доля прежняго же оброка, какая причиталась на эту отрѣзку. Такимъ образомъ, въ сущности никакой перемѣны сдѣлано не было, каждый продолжалъ владѣть, чѣмъ владѣлъ, и платить, что̀ платилъ, — но на бумагѣ части крестьянской земли и платежей переименовались въ арендныя. Все это, не отражаясь ни на

крестьянскихъ, ни на помѣщичьихъ выгодахъ, въ первое время могло казаться даже безцѣльнымъ, но цѣль выказалась послѣ изданія „Положеній", когда дошло до составленія уставныхъ грамотъ. Представитель кн. Меншикова, показывая, для исчисленія надѣла, фактическое крестьянское пользованіе, исключилъ изъ него мнимо-отрѣзную землю, въ качествѣ арендной, и такъ какъ затѣмъ остатокъ этого пользованія оказался мéньшимъ противъ установленной нормы, то онъ и назначилъ крестьянамъ въ надѣлъ по уставной грамотѣ, вмѣсто полной нормы, только это уменьшенное количество земли. Значитъ, фиктивная аренда введена была для будущей убавки надѣла. А эта убавка имѣла еще связь съ размѣромъ платежей, такъ какъ при полномъ надѣлѣ — за него назначался точно опредѣленный оброкъ, а при уменьшенномъ — оброкъ этотъ понижался не соотвѣтственно убавкѣ надѣла, а въ меньшей степени, потому что цѣлая половина полнаго оброка за душевой надѣлъ налагалась на одну первую его десятину, отчего, по полученіи, напр., половины надѣла, мужику приходилось платить три четверти оброка, и т. далѣе. Словомъ, земли крестьянамъ у кн. Меншикова давалось меньше должнаго, а каждая десятина облагалась платежомъ сильнѣе, и это былъ выдающійся примѣръ того, какъ обрѣзываніе крестьянскихъ выгодъ предусмотрительно подготовлялось еще раньше изданія „Положеній". Понятно, что крестьяне стали возражать противъ уставныхъ грамотъ, добиваясь полнаго надѣла; ихъ поддерживалъ и мировой посредникъ, возвратившій грамоты Егорову, съ указаніемъ, что надѣлъ долженъ опредѣляться сообразно дѣйствительному положенію, бывшему при крестьянскомъ освобожденіи, а не тому фиктивному, какое выставлялось по имѣнію кн. Меншикова. Тогда Егоровъ выступилъ съ своими возраженіями, обвиняя мирового посредника въ томъ, что онъ противится состоявшемуся между помѣщикомъ и крестьянами соглашенію и, не довѣряя добровольности этого соглашенія, тѣмъ самымъ входитъ, вопреки закону, въ разборъ дѣйствій помѣщика во время крѣпостного права, то-есть нарушаетъ священный принципъ неприкосновенности крѣпостныхъ дѣйствій для критики. Губернское присутствіе сначала само стало на точку зрѣнія посредника, но потомъ обнаружило колебаніе, и такъ дѣло оставалось въ неопредѣленномъ положеніи.

Встрѣтивъ столь выдающееся дѣло, я составилъ о немъ статью, и Аксаковъ немедленно помѣстилъ ее въ „Днѣ". Въ дѣлѣ этомъ особенно бросалась въ глаза попытка явно извратить значеніе добровольныхъ соглашеній. Законъ, дѣйстви-

тельно, очень благопріятствовалъ подобнымъ соглашеніямъ, но— современнымъ, состоявшимся уже при равноправности сторонъ, когда каждая изъ нихъ могла свободно принимать или отклонять предложенія другой, а какую же добровольность можно было признавать въ дѣйствіи, совершенномъ при крѣпостномъ правѣ, когда съ одной стороны объявлялся „приказъ“, подкрѣпленный угрозою наказанія, а другая, по закону же, должна была безпрекословно повиноваться! Да и понятіе „аренды“ предполагаетъ взаимно-независимыхъ людей, изъ которыхъ каждый владѣетъ договорнымъ правомъ, защищеннымъ закономъ отъ нарушеній съ противной стороны; а что̀ это за арендаторы, у которыхъ владѣлецъ во всякое время могъ и отнять землю безъ вмѣшательства властей, и потребовать за нее, не стѣсняясь уговоромъ, что̀ ему вздумается! Наконецъ, рѣзкою несообразностью представлялось и то, что помѣщичья сторона отрицала право властей входить въ разборъ достоинства того самаго, состоявшагося при крѣпостномъ правѣ соглашенія, исполненія котораго она требовала отъ тѣхъ же властей уже при крестьянской свободѣ.— Опубликованіе этого замѣчательнаго дѣла произвело впечатлѣніе. Какъ только оно появилось въ печати — въ редакцію „Дня“ присланы были изъ орловской и владимірской губерній отъ двухъ тамошнихъ мировыхъ посредниковъ сообщенія, что точно такія же дѣла возникли и въ ихъ мѣстностяхъ по другимъ Меншиковскимъ имѣніямъ; а затѣмъ обнаружилось, что то же самое сдѣлано было еще въ двухъ большихъ имѣніяхъ кн. Меншикова—въ тульскомъ и въ 28 деревняхъ Круговской вотчины клинскаго уѣзда, московской губерніи. Въ этихъ послѣднихъ деревняхъ надѣлъ уменьшался даже слишкомъ вдвое, съ 6 десятинъ на $2^1/_2$ десятины на душу, и мировой посредникъ уже утвердилъ-было грамоты, произведя надъ крестьянами за ихъ несогласіе расправу арестами; защиту же крестьянскихъ интересовъ здѣсь принялъ на себя А. М. Унковскій. Сходство обстоятельствъ во всѣхъ упомянутыхъ дѣлахъ доходило до стереотипности: и бумажное распредѣленіе крестьянской земли на надѣльную и арендную предъ изданіемъ „Положеній“, и вынужденные приговоры, и урѣзка надѣла по уставнымъ грамотамъ; даже дѣйствующимъ лицомъ съ помѣщичьей стороны всюду оказывался одинъ и тотъ же чиновникъ Егоровъ. Словомъ, во всѣхъ этихъ имѣніяхъ подготовлена была издалека одинаковая атака на крестьянское право. Всѣ вновь обнаруженныя дѣла попали въ свою очередь на страницы „Дня“. Круговскіе крестьяне прихо-

дили въ Москву къ Унковскому, являлись и въ редакцію „Дня", а иногда Унковскій присылалъ ихъ и ко мнѣ.

Мировые посредники и губернскія присутствія относились къ перечисленнымъ дѣламъ различно: была и защита крестьянъ, встрѣчались рѣшенія противъ нихъ, проявлялись и колебанія; но вліяніе печати брало свое, и въ результатѣ всюду губернскими присутствіями было утверждено право крестьянъ на спорную землю; раскинувшаяся въ нѣсколькихъ губерніяхъ махинація такимъ образомъ не удалась. На вліяніе печати, кромѣ сообщеній съ мѣста, указывало еще то, что экземпляры рѣшеній губернскихъ присутствій немедленно присылались въ редакцію „Дня". При этомъ особенно выдавалось постановленіе тульскаго присутствія. Оно состоялось по большинству голосовъ, а при отдѣльномъ мнѣніи остался губернскій предводитель, который твердо стоялъ на томъ, что у кн. Меншикова несомнѣнно было съ крестьянами „добровольное" соглашеніе, и основывалъ это на такихъ соображеніяхъ: „распоряженіе помѣщика (объ отрѣзкѣ земли для аренды) было объявлено; крестьяне признали его для себя невыгоднымъ, начали жаловаться, неповиноваться; ихъ усмирили... они же, видя невозможность сопротивляться, подчинились; а такое подчиненіе есть *соглашеніе по крѣпостному праву*". Вотъ какія юридическія понятія циркулировали еще мѣстами въ ту пору!

Публичная критика означенныхъ дѣлъ не оставалась неизвѣстною и самому кн. Меншикову. Онъ не оправдывался въ печати, но,—какъ разсказывали круговскіе крестьяне,—пріѣхалъ разъ въ Круговское имѣніе, созвалъ крестьянъ и при нихъ сталъ бранить Егорова, обвиняя его во всей этой исторіи: это, молъ, ты все затѣялъ; я вовсе не хотѣлъ обижать своихъ мужиковъ, я желалъ быть съ ними въ мирѣ, а ты вздумалъ меня съ ними ссорить; изъ-за тебя теперь на меня пальцами указываютъ, меня ославили и т. д.—Но другого рода рѣчь пришлось тѣмъ же крестьянамъ выслушать отъ мѣстнаго губернатора. Послѣдній,—по словамъ ихъ,—прибывъ въ Круговскую волость, сдѣлалъ имъ грозное внушеніе въ такомъ родѣ:—Понимаете ли вы, что я хоть и губернаторъ, а ничего не значу въ сравненіи съ такимъ лицомъ, какъ вашъ помѣщикъ! Какъ же вы осмѣлились заводить съ нимъ такіе споры! и т. д.—Затѣмъ сдѣланы были разныя стѣснительныя для крестьянъ административныя распоряженія.

Вообще, печать въ то время играла немалую роль въ крестьянскомъ дѣлѣ. Однако, не всегда это удавалось, потому что и тогда встрѣчались дѣла нѣкоторыхъ лицъ, ограждавшіяся отъ

гласности. Статьи о подобныхъ дѣлахъ, бывало, набирались, но затѣмъ корректуры ихъ возвращались, украшенныя цензорскимъ veto, такъ что становилось неяснымъ —чьи дѣла могутъ и чьи — не могутъ подлежать оглашенію. Различіе въ направленіи крестьянскаго дѣла по мѣстностямъ обращало на себя и правительственное вниманіе. Около того же времени назначена была порученная сенатору Капгеру ревизія крестьянскаго дѣла въ двухъ губерніяхъ: калужской и владимірской. Въ первой изъ нихъ ревизію вызвали громкія помѣщичьи жалобы на направленіе, даваемое дѣлу губернаторомъ Арцимовичемъ, котораго обвиняли въ систематическомъ крестьянофильствѣ и дѣйствованіи во вредъ помѣщикамъ, причемъ раздутыя жалобы подобнаго рода встрѣтили печатную поддержку въ органѣ Каткова. Въ самомъ составѣ калужскаго губернскаго присутствія шла острая внутренняя борьба, и хотя большинство было на сторонѣ Арцимовича, но стойко держалась и оппозиція, причемъ съ отдѣльными мнѣніями въ антикрестьянскомъ духѣ то-и-дѣло выступали члены фонъ-Ренне и Зыбинъ. Ревизія, однако, не подтвердила обвиненій, и для удаленія Арцимовича изъ Калуги понадобилось прибѣгнуть къ почетной формѣ—назначенію его сенаторомъ одного изъ московскихъ департаментовъ, послѣ чего калужской оппозиціи открылся уже бо̀льшій просторъ. Напротивъ, во владимірской губерніи сенатору Капгеру пришлось обнаружить не мало неправильностей въ противоположномъ направленіи. Тамъ вѣсы больше бывали наклоняемы на помѣщичью сторону и стѣснялись крестьяне, что̀ проявлялось иногда довольно рѣзко; противъ большинства же въ губернскомъ присутствіи выступалъ съ болѣе достойными мнѣніями членъ присутствія Спиридовъ, который, помнится, и поплатился за свою стойкость удаленіемъ по министерской иниціативѣ. Боевое было время въ мірѣ крестьянскихъ учрежденій. Капгера я тоже разъ встрѣтилъ на Аксаковской пятницѣ.

Начало октября принесло крупную новость, давшую печати надолго обильный матеріалъ для сужденій: разомъ объявлены были „Основныя Положенія“ для двухъ новыхъ большихъ реформъ, судебной и земской. Органы печати съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ обратились къ первой изъ нихъ. Огромная важность судебнаго преобразованія и новизна его началъ могли и сами по себѣ достаточно объяснять это вниманіе, но перевѣсу его особенно содѣйствовало то, что ужъ черезчуръ наболѣла всѣмъ неправда стараго суда, такъ какъ кривосудіе и взяточничество напоминали о себѣ ежедневно. Жажда скорѣе избавиться отъ

этой язвы или хоть облегчить страданія съ этой стороны была очень острымъ чувствомъ того времени. Проектированныя же: гласность судопроизводства, учрежденіе присяжныхъ, мировой судъ и организованная адвокатура представлялись такими коренными отличіями отъ стараго судебнаго строя, что не могли не заинтересовать собою живѣйшимъ образомъ все русское общество. Оттого судебная реформа и выдвинулась на первый планъ. Во всѣхъ печатныхъ органахъ выступили ряды статей о будущемъ судѣ, объявленныя „Положенія“ разбирались съ различныхъ сторонъ и къ нимъ прилагались всѣ наличныя точки зрѣнія. Между прочимъ, пришлось приложить къ нимъ славянофильскую, и тутъ неизбѣжно выступили своеобразности.

Аксаковъ, глубоко возмущавшійся старымъ судомъ, но въ то же время старавшійся все освѣщать воззрѣніями своей школы, впалъ въ нѣкоторую двойственность. Съ одной стороны онъ чувствовалъ, что въ проектахъ реформы есть много живого и несомнѣнно гораздо лучшаго по существу, а съ другой—не оставляли его обычная подозрительность къ заимствованіямъ изъ иноземныхъ образцовъ и къ „Петербургу“, привычка къ оппонированію имъ, а также—желаніе согласить и это новое дѣло съ всегда искомыми древними русскими началами; ему хотѣлось, чтобы реформа была очищена отъ всякой подражательности. Отъ такого смѣшенія пошли вперемежку сочувствія съ отрицаніями. Сначала Аксаковъ выступилъ съ собственною статьею, въ которой иронически замѣчалъ, что мы-де живемъ наканунѣ возведенія Россіи въ новый чинъ цивилизованнѣйшаго государства на европейскій манеръ; что Петербургъ, безъ совѣта съ представителями населенія, даритъ насъ усовершенствованными учрежденіями въ исправленномъ переводѣ съ иностраннаго; приводилъ документальныя справки о томъ, какъ для выработки Уложенія царя Алексѣя Михайловича привлекались выборные люди, трунилъ надъ звучавшими по-иноземному словами „кассація“, „сессія“ и т. под. Одобряя публичность и гласность суда, онъ замѣчалъ, что если старый судъ весь былъ безобразнымъ наслѣдіемъ Петровской эпохи, то и въ новомъ проектѣ слабо слышится присутствіе народной мысли, такъ что остается вопросомъ—насколько новыя формы будутъ менѣе чужды, меньше жать и тѣснить народную жизнь. Но потомъ онъ далъ въ своей газетѣ просторъ обстоятельнымъ разборамъ „Положеній“, которые и потянулись на нѣсколько мѣсяцевъ, не всегда между собою согласуясь. Однако, изъ своеобразной двойственности отношенія къ дѣлу въ самомъ началѣ возникла непріятная исторія.

Въ числѣ первыхъ критиковъ „Положеній“ выступилъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Аксакова—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (тогдашній цензоръ)—человѣкъ особенныхъ воззрѣній, во многомъ симпатичныхъ, примыкавшихъ къ славянофильству, но доходившихъ иногда до странности. Какъ цензоръ, онъ былъ извѣстенъ полнымъ сочувствіемъ свободѣ слова,—за что̀ ему доставалось по службѣ,—и самъ онъ писалъ много. У него была склонность проникать въ сущность предметовъ „поглубже“, освѣщать вопросы съ бытовой точки зрѣнія, по части народнаго духа и народныхъ понятій, которыхъ онъ считалъ себя знатокомъ—стремленіе въ сущности почтенное, но при увлеченіяхъ нерѣдко заводящее на скользкій путь, потому что глубины народнаго духа не очень легко даются нашему вѣдѣнію, а, неосторожно разбираясь между ними, можно попадать мимо и забираться въ дебри, производя такое впечатлѣніе, что тутъ человѣкъ просто „мудритъ“. Съ такимъ пріемомъ подошелъ Гиляровъ-Платоновъ къ вопросу о присяжныхъ и сразу перемудрилъ, набросивъ на будущность этого учрежденія мрачный колоритъ. Заявивъ вначалѣ, что нѣтъ и не можетъ быть ни одного народа въ мірѣ, для котораго бы не годился судъ присяжныхъ, онъ вслѣдъ затѣмъ предусматривалъ для этого суда у насъ неудачу, опасность опошленія и несоотвѣтствіе интересамъ правосудія. Крестьяне,—предрекалъ онъ,—будутъ тяготиться участіемъ въ судѣ присяжныхъ не только потому, что, при дальности и дороговизнѣ отлучекъ отъ хозяйства, это обратится для нихъ въ тяжелую повинность, но и потому, что судить обвиняемаго вообще несогласно съ ихъ духомъ: какъ-де судить христіанскую душу, когда „чужая душа потемки“! Налагать кару—несовмѣстно съ любовью къ ближнему, съ понятіемъ о человѣческой ограниченности, и, вообще, осужденіе есть дѣйствіе, приличествующее только власти Божіей. Пусть, дескать, караетъ власть, а самому идти на такое дѣло, какъ причиненіе страданія ближнему—грѣшно. Купцу и чиновнику отрываться отъ своихъ дѣлъ въ судъ присяжныхъ тоже будетъ тяжело, а охотно потянутся въ присяжные развѣ помѣщикъ-прогрессистъ, студентъ и т. под. Поэтому, при смѣшанномъ составѣ присяжныхъ, представители собственно народной совѣсти окажутся пассивными, не поймутъ они прокурорскихъ и адвокатскихъ рѣчей съ ихъ жестами, станутъ уклончиво подчиняться „господамъ“ и пренебрежительному къ нимъ давленію предсѣдателя. При такихъ условіяхъ, преступленія противъ собственности будутъ оправдываться всегда, убійства—часто, нравственные въ тѣсномъ смыслѣ проступки—

рѣже, а непремѣнному обвиненію подвергались бы обвиняемые въ проступкахъ политическихъ, во всякомъ возстаніи противъ власти, если бы сужденіе о послѣднихъ предоставлено было присяжнымъ; стало быть, присяжные легко могутъ оказаться лишнею мебелью въ судѣ.—Въ одномъ же мѣстѣ Гиляровъ выразился такъ, что обязанность судить людей „противна нравственному чувству".—Вотъ какія мрачныя и сбивчивыя представленія вынесла неосторожная экскурсія въ область народнаго духа: и годны присяжные для всякаго народа въ мірѣ, и обратятся въ лишнюю мебель у русскаго народа, словно русскіе—рѣзкое исключеніе по неспособности къ пользованію общественною властью; а возможные отрицательные примѣры обобщались до затушевыванія всего положительнаго въ учрежденіи.

Отзывъ Гилярова-Платонова одиноко прозвучалъ среди другихъ, сочувственныхъ реформѣ, отзывовъ и вызвалъ въ печати неблагопріятную оцѣнку. Между прочимъ, рѣзко выступилъ противъ него въ неподписанной статьѣ одинъ изъ публицистовъ „Нашего Времени", Мельгуновъ. Замѣчаніе, что обязанность судить людей „противна нравственному чувству", онъ понялъ въ томъ смыслѣ, будто по мнѣнію Гилярова новый судъ призывается „совершать безнравственныя дѣйствія"—и пошла острая полемика. Гиляровъ обидѣлся и отвѣтилъ своему противнику высокомѣрнымъ тономъ, усматривая въ приписываніи ему (Гилярову) означеннаго мнѣнія „кинутое изъ-за угла фальшивое обвиненіе", желаніе очернить противника, выставить его врагомъ общественнаго порядка, словомъ—придалъ словамъ публициста „Нашего Времени" характеръ литературнаго доноса. Пошли укоры въ непониманіи того, что̀ понятно даже малолѣтку, въ неспособности различать понятія о безнравственномъ и только противномъ нравственному чувству, а дальше Гиляровъ насмѣшливо обратился еще къ объяснительнымъ примѣрамъ, которые-де болѣе доступны разумѣнію несильныхъ умовъ: отецъ, молъ, наказывая свое дитя за проступокъ, не дѣлаетъ ничего безнравственнаго,—однако это противно его нравственному чувству; кредиторъ, требуя уплаты долга, тоже поступаетъ не безнравственно, но это можетъ быть противно нравственному чувству, потому что простить долгъ было бы несомнѣнно еще нравственнѣе. Все это высказывалось въ такихъ вызывающихъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ, что Мельгуновъ обидѣлся еще сильнѣе Гилярова (тогда въ писательской средѣ еще не отвыкли считать мерзостью литературный доносъ) и печатно, въ очень недвусмысленной формѣ, потребовалъ удовлетворенія *дѣломъ*, т.-е., какъ гсѣ

поняли, вызывалъ на дуэль. Такъ понялъ и самъ Аксаковъ, замѣтившій потомъ въ своей газетѣ, что подобному требованію мѣсто не въ гласной печати, такъ какъ оно „должно дѣлаться иначе и при другихъ условіяхъ“, причемъ съ своей стороны выразилъ согласіе принять на себя за Гилярова отвѣтственность дѣломъ, если не окажется возможнымъ покончить все объясненіями. Исторія приняла тревожный характеръ, и трудно было предугадывать исходъ. Острый моментъ для него пришелся какъ разъ на ноябрьскій пятничный вечеръ, когда у Аксакова было много гостей. Въ это время посыльные носили записки то отъ Мельгунова къ Аксакову, то отъ Аксакова къ Мельгунову; Аксаковъ имѣлъ угрюмый, сосредоточенный видъ, удалялся временами поговорить отдѣльно съ болѣе близкими, а среди остальныхъ присутствовавшихъ шли толки, что переговоры ведутся именно по вопросу о дуэли: неужели Аксаковъ, всегда бывшій противъ подобныхъ расправъ, не выдержитъ послѣдовательности и въ острый моментъ рѣшится на дуэль? А если рѣшится, то какъ печальна будетъ опасность и для него самого, и для такого живого органа, какъ „День“! Однако, въ концѣ вечера Аксаковъ вынесъ изъ кабинета и прочелъ предъ всѣми текстъ своего отвѣта, въ которомъ высказалъ, что такъ какъ чувство чести не можетъ заглушить въ немъ чувства правды, то онъ по совѣсти признаетъ, что какъ Гиляровъ вышелъ изъ дозволенныхъ предѣловъ литературной полемики, давъ тѣмъ своему противнику право оскорбиться, такъ и этотъ послѣдній увлекся еще далѣе, а затѣмъ онъ, Аксаковъ, готовъ отвѣчать и „дѣломъ“. Отвѣтъ этотъ появился въ „Днѣ“, и затѣмъ раздраженіе сторонъ успокоилось. А еще черезъ недѣлю напечатано было и письмо Гилярова, гдѣ онъ, укоривъ Аксакова въ принятіи за него, безъ его согласія, отвѣтственности, заявлялъ, что и самъ ни отъ какой отвѣтственности не уклоняется. Такъ завершился своеобразный эпизодъ, вызванный первыми опытами обсужденія проектовъ судебной реформы.

Но замѣчательно, что проектъ земскихъ учрежденій въ ту пору почти не возбуждалъ къ себѣ значительнаго интереса, какъ бы теряясь въ лучахъ вопроса о судебномъ преобразованіи. Сколько помню, въ видѣнныхъ мною литературныхъ московскихъ кругахъ объ этомъ проектѣ или ничего не говорили, или ограничивались самыми короткими и поверхностными отзывами, или даже придавали ему не то значеніе, какое онъ имѣлъ. Въ о́рга́нѣ Каткова, напр., хотя и высказывалось, что затмѣваемый судебною реформою проектъ земскихъ учрежденій представляетъ „ко-

лоссальную“ законодательную мѣру, какъ основа мѣстнаго самоуправленія, но помимо такого общаго замѣчанія важность земскаго проекта усматривалась въ его связи съ податною реформою, чего на дѣлѣ вовсе не было: въ зависимости-де отъ вопроса о земскихъ учрежденіяхъ находится податная реформа, такъ какъ на эти учрежденія должна быть возложена раскладка податей, а съ устраненіемъ связанныхъ съ подушною податью фискальныхъ стѣсненій личности—Россія въ состояніи будетъ покрывать бюджетные дефициты. Объясненіе выходило туманное и направленное не въ ту сторону, куда слѣдовало. Вообще, не замѣтно было предчувствія того самостоятельнаго творчества, какое проявятъ проектированныя учрежденія, не видѣлось, что выступаетъ большое жизненное дѣло. Хотя будущія земскія собранія и управы являлись несомнѣнно общественными органами, но въ мало благопріятномъ свѣтѣ представлялась ихъ роль. Отчасти это объяснялось тѣмъ, что существовали тогда два вида налога, носившіе названіе „земскихъ“,—крупный „государственный“ и очень маленькій „губернскій“ сборы,—но изъ нихъ въ завѣдываніе новыхъ учрежденій передавались предметы назначенія только этого послѣдняго сбора.

— Что-жъ,—замѣчали вскользь,—будутъ и новые большіе органы, а заниматься имъ придется такимъ маленькимъ дѣломъ, которое обходится въ двѣ-три копѣйки на душу. Да эти органы сами, пожалуй, будутъ стòить дороже,—чѣмъ же тутъ особенно интересоваться!—Мало останавливались на мысли, что будущіе общественные органы займутся не однѣми обязательными повинностями, но съумѣютъ такъ развить необязательные бюджеты, вводя новые предметы общественнаго хозяйства, что это и подвинетъ народное образованіе, и создастъ народу врачебную помощь, и удовлетворитъ массу другихъ существенныхъ потребностей мѣстной жизни, и дастъ ощутить дѣйствительное общественное представительство, услышать голосъ настоящихъ жизненныхъ нуждъ. Только уже съ слѣдующаго года земскій вопросъ сталъ выходить изъ тѣни, къ нему начали относиться серьезнѣе, и печать съ бòльшимъ вниманіемъ принялась намѣчать то, чтò представлялось болѣе нужнымъ для успѣшной дѣятельности земскихъ учрежденій.

Какъ ни притягивали къ себѣ общественное вниманіе ближайшіе крупные вопросы обновленія русской жизни, однако значительная часть его продолжала отвлекаться острыми проявленіями польскаго національнаго движенія, которыя въ это время становились все тревожнѣе. Правительство дѣлало значи-

тельныя уступки въ прежней системѣ управленія царствомъ польскимъ, вводило тамъ новыя учрежденія съ мѣстною національною окраскою и другія соотвѣтствующія мѣры, но это не удовлетворяло поляковъ, и выраженія протеста съ ихъ стороны слѣдовали одно за другимъ. Манифестаціи продолжались и въ царствѣ польскомъ, и въ разныхъ пунктахъ западнаго края, и это, вмѣстѣ съ заявленіями заграничной печати, укрѣпляло представленіе, что поляки сохраняютъ притязанія не на одну свою національную свободу, но и на западный край. Послѣднее въ особенности возбуждало русскую, преимущественно московскую печать. Въ концѣ 1862 года еще держались сомнѣнія, успокоится ли все мирнымъ путемъ реформъ, хотя бы медленно и съ трудомъ, или дойдетъ до попытокъ возстанія, но около этого времени выступилъ новый рельефный симптомъ упомянутыхъ притязаній. Въ половинѣ сентября дворянство подольской губерніи, собравшись на выборы, составило адресъ съ ходатайствомъ объ административномъ соединеніи подольской губерніи съ царствомъ польскимъ. Какъ ни старался губернаторъ Брауншвейгъ предупредить или остановить такое дѣло—это не удалось, и адресъ состоялся, послѣ чего предводители были преданы суду и вытребованы въ Петербургъ, а выборы уничтожены и дворянскія собранія прекратились до настоящаго времени. Разумѣется, довольно было взгляда на карту для убѣжденія въ томъ, что ходатайство возбуждалось не ради удобствъ общаго управленія двумя черезполосными странами, а имѣло другую, вовсе не двусмысленную подкладку. Событіе это долго не допускалось къ опубликованію, и свѣдѣнія о немъ сначала передавались только слухами, а въ печать попали слишкомъ черезъ два мѣсяца. Въ Москвѣ оно возбудило большіе разговоры, и на поляковъ посыпались громы негодованія. Въ Аксаковскомъ обществѣ возобновились горячія бесѣды о польскомъ дѣлѣ въ томъ смыслѣ, что оно—вовсе не вопросъ національной свободы: если поляки, требуя свободы для себя, въ то же время посягаютъ на край русскаго населенія, то ихъ цѣль—не свобода, а господство надъ чужою народностью, подавленіе *ея* свободы, и тутъ они проявляютъ вѣрность традиціи тѣхъ мотивовъ, которые ставили ихъ подъ Наполеоновскія знамена для подавленія геройски защищавшихся испанцевъ и подъ турецкія знамена для поддержки угнетенія балканскихъ славянъ и т. под. А въ болѣе тѣсномъ славянофильскомъ ядрѣ Аксаковскаго общества стали появляться признаки такого раздраженія, какое уже затрудняло разговоръ и, впослѣдствіи возростая, доходило въ 1863 году до крайностей.

Но если раздражали поляки, то еще бо̀льшія порицанія обращались на русскихъ помѣщиковъ подольской губерніи, участвовавшихъ въ рѣшеніи дворянства.

— Какъ могли они приложить свою руку къ такому преступному по отношенію къ *ихъ* народности дѣлу!—возмущался Аксаковъ.—Вина ихъ не можетъ быть смягчаема ни національнымъ увлеченіемъ,—какъ у поляковъ,—ни недомысліемъ, ни чѣмъ-либо другимъ, такъ какъ если даже чего не могъ внушить имъ разумъ, то должно было сказать имъ чувство народности, и надо совсѣмъ вытравить въ себѣ это чувство, чтобы присоединиться къ противникамъ своего народа, давъ имъ себя обморочить!—Русскіе помѣщики, дѣйствительно, чувствовали неловкость своего положенія, и, спустя нѣкоторое время, Аксаковымъ получено было изъ подольской губерніи довольно длинное письмо (единоличное или коллективное—не помню), выражавшее попытку оправдать участіе русской группы въ дворянскомъ рѣшеніи. Письмо это читалось и обсуждалось въ пятничномъ собраніи и, дѣйствительно, производило впечатлѣніе неудачнаго оправданія, заключая въ себѣ рядъ натянутыхъ соображеній. Сколько помню, вмѣстѣ съ осужденіемъ дворянскаго адреса въ принципѣ, тамъ высказывалось нѣчто въ родѣ того, что русскіе дворяне не хотѣли нарушать солидарности общественныхъ дѣйствій, оттѣнять предъ правительствомъ внутреннее разномысліе собранія, и оттого подчинились большинству. А года три спустя, будучи въ подольской губерніи и разговаривая объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми мѣстными помѣщиками-поляками, я слышалъ еще другое объясненіе: да что̀ же и могли бы сдѣлать русскіе помѣщики?—тогда въ дворянскомъ собраніи было такое возбужденіе, что все подавляло, и еслибы кто-нибудь рѣшился заговорить противъ, то его бы въ окно выбросили.

У Каткова я продолжалъ бывать изрѣдка, но тамъ становилось какъ-то душнѣе прежняго. Въ тамошнихъ рѣчахъ начиналъ сказываться переходъ отъ прежнихъ либеральныхъ взглядовъ къ узкимъ, одностороннимъ тенденціямъ нетерпимости, грубой, недоброкачественной борьбѣ съ противниками, къ мотиву caveant consules!—скоро сдѣлавшемуся основнымъ конькомъ Катково-Леонтьевскихъ изданій. Въ полемикѣ съ заграничною русскою печатью доходило до грубаго, извращательнаго копанья въ личныхъ біографическихъ подробностяхъ; въ крестьянскихъ дѣлахъ нерѣдко защищалась несимпатичная сторона; по отношенію къ мѣстному управленію и общественному хозяйству, вопреки прежде высказывавшимся мнѣніямъ, стала уже проповѣдываться

отдача ихъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, безъ выбора и даже безъ правительственнаго назначенія, а просто въ силу факта владѣнія крупною собственностью, причемъ своеобразно утилизировался образецъ англійскихъ мировыхъ судей; чаще выступалъ мотивъ политическихъ обвиненій и т. под. Не такъ рельефно являлось это въ формулированномъ видѣ, въ печати, какъ чувствовалось въ устныхъ разговорахъ. Конечно, все это проявлялось гораздо слабѣе, чѣмъ въ послѣдующей Катковской печатной проповѣди; Катковская группа еще только начинала дебютировать на поприщѣ „благонамѣренности" въ спеціальномъ смыслѣ, и въ описываемое время Катковъ еще защищалъ многое изъ того, на что впослѣдствіи обрушивался съ яростью ренегата-реакціонера, сжегшаго корабли; но многое производило впечатлѣніе непріятной новизны. Сдвигало Каткова на новый путь, какъ казалось, сперва раздраженіе отъ уязвленія самолюбія противниками, а потомъ не осталась безъ вліянія и та благосклонность, какую онъ встрѣтилъ на осеннемъ оффиціальномъ балу въ Москвѣ, на который онъ былъ приглашенъ и гдѣ почувствовалъ, что можетъ открыться для него новая точка опоры. Его стали цѣнить, какъ виднаго представителя русской печати, готоваго идти противъ непріятныхъ тогдашней администраціи дѣятелей той же печати. Пробудились въ Катковѣ новые инстинкты. Хотя еще въ объявленіи о перешедшемъ къ Каткову съ Леонтьевымъ изданіи „Московскихъ Вѣдомостей" заявлялось, что „общественное мнѣніе стало безспорною силою", почему задача редакторовъ—служить этому мнѣнію, возбуждая его энергію,—но уже около того же времени начали въ этихъ редакторахъ смѣшиваться исканіе опоры въ общественной силѣ и своемъ прошломъ со стремленіями къ другимъ опорамъ; а это впослѣдствіи привело Каткова уже къ новому заявленію, въ которомъ онъ объявлялъ свое изданіе только личнымъ своимъ ὄрганомъ.

При всей сравнительной слабости проявленій означеннаго новаго духа въ концѣ 1862 года, они производили тогда смущающее впечатлѣніе, потому что въ эту пору литературный міръ относился къ подобнымъ явленіямъ съ бо́льшею, чѣмъ впослѣдствіи, щекотливостью, не успѣвъ еще притерпѣться къ ихъ духу, и вслѣдствіе того отъ Катковскаго общества начали сторониться нѣкоторые изъ бывшихъ его участниковъ и сотрудниковъ журнала. Отталкивающее впечатлѣніе производилъ еще одинъ особый эпизодъ: очень характерная обширная полемика Катковскаго изданія съ издателемъ еле державшагося отъ равнодушія публики „Нашего Времени", Павловымъ, о казенныхъ объявле-

ніяхъ. Павловъ доказывалъ, что принадлежавшее Каткову и Леонтьеву, какъ новымъ арендаторамъ „Московскихъ Вѣдомостей", право печатать за деньги казенныя объявленія есть вредная монополія, почему слѣдуетъ предоставить такое же право и другимъ издателямъ, а Катковская газета („Совр. Лѣтопись") усердно принялась оспаривать это покушеніе на интересъ своихъ издателей, оснащая свои статьи и цитатами изъ закона, и высшими соображеніями порядка, дразнила Павлова тѣмъ, что ему хочется не объявленій, а денегъ и т. под. Составилась изъ этого спеціальная литература, сдѣлавшаяся предметомъ многихъ насмѣшекъ и пародій, и публика привлекалась къ занятію пространными размышленіями о предметѣ чисто карманныхъ интересовъ двухъ издателей, какъ большимъ общественнымъ вопросомъ. Новое направленіе Катковскихъ изданій стало развиваться быстро, и скоро доминирующимъ элементомъ въ ихъ политикѣ стали обвиненія въ политическихъ „интригахъ" и „измѣнахъ", производившія, однако, на многихъ такое впечатлѣніе, что настоящая-то интрига не тамъ, гдѣ она указывается, а въ самой московской редакціи, сообразившей, что въ практическомъ отношеніи успѣшнѣе самой основательной аргументаціи могутъ дѣйствовать политическіе оговоры, причемъ для пользованія ими надо только освободиться отъ присущихъ обществу понятій о нравственномъ достоинствѣ подобныхъ способовъ дѣйствія.

Трудно припоминать всѣ характерные оттѣнки бывавшихъ на Катковскихъ пятницахъ разговоровъ, но у меня лично они отбили охоту посѣщать это общество. Послѣдній разъ я былъ тамъ въ концѣ ноября, а съ этого времени motu proprio прекратилъ свои появленія и пересталъ брать работу въ редакціи. Для газетнаго труда у меня остался „День"; но вслѣдъ затѣмъ мною было получено изъ Петербурга приглашеніе отъ А. А. Краевскаго присылать статьи для начинаемой имъ петербургской газеты „Голосъ", а еще немного времени спустя завязалось у меня сотрудничество въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" подъ новою редакціею В. Ѳ. Корша.

Слѣдуетъ прибавить въ заключеніе, что на московской публицистической дѣятельности того времени очень неравномѣрно отражалось вліяніе цензуры. Катковскія изданія еще сравнительно мало испытывали это вліяніе, но гораздо большему ея воздѣйствію подвергался воинствовавшій „День". Цензоромъ при этой газетѣ былъ Ѳ. И. Рахманиновъ—человѣкъ по натурѣ довольно снисходительный и, по словамъ его, даже сочувствовавшій направленію газеты, но онъ долженъ былъ подчиняться указаніямъ

свыше, а въ ту пору правительственныя сферы, по одному изъ частыхъ у насъ странныхъ недоразумѣній, очень подозрительно относились къ славянофильскому направленію, предполагая въ немъ что-то опасное. Аксаковъ неуклонно писалъ статьи для каждаго нумера, но изъ-за цензуры иногда нѣсколько нумеровъ подрядъ выходило безъ передовыхъ статей. Выкидывались и другія статьи, а иныя допускались къ печати только послѣ цензорскихъ запросовъ въ Петербургъ. Недозволенныя статьи прочитывались въ пятничныхъ собраніяхъ, а иногда публично читались въ „Обществѣ любителей россійской словесности“. Видя подозрительность къ себѣ, Аксаковъ обратился еще къ особому способу: придавалъ своимъ статьямъ форму писемъ со стороны за подписью „Касьяновъ“. Цензура не догадывалась, такія статьи проходили легче, однако и ихъ потомъ постигалъ запретъ. Вообще, не многимъ изъ нашихъ публицистовъ приходилось въ ту пору столько бороться съ цензурою, какъ Аксакову, и только лѣтъ черезъ двадцать послѣ того, когда сущность его стремленій достаточно обозначилась, его рѣчь достигла свободнаго и какъ бы даже привилегированнаго положенія. Впрочемъ, и въ это послѣднее время цензурное управленіе разъ укорило Аксакова въ несогласіи съ истиннымъ патріотизмомъ. Каковъ комизмъ? Покойный Ѳеоктистовъ даже поучалъ „истинному“ патріотизму Аксакова...

VII.

Тревоги и переломы.

Кончился 1862 годъ. Значеніе его въ исторіи русской жизни было довольно характерно. И въ правительственной, и въ общественной дѣятельности онъ явился періодомъ перелома въ реакціонномъ смыслѣ. До этого года чувствовалось движеніе отъ мрачнаго положенія средины пятидесятыхъ годовъ къ свѣту, къ большей свободѣ, къ развитію общественной дѣятельности, къ улучшеніямъ въ сферѣ народнаго быта. Предыдущія пять лѣтъ приносили коренныя реформы и подготовляли такія же для будущаго. Общественный элементъ призывался къ серьезному дѣлу, общественной инцiативѣ давался извѣстный просторъ въ различныхъ областяхъ дѣятельности, а печать хотя и далека была отъ достаточно благопріятныхъ внѣшнихъ условій, но все-же ей дышалось гораздо легче прежняго, она охватывала большій кругъ предметовъ, и выдвигался вопросъ о поставленіи ея существованія

на юридическую почву. Литературные органы умножались, оживлялись и становились выраженіемъ опредѣленныхъ направленій. Стѣсненность жизни вообще ослабѣвала. Если явленія противоположнаго рода случались, то имѣли эпизодическій характеръ, не складываясь въ цѣльное направленіе. Но съ 1862 года стали показываться обратныя теченія, возникавшія подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ фактовъ, подвергавшихся или не въ мѣру широкимъ обобщеніямъ, или ошибочнымъ отождествленіямъ съ неподходящими предметами. Петербургскіе пожары отождествлялись съ дѣйствіемъ сторонниковъ заграничныхъ политическихъ ученій; появленію прокламацій и листковъ тайныхъ изданій придавалось излишне широкое значеніе; въ неодобряемыхъ сверху сужденіяхъ подцензурной печати стали усматривать вредныя цѣли; многое въ жизни дѣлалось предметомъ раздутыхъ слуховъ и тенденціозныхъ толкованій. Въ результатѣ создавались такіе призраки опасностей, которые, распространяя подозрительность на большую часть видовъ общественнаго движенія, становились источникомъ противообщественныхъ мѣръ. Закрывались устроенныя въ разныхъ мѣстахъ частною иниціативою народныя школы, запрещались журналы, цензура усилилась, подвергались личнымъ преслѣдованіямъ литераторы и другіе люди, иногда безъ фактическихъ основаній;—репрессія выступала въ различныхъ видахъ. Не оставалось это безъ отраженія и въ общественной средѣ, гдѣ начали подымать голову ретроградные элементы, выживая сравнительно лучшихъ дѣятелей, и т. под. Съ почина Каткова появились и въ литературномъ мірѣ расколы на новой подкладкѣ, причемъ стало выступать такъ называемое „сикофантство"—выраженіе, пущенное прежде Катковскимъ же органомъ и заимствованное, кажется, Леонтьевымъ изъ древне-греческой жизни, означавшее доносительство на сограждан.

Начало 1863 года принесло осуществленіе новой реформы, питейной, избавившей населеніе отъ большого зла винныхъ откуповъ. Въ литературномъ мірѣ произошли значительныя перемѣны. „Московскія Вѣдомости", перейдя въ руки Каткова и Леонтьева, приняли видъ совершенно частной газеты, и то же произошло съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями", переданными отъ Академіи Наукъ В. Ѳ. Коршу; Краевскій основалъ въ Петербургѣ новую ежедневную газету „Голосъ", а прежній редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" Очкинъ, при участіи Г. З. Елисеева и М. А. Антоновича,—газету „Очерки". Возобновились запрещенные журналы „Современникъ" и „Русское Слово", за истеченіемъ продолжительнаго срока ихъ пріостановки. Въ Москвѣ угасла Пав-

ловско-Чичеринская газета „Наше Время". Съ виду могло казаться, будто литературная жизнь расширяется. Въ общей же внутренней политикѣ стоялъ вопросъ о послѣдствіяхъ встрѣчи господствовавшаго нѣсколько лѣтъ освободительнаго духа реформъ съ реакціонными теченіями предыдущаго года: одолѣетъ ли этотъ духъ означенныя теченія, обративъ ихъ въ кратковременный эпизодъ, или, напротивъ, они окажутся сильнѣе? Видѣлись шансы и того, и другого исхода, но начавшійся какъ будто спокойно годъ готовилъ новый печальный сюрпризъ, и упомянутыя теченія оказались началомъ постепенно развивавшагося затяжного направленія, охватившаго длинный рядъ годовъ. Въ январѣ 1863 года вспыхнуло вооруженное польское возстаніе, которое отвлекло къ себѣ значительную часть правительственнаго и общественнаго вниманія отъ внутреннихъ дѣлъ и вызвало неизбѣжное дѣйствованіе силою съ разными другими видами репрессіи. Это возстаніе значительно поколебало державшееся въ извѣстной степени довѣріе власти къ цѣлесообразности благопріятствованія общественнымъ движеніямъ, и духъ репрессіи, укрѣпленный новымъ мотивомъ, сталъ отражаться и въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Возстаніе сдѣлалось даже бо́льшимъ толчкомъ къ реакціи, чѣмъ петербургскіе пожары.

Первыя вѣсти о возстаніи, особенно касавшіяся одновременныхъ въ разныхъ пунктахъ царства польскаго нападеній на спящихъ нашихъ солдатъ, убиванія послѣднихъ и сожженія домовъ, гдѣ они защищались, производили въ Москвѣ очень тяжелое впечатлѣніе, и негодованіе появилось въ различныхъ классахъ населенія, что́ можно было замѣчать и въ разговорахъ среди образованныхъ людей, и въ говорѣ уличной толпы. Затѣмъ событія быстро развивались. Борьба съ польскими повстанческими партіями распространилась не только въ царствѣ польскомъ, но и въ различныхъ мѣстностяхъ сѣверо западнаго края, и отразилась въ сравнительно слабой степени даже въ юго-западномъ, между прочимъ подъ Кіевомъ. Весною же начались попытки иноземнаго вмѣшательства въ польское дѣло, въ видѣ обращенныхъ къ нашему правительству дипломатическихъ нотъ иностранныхъ правительствъ, а это вызывало призракъ возможной войны и возбуждало у насъ еще большее раздраженіе, такъ какъ тутъ почувствовалось покушеніе на честь и интересы Россіи. Изъ разныхъ русскихъ мѣстностей стали выступать многочисленные адресы отъ сословій и другихъ общественныхъ группъ съ выраженіемъ правительству готовности самоотверженно отстаивать русскіе государственные и народные интересы. Дѣло принимало характеръ солидарности общества и населенія съ правительствомъ въ на-

чавшейся и предвидѣвшейся борьбѣ. Но правительство, усмиряя уже повстанцевъ оружіемъ, дѣлало еще примирительные вызовы.

Вышедшіе въ день Пасхи, 31 марта, манифестъ и указъ сенату объявляли амнистію всѣмъ вовлеченнымъ въ мятежъ, которые до 1 мая сложатъ оружіе и возвратятся къ повиновенію, причемъ высказывалось, что въ происшедшихъ событіяхъ виноватъ не польскій народъ, который самъ отъ нихъ страдаетъ, а внѣшніе агитаторы, и давались обѣщанія относительно будущаго. Манифестъ обѣщалъ взволнованному краю открыть „новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы общественнаго зданія". Ссылаясь на данныя уже царству польскому учрежденія, манифестъ прибавлялъ еще предположеніе, по испытаніи ихъ на дѣлѣ, „приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію". А въ указѣ сенату сдѣланъ былъ намекъ и на общія русскія реформы; именно, послѣ словъ о сложеніи поляками оружія, было сказано: „Отъ сего зависитъ дальнѣйшее исполненіе предначертаній Нашихъ, съ самаго начала Нашего царствованія направленныхъ къ расширенію общественныхъ правъ и постепенному распространенію круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстнымъ въ имперіи Нашей учрежденіямъ". Предложеніе сложить оружіе не подѣйствовало, и тогда прежнее направленіе смѣнилось системою крутыхъ мѣръ, которая сохранилась и послѣ усмиренія мятежа.

Московская печать приняла въ новомъ положеніи польскаго дѣла очень активное участіе. „Московскія Вѣдомости" сразу стали высказываться за систему безусловнаго подавленія не только возстанія, но и всякаго польскаго общественнаго элемента, не допуская различія между царствомъ польскимъ и западными губерніями. Когда надъ польскимъ краемъ тяготѣла строгая и крѣпкая рука,—разсуждала эта газета,—когда онъ былъ стѣсненъ въ общественной жизни, въ своемъ языкѣ, національныхъ обычаяхъ, и управляла имъ вооруженная сила, безъ всякихъ видовъ на національную самостоятельность,—край былъ спокоенъ; но какъ только измѣнился старый порядокъ, какъ только крѣпкая рука ослабла, національное чувство получило свободу, открылись виды на будущее, преступники возвращены изъ ссылки, въ школахъ стали учить по-польски, данъ университетъ, управленію предоставлена автономія и административныя должности замѣщены поляками—возникло возстаніе. Осуждая данныя въ предыдущемъ году царству польскому учрежденія, „Моск. Вѣд." категорически высказывали, что не только объ измѣненіяхъ относительно за-

паднаго края не можетъ быть рѣчи, но напротивъ, должно энергически отстаивать безусловное наше право на царство польское, такъ какъ въ западномъ краѣ населеніе—русское, а Польша принадлежитъ намъ по праву завоеванія, по праву затраченной на него крови, въ силу исторической необходимости. О національныхъ же интересахъ польскаго народа не стоитъ и говорить, потому что этотъ народъ не имѣлъ въ исторіи ни малѣйшаго значенія; мы видѣли польскихъ пановъ, шляхетство, польское духовенство, которое правильнѣе называть римскимъ или латинскимъ, а польскаго народа мы даже не знаемъ; подавленный, униженный, онъ не могъ даже стать темною основою для польскаго государства, и дѣйствительная политическая жизнь для поляковъ возможна только въ соединеніи съ русскимъ народомъ. Если бы даже всѣ русскіе люди, поголовно, изъявили готовность пожертвовать Польшею, то они не имѣли бы права сдѣлать этого. Потому не слѣдуетъ поощрять польской національности или вступать въ сдѣлки съ польскими національными стремленіями, какъ бы умѣренно и благоразумно они ни высказывались; и самыя умѣренныя польскія программы для насъ опасны. Отказываться отъ обладанія Польшею,—говорили „Моск. Вѣд.",—значило губить все политическое значеніе Россіи. По поводу же высказанныхъ гдѣ-то предположеній, что русскіе и польскіе интересы могли бы быть объединены одинаковыми либеральными учрежденіями, высказывалось, что мысль о конституціи для Польши возмутительна уже потому, что при ней поляки имѣли бы больше правъ, чѣмъ русскіе, а намъ тоже не резонъ измѣнять свое положеніе изъ-за Польши. Въ одной изъ помѣщенныхъ въ той же газетѣ статей высказывалось еще, что все отличіе польской народности отъ русской состоитъ въ незначительной разности польскаго нарѣчія отъ русскаго языка; а такъ какъ единство языка составляетъ самую сильную связь для населеній, то мы никакъ не должны пренебрегать этимъ средствомъ для соединенія съ нами польскаго племени, и при нѣкоторомъ только благоразумномъ съ нашей стороны „содѣйствіи" — польскій провинціализмъ утратитъ свою напряженность и положеніе станетъ спокойнѣе. Такъ польскій вопросъ сводился къ упрощенному принципу дѣйствованія силою, безъ всякихъ осложненій, и съ такою же перспективою въ будущемъ. Проводя эту абсолютную систему, статьи „Моск. Вѣд." видѣли въ происходившихъ военныхъ дѣйствіяхъ не одну печальную необходимость, но проявляли еще такую враждебность къ полякамъ, которая выражалась и въ крѣпкихъ словахъ, и въ насмѣшкахъ, взывала къ

усиленію каръ для классовъ населенія и для отдѣльныхъ лицъ, причемъ торжествующій тонъ чувствовался въ сообщеніяхъ о смертныхъ казняхъ и ссылкахъ, поддержка которыхъ выступала въ этой газетѣ своего рода задачею литературы. По адресу же разномыслящихъ съ „Моск. Вѣд.“ направлялись обвиненія въ измѣнѣ и интригѣ или косвенные намеки такого рода, а въ случаѣ особой снисходительности—укоры въ неразуміи.

Проникшись такимъ духомъ въ отношеніи къ польскому дѣлу, обновленная московская газета нашла данное время удобнымъ для обращенія того же духа и на расправу съ представителями русской печати и другими общественными элементами. Яркое „сикофантство“ хлынуло безъ задержки. Когда открылась дипломатическая кампанія со стороны иноземныхъ правительствъ, „Московскія Вѣдомости“ заговорили, что иностранцы ободряются въ своихъ дѣйствіяхъ смутными признаками существующаго въ Россіи внутренняго недовольства и разложенія, а въ образованіи такихъ признаковъ повинны представители русскаго общества и наша подцензурная печать. Иностранцы-де не могли не знать, что произведенія дѣятелей лондонской русской печати пользовались въ Россіи большимъ кредитомъ и русскіе люди разныхъ сословій пилигримствовали къ этимъ „вольноотпущеннымъ сумасшедшаго дома“, питаясь ихъ мудростью; доходили до иностранцевъ и слухи о дикихъ явленіяхъ во внутренней русской печати, которая предавалась „неслыханнымъ оргіямъ“ съ одобренія цензуры, и вѣсти объ удивительныхъ проектахъ, о состояніи нашихъ учебныхъ заведеній, и о томъ, что всѣ подобныя нелѣпости не встрѣчали сильнаго противодѣйствія въ общественной средѣ; напротивъ, высшіе представители общества относились съ полнымъ равнодушіемъ къ призванію стоять на стражѣ противъ „измѣннической крамолы“. Одну изъ крупнѣйшихъ „интригъ“ усмотрѣли „Моск. Вѣдомости“ въ тогдашнемъ украинофильствѣ, проявлявшемъ заботу о малорусскомъ языкѣ и изданіи малорусскихъ книгъ, причемъ петербургскій профессоръ Костомаровъ собиралъ средства на эти изданія. Малорусскій языкъ объявленъ былъ названною газетою никогда небывалымъ, выдуманнымъ, а украинофилы — покорнымъ орудіемъ поляковъ и органомъ такой враждебной и темной интриги, что затраты на малороссійскія изданія — гораздо хуже пожертвованій въ пользу польскаго мятежа. Такъ и Костомаровъ очутился въ роли какого-то измѣнника. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, вспомнивъ, что около года назадъ ей пришлось напечатать объясненіе кіевской группы украинофиловъ, выразивъ имъ нѣкоторое снисхожденіе, заявляла,

что за это ее кто-то укорялъ въ „послабленіи", и заключала, что кается въ быломъ своемъ грѣхѣ и постарается загладить его въ будущемъ. Словомъ, составился разомъ цѣлый букетъ интригъ: польская, католическая, украинофильская, журнальная, учебная, внутренне-общественная и т. д., а на ряду съ ними выступили: вредная снисходительность цензуры, недосмотръ администраціи, недостатокъ благонадежнаго надзора въ обществѣ и т. п. При натравливаніи на печатныя изданія, послѣднія назывались поименно, въ томъ числѣ и казенныя; обличеніямъ подвергался и „День", и тогдашній славянофильскій публицистъ Гильфердингъ, а общее впечатлѣніе получалось такое, что всюду опасности и злоумышленія, и единственный спасительный утёсъ—бдящая на Страстномъ бульварѣ редакція „Московскихъ Вѣдомостей". Въ отношеніи къ неодобряемымъ газетою людямъ вводились въ обращеніе такія „литературныя" выраженія, какъ „жулики" и „сволочь". Дискредитировалось и общественное представительство вообще въ пользу „властной руки"; такъ, рѣшительнѣе прежняго проводя передачу земскаго дѣла въ руки небольшой группы крупныхъ собственниковъ, московская газета стала уже утверждать, что нѣтъ нужды въ земскихъ собраніяхъ, которыя годны только „какъ сюжетъ для каррикатуръ", а вся сила—въ *людяхъ* „дѣйствующихъ и управляющихъ".

Путь, на который выступили „Московскія Вѣдомости", былъ еще новъ для нашей печати, и потому обиліе безоглядочнаго литературнаго обвинительства возбудило во многихъ удивленіе. Страннымъ казалось, какъ это крѣпко можетъ удерживаться образовавшійся въ человѣческой натурѣ осадокъ старыхъ преданій ябедничества, если и умъ, и полученное высокое образованіе, и долговременное обращеніе въ лучшей общественной средѣ не парализуютъ, а только прикрываютъ его верхнимъ слоемъ, такъ что стóитъ расшевелить этотъ слой—и прелесть подобныхъ преданій вынырнетъ изъ-подъ спуда съ готовою энергіею. Эмансипировавшись отъ общественнаго понятія о достоинствѣ печатнаго доносительства, „Московскія Вѣдомости" подали въ этомъ отношеніи ободрительный примѣръ и другимъ, оставивъ по себѣ глубокій слѣдъ, такъ какъ позднѣйшіе ихъ подражатели, будучи калибромъ пониже своего образца, надолго стали, за недостаткомъ собственной творческой силы и нравственнаго чувства, пробавляться пережевываніемъ старой Катковской жвачки. Однако для внѣшняго своего положенія иниціаторы смѣлаго сикофантства не прогадали. Пугать опасностями въ острый моментъ, подрывать едва начавшееся благопріятствованіе развитію общественной

жизни и возбуждать угасавшіе мотивы близкой старины оказалось въ своемъ родѣ выгоднымъ дѣломъ, которое еще облегчалось тѣмъ, что было соединяемо съ видимымъ отстаиваніемъ государственныхъ интересовъ отъ чуждыхъ посягательствъ. Новой московской проповѣди было кому угодить, и она нашла себѣ вліятельное сторонничество и въ тогдашнихъ верхнихъ слояхъ, и въ разныхъ общественныхъ элементахъ, гдѣ откликались сохранившіеся отъ прежняго времени сходные мотивы, такъ что скоро „Московскія Вѣдомости" стали очевидною фактическою силою, съ которою должны были очень считаться и правительственныя лица.

Иначе относились къ дѣлу въ кружкѣ „Дня", гдѣ, несмотря на сильное негодованіе, вызванное первыми актами возстанія, даже центральное ядро славянофильства старалось еще въ первое время держаться послѣдовательно на почвѣ правъ „народности" и различія между положеніями царства польскаго и западнаго края, не давая впечатлѣніямъ острыхъ событій заглушать эту теоретическую основу воззрѣній кружка.

Аксаковъ еще въ началѣ предыдущей осени высказывалъ въ газетѣ свой взглядъ на дѣло, между прочимъ, такими характерными словами: „Въ силу того же начала, которое заставляетъ насъ такъ горячо отстаивать права русской народности противъ польскихъ домогательствъ, — въ силу этого же самаго живого начала—стоимъ мы и за право польской народности въ предѣлахъ Польши, но—Польши, а не Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи и пр.". Эта же точка зрѣнія выражалась имъ и въ началѣ 1863 года, когда борьба съ повстанцами уже началась и раздраженіе противъ нихъ достигало уже высокой степени, такъ что около того же времени Аксаковъ еще не отставалъ отъ мысли о цѣлесообразности запроса самой польской націи о ея желаніяхъ, въ надеждѣ на вліяніе болѣе разумныхъ ея элементовъ. Весною же появилась большая статья очень цѣнившагося въ славянофильскомъ кругѣ публициста его, А. Ѳ. Гильфердинга, который старался объяснить происхожденіе современнаго положенія исторически, прослѣдивъ нить русско-польскихъ отношеній съ глубокой древности, отъ женитьбы кіевскаго князя Святополка-Окаяннаго на дочери польскаго короля Болеслава до послѣдней эпохи, и при этомъ относился къ польской націи вполнѣ объективно.—Нельзя не отдать дани уваженія и удивленія самопожертвованію поляковъ, — высказывалъ Гильфердингъ; — исторія, можетъ быть, осудитъ ихъ дѣло, но самопожертвованіе останется въ ней славною, хотя печальною страницею, и не мы, русскіе,

станемъ чернить клеветою тѣ чувства патріотизма, которыя побуждаютъ польскихъ матерей высылать своихъ сыновей на вѣрную смерть, а нестройныя толпы—выходить съ плохимъ оружіемъ на русскіе штыки и штуцера. Но польское дѣло поражено внутреннимъ безсиліемъ, корень котораго образовался въ глубокомъ прошломъ и состоитъ въ противорѣчіи польскихъ историческихъ началъ—славянской основѣ народа, почему и геройство идетъ на безнадежное дѣло". Очертивъ рядъ событій, совершавшихся въ теченіе вѣковъ, Гильфердингъ объяснялъ, что поляки, давно пріобщась къ латинскому міру и проникшись его духомъ, отъединились отъ задачъ славянства и стали по отношенію къ послѣднему въ ложное положеніе, дойдя наконецъ до того, что проливали свою кровь за угнетателей славянства, мадьяръ, противъ сербовъ, хорватовъ, словаковъ и русинъ, а затѣмъ, поступивъ въ турецкіе ряды, поддерживали гнетъ надъ балканскими славянами и вели турецкое войско для завоеванія Черногоріи. Сражаясь подъ знаменемъ „народности", они вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ права народности милліоновъ славянъ въ Россіи, и это-то внутреннее противорѣчіе и составляетъ причину безсилія и безнадежности польскаго дѣла. Но прошлаго не воротить,—и вотъ приходится бороться съ поляками кровавою борьбою,—заключалъ Гильфердингъ.

Но у „Дня" былъ и другой постоянный сотрудникъ, Кояловичъ, который, обращая на себя вниманіе горячею защитою правъ и интересовъ бѣлорусскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ былъ острою враждою къ полякамъ и повелъ рѣчь болѣе конкретнаго характера, за усиленіе преслѣдованій противъ нихъ. Когда объявленъ былъ манифестъ объ амнистіи для тѣхъ, кто сложитъ оружіе и обратится къ повиновенію до 1 мая, Кояловичъ заговорилъ объ излишней широтѣ этой амнистіи, проводя новаго рода различіе между царствомъ польскимъ и западными губерніями: пусть бы еще амнистія коснулась одного царства, но зачѣмъ же распространять ее на виновныхъ западнаго края, когда они, затронувъ страну русскаго народа,—преступнѣе взявшихъ оружіе въ царствѣ польскомъ? Сравнительно бо́льшая преслѣдовательность въ западномъ краѣ, по его мнѣнію, могла бы выкидывать изъ этого края въ Польшу людей, морально оторвавшихся отъ народа во имя Польши. Такъ и на страницахъ „Дня" уголовныя преслѣдованія вторглись въ роль одного изъ интересовъ литературы, и печать пошла уже дальше правительственной строгости.

Къ вопросу объ объединеніи Польши съ Россіею одинаковыми либеральными учрежденіями „День“ отнесся такъ же, какъ „Московскія Вѣдомости“, выражаясь только болѣе образно: сочиненная по западному образцу конституція, пригодная, можетъ быть, для Польши, намъ не годится,—говорилъ онъ. -- Россія призвана выработать свое оригинальное земское и государственное устройство, органически развившееся изъ ея собственныхъ началъ, и если бы она пожертвовала этими началами умиротворенію Польши, преобразовавъ свое государственное устройство, то Россіи пришлось бы очутиться не во главѣ, а въ хвостѣ Польши. И выходило, что если Россія дорожитъ своимъ самостоятельнымъ развитіемъ, а полякамъ нельзя дать больше правъ, чѣмъ русскимъ, то, напротивъ, Польша подлежитъ пригонкѣ къ выработавшейся русской мѣркѣ.

Быстро развивались событія и параллельно имъ возростали страсти, получившія новое возбужденіе въ актахъ дипломатическаго вмѣшательства въ польское дѣло. Въ славянофильскомъ кругу вліяніе заявленныхъ прежде теоретическихъ воззрѣній стало вытѣсняться продуктами раздраженнаго чувства. Распространеніе повстанческихъ партій въ западныхъ губерніяхъ раздражало славянофильское ядро гораздо сильнѣе возстанія въ царствѣ польскомъ. Помню, какъ одинъ разъ, среди разговора о томъ, Аксаковъ, съ горящими глазами и сжавъ кулаки, произнесъ:—Если бы я былъ теперь въ западномъ краѣ, то я самъ бунтовалъ бы народъ противъ поляковъ! — Въ газетѣ стали выступать запросы: приняты ли такія-то мѣры строгости, секвестрованы ли имѣнія такого-то и такого-то польскихъ помѣщиковъ и т. д.? Но въ газетѣ возбужденное раздраженіе выступало еще не такъ рѣзко, какъ въ устныхъ разговорахъ. Въ послѣднихъ у польскаго элемента отрицалось одно право за другимъ; предлагалось то лишеніе поляковъ права сохранять землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ, то—нѣчто въ родѣ выселенія ихъ оттуда, то другія крайности; а это порождало больные споры, такъ какъ значительная часть посѣтителей пятничныхъ собраній находила, что отъ вынужденнаго усмиренія мятежа и необходимости отражать иностранное вмѣшательство до высказываемыхъ предположеній разстояніе еще очень велико. Соберется, бывало, обычный пятничный составъ — и уже образуются двѣ стороны: изъ одной группы идутъ горячія обвинительныя рѣчи, складывающіяся въ какую-нибудь новую ограничительную теорію, а другая оппонируетъ. Подобные споры затягивались на цѣлые часы и повторялись нѣсколько пятницъ, но съ каждымъ

возобновленіемъ ихъ слабѣла надежда на возможность взаимнаго разъясненія или какого бы то ни было соглашенія; напротивъ, стороны видимо отдалялись одна отъ другой. Глядя на это, нельзя было не чувствовать, что вотъ и здѣсь уже совершается серьезное распаденіе. Нѣкоторые изъ обычныхъ посѣтителей общества переставали появляться на пятницахъ, а на сдѣланный имъ при встрѣчѣ гдѣ-нибудь вопросъ о причинѣ, бывало, отвѣчаютъ:—да зачѣмъ туда являться?—тамъ только рыканія, а станешь возражать—и безполезно, и неинтересно.

Политическіе адресы съ разныхъ сторонъ, ставъ въ это время ежедневнымъ явленіемъ, создавали особое, приподнятое и постоянное настроеніе, порождавшее мысль, что въ нихъ есть своя спеціальная сила. Слышалось и печаталось, что, вотъ, зашевелился нашъ миѳическій Микула Селяниновичъ, которому не страшна Европа, пошли въ ходъ—„О чемъ шумите вы, народные витіи", и т. д.,—словомъ, пошли обычныя, періодически у насъ повторяемыя, напыщенныя фразы. Когда дипломатическая кампанія ослабла и въ ней обозначились признаки отступленія, Аксаковъ печатно высказывалъ, что, вотъ, Западъ испугался русскаго внутренняго одушевленія и подается назадъ, хотя въ ту пору еще свѣжо было въ памяти, какъ въ крымскую войну недостатка въ адресахъ тоже не было, но это Запада не останавливало въ дѣйствіяхъ противъ насъ. Тонъ обращавшихся въ большей части общества рѣчей сливался съ правительственными заявленіями. Разъ, помню, одинъ изъ представителей московскаго славянофильскаго ядра, бывшій профессоръ Ѳ. В. Чижовъ, разсказывалъ о какомъ-то своемъ политическомъ разговорѣ съ поляками такъ:—Они мнѣ говорятъ: да мы-де вовсе не противъ русскаго общества, мы только противъ правительства; а я имъ отвѣчаю:—Напрасно вы это говорите; мы, русскіе, вовсе не отдѣляемъ себя въ этомъ дѣлѣ отъ правительства,—мы стоимъ за то же, за что̀ и оно.

Мнѣ скоро, подобно нѣкоторымъ другимъ, пришлось разстаться съ Аксаковскимъ обществомъ. Въ половинѣ мая, въ самый разгаръ адреснаго оживленія, среди этого общества заговорили, что готовится новый актъ: „заявленіе студентовъ" о томъ, что и они чувствуютъ свое единство съ русскимъ народомъ, что его стремленія—ихъ стремленія, его знамя — ихъ знамя и т. под. Кто именно былъ иниціаторомъ этого дѣла—какіе-либо изъ посѣщавшихъ пятницы университетскихъ студентовъ, или другія лица—сказать теперь не могу, но Аксаковъ очень горячо поддерживалъ мысль о „заявленіи".—Противъ студентовъ часто слышатся политическія нареканія, — говорилъ онъ,—пусть же всѣ

явственно услышать, что это ложь, и что студенты—родныя дѣти своего народа, также проникнуты русскимъ патріотизмомъ, также преданы православію и народнымъ идеаламъ и т. д.—Я и нѣкоторые другіе возражали противъ этого тѣмъ, что единство съ народомъ и искренній патріотизмъ, внѣ всякаго сомнѣнія, дѣло очень хорошее и въ высшей степени желательное, но есть ли надобность возглашать это всенародно, на показъ, особенно при неизвѣстности именъ заявителей и отсутствіи у нихъ полномочій говорить отъ всего студенчества? Цѣнно глубокое и живое чувство, а къ парадной выставкѣ неизбѣжно примѣшивается фальшь, напр. желаніе поиграть роль, способное привлекать и не подходящихъ по своей духовной сущности къ смыслу заявленія. Вѣдь самъ Аксаковъ указывалъ прежде студентамъ, что ихъ дѣло—только учиться, а не вдаваться въ какую-либо политику, да притомъ заявленіе студентовъ представляетъ если не прямое, то косвенное обращеніе къ власти, а она уже достаточно внушила имъ, что не придаетъ ихъ голосу никакого значенія; стало быть, положеніе можетъ выйти не совсѣмъ ловкое, и если не трудно собрать двѣсти-триста подписей желающихъ заявиться, то—помимо вѣроятности проникновенія номинальныхъ патріотовъ — это можетъ произвести даже обратный искомому эффектъ, такъ какъ подчеркнетъ неучастіе другихъ; не скажутъ ли: вотъ, въ патріотическихъ чувствахъ расписалась только сравнительно небольшая группа студентовъ, а вѣдь остальная-то, молчащая масса больше и важнѣе? Но возраженія встрѣтили въ славянофильскомъ ядрѣ только негодованіе. Аксаковъ надѣялся, что къ заявленію примкнетъ почти весь московскій университетъ, а тамъ отзовется въ такомъ же смыслѣ студенчество другихъ университетовъ, словомъ—грянетъ что-то сильное и эффектное.

Въ слѣдующую же пятницу прибыла на вечеръ новая, большая группа студентовъ, прежде тамъ не бывавшихъ и готовыхъ принять участіе въ заявленіи. Текстъ послѣдняго былъ готовъ, написанный живо, звучно, въ сильныхъ выраженіяхъ. Опровергая надежды „враговъ Россіи“ на учащееся поколѣніе, студенты московскаго университета „громко, предъ лицомъ и во всеуслышаніе всей Россіи“ объявляли, что у нихъ неразрывна связь съ русскимъ народомъ и его коренными началами, что они считаютъ враговъ народа—своими врагами и возмущаются всякимъ призывомъ къ смутѣ, хотя бы подъ предлогомъ свободы; не имѣя ненависти къ польскому народу и уважая его патріотизмъ, они желаютъ ему и свободнаго, самостоятельнаго развитія, только

подъ условіемъ, чтобы свобода Польши не была неволею для русскихъ; не отрицая той доли неправды, какая могла быть въ отношеніи къ Польшѣ съ нашей стороны, студенты высказывали однако, что слышимые Европою вопли польской шляхты не могутъ для нихъ заглушать мужицкіе стоны угнетеннаго шляхтою и латинствомъ малорусскаго и бѣлорусскаго народа, и что они готовы, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, отстаивать до послѣдняго издыханія цѣлость и неприкосновенность русской земли, полагая, что въ данный моментъ долгъ каждаго русскаго—отложивъ въ сторону внутреннія неудовольствія и пристрастія къ тѣмъ или другимъ политическимъ теоріямъ—хранить непоколебимую вѣрность русской землѣ и тому, кого она признаетъ своимъ представителемъ.—Тонъ и мысли заявленія до того напоминали Аксаковскіе, что можно было приписывать Аксакову или самое сочиненіе, или окончательную редакцію.

Прибытіе заявителей привело къ спору съ ними самими, и мнѣ съ двумя другими лицами пришлось тутъ принять наиболѣе активное участіе. О составѣ вновь явившейся группы я кое-что услышалъ отъ другихъ студентовъ, знакомыхъ мнѣ прежде. Заявители объясняли, что желаютъ выразить одушевляющія ихъ чувства, а я стоялъ на почвѣ тѣхъ соображеній, какія приведены выше, выражая ихъ возможно рельефнѣе. — Да не увлекаетъ ли васъ просто торжественность акта заявленія? — обращался я къ нимъ; — между вами, говорятъ, есть и бельгійскій подданный, который рвется выразить русскій патріотизмъ и свое духовное единство съ русскимъ народомъ, есть и католики, стремящіеся расписаться въ преданности православію, а это, какъ хотите, плохо вяжется съ искренностью одушевленія.—И оказалось потомъ, что въ это время предо мною стоялъ какъ разъ тотъ самый бельгійскій подданный. Нѣкоторые было-заколебались, но тутъ на подмогу заявителямъ поспѣшили Аксаковъ съ нѣсколькими представителями ядра, и произошелъ такой жаркій споръ, что между нами образовался уже полный разладъ, послѣ котораго прежнія мои отношенія къ Аксакову и „Дню“ совсѣмъ прервались.

„Заявленіе“ было потомъ напечатано въ „Днѣ“, безъ означенія именъ, но съ указаніемъ, что подъ подлинникомъ есть двѣсти подписей, и съ приглашеніемъ желающихъ—присоединяться къ своимъ товарищамъ. Помнится, такихъ присоединившихся оказалось потомъ нѣсколько десятковъ.

Я продолжалъ еще жить въ Москвѣ, работая для петербургскихъ изданій. — Перерывъ моихъ отношеній съ Аксаковымъ

длился болѣе полугода. Но затѣмъ, когда волненія нѣсколько утихли и случалась мнѣ надобность напечатать что-нибудь могущее встрѣтить поддержку всего болѣе въ „Днѣ“, я посылалъ Аксакову статьи, и онъ ихъ печаталъ. А въ началѣ осени 1864 г., когда я покидалъ Москву, будучи назначенъ мировымъ посредникомъ въ подольскую губернію,—пришлось мнѣ опять свидѣться съ Аксаковымъ. Мы разговорились уже дружелюбно и наши отношенія поправились настолько, что послѣ этого я сталъ присылать статьи для „Дня“ уже изъ провинціи.

Ѳ. Воропоновъ.

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ

I.—ПѢСНЬ ГЁЗОВЪ.

(Феликса Дана.)

Какъ чайка носится, мелькая,
Отъ скалъ къ волнамъ, отъ волнъ—къ скалѣ,
На мигъ лишь крылья опуская,
Чтобъ отдохнуть въ туманной мглѣ,—

Такъ на гнилыхъ челнахъ дощатыхъ
Мы носимся по волѣ волнъ,
И стягъ нашъ—парусъ весь въ заплатахъ,
И наше царство—утлый чолнъ.

Отъ бурь и пуль бѣжимъ въ туманѣ,
Послѣднiй выпустивъ зарядъ,
Мы родомъ—нищiе-дворяне,
Оборванъ, жалокъ нашъ нарядъ;

И все-жъ дрожитъ пришлецъ испанскiй,
Въ чьемъ царствѣ не заходитъ день,
Когда нашъ грозный кличъ:—Оранскiй!—
Надъ Альбой рѣетъ, словно тѣнь.

Дрожите, ратники и гранды!
Стыдъ рабства мы должны омыть,
Хотя бъ пришлось всѣ Нидерланды
Волной морскою затопить.

Свершатся мщенія угрозы:
Плотину—прочь, откроемъ шлюзъ!
Пусть хлынетъ море, хлынутъ гёзы,
И смерть избавитъ насъ отъ узъ!

II.—ПИЛА.

(Карла Герока.)

Былъ зимній день печальный
И холодъ ледяной;
Я дома, въ теплой спальной,
Лежалъ полубольной.

Весь бѣлый—домъ сосѣда
Въ окно виднѣлся мнѣ,
Въ припадкѣ легкомъ бреда
Лежалъ я въ полуснѣ.

Топоръ стучалъ, и, сонный,
Ловилъ я каждый стукъ;
Имъ вторилъ монотонный
Пилы протяжный звукъ.

Я слушалъ, какъ ходила
И вверхъ, и внизъ она:
На память приводила
Былыя времена.

Напѣвъ ея для слуха
Знакомъ былъ съ давнихъ поръ:
Казалось, такъ же глухо
Въ быломъ стучалъ топоръ;

Былъ такъ же день печальный
И холодъ ледяной,
И я ребенкомъ въ спальной
Лежалъ полубольной.

Но, матерью хранимый,
Лежалъ я безъ заботъ,
За мною былъ—родимой
Заботливый уходъ.

Шуршатъ ея одежды
Иль ангела крыло?..
Полусмыкались вѣжды,
И время шло, да шло...

Топоръ стучалъ, и, сонный,
Ловилъ я каждый стукъ,
Я слушалъ монотонный
Пилы протяжный звукъ...

Гòда прошли, но это
Все было какъ вчера.
О, гдѣ вы, дни расцвѣта,
Счастливая пора?!

Пила обычнымъ ходомъ
Безъ устали идетъ,
Проходитъ годъ за годомъ,
Всему—его чередъ.

Мнѣ снится: сталъ я дубомъ,
Сухимъ кускомъ ствола,
Въ который острымъ зубомъ
Вонзается пила.

И смерть сама—работникъ,
Владѣющій пилой,
Она—усердный плотникъ
Въ своей работѣ злой.

Спокойно, равномѣрно,
Не смѣя отдохнуть,
Она въ глубь сердца вѣрно
Прокладываетъ путь.

И щепки—другъ за дружкой—
Ложатся тамъ и тутъ,
Пока съ послѣдней стружкой
Не конченъ будетъ трудъ.

III.—СОНЕТЪ.

(Роберта Прутца.)

О городѣ старинномъ есть преданье,
Который былъ волною поглощенъ,—
На днѣ морскомъ еще бѣлѣютъ зданья,
Дворцы и храмы, и ряды колоннъ.

Порой пѣвецъ, средь мрака и молчанья,
Изъ глубины какъ будто слышитъ звонъ,
И голосамъ далекимъ внемлетъ онъ,
Что̀ страннаго полны очарованья.

Моя душа—вотъ то морское дно,
Гдѣ счастіе навѣкъ погребено,
Его никто не принесетъ обратно.
О старинѣ—мечта и пѣснь пѣвца;
Какъ колоколъ подводный—для пловца,
Такъ пѣснь моя для міра непонятна.

IV.

* * *

(Поля Гейзе.)

Если любовь насъ коснулась—
Молча, какъ въ свѣтломъ столпѣ,
Ходимъ мы въ шумной толпѣ,—
Намъ божество улыбнулось.

Въ глубь устремляя свой взоръ,
Чужды друзей ликованьямъ,
Полны единымъ желаньемъ,
Въ мірѣ мы бродимъ съ тѣхъ поръ.

Робко блаженство тая,
Скрыть мы стремимся напрасно
Насъ увѣнчавшій всевластно
Дивный вѣнецъ бытія.

V. — RISPETTI.

(Памяти ребенка.)

Мнѣ чудилось, что въ дверь раздался тихій стукъ;
Я вздрогнулъ: словно ты подкралась осторожно,
И вотъ твой голосокъ опять раздастся вдругъ,
И вкрадчиво шепнётъ:—Я, папочка! Мнѣ можно?—

Мечталъ я вечеромъ, бродя надъ крутизною,
Что ручку теплую держу своей рукою,
И тамъ, гдѣ вдоль камней струи быстрѣй неслись,
Я громко произнесъ:—Смотри, не оступись!—

О. Михайлова.

ПИСЬМА

съ

ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА

I.

Война.

Война?!... Старый, какъ міръ, но вѣчно новый, мучительный вопросъ.

Съ одной стороны, война вызываетъ исключительный подъемъ народнаго духа. Необязанные военной службой бросаютъ семьи, близкихъ, друзей, дѣла и идутъ въ армію. Жертвы деньгами, вещами льются рѣкой. Пассивные люди съ подавленной волей обращаются въ героевъ. Появляются кадры сестеръ и братьевъ милосердія. Госпитали и лазареты не въ силахъ вмѣстить всѣхъ, желающихъ нести добровольный трудъ для облегченія участи раненыхъ, больныхъ. Извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій ожидаются съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Побѣда вызываетъ общій бурный восторгъ. Пораженіе—повергаетъ въ уныніе.

Но въ то же время просыпаются и низменные инстинкты,—жажда наживы, жестокость, стремленіе къ разгулу...

Безконечная цѣпь противорѣчій... Что же такое война? Какъ относиться къ ней, создающей эти противорѣчія? Какъ можетъ и должно къ ней относиться государство, общество и отдѣльный гражданинъ? Такія мысли помимо воли приходятъ на умъ и неотступно преслѣдуютъ въ долгіе часы и дни одиночества, когда

поѣздъ мчитъ туда, гдѣ жребій брошенъ, гдѣ льется кровь, гдѣ груды труповъ, стоны раненыхъ,—всѣ ужасы боя...

Логическаго объясненія и оправданія войны не найти. Попытки оправданія историческаго легко разбиваются. Да и можно ли всегда отъ прошлаго заключать къ настоящему? Война остановила нашествіе монголовъ на Европу и спасла европейскую цивилизацію. Но война же погубила цивилизацію древняго Рима. И что общаго, кромѣ факта войны, между столкновеніемъ римлянъ съ германцами или славянъ съ монголами, съ одной стороны, и Франціи съ Пруссіей, въ 1870 г., или нынѣшнимъ—Россіи съ Японіей—съ другой?

Не имѣя объясненія логическаго, война имѣетъ самое твердое оправданіе фактическое. Она неизбѣжна. Она неизбѣжна была въ прошломъ и ровно столько же, если не еще болѣе, неизбѣжна въ настоящемъ. Ни одна изъ формъ общенія, пережитыхъ человѣчествомъ, не устраняла войны. Не устраняетъ ея и современный государственно-правовой строй.

Гдѣ жизнь и люди—тамъ различіе интересовъ. Гдѣ различіе интересовъ—тамъ ихъ столкновеніе. Когда сталкиваются интересы внутри государства, споръ всегда получитъ разрѣшеніе на почвѣ права. Произойдетъ ли столкновеніе между интересами отдѣльныхъ лицъ или частнаго съ общественнымъ, между интересами своихъ подданныхъ или чужеземцевъ—безразлично. Государственная власть вынесетъ обязательное для спорящихъ рѣшеніе. Иначе и быть не можетъ, ибо государство есть союзъ правовой, и основная идея его, какъ формы общежитія—установленіе и охрана правовыхъ отношеній. Для этого именно создаются законы и существуютъ спеціальные институты—юстиція и полиція.

Сила примѣняется и внутри государства. Но внутри государства сила, служа опорою права, въ свою очередь, опирается на право. Сила и право находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи. При примѣненіи силы между государствами, взаимодѣйствія ея съ правомъ нѣтъ. Сила является самостоятельнымъ способомъ разрѣшенія столкновеній. А потому предѣлы примѣненія силы внутри государства опредѣляются крайней въ томъ необходимостью; между государствами—фактической возможностью. Внутри государства сила примѣняется для возстановленія порядка, для усмиренія правымъ неправаго. На войнѣ оба въ своемъ сознаніи правы: равный дерется съ равнымъ. Оба дѣйствуютъ активно.

Доставить торжество своему интересу войной можно только

путемъ побѣды. Побѣдить врага значитъ осилить. Осилить — создать для него фактическую невозможность продолженія боя.

Основное изъ этихъ фактическихъ условій борьбы—односторонность средствъ и способовъ дѣйствія. Война между государствами есть поединокъ, дуэль. Договоръ объ оружіи и дистанціи замѣняютъ конвенціи о неприкосновенности частной собственности въ сухопутной войнѣ, о военноплѣнныхъ, о территоріи, о разрывныхъ пуляхъ, о Красномъ Крестѣ, о признакахъ открытаго врага, и т. п.; секундантовъ—нейтральныя державы, слѣдящія за соблюденіемъ конвенцій и обычаевъ войны. Полнаго сходства, правда, нѣтъ. Преимущества въ количествѣ войскъ, въ качествѣ вооруженія и прочихъ средствъ нападенія и защиты война допускаетъ. Нейтралитетъ не такъ щепетиленъ, какъ секунданты. Суть не въ этомъ. Суть въ явномъ совершеніи непріязненныхъ дѣйствій, въ одинаковой опасности убить или быть убитымъ, побѣдить или быть побѣжденнымъ. Отсюда—уваженіе къ противнику на войнѣ. Въ немъ воюющій видитъ самого себя.

Рискъ, опасность всегда подкупаютъ въ пользу того, кто рискуетъ и подвергается опасности. Мирныя условія государственно-правового строя устраняютъ въ обиходѣ жизни и рискъ, и опасность. Для героизма нѣтъ мѣста. Война же есть сплошная, постоянная опасность. Она заставляетъ ежеминутно рисковать. Она, мало того, требуетъ высшаго проявленія героизма—принесенія самаго реальнаго блага человѣка, жизни, въ жертву отвлеченному представленію о благѣ родины. Два невѣдомыхъ матроса на миноносцѣ „Стерегущій", когда вся команда была убита и самый миноносецъ, изуродованный непріятельскими снарядами, японцы взяли на буксиръ, наглухо закрылись въ трюмѣ и потопили свое уже негодное судно. Безсильные сопротивляться, они могли сдаться въ плѣнъ, сохранить жизнь—но они поступили иначе. И вѣсть о ихъ поступкѣ облетѣла весь міръ. Весь міръ преклонился передъ ихъ памятью. Можно ли это игнорировать? Можно ли поступокъ героевъ-матросовъ и отношеніе къ нему всего міра считать только проявленіемъ людского атавизма?

Война—явленіе нелогичное, исключительное, полное самыхъ крайнихъ противорѣчій. Къ тому, что̀ на войнѣ происходитъ, лишь съ большой осторожностью можно примѣнять мѣрки, обычныя для мирныхъ условій. Она создаетъ въ людяхъ необычное настроеніе. Она влечетъ къ себѣ неудержимо. Въ этомъ есть, безспорно, доля атавизма. Но есть доля и другого,—того, что̀ да-

вить все-нивеллирующее правовое государство—духовнаго подъема отъ житейскихъ заботъ о хлѣбѣ, объ удобствахъ жизни, о матеріальномъ благополучіи—къ личной отвагѣ, къ беззавѣтной удали и къ славѣ, какъ къ признанному торжеству своего „я“.

Разъ война—фактъ неизбѣжный, то ея отрицаніе со стороны общества и тѣмъ болѣе отдѣльныхъ лицъ—безцѣльно. На войнѣ грань между неизбѣжнымъ и ненужнымъ слишкомъ часто стушевывается.

Для отдѣльнаго человѣка, война, и кромѣ боевой службы—обширное поле самой разносторонней дѣятельности. Личная честность и добросовѣстность здѣсь особенно цѣнны. Отвергать свое участіе потому, что лицо не сочувствуетъ войнѣ вообще или не сочувствуетъ данной войнѣ, неразумно. Въ моментъ войны родина стоитъ передъ опасностью. Опасность уже есть. Она создалась. И это заслоняетъ все остальное...

Разсужденіе: если откажусь участвовать въ войнѣ я, если откажется другой, третій, если всѣ откажутся, то война станетъ невозможной, ея не будетъ — дѣтски-наивно. Люди найдутся.

II.

Пасхальная заутреня въ вагонѣ.

Перевалили Уралъ. Миновали Златоустъ и Челябинскъ. Идемъ по безконечной Барабинской степи. Справа и слѣва—сплошная равнина, покрытая снѣгомъ. Кое-гдѣ отдѣльно ростущія чахлыя и корявыя деревья.

Пассажиры сибирскаго скораго поѣзда уже перезнакомились и слились въ то одно цѣлое, которое въ пути такъ быстро образуется и обращаетъ невѣдомыхъ дотолѣ другъ другу обывателей въ компактную колонію. Общій вагонъ-ресторанъ сгладилъ различіе между пассажирами разныхъ классовъ и разныхъ вагоновъ.

Передъ Челябинскомъ узнали отъ завѣдывающаго поѣздомъ, что съ этого начальнаго пункта сибирской дороги дѣйствіе печатнаго росписанія по путеводителю прекращается. Должны идти по воинскому графику и будемъ въ Иркутскѣ не на восьмыя сутки отъ Москвы, а черезъ полныхъ девять. Легко стало разсчитать, что Пасху придется встрѣтить въ поѣздѣ.

Въ числѣ пассажировъ ѣхалъ въ Ляоянъ, а оттуда самъ не зная, въ какой пунктъ театра войны, молодой священникъ, не-

давно овдовѣвшій и назначенный въ одинъ изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ. Это обстоятельство навело невольно на мысль, что почему бы намъ въ поѣздѣ не устроить заутрени, а потомъ общаго розговѣнья.

Мысль сразу пришла въ голову многимъ. По крайней мѣрѣ, когда кто-то первый высказалъ ее за обѣдомъ, оказалось, что уже въ разныхъ купэ шли разговоры на эту тему. Слишкомъ сильна въ насъ, русскихъ людяхъ,—гораздо сильнѣе, чѣмъ это самими нами сознается,—привычка быть въ Пасхальную ночь въ церкви и затѣмъ разговляться въ тѣсномъ кругу близкихъ и дорогихъ людей. На Западѣ такъ встрѣчаютъ Рождество. У насъ рождественскій сочельникъ — день дѣтскихъ радостей: ёлка, подарки. Пасхальная ночь — для взрослыхъ. Возгласъ: „Христосъ Воскресе!" —подготовляется недѣлей воспоминанія страстей Господнихъ. Преждеосвященныя литургіи, „Да исправится молитва моя", „Нынѣ силы небесныя", долгія всенощныя, „Чертогъ Твой вижду", двѣнадцать евангелій, выносъ плащаницы, „Воскресни", колѣнопреклоненія, черныя ризы — создаютъ религіозное настроеніе. Въ Пасхальную ночь оно разрѣшается. Вчерашніе усердные посѣтители церковныхъ службъ опять отдаются цѣликомъ реальной жизни, житейскимъ заботамъ, горестямъ и треволненіямъ. Пусть такъ! Но годъ пройдетъ, и снова ихъ потянетъ на мигъ отрѣшиться отъ земного и пережить религіозный подъемъ духа. Снова обычно пустующія церкви переполнятся... Несравненно больше среди насъ религіозныхъ людей, чѣмъ кажется. Очень ужъ мы— живущіе въ большихъ городахъ особенно — скрытны и плотно закрываемъ скорлупу своего духовнаго „я"...

Священникъ съ полной готовностью откликнулся на единодушное желаніе пассажировъ. Ему самому не разъ приходило въ голову предложить отслужить заутреню, но онъ боялся, что его предложеніе не будетъ сочувственно принято.

— Но,—сказалъ онъ,—у меня нѣтъ книги. Крестъ на себѣ —наперсный. Кое-какія изъ богослужебныхъ книгъ — въ чемоданѣ, въ багажѣ. Только той, безъ которой я не могу по памяти служить пасхальной заутрени, нѣтъ и въ чемоданѣ.

— Какая же вамъ нужна книга?

— Цвѣтная тріодь.

Нѣтъ цвѣтной тріоди—первое препятствіе. Какъ его преодолѣть?

Обратились къ завѣдывающему поѣздомъ: не будетъ ли по пути станціи съ церковью вблизи? Оказалось, что такихъ стан-

цій будетъ нѣсколько. Купить свѣчи можно въ любой церкви. Надо устроить хоръ.

Молодой офицеръ генеральнаго штаба заявилъ, что въ училищѣ онъ былъ регентомъ пѣвчихъ и можетъ управлять хоромъ. Рѣшили спросить пассажировъ, буфетную прислугу и проводниковъ—кто согласится пѣть. Оказалось, что въ свое время пѣли на клиросѣ: одинъ полковникъ, капитанъ, поручикъ, буфетчикъ и помощникъ повара. Подъ руководствомъ бывшаго регента, они усердно принялись за спѣвки.

Попутно шли приготовленія къ розговѣнью. Смѣшно, конечно, было устроивать розговѣнье, когда никто не заговлялся. Но развѣ и внѣ условій вагонной жизни многіе у насъ постятся? А гдѣ, въ какомъ домѣ, не бываетъ пасхи, куличей, крашеныхъ яицъ и прочей обычной пасхальной снѣди?...

Хозяиномъ-распорядителемъ взялся быть интендантскій подполковникъ — малороссъ изъ Кіева, говорившій съ хохлацкимъ акцентомъ и хохлацкимъ юморомъ.

Прежде всего нужно было выяснить, кто ѣдетъ до Иркутска и далѣе, и всѣ ли согласны на общее розговѣнье. Хозяинъ пошелъ по вагонамъ и вернулся со спискомъ участниковъ. Списокъ принесъ онъ преоригинальный. Перезнакомившись и передружившись, мы, однако, не имѣли ни малѣйшаго представленія о нашихъ фамиліяхъ. Обмѣниваться съ случайными знакомыми карточками въ Россіи не принято. Называя же себя, обыкновенно произносятъ нѣчто въ родѣ „обмокни". Поэтому участники розговѣнья были занесены въ списокъ или по внѣшнимъ признакамъ, или описательно. Тамъ значились: генералъ, другой генералъ маленькаго роста, штатскій съ бородой, штатскій въ большихъ сапогахъ, капитанъ-стрѣлокъ, дама съ собачкой, никому неизвѣстный, докторъ, бѣлокурый доброволецъ, господинъ отъ Краснаго Креста, и т. д. Всего набралось человѣкъ двадцать. Въ качествѣ гостей рѣшено было пригласить нашихъ спутниковъ-иностранцевъ. Въ поѣздѣ ѣхали въ дѣйствующую армію пять военныхъ агентовъ. Два швейцарца—серьезный и строгій на видъ полковникъ и молодой, веселый поклонникъ „дамы съ собачкой", капитанъ, болгаринъ и два американца — огромнаго роста саперъ, въ рыже-сѣрой курткѣ и въ желтыхъ съ крагами до колѣна башмакахъ на толстѣйшей подошвѣ, и весь въ черномъ морякъ, любезный и чрезвычайно общительный, несмотря на полное незнаніе русскаго языка и весьма слабое знакомство съ французскимъ. Еще ѣхалъ китаецъ, имѣющій какую-то торговлю въ Москвѣ. Именовалъ онъ себя „Жоржемъ"; желающимъ

раздавалъ визитныя карточки, на которыхъ передъ самой настоящей китайской фамиліей стояло: „Георгій Александровичъ“.

Затѣмъ хозяинъ, совмѣстно съ другими, вступилъ въ переговоры съ буфетчикомъ. Буфетчикъ заявилъ, что берется приготовить все: запеченый окорокъ ветчины, телятину, фаршированную пулярдку,—вплоть до крашеныхъ яицъ, пасхи, куличей и бабы. Заказъ былъ сдѣланъ, но опытные въ кулинарномъ дѣлѣ пассажиры насчетъ бабы усомнились. Буфетчикъ, не открывая своего секрета, упорно утверждалъ: „баба выйдетъ на славу, останетесь довольны“. Скептики же стояли на своемъ: „не можетъ тѣсто подняться при тряскѣ“.

За хлопотами, переговорами и приготовленіями прошло два дня. Наступила ночь съ пятницы на субботу. Поѣздъ приближается къ Красноярску. Скучный, однообразный пейзажъ снѣжной равнины, съ тайгой на горизонтѣ, рѣзко измѣнился. Мы вошли въ горы. Рельсовый путь вьется змѣей, то огибая гору, то обходя низину. Предупрежденные о дикой красотѣ суровыхъ горъ у Енисея, пассажиры не спятъ.

Любезный золотопромышленникъ вручилъ намъ въ Красноярскѣ двѣ объемистыя корзинки съ бабами, пасхами и яйцами, но вмѣсто тріоди онъ купилъ и привезъ изящный золоченый трехсвѣчникъ и три розовыя съ золотомъ восковыя свѣчи.

Обѣдать условились рано, чтобы, во-первыхъ, не портить аппетита для ужина, а во-вторыхъ, дать время сдѣлать въ столовой необходимыя перестановки. Пѣвчіе собрались на послѣднюю спѣвку. Распорядитель окончательно провѣрилъ списокъ и разъ пять побесѣдовалъ съ буфетчикомъ и поваромъ.

Служащіе, начиная съ завѣдывающаго поѣздомъ и кончая послѣднимъ истопникомъ, не менѣе насъ, пассажировъ, были заняты приготовленіями и заботами, чтобы все вышло хорошо. Буфетная прислуга, съ буфетчикомъ во главѣ, старательно убрала пасхальный столъ. Слесарь отвинтилъ прикрѣпленные къ полу столики и этажерки. Проводники носили отъ пассажировъ образа, составили въ уголъ лишніе стулья. Никого не приходилось звать, понукать. Всѣ работали дружно, съ полной охотой. Всякому хотѣлось принести свою долю пользы.

Услышать впервые „Христосъ Воскресе“ довелось намъ еще раньше нашей заутрени. Въ 9 часовъ вечера, подходя къ какой-то станціи, мы были поражены: въ станціонномъ залѣ шла служба, вся платформа была уставлена куличами, пасхами. Народъ, съ зажженными свѣчами, наполнялъ весь залъ, откуда неслось стройное пѣніе, стоялъ въ дверяхъ и на платформѣ. Былъ ясный, мо-

розный тихій вечеръ. Никакого колебанія пламени свѣчей. Чистота и прозрачность воздуха—какая бываетъ только въ Сибири. Картина просилась на полотно. Нельзя было не залюбоваться ею... Сибиряки объяснили, что у нихъ пасхальная служба начинается рано. Священниковъ мало. Отслуживъ заутреню въ одномъ мѣстѣ, священникъ переѣзжаетъ въ другое.

Наша заутреня началась въ $11^{3}/_{4}$ ч. Она представляла картину не столь красивую—не было безоблачнаго неба, простора открытаго воздуха—но еще болѣе исключительно своеобразную.

Поѣздъ идетъ полнымъ ходомъ. Вагонъ-столовая, содрогаясь на стыкахъ рельсовъ, мѣрно покачивается, грохочетъ, гудитъ. Сплошной стѣной стоятъ пассажиры въ дорожныхъ костюмахъ. Военныя тужурки мѣшаются съ пиджаками, форменнымъ платьемъ служащихъ, скромными туалетами дамъ. Дамы нарушили уговоръ не переодѣваться и вмѣсто темныхъ все-же надѣли свѣтлыя таліи—глазу стало веселѣе. Военные иностранцы—въ своихъ непривычныхъ для насъ формахъ. Китаецъ-купецъ—въ желтой безрукавкѣ, съ длинной косой по спинѣ... У всѣхъ въ рукахъ горящія свѣчи...

Въ переднемъ углу—трехсвѣчникъ, укрѣпленный въ высокой пасхальной бабѣ. Широкія концы лентъ спускаются къ столу... Сбоку, спиной къ окнамъ—пѣвчіе, оглашающіе вагонъ звуками пасхальныхъ пѣсенъ, подъ аккомпаниментъ грохота и гула. Поютъ: „Да воскреснетъ Богъ", „Плотію уснувъ", канонъ, повторяя послѣ каждаго пѣснопѣнія радостные аккорды: „Христосъ Воскресе!"... У противоположныхъ оконъ—столъ, уставленный блюдами, стойками тарелокъ,—дымящійся горячій окорокъ, синія, красныя, зеленыя яйца...

Наши пѣвчіе превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Они пѣли, мало сказать, стройно. Любой церкви дай Богъ имѣть такой хоръ. А вѣдь пѣли они безъ нотъ. Въ рукахъ регента не было даже камертона.

Священникъ прочелъ послѣднюю молитву. Въ послѣдній разъ пропѣли пѣвчіе „Христосъ Воскресе". Приложились къ кресту. Началось христосованіе. И люди, случайно сошедшіеся въ одномъ поѣздѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ день-два, много—черезъ недѣлю, разойтись и болѣе никогда не встрѣчаться, люди, не знающіе другъ друга по фамиліи даже, искренно цѣловались и поздравляли каждый каждаго съ величайшимъ праздникомъ христіанъ. Въ каютѣ парохода, въ вагонѣ поѣзда, среди случайныхъ спутниковъ, мы гораздо проще, сердечнѣе, легче отдаемся непосредственному чувству. Къ чему ломать себя, къ чему за-

мыкаться въ раковину—никто не знаетъ, кто я, завтра же спутники меня забудутъ?!..

Подали шампанское. Вспомнили дорогихъ и близкихъ, кого каждый оставилъ далеко, на родинѣ. Выпили за ихъ здоровье, за свое благополучное возвращеніе. Составили и подписали общую телеграмму. Еще разъ поздравили другъ друга и обмѣнялись пожеланіями. Поблагодарили иностранцевъ, не отказавшихся присоединиться къ нашему празднеству. Вспомнили и тѣхъ, кто встрѣчаетъ Пасху еще дальше насъ—въ китайской деревушкѣ, на сторожевыхъ постахъ, на батареяхъ Портъ-Артура, на миноносцахъ.

Всѣ были веселы, довольны. Буфетчикъ торжествовалъ: его баба была признана не уступающею красноярскимъ. Послѣ ужина открыли піанино. Раздались звуки музыки...

Ночь на 28-е марта 1904 г., навѣрное, никто изъ насъ никогда не забудетъ.

Послѣ пасхальной заутрени пассажиры окончательно сблизились и весь долгій еще путь по забайкальской дорогѣ и по Манчжуріи ѣхали одной тѣсно сплоченной семьей.

Утромъ, на станціи „Зима“, на фонѣ станціонныхъ зданій, фотографы-любители сняли насъ въ общей группѣ.

III.

Бомбардировка Портъ-Артура и ночной бой 20 апрѣля.

Едва ли не первая изъ мелочей, которая невольно бросается въ глаза свѣжему человѣку въ Артурѣ,—это старыя афиши. На углахъ, фонарныхъ столбахъ и на спеціально для того устроенныхъ кіоскахъ попадаются во множествѣ зазывающія объявленія о цирковыхъ и театральныхъ представленіяхъ, о концертахъ, сеансахъ фокусниковъ и т. п. Но всѣ такія афиши относятся не позже, какъ къ январю. Новѣйшія—разнообразныя обращенія власти къ населенію. Въ нихъ пестрятъ ссылки на подлежащіе статьи и томы свода законовъ, цифры штрафовъ и сроки тюремнаго заключенія.

Уже одно это наблюденіе говоритъ, что въ январѣ что-то въ Артурѣ произошло. Что-то—что̀ остановило обычное теченіе общественной жизни въ ея шаблонныхъ и неизбѣжно присущихъ

каждому большому поселенію проявленіяхъ. Что-то—послѣ чего исчезли публичныя зрѣлища и удовольствія.

Во вторникъ, 27 января 1904 г., произошла первая бомбардировка города.

Съ тѣхъ поръ бомбардировка стала центральнымъ всепоглощающимъ моментомъ артурской жизни. Ее каждый день ожидаютъ. Къ ней готовятся.

Наиболѣе глубокіе слѣды оставила бомбардировка 26 февраля, когда японцы обстрѣливали Новый городъ черезъ горный массивъ Ляотешаня. Тогда, въ числѣ другихъ, въ домѣ присяжнаго повѣреннаго Сидорскаго были убиты жена полковника, баронесса Франкъ, ея знакомая Валевичъ, молодая дѣвушка, пріѣхавшая на нѣсколько дней изъ Дальняго, и самъ Сидорскій.

Баронъ Франкъ и Сидорскій ходили по берегу бухты и поднимались на горы, чтобы лучше видѣть дѣйствія непріятельскаго флота. Затѣмъ зашли къ Франку, и такъ какъ домъ его стоитъ на площади, фасадомъ къ морю, гдѣ, казалось имъ, больше вѣроятности паденія снарядовъ, то позвали дамъ идти къ Сидорскому. Домъ Сидорскаго—въ боковой улицѣ. Баронесса Франкъ не соглашалась. Мужъ ее уговорилъ. Она взяла съ собой дочь, дѣвочку двѣнадцати лѣтъ. У Сидорскаго подали чай. Баронесса Франкъ сидѣла въ качалкѣ, спиной къ окну; ея дочь стояла около, у стола; по другую сторону — стоялъ Сидорскій; въ глубинѣ комнаты — самъ Франкъ; Валевичъ сидѣла черезъ простѣнокъ, тоже у окна. Былъ второй часъ дня. Разговаривали... Страшный трескъ... Въ разбитыя окна влетѣли столбы пыли, дымъ, осколки... Качалка наклонилась—и къ ногамъ обезумѣвшаго барона упалъ трупъ жены безъ головы. Сидорскій остался еще на мгновеніе стоять, но былъ ужъ мертвъ... Раздался душу раздирающій крикъ Валевичъ—осколокъ впился ей въ грудь... Она мучилась часъ и умерла... Гдѣ было пятеро, остались двое: вдовецъ и сирота...

Домъ Сидорскаго стоитъ пустой, заколоченный. Оконныя рамы разбиты. Весь наружный фасадъ изуродованъ. Гдѣ сбита штукатурка, гдѣ—глубокія впадины въ кирпичной стѣнѣ. Часть каменнаго забора разрушена.

Еще болѣе поврежденъ невдалекѣ, другимъ снарядомъ, домъ финансоваго управленія. По счастью въ немъ не было людей. Противъ дома, на улицѣ, воронка, сажени полторы въ діаметрѣ и аршина два глубиной. Здѣсь разорвалась двѣнадцати-дюймовая бомба. Какъ брызги, летѣли осколки. Деревянные столбы террасы второго этажа расщеплены. Крыша пробита, балки висятъ. Дверь выворочена. Уголъ дома отбитъ. Стеколъ—ни одного.

Всѣ въ Артурѣ начинаютъ разговоръ съ пріѣзжимъ передачей впечатлѣній бомбардировки. По единодушному отзыву, это что-то ужасное, подавляющее. Болѣе нервные ни о чемъ другомъ не могутъ говорить. Гдѣ и какъ укрыться — заботитъ очень и очень многихъ. Утверждаютъ, что при домѣ русско-китайскаго банка расширенъ и засыпанъ сверху толстымъ слоемъ земли погребъ. Требуютъ, чтобы городское управленіе устроило подобныя убѣжища для всѣхъ вообще обывателей. Ходитъ слухъ, что къ этому уже приступлено и что даже будто нѣкоторыя изъ убѣжищъ готовы. Тщательно, но тщетно, изучаютъ мѣста, гдѣ ложились снаряды, и расположеніе горъ, дабы найти уголокъ, недоступный обстрѣливанію съ моря.

Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда мнѣ довелось испытать бомбардировку и видѣть въ первый разъ въ жизни морской бой.

Ровно въ часъ ночи съ 19 на 20 апрѣля раздался выстрѣлъ. Я легъ спать часовъ въ 12, но заснуть еще не успѣлъ. Мигомъ зажегъ свѣчу и вскочилъ.

Наэлектризованный разсказами и слѣдами разрушенія и страстно желая личнымъ опытомъ провѣрить переживаемыя во время бомбардировки ощущенія, я по ночамъ, боясь проспать, невольно прислушивался къ каждому стуку, и не разъ стукъ входной двери въ гостинницу принималъ за выстрѣлъ. Когда говорилъ объ этомъ, мнѣ, смѣясь, отвѣчали: „Не проспите! Какъ хватятъ японцы изъ 12-дюймовой пушки, сразу проснетесь".

Дѣйствительно, выстрѣлъ изъ орудія большого калибра — звукъ, котораго ни съ чѣмъ не смѣшаешь. Потомъ оказалось, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ съ нашихъ батарей или съ „Гиляка" изъ 10-дюймоваго орудія. Но это все равно.

За первымъ выстрѣломъ второй, третій—разомъ цѣлая канонада. Въ комнатѣ стоялъ гулъ. Казалось, что слышенъ свистъ летящихъ снарядовъ.

Выглянулъ въ окно. Ночь темная, луна еще не взошла. Въ морѣ — свѣтлыя полосы, бросаемыя прожекторами съ берега. Полосы движутся, перескакиваютъ съ мѣста на мѣсто. То тутъ, то тамъ раскрывается зловѣщій красно-багровый глазъ и раздается грохотъ. Свои стрѣляютъ или непріятель — разобрать нельзя. Стало жутко... Неизвѣстность, что̀ происходитъ, невозможность оріентироваться—хуже всего. Послѣ каждаго выстрѣла кажется, что снарядъ летитъ прямо на домъ. Вглядываешься въ темноту, ждешь разрыва...

Прибѣжалъ мой человѣкъ, Николай. Вошелъ уже одѣтый В. И. Н.—звать на Золотую гору.

Вышли. На воздухѣ и вдвоемъ стало легче: можно дѣлиться впечатлѣніями; есть цѣль, есть дѣло, мысль отвлекается. Извозчиковъ—ни одного. Идти верстъ пять и подниматься на гору въ шестьдесятъ саженъ. Вскорѣ стрѣльба прекратилась. Было минутъ двѣнадцать второго.

Когда мы отошли версты двѣ и вышли на дамбу, по которой идетъ дорога изъ новаго города въ старый, канонада возобновилась. Красные глаза снова начали прорѣзывать темень ночи. Каждый ударъ заставлялъ вздрогнуть и взглянуть наверхъ, не летитъ ли снарядъ. Хотѣлось нагнуться, лечь,—т.-е. совершить нѣчто явно безсмысленное.

Переходя полотно желѣзной дороги, узнали, что японцы атакуютъ входъ во внутренній рейдъ брандерами. Далѣе, минутъ черезъ пять хода, раскрылась поразительная картина. На стоящую во входѣ канонерскую лодку „Гилякъ", прямо по створу, идетъ въ бѣлыхъ электрическихъ лучахъ прожектора пароходъ. Его носъ поминутно озаряется краснымъ блескомъ,—съ брандера стрѣляютъ. Съ „Гиляка" взлетаютъ ракеты—даютъ сигналъ, что миноносецъ вышелъ за боны на встрѣчу брандера. Пальба съ нашихъ батарей на мигъ остановилась. Въ лучахъ обрисовался столбъ огня, воды. Взрывъ... Брандеръ сталъ медленно погружаться. Раздалась адская трескотня. Изъ пулеметовъ стрѣляли по спасающейся командѣ.

Мы пошли дальше. У зданія управленія порта, на верху, противъ этажерки—группа флотскихъ офицеровъ. Намъ сказали, что только-что невдалекѣ упало два снаряда малаго калибра.

Выходимъ за ворота старой китайской стѣны. Поворачиваемъ по шоссе. Начинаемъ подвигаться по зигзагамъ на Золотую гору, гдѣ отдѣляется дорога на Электрическій утесъ, открывается и видъ на море. Свои батареи, внутренній рейдъ, „Гилякъ", „Отважный" — за горой. Слышна неумолкаемая стрѣльба. То грохотъ шести- и десяти-дюймовыхъ пушекъ, то трескъ пулеметовъ. Въ морѣ, далеко, вдругъ раскроется на мгновеніе багрово-красный глазъ—и снова тьма. Надъ головою свистъ. Это уже не иллюзія. Свистъ реальный, несомнѣнный. Черезъ сѣдловину летятъ снаряды, осколки...

Быстро подвигаемся. Подъемъ крутой. Ногамъ больно идти по щебню. Дышать трудно. Жарко. Боимся опоздать. Боимся, что вотъ-вотъ стрѣльба кончится, непріятель уйдетъ. В. И. поминутно сѣтуетъ: три ночи ѣздилъ съ вечера на гору, а тутъ полѣнился, даже извозчика, пріѣхавшаго за нимъ, отпустилъ.

Вошли. Часовой окликаетъ. Спрашиваетъ пропускъ и билеты.

Вызываетъ разводящаго. По лѣстницѣ идемъ на брустверъ. На брустверѣ толпа солдатъ и офицеровъ. Броненосцевъ не видно. Одни миноносцы и брандеры.

Съ бруствера видны всѣ фронтальныя береговыя батареи, сигнальная станція, весь рейдъ. Прямо внизу безъ умолка стрѣляетъ Электрическая, слѣва вдали—Крестовая, ближе—Промежуточная. У китайцевъ она звалась Лягушечьей. Справа—Тигровая. Съ рейда—„Гилякъ", „Отважный" и черезъ нихъ „Аскольдъ". Ко входу приближается брандеръ. Въ лучахъ прожектора онъ кажется бѣлымъ. Стрѣляютъ по немъ. Онъ остановился. Медленно опускается. Пулеметы открываютъ огонь по шлюпкамъ съ людьми.

Прожекторъ Электрическаго утеса съ внѣшняго рейда перебрасываетъ лучи на востокъ. Лучи движутся. Остановились. Они поймали еще брандеръ. Въ бинокль видны его очертанія. Пальба снова, съ удвоенной силой. Брандеръ идетъ полнымъ ходомъ. Всѣ прожекторы сосредоточены на немъ. Онъ уже близко. Ясно виденъ простымъ глазомъ. Видны мачты, труба, разсѣкаемыя волны, дымъ. Снаряды его осыпаютъ. Вокругъ—столбы воды, брызги... „Гилякъ" потушилъ свой прожекторъ. Брандеръ остановился. Онъ потерялъ направленіе. Лучи электричества слѣпятъ команду. Ракета взлетаетъ съ борта брандера. Другая сорвалась — змѣей пробѣгаетъ по водѣ. Третья летитъ выше первой. Брандеръ круто поворачиваетъ направо, открываетъ огонь съ носа и стрѣлой летитъ на Электрическій утесъ. Большія батареи прекратили грохотъ — брандеръ вышелъ изъ ихъ обстрѣла. Съ Золотой горы ничего не видно. Только слышно, какъ безостановочно стрѣляютъ внизу, въ темнотѣ, 48-сантиметровыя и полевыя пушки. Онѣ замолкли. Опять пулеметы.

У входа вырисовываются верхушки мачтъ и трубы потопленныхъ раньше и сейчасъ японскихъ брандеровъ и своихъ пароходовъ. Покойный Макаровъ ихъ потопилъ впереди входа, чтобы заградить путь брандерамъ. Одинъ японецъ лежитъ на боку. Два стоятъ во весь ростъ на мели. Цѣлое кладбище судовъ...

На одной изъ мачтъ появляется свѣтъ. Говорятъ — пожаръ на мостикѣ. Но нѣтъ, свѣтъ мелькаетъ, вверхъ, внизъ, вправо, влѣво. Съ „Гиляка" открываютъ по немъ огонь. Оттуда виднѣе: уцѣлѣвшій японецъ даетъ фонаремъ сигналы своимъ. Къ „Гиляку" присоединяются пулеметы съ берега. Тысячи пуль летятъ на японца. Свѣтъ фонаря мѣрно колышется. Колышется долго. Наконецъ, погасъ...

Лучи прожекторовъ береговыхъ батарей ищутъ шлюпки.

Одна попалась. Люди гребутъ изо всѣхъ силъ. Шлюпка огибаетъ Электрическій утесъ. Несется въ море, на далекіе красные глаза. Съ утеса стрѣляютъ шрапнелями, изъ ружей, изъ пулеметовъ. Шлюпку осыпаетъ градъ свинца и стали. Видно, какъ пули булькаютъ въ воду. Зрѣніе напрягается...

Въ шлюпкѣ—враги. Они пришли заградить выходъ нашего флота въ океанъ. Въ прошлыя атаки инымъ удалось спастись. Счастливо вернувшіеся придутъ опять. Придутъ опытные, знающіе, гдѣ входъ на рейдъ, гдѣ еще остались ворота... Но нѣтъ! Въ бинокль видно, какъ уменьшается число гребцовъ, какъ люди падаютъ за бортъ. Гребетъ уже одинъ... И его веселъ не видно...

Прожекторъ Крестовой батареи остановился. Въ его лучахъ миноносецъ,—ждетъ свои шлюпки. Опять загрохотали 10-дюймовыя. Бѣлесоватые клубы застлали миноносецъ. Клубы разсѣялись. Миноносца нѣтъ. Онъ погибъ...

Стрѣльба кончена. Четыре съ четвертью часа ночи. Чувствуется усталость, холодъ. Хочется сѣсть, согрѣться. Съ „Гиляка" и „Отважнаго" доносится „ура". Намѣстникъ благодаритъ, раздаетъ георгіевскіе кресты. Спускаемся съ бруствера въ казематъ.

Минутъ черезъ двадцать выходимъ. Свѣтаетъ. Всѣ огни потушены. Кладбище сверху—какъ на ладони. Среди мачтъ, трубъ, разорванныхъ и сдвинутыхъ бонъ, снуютъ шлюпки и паровые катера. Плаваютъ бревна, доски. На шлюпки снимаютъ съ мачтъ японцевъ. Одна шлюпка уже полна. Идетъ къ берегу. Съ горы сбѣгаютъ, обгоняя другъ друга, словно муравьи, солдаты — артиллеристы, матросы. Волненіе сильное. Шлюпка не можетъ пристать. Солдаты входятъ въ воду, подтягиваютъ ее руками. Японцевъ высаживаютъ.

Другая идетъ къ трубѣ. Труба торчитъ сажени на двѣ. На ней, одинъ надъ другимъ, два японца. Они втиснулись между большой трубой и малой пароотводной. Шлюпка не можетъ сразу приблизиться — волны ее отбрасываютъ. Одинъ японецъ соскочилъ въ воду. Плыветъ къ шлюпкѣ. Его подняли. Другой влѣзаетъ на верхъ трубы, какъ кошка перебирается по краю, далеко взмахиваетъ ногами и прыгаетъ на днище рядомъ затопленнаго парохода. „Ахъ, шайтанъ те задави!" —раздается добродушный голосъ въ кучкѣ солдатъ на брустверѣ. Японецъ стоитъ во весь ростъ. Ему подали конецъ. Онъ подтянулъ шлюпку и влѣзъ...

Катеръ ведетъ на буксирѣ затонувшую японскую шлюпку. Въ ней нѣтъ живыхъ. Одни трупы. Еще катеръ вылавливаетъ бревна... Бой конченъ.

Спустился на Электрическій утесъ. И здѣсь уборка. Осматриваютъ орудія, надѣваютъ чехлы, уносятъ снаряды, гильзы. Зовутъ идти къ морю. Тамъ на берегу убитые японцы. Шесть труповъ.

Главное впечатлѣніе боя—геройство японцевъ. Потерь у насъ не было. Шальной пулей раненъ легко одинъ матросъ. Японцы же потеряли экипажъ всѣхъ десяти брандеровъ — не менѣе ста человѣкъ. Едва ли спасся хоть одинъ.

Брандеръ — коммерческій пароходъ средней величины, нагруженный камнями, съ заложеннымъ взрывчатымъ зарядомъ. На палубѣ легкая артиллерія. Его задача — придти и затонуть. Его цѣль — погибнуть, умереть и своимъ трупомъ создать преграду.

Идти на брандерѣ — безумный рискъ. Спасенья на суднѣ и съ судномъ быть не можетъ. Оно идетъ, чтобы погибнуть. Оно идетъ на непріятеля вплотную. Брандеру страшенъ взрывъ миной, мѣткій ударъ бомбы, пока онъ въ морѣ, далеко. Онъ самъ взорвется вблизи.

Командѣ взорвавшагося судна и безъ непріятельскаго огня спастись нелегко. А тутъ сплошной огонь въ десяти саженяхъ, и подъ огнемъ, ночью, на изрѣдка мелькающій свѣтъ своего миноносца нужно грести тысячи саженъ. Спастись — исключительный случай. Команда не можетъ этого не сознавать. Она неизбѣжно должна понимать, что обречена на вѣрную смерть.

IV.

Пять дней въ осадѣ.

Выдержки изъ дневника.

23-го апрѣля. Послѣ ночного боя и ночной бомбардировки съ 19-го на 20-е апрѣля, ожидалось, что утромъ японцы возобновятъ бомбардировку города. Такъ они дѣлали раньше: за ночной атакой брандеровъ обыкновенно слѣдовала усиленная дневная бомбардировка.

Ожиданія, однако, не оправдались. Два дня прошли спокойно. На третій день, утромъ, 22-го апрѣля, стало извѣстно, что непріятельскій флотъ, въ составѣ шести броненосцевъ и шести крейсеровъ, появился на горизонтѣ. Часамъ къ 11 онъ уже ясно былъ виденъ съ балкона моей комнаты въ гостиницѣ, черезъ Тигровый Хвостъ, между оконечностью горъ Тигроваго полуострова и Золотой горой.

Я заторопился на Золотую гору, боясь пропустить картину морского боя. Торопился и понукалъ извозчика всю дорогу. Казалось, что непріятельскій флотъ не болѣе, какъ въ 4—5 верстахъ. Недоумѣвалось, почему онъ не открываетъ огня и почему наши батареи тоже молчатъ. На Золотой горѣ недоумѣніе разъяснилось: дальномѣръ показывалъ до ближайшаго японскаго броненосца почти полныхъ 14 верстъ.

Бывшіе на батареѣ объяснили цѣль появленія японскаго флота. Съ утра производится высадка около Бицзывоо. Непріятельскій флотъ крейсируетъ на горизонтѣ, чтобы не допустить нашу эскадру выйти въ море и помѣшать высадкѣ. Въ 3 часа дня японцы повернули и быстро скрылись.

Возвращаясь въ городъ, узналъ новость: намѣстникъ со всѣмъ штабомъ въ 12 час. дня уѣхалъ въ Мукденъ. Возможность быть отрѣзаннымъ отъ всего міра стала явной. Но думалось, что она не можетъ наступить такъ скоро. Ночью же ожидался снова бой. Я рѣшилъ на день остаться.

Все-таки по пути заѣхалъ на станцію желѣзной дороги, спросить, когда пойдетъ поѣздъ. Сказали, что сейчасъ отправляется воинскій, а въ 6 час. 40 мин., по росписанію, пойдетъ пассажирскій. Воинскій поѣздъ, точнѣе — санитарный, ушелъ только въ 1 часъ ночи. Это былъ послѣдній поѣздъ изъ Артура. Около станціи Пуландьянъ онъ подвергся обстрѣливанію, но проскочилъ. Ранено двое изъ эвакуируемыхъ раненыхъ.

Разъ поѣзда еще ходятъ по росписанію, значитъ можно быть спокойнымъ. Къ тому же я ждалъ безпокоившую меня телеграмму. Я выспался и въ 10 час. вечера, въ глубокой тьмѣ, поѣхалъ съ В. И. Н. на Золотую гору. Дабы непріятель не имѣлъ съ моря оріентировочныхъ точекъ и въ предупрежденіе намѣренной сигнализаціи, въ Артурѣ не только не зажигаютъ уличныхъ фонарей, но даже окна домовъ, по требованію полиціи, завѣшиваютъ изнутри двойными и тройными занавѣсями. Какъ только зайдетъ солнце—сумерки недолгія—городъ погружается въ полную темноту. Прожекторы работали всю ночь, кидая въ море лучи свѣта, но тщетно: японскій флотъ не появлялся.

Утромъ рѣшилъ, что надо уѣзжать. Сильный вѣтеръ, въ морѣ волненіе—слѣдовательно, ни бомбардировки, ни боя не будетъ. Уложивъ вещи, сообразилъ, что̀ надо купить, къ кому заѣхать. Отправился на вокзалъ похлопотать о мѣстѣ въ вагонѣ. На платформѣ встрѣтилъ офицера. Принялъ его за коменданта и спросилъ, въ которомъ часу пойдетъ поѣздъ. Офицеръ отвѣ-

тилъ, что онъ не комендантъ, но слышалъ, что поѣзда сегодня не будетъ. Отвѣтъ меня нисколько не смутилъ: паровозы вчера всѣ взяты, не успѣли вернуться. Даже обрадовался: особенной охоты торопиться съ отъѣздомъ не было.

Съ этими мыслями вхожу въ контору начальника станціи. Стоятъ два агента. Не обратилъ вниманія на ихъ блѣдныя, озабоченныя лица. Спрашиваю про поѣздъ.—Замялись. Повторяю вопросъ. Шопотомъ отвѣчаютъ:—Движеніе поѣздовъ прекращено вовсе, линія—въ рукахъ японцевъ.

Извѣстіе поразило, какъ громомъ. Сознаніе, что отрѣзанъ отъ всего міра, предстало вдругъ во всемъ своемъ ужасѣ. Мигомъ пролетѣло въ мозгу: какъ дать знать о себѣ домой, какъ страдать и мучиться будутъ всѣ дорогіе и близкіе, какъ это все можетъ быть долго, чѣмъ-то кончится, какъ будетъ тоскливо, сколько времени придется жить въ гостинницѣ, хватитъ ли наличныхъ въ карманѣ денегъ, зачѣмъ дѣлалъ покупки, зачѣмъ укладывалъ вещи,—нужно многое обдумать, многое сообразить... Нужно сейчасъ обезпечить себѣ недорогую квартиру—это было первое рѣшеніе. И какъ часто бываетъ, при внезапно наступившемъ событіи или внезапно полученномъ извѣстіи громадной важности, что какая-нибудь мелочь вдругъ придетъ въ голову и начнетъ господствовать въ мозгу,—такъ случилось и со мной. Мысль о квартирѣ подавила всѣ остальныя. Я чувствовалъ, что надо во что бы то ни стало сейчасъ найти квартиру, что пока она не найдена, я ни о чемъ не могу думать. Помню, такъ первою явилась у меня, когда умеръ мой сынъ, мысль о текстѣ газетнаго объявленія о его смерти и давила меня, какъ что-то, что̀ важнѣе всего.

Пошелъ обѣдать, но ничего не ѣлъ. Оттуда—въ штабъ крѣпости. Узналъ, что телеграфъ еще дѣйствуетъ. Японцы его не порвали, но линія въ ихъ рукахъ, и они перехватываютъ депеши. Но такъ какъ аппаратъ Юза устраняетъ возможность перехвата, то на немъ работа продолжается. Немедленно написалъ телеграмму домой, чтобы не ждали скоро извѣстій. Свободную квартиру мнѣ охотно указали.

Пріѣхалъ домой, легъ спать. Думалъ—усну. Задремалъ. Вдругъ мысль: оторванъ отъ всего и всѣхъ—захватила сознаніе. Дремота мигомъ исчезла. Квартирный вопросъ былъ разрѣшенъ,—ничто простое и конкретное не давило на мозгъ. Подобное чувство долженъ испытывать заключенный въ моментъ, когда впервые захлопнется за нимъ дверь тюремной камеры. Это чувство мнѣ всегда рисовалось самымъ жуткимъ и тяжелымъ. Лишенъ

свободы! Запертъ... запертъ въ Артурѣ... Что въ томъ, что я могу ходить, ѣздить по городу, посѣщать батареи!.. Я не могу уѣхать. Я запертъ. Быть можетъ на недѣлю, быть можетъ на мѣсяцъ, быть можетъ на годъ... Неизвѣстность, сознаніе отсутствія свободы—вотъ что ужасно!.. Еще вчера я не хотѣлъ уѣзжать. Здѣсь интересно, здѣсь масса новыхъ впечатлѣній, здѣсь—возможность неизвѣданныхъ ощущеній. Въ Харбинѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ—скучно, монотонная жизнь, необходимость постоянно видѣться и сталкиваться съ людьми, которыхъ видѣть нѣтъ охоты. Но здѣсь я запертъ—и въ этомъ все. Я хотѣлъ остаться въ Артурѣ надолго, на мѣсяцъ, на два. Тутъ можно жить съ сравнительнымъ комфортомъ, тутъ удобно заниматься своимъ привычнымъ дѣломъ, тутъ нѣтъ неизбѣжно-принудительнаго общенія, тутъ возможно одиночество. Все это меркнетъ передъ сознаніемъ: я запертъ...

Я всталъ. Хотѣлъ одѣться. Николай взялъ платье стряхнуть отъ пыли. Я пошелъ къ двери. Она заперта на ключъ... Я хотѣлъ стучать, кричать, выйти на балконъ, требовать лѣстницу. Нужно было большое усиліе воли, чтобы себя успокоить. Раза три пришлось повторять себѣ: Николай знаетъ, что я днемъ сплю крѣпко и раньше сказаннаго часа не встаю; я приказалъ подать самоваръ въ 8 часовъ; дверь отъ вѣтра раскрывается; ему понадобилось уйти, и онъ дверь заперъ; черезъ часъ вернется навѣрное.—Этотъ часъ мнѣ показался вѣчностью...

Итакъ, Артуръ отрѣзанъ. Съ каждымъ днемъ японцы будутъ стягивать кольцо...

Служившій въ портѣ инженеръ-китаецъ Хо, которому извѣстна крѣпость съ самаго ея основанія, владѣлецъ цѣлаго квартала домовъ, десять дней назадъ неизвѣстно куда скрылся... Что-то будетъ?!..

24-го апрѣля. Перебрался на новую квартиру. Домъ—передѣланная фанза; съ поворотами, внутренними лѣстницами и дворикомъ въ серединѣ. Досталъ кровать, столъ, три стула, комодъ и кое-какъ устроился.

Дѣйствіе телеграфа прекращено вовсе. Вчерашнія телеграммы переданы. Дома у меня, значитъ, уже узнали, что я застрялъ въ Артурѣ.

Любопытная вещь—осада... Ранѣе въ добивающемся узнать тайны обывателѣ говорило простое любопытство,—такъ могли смотрѣть и смотрѣли власть имущіе. Теперь заговорило чувство самосохраненія. Никуда уйти онъ не можетъ. Его интересы

слились съ интересами крѣпости. Отъ ея силы или слабости зависитъ для него все.

Точныхъ свѣдѣній о численности высаженныхъ японцами войскъ—нѣтъ. Предполагаютъ, что они высадили или еще кончаютъ высадку до 50 тыс.—одну изъ трехъ своихъ армій. Высадились съ востока, южнѣе Бицзывоо. Заняли весь перешеекъ въ 38 верстъ. На ляоянскомъ театрѣ Фынхуанченъ, вѣроятно, уже въ ихъ рукахъ и по восточному берегу они имѣютъ сообщеніе между арміями. Ожидаютъ, что будутъ атаковать Кинчжоускую (тоже, что Цзинь-чжоуская) позицію съ востока и юга. Позицію считаютъ хорошо укрѣпленной, но допускаютъ, что она не будетъ удержана. Ждать скорой помощи съ сѣвера нельзя. Она можетъ придти лишь тогда, когда будетъ достаточно войскъ, чтобы отбросить армію, наступающую съ Ялу. А это можетъ случиться не ранѣе іюля или августа. Артуръ, слѣдовательно, долженъ будетъ выдерживать осаду не менѣе 3—4 мѣсяцевъ.

В. И. Н. мечтаетъ проскочить изъ Голубиной бухты, на китайской шаландѣ, моремъ, за занятую японцами линію по западному берегу. Думаю, что это только разговоры. Серьезно разсчитывать на успѣхъ нельзя. Сутки пути при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Вездѣ крейсируетъ японскій флотъ. Довѣряться китайцу—болѣе чѣмъ рискованно.

Изъ Дальняго перевозятъ больныхъ; выселяются градоначальство и жители. Войска остаются. Но предусмотрѣно ихъ отступленіе на Артуръ и сдѣлано распоряженіе взорвать молъ и всѣ сооруженія, которыми японцы могли бы воспользоваться.

Настроеніе все то же. А вѣдь привыкну и къ мысли, что отрѣзанъ. Даже къ тюрьмѣ люди привыкаютъ.

Въ старомъ городѣ не такъ мертво, какъ въ новомъ. На улицахъ движеніе. На бульварѣ мелькаютъ аршинныя яркія шляпки и шикарныя свѣтлыя платья.

За обѣдомъ спасшійся съ „Енисея", минный офицеръ, мичманъ, разсказывалъ о гибели транспорта. Ставили мины въ бухтѣ Дальняго. Работа была окончена. Послѣдняя мина всплыла. Командиръ приказалъ ее разстрѣлять. Ставятъ мины съ кормы, и потому были кормой въ море и къ берегу носомъ. Заднимъ ходомъ приблизились къ минѣ. Мичманъ далъ выстрѣлъ изъ ружья по колпачку мины, но промахнулся. Командиръ рѣшилъ отложить разстрѣлъ и на утро для этого послать шлюпку. Приказалъ дать полный ходъ впередъ. На мостикѣ находились: командиръ, разсказчикъ и вахтенный начальникъ. Вахтенный началь-

никъ передалъ команду въ машину и затѣмъ сказалъ: „тронулись". Это было послѣднее, что̀ осталось въ памяти разсказчика. О всемъ дальнѣйшемъ у него не сохранилось абсолютно никакого воспоминанія. Очнулся въ шлюпкѣ, сидитъ на рулѣ, лицо въ крови, шлюпка идетъ къ берегу. Нижніе чины говорятъ, что распоряжался спускомъ шлюпки, самъ рубилъ топоромъ. Былъ раненъ въ голову и въ нижнюю челюсть. Вышибло девять зубовъ. Транспортъ держался на водѣ 14 минутъ. Большинство изъ попавшихъ въ воду было вытащено закоченѣвшими. Другая шлюпка командой въ сорокъ человѣкъ попала подъ винтъ и была опрокинута. Предполагаетъ, что всплывшую мину отнесло теченіемъ, а потому, идя къ ней заднимъ ходомъ, перешли линію загражденія. На транспортѣ было 7 пудовъ пироксилина. Ударъ пришелся подъ погребомъ, гдѣ онъ находился.

25-го апрѣля. Въ пять часовъ утра была стрѣльба: береговыя батареи сдѣлали семь выстрѣловъ по непріятельскимъ миноносцамъ.

Въ третьемъ часу пошелъ сдѣлать покупки — бумага вся вышла. На улицѣ встрѣчаю В. И. Н. Торопится на вокзалъ. Сажусь къ нему и узнаю слѣдующее. Утромъ пріѣхалъ съ сѣвера какой-то американецъ. По его словамъ, путь свободенъ. Китайцы сообщили, что японцы оставили Пуландьянъ и отступаютъ въ Бицзывоо. Начальникъ укрѣпленнаго района, генералъ Стессель, посылаетъ капитана генеральнаго штаба О. попытаться установить связь съ сѣверомъ. В. И. Н., въ надеждѣ проскочить, ѣдетъ съ нимъ. Вещей съ собой не беретъ, конечно, никакихъ.

Отправляюсь на вокзалъ ихъ проводить. В. И. Н. любезно беретъ порученіе, если проскочитъ, послать телеграмму и подробное письмо. Если не удастся, хочетъ остаться въ Цзиньчжоу. Капитанъ О. думаетъ ночевать въ Наньчуанлинѣ. Съ разсвѣтомъ ѣхать до Саншилипу. Тамъ сѣсть на лошадей, взять охотниковъ, снятые посты пограничной стражи и двигаться до передовыхъ русскихъ постовъ, оставляя стражниковъ по пути для поддержанія летучей почты.

Поѣздъ долженъ отойти въ $3^1/_2$ ч. дня. Всѣ ѣдущіе собрались. Проходитъ четыре, пять. Ждемъ и ждемъ. Вагоны готовы. Верховыя лошади давно погружены. Начальникъ станціи объявляетъ, что у него одинъ только локомотивъ, который, безъ особаго разрѣшенія ген. Стесселя, онъ дать не можетъ... Идутъ переговоры. Поѣздка отлагается до шести часовъ утра.

Все-таки, является надежда. Если установится съ сѣверомъ

сообщеніе летучей почтой, можно будетъ давать о себѣ знать и получать извѣстія.

Безконечно непослѣдовательное существо—человѣкъ!.. Только явилась надежда скинуть оковы осады—и сейчасъ пошли въ голову новыя мысли. Да стоитъ ли уѣзжать изъ Артура? Вернуться въ Россію раньше поздней осени, все равно, не собирался. Жена, дѣти будутъ получать извѣстія. Перестанутъ мучиться. Здѣсь предстоитъ столько неизвѣданнаго.

Пошелъ обѣдать. Разговоръ о флотѣ...

Возвращаясь домой, вижу, ѣдетъ американскій морской агентъ, лейтенантъ М., съ которымъ я ѣхалъ вмѣстѣ двадцать дней, отъ Москвы до Ляояна. Соскочилъ съ извозчика. Встрѣтились, какъ старые друзья. Американецъ, пробравшійся сегодня въ Артуръ, былъ онъ. Какъ морякъ, онъ съ перваго дня пріѣзда въ Ляоянъ мечталъ попасть въ Артуръ, но ему не разрѣшали. Разрѣшили—онъ поѣхалъ и одинъ, безъ всякаго конвоя, прибылъ благополучно.

Подробно его разспросилъ. Онъ выѣхалъ изъ Ляояна 22-го апрѣля. Въ Гайчжоу встрѣтилъ послѣдній поѣздъ изъ Артура, въ который стрѣляли около Пуландьяна. Далѣе ляоянскій поѣздъ не пошелъ. Черезъ нѣсколько часовъ былъ сформированъ воинскій поѣздъ для двухъ эскадроновъ кавалеріи и роты саперъ, которые получили приказаніе двигаться на югъ до встрѣчи съ японцами и затѣмъ на возвратномъ пути разрушать мосты, станціи, телеграфъ. Отправился съ этимъ отрядомъ. Поѣздъ благополучно миновалъ Вафандянъ и остановился, не доѣзжая Пуландьяна. Мостъ разрушенъ. Впереди, за мостомъ, стоялъ поѣздъ, пришедшій съ юга. Прошелъ до него версты три пѣшкомъ. Видѣлъ отдѣльныхъ японцевъ на холмахъ, верстахъ въ 5—6 отъ пути, но они не стрѣляли. Сѣлъ въ поѣздъ съ юга и уѣхалъ. По словамъ американца, путь японцами не занятъ.

26-го апрѣля. Капитанъ О. и В. И. Н. въ 6 час. утра уѣхали.

Доставили со станціи Саншилипу восемь раненыхъ нижнихъ чиновъ пограничной стражи. У одного прострѣлены обѣ ноги и челюсть. Всѣ съ одного поста. Подверглись нападенію при отступленіи къ Саншилипу.

Ходятъ нелѣпые слухи. Говорятъ, будто Ренненкампфъ обошелъ японцевъ на Ялу, заставилъ ихъ отступить и идетъ къ намъ на выручку. Какъ и кто это могъ узнать? Почему Ренненкампфъ? Многіе вѣрятъ. Что значитъ обаяніе имени!..

27-го апрѣля. Вернулся капитанъ О. Вчера въ шесть часовъ

вечера доѣхалъ до Пуландьяна. Тамъ встрѣтилъ поѣздъ съ сѣвера. Путь возстановленъ; мостъ тоже. Японцы высадились въ составѣ двухъ полковъ пѣхоты и эскадрона кавалеріи. Были на линіи Пуландьяна. Отступили къ востоку... Станція сожжена. Телеграфъ разрушенъ... Посты стражи О. возстановилъ.

Въ 9 часовъ утра отправленъ поѣздъ съ рабочими возстановлять телеграфъ. Ожидаютъ, что дня черезъ два можно будетъ пустить сквозной поѣздъ.

Въ толкахъ и разговорахъ полный поворотъ. Какъ пять дней назадъ всѣ приняли на вѣру слухъ о 50-тысячной арміи, такъ теперь съ одинаково легкимъ сердцемъ говорятъ, что едва ли и была серьезная высадка.

О возвращеніи О. узналъ въ часъ дня. Былъ на желѣзнодорожной станціи. Просилъ дать знать по телефону, какъ только соберутся отправить какой бы то ни было поѣздъ.

28-го апрѣля. Въ 8 часовъ утра сообщили, что черезъ два часа отправится поѣздъ на сѣверъ съ почтой и однимъ класснымъ вагономъ.

Къ 10 час. собрались на вокзалѣ восемь человѣкъ—все случайно застрявшіе въ Артурѣ. Мировой судья, участокъ котораго — полоса отчужденія на протяженіи отъ Пуландьяна до Харбина. Онъ постоянно разъѣзжаетъ по линіи въ особомъ вагонѣ-канцеляріи. Пріѣхалъ въ Артуръ 22 апрѣля на одинъ день. Артиллерійскій капитанъ, состоящій помощникомъ уполномоченнаго одного изъ отрядовъ Краснаго Креста въ Ляоянѣ, былъ командированъ въ Артуръ купить тысячу аршинъ брезента. Пріѣхалъ 21 апрѣля. Исполнилъ порученіе 22-го. Выѣхать 23-го не могъ.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ отхода поѣзда. Необходимо засвѣтло проѣхать два опасные перегона, отъ Саншилипу до Вафандяна, гдѣ телеграфа нѣтъ, гдѣ неизвѣстно, не испорченъ ли путь снова, и гдѣ вблизи несомнѣнно находятся японцы. Проходитъ 11 часовъ, 12. То ждемъ встрѣчнаго поѣзда, изъ Дальняго, то почта не погружена, то не пришло надлежащее желѣзнодорожное начальство. Только около половины второго поѣздъ тронулся. Насъ сопровождать поѣхалъ ревизоръ движенія.

Я пріѣхалъ въ Артуръ ночью и пути до Наньчуанлина не видалъ. Желѣзная дорога отъ Артура идетъ по узкой, извилистой долинѣ, между рядами скалистыхъ горъ. Мѣстами горная цѣпь разрывается и морскія бухты подходятъ къ самому полотну. Вся долина воздѣлана—такъ, какъ одни китайцы умѣютъ и могутъ воздѣлывать землю. Пахота поднимается по

скатамъ и оканчивается только тамъ, гдѣ начинается голая скала. Пахотныя полосы, особенно въ низинахъ, часто прерываются кучками зеленыхъ холмиковъ—могилъ. Гдѣ могилъ больше, онѣ окружены рощами; въ сторонѣ отъ рощъ миніатюрныя кумирни. Почва—глина съ пескомъ, мѣстами одинъ песокъ. Математически правильные ряды китайскихъ грядокъ перемежаются съ такими же правильными рядами искусственныхъ ивовыхъ посадокъ. Молодая зелень листьевъ особенно радуетъ глазъ: въ Артурѣ растительности никакой,—ни травы, ни деревьевъ. Только на бульварѣ нѣсколько жалкихъ стволовъ, съ подстриженнымъ куполомъ листвы, густо покрытой слоями угольной пыли;—по сосѣдству докъ, портъ и горы угля. Среди грядокъ — отдѣльныя импани, неизбѣжно обнесенныя высокими стѣнами. Кое-гдѣ грядки уже приготовлены къ посѣву, кое-гдѣ даже посѣяны, кое-гдѣ еще виднѣются кучки порошкообразнаго удобренія. Поля прорѣзаны канавами. Гдѣ крутой скатъ—подспорныя каменныя стѣнки, образующія уступы. На всемъ слѣды многовѣкового, упорнаго труда. И все сдѣлано голыми руками, при содѣйствіи самыхъ примитивныхъ и грубыхъ инструментовъ. Въ Россіи такъ не обрабатываютъ огородовъ и фруктовыхъ садовъ.

Быстро прошли первую станцію Инченцзы и подошли къ Наньчуанлину. Здѣсь отдѣляется вѣтвь на Дальній. Около станціи стоятъ бивакомъ стрѣлковый полкъ и двѣ полевыя батареи. На вокзалѣ масса офицеровъ.

Естественно пытаемся узнать, гдѣ японцы и много ли ихъ высадилось. Узнаемъ, что вчера и третьяго дня производились развѣдки. Японцы, говорятъ, высадились—это внѣ сомнѣнія. Но относительно числа ихъ даютъ самыя различныя показанія: одни его опредѣляютъ сотнями, а другіе—десятками тысячъ.

Въ поѣздъ дали конвой изъ десяти стрѣлковъ при унтеръ-офицерѣ, прицѣпили платформу съ телеграфными столбами и сѣлъ къ намъ офицеръ желѣзнодорожнаго батальона. Стрѣлки—народъ загорѣлый, бравый, крупный. У одного на погонахъ шнуръ вольноопредѣляющагося. Я пристально вглядывался въ него. Ни въ манерѣ держать себя, ни въ одеждѣ, довольно поношенной, ни въ сапогахъ—ничего, что̀ отличало бы его. Только бо̀льшая осмысленность загорѣлаго лица, съ плохо выбритой рыжеватой рѣдкой бородой, выдавала интеллигентнаго человѣка.

Черезъ двѣнадцать верстъ—станція Дафаншэнь. Опять разспросы и опять такіе же разнорѣчивые отвѣты. Въ поѣздъ сѣлъ до Цзиньчжоу (всего четыре версты) начальникъ цзиньчжоуcкаго участка, поручикъ. Начальникъ участка—нѣчто въ родѣ

исправника, или, вѣрнѣе, уѣзднаго начальника на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Во главѣ гражданскаго управленія Квантуна стоитъ коммиссаръ. Участокъ—дробная часть области. На начальникѣ участка лежатъ функціи полицейскія, хозяйственно-административныя, финансоваго управленія и судебныя. Онъ предсѣдательствуетъ въ судѣ при разборѣ дѣлъ, отнесенныхъ къ мѣстной китайской юрисдикціи, и утверждаетъ приговоры. Объ этомъ поручикѣ мнѣ говорили еще въ Артурѣ, какъ объ отличномъ администраторѣ, пріобрѣвшемъ довѣріе и уваженіе со стороны китайцевъ. Его стараніями устроена русско-китайская школа, превосходный питомникъ и огородъ съ капустой и прочими овощами, неизвѣстными у китайцевъ.

Не доѣзжая станціи Цзиньчжоу, линія огибаетъ слѣва такъ называемую Цзиньчжоускую позицію. Въ этомъ мѣстѣ ширина перешейка всего двѣ съ половиной версты. Въ центрѣ узелъ горъ, со всѣхъ сторонъ окруженный низинами. Скаты пологіе, обстрѣлъ громадный. Устройство передового форта Портъ-Артура просится здѣсь само собой. Позиція будто взята изъ атласа чертежей. Укрѣплена основательно. Дальше — городъ Цзиньчжоу. Какъ всѣ китайскіе города, обнесенъ стѣной, сѣрый, низкій; возвышаются только причудливыя ворота стѣны и деревья. На глазъ русскаго обывателя, привыкшаго къ размаху русскихъ городовъ съ широкими улицами и необозримыми пустырями, именуемыми площадями, въ Цзиньчжоу никакъ не можетъ быть болѣе 2—3 тыс. жителей. Въ дѣйствительности—14 тысячъ. И это при условіи, что нѣтъ ни одного дома въ два этажа. По словамъ начальника участка, есть импани (дворы), гдѣ живетъ до 180 человѣкъ. Впереди стѣны европейское двухэтажное просторное зданіе—школа.

Ѣдемъ въ Саншилипу. Перегонъ 22 версты. Телеграфа уже нѣтъ. Примѣрно на половинѣ пути передовой, крайній къ сѣверу, бивакъ,—стоитъ батальонъ стрѣлковаго полка. Поѣздъ останавливается и принимаетъ на платформу съ телеграфными столбами ручную платформу-телѣжку и десять стрѣлковъ съ офицеромъ, отправляющихся въ ночную развѣдку. Въ Саншилипу они слѣзаютъ.

На станціонныхъ зданіяхъ Саншилипу—слѣды недавняго пожара. Стѣны закопчены, стекла разбиты. Но крыша цѣла. Вокзалъ бѣлятъ, чинятъ. Рядомъ со станціей—казармы пограничной стражи; ихъ не поджигали, и онѣ невредимы. Ревизоръ движенія выдалъ привезенный изъ Артура телеграфный аппаратъ.

Еще раньше, начальникъ участка говорилъ, что по свѣдѣ-

ніямъ, которыя онъ имѣетъ отъ китайцевъ, японцы уже дня три, какъ прекратили высадку войскъ, и теперь выгружаютъ рисъ. Отчасти то же подтвердилъ привезенный нашимъ поѣздомъ офицеръ. Онъ объяснилъ цѣль своей развѣдки такъ: во-первыхъ, разыскать одного невернувшагося раненаго стражника; во-вторыхъ, выяснить, насколько вѣрны сообщенія китайцевъ, будто у японцевъ есть какое-то мѣсто, къ сѣверу и на востокъ отъ Саншилипу, гдѣ они что-то устраиваютъ и гдѣ у нихъ какъ будто сборный пунктъ для разъѣздовъ. По словамъ офицера, онъ каждую ночь ходитъ на развѣдки — всегда съ пѣшими людьми и самъ пѣшкомъ.

Офицеръ, подпоручикъ О., производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Молодой, высокій, красивый, статный, сильный, веселый. Одѣтъ по походному. Въ шведской курткѣ—въ сюртукѣ нельзя, — пуговицы блестятъ. Шашку оставилъ — только мѣшаетъ.

Его команда—крѣпыши. Лица самыя обычныя, добродушныя. Изъ десяти человѣкъ пять—унтеръ-офицеры. Одинъ съ георгіевскимъ крестомъ — былъ въ китайскую войну. Смотрятъ на О. съ уваженіемъ. Видимо, знаютъ его удаль и вѣрятъ ему. Онъ относится къ нимъ какъ товарищъ. Да и какъ можетъ быть иначе! Общій узелокъ съ хлѣбомъ, вмѣстѣ будутъ лежать, ползти, всѣ равной подвергнутся черезъ часъ опасности.

Опоздавши выѣхать изъ Артура на три съ половиной часа, мы прибыли въ Саншилипу послѣ пяти. Скоро начнетъ темнѣть, а еще два перегона до Вафандяна—46 верстъ. Раздались голоса: не лучше ли остаться до утра?

Предстояло ѣхать два перегона безъ воды. Поэтому прицѣпили второй паровозъ. Одинъ долженъ былъ везти поѣздъ до Пуландьяна, другой—изъ Пуландьяна до Вафандяна. Офицеръ желѣзнодорожнаго батальона сталъ на паровозъ. Конвойныхъ солдатъ разставили по площадкамъ вагоновъ.

Подпоручикъ отправился въ путь на ручной телѣжкѣ раньше насъ. Къ его командѣ присоединились китаецъ-переводчикъ и китаецъ-солдатъ изъ охраны начальника участка.

Дорога отъ Саншилипу идетъ сначала между двухъ рядовъ сопокъ. Долина то расширяется, то съуживается. Справа, сейчасъ за станціей, начинаются предгорья Самсона; вскорѣ вырисовывается и самъ величественный Самсонъ, высоко поднимающій надъ сопками свои вершины. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще слѣва виднѣется море. Подъ Пуландьяномъ дорога идетъ нѣсколько верстъ берегомъ.

Почти всѣ телеграфные столбы срѣзаны. Мѣстами попадаются аккуратно сложенныя ихъ кучи, штукъ по 10 или по 20. Около кучъ—круги смотанной проволоки. Изоляторы на срѣзанныхъ столбахъ разбиты. Лишь изрѣдка встрѣтится одинокій покосившійся столбъ съ обрывками проволоки. Всего срѣзано 300 столбовъ. Были зачѣмъ-то цѣнные изоляторы. Срѣзанные столбы успѣли снести въ кучи.

Всѣ посты пограничниковъ на каждыхъ пяти верстахъ и отдѣльныя сторожки сожжены. Отъ красивыхъ зданій остались однѣ обгорѣлыя кирпичныя стѣны. Охрана возстановлена. Поѣздъ то обгоняетъ, то встрѣчаетъ пѣшіе обходы и конные разъѣзды.

Двумъ изъ ѣдущихъ не по себѣ. Они переходятъ отъ одного изъ насъ къ другому. Вскакиваютъ, вглядываются въ окна и говорятъ, говорятъ безъ умолку. Радуются, увидѣвъ разъѣздъ пограничниковъ. „Смотрите,—говорятъ,—путь отлично охраняютъ, мы можемъ ѣхать спокойно". Говорятъ, чтобы подбодрить себя, конечно, а не другихъ. Минуту спустя, настроеніе ихъ мѣняется. Заводятъ разговоръ о томъ, что японцевъ десятки тысячъ кругомъ, что разъѣзды и обходы одиночныхъ нашихъ солдатъ ничего не гарантируютъ...

Незамѣтно прошли небольшой мостъ, взорванный японцами и уже починенный, и подошли къ Пуландьяну.

Глазамъ представилась не поддающаяся описанію картина полнаго разрушенія. Все, что могло горѣть, выжжено. Гдѣ были станціонныя зданія и казармы роты пограничной стражи—безобразные остовы почернѣлыхъ стѣнъ. Крыши провалились. Вмѣсто оконъ—зіяющія дыры съ остатками рамъ и косяковъ. Полы выломаны, печи разворочены.

По платформѣ ходятъ пограничники. Они здѣсь третій день, безъ хлѣба, безъ мѣста, гдѣ спать, гдѣ согрѣться. Офицеры устроились въ остаткахъ вокзала, спятъ на соломѣ. Лошади—безъ фуража. Весь запасъ ячменя тоже сожженъ.

Всѣхъ офицеровъ пять, нижнихъ чиновъ—30. Днемъ ходятъ на развѣдки. Начальникъ отряда и другіе офицеры утверждаютъ, что японцевъ вблизи станціи много, но числа всѣхъ высадившихся опредѣлить, даже примѣрно, не могутъ. Вчера разъѣздъ, слѣдуя между горъ, подвергся обстрѣливанію двухъ ротъ.

Сумерки сгустились, когда, попрощавшись съ отрядомъ, мы двинулись далѣе.

Отъ Пуландьяна до Вафандяна—тѣ же сожженные посты, часовые у обгорѣлыхъ стѣнъ, обходы, разъѣзды. Телеграфныхъ столбовъ также почти нѣтъ.

Подошли къ станціи въ полную темноту. Картина разрушенія такая же, какъ въ Пуландьянѣ, только въ бо́льшемъ масштабѣ и потому еще грандіознѣе. Вафандянъ—одна изъ крупныхъ станцій; при ней были паровозное депо, мастерскія и нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ построекъ. Все отдано на жертву пламени. Убытки, говорятъ, превышаютъ два милліона рублей. Сотни служащихъ, рабочихъ, солдатъ и офицеровъ лишились всего имущества... Казалось, что пожаръ еще продолжается. Внутри выгорѣвшихъ стѣнъ солдаты разожгли костры, и мерцающій въ оконныхъ отверстіяхъ огонь и искры, поднимающіяся къ небу, давали полную иллюзію пожара.

Вздохнулъ и я свободно. Телеграфъ на сѣверѣ дѣйствуетъ—значитъ, можно ѣхать съ увѣренностью въ исправности пути.

Въ Вафандянѣ встрѣтили роту желѣзнодорожнаго батальона.

Пережитое за день такъ утомило, что, какъ только поѣздъ тронулся изъ Вафандяна, я заснулъ мертвымъ сномъ.

Итакъ, послѣ пяти сутокъ осады, я опять на свободѣ. Весь первый день испытывалъ чувства узника, выпущеннаго на волю. Я свободенъ!.. Нѣтъ сковывающихъ меня внѣшнихъ, непреоборимыхъ узъ. Могу общаться съ миромъ. Нѣтъ сознанія оторванности. Нѣтъ томленія неизвѣстности...

Но... мы, восемь человѣкъ, обязаны свободой исключительно счастливому случаю. Нашъ поѣздъ долженъ былъ быть первымъ изъ Артура послѣ прекращенія сообщенія. Онъ оказался и единственнымъ. 29 апрѣля японцы взорвали путь въ двухъ мѣстахъ и затѣмъ заняли Пуландьянъ. Всего черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ мы тамъ были!..

4 мая появилась оффиціальная телеграмма, что закрыта станція Гайчжоу—почти сто верстъ сѣвернѣе Вафандяна. Артуръ отрѣзанъ...

D. W.

НА ПЕПЕЛИЩѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Вѣтеръ гонитъ пыль по дорогѣ. Мѣстность скучная—плоская, однообразная. Поля съ желтѣющей рожью, полоса съ грядами картофеля, четырехугольникъ зеленаго овса и опять рожь. Вдали чуть темнѣетъ полоска лѣса. На фонѣ сѣраго неба машетъ крыльями крошечная мельница; высится бѣлая колокольня. Полное безмолвіе. Полное безлюдье. Только вѣтеръ гонитъ пыль по дорогѣ...

Пыль относитъ въ сторону; она ложится на поля ржи, на зелень овса и картофеля. Очень давно не было дождя. Земля высохла, потрескалась. Еще сегодня утромъ здѣсь служили молебенъ. Выходило чуть не все село. Впереди дѣвушки несли большую икону Казанской Божьей Матери и другія иконы, поменьше; мужики шли съ хоругвями, а больной батюшка, изнемогая отъ жары и усталости, едва поспѣвалъ за ними. Батюшка еще молодой, но утомляется онъ гораздо больше, чѣмъ старый дьяконъ. Слишкомъ онъ худощавъ и съ виду болѣзненъ. У него громадная семья, восемь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему мальчику одиннадцать лѣтъ; несмотря на хорошій приходъ, жить ему трудно, потому что приходится думать не только о настоящемъ, но и о будущемъ. Кромѣ того, ему тѣсно и безпокойно жить, и оттого у него раздражительный, желчный характеръ. Онъ никогда не можетъ отдохнуть, потому что ему мѣшаютъ всѣ окружающіе. Худощавое лицо его часто кривится какой-то недоброй усмѣшкой, а выраженіе большихъ глазъ жестко и на-

смѣшливо. Всѣ ему только мѣшаютъ! Всѣ его раздражаютъ и дѣлаютъ ему жизнь невыносимой. Его матушка иногда кротко и ласково усовѣщиваетъ его за какую-нибудь гнѣвную вспышку и старается объяснить ему, что ихъ жизнь вовсе не такъ плоха, и люди не такъ плохи, какъ ему кажется. А кажется ему такъ потому, что онъ боленъ нервами, раздраженъ и мало полагается на милость Божью. Все хочетъ впередъ устроить, обезпечить... Онъ слушаетъ свою матушку, удивляется ея кротости и спокойствію, любуется на нее, но унять своего сердца не можетъ и продолжаетъ сердиться на людей и обвиняетъ ихъ въ томъ, въ чемъ виновна передъ нимъ одна его болѣзнь.

Больному старому дьякону тоже живется не легко. У него семья не меньше, а нужды еще больше. Дѣти его выросли, но, какъ говорится, не задались. Сыновья вышли шалопаями, дочери —неудачницами. Двѣ изъ нихъ вышли замужъ и живутъ въ большой бѣдности, двѣ остались въ старыхъ дѣвахъ. Но старый дьяконъ не знаетъ, что̀ такое нервы. Поэтому въ сплошной неудачѣ жизни для него есть свои радости, и онъ умѣетъ цѣнить ихъ и пользоваться ими. Онъ способенъ видѣть свѣтлыя стороны своего существованія и въ веселую минуту забывать всѣ свои горести и неудачи. Въ селѣ у него немало пріятелей и почти всѣ крестьяне поголовно хорошо знакомы ему. Недаромъ онъ прожилъ на одномъ мѣстѣ около сорока лѣтъ. При немъ перемѣнилось больще десяти священниковъ. Двое изъ нихъ похоронены здѣсь же, около церкви, а ихъ вдовы остались доживать въ собственныхъ домикахъ черезъ дорогу отъ могилъ мужей. Нынѣшній батюшка здѣсь еще недавно. Не сравнялось и трехъ лѣтъ, какъ его перевели въ этотъ приходъ. И ужъ далъ же онъ себя знать за это время! Такого непріятнаго и взыскательнаго начальства у старика дьякона еще не было. И боится же его дьяконъ, и не любитъ его! Но онъ также боится и не любитъ говорить о своихъ чувствахъ вслухъ. Ихъ знаетъ только мать-дьяконица. На мать-дьяконицу можно положиться: она не скажетъ ничего лишняго, потому что вообще не охотница до разговоровъ; и заботъ, и хлопотъ у нея слишкомъ много, чтобы еще оставалось время на праздную болтовню.

Молебенъ служили въ шести мѣстахъ. Послѣдній—на углу барскаго сада. Сквозь чащу деревьевъ можно было видѣть длинную, полную тѣни и прохлады аллею. Когда образа и хоругви понесли обратно въ церковь, батюшка остановился на краю канавы, которою былъ обнесенъ садъ, и кивнулъ дьякону въ сторону аллеи.

— А намъ здѣсь поближе,—сказалъ онъ.

Канава обсыпалась, разровнялась и черезъ нее въ этомъ мѣстѣ была протоптана удобная тропинка. Священникъ и дьяконъ легко спустились по ней, поднялись на валъ и вновь спустились на расчищенную дорожку аллеи.

— Благодать-то! — невольно сказалъ дьяконъ, отирая пестрымъ платкомъ потное лицо.

Батюшка только слегка покривилъ губы, но видно было, что онъ не менѣе наслаждался прохладой и тѣнью послѣ удушливой жары залитыхъ солнцемъ полей. Долго шагали они поспѣшно и молча. Аллея вела къ цвѣтнику передъ домомъ, но батюшка свернулъ съ нея раньше и пошелъ тропинкой черезъ молодую рощу.

— А вѣдь что?.. небось еще спятъ! — отрывисто замѣтилъ онъ, кивая въ сторону дома.

Дьяконъ обернулся и вдругъ неуклюже присѣлъ на корточки, заглядывая между стволовъ деревьевъ.

— На балконѣ кто-то есть, — сообщилъ онъ, и лицо его добродушно и ласково усмѣхнулось.

Батюшка поспѣшно шелъ впередъ. Когда оба вышли за ворота усадьбы, крестный ходъ только еще показывался изъ-за угла сада. Впереди дѣвушки несли большую икону Казанской Божьей Матери.

Сзади валила толпа и солнце немилосердно пекло непокрытыя головы мужиковъ. Вдругъ откуда-то налетѣлъ вѣтеръ и закрутилъ пыль на дорогѣ. Но отъ этого вѣтра стало еще душнѣе и жарче.

Не прошло и получаса, какъ до усадьбы донесся ударъ въ колоколъ, немного спустя другой, и затѣмъ колоколъ забилъ часто и будто тревожно. На крылечкѣ дома показалась молодая дѣвушка въ широкой свѣтлой блузѣ.

— Набатъ!.. слышите?—крикнула она.

На галерейкѣ кухни кухарка щипала цыплятъ, а неподалеку стоялъ кучеръ и, разговаривая, лѣниво почесывалъ свою широкую, могучую спину.

Услыхавъ голосъ барышни, онъ быстро обернулся и снялъ картузъ.

— Набатъ!—повторила дѣвушка.

— Никакъ нѣтъ, — почтительно возразилъ кучеръ. — Это, барышня, крестный ходъ ходилъ. Образа назадъ принесли и, значитъ, встрѣчаютъ...

Но всѣ невольно подняли глаза къ небу. Солнце еще ярко

свѣтило, но лазурь будто померкла, посѣрѣла. Со всѣхъ сторонъ тянулись длинныя облачныя пелены и ясный день хмурился. Налетѣлъ вѣтеръ и прошумѣлъ въ деревьяхъ сада. Съ крылечка видно открытое поле. Оно уходитъ вдаль, скучное, плоское, однообразное. По дорогѣ несется и крутится пыль. Будто ѣдетъ кто-то. Но никого нѣтъ.

У барскаго дома два крыльца и два балкона. Расположены они симметрично, крестъ-на-крестъ: по балкону съ обѣихъ сторонъ фасада и по крыльцу съ двухъ узкихъ сторонъ дома. Изъ-за этого по длинному корридору, раздѣляющему домъ во всю длину, постоянно гуляетъ сквознякъ. Вообще домъ выстроенъ неудачно. Въ немъ всѣмъ неудобно и неуютно. Онъ еще совсѣмъ новый, и его душистыя сосновыя стѣны не оштукатурены и не оклеены обоями, полы некрашены. Его постоянно сравниваютъ съ сгорѣвшимъ шесть лѣтъ назадъ старымъ, большимъ, прекраснымъ домомъ, и это сравненіе настолько не въ его пользу, что отъ него онъ проигрываетъ еще больше. Изъ чувства непріязни къ новому дому, его называютъ то гостинницей, то баракомъ. Вмѣсто „моя комната", говорятъ: „мой номеръ". Только сама Анна Степановна молчитъ и никогда не жалуется ни на какія неудобства. Ее даже возмущаютъ жалобы и претензіи дѣтей. Когда надо было приступать къ постройкѣ, эти дѣти палецъ о палецъ не ударили: никто ничего не посовѣтовалъ, ни въ чемъ не помогъ. Она посылала имъ планы, смѣты, подробно излагала всѣ свои соображенія, а имъ всѣмъ будто и дѣла не было до новой постройки. Отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: „дѣлай, мамочка, какъ знаешь". Ну, она и сдѣлала. Сосѣдъ-помѣщикъ въ этомъ случаѣ оказался настоящимъ благодѣтелемъ. Еслибы не онъ—дѣло затянулось бы еще надолго. Все бы раздумье брало да сомнѣніе...

Но, вотъ, заѣхалъ какъ-то сосѣдъ, Игнатій Никифоровичъ Сошниковъ, и поставилъ вопросъ ребромъ.

— Что не строитесь?

— Да вѣдь легко сказать, Игнатій Никифоровичъ...

— А гдѣ же жить?

— Вотъ то-то, что жить негдѣ. Самой-то мнѣ и во флигелѣ ничего, а на лѣто дѣтей позвать некуда. Какъ же безъ дѣтей?

— Значитъ, домъ нуженъ?

— Ужъ какъ не нужно!

— А деньги есть?

Оказалось, что и денегъ въ наличности совершенно достаточно.

— За чѣмъ же дѣло?

— Да вѣдь легко сказать...

Кончилось тѣмъ, что Сошниковъ посмѣялся надъ безпомощностью старухи, потомъ пожалѣлъ ее и наконецъ прямо и просто предложилъ свои услуги.

— Да хотите, я вамъ все это оборудую? Лѣсу тутъ порядочнаго не найти... Его мы изъ смоленской губерніи отъ моего кума выпишемъ. Кумъ для меня разстарается, и ужъ за лѣсъ я ручаюсь. Подрядчикъ у меня тоже пріятель... Мошенникъ, я вамъ скажу!.. Но я его за то и люблю, что онъ ловокъ, а я вдвое. Строить-то мнѣ на моемъ вѣку доводилось достаточно, и меня провести не легко; такъ что мошенниковъ я не боюсь, былъ бы малый толковый да смышлёный. А у насъ, знаете, если мужикъ умёнъ, то ужъ непремѣнно воръ...

Еще долго и много говорилъ Сошниковъ, а Анна Степановна все больше убѣждалась въ своей безпомощности и въ невозможности обойтись безъ мужской помощи. Теперь она уже боялась, что Сошниковъ почему-либо раздумаетъ и откажется распоряжаться постройкой. Она даже забыла, что до этого дня никогда особенно не довѣряла ему. „Ахъ, только бы онъ взялся!.. только бы выручилъ“!

И Сошниковъ взялся.

Смоленскій кумъ выслалъ лѣсъ; явился и знакомый мошенникъ-подрядчикъ, работа закипѣла...

Анна Степановна была счастлива и просто не знала, какъ благодарить Сошникова. А тотъ водилъ ее по постройкѣ съ веселымъ, самодовольнымъ видомъ, любовался матеріаломъ, любовался работой и весело покрикивалъ на плотниковъ.

— Сто лѣтъ проживете въ этомъ домѣ и сто лѣтъ будете вспоминать Игнатія Сошникова,—говорилъ онъ.

Анну Степановну особенно заботилъ одинъ вопросъ: какъ и чѣмъ она выразитъ свою благодарность благодѣтельствующему ей сосѣду?

И ужъ до чего она была благодарна судьбѣ, когда этотъ вопросъ разрѣшился какъ бы самъ собой. Игнатій Никифоровичъ никакъ не могъ подыскать хорошей коренной, которая ему была необходима, а коренникъ Анны Степановны ему особенно нравился. Попался бы ему такой, продажный, онъ за него ничего бы не пожалѣлъ!

Анна Степановна, не задумываясь, велѣла отвести къ нему лошадь.

— Да вы хоть деньги-то съ меня возьмите!—умолялъ Сошниковъ.

Старушка только смѣялась и отмахивалась.

— А напрасно вы не изволили съ нихъ денегъ взять,— замѣтилъ ей позже ея кучеръ, присутствовавшій при этой сценѣ.

— А что̀? почему?

— Да какъ же... Вѣдь деньги-то не его, а ваши. Вотъ и взяли бы... свои же.

— Какъ—мои? Что̀ это ты?.. Я и не пойму.

— Да когда же у господина Сошникова свои деньги были? А ужъ если теперь деньжонки есть, такъ ужъ не иначе, какъ ваши. Откуда теперь другимъ быть?

— Грѣхъ тебѣ, Ипатъ!—строго пристыдила кучера Анна Степановна, и сейчасъ же вполнѣ правдоподобно объяснила его слова:

„Ему лошадь жалко. Любилъ онъ ее. Конечно, онъ убѣжденъ, что Сошниковъ выпросилъ ее у меня. И сердится... Ну, что̀ же дѣлать? На всѣхъ не угодишь"!

Съ планомъ дома вышло маленькое недоразумѣніе. Пришлось его немного измѣнить... Со смѣтой тоже вышло недоразумѣніе...

Сошниковъ продолжалъ любоваться и расхваливать, но Анна Степановна стала уже менѣе счастлива и благодарна, и хотя тщательно скрывала перемѣну своего настроенія, но Игнатій Никифоровичъ словно почуялъ что-то неладное и сталъ съ своей стороны гораздо щепетильнѣе и обидчивѣе. Стоило старушкѣ Важиной сдѣлать маленькое замѣчаніе, какъ ужъ онъ начиналъ сердиться и обвинять ее въ безтолковости и неделикатности.

— Какъ это у насъ такъ пришлось, что весь домъ крестомъ? —недоумѣвала Анна Степановна.—И вдоль—корридоръ, и поперекъ опять будто корридоръ, только пошире. По плану-то оно не замѣтно было...

— Да вѣдь не по секрету мы отъ васъ строили, матушка, Анна Степановна!—раздраженно возражалъ Игнатій Никифоровичъ.—Вѣдь сами вы изволили здѣсь цѣлыми днями ходить и наблюдать. Безъ вашего указанія, кажется, бревна на бревно не положили.

— Да вѣдь я только такъ, Игнатій Никифоровичъ. Я не понимаю...

— Оно и видно, что не понимаете. Непремѣнно хотѣли свой планъ... Вотъ вамъ вашъ планъ! А все отчего? Отъ недовѣрія! Чѣмъ предоставить все мнѣ и положиться на меня... Нѣтъ, какъ можно! Все сами. Хозяйскій глазъ. Ну, вотъ и сами! А виноватаго искать, такъ виноватый одинъ — Игнатій Сошниковъ. Связали меня по рукамъ и ногамъ вашимъ хозяйскимъ глазомъ, а ужъ во всемъ буду виноватъ я одинъ.

— Батюшка, голубчикъ! да чѣмъ это я васъ вязала-то? да въ чемъ я васъ виню? Богъ съ вами!

— А кто удивлялся, что много денегъ вышло? а кто не доволенъ и планомъ, и полами? Вы думаете мнѣ это легко? Будь вы человѣкъ понимающій, вамъ бы еще можно было втолковать, объяснить. Да и объяснять было бы нечего. Все и такъ ясно. А вѣдь у васъ эта бабья мѣрка: денегъ много вышло. Вамъ купи трухи, да подешевле—тогда бы вы довольны были. А то: „денегъ много"... Да вѣдь вотъ онѣ, ваши деньги, вотъ онѣ! не пропали!

И онъ тыкалъ палкой въ бревенчатыя стѣны. Анна Степановна стала его побаиваться. Никогда раньше она ему особенно не довѣряла. А по совѣсти сказать, даже всегда недолюбливала его. И вотъ, точно обошелъ онъ ее... Ужъ очень ловко въ нужную минуту подвернулся. Забыла она на время и свое недовѣріе, и свою непріязнь. И понять она теперь не могла, какъ это могло случиться?

Игнатій Сошниковъ—не новый человѣкъ въ этихъ мѣстахъ. Онъ даже пользуется извѣстностью, хотя эта извѣстность довольно печальна. Имѣніе у него маленькое, очень разоренное. Маленькій домишко долгіе годы стоялъ пустой, ветшалъ и обваливался, плодовыя деревья сада пропадали и вырубались на топливо приказчику. Даже рѣчонка подъ горой все почему-то мелѣла и становилась уже... Хозяину не было никакой заботы о своемъ погибающемъ достояніи! У него тогда были большія дѣла, крупные интересы. Передъ нимъ развертывались широкіе горизонты. Онъ чувствовалъ себя сильнымъ и ловкимъ борцомъ за жизненныя выгоды и съ возростающей увѣренностью повторялъ свое любимое изреченіе, что бѣденъ только тотъ, кто глупъ. Въ деревенскую глушь доходили только самыя краткія и смутныя свѣдѣнія о его неустанной и побѣдоносной дѣятельности. Толковали, что онъ баснословно нажился на какой-то торговой операціи; стало извѣстно, что онъ женился. Затѣмъ пошли какіе-то слухи о какой-то опекѣ... Сошниковъ былъ назначенъ опекуномъ, а опекаемое имущество выражалось въ такихъ цифрахъ, что ихъ даже какъ-то страшно было произносить.

Знать что-нибудь достовѣрно и точно никто не могъ.

Прошли долгіе года. И вотъ, неожиданно, Игнатій Сошниковъ вернулся въ свою развалившуюся усадьбу. Ему могло быть въ то время лѣтъ за сорокъ съ небольшимъ. Это былъ высокій, плотный мужчина, съ черными безъ просѣди волосами, съ полнымъ, слегка обрюзгшимъ лицомъ и съ такимъ добродушнымъ

и ласковымъ выраженіемъ, которое сразу располагало къ нему. Пріѣхалъ онъ съ однимъ ручнымъ багажемъ, какъ бы налегкѣ и на короткій срокъ. Но время проходило, а онъ все жилъ и жилъ... Въ окна дома вставили новыя стекла вмѣсто разбитыхъ, въ стѣнахъ кое-какъ замазали щели.

Гдѣ были баснословные барыши торговой операціи? Гдѣ была его жена? Что̀ сталось съ опекой? Быть можетъ, ничего этого и не было никогда?

Что Игнатій Никифоровичъ пріѣхалъ безъ денегъ—это было ясно. Онъ купилъ лошадь.

— А съ деньгами, братецъ, обожди маленько,—сказалъ онъ продавцу,—какъ самъ получу, такъ и ты получишь.

— А долго ли ждать, ваше благородіе? Намъ, признаться, оно... теперича такое время...

— Пустяки, братъ! Въ самое время и получишь.

Онъ всѣмъ должалъ и всѣмъ говорилъ, что съ деньгами надо обождать. Но при этомъ у него былъ такой веселый и увѣренный видъ, что вѣрили ему и ждали охотно. Онъ видимо томился безъ дѣла и сталъ часто уѣзжать въ городъ. Онъ возобновилъ старыя знакомства и сдѣлалъ много новыхъ. У него было особое умѣнье обходиться съ людьми, знакомиться, сходиться съ ними, втираться въ ихъ довѣріе и дружбу. Со всякимъ онъ былъ свой. Всякому онъ умѣлъ чѣмъ-нибудь угодить, помочь.

Вскорѣ весь уѣздъ сталъ для него какъ бы родной семьей. Онъ гащивалъ у предводителя, который приходился ему какимъ-то дальнимъ родственникомъ; ухаживалъ за его женой и постоянно находилъ случаи оказывать ей болѣе или менѣе важныя услуги. Ей нуженъ былъ садовникъ—онъ находилъ ей садовника. Ей нуженъ былъ режиссеръ для домашняго спектакля—онъ становился режиссеромъ. Ей хотѣлось переставить мебель въ гостиной и передѣлать фасонъ драпировокъ—Сошниковъ и въ этомъ проявлялъ такія способности обойщика и декоратора, что предводительша приходила въ восторгъ. Онъ внушилъ ей довѣріе къ своему вкусу, и она поручала ему наиболѣе цѣнныя покупки. Она уже не могла безъ него обойтись. А онъ, прямо изъ ея салона, заходилъ въ гости къ новому пріятелю купцу, звонко хлопалъ своей ладонью о его ладонь, трепалъ его по плечу и долго пилъ съ нимъ чай за дружеской бесѣдой. И здѣсь, въ свой чередъ, онъ становился нужнымъ и полезнымъ и давалъ обѣщанія что-то оборудовать, кого-то привлечь, кому-то порекомендовать или всучить.

„Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей“,—говоритъ рус-

ская пословица. Игнатій Сошниковъ вполнѣ усвоилъ мудрость этого совѣта. Но довольствоваться мелочами онъ не привыкъ и не любилъ. Конечно, онъ долженъ былъ брать и по мелочамъ, потому что надо же было хоть что-нибудь взять, чтобы что-нибудь имѣть. Но ему не везло, и онъ едва не попался въ неблаговидной исторіи съ крупной поставкой въ земство. Выручила дружба съ предводительшей, которую онъ съумѣлъ увѣрить въ своей полной невинности. Да и исторія, къ счастью, оказалась слишкомъ запутанной и хотя подняла много шуму, но кончилась для Игнатія Никифоровича болѣе, чѣмъ благополучно. Чтобы ему не приходилось болѣе прибѣгать къ такимъ рискованнымъ мѣрамъ, родственникъ-предводитель обѣщалъ его пристроить при первомъ удобномъ случаѣ. Онъ былъ сострадателенъ и отлично понималъ, что каждому живому человѣку хочется кушать. Сошниковъ почувствовалъ почву подъ ногами и сталъ еще болѣе бодрымъ и молодцоватымъ.

II.

Дождя такъ и не было. Солнце по прежнему немилосердно пекло, хотя небо все сплошь затянулось какой-то сѣроватой пеленой. Вѣтеръ не прекращался. Въ воздухѣ стало пахнуть гарью: говорили, что гдѣ-то горятъ лѣса.

Вечеромъ изъ села доносились пѣсни, но оттуда же шли недобрыя вѣсти: на урожай не оставалось почти никакой надежды, начался падежъ скота, маленькія дѣти болѣли и умирали. Только-что умеръ ребенокъ у поденной барской прачки Пелагеи. Анна Степановна послала ей три рубля на похороны. Сегодня господская стирка, и Пелагея, съ высоко подоткнутой юбкой, съ засученными за локоть рукавами, красная и потная, стоитъ у колодца и накачиваетъ воду.

— Чай пить!—кричитъ ей съ крылечка горничная Даша.— Чай. Слышишь, что-ли?

Самоваръ стоитъ на столѣ въ проходныхъ сѣнцахъ. Тамъ узко и тѣсно. Пелагея ставитъ свою чашку на верхнюю ступеньку крыльца, а сама садится пониже.

— Ишь, руку сварила,—равнодушно говоритъ она, разглядывая красную, слегка распухшую ладонь.—Кипятокъ-то крутой, а я сунулась...

— Барановъ тебѣ подать? Баранки есть,—предлагаетъ Даша, и протягиваетъ ей изъ сѣнцовъ связку съ баранками.

— Не хочу, не хочу! Это ужò... Чаю—хорошо! Отъ чаю потъ легче... Наказалъ Господь, наслалъ жару...

Въ сѣнцы выходитъ другая горничная, Саша, ополаскиваетъ руки, гремя поднимающимся стержнемъ умывальника, который виситъ здѣсь же въ углу, и вытираетъ ихъ фартукомъ.

— Внучка-то твоя жива, что-ли?—громко спрашиваетъ она.

— Внучка-то?—весело отзывается прачка.—Жива. Ничего дѣвчонка... Вотъ, хоть бы и ее Богъ прибралъ, какъ моего малаго. Вмѣстѣ родились, вмѣстѣ бы ужъ...

— Мароушка бы послушала! Вотъ бы она тебя... за такія слова.

— А чтò Мароушка? Дура Мароушка! Развѣ она еще понимаетъ? Гдѣ радоваться надо, гдѣ плакать—ничего не понимаетъ. По нашей жизни всегда надо Бога молить...

Она вдругъ смолкла и встала.

— Аль не хочешь больше чаю?—спросила Даша.

— Барыня молодая!—шепнула Саша.

Передъ крыльцомъ, подъ распущеннымъ зонтикомъ, остановилась молодая женщина, и все ея лицо дрогнуло отъ испуга.

— Пелагея? — взволнованно заговорила она: —вѣдь это у тебя... у тебя умеръ ребенокъ? Какъ же такъ?.. Чѣмъ онъ умеръ? Можетъ быть, что-нибудь заразное? А мои дѣти постоянно тутъ на крыльцѣ. Были здѣсь дѣти?—возвышая голосъ, спросила она у Даши.

Прачка испугалась и растерялась. Она ровно ничего не поняла.

— Намедни я ихъ въ огородѣ повстрѣчала. Морковку они просили помыть... Морковки имъ помыла.

Молодая женщина сильно покраснѣла.

— Ну, вотъ!—въ полномъ отчаяніи воскликнула она.—Ну, вотъ!..

Даша поспѣшно вытерла ротъ фартукомъ и вышла на крыльцо.

— Да развѣ мы не знаемъ? Господи!—убѣдительно заговорила она.—Будто ужъ такія глупыя, или враги... Конечно, ужъ ежели только не знаючи... И болѣзни-то никакой. Какъ по деревнямъ ребята помираютъ? Развѣ отъ болѣзни?

— Да вѣдь умеръ же?—слегка успокоившись, сказала барыня.

На крыльцо вышла и Саша.

— Чего болтаетъ! безъ толку болтаетъ!—съ досадой шепнула она Дашѣ и отстранила ее.—У нихъ одна болѣзнь—желудокъ,—обратилась она къ барынѣ.—Съ поста ребенокъ изводился. Груд-

ной, а она что̀ теперь ѣстъ? Лукъ да кислый квасъ,—она кивнула на Пелагею.

— Значитъ, не заразно? Навѣрное?

— Нѣтъ, нѣтъ! не извольте безпокоиться.

— А ужъ какъ я испугалась! — сказала барыня и пошла дальше.

Въ сѣнцахъ и на крыльцѣ долго смѣялись. Саша, молодая и расторопная, передразнивала неуклюжую, добродушную Дашу.

— И столъ-то своротила, какъ выскочила объяснять,—притворно сердилась она.—„Да развѣ мы... Да развѣ вы“...

Пелагея опять пила чай и, поджавъ губы, покачивала головой.

— А мнѣ, дѣвыньки, и не въ домекъ! Ахъ, ты, Господи, грѣхи наши тяжкіе! За что̀ на меня барыня осерчала? Я имъ про морковку, а онѣ пуще того.

— Вотъ те и помыла морковки!—весело заключила Саша.

— Ну, хоть повидала я нашу барыню-то молодую,—порадовалась прачка.—На все лѣто она сюда пріѣхала? Что̀ это молодые господа все за себя какихъ худыхъ берутъ? И съ чего барынямъ худыми быть? Хоть бы нашей... Бѣлье тонкое, добротное. Съ сорочками одна бѣда: долго ли кружево порвать? Трешь его... Какъ барыню то звать? Я все не запомню.

— Еликанида... Еликанида Константиновна. Обломай-ка языкъ! Выговори!—дразнила Саша.

Пелагея только махнула рукой.

— А вотъ нашему барину понравилась,—съ легкимъ недоумѣніемъ замѣтила она.—Поди-жъ ты!

Саша выплеснула изъ чашки черезъ голову Пелагеи.

— Ему всякія нравятся!—тихо, сквозь зубы проговорила она.

Пелагея не разслышала или не поняла. Она поднялась и поставила свою пустую чашку на край стола.

— Напилась. Спасибо. Синьки-то мнѣ, Дарья Петровна...

Еликанида Константиновна прошла цвѣтникомъ въ садъ, остановилась въ началѣ длинной аллеи и стала къ чему-то прислушиваться. Передъ ней ровной сѣрой полосой убѣгала вдаль тщательно расчищенная дорожка подъ подвижнымъ зеленымъ сводомъ старыхъ развѣсистыхъ деревьевъ. Въ саду казалось очень тихо, но деревья шумѣли, и непрерывный гулъ, зарождаясь вдали, точно катился по верхушкамъ. Ничего, кромѣ этого несноснаго гула, не было слышно. Еликанида Константиновна оглянулась и быстро свернула на боковую тропинку къ старой, полуразвалившейся бесѣдкѣ.

— Я такъ и думала, что ты здѣсь,—сказала она.

Бесѣдка стояла на довольно значительной насыпи, похожей на курганъ; съ трехъ сторонъ она была окружена деревьями, но какъ разъ противъ ея двери въ саду была сдѣлана просѣка и оттуда можно было глядѣть въ поле, вдаль, до самаго горизонта, гдѣ смутно виднѣлась какая-то деревня, съ группами деревьевъ, казавшимися издали не болѣе, какъ кустами полыни на межѣ. За бесѣдкой, передъ небольшимъ садовымъ мольбертомъ, сидѣла женская фигура въ свѣтлой широкой блузѣ.

— Ты, Лили?

— Я, Зиночка.

— Ты меня искала?

— Какъ тебѣ сказать? Нѣтъ. Какъ-то вышло такъ, что я къ тебѣ пришла. Я тебѣ не мѣшаю?

— Чѣмъ же?

Дѣвушка даже не оглянулась на невѣстку, продолжая работать, а та взобралась на курганъ по скользкой сухой травѣ, постояла немного какъ бы въ нерѣшительности, но потомъ сложила зонтикъ, бросила его въ сторону и сама сѣла на землю.

— Несносно!—тихо сказала она.

— Чтò несносно?

— Опять нѣтъ письма, опять...

Ея голосъ дрогнулъ и она замолчала.

— Пустяки!—отрывисто сказала Зина.

— Послушай... Но чѣмъ же это кончится? Скажи: чѣмъ?

Зина пожала плечами.

— Вѣдь онъ долженъ знать, что я жду, что я безпокоюсь. Значитъ, ему все равно? Значитъ, ему уже все равно?

— Охота безпокоиться! Маленькій онъ, что-ли? Ахъ, Лили...

— Ну, чтò? чтò ты хотѣла сказать?

Дѣвушка выпрямилась, откинулась всѣмъ туловищемъ назадъ и прищурила свои яркіе каріе глаза, всматриваясь въ свою картину.

— Глупая ты женщина! Вотъ чтò.

Лили обидѣлась.

— Это все?

— Это, по крайней мѣрѣ, самое важное. Если бы ты знала, какъ я понимаю брата Бориса! Какъ бы ты мнѣ надоѣла, будь ты моей женой! Боже, до чего бы ты мнѣ надоѣла!

— Merci!—сухо поблагодарила Еликанида Константиновна и потянулась рукой за своимъ зонтикомъ.

— Уходишь?—спросила Зина.

— Чего же еще ждать?

Зина сдѣлала нетерпѣливое движеніе плечами и глубоко вздохнула.

— Удивительно!—оживленно заговорила она.—Прямо удивительно! Я всегда, всегда могу угадать впередъ все, что̀ ты скажешь, что̀ ты сдѣлаешь. Я сейчасъ думала: сейчасъ она скажетъ „merci“, сейчасъ она соберется уходить... Лили! да нельзя же такъ. Постарайся ты быть хотя немного оригинальнѣе, интереснѣе. Я для твоей пользы говорю. Я тебѣ, какъ другъ, совѣтую. Ты вдумайся. Вотъ, ты любишь Бориса, тебѣ хочется, чтобы и онъ тебя любилъ, сидѣлъ бы около тебя, не скучалъ бы въ твоемъ обществѣ. А скажи: что̀ ты для этого дѣлаешь? Ну, онъ пріѣдетъ... Ты начнешь жаловаться, ныть, допрашивать, ревновать. Ты какъ думаешь: это весело? интересно? Потомъ ты успокоишься и начнется другая пѣсня: твоя вѣчная тревога за дѣтей, жалобы на бонну, на кормилицу. И все это одними и тѣми же словами, въ одномъ тонѣ... Лили, я не удивлюсь, если Борисъ совсѣмъ сбѣжитъ отъ тебя. Я бы сдѣлала то же самое. Я тебя не вижу... Хочешь, я тебѣ скажу? Ты собираешься заплакать. Такъ должно быть по программѣ.

У Еликаниды Константиновны, дѣйствительно, уже навертывались на глазахъ слезы, но она справилась съ собой.

— Очень ошибаешься!—вызывающимъ тономъ откликнулась она и насмѣшливо засмѣялась.

Дѣвушка, не спѣша, встала, перенесла всѣ свои вещи въ бесѣдку, заперла за собой дверь, а потомъ долго стояла и пристально смотрѣла вдаль.

— Лили! Поди сюда!—позвала она.

Молодая женщина нѐхотя поднялась и подошла.

— Встань тутъ. Вотъ такъ.

— Зачѣмъ?

— Да стой же, когда тебѣ говорятъ! Подожди... Гляди вправо. Не опускай голову.

— На что̀ глядѣть?

— Ахъ, не твое дѣло! Не шевелись теперь. Не смѣй шевелиться!

Зина сбѣжала внизъ, прислонилась къ дереву и стала смотрѣть на невѣстку. Потомъ она медленно вернулась, подняла ея зонтикъ и подала ей.

— Ну, пойдемъ,—предложила она.

— Что̀ это все значитъ? Зачѣмъ ты меня здѣсь поставила?— съ любопытствомъ спрашивала Лили.

— Если бы я умѣла, я бы написала тебя именно такъ,

здѣсь. Ахъ, Лили! какъ жалко, что ты глупа! Если бы мнѣ да твою красоту...

Лили самодовольно засмѣялась.

— А по моему, ты красивѣе меня, Зиночка! Да развѣ же я такъ красива? Черная, худая... А ты бѣлокуренькая, розовая.

Она сразу оживилась и повеселѣла. Зина смотрѣла на нее и снисходительно улыбалась.

— Ты знаешь, что̀ тебѣ надо дѣлать, Лили?—посовѣтовала она.—Дѣлай всегда все наоборотъ. Никогда не то, что̀ тебѣ хочется. Хочется плакать, а ты смѣйся; хочется быть ласковой, а ты притворись сердитой. Или выдумай что-нибудь... Впрочемъ, я говорю глупости.

Лили опять засмѣялась.

— А ты думаешь, я не умѣю притворяться?—спросила она, и въ ея глазахъ промелькнуло какое-то странное выраженіе.— Ты думаешь—не умѣю? А вотъ я и тебя обману. Сто̀итъ мнѣ захотѣть. Подожди!

Гулъ вѣтра въ деревьяхъ заглушалъ звукъ ея голоса, и онъ казался какимъ-то страннымъ и подавленнымъ.

Зина удивленно оглянулась на нее.

— Будто ты когда-нибудь кого-нибудь обманывала?

— Да.

— Кого же?

Лили перестала смѣяться. Она остановилась и уже съ явнымъ вызовомъ и насмѣшкой вскинула глазами на сестру.

— Нѣтъ! я ужъ не такъ глупа!—крикнула она.—Не такъ... какъ ты думаешь!

Она свернула въ аллею и быстро пошла на встрѣчу группѣ, которая медленно подвигалась къ цвѣтнику. Нѣмка-бонна вела за руку мальчика лѣтъ трехъ; рослая, нарядная кормилица несла еще совсѣмъ маленькаго ребенка. Круглая головёнка въ бѣломъ чепчикѣ лежала на ея плечѣ, а изъ-подъ одѣяла высунулась ножка съ ярко-розовой пяточкой.

— Ну, смотрите на милость!—возмутилась Лили:—долго ли простудить ребенка! Хорошо, что сегодня такъ жарко... Мамка! а чулочекъ потеряли? Чулочекъ!.. Ножка голая!..

Вѣтеръ заглушалъ ея голосъ. Ни бонна, ни мамка не слыхали, что̀ она имъ кричитъ, и съ спокойными, улыбающимися лицами подвигались къ ней на встрѣчу.

III.

Добрый вороной конь, гордо выбрасывая переднія ноги, забиралъ все сильнѣй и сильнѣй. Дорога была гладкая и прямая. Сошниковъ, изогнувшись въ сторону, любовался ходомъ своего „Орла“, и по всему его лицу расплылось выраженіе умиленія и нѣжности. Чѣмъ не Орелъ? Это полетъ, а не бѣгъ! Гордое, благородное животное! Красавецъ Орелъ! Къ рукамъ и конь. Эхъ, Анна Степановна, старая ты бадья! Тебѣ ли было владѣть такимъ конемъ!

Вотъ и усадьба, въ которую онъ ѣдетъ. Изъ-за зелени ветелъ торчитъ высокая бѣлая башенка съ желѣзной крышей, свѣже выкрашенной въ купоросный цвѣтъ, со шпилемъ и шарикомъ поверхъ всего. На шарикѣ сидитъ ворона. Сошникову почему-то дѣлается смѣшно. Глаза его лукаво щурятся.

— Шш... Шш...—умѣряетъ онъ бѣгъ своего Орла и поворачиваетъ съ проѣзжей дороги въ сторону. Ворота усадьбы закрыты, а кругомъ не видно ни одной души.

— Перемерли вы здѣсь всѣ?—громко кричитъ Сошниковъ.— Эй! кто тамъ? Дяденьки и тетеньки?!

Откуда-то выскакиваетъ собака и съ озлобленнымъ лаемъ бросается къ пріѣзжему. „Орелъ“ перебираетъ ногами, точно подъ нимъ горитъ земля, и ему горячо стоять. Уши его вздрагиваютъ и поворачиваются.

— Отворяй, что-ли!—кричитъ Сошниковъ.

Наконецъ, выбѣгаетъ какой-то мужикъ, распахиваетъ ворота и срываетъ съ себя картузъ.

— Барыня ваша дома?—спрашиваетъ Игнатій Никифоровичъ.

Мужикъ глупо ухмыляется и отвѣчаетъ чуть слышнымъ, нѣжнымъ голосомъ:

— А дома... Дома, значитъ. Онѣ дома.

— Ну, понялъ, понялъ,—смѣется Сошниковъ и подъѣзжаетъ къ высокому парадному крыльцу. Мужикъ бѣжитъ рядомъ съ дрожками.

— Тутотко заколотили, такъ не пройтить,—все такъ же нѣжно и робко лепечетъ онъ.

— Чего заколотили?

— А двери-то, двери-то...

— Ишь ты! Зачѣмъ?

— Не могу знать. Извините.

— Ничего, братецъ; извиняю. А въ домъ-то теперь какъ же? Въ окно мнѣ лѣзть?

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ?.. У насъ другой ходъ есть. Вотъ, пожалуйте.

— А! это хорошо, что другой ходъ, а я думалъ—въ окно. Ты, я вижу, умный малый. Кликни-ка кучера, чтобы онъ лошадь взялъ. У васъ кучеръ все тотъ же? Захаръ?

— Они самые. Захаромъ ихъ звать.

— А тебя какъ-нибудь звать?

Мужикъ засмѣялся и застыдился.

— Неужели стыдно сказать?—удивился Сошниковъ.

— Андреемъ... Андрей, значитъ...

— Нѣтъ, я вижу, ты очень умный! — серьезно одобрилъ Игнатій Никифоровичъ.—Кричи Захара!

Но Захаръ уже самъ шелъ изъ конюшни, съ фамильярной вѣжливостью улыбаясь гостю.

— Захару Савельевичу!—крикнулъ Сошниковъ.—Все спишь, жирное твое мурло?

— Давненько не бывали, Игнатій Никифоровичъ!

— А вы тутъ безъ меня во всѣ цвѣта радуги вымазались. Смотрю, не узнаю. Розовой-то краски на домъ сколько пущено! Крыша—что твой огурецъ. Кто красилъ? Михей?

— Онъ самый.

— Ловко! Ты, братецъ, распряги. Я посижу. Откуда вы его взяли?—кивнулъ онъ на Андрея.

— А здѣшній онъ, деревенскій.

— Ужъ очень онъ мнѣ нравится!—серьезно сказалъ Сошниковъ. Захаръ засмѣялся и, вскочивъ на дрожки, отъѣхалъ къ конюшнѣ.

Въ домѣ давно замѣтили пріѣздъ гостя, но ему еще долго пришлось ждать выхода хозяйки.

Онъ ходилъ по такъ называемымъ парадным комнатамъ, гдѣ чувствовался застоявшійся затхлый воздухъ, и разглядывалъ картины и портреты по стѣнамъ. Лукавая усмѣшка не сходила съ его лица.

„Вотъ она, богиня!"—думалъ онъ. Раиса Семеновна Сурова была изображена во весь ростъ, въ открытомъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, съ вѣеромъ и цвѣткомъ въ рукѣ, затянутой въ длинную перчатку. Прическа тоже была украшена цвѣтами. Свободной рукой она опиралась о спинку стула, на которой небрежно было брошено бархатное sortie de bal, обшитое горностаемъ. Фонъ портрета изображалъ лѣсъ и горы. Рядомъ

съ этимъ портретомъ висѣлъ мужской, такой же величины и въ такой же рамѣ. Это былъ покойный Суровъ. Онъ снялся во фракѣ, съ котелкомъ на головѣ. Въ рукѣ, съ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, онъ держалъ совершенно новую свѣтлую перчатку. Онъ былъ старъ, безъ всякой растительности на лицѣ, и почему-то, глядя на его чрезвычайно некрасивую, но въ высшей степени самодовольную фигуру, невольно хотѣлось щелкнуть его по носу и спросить: „А теперь знаешь, каково такимъ кровопійцамъ на томъ свѣтѣ живется? Почету-то вамъ, ростовщикамъ да кабатчикамъ, гляди, тамъ поменьше здѣшняго? Что̀ скажешь теперь"?

Но Сошниковъ глядѣлъ на портретъ все съ той же добродушной, лукавой усмѣшкой. Онъ не вызывалъ въ немъ никакихъ непріязненныхъ чувствъ. И такіе люди нужны. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Можно сказать, даже интересный былъ человѣкъ этотъ Суровъ. Мальчёнкой слѣпого нищаго водилъ. Нищій умеръ, а мальчишку одинъ трактирщикъ къ себѣ изъ милости взялъ. Въ этомъ вся наука его была. Онъ рано въ гору пошелъ. Смышлёнъ былъ. Въ этихъ краяхъ онъ появился уже въ полномъ своемъ расцвѣтѣ. Тутъ ужъ онъ пустяками не занимался и самоваровъ и сапогъ въ закладъ не бралъ. Развѣ ужъ по особо усердной просьбѣ, не въ примѣръ прочимъ. Но, несмотря на это, его поджигали каждый годъ и ѣздить безъ здоровеннаго дѣтины Захара онъ опасался. Сколько разсказовъ и легендъ ходило о немъ!

Сошниковъ разглядѣлъ всѣ портреты и сталъ пытаться отворить дверь на балконъ. Но оказалось, что она еще замазана съ зимы, и онъ черезъ стекло полюбовался на цвѣтничокъ съ краснымъ пескомъ и цѣлымъ десяткомъ большихъ блестящихъ шаровъ.

Наконецъ появилась сама Раиса Семеновна. Сильно перетянутая въ таліи, съ напудреннымъ лицомъ и подкрашенными губами, она еще издали протянула гостю обѣ руки, увѣшенныя браслетами, съ широкими рукавами, доходящими только до локтя.

— Игнатій Никифоровичъ! такой милый сюрпризъ!—манерно выкрикнула она и остановилась, кокетливо откинувшись назадъ всѣмъ станомъ.

Она была въ свѣтломъ фуляровомъ платьѣ съ маленькимъ вырѣзомъ, открывавшимъ ея уже немолодую, некрасивую шею. Сошниковъ взялъ обѣ ея руки и цѣловалъ ихъ, глядя ей прямо въ лицо.

— Дорогая, милая, розанъ вы мой! картина вы моя писанная!—приговаривалъ онъ.

— А вѣдь мнѣ никто не сказалъ, что вы пріѣхали. Я сижу себѣ, читаю. Ахъ, такая прислуга! Вы знаете, какая здѣсь прислуга. И не замѣть я въ окно, что Захаръ вашу лошадь водитъ... Видите, такъ бѣжала, что даже запыхалась.

— Ахъ, вы мой херувимъ!

Хозяйка сѣла на диванъ и указала Сошникову кресло.

— Не успѣли еще чехлы снять,—объяснила она.—А я не люблю, когда мебель въ чехлахъ. Покойникъ мой обивку берегъ, а вѣдь я не такая скупая. Я совсѣмъ не такая. Онъ жизни не понималъ, а я хочу жить.

— Ну, еще бы! Кому же и жить, какъ не вамъ!

— Нѣтъ, вы не въ тѣхъ смыслахъ. Умирать мнѣ, конечно, еще рано, и я не объ смерти. Я объ жизни, понимаете... Хочется воздуху, свѣта, веселья.

— А зачѣмъ, Раичка, у васъ балконъ замазанъ?

— Ахъ, какой вы смѣлый! Какъ это вы называете меня Раичкой!

— А я всѣхъ хорошенькихъ женщинъ уменьшительными именами зову.

— Вотъ выдумали! Какая же я хорошенькая? Я уже старуха.

Вдовушка очень неискусно стрѣльнула глазами и громко расхохоталась.

— А вы что давно не бывали? У, какой!—мило надула она губки.

— Прелесть моя, не могъ! Мой кузенъ предводитель прямо вцѣпился въ меня и не отпускалъ ни на одинъ день. Я и свои дѣла запустилъ. Двѣ недѣли домой не заглядывалъ.

— Вы счастливецъ. У васъ много знакомыхъ. А я сижу какъ въ монастырѣ. Ничего не вижу. Только одинъ выѣздъ—въ церковь. Съ Анной Степановной каждый разъ кланяемся. Хочу я ее къ себѣ позвать. Вы какъ думаете?

— Что-жъ, позовите. Тамъ у нихъ теперь всѣ съѣхались. Народу много. Познакомитесь, вамъ веселѣй будетъ.

Вдовушка задумалась.

— У меня теперь и платья всякія есть, и все... Только они гордые.

— Полно! чего тамъ! Да хотите, я ихъ къ вамъ привезу? Такъ, всей кошелкой.

Глазки Раисы Семеновны заблестѣли, и Сошниковъ сейчасъ же понялъ, до какой степени сильно было ея тщеславное желаніе познакомиться съ „настоящими господами“.

— Привезете?—чуть-чуть задыхаясь, спросила она и стала объяснять:

— Покойникъ любилъ копить и все боялся, какъ бы лишняго не истратить. А съ меня довольно. Зачѣмъ и деньги, если никакого отъ нихъ удовольствія? Бывало, самъ мнѣ всякихъ нарядовъ привезетъ и сейчасъ все въ сундукъ и на запоръ. „А то, говоритъ, надѣвать будешь, износишь". Теперь моя воля. Хочу знакомства заводить и чтобы все по настоящему.

— Денегъ-то, значитъ, много?—подмигнулъ Игнатій Никифоровичъ.

— Капиталъ проживать я не стану! Ни-ни!—засмѣялась Сурова.—На вѣтеръ мотать я тоже не согласна. А на что нужно—на все хватитъ.

Какъ ни старался Сошниковъ узнать болѣе точныя свѣдѣнія о ея наслѣдствѣ, ему это не удалось. Вдова смѣялась, но ни о чемъ не проговаривалась. Въ сосѣдней комнатѣ уже давно звенѣли посудой, и, наконецъ, босая баба выглянула въ дверь и объявила, что чай поданъ.

Сошниковъ дурачился и ухаживалъ за Раисой Семеновной, но ему становилось досадно. Пожилая, подкрашенная вдовушка оказывалась себѣ на умѣ, и тотъ ясный и простой планъ, съ которымъ явился къ ней Игнатій Никифоровичъ, представлялся ему теперь уже совсѣмъ не такимъ легкимъ для исполненія.

Завязать съ ней интригу, конечно, не будетъ стоить ровно никакого труда. Она „хочетъ жить"! Она читаетъ романы, томится въ одиночествѣ и скрываетъ свои года. Все это именно такъ, какъ онъ разсчитывалъ, что должно быть. Кромѣ того, она очень тщеславна, стремится попасть въ „общество", играть роль... И это ему на руку. Но чего онъ въ ней никакъ не ожидалъ, такъ это ея осторожности, прижимистости, которыя давали себя чувствовать въ каждомъ ея словѣ.

— Ухаживать—ухаживай, и мнѣ даже очень пріятно. А насчетъ денегъ—ни-ни!—казалось, прямо заявляла она.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—утѣшалъ себя Сошниковъ.—Одной своей особой, голубушка, ты никого не соблазнишь. Это не тѣ времена, когда покойникъ билъ тебя чѣмъ ни попало за всякія твои похожденія. Тогда и ты не была такъ разборчива и не воображала себя дамой. Да и стара ты стала.

Сурова жеманно наливала чай и угощала гостя. Она была въ прекрасномъ настроеніи. Въ ней еще сильно было сознаніе недавно полученной свободы, самостоятельности. Она чувствовала себя нарядной, красивой, молодой. Рядомъ съ ней сидѣлъ

не дурной и не старый мужчина, „дворянинъ“, который ухаживалъ за ней и говорилъ ей комплименты. А впереди было еще столько надеждъ, столько плановъ! При ея капиталѣ ничего не можетъ ей быть страшно. Робѣть нечего. Она можетъ и должна добиться всего, что̀ ее прельщаетъ въ жизни. Повести себя въ обществѣ она съумѣетъ. Недаромъ она служила когда-то у одного генерала. Порядки она помнитъ. Да, служила... А теперь у нея своя прислуга, свой домъ въ губернскомъ городѣ, свое имѣніе, усадьба. И, главное, она свободна!

— Кушайте, дорогой гость!—угощала она, кокетничая и поводя глазами.—Ужъ извините... Не ждала. А то приготовилась бы. Не пожалѣла бы...

— А что это Анны Степановны дочка замужъ не выходитъ?—вдругъ, ни съ того, ни съ сего, спросила она.—Вѣдь ужъ и не такъ молода. Годочковъ двадцать-пять ей ужъ навѣрно есть. Дѣвушки теперь все жалуются: рѣдки стали женихи.

— Зинаида Андреевна—художница и замужъ не собирается, —объяснилъ Сошниковъ. Сурова расхохоталась.

— Ахъ, какъ это вы про всякаго смѣшно скажете! даже и не разберешь.

— Художница... Она учится рисовать картины. Хочетъ рисовать, а замужъ не хочетъ.

Раиса продолжала смѣяться.

— Всѣ въ дѣвушкахъ не хотятъ, а только и смотрятъ, гдѣ бы женишка подцѣпить. Дѣло извѣстное. А Зинаидѣ Андреевнѣ за гордость Богъ судьбы не посылаетъ. Охъ, и горда! Мнѣ нашъ батюшка, когда пріѣдетъ, про всѣхъ разсказываетъ. Всѣхъ, говоритъ, судитъ; ни къ кому никакого уваженія... Будто сама лучше всѣхъ. А чего, скажите, хорошаго, когда дѣвушка одна даже по разнымъ заграницамъ?.. И ужъ столько вольности! столько вольности!..

Вдова презрительно пожала плечами.

— Я Зиночку еще вотъ какой зналъ: пѣшкомъ подъ столъ ходила,—сказалъ Игнатій Никифоровичъ.—Да и Борька чуть побольше былъ... Теперь всѣ молодые хотятъ умнѣй старыхъ быть. Андрюшка наумничался, да и угодилъ изъ студентовъ въ солдаты. Утѣшилъ мать!

— Нѣтъ, я къ тому, что возноситься-то имъ... съ чего бы? У Анны Степановны земля вся заложена, да еще, говорятъ, второй разъ подъ нее же взяли. Я сама видѣла, чиновникъ по осени пріѣзжалъ и по полямъ ѣздилъ. Невѣсту взяли небогатую.... Поглядѣла я на нее въ церкви: не подъ пару

она Борису Андреевичу. Такой видный мужчина, а на что̀ прельстился!

Съ Важиныхъ разговоръ перешелъ на другихъ сосѣдей. Раиса передавала всякіе слухи и сплетни и сама съ жадностью ловила всякое замѣчаніе своего гостя. Увлеченная интересомъ бесѣды, она даже забывала жеманничать. Но Сошникову скоро надоѣло это перемываніе косточе́къ, и онъ рѣшилъ такъ или иначе приступить къ дѣлу.

— А хочется вамъ, чтобы я привезъ къ вамъ Важиныхъ?— подмигивая, спросилъ онъ.—Безъ моего совѣта, предупреждаю, они не поѣдутъ. Только дѣло испортите, если сами звать будете. Вѣдь раньше что̀ надо сдѣлать? Раньше надо Зиночку уломать. Она тамъ всѣми вертитъ, и какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ. Я знаю, какъ и что̀ ей надо сказать, и она меня послушается.

— Ну, скажите: вы какъ же скажете?—полюбопытствовала вдова.

— Нѣтъ, это мое дѣло! Повѣрьте, мой розанчикъ, что для васъ я на все готовъ,—на все!

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Но, видите ли, лимончикъ мой, за услугу—услуга. Я для васъ, а вы для меня.

„Попрошу, для начала, поменьше,—рѣшилъ онъ.—Если она такъ скупа, что и этого не дастъ, значитъ, и канителиться не стоитъ“.

Вдова насторожилась и ея улыбка стала болѣе натянутой.

— Будто ужъ вы такъ для ме́ня?—начала она. Но въ эту минуту въ комнату вошли новые гости: священникъ и рядомъ съ нимъ попадья.

— Ѣхали къ вамъ, ѣхали, измучились!—сказалъ батюшка.

Сурова какъ будто слегка смутилась, но сейчасъ же встала и подошла подъ благословеніе.

— Прямо къ самовару,—замѣтила она.

— Измучились...—повторилъ батюшка, вглядываясь въ Сошникова.—Оно хоть и не далеко, да лошадь, Богъ съ ней, такая... Лучше бы не ѣхать!

— Какъ все тяжело!—нараспѣвъ заговорила попадья.

— Аль не признали меня, батя?—игриво спросилъ Сошниковъ.—А доводилось встрѣчаться.

— Какъ не узнать? узналъ!—сухо отвѣтилъ отецъ Иванъ.— Не ждалъ только васъ здѣсь встрѣтить.

— Меня, батя, всюду встрѣтить можно. Я людей люблю, и люди меня любятъ.

Онъ смѣялся, а священникъ съ видимымъ недовѣріемъ и недружелюбіемъ косился на него, усаживаясь къ чайному столу.

— Что-жъ вы дѣтокъ съ собой не захватили?—спросила Раиса Семеновна, обращаясь къ молоденькой, застѣнчивой матушкѣ.

— Куда ихъ! Они и дома надоѣли!—со смѣхомъ махнула она рукой.

— Да и я не въ гости пріѣхалъ, а поговорить, по дѣлу,—сказалъ батюшка.—Не знаю, удобно ли теперь будетъ?

— Я вамъ не помѣшаю. Я сейчасъ уѣду,—заявилъ Игнатій Никифоровичъ.

— Да вы опять насчетъ колокола?—спросила Сурова.

— Такова была воля вашего покойнаго мужа,—напомнилъ священникъ.—Я самъ слышалъ ее отъ него. Онъ желалъ также, чтобы была заказана икона, имени его ангела. На все это надобна изрядная сумма, а наша церковь запущена.

— Вы опять о своемъ!—съ неудовольствіемъ остановила его Раиса.

— Намъ не нуженъ новый колоколъ, но необходимъ капитальный ремонтъ,—упрямо продолжалъ священникъ.—Я разсчиталъ такъ: вы исполните волю мужа тѣмъ, что дадите извѣстную сумму денегъ, но воля ваша—распорядиться или позволить намъ распорядиться ею, какъ лучше и полезнѣе. Деньги теперь ваши собственныя, распоряженія въ завѣщаніи не было никакого...

Сошниковъ внимательно слушалъ, вглядываясь въ лица собесѣдниковъ. Священникъ почему-то началъ раздражаться.

— Теперь времени прошло достаточно. Надо, наконецъ, что-нибудь рѣшить. Я ѣздилъ въ городъ. Окончательно извѣстно, что осенью у насъ будетъ архіерей. Вотъ, еслибы успѣть съ ремонтомъ къ его пріѣзду! Болѣе ста лѣтъ, какъ въ нашемъ селѣ не былъ архіерей, а вотъ теперь будетъ. Впрочемъ, мнѣ совершенно все равно! Отчего я одинъ хлопочу? Мужики пьянствуютъ и несутъ деньги въ кабакъ; помѣщики тянутся изъ послѣднихъ силъ, чтобы у нихъ все было по модѣ: и платья женъ, и упряжь лошадей. О храмѣ Божьемъ никто не помышляетъ. Онъ никому не дорогъ и не близокъ. Отчего я одинъ хлопочу?

— Ахъ, Ваня, какой ты, право!..—запѣла хорошенькая попадья, но батюшка только нетерпѣливо повелъ угломъ рта и продолжалъ:

— Который разъ я пріѣзжаю къ вамъ? А, въ сущности, какое мнѣ дѣло? Да пропадай все! Деньги ваши, а не мои,

церковь ваша... Сегодня я здѣсь, а завтра меня могутъ перевести. И совѣсть ваша. И благодарность будетъ вамъ, а не мнѣ. И память будетъ о васъ, а не обо мнѣ.

— А развѣ будетъ благодарность?—быстро спросила Раиса.

— Будетъ. Вамъ непремѣнно будетъ. Какъ крупной жертвовательницѣ. Вамъ и почетъ, и всякое уваженіе. Я даже думалъ такъ, Раиса Семеновна: если архіерей пріѣдетъ, вамъ бы пригласить его къ себѣ.

Сурова вздрогнула и покраснѣла подъ пудрой.

— Важины какъ бы не перехватили,—замирающимъ голосомъ замѣтила она.—Ближе къ нимъ.

— А развѣ Важины жертвователи? Что̀ такое Важины?—сердито спросилъ священникъ. — Они, видите, въ претензіи, что я обѣдню рано служу. Людямъ обѣдать время, а они еще глазъ не продирали. Имъ все рано! Про Анну Степановну не скажу, а молодые... Не знаю, есть ли у нихъ какой-нибудь свой Богъ, какъ у язычниковъ, но, кажется, и этого нѣтъ. Ничего нѣтъ.

— А какъ и имъ лестно будетъ принять у себя такого гостя?

— Ради забавы? Такъ мы не позволимъ имъ забавляться. Мы напередъ все уладимъ. Я доложу о вашемъ пожертвованіи. А вы съѣздите сами въ городъ и пригласите къ себѣ лично. Карета у васъ есть? Надо бы везти его въ каретѣ.

— Есть карета. Покойникъ ее на распродажѣ на какой-то купилъ. Только ужъ не знаю... Надо Захару сказать, чтобы осмотрѣлъ.

— Время терпитъ. Времени много,—успокоительно сказалъ батюшка.—Пріѣзжайте-ка только ко мнѣ, и осмотримъ вмѣстѣ церковь. Я вамъ все объясню, и мы окончательно рѣшимъ. Когда вы можете быть?

Сошниковъ всталъ и подошелъ къ хозяйкѣ.

— Мнѣ пора, моя драгоцѣнность,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку. — А умный вы человѣкъ, батя! —смѣясь, обратился онъ къ священнику.—Ловко вы нашу капиталистку поддѣли! Смотрите, вѣдь растаяла и всему повѣрила. Ничего! Вы ее еще хорошенько приструньте. Зачѣмъ ей деньги? Старыя купчихи всегда на монастыри да на церкви раздаютъ, потому что жизни онѣ не понимаютъ,—такъ куда имъ еще дѣвать? Деньги нужны только тѣмъ, кто ими пользоваться умѣетъ.

— Вы, должно быть, умѣете? — спросилъ батюшка и даже немного поблѣднѣлъ отъ волненія.

— Да, я умѣю!—весело признался Игнатій Никифоровичъ.—

Я архіереевъ не принималъ и въ каретахъ ихъ не возилъ. Но мнѣ объ этомъ жалѣть не приходится. Состарюсь, тогда, пожалуй, и это удовольствіе испробую. Тогда и по монастырямъ, пожалуй, жертвовать стану. Все—во благовременіи. Вотъ оно что! —Во благовременіи... До свиданьица!—Онъ вышелъ изъ комнаты.

— Лошадь ваша не запряжена! — спохватилась Раиса и быстро выбѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Не безпокойтесь, это дѣло одной минуты, — не оборачиваясь, крикнулъ Сошниковъ.

Онъ сталъ искать въ гостиной свой картузъ.

— Когда же васъ ждать?—спросила вдова.

— Меня?—удивился Сошниковъ.—А что я у васъ потерялъ?

— Да вѣдь вы обѣщали... и съ Важиными...

— Я, голубушка, немного ошибся,—смѣясь, повинился Игнатій Никифоровичъ. — Я думалъ, мнѣ съ вами будетъ веселѣе. А мнѣ скучно стало. Я скучать не люблю.

Вдова стояла въ своемъ пышномъ шолковомъ платьѣ и быстро моргала глазами. Она что-то соображала.

— Вы будто что-то попросить хотѣли,—напомнила она.

— Хотѣлъ, а теперь не хочу.

— И не ждать васъ?

— И не ждите.

Она пошла его провожать.

— А почему вы смѣялись, что я всему повѣрила и растаяла?

Онъ опять засмѣялся.

— Потому что смѣшно!

Въ сѣняхъ онъ вдругъ остановился, неожиданно обнялъ Раису и поцѣловалъ ее въ щеку.

— Жаль, что все такъ вышло,—спокойно сказалъ онъ.—Я думалъ—весело будетъ. Души-то спасать еще успѣли бы.

И не оглядываясь, онъ вышелъ на крыльцо и пошелъ черезъ дворъ къ конюшнѣ.

„Такъ-то оно еще вѣрнѣе будетъ, — думалъ онъ. — Сама пришлетъ за мной. И не разъ. А я поломаюсь"...

Въ конюшнѣ Захаръ съ кѣмъ-то энергично переругивался. Замѣтивъ Сошникова, онъ сразу смолкъ, но его невидимый противникъ продолжалъ свою рѣчь. Голосъ былъ мужской, сильный и грубый.

— Кто это?—спросилъ Игнатій Никифоровичъ.

— Да все Андрей.

— Какъ—Андрей? Откуда же у него такой голосъ взялся? Вѣдь это онъ пищалъ?

— Это когда въ разговорѣ съ господами. Изъ учтивости,— объяснилъ Захаръ.

Изъ люка въ потолкѣ свѣсились двѣ ноги, поболтались въ воздухѣ, и затѣмъ чье-то тѣло стремительно полетѣло внизъ.— Это и былъ Андрей. Онъ шелъ съ сѣновала.

IV.

Жаркій, душный полдень. Паритъ. Воздухъ неподвиженъ, густъ и весь пропитанъ зноемъ, которымъ пышатъ небо и земля. Кажется даже, что онъ гудитъ отъ зноя, но это жужжатъ мухи, ноютъ комары, трепещутъ своими нѣжными крылышками блестящія стрекозы. Птицъ не слышно. Онѣ щебечутъ тамъ, гдѣ больше тѣни, а въ огородѣ, гдѣ бабы полютъ грядки, нѣтъ деревьевъ и нѣтъ тѣни. Тамъ ростутъ только двѣ-три яблони, нѣсколько кустовъ бузины и цѣлая роща высокой крапивы по канавѣ.

Къ огороду примыкаетъ птичій дворъ. Оттуда доносится отчаянное клохтаніе курицы, курлыканіе голубя, но эти звуки кажутся далекими, принадлежащими какому-то другому міру, и отъ нихъ звенящая тишина огорода еще полнѣе, томительнѣе.

Бабы полютъ и молчатъ. Одна изъ нихъ выпрямляется, оглядывается вокругъ и перевязываетъ сбившійся платокъ.

— Аксютка! — тихо зоветъ она. — Иванъ Дмитріевичъ-то ушелъ. Нѣтъ его.

— Уйдетъ онъ! — недовѣрчиво отзывается Аксюша и тоже поднимается и поправляетъ платокъ. — Гляди, подъ кустикомъ схоронился, сидитъ.

— Анъ, нѣтъ. Ушелъ.

Всѣ четыре полольщицы перестаютъ работать, зѣваютъ, потягиваются... Но въ бурьянѣ слышится легкій трескъ, и всѣ онѣ разомъ пугливо нагибаются къ грядкамъ.

— Кошка! — заявляетъ Аксюша и прыскаетъ со смѣху.

Сѣрый котенокъ степенно выходитъ изъ бурьяна, выгибаетъ спину и поднимаетъ хвостъ. Видно, что ему весело и пріятно. Солнце печетъ его мѣховую шкурку, а онъ нѣжится. Вдругъ онъ становится совсѣмъ горбатымъ, дѣлаетъ большой скачокъ и быстро карабкается на яблоню.

— Ишь, паршивый! — говоритъ одна изъ полольщицъ.

Ей такъ жарко и она такъ устала, что и эти ненужныя слова она произноситъ съ трудомъ. Хочется спать. Такъ хочется

спать, что легла бы здѣсь на раскаленную землю между грядъ и уснула бы.

На птичьемъ дворѣ громко кричитъ и хлопаетъ крыльями пѣтухъ, а какая-то глупая растерявшаяся индюшка тоскливо и непрерывно зоветъ своихъ товарокъ. Несомнѣнно, она прозѣвала, когда вся ея индюшичья компанія ушла со двора на фуражировку, и теперь соскучилась въ одиночествѣ.

— Обѣдать время,—замѣчаетъ одна изъ бабъ.—Отпускали бы, что-ли.

— Ужъ какъ отпускать, такъ нашъ Иванъ Митричъ запропастится.

Но онѣ стоятъ и ждутъ.

Назойливо жужжатъ въ воздухѣ невидимыя насѣкомыя, жара гнететъ, глаза слипаются отъ яркаго свѣта и сна.

Скоро ли придетъ Иванъ Дмитріевичъ? Тогда два часа отдыха передъ новымъ трудомъ.

Въ домѣ, по одну сторону корридора, весь рядъ комнатъ въ тѣни. Тамъ хорошо, прохладно. Въ особенности хорошо у Зиночки. Она съумѣла обставиться такъ, что ея комната менѣе остальныхъ похожа на номеръ гостинницы. Спитъ она на диванѣ, а на день постель уносятъ. Поэтому у нея кабинетъ, а не спальная, какъ у всѣхъ остальныхъ. Къ ней любятъ приходить, чтобы посидѣть и поболтать. Вотъ и сейчасъ она сидитъ у окна и рисуетъ, а у нея гости: Николай Владиміровичъ Вощининъ,—товарищъ ея брата Бориса. Оба только-что пріѣхали наканунѣ вечеромъ. Другой гость—старый дьяконъ. Онъ пришелъ къ Аннѣ Степановнѣ купить парочку поросятъ, получилъ ихъ въ подарокъ, а потомъ остался, чтобы повидать Бориса Андреевича; а потомъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, что̀ такое рисуетъ Зинаида Андреевна. Все ему было интересно. Въ усадьбѣ бывать доводилось рѣдко. Все некогда! все въ работѣ! А вѣдь Анну Степановну онъ помнитъ совсѣмъ молодой; всѣ ея дѣти родились здѣсь, и онъ же крестилъ ихъ. Боря, Зиночка, Андрюша и еще два другихъ, которые умерли, всѣ росли на его глазахъ. Онъ любитъ ихъ. Когда горѣлъ старый домъ, онъ плакалъ. Милый старый домъ! Ему часто кажется, что и тѣ люди, взрослые и дѣти, которые жили въ старомъ домѣ, исчезли, какъ и онъ; что и ихъ, какъ и его, больше нѣтъ. Осталась развѣ только одна Анна Степановна: ея доброта, ея тихій, кроткій голосъ. Но и ее трудно узнать, когда вспомнишь о веселой, бодрой, видной барынѣ, которая жила въ старомъ домѣ. А гдѣ ея дѣти, шалуны-мальчики въ коротенькихъ штанишкахъ, а позднѣе въ формен-

ныхъ курточкахъ? Гдѣ ихъ лукавыя, смѣющіяся личики? Гдѣ привѣтливая и застѣнчивая дѣвочка Зиночка, съ ея бѣлокурыми кудряшками? Всѣ они были и всѣхъ ихъ ужъ нѣтъ, какъ нѣтъ тѣхъ двухъ, которые лежатъ въ могилѣ. Отчего тѣхъ такъ горько оплакивали, а исчезновенія этихъ никто даже не замѣтилъ? Были они малы—была отъ нихъ одна радость. Теперь—какъ отдали Андрюшу въ солдаты, Анну-то Степановну точно пришибло горемъ. Но дьяконъ любитъ и тѣхъ людей, которые живутъ въ новомъ домѣ. Они напоминаютъ ему тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ. И они съ нимъ ласковы. Вотъ и Зинаида Андреевна привела его къ себѣ, показала ему картины, принесла ему папиросъ. Онъ сидитъ теперь, и куритъ, и слушаетъ, о чемъ говоритъ Зина съ гостемъ. Ему кажется, что Вощининъ—женихъ, и онъ мысленно оцѣниваетъ его. Что-жъ? онъ ничего... Не дуренъ. Дьякону только почему-то непріятно, что онъ слегка рыжеватъ и взглядъ у него будто суровый, непривѣтливый. Главное, конечно, было бы узнать, какое у него состояніе, или, если нѣтъ состоянія, какая у него служба. Но спросить неловко. Зиночка ему, видимо, очень рада. Охъ, не надулъ бы! Съ нынѣшними женихами—бѣда. Все денегъ просятъ. А узнаютъ, что денегъ нѣтъ—и въ сторону. На себя же никто не надѣется. Все норовятъ за женой взять, да на женинъ счетъ пожить. Прислушивается дьяконъ и ничего понять не можетъ, о чемъ говорятъ женихъ съ невѣстой. Тотъ поминутно вскакиваетъ и разводитъ руками, точно собирается плавать.

— И я бы не могъ, напримѣръ, относиться къ искусству, какъ вы,—говоритъ онъ, протягивая руку къ мольберту.—Я бы не могъ поставить себѣ цѣлью выучиться хорошо писать. Чтò значитъ хорошо писать? Это, все-таки, подражать. Зачѣмъ подражать, если можно творить? Вы скажете, что для того, чтобы творить, надо имѣть талантъ, а его можно только „имѣть", а не „пріобрѣсть". Но если бы у меня не было таланта,—творческаго таланта, — я бы бросилъ всякую попытку заниматься искусствомъ. Я бы не сталъ тратить свою жизнь на подражаніе. Да развѣ вы не чувствуете, какъ стало тѣсно, душно?—вездѣ! во всемъ! Точно люди долго сидѣли въ закрытомъ помѣщеніи, надышали... И все, все потускнѣло. Понимаете? Очень, очень многіе этого не замѣчаютъ—и имъ хорошо; а другимъ хочется воздуха, но они не знаютъ, чего имъ хочется, и они не умѣютъ найти то, чего имъ хочется. Вѣдь это, правда, очень трудно найти. Человѣкъ всегда ищетъ около себя и вокругъ себя, и при этомъ-то способѣ надѣется найти что-нибудь новое. Но какъ это можетъ случиться? Все, чтò вокругъ и около, давно извѣстно

и можетъ только казаться новымъ. Только казаться, понимаете! Настоящее новое должно придти извнѣ, какъ воздухъ въ закрытое помѣщеніе, а этого „извнѣ“ мы и не знаемъ, какъ не знаемъ жизни на лунѣ и на всякой другой планетѣ, кромѣ нашей. До того не знаемъ, что и представить себѣ не можемъ, и воображеніемъ дальше видѣннаго и слышаннаго работать не можемъ. Жизнь замкнута не оттого, что дальше ея ничего нѣтъ, а потому что мы дальше этой замкнутости ничего не предполагаемъ. И что̀ же мы дѣлаемъ? Намъ тѣсно и душно, а мы машемъ себѣ и другъ другу въ лицо. Мы всѣ жаждемъ новизны, и если кому удастся обратить вниманіе на что-нибудь забытое—мы всѣ торжествуемъ и рады забытому и тому, кто указалъ намъ на него. Еще остаются въ нашемъ распоряженіи всякія сочетанія, передѣлки, перекройки... Голубушка! замѣтьте, какъ мы теперь „создаемъ“ знаменитостей; съ какой услужливостью мы подставляемъ всякіе пьедесталы; какъ мы все раздуваемъ, преувеличиваемъ. Почему это? Потому что ничего настоящаго у насъ нѣтъ. Потому что мы не хотимъ этого замѣчать. Потому что намъ стыдно замѣтить. Да, мы создаемъ себѣ великихъ людей, несмотря на то, что они не сдѣлали ничего великаго. У насъ есть „имена“, и они остаются именами, дѣла же ихъ забываются и теряютъ значеніе въ такое короткое время, что вспоминать ихъ совѣстно. И это все новѣйшіе герои, продукты послѣднихъ лѣтъ. Имъ уже ничего не осталось открыть новаго въ нашей тѣсной, затхлой, заплеванной жизни, но у нихъ все-таки была инціатива, и имъ удалось привлечь вниманіе или красивымъ протестомъ, или беззастѣнчивой ложью, или непривычнымъ цинизмомъ. Какъ легко теперь привлечь вниманіе! Голубушка! кому и зачѣмъ нужно теперь хорошее подражаніе, когда все такъ надоѣло, когда все такъ извѣстно? Пора понять, что старая жизнь — изжита. Мы въ ней едва дышемъ, — слѣдующее поколѣніе въ ней задохнется. Надо открыть какую-то дверь. Надо знать, что она должна быть, что ея не можетъ не быть, потому что иначе человѣчеству уже ничего не оставалось бы дѣлать. Послушайте! развѣ это не заманчивая перспектива? Обновиться!.. Выйти изъ проклятаго, заколдованнаго круга, въ которомъ мы скачемъ, какъ глупыя бѣлки. О! отчего мы не достаточно смѣлы? Отчего у насъ нѣтъ сознанія силы и вѣры въ себя? Мы напрягли бы всѣ усилія, чтобы открыть новую жизнь, какъ открывали новыя земли, не подозрѣвая о ихъ существованіи, по одной гипотезѣ. Но вѣдь чувствуемъ же мы всѣми силами души, что надо идти куда-то, къ чему-то новому, неизвѣстному, и томимся. Зачѣмъ

намъ красивые протесты, на которыхъ мы успокоиваемся? Зачѣмъ намъ всякія извращенія правды, вкуса, природы, когда стоитъ намъ только вырваться на просторъ...

Зина слушаетъ и улыбается. Она мало думаетъ о своей работѣ. Ей пріятнѣе слѣдить, какъ двигается по ея комнатѣ высокая фигура ея гостя, какъ онъ садится и встаетъ, какъ жестикулируетъ руками. Его лицо такое подвижное и выразительное; въ немъ столько духовной бодрости, жадности жизни.

— Какъ вы увлекаетесь, дорогой мой! — съ невольнымъ выраженіемъ нѣжности говоритъ она.—Вѣдь все, что вы сказали, въ сущности, одни слова. Тоже—только протестъ. Только протестъ!

— Согласенъ! Но развѣ я совѣтую вамъ успокоиться на немъ? Вы пишете небо, деревцо и клочокъ воды. Когда вамъ удастся написать ихъ реально, идеально—вы будете счастливы. Почему? Кому это нужно? Все это такъ старо! такъ избито! Помните, знайте, что и во всякомъ искусствѣ есть дверь, которую можно открыть. Ищите ее. Работайте воображеніемъ, умомъ. Не успокаивайтесь! Бога ради, не успокаивайтесь!

Зина кладетъ въ сторону кисти и мечтательно глядитъ передъ собой.

— Да, только одни слова...—тихо говоритъ она.—Но, знаете, я люблю эти слова. Я не знаю... Когда я долго не вижу васъ, не слышу, мнѣ становится скучно. Я не объ васъ скучаю, нѣтъ! я утрачиваю какое-то чувство, очень смутное... Чувство какой-то необъяснимой радости. Вотъ оно у меня сейчасъ. Чему я радуюсь—я не знаю. На душѣ легко... И мнѣ кажется, что это отъ вашихъ словъ. Вотъ вы сказали, что надо быть сильнымъ и смѣлымъ, надо имѣть вѣру въ себя. Развѣ это ново? Когда я сама себѣ повторяю эти слова — они мнѣ ничего не говорятъ. Сейчасъ мнѣ радостно отъ нихъ. И я готова повѣрить въ вашу мечту, какъ въ свою. Я готова забыть всѣ свои неудачныя попытки сдѣлаться самой немного свободнѣе и счастливѣе...

Вощининъ подходитъ къ ней и глядитъ ей въ лицо.

— Вы можете, вы должны такъ чувствовать! — точно внушаетъ онъ. — Это такъ. Это хорошо. Вы должны понять, что радость, которую вы испытываете и я испытываю, только подтверждаетъ, что мы на вѣрномъ пути. Да, все это очень смутно и неясно, и тѣмъ дороже должно быть для насъ наше внутреннее чувство. Знаете ли вы, какое оно имѣетъ значеніе? Быть можетъ, мы еще будемъ поступать, какъ другіе, но жить мы уже будемъ иначе. Неудачныя попытки... Пусть! Онѣ должны быть.

Ихъ много будетъ. Но въ жизни всего важнѣе мысль. Есть люди, которые пьютъ, ведутъ животный образъ жизни изъ-за того, что они, какъ говорятъ, не удовлетворены. Эти люди, по мнѣ, противны, но они, все-таки симпатичнѣе тѣхъ уравновѣшенныхъ, хотя бы даже добродѣтельныхъ типовъ, которые довольны собой, потому что удачно преслѣдуютъ свои маленькія цѣли, дальше которыхъ они ничего не видятъ. У нихъ нѣтъ мысли и они въ жизни—лишній балластъ. Не бойтесь неудачныхъ попытокъ! Не утомляйтесь ими. Мы не говоримъ, что мы найдемъ и дадимъ людямъ новую жизнь, но мы будемъ искать ее. И оттого, что будемъ искать—наша жизнь уже будетъ другой: значительнѣе и интереснѣе.

Зина улыбается и печально качаетъ головой.

— Бываютъ такіе сны,—шепчетъ она:—проснешься съ чувствомъ какой-то глубокой, умиленной радости, и уже все прошло, забылось. Ни одного воспоминанія, за которое можно было бы ухватиться, чтобы понять, что̀ дало эту радость. Даже чувствуешь, какъ само впечатлѣніе сна уходитъ, уходитъ... О, да развѣ мы сами вѣримъ тому, что̀ говоримъ сейчасъ! Развѣ я вѣрю, что имѣю право на большее, чѣмъ мнѣ уже дано? Я рисую деревья, которыя милліоны разъ рисовали до меня, и я остановлюсь на нихъ, даже не достигнувъ идеальнаго воспроизведенія. И я сама... я, со всей своей жизнью, буду повтореніемъ многихъ и многихъ жизней. А мечта—это сонъ. И не за что ухватиться, чтобы задержать ее. Она уйдетъ.

— У васъ слезы на глазахъ! — съ недоумѣніемъ говоритъ Вощининъ. Но Зина смѣется.

— Давно вы не видали восхода солнца?—спрашиваетъ она.—Я люблю смотрѣть его на рѣкѣ. И всегда кажется, что потомъ весь день будетъ какой-то необычайный, праздничный, не похожій на другіе дни. Алый туманъ, волны розоваго и золотого свѣта, брилліанты росы и первый побѣдоносный снопъ лучей... Какъ это все прекрасно и какъ быстро-быстро смѣняется обыденной картиной съ обыденнымъ дневнымъ свѣтомъ. Даже солнце обманываетъ!

Дьяконъ слушаетъ и ничего не понимаетъ. Объ его присутствіи, очевидно, забыли, а ему пора уходить. Онъ и такъ засидѣлся, а дома ждетъ работа.

— Мое почтеніе, Зинаида Андреевна!—неожиданно громко говоритъ онъ и шумно встаетъ съ своего мѣста.

— Мое почтеніе!—обращается онъ къ Вощинину.

Зина не можетъ удержаться отъ смѣха. Вѣдь, дѣйствительно,

онъ все время сидѣлъ тамъ, въ углу, а она про него забыла, и даже вздрогнула, когда онъ заговорилъ.

Она идетъ его провожать, а онъ поднимаетъ съ полу, въ уголкѣ корридора, свою старую широкополую шляпу и выбѣгаетъ съ ней на крыльцо. Его ряса и сѣдые локоны развѣваются по вѣтру. Шагаетъ онъ широко и бодро. Онъ очень доволенъ и лицо его улыбается добродушной, ласковой улыбкой. Какъ онъ и ожидалъ—поросятъ ему подарили. Это, конечно, главное. Но также хорошо, что у Зиночки есть женихъ. Знаетъ ли онъ только, что земля вся заложена? Про свою новую жизнь говорили. И онъ ей: „голубушка", а она ему: „дорогой мой". То-то удивится мать-дьяконица такой новости! Эхъ! хоть бы своихъ-то имъ тоже съ рукъ сбыть!

Передъ вечеромъ прошла гроза съ ливнемъ. Одинъ ударъ былъ такъ силенъ, что Лили уронила чашку и закрыла лицо руками. Ей показалось, что ударило въ крышу дома. Даша и Саша бѣгали по комнатамъ и вездѣ запирали окна, но одно окно въ гостиной забыли, и на подоконникѣ, на полу и на диванѣ сильно налило. Даша потомъ долго тужила, что обивка дивана будетъ испорчена, но когда выглянуло солнце, она высохла и стала совершенно такой же, какъ раньше. Вообще, гроза внесла много оживленія, суеты и даже тревоги.

Когда Лили испугалась грома, она вспомнила о дѣтяхъ, побѣжала къ нимъ въ дѣтскую, чтобы удостовѣриться, что они цѣлы и невредимы, но, къ ея ужасу, дѣтская оказалась пуста. Гдѣ же дѣти? Они были дома не больше получаса тому назадъ! Она бросилась къ бабушкѣ, къ Зинѣ, но дѣтей нигдѣ въ домѣ не было. И бабушка, и Зина, и Лили,—всѣ вмѣстѣ побѣжали на крыльцо. Бабушка немного отстала, и Зина успѣла вернуться и успокоить ее, что дѣти нашлись, что они на крытой галерейкѣ кухни.

Лили забезпокоилась, что имъ холодно, и тогда Саша, высоко подобравъ юбки и накинувъ платокъ на голову, отнесла имъ пальто и калоши.

Посмѣялись надъ Ипатомъ. Онъ шелъ подъ проливнымъ дождемъ, мокрый, съ прилипшей къ тѣлу рубахой и такъ неторопливо и спокойно, точно и не чувствовалъ ничего. При видѣ господъ, онъ снялъ картузъ. Маленькій Андрюша крикнулъ ему что-то съ галерейки кухни, и тотъ ему тоже что-то крикнулъ. Но дождь такъ шумѣлъ, что словъ нельзя было разобрать.

Всѣ были рады грозѣ и дождю, и даже Лили перестала

бояться и не разсердилась на бонну за то, что она увела дѣтей изъ дома.

Съ крыльца перешли на балконъ, гдѣ уже сидѣли Борисъ и Вощининъ. Лили подошла къ мужу, обняла его за шею и спросила:

— Хорошо?

Онъ слегка отстранилъ ее, указавъ на свою сигару, и, не вставая, придвинулъ для нея легкое соломенное кресло.

— А я сегодня хотѣлъ идти рыбу удить, — сказалъ Вощининъ.

— Послѣ дождя еще лучше клюетъ,—замѣтила Анна Степановна.

— Не понимаю этого удовольствія!—сказалъ Борисъ.

— Не понимаешь? Ты многаго, братъ, не понимаешь. Если дождикъ скоро не пройдетъ, я пойду на рѣку завтра чуть свѣтъ. Чтобы не опоздать, и спать ложиться не буду.

— Ну, вотъ!.. какъ это можно? Да вы скажите Ипату, и онъ васъ разбудитъ, не безпокойтесь,—посовѣтовала Анна Степановна.

Зина мочила себѣ голову дождевой водой, а Лили смотрѣла на нее и смѣялась.

— Мама! нашъ батюшка въ винтъ не играетъ?—спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, Борюшка. А что?

— Да чтò мы будемъ по вечерамъ дѣлать? Еслибы послать за Сошниковымъ да за батюшкой...

— Нѣтъ, батюшка не играетъ! Винтъ... Ужъ и не знаю...

Старушка стала что-то соображать.

— Ты скучаешь?.. скучаешь? — вскрикнула Лили и опять бросилась обнимать мужа.

Борисъ еще разъ и уже болѣе нетерпѣливо отстранилъ ее.

— Не скучаю, а надо же что-нибудь дѣлать.

— Дождь пройдетъ, пойдемъ гулять,—точно утѣшая ребенка, нараспѣвъ стала разсказывать Еликанида Константиновна, и сѣла на ручку кресла мужа.—Пойдемъ гулять... Потомъ будемъ ужинать и пить наливку. А потомъ и баиньки пора.

Она наклонилась и поцѣловала его въ лобъ. Борисъ вспылилъ, но сдержался.

— Послушай... ты бы сѣла куда-нибудь... поудобнѣе.

Но она уже вскочила и забила въ ладоши.

— Солнышко!.. солнышко!..—закричала она.

Дождь еще шелъ и надъ домомъ еще ползла тяжелая тем-

кая туча, но эта туча уже вся сдвинулась въ одну сторону, а съ другой, черезъ частую сѣтку дождя, пробивались мягкіе вечерніе лучи.

— Боря!.. солнышко!.. Видишь?

Но онъ не смотрѣлъ и молчалъ. Лицо его все больше хмурилось и пальцы нетерпѣливо выбивали дробь по краю стола.

Зина подошла къ Лили и обняла ее за талію.

— А дѣйствительно красиво, — спокойно сказала она.—У насъ еще гроза, а въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ—ясная, солнечная погода.

Лили протянула руку, подставила горсточку подъ струйку воды, которая стекала съ крыши, и вдругъ повернулась и съ громкимъ смѣхомъ брызнула въ лицо мужа. Тотъ вздрогнулъ отъ неожиданности, окинулъ ее удивленнымъ холоднымъ взглядомъ, потомъ всталъ и, громко хлопнувъ дверью, ушелъ съ балкона.

— Это что̀ такое?.. разсердился?..—спросила Лили и оглянулась на всѣхъ присутствующихъ.—А?.. каковъ?.. Вотъ характерецъ!

— Нисколько онъ не разсердился... — попробовалъ солгать Вощининъ.

— Ахъ, будто я его не знаю!—съ дрожью въ голосѣ перебила его Лили.—Разозлился и ушелъ. И прекрасно!.. безъ него лучше! Николай Владиміровичъ, возьмите меня ночью съ собой на рѣку! Не возьмете, такъ я сама пойду съ вами. Я хочу! Я непремѣнно хочу!

Анна Степановна поднялась и тоже пошла въ домъ.

— Вотъ и гроза прошла, и дѣти, небось, уже дома, — говорила она на ходу. Но почему-то голосъ ея звучалъ какъ-то притворно, а фигура горбилась больше обыкновеннаго.

V.

На господскій дворъ привезли нѣсколько возовъ сѣна и свалили его около конюшни. Пока сваливали, во всей усадьбѣ было очень шумно и оживленно. Собаки лаяли на чужихъ собакъ, которыя прибѣжали за возами, телѣги скрипѣли, мужики громко пререкались съ Ипатомъ. Къ заднему крыльцу подошла группа депутатовъ и просила Дашу доложить молодому барину, что они желаютъ поздравить его съ пріѣздомъ. Борисъ Андреевичъ не вышелъ, но выслалъ на водку. За ней сейчасъ же послали на

село. Потомъ еще долго слышался крикъ, смѣхъ, скрипъ и лай около конюшни, и, наконецъ, пустыя телѣги одна за другой стали выѣзжать со двора. За ними бѣжали собаки, оглядываясь и поджимая хвосты; бѣжали жеребята на длинныхъ, тонкихъ ногахъ.

Маленькій Андрюша все время стоялъ поодаль и слѣдилъ за всѣмъ внимательнымъ, серьезнымъ взглядомъ. Иногда онъ начиналъ волноваться.

— Ипатъ!—кричалъ онъ.—Ипатъ, подведи ко мнѣ жеребеночка! Я хочу погладить.

И онъ трясся отъ желанія погладить жеребенка, и боялся, когда который-нибудь пробѣгалъ близко отъ него.

Бонна устала стоять рядомъ съ нимъ, но онъ держалъ ее за руку и самъ ни за что не хотѣлъ уйти.

Мужики заговаривали съ нимъ, но онъ пятился отъ нихъ и молчалъ.

— Вотъ ужо̀ на сѣнѣ покатаемся!—обѣщалъ ему Ипатъ.

Когда мужики всѣ съѣхали и на дворѣ опять стало привычно просторно и тихо, Андрюша вырвалъ свою руку у бонны и побѣжалъ къ кучѣ сѣна. И сколько тутъ было смѣху и возни! Собаки, успокоенныя бѣгствомъ своихъ непрошенныхъ гостей, затѣяли между собой какую-то превеселую игру, съ отчаянной бѣготней и кувырканіемъ черезъ голову. Онѣ тоже рады были сѣну и барахтались въ немъ, а затѣмъ уносились кружить по двору, догоняя другъ друга. Андрюша хохоталъ, гикалъ на нихъ, какъ Ипатъ, но вздрагивалъ и зажмуривался каждый разъ, какъ онѣ проносились мимо него. Бонна насильно унесла его спать.

Борисъ и Вощининъ мимоходомъ зашли къ конюшнѣ.

На слѣдующій день были именины предводителя, и Важины, по обыкновенію, собирались ѣхать къ нему.

— Въ большой коляскѣ ѣхать, — говорилъ Борисъ Ипату. —Насъ четверо. Наша барыня остается.

— Которая остается? Обѣ наши!—смѣясь, замѣтилъ Ипатъ. Онъ тоже, какъ старый дьяконъ, зналъ Бориса маленькимъ, бывало, носилъ его на рукахъ, забавлялъ, какъ теперь забавляетъ маленькаго Андрюшу.

— Старая у насъ залѣнилась. Да пятерымъ бы и неудобно было даже въ большой коляскѣ. Поѣдемъ пораньше.

— Слушаю-съ. Когда прикажете. Я думаю, баринъ, намъ Скворца запречь? Что̀ на него смотрѣть? Лошадь она сильная... Конечно, противъ Орла другой лошади нѣтъ. Ахъ, хорошъ былъ нашъ Орелъ! Заплатили мы за него всего...

— Ахъ, вотъ вы гдѣ!—крикнула Еликанида Константиновна изъ-за угла конюшни.—Ахъ, сѣно какое душистое! Ахъ, какая прелесть! Ипатъ! въ сѣнѣ мыши есть? Я боюсь мышей!

— Чего имъ тамъ дѣлать?—засмѣялся кучеръ.—Мышь сѣна не любитъ. Извольте быть спокойной.

— Николай Владиміровичъ, вы любите лежать на сѣнѣ? Мягко, душисто... Николай Владиміровичъ!

Лили улеглась въ разсчитанно-красивой позѣ и прищурила на Вощинина свои большіе черные глаза.

— Чего вы стоите? Ложитесь тоже.

Онъ сѣлъ.

— Я была увѣрена, что вы съ Зиной. Это даже удивительно, что вы не съ Зиной. Бѣдненькій! какъ вамъ скучно! Хотите, я ее позову?

Вощининъ оглянулся на Бориса, разсчиталъ, что онъ достаточно далеко, и перевелъ свой серьезный, строгій взглядъ на Лили.

— Я хотѣлъ васъ просить...—тихо сказалъ онъ—оставьте!.. У васъ какой-то новый тонъ со мной. Мнѣ онъ очень непріятенъ. Очень! Умоляю васъ: оставьте!

Лили усмѣхнулась.

— Ахъ, это такъ серьезно, что надо молчать про Зину? Да? Это такъ серьезно, что ужъ нельзя и пошутить?

— Ничего нѣтъ серьезнаго! Вы просто не хотите понять. Въ городѣ вы со мной обращались иначе. И мы были друзьями. Зачѣмъ теперь?..

— А что̀ же теперь? что̀?

Борисъ съ Ипатомъ ушли въ конюшню. Можно было говорить спокойно.

— Впрочемъ, я догадываюсь,—продолжала Лили и засмѣялась. — Признайтесь: вамъ кажется, что я теперь немножко... ну, какъ сказать?.. немножко увлечена вами и ревную васъ къ Зинѣ. Вы настолько самомнительны, что это отъ васъ бы сталось. Ну, такъ успокойтесь: я нисколько не увлечена, хотя вы здѣсь гораздо интереснѣе, чѣмъ въ городѣ. И я ни капельки не ревную. Если это могло васъ безпокоить—утѣшьтесь.

— Нѣтъ, я не такъ глупъ и не такъ самомнителенъ,—спокойно отвѣтилъ Вощининъ.—Къ счастью или къ несчастью, не знаю, я вижу и понимаю больше, чѣмъ вы думаете. Не заставляйте меня разсказывать, что̀ я вижу и понимаю. Обѣщайте, что вы опять будете со мной прежней, простой... что вы откажетесь отъ всякой роли относительно меня. Обѣщайте мнѣ! Прошу васъ!

Она лежала, смотрѣла на небо и загадочно улыбалась.

— Какъ обѣщать, не зная—что̀?

Онъ довольно долго молчалъ, пристально глядя на нее.

— Да, я сдѣлалъ глупость!—вдругъ рѣшилъ онъ и всталъ.— Не надо было говорить даже того, что̀ я сказалъ.

Она залилась тихимъ, беззвучнымъ смѣхомъ.

— Когда хотятъ умничать, то всегда дѣлаютъ глупости!— заявила она. — Зина не стѣсняется говорить мнѣ въ лицо, что она считаетъ меня дурой. Ну, и прекрасно! Съ меня, значитъ, и спрашивать нечего.

Въ ея глазахъ мелькнуло злое выраженіе, но сейчасъ же исчезло.

— А мы пойдемъ опять удить рыбу на разсвѣтѣ? Ахъ, какъ было хорошо! Знаете, я въ первый разъ встала такъ рано. Потомъ цѣлый день хотѣлось спать.

— Да! удивили вы меня тогда! — сказалъ онъ сквозь зубы.

— Кто на балконѣ? Зина?—вдругъ быстро спросила Лили.

— Зина! — громко крикнула она. — Зиночка! иди къ намъ сюда... На сѣно! Иди!

Уже начало темнѣть, и можно было слѣдить, какъ въ небѣ, одна за другой, выскакиваютъ звѣзды.

— Какъ мнѣ не хочется завтра ѣхать!—сказала Зина, бросаясь на сѣно и закидывая руки за голову.

— Ахъ, нѣтъ, душечка, поѣзжай! — просила Лили.—Безъ тебя будетъ скучно.

— Не остаться ли и мнѣ? — радостно предложилъ Вощининъ.—На кой чортъ я тамъ нуженъ? Идея!

— Ну, нѣтъ!—крикнула Лили.—Ну, нѣтъ! Тогда пусть Борисъ одинъ ѣдетъ. Я не понимаю, Зина... Всегда ты все разстроишь! Могло быть такъ весело. Тамъ много народу, музыка... Платья у насъ есть. И я уже велѣла пригототовить свое, розовое...

— Ну, и надѣвай свое розовое. Я тебѣ не мѣшаю.

— Да не поѣду я одна съ Борей! Право, это странно! Ты не въ духѣ и другимъ портишь удовольствіе.

Зина только вздохнула.

— У мамы голова болитъ,—сообщила она.—Она легла. Я читала ей вслухъ... А гдѣ же Боря?

— Съ Ипатомъ въ конюшнѣ,—быстро отвѣтила Лили.

Всѣ трое долго лежали молча.

Пришелъ Борисъ, перекинулся нѣсколькими словами съ сестрой и Вощининымъ и, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, закурилъ сигару.

— Они не хотятъ завтра ѣхать. Ты знаешь?—сказала ему жена.

— Кто не хочетъ?

— Зина не хочетъ, ну и Николай Владиміровичъ остается.

— Нѣтъ, Бога ради!—испугался Борисъ.—Ей Богу, такая скука, представляется удобный случай развлечься... Зина! отчего ты раздумала?

— Боренька, миленькій, я не то что раздумала... А лѣнь, лѣнь...

— Это пустяки! Нѣтъ, рѣшено: ѣдемъ! И ты, Николай, хорошъ! Ей Богу, такая скука...

— Совсѣмъ не умѣетъ человѣкъ жить въ деревнѣ,—возмутился Вощининъ.—Подавай ему развлеченій, обѣдовъ съ музыкой, партнеровъ въ винтъ... Вотъ удивительно! Въ городѣ тебѣ это не надоѣло? Чудакъ! Скучно ему! А ты вотъ лягъ, смотри на звѣзды, дыши этимъ воздухомъ...

— Дыши! Посовѣтовалъ! Ты думаешь, я не дышу?

— Дыши съ сознаніемъ. Нѣтъ, право, ты совсѣмъ отвыкъ пользоваться деревней, и меня это удивляетъ. Когда это ты такъ успѣлъ..?

— Вотъ и нѣтъ такого слова!—засмѣялась Зина.—Обдеревенщаться—еще можно сказать. А какъ обратно? Слѣдовало бы изобрѣсти это словечко. Теперь такихъ субъектовъ, какъ Борисъ, много.

— Обгорожаниться,—предложилъ Вощининъ.

— Ой, какъ некрасиво!

— Хорошо. А что мнѣ здѣсь дѣлать? Кока посовѣтовалъ дышать. Меня эта дѣятельность мало удовлетворяетъ. Что еще?

Онъ бросилъ сигару и тоже легъ на сѣно.

— Гулять, кататься, нюхать цвѣты, ѣсть, спать... По моему, все это очень хорошо между прочимъ, но не какъ спеціальныя занятія. Гулять, напримѣръ... До чего это глупо! Двигать ногами безъ всякой цѣли. Еще говорятъ—отдыхать. Но отдыхать и скучать—это большая разница.

— Нелѣпый ты господинъ!—отозвался Вощининъ.—У тебя и фигура въ деревнѣ нелѣпая. Росы боится, собакъ боится, на рѣкѣ ему сыро, въ лѣсу ему деревья мѣшаютъ: не на мѣстѣ ростутъ. Днемъ ему жарко, вечеромъ ему холодно. То ему солнце мѣшаетъ, то ему слишкомъ темно. Комары, мухи, грачи—все это его злитъ...

Борисъ хохоталъ.

— Правда, я отвыкъ,—оправдывался онъ.—Въ городѣ обра-

зуются извѣстныя привычки къ комфорту. Я совсѣмъ не хочу сказать, что я чувствую себя прекрасно лѣтомъ въ Петербургѣ, но, во всякомъ случаѣ, мнѣ гораздо удобнѣе. Мнѣ надоѣли петербургскія развлеченія, но когда и ихъ нѣтъ, и вмѣсто нихъ ничего нѣтъ,—это, пожалуй, еще скучнѣе.

— А меня чуть не полгода заставляешь жить въ деревнѣ!— насмѣшливо сказала Лили.—Такъ помни это!

— Нечего помнить. Ты—совсѣмъ другое дѣло. У тебя дѣти. И тебѣ самой было бы невыносимо лѣтомъ въ Петербургѣ.

— Я и не говорю — въ Петербургѣ. Можно было взять дачу. Какъ было весело на дачѣ! Помнишь?

— И все это не то! — вдругъ сердито заговорилъ Вощининъ. — Привычки, комфортъ, развлеченія... Да къ чорту это все! Развѣ можно говорить о нихъ серьезно, какъ о чемъ-то стоющемъ, нужномъ и даже важномъ? Развѣ они нужны для нашего счастья? Да совсѣмъ напротивъ! Да вы знаете, что̀ я вамъ скажу? Всѣ эти ваши удобства и комфортъ, они-то и заѣдаютъ жизнь, дѣлаютъ ее мелкой, ничтожной, безвкусной. Мнѣ очень удобно, и я не шевелюсь и отвыкаю отъ движенія, разнѣживаюсь, становлюсь трусомъ и тряпкой. Мнѣ удобно, и я такъ привыкаю къ этому чувству, что мнѣ на все остальное наплевать. Да позвольте... А для кого же жизнь? Для чего она? Я по себѣ сужу. Заѣдешь въ Петербургъ... Днемъ—то-сё: дѣловые разговоры, хлопоты, разъѣзды, потомъ обѣдъ въ ресторанѣ, водки, закуски, музыка; вечеромъ—театръ или карты и опять водки — закуски. И такъ день за днемъ. Проживешь недѣлю — ошалѣешь. Проживешь мѣсяцъ — привыкнешь. И все это, будто, нужно станетъ: и рестораны, и театры, и карты. Одному, съ самимъ собой, дѣлать нечего. Чувствуешь, что тупѣешь, обезличиваешься и какъ-то это даже пріятно, хорошо. Ничего не жалко. Втягиваетъ, засасываетъ тебя что-то мягкое, удобное, душистое. Вотъ какъ это сѣно. И только когда выскочишь, встряхнешься, тогда только поймешь... Ахъ, чортъ бы тебя взялъ! да вѣдь это западня какая-то! Удобства, комфортъ, развлеченія... Вѣдь въ нихъ застрянешь—жизни не увидишь. И будутъ у тебя только кабинетныя мысли, будуарныя чувства, ресторанныя влеченія, да карточные интересы. И вѣтеркомъ тебя не обдуетъ. И по неволѣ тутъ будешь комаровъ бояться, въ полѣ партнеровъ искать и... и радоваться предводительскимъ именинамъ, какъ якорю спасенія отъ скуки. Эхъ, Борисъ! дружище! промѣнялъ ты свое первородство на чечевичную похлебку! Чиновникъ!

— Да ты что больно разговорился,—насмѣшливо, но добродушно закричалъ на него Борисъ. — Я чиновникъ, а ты кто? Химикъ! Чѣмъ ты лучше меня, скажи на милость? У меня кабинетныя мысли и будуарныя чувства, а у тебя все фабричное. Ужъ молчалъ бы! Самъ-то чечевицы не ѣшь?

Вощининъ вскочилъ.

— Моя жизнь и твоя!..—крикнулъ онъ.—Ну, я химикъ. Я служу на фабрикѣ. Но почему же ты думаешь, что у меня все должно быть фабричное? Развѣ мое занятіе поглощаетъ меня такъ, какъ поглотила тебя столица? Она взяла у тебя и твою дѣятельность, и твой досугъ. Всего тебя. Ты, видишь, уже не можешь жить безъ нея. Развѣ я не могу жить безъ моей фабрики? Что она дала мнѣ, кромѣ дѣла и денегъ? Чѣмъ она коснулась моей души?

Онъ сразу успокоился и опять легъ.

— Да и давно ли я сижу на мѣстѣ? До сихъ поръ все было такъ, что сегодня я здѣсь, завтра—тамъ. И гдѣ-гдѣ я не перебывалъ! Новыя мѣста, новые люди, новая, незнакомая природа. Какъ это все хорошо для человѣка! А, знаете, что еще хорошо? — спросилъ онъ и повернулся къ Зинѣ.—Хорошо ходить пѣшкомъ. Да не по саду или кругомъ луга „безъ цѣли двигать ногами“, какъ сейчасъ выразился Борисъ, а хорошо идти далеко. Верстъ, этакъ, сто, двѣсти.

— И ты ходилъ?—недовѣрчиво спросилъ Борисъ.

— Ходилъ. Я по Кавказу много ходилъ. Да это все равно— гдѣ. Я думаю, и отсюда верстъ за сто въ любую сторону иди— много незнакомаго встрѣтишь. Изъ окна вагона пейзажи видны: лѣсочки, деревушки, коровки. И, въ сущности, мы только это и знаемъ. Ближайшее знакомство у насъ только съ буфетами. Ну, а идешь пѣшкомъ,—отъ самыхъ этихъ пейзажевъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Тутъ и встрѣчи, и разговоры, и ночёвки... Эхъ! досадно даже, ей Богу! Хоть когда-нибудь кто-нибудь изъ васъ ночевалъ въ полѣ или въ лѣсу? Нѣтъ? Ну, конечно! Привычка и комфортъ... Комаръ можетъ укусить или лягушка испугать, чего Боже сохрани!.. А вѣдь это, господа, такое удовольствіе!..

— Воображаю!—зѣвая, отозвался Борисъ.—То-то, я замѣчаю, ты въ своей постели такъ не любишь спать, что тебя по утрамъ еле добудишься. И шторы двойныя спуститъ, темноту такую устроитъ!..

— Ишь, придирается! Да не каждую же ночь мнѣ на дворѣ

съ собаками ночевать. Я говорю, потому что мнѣ сколько разъ приходилось, а вамъ—никогда.

Онъ опять обратился къ Зинѣ.

— Вамъ дороги въ жизни впечатлѣнія? Я терпѣть не могу бѣгать смотрѣть на что-нибудь, что̀ я могу себѣ представить. Ну, мало ли на что̀ бѣгаютъ смотрѣть?—на великана, на карлика, на пепельницу у великаго человѣка и на наперстокъ его жены. На этотъ счетъ у меня нѣтъ ни малѣйшаго любопытства. А къ новымъ впечатлѣніямъ я жаденъ. Вѣдь знать ихъ заранѣе я не могу. А, главное, впечатлѣніе всегда индивидуально. Оно—всегда ново, никѣмъ не испытано. И еще я скажу: каждое впечатлѣніе всегда даетъ какой-то нравственный толчокъ. Что-то внутри выясняется, опредѣляется... Что̀ я хотѣлъ сказать? Да! Привычки и комфортъ совершенно устраняютъ впечатлѣнія. А это что̀ значитъ? Это значитъ, что человѣкъ перестаетъ жить полнымъ ходомъ.

— Ну, отвяжись!—съ ласковой безцеремонностью сказалъ Борисъ.—Пойдемте ужинать.

— А знаете: давайте, сегодня ночуемъ здѣсь, на сѣнѣ,—предложила Лили.—Ну, пожалуйста, Боря! Зина! ты согласна?

— Давайте, право!—поддержалъ Вощининъ.

— Вы съума сошли, господа! — возмутился Борисъ.—Во-первыхъ,—сыро. Во-вторыхъ, теперь чуть не въ три часа восходитъ солнце и будетъ жарить намъ прямо въ лицо.

— Тогда мы уйдемъ.

— Завтра ѣхать на именины... Да и вообще... Вотъ и сейчасъ ко мнѣ въ рукавъ что-то залѣзло.

— Ай! — вскрикнула Лили и вскочила. — Боря! не мышь?

— Не мышь, а, все-таки, какая-то гадость. Фу, чортъ! раздѣваться придется.

Онъ тоже всталъ и трясъ свой рукавъ.

— Зина!—позвала Лили.—Зина, ты спишь?

Вощининъ наклонился надъ дѣвушкой и засмѣялся.

— Я-то съ вами разговаривалъ! А вы спали? Мнѣ не было видно вашего лица.

— Нѣтъ, я не спала,—серьезно сказала Зина.—Я слушала, но мнѣ не хотѣлось говорить.

Онъ взялъ ее за руку и задержалъ.

— Что̀ съ вами?—спросилъ онъ. — Вы сердитесь на меня, или вамъ взгрустнулось?

Она просто и спокойно взглянула ему въ глаза.

— Вы жадны къ впечатлѣніямъ,—медленно сказала она,—но, другъ мой, надо, все-таки, искать ихъ съ разборомъ.

Она хотѣла идти, но онъ рѣшительно остановилъ ее.

— Что̀ вы этимъ хотѣли сказать?

— Да, я договорю. Я сама терпѣть не могу намековъ. Николай Владиміровичъ! Вы другъ Бори, и вы не можете не знать, не видѣть... Вѣроятно, вы даже знаете больше, чѣмъ я, чѣмъ мы всѣ. Онъ пересталъ даже стѣсняться. Онъ едва выноситъ ее. Ну, зачѣмъ вы... вы...

— Я?—крикнулъ онъ.

Она быстро сжала его руку.

— Не кричите, Николай Владиміровичъ! Я не спрашиваю васъ, не допытываю. Я даже допускаю, что вы сами не замѣчаете. Я васъ предупреждаю: вы начинаете увлекаться.

— Вѣрьте мнѣ! клянусь! — горячо говорилъ Вощининъ.— Это такая фантазія съ вашей стороны! Это нѣчто до такой степени невѣроятное! И мнѣ обидно... За кого вы меня принимаете?

Они подходили къ балкону.

— Не будемъ теперь говорить! Не будемъ,—шепнула Зина. —Но помните: я не хотѣла васъ обидѣть. Я вѣрю вамъ. Я хотѣла только, чтобы вы были осторожнѣе... остеречь васъ...

VI.

Именины предводителя, Петра Ивановича Репова, праздновались каждый годъ по одному и тому же шаблону. Измѣнить что-либо въ программѣ дня было бы даже неудобно, такъ какъ надо было только успѣвать сдѣлать все необходимое: надо было поить пріѣзжающихъ гостей чаемъ, въ свое время пообѣдать, разсадить винтеровъ, предоставить молодежи покататься на лодкѣ и погулять въ паркѣ. Потомъ такъ же необходимо было полюбоваться фейерверкомъ, который пускали на противоположномъ берегу пруда, вернуться по освѣщеннымъ бумажными фонариками аллеямъ къ террасѣ, гдѣ ожидалъ сервированный къ чаю столъ. Едва успѣвали напиться чаю, какъ наставало время просить одну даму, обладающую голосомъ, сдѣлать всему обществу громадное удовольствіе—спѣть что-нибудь, а другую даму, очень музыкальную,—сыграть что-нибудь. Обѣ всегда ожидали этихъ просьбъ и были бы очень обижены, еслибы безъ этого обошлись; но, несмотря на это, обѣ долго отказывались, увѣряя, что такъ давно не пѣли и не играли, что даже не знаютъ, не пропалъ ли у нихъ и голосъ, и способность...

Послѣ этого обыкновенно начинали подъѣзжать запряженные экипажи, и усталые хозяева становились усиленно любезны, предчувствуя удовольствіе видѣть послѣдній отъѣзжающій экипажъ и сказать себѣ:

— Уфъ! кончено! Теперь—отдыхать.

Оставались ночевать только самые близкіе люди, съ которыми нечего было стѣсняться и съ которыми даже пріятно было перебрать впечатлѣнія дня, чуть-чуть посплетничать, чуть-чуть позлословить. Совсѣмъ чуть-чуть, потому что Петръ Ивановичъ былъ очень благодушный и доброжелательный человѣкъ, а его супруга, Наталья Алексѣевна, очень воспитанная дама.

Наталья Алексѣевна никогда и ни про кого не говорила ничего дурного. Даже въ томъ случаѣ, если гости позволяли себѣ что-нибудь лишнее, или даже совсѣмъ непристойное, что̀, все-таки, увы, случалось, она всегда дѣлала видъ, что не замѣтила, или объясняла происшествіе такъ, что оно получало характеръ несчастнаго случая.

Такъ, когда одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ напился пьянъ до того, что потомъ, любуясь фейерверкомъ, упалъ въ прудъ, ее такъ и не могли разубѣдить, что онъ страдаетъ головокруженіемъ, и при встрѣчѣ съ нимъ она всегда такъ заботливо стала разспрашивать о его здоровьи и убѣждать его серьезно лечиться, что онъ, наконецъ, обидѣлся и не только пересталъ ѣздить на пріемы предводителя, но даже избѣгалъ бывать тамъ, гдѣ бывала Репова.

— Она своей вѣжливостью и деликатностью человѣка такъ извести можетъ, какъ никакой грубостью не изведешь!—съ озлобленіемъ говорилъ онъ. — Мнѣ теперь по всему уѣзду проходу не даютъ, все о головокруженіяхъ спрашиваютъ.

Наталья Алексѣевна также очень слѣдила за нравственностью своихъ гостей, и если знала о какомъ-нибудь не совсѣмъ легальномъ влеченіи, то зорко наблюдала за подозрительной парочкой и часто ставила ее въ очень неловкое положеніе. Въ ея домѣ надо было быть чрезвычайно осторожными и никогда не говорить тихо съ своими сосѣдями. Всегда можно было ожидать, что ея властный голосъ поднимется надъ всѣмъ столомъ, заставляя всѣхъ умолкнуть.

— Cher! — скажетъ она. — Вы разсказывали что-то очень интересное. Доставьте и намъ удовольствіе послушать.—Благо тому, кто былъ находчивъ и умѣлъ вывернуться! И надо было благодарить судьбу, если любезная хозяйка тутъ же не прибавляла:—Я слышала всего нѣсколько словъ...

Тутъ по неволѣ становилось жутко: какія же именно слова она слышала?

А слухъ у нея былъ удивительный!

Большинство уѣзднаго общества Наталью Алексѣевну недолюбливало и боялось ея любезности больше, чѣмъ чьего-либо злого языка.

Репова была уже дама далеко не молодая, очень некрасивая, но внушительныхъ размѣровъ, и во всей ея фигурѣ и манерѣ держаться было много достоинства и врожденной важности. Она какъ-то особенно высоко носила голову, прищуривала глаза и въ каждомъ движеніи ея тонкой, длинной руки, въ каждомъ звукѣ ея протяжнаго голоса чувствовалась мягкая, но непреклонная властность. Мужа она звала или по имени и отчеству—Петръ Ивановичъ, или попросту — cher ami. Ростомъ онъ былъ на полъ-головы ниже ея, обладалъ самымъ тщедушнымъ тѣлосложеніемъ и самымъ мягкимъ и доброжелательнымъ нравомъ. Но при этомъ онъ былъ нравственно брезгливъ, и если ему случалось столкнуться съ чѣмъ-нибудь недобросовѣстнымъ, наглымъ или циничнымъ, онъ искренно страдалъ, почти физическимъ страданіемъ, пока дурное впечатлѣніе не изглаживалось и не забывалось. Къ его счастью, онъ былъ далеко не проницателенъ, а забывалъ скоро. Въ уѣздѣ ему дали насмѣшливое прозвище „чистюля“, за его постоянный страхъ запачкаться и за его постоянную заботу объ опрятности одежды, рукъ и вообще всего, что̀ его касалось и что̀ его окружало. Лѣтомъ онъ всегда носилъ все свѣтлое, не исключая и башмаковъ, и никуда не садился, не подостлавъ платка, спеціально для этого предназначеннаго. Такой же „чистюлей“ онъ былъ и въ другомъ отношеніи, а именно въ своемъ незамысловатомъ и довольно-таки ограниченномъ міровоззрѣніи. Надъ нимъ посмѣивались, но его уважали и любили. Всѣмъ была извѣстна долголѣтняя, трогательная взаимная привязанность супруговъ, ихъ примѣрная семейная жизнь, которой и въ прежніе годы не смѣла коснуться ни одна сплетня; но и надъ этимъ смѣялись, утверждая, что супругамъ Реповымъ ничего и не оставалось дѣлать, какъ быть вѣрными другъ другу.

И въ этотъ именинный день, какъ во всѣ предшествующіе именинные дни долгаго Реповскаго предводительства, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Только Натальѣ Алексѣевнѣ было немного меньше хлопотъ, чѣмъ обыкновенно. Сошниковъ пріѣхалъ еще наканунѣ и энергично распоряжался прислугой и всѣми приготовленіями къ пріему.

— Не волнуйтесь и не утомляйтесь, ваше превосходитель-

ство!—шутливо рекомендовалъ онъ.—Я здѣсь, а я вашъ слуга и рабъ. Все будетъ въ порядкѣ.

Она благодарила его улыбкой и величественнымъ наклоненіемъ головы.

— О, я спокойна! Вы все это такъ умѣете...

День выдался прекрасный, и рѣшено было обѣдать въ саду.

Съ двухъ часовъ къ подъѣзду почти безпрерывно подъѣзжали самые разнообразные экипажи; по лѣстницѣ, убранной растеніями, поднимались самыя разнообразныя фигуры. Хозяйка принимала въ большой гостиной, наверху. Она была въ парадномъ, хотя нѣсколько старомодномъ платьѣ изъ тяжелаго шолка и казалась особенно величественной и гордой.

Лили немного оробѣла. Ей въ первый разъ приходилось быть у Реповыхъ, а она много слышала про щепетильность и „тонъ" этого дома. Поднимаясь по широкой лѣстницѣ рядомъ съ Зиной, она волновалась и нервно поправляла на себѣ прелестный розовый туалетъ. Она знала, что этотъ туалетъ необычайно идетъ къ ней, и это одно нѣсколько успокоивало ее.

Зина, вся въ бѣломъ, не чувствовала, повидимому, никакого смущенія. Наталья Алексѣевна и Анна Степановна когда-то вмѣстѣ выѣзжали въ свѣтъ, еще будучи молодыми дѣвушками; тогда же между ними возникло что-то въ родѣ дружбы, и хотя эта дружба давно охладѣла и прежнія подруги очень рѣдко бывали другъ у друга, но между ними, все-таки, сохранилась какая-то связь, и онѣ обѣ бывали рады, когда встрѣчались, обѣ любили поговорить другъ съ другомъ наединѣ, вспомнить прошлое, вызвать въ памяти цѣлый рядъ куда-то исчезнувшихъ, всѣми, кромѣ ихъ двухъ, забытыхъ лицъ. Умѣли онѣ и пожалѣть другъ друга. И одна Анна Степановна знала, что и гордую, безмятежную Наталью Алексѣевну можно пожалѣть, что въ ея прошломъ есть горе, которое она еще не перестала оплакивать, есть воспоминаніе, которое на всю ея послѣдующую жизнь бросило печальную тѣнь. Это былъ маленькій гробикъ, съ очень маленькимъ, почти не жившимъ существомъ, съ дорогимъ, желаннымъ и, увы, мимолетнымъ гостемъ, который явился на свѣтъ только съ тѣмъ, чтобы дать понять, какая великая радость—материнство и какъ тяжело утратить надежду на него навсегда. Наталья Алексѣевна только съ одной своей бывшей подругой Annette вспоминала этотъ гробикъ, и тогда Annette тихо говорила ей:

— Nathalie... Но развѣ мы знаемъ?.. Дѣти... А еслибы эти дѣти, впослѣдствіи, принесли тебѣ одно горе? Еслибы они сами были несчастливы? О, не знаю! Не эгоизмъ ли съ нашей

стороны желать во что бы то ни стало ихъ жизни? Развѣ мы можемъ дать имъ не только жизнь, но и счастье? А видѣть своихъ дѣтей несчастливыми!.. видѣть ихъ страданіе... Можешь ли ты понять, какъ это тяжело?

Зина немного удивлялась отношеніямъ между своей матерью и „генеральшей", ихъ сохранившейся привычкѣ говорить другъ другу „ты", но эта близость невольно располагала ее въ пользу Реповыхъ и позволяла ей чувствовать себя съ ними гораздо легче и проще, чѣмъ чувствовали себя остальные гости. Ей не нравились эти люди принципіально, но они, все-таки, не были окончательно несимпатичны ей, какъ могли бы быть при другихъ условіяхъ.

Появленіе Важиныхъ и Вощинина произвело въ гостиной извѣстное впечатлѣніе. Надо было ей отдать справедливость: это была красивая группа! Въ особенности обратила на себя вниманіе Лили, и она сейчасъ же это поняла и совершенно оправилась отъ смущенія первыхъ минутъ. Ей сразу стало весело. Борисъ и Вощининъ сѣли играть въ карты, и она не видѣла ихъ до обѣда. Она гуляла по парку съ новыми знакомыми, которые откровенно восхищались ею и ея туалетомъ, каталась на лодкѣ съ очень молодыми людьми, которые явно гордились той честью, которую она оказала имъ.

Когда передъ обѣдомъ заигралъ военный оркестръ и гости стали толпиться около закусочнаго стола, она остановилась въ сторонѣ, окруженная группой усердныхъ ухаживателей, которые всѣ наперерывъ старались быть ей полезными. Оркестръ игралъ вальсъ, и вдругъ ей показалось, что не только окружающіе ее деревья, цвѣты, не только голубое небо надъ нею—необычайно хороши, но необычайно хороша и заманчива вся жизнь, и счастье жить почти болѣзненно охватило ее. Какъ давно она не испытывала этого чувства и какъ оно туманило голову, возбуждало, пьянило!.. Подъ звуки музыки сознаніе своей молодости, красоты, своего успѣха казалось уже не простымъ сознаніемъ, а торжествомъ, побѣдой.

Смѣясь и разговаривая, она смотрѣла на толпу гостей и вдругъ увидала мужа. Неожиданно даже для самой себя она быстро сдѣлала нѣсколько шаговъ и позвала:

— Боря! Боря!

Онъ не слыхалъ. Онъ былъ занятъ ѣдой и разговоромъ, а она не спускала глазъ съ его невысокой, но изящной фигуры, съ его немного апатичнаго, словно скучающаго, но очень красиваго, по ея мнѣнію, лица.

— Боря!—упорно звала она, пробираясь къ нему между людей, которые всѣ жевали и разговаривали.

Наконецъ онъ замѣтилъ ее и нѣхотя пошелъ ей на встрѣчу.

— Ты что?—спросилъ онъ.—Тебѣ что-нибудь нужно?

Ее непріятно поразилъ и его равнодушный взглядъ, и его вопросъ.

— Отойдемъ немного,—попросила она.

— Да что̀ такое?—уже почти сердился онъ.

Они отошли, а она не знала, что̀ сказать, ей самой было непонятно, зачѣмъ она вызвала его. И ей вдругъ стало скучно. Тѣ же звуки вальса носились въ воздухѣ, но все уже было не такъ, а главное, Лили уже совсѣмъ не чувствовала себя торжествующей и побѣдительницей.

— Боря, милый,—умоляющимъ голосомъ заговорила она, стараясь быстро придумать, что̀ сказать дальше,—Боря, скажи: я не очень растрепана?

— У тебя, вообще, очень странный видъ,—сухо отвѣтилъ онъ все съ тѣмъ же холоднымъ взглядомъ своихъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ.

— Странный? Отчего?

— Отчего?! Почему же я знаю—отчего? Но не за этимъ же ты меня звала? Тоже довольно странная манера...

Она вдругъ сдѣлала такое движеніе, будто хотѣла положить свои руки на его плечи, но онъ поспѣшно отстранился.

— Я тебя попрошу помнить, что мы не дома!

Вся ея радость исчезла безъ остатка.

— Мнѣ скучно!—искренно сказала она.—Я хотѣла тебя попросить: поѣдемъ пораньше домой!

— Вездѣ тебѣ скучно!—съ досадой замѣтилъ онъ.—И нельзя же ѣхать домой, когда садятся обѣдать.

Онъ ушелъ, и она вернулась къ своему кружку новыхъ знакомыхъ, но говорить и смѣяться она какъ будто сразу разучилась.

И во время обѣда играла музыка. Въ дни именинъ своего мужа Наталья Алексѣевна умывала руки за нравственность своихъ гостей: слѣдить за ихъ разговорами ей было невозможно. Когда понесли блюда съ цвѣтной капустой, мѣстный предсѣдатель управы сказалъ небольшую рѣчь. Послѣ капусты мировой судья сказалъ очень большую и очень нескладную рѣчь. Предводитель рѣчи не говорилъ, но предложилъ тостъ за здоровье дорогихъ гостей. Сошниковъ предложилъ тостъ за здоровье глубокопочитаемой хозяйки.

Лили выпила бокалъ шампанскаго и опять повеселѣла. Борисъ сидѣлъ на той же сторонѣ стола, какъ и она, и ей нельзя было видѣть его; зато она все время слѣдила за Зиной и Вощининымъ, которые сидѣли рядомъ наискосокъ отъ нея. И слѣдила она не даромъ: два-три раза она встрѣтилась взглядомъ съ Николаемъ Владиміровичемъ, и ей показалось, что онъ какъ будто слегка смутился. Неужели она не ошиблась? Провѣрка этого впечатлѣнія очень заняла ее. Она не смотрѣла въ его сторону, но все время видѣла его. И она видѣла, что и онъ все время слѣдилъ за нею, что его бесѣда съ Зиной не клеилась и что на лицѣ его мелькало непривычное ему, новое выраженіе. Неужели она не ошиблась?

Въ груди у нея дрогнуло, и уже не безпричинное счастье, а самолюбивая, злая радость волной хлынула въ ея душу.

Было уже почти темно, когда первая ракета со свистомъ взвилась въ воздухѣ и вдругъ склонилась, точно вздохнула, и разсыпалась. Хозяева вели гостей къ пруду, на берегу котораго были разставлены скамейки. Молодежь жгла бенгальскіе огни, и весь путь былъ освѣщенъ фантастическимъ свѣтомъ. Музыку отправили впередъ. Шли и разговаривали.

— Quelle charmante fête! — слащаво восхищалась одна изъ уѣздныхъ дамъ.

— Земство обязано дать денегъ!

— А я вамъ говорю, что у земства денегъ нѣтъ.

— И вообразите, что эта дура вдругъ является ко мнѣ и проситъ выдать ей...

— Не спотыкнитесь, душечка! Здѣсь, кажется, корень... Ахъ, нѣтъ: это тѣнь.

— Попробуйте отъ ревматизма перцовку! Три раза въ день: утромъ, въ обѣдъ...

— Натираться?

— Кто вамъ говоритъ—натираться? Напиваться, а не натираться.

Голоса и фигуры возникали и сразу терялись, то за поворотомъ аллеи, то за дымомъ огней, то просто въ темнотѣ ночи.

Лили, съ однимъ изъ своихъ новыхъ поклонниковъ, остановилась съ краю аллеи и чего-то ждала. Мимо нихъ вереницей шли люди, а она всматривалась въ ихъ лица и очень тихо и разсѣянно отвѣчала на вопросы своего кавалера.

Прошелъ Борисъ съ Сошниковымъ. Прошла Зина съ дамой, которую Лили замѣтила еще днемъ по ея необычайно безвкус-

ному платью. Сзади Зины шелъ Вощининъ и несъ ея накидку. Лили заторопилась.

— Знаете, вашъ другъ никогда не найдетъ моей сумочки; я теперь вспомнила, что оставила ее на террасѣ и, знаете, тамъ, гдѣ мы пили кофе. Пожалуйста, сдѣлайте... Принесите сумку и приведите обратно вашего друга.

Она умышленно громко засмѣялась.

— Я съ наслажденіемъ... съ восторгомъ... Но какъ же вы останетесь одна?—забезпокоился кавалеръ.

— А вотъ идетъ моя сестра... Найдите все, что я вамъ сказала, а потомъ поищите меня.

Вощининъ замѣтилъ Лили и пріостановился.

— Николай Владиміровичъ! возьмите меня подъ свое покровительство!—шутливо попросила она.—Меня всѣ покинули.

Онъ молча предложилъ ей руку.

— Но не идите слишкомъ скоро. Я послала за своей сумкой. Она мнѣ нужна.

— У васъ сегодня цѣлая артель!—усмѣхнулся Вощининъ.

— Мнѣ сегодня весело,—заявила Лили.

— Я знаю. Я замѣтилъ. Когда на женщинѣ хорошенькое платье, которое къ ней очень идетъ, ей всегда весело.

— А почему вы знаете, что ко мнѣ мое платье идетъ? Вы на меня сегодня не обратили ни малѣйшаго вниманія.

— Я зато сыгралъ чуть не два десятка роберовъ, и какъ мнѣ это надоѣло, если бы вы знали!

Лили останавливалась и поворачивалась. Зина ушла впередъ, и ея уже не было видно. Почти всѣ ушли впередъ и бенгальскіе огни поочередно догорѣли и потухли. Вдали заиграла музыка и между вѣтвей вспыхнули разноцвѣтныя искры фейерверка.

— Пойдемте скорѣй!—предложилъ Вощининъ.

— Но я вамъ говорю, что я послала за сумкой. Гдѣ же они меня тамъ найдутъ? Принесите мнѣ маленькую жертву и побудьте минутку со мной.

Вощининъ видимо волновался.

— Можетъ выйти неловкость, если кто-нибудь наткнется на насъ здѣсь въ темнотѣ.

— Въ такомъ случаѣ спрячемся!—предложила Лили.—Сойдемъ съ аллеи. Тамъ никто не пойдетъ и никто не наткнется.

— У васъ странныя фантазіи!—серьезно сказалъ Вощининъ, но сейчасъ же засмѣялся.—Идемте, идемте! Найдутъ васъ ваши поклонники, не безпокойтесь!

Лили немного надулась.

— Скажите прямо, что Зина приказала вамъ состоять при ней, а вы не смѣете не послушаться.

Николай Владиміровичъ не отвѣтилъ и только слегка пожалъ плечами. Лили вырвала у него руку.

— Ну, уходите, а я здѣсь останусь одна,—съ дрожью въ голосѣ заявила она.

— Да за что же вы разсердились?

— Я вамъ говорю—уходите! Вы Богъ знаетъ что о себѣ воображаете... Вы читаете мнѣ наставленія...

— Еликанида Константиновна!.. Насъ могутъ услышать... Вѣдь это странно. Успокойтесь, Бога ради, и пойдемте туда, гдѣ всѣ!

— Я съ вами никуда не пойду и буду стоять здѣсь. Вы меня обидѣли.

Ему показалось, что она заплакала.

— Еликанида Константиновна!.. такъ простите меня, если обидѣлъ. Я не знаю... Мы объяснимся дома. Не хотѣлъ я васъ обижать.

Ракеты летали и лопались. Что-то жужжало и сыпало искрами.

Вдругъ темная фигура быстро вынырнула изъ-за угла и на бѣгу едва не задѣла Лили.

— Ахъ, простите!—сказалъ Сошниковъ и на мигъ пріостановился.—Прекрасный фейерверкъ!—сообщилъ онъ, вглядываясь съ нескрываемымъ любопытствомъ въ лица замѣшкавшейся парочки.—Но, знаете, около воды чувствуется сырость. Я отряженъ за цѣлой партіей платковъ и накидокъ. Прекрасный фейерверкъ!

Онъ пробѣжалъ дальше, а Вощининъ молча, но рѣшительно взялъ руку Лили и повелъ ее къ пруду.

Возвращеніе домой было томительное. Борисъ Андреевичъ дремалъ или ворчалъ:—Удивительно глупые, напыщенные люди эти Реповы! Этотъ „чистюля“ точно аршинъ проглотилъ. Только глазами моргаетъ. И глаза у него на выкатѣ и безъ всякаго выраженія. Точно стеклянные. А Наталья Алексѣевна! У нея, кажется, еще прибавилось важности. Скажетъ слово—и по лицу видно, что считаетъ человѣка облагодѣтельствованнымъ на вѣкъ. Жесты и позы. Позы и жесты... Въ винтъ посадили играть съ какими-то сапожниками!..

Ипатъ весело покрикивалъ на лошадей, но ѣхалъ не по дорогѣ. Коляску трясло и встряхивало, а на плотинѣ одна изъ пристяжныхъ чуть-было не оборвалась внизъ.

— Il est ivre!—жаловалась Лили.—Я боюсь.

Вощининъ пересѣлъ на козлы, и съ тѣхъ поръ оттуда непрерывно слышался сдержанный гулъ разговора. Поѣхали немного тише и ровнѣе. Борисъ окончательно заснулъ. Лили немного успокоилась, но, все-таки, все время тревожно глядѣла впередъ, предугадывая возможныя опасности. Зина молчала. Она, вообще, не любила говорить дорогой и всегда погружалась въ мечтательную задумчивость, похожую на дремоту.

Когда подъѣзжали къ усадьбѣ, начало разсвѣтать. Все спало. Спали избы села, спали ветлы на плотинѣ, спали и паркъ, и домъ, и дворъ. Давно смолкли разговоры на козлахъ, и Ипатъ угрюмо осадилъ лошадей у запертаго подъѣзда. Вылѣзла изъ-подъ крыльца собака и вяло помахала хвостомъ. Она точно извинялась за то, что тоже вздремнула.

— Надо стучать. Звонокъ испорченъ,—сказала Зина.

— Чортъ знаетъ, что̀ за порядки!—разсердился Борисъ.—Кого тутъ достучишься? Надо идти на то крыльцо.

Стали обходить одну сторону дома.

— Стойте!—скомандовалъ Вощининъ.

Онъ вбѣжалъ на балконъ, нажалъ на раму окна, и окно сейчасъ же отворилось.

— Готово!—доложилъ онъ и, исчезнувши въ окнѣ, сейчасъ же появился въ открытой балконной двери.

— Чортъ знаетъ, что̀ за порядки!—возмущался Борисъ.—Заперлись, нечего сказать!

Лили сдерживала зѣвоту и слегка дрожала.

Чтобы не разбудить Анну Степановну и дѣтей, пріѣхавшіе разошлись по своимъ комнатамъ на цыпочкахъ.

А въ окна дома глядѣлъ тотъ же самый лѣнивый, непривѣтливый разсвѣтъ...

Л. Авилова.

ИЗЪ ЖИЗНИ
НА
УРАЛЬСКИХЪ ЗАВОДАХЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

...Будни, вѣчные сѣрые будни! Но когда работаешь, и время летитъ незамѣтно. Сытъ, одѣтъ, обутъ—полное счастье для трудового человѣка. Только не долговѣчное. Не успѣешь на это счастье взглянуть какъ слѣдуетъ, и снова ползутъ на сцену жизни, точно черепаха, будни, тоскливые, сѣрые, безконечные...

Положеніе такого человѣка какъ нельзя болѣе напоминаетъ положеніе медвѣдя-шатуна, который не залегъ почему-либо въ берлогу.

Товарищи его сосутъ свою лапу и дремлютъ, а онъ—мокрый, изодравшись о сучья,—бродитъ день деньской по лѣсу и все чего-то ищетъ...

Вотъ такъ и я нѣсколько дней бродилъ по городу, тщетно отыскивая какой-нибудь работы. Судьба не спѣшила обрадовать меня, и работы не представлялось.

„Торговый домъ наслѣдниковъ купца первой гильдіи Ефрема Саломатова. Кремъ-шифервейсъ. Чисто-химическія бѣлила".

Эти ярко-золотистыя литеры, красиво разставленныя по бархатному черному фону вывѣски, ослѣпительнымъ лучомъ рѣзнули мнѣ въ глаза, и я невольно остановился передъ огромнымъ каменнымъ домомъ.

— Не попробовать ли? быть можетъ, тутъ и дадутъ какую-нибудь работишку. Оно бы кстати: изъ нѣдръ каменноугольной шахты попасть прямо на бѣлильный заводъ—даже заманчиво....

Я отворилъ калитку и очутился на обширнѣйшемъ дворѣ. Какая бѣлизна кругомъ!.. Тропинки, ведущія къ корпусамъ, трава, ростущая по стѣнамъ забора, и довольно большой прудъ—все покрыто бѣлилами.

— Послушайте, почтенный! Гдѣ бы мнѣ управляющаго повидать?

— А зачѣмъ? Если пришелъ работы просить, такъ впередъ говорю: въ такомъ костюмѣ здѣсь не берутъ. Сначала ступай, пропей съ себя все до нитки и тогда ужъ приходи,—отказа не будетъ!..

Это было оригинально, хотя и мало утѣшительно. Но не даромъ россійская мудрость выработала цѣлый кодексъ различныхъ пословицъ, среди которыхъ наибольшей популярностью пользуется та, которая гласитъ, будто „нѣтъ худа безъ добра"... Костюмъ на мнѣ былъ неважный, но все-же капитализировать его представлялась нѣкоторая возможность. Жаркое лѣто и увѣреніе, что работу на свинцово-бѣлильномъ заводѣ даютъ только голышамъ, моментально пробудили во мнѣ соображеніе заняться коммерціей, и я отправился въ мѣсто, имѣющееся рѣшительно во всѣхъ городахъ россійской имперіи и именуемое въ общежитіи „толкучкой".

Какой-то красноражій негоціантъ далъ мнѣ три рваныхъ рублевыхъ бумажки, два двугривенныхъ и полный комплектъ рубища, напяливъ которое на себя, я сразу превратился въ среднеазіатскаго дервиша.

Капиталъ въ 3 р. 40 к. былъ солиденъ, а потому удачную, по моему мнѣнію, комбинацію надлежало прежде всего вспрыснуть и хоть чѣмъ-нибудь заполнить свой урчавшій желудокъ. Къ счастію, я не алкоголикъ. Я рѣшительно не понимаю людей, которые могутъ питаться одной водкой и для удовлетворенія своей страсти готовы пропить послѣднюю съ себя рубаху. Нужда заставила меня цѣнить деньги, а потому, запрятавъ въ лохмотья кредитки, я рѣшилъ истратить только звонкую монету.

Предшествовавшая недѣля сплошной голодовки побудила меня на нѣкоторую щедрость, и я рѣшилъ не отказывать себѣ на этотъ разъ ни въ чемъ: два фунта ситнаго, шкаликъ вредоносныхъ капель, чашка жирныхъ щей, кусокъ жаренаго мяса, а послѣ этого порція чаю—заставили-таки умолкнуть во мнѣ того звѣря, который такъ яростно урчалъ....

Давно извѣстно, что сытый человѣкъ требуетъ для себя нѣкотораго „фаръ-ніента“, а потому, заручившись въ мелочной лавкѣ махоркой, бумагой и спичками, мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ отправиться въ „заячьи номера“, и вскорѣ я уже лежалъ въ кустахъ, пуская изъ носу затѣйливые круги дыма... Мечты самаго смѣлаго свойства овладѣли мною, и я занесся подъ облака....

Лѣто—прекрасное время года для всѣхъ, кто лишенъ возможности имѣть кровъ. Подъ баржей, подъ мостомъ, въ кустахъ, на берегу рѣки, въ какомъ-нибудь глухомъ переулкѣ—вездѣ можно прекрасно устроиться лѣтомъ. Легъ—свернулся, всталъ—встряхнулся! Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна...

Такого рода сентенціи и совершенно умолкнувшій желудокъ настроили меня на оптимистическій ладъ, и я уже съ сарказмомъ сталъ относиться къ тому положенію, которое еще утромъ представлялось безвыходнымъ. Выходъ есть всегда,—думалось мнѣ,—только человѣкъ найти его не всегда съумѣетъ; но это уже похоже на муху, попавшую въ ламповое стекло: она ползаетъ кругомъ и тоже убѣждена, что выхода нѣтъ, а между тѣмъ, стòитъ подняться кверху, доползти до кромки стекла и—свобода...

— А чтò будетъ, если я такъ и не узнаю, чтò это за шифервейсъ такой?—Мысль эта тонкимъ лезвеемъ пронизала мозгъ, но я постарался прогнать ее и, чтобы дать другое направленіе мечтамъ, погрузился въ воспоминанія о прошломъ...

Однако, ловко же судьба бросаетъ меня! Работалъ я на золотыхъ промыслахъ Урала, на 70-ти-саженной глубинѣ, спускался въ платиновыя шахты, добывалъ свинецъ въ Змѣиногорскѣ, плавалъ на плотахъ по Сыръ-Дарьѣ, вываривалъ соль на варницахъ въ Соликамскѣ, глоталъ каменноугольную пыль въ екатеринославскомъ округѣ, билъ мотыгой желѣзную руду въ породахъ горъ Алтая, таскалъ кули на Волгѣ, ловилъ рыбу въ Астрахани и вотъ теперь мнѣ предстоитъ выдѣлывать бѣлила. Интересно!....

Свинцовыя бѣлила! кому не извѣстна эта, почти на каждомъ шагу встрѣчающаяся, краска? Ея яркая бѣлизна съ синеватымъ отливомъ такъ пріятно ласкаетъ взоръ. На сводахъ и колоннахъ церквей, на стѣнахъ и оконныхъ откосахъ казенныхъ учрежденій и частныхъ зданій, внутри комнатъ, въ переднихъ вельможъ, куда иногда толкаетъ просителей, по цѣлымъ часамъ томящихся въ ожиданіи выхода того, отъ кого зависитъ судьба—вездѣ мы видимъ эту краску, нѣжную, бѣлую, яркую... малѣйшее пятнышко замѣтно на ней. Но многіе ли изъ насъ знаютъ, какъ добывается она? Едва-ли! А между тѣмъ, еслибъ люди знали происхожденіе

ея, то истинно удивились бы генію человѣка, съумѣвшаго при помощи науки выработать изъ грубаго и твердаго металла такой бѣлый порошокъ.

Но люди и вообще не интересуются происхожденіемъ того или иного предмета. Мы покупаемъ издѣлія изъ золота, пьемъ ежедневно чай, употребляемъ ежеминутно спички, иные изъ насъ любятъ снабжать носъ свой молотымъ табакомъ, безъ поваренной соли не садимся за столъ, но никому, рѣшительно никому изъ насъ и въ голову не приходитъ мысль узнать происхожденіе всѣхъ этихъ вещей, продуктовъ и т. д.

Впрочемъ, забѣгать впередъ не слѣдуетъ...

Было ровно семь часовъ утра, когда я снова вошелъ въ завѣтную калитку. Ѣдкій, специфическій запахъ „шибанулъ" по носу, и на этотъ разъ вчерашняя бѣлизна уже не казалась столь яркой; напротивъ, все кругомъ представляло какую-то пѣгую картину. Бѣлила, смѣшавшись съ грязью, бросали на окружающіе предметы рѣдкій даже въ коннозаводствѣ *пѣгій* колоритъ. Признаться, сердце нѣсколько пощипывало, когда я вошелъ въ контору, но мой вчерашній „совѣтчикъ" оказался правъ: меня приняли на работу сразу и даже паспорта не спрашивали, чему я несказанно обрадовался, такъ какъ мой „паспортъ", совершенно законный, правильный, безспорный, уже неоднократно причинялъ мнѣ огорченія, ибо въ немъ вмѣсто обычныхъ: „холостъ, примѣтъ особыхъ не имѣетъ, носъ и подбородокъ обыкновенные"— значилось: „предъявитель сего, потомственный гражданинъ" и т. д.

Итакъ, я—рабочій свинцово-бѣлильнаго завода. Тутъ надлежало бы подробно описать, въ самой сухой и строго-научной формѣ, производство бѣлилъ, но этотъ „академическій" методъ изложенія будетъ непригоденъ для беллетристическаго очерка, а потому я не стану обременять читателя сухимъ изложеніемъ, и постараюсь, насколько это въ моихъ силахъ, передать впечатлѣнія иначе....

Хотя костюмъ мой былъ совершенно истрепанъ, грязенъ и ветхъ, такъ что никакое дальнѣйшее крушеніе ему уже не угрожало, тѣмъ не менѣе мнѣ выдали „запонъ"—холстинный фартукъ, халатъ, безъ рукавовъ, и „нагубникъ", или—попросту—квадратный, въ два вершка, лоскутъ фланели, съ тесемками для завязыванія. Послѣднимъ надлежало закупорить ротъ, дабы не попадала въ легкія свинцовая пыль, столь губительно отзывающаяся на организмѣ и отравляющая его.

Признаюсь, съ заткнутымъ ртомъ мнѣ еще ни разу не приходилось работать, и я уже готовъ былъ заявить свой протестъ, но во-время вспомнилъ о „выходѣ изъ ламповаго стекла", а потому безропотно наложилъ на уста свои печать молчанія....

— Въ камеру № 8, показать ему работу!—Теперь, когда уже долгіе годы пронеслись съ момента моего не только поступленія, но и ухода съ свинцово-бѣлильнаго завода, мнѣ невольно вспоминается прошлое, а съ нимъ вмѣстѣ самъ собою возникаетъ и вопросъ: что же собственно толкаетъ людей, доброю волею поступающихъ въ „сущій адъ", какимъ несомнѣнно слѣдуетъ признать работу по выдѣлкѣ бѣлилъ?

Увы! отвѣтъ до чрезвычайности простъ и несложенъ: *голодъ*.

Сбившіеся совсѣмъ съ пути, застигнутые критическими обстоятельствами, дошедшіе до послѣдняго предѣла нужды—вотъ люди, которыми пополняются, обыкновенно, кадры рабочихъ свинцово-бѣлильныхъ заводовъ.

Проработавъ первый день съ сугубымъ усердіемъ, я вечеромъ же убѣдился, почему такъ охотно принимали сюда людей, не имѣвшихъ никакого костюма. Случилось это такъ: получивъ халатъ, я скинулъ свою рвань и положилъ ее на окно; вечеромъ, когда надлежало рвань эту напялить на себя, я подошелъ къ окну и убѣдился, что она покрыта тонкимъ слоемъ какой-то желтоватой пыли; это обстоятельство пробудило присущую мнѣ любознательность, и я осторожно собралъ налетъ пыли на бумагу. Дальнѣйшимъ экспериментомъ явился тотъ, что бумажка съ содержимымъ на ней была положена на верхнюю плиту чугунной печки. Минуты черезъ двѣ бумага затлѣла, вспыхнула и сгорѣла, а на плитѣ оказалась небольшая чистая слезка свинца.

— Такъ вотъ почему надѣваются нагубники! Однако, ловко! Этакъ, чего добраго, черезъ короткій промежутокъ времени можно столько наглотаться свинца, что пожалуй будешь представлять собою снарядъ, сплошь начиненный свинцомъ. Но выдержитъ ли подобную начинку организмъ? А вотъ посмотримъ....

Работа на заводѣ „наслѣдниковъ купца Саломатова" какъ лѣтомъ, такъ и зимою была одинаковая по количеству часовъ, но въ смыслѣ заболѣваній разница представлялась огромная, что и понятно: лѣтомъ окна и двери въ отдѣленіяхъ постоянно стояли открытыми, и свѣжій притокъ воздуха нѣсколько парализовалъ ядовитыя свойства свинцовой пыли; зимою же, когда, по случаю холодовъ, все закупоривалось наглухо, пыль эта густымъ слоемъ наполняла рабочія помѣщенія, и, конечно, уберечься отъ нея не представлялось никакой возможности. Не-

смотря на „нагубники“, она проникала въ легкія, захватывала дыханіе, „закрѣпляла“ желудокъ и съ теченіемъ времени причиняла невыносимую рѣзь въ животѣ. Вотъ почему люди со слабымъ организмомъ выдерживали болѣе эту злокачественную пыль и не столь быстро подвергались заболѣваніямъ, сколь люди крѣпкіе, обладавшіе желудкомъ, способнымъ, по извѣстному выраженію, „переварить долото“. Желудокъ слабаго и хилаго рабочаго при заболѣваніи скорѣе можно было „разслабить“, нежели здороваго. Собственно, свинцовый ядъ „бралъ“ не скоро, но разъ онъ прививался, то послѣдствія его были прямо ужасны, страданія дѣлались невыносимыми и одна только смерть являлась избавительницей отъ нихъ.

II.

Испрашивая у читателя извиненія за настоящую главу, въ которой будетъ вкратцѣ описано самое производство бѣлилъ, долженъ сказать, что, при всемъ желаніи моемъ, избѣжать этого—нельзя: иначе выйдетъ совсѣмъ мало понятной та обстановка, среди которой мнѣ—по волѣ судебъ—пришлось проработать цѣлый годъ...

Свинецъ па нашъ заводъ доставлялся въ судахъ по рѣкѣ Широкой. Привозили его въ такъ называемыхъ „свинкахъ“—(форма, напоминающая обыкновенное полѣно, вѣсомъ пуда въ три и болѣе) и выгружали около литейной. Литейная—квадратный, саженъ въ пять, каменный корпусъ съ печью по срединѣ и вмазаннымъ въ нее котломъ вмѣстимостью въ 60 ведеръ—помѣщалась на самомъ берегу Широкой. По бокамъ котла стояли два деревянныхъ бака, каждый ёмкостью на половину котла, т.-е. по 30-ти ведеръ.

При началѣ работы, свинца сваливается въ котелъ пудовъ 50, и когда онъ расплавится, литейщики черпаютъ его ковшами, льютъ сквозь проволочныя сита въ баки, наполненные на половину водою, благодаря присутствію которой онъ не сливается въ сплошную массу, а превращается въ мелкія опилки. Эти опилки рабочіе, въ особыхъ ящикахъ, разносятъ по отдѣленіямъ, высыпаютъ на столы, смачиваютъ водою, пересыпаютъ „сатурой“, т.-е. свинцовымъ сахаромъ, и затѣмъ въ рамахъ ставятъ въ „камеры“, гдѣ происходитъ процессъ *перепданія* свинца. Когда онъ въ достаточной степени побѣлѣетъ, начинается растираніе въ порошокъ. Инструменты для такой работы употребляются слѣдующіе:

вальцовка, деревянная небольшая лопатка, тупой ножъ, стамеска и лейка. Процессъ „переѣданія“ свинца и превращенія его въ бѣлила совершается при помощи химическихъ свойствъ, отъ соединенія свинца съ сатурой. Первая часть работъ по превращенію свинца въ бѣлила происходила въ нижнемъ этажѣ фабричнаго зданія, а вторая и послѣдняя—въ верхнемъ. Здѣсь „кубовщики“ промываютъ бѣлильную массу въ бакахъ или „отстойникахъ“, имѣющихъ внутри себя плетеную корзину и обшивку изъ сѣраго сукна. Когда свинецъ окончательно перерабатывался, т.-е. уже утрачивалъ свои присущія ему свойства, то мастеръ бралъ изъ *камеры* пробы и убѣждался, какъ великъ осадокъ; если послѣдняго съ фунта получалось 6—7 золотниковъ, это считалось достаточнымъ, и тогда мы получившуюся массу ссыпали въ такъ-называемые „лари“, для фильтраціи, гдѣ она и оставлялась дней на шесть, но предварительно перемѣшивалась веслами. На днѣ каждаго ларя имѣлась особая трубка; по истеченіи недѣли, въ ларѣ образовывался какъ бы творогъ, который, по удаленіи воды черезъ трубку, намазывался на узенькія доски и ставился въ томилку. Здѣсь, дней черезъ пять, „творогъ“ настолько затвердѣвалъ, что его можно было перемалывать въ порошокъ, послѣ чего онъ ссыпался въ небольшіе бочонки, на нихъ наклеивался ярлыкъ съ надписью: „шифервейсъ—чисто-химическія бѣлила“ и въ такомъ видѣ доставлялся на всѣ рынки. Такъ называемыхъ „ступчатыхъ“ бѣлилъ торговый домъ наслѣдниковъ Саломатова не выдѣлывалъ....

Вотъ, въ сущности, все, что̀ мнѣ извѣстно относительно приготовленія бѣлилъ. Говорить объ этомъ подробнѣе я не считаю нужнымъ, ибо тогда невольно пришлось бы злоупотреблять терпѣніемъ читателя, чего сдѣлать я отнюдь не желаю, да и описывать подробнѣе выдѣлку бѣлилъ можно только на страницахъ какого-нибудь спеціальнаго журнала....

Меня всегда удивляла „приспособляемость“ русскаго человѣка. Не знаю, какъ у *нѣмцевъ* (подъ этимъ собирательнымъ именемъ надо понимать не однихъ германцевъ, а вообще всѣхъ „бусурманъ“, какъ это съ испоконъ вѣковъ врѣзалось въ голову русака), но въ Россіи, кажется, нѣтъ такой профессіи, за которую не взялся бы русскій рабочій! Здѣсь еще разъ приходится повторить, что мнѣ приходилось работать на всевозможныхъ фабрикахъ и заводахъ, и я съ изумленіемъ видѣлъ вездѣ одно и то же: приходитъ человѣкъ на золотые промысла, о которыхъ онъ ранѣе не имѣлъ абсолютно никакого понятія, проработаетъ недѣлю—другую, глядь—и постигнетъ всю премудрость. Техни-

ческія названія, натурально, всѣ перевретъ: „шурфъ“ превращается въ „ширпъ“, „динамитъ“—въ „діомидъ“ или еще проще—въ „демида“, „асбестъ“ въ „кудельку“ и т. п., а работу постигнетъ отлично... Ну, думалъ ли я, только-что оставившій каменноугольныя шахты юга и никогда не задававшійся даже вопросомъ: какъ приготовляются свинцовыя бѣлила,—что, спустя недѣлю по поступленіи на заводъ, могу довольно осмысленно работать. Говорю это отнюдь не въ похвалу себѣ, а единственно потому, что вообще русскій человѣкъ награжденъ трезвымъ и здоровымъ умомъ и смекалкой. Это свойство подмѣтилъ покойный Н. С. Лѣсковъ въ своемъ сказаніи „О кузнецѣ Левшѣ и о стальной блохѣ“....

Правда, нерѣдко русская „смекалка“ служитъ источникомъ неисчислимыхъ бѣдъ и курьезовъ, но это ужъ вопросъ другой.

— Ты, братецъ, боленъ лихорадкой. Вотъ, возьми эти порошки и принимай ихъ въ водѣ!—совѣтуетъ эскулапъ. Больной уходитъ и черезъ нѣсколько дней возвращается вновь; видъ его ужасенъ: глаза неестественно блестятъ, самого адски трясетъ, и докторъ рѣшительно не понимаетъ, почему подобное явленіе могло произойти.

— Да ты принималъ порошки, что я прописалъ?

— Какъ же, ваше сіятельство, прималъ.

— Гм! странно!.. Да ты какъ ихъ „прималъ“?...

— А какъ приказали: залѣзъ, значитъ, въ холодную воду и прималъ....

— Зачѣмъ въ воду?!..

— Приказать изволили сами: въ водѣ примай—сказали, ну, я ослушаться не посмѣлъ,—сидя въ водѣ, и прималъ... анъ вотъ знобитъ дюже....

Докторъ въ отчаяніи. Но, къ счастію, натура русака, желудокъ котораго способенъ „переварить жорновъ“,—крѣпкая: поморщится, проваляется недѣлю-другую, глядь—и здоровъ. Да еще хвастается при этомъ.

— И ловко, братецъ ты мой, проманежилъ меня дохтуръ! Порошки, слышь, далъ, „примай, гритъ, ихъ въ водѣ!“—Ну, я, точно, залѣзъ въ воду, а дѣло-то о Рожествѣ было, вода ажно жжётъ, едва вылѣзъ... Анъ помогло, дай ему Богъ здоровья!..

Такова русская „смекалка“... Но я опять уклонился отъ сути...

— Ты, Левсандрычъ, гдѣ на фатерѣ сталъ?

— Неподалеку, у вдовы Тороповой.

— А пошто не въ артельномъ домѣ? У насъ, братъ, вальяжно: до сыта не накормятъ, да и съ голоду не уморятъ; зато дешево: 5 рублевъ въ мѣсяцъ.

— Чѣмъ же кормятъ васъ тамъ?

— Кормятъ, прямо надо говорить, по-господски: каждый день пищія перемѣнная; севодня шти да каша, а на завтра кашу со штями даютъ... Заходи ужо, послѣ роботъ.

Я не заставилъ себя упрашивать, и въ 6 часовъ отправился съ новыми пріятелями въ артельный домъ. Здѣсь рабочихъ помѣщалось человѣкъ до тридцати; провизію для кушанья закупала контора, а обѣдъ готовился особо нанятой кухаркой, обладавшей удивительнымъ свойствомъ превращать мясо и прочіе продукты въ какую-то невообразимую пакость.

— Однако, кормятъ васъ, братцы, не тово... какъ быдто не совсѣмъ по-господски: это помои, но отнюдь не „шти".

— Ништо! можно, все-таки, жрать. Одно скверно: въ кухню приходишь голодный, а пообѣдаешь, — еще болѣе апетитъ разыгрывается.

— Ну, ты, недовольная скотина! мало тебѣ: чай два раза, какой ни на есть обѣдъ, молока тоже по чашкѣ — чего еще надо за 5 рублей въ мѣсяцъ?

— Оно точно что... а только эфта пищія не способна для насъ. Штò молоко, — ты мнѣ мяса да хлѣба давай больше, — я и сытъ...

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что артельный домъ содержался чисто: полы и стѣны были выкрашены, нары опрятныя, но наша рваная, пропылившаяся насквозь одежда, особый специфическій запахъ свинцовыхъ бѣлилъ и разношерстные обитатели — дѣлали артельный домъ такимъ, что ему предпочитали частныя квартиры. Впрочемъ, въ своихъ скитаньяхъ по Россіи, я убѣдился, что вообще русскіе рабочіе лишены духа кооперативности: всякія совмѣстныя сожительства для нихъ чужды. Русскій рабочій еще не проникся западно-европейскими экономическими доктринами и упорно отрицаетъ латинское изреченіе, гласящее, что „въ единеніи — сила"....

Трудно сказать, отчего это происходитъ: ширь ли славянская и отсюда стремленіе жить на просторѣ, одному, не подчиняясь извѣстному режиму, непониманіе ли выгодъ всякихъ кооперативныхъ началъ, или еще другое чтò, — только русскій рабочій рѣдко сходится въ артели, а если и сходится, такъ ужъ чисто въ силу необходимости...

— Ты говоришь: молока даютъ; откуда же доставляютъ его?

— А съ хозяйской фермы, верстъ за восемь отсюда. Пока везутъ, оно въ экую жару-то и скиснется... Только это, по моему, очинно даже отлично, потому, самъ знаешь, отъ кислаго молока медвѣжья болѣзнь приключается, а она для нашего брата—сущая благодать. Первое дѣло, значитъ, при нашей работѣ, чтобы никакихъ, то-ись, запоровъ не было,—свинецъ-отъ и безъ того закрѣплятъ дюже,—ну, вотъ, молоко-то и способно...

Говорили объ этомъ кисломъ молокѣ добродушно, да и вообще жалобъ я не слыхалъ ни отъ кого и ни на что. Это черта тоже присущая русскому человѣку: какъ бы скверно ни складывались для него обстоятельства, никогда роптать не станетъ. Шуточкой да смѣшкомъ все болѣе отдѣлывается. Поразительное равнодушіе ко всему, что̀ не бьетъ по карману! Я твердо убѣжденъ въ одномъ: предложи рабочимъ самый здоровый, питательный, обѣдъ, прекрасную обстановку и вполнѣ гигіеническія условія—тотчасъ же начнутъ „брыкаться", разъ только за все это будутъ взыскиваться деньги. И удивительное дѣло! истратить весь заработокъ на сторонѣ, пропить его, глупо промотать—вещь обычная; но сохрани Богъ, если на такой заработокъ налагается чья-либо рука, хотя бы и въ видахъ сохраненія жизни самихъ рабочихъ—сейчасъ же гвалтъ.

— Нéча балясы-то разводить! Я заработалъ, я и хозяинъ денегъ! А ты мнѣ чистотой-то своей не тычь въ глаза, потому намъ на чистоту начхать!... Тамъ, въ фатерѣ-то, я, можетъ, одной картошкой питаюсь и никто не указъ мнѣ, а захочу ежели „спотыкаловки дрыбалызнуть"—могѝмъ. Намъ вѣдь не капиталы копить! Опять же, эфту чистоту нѣмецъ выдумалъ. Онъ, знамо, хлибкой, ему чистота, може, и нужна, а мы съ испоконъ вѣковъ такъ живемъ—и ничего. Врутъ дохтура, что болѣзь отъ нечистоты происходитъ! Эфто Божье произволеніе. Какая тамо еще „гіена"!.. Оно какъ здоровье-то есть, такъ и въ свинятникѣ жить можно; а ужъ какъ нѣтъ его, здоровья, такъ хучь въ золотыя палаты иди жить, толку не будетъ... *Гіену* выдумали тоже!... Ты возьми, къ примѣру, свинью: цѣлый вѣкъ въ грязи сидитъ, а эвона жирная да розовая какая—кровь съ молокомъ!...

Я не разъ пробовалъ указывать своимъ товарищамъ на примѣры хозяевъ, на „господъ", которые живутъ въ хоромахъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей пылинки, но каждый разъ былъ разбиваемъ на всѣхъ пунктахъ доказываемой аксіомы о необходимости чистоты.

— Чистота, гришь, гіена нужна? Ну, хорошо, а скажи мнѣ: почему это, вонъ, Карла-то Абрамычъ худой какъ шкилетъ? Ужъ

у ево ли въ фатерѣ не чисто? Жретъ много, пива дуетъ здорово, манишку каждый день надѣваетъ чистую, а всё сухарь—сухаремъ! Значитъ, здоровья въ ёмъ нѣту, жила не крѣпкая, а грязь тутъ ни причемъ!

Что̀ могъ сказать я на такія возраженія?

И такъ во всемъ. Станешь ли доказывать, что водка губительна, что табакъ вреденъ, грязь порождаетъ болѣзни—рабочіе, знай, ухмыляются.

— Ты, видно, тоже бѣлая кость,—ишь у те руки-то тонкія какія, быдто у барышни. Да какъ это можно, чтобы водка была вредна человѣку?!—выдумалъ тоже!—ее, братъ, какъ „фатишь", значитъ, полштофа,—сразу полегчаетъ... Касательно махорки тоже. Нешто можно рабочему безъ махорки? Ты, вотъ, ночуй-ка у насъ въ казармѣ—ну, и узнаешь, почему махорка требовается. Они, вонъ, робята-то, тоже, поди, живые, а отъ живого человѣка и духъ живой идетъ. Оно, конешно, въ носъ шибаетъ здорово, такъ вотъ махорка-то и отшибатъ... Гіену выдумалъ, баринъ!..

Прослыть среди рабочихъ за барина—это самое ужасное: издѣвки, насмѣшки, презрѣніе, ежеминутные уколы самолюбія и полное пренебреженіе къ такому человѣку уже неоднократно были для меня источникомъ невообразимо тяжелаго положенія, а потому я всѣми силами старался ни въ чемъ не отстать отъ прочихъ: спалъ на мокромъ пескѣ, съ омерзѣніемъ глоталъ водку, отчаянно затягивался тютюномъ, поднималъ невозможно-тяжелыя вещи, намѣренно одѣвался въ лохмотья и вообще старался поступать какъ и всѣ прочіе.

Русскій рабочій никогда, кажется, и простить не можетъ „барину", затесавшемуся въ его среду.

Баринъ—хозяинъ, баринъ—управляющій, баринъ—въ присутственномъ мѣстѣ—это понятно: на то онъ и „баринъ", чтобы занимать „легкія ваканцыи"; но баринъ-рабочій—положеніе, не поддающееся пониманію простолюдина.

III.

Пронзительный гудокъ, вырвавшись изъ заводской трубы, гулко разнесся по окрестности. Вылетѣлъ онъ изъ-за стѣнъ свинцово-бѣлильнаго завода, спугнулъ стадо заночевавшихъ на берегу гусей и громкимъ эхомъ понесся по Широкой...

Шесть съ половиной часовъ утра. Я, уже умытый и обле-

ченный въ безрукавный халатъ, иду на заводъ, куда мало-помалу стягиваются и другіе рабочіе. Къ работѣ приступать, однако, никто не спѣшитъ,—знаютъ, что мастера ранѣе восьми часовъ сюда не заглянутъ. Живущіе въ артельномъ домѣ приносятъ съ собой молоко, хлѣбъ и начинаютъ „завтракъ". Обитающіе въ частныхъ квартирахъ также уплетаютъ за обѣ щеки огурцы, хлѣбъ, квасъ—кто чѣмъ богатъ. Иные начинаютъ ссыпать свинецъ, иные копошатся около „камеръ", но движенія всѣхъ вялы, дѣлается все „такъ себѣ", потому—еще не было переклички. Томительно тянется время. Но вотъ и восемь часовъ. *Мастера* монотонно перекликаютъ всѣхъ, записываютъ не явившихся, и мы отправляемся по отдѣленіямъ. Рабочій день вступаетъ въ свои права. Грохотъ мельницы, присущій каждой фабрикѣ и заводу шумъ, гулъ отъ ссыпаемаго свинца, тонкія струйки пара вылетаютъ изъ трубъ—обычная картина. А яркое солнце ласково освѣщаетъ эту картину, придавая ей особенно-нѣжный колоритъ; но и солнышко безъ дѣла тоже не находится: вотъ оно уже поднялось настолько высоко, что мы и безъ свистка знаемъ, который часъ. Пора завтракать! Тѣсною и веселою гурьбой идемъ къ сторожкѣ; здѣсь желающіе могутъ мыть руки азотною и сѣрною кислотою, кадочки съ которой стояли всегда наполненныя, но многіе игнорировали мытье рукъ. Скорѣе бы на воздухъ только, а вымыть; коли есть охота, и дома можно. Тѣ, кто жилъ въ артельномъ домѣ, принимали передъ завтракомъ растворъ глауберовой соли, но, конечно, не всѣ, а лишь чувствовавшіе, что съ желудкомъ начинаетъ что-то происходить неладное...

Послѣднимъ „лекарствомъ" завѣдывалъ... истопникъ: по мѣрѣ убыли содержимаго изъ бутыли, онъ бралъ изъ конторки мастера куски глауберовой соли, разбивалъ ихъ на мелкія части, толкалъ въ бутыль и разводилъ водою прямо изъ водопроводнаго крана, безъ всякой фильтраціи, отчего растворъ получался мутно-желтаго цвѣта. На это, впрочемъ, также не обращалось вниманія, и кому требовалось „закрѣпить" желудокъ, тотъ преспокойно глоталъ бурдомагу, находя, вѣроятно, что съ „грязцой-то" она еще лучше.

Всѣ мои товарищи по работѣ усвоили скверную, какую-то мальчишескую, привычку: бросаться изъ отдѣленій домой бѣгомъ, отчего пыль поднималась прямо невообразимая и легкія переполнялись ею, а это отражалось, конечно, прежде всего на здоровьи. Нагубниковъ почти никто не надѣвалъ, и такимъ образомъ ротъ, а стало быть и все „нутро" были открыты...

Въ двѣнадцать часовъ новый гудокъ—пора на заводъ. Мы приходили въ отдѣленія и камеры и принимались за работу до трехъ часовъ дня, послѣ чего снова отдыхали часъ, а въ семь вечера работу заканчивали совершенно. Изъ этого читатель можетъ убѣдиться, что рабочій день на свинцово-бѣлильномъ заводѣ состоялъ изъ девяти часовъ, въ которые мы обречены были ежесекундно глотать вредную свинцовую пыль. Проработать девять часовъ на чистомъ воздухѣ—для рабочаго простого человѣка—пустяки, но это же время пробыть въ стѣнахъ, наполненныхъ вредоносной пылью—сущій адъ.

Наслѣдники купца Саломатова денегъ даромъ не платили, да и деньги, если принять во вниманіе тяжесть и условія работы, были не ахти какія. Мельники и камерные истопники получали по 13 руб., а фильтровщики, кубовщики и истопники сушилокъ—по 12 руб. въ мѣсяцъ круглый годъ. Остальнымъ рабочимъ жалованье платилось такъ: съ мая по іюль 12 руб., съ іюля по сентябрь 14 руб., а съ сентября по день св. Пасхи [1]) включительно по 11 руб., причемъ за прогульные дни штрафа не полагалось, а лишь высчитывалась заработная дневная плата.

Къ работамъ приступали съ галдѣньемъ:

— Ты, чортова кукла, опять мой халатъ надѣлъ!

— Эфто съ коихъ поръ онъ твоимъ-то сдѣлался? лежитъ на окнѣ, значитъ хозяина нѣту; надѣлъ вотъ—и дѣлу конецъ!..

— Свою-то рвань обовшивѣлъ, да теперь за чужой берешься...

— Молчи, корявая рожа, а то я тебѣ такое „обовшивѣлъ“ покажу, что зубы выскочатъ!

— Н-но! у самого не просыпались-бы.

Человѣку мало знакомому могло показаться, что ссора возникла и въ самомъ дѣлѣ серьезная. Ничуть не бывало!—это повторялось ежедневно, и всѣ угрозы „сокрушить зубы“ оставались, такъ сказать, холостыми зарядами. Да и самые халаты не могли служить яблокомъ раздора, ибо рѣшительно всѣ были одинаково плохи. Дѣлались они изъ грубой парусины, безъ рукавовъ и, кажется, никогда не подвергались стиркѣ. Легко можно представить, что̀ это была за одежда!.. Бывало, какъ только покончимъ работу, сбросимъ халаты у конторки и бѣжимъ, точно школьники, а на утро—снова „битва“. Одежду съ себя мы сни-

---

[1]) Когда бы св. Пасха ни пришлась,—въ страстную пятницу разсчитывались всѣ и до 1 мая работъ не производилось.

мали и облекались въ халаты, въ которыхъ и работали; такимъ путемъ собственная рвань наша пылью не пропитывалась, и это, хотя частію, спасало отъ заболѣваній.

— Эй вы, чего разгалдѣлись, айдà работать!

Окрикъ „мастера" помогалъ: рабочіе немедленно отправлялись въ верхній и нижній этажи фабрики и принимались за тяжелый, адскій трудъ.

Я сначала, какъ уже сказано выше, работалъ въ „камерѣ № 8". Это довольно большая камера, сплошь покрытая брусьями, которые и назывались „пирамидами". Всѣхъ пирамидъ въ каждой камерѣ было 108, и на нихъ вкладывались „рамки" со свинцомъ, т.-е. доски, величиною съ обыкновенный кухонный столъ съ небольшимъ углубленіемъ. У задней стѣны камеры проведена была изъ низу желѣзная четырехдюймовая труба отъ маленькой желѣзной же печки, которая полуциркулемъ выходила въ камеру на аршинъ отъ пола; подъ трубу ставилось ведро съ холодною водою.

„Отдѣленіемъ" назывался большой двухъ-этажный каменный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщались „камеры", а въ нижнемъ—промывные баки и конторка мастера, а также столы для „рамокъ", которыхъ на каждый столъ могло установиться 36 штукъ.

Чугуннымъ валикомъ пуда въ два вѣсу, съ прикрѣпленною на скобахъ ручкой, я раздавливалъ слежавшіяся свинцовыя опилки, для чего и каталъ валикъ по столу. Другой рабочій одновременно со мною мѣшалъ эти опилки лопаткой. Работа моя требовала большой мускульной силы, которой я, къ счастію, обладалъ въ достаточной для рабочаго степени.

Работающіе *наверху* назывались кубовщиками, внизу—фильтровщики, мельники и истопники.

Хотя и ранѣе мнѣ случалось работать при тяжелыхъ, также требовавшихъ силы и напряженія, работахъ, но на свинцово-бѣлильномъ заводѣ я съ перваго же мѣсяца сталъ чувствовать необычайное утомленіе, боль въ груди и „завалы" въ желудкѣ. Увы! я и не подозрѣвалъ тогда, что тутъ дѣйствовала ядовитая, свинцово-бѣлильная пыль, которою насыщался организмъ всякаго...

Теперь, когда все это уже отошло въ область далекаго, полузабытаго прошлаго, я съ удивленіемъ спрашиваю: какъ могъ вынести тогда я подобную работу, да еще въ теченіе цѣлаго года? Правда, за это время я четыре раза ложился въ заводскую больницу, но вскорѣ выходилъ изъ нея.

Какъ сейчасъ вижу себя въ пѣгомъ, безъ рукавовъ халатѣ,

изъ-подъ котораго болтаются клочья рваныхъ штановъ, въ грязныхъ опоркахъ, повязаннаго нагубникомъ, съ какимъ-то фантастическимъ украшеніемъ на головѣ. Одѣтый такимъ образомъ, я голыми и тогда еще мощными руками катаю по столу „вальцовку". Пѣгій потъ катится по щекамъ, но его некогда утирать, а если вырвется моментъ, то только размажешь, бывало, эту липкую грязь по лицу...

Въ настоящее время мнѣ тоже приходится работать подолгу: съ восьми часовъ утра и до одиннадцати вечера, съ двумя часовыми перерывами на обѣдъ и чай, сижу я въ редакціи. Груда рукописей, груда гранокъ, груда газетъ!.. Все это надо прочитать, исправить, просмотрѣть, сдѣлать вырѣзки... Глаза утомляются, въ головѣ вѣчный шумъ, грохотъ типографскихъ машинъ въ сосѣдней комнатѣ не даетъ сосредоточиться... Но развѣ то *теперь*, что̀ было *тогда*?

Теперь я сижу въ большой, чистой, свѣтлой комнатѣ, занимаюсь любимымъ дѣломъ, вполнѣ обезпеченный, сытый, хотя и съ надломленнымъ уже здоровьемъ, а тогда... Да нѣтъ, прочь тяжелыя воспоминанія, долой этотъ кошмаръ!..

Вынесъ же, значитъ—натура моя закалена, и если я сейчасъ, въ сорокъ лѣтъ, уже ношу въ груди смерть, то это нисколько не пугаетъ меня. Испытано много, усталость беретъ свое. Вѣдь эти сорокъ лѣтъ устланы были не розами: съ двѣнадцати лѣтъ мускульный трудъ, побои, потомъ работа въ шахтахъ, въ солеварняхъ... Но я не жалуюсь ни на кого и ни на что. Да и смѣшно было бы жаловаться: протесты безполезны. Судьба не можетъ всѣхъ дѣлать своими баловнями, и еще вопросъ—чья жизнь лучше?—рабочаго ли, на восьмидесяти-саженной глубинѣ добывающаго „благородный" металлъ, или же какого-нибудь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, совершающаго подлоги ради пріобрѣтенія, далеко не „благороднымъ" способомъ, этого металла!..

Не знаю, было ли извѣстно „наслѣдникамъ купца Саломатова", что ихъ благополучіе мы созидаемъ при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, подвергая свою жизнь смертельной опасности? Но мастера это хорошо знали, и тѣмъ было обиднѣе, когда въ одно—прекрасное для хозяевъ и отвратительное для рабочихъ — утро, по настоянію мастеровъ, плату, ни съ сего, ни съ того, уменьшили на рубль, о чемъ гласили вывѣшенныя объявленія.

Я, уже съ зародышемъ болѣзни, сидѣлъ на крыльцѣ отдѣленія и, понуривъ голову, прислушивался къ неясному гулу то-

варищей. Гулъ становился съ каждою минутой сильнѣе, и уже до ушей моихъ явственно доносились фразы протеста:

— Зачѣмъ это сбавили?!.. Сами, мерзавцы, по девяносто рублей ни за что берутъ, а у насъ гроши и тѣ обрѣзаютъ... Спать-то мастерства знать не нужно,—всякій съумѣетъ...

Я невольно раздумался на тему: для чего, въ самомъ дѣлѣ, у насъ были мастера? Вѣдь, въ сущности, всѣмъ дѣломъ на заводѣ руководилъ химикъ Карлъ Абрамычъ, мастера же являлись только въ роли наблюдателей за нами. Но для этого достаточно было 2—3 человѣкъ, а не 20. Дѣло шло у насъ и безъ мастеровъ: мы, безъ всякаго указанія, ссыпали свинецъ, раскатывали, ставили его въ камеры; внизу также работаютъ—каждый самостоятельно: мѣшаютъ свинцовую массу, вѣсятъ, ссыпаютъ, намазываютъ, а мастера, предохраняя себя отъ пыли, сидятъ въ своихъ „конторкахъ“ и лишь изрѣдка появляются въ отдѣленіяхъ и камерахъ.

Что̀ же они значатъ и кто такіе мастера,—имѣющіе ли спеціальныя познанія, учившіеся гдѣ? Нѣтъ. Дальній родственникъ хозяевъ, бывшій писарь при заводѣ, бывшій конторскій мальчикъ, бывшій военный, по протекціи занявшій должность мастера —вотъ кто носилъ, обыкновенно, эту кличку. Лизоблюдничество, наушничанье, молчалинскіе пріемы,—и бывшій писарь становился нашимъ владыкой...

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что руководитель необходимъ во всякомъ дѣлѣ, но, мнѣ думается, хозяева поступили бы много практичнѣе, еслибы изъ нашего же брата-рабочаго —вербовали десятниковъ. Во-первыхъ, получилась бы экономія, ибо такому „десятнику“ не надо платить 90 руб., онъ охотно и за четвертую часть станетъ служить; а во-вторыхъ, рабочій гораздо болѣе понимаетъ дѣло, нежели „мастера“. У насъ и практики было болѣе, да и добросовѣстности также: мы, напримѣръ, могли „выпустить камеру“ въ двѣ недѣли, но могли протянуть ее и на два мѣсяца. Можно растирать свинецъ только влажный, а можно и обильно смоченный водою—никто не замѣтитъ, разница же для кармана хозяевъ — ощутительная, но никогда, рѣшительно ни одного раза никто изъ рабочихъ „пакостей“ и „подвоховъ“ не устроивалъ, потому что русскій рабочій, за самыми рѣдкими исключеніями, вообще не способенъ на гадости, хотя бы и работалъ у нелюбимаго хозяина...

— Надо управляющему жаловаться!.. Къ хозяину пойдемъ!..

— Разсчетъ возьмемъ, а сбавки не примемъ!..

Въ эту минуту на лѣстницѣ появился одинъ изъ мастеровъ, и... моментально все смолкло.

Такъ сбавка рубля и прошла.

Не любитъ русскій рабочій стачекъ. Молча и терпѣливо подчиняется онъ всякимъ распоряженіямъ, и только уже рѣшительно выходящее изъ предѣловъ обыкновеннаго, или сумма предшествовавшихъ тяжелыхъ и явно несправедливыхъ притѣсненій— выводятъ массу изъ себя, и страшна дѣлается тогда толпа раздраженныхъ рабочихъ, но и тутъ кротость, разсудительность, спокойный тонъ — сразу умиротворяютъ бурю... Говорю это на основаніи личнаго долголѣтняго опыта...

IV.

— Левсандрычъ! сегодня баня... важно, братъ... то-ись, не повѣришь, до чего я обожаю эфту самую баню!

Мнѣ сильно нездоровилось, но сходить въ баню былъ также не прочь, ибо, грѣшный человѣкъ, въ русской банѣ я вижу панацею отъ всѣхъ болѣзней...

Въ самомъ углу заводскаго двора, за прудомъ, пріютилась наша баня; величиною она была: въ длину три, а въ ширину двѣ сажени, довольно высокая, съ двумя окнами, небольшимъ передбанникомъ и мойной человѣкъ на десять. По срединѣ помѣщался деревянный бакъ ушатовъ въ пятнадцать — для горячей воды, и такой же стоялъ въ передбанникѣ—для холодной. Воду кипятили, а также и передбанникъ согрѣвали посредствомъ желѣзнаго четырехдюймоваго рукава, проведеннаго черезъ бакъ.

Часа въ три первая партія, въ которой былъ и я, отправилась.

— Брр!.. Одначе, чортъ бы побралъ, тутъ не жарко...

— Да и вонь же здоровая,—такъ носъ на сторону и воротитъ...

Дѣйствительно, воздухъ былъ настолько спертый, что у меня закружилась голова; оказалось, что въ передбанникѣ лежали, ужъ Богъ знаетъ съ которыхъ поръ, рогожи, которыя при обливаніи водою прѣли и съ теченіемъ времени совершенно сгнили.

Старые, т.-е. долго работавшіе на заводѣ, рабочіе, хорошо знали свойства своей бани, а потому наперерывъ, съ руганью, спѣшили попасть первыми, ибо, тогда во-первыхъ, въ банѣ можно было застать жаръ, а во-вторыхъ, замерзшія въ передбанникѣ рогожи еще не успѣвали насытиться водою; слѣдовательно, и вонь не ощущалась, да и горячей воды было достаточно; послѣдующимъ же партіямъ ничего этого не оставалось, и онѣ, вмѣсто

того, чтобы омыть свое грѣшное тѣло и попариться должнымъ манеромъ, выходили изъ бани грязными еще болѣе, недовольными и даже озлобленными.

Экономія хозяевъ сказывалась и тутъ; роптать было безполезно, и потому, мало-по-малу, рабочіе почти совсѣмъ перестали пользоваться заводской баней, предпочитая затратить 7—8 коп. на „торговую".

На этотъ разъ мое ожиданіе и вѣра въ чудодѣйственныя свойства бани не оправдались: я чувствовалъ себя окончательно скверно, о чемъ заявилъ мастеру, наблюдавшему за камерой № 8.

— Иди въ больницу! Я, вотъ, ужо напишу тебѣ ярлыкъ. Надо быть, отравился маленько...

„Отравился маленько"!—хорошенькое, чортъ возьми, утѣшеніе! Дѣлать, однако, было нечего, и я рѣшилъ лечь на больничную койку.

Квадратная, саженъ въ семь длины и ширины, самой незатѣйливой архитектуры, простая бревенчатая изба, въ которой помѣщалась больница, пріютилась неподалеку отъ бани. Около этой избы росли до десятка чахлыхъ, точно изъѣденныхъ тифомъ, березъ, у подножія которыхъ произрастала не менѣе чахлая травка. И тощія деревца, и чахлая травка какъ бы говорили, что жить имъ здѣсь трудно, тяжело, невозможно...

Поднявшись на небольшое крылечко, въ пять ступенекъ, и отворивъ дверь, я очутился въ кухнѣ. Большая печь съ плитою и вмазаннымъ котломъ занимала почти все помѣщеніе кухни; направо виднѣлась дверь съ дощечкою надъ верхнимъ косякомъ, гдѣ красовалась надпись: „ванна и ватерклозетъ". „Однако, странное соединеніе"!—подумалъ я и прошелъ въ другую дверь, надпись надъ которой гласила, что тутъ „аптека".

Полки, стклянки, банки. Все какъ слѣдуетъ.

Молоденькій аптекарскій ученикъ посмотрѣлъ на меня и молча указалъ направо, гдѣ также была дверь, ведущая въ больничныя палаты.

Фельдшеръ Асафъ Ѳедоровичъ встрѣтилъ меня почему-то неодобрительно.

— Цто, голубцикъ, шъ шаражой, поди, пришелъ? И чортъ васъ знаетъ, какъ скоро успѣваете вы захворать! Совсѣмъ шлабый народъ ныньче!..

Тѣмъ не менѣе, мнѣ тотчасъ же предложено было отправиться въ ванну, вымыться тамъ и облечься въ больничное бѣлье...

Скучно потянулось время, да собственно и леченія никакого не производилось, хотя Асафъ Ѳедоровичъ ежедневно приходилъ

въ больницу въ 12 часовъ и ровно до трехъ дня ходилъ по палатѣ, разспрашивалъ больныхъ, писалъ имъ какіе-то рецепты и вообще „хлопоталъ“ и суетился необыкновенно.

— Шачѣмъ вы ложитесь уфъ больницу? Ну, и что̀ я могу подѣлать? Поѣзжай домой, гуляй на вождухѣ, пей молоко—вотъ и поправишься.

Самый, значитъ, обыкновенный эскулапъ. Я хорошо узналъ впослѣдствіи, что всѣ доктора даютъ подобные совѣты.

— Вы должны ѣхать въ Крымъ, зиму проживите въ Алжирѣ, гуляйте, не волнуйтесь, и я предсказываю, что къ веснѣ будете неузнаваемы.

Если при этомъ больной скажетъ, что онъ не имѣетъ средствъ не только на заграничный вояжъ, но даже и на покупку лекарствъ, то докторъ моментально приметъ оскорбленный видъ и отвѣтитъ:

— Это ужъ меня не касается! Мое дѣло—правильно поставить діагнозъ и дать совѣтъ, а заботиться о томъ, имѣются ли у васъ средства—дѣло уже не мое!..

И будетъ совершенно правъ, конечно.

Въ больницѣ лежало пять рабочихъ, всѣ съ самыми явными признаками отравленія: неестественно расширенные глаза, поблеклыя щеки, тяжелое, прерывистое дыханіе и общій упадокъ силъ.

Дня черезъ два я чувствовалъ уже себя значительно лучше и началъ бродить по палатѣ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что почти каждый вечеръ больницу посѣщалъ управляющій, спрашивалъ, не надо ли кому книгъ и т. д. Зато докторъ совершенно не бывалъ въ больницѣ,—по крайней мѣрѣ я, четыре раза лежавшій въ ней, ни разу его не видѣлъ.

— Асафъ Ѳедоровичъ, я жаловаться управляющему буду... что̀ это за пищія такая: молоко да каша! Тутъ и ноги протянуть съ такой пищіи можно...

— А у тебя, голубчикъ, есть въ городѣ родные кто?

— Знамо, есть. Жена въ куфаркахъ у господъ Вышневскихъ служитъ...

— Ну, вотъ и отлицно! Ты вели ей принести яицъ, мяса, я скажу, чтобы приготовили обѣдъ, и тогда кусай на здоровье; а больничныя правила не дозволяютъ готовить ничего, кромѣ бульону.

Противъ такихъ своеобразныхъ правилъ сказать что-либо трудно было, и приходилось волей-неволей подчиняться имъ.

Иногда нашъ фельдшеръ сердился, и тогда успокоить его уже не представлялось легкимъ.

— Скоты вы, ницего не понимаете: думаете, дешево хозяевамъ болѣзнь ваша стоитъ! Пороски, лекарства, микстуры разныя!.. И для какого чорта съ такимъ здоровьемъ поступать *къ намъ* на фабрику!.. Я, просто, измучился съ вами, а развѣ вы, скоты, понимаете!.. За тридцать рублей въ мѣсяцъ не могу же я цѣлые дни проводить здѣсь...

Рабочіе любили ворчуна и никогда серьезно къ нему не приступали.

Рядомъ съ моей койкой лежалъ больной рабочій Матвѣй, парень лѣтъ двадцати-восьми—тридцати. Съ этимъ горе было Асафу Θедоровичу.

— Послусай, Матвѣй, у тебя есть родные здѣсь?

— Ну, есть, а что̀ такое?

— Да ты, вотъ, жалуешься, что плохо кормятъ! Попроси своихъ родныхъ принести тебѣ...—начиналъ фельдшеръ, но Матвѣй злобно его прерывалъ:

— Ахъ ты... дворянинъ ерусалимской!.. издѣвается тоже! Да знаешь ли ты, что у родныхъ-то моихъ, можетъ, у самихъ жрать нечего, а?

— Ну, и поцему я могу знать это...

— То-то же, „поцему“! А „поцему“ ты говоришь, если не знаешь? И гдѣ это видано, чтобы больному, къ примѣру, человѣку яйца дозволялось ѣсть, али тамъ другую домашнюю пищу какую!..

— Тогда, хочешь, я выпишу тебя сегодня, а?

Матвѣю вовсе не хотѣлось этого, и онъ сразу спускалъ тонъ.

— Поѣзжай въ деревню, гуляй тамъ на чистомъ воздухѣ,— поправишься скоро.

— Нѣтъ, ужъ ты, Асафъ Θедоровичъ, не трошь пока меня! маненько полежу здѣсь—и полегчаетъ.

Больному, выходящему изъ больницы, Асафъ Θедорычъ любилъ читать мораль и давать совѣты.

— Я тебя, Степанъ, выпишу сегодня, ступай и позалуста не отравись опять. А то я больше порошковъ выписывать не стану,—дорого. Берегись на фабрикѣ...

— Буду теперь беречься, Асафъ Θедорычъ. Да только какъ вѣдь тутъ убережешь себя, коли они, бѣлила-то проклятыя, такъ и свербятъ носъ...

— А ты не дысы! ротъ закрой, а носомъ не дысы...—пресерьезно совѣтовалъ цѣлитель нашихъ недуговъ.

— Ты, дуракъ, то пойми: однѣ хлопоты съ вами и больше ничего. Васъ, скотовъ, берегутъ, лечатъ, а вы не понимаете.

Дня за два до ухода моего изъ больницы, такой же совѣтъ давалъ фельдшеръ и мнѣ.

— Вотъ, ты теперь выпишешься скоро. Ну, работай себѣ съ Богомъ, береги себя; если попадешь опять ко мнѣ, тебѣ тяжелѣе будетъ. Да развѣ можно съ такимъ дряннымъ желудкомъ, какъ твой, работать на фабрикѣ? Тебѣ лучше писаремъ гдѣ-нибудь служить, а не на фабрикѣ работать...

Хотя Асафъ Ѳедоровичъ и ссылался на дороговизну медикаментовъ, но едва ли они составляли особенно большую расходную статью въ заводской смѣтѣ. Больные, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, страдали отъ отравленія свинцомъ; противоядіе давалось одно: растворъ александрійскаго листа съ мятой и еще порошки изъ виннокаменной кислоты, соды или глауберовой соли, да на первыхъ порахъ клизмы и ванны.

Просто, по моему, фельдшеру надоѣло вѣчно возиться съ больными, и онъ воркотней отводилъ душу.

Я, какъ уже сказано выше, лежалъ въ больницѣ четыре раза и рѣшительно ничего новаго не замѣчалъ ни въ обращеніи съ больными, ни въ способахъ ихъ леченія.

Случалось многимъ лечиться и амбулаторно; тогда Асафъ Ѳедоровичъ давалъ микстуру охотно, но при этомъ обязательно требовалъ посуду приносить съ собою.

— Пороски дорогіе, принеси бутылку, я дамъ, а то убытокъ хозяевамъ будетъ...

V.

Рабочіе на свинцово-бѣлильномъ заводѣ были люди разныхъ профессій, положеній и возрастовъ. Многіе изъ нихъ до этого жили и работали, подобно мнѣ, всюду: на спичечныхъ фабрикахъ, на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ, въ нѣдрахъ рудниковъ, на костеобжигательныхъ заводахъ и т. д. Значитъ, люди не избалованные, не бѣлоручки, видавшіе всякіе виды, и тѣмъ не менѣе всѣ они отзывались, что прежнія профессіи и условія работъ много легче.

— Тамъ хочь и тяжело, а тольки такой заразы нѣту! Здѣсь, прямо надо говорить, каторга!..

Конечно, при первомъ же удобномъ случаѣ, отъ насъ уходили, и потому смѣна рабочихъ была постоянная; люди мѣнялись точно въ калейдоскопѣ, такъ что сдружаться съ кѣмъ-либо или сойтись болѣе или менѣе близко—мнѣ не привелось.

Я очень удивился однажды, узнавъ, что на нашемъ заводѣ

имѣется библіотека. Само собою разумѣется, тотчасъ же пожелалъ воспользоваться книгами, но меня ждало сильное разочарованіе.

— Лука Степанычъ, позвольте мнѣ записку на библіотеку,— хочу попросить книжекъ!

Мастеръ посмотрѣлъ на меня весьма неодобрительно, но записку все-таки далъ. Съ нею я пошелъ къ управляющему, котораго видѣть въ тотъ день не удалось, и только на другой день, предварительно подвергшись подробному допросу, я получилъ ярлыкъ, съ которымъ и отправился въ контору; но мытарства этимъ не кончились: съ ярлыкомъ снова надо было идти къ управляющему, потомъ къ мастеру...

Если бы не настойчивость моя, то ни за что не сталъ бы домогаться книгъ, но увѣренъ, что другіе рабочіе едва ли когда пользовались услугами нашей библіотеки. А между тѣмъ, какое хорошее дѣло гибло отъ излишней формальности и непониманія наслѣдниками купца Саломатова пользы подобныхъ библіотекъ!

Да и одни ли Саломатовы тутъ виноваты! Я работалъ на богатѣйшихъ золотыхъ промыслахъ, гдѣ полупудовые самородки „благороднаго“ металла попадались чаще, чѣмъ книга. Очевидно, послѣдняя долго еще не будетъ достояніемъ русскаго рабочаго, и не скоро настанетъ время, когда, по словамъ поэта, этотъ рабочій—

„Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ“...

Конечно, слово „базаръ“ надо въ данномъ случаѣ замѣнить словомъ „заводъ“...

Для перваго раза я нарочно выбралъ „Вечера на хуторѣ“ Н. В. Гоголя и читалъ ихъ вслухъ рабочимъ. О, если бы можно передать, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ слушали меня!.. Тутъ, кажется, впервые я не выдержалъ характера и проговорился. Собственно, рабочіе и ранѣе подозрѣвали во мнѣ „барина“, а тутъ, когда имъ пришлось подолгу объяснять прочитанное, я невольно увлекался и окончательно выдалъ себя.

Это было уже почти передъ самымъ уходомъ моимъ съ фабрики, и потому лишенъ возможности сказать, какъ стали бы относиться рабочіе къ „барину-бѣлоручкѣ“, хотя рѣшительно никогда я бѣлоручкой не былъ.

— И какъ это славно ты, Лександрычъ, растолковалъ все!..— полузадумчиво, полугрустно сказалъ одинъ изъ рабочихъ.

— Знамо, онъ ученый! знаетъ все, и што, и какъ, и почему, не то что мы, слѣпые люди...

Послѣ четвертаго выхода изъ больницы мое дальнѣйшее пребываніе на свинцово-бѣлильномъ заводѣ сдѣлалось положительно невозможнымъ: организмъ пропитался ядомъ, и я чувствовалъ себя отвратительно.

Однажды я категорически заявилъ мастеру о своемъ уходѣ, получилъ разсчетную книжку и отправился въ контору.

Роскошная лѣстница съ неменѣе роскошными коврами привела меня во второй этажъ громаднаго дома „наслѣдниковъ купца Саломатова“. Вотъ я отворяю массивную бѣлую дверь. Блестящія стѣны, блестящій полъ и блестящій потолокъ... даже глазамъ сдѣлалось больно отъ этого блеска.

Какая поразительная разница съ моей „камерой № 8“, гдѣ я работалъ! Открытыя окна, усовершенствованные вентиляторы, чистый, здоровый, несущійся съ рѣки, воздухъ, гнутая вѣнская и мягкая мебель... какіе-то служащіе... нѣтъ, это не служащіе, а „господа“ въ блестящихъ отъ бѣлизны манжетахъ, съ массивными золотыми цѣпочками на жирныхъ животахъ, въ золотыхъ очкахъ... радостный смѣхъ, сытый такой, ровный, приличный, и довольство, довольство всѣмъ... судьбой, —

„...своимъ обѣдомъ и женой“..

Контрастъ даже поразилъ меня, и я очень былъ доволенъ, когда какой-то господинъ мягкимъ баритономъ сказалъ всего только одно коротенькое слово:

— Подожди!..

Я вышелъ въ переднюю, прислонился къ косяку двери и задумался, или, вѣрнѣе сказать, погрузился въ математическія соображенія и вычисленія, несомнѣнно подъ впечатлѣніемъ только-что видѣннаго контраста.

Цифры такъ и летаютъ въ моей головѣ цѣлыми вереницами...

Если—думалось мнѣ—считать все на средній конецъ, то получатся слѣдующія выкладки: на заводѣ четыре отдѣленія... каждое отдѣленіе выпуститъ въ мѣсяцъ восемь камеръ чистыхъ бѣлилъ, т.-е. 1.440 пудовъ, расходуя на это 1.200 пудовъ свинца; всѣ четыре отдѣленія выпустятъ въ мѣсяцъ 6.000 пудовъ, а такъ какъ бѣлила обыкновенно продаются по 4 руб. за пудъ, то, вычитая стоимость свинца по 1 р. 50 к. за пудъ, въ остаткѣ получается 16.500 руб. въ одинъ мѣсяцъ, а если въ годъ... гм!.. Правда, надо вычесть и расходы на выдачу жалованья рабочимъ, администраціи, сторожамъ, на непредвидимые расходы и т. д. Но какъ я ни старался мысленно припомнить всѣ, даже мельчайшіе расходы, все-таки остатокъ чистаго барыша достигалъ колоссальной цифры...

Взрывъ веселаго хохота заставилъ меня очнуться, и я въ смущеніи поднялъ голову.

— Нà, получи 2 руб. 57 коп. и роспишись, если грамотный, въ книжкѣ!..

Машинально взялъ я деньги, росписался, гдѣ указали, и такъ же машинально вышелъ на улицу...

Съ рѣки доносится унылая пѣсня, въ звуковой волнѣ которой слышится мнѣ что-то знакомое, родное и въ то же время загадочное, нерѣшенное.

Мнѣ кажется, что *это* съ давнихъ уже поръ сидитъ у меня въ мысляхъ, и я давно напрасно стараюсь разгадать, но не могу...

Чтò же такое вообще русскій рабочій и, въ частности, „бѣльщикъ"?..

А! да уже не этотъ ли вопросъ я и ношу неразрѣшеннымъ въ своей головѣ... Любопытно!.. Надо, въ самомъ дѣлѣ, серьезно подумать, чтò такое есть рабочій свинцово-бѣлильнаго завода?..

Въ эту минуту я обгоняю двухъ молодыхъ женщинъ, горячо о чемъ-то разговаривающихъ между собою...

— И куда его, дьявола, занесло, не пойму...

— А въ кабакѣ у Васьки Летемина была?

— Была, и тамъ нѣту-ти!.. Да *мой* и не пойдетъ къ Летемину,—*мой* все больше коло дѣвокъ околачивается, а вѣдь у Летемина чтò?—водка одна и никакого протчаго антиресу нѣту; у него, у Васьки-то, только жулики—зимогоры да рабочіе съ бѣльной фабрики и бьются... этимъ, знамо, одна дорога—въ кабакъ...

Такъ вотъ кто есть рабочіе свинцово-бѣлильнаго завода!..—Пожалуй, тетка говоритъ правду, только... только почему же это: одна дорога—кабакъ?!.

Одно съ увѣренностью знаю: рабочіе отлично могутъ обходиться безъ водки. Дайте имъ возможность проводить досугъ разумно—и вы увидите, что водка отнюдь не является потребностью органической...

Мнѣ извѣстенъ изъ моей практики случай, что русскій рабочій способенъ на высокіе подвиги, а не то чтобы на такой, какъ оставить пить водку. Это—пустякъ совершенный!

Пьетъ потому, что пьется. Но можетъ и не пить совсѣмъ...

Н. А. Горный.

ПЕРЕПУТЬЕ

ПОВѢСТЬ.

I.

Іюньскій закатъ крылъ пурпуромъ кусты жасмина и сирени въ палисадникѣ деревяннаго оштукатуреннаго домика на Пескахъ, западалъ неровнымъ отблескомъ въ комнату, озаряя въ ней сдвинутую къ одной стѣнѣ мебель въ чехлахъ, обернутую газетною бумагой лампу надъ круглымъ столомъ, какіе-то узлы и корзины на полу...

Хозяинъ, Иванъ Петровичъ Каргановъ, хлопоталъ у стола, на которомъ располагались: пачка полунабитыхъ папиросъ, графинчикъ съ водкой, сковородка съ остатками яичницы.

Онъ приготовлялъ чай на спиртовой лампочкѣ.

Пожилой, небольшого роста блондинъ въ аккуратно сидѣвшей сѣренькой коломянковой парѣ и съ привычнымъ выраженіемъ привѣтливости на полномъ, бритомъ лицѣ, Каргановъ дѣйствовалъ методично, выказывая навыкъ, и въ то же время говорилъ, обращаясь къ стоявшему у окна молодому офицеру въ кителѣ:

— ...Вѣдь на дачѣ теперь — рай, особенно въ Финляндіи! Воздухъ горный, поэтическіе виды!.. Мнѣ неподалеку отъ Малой-Иматры прекрасный особнячокъ попался: въ полѣ почти, лѣсъ подъ бокомъ... А для тебя, какъ нарочно, отдѣльный домикъ есть на дворѣ—въ зелени весь, игрушка чистая! Хозяйскій сынъ жилъ въ немъ...

Только-что получивъ отпускъ въ департаментѣ, Каргановъ собрался выѣхать на дачу, къ женѣ, но былъ захваченъ при-

бытіемъ нежданнаго гостя, Модеста Григорьевича Вонлярскаго—сына сестры, служившаго въ полку, квартировавшемъ въ одномъ изъ новгородскихъ захолустьевъ.

Знакомый съ племянникомъ раньше лишь по письмамъ, Каргановъ обрадовался встрѣчѣ, а вглядѣвшись въ совсѣмъ еще юнаго, благовоспитаннаго родственника, расположился къ нему и пригласилъ его погостить на дачѣ.

Вонлярскому приглашеніе это оказывалось даже кстати: въ невиданный имъ еще Петербургъ онъ заглянулъ на перепутьи—въ ожиданіи, пока состоится переводъ въ другой полкъ, и времени имѣлъ достаточно.

— Почему вздумалось тебѣ полкъ мѣнять?—спросилъ Каргановъ, заваривъ чай и накрывъ чайникъ салфеточкой.

Вонлярскій повернулся и остановилъ взглядъ на дядѣ.

Блѣднолицый брюнетъ, стройный, съ прекраснымъ высокимъ лбомъ и открытымъ взглядомъ ясныхъ карихъ глазъ, онъ имѣлъ привычку держаться очень прямо, что̀ придавало его осанкѣ какъ бы горделивость.

— Не посчастливилось мнѣ ни въ обществѣ нашемъ, ни въ средѣ товарищей...—заговорилъ онъ, покручивая усики, опушавшіе энергично-изогнутую пунцовую губу, и вспыхивая какъ дѣвушка. — Въ добавокъ... корпусное воспитаніе оставило пробѣлы какіе-то... пришлось столкнуться съ массой неожиданнаго... Я не могу, напримѣръ, успокоиться на томъ, что долгъ — исполнять только приказанное тебѣ. Я хочу *понимать* долгъ, чтобъ слиться съ нимъ совѣстью!.. И почему долгъ—непремѣнно исключительность, тягота, а не обычное, присущее каждому свойство?...

— Въ другомъ полку, ты думаешь, неожиданностей этихъ не встрѣтится? — перебилъ Каргановъ, вытирая стаканы полотенцемъ.

— Не знаю... увижу...

Онъ снова вернулся къ окну и устремилъ безцѣльно взглядъ на верхушку отцвѣтавшаго сиреневаго куста въ палисадникѣ.

Каргановъ искоса поглядѣлъ на племянника, поглаживая задумчиво свою, достаточно полысѣвшую, коротко-остриженную голову.

— Перемелется, мука будетъ! — сказалъ онъ утѣшительно.

— Хлипки вы очень, не выносливы! — заговорилъ онъ опять, послѣ нѣкотораго молчанія.—Мы въ наше время не охали! Мы, братъ, боролись, вплотную сцѣплялись съ жизнью-то!.. Если ты—одинокій, пристроенный человѣкъ—кручинишься, дороги себѣ не видишь, то посуди—каково мнѣ было, когда я ни съ чѣмъ

послѣ родителя остался и долженъ былъ еще сестеръ содержать и курсъ въ университетѣ оканчивать!.. Разсуждать надо такъ: родился человѣкъ, ну, значитъ, и проживетъ! Вотъ, будемъ на дачѣ, съ теткой поговори объ этомъ: она жила, знаетъ жизнь-то!

II.

За чаемъ, продолжая подбадривать юношу, Каргановъ не поскупился на подходящія иллюстраціи къ своему храброму сцѣпленію съ жизнью; не упомянулъ только — чѣмъ кончилось оно...

Оставшись ни съ чѣмъ послѣ отца, вѣчнаго смотрителя уѣзднаго училища въ средней Россіи (мать умерла много раньше), Иванъ Каргановъ, правда, сцѣпился съ жизнью не на шутку. Окрыленный державшимися еще вѣяніями шестидесятыхъ годовъ, онъ не убоялся ни труда, ни лишеній, замѣнилъ сестрамъ — Маргаритѣ и Натальѣ — отца, взялъ ихъ къ себѣ, въ Петербургъ, успѣшно окончилъ курсъ кандидатомъ-естественникомъ. Но въ дальнѣйшемъ борьба оказалась неравною... Обычные въ то время великіе порывы, стремленіе къ благимъ, высокимъ цѣлямъ пришлось отложить и ухватиться за мѣсто въ департаментѣ — чтобы не бросить и прокормить сестеръ.

Затѣмъ — чѣмъ дальше, тѣмъ больше — завязавшійся узелъ сталъ затягиваться, порывы — глохнуть, цѣли — тускнѣть и отдаляться... Одно время мелькнула-было надежда выйти въ начальники отдѣленія, но тутъ „обскакалъ“ сотоварищъ — вращавшійся въ свѣтѣ, говорившій по-французски. Въ подведенномъ итогѣ оказались, какъ все и навсегда: мѣсто столоначальника съ чиномъ статскаго совѣтника да заложенный въ банкѣ домикъ на Пескахъ.

Еще суровѣе поступила судьба съ сестрами.

Старшая — Маргарита — примкнула къ женскому движенію, отдалась наукамъ, выказавъ дарованія по математикѣ, но, замѣшанная въ одну изъ непріятныхъ „исторій“ и сосланная въ Сибирь, кончила самоубійствомъ.

Младшая — Наталья — красавица восточнаго типа, обладавшая живымъ, блестящимъ умомъ и дивнымъ контральто, начала свою жизнь счастливымъ замужествомъ. На одномъ изъ студенческихъ благотворительныхъ вечеровъ, гдѣ участвовала она какъ пѣвица, случай столкнулъ ее съ петербургскимъ львомъ, гвардейцемъ Григоріемъ Адамовичемъ Вонлярскимъ, попавшимъ на вечеръ

со своимъ родственникомъ-студентомъ. Выдающійся, прекрасно образованный офицеръ, изъ числа тогдашнихъ новыхъ людей, шедшій — хотя и по паркету — также впередъ, боровшійся съ рутиной, не дорожившій сословными перегородками,—Вонлярскій далъ волю чувствамъ и встрѣтилъ взаимность. Романъ окончился свадьбой, вопреки грозному запрету отца Вонлярскаго—боевого генерала Николаевскихъ временъ.

Но счастье оказалось лишь преддверіемъ къ бѣдамъ. Въ Италіи, куда отправились молодые супруги и гдѣ Вонлярская разсчитывала совершенствоваться въ пѣніи, ихъ настигла гроза: генералъ Вонлярскій, жившій широко, не признававшій никакой новизны порядковъ и продолжавшій оставаться на дореформенной высотѣ безпечнаго, повелѣвающаго барства, умеръ, оставивъ сыну—какъ бы въ отместку за его своевольную mésalliance—лишь заложенныя-перезаложенныя помѣстья да кучу неоплатныхъ долговъ...

Упавъ такъ неожиданно съ высоты, молодой Вонлярскій растерялся, очутился на шагъ отъ нравственной гибели... Спасли его только любовь и умъ жены, уже знавшей черные дни и не побоявшейся ихъ теперь.

Опомнившійся, вправившійся въ колею, Вонлярскій ступилъ на новую дорогу и началъ жизнь съ азбуки. Добившись мѣста станового пристава и ставъ затѣмъ исправникомъ въ одномъ изъ приволжскихъ городковъ, онъ весь отдался сложившейся въ немъ идеѣ — что „честный человѣкъ полезнѣе всего тамъ, гдѣ честность въ загонѣ“...

Благоденствовать исправнику съ подобными взглядами было, разумѣется, трудно, и Вонлярскій перебивался лишь благодаря возможности пристраивать подроставшихъ дѣтей въ учебныя заведенія на казенный счетъ.

III.

Спустя два дня, ушедшихъ на осмотръ Петербурга, дядя и племянникъ мчались по рельсамъ невзыскательной, но пріятной и хозяйственной финляндской дороги.

Каргановъ, въ новенькой гороховой парѣ, мягкой пуховой шляпѣ и гладко-выбритый, казался значительно помолодѣвшимъ и походилъ всею своею благообразною фигуркой скорѣе на вояжирующаго капиталиста, чѣмъ на департаментскаго труженика.

Вонлярскій, напротивъ, — въ шинели, обвисшей широкими складками поверхъ кителя, и въ фуражкѣ съ большимъ, фор-

менно-оттопыреннымъ козырькомъ, — выглядѣлъ много старше своихъ лѣтъ и совсѣмъ не имѣлъ должнаго офицерскаго „шика". Дядѣ, по его требованію, говорилъ онъ „ты", но соединялъ это какъ бы съ сыновнею почтительностью.

Словоохотливо посвящая племянника во всякія свои обстоятельства, Каргановъ упомянулъ не безъ грусти, что не имѣетъ дорогого подъ старость утѣшенія — дѣтей; что тетка страдаетъ нервическими головными болями, почему и дачу принужденъ онъ нанимать въ деревенской тиши; что доктора совѣтуютъ даже заграничную поѣздку, вòды... но — quod licet Iovi...

Отъ желѣзнодорожной станціи надо было проѣхать верстъ десять на лошадяхъ.

Прозрачныя сумерки надвигались уже сквозь догоравшій закатъ и ложились тѣни по склонамъ горъ, набрасывая мягкій, таинственный колоритъ на унылую прелесть финской природы. Пара маленькихъ, сытыхъ чухонскихъ лошадокъ бойко помчала ямской тарантасикъ по узенькому, гладенькому шоссе, разливая въ воздухѣ негромкій, музыкальный звонъ подобранными въ тонъ бубенчиками. Замелькали скромныя крестьянскія хижины съ цвѣтами и кисейными занавѣсками за чисто-промытыми стеклами оконъ; квадратики „компостовъ" на дворахъ; саженные клочки точно бархатныхъ полей среди необъятныхъ глыбъ гранита, отвоеванные трудомъ и гражданственностью у скупой, суровой природы; мужчины, дѣлающіе „книксенъ"; чухонки-офени съ плетеными корзинами, торгующія по деревнямъ произведеніями печати...

Въ воздухѣ, неуловимыми, гармоническими переливами, витали какіе-то странные, смѣшанные звуки—точно звонъ и голоса въ заоблачной выси...

— Слышишь, дядя? Чтò это? — спросилъ Вонлярскій, прислушиваясь.

— Малая-Иматра шумитъ. По вѣтру далеко ее слышно!— отвѣтилъ Каргановъ.

Перескочивъ черезъ два-три коротенькихъ и горбатыхъ мостика надъ бурлившими подъ ними пѣнистыми горными ручейками, тарантасикъ свернулъ съ шоссе, обогнулъ хмурый лѣсистый кряжъ, съ гребнями вѣковыхъ сосенъ и елей на вершинѣ, и мягко покатилъ едва наѣзженною дорогой по ровному, уже росистому лугу. Ямщикъ—мальчикъ лѣтъ двѣнадцати—повернулъ къ сѣдокамъ свое сѣрое, безбровое лицо, обрамленное прямыми, бѣлыми какъ ленъ волосами, и залопоталъ что-то, указывая на виднѣвшееся сквозь полусумракъ строеніе:

— Да, да, *синнэ* (туда)! — щегольнулъ финскимъ словцомъ догадавшійся Каргановъ.

IV.

Тарантасикъ остановился у живой подстриженной изгороди изъ боярышника, окружавшей каменный приземистый флигель съ рѣзнымъ навѣсомъ крыльца и съ кудрявыми деревьями предъ фасадомъ.

Повозившись надъ довольно хитро приложеннымъ засовомъ рѣшетчатой калитки, Каргановъ отперъ ее и провелъ гостя чрезъ небольшія темныя сѣни въ переднюю флигеля. Тамъ встрѣтила ихъ выбѣжавшая со свѣчою въ рукѣ горничная изъ обрусѣвшихъ чухонокъ.

— Гдѣ барыня, Мина?—спросилъ Каргановъ, вступивъ въ неосвѣщенную просторную залу.

— Сейчасъ-съ, —отвѣтила та неопредѣленно и кинулась въ сосѣднюю комнату, поставивъ свѣчу на піанино.

На порогѣ столкнулась съ нею стройная, высокаго роста дама въ легкомъ „китайскомъ" капотѣ и съ повязаннымъ концами назадъ алымъ шолковымъ платкомъ на головѣ, изъ-подъ котораго выбивались подобранныя нàскоро пряди густыхъ темныхъ волосъ.

Вонлярскому, среди заманчивой неясности освѣщенія, она представилась образцомъ чисто картинной прелести.

— Здравствуй!—сказала она, приближаясь плавною походкой къ Карганову, и подставила ему щеку для поцѣлуя.

— Вотъ, Анна Васильевна, онъ самый! Люби и жалуй!—воскликнулъ Каргановъ, рекомендуя племянника.—Ты получила мое письмо?

— Всего часъ тому назадъ!

Вонлярскій поклонился съ чинною серьезностью, даже каблуки сдвинулъ форменно. Тетка остановила на немъ ласковый взглядъ большихъ, какъ бы отуманенныхъ глазъ и подала ему руку.

— Вели на столъ накрывать, а мы въ домикъ сбѣгаемъ!—распорядился Каргановъ.—Тамъ готово?

— Все, все! Мина только-что оттуда.

Домикъ находился въ заднемъ концѣ двора и къ нему вела протоптанная въ высокой травѣ дорожка. Его узенькое готическое окно, осѣненное молодою березкой, ярко свѣтилось въ темнотѣ.

Имѣвшій всего одну комнату и крохотную переднюю, убран-

ный внутри съ пріятною сельскою простотой, онъ очень понравился Вонлярскому.

— Все у этихъ „печальныхъ пасынковъ природы" такъ ладненько да складненько, что хоть бы и развеселымъ роднымъ дѣтямъ!..—заговорилъ Каргановъ.—Какъ ни донимаетъ ихъ мачиха, а они и въ усъ не дуютъ!.. Хозяинъ всего-то *манъ-вильелія* —земледѣлецъ, то-есть мужикъ, по нашему, и вонъ какими удобствами окружился!.. Піанино потребовалось настроить—тутъ же, въ поселкѣ, артистъ выискался...

Рѣчь прервала появившаяся Мина: она просунула голову въ дверь и доложила, что барыня проситъ Карганова во флигель.

Онъ выбѣжалъ, крикнувъ племяннику, что сейчасъ вернется.

Вонлярскій присѣлъ по полковой привычкѣ на кровать, оглядывая оригинальныя—выбѣленныя и расписанныя по трафарету стѣны комнаты, литографированныя патріотическія картинки на нихъ, букеты восковыхъ цвѣтовъ на пузатомъ комодѣ корельской березы, покрытомъ вязаною салфеткой... Въ мысляхъ была у него тетка, и онъ какъ бы удивлялся, что у дяди такая молодая, красивая жена... — „А дядя говорилъ, что она жила, знаетъ жизнь!"—вспомнилось ему.

Каргановъ вернулся съ Миной, несшей подносъ, уставленный тарелками.

— Тетка, оказывается, ванну какъ разъ предъ нашимъ пріѣздомъ взяла и уже на покой отправляется,—сообщилъ онъ.— Давай здѣсь, по походному, закусимъ!

V.

Проснувшись на новомъ мѣстѣ раньше обыкновеннаго, Вонлярскій поднялъ старенькую зеленую шторку и отворилъ окно: солнце выплыло уже на горизонтъ; темнѣвшія въ отдаленіи невысокія горы окутывалъ легкій лиловатый туманъ—предвѣстникъ жаркаго дня; гдѣ-то—казалось, въ самомъ зенитѣ блѣдныхъ небесъ, звенѣли трели жаворонковъ.

Онъ одѣлся и вышелъ, охватываемый пріятнымъ чувствомъ бодрости.

Свѣже-росистое утро едва загоралось, алѣя румянцемъ въ мягкой бѣлизнѣ воздуха. Флигель еще безмолвствовалъ, но за изгородью закипала уже жизнь: копошились тамъ и сямъ заботливые финны, принимаясь за свой неспѣшный, кропотливый трудъ; мычали выпущенные телята; гоготали выступавшіе въ перевалку крупные, породистые гуси, направляясь къ водѣ...

Вонлярскій прошелъ за ближайшій изъ ручьевъ, на которые распадаются низовья Валлинкоски, или такъ называемой Малой-Иматры. Въ поселкѣ, занимавшемъ уютную зеленую лощинку близъ ручья, онъ побродилъ между разбросанными неправильно домиками, присматриваясь къ новой для него и любопытной финской деревнѣ, отвѣчая на привѣтливые поклоны обитателей, пившихъ свой утренній кофе на вольномъ воздухѣ—подъ низкорослыми кудрявыми яблонями, за подобіемъ трельяжей изъ фасоли. За поселкомъ заинтересовали его: длинное кирпичное зданіе кирки съ расписными стеклами въ узкихъ высокихъ окнахъ, красивое какъ цвѣтникъ кладбище, съ темно-красными, закругленными сверху досками вмѣсто крестовъ.

Изъ-за прибрежной густой гряды камыша донеслись до него радостные взвизги купавшихся школьниковъ. Онъ повернулъ туда, раздѣлся и кинулся въ быстрыя, зеленоватыя волны неглубокаго ручья.

На обратномъ пути встрѣтилась на шоссе кучка дѣтей, продававшихъ прохожимъ и проѣзжимъ берестовые кузовки своего издѣлія, изящныя воздушныя коробочки изъ липовыхъ стружекъ. Они обступили и Вонлярскаго, протягивая къ нему маленькими загорѣлыми руками каждый свое, выкрикивая что-то по-фински. Одинъ бѣлобрысый малышъ, не наторѣвшій еще въ работѣ, но понимавшій уже, что деньги даромъ не даются, сорвалъ тутъ же, на краю дороги, крупную розовую маргаритку и втиснулся съ нею въ рядъ продавцовъ. Это и насмѣшило, и тронуло Вонлярскаго. Онъ предпочелъ всѣмъ товарамъ маргаритку и вручилъ за нее мальчику цѣлыхъ десять пенни.

Начавшійся день сіялъ и сверкалъ, когда онъ вернулся.

У калитки стоялъ Каргановъ, въ широкополой соломенной шляпѣ и парусинномъ вестончикѣ нараспашку, втолковывая что-то чухонкѣ-молочницѣ.

— Вотъ это такъ, по дачному!—похвалилъ онъ племянника, узнавъ, что тотъ успѣлъ уже нагуляться и выкупаться. Идемъ теперь чай пить!

Въ залѣ, напоминавшей своимъ простымъ убранствомъ, выбѣленными стѣнами, узенькими зеркалами въ темныхъ рамахъ что-то какъ бы пуританское, кипѣлъ уже самоваръ. За нимъ хозяйничала Анна Васильевна. Теперь на ней было темное кашмировое платье, а вмѣсто всякихъ украшеній—цвѣтокъ бѣлой гвоздики въ гладко-причесанныхъ волосахъ.

Она встрѣтила Вонлярскаго просто и привѣтливо, какъ родного. Къ этому, Кургановъ при первомъ же ихъ „вы“ замахалъ

руками, обвинилъ жену и племянника въ профанированіи родственныхъ узъ и рѣшительно запретилъ имъ говорить на „вы“.

— Ну, вотъ, *пей* Bruderschaft!—сказала шутливо Анна Васильевна, подавая племяннику стаканъ чая.

Вонлярскій, замѣтно конфузившійся, пытался сперва обходить мѣстоименіе, обращаясь къ теткѣ, но затѣмъ пріобыкъ.

Взглядывая на тетку, онъ невольно любовался ею, какъ и наканунѣ. На видъ ей можно было дать лѣтъ тридцать, но ея матовое, классически-правильное лицо съ тонкою чистою кожей дышало совсѣмъ дѣвическою прелестью; взглядъ мечтательныхъ темно-синихъ глазъ былъ притягательно-ласковъ и глубокъ; что-то необыкновенно-милое сквозило въ улыбкѣ, въ движеніи мягкоочерченныхъ губъ. Портилъ нѣсколько гармонію лишь оттѣнокъ какъ бы излишней, неженственной строгости, запавшій въ черты...

Замѣтилъ Вонлярскій и еще одно, что видѣлъ постоянно въ отцѣ: отпечатокъ свѣтскости—естественной, свободной, отличавшей каждое движеніе, каждый жестъ, при всей непринужденности ихъ.

Когда разговоръ коснулся перемѣны полка, Вонлярскій заволновался; въ кроткихъ карихъ глазахъ его засвѣтилось что-то стойкое, непреклонное. Онъ желчно сталъ обвинять общество городка, полковыхъ товарищей...

— Я понимаю, что ладить со всѣмъ этимъ... не легко!—прервала его Анна Васильевна.—Но во многомъ и ты виноватъ...

— Чѣмъ, тетя?

— Надо относиться проще, спокойнѣе... Иначе и тамъ, куда переводишься ты, выйдетъ то же самое...

— Тогда нѣтъ исхода...

— Почему?.. Дрянные людишки—мусоръ, по твоему выраженію,—господствуютъ въ обществѣ, ну... ты и смотри на нихъ какъ на мусоръ... будь выше, достойнѣе ихъ... Среда товарищей разочаровываетъ тебя—уйди въ свой собственный міръ... читай, думай... Рости въ одиночку, если нельзя вмѣстѣ!

— Но вѣдь это эгоизмъ, тетя...—промолвилъ Вонлярскій, подавляя въ себѣ видимую внутреннюю муку.

— Несовсѣмъ...—отвѣтила, подумавъ, Анна Васильевна.—А если и эгоизмъ, но здоровый, не вредящій другимъ, то что жъ тутъ дурного? Такой эгоистъ неизбѣжно общему же благу служитъ, нравственною силой является...

Вонлярскій опустилъ задумчиво голову.

— Но какъ же такъ жить, тетя,—разсудкомъ исключительно, холоднымъ, хотя и добрымъ разсчетомъ?—заговорилъ

онъ потомъ, дрогнувшимъ голосомъ.—Надо еще наполнить душу, согрѣть сердце...

Анна Васильевна точно не слышала и низко опустила голову, отхлебывая изъ чашки.

Каргановъ, читавшій газету, взглянулъ чрезъ пенснэ на племянника и сказалъ, встрѣтивъ его печальный взглядъ:

— Духомъ-то зачѣмъ падать? Ты офицеръ, будь храбръ!

— Это дѣйствительно,—согласился Вонлярскій.—Въ наше время храбрость—смотрѣть въ глаза жизни, а не смерти...

Оттѣнокъ строгости въ чертахъ Анны Васильевны обозначился замѣтнѣе; рука, свертывавшая полотенце, дрогнула...

Каргановъ положилъ газету, снялъ пенснэ и заговорилъ, постукивая имъ по столу:

— У всѣхъ у васъ, нынѣшнихъ, манера стремиться въ туманное, въ мистицизмъ! Мы интересовались жизнью, общественными вопросами, выдвигали реализмъ, соціализмъ, естественныя науки... словомъ, имѣли цѣлью ясное и опредѣленное!.. У васъ—метафизика на сценѣ, фатальный марксизмъ... въ литературѣ—психологическіе фокусы вмѣсто идей, въ художествѣ—символическія птицы какія-то да черти... Жизнь-то тамъ гдѣ-то, за кулисами, остается! Отъ ея толчковъ всякій увернуться хочетъ, а потому и съ лаской не сталкивается... Отсюда въ васъ—унынiе, пессимизмъ, исканіе опоры въ туманныхъ отвлеченностяхъ...

Анна Васильевна встала, бросила на себя мимоходомъ взглядъ въ узенькое зеркало и сказала, остановившись между мужемъ и племянникомъ:

— Какъ же мы распредѣлимъ день?

Это перевело разговоръ на дачныя удовольствія. Каргановъ сталъ проектировать ловлю форелей въ ручьѣ, „походъ“ за грибами, поѣздку съ самоваромъ и провизіей въ поле—смотрѣть на работы, слушать финскія пѣсни...

VI.

Жизнь на дачѣ приняла, подъ стать непритязательной простотѣ окружающаго, характеръ счастливой идиллической несложности, когда люди проводятъ время „обнявшись съ природой“.

Прогулки, собираніе ягодъ, грибовъ, чаепитіе на лужайкѣ предъ флигелемъ—чередовались съ поѣздками на сосѣднее красивое озеро Ратти-Ярви, съ путешествіями на хмурый лѣсистый кряжъ, который огибала дорога къ дачѣ, бывшій мѣстною при-

мѣчательностью и славившійся таинственными пещерами—предметомъ одного изъ безчисленныхъ финскихъ преданій.

Каргановъ, знавшій обыкновенно „путешествія“ лишь отъ департаментскаго стола къ шкафу съ дѣлами, отдался на первыхъ порахъ ретиво дачнымъ удовольствіямъ, но скоро остылъ. Дальнія прогулки, подъемы на горы онъ сталъ называть „паломничествомъ“, сталъ вообще предпочитать—особенно послѣ какого-нибудь любимаго блюда за завтракомъ—спокойное farniente съ газетой и сигарой у окна или подъ яблонями на лужайкѣ.

Тогда Анна Васильевна и Вонлярскій отправлялись одни.

Любимымъ мѣстомъ ихъ сталъ утесъ на вершинѣ хмураго лѣсистаго кряжа. Оттуда открывался видъ на горы, лѣса, озера, съ сверкавшими, переплетавшимися ручьями Валлинкоски на первомъ планѣ и дачей Каргановыхъ, виднѣвшейся на зеленомъ лужкѣ, точно на блюдечкѣ. Неподалеку отъ таинственныхъ пещеръ, заросшихъ кустами орѣшника и жимолости, была, на самомъ обрывѣ утеса, скамья подъ соснами. На ней проводили они цѣлые часы—читая, споря, бесѣдуя, любуясь панорамой, или молча отдаваясь каждый своимъ мыслямъ, не отрывая взгляда отъ переливовъ свѣта и тѣней надъ порогами далекой Вуоксы, гдѣ радужные столбы водной пыли у туманнаго пригорка означали Иматру съ ея немолчнымъ водопадомъ.

На Вонлярскаго этотъ образъ жизни подѣйствовалъ совсѣмъ возрождающе. Онъ окрѣпъ, повеселѣлъ, нервность утихла въ немъ, блѣдное лицо его покрылось здоровымъ загаромъ. Къ теткѣ онъ привязался всею полнотой родственныхъ чувствъ, сознавая, что и она отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Оставаясь одинъ у себя въ домикѣ, онъ ощущалъ какъ бы неполноту существованія, не зная, чѣмъ занять себя, ожидая инстинктивно чего-то... Когда на дорожкѣ показывалась стройная фигура Анны Васильевны, съ бѣлымъ кружевнымъ зонтикомъ на плечѣ, и раздавался ея голосъ:—„Модестъ!“—онъ точно оживалъ и спѣшилъ къ ней, чтобъ идти гулять или сопутствовать ей въ хозяйственныхъ коммиссіяхъ...

Но и при такой близости Вонлярскій все-таки сознавалъ, что онъ какъ бы не вполнѣ понимаетъ тетку. Одѣтая всегда скромно и въ темное, спокойно-прекрасная, сдержанная, она представлялась ему не женщиной, а дивнымъ, безстрастнымъ изваяніемъ; не женой дяди, а богиней, снисшедшей осчастливить смертнаго, но лично далекой отъ людскихъ порывовъ и влеченій...

Иногда, въ минуты задумчивости тетки, онъ улавливалъ въ ея меркнувшихъ темно-синихъ глазахъ выраженіе чего-то трогательнаго, глубоко-горестнаго... И это выраженіе долго потомъ чудилось ему...

VII.

Въ одно изъ воскресеній устроилась partie de plaisir на Иматру, обѣдать.

Вагонъ былъ переполненъ. Весело, по праздничному, смотрѣли гладко-выбритые, подгулявшіе чухонцы; оживленно бесѣдовали на мягкомъ, звучномъ финскомъ языкѣ чухонки въ парадныхъ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ съ высокими лифами. Анна Васильевна, въ маленькой шляпѣ съ цвѣтами и бѣломъ тюлевомъ fichu, походила совсѣмъ на барышню. Даже сосѣдки засматривались на нее и прилично обмѣнивались между собою одобрительнымъ шопотомъ.

На Иматрѣ, давно знакомый со всѣми ея курортными примѣчательностями, Каргановъ поспѣшилъ въ гостинницу, распорядиться обѣдомъ. Анна Васильевна и Вонлярскій прошли къ лѣстницѣ чрезъ Вуоксу и спустились къ водопаду.

Водопадъ кипѣлъ бѣлыми, стремительными валами. На узенькомъ берегу кипѣла праздничная веселая толпа народу и туристовъ. Потолкавшись въ толпѣ, заглянувъ въ знаменитую бесѣдку „грибокъ", испещренную внутри путаницею надписей, они двинулись къ верховью водопада.

Въ ушахъ стояли шумъ, трескъ, звонъ отъ мчавшихся пѣнистыхъ валовъ, потрясавшихъ берегъ, и мѣшали говорить; тонкая сверкающая пыль брызговъ, наполнявшая воздухъ, крыла холодноватою влагой. Анна Васильевна—первый разъ за все время прогулокъ ихъ—взяла Вонлярскаго подъ руку. Онъ чувствовалъ прикосновеніе ея стройнаго стана, жаръ разгорѣвшейся щеки, ароматъ волосъ, и восторженно взглядывалъ на ея оживившееся прекрасное лицо. И эта восторженность была чистая, хорошая. Таилось ли подъ нею иное чувство, онъ не могъ бы сказать и самъ... Онъ былъ счастливъ дружескою, родственною близостью, какъ бывало это съ нимъ въ семьѣ, съ сестрами.

Въ гостинницѣ они нашли Карганова хлопотавшимъ на террасѣ. Съ пенснэ на кончикѣ носа и съ карандашомъ въ рукѣ, онъ совѣщался съ главнымъ кельнеромъ и отмѣчалъ блюда на картѣ.

У перилъ, въ самомъ центрѣ живописнаго вида, готовъ былъ

столъ съ запрокинутыми тремя стульями, уставленный на концѣ оригинальною финскою закуской чуть не на двадцати тарелочкахъ.

Такимъ же оригинальнымъ оказался и обѣдъ. Въ своемъ рвеніи ознакомить племянника съ chefs-d'oeuvr'ами финской кухни, Каргановъ дошелъ до того, что появились: оленина, медвѣжатина и даже... уха на молокѣ!.. Все, впрочемъ, было очень вкусно, несмотря на своеобразность, а шумѣвшая вокругъ приличная праздничная веселость способствовала какъ нельзя больше аппетиту. Совсѣмъ преобразившаяся Анна Васильевна смѣялась, шутила, требовала, чтобъ распоряжались за столомъ мужчины, а ей дали бы праздничный отдыхъ, какъ даютъ финны своимъ хозяйкамъ. Каргановъ повиновался, предупреждая каждое движеніе жены, и только повторялъ, окидывая ее ласковымъ взглядомъ: —„Будь по твоему, мать-командирша"!

Послѣ обѣда обошли, по обычаю, лавочки и кіоски съ коллекціями кустарныхъ финскихъ издѣлій. Отжившія, казалось, свой экономическій вѣкъ полотняныя пуговицы ручной работы, тончайшія кружева, изящныя гранитныя пепельницы, сувениры съ изображеніемъ Иматры и безъ онаго—все было хорошо, дешево, соблазнительно.

Внимательно присматривавшійся ко всему, Каргановъ пустился даже въ научныя объясненія.

— Вотъ они, истинныя-то произведенія, безъ раздѣленія труда!—говорилъ онъ.—Вотъ онъ, кустарный-то промыселъ! Кустари—дѣти да старики немощные! Не какъ въ Германіи—кустарь даже съ семью человѣками рабочихъ; а у насъ—всякій, кто „надѣлу рѣшился"!..

Вернувшись въ гостинницу напиться чаю, воспользовались еще однимъ, случайнымъ, удовольствіемъ—прослушали превосходный финскій хоръ любителей и любительницъ, дававшій концертъ въ пользу бѣдныхъ.

Въ обратный путь двинулись, когда совсѣмъ уже завечерѣло.

Природа, точно истративъ всю энергію на знойный плѣнительный день, хмурилась непривѣтливо. Въ воздухѣ отдавало чувствительнымъ холодкомъ; съ горизонта поднимались сплошныя темныя облака и ползли въ вышину, едва озаренную остаткомъ луны. Поѣздъ бѣжалъ ровнымъ, плавнымъ ходомъ, минуя какъ-то незамѣтно остановку за остановкой, не вызывая нигдѣ ни гвалта, ни суетни. Вездѣ встрѣчалъ его ожидавшій уже на платформѣ начальникъ станціи въ *красной* фуражкѣ. Исполнивъ свою обязанность, онъ тутъ же замѣнялъ фуражку *черною*, становясь чрезъ это телеграфистомъ, и отправлялся въ увитую зеленью

будочку—„брать путь“; потомъ снова надѣвалъ красную фуражку и, въ качествѣ начальника станціи, приказывалъ давать звонокъ...

Каргановъ нѣсколько лѣниво двигавшимися мыслями вникалъ въ эти „Овидіевы превращенія“ и думалъ: „Ну, не остроумцы ли чухны? Фуражки за чиновниковъ служатъ! ни жалованья, ни орденовъ, ни пенсіи не просятъ!..“ Онъ хотѣлъ подѣлиться впечатлѣніями съ племянникомъ, бесѣдовавшимъ съ теткою въ уголкѣ вагона, но, ощутивъ приступъ зѣвоты и какъ бы мельканіе въ глазахъ, откинулся на спинку сидѣнья и отдался во власть набѣжавшей нѣжащей дремотѣ, прислушиваясь къ мѣрному стуку колесъ.

VIII.

Явившись на утро во флигель, Вонлярскій нашелъ, сверхъ обыкновенія, залу еще неприбранною и пустою, окна завѣшенными.

Показался Каргановъ.

Лицо у него было пасмурное, какъ бы виноватое, взглядъ растерянный.

— Тетка нездорова...—сказалъ онъ.

— Что̀ съ нею?

— Головныя боли, ея всегдашнія... Бывало, отъ волненія, отъ непріятности отъ какой... а теперь ни съ того, ни съ сего...

— Надо за докторомъ...

— Да нѣтъ!—перебилъ Каргановъ, махнувъ рукой.—Еслибъ докторъ могъ!.. Ей одно: лежать и чтобы ни шуму, ни-ни...

Они вышли и присѣли на лавочку на крыльцѣ.

Мина, ступая осторожно на кончикахъ башмаковъ, вынесла имъ туда чаю. Она приступила-было къ Карганову съ вопросами насчетъ дневныхъ хозяйственныхъ надобностей, но онъ только обвелъ ее своимъ растеряннымъ взглядомъ и проговорилъ:

— Ну, что-жъ... Дѣлай, какъ всегда...

Собранный на̀скоро завтракъ прошелъ уныло. Каргановъ то погружался въ сосредоточенную задумчивость, то вдругъ вскидывалъ голову и прислушивался,—воображая, что доносятся стоны жены.

Грустное настроеніе дяди сообщилось и Вонлярскому. Удалившись послѣ завтрака въ свой домикъ, онъ принялся тамъ постигать, при помощи немногихъ заученныхъ словъ, передовую статью въ финской газеткѣ, которую аккуратно добывала себѣ Мина каждое утро.

Занятіе это не могло быть безконечнымъ, а время точно совсѣмъ не хотѣло двигаться.

Дотянувъ кое-какъ до обѣда и составивъ компанію дядѣ, едва прикоснувшемуся даже къ любимымъ бѣлымъ грибамъ въ сметанѣ, Вонлярскій отправился бродить по окрестностямъ.

Уже спускалась блѣдная сѣверная ночь и въ вышинѣ ярко падали звѣзды, бороздя безоблачное небо, когда онъ вернулся.

Неосвѣщенныя окна флигеля слабо синѣли въ прозрачномъ сумракѣ. Одно изъ нихъ было раскрыто и въ нёмъ краснѣлъ сквозь вѣтки яблонь огонекъ сигары.

Это сидѣлъ Каргановъ.

Вонлярскій прошелъ къ себѣ, чувствуя усталость, разбитость и торопясь добраться до постели. Но въ дверяхъ комнаты сонъ разстался съ нимъ, усталость смѣнилась возбужденною бодростью. Зажегши свѣчу, онъ постоялъ, подумалъ, потомъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ, куря, витая мыслями въ какой-то неясной, безсодержательной неопредѣленности...

И долго, до глубокой ночи, изъ-за шторки окна пробивалась полоска свѣта, мерцая блѣднымъ золотомъ на трепетавшихъ листьяхъ березки...

IX.

А Каргановъ продолжалъ сидѣть, держа въ неподвижныхъ пальцахъ давно погасшую сигару.

Тихое, грустное раздумье овладѣвало имъ,—раздумье, когда въ душѣ, сами собою, звучатъ сокровенныя струнки, воображеніе само будитъ минувшее, рисуетъ далекіе, уже неясные образы...

И въ этомъ раздумьи, тоже само собою, главное сводилось къ женитьбѣ на Аннѣ Васильевнѣ.

Лѣтъ пять тому назадъ, ненастнымъ осеннимъ вечеромъ, Каргановъ, давно уже сжившійся съ мыслью объ участи стараго холостяка, отдалившійся отъ всего и весь погрузившійся въ служебные интересы, зашелъ къ одному изъ своихъ сослуживцевъ—Сухотину.

Бѣднякъ и аскетъ—сынъ проигравшагося и безслѣдно исчезнувшаго ремонтера,—выбившійся собственными силами на дорогу и содержавшій изъ своего жалованья мать и сестру на родинѣ, Сухотинъ жилъ одиноко и почти боялся женщинъ. Но на этотъ разъ за чайнымъ столомъ его оказалась какая-то очень кра-

сивая, но бѣдно-одѣтая дама съ пышною косой и темно-синими задумчивыми глазами.

Она тутъ же ушла.

— Что̀ это за дама? — полюбопытствовалъ Каргановъ.

— Дѣвица она—Сухотина тоже,—двоюродная сестра моя... —отвѣтилъ товарищъ.

— Она недавно въ Петербургѣ?

— Съ недѣлю всего.

За чаемъ, коснувшись положенія Анны Васильевны (такъ звали сестру), Сухотинъ сталъ разсказывать:

— У насъ, видишь ли ты, въ роду — чтобъ мужчины не имѣли ничего, а брали богатыхъ женъ и проживали ихъ состояніе... Не шутя! Не могу сказать, началось ли это съ отдаленнаго предка нашего, Антипы Сухоты, „битаго кнутомъ“ за то, что онъ былъ „до взятокъ лакомъ“, но съ прадѣда традиція держится неуклонно... Онъ прожилъ все женино и оставилъ сыну — дѣду моему — только связи при дворѣ... Дѣдъ, вполнѣ офранцуженный, по духу тѣхъ временъ, зналъ наизусть всѣ матримоніальныя статьи изъ „Code Napoléon“ и строго руководился ими... Онъ прожилъ нѣсколько тысячъ жениныхъ душъ, а двумъ сыновьямъ своимъ оставилъ — высшій аристократизмъ, выправку, лоскъ и... тоже связи, хотя и не при дворѣ... Объ одномъ изъ нихъ—отцѣ моемъ—не будемъ говорить... Другой—отецъ Анюты—взялъ за женою милліонныя помѣстья и повелъ себя въ губерніи какъ первый тузъ... Младшая изъ дѣтей его, Анюта, была прелестный, даровитый ребенокъ... Ребенкомъ она играла Моцарта à livre ouvert, приводила въ восторгъ знатоковъ въ гостиной...

...Какъ утекали въ нашемъ сословіи колоссальнѣйшія богатства, какъ Крезы становились Лазарями,—нечего разсказывать... Отецъ Анюты блестяще поддержалъ фамильную традицію и оставилъ свою большую семью не только безъ средствъ, но и безъ всякихъ связей... да и времена были не тѣ ужъ, чтобъ связи значили многое... Мать не перенесла удара... дѣти разбрелись—кто куда... Анюта очутилась, буквально, на улицѣ, безъ куска хлѣба... Все достояніе ея было—талантъ, являвшійся теперь не забавой, а спасеніемъ. Она ухватилась за него...

...Ну... о существованіи на какія-то съ неба спадавшія крохи, о нумерахъ консерваторскихъ, о парижскомъ артистическомъ мірѣ, о рабскомъ подчиненіи всякимъ профессорскимъ „методамъ“, убивающимъ все живое, оригинальное,—лучше не распространяться! Все это она вынесла—геройски, честно, съ достоинствомъ... и...

неизвѣстно зачѣмъ... Въ результатѣ получился только вопросъ: куда дѣться талантливой піанисткѣ, не отрекомендованной заграничными рекламами, имѣющей „туалетомъ" единственное изношенное платье?.. Бѣдная сестрёнка стала перебиваться уроками музыки въ провинціи, хоронить свои мечты и надежды... Теперь она ищетъ здѣсь какого-нибудь дѣла...

Сухотинъ умолкъ и задымилъ отчаянно папиросой.

— Ты не знаешь, что̀ такое эти исканія?—продолжалъ онъ потомъ.—Это, братъ, не „предложеніе труда",—какъ выражаются краснорѣчивые экономисты,—хотя бы и самаго тяжкаго... не „обмѣнъ" его на деньги, хотя бы самыя ничтожныя... Это... это—нищенство, пресмыканіе, утрата всего человѣческаго... И дѣло не въ бѣдствіяхъ, не въ матеріальныхъ неудачахъ, — онѣ затѣмъ и существуютъ, чтобъ ихъ переносить! Бѣда въ томъ, что между людьми не лежитъ никакой нравственной связи... что человѣкъ—*ничто*, если не обладаетъ успѣхомъ, хотя бы самымъ позорнѣйшимъ... что для женщины не существуетъ честнаго труда, нѣтъ уваженія къ ней... даже жалости!.. что счастье ея всегда только въ гибели, къ которой и стремится все толкнуть ее... Еслибъ ты зналъ, что̀ переноситъ она!

Разсказъ этотъ тронулъ Карганова.

Бывая потомъ у Сухотина, онъ встрѣчался съ Анной Васильевной, а однажды проводилъ ее домой - къ Таврическому саду,—и она пригласила его зайти къ ней.—„Вотъ моя келья", —сказала она, войдя съ нимъ въ комнатку, въ мезонинѣ деревяннаго домика. И комнатка, дѣйствительно, походила на келью: была чистенькая, темноватая, съ холщевою „дорожкой" на полу и съ кустикомъ герани между кисейными занавѣсками единственнаго окна; даже воздухъ имѣла келейный — скучноватою тишиной напоенный...

Послѣ этого они, всѣ втроемъ, были въ театрѣ; а въ одно изъ воскресеній Сухотины получили приглашеніе на шоколадъ къ Карганову.

Затѣмъ... затѣмъ, сидя однажды у Сухотиной въ ея кельѣ, Каргановъ почувствовалъ вдругъ приливъ необычайной смѣлости и сказалъ:

— Вы такая милая, добрая дѣвушка, Анна Васильевна... такъ благоразумно судите обо всемъ... Я—хотя и въ лѣтахъ—человѣкъ не безъ положенія, не безъ достатка... Что̀, еслибы?..

Дальше не нашлось у него словъ, а Анна Васильевна подошла къ окну, отвернула краешекъ кисейной занавѣски и долго смотрѣла въ вечерній, сгущавшійся сумракъ...

— Я глубоко уважаю васъ, Иванъ Петровичъ, цѣню ваше расположеніе ко мнѣ,—сказала она потомъ, сжавъ крѣпко его руку: — и... не говорю „нѣтъ"... Но... мнѣ необходимо подумать...

Прошло съ недѣлю.

Каргановъ какъ бы удвоилъ свое служебное рвеніе и не показывалъ глазъ къ Сухотину. Однимъ днемъ тотъ сказалъ ему въ департаментѣ:

— Сестрёнка была у меня и, не знаю уже для чего, велѣла передать тебѣ „да".

У Карганова руки опустились и въ глазахъ потемнѣло.

Тою же осенью, неожиданная, простенькая завязка получила конецъ въ богадѣленной церкви на Малой-Охтѣ, и Каргановъ сталъ, по его собственному выраженію, „счастливѣйшимъ изъ смертныхъ"...

И это была правда: Анна Васильевна не только внесла свѣтъ и тепло въ холодныя сумерки жизни стараго холостяка, но— на что совсѣмъ уже нельзя было разсчитывать, обзаводясь семьею, —сократила даже расходы по домашнему хозяйству, ввѣрявшемуся до этого всецѣло кухаркамъ, умѣвшимъ, къ тому же, лишь все недоваривать да пережаривать... Всѣ траты на молодую жену, не хотѣвшую и слышать ни о какихъ туалетахъ и удовольствіяхъ, свелись къ покупкѣ цѣннаго американскаго рояля. Но и это случилось не по ея винѣ. Въ магазинѣ, гдѣ она старалась выискать инструментъ подешевле, на Карганова набѣжала, какъ и при сватовствѣ, неожиданная смѣлость, и онъ воскликнулъ, проникаясь вдругъ авторитетомъ главы дома:—„Нѣтъ ужъ, матушка! Тонъ и все прочее тамъ ты выбирай, а о томъ, дорого или нѣтъ, позволь мнѣ судить"!

На видъ все сложилось какъ нельзя лучше. Но въ скомканномъ всякими независящими обстоятельствами внутреннемъ укладѣ Карганова жила уцѣлѣвшая совѣсть: онъ не хотѣлъ, не могъ довольствоваться счастьемъ, не разбираясь въ чувствахъ жены. А начавшіяся нервическія головныя боли Анны Васильевны, замѣтная апатичность ея даже къ музыкѣ и, точно по обѣту принятая, безмолвная покорность всему — какъ бы намекали на что-то...

Въ минуты набѣгавшаго раздумья мысль объ этомъ не давала покоя Карганову. Онъ страдалъ, мучился сомнѣніемъ, гналъ отъ себя тлетворную мысль и въ то же время—такъ уже устроенъ человѣкъ—невольно отдавался ей, бередилъ больное мѣсто...

X.

Заснувъ поздно и крѣпкимъ сномъ, Вонлярскій пробудился на утро вдругъ, точно отъ толчка, и не сразу могъ сообразить —гдѣ онъ и что съ нимъ? Шторку уже пронизывали горячіе лучи солнца; изъ флигеля плавно и трогательно лились звуки піанино...

Онъ узналъ прелестную шотландскую симфонію Мендельсона, которую часто играла мать. Первою мыслью его было, что теткѣ лучше и что онъ увидитъ ее...

Онъ сталъ торопливо одѣваться, прислушиваясь къ грустной, задумчивой мелодіи и къ прекрасной, тонкой игрѣ тетки, ни разу еще со времени его пріѣзда не садившейся за піанино.

У выхода столкнулась съ нимъ Мина.

— А меня барыня послали будить васъ: самоваръ готовъ,— сказала она весело.

— Ей лучше?

— Не залежались на этотъ разъ!

Окна флигеля были растворены; слабо подувавшій знойный вѣтерокъ едва колыхалъ опущенныя бѣлыя занавѣски. Анна Васильевна уже кончила играть и перебирала разсѣянно клавиши, когда онъ вошелъ. Она очень измѣнилась за сутки: лицо было блѣдно до синевы, подъ глазами обозначились темные круги.

— Какъ ты чувствуешь себя, тетя?—сказалъ онъ, поцѣловавъ у нея руку.

— Какъ видишь,—отвѣтила она.—Отлежала должный срокъ и вотъ — здорова! Хорошо, что не нѣсколько дней, какъ бываетъ...

Выраженіе горестнаго, мучительнаго мелькнуло въ ея взглядѣ, и она опустила глаза.

Вонлярскому хотѣлось, чтобъ она сыграла еще что-нибудь, но въ то же время думалось, что ей не слѣдуетъ утомляться. Онъ сказалъ только:

— Отчего ты скрываешь талантъ свой, тетя, не играешь никогда?

— Оттого, что не всегда могу играть хорошо...—отвѣтила она, не поднимая головы.

— Будто? Почему это?

— Какъ тебѣ сказать?..—Она задумалась, скрестивъ руки надъ клавишами и пробуя какой-то трудный пассажъ.—Ты слы-

халъ... знаешь о трагикѣ Мочаловѣ, что онъ иной разъ геніемъ являлся, а то бывалъ совсѣмъ нестерпимъ?.. Ну, и я, такъ сказать, Мочаловъ... въ музыкѣ. Найдетъ на меня... не скажу вдохновеніе—не такая ужъ я великая артистка,—а просто способность углубиться, постигнуть, я играю недурно... Играть же безъ этого... безъ растроганной, отзывающейся души... и не слѣдуетъ...

— Мнѣ кажется, ты несовсѣмъ права, тетя, — возразилъ Вонлярскій.—Минуты вдохновенія сами по себѣ, а надо еще и работать надъ талантомъ...

— Если возможно... У меня бываютъ цѣлые періоды, когда я не могу даже слышать звука струны...

— Это нервы!

— А развѣ нервы—не весь человѣкъ?..

Она умолкла и повела плечами, точно холодокъ или непріятное что̀ чувствовала, но тутъ же перекинула быстрымъ движеніемъ тетрадку нотъ на пюпитрѣ и заиграла венгерскую рапсодію Листа.

Матовыя щеки ея заалѣли слабымъ румянцемъ, глаза увлажились. Она вся какъ бы ушла въ своеобразный міръ ливщихся звуковъ, полныхъ ласки, безъисходнаго горя, неудержимой кипучей страсти...

Вошедшій Каргановъ остановился въ дверяхъ, затаивъ дыханіе, и знакомъ подозвалъ къ себѣ племянника.

— Ей надо спокойною быть, всего волнующаго избѣгать, а она вонъ что̀...—прошепталъ онъ въ самое ухо ему.—А какъ играетъ! А?—прибавилъ онъ, засіявъ гордостью.

XI.

На слѣдующій день открылся праздникъ вольной команды пожарныхъ.

Съ ранняго утра на дачу стали доноситься—то близко, то въ отдаленіи—стройное хоровое пѣніе, звуки духового оркестра: пожарные—кортежемъ и съ знаменемъ—совершали шествіе по окрестностямъ, чтобы вернуться потомъ на площадь посёлка, гдѣ готовился имъ отъ общества торжественный пріемъ.

Подавая завтракъ, Мина положила на столъ добытую ею гектографированную программу празднества, а Каргановъ объяснилъ заинтересовавшемуся Вонлярскому, что финскіе пожарные избираются изъ числа самыхъ честныхъ, сильныхъ и гимна-

стически развитыхъ людей, держащихъ притомъ соотвѣтствующій экзаменъ; что быть пожарнымъ считается высокою честью во всѣхъ сословіяхъ, особенно среди молодежи; что служатъ пожарные безвозмездно, и потому общества чествуютъ ихъ годичными празднествами.

По программѣ должны были послѣ обѣда происходить танцы на ближайшемъ къ поселку холмѣ.

— Мы отправимся, тетя?—спросилъ Вонлярскій.

— Не знаю...—отвѣтила Анна Васильевна и обратилась къ Карганову:—Ты пойдешь?

— Не разъ уже видѣлъ я это... Иди съ Модестомъ,—отвѣтилъ тотъ.

Тѣнь какъ бы колебанія пробѣжала по лицу Анны Васильевны. Она потупилась задумчиво.

— Тебѣ не хочется, тетя? — сказалъ смотрѣвшій на нее выжидательно Вонлярскій.

Она вдругъ вскинула голову и, точно подавленная какимъ-то тайнымъ гнетомъ, проговорила порывисто:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пойдемъ!

Подъ танцы занята была гранитная плоская вершина холма—очень неровная, поросшая въ ложбинахъ коротенькою травкой и цвѣточками; но танцоры, — видимо, свыкшіеся уже съ такими неудобствами,—не обращали вниманія на это и не теряли стройности движеній. Оркестръ состоялъ изъ мѣстныхъ музыкантовъ-любителей. Публика размѣщалась на импровизированныхъ скамьяхъ изъ тесинъ. Изъ комбинаціи такихъ же тесинъ и зелени, перемѣшанной съ дикими цвѣтами, устроены были буфетъ и дамскій павильонъ.

Веселились и танцовали всѣ — безъ различія званій и состояній: и молодежь поселка, и власти, и семьи окружныхъ владѣльцевъ, и прислуга. Всѣ пользовались одинаковыми правами и удобствами, но за входъ предоставлялось каждому платить по его достатку (пятьдесятъ пенни или одну марку).

Прохаживаясь съ теткой около танцующихъ, угощаясь лимонадомъ у буфета, Вонлярскій не разъ взглядывалъ на нее съ недоумѣніемъ: на видъ она была спокойна, какъ всегда, но, разговаривая, отвѣчала разсѣянно, точно разбираясь въ чемъ-то происходившемъ въ ней, а въ глубинѣ то меркнувшихъ, то оживавшихъ глазъ, точно далекія зарницы, вспыхивали какіе-то огоньки...

— Пойдемъ, сядемъ гдѣ-нибудь...—сказала она:—только не въ этой тѣснотѣ...

Узенькая, убитая щебнемъ дорожка привела ихъ на открытый склонъ холма. Покатая, чисто выкошенная, точно выбритая, луговина сбѣгала отсюда къ самымъ ручьямъ. Подъ купою старыхъ развѣсистыхъ деревьевъ съ большими муравьиными кучами у корней, находилось подобіе скамьи—широкая доска на кускахъ гранита, увитыхъ густою сѣткой ежевики. Все было спокойно и кротко вокругъ. Въ голубоватомъ безоблачномъ небѣ плавно рѣяли два ястреба...

— Вотъ тутъ хорошо,—сказала Анна Васильевна, присаживаясь на скамью.

Вонлярскій остановился на краю склона и закурилъ папиросу.

Спускавшееся солнце крыло косыми лучами ручьи, и они пылали, какъ пожаръ. Съ вершины холма долетали отрывочные звуки музыки, теряясь въ воздухѣ.

— Вонъ наше мѣстечко!—раздался голосъ Анны Васильевны.

И она указала зонтикомъ на виднѣвшійся, озаренный солнцемъ, желтый утесъ хмураго косогора.

Вонлярскій бросилъ папиросу и присѣлъ рядомъ съ теткой.

— Мы пойдемъ туда завтра? Да?—сказалъ онъ.

Анна Васильевна ничего не отвѣтила. На нее вдругъ набѣжала задумчивость, и она опустила голову.

— Тебѣ все еще нездоровится, тетя?—спросилъ Вонлярскій, придвигаясь къ ней.

— Нѣтъ...—сказала она, поднимая голову и останавливая на немъ взглядъ.—Но мнѣ не по себѣ: одинъ видъ толпы наводитъ сегодня уныніе на меня...

— Тамъ такъ просто и весело!

— Да... Но у меня вообще какой-то внутренній разладъ со всѣмъ веселымъ...

— Ты говоришь точно старушка!

— Старятъ не одни годы...

Она содрогнулась, потянула на себя разсѣянно, кончиками пальцевъ, спустившуюся съ плечъ накидку.

У Вонлярскаго сердце сжалось. Не самыя слова тронули его, а непередаваемый, полный печали, звукъ голоса... тайный смыслъ словъ, ставшій яснымъ ему... Въ эту минуту онъ понялъ тетку: изъ-подъ ея спокойной безстрастности—предъ нимъ ясно и живо вырисовалась жертва, связанная съ дядей какою-то прихотью судьбы...

Онъ уныло поднялъ глаза на нее.

Она сидѣла, держа на колѣняхъ блѣдныя, какъ бы без-

сильно упавшія руки; лицо ея было мертвенно и неподвижно; дробившійся у скамьи и взбѣгавшій лучъ солнца игралъ на качавшейся вѣткѣ и еще больше оттѣнялъ эту мертвенность...

— Что̀ дѣлать, тетя! — могъ только проговорить онъ безотчетно.

— Я и не падаю духомъ...—отвѣтила она глухимъ, скорбнымъ голосомъ.—У всякаго своя судьба, свое счастье... у всякаго свой крестъ... Надо нести его... У меня былъ талантъ, мнѣ могла открыться дорога, но... все сложилось наперекоръ... Не для меня одной такъ складывается... Немногія уцѣлѣвшія единицы у всѣхъ на глазахъ, по нимъ судятъ объ успѣхѣ, а сотни, тысячи затерянныхъ, погибшихъ—неизвѣстны никому... Такъ во всемъ и всегда... Мнѣ не оставалось выхода, я... я умерла для всего, для всего... Воскресить можетъ только переломъ... буря... И я боюсь этой бури, боюсь!..—вырвалось у нея, точно стонъ.

Вонлярскій хотѣлъ взять ея руку.

— Нѣтъ... не прикасайся ко мнѣ... умоляю тебя!—вскрикнула она съ испугомъ.

Но во взглядѣ ея, въ преобразившемся лицѣ былъ не испугъ... Безпредѣльною лаской, страстью, чувствомъ, нѣгой дышало оно, сіяло, какъ въ ореолѣ... Вонлярскій впервые увидѣлъ тетку во всемъ обаяніи ея красоты, женственности... прекрасный мраморъ ожилъ, влекъ къ себѣ—властный, неотразимый, точно чаръ исполненный...

Но это было только мгновенье—единственное, первое мгновенье, и оно тутъ же стало послѣднимъ...

Анна Васильевна судорожно передвинулась на самый конецъ скамьи и склонилась, вздрагивая, закрывъ руками лицо. Вонлярскій замеръ безъ движенія. Въ быстро кружившихся мысляхъ его, точно блескъ молніи, вспыхнуло сознаніе нежданнаго, рокового, уже жившаго въ немъ и лишь таившагося, какъ искра подъ пепломъ...

Въ наступившей тишинѣ только шелестѣлъ вѣтерокъ, раскачивая тонкія вѣтки жимолости на краю склона, да въ темной зелени деревьевъ шуршала, усаживаясь, какая-то птица.

Вонлярскому казалось, что тетка плачетъ. Но когда она подняла голову, глаза у нея были сухи и только горѣли лихорадочно...

— Смотри!—сказала она, указавъ на солнце, готовое упасть за вершины далекихъ лѣсовъ.—Пора намъ!

Онъ глянулъ по направленію ея руки, точно отъ сна пробуждаясь, и быстро поднялся.

Они молча спустились со склона, молча миновали луговину, покрытую рядами душистой, только-что поваленной травы... Сумерки уже близились. Закатъ горѣлъ послѣднимъ тихимъ заревомъ... Догорала и для нихъ едва вспыхнувшая свѣтлая радость жизни...

Въ домикѣ Вонлярскій прилегъ на кровать, закинувъ руки подъ голову, и весь какъ бы одеревенѣлъ.

Сладостная боль, тревога впервые вспыхнувшей страсти, испугъ, отчаяніе томили его... Онъ сознавалъ, что любитъ тетку безумною первою любовью... любитъ съ самой первой встрѣчи... Ея взглядъ не отходилъ отъ него, ея вырвавшееся полупризнаніе точно врѣзалось въ мозгъ... Напрасно пытался онъ вдумываться, разсуждать. Мысли только тѣснились безпорядочно, впервые потрясенное существо только ныло, терзалось...

Спустилась темная, безлунная ночь. Вонлярскій всталъ, встряхнулся, точно цѣпи сбрасывая съ себя, и присѣлъ къ раскрытому окну. На него повѣяло тянувшеюся съ низовьевъ Валлинкоски влажною прохладой, и онъ жадно дохнулъ ею. Въ головѣ стояла одинокая зацѣпившаяся мысль: „Надо забыть, опомниться“!..

XII.

Темная ночь перешла въ мутную неопредѣленность... Потянулись въ вышину волокнистыя полосы тумана на склонахъ горъ... озарилась неяснымъ тусклымъ свѣтомъ трава подъ окномъ, и первый, несмѣлый лучъ солнца заигралъ на сердцевинѣ молодого лопуха, задернутой серебристою отъ росы паутиной...

Не смыкавшій глазъ Вонлярскій вскинулъ голову и задвинулся со стуломъ въ уголокъ. Онъ уже не хотѣлъ и не могъ думать ни о чемъ. Онъ только повиновался тому, что̀ вошло, внѣдрилось въ душу, было сильнѣе, властительнѣе его... было имъ самимъ, отдаливъ его, заставивъ плыть по теченію...

Точно тяжкіе, безконечные годы, протянулись предъ нимъ часы, пока ожилъ флигель. Съ бьющимся и падающимъ сердцемъ, растерянный, безпокойный вошелъ онъ въ залу...

Анна Васильевна хлопотала уже за чайнымъ столомъ. Какъ всегда, сдержанная, спокойная, она не упускала изъ вида ни одной мелочи, и лишь тонкіе, сквозившіе на солнцѣ пальчики какъ бы несовсѣмъ слушались ее, да къ обычному оттѣнку строгости въ чертахъ прибавилась замѣтная складочка между бровями...

Къ племяннику относилась она попрежнему съ непринужденною ласковостью. Своимъ нервнымъ, чуткимъ до ясновидѣнія состояніемъ Вонлярскій уловилъ даже, что тетка выказываетъ теплую, близкую короткость, что ихъ души сроднились... Но тою же нервностью онъ угадывалъ, что эту близость ограничиваетъ обоюдное молчаливое пониманіе чего-то, о чемъ не должно быть ни рѣчи, ни вопроса...

Послѣ завтрака Анна Васильевна удалилась съ Миной въ свою комнату, озабоченная какими-то хлопотами по части гардероба, откуда и появилась только къ обѣду. Вечеръ прошелъ въ чтеніи и бесѣдѣ за чаемъ.

На слѣдующій день прогулка не состоялась потому, что Мина отпущена была къ роднымъ, въ сосѣдній поселокъ, и Аннѣ Васильевнѣ пришлось хлопотать по дому.

Затѣмъ измѣнилось все въ природѣ, точно въ театральной декораціи: воздухъ потемнѣлъ; небо заволокли жиденькія бѣлесоватыя тучки, ползшія чуть не по самымъ верхушкамъ влажныхъ нагорныхъ сосенъ и непрерывно сѣявшія мелкимъ тепловатымъ дождемъ, омывая народившійся мѣсяцъ.

Анна Васильевна говорила, что этотъ задумчивый сѣренькій колоритъ окружающаго ей даже пріятенъ, что онъ дѣйствуетъ на нее вдохновляюще. Она стала проводить за піанино цѣлые часы, переходя отъ меланхолическихъ ноктюрновъ Шопена къ полнымъ музыкальной прелести симфоніямъ Брамса, наполняя залу торжественными звуками фугъ и кантатъ Баха...

Вонлярскій, жившій точно въ туманѣ, что-то предчувствовавшій натянутыми нервами, чего-то ждавшій, на что-то надѣявшійся, садился такъ, чтобъ видѣть профиль тетки, слѣдилъ, какъ мѣняется, отвѣчая оттѣнкамъ мелодіи, выраженіе ея прекраснаго лица, какъ дрожитъ на бѣлой, точно выточенной шеѣ выбившаяся непослушная прядь волосъ...

Онъ чувствовалъ ея душевную муку, борьбу... ея рѣшимость „нести крестъ"... видѣлъ ея разбитую жизнь, ясную теперь ему, какъ раскрытая книга... Оставаясь глазъ-на-глазъ съ собою въ домикѣ, онъ терзался, призывалъ на помощь разсудокъ, горѣлъ стыдомъ за недолжное, преступное, страшась коснуться страдальческаго образа тетки даже тѣнью грѣшной мечты...

Свѣтлою, ласкающею чередой проходили предъ нимъ минуты мелькнувшаго безоблачнаго счастья, ясной душевной отрады, и ему казалось тогда, что онъ любитъ тетку лишь родственною, чистою любовью, что страшиться любви этой нечего, что ей не можетъ быть ни запрета, ни помѣхи. Онъ оживалъ, хватаясь

за невѣрный призракъ. Но призракъ скоро блѣднѣлъ, исчезалъ, и каждая минута вдали отъ тетки становилась жгучею, нестерпимою пыткой...

XIII.

Однимъ вечеромъ, совершенно неожиданно для самого себя, Вонлярскій объявилъ, что онъ уѣзжаетъ завтра, что ему пора.

Онъ высказалъ это съ бодрою, почти радостною рѣшимостью. Душевная буря его какъ-то сразу затихла... и чувства его—тоже сразу и странно—примолкли, а самъ онъ замеръ, окаменѣлъ внутренно, точно страшась потревожить ихъ...

Рано утромъ къ изгороди подъѣхалъ изъ поселка почтовый тарантасикъ, съ прилаженною рогожною кибиткой по случаю моросившаго дождичка. Вонлярскій самъ вынесъ и аккуратно уложилъ свой чемоданчикъ, потомъ отправился во флигель, проститься.

Въ залѣ Каргановъ увязывалъ старательно кулечекъ съ домашними припасами на дорогу. На столѣ допѣвалъ свою послѣднюю пѣсню угасавшій самоваръ.

Вышла Анна Васильевна, кутаясь нервно въ оренбургскій платокъ.

Вонлярскій расцѣловался съ дядей, поцѣловалъ руку у тетки, сдвинувъ, какъ и при первомъ свиданіи, форменно каблуки.

— Пиши, Модестъ...—проговорила она дрогнувшими блѣдными губами.

— Да ужъ это непремѣнно!—поддакнулъ Каргановъ.

Онъ вышелъ проводить племянника.

Вонлярскій усѣлся подъ кибитку и бросилъ послѣдній взглядъ на флигель... за мокрыми стеклами окна что-то мелькнуло, отшатнувшись...

Тарантасикъ двинулся... обогнулъ половину лѣсистаго кряжа... впереди вырисовывалось узенькою сѣроватою лентой шоссе...

— Стой!—раздалось изъ-подъ кибитки.

Вонлярскій вышелъ, велѣвъ ямщику ждать.

Мѣсто подъема уже проѣхали. Онъ окинулъ взглядомъ склонъ и сталъ взбираться цѣликомъ, путаясь въ полахъ шинели, придерживаясь за вѣтки. У вершины онъ совсѣмъ натолкнулся на старуху-чухонку, собиравшую сосновыя шишки въ мѣшокъ. Она пугливо выпрямилась, оглядывая его красными, слезившимися глазами. Попавшаяся тропинка вывела его къ пещерамъ, съ задней стороны утеса.

Только тутъ Вонлярскій спросилъ себя—для чего идетъ

онъ?.. и не отвѣтилъ на этотъ вопросъ... Все притихшее всколыхнулось въ немъ, ожило, голова закружилась, сердце заныло тупою болью...

Онъ дошелъ до скамьи подъ соснами и опустился на нее. До самозабвенія, до галлюцинаціи отдался онъ нахлынувшимъ воспоминаніямъ... Кроткимъ, плѣнительнымъ свѣтомъ озарилась предъ нимъ протекшая тутъ частичка его жизни—ставшая теперь бо́льшею, чѣмъ сама жизнь... Съ любовью, съ тихимъ, трепетнымъ замираніемъ сердца оглядывалъ онъ знакомыя мѣста, прощаясь съ ними надолго... навсегда... пытая скорбною мыслью: „Что̀ ожидаетъ тамъ, за сѣрою далью“?..

Дача Каргановыхъ чуть виднѣлась сквозь влажную дымку, сглаживавшую очертанія.

Вонлярскій всталъ, встряхнулъ борта намокшей шинели и подошелъ къ краю обрыва. Онъ отличилъ—или это только казалось ему—окно *ея* комнаты и долго не сводилъ съ него глазъ... Съ безпощадною ясностью и точно неожиданность встало предъ нимъ сознаніе—что все кончено, что мелькнувшему нѣтъ возврата... нѣтъ забвенія..

Локоть подъ шинелью дотронулся до чего-то твердаго—это была кабура револьвера...

XIV.

Вернувшись во флигель, Каргановъ сталъ бродить по залѣ, охваченный навѣянною проводами задумчивостью. Отъ нечего дѣлать онъ поправилъ драпировку у двери, смахнулъ платкомъ пыль съ бездѣлушекъ на этажеркѣ, завелъ старинные часы въ фигурномъ корпусѣ до потолка, приподнявъ осторожно ихъ тяжелыя крупныя гири на потемнѣвшихъ мѣдныхъ цѣпочкахъ. Не зная, чѣмъ разсѣяться еще, онъ остановился у окна и сталъ глядѣть въ наполнявшую воздухъ сѣренькую мглу. Мокрыя кудрявыя яблони покачивали вѣтками, точно умываясь и охорашиваясь; нахохлившіяся птички въ живой изгороди высматривали себѣ въ кустикахъ мѣстечко посуше и перепархивали туда, улучивъ минутку...

Со стороны кряжа показался на луговинѣ тарантасъ. „Модестъ вернулся! Забылъ что-нибудь!“—воскликнулъ мысленно Каргановъ и поспѣшилъ на крыльцо.

Вернулся только ямщикъ. Онъ сталъ объяснять, что „офицеръ“ ушелъ на „утесъ“ и не возвращается.

— Какъ на утесъ? Зачѣмъ?—удивился Каргановъ.

— Не знаю... ждать велѣлъ и не идетъ,—отвѣтилъ ямщикъ.

— Ну, ты и ждалъ бы! А теперь онъ тебя ждетъ!—рѣшилъ наставительно Каргановъ.

Но онъ не думалъ этого... Онъ совсѣмъ ничего не думалъ, а лишь возражалъ безотчетно, стараясь подавить въ себѣ подступавшее предчувствіе чего-то недобраго...

— На утесъ... Чтò за странность!..—бормоталъ онъ, надѣвая торопливо въ передней пальто.

Онъ отправился въ тарантасикѣ, разсчитывая найти Вонлярскаго уже спустившимся, но того не было. Прождавъ немало, онъ наказалъ ямщику не трогаться съ мѣста, а самъ пошелъ къ подъему, рѣшивъ добраться до утеса, куда тянуло его росшее безпокойство.

На лугу, противъ обрыва, толпилась кучка людей; съ поселка бѣжалъ къ ней народъ... Сердце дрогнуло у Карганова, и онъ прибавилъ шагу, перебирая въ умѣ всевозможныя догадки.

Кучка оказалась мѣстными властями. На травѣ, на разостланной шинели, лежалъ Вонлярскій—мертвый, въ окровавленномъ кителѣ...

Признавшій Карганова полицейскій, въ черномъ сюртукѣ съ зеленымъ суконнымъ воротникомъ и съ зонтикомъ подъ мышкой (единственнымъ полагающимся „оружіемъ“), отвелъ его къ сторонкѣ, освѣдомляясь объ обстоятельствахъ, и разсказалъ—употребляя часто и почтительно слово „офицеръ“,—что Вонлярскій застрѣлился на утесѣ и скатился оттуда подъ обрывъ, что это видѣла бывшая въ лѣсу старуха и дала знать въ поселокъ.

XV.

Анна Васильевна, уже знавшая о случившемся отъ Мини, была въ своей комнатѣ, когда вошелъ къ ней вернувшійся, трясшійся какъ въ лихорадкѣ Каргановъ.

Она сидѣла предъ рабочимъ столикомъ, уронивъ голову на руки, и даже не пошевельнулась, когда онъ заговорилъ съ нею, стараясь утѣшить.

Онъ дотронулся до ея плеча; она вздрогнула чуть замѣтно и скрыла совсѣмъ лицо, сдерживая глухія рыданія...

Карганова точно ударило чтò въ голову. Нехорошая догадка мгновенно сложилась и встала предъ нимъ съ неотразимою убѣдительностью... Его отрадный, спокойный мірокъ сразу рухнулъ, счастливая увѣренность разсѣялась, какъ дымъ. Не ревность, не

обиду почувствовалъ онъ, а безъисходную, все отравившую горечь, въ которой не могло быть и мѣста такимъ мелочамъ.

Онъ помертвѣлъ, ухватился за столикъ, чтобъ не упасть.

— Анна Васильевна... что̀ же это такое?—проговорилъ онъ не своимъ голосомъ.

Она молча, не поднимая головы, взяла его руку и притянула ее къ своимъ губамъ.

Что-то, пробѣжавшее трепетомъ по тѣлу, тронувшее самую глубину души, сказало Карганову, что онъ не правъ... Онъ печально опустилъ голову и тихо вышелъ изъ комнаты,—озаряясь иною, правдивою догадкой, скорбя еще больше, но виня только себя...

Н. Сѣверовъ.

ПО ГАЛИЧИНѢ

Записки туриста.

Окончаніе.

IV *).

Въ гуцульскихъ полонинахъ и на вершинѣ Попа-Ивана.

Въ девять часовъ утра наша компанія изъ пяти молодыхъ людей была уже готова къ отъѣзду въ горы. На дворѣ стояли лошади, осѣдланныя и съ перекинутыми черезъ сѣдла мѣшками, называемыми здѣсь „бесагами". Въ этихъ бесагахъ была наша пища на два дня. Быстро разобрали мы лошадей, и мнѣ достался спокойный чалый конекъ.

Выѣхавъ со двора, мы взяли направленіе вверхъ по берегу потока Черемоша. Проводниковъ у насъ не было; зато были карты генеральнаго штаба, гдѣ указаны всѣ дороги и переходы черезъ горы. Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія можно было доѣхать экипажемъ только до Криворивни, находящейся километрахъ въ двадцати-пяти ниже по Черемошу; теперь же мы все время ѣхали рысью по проѣзжей дорогѣ надъ шумящимъ Черемошемъ. Темно-сѣрыя обнаженія сланцевъ и песчаниковъ появлялись въ крутыхъ склонахъ, и по обоимъ берегамъ часто виднѣлись слѣды сползанія этихъ рыхлыхъ породъ. Обвалы и оползни здѣсь очень часты и иногда сопровождаются человѣче-

*) См. выше: іюль, стр. 251

скими жертвами. Всего два года тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, выше селенія Красный-Лугъ, сползла громадная часть скалы: водой подмыло нижніе слои и погребло хату съ двумя гуцулами. Груды камней и стволы обвалившихся деревьевъ искажали до сихъ поръ пейзажъ, а дорога шла по свѣжему откосу. Черезъ полтора часа ѣзды надъ берегомъ Черемоша, между крутыхъ склоновъ горъ Кренты (1.352 м.), а съ правой стороны Гєджи (1.348 м.), покрытыхъ темно-зелеными смереками, мы достигли устья Быстрицы. По дорогѣ намъ встрѣчались изрѣдка усадьбы гуцуловъ, иногда взобравшіяся очень высоко. Здѣсь дорога наша сворачивала вправо и шла уже незамѣтной тропинкой берегомъ Быстрицы. Мѣстность сдѣлалась болѣе дикой. Гуцульскія хаты уже попадались безъ всякихъ садовъ и огородовъ; только картофель еще переноситъ эту высоту въ 800 м. Въ этой зеленой и дикой долинѣ, поднимающейся отъ Черемоша къ высокимъ центральнымъ горамъ, можно было прекрасно наблюдать постепенное уменьшеніе населенія по мѣрѣ подъема вверхъ. Отъ самаго с. Краснаго-Луга, на незначительной еще высотѣ въ 600 — 700 м., по берегамъ шли усадьбы съ огородами и даже плодовыми деревьями. Еловый лѣсъ перемѣшивался съ лиственнымъ, и иногда на отлогихъ склонахъ, обращенныхъ на югъ и юго-востокъ, мелькали полоски обработанныхъ полей. Здѣсь же, уже на высотѣ 800—900 м., лѣса ближе подступали къ каменистому руслу и хаты тѣснились на узкихъ полоскахъ прибрежья. Онѣ становились все рѣже и принимали все болѣе горный характеръ. Наконецъ еще выше начинался поясъ горныхъ лѣсовъ изъ смерекъ и буковъ, отъ 1.200 до 1.600 м., и только на высокихъ полонинахъ можно встрѣтить рѣдкую усадьбу. Въ лѣсахъ же нѣтъ совсѣмъ людского жилья, и этотъ зеленый лѣсъ какъ будто сторожитъ отъ людей пустынныя пастбища на вершинахъ горъ, куда гуцулы только на лѣто приводятъ свои стада. Для того, чтобы читатель имѣлъ представленіе объ условіяхъ растительности, мы укажемъ на границу распространенія здѣсь двухъ главныхъ злаковъ земледѣльческаго населенія. Такъ кукуруза, главная пища населенія, достигаетъ только 930 м., а пшеница— вообще большая здѣсь рѣдкость и только при очень благопріятныхъ условіяхъ поднимается надъ Быстрицей до 1.185 м. Мы видѣли, что и людскія поселенія ограничиваются этой высотой. Гуще же всего заселены болѣе низкія мѣста по долинамъ, высота которыхъ колеблется между 550—850 м. То-и-дѣло мы переѣзжали небольшіе потоки, стремившіеся къ Быстрицѣ; то-и-дѣло коники наши, потряхивая длинными гривами, замедляли свою

рысь и осторожно ставили ноги по каменистымъ тростникамъ, идущимъ надъ почти отвѣсными песчаниковыми скалами. Эти скалы смѣнялись часто отлогими зелеными склонами, но и на нихъ уже все рѣже и рѣже выглядывали сѣрыя ґонтовыя крыши.

Вотъ и послѣднее селеніе Бистрицъ кончилось; мы проѣхали мимо старой, удивительно оригинально построенной церковки. Ея темно-коричневый куполъ и весь ея темный остовъ выглядывалъ изъ-за зелени, и какой-то покой былъ разлитъ за оградой этой послѣдней церкви. Священникъ пріѣзжаетъ сюда только по требамъ и на службу издалека снизу изъ долины, и тогда по горнымъ тропинкамъ и по переходамъ горные гуцулы пастухи въ яркихъ костюмахъ спѣшатъ „до служби Божіей". Солнце припекало все сильнѣй, и сѣдоки и лошади начинали чувствовать усталость. Рѣшено было сдѣлать привалъ и выкупаться въ бьющейся между камнями Быстрицѣ; въ этомъ мѣстѣ намъ надо было уже переправляться черезъ нее на другой берегъ и подниматься въ горы. Разсѣдлавши и пустивши коней пастись на свѣжую траву, мы съ наслажденіемъ скинули съ себя всю „культуру" и бросились въ воду. Вода холодна, какъ ледъ, тѣло сейчасъ краснѣетъ, духъ захватываетъ, и черезъ нѣсколько минутъ все ощущеніе жары и духоты улетучивается. Усѣвшись въ кружокъ на бревнахъ, мы съ аппетитомъ выпиваемъ по чаркѣ старки и закусываемъ брындзой, мясомъ и хлѣбомъ. Невдалекѣ отъ насъ группа гуцуловъ, собирающихъ плоты и скатывающихъ ихъ вмѣстѣ, рѣзко выдѣляется на зеленомъ фонѣ своими бѣлыми рубахами. Со всѣхъ сторонъ поднимаются зеленые лѣса, но горъ изъ нашей узкой долины еще не видно.

Я уже упоминалъ ранѣе, что сплавъ лѣса, собираніе плотовъ и регулированіе потоковъ составляютъ здѣсь главный заработокъ бѣдныхъ руснаковъ. Лѣса всѣ почти принадлежатъ казнѣ (камерѣ) и частнымъ владѣльцамъ. Эти лѣса раньше сплошными лентами окаймляли всѣ долины и покрывали всѣ невысокіе яры. Состоятъ они по преимуществу изъ ели (смереки), граба, рѣже изъ бука, а еще рѣже попадается кедръ. Еще теперь смерековые лѣса здѣсь почти безъ перерыва идутъ надъ Черемошемъ и Быстрицей, и представляютъ колоссальный, безцѣнный запасъ дерева. Эксплоатація этого богатства началась уже очень давно, и во времена крѣпостного права всѣ гуцулы обязаны были вмѣсто барщины срубить, ободрать и сплавить по назначенію извѣстное количество бревенъ. Многочисленные потоки и горныя рѣки позволяютъ дешево и легко спускать матеріалъ внизъ въ села, гдѣ находятся лѣсныя конторы. Все глубже звенитъ

топоръ и все выше и выше забираются дровосѣки въ поискахъ высокихъ стволовъ. Эти стволы спускаются затѣмъ къ потоку, который несетъ ихъ внизъ.

Въ болѣе глубокихъ мѣстахъ бревна связываютъ въ видѣ нашихъ плотовъ, что̀ называется здѣсь „дараба“. А уже въ широкихъ мѣстахъ плоты соединяются въ длинный рядъ; каждая „дараба“ снабжена двумя большими рулями. Сплавляя такимъ образомъ лѣсъ, гуцулы стоятъ часто по цѣлымъ часамъ въ холодной водѣ потока и съ топоромъ въ рукѣ подталкиваютъ бревна, или связываютъ ихъ въ плоты; по цѣлымъ мѣсяцамъ мокнутъ они, а ночуютъ подъ открытымъ небомъ, питаясь однимъ кулешомъ изъ кукурузы. Эта работа очень скверно оплачивается еврейскими приказчиками, въ чьихъ рукахъ сосредоточены сплавъ лѣса и его продажа. Во второй половинѣ XIX-го вѣка правительство и частные владѣльцы обратили вниманіе на регулированіе водъ во всѣхъ важныхъ сплавныхъ потокахъ: расчищаютъ ихъ отъ камней, загражденіями изъ бревенъ обозначаютъ удобное русло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были устроены шлюзы („клаузуры“), и вода скопляется выше шлюза въ видѣ озеръ. Такія клаузуры устроены и на Быстрицѣ, и на Шибеномъ, и т. д. Они лежатъ обычно высоко, вдали отъ селъ, въ горахъ, и когда матеріалу уже достаточно подготовлено, шлюзы выпускаютъ воду, которая несетъ дарабы внизъ. Эти плоты несутся съ очень значительной быстротой, и надо имѣть много навыка, чтобы управлять такими непослушными суднами. Мнѣ лично не пришлось сдѣлать путешествія на дарабѣ, но многіе пользуются ими, какъ средствомъ передвиженія въ болѣе широкихъ рѣкахъ. Сговорившись съ гуцулами-дарабщиками за 20—40 центовъ, путникъ усаживается на нѣчто въ родѣ платформы изъ досокъ, покрытой сѣномъ, и очень удобно совершаетъ свой путь, любуясь пробѣгающимъ передъ глазами ландшафтомъ. Въ центральныхъ мѣстахъ, на югѣ Покутья, плоты дѣлаются еще больше и такимъ образомъ идутъ въ безлѣсныя области Чернаго моря. Матеріалъ этотъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ, и вырубливаніе лѣсныхъ великановъ быстро подвигается впередъ. Очевидно, наша стоянка надъ Быстрицей была такимъ сборнымъ лѣснымъ пунктомъ. Бревна потоками доставлялись сюда и здѣсь уже ихъ связывали въ небольшіе узкіе плоты.

Но вернемся къ нашему путешествію. Отдохнувши и посовѣтовавшись относительно дальнѣйшаго маршрута, мы повернули влѣво и сразу начали подниматься на крутую гору, покрытую дремучимъ лѣсомъ. Нашею первою цѣлью было посѣтить

въ самомъ главномъ Чорногорскомъ хребтѣ знаменитые „Шпицы", такъ поэтично описанные во многихъ геологическихъ и географическихъ монографіяхъ. Для этого намъ надо было покинуть долину Быстрицы и подняться предгорьями въ полонины, откуда уже легко было добраться и до Шпицей. Здѣсь уже не было собственно проѣзжихъ дорогъ,—сообщеніе пѣшее и верховое съ вершинами горъ поддерживается здѣсь при помощи „плаевъ", т.-е. проходовъ для овецъ и рогатаго скота.

Эти проходы по высокимъ пастбищамъ служатъ только два раза въ годъ: весной, когда весь гуцульскій скотъ отправляется на горныя пастбища, и осенью, когда пастухи гонятъ стадо въ долины на зимнія квартиры. Лѣтомъ здѣсь проходятъ пастухи и иногда встрѣчается гуцулка верхомъ на конѣ, доставляющая мужчинамъ ихъ скудное пропитаніе. Зимою же эти высокія полонины необитаемы, и по занесеннымъ снѣгомъ „плаямъ" ходятъ только дикія козы. Кромѣ этихъ плаевъ, по которымъ еще можно ѣхать верхомъ, по лѣсамъ, по уступамъ обрывовъ и по долинамъ потоковъ вьются едва замѣтныя тропинки; по нимъ сообщаются между собой пастухи, хорошо знающіе свои полонины и лѣса. Мы начали подниматься лѣсомъ, по корнямъ смерекъ; лошади часто вязли въ глинѣ, въ которой застыли глубокіе коровьи слѣды. Черезъ часъ мы выѣхали на болѣе отлогое мѣсто, и передъ нами открылась чудная панорама Чорногорскаго пасма и окрестныхъ, болѣе низкихъ грядъ. Мы находились на отлогостяхъ горы Степанской (1.137 м.), на высотѣ приблизительно въ 1.050 метровъ. Горный воздухъ былъ свѣжъ и прозраченъ. Лѣса уходили подъ нашими ногами въ долину какого-то потока. Со всѣхъ сторонъ поднимались горы, съ ихъ характерными, полукругло-коническими очертаніями, но наиболѣе грандіозныя вершины были на юго-западѣ. Въ таинственной тишинѣ еще сверкали на ихъ полонинахъ зелено-желтые луга, а ниже шелъ рядъ послѣднихъ лѣсистыхъ предгорій, знаменитыхъ тѣмъ, что здѣсь когда-то имѣли притонъ прославившіеся разбойники, или „опришки". Надо всѣмъ этимъ чуднымъ мѣстомъ висѣлъ голубой куполъ безоблачнаго неба. Мы медленно ѣхали, не отрывая взора отъ манившихъ насъ къ себѣ великановъ. Черезъ нѣкоторое время мы подъѣхали къ послѣднему осѣдлому поселенію гуцуловъ: обычная сѣрая хатка стояла на лѣсной прогалинѣ. Молодая гуцулка набирала воду деревяннымъ ковшомъ изъ неглубокаго колодца. Утоливши жажду, мы опять сѣли на коней и начали спускаться по крутому каменистому склону къ безъименному потоку, поросшему по обоимъ берегамъ рѣдкимъ лѣсомъ.

Узкая тропинка шла наискось и попадались очень опасныя мѣста, но наши лошади вездѣ оказывались на высотѣ своего призванія. Перейдя бурливый потокъ, мы продолжали опять взбираться вверхъ. Камни и трещины очень затрудняли путь, и было уже около шести часовъ вечера, когда заунывные звуки „трамбиты" указали намъ на присутствіе человѣка. Въ ложбинѣ показалась крыша хаты; недалеко отъ насъ стоялъ молодой пастухъ и, держа въ рукахъ трамбиту, игралъ. Трамбита—очень длинная, аршина въ $2^1/_2$—3, труба, сдѣланная изъ дерева, расширенная незначительно на концѣ. Гуцулы играютъ на ней, дуя въ отверстіе сжатыми губами, причемъ получаются немного скрипящіе, далеко слышные звуки. Мелодія этихъ пѣсенъ проста, мотивъ часто повторяется и не лишенъ оригинальности. Это чисто горный пастушескій инструментъ, и звуки его только и нарушаютъ поразительную тишину полонинъ. Мы разспросили пастуха, какъ дальше ѣхать къ Шпицамъ и гдѣ можно переночевать. Любезно поздоровавшись, музыкантъ предложилъ намъ ночевать у него.

— Заѣзжайте до насъ у стайню и для коней буде сино, и вамъ буде тепло. Здѣсь еще есть выше одна кулиба, часа полтора ходьбы, но тамъ будетъ скверно. Если хотите, я васъ туда проведу.—Но мы хотѣли сегодня же совершить большую часть подъема, и потому рѣшили двигаться далѣе. Спѣшившись, такъ какъ ложбина была засыпана большими каменьями, начали мы подниматься вверхъ. Лѣса уже остались подъ нами; только корявыя сосенки и „жеребъ" (родъ низкой ползучей ели), скудно укрывали каменистую почву. Дѣятельность разложенія породъ вѣтромъ и водою обнаруживалась очень ясно. Обочины были промыты стекающей водой, голы и безъ травы, и зеленѣли только тамъ, гдѣ склоны были болѣе отлогими.

Нашъ проводникъ медленно, но неуклонно шелъ впередъ; это былъ поразительно красивый гуцулъ съ темнокарими глубокими глазами, тонкими чертами смуглаго лица и благородной осанкой. Сѣрая отъ грязи полотняная рубаха была перетянута широкимъ кожанымъ поясомъ, на ногахъ были кожаные постолы. Я вступилъ съ нимъ въ бесѣду, предоставивши лошади самой выбирать дорогу. Я говорилъ съ нимъ по-украински, и гуцулъ понималъ почти все, и обратно я понималъ совершенно свободно всю его медленную гуцульскую рѣчь. Изъ его разсказа я узналъ, что въ этой долинѣ зарытъ кладъ безсмертнаго, для каждаго горца, знаменитаго ватажка опришковъ Довбуша. Онъ часто съ товарищами скрывался здѣсь отъ погони коссовской стражи и въ концѣ концовъ былъ убитъ въ с. Жабьемъ. Про него, а также

про другихъ ватажковъ сложилось много пѣсенъ, и видно, что народъ считалъ ихъ не простыми разбойниками, а такъ сказать грозными мстителями за обиды и притѣсненія народа.

По своей дѣятельности они немного напоминаютъ нашихъ гайдамаковъ. Пользуясь горами и лѣсами, опришки составляли товарищества и грабили купцовъ, евреевъ, поляковъ, а при случаѣ не брезгали и своими одноплеменниками. Въ случаѣ сильной погони, они переходили на венгерскую сторону или въ Буковину. У нихъ вездѣ были пріятели по селамъ, гдѣ ихъ прятали отъ стражниковъ, давали имъ ѣсть и скрывали награбленное ими. Особенно энергично начали ихъ преслѣдовать въ XVIII-мъ вѣкѣ; многихъ повѣсили, но оприщизна сильно въѣлась въ гуцуловъ, быть можетъ и въ силу экономическихъ условій бѣднаго горнаго края. Цѣлые отряды гонялись за ними по горнымъ трущобамъ, что̀, однако, не мѣшало опришкамъ ограбить дважды еврейское мѣстечко Коссовъ. Только въ половинѣ XIX-го вѣка правительство, наконецъ, ихъ побѣдило, шайки опришковъ были переловлены и въ сороковыхъ годахъ въ г. Коломіи былъ повѣшенъ послѣдній ихъ ватажокъ.

Народъ помнитъ опришковъ, и каждое глухое мѣсто въ горахъ связано съ ними легендами и воспоминаніями. Теперь отъ опришковъ нѣтъ даже и слѣда, и мы спокойно лазили по горамъ безъ всякаго оружія и вездѣ встрѣчали самый ласковый пріемъ.

Уже около часа перескакивали мы съ камня на камень и наконецъ поднялись, такъ сказать, въ начало ложбины. Она начиналась уже подъ главнымъ пасмомъ и произошла отъ размыва водою. Съ трехъ сторонъ вздымались темные крутые осыпающіеся склоны. Только на востокѣ открывалась панорама предгорья и долины Быстрицы. Камни прекратились, почва была мокрая, и вода выступала подъ ногами, когда мы шли по травѣ. Такъ обычно начинаются здѣсь на высотахъ источники,—подъ ногой было болото, а по срединѣ ложбины, по мелкимъ камнямъ уже пробирался ручей. Въ самомъ углу, защищенномъ отъ всѣхъ холодныхъ вѣтровъ, расположилась „кулиба", т.-е. ночлегъ пастуховъ. Оттуда поднимался тонкой струей дымъ, и мы направились туда. Высокій, лѣтъ 55 гуцулъ встрѣтилъ насъ около „кулибы" и, снявъ шляпу, привѣтствовалъ: „славу Ісусу". Это былъ атаманъ или начальникъ пастуховъ этой части полонинъ. Мы подошли ближе къ „кулибѣ"; она напоминала сарай для скота, но никакъ не жилье гражданина австрійской монархіи. „Кулиба" представляетъ продолговатое строеніе изъ необтесан-

ныхъ бревенъ, положенныхъ прямо на камняхъ. Двускатная низкая крыша покрываетъ этотъ срубъ; ни потолка, ни пола, ни оконъ нѣтъ. Взойдя по камнямъ, мы должны были нагнуть головы, чтобы проникнуть внутрь кулибы черезъ единственную дверь. Сначала въ темнотѣ мы ничего не разбирали, но потомъ замѣтили при отсвѣтѣ костра нѣчто въ родѣ скамьи, на которую и усѣлись по приглашенію „вивчаря". Въ то время, какъ хозяинъ суетился, чтобы намъ доставить мѣсто, я осматривался, чтобы уразумѣть, какъ люди по цѣлымъ мѣсяцамъ могутъ жить въ этой берлогѣ. Налѣво отъ входа на землѣ были навалены обрубки и сучья, бросаемые въ костеръ; они горѣли дымнымъ, красноватымъ пламенемъ. Дымъ расходился подъ крышей и выходилъ въ двери. Надъ костромъ, на деревянномъ вращающемся рычагѣ, висѣлъ большой, ведра въ три-четыре, котелъ; въ немъ кипятилось овечье молоко. За костромъ, надъ стѣной виднѣлся деревянный помостъ, покрытый кожухомъ. На такомъ же помостѣ съ другой стороны сидѣли мы. Постепенно, изъ разговоровъ словоохотливаго атамана, мы получали все болѣе ясное понятіе объ ихъ житьѣ-бытьѣ. Пастухи спятъ, не раздѣваясь, на этихъ помостахъ, укрываясь кожухами. Надъ этой постелью висѣли двустволка и пара старинныхъ пистолетовъ. На землѣ стояла небольшая, круглая, низкая табуретка, замѣняющая столъ. Далѣе въ глубинѣ кулибы были расположены мѣшки съ кукурузовой мукой, деревянныя посудины съ готовой уже брындзой (овечій сыръ) и другія вещи.

Между тѣмъ хозяинъ разсказывалъ намъ, какъ онъ уже сорокъ лѣтъ каждое лѣто живетъ въ полонинахъ въ качествѣ довѣреннаго (приказчика) хозяина луговъ. Онъ выставилъ на табуретку огромный кукурузовый „кулешъ", брындзы и поставилъ миску кипяченаго козьяго молока. Все было довольно грязно, но мы, проголодавшись, ѣли съ аппетитомъ.

Красноватый отблескъ костра перебѣгалъ по нашимъ лицамъ, освѣщалъ угрюмое, загорѣлое лицо гуцула, и мнѣ казалось, что я попалъ въ совершенно иной, невѣдомый міръ. Атаманъ говорилъ намъ, какъ иногда трудно жить на этихъ высотахъ, какъ теперь ростетъ страшно цѣна на землю, какъ дѣлаютъ они сами здѣсь, въ кулибѣ, брындзу, и постепенно передо мной ясно вставала вся картина пастушеской жизни, отставшей, вѣроятно, на тысячелѣтіе отъ культуры того Вавилона, гдѣ засѣдаютъ въ парламентѣ представители отъ этихъ самыхъ горныхъ пастуховъ. Здѣсь во всей силѣ царятъ еще натуральное хозяйство и обмѣнныя отношенія. Обыкновенно хозяйство на

этихъ высокихъ пастбищахъ ведется слѣдующимъ образомъ. Владѣлецъ полонины сдаетъ ее опытному гуцулу-овчару, который обязуется доставить ему осенью извѣстное количество брындзы. Гуцулы окрестныхъ селъ договариваются съ атаманомъ относительно условій пастьбы. Уже въ началѣ весны идетъ скотъ „плаями" вверхъ на пастбища, и хозяева получаютъ его обратно только осенью. Каждый изъ нихъ не платитъ ничего деньгами атаману, но продукты (брындза, молоко, сыръ, масло) распредѣляются между обѣими сторонами въ извѣстной пропорціи. Для того, чтобы было справедливѣе дѣленіе, надо знать нормальный удой; для этого дѣлаютъ пробу при хозяевахъ скота. Молоко сливается въ деревянные сосуды, и на палкѣ, опущенной въ сосудъ, отмѣчаютъ рубцами высоту молока. Такія палки существуютъ для каждаго хозяина и по нимъ онъ провѣряетъ, сколько можетъ быть брындзы. Раздѣлъ производится осенью, когда стадамъ надо спускаться въ долины на зимнія помѣщенія къ своимъ хозяевамъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь на полонинахъ натуральный обмѣнъ продуктовъ: собственникъ полонины получаетъ за нее продуктъ, главный пастухъ — то же самое, и только помощники его иногда получаютъ деньги. За послѣднее время, впрочемъ, владѣльцы пастбищъ предпочитаютъ получать аренду деньгами, и цѣна эта быстро ростетъ.

Хозяинъ прервалъ здѣсь свое повѣствованіе и сказалъ:

— Ну, уже овцы возвращаются съ горъ, надо идти распоряжаться. — Мы тоже поспѣшили изъ кулибы, гдѣ запахъ бродящаго козьяго молока и дымъ отъ „ватры" дѣлали пребываніе очень непріятнымъ. Около кулибы теперь было шумно и оживленно, — собаки лаяли, овцы блеяли и пастухи кричали, размахивая палками. Часть стадъ уже спустилась съ высокихъ луговъ; другія еще спускались по крутымъ склонамъ и, казались разсыпаннымъ черно-бѣлымъ бисеромъ по сѣро зеленому полю. „Вивчари" загоняли всѣхъ въ кошару или загородку и загнавши всѣхъ, приступили къ обычному доенію. Для этого они сѣли у другого, внѣшняго бока загородки, гдѣ былъ устроенъ навѣсъ отъ дождей рядомъ съ отверстіями въ оградѣ. Молодые пастухи загоняли овецъ въ эти узкіе проходы, а сидѣвшіе съ другой стороны перехватывали овецъ и козъ и доили ихъ. Эта операція доенія продолжалась около полутора часа. Затѣмъ уже въ наступившей темнотѣ овецъ опять загнали въ кошару, а пастухи отправились въ кулибу ужинать. На этихъ высотахъ хлѣбъ считается большою роскошью; его замѣняетъ кулешъ изъ кукурузовой муки, которую привозятъ жены пастуховъ съ долинъ.

Главною же пищей служатъ козье молоко и брындза (козій и овечій сыръ).

Между тѣмъ намъ пора было позаботиться о ночлегѣ: тяжелый запахъ въ кулибѣ и дымъ костра дѣлали тамъ ночёвку почти невозможной для непривычныхъ людей, почему мы и обратились къ недалеко отъ кулибы поставленному шалашу. Въ немъ спали обыкновенно молодые пастухи, сторожащіе ночью овецъ. Разложивши съ одной стороны этого навѣсика костеръ и постлавши на сырую землю потники отъ сѣделъ, а подъ головы самыя сѣдла, мы улеглись всѣ рядомъ, прижавшись другъ къ другу, чтобы было потеплѣе. Но необычная обстановка не давала мнѣ спать, и я вылѣзъ изъ нашего логовища наружу.

Ночь, тихая и звѣздная, торжественно царила надъ всѣмъ окружающимъ. Темные силуэты горъ вырисовывались кругомъ, внизу же было мрачно и темно. Около нашего костра лежало двое молоденькихъ пастушковъ, едва прикрытыхъ рубищами. Съ другой стороны на склонѣ мигалъ въ холодномъ воздухѣ другой костеръ и тамъ виднѣлись тѣни другихъ ночныхъ сторожей. Время отъ времени изъ кулибы раздавался заунывный крикъ атамана, болѣе похожій на вой волка,—это было, такъ сказать, перекликаніе часовыхъ. И наши пастушки съ того склона отвѣчали такимъ же воемъ, въ которомъ были совершенно звѣриныя ноты. Этотъ вой разносился далеко кругомъ и исчезалъ въ долинѣ. Иногда пастухи брали изъ костра пылающую головню и съ дикимъ крикомъ крутили ее въ воздухѣ, а затѣмъ, сильно размахнувшись, бросали ее внизъ, и огненныя искры неслись въ темнотѣ сырой ночи. Все это дѣлалось, чтобы напугать волковъ и медвѣдей, которые хотя и рѣдко, но подбираются къ спящимъ стадамъ. Я долго еще сидѣлъ на камнѣ, и присматривался къ чистому звѣздному небу, и прислушивался къ храпу и фырканью лошадей, пасшихся недалеко отъ насъ. Наконецъ, усталость взяла свое:—забравшись на свое мѣсто, я заснулъ и уже въ полуснѣ слышалъ протяжный вой пастуховъ.

Спать пришлось недолго,—чуть порозовѣло небо надъ восточными вершинами, нашъ „старшій" началъ будить насъ, что̀ ему и удалось послѣ того, какъ онъ постаскивалъ съ насъ сѣдельныя покрывала. Увы, надо было вставать, и мы всѣ, ёжась отъ ранняго холода, вылѣзли изъ берлоги. Умывшись у потока и выпивши по чаркѣ крѣпкой „старки" для теплоты, мы разбрелись въ разныя стороны ложбины—ловить нашихъ лошадей.

Черезъ часъ мы были уже готовы; хозяинъ кулибы долго объяснялъ намъ дорогу вверхъ. Мы старались запомнить каждое слово, такъ какъ выше уже не было никакихъ тропинокъ, а надо было просто подняться на кряжъ Чорной горы, а затѣмъ идти до самого „Попа-Ивана". Попрощавшись съ гостепріимными пастухами, мы начали сразу подниматься по откосу ложбины. Лошадей мы вели подъ уздцы, ибо здѣсь ѣхать на нихъ было бы слишкомъ жестоко. Путь сначала шелъ по руслу сухого потока, по камнямъ и обломкамъ вывѣтрившихся песчаниковыхъ породъ. Но черезъ полчаса предъ нами началась крутая полонина, на которую намъ надо было взобраться. Начался трудный подъемъ по зеленой травѣ, изъ которой то-и-дѣло показывались камни. Трава сухая и довольно высокая часто покрывала неглубокія ямы и расщелины, и въ нихъ попадали ногами наши лошади. Подъемъ былъ очень труденъ: приходилось дѣлать зигзаги, выбирать болѣе отлогія мѣста. Крутизна этого склона доходила, вѣроятно, до 45°. Солнце пекло намъ въ спины, во рту пересыхало, и уже на половинѣ подъема мы бросались часто на траву, чтобы перевести дыханье. Мы смотрѣли на верхъ, но казалось, что конца-края нѣтъ этой зеленой крутой горѣ. Уже кулиба внизу казалась намъ сѣрымъ пятномъ, и стада овецъ и коровъ, какъ живыя точки, разсыпались внизу, а мы въ общемъ были только на полугорѣ. Меня поддерживало сознаніе, что этотъ трудный подъемъ въ то же время и послѣдній, и я, согнувшись по обычаю горцевъ, шелъ впередъ. Вотъ уже и видно ребро полонины, еще немного—и мы выходимъ на ея плоскую вершину, и усталость и жара забыты въ тотъ же мигъ. Великолѣпная панорама представляется намъ во всѣ стороны, такъ какъ мы находимся на кряжѣ Чорногорскаго пасма, приблизительно на высотѣ 1.800 м. надъ уровнемъ моря. На сѣверѣ отъ насъ были горы, гдѣ берутъ начало истоки Прута; всѣ долины уже были направлены болѣе къ сѣверу. Лѣсной поясъ былъ гораздо ниже насъ; горы Ворохтянскія, Быстрицъ тянулись на востокѣ, а на сѣверѣ и на югѣ продолжался перевалъ Чорногоры. Прямо подъ нами на склонѣ кряжа возвышались знаменитые „Шпицы". Это болѣе твердыя породы, образующія громадные колонны и столбы, портики и иглы, на которые невозможно взобраться. Ихъ неправильныя очертанія поднимались изъ глубины ложбины и придавали мѣстности своеобразную красоту.

Мы долго сидѣли на этой полонинѣ и наслаждались панорамою этой высокой Гуцульщины; свѣжій вѣтеръ свободно

дулъ съ сѣверо-запада и освѣжалъ наши разгоряченныя подъемомъ лица, съ другой же стороны пекло страшно солнце, такъ что съ подвѣтренной стороны лицо было совершенно сухо, а съ солнечной—крупныя капли пота стекали со щекъ и со лба. Воздухъ былъ удивительно чистъ и прозраченъ, глазъ видѣлъ ясно все на разстояніи двухъ-трехъ миль (1 миля здѣсь считается въ 7,5 километровъ). Но надо было ѣхать далѣе, и такъ какъ путь шелъ уже по гребнямъ горъ, то мы снова сѣли на коней. Черезъ двадцать минутъ мы поднялись еще метровъ на пятьдесятъ и достигли холма безъ растительности, на которомъ стоялъ деревянный крестъ, — это была венгерская граница. Отсюда мы шли все время по линіи границы, которая идетъ по самымъ высшимъ отрогамъ Чорногоры. Эта горная цѣпь отдѣляетъ Гуцульщину отъ горныхъ венгерскихъ комитатовъ. Глубокіе и покрытые лѣсами склоны долинъ терялись внизу, а на горизонтѣ вырисовывались опять куполообразныя очертанія венгерскихъ Карпатъ. Наши лошади шли шагомъ по каменистому гребню широтою отъ 20 до 150 метровъ. Зеленая высокая трава пробивалась сквозь камни; часто попадались осыпи, болѣе крутыя со стороны Гуцульщины и болѣе отлогія съ юго-западной стороны. Вездѣ можно было констатировать сильный, непрестанно дѣйствующій эрозіальный процессъ. Гребень шелъ на югъ, то поднимаясь, то опускаясь; мы ѣхали и шли то по откосу, то по самому верху безъ всякой дороги. Иногда мы видѣли стада ниже насъ, которыя казались намъ разсыпаннымъ бисеромъ; раза два намъ встрѣчались пастухи уже изъ Венгріи; въ бѣло-сѣрыхъ рубахахъ, они стояли неподвижно, и только когда мы спрашивали ихъ про дорогу, они, указывая намъ на югъ, отвѣчали: „Ѣдьте все дальше, тамъ сами увидите, гдѣ Попъ-Иванъ". И правда, вершина этой горы уже возносилась надъ всѣми прочими высотами гребня. Я вѣроятно никогда не забуду этого чуднаго путешествія по этимъ, иногда каменистымъ, иногда зеленымъ отлогимъ полонинамъ. Мы были выше всѣхъ, на высотѣ 1.900 метровъ. Все время съ лошади мы любовались чудной картиной долинъ, спускающихся по обѣ стороны, далѣе, ниже лѣсовъ, покрывавшихъ бока долинъ, и опять горъ, идущихъ параллельно нашему кряжу. Далѣе, куда ни кинь окомъ, вездѣ группы вершинъ, а на горизонтѣ—голубое, прозрачное небо. Мы были совершенно одни, вдали отъ людей, поселеній и стадъ,—все это было ниже насъ, и только иногда карпатскій орелъ парилъ надъ нами, какъ бы не понимая, что надо намъ,

ничтожнымъ людишкамъ, въ этихъ дѣвственно-чистыхъ лугахъ и величавыхъ горахъ...

Около трехъ часовъ шли мы по такимъ гребнямъ и наконецъ подошли къ подошвѣ вершины „Попа-Ивана"; въ ложбинѣ около сухого каменистаго русла вешняго потока мы устроили привалъ, чтобы собраться съ силами передъ подъемомъ. Усталые кони бросились на траву; мы же улеглись на нее и, закуривъ папиросы, принялись обсуждать, съ какой стороны лучше взобраться на короля чорногорскихъ вершинъ. Послѣ недолгаго разговора было постановлено сначала подняться по руслу потока, а затѣмъ перейти на угловое каменистое ребро, которое шло до самаго верха. Сказано—сдѣлано. Чтобы не такъ устать, наша компанія еще немного проѣхала верхомъ, а достигнувъ гребня, гдѣ шла крутая, едва видная тропинка, мы сошли съ коней и предоставили ихъ самимъ себѣ. Умныя горныя животныя начали сами выискивать болѣе легкій подъемъ, а мы, опираясь на палки и сгибаясь въ три погибели, начали подниматься вверхъ. Наконецъ, совершенно обезсиленные солнечнымъ жаромъ, долѣзли мы до голой вершины, на самомъ высокомъ мѣстѣ которой стоялъ на подставкѣ высокій крестъ. Съ этой наивысшей точки (2.028 м.) Чорногоры мы видѣли почти весь хребетъ. На сѣверномъ горизонтѣ вырисовывались болѣе острыя очертанія изящной Говерли (2.058 м.); къ югу шли массивныя группы Буковинскихъ Карпатъ; слѣва и справа горизонтъ окаймляли опять горные хребты параллельныхъ предгорій. Цѣлыя сотни зеленыхъ, освѣщенныхъ солнцемъ травяныхъ вершинъ толпились на огромномъ пространствѣ; болѣе низкія вершины были покрыты лѣсами; ихъ темная зелень характерно отличалась отъ зелено-желтоватыхъ полонинъ. Прямо подъ нами обрывались круглые травяные склоны „Попа-Ивана", далѣе переходившіе въ болѣе пологіе склоны, бока которыхъ заросли лѣсомъ. Еще ниже вились долины и шли сплошной массой смерековыя гущи. Надъ всѣмъ этимъ—солнце, чистое небо, и только на горизонтѣ очертанія горъ немного тонули въ золотисто-голубомъ туманѣ.

Я видѣлъ Крымъ и Альпы; восторгался дикостью ущелій, скалъ и альпійскихъ ледниковъ; я очень люблю изящество крымскихъ вершинъ; но Карпаты представляютъ совершенно особое зрѣлище. Эти куполообразныя вершины почти одинаковой высоты, покрытыя зеленымъ ковромъ, эти поперечныя и продольныя долины, наполненныя лѣсомъ, представляютъ глазамъ что-то совершенно особенное. Молчаніе широкихъ полонинъ, голыя мѣста на высшихъ пунктахъ свѣтло-зеленыхъ, а чаще желтовато-

зеленыхъ вершинъ и высшихъ склоновъ, отсутствіе глубокихъ пропастей и скалъ—придаютъ всей панорамѣ, если можно такъ выразиться, трагическій, но не страшный характеръ. Какъ будто какая-то тайна, какое-то спокойное раздумье витаетъ надъ этими равнинами, гдѣ волнуется отъ рѣзваго горнаго вѣтра немного жесткая трава. Мѣстами на свѣтломъ фонѣ полонинъ растягивались темно-зеленыя пятна козодрева, особаго горнаго кустарника изъ породы хвойныхъ, и издалека казалось, что этотъ молодой лѣсъ старается ползкомъ добраться до заповѣдныхъ вершинъ... Но надо было торопиться и, осѣдлавши еще усталыхъ лошадей, мы въ раздумьи остановились предъ крутыми обрывами горы. Теперь надо было спуститься въ долину Черемоша съ другой стороны, по очень крутому юго-западному склону. Нечего было дѣлать, и мы начали спускаться. Лошади, осторожно ступая по камнямъ, часто садились на заднія ноги, а сѣдокамъ приходилось отбрасываться назадъ, чтобы сохранить равновѣсіе. Часто слышалось предательское шуршаніе скатывавшихся большихъ и малыхъ каменныхъ глыбъ, и нѣсколько секундъ конь ѣхалъ по нимъ внизъ на всѣхъ четырехъ ногахъ; но умное животное находило себѣ опорный пунктъ или бросалось вбокъ, а у путника духъ захватывало при взглядѣ внизъ. Уже не было смѣха и разговоровъ,—каждый внимательно смотрѣлъ впередъ и, стиснувъ бока лошади, ободрялъ ее возгласами. Къ счастью, все кончилось хорошо и только одинъ разъ лошадь моего товарища уже было повисла задними ногами въ воздухѣ, но выкарабкалась-таки. И сѣдла, и подпруги выдержали, и черезъ полчаса съ болѣе плоскаго откоса мы съ удивленіемъ смотрѣли на вершину „Попа-Ивана“ и на только-что пройденный путь: онъ казался намъ почти отвѣсной стѣной. Теперь ѣхать было уже опять хорошо, и черезъ часъ мы въѣхали по густой травѣ, достигавшей до нашихъ колѣнъ, въ дремучій лѣсъ; стройныя смереки поднимали вверхъ свои темныя верхушки и шумѣли своимъ вѣчнымъ таинственнымъ говоромъ. Подлѣсокъ изъ лиственныхъ деревьевъ былъ до половины высоты старыхъ елей; въ зелени его можно было видѣть громадные остовы лѣсныхъ великановъ, или поваленныхъ, или вырванныхъ съ корнемъ бурей. Собственно, черезъ такую дебрю ни пройти, ни проѣхать было бы невозможно, еслибы не ходы для стадъ. Въ полутьмѣ лѣса мы спускались внизъ по сырой, глинистой дорогѣ, и копыта лошадей то увязали въ грязи, то стучали по корнямъ. И такая сырая почва на этихъ вершинахъ объясняется, конечно, мягкостью породъ, изъ какихъ складывается эта часть Карпатскаго хребта. Мягкіе шиферы и песчаники скоро размываются

водою, вывѣтриваются и расчленяются корнями. Затѣмъ выростаетъ лѣсъ, а подъ нимъ каменистая почва, еле прикрытая глиной. Эта поверхностная почва, конечно, здѣсь всегда полна свѣтлой водой, дающей ниже начало источникамъ. (См. Заполовта и Ремана, „Труды Краковской физіографичной комиссіи"). Свѣжесть и чистота воздуха, смѣшаннаго съ благоуханіемъ елей, лиственницъ и медовыхъ травъ, была удивительна и совершенно оживила наши прогрѣтыя, пропеченныя солнцемъ тѣла. Лѣсъ огласился звонкой украинской пѣснью и задымились наши папиросы...

Постепенно мы углублялись все дальше и дальше въ этотъ лѣсной поясъ и незамѣтно добрались до второго ряда полонинъ, гдѣ уже вился дымъ пастушескихъ кулибъ. Гуцулы подробно объяснили намъ дальнѣйшее направленіе плаевъ, и часа черезъ три наши кони, моча губы въ пѣнистой водѣ, переходили въ бродъ потокъ Шибенный (бѣшеный). Здѣсь же, на высотѣ 1.024 метровъ надъ моремъ, появились и первыя гуцульскія хатки. Послѣ получасовой ѣзды то по водѣ, то по болоту, среди зелени молодого лѣса, мы выѣхали на узенькую тропинку, бѣжавшую надъ потокомъ. Вотъ вдали уже показались строенія перваго шлюза—„клавзуры на Шибеномъ", одной изъ самыхъ высокихъ и большихъ въ этихъ мѣстахъ. Потянулись луга, и еще выше ихъ, надъ лѣсами мы видѣли только-что покинутыя нами выси горъ. Надъ Черемошемъ, къ которому мы прибыли въ сумерки, идетъ хорошая, торная дорога; лошади пошли скорою рысью, и черезъ полчаса туристы были радушно приняты въ домѣ г. завѣдующаго лѣснымъ участкомъ. Насытившись прелестями его стола, среди котораго гуцульскія форели и украинская „старка" занимали почетное мѣсто, мы заснули богатырскимъ сномъ.

Этимъ, собственно, можно было бы и окончить описаніе поѣздки на Чорную гору, но мнѣ хочется познакомить читателя со здѣшнимъ курортомъ „Боркутъ", находящимся еще выше по долинѣ Чернаго Черемоша, въ трехъ миляхъ отъ дома лѣсничаго, куда мы и сдѣлали экскурсію на другой день. Напоивши коней въ серебристыхъ струяхъ этой удивительно красивой горной рѣки, мы двинулись быстро въ путь. Недавно проложенная здѣсь прекрасная дорога шла по берегу рѣки, въ тѣни нависшихъ вѣтвей суровыхъ елей; черезъ три часа эта дорога незамѣтно привела насъ въ Боркутъ. Боркутомъ, собственно, здѣсь называется малороссами каждый минеральный источникъ, содержащій или желѣзо, или другія соли; эти источники имѣются и въ Буковинѣ, и на венгерской сторонѣ. По дорогѣ къ курорту былъ тоже боркутъ

около самой дороги, окрашивая въ ярко-желтую краску окиси желѣза сосѣдніе камни и отлагая эту же окись на днѣ источника. Надъ нимъ устроена бесѣдка, и вода бѣжитъ по деревянному жолобу, причемъ изъ кружки, здѣсь стоящей, каждый можетъ свободно пить.

Километромъ выше по долинѣ, среди чуднаго лѣса находится еще одинъ Боркутъ, и при немъ курортъ для больныхъ. Этотъ источникъ даетъ больше воды, и она идетъ и для питья, и для тутъ же устроенныхъ горячихъ ваннъ. Надъ источникомъ, конечно, „ротонда", исписанная именами туристовъ, а въ погребѣ внизу можно пить боркута сколько хочешь. Тѣнистая, усыпанная пескомъ дорожка ведетъ внизъ въ отель; по бокамъ стоятъ скамьи для слабыхъ больныхъ. Курортъ состоитъ изъ двухъ флигелей; одинъ—для пріѣзжихъ, для которыхъ имѣется восемь свѣтлыхъ и чистыхъ комнатъ, съ окнами, выходящими прямо въ лѣсъ, и одноэтажное зданіе, гдѣ имѣется столовая и квартиры администраціи. Вода Боркута обладаетъ цѣлебными свойствами и удивительною способностью возбуждать здоровое ощущеніе голода, а купанье въ ней, какъ это я и мой товарищъ испытали, тоже укрѣпляетъ и вызываетъ неутолимое желаніе ѣсть. Земля и источникъ принадлежатъ „камераліи", т.-е. казнѣ, которая наконецъ провела сюда дорогу, построила всѣ зданія, разбила дорожки и даже внизу надъ Черемошемъ устроила кегель-банъ для курсистовъ. Само веденіе курорта сдается въ наемъ, и г-жа Локустова, арендующая вотъ уже четыре года курортъ, принимаетъ туристовъ и больныхъ за умѣренную плату, неизвѣстную швейцарскимъ отелямъ. За полное содержаніе и сытный и здоровый столъ—4 кроны 60 гелеровъ (т.-е. 2 рубля) въ день. Конечно, здѣсь нѣтъ той роскоши и шума, которые царятъ въ другихъ любимыхъ курортахъ. Нѣтъ электричества и горныхъ желѣзныхъ дорогъ. Со всѣхъ сторонъ закрыли отель зеленые крутые склоны Чорногоры, надъ которыми въ солнечный день сіяютъ полонины — мѣсто обычныхъ прогулокъ здоровыхъ гостей. Почта доставляется разъ въ день пѣшимъ или коннымъ гуцуломъ изъ ближайшей почтовой станціи въ Жабьемъ; телеграфа и даже постояннаго доктора тоже нѣтъ и въ поминѣ. Кухня и буфетъ не блистаютъ изысканностью винъ и закусокъ, но ѣда всегда свѣжая и довольно обильная. Ищущимъ спокойнаго и тихаго времяпрепровожденія, вѣроятно, очень понравится Боркутъ. Рѣдкіе посѣтители, русскіе украинцы отзывались съ большой похвалой о времени, тамъ проведенномъ. Здѣсь можно гулять, гдѣ хочешь — броситься на траву

и не заплатить за это штрафа, купаться въ Черемошѣ безъ обязательнаго костюма, и совершенно уже безданно и безпошлинно во всѣ легкія вдыхать въ себя воздухъ, подобный только альпійскому. Этотъ воздухъ, конечно, и есть самый главный союзникъ Боркута, и за его ощущеніе можно простить нѣкоторую простоту обстановки курорта. Высота курорта около 900 м.; долина обращена отверстіемъ на востокъ, а высокіе чорногорскіе великаны (Ладескунь 1.590 м., Копилачъ 1.598 м.) ограждаютъ его отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Сразу отъ курорта на юго-западъ поднимаются высоты „Бабы Людовой“ (1.586—1.610 м.). А выше надъ Чорнымъ Черемошемъ только тропинки ведутъ дальше въ горы въ рѣдкіе хутора, находящіеся выше 1.000 м. надъ уровнемъ океана. Любителямъ романтическихъ прогулокъ здѣсь раздолье,—поднятія на горы и посѣщеніе полонинъ можетъ занять весь сезонъ. Это одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ нашихъ Карпатъ. Черемошъ, катя свои волны по камнямъ, беретъ начало у вершины горы Лождуна (1.658 м.), южные склоны котораго принадлежатъ уже Венгріи. Несмотря на близость границы, здѣсь нѣтъ никакой торговли; нѣтъ даже переѣзда и транспортной дороги дальше. Сношенія—только мѣстныя съ малорусскимъ населеніемъ, живущимъ по долинамъ южной венгерской стороны. Провизія доставляется въ курортъ изъ нижнихъ долинъ и изъ г. Коломіи, ибо здѣсь въ горахъ можно имѣть только молочные продукты и кукурузу. Для жителей южной Россіи, хоть немного знакомыхъ съ малорусскимъ языкомъ, этотъ заграничный курортъ представляетъ ту особую прелесть, что въ разговорѣ съ населеніемъ можно употреблять свою родную рѣчь. Гуцулы говорятъ только на своемъ діалектѣ, почти тождественномъ съ говоромъ нашихъ подолянъ. Туристъ, не знающій ни нѣмецкаго, ни польскаго языка, которые здѣсь тоже совсѣмъ незнакомы, спокойно можетъ обходиться вездѣ языкомъ Квитки Основьяненка. Его вездѣ поймутъ и примутъ не какъ „чужинця“, а какъ брата-украинця. Украйна представляется здѣшнимъ гуцуламъ какимъ-то земнымъ раемъ, роднымъ мѣстомъ, хотя они о ней имѣютъ представленіе только отъ рѣдкихъ рабочихъ, бывавшихъ на заработкахъ въ „Россіи“. И дѣйствительно, много значитъ единство языка для частей одного народа, хотя и живущаго въ разныхъ условіяхъ. Эта часть земледѣльческаго украинскаго племени, заселившая по необходимости горную область за слишкомъ, вѣроятно, тысячу лѣтъ, должна была во многомъ измѣнить свой бытъ и свою обстановку въ зависимости отъ суровой природы Чорногоры.

На гуцуловъ дѣйствовали, кромѣ того, мадьярскія и румынскія вліянія. Въ ихъ обиходномъ разговорѣ часто проскальзываютъ татарскія и румынскія слова и корни съ малорусскимъ окончаніемъ. Ихъ костюмъ совершенно не походитъ на обычную одежду подолянина; ихъ домъ и его внутренняя обстановка тоже имѣютъ свои отличія. Хата гуцула сохранила всеобщій малорусскій типъ,—это деревянная, рубленая изъ толстыхъ смерековыхъ, а въ старину буковыхъ бревенъ, четырехугольная постройка съ четырехскатной крышей изъ драницы. Хата сѣнями раздѣляется на двѣ жилыхъ комнаты, съ печью въ каждой. Печь не имѣетъ трубы, и дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ сѣни, закапчивая ихъ стѣны черно-глянцевитою сажею. Вмѣсто хаты съ лѣвой стороны часто имѣемъ нашу комору. Жилое помѣщеніе имѣетъ ту же разстановку мебели, что и у насъ на Украйнѣ. Налѣво отъ входныхъ дверей печь съ лежанкой, далѣе—„пілъ" для сна обитателей; двѣ лавки идутъ по другимъ стѣнамъ, не обмазаннымъ глиной; между ними—столъ. Надъ дверями посудный шкафъ и справа полки для посуды („мисныкъ"). Здѣсь разставлены глиняныя миски и деревянная посуда съ рѣзными украшеніями. Эти рѣзныя издѣлія изъ прекрасныхъ и рѣдкихъ породъ лѣса составляютъ гордость гуцульскихъ мастеровъ. Встрѣчаются истинные художники среди населенія горныхъ селъ, и каждый, кто былъ въ музеѣ имени гр. Дѣдушицкаго (Львовъ), поражается какъ вкусомъ, такъ и чистотой отдѣлки. Всѣ эти скрыни, жбаны, коновки, ручки ножей и ложекъ имѣютъ свой національный характеръ и свою особую прелесть. Тѣ же издѣлія современныхъ рѣзьбарей-гуцуловъ, которыя я видѣлъ у пр. Грушевскаго и проф. Шухевича во Львовѣ, достойны занимать лучшее мѣсто въ гостиныхъ и салонахъ европейской буржуазіи. Къ несчастью, у гуцуловъ и у ихъ интеллигенціи мало инипіативы и благопріятныхъ условій для расширенія сбыта своихъ издѣлій. Школа, которая, если не ошибаюсь, существуетъ въ Коломіи, влачитъ жалкое существованіе, ибо не желаетъ стать на путь поддержанія народнаго творчества. Впрочемъ, я имѣлъ случай познакомиться съ однимъ изъ гуцульскихъ интеллигентовъ, который, живя въ глубинѣ горъ, имѣетъ намѣреніе дѣло издѣлій и ихъ сбыта поставить на болѣе широкій европейскій ладъ. Сдѣланы попытки устройства мастерской и печатанія иллюстрированнаго каталога. И безъ иллюстрацій любители красивыхъ вещей, конечно, не могутъ себѣ представить, какъ изящны и оригинальны всѣ „виробы" гуцульскихъ рѣзьбарей.

Возвращаясь къ внутреннему убранству гуцульской хаты, мы

видимъ тамъ еще нерѣдко кафельные камины надъ устьемъ печи, съ оригинальными рисунками гуцульскихъ кафельщиковъ. Обыкновенно рисунокъ сдѣланъ черными, зелеными и красными цвѣтами по бѣлому фону. Вотъ на одной гуцулъ въ святочной одеждѣ играетъ на трамбитѣ; вотъ еврей съ „пейсами", считающій деньги. Вотъ гуцульская пара танцуетъ знаменитую коломійку, а дальше—гуцулъ и его конь. Въ почетномъ углу висятъ изображенія грево-католическихъ святыхъ, причемъ наиболѣе уважаются Распятіе и Дѣва Марія.

Вокругъ трехъ сторонъ хаты крыша далеко и низко спускается почти до земли, и пространство подъ выступающей крышей обносится крѣпкимъ срубомъ. По бокамъ, рядомъ съ фасадомъ хаты, устроиваются двери, получается нѣчто въ родѣ корридора съ трехъ сторонъ жилого помѣщенія. Это—загоны для овецъ и козъ на зиму. Такимъ образомъ хозяинъ грѣетъ теплотою животныхъ свое жилье, а овцы получаютъ теплоту отъ стѣнъ жилого помѣщенія. Холода тутъ бываютъ очень сильные, причемъ снѣжныя бури не рѣдкость. И теперь пока гуцулы еще имѣютъ топливо, а раньше, по разсказамъ здѣшнихъ людей, гуцулъ просто вставлялъ въ хату конецъ ствола какого-нибудь лѣсного великана и, зажегши одинъ конецъ его, имѣлъ постоянный очагъ, который онъ долженъ былъ только передвигать. Въ высокихъ горныхъ долинахъ зажиточные хозяева окружаютъ хату со всѣхъ переднихъ сторонъ высокимъ, сложеннымъ изъ бревенъ заборомъ; справа и слѣва находятся небольшое помѣщеніе для лошади, комора и складъ дровъ, а передъ входомъ въ хату—высокія ворота и фортка подъ небольшимъ навѣсомъ изъ драницы. Дворикъ получается очень узкій, и хаты почти не видно за высокимъ заборомъ. Это устройство называется „хата з граджею" (огорожей) и защищаетъ гуцула отъ заносовъ и вѣтра. Тутъ же около хаты сейчасъ начинаются огороды—кусокъ поля съ картофелемъ, льномъ, коноплей и рѣдко съ чѣмъ-нибудь другимъ. Вокругъ—сѣнокосы, огороженные лежачими заборами, высокія колья которыхъ представляютъ особенность гуцульскаго ландшафта. Этотъ заборъ разбирается въ одну минуту, чѣмъ и пользуются для пригоновъ скота, проѣзда и перемѣны угодья. Луга поднимаются отлого вверхъ до самыхъ лѣсовъ, и сѣрыя линіи заборовъ пересѣкаютъ ихъ зелень въ видѣ ломаныхъ зигзаговъ. Сѣно обыкновенно хранится надъ землей въ четырехугольныхъ постройкахъ („оберога"), на четырехъ высокихъ столбахъ. На $1^{1}/_{2}$—2 аршина надъ землей устроена между столбами площадка, на которую до верха накладываютъ сѣна. Иногда всѣ стороны

до верхушки забираютъ досками, а сверху дѣлаютъ четырехскатную крышу. Такъ защищаютъ гуцулы свое сѣно отъ скотины, вѣтра и талой весенней воды. Сѣно же для нихъ необходимо. Безъ него нѣтъ коня, нѣтъ овецъ и коровъ — единственнаго богатства горца-гуцула.

Изъ Боркута той же долиной Черемоша спустились мы опять въ Жабье, откуда я уже пѣшкомъ отправился внизъ, мимо чудныхъ горскихъ селъ, Криворивня, Яворовъ и др., въ Коломію. Такой путь пѣшкомъ по этимъ свѣжимъ и тѣнистымъ мѣстамъ не представляетъ ничего утомительнаго. Долина горнаго Черемоша ниже Кутъ и до самыхъ Кутъ полна чарующей красоты. Раскинувшись широко и давъ просторъ для нижнихъ частей с. Жабьяго, которое имѣетъ телеграфно-почтовую контору, школу, судъ и еврейскія лавки, долина затѣмъ съуживается, и Черемошъ, повернувъ къ востову, пробиваеть себѣ путь въ песчаниковыхъ твердыхъ породахъ. Скалы выставляютъ свои темно-сѣрыя вершины, сильно поддавшіяся вывѣтриванію и размыванію. Онѣ иногда образуютъ почти отвѣсныя стремнины, а вершины ихъ и здѣсь окаймлены зеленымъ, уже смѣшаннымъ лѣсомъ. Ползучіе кустарники часто ползутъ по сѣрому и желтоватому камню и придаютъ скаламъ какую-то прозрачную легкость. Условія жизни уже на этой высотѣ (ниже 600 м.)—совсѣмъ не тѣ, съ которыми мы встрѣчались выше Жабьяго, и населеніе гораздо плотнѣе. Сѣрыя крыши гуцуловъ прячутся далеко на верхнихъ отлогихъ склонахъ, испещренныхъ заборами и обработанными кусочками полей. Рѣчная долина представляетъ непрерывное поселеніе; отдѣльныя усадьбы, сильно сплочиваясь въ центрѣ села, гдѣ обыкновенно находятся церковь и корчма, сопровождаютъ Черемошъ. Долина даетъ мѣсто сѣнокосамъ и обработаннымъ нивамъ кукурузы, овса, конопли и картофеля. Очень часто грушевыя, сливовыя деревья и яблони образуютъ столь любимый у малороссовъ „садокъ". Сзади усадебъ стоятъ колоды для пчелъ, собирающихъ на лугахъ удивительно ароматный, бѣлый и вкусный медъ. Чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ шире долина, тѣмъ больше выступаетъ малорусскій характеръ внѣшней культуры. Уже передъ с. Кутами (339 м.) горы дѣлаются очень широкими и невысокими холмами (700 — 500 м.), поросшими надъ рѣкою еловымъ, а внутри страны роскошнымъ дубовымъ и грабовымъ лѣсомъ. Ландшафтъ сильно измѣняется, и только на западѣ еще поднимаются вершины королей Чорногоры, а уже на востокѣ мѣстность принимаетъ холмистый видъ. Это одна изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Галичины, и вся эта страна до Прута и дальше

носитъ названіе Покутья. Здѣсь хаты уже по большей части крыты соломой, обмазаны съ одной стороны бѣлой глиной. Высокія стодолы (клуни) высовываютъ свою острую крышу подъ сливнякомъ, и въ каждомъ дворѣ уже есть загорода, и скирды хлѣба удостовѣряютъ, что земледѣліе здѣсь главная основа благосостоянія этой плодородной аллювіальной долины и глинистыхъ холмовъ.

Тутъ мы уже попрощаемся съ нашими горными гуцулами. Передъ нами съ одного холма по дорогѣ въ Коломію открылась ясно вся панорама Чорногоры — изящная Говерля на сѣверо-западѣ, затѣмъ—спокойныя очертанія другихъ великановъ, которыхъ съ юга замыкаетъ „Попъ-Иванъ". Надъ ними играетъ солнце, ниже полонинъ темнѣютъ лѣса, и туманъ уже клубится надъ долинами, питающими такія рѣки, какъ Прутъ и Днѣстръ. Передъ горами разсыпались предгорья съ ихъ зелеными, куполообразными очертаніями. Багровое солнце заходило за горами и, наконецъ, скрылось, и на красно-малиновомъ небосклонѣ вырисовался профиль Чорногоры, сразу потемнѣвшей до темно-синяго цвѣта. Казалось, горы хотѣли запечатлѣться въ моихъ глазахъ; казалось, что онѣ отдѣляютъ Покутье отъ огненнаго пожара. Я долго любовался ихъ силуэтами и, послѣдній разъ окинувъ глазами Гуцульщину, началъ спускаться по широкой дорогѣ къ долинѣ Прута. Гуцульщина, ея полонины, ея красивые горцы и мелодіи ихъ трамбитъ,—вся эта горная обстановка осталась позади, въ темныхъ громадахъ засыпающихъ хребтовъ; я входилъ въ Покутье, гдѣ все каждую минуту переносило мое воображеніе въ нашу Лубенщину. Начиналась уже земледѣльческая Украйна, и мое малорусское сердце забилось сильнѣе. Тихая ночь спускалась надъ холмами; я ускорилъ шаги, и черезъ часъ уже спалъ на соломѣ въ стодолѣ какого-то гостепріимнаго покутянина.

М. Русовъ.

Лейпцигъ.

СУПРУГА МИНИСТРА

— Gerolamo Rovetta, „La moglie di Sua Eccelenza". Romanzo Milano, 1904.

III *).

Ремигія не всегда только шутитъ и смѣется, оставаясь наединѣ съ Джіакомо. Иногда въ ея голубыхъ веселыхъ глазахъ мелькаетъ холодный стальной блескъ—она сосредоточенно наблюдаетъ и дѣлаетъ свои заключенія. Ремигія уже основательно изучила характеръ Джіакомо, знаетъ его вкусы, привычки и, никогда себя не выдавая, умѣло завоевываетъ его симпатіи. Она замѣтила, что у него,—какъ и у всѣхъ „буржуа", по ея мнѣнію,—сильно развиты семейныя чувства, и при всякомъ удобномъ случаѣ старается потворствовать и этой его слабости.

Каждый день, около четырехъ часовъ, вся семья отправляется гулять въ сопровожденіи Марко Дановы, сэра Вуда и всей свиты „идола". Ремигія настаиваетъ всегда на томъ, чтобы и Джіакомо шелъ съ ними, и отрываетъ его отъ работы, которою онъ занимается и въ горахъ. Однажды затѣвается болѣе продолжительная прогулка въ Гріонъ, и въ виду того, что Джіакомо всегда является позже другихъ и всѣхъ этимъ задерживаетъ, Ремигія рѣшаетъ поторопить его. Выйдя изъ своей комнаты, она, прежде чѣмъ спуститься внизъ, стучитъ въ дверь кабинета Джіакомо:

—Токъ-токъ! Это я, ваше превосходительство. Можно къ вамъ?

— Войдите!

---

*) См. выше: іюль, стр. 192.

Ремигія отворяетъ дверь и останавливается на порогѣ.

— Не задерживайте насъ сегодня, пожалуйста! — Сказавъ это, она спокойно и рѣшительно входитъ въ его комнату.

Чтò въ этомъ дурного? Почему ей не войти въ кабинетъ beau-frère'а своей сестры... пожилого человѣка, уже... бывшаго министра?

Она подходитъ къ письменному столу, за которымъ онъ сидитъ.

— Чѣмъ вы заняты?

Джіакомо нѣсколько удивленъ появленіемъ молодой дѣвушки, но только въ первую минуту... Вѣдь она настоящій ребенокъ, совершенно наивный, и ее нельзя принимать въ серьёзъ.

— Я пишу докладъ о покровительственной пошлинѣ на зелень; я представлю его на обсужденіе палаты въ ноябрѣ. Это скучная матерія—въ особенности для нашей малютки.

— Тѣмъ болѣе основанія бросить работу. Поспѣшите собраться. Сегодня мы идемъ въ Гріонъ; это далеко.

— Я готовъ.

Джіакомо собираетъ листки, разбросанные по всему столу, и складываетъ ихъ въ порядкѣ въ папку. Ремигія внимательно оглядываетъ комнату.

— Сколько книгъ, газетъ и журналовъ!.. Положительно, почтальонъ приходитъ въ Вилларъ только для васъ. Мнѣ онъ приноситъ только изрѣдка какія-нибудь иллюстрированныя открытки... А какъ бы я хотѣла получать много писемъ!

— А вы думаете—весело отвѣчать на нихъ? Это очень утомительно.

Ремигія уже не слушаетъ его. Она видитъ на письменномъ столѣ большой портретъ въ черной рамкѣ и внимательно его разглядываетъ. На портретѣ изображена старая женщина съ худощавымъ лицомъ,—очень похожая на его превосходительство,— въ скромномъ черномъ платьѣ, съ гладко причесанными волосами. На шеѣ у нея толстая золотая цѣпь, перехваченная по срединѣ пристегнутой на груди большой брошкой съ портретомъ—очевидно ея мужа.

„Это мать!—догадывается Ремигія.—Богатая колбасница!" — И она восклицаетъ нѣжнымъ, пѣвучимъ голосомъ, напоминающимъ отчасти голосъ Маріи:

— Какая красивая дама! Какое симпатичное выраженіе лица,—такое мягкое!.. Это ваша мама?

— Да, — отвѣчаетъ съ изумленіемъ Джіакомо. — Это моя мать. Какъ это вы догадались?

— Она очень похожа на васъ!—Ремигія поднимаетъ глаза на Джіакомо, слегка краснѣетъ и повторяетъ:—очень...—произнося это слово совершенно какъ Марія.

„Какая славная дѣвочка!—думаетъ Джіакомо.—Капризная, сущій дьяволенокъ, но у нея нѣжная душа и такой обаятельный голосъ... совсѣмъ какъ у сестры!“

— Идемте, синьорина-малютка. Я къ вашимъ услугамъ.

Ремигія не двигается съ мѣста; она продолжаетъ пристально глядѣть на портретъ, потомъ переводитъ глаза на Джіакомо и говоритъ, глубоко вздохнувъ:

— Какъ вы, вѣрно, любите свою маму!

Съ этого дня Джіакомо часто застаетъ у себя на столѣ, передъ портретомъ матери, свѣжіе цвѣты.

„Милая дѣвочка!“—Джіакомо улыбается и думаетъ о томъ, какъ неосновательны иногда бываютъ антипатіи.—„Нужно хорошо знать людей, прежде чѣмъ ихъ осуждать,—убѣждаетъ онъ себя.—Вѣдь даже герцогиня Христина съ своей театральной величавостью кажется совершенно другой при частомъ общеніи... У нея въ лицѣ много общаго съ Маріей, только глаза другіе: холодные, недобрые. И дядя Розалино въ сущности добрякъ, хотя и напускаетъ на себя важность. А Ремигія?..—Джіакомо улыбается.—Бѣдная малютка! Я ее прежде терпѣть не могъ“.

Онъ приходитъ къ заключенію, что всѣ Монкавалло—милые люди, съ изысканными вкусами и привычками.—„И какъ это Луціанъ, живя въ ихъ обществѣ, остался такимъ... каковъ онъ теперь! Видно, онъ родился не человѣкомъ... а чудовищемъ“!

Свѣжіе цвѣты передъ портретомъ матери снова напоминаютъ ему о Ремигіи.

„Почему она не выходитъ замужъ? Въ претендентахъ, кажется, недостатка нѣтъ. Хотя бы тотъ же Данова... Но онъ ей не нравится. Она находитъ его уродливымъ, старымъ и отвратительнымъ,—она сама мнѣ это сказала; и она права. Да онъ къ тому же человѣкъ сомнительной нравственности. Сэръ Вудъ—фатъ, а она умная дѣвушка и сразу его поняла. Но почему бы ей не выйти за Тото?.. Впрочемъ, кажется, онъ ей не нравится—и у него нѣтъ денегъ... Жаль“!

Джіакомо щедръ, и еслибы нужно было, т.-е. еслибы онъ зналъ, что „малютка“ любитъ Тото, онъ бы позаботился о приданомъ. Вѣдь Ремигія почти его родственница, сестра его невѣстки.

Подобно Джіакомо, который сталъ лучшаго мнѣнія о семьѣ Монкавалло, узнавъ ее поближе, Монкавалло въ свою очередь

находятъ, что „сатрапъ-лавочникъ“ измѣнился къ лучшему въ Вилларѣ.

— Этотъ... Джіакомо теперь ничего,—говоритъ герцогиня-мать въ послѣобѣденной бесѣдѣ съ братомъ, на террасѣ; князь Розалино дремлетъ въ креслѣ съ величественнымъ выраженіемъ лица.—Онъ перемѣнился къ лучшему въ нѣсколько дней, сталъ почти человѣкомъ отъ міра сего.

— Да, онъ теперь ничего, — повторяетъ князь, поднимая слегка кверху свою длинную бороду.—Наше общество на него хорошо вліяетъ.

— Ему, повидимому, пріятно проводить время съ идоломъ.—Наступаетъ пауза, потомъ герцогиня возобновляетъ разговоръ о Джіакомо:—Сколько ему лѣтъ?

— Не могу сказать въ точности, но во всякомъ случаѣ ему за сорокъ.

— Онъ съ виду моложе. Онъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые долго сохраняютъ моложавый видъ и могутъ всегда имѣть успѣхъ у женщинъ, благодаря своимъ талантамъ.

Старый князь съ античнымъ лицомъ улыбается, какъ бы сравнивая маленькаго, тщедушнаго министра съ своей собственной величественной фигурой:

— Онъ сухъ какъ щепка и весь сотканъ изъ нервовъ, этотъ великій человѣкъ!

— Теперь онъ значительно пополнѣлъ и здоровье его окрѣпло... Онъ могъ бы сдѣлать самую блестящую партію, еслибы вздумалъ жениться. Онъ такъ богатъ! Говорятъ, что у него милліонъ годового дохода.

Розалй издаетъ звукъ, похожій не то на вздохъ, не то на храпъ, и говоритъ поучительнымъ тономъ:

— Деньги и здоровье—главная цѣль жизни.

Наступаетъ молчаніе. Герцогинѣ Христинѣ жарко; она обмахивается вѣеромъ, прикладываетъ платочекъ къ вспотѣвшему лицу и шеѣ. Говоря о Джіакомо, она вспомнила о его братѣ—о своемъ очаровательномъ зятѣ, и задыхается при одной мысли о немъ...

— Уфъ, какая сегодня жара! Просто невыносимо!

— Конечно, изъ двухъ братьевъ...—начинаетъ князь, угадывая мысли сестры... но онъ не договариваетъ фразы и глядитъ на герцогиню сонными глазами. Потомъ онъ снова возобновляетъ разговоръ:—Одинъ измѣнился къ лучшему, а другой становится все хуже да хуже... Что же дѣлать!

— Что же дѣлать! — вторитъ герцогиня. — Нужно вооу-

житься терпѣніемъ. Друзей можно выбирать, а родственниковъ приходится принимать такими, какими ихъ посылаетъ судьба.

Князь открываетъ глаза. Сонливость его исчезла, какъ только рѣчь зашла о Луціанѣ.

— Неужели отъ него не было писемъ, телеграммъ?—спрашиваетъ онъ.

— Ни слова. Даже Закарелла ничего не получалъ.

— А вѣдь ужъ прошла недѣля со дня его отъѣзда... Значитъ, онъ въ Парижѣ.

Это заключеніе успокоиваетъ Розали. Онъ вытягиваетъ ноги и снова закрываетъ глаза, бормоча:

— Въ сущности, еслибы этой Фанфанъ не было на свѣтѣ, ее бы нужно было выдумать... Только благодаря ей мы иногда можемъ отдохнуть отъ него.

Герцогиня ничего не возражаетъ, но она не согласна съ нимъ.

— А что, если онъ окончательно разорится? — говоритъ она.—Говорятъ, что у нея чахотка... но на чахоточныхъ нельзя положиться! Они иногда живутъ дольше здоровыхъ... А идолъ?— Герцогиня опять обмахивается вѣеромъ. Ей невыносимо жарко. Мысль о необходимости найти мужа для „идола" опять овладѣла ею и сильно ее тревожитъ.—Необходимо найти ей подходящую партію. Нужно спѣшить! Ей уже двадцать лѣтъ!

Становится все темнѣе, и только на западѣ зардѣлись блѣднымъ свѣтомъ верхушки горъ; но и онѣ вскорѣ потухаютъ, и на небо медленно выплываетъ луна. Наступаетъ глубокое молчаніе, прерываемое только громкимъ трещаніемъ кузнечиковъ. Вдругъ раздается рѣзкій звукъ удара по лицу; это князь Розалино ударилъ самъ себя.

— Проклятые комары!—сердито восклицаетъ онъ.—А синьоръ Трюбъ не вѣритъ, что отъ нихъ здѣсь житья нѣтъ... Вотъ бы поглядѣлъ!

IV.

Девять часовъ утра. Джіакомо сидитъ уже цѣлый часъ за письменнымъ столомъ и работаетъ, какъ вдругъ слышитъ легкій стукъ въ дверь:—Токъ-токъ! Можно къ вамъ?

— Войдите!

— Это я.—Ремигія входитъ въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ, малютка!

Джіакомо уже привыкъ къ посѣщеніямъ молодой дѣвушки. Она заходитъ за нимъ каждое утро, прерывая его работу надъ

докладомъ о покровительственныхъ пошлинахъ, и уводитъ его учиться играть въ теннисъ. Ученіе происходитъ въ утренніе часы, когда нѣтъ другихъ играющихъ.

— Надѣюсь, что не будетъ публики? Я такъ смѣшонъ, когда прыгаю и кружусь какъ синьоръ Трюбъ.

— Никого не будетъ, кромѣ нашихъ партнеровъ—Мими, mademoiselle и Тото. Къ тому же вы сдѣлали большіе успѣхи и не дурно играете.

— Не льстите, малютка! Я вѣдь не играю, а только упражняю мои слабые мускулы и легкія. Но мнѣ совѣстно злоупотреблять терпѣніемъ партнеровъ. Я вижу, какъ Тото выходитъ изъ себя при моихъ неловкихъ ударахъ и утѣшается только тѣмъ, что вы переглядываетесь съ нимъ украдкой.

Ремигія слегка краснѣетъ. Она, дѣйствительно, смѣется иногда исподтишка надъ неуклюжими движеніями Джіакомо, обмѣниваясь быстрымъ взглядомъ съ кузеномъ.

— Тото воображаетъ, что играетъ въ совершенствѣ,—говоритъ она, скрывая свое смущеніе,—а это неправда. Ему недостаетъ спокойствія въ игрѣ, у него нѣтъ стиля. Онъ плохой игрокъ.

— Бѣдный юноша! Почему вы так суровы къ нему? А онъ-то...—Джіакомо не кончаетъ фразы.

— Чѣмъ я виновата, что онъ мнѣ не нравится?—возбужденно возражаетъ Ремигія. — Только не говорите объ этомъ мамѣ и дядѣ. Они все надѣются... Но я не могу... полюбить его. Мы вмѣстѣ росли, я слишкомъ къ нему привыкла. Онъ мнѣ кажется еще мальчикомъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы, можетъ быть, изберете Марко Данову? Онъ-то ужъ не мальчикъ.

— Онъ старецъ... изъ „Аиды“, или съ картины Тинторетто.

— Ну, а обольстительный сэръ Вудъ?

Ремигія, которая принялась-было со смѣхомъ напѣвать маршъ изъ „Аиды“ и ходить по комнатѣ медленными, торжественными шагами, вдругъ останавливается. Она уже не смѣется и говоритъ возмущеннымъ тономъ:

— Мнѣ это надоѣло, слышите! Вы еще хуже мамы со своимъ желаніемъ во что бы то ни стало найти мнѣ мужа. Объявляю вамъ разъ навсегда, что ваши уговоры напрасны. Я не сдѣлаю вамъ этого удовольствія—не выйду замужъ.—Сказавъ это, Ремигія опять смѣется, трубитъ, приставивъ руку ко рту, и ходитъ по комнатѣ церемоніальнымъ маршемъ.

Джіакомо беретъ шляпу и направляется къ двери. Но Ремигія его останавливаетъ.

— Покажите мнѣ портретъ тети Джіоконды!

— Охотно бы показалъ вамъ—въ Болоньѣ или Римѣ. Здѣсь у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Она меня такъ заинтересовала по вашимъ разсказамъ. Какая она оригинальная женщина, и такая благородная, добрая! Сколько въ ней прямоты и ума!

Джіакомо д'Ореа улыбается, обрадованный словами Ремигіи.

— Можетъ быть, вся ея оригинальность и заключается въ ея добротѣ,—говоритъ онъ, — а весь ея умъ въ томъ, что она никогда не старается казаться иной, чѣмъ она въ дѣйствительности... Но идемте играть въ теннисъ, малютка!

Ремигія дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе плечами.

— Не называйте меня „малюткой"! Мнѣ все кажется, что вы смѣетесь и не хотите серьезно отнестись ко мнѣ.

— Вы ошибаетесь,—поспѣшно возражаетъ Джіакомо и, взявъ руку молодой дѣвушки, крѣпко пожимаетъ ее. — Я ничуть не смѣюсь надъ вами. Я говорю вамъ — „малютка", какъ сказалъ бы „дорогая", какъ называлъ бы васъ, будь я вашимъ отцомъ.

Ремигія глядитъ ему въ лицо, и ея голубые глаза полны нѣжности.

— Если вамъ это нравится,—позволяю вамъ называть меня всегда „малюткой".

При первыхъ урокахъ игры въ теннисъ—посторонней публики почти нѣтъ. Одинъ только Марко Данова аккуратно появляется каждое утро; онъ ухаживаетъ одновременно и почти съ одинаковымъ рвеніемъ за Джіакомо—изъ практическихъ соображеній—и за Ремигіей, въ которую влюбленъ. Кромѣ него постоянно присутствуетъ при урокахъ хозяинъ отеля, Трюбъ. Онъ считаетъ своимъ долгомъ всячески прислуживаться своему знатному пансіонеру, поднимаетъ упавшіе мячи и вмѣстѣ съ барономъ неистово апплодируетъ всякому удару Джіакомо.

— Браво, брависсимо, ваше превосходительство! Мячъ упалъ въ сѣтку, но это не ваша вина.

— Удивительный ударъ!—поддакиваетъ баронъ.—Вы дѣлаете большіе успѣхи. Ваша прелестная учительница должна гордиться вами.

— Если вы, ваше превосходительство, пробудете въ Вилларѣ до конца сентября, вы сдѣлаетесь первокласснымъ игрокомъ въ теннисъ.

Джіакомо, утомленный, вспотѣвшій, вытираетъ платкомъ влажный лобъ, и говоритъ, съ трудомъ переводя дыханіе:

— Я васъ сто разъ просилъ, синьоръ Трюбъ, не называть

меня „превосходительствомъ“. Милостью Божіей и волей народа, я освобожденъ отъ этого титула.

Но мало-по-малу публика, присутствующая при урокахъ, становится болѣе многочисленной; вся мужская молодежь отеля приходитъ любоваться Ремигіей и наблюдать за успѣхами Джіакомо, очень любезнаго со всѣми.

Сэра Вуда Ремигія приглашаетъ сама:

— Приходите завтра утромъ смотрѣть, какъ мы играемъ въ теннисъ. Вы мнѣ скажете, умѣю ли я обучать игрѣ по всѣмъ правиламъ. Вѣдь вы такой знатокъ! Такъ придете ровно въ девять часовъ? Да? Не забудьте же—я васъ очень прошу.

Сэръ Вудъ, конечно, не забываетъ обѣщанія, и на слѣдующій же день является ровно въ девять часовъ. Увидѣвъ его издали, ровно и твердо шагающаго, въ своемъ изящномъ утреннемъ костюмѣ, Ремигія топаетъ ногой и говоритъ на ухо своему „милому барону“:

— Mon Dieu, mon Dieu! Опять этотъ конфетный Аполлонъ! Ни на минуту нельзя остаться одnимъ, даже рано утромъ. Истинная мука!

Данова, который уже было-нахмурился, успокоивается. Но на слѣдующее утро онъ съ ужасомъ видитъ, что къ началу игры собираются всѣ остальные поклонники Ремигіи: monsieur Мало съ букетомъ альпійскихъ цвѣтовъ, Лотаръ Шмидтъ и другіе. Ремигія старается поддерживать всѣхъ въ хорошемъ настроеніи духа, обмѣнивается исподтишка взглядами съ сэромъ Вудомъ, любезно улыбается monsieur Мало, дѣлаетъ шуточные комплименты Лотару Шмидту, бросаетъ угрожающіе взгляды на Тото, позволяетъ „фараону“ нѣжно пожимать ея руку, и ей удается такимъ образомъ держать въ повиновеніи весь свой маленькій дворъ. Никто не ропщетъ; всѣ влюблены.

Сама же Ремигія всегда держится на сторожѣ, готовая ко всякимъ событіямъ. Въ одинъ прекрасный день—неизвѣстно, какъ это случилось—всѣ ухаживатели молодой герцогини начинаютъ бунтовать: они уже ревнуютъ ее не другъ къ другу, а всѣ вмѣстѣ—къ его превосходительству.

Ремигія не смѣется, не вздыхаетъ, не выходитъ изъ себя. Она перемѣнила тактику: видъ у нея очень серьезный и таинственный.

— Неужели вы не понимаете?—говоритъ она каждому изъ воздыхателей.—Такъ-таки ничего не понимаете? Какъ странно! Это „бремя“ мнѣ навязано сестрой... приходится принести себя въ жертву... Что же дѣлать! Приходится молча все переносить!

Она поднимаетъ глаза къ небу и крѣпко сжимаетъ губы съ видомъ невинной жертвы.

Мать Ремигіи тоже приходитъ каждое утро подъ-руку съ братомъ поглядѣть на игру; она счастлива тѣмъ, что „идолу“ весело, и въ душѣ ея возникаютъ надежды, на которыя она намекаетъ брату.

— Жаль только, если придется скоро уѣхать, — говоритъ она со вздохомъ.—Сезонъ уже кончается, и всѣ понемногу разъѣзжаются. Если и намъ придется уѣхать, все разстроится.

Князь ди Сантъ-Эводіо очень доволенъ пребываніемъ въ Вилларѣ—столъ въ отелѣ хорошій и разнообразный. У него нѣтъ никакого желанія уѣзжать.

— Чего намъ спѣшить? Можно пробыть здѣсь еще весь сентябрь и даже дольше. Хозяинъ увѣряетъ, что самое очаровательное время въ Вилларѣ—первая половина октября.

— Да, но если... милѣйшій Луціанъ внезапно вернется или вызоветъ насъ изъ Виллара телеграммой... что тогда?

— Онъ посылаетъ телеграммы только Закареллѣ, требуя высылки денегъ.—Князь Розалино лукаво усмѣхается.—Будемъ надѣяться, Христина, что ему... пріятно въ Парижѣ.

Они медленными шагами возвращаются въ отель. У дверей сидитъ Тото, съ потухшей трубкой во рту. Онъ уже два дня не играетъ по утрамъ въ теннисъ. Герцогиня глядитъ на него въ лорнетъ и говоритъ брату въ полголоса:

— Знаешь, Розалй, по моему, слѣдовало бы удалить хоть на нѣсколько дней Тото. Но подъ какимъ предлогомъ?

Розалино думаетъ нѣсколько времени и говоритъ сестрѣ:

— Mademoiselle собирается навѣстить своихъ родственниковъ. Пошлемъ Тото сопровождать ее.

— Отлично, такъ и сдѣлаемъ. — Христина сейчасъ же мѣняетъ тему разговора. — Какъ хорошо дѣйствуетъ горный воздухъ на нашего Джіакомо! Онъ съ каждымъ днемъ молодѣетъ. Когда онъ подлѣ „идола“, нельзя сказать, что между ними очень большая разница лѣтъ.

Джіакомо, дѣйствительно, очень поправился. Лицо его порозовѣло и уже не такое высохшее и изможденное, какъ прежде. Послѣ игры въ теннисъ, онъ не ощущаетъ боли въ рукахъ и ногахъ, какъ въ первое время. Онъ ходитъ цѣлыми часами и не устаетъ. Что касается тенниса, то онъ, конечно, не достигъ совершенства въ игрѣ—къ этому онъ и не стремится,—но онъ держитъ правильно ракетку и иногда ему удается очень ловко отбрасывать мячъ. Во всякомъ случаѣ, моціонъ на свѣжемъ воз-

духѣ очень благотворно дѣйствуетъ на его здоровье. Только иногда во время игры имъ овладѣваетъ тревога: это совпадаетъ съ появленіемъ въ саду стройной женской фигуры въ бѣломъ платьѣ. Онъ боится, чтобы она не подошла къ сѣткѣ; ему непріятно показаться ей смѣшнымъ и неуклюжимъ въ игрѣ, требующей молодости и силы.

Марія-Грація какъ бы догадывается о его безпокойствѣ; каждое утро она ходитъ по саду или садится читать неподалеку отъ тенниса, но никогда не подходитъ къ сѣткѣ. Ремигія замѣчаетъ все это; чтобы убѣдиться, что она не ошибается, она, едва завидѣвъ сестру, подзываетъ ее.

— Марія - Грація!.. Дорогая! Иди сюда, посмотри, какіе успѣхи дѣлаетъ твой beau-frère!

— Не зовите ее!—восклицаетъ Джіакомо съ необычной рѣзкостью.—У васъ особая страсть созывать людей, чтобы выставить меня въ смѣшномъ видѣ!

Ремигія лукаво перемигивается съ Дановой, которому сообщила о своихъ подозрѣніяхъ, и защищается съ невиннымъ видомъ:

— Простите, Джіакомо!.. вы несправедливы ко мнѣ. Я вѣдь не чужихъ зову, а сестру, вашу невѣстку.—И она опять зоветъ, еще громче:—Марія! Марія!

— Я боюсь стоять на солнцѣ, — отвѣчаетъ Марія и медленно уходитъ.

— Прощай, дорогая!

— Прощай, малютка!

Опасность миновала, и Джіакомо опять весело играетъ и смѣется надъ своими неудачами. Въ ушахъ его долго раздается очарованіе словъ: „Прощай, малютка“, которыя наполняютъ для него весь садъ атмосферой любви и нѣжности. Онъ и не замѣчаетъ лукавства Ремигіи, устроившей ему западню.

V.

Однажды утромъ къ играющимъ въ теннисъ подходитъ еще одна, очень величественная особа—м-ссъ Эйръ. Какъ бы испугавшись шума, она сейчасъ же отходитъ, садится на скамейку подальше и во время перерыва игры издали киваетъ головой Джіакомо, здороваясь съ нимъ; онъ, изъ вѣжливости, спѣшитъ подойти къ ней.

— Вы, кажется, дѣлаете успѣхи,—любезно говоритъ англичанка.

Ремигія смѣется, незамѣтно поглядывая въ ихъ сторону, и призываетъ въ полголоса Данову, сэра Вуда и Тото, чтобы и они полюбовались смѣшной сценой.

— Старая полковница влюблена въ него, — говоритъ она, едва удерживаясь отъ громкаго хохота,—увѣряю васъ, влюблена по уши!

Это, конечно, клевета. М-ссъ Эйръ вѣрна своему супругу, и останется ему вѣрна, даже если ихъ будутъ раздѣлять не двадцать, а сорокъ дней пути. Но она признаетъ, изъ чувства справедливости, что среди всей этой итальянской орды—господъ, слугъ и собакъ—единственное лицо, заслуживающее вниманія и уваженія,—депутатъ д'Ореа.

Это она заявляетъ и Трюбу, явившись къ нему въ бюро и глядя на него очень величественно.

— Могу вамъ сообщить, — говоритъ она торжествующимъ тономъ,—что этотъ вашъ знаменитый министръ, который теперь вовсе не министръ, а только обыкновенный депутатъ, просилъ чести быть мнѣ представленнымъ!..—Голосъ ея становится еще болѣе громкимъ и вызывающимъ. — Его представилъ мнѣ этотъ вашъ баронъ, обанкротившійся въ Венеціи, прежде чѣмъ нажилъ милліоны въ Каирѣ. Вашъ министръ,—т. е. не министръ, а депутатъ—очень благовоспитанный человѣкъ. Я-то умѣю объ этомъ судить, и говорю вамъ, что изъ всей этой итальянской орды—господъ, слугъ и собакъ—одинъ только онъ достоинъ вниманія и уваженія.

Джіакомо былъ, дѣйствительно, представленъ м-ссъ Эйръ барономъ Данова, но первый шагъ къ знакомству сдѣланъ былъ ею—по весьма уважительнымъ, въ ея глазахъ, причинамъ. Она прочла разъ въ „Times"'ѣ—въ самомъ „Times"'ѣ!—очень лестную замѣтку о бывшемъ министрѣ д'Ореа; итальянскій корреспондентъ восхвалялъ его какъ финансиста и политическаго дѣятеля, а также какъ человѣка безупречнаго въ частной жизни. М-ссъ Эйръ презирала продажныя похвалы Трюба и возмущалась ими, но она не могла оставаться равнодушной къ тому, что̀ говоритъ „Times"!

Конечно... мельницы и колбасныя лавки... но все-таки нуженъ и талантъ! Въ „Times"'ѣ сказано, что д'Ореа безъ колебанія отказался отъ министерскаго портфеля, чтобы остаться вѣрнымъ своему идеалу справедливости... Справедливости! Старая англичанка откладываетъ газету и думаетъ о самой себѣ. Нужно непремѣнно познакомиться съ депутатомъ д'Ореа, вступить съ нимъ въ дружбу... Если онъ защищаетъ справедливость, то онъ ста-

нетъ на ея сторону противъ этой несносной дѣвчонки съ ея собаками, поднимающими возню въ корридорѣ съ самаго утра. Какая дерзость! Во всѣхъ приличныхъ отеляхъ запрещается держать собакъ! М-ссъ Эйръ сейчасъ же придумываетъ способъ вступить въ сношенія съ Джіакомо д'Ореа. Она беретъ нумеръ „Times"'а, отмѣчаетъ карандашомъ замѣтку о бывшемъ министрѣ и посылаетъ газету депутату д'Ореа со своей визитной карточкой. Джіакомо, исполняя долгъ вѣжливости относительно дамы— къ тому же еще старой, — сейчасъ же проситъ Данову представить его ей, чтобы лично поблагодарить за ея любезность. Такъ устанавливаются пріятельскія отношенія, которыя м-ссъ Эйръ старается поддерживать, безпрестанно обращаясь къ Джіакомо за разными справками и рекомендаціями и жалуясь ему на безпорядки въ отелѣ, который по ея мнѣнію положительно становится какой-то третьестепенной гостинницей.

— Вы замѣтили, — говоритъ она,—что сегодня за завтракомъ рыба была несвѣжая. Какое безобразіе! Нужно было бы издать законъ, запрещающій отравлять негигіеничной пищей!

Въ другой разъ она проситъ Джіакомо дать ей рекомендацію къ начальнику одной изъ итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ.

— Уже недѣлю тому назадъ мнѣ посланъ ящикъ бисквитовъ изъ Санъ-Ремо,—говоритъ она,—и я все еще его не получила!

Говоря съ депутатомъ въ hall'ѣ, передъ обѣдомъ, м-ссъ Эйръ старается, чтобы всѣ пансіонеры видѣли ее въ бесѣдѣ съ нимъ; этимъ она надѣется поднять свой престижъ въ ихъ глазахъ. Она бросаетъ, во время разговора, уничтожающіе взгляды на хозяина и на Ремигію, какъ бы говоря имъ, что держитъ теперь въ своей власти могущественнаго депутата и сможетъ съ его помощью добиться справедливости, отстоять свои права.

Трюбъ не обращаетъ вниманія на ея торжествующій видъ, но Ремигія сначала смѣется съ Мими, Тото и mademoiselle надъ комичной дружбой Джіакомо со старой полковницей, потомъ начинаетъ сердиться и, окончательно потерявъ терпѣніе, говоритъ, наконецъ, Джіакомо, оставшись съ нимъ наединѣ:

— Послушайте, ваше превосходительство, — я васъ теперь всегда буду такъ называть, — зачѣмъ вы ухаживаете за этой вѣдьмой?

— Я вовсе не ухаживаю!..—Джіакомо улыбается, глядя на разсерженное розовое личико Ремигіи. — Я только вѣжливъ съ м-ссъ Эйръ.

Ремигія гнѣвно топаетъ ногой.

— Нѣтъ, вы слишкомъ любезны съ нею!

— Она дама... и къ тому же еще старая. Нужно быть съ нею учтивымъ.

— Она антипатичная, отвратительная старуха!

Глаза Ремигіи сверкаютъ отъ бѣшенства, и въ голосѣ ея слышны слезы. Чтобы успокоить ее, Джіакомо старается обратить все въ шутку.

— Ай, какая вы злючка, малютка!..

— Не смѣйте называть меня „малюткой“! Запрещаю—навсегда.—Ремигія строитъ гримасу и говоритъ въ носъ, подражая м-ссъ Эйръ:—Запрещено! Défendu! Verboten!.. Forbidden!

Джіакомо пробуетъ удержать Ремигію, но она убѣгаетъ, взбѣшенная, не желая съ нимъ больше говорить.

Онъ продолжаетъ обращать въ шутку гнѣвъ Ремигіи и не уступаетъ ея капризу. Чѣмъ болѣе Ремигія преслѣдуетъ м-ссъ Эйръ, устроивая ей всякія непріятности, тѣмъ любезнѣе и почтительнѣе относится онъ къ старой англичанкѣ. Избалованная матерью и всей своей свитой, Ремигія въ первый разъ въ жизни наталкивается на сопротивленіе своей волѣ, и уже не въ шутку начинаетъ ненавидѣть „отвратительную старую вѣдьму“—тѣмъ болѣе, что мстительная и неосторожная м-ссъ Эйръ злоупотребляетъ своей побѣдой; она слишкомъ подчеркиваетъ свою дружбу съ Джіакомо и бросаетъ, бесѣдуя съ нимъ, презрительные взгляды на Ремигію. „Идолъ“ внѣ себя отъ негодованія. Въ кругу своихъ поклонниковъ она облегчаетъ себѣ душу злыми насмѣшками надъ „его превосходительствомъ изъ колбасной лавки“, но внутренно она въ отчаяніи. Дѣло не въ м-ссъ Эйръ, изъ-за которой тоже очень страдаетъ ея самолюбіе, а въ болѣе важной неудачѣ: Ремигія боится, что она утратила симпатіи Джіакомо—и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на второго дона Луціана. Если ей не удастся привлечь на свою сторону д'Ореа даже въ борьбѣ противъ ничтожной, злой старухи, то ясно, что вся ея тактика—включая и уроки игры въ теннисъ—была ни къ чему.

— Неужели онъ серьезно влюбленъ въ мою сестру?.. Въ такомъ случаѣ, все тщетно! Долой его превосходительство! Да здравствуетъ Тото!.. Только бы не ѣздить попрежнему весь годъ съ мѣста на мѣсто, по озерамъ, горамъ и морямъ! А фараонъ?

Марко Данова изливаетъ теперь свою душу передъ Мими Карфо.

— Ваша подруга,—говоритъ онъ,—безсердечная, легкомысленная кокетка...—и баронъ уже также называетъ ее кокеткой, совсѣмъ какъ Тото. Но Данова не уѣзжаетъ; онъ бѣсится, вор-

читъ, но выжидаетъ. Сэръ Вудъ уже уѣхалъ со своей ракеткой для тенниса, также какъ Лотаръ Шмидтъ со своимъ альбомомъ и monsieur Мало со своимъ букетомъ Edelweiss; всѣ трое иронически поздравили передъ отъѣздомъ „будущую супругу министра“. А баронъ все не уѣзжаетъ. Онъ остается въ Виллярѣ, ругаясь съ Трюбомъ, когда идетъ дождь, вопреки его предсказаніямъ, доказывая, что барометры у него нарочно невѣрные, жалуясь на холодъ даже при хорошей погодѣ.

„Если бы хоть навѣрное знать, что ничего не выйдетъ съ Джіакомо?“—думаетъ Ремигія. Во всякомъ случаѣ, она считаетъ необходимымъ объясниться съ Джіакомо, прежде чѣмъ уѣдетъ и фараопъ, потерявъ всякую надежду. Ей не удалось одержать побѣду надъ „старой вѣдьмой“ зломъ—нужно попытаться дѣйствовать добромъ,—лишь бы только побѣдить! Ремигія чувствуетъ, что она борется не столько противъ м-ссъ Эйръ, какъ противъ Маріи.

— Неужели же дѣйствительно моей соперницей является сестра? Неужели Джіакомо влюбленъ въ Марію?

При кормленіи Дина и Дона теперь присутствуютъ, кромѣ Ремигіи, только Джіакомо и Трюбъ. Кромѣ сэра Вуда, monsieur Мало и Лотара Шмидта, и большинство другихъ молодыхъ людей уѣхало изъ Виллара, а оставшіеся слѣдуютъ примѣру барона Дановы и мстятъ молодой итальянской герцогинѣ, проводящей все время съ д'Ореа, тѣмъ, что ухаживаютъ всѣ за Мими Карфо и даже за mademoiselle.

Одинъ только бѣдный Тото все болѣе блѣднѣетъ и худѣетъ изо дня въ день, но не измѣняетъ Ремигіи, несмотря на ея холодность. Онъ все еще не вѣритъ, что окончательно утратилъ ее, страдаетъ, терзаемый сомнѣніями и подозрѣніями, и проводитъ цѣлые дни, сидя гдѣ-нибудь одиноко на скамейкѣ, съ потухшей трубкой въ зубахъ; онъ не ѣстъ, не пьетъ, и даже куреніе ему теперь не доставляетъ удовольствія.

Пока Динъ и Донъ быстро и весело ѣдятъ супъ, Трюбъ превозноситъ климатъ Виллара, особенно мягкій и благотворный для здоровья осенью, отъ середины сентября до середины октября. Накормивъ собачекъ, онъ уходитъ, а Джіакомо и Ремигія ведутъ Дина и Дона на обычную прогулку по саду.

У Ремигіи задумчивый, грустный видъ. Она идетъ медленно, опустивъ голову, и вздыхаетъ.

— Скоро мы уѣдемъ изъ Виллара?—спрашиваетъ она вдругъ слабымъ голосомъ и не поднимая головы.

— Не знаю,—отвѣчаетъ Джіакомо.—Луціанъ ничего не пи-

шетъ. Закарелла уже писалъ ему, спрашивая о его распоряженіяхъ, но въ отвѣтъ получилось только требованіе прислать еще денегъ—и ни слова о чемъ другомъ.

Ремигія, пройдя нѣсколько шаговъ въ молчаніи, опять вздыхаетъ.

— Теперь ужъ и я хотѣла бы уѣхать изъ Виллара!

— Почему?

— Да такъ...—Она слегка пожимаетъ плечами и останавливается, глядя издали на Дина и Дона, которые гонятся другъ за дружкой и прыгаютъ въ густой травѣ.

— Чтò значитъ: „такъ"?—настаиваетъ Джіакомо.—Чтò вы этимъ хотите сказать?

Ремигія опять пожимаетъ плечами, сдвигаетъ брови и ничего не отвѣчаетъ. Джіакомо беретъ ея руку и говоритъ:

— Хотите помириться?

Они продолжаютъ медленно ходить по аллеѣ; Джіакомо глядитъ съ улыбкой на молодую дѣвушку, но она не поднимаетъ головы и издали слѣдитъ за прыжками Дина и Дона.

— Дорогая малютка, славная малютка сердится на того, кто хотѣлъ бы стать ея вторымъ отцомъ?

— Не говорите, что я славная, не говорите, что хорошо относитесь ко мнѣ! Это неправда!

Голосъ ея не раздраженный, а нѣжный и слегка дрожащій отъ сдерживаемыхъ слезъ... Совершенно голосъ Маріи! Джіакомо на минуту закрываетъ глаза, чтобы иллюзія была еще болѣе полной, и беретъ Ремигію подъ руку.

— Такъ что же, согласны вы помириться?

Ремигія глядитъ ему въ лицо сверкающими глазами.

— Вы такъ обижаете меня!.. Вы такъ недобры ко мнѣ!

— А вы развѣ не обижаете бѣдную м-ссъ Эйръ? Вы съ нею жестоки.

— Зато она пользуется вашимъ покровительствомъ и расположеніемъ! Эта честь дѣлаетъ ее еще болѣе дерзкой и невыносимой!

— Я съ нею не болѣе, чѣмъ учтивъ. Когда она обращается ко мнѣ, я ей отвѣчаю, вотъ и все.

— Но съ какой предупредительностью... съ какой нѣжностью!

Джіакомо громко смѣется, видя, что у Ремигіи выступаютъ слезы на глазахъ... Какой она еще ребенокъ!

Она вдругъ останавливается, схватываетъ его за руку и, крѣпко сжимая ее, говоритъ умоляющимъ голосомъ:

— Прекратите ваши длинные нѣжные разговоры съ этой несносной женщиной! Прошу васъ!

— А что̀ же вы обѣщаете мнѣ за это?

— Обѣщаю: не трогать „Times“, не захватывать кресла, не мѣшать дремать послѣ обѣда въ салонѣ, не позволять Дину и Дону бѣгать въ корридорѣ!

Д'Ореа улыбается, бормоча:

— Маленькая капризница.... баловница!

Онъ начинаетъ полушутливо, полусерьезно читать ей отеческія наставленія, медленно направляясь съ нею въ тѣнистую рощу за садомъ, къ бесѣдкѣ, скрытой среди густыхъ деревьевъ; на солнцѣ становится невыносимо жарко.

— Mon Dieu! mon Dieu! Выслушивать въ такую жару наставленія о почтительномъ отношеніи къ м-ссъ Эйръ! Какъ это ужасно! Пойдемте хоть въ тѣнь!

— Хорошо, пойдемъ. Но обѣщайте, что примете во вниманіе то, что̀ я говорю. Подумайте, вѣдь ваша жертва—бѣдная беззащитная старуха, совершенно одинокая, — смѣшная, если хотите, но...

— Антипатичная, отвратительная! — перебиваетъ его Ремигія.—Я ее ненавижу!

— За что̀ ее ненавидѣть?

— За что̀... за что̀?—Ремигія глубоко вздыхаетъ и смущенно опускаетъ глаза.—Развѣ я властна надъ своими чувствами!—Она рѣшительно встряхиваетъ головой, какъ бы желая прогнать одолѣвающія ее тяжелыя мысли, и говоритъ:— Зайдемте отдохнуть въ бесѣдку.

— Хорошо!

Джіакомо слѣдуетъ за Ремигіей въ бесѣдку и садится подлѣ нея на скамейку со вздохомъ облегченія.

— Здѣсь хоть можно дышать! И глаза отдыхаютъ, глядя на зелень!

Динъ и Донъ прибѣгаютъ взапуски къ бесѣдкѣ, обнюхиваютъ стволы деревьевъ, прыгаютъ и потомъ, выбившись изъ силъ, ложатся у входа въ бесѣдку, тяжело дыша, съ высунутыми языками.

— Бѣдняжки!—восклицаетъ д'Ореа.—Они такъ набѣгались, что теперь едва дышатъ.

Ремигія ничего не отвѣчаетъ. Она разглядываетъ рисунокъ, вырѣзанный на корѣ дуба, который стоитъ посреди бесѣдки, поддерживая крышу: два сердца, пронзенныя стрѣлой, и подъ ними подпись: „C'est de Dieu qu'il sort, à Lui qu'il remonte“.

— Къ чему эти слова относятся?—спрашиваетъ она Джіакомо.

Онъ въ свою очередь разглядываетъ рисунокъ и читаетъ подпись.

— Это совершенно ясно,—говоритъ онъ.—Рѣчь идетъ о любви.—Потомъ онъ прибавляетъ изъ уваженія къ невинности молодой дѣвушки:—Это навѣрное написано на память о поэтичной прогулкѣ какой-нибудь молодой супружеской четой.

Ремигія задумчиво и медленно прочитываетъ еще разъ вслухъ подпись:

— C'est de Dieu q'il sort, à Lui qu'il remonte.—Любовь!—прибавляетъ она съ глубокимъ вздохомъ.

А мысли и взоръ Джіакомо невольно устремляются изъ бесѣдки вдаль и ищутъ среди стволовъ и вѣтвей высокую, стройную фигуру въ бѣломъ платьѣ.

— Ah, mon Dieu!—вскрикиваетъ вдругъ Ремигія, и испуганно прячется въ самый темный уголъ бесѣдки.—Фараонъ!

— Чего же вы испугались и спрятались?—говоритъ д'Ореа, тоже инстинктивно наклоняясь пониже, чтобы не быть замѣченнымъ.

— А если онъ насъ увидитъ?.. Въ бесѣдкѣ... вдвоемъ?

— Что-жъ такого, если и увидитъ?—быстро возражаетъ ей Джіакомо.

Но Ремигія, вмѣсто того, чтобы успокоиться, еще болѣе волнуется.

— Онъ насъ видѣлъ, я въ этомъ увѣрена!—Чтобы совсѣмъ спрятаться, она садится на землю.

Ея глупый страхъ начинаетъ раздражать Джіакомо.

— Чтò за бѣда, если онъ и замѣтилъ насъ?—повторяетъ онъ.—Чтò дурного въ томъ, что мы здѣсь?

Марко Данова, замѣтивъ Ремигію въ глубинѣ тропинки, прорѣзающей рощу, идетъ прямо къ бесѣдкѣ. Въ этомъ мѣстѣ нѣтъ другой дороги, чтобы повернуть къ отелю. Къ тому же Динъ и Донъ, обыкновенно очень мирные, на этотъ разъ вдругъ превращаются въ настоящихъ сторожевыхъ псовъ. Когда Данова проходитъ мимо входа въ бесѣдку, демонстративно отворачивая голову въ другую сторону, они вскакиваютъ и начинаютъ рычать, а когда онъ, не остановившись, продолжаетъ путь, они съ громкимъ лаемъ бросаются бѣжать за нимъ. Но Данова продолжаетъ идти, не оборачиваясь. Шея у него точно деревянная.

— Какой дуракъ!—бормочетъ взбѣшенный Джіакомо въ то время, какъ Ремигія растерянно повторяетъ:

— Онъ насъ видѣлъ... Онъ насъ видѣлъ!

— Чтò за бѣда? Зачѣмъ вы спрятались?

Джіакомо раздраженъ нелѣпымъ поведеніемъ Дановы, испугомъ Ремигіи и всей происшедшей сценой. Онъ выходитъ изъ бесѣдки и громко зоветъ Дина и Дона. Они прибѣгаютъ, весело вертя хвостами, но Данова исчезаетъ вдали, ни разу не обернувшись.

— Какой дуракъ!.. Какой грубіянъ!

Почему онъ демонстративно не поклонился, не повернулся ни разу, дѣлая видъ, что не видитъ... чего не видитъ? Что̀ дурного можно предположить, видя Джіакомо съ сестрой его невѣстки... стараго человѣка съ дѣвочкой, которая могла бы быть его дочерью, на которую онъ самъ смотритъ какъ на дочь?..

— Ah, mon Dieu! Mon Dieu!

— Не дурачьтесь!—За отсутствіемъ Дановы, Джіакомо изливаетъ свое раздраженіе на Ремигію, считая ее виновной во всей этой нелѣпой сценѣ.—Нечего безсмысленно пугаться! Вѣчно выдумываете разныя глупости, которыя ведутъ... къ непріятностямъ Встаньте и пойдемъ отсюда. Свяжите цѣпочкой вашихъ собачекъ и пойдемте сейчасъ же въ отель. Скорѣе!

Ремигія безмолвно ему повинуется, связываетъ Дина и Дона цѣпочкой и медленно идетъ по тропинкѣ между деревьями, по направленію къ отелю. Джіакомо слѣдуетъ за ней, продолжая ворчать и думая о томъ, какъ будетъ поражена Марія, увидавъ со своего обычнаго мѣста въ саду Данову, проходящаго такимъ образомъ мимо бесѣдки. Какой дуракъ! Какая безтактность!

Онъ снова начинаетъ нападать на Ремигію.

— Что̀ это было за ребячество съ вашей стороны! Вмѣсто того, чтобы пугаться, слѣдовало позвать Данову и заставить его войти въ бесѣдку.

Ремигія останавливается и поворачивается къ нему.

— А почему же вы тоже спрятались?—рѣзко спрашиваетъ она его.—Почему вы не вышли и не позвали его?

Джіакомо сраженъ ея рѣшительнымъ тономъ и справедливостью ея возраженія; но именно потому что онъ не знаетъ, что̀ отвѣтить, и чувствуетъ свою оплошность, онъ еще больше раздражается.

— Данова дуракъ,—говоритъ онъ,—это несомнѣнно, и совершенно не умѣетъ вести себя!

Динъ и Динъ прыгаютъ на цѣпочкѣ и тащатъ за собой Ремигію. Она ускоряетъ шаги, бормоча:—Бѣдный фараонъ!

Джіакомо слѣдуетъ за ней по той же тропинкѣ; онъ очень мраченъ.

Подходя къ отелю, Ремигія слышитъ голосъ матери. Герцогиня Христина, увидавъ дочь, спѣшитъ ей на встрѣчу и кричитъ:

— Наконецъ-то ты пришла! Mademoiselle и дядя Розали ищутъ тебя повсюду. Гдѣ ты пропадала такъ долго? Я такъ безпокоилась о тебѣ!

— Я была въ рощѣ, мама, съ Диномъ и Griномъ.

— Какая неосторожность, дорогая, уходить одной такъ далеко! —Герцогиня бурно обнимаетъ дочь, точно она вернулась изъ далекаго, опаснаго путешествія.—Развѣ можно уходить одной?—повторяетъ она.

Но въ эту минуту къ нимъ подходитъ медленными шагами Джіакомо, держа въ рукахъ зонтикъ и вѣеръ Ремигіи, забытые ею въ бесѣдкѣ. При видѣ его герцогиня отъ изумленія не можетъ выговорить ни слова... Она глядитъ на него блѣдная, безмолвная, и лицо ея выражаетъ одновременно крайнее изумленіе, гнѣвъ, скорбь и упреки любящей матери.

У „идола“ глаза полны слезъ. Она выпускаетъ цѣпочку, на которой держала собачекъ, сейчасъ же пускающихся бѣжать изо всѣхъ силъ по травѣ, и бросается на шею матери.

— Мама, дорогая, ты сердишься на меня?

Герцогиня цѣлуетъ дочь, но ничего ей не отвѣчаетъ. Она только говоритъ строгимъ и величественнымъ тономъ, бросая на Джіакомо послѣдній грозный взглядъ:

— Идемъ домой. Мы потомъ поговоримъ. Теперь поздно. Мы должны явиться вмѣстѣ къ завтраку.—Идемъ.

Мать и дочь входятъ въ отель.

— Но...—Джіакомо хотѣлъ-было остановить герцогиню Христину, чтобы объясниться и сказать, что онъ ни въ чемъ не повиненъ. Но... зачѣмъ въ сущности объясняться? За нимъ нѣтъ никакой вины. Онъ пошелъ прогуляться съ Ремигіей и ея собачками. „Что въ этомъ дурнаго? Почему старуха такъ грозно взглянула на меня?.. И почему этотъ дуракъ Данова притворился, что не видѣлъ насъ“?..

VI.

Завтракъ проходитъ очень невесело. „Идолъ“ сидитъ съ опущенными глазами и грустнымъ лицомъ. Вся ея обычная живость исчезла, и она почти не дотрогивается до ѣды. Герцогиня-мать имѣетъ оскорбленный и скорбный видъ. Князь Розали очень величественъ и строгъ, а Мими Карфо, страдая за свою подругу, едва удерживается отъ слезъ.

Джіакомо очень сердитъ и сдерживается только ради Маріи. Но и у нея встревоженный видъ; она глядитъ на своего beau-

frère'а удивленными, грустными глазами. Джіакомо старается казаться совершенно спокойнымъ, ѣстъ болѣе обыкновеннаго и особенно разговорчивъ. Онъ пытается заговорить о метеорологіи и объ альпинизмѣ, но никто не поддерживаетъ его. Столь же тщетны его попытки вовлечь Мими Карфо въ бесѣду на ея любимую тему—о живописи,—хвалитъ акварели Ремигіи, но кромѣ „да" и „нѣтъ" онъ не можетъ добиться отъ нея никакихъ другихъ отвѣтовъ. Сдерживая накипающее въ немъ раздраженіе, онъ даже разговариваетъ съ лакеемъ о винѣ и гаванскихъ сигарахъ.

Наконецъ, чтобы все-таки поговорить о чемъ-нибудь съ безмолвствующей семьей своихъ родственниковъ, онъ обращается къ герцогинѣ Христинѣ съ самымъ простымъ и естественнымъ по его мнѣнію вопросомъ:

— Гдѣ Тото?—Почему онъ не сошелъ сегодня къ завтраку?

— Тото?..—Герцогиня поднимаетъ глаза къ потолку и пожимаетъ плечами съ негодующимъ видомъ.

— Тото?—повторяетъ князь Розалино глухимъ голосомъ.

— Неужели же, дорогой Джіакомо,—снова говоритъ герцогиня Христина, переходя отъ возмущеннаго тона къ ироническому,—неужели вы только теперь замѣтили отсутствіе Тото? Мы его услали изъ Виллара, поручивъ ему сопровождать mademoiselle... Вы, быть можетъ, не замѣтили и отсутствія mademoiselle?

Джіакомо пораженъ.—Что все это значитъ? Онъ спрашиваетъ глазами Марію, но она видимо смущена и опускаетъ голову.—Что за этимъ скрывается?

— Mademoiselle Женни,—продолжаетъ герцогиня,—выразила желаніе съѣздить въ Флоренцію, къ своей больной матери, и Тото поѣхалъ ее сопровождать.

Она умолкаетъ и строго смотритъ на Джіакомо, видимо ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ. Но онъ, изъ осторожности, нѣмъ какъ рыба.

— Эта мѣра предосторожности была необходима,—говоритъ герцогиня, видя что Джіакомо молчитъ, суровымъ и величественнымъ тономъ.—Не правда ли, Розалй?

— Конечно,—подтверждаетъ Розалй, слѣдя глазами за лакеемъ, который начинаетъ обносить сладкое блюдо.

— Тото совсѣмъ потерялъ голову!.. А когда дѣло касается молодой дѣвушки, нужно очень тщательно оберегать ея репутацію. Это не шутка!

— Ты отлично поступила, Христина!—говоритъ князь Роза-

лино.—Самое важное въ жизни—все предвидѣть и предупреждать.—У князя очень довольное лицо: передъ нимъ на тарелкѣ большая порція мороженаго, и онъ громко заявляетъ, что parfait d'ananas превосходно.

Послѣ мороженаго всѣ поднимаются, не дожидаясь фруктовъ. Мими подбѣгаетъ къ Ремигіи, цѣлуетъ ее, и обѣ дѣвушки выходятъ вмѣстѣ изъ столовой. На террасу никто не идетъ; собачекъ на этотъ разъ велѣно кормить наверху.

Джіакомо не остается въ hall'ѣ пить кофе, какъ обыкновенно. Онъ только обмѣнивается нѣсколькими фразами съ м-ссъ Эйръ, подходитъ на минуту къ барометру, а потомъ направляется въ садъ, къ Маріи, которая сидитъ одна, съ книгой въ рукахъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Вотъ наконецъ столь рѣдкій случай, когда онъ можетъ поговорить наединѣ съ невѣсткой, не возбуждая подозрѣній.

— Я не понимаю, что̀ сталось съ твоей матерью, Марія!—говоритъ онъ.

Марія поднимаетъ глаза и долго глядитъ Джіакомо въ лицо. Подъ этимъ взглядомъ все его раздраженіе исчезаетъ; онъ улыбается и ни на кого уже не сердитъ.

— Какъ знать, что̀ взбрело на умъ нашей милой герцогинѣ Христинѣ!—говоритъ онъ беззаботнымъ тономъ.

Марія тоже улыбается, но очень грустно.

— Ты не понимаешь маму?.. А я, прости меня пожалуйста, не понимаю тебя!

— Какъ такъ?.. Что̀ ты хочешь этимъ сказать?

— То, что̀ ты слышишь... Ты проводишь все время съ Ремигіей,—ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ нея, не говоришь,—шутишь съ нею по цѣлымъ днямъ и по цѣлымъ вечерамъ... Если у мамы и явились надежды, то она имѣла на это достаточно основанія.

— Надежды?.. Какія надежды?

Марія быстро отвѣчаетъ, слегка покраснѣвъ и волнуясь:

— Самыя законныя и естественныя у матери, которая поглощена мыслью о томъ, чтобы найти мужа для своей дочери. Вполнѣ понятно также, что онѣ возникли и у дѣвушки, которой минуло двадцать лѣтъ и которая тоже думаетъ только о замужествѣ.

— Это ты говоришь о „малюткѣ"?—Д'Ореа смѣется.—Я въ роли мужа „малютки"... Ты шутишь, надѣюсь?

Но Марія вовсе не шутитъ, и возражаетъ ему очень серьезно:

— Неужели ты такъ... наивенъ, что не понялъ ея тактики?

— Я всегда помнилъ только то, что гожусь ей въ отцы.

— Это банальная фраза! Ты могъ бы быть ея отцомъ, но ты не ея отецъ, а можешь стать ея мужемъ. Всѣ въ Вилларѣ такъ полагаютъ, и вся моя семья на это надѣется.

Джіакомо пораженъ рѣшительнымъ тономъ, которымъ Марія все это ему говоритъ. Онъ раздраженно отвѣчаетъ ей:

— Вотъ бы я никогда не предполагалъ, что можно выдумать такую... нелѣпость!

Марія опять поднимаетъ глаза съ книги, которую держитъ открытой на колѣняхъ, разрѣзая послѣднія страницы.

— Однако это такъ,—медленно говоритъ она.—Ты видишь, что они даже отправили Тото въ Италію, изъ боязни сценъ и припадковъ отчаянія при извѣстіи о... твоей помолвкѣ съ Ремигіей.

— Этого нечего опасаться! Напротивъ того, я все время думалъ о томъ, какъ бы поженить Ремигію и Тото. Я и теперь еще объ этомъ думаю... Сегодня даже болѣе, чѣмъ вчера.

— А Ремигія? Она и прежде не соглашалась выйти замужъ за Тото, а теперь навѣрное откажетъ ему.

— А я увѣренъ, что она согласится... если узнаетъ, что будущность ихъ обезпечена и они смогутъ жить безъ всякихъ заботъ. Первая любовь никогда не умираетъ,—она воскресаетъ очень быстро.

Марія опять опускаетъ голову и молча кончаетъ разрѣзывать страницы книги.

Джіакомо сидитъ на скамейкѣ рядомъ съ кресломъ Маріи, срываетъ вѣтку съ миртоваго куста и нервно обрываетъ листки.

— И ты тоже противъ меня!—говоритъ онъ.

— Я тебѣ только говорю правду: если у тебя не было серьезныхъ намѣреній, то ты велъ себя очень... легкомысленно относительно Ремигіи. Романтическія прогулки, уроки тенниса... наконецъ уроки танцевъ по вечерамъ,—все это что-нибудь да должно было обозначать!

— Господи! Я танцовалъ только лансье́, когда недоставало кавалера.

— Однако ты самъ говорилъ, что прежде никогда не танцовалъ... Пойми, когда такой человѣкъ, какъ ты, такой умный, значительный и знаменитый, посвящаетъ все свое время молодой дѣвушкѣ, она вправѣ питать надежды. Даже и я, должна тебѣ въ этомъ сознаться...

— Ты? Чтò ты думала?—Джіакомо пристально глядитъ на Марію.

— Ничего я не думала! Но... я не могла тебя понять!

Джіакомо могъ бы ей отвѣтить:—Я думалъ только о тебѣ, о твоемъ спокойствіи. Ремигія была для меня только средствомъ усыпить подозрѣнія Луціана.—Но хотя это и была правда, и оправдало бы его въ глазахъ Маріи, онъ не осмѣливается сознаться въ своихъ чувствахъ, а говоритъ, поднимаясь со скамейки и срывая еще одну миртовую вѣтку:

— Какъ бы то ни было, а всѣ эти надежды, возникшія хотя бы и по моей винѣ, я разрушу сейчасъ же. На твою сестру я всегда смотрѣлъ какъ на ребенка и только забавлялся ея шалостями и капризами. Можетъ быть, это было неосторожно, но мнѣ казалось, что мой возрастъ, мое общественное положеніе и моя серьезность даютъ мнѣ право говорить, смѣяться и шутить съ маленькой сестрой моей невѣстки, какъ съ дочерью, какъ... съ Диномъ и Дономъ..., не вызывая подозрѣній и не создавая иллюзій. Я ошибся, но исправлю свою ошибку: я объяснюсь съ ними; или—это будетъ еще лучше—я все сдѣлаю, что̀ въ моихъ силахъ, чтобы Ремигія вышла замужъ за Тото. Если же будетъ слишкомъ много препятствій, то за Марка Данову.

— Что̀ ты, Джіакомо? Выдать Ремигію за этого отвратительнаго, стараго плута!..—Марія краснѣетъ, возмущенная за свою сестру.—Эта мысль недостойна тебя.

— Ну, такъ за Тото. Постараюсь устроить счастье бѣдняги Тото!

— А счастье Ремигіи?.. Что̀ если она—по твоей винѣ—влюбилась въ тебя?

Глаза Джіакомо и Маріи встрѣчаются: въ глазахъ Маріи вдругъ засверкали слезы. Джіакомо быстро опускаетъ голову; сердце его никогда не билось съ такой силой.

Въ эту минуту изъ отеля выходитъ герцогиня Христина въ сопровожденіи брата. Марія снова берется за чтеніе, прося Джіакомо въ полголоса, чтобы онъ отошелъ отъ нея, во избѣжаніе непріятныхъ объясненій при ней.

Джіакомо удаляется, дѣлая видъ, что онъ занятъ созерцаніемъ горъ, и дѣлаетъ длинный обходъ, чтобы не встрѣтить герцогиню. Вернувшись въ отель черезъ террасу, онъ идетъ къ себѣ въ кабинетъ и начинаетъ шагать по комнатѣ, обсуждая все, что̀ произошло.

— Я долженъ сейчасъ же поговорить съ ними!.. Не послать ли за этимъ старымъ княземъ, чтобы хорошенько задать ему? Что за отвратительные люди! Безъ всякаго чувства собственнаго достоинства при всемъ своемъ чванствѣ! И Мими Карфо тоже хороша—сентиментальная ханжа! То-то она выхва-

ливала мнѣ свою подругу и постоянно цѣловала ее при мнѣ! Все для того, чтобы завлечь меня и помочь имъ добиться цѣли— этимъ титулованнымъ нищимъ!

Но болѣе всего Джіакомо взбѣшенъ противъ Ремигіи. Въ сущности, она смѣялась и шутила съ нимъ только тогда, когда онъ начиналъ. Она не навязывала ему своего общества; напротивъ того, онъ всегда старался быть подлѣ нея, чтобы спасти Марію отъ попрековъ Луціана. Но Джіакомо забываетъ объ этомъ. Почему-то грустные черные глаза, которые онъ всегда видитъ передъ собой и въ которыхъ мелькнула сегодня сквозь слезы искра ревности, порождаютъ теперь въ немъ гнѣвъ противъ маленькой шалуньи Ремигіи.

Вдругъ раздается стукъ въ двери:—токъ-токъ!..

— Это она, Ремигія!—раздраженно бормочетъ Джіакомо.— Я ей сейчасъ же дамъ первый урокъ, объясню ей, что молодой дѣвушкѣ неприлично входить безъ церемоніи ко мнѣ въ кабинетъ.

— Токъ-токъ!

— Войдите!

Дверь отворяется, но на порогѣ появляется не Ремигія, а лакей, докладывающій, что м-ссъ Эйръ проситъ позволенія сказать нѣсколько словъ его превосходительству. Она ждетъ въ корридорѣ.

— Попросите ее сюда.

Д'Ореа менѣе всего радъ этому визиту, но все-же, исполняя долгъ вѣжливости, онъ идетъ на встрѣчу м-ссъ Эйръ и приглашаетъ ее войти къ нему. Она входитъ своей тяжелой, воинственной поступью, но отказывается сѣсть на придвинутое ей Джіакомо кресло, а стоитъ посреди комнаты, еще болѣе зеленая въ лицѣ, чѣмъ обыкновенно, и вся дрожитъ.

— Чему я обязанъ честью вашего посѣщенія, м-ссъ Эйръ?— спрашиваетъ Джіакомо.

Но старая англичанка не въ состояніи выговорить ни слова. Губы ея дрожатъ... дрожатъ и торчащія скулы, и морщинистыя щеки, и кончикъ носа. Она чуть не плачетъ.

— М-ссъ Эйръ!.. Что̀ съ вами? Что̀ случилось?

Какъ ни тяжело на душѣ Джіакомо, онъ все-же боится расхохотаться, глядя на комичное трясущееся лицо старухи. Онъ усаживаетъ ее въ кресло.—Скажите мнѣ, что̀ у васъ произошло? —продолжаетъ онъ допрашивать ее.—Какія-нибудь дурныя вѣсти?

— Не дурныя вѣсти, а дурные... поступки!—отвѣчаетъ

м-ссъ Эйръ. Она едва можетъ говорить.—Я этого не могу больше вынести... не могу больше молчать! Каждый день новыя выдумки, новыя преслѣдованія!.. Это выше моихъ силъ! Вы справедливый человѣкъ,—объ этомъ пишутъ и у насъ, въ Англіи,—такъ заступитесь за меня! Не то мнѣ придется уѣхать сейчасъ же изъ Виллара, а это было бы ужасно. Мнѣ отвѣтили изъ Villa d'Este, что въ Черноббіо еще страшно жарко. Рыбы тамъ въ озерѣ совершенно сварившіяся!

Джіакомо уже не боится, что расхохочется, но боится за то, что у него лопнетъ терпѣніе.

— Объяснитесь, ради Бога, въ чемъ дѣло!—настаиваетъ онъ —Передъ кѣмъ я долженъ заступиться за васъ? Чтò я долженъ сдѣлать?

— Знаете, чтò она теперь выдумала, ваша молодая родственница, которая поклялась затравить меня до смерти?

— Кто?.. герцогиня Ремигія?—быстро спрашиваетъ Джіакомо.

— Ну, да, молодая герцогиня Монкавалло, которая уже съ прошлой осени преслѣдуетъ меня.

— Вотъ какъ! Это о ней идетъ рѣчь.—Джіакомо улыбается съ нѣкоторымъ злорадствомъ.—Если она провинилась, мы ее накажемъ!

— Представьте себѣ, чтò она придумала, чтобы окончательно свести меня съ ума,—бубенчики! Нарочно выписала изъ Эгля для своихъ собачонокъ колокольчики; одинъ пронзительный, рѣзкій: динъ-дӣнъ-динъ!—другой болѣе глухой: донъ-донъ-донъ! Теперь у меня нѣтъ ни минуты покоя. Я погибаю отъ мигрени и неврастеніи. Мой корридоръ превратился въ улицу; цѣлый день топотня и звонъ бубенцовъ: динъ-динъ-динъ! донъ-донъ-донъ!

Джіакомо очень радъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы показать, что онъ смотритъ на Ремигію какъ на ребенка. Онъ жметъ руку м-ссъ Эйръ и успокоиваетъ ее, говоря веселымъ голосомъ:

— Будьте спокойны! Обѣщаю вамъ, что колокольчики будутъ сняты.

— Скажите ей, что во всѣхъ отеляхъ это строго запрещается. Вы настоящій джентльменъ, вы справедливы. А Трюбъ — неучъ, невѣжа!

Д'Ореа продолжаетъ смѣяться.

— Мы вѣдь зовемъ герцогиню Ремигію „малюткой“, потому что она все такая же, какъ въ десять лѣтъ. Она не злая дѣ-

вочка, но слишкомъ избалована матерью. На этотъ разъ, однако, ея капризъ зашелъ слишкомъ далеко,—вы правы. Мы прекратимъ всякіе динъ-динъ и донъ-донъ.

Полковница сіяетъ; она даже раскраснѣлась отъ радости.

— Да, въ „Times"'ѣ вѣрно сказано: вы—сама справедливость. Благодарю васъ и отъ имени м-ра Эйръ!

Джіакомо звонитъ и велитъ явившемуся на его зовъ лакею позвать горничную герцогини Ремигіи или кого-нибудь изъ слугъ съ верхняго этажа.

Черезъ минуту появляется самъ капитанъ Закарелла. Но въ присутствіи его превосходительства—въ особенности въ послѣдніе дни, въ виду продолжающагося отсутствія Луціана и сравнительной пустоты кассы, онъ уже не имѣетъ вида командира. Онъ сдѣлался очень предупредительнымъ и почтительнымъ слугой. Отвѣсивъ поклонъ Джіакомо и м-ссъ Эйръ, онъ объясняетъ, что никого изъ прислуги теперь нѣтъ наверху, и потому онъ является самъ узнать, что̀ прикажетъ его превосходительство.

— Отлично. Васъ-то мнѣ и надо!—Джіакомо никогда не чувствовалъ симпатіи къ Закареллѣ, а теперь онъ особенно ему противенъ своимъ подобострастіемъ. Но ему пріятно именно черезъ него передать свое распоряженіе Ремигіи.—Будьте любезны, говоритъ онъ Закареллѣ,—въ точности исполнить слѣдующее: снимите ошейники съ бубенчиками съ собачекъ герцогини Ремигіи. Если же она скажетъ, что не позволяетъ, то передайте ей, что я этого требую, ибо одиннадцатая заповѣдь гласитъ: не досаждай своимъ ближнимъ, т.-е. тѣмъ, которые живутъ съ тобой въ одномъ домѣ.

— Сейчасъ же все будетъ выполнено.

Закарелла исчезаетъ. Онъ всегда летитъ какъ вѣтеръ, когда дѣло идетъ о приказаніяхъ его превосходительства. А на этотъ разъ онъ еще болѣе спѣшитъ, чтобы сообщить Ремигіи о томъ, что̀ случилось. Видя въ ней будущую жену министра, онъ забылъ всѣ прежнія обиды и превратился въ преданнаго ей слугу.

М-ссъ Эйръ тоже быстро уходитъ изъ кабинета Джіакомо, слѣдуя за Закареллой. Она такъ спѣшитъ, что забываетъ даже еще разъ поблагодарить своего заступника. Она хочетъ насладиться своимъ торжествомъ, услышать, спрятавшись за дверью, какъ будетъ бѣситься ея мучительница.

— Теперь на моей улицѣ праздникъ! Наконецъ-то этотъ дьяволенокъ будетъ наказанъ!

VII.

Оставшись одинъ, Джіакомо опять становится грустнымъ. Онъ сжимаетъ себѣ виски пальцами, выпиваетъ стаканъ воды, всыпавъ въ него двѣ ложечки магнезіи.

— Стόитъ мнѣ немного поволноваться, чтобы снова начались боли въ головѣ и желудкѣ! Истинное несчастіе!.. А эти дни я такъ хорошо себя чувствовалъ...

Онъ медленно подходитъ къ письменному столу—сколько на немъ накопилось непрочитанныхъ писемъ! Онъ совсѣмъ не работалъ въ послѣднее время. Теперь придется потратить цѣлую недѣлю только на то, чтобы отвѣтить на всѣ эти письма. Все его время уходило на теннисъ, на прогулки, на дѣтскія забавы!.. Докладъ о пошлинахъ застрялъ на первой страницѣ.

— Марія права! Я даромъ теряю здѣсь время... и рискую къ тому же моей репутаціей почтеннаго человѣка... государственнаго дѣятеля, ухаживая за „малюткой". Нужно энергично взяться за работу и забыть о всѣхъ глупостяхъ.

Онъ садится за столъ, беретъ одно изъ писемъ, лежащихъ на столѣ, и начинаетъ его читать. Но' еще не дочитавъ его, онъ задумывается:

„Какъ это Ремигія отнеслась къ словамъ Закареллы? Не слишкомъ ли я рѣзко поступилъ подъ вліяніемъ раздраженія? Впрочемъ, тѣмъ лучше,—пусть это послужитъ урокомъ матери и дочери. Все это навѣрное подстроила мать! Ремигіи просто хочется выйти замужъ,—и она думаетъ обо мнѣ не болѣе, чѣмъ о Дановѣ, о сэрѣ Вудѣ или о Тото... Но какъ не стыдно старой герцогинѣ желать выдать дочь за почти стараго, больного человѣка! Ремигія—ребенокъ; она ничего не понимаетъ, но мать ея... какой эгоизмъ, какое безсердечіе!

Джіакомо дочитываетъ письмо и беретъ другое, но останавливается и смотритъ въ сторону двери: онъ слышитъ приближеніе легкихъ шаговъ и ждетъ стука: токъ-токъ! Это навѣрное Ремигія, которая прибѣжала объясняться съ нимъ.

Но звукъ шаговъ удаляется, и Джіакомо слегка тревожится:

„Могу себѣ представить, какъ она разсердилась! Досталось же, я думаю, бѣдному капитану! Но, конечно, гнѣвъ и матери, и дочери обрушится главнымъ образомъ на меня. Мать подождетъ, конечно, до обѣда, чтобы тогда устроить мнѣ сцену,—она не станетъ тревожить себя раньше времени даже по та-

кому случаю. Но малютка навѣрное сейчасъ же влетитъ сюда ураганомъ".

Джіакомо все смотритъ въ сторону двери, ожидая съ минуты на минуту, что она раскроется. Но проходитъ болѣе часа... и никто не является. Джіакомо звонитъ и требуетъ къ себѣ Закареллу.

— Ну что?—спрашиваетъ онъ его.

— Вашъ приказъ выполненъ въ точности.

— Герцогиня Ремигія очень разсердилась?

— Нѣтъ. Едва только я ей передалъ ваше требованіе, какъ она послушно и кротко сама же сняла колокольчики съ Дина и Дона. Но я долженъ прибавить, что м-ссъ Эйръ слишкомъ поспѣшила праздновать свое торжество — и поступила нехорошо относительно герцогини Ремигіи; стоя на порогѣ своей комнаты, она громко сказала одной изъ горничныхъ отеля: „Я говорила съ вождемъ каравана, и теперь всѣ присмирѣютъ,—и господа, и собаки". Это было сказано такъ, чтобы герцогиня Ремигія не могла не услышать.

Джіакомо вскакиваетъ со стула.

— Безтактная старая дура! Что же отвѣтила на это герцогиня Ремигія?

— Ничего. Она только очень поблѣднѣла и быстро убѣжала къ себѣ въ комнату, не проговоривъ ни слова. Но потомъ...

— Она побѣжала къ матери?

— Нѣтъ, она стала плакать. Я только-что видѣлъ графиню Карфо, которая сказала мнѣ, что она все еще плачетъ.

— Я извинюсь передъ герцогиней Ремигіей и за эту несносную старуху.

Джіакомо огорченъ и раскаявается въ своей рѣзкости. Онъ чувствуетъ потребность оправдаться хотя бы передъ Закареллой:—Вѣдь вы сами видѣли! Она цѣлыхъ полчаса терзала меня своими жалобами. У меня лопнуло терпѣніе — и я поступилъ слишкомъ рѣзко. Я... не имѣлъ, конечно, права давать такія приказанія! Простите и вы мой слишкомъ повелительный тонъ съ вами!—Джіакомо протягиваетъ ему руку.

Закарелла едва рѣшается пожать руку обладателя столькихъ милліоновъ. Онъ едва касается ея двумя пальцами. Потомъ онъ смотритъ украдкой на Джіакомо, раздумывая, колеблясь... Не воспользоваться ли этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать все, что у него на сердцѣ?.. Теперь какъ разъ пора... Закарелла чувствуетъ, что фонды дона Луціана пошатнулись, и былъ бы радъ перейти на службу къ его брату.

— Я хотѣлъ бы сказать вамъ пару словъ,—начинаетъ онъ,— если вы соблаговолите меня выслушать... Конечно, м-ссъ Эйръ поступила крайне неблагоразумно относительно герцогини Ремигіи, но герцогиня умѣетъ отличать поступки отъ тѣхъ, кто ихъ совершилъ. Вы по прежнему стоите высоко въ ея глазахъ. Она преклоняется передъ вами, и ничто не можетъ измѣнить ея отношенія къ вамъ. Что касается меня, то... если я могу осмѣлиться говорить о своихъ чувствахъ... смѣю васъ увѣрить, что я всегда считалъ васъ моимъ главнымъ повелителемъ и всегда мечталъ о чести быть непосредственно вашимъ слугой. Сколько разъ, прежде чѣмъ выполнять рѣшительныя требованія... вашего брата, мнѣ хотѣлось спросить, или хоть предупредить васъ, хотя бы для облегченія своей совѣсти. Вотъ, напримѣръ, сегодня я получилъ письмо... изъ Парижа...—Закарелла останавливается, ожидая хоть нѣсколькихъ словъ поощренія, прежде чѣмъ продолжать. Но д'Ореа очень холодно слушаетъ его изліянія, смотритъ на него и молча стучитъ по письменному столу разрѣзнымъ ножомъ.

Закарелла проводитъ рукой по волосамъ и глубоко вздыхаетъ, чтобы показать, до чего онъ взволнованъ. Но Джіакомо продолжаетъ молчать съ неподвижнымъ, холоднымъ выраженіемъ лица.

— Я получилъ сегодня утромъ письмо отъ дона Луціана,— повторяетъ Закарелла уже болѣе опредѣленно.

— Вотъ какъ! Мой братъ научился наконецъ писать письма? Прежде вѣдь онъ только телеграфировалъ.

— Онъ и теперь телеграфируетъ, когда требуетъ денегъ. Я еще вчера получилъ телеграмму. Но когда дѣло касается семьи— и въ частности донны Маріи, онъ пишетъ письма.

Джіакомо вздрагиваетъ и краснѣетъ.

— Что же мой братъ пишетъ?—быстро спрашиваетъ онъ.

Замѣтивъ, что слова его произвели впечатлѣніе, Закарелла дѣлаетъ видъ, что не рѣшается продолжать.

— Не знаю... имѣю ли я право говорить. Впрочемъ, если вы разрѣшаете...

— Нѣтъ!—спѣшитъ возразить ему Джіакомо, подавивъ волненіе.—Я вамъ ничего не могу разрѣшить въ данномъ случаѣ. Это—дѣло вашей совѣсти.

— Въ такомъ случаѣ, я все скажу,—отвѣчаетъ Закарелла, боясь упустить удобный случай изъ-за дипломатичности Джіакомо.—Совѣсть велитъ мнѣ говорить—чѣмъ бы это ни кончилось для меня. Можетъ быть, вы же меня осудите; можетъ быть,

я утрачу довѣріе дона Луціана и лишусь мѣста,—но зато вы будете во-время предупреждены обо всемъ—и совѣсть моя будетъ спокойнѣе.

Джіакомо сохраняетъ спокойный видъ, но у него сильно бьется сердце.

— „Crédit Lyonnais“,—продолжаетъ Закарелла,—вручилъ дону Луціану за послѣднія недѣли только въ Парижѣ сто-семьдесятъ тысячъ франковъ, а теперь донъ Луціанъ требуетъ, чтобы я опять послалъ ему деньги.

— Исполните его требованіе!

— Съ вашего разрѣшенія?

— Да.

— И безъ ограниченія суммы?

— Пока безъ ограниченія. Но сообщайте мнѣ о каждомъ новомъ требованіи.

— Слушаюсь.

Закарелла очень доволенъ приказаніемъ Джіакомо. Давая ему отчетъ о тратахъ дона Луціана, онъ какъ бы переходитъ на службу къ его превосходительству.

— А что же онъ пишетъ... относительно семьи?

Джіакомо гораздо важнѣе знать именно это, а не денежныя дѣла брата.

— Донъ Луціанъ требуетъ, чтобы я ежедневно доносилъ ему обо всемъ, что происходитъ въ Вилларѣ.

— Почему же вамъ этого не дѣлать?

Закарелла бросаетъ быстрый взглядъ на Джіакомо.

— Вы, кажется, не понимаете меня—я не ясно выразился. Онъ требуетъ... чтобы я шпіонилъ за всѣми: за герцогиней Христиной, за герцогиней Ремигіей, за донной Маріей... за вами!

— Какъ? И за мной?

— Особенно за вами и за донной Маріей.

Джіакомо готовъ вспылить, но сдерживается и говоритъ холоднымъ, ироническимъ тономъ:

— Не легко же вамъ, полагаю, исполнять эти... полицейскія обязанности! Какъ найти... что-нибудь, о чемъ стоило бы доносить?

— Въ томъ-то и дѣло! Я поэтому и свожу всѣ мои ежедневныя донесенія къ двумъ словамъ: ничего новаго не случилось. Но донъ Луціанъ этимъ недоволенъ и начинаетъ подозрѣвать и меня.

— Подозрѣвать?.. Если у него есть какія-нибудь подозрѣнія, почему онъ самъ не возвращается въ Вилларъ—пора бы уже!—чтобы удостовѣриться?

— Онъ мнѣ именно и пишетъ, что вернется, но—неожиданно для всѣхъ.

— Отлично! Жаль только, что онъ сообщаетъ о своемъ тайномъ намѣреніи вамъ!

— Представьте себѣ, онъ требуетъ, чтобы я ему объяснилъ, почему вы продлили свое пребываніе въ Швейцаріи! Какъ я это могу знать?

— Да вѣдь это, кажется, ясно!—восклицаетъ Джіакомо.—Я хочу отдохнуть и наслаждаться прохладой въ горахъ.

— Я такъ и отвѣтилъ; но донъ Луціанъ не вѣритъ мнѣ... Не могу же я, однако, выдумывать того, чего нѣтъ... или знать то, что̀ мнѣ неизвѣстно! А онъ видитъ ложь и предательство во всемъ, что̀ противорѣчитъ его подозрѣніямъ. Трудно даже представить себѣ, что̀ за нелѣпости ему приходятъ въ голову! Вотъ у меня при себѣ послѣднее письмо дона Луціана. Хотите прочесть его, чтобы убѣдиться?

— Знайте же разъ навсегда, Закарелла: нельзя никому показывать письма, которыя пишутся вамъ, какъ довѣренному лицу.

— Вы сказали, что я долженъ слушаться своей совѣсти, а моя совѣсть...

Джіакомо прерываетъ его:

— Не продолжайте! Ваша совѣсть должна внушить вамъ только одно: написать моему брату, чтобы онъ сейчасъ же вернулся въ Вилларъ и жилъ безотлучно... въ своей семьѣ. Тогда разсѣятся его подозрѣнія... и уменьшатся долги! А теперь я долженъ сѣсть за работу. До свиданія, синьоръ Закарелла!

Капитанъ уходитъ, нѣсколько сконфуженный, и размышляетъ о результатахъ рѣзко прерваннаго его превосходительствомъ разговора: „Хорошо ли я поступилъ, или нѣтъ? Можетъ быть, слѣдовало сказать все—и то, что̀ думаетъ донъ Луціанъ объ ухаживаніи его превосходительства за герцогиней Ремигіей... Но почему онъ зажалъ мнѣ ротъ? Можетъ быть, онъ человѣкъ свѣтлаго ума, какъ всѣ утверждаютъ, но характеръ у него тяжелый“!

Джіакомо не хотѣлъ прочесть письма, но приблизительно догадывается о его содержаніи.

„Какъ я, однако, хорошо сдѣлалъ, что былъ остороженъ и избѣгалъ общества Маріи! Тысячу разъ лучше терпѣть непріятности изъ-за „малютки“. Это пустяки, которые можно устранить, позаботившись о приданомъ Ремигіи и устроивъ ея бракъ съ Тото. Вѣдь Ремигія—сестра Маріи, и тѣмъ самымъ членъ семьи,—нужно поэтому пристроить ее“.

Онъ встаетъ и подходитъ къ окну.

„Какой дивный день! Трюбъ правъ, утверждая, что сентябрь—лучшій мѣсяцъ въ Вилларѣ... А въ Болоньѣ теперь, навѣрное, невыносимо душно! Однако, все-таки придется распрощаться съ Вилларомъ... Могу себѣ представить, какія низости пишетъ Луціанъ въ этомъ письмѣ—и кому! чужому, наемному человѣку, почти слугѣ... Я долженъ уѣхать. Извинюсь передъ Ремигіей, настою на возвращеніи Тото—и уѣду въ Италію... задыхаться отъ жары. Вернусь къ дѣламъ, къ работѣ, къ политикѣ... какая скука! Какъ бы я хотѣлъ всегда жить среди природы, въ горахъ, за двѣ тысячи верстъ отъ Болоньи и Рима!"

Джіакомо несчастенъ, какъ школьникъ въ послѣдній день каникулъ. Но не съ Вилларомъ ему тяжело разстаться... а съ тѣми глубокими, нѣжными глазами, которые улыбались ему сквозь слезы.

— Прощай, Вилларъ!—шепчутъ его губы.—Прощай, Марія! —звучитъ въ его опечаленной душѣ.

Когда Джіакомо д'Ореа выходитъ изъ комнаты, чтобы узнать, гдѣ Ремигія, и поговорить съ нею, онъ встрѣчаетъ въ коррндорѣ Мими Каффо.

— Гдѣ герцогиня Ремигія? — спрашиваетъ онъ.—Я хочу извиниться передъ нею за свою необдуманную рѣзкость. Самъ не знаю, какъ это я поддался раздраженію, но эта глупая старуха, м-ссъ Эйръ, такъ долго ко мнѣ приставала...

Джіакомо останавливается на полусловѣ, взглянувъ на блѣдное, разстроенное лицо Мими.

— Что съ вами? Что случилось?—тревожно спрашиваетъ онъ.

Мими обыкновенно очень сдержанна и робка, но теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы вырвать подругу изъ когтей фараона, и она призываетъ на помощь всю свою храбрость.

— Я... очень сердита на васъ! Вы дурно поступили съ Ремигіей... очень дурно!

Джіакомо думаетъ, что Мими говоритъ только объ эпизодѣ съ колокольчиками, и снова начинаетъ оправдываться:

— Да вѣдь я говорю вамъ, что меня вывела изъ себя эта старуха! Я сознаюсь, что я не правъ. Не сердитесь на меня, а проведите меня лучше къ Ремигіи и помогите мнѣ помириться съ нею.

— Ремигія въ постели. Ей очень нездоровится, — боюсь, какъ бы она серьезно не расхворалась.

Джіакомо испуганъ словами Мими.

— Вѣдь я не виноватъ, что эта старуха... съ ума сошла!

Мими грустно качаетъ головой.

— Дѣло не въ ней, не въ м-ссъ Эйръ, а въ томъ, что вы намѣренно обидѣли Ремигію. Вы должны были знать, что обида, нанесенная вами... именно вами, особенно огорчитъ Ремигію по... множеству причинъ, которыя всѣ сводятся для Ремигіи къ одной главной.

— Къ какой?

Мими густо краснѣетъ и глаза ея полны мольбы и тревоги; она прерывисто дышетъ, подходитъ близко къ Джіакомо и складываетъ руки умоляющимъ жестомъ. Она едва можетъ говорить, и только шепчетъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ремигія... повѣрьте, синьоръ д'Ореа, такая добрая... нѣжная дѣвушка. Она смѣется и шутитъ... но въ серьезныхъ вопросахъ она искренна и на нее можно положиться. Конечно, она очень горда и самолюбива... она не сдѣлаетъ перваго шага, даже если дѣло идетъ о счастьи всей ея жизни!.. Молю васъ, синьоръ д'Ореа, молю васъ... сжальтесь!.. Не убивайте ее!

Сказавъ это, Мими закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ, не будучи въ состояніи сдержать рыданій.

Джіакомо совершенно ошеломленъ.

„Что̀ значитъ: „не убивайте ее“? Да они всѣ здѣсь съ ума сошли въ „Tête-pointue“! Нужно скорѣе выписать кузена Тото. Обѣщаю имъ полъ-милліона приданаго и пошлю телеграмму Тото!.. Сегодня же послѣ обѣда переговорю съ герцогиней Христиной“.

Онъ спускается внизъ за полчаса до обѣда; не заставъ никого въ hall'ѣ, онъ выходитъ въ садъ, снова возвращается въ отель, обмѣнивается нѣсколькими фразами съ немногими еще оставшимися въ Вилларѣ знакомыми... Наконецъ является и герцогиня Христина... на этотъ разъ одна, безъ брата.

Джіакомо спѣшитъ ей на встрѣчу, старается задобрить ее крайней почтительностью обращенія, разсказываетъ сцену съ м-ссъ Эйръ и разсыпается въ извиненіяхъ.

Но мать Ремигіи имѣетъ не возмущенный, а болѣе того—убитый видъ; она величественно молчитъ, ни слова не отвѣчая на всѣ его объясненія, и только глядитъ на него въ упоръ. Джіакомо, ожидавшій бурныхъ упрековъ, теряется; онъ не рѣшается заговорить о Тото,—но по неосторожности задѣваетъ еще болѣе опасную тему, спросивъ о здоровьи Ремигіи.

— Она, кажется, не совсѣмъ здорова, какъ я слышалъ отъ ея подруги Мими?—говоритъ онъ.

Герцогиня сдвигаетъ свои темныя густыя брови, но отвѣчаетъ только грузнымъ вздохомъ. Музыка безъ словъ!

Джіакомо не знаетъ, что̀ еще сказать и что̀ дѣлать... Уйти неловко. Онъ смотритъ на часы, удивляется вслухъ, почему еще не было звонка къ обѣду, говоритъ о томъ, какъ пустѣетъ отель въ виду конца сезона,—но герцогиня ни словомъ не отвѣчаетъ ему и стоитъ безмолвная какъ статуя скорби.

Наконецъ появляется дядя Розалѝ. Джіакомо чувствуетъ облегченіе при его видѣ, идетъ ему на встрѣчу съ привѣтливой улыбкой и дружески протягиваетъ ему руку... Но Сантъ-Эводіо болѣе строгъ и величественъ, чѣмъ когда-либо. Онъ торжественно пожимаетъ протянутую ему руку, но не произноситъ ни одного звука.

Глаза матери обращаются на него съ тревогой. Губы ея дрожатъ.

— Ну, что̀ же?—спрашиваетъ она.—Что̀ съ „идоломъ“?

— Все то же! — бормочетъ въ бороду Розалино. — Боюсь, какъ бы она не заболѣла серьезно!.. Мими осталась съ нею наверху.

Герцогиня еще разъ громко вздыхаетъ и шепчетъ голосомъ, въ которомъ слышатся слезы:—Господи Іисусе! Лишь бы она не заболѣла!

Джіакомо не знаетъ, что̀ и сказать, и тоже вздыхаетъ. Они стоятъ всѣ трое безмолвно, по близости отъ стеклянной двери въ столовую, куда князь Розалино поглядываетъ строгими и озабоченными глазами.

Въ hall входитъ быстрыми шагами м-ссъ Эйръ, и всѣ дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ее. Она садится на свое обычное мѣсто у окна и беретъ „Times“. Она уже знаетъ, что надѣлала бѣду своей грубостью и потеряла дружбу д'Ореа. Развернувъ газету, она прячется за нею отъ взоровъ своихъ враговъ.

Появляется и Закарелла и вертится около своихъ господъ съ видомъ побитой собаки. Послѣ строгаго внушенія его превосходительства, онъ очень палъ духомъ и боится заговорить съ Джіакомо.

Джіакомо озабоченъ только одной мыслью: что̀, если и Марія не сойдетъ къ обѣду? Онъ смотритъ на часы и прислушивается ко всѣмъ приближающимся шагамъ. Наконецъ раздается легкій шелестъ платья, и лицо его просвѣтляется: это она!

Донна Марія-Грація медленно спускается съ лѣстницы и подходитъ къ матери.

— Ремигія, кажется, серьезно больна!—говоритъ ей герцогиня Христина.

— Какъ это грустно!—прибавляетъ дядя Розалѝ и глубоко

вздыхаетъ. Но огорченіе не лишаетъ его аппетита, и онъ торопитъ всѣхъ идти обѣдать.

— Мы всѣ въ сборѣ,—чего же мы ждемъ? Уже былъ второй звонокъ, — идемъ въ столовую. — Ему нужна какая-нибудь пословица для оправданія себя, и, не припомня ничего подходящаго, онъ придумываетъ самъ мудрое изреченіе:—если здоровые и будутъ поститься, это все-же не вылечитъ больныхъ.

Сказавъ это, онъ торжественно открываетъ шествіе подъ-руку съ сестрой. Джіакомо слѣдуетъ за ними съ Маріей, а Закарелла идетъ позади всѣхъ съ очень приниженнымъ видомъ.

— Я получила письмо отъ Луціана, которое и ты долженъ прочесть,—говоритъ Марія на ухо Джіакомо, и голосъ ея дрожитъ отъ негодованія. — Послѣ обѣда приходи сейчасъ же въ садъ.

— Еще одно письмо?..—Джіакомо старается сдержать свой гнѣвъ и свое безпокойство.—Онъ тамъ... въ Парижѣ... кажется, только то и дѣлаетъ, что пишетъ письма.

Это совершенная правда. Когда Фанфанъ отказывается принять Луціана подъ предлогомъ репетицій, или уроковъ пѣнія, или же потому что ожидаетъ м-ра Кеннета, устроивающаго ей ангажементъ въ Америку, Луціанъ, взбѣшенный, запирается у себя въ комнатѣ, въ „Hôtel-Bristol“, и отводитъ душу тѣмъ, что пишетъ письма за письмами женѣ и Закареллѣ.

„О, человѣческая неблагодарность! Вотъ чѣмъ мнѣ отплачиваютъ за мою доброту!“—Этимъ заканчиваются—приблизительно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ—всѣ его письма и къ Маріи, и къ капитану.

Обѣдъ проходитъ въ глубокомъ молчаніи. Только когда подаютъ жаркое, прекрасно зажареннаго фазана, дядя Розалѝ оживляется; взглянувъ на фазана, онъ переводитъ взглядъ на сестру и говоритъ ей ободряющимъ тономъ:

— Не падай духомъ, дорогая Христина! Я увѣренъ, что „идолъ“ живо оправится!

Христина опять грузно вздыхаетъ, смотритъ на Джіакомо взглядомъ, въ которомъ печаль и тревога соединяются съ укоризной, поднимается и выходитъ изъ столовой удрученно-величественной поступью.

Марія тоже поднимается вслѣдъ за матерью; она, противъ обыкновенія, смотритъ прямо въ лицо своему beau-frère'у и говоритъ:

— Здѣсь такъ жарко, что я задыхаюсь. Пойдемъ въ садъ.

Джіакомо слѣдуетъ за ней... и Закарелла облегченно взды-

хаетъ. Онъ снова становится самимъ собой и чувствуетъ себя командиромъ.

— Наконецъ-то можно передохнуть отъ всѣхъ этихъ трагедій, капризовъ и вздоховъ!—Обратившись къ князю, который съ аппетитомъ ѣстъ фазана, онъ дѣлаетъ ему предложеніе:—Не выпить ли намъ за здоровье всей семьи и за то, чтобы возстановилось у всѣхъ хорошее настроеніе духа?

Не дожидаясь отвѣта, онъ подзываетъ метръ-д'отеля:

— Monsieur Селестэнъ, — говоритъ онъ ему: — прикажите принести шампанскаго! Обычную марку: „Extra-Dry"!

Розалино ди Сантъ-Энодіо сохраняетъ величаво-невозмутимое выраженіе лица, только глаза его оживляются, слѣдя за спокойными шагами monsieur Селестэна... Потомъ, поглаживая свою внушительную сѣдую бороду, онъ произноситъ поучительнымъ тономъ:

— Только по жаркому можно судить о поварѣ. Этотъ фазанъ превосходно зажаренъ.

VIII.

— Вотъ письмо... моего мужа. Прочти его.

Джіакомо колеблется.

— Прочти... ты долженъ его прочесть!

Марія еще болѣе блѣдна, чѣмъ обыкновенно. Обычная кротость и грусть ея лица смѣнились рѣшительнымъ и гордымъ выраженіемъ, горькой иронической улыбкой. Странный внутренній свѣтъ озаряетъ ея лицо, придавая ему особую красоту. Все, что̀ она таила въ душѣ, сверкаетъ теперь въ ея глазахъ и дрожитъ во всемъ ея существѣ, охваченномъ порывомъ возмущенія.

— Прочти!.. ты долженъ прочесть! Я избавила тебя отъ чтенія многихъ другихъ, подобныхъ же и еще худшихъ писемъ, но это ты долженъ прочесть, потому что въ немъ идетъ рѣчь и о Ремигіи... и еще потому, что все имѣетъ границы, даже терпѣніе, даже жалость!.. Вѣдь я его жалѣла! Я вѣрила, что онъ самъ страдаетъ отъ своего несчастнаго характера... Но теперь кончено! Я ничего не чувствую къ нему, кромѣ отвращенія и ненависти. Я его глубоко ненавижу! Не моя это вина —видитъ Богъ, у меня не злое сердце. Люди сдѣлали меня злой—и тѣмъ хуже для нихъ. Вотъ тебѣ письмо... Побори гадливость и прочти его.

У Джіакомо сильно бьется сердце, но онъ старается не выдать своего волненія и спокойно вынимаетъ изъ конверта нѣ-

сколько исписанныхъ листковъ. Письмо начинается въ злобно шутливомъ тонѣ: „Паоло и Франческа!.. Эта преступная любящая чета теперь какъ разъ очень въ модѣ, благодаря нѣкоторымъ поэтамъ и актерамъ,—и въ моей семьѣ, повидимому, слѣдуютъ модѣ“!

Луціанъ продолжаетъ пространно развивать этотъ мотивъ: „Но Паоло старинной легенды ничѣмъ не былъ обязанъ Ланчеоту, а мой братъ, современный Паоло, обязанъ только *мнѣ* тѣмъ общимъ поклоненіемъ, которымъ онъ пользуется. Только благодаря моему великодушному согласію онъ сталъ единственнымъ и деспотичнымъ владѣльцемъ *нашего* состоянія. Первая Франческа принесла въ приданое своему мужу зàмки и помѣстья... я слишкомъ деликатенъ, чтобы продолжать параллель. Скажу только въ заключеніе, что мои Франческа и Паоло присоединили къ преступной любви своихъ знаменитыхъ предшественниковъ еще одинъ грѣхъ—черную неблагодарность“.

Джіакомо быстро пробѣгаетъ глазами дальнѣйшія варіаціи на ту же тему и начинаетъ болѣе внимательно читать съ того мѣста, гдѣ видитъ повтореннымъ нѣсколько разъ свое имя:

„...теперь у меня уже нѣтъ никакихъ сомнѣній. Послѣ моего откровеннаго, чистосердечнаго объясненія съ Джіакомо онъ долженъ былъ бы немедленно послѣ моего отъѣзда тоже уѣхать изъ Виллара,—еслибы онъ дѣйствительно былъ такимъ честнымъ человѣкомъ, какимъ его изображаютъ въ газетахъ, издающихся на его счетъ. Ревность мужа—самое ясное доказательство его преданности и любви къ женѣ, и даже если эта любовь заходитъ слишкомъ далеко, она всегда находитъ сочувствіе у почтенныхъ людей и всегда бываетъ пріятна искренно любящей и вѣрной женѣ“!..

„Но вмѣсто того, чтобы уѣхать и этимъ разсѣять мои подозрѣнія—всякое подозрѣніе законно и свято, когда дѣло идетъ о женѣ, о супружеской чести,—Джіакомо не трогается съ мѣста, и спокойно живетъ въ „Tête-pointue“, забывъ свои дѣла, забывъ свои заявленія о томъ, что не можетъ пробыть въ Швейцаріи болѣе двухъ недѣль безъ ущерба для блага отечества, безъ того, чтобы это не отозвалось на судьбахъ всей Европы! Этотъ великій государственный человѣкъ длитъ безъ конца свои каникулы—очевидно, потому, что ты—легкомысленная кокетка и ему весело въ твоемъ обществѣ... Я имѣлъ достаточное доказательство твоего кокетства въ Бэ... Ты думаешь, что я такъ глупъ, что ничего не замѣтилъ? Почему этотъ сентиментальный чахоточный англичанинъ уѣхалъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего пріѣзда?..

Помни, я могу все снести, кромѣ лишь того, чтобы меня ставили въ смѣшное положеніе"!..

„Теперь у тебя и у Джіакомо явилась хитрая союзница. Твоя милѣйшая сестрица Ремигія даетъ новое доказательство неблагодарности твоей семьи относительно меня и съ наивнымъ видомъ (о, святая невинность!) участвуетъ въ вашей комедіи. Какъ это старо: ухаживать для отвода глазъ за молодой дѣвушкой, чтобы скрыть тайную любовную интригу съ ея замужней сестрой! Connu le vieux jeu, ma chère"!..

Въ такомъ тонѣ написано все письмо Луціана, грубое и оскорбительное, спѣсивое и злое. Онъ писалъ его какъ разъ тогда, когда Фанфанъ заявила, что весь день у нея занятъ и она не можетъ принять его. „Глицеринный король", м-ръ Кеннетъ, повезъ ее въ Булонскій лѣсъ, чтобы обновить съ нею свой только-что пріобрѣтенный „four-in-hand". Луціанъ протестовалъ, но Фанфанъ Трекёръ заявила, что именно въ виду его протеста она и поѣдетъ, такъ какъ не позволитъ никому командовать собой.

И она дѣйствительно поѣхала, несмотря на сырую погоду, вредную для ея кашля. И шарлатанъ-докторъ, которому платили по двадцати франковъ за визитъ, разрѣшилъ ей поѣхать, и учитель пѣнія не протестовалъ,—не даромъ его осыпали банковыми билетами и опаивали шампанскимъ! Здоровье, голосъ, — все это не принималось въ разсчетъ, когда дѣло шло о желаніи милліонера Кеннета.

— Такова ужъ моя несчастная судьба! Никто, никто меня не любитъ.

Луціанъ заперся у себя въ комнатѣ, охваченный отчаяніемъ и бѣшенствомъ, и чтобы излить свою злобу на Кеннета и на Фанфанъ, принялся писать письмо женѣ.

— Моей женой, на которой я женился, не взявъ ни гроша денегъ, я могу командовать—это право, по крайней мѣрѣ, остается за мной... и мой братъ не сможетъ защитить ее. Не завидую я „его превосходительству". Ему ли играть роль Паоло! Нужны другіе таланты и больше ума, чтобы соблазнять женщинъ. Но даже дружба между такими близкими родственниками — развратъ!

Прочтя письмо Луціана, Джіакомо медленно вкладываетъ его обратно въ конвертъ, отдаетъ его Маріи и говоритъ глухимъ голосомъ, не поднимая на нее глазъ:

— Я уже и до письма рѣшилъ уѣхать завтра утромъ изъ Виллара.

Марія вздрагиваетъ, услыша эти слова, и блескъ въ ея глазахъ сразу потухаетъ.

— Завтра утромъ?—повторяетъ она упавшимъ голосомъ.— Ты уже это рѣшилъ?

— Да,—отвѣчаетъ Джіакомо, все еще не поднимая глазъ на Марію, но голосомъ, преисполненнымъ нѣжности и скорби.— Это необходимо для меня, для тебя, для всѣхъ. А послѣ этого письма...

— Это письмо... гнусно!

Марія едва сдерживаетъ рыданія.

— Это комокъ грязи, брошенный въ насъ сумасшедшимъ негодяемъ, но цѣль его достигнута — мы должны разстаться!— восклицаетъ съ отчаяніемъ Джіакомо. Его тоже душатъ рыданія.

— Я не могу оставаться тамъ, гдѣ ты. Намъ нельзя быть вмѣстѣ.

Марія инстинктивно дѣлаетъ шагъ впередъ и протягиваетъ руки, какъ бы для того, чтобы удержать его... потомъ сразу опускаетъ руки и оглядывается вокругъ себя затуманенными отъ слезъ глазами, а ея дрожащія губы шепчутъ слова, которыхъ она не можетъ удержать:

— Какимъ пустымъ станетъ Вилларъ! Какой пустой, безотрадной станетъ жизнь!.. Все кончено!

Чтò „кончено“? То, чтò постепенно наполнило всю ея душу, всю ея жизнь безотчетно для нея самой. Она поняла теперь,— когда вся ея радость, ея счастье, ея надежда смѣнились глубокой скорбью.

— Кончено!—шепчетъ она опять, закрываетъ лицо руками и умолкаетъ.

Они еще долго сидятъ въ этомъ отдаленномъ углу сада, не говоря ни слова. Тѣнь отъ деревьевъ становится болѣе густой; наступаетъ вечеръ. Марія вздрагиваетъ отъ холода, взглядываетъ на Джіакомо удивленнымъ и испуганнымъ взглядомъ, застегиваетъ на себѣ плотнѣе мѣховую накидку и, поднявшись, медленно идетъ впередъ. Джіакомо слѣдуетъ за ней, опустивъ голову и не произнося ни слова. Но одна и та же мысль, одинъ и тотъ же вопросъ мучитъ ихъ обоихъ. „Неужели нельзя возобновить прежнюю спокойную дружбу, не приносящую страданій“? И оба отвѣчаютъ въ душѣ: „Нѣтъ, нельзя“!

Оба они думаютъ теперь одно и то же, и хотя уста ихъ молчатъ, души ихъ обмѣниваются признаніями:

„Мы сначала были чужды другъ другу,—какъ же мы сблизились? Мы были такъ далеки другъ отъ друга, — какъ же мы встрѣтились? Когда это случилось? Послѣ чтенія этого письма? Послѣ разговора сегодня утромъ?.. Или еще въ Бэ?.. Въ Неа-

полѣ? Нѣтъ, ранѣе того... при первой же нашей встрѣчѣ... и даже раньше, прежде чѣмъ увидали другъ друга"!

Этотъ часъ разставанія — не изъ тѣхъ, которые исчезаютъ безслѣдно; онъ навсегда запечатлѣвается въ ихъ душахъ. Джіакомо уѣдетъ; можетъ быть, они никогда больше не увидятся, но не все ли это равно? Всегда, какъ въ этотъ часъ, они будутъ чувствовать установившуюся между ними близость.

Дорожка, медленно поднимающаяся вверхъ, приводитъ Джіакомо и Марію на вершину маленькаго холма. Солнце только-что зашло. На горизонтѣ еще тянется большая красная полоса, разсѣкающая темныя облака, но она постепенно съуживается, блѣднѣетъ и исчезаетъ за черной завѣсой. Внезапный порывъ вѣтра колеблетъ верхушки деревьевъ внизу, потомъ снова наступаетъ полная тишина. Внизу, въ глубинѣ долины, зажигаются огоньки въ деревняхъ. Виднѣющійся по близости отель съ длиннымъ рядомъ освѣщенныхъ оконъ кажется какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ.

Марія первая прерываетъ долгое молчаніе:

— Завтра, въ это время, ты гдѣ будешь?

— Въ Женевѣ.

— А потомъ?.. Поѣдешь въ Болонью, или прямо въ Римъ?

— Я пробуду два дня въ Болоньѣ, потомъ поѣду въ Римъ.

— А что̀ же будетъ съ Ремигіей?.. съ мамой? Какъ ты поступишь послѣ всего, что̀ произошло сегодня?

— Ремигія будетъ очень рада выйти замужъ за Тото; а если „идолъ" будетъ доволенъ, то и мать ея будетъ счастлива.

Марія вздыхаетъ и начинаетъ спускаться съ холма; Джіакомо идетъ рядомъ съ нею, наслаждаясь въ послѣдній разъ ея близостью. Всю дорогу они проходятъ молча и ни разу не останавливаясь. Только уже приближаясь къ отелю, они, повинуясь одинаковому порыву, протягиваютъ другъ другу руки и глядятъ другъ другу въ глаза.

Лица ихъ блѣдны, глаза полны слезъ.

— На всю жизнь!

— На всю жизнь!

Марія входитъ въ отель. Джіакомо остается въ саду и долго еще ходитъ по аллеямъ. Онъ нуждается въ одиночествѣ, въ движеніи, чтобы справиться со своимъ волненіемъ. На лицѣ его еще не высохли слезы, но онъ чувствуетъ себя въ эту минуту сильнымъ и счастливымъ... Все его существо охвачено любовью:

— Люблю!.. Люблю!.. И она меня любитъ!

Онъ глядитъ въ сторону отеля и съ счастливой улыбкой по-

вторяетъ имя Маріи, въ то время какъ глаза его опять затуманиваются слезами,—но не слезами скорби, а слезами радости и безпредѣльной нѣжности.

— Я люблю тебя! Дорогая, дорогая!..

Но вдругъ онъ останавливается и вздрагиваетъ: счастливый сонъ разсѣялся, и онъ возвращается къ печальной дѣйствительности:

— Я, быть можетъ, никогда больше не увижу ее!

Онъ вспоминаетъ о письмѣ Луціана:

— Я долженъ уѣхать... никогда больше не видѣть ее!.. Но я люблю ее, и она меня любитъ!.. О, дорогая, любимая!

Онъ снова вспоминаетъ содержаніе письма:

— Однако, Луціанъ, при всей своей низости, все-таки все понялъ... даже относительно Ремигіи. Я, дѣйствительно, пользовался ею, чтобы скрыть—даже передъ самимъ собой—мою любовь къ Маріи.

Джіакомо вдругъ содрогается отъ ужаса:

— Марія?.. Но вѣдь она жена моего брата!.. Развѣ я имѣю право любить ее? Вѣдь это безуміе!.. Мы больше не должны никогда видѣться... Я не нарушу долга чести и останусь до конца жизни честнымъ человѣкомъ!

IX.

Начинаетъ идти дождь, и Джіакомо возвращается въ отель. Въ hall'ѣ онъ встрѣчаетъ Мими Карфо, которая выходитъ изъ читальни съ книжкой въ рукахъ.

— Ремигіи, слава Богу, лучше,—говоритъ она.

Джіакомо смотритъ на нее страннымъ, какъ бы отсутствующимъ взглядомъ.

— Значитъ, она сможетъ завтра встать съ постели?—спрашиваетъ онъ.

— Надѣюсь!.. хотя она еще очень возбуждена и слаба. Она не можетъ заснуть; я вотъ несу ей книгу, чтобы почитать ей вслухъ.

По разстроенному лицу и блуждающему взору Джіакомо видно, что онъ даже не слышалъ словъ Мими. Но онъ старается овладѣть собой и, помолчавъ немного, говоритъ:

— Будьте добры, скажите Ремигіи, что я уѣзжаю завтра утромъ, но долженъ непремѣнно поговорить съ нею до отъѣзда.

Сказавъ это, онъ отходитъ отъ Мими, не дожидаясь ея отвѣта,

и отправляется въ бюро отеля за росписаніемъ поѣздовъ. Но тамъ онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ Марко Дановой, одѣтымъ въ дорожное платье.

— Какъ я радъ, что могу еще лично попрощаться съ вами!— говоритъ баронъ. Онъ старается изобразить на лицѣ улыбку, но ничего, кромѣ непріятной гримасы, у него не выходитъ.—Я только-что послалъ вамъ въ комнату визитную карточку—pour prendre congé. Я сейчасъ уѣзжаю... Пріѣхалъ въ ливень и уѣзжаю подъ дождемъ! Весело, нечего сказать, жить въ горахъ!

Марко Данова, повидимому, недоволенъ Вилларомъ.

Джіакомо, которому хочется поскорѣе отдѣлаться отъ него, говоритъ:

— Вы уже уѣзжаете? Въ такомъ случаѣ желаю вамъ счастливой дороги! Надѣюсь, что скоро опять встрѣтимся.

— Я пробуду нѣсколько дней въ Женевѣ, а оттуда поѣду на озеро Комо... Надоѣла мнѣ эта проклятая Швейцарія!—Повидимому, у барона Дановы есть причины сильно негодовать на Швейцарію; онъ становится багровымъ въ лицѣ, говоря о ней.— Здѣсь, чуть пойдетъ дождь, — становится нестерпимо холодно; чуть проглянетъ солнце,—жить нельзя отъ жары! Да и помимо климата... вся страна—какой-то сплошной вокзалъ. Скоро глетчеры станутъ черными отъ дыма локомотивовъ... Это какая-то механическая панорама для толпы, для любителей дешевыхъ праздничныхъ экскурсій.

— Да, да, это очень вѣрно!—говоритъ Джіакомо, чтобы положить конецъ надоѣвшей ему болтовнѣ Дановы.—И я тоже уѣзжаю... очень скоро.

Марко Данова опять строитъ гримасу, которая должна изображать улыбку.

— Вы уѣзжаете... въ пріятномъ обществѣ?—спрашиваетъ онъ.

— Я уѣзжаю одинъ—завтра.

— Но васъ будутъ сопровождать... нѣжныя мысли. Счастливецъ! Для васъ Швейцарія—прекрасная страна поэтичныхъ идиллій, страна, гдѣ цвѣтутъ незабудки!

Джіакомо вздрагиваетъ: онъ ни о комъ не думаетъ, кромѣ Маріи, и ему кажется, что эти слова относятся къ ней.

Данова принимаетъ серьезный видъ, дѣлаетъ полу-шутливый, торжественный поклонъ и протягиваетъ руку Джіакомо.

— Позвольте... васъ поздравить!

— Съ чѣмъ?—спрашиваетъ Джіакомо, разсерженнымъ, глухимъ голосомъ.

— Не сердитесь! Хотя радостное событіе еще оффиціально

не объявлено, но такъ какъ оно несомнѣнно, то зачѣмъ скрывать его отъ такихъ старыхъ друзей, какъ я?

— Какое событіе?.. О чемъ вы говорите?

— Дайте руку!.. Дайте руку!..—Онъ почти насильно пожимаетъ руку изумленному Джіакомо.—Сознаюсь, что я вамъ нѣсколько завидую... За такую дѣвушку стоитъ отдать всѣ сокровища Голконды! И будь я на вашемъ мѣстѣ—я бы, вѣроятно, тоже сдѣлалъ такую же глупость, какъ и вы!

Джіакомо теперь только начинаетъ понимать, о чемъ говоритъ Данова,—но еще думаетъ, что ошибается.

— Чтò означаютъ ваши шутки?

Данова въ очень экспансивномъ настроеніи; онъ отвѣчаетъ искренно и возбужденно:

— Я сказалъ: „глупость"—безъ всякаго намѣренія васъ обидѣть, и потому, ради Бога, простите меня!.. Принято считать глупостью бракъ въ нашемъ возрастѣ,—но это невѣрно. Напротивъ того, глупо жениться въ молодости, прежде чѣмъ успѣешь насладиться жизнью, когда человѣкъ еще полонъ силъ и предпріимчивости. Но когда молодость позади... очень мудро выбрать молоденькую дѣвушку—вотъ такую, какъ этотъ очаровательный дьяволенокъ,—и жениться на ней. Вѣдь въ наши годы трудно разсчитывать на новыя побѣды! Насъ могутъ любить только честныя дѣвушки,—на которыхъ нужно жениться.

Голосъ Дановы странно дрожитъ и глаза его затуманиваются. Онъ принужденно и рѣзко смѣется, чтобы скрыть свое волненіе, и продолжаетъ другимъ тономъ:

— Однако, мнѣ пора! Поздравляю васъ отъ души, желаю всего хорошаго вамъ... и остальнымъ. Передайте, пожалуйста, мои поздравленія и герцогинѣ Ремигіи, хотя—скажите это ей—она очень зло подшутила надо мной!

— Да вы съ ума сошли! Вы ошибаетесь!..—Джіакомо пытается задержать барона, но онъ уже садится въ омнибусъ отеля, окруженный суетящимися вокругъ него Трюбомъ и прислугой.

„Хорошо, по крайней мѣрѣ, что онъ не дѣлалъ намековъ на Марію. Значитъ, о ней не сплетничаютъ!"—Джіакомо облегченно вздыхаетъ, но другая мысль начинаетъ его тревожить.—„Сплетни относительно Ремигіи зашли, однако, слишкомъ далеко... Нашъ бракъ считается несомнѣннымъ фактомъ! Чтò же теперь дѣлать? Поспѣшить за нимъ и разубѣдить его?.. Но теперь уже поздно,—да и это какъ-то смѣшно! Я вѣдь завтра тоже буду въ Женевѣ. Зайду къ нему, и скажу, что это неправда, что онъ съ ума сошелъ, если могъ подумать такую нелѣпость".

Джіакомо вздыхаетъ и проводитъ рукой по лбу.

„Нѣтъ, это я безумецъ... со своей любовью, со своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ Ремигіи! Скорѣе бы поговорить съ нею, убѣдить ее выйти замужъ за Тото... и потомъ уѣхать, забыться въ работѣ"!.. Но какъ забыться... какъ не думать о Маріи, когда вся душа его полна ею!

Джіакомо уходитъ къ себѣ въ комнату, повторяя про себя:

„Я не долженъ ее видѣть... не долженъ ее любить... долженъ свято хранить долгъ семейной чести"!

X.

Джіакомо проводитъ всю ночь за письменнымъ столомъ, заставивъ себя неимовѣрнымъ усиліемъ воли взяться за текущія дѣла. Онъ прочитываетъ всю накопившуюся корреспонденцію и даже отвѣчаетъ на нѣсколько важнѣйшихъ писемъ. Онъ хочетъ съ этой же ночи возобновить свою трудовую жизнь.

„Я всей душой отдамся политикѣ и дѣламъ, чтобы не имѣть времени думать ни о чемъ другомъ... И если мои друзья предложатъ мнѣ снова министерскій портфель, я приму. Къ чорту всѣ докторскія предписанія о необходимости полнаго покоя для моего расшатаннаго организма, для моего слабаго сердца! И если я не долго протяну—тѣмъ лучше!.. Во всякомъ случаѣ я умру—честнымъ человѣкомъ"!

На разсвѣтѣ Джіакомо начинаетъ чувствовать сильную усталость; онъ ложится, не раздѣваясь, на постель, засыпаетъ сейчасъ же тяжелымъ сномъ, и просыпается часа черезъ два съ той же неотвязною мыслью:

„Я ее больше не увижу"!

Онъ встаетъ, раздѣвается и начинаетъ снова одѣваться, не позвавъ лакея. Только уже совсѣмъ одѣвшись, онъ звонитъ, даетъ приказаніе сложить вещи къ отъѣзду, а самъ идетъ въ кабинетъ съ ручнымъ сакъ-вояжемъ, въ который кладетъ бумаги, газеты, книги, нужныя ему въ дорогѣ.

Раздается легкій стукъ въ дверь.

— Войдите!

Это Ремигія. Она входитъ, затворяетъ за собой дверь и останавливается, не дѣлая ни шага впередъ.

— Это вы?—изумленно спрашиваетъ Джіакомо.—Значитъ, вы выздоровѣли!—Онъ подходитъ къ ней и глядитъ на нее: у нея свѣжее, розовое лицо, и все на ней розовое—и лента, скрѣпляю-

щая ея волнистые свѣтлые волосы, и короткое зефировое платье, изъ-подъ котораго виднѣются изящныя маленькія ноги въ черныхъ лакированныхъ туфляхъ.—Ну, да, у васъ совершенно здоровый видъ. Какъ я радъ!—Онъ протягиваетъ ей руку, но она не даетъ своей. Джіакомо улыбается.

— Какъ я радъ,—повторяетъ онъ,—что вы выздоровѣли. Радъ за васъ—и немножко за себя! Меня такъ мучила совѣсть... Вы вѣдь были разстроены—по моей винѣ?

Ремигія ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ смотрѣть прямо въ лицо Джіакомо, заложивъ руки за спину и прислонившись къ двери.

Джіакомо уходитъ на минуту въ другую комнату, отсылаетъ подъ какимъ-то предлогомъ лакея и возвращается въ кабинетъ. Ремигія стоитъ на томъ же мѣстѣ. Онъ подходитъ къ ней.

— Мнѣ сказала Мими,—говоритъ Ремигія нѣсколько торжественнымъ тономъ,—что вы уѣзжаете сегодня утромъ, и что вамъ необходимо поговорить со мной. Я пришла и слушаю васъ.

Джіакомо ласково беретъ ее за руки, насильно отводитъ отъ двери и ведетъ ее къ дивану посреди комнаты.

— Сядьте, дорогая Ремигія. Мнѣ нужно съ вами обстоятельно и серьезно побесѣдовать.

Ремигія съ минуту пристально смотритъ на него, потомъ садится и продолжаетъ безмолвно глядѣть на него, ожидая, чтобы онъ заговорилъ первый.

Джіакомо стоитъ подлѣ письменнаго стола.

— Мы вѣдь съ вами друзья, не правда ли?—начинаетъ онъ.— Или, лучше, скажемъ такъ: я какъ бы... вашъ отецъ, а вы какъ бы моя дочь.

На лицѣ Ремигіи мелькаетъ выраженіе неудовольствія; она хмуритъ брови.

— Прежде всего, скажите мнѣ...—продолжаетъ Д'Ореа:— перестали ли вы сердиться на меня за мою неумѣстную рѣзкость вчера и за... глупую выходку этой противной старухи? Вы мнѣ простили?

— Да.

— Это правда?

— Говорю вамъ, что да.

Отвѣты Ремигіи—очень отрывистые и сухіе. Она такъ внимательно и такъ холодно смотритъ на Джіакомо, что онъ не знаетъ, какъ начать разговоръ. Ремигія сегодня—совершенно другая. Вся ея веселость и живость исчезли. Это уже не прежняя хохотунья малютка, какъ ее зоветъ Марія... У Джіакомо звучитъ въ ушахъ

нѣжный голосъ Маріи, произносящей это слово. Нѣтъ, онъ никогда не будетъ такъ называть Ремигію,—слишкомъ это ему больно!.. Онъ дѣлаетъ усиліе надъ собой, чтобы отогнать любимый образъ, овладѣвшій всѣми его мыслями, беретъ руку молодой дѣвушки и ласково гладитъ ее.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ вами объ одномъ нашемъ... отсутствующемъ молодомъ другѣ.

Ремигія инстинктивно выдергиваетъ свою руку изъ рукъ Джіакомо.

— О Тото?—спрашиваетъ она и весело смѣется, но сейчасъ же поднимаетъ глаза къ небу и меланхолично вздыхаетъ.—Бѣдный Тото!—говоритъ она. Но тонъ ея уже не такой серьезный, и она начинаетъ напоминать прежнюю Ремигію. Джіакомо опять беретъ ее за руку.

— Чтò если бы... вернуть Тото?

— Какъ хотите,—мнѣ все равно! Но я полагаю, что мама уже не захочетъ теперь долго оставаться въ Вилларѣ.

Ея спокойствіе и равнодушный тонъ сбиваютъ съ толку Джіакомо.

— Скажите мнѣ откровенно: вы любите Тото? Да или нѣтъ?

— Очень люблю—онъ вѣдь мой кузенъ. Къ тому же онъ милый—всегда дѣлаетъ все, чтò я хочу. Онъ такой добрый... Прелестный, дорогой Тото!

Она говоритъ о немъ совершенно въ томъ же тонѣ, какъ о Динѣ и Донѣ.

— Но, кажется,—продолжаетъ д'Ореа, — Тото еще гораздо больше любитъ васъ, чѣмъ вы его.

— Конечно. Такъ всегда бываетъ между кузенами и кузинами.—Ремигія вскакиваетъ съ дивана и подбѣгаетъ къ окну, чтобы посмотрѣть, не прояснилась ли погода.—Нѣтъ,—говоритъ она съ досадой.—Опять дождь. Предсказаніямъ Трюба, положительно, никогда нельзя вѣрить!

Она усаживается въ кресло и опять начинаетъ пристально смотрѣть на Джіакомо. Разговоръ о Тото, видимо, мало ее занимаетъ.

Джіакомо наклоняется къ ней и говоритъ, понизивъ голосъ:

— Тото влюбленъ въ васъ!

— Хороша новость! Я всегда была его идеаломъ. Я, вѣроятно, напоминаю ему какую-нибудь героиню изъ англійскаго романа!—Она громко смѣется, потомъ говоритъ слегка раздраженнымъ голосомъ:—Не довольно ли, однако, о Тото? Вѣдь не о немъ, надѣюсь, вы хотѣли говорить со мной, сказавъ Мими, что непремѣнно должны видѣть меня до отъѣзда?

— Именно о немъ. Я хотѣлъ поговорить съ вами о Тото... и о васъ,—о вашемъ общемъ счастьи. Онъ васъ любитъ—и вы его, кажется, тоже. Онъ молодъ, красивъ, добръ.

— Довольно!—Ремигія вскакиваетъ съ кресла, на которомъ сидѣла, вся покраснѣвъ отъ негодованія.—Того, о чемъ вы говорите, никогда не будетъ. Я объ этомъ заявила самымъ рѣшительнымъ образомъ и мамѣ, и дядѣ Розалй,—и поэтому, во избѣжаніе тяжелыхъ сценъ, Тото отправили въ Италію. Этого потребовала я сама. Мнѣ надоѣли его попреки, его ревность. Я хорошо отношусь къ нему,—но не настолько, чтобы выйти за него замужъ. Онъ—мой другъ,—но мужемъ моимъ никогда не будетъ... И я не желаю больше объ этомъ говорить. Счастливой дороги, ваше превосходительство!

Она бѣжитъ къ двери, и Джіакомо съ трудомъ ее удерживаетъ.

— Послушайте...

— Оставьте меня!—Разсерженная дѣвушка подбѣгаетъ къ окну, вырываясь отъ Джіакомо, и прикладываетъ лобъ къ стеклу.

— Хорошо...—Джіакомо, на минуту, теряетъ терпѣніе.—Если вы не даете мнѣ говорить, я умолкаю. Но вы неправы.

Ремигія ничего не отвѣчаетъ и не двигается съ мѣста. Джіакомо начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и думаетъ про себя:

„Она не хочетъ выйти за него замужъ, потому что у него нѣтъ ни гроша... и у нея тоже! Но какъ объяснить ей мои намѣренія, не оскорбляя ея гордости? Не могу же я ей прямо сказать:—Прежде чѣмъ отвѣчать, что вы никогда не станете его женой, выслушайте меня, и вы узнаете, что у васъ будетъ полъмилліона приданаго, а у Тото — хорошее мѣсто у меня и никакой работы. Если бы она знала это, она, конечно, сейчасъ же отвѣтила бы согласіемъ. Не лучше ли раньше поговорить съ матерью“?..—Но онъ вспоминаетъ грозные взгляды и вздохи герцогини, вспоминаетъ также предположенія Маріи, поздравленія Марко Дановы и письмо—злосчастное письмо Луціана—и теряетъ свою увѣренность.—„Чтò, если это дѣйствительно правда? Если эта дѣвушка... привязалась ко мнѣ?—Но чтò за глупости! Это недопустимо!“—Онъ пожимаетъ плечами, снова подходитъ къ Ремигіи, которая стоитъ неподвижно у окна, и заговариваетъ съ нею болѣе рѣшительнымъ тономъ:

— Почему вы сердитесь? Давайте говорить совершенно откровенно. Вы были бы правы, если бы чувствовали антипатію къ вашему кузену. А между тѣмъ вы сами сказали, что относитесь къ нему хорошо. А что касается... практической сто-

роны вопроса... то я, какъ человѣкъ старый, который могъ бы быть вашимъ отцомъ, знаю, что одной только поэзіей жить нельзя, и потому... Говоря объ этомъ съ вашей сестрой...

Ремигія вдругъ оборачивается къ нему и гнѣвно восклицаетъ:

— Я никогда ничего не приму отъ моей сестры! Помните это *вы оба*!

Джіакомо пораженъ тономъ, которымъ Ремигія произнесла: „вы оба". Онъ не можетъ выдержать остраго взгляда, которымъ она при этомъ на него смотритъ, и отводитъ глаза, думая съ содроганіемъ: „Неужели она догадалась"?

Ремигія продолжаетъ говорить, и голосъ ея дрожитъ отъ гнѣва:

— Моя сестра... Я знаю, почему она хочетъ, чтобы я вышла замужъ за Тото!.. Это она внушила вамъ эту мысль... все это затѣи моей дорогой сестрицы... и я знаю, почему она этого желаетъ!

Джіакомо, изъ опасенія за Марію, сдерживаетъ свое волненіе и говоритъ очень спокойно:

— Если вы знаете, то, быть можетъ, сообщите и мнѣ. Я имѣю на это нѣкоторое право, такъ какъ я вызвалъ этотъ разговоръ.

— Вамъ? Именно вамъ я этого не скажу.

— Почему же „именно мнѣ" не скажете? И не могу ли я по крайней мѣрѣ узнать, чему я долженъ приписать вашъ отказъ и вашъ гнѣвъ?—Джіакомо очень раздраженъ и не можетъ этого скрыть. Онъ глядитъ прямо въ лицо Ремигіи и говоритъ громкимъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Я не выношу намековъ и недомолвокъ. Я уже вамъ сказалъ: поговоримъ другъ съ другомъ совершенно откровенно и ясно. Теперь я еще разъ прошу васъ объ этомъ—и даже требую этого.

— Требуете? По какому праву? — Голосъ Ремигіи слегка дрожитъ.—Я вѣдь не ставлю вамъ въ вину...

— Чего вы не ставите мнѣ въ вину?—спрашиваетъ Джіакомо.

Ремигія продолжаетъ возбужденно говорить, не отвѣчая на его вопросъ:

— Достаточно, чтобы вы знали разъ навсегда, что я не выйду замужъ ни за моего кузена, ни за кого-либо другого,— надѣюсь, это ясно! Я сейчасъ же уѣду въ Неаполь и оттуда въ деревню. Я буду жить тамъ одна, вдали отъ всѣхъ. Я хочу умереть тамъ въ одиночествѣ, не видя ни одной живой души, кромѣ мамы... Ясно это, или нѣтъ?

...Теперь Джіакомо начинаетъ уже слишкомъ ясно все понимать, и очень встревоженъ. Онъ еще хочетъ утѣшить себя, надѣется, что онъ ошибся.

„Вѣдь это невозможно! Можетъ быть, это только капризъ, ребячество съ ея стороны"!.. Потомъ онъ снова дрожитъ за Марію.— „Что если Ремигія догадывается о нашихъ чувствахъ"?..

Долгое молчаніе... потомъ Джіакомо снова начинаетъ говорить не вполнѣ увѣреннымъ голосомъ и часто прерывая себя:

— Послушайте, Ремигія: я прошу васъ выслушать меня безъ гнѣва и помнить, что я дожилъ почти до старости, оставаясь совершенно безхитростнымъ, искреннимъ человѣкомъ... и поэтому говорю всегда только правду... простую правду. Я вамъ сказалъ, что смотрю на васъ какъ на свою дочь, и я чувствую, что могъ бы истинно любить васъ... какъ дочь. Подумайте: я на двадцать-два или на двадцать-три года старше васъ—почти на четверть вѣка!.. И я еще старше моихъ лѣтъ, потому что я боленъ и очень утомленъ. Моя жизнь догораетъ безъ радостей, въ холодѣ и мракѣ. Ваша, напротивъ того, едва только начинается... Выслушайте меня, молю васъ! Не создавайте себѣ изъ каприза, изъ упрямства, изъ дѣтской иллюзіи... и по дѣтскому непониманію жизни... выдуманнаго несчастія! Васъ ждетъ любовь... любовь юноши, который васъ обожаетъ. Знайте, любовь приноситъ счастье только въ молодости...

Ремигія не рѣшается говорить и прижимаетъ обѣ руки къ сердцу, но не можетъ сдержать вырывающихся у нея словъ.

— А вы? Что вы объ этомъ знаете? Кто вамъ сказалъ, что я не... что я...—Она сама пугается того, что хочетъ сказать.— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы меня не понимаете, и никогда не поймете!

— Въ такомъ случаѣ это что-то невообразимое, безумное!— Джіакомо внѣ себя.

Ремигія вся дрожитъ, видя его гнѣвъ. Глаза ея полны слезъ.

— Вы ни о чемъ другомъ не думаете,—шепчетъ она, опуская голову,—кромѣ счастья Тото.

— И вашего!

— Мое счастье!.. Вы только хотите выдать меня замужъ, чтобы... избавиться отъ меня. Вы хотите пристроить меня, потому что я—сестра Маріи... До меня самой, до моего счастья вамъ дѣла нѣтъ!.. Вы молчите,—вы сами знаете, что я права, и потому не находите словъ.

Она отворачивается отъ Джіакомо, закрываетъ лицо руками и прислоняется лбомъ къ окну.—Вы не можете ничего возразить!

Черезъ минуту, продолжая стоять лицомъ къ окну, она ищетъ свободной рукой платочекъ, вложенный въ поясъ, и подноситъ его къ глазамъ.

— Плачетъ!

Джіакомо въ изнеможеніи опускается въ кресло и сидитъ, безмолвно глядя на нее испуганными глазами. Онъ не рѣшается ни о чемъ спросить ее, ничего сказать: онъ боится говорить, боится этихъ слезъ.

Она плачетъ все сильнѣе. Плечи ея дрожатъ отъ рыданій; лента, сдерживающая волосы, развязывается, и свѣтлыя пряди разсыпаются по спинѣ.

— Ремигія!..—начинаетъ Джіакомо, но сейчасъ же умолкаетъ.

„Что̀ ей сказать? Нельзя же обидѣть ее, сказавъ:—Уходи, я не вѣрю въ твои слезы. Все это комедія—такая же, какъ комедія, которую разыгрываетъ твоя мать!.. А что̀ если это не комедія?.. Если эти слезы, эта печаль искренни... и я—виновникъ ихъ“?!

Ремигія продолжаетъ рыдать. Волосы покрываютъ ей плечи и талію золотистыми волнами. Она кажется еще болѣе маленькой и безпомощной. Сердце Джіакомо преисполняется жалостью къ ней. Онъ знаетъ, какъ тяжелы сердечныя страданія! И этотъ невинный ребенокъ имѣетъ право изливать горе въ слезахъ... а онъ не имѣетъ!

— Ремигія! Ремигія!

Она не отвѣчаетъ, продолжая рыдать и, очевидно, не слыша его оклика. Джіакомо не рѣшается опять заговорить съ нею.

„Такая веселая, такая живая дѣвушка... Неужели же я долженъ стать виновникомъ ея несчастія“?

Въ эту минуту раздается шумъ шаговъ въ корридорѣ, затѣмъ слышится голосъ герцогини, взволнованно зовущей дочь:

— Идолъ! Гдѣ ты?.. Куда она ушла?

— Боже! Мама! —восклицаетъ Ремигія, испуганно оборачивая къ Джіакомо заплаканное лицо.—Не дай Богъ, чтобы мама узнала, что я здѣсь!

— Вы уже бывали у меня, и ваша мать это знала.

— Она мнѣ запретила заходить въ вашу комнату послѣ того, какъ мы вернулись вмѣстѣ изъ рощи. Она меня тогда ужасно бранила!

Ремигія инстинктивно прячется за занавѣсъ у окна изъ боязни, чтобы мать не увидала ее, если вздумаетъ зайти въ кабинетъ Джіакомо.

Герцогиня тѣмъ временемъ продолжаетъ звать ее.

— Куда она ушла?.. Я хотѣла бы знать, куда она могла уйти!.. Мими! Не знаешь ли, куда исчезла Ремигія? Ея нѣтъ въ залѣ, нѣтъ у тенниса... Гдѣ она?

— Она, вѣрно, пошла въ Гріонъ... съ княземъ Розалино,— отвѣчаетъ Мими съ террасы.

— Какое счастье!—шепчетъ Ремигія.—Милая Мими, она спасла меня!

Джіакомо пристально смотритъ на Ремигію недовѣрчивымъ взглядомъ. Ремигія это замѣчаетъ, но ждетъ, чтобы шаги матери удалились.

— Прощайте!—говоритъ она тогда.—Я сойду по лѣстницѣ для прислуги и выйду черезъ заднюю дверь. Черезъ пять минутъ я буду на мосту по дорогѣ въ Гріонъ—раньше, чѣмъ мама придетъ туда. Прощайте!—повторяетъ она грустнымъ тономъ. Глаза ея еще полны слезъ, но она старается пересилить себя и улыбнуться.—Я испугалась, услышавъ голосъ мамы,—но не за себя, а за васъ. Я не хочу, чтобы у васъ были непріятности изъ-за меня. Уѣзжайте... теперь я васъ объ этомъ прошу. И не думайте о томъ, что̀ я вамъ говорила. Если воспоминаніе обо мнѣ вамъ непріятно... забудьте обо мнѣ. И если васъ это можетъ успокоить... думайте, что и я васъ забуду.—Крупныя слезы текутъ у нея по щекамъ, но она продолжаетъ дѣлать усилія надъ собой и улыбаться.—Я излечусь! Вѣдь вамъ пріятно, чтобы я это сказала? Вы послѣ этого уѣдете спокойно, не правда ли? Обѣщаю вамъ, что я излечусь... или во всякомъ случаѣ постараюсь излечиться. Клянусь вамъ въ этомъ!

Она бѣжитъ къ двери, оборачивается... губы ея шепчутъ слова прощанія... вздохъ... поцѣлуй—и она исчезаетъ.

Джіакомо д'Ореа уѣзжаетъ сейчасъ же въ Женеву. Но черезъ два дня изъ Женевы же возвращается его слуга съ письмомъ, которое ему поручено передать тайно доннѣ Маріи-Граціи.

Марія запирается у себя въ комнатѣ... и долго не рѣшается приняться за чтеніе. Потомъ, во время чтенія, она становится блѣдной, какъ смерть.

„Сожги тотчасъ же мое безумное, отчаянное письмо, этотъ бредъ души, измученной любовью и страданіями. Сдѣлай это, заклинаю тебя! Марія! Марія! Марія! Слышишь ты мой голосъ, взывающій къ тебѣ"?..

Этими словами заканчивается письмо Джіакомо.

Марія медленно и торжественно, какъ бы повинуясь священному долгу, сжигаетъ на серебряной лампочкѣ, стоящей на туалетномъ столикѣ, мелко исписанные тонкіе листки письма

Джіакомо и слѣдитъ за тѣмъ, какъ они превращаются въ пепелъ и разсѣиваются по воздуху.

— Кончено!

Въ письмо Джіакомо вложено еще одно—записка всего въ нѣсколько строкъ, тоже обращенная къ Маріи, и которую Марія сохраняетъ, чтобы показать своей матери: въ этой запискѣ Джіакомо д'Ореа поручаетъ своей невѣсткѣ просить для него у герцогини Христины руки Ремигіи.

XI.

Перейдя на службу къ Джіакомо д'Ореа или, вѣрнѣе, къ доннѣ Ремигіи, Закарелла хотя и потерялъ титулъ капитана, но могущество его скорѣе даже увеличилось: онъ управляетъ огромнымъ, великолѣпнымъ помѣстьемъ Понтерено, купленнымъ еще отцомъ Джіакомо и Луціана у старинной графской семьи Барнабэ. Ремигія д'Ореа избрала Понтерено своей резиденціей—своимъ Версалемъ. Оттуда близко въ Болонью, всего полчаса ѣзды въ коляскѣ, и, живя въ своей великолѣпной виллѣ, Ремигія имѣетъ полную возможность бывать въ Болоньѣ на обѣдахъ, на вечерахъ, въ театрѣ—и устроивать у себя великолѣпные пріемы, на которыхъ бываетъ самое избранное общество. Ея мужъ, Джіакомо, переименованный ею въ Джэка—„Mon Dieu, Джіакомо такое некрасивое, вульгарное имя!“—рѣдко бываетъ въ Понтерено болѣе двухъ-трехъ дней кряду. Когда засѣдаетъ палата, онъ долженъ быть въ Римѣ, или же ему приходится уѣзжать по дѣламъ; а когда онъ свободенъ отъ политики и дѣлъ, онъ большей частью уѣзжаетъ лечиться, такъ какъ здоровье его—очень слабое.

Главнымъ помощникомъ Ремигіи по устройству непрерывныхъ пріемовъ и празднествъ является Закарелла. Онъ дѣлаетъ всѣ закупки, всѣ заказы и пользуется большимъ почетомъ у всѣхъ поставщиковъ въ Болоньѣ; когда онъ показывается на улицахъ города, всегда въ сопровожденіи Дина и Дона, ему приходится непрерывно отвѣчать на почтительные поклоны лавочниковъ. Часто также его останавливаютъ изящные дамы и кавалеры, чтобы приласкать собачекъ и громкимъ голосомъ справиться о здоровьи донны Ремигіи. Въ Болоньѣ считается честью принадлежать къ кругу знакомыхъ донны Ремигіи и бывать въ Понтерено,—и тѣ, которые пользуются этой честью, рады доказать свою близость къ блестящей царицѣ болонскаго высшаго свѣта, разговаривая на улицѣ съ управляющимъ ея дома.

Ремигія хочетъ единовластно царить въ своихъ владѣніяхъ,— и это ей удается. Марія совершенно исчезла съ горизонта. Она живетъ въ своей виллѣ въ Фіуменчино, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ домика тети Джіоконды. Свою мать и дядю Розалй она убѣдила поселиться въ деревнѣ, около Неаполя, хотя имъ тамъ тоскливо жить безъ обожаемаго ими „идола" и безъ внѣшняго блеска, составляющаго главную радость ихъ жизни. Тото она запретила появляться въ Понтерено, въ виду ихъ юношескаго романа, который, очевидно, долженъ былъ прекратиться съ ея замужествомъ. Ей достаточно надоѣло жить „караваномъ" въ дѣвичествѣ, она не хочетъ быть мученицей, какъ ея сестра,—не хочетъ быть окруженной родственниками, живущими на счетъ мужа. Изъ всѣхъ прежнихъ членовъ семьи она оставляетъ у себя только Мими Карфо и... Закареллу.

Мими ей нужна. Она беззавѣтно предана Ремигіи, подчиняется всѣмъ ея капризамъ, угождаетъ ей, никогда ни на что не ропщетъ, и Ремигіи пріятно обожаніе вѣрной подруги. Мими живетъ въ домѣ въ качествѣ dame de compagnie прекрасной донны Ремигіи.

Закареллу Ремигія оставила у себя, потому что убѣдилась, что болѣе идеальнаго слуги, чѣмъ деспотичный капитанъ, ей нигдѣ не найти, — и еще потому, что ей пріятно командовать человѣкомъ, который такъ долго держалъ въ своей власти всю ея семью, — въ томъ числѣ и ее.

Какъ только состоялся бракъ Джіакомо съ Ремигіей, Луціанъ отказалъ Закареллѣ отъ мѣста. Онъ былъ въ бѣшенствѣ противъ него за то, что онъ его не предупредилъ во-время объ этой идіотской затѣѣ выжившаго изъ ума брата, — такъ выразилась объ этомъ бракѣ Фанфанъ. Луціанъ долженъ изъ-за женитьбы Джіакомо нѣсколько сократить свои расходы, — это главная причина его неудовольствія. А такъ какъ сокращать траты на Фанфанъ онъ не хочетъ, то онъ соблюдаетъ экономію главнымъ образомъ относительно своего дома и жены, сокращаетъ число прислуги, продаетъ лошадей, требуетъ, чтобы Марія не заказывала себѣ новыхъ платьевъ.

Джіакомо не хотѣлъ ни за что принять Закареллу на службу къ себѣ, но и на этотъ разъ уступилъ настояніямъ жены. Онъ ей вообще всегда уступаетъ, — впрочемъ, только въ томъ, что̀ имѣетъ значеніе лишь для нея. Онъ дѣлаетъ это не изъ слабости ослѣпленнаго нѣжнаго мужа, а только для того, чтобы не терять времени въ пререканіяхъ, борясь противъ капризовъ Ремигіи.

Его, въ сущности, почти никогда не бываетъ дома, —онъ больше

живетъ въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, чѣмъ подъ однимъ кровомъ съ женой, но Ремигія не особенно на это въ претензіи.

— Дома ли онъ, или въ отъѣздѣ,—говоритъ она Мими,—я всегда одинаково его люблю... И даже странно,—прибавляетъ она,—мнѣ какъ-то вольнѣе дышется въ Понтерено, когда его нѣтъ, хотя вѣдь онъ такъ мало мѣшаетъ мнѣ, когда и бываетъ дома.

Мими старается заступиться за синьора д'Ореа.

— Онъ такой добрый, такой снисходительный!—говоритъ она.

— Но онъ такъ некрасивъ! Если бы ты, Мими, была некрасива, я бы и тебя не любила. Впрочемъ, помнишь, что̀ я тебѣ говорила когда-то по поводу „фараона"? Я не искала любви въ замужествѣ...

Но, конечно, такія признанія дѣлаются одной только Мими. Передъ другими она представляется самой нѣжной, любящей женой.

— Я не могу жить безъ Джэка!—заявляетъ она, когда ея мужъ уѣзжаетъ въ Римъ и тамъ ожидаются балы и празднества. Она сейчасъ же уѣзжаетъ тогда вслѣдъ за нимъ, со множествомъ сундуковъ съ туалетами.

Ея мечта—жить зимой въ Римѣ, занимать тамъ видное мѣсто въ обществѣ... Но для этого нужно было бы, чтобы Джэкъ снова сталъ министромъ, а онъ приметъ портфель только отъ людей своей партіи.

— Ah, mon Dieu! Почему не опрокидываютъ теперешняго министерства? Вѣдь оно никуда не годится... Оно уже у власти цѣлый годъ!

Быть женой министра и жить въ Римѣ—вотъ мечта Ремигіи!

Съ итальян. З. В.

ИЗЪ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

I.

Зацвѣла въ долинѣ
Красная калина.
Словно улыбнулась
Дѣвушка-красотка.
Все привѣтнѣй стало,
Все повеселѣло.
Птицы рады солнцу,—
Сыплютъ звонко пѣсни.
На ихъ пѣсни вышла
Дѣвушка изъ хаты,—
Вышла въ бѣлой свиткѣ...
Въ рощу она вышла,
На просторъ долины.
Изъ зеленой чащи
Дѣвицѣ на встрѣчу
Казакъ чернобровый...
Смотритъ онъ ей въ очи,
Нѣжитъ, да цѣлуетъ,—
И идутъ, обнявшись,
Муравой долины,
Съ пѣсней, словно дѣти.

По пути — калина...
Подошли, присѣли,—
Снова смѣхъ, да ласки...

Развѣ лучше рая
Нужно намъ отъ Бога?
. . . .

II.

Не такъ наши недруги,
Какъ добрые люди,
Обкрадутъ, жалѣючи,
Плачучи, осудятъ.
Позовутъ и въ домъ свой,
И осыплютъ лаской,
Отъ тебя узнать все
Про тебя стараясь,—
Чтобъ потомъ смѣяться,
Надъ тобой смѣяться,
Чтобъ тебя съ улыбкой
Добить безъ пощады.

Безъ враговъ возможно
Жизнь прожить на свѣтѣ;
Добрые же люди
Насъ найдутъ повсюду,
Даже на томъ свѣтѣ —
И тамъ не забудутъ.

III.

Жизнь въ радость тѣмъ, кому судьбою
Данъ отчій домъ, дана семья,
Мать, сестры, ласка ихъ... А я?...
Въ борьбѣ съ неволею и тьмою
Мнѣ счастья знать не привелось.
Богъ знаетъ какъ всегда жилось.

И вотъ пришлось однажды мнѣ
Въ чужой, далекой сторонѣ
Взгрустнуть, что сиръ я, что нѣтъ дома,
Что только скорбь душѣ знакома.
. . . .

Мы долго по морю блуждали...
Лишь къ вечеру на якорь стали,
Когда къ Сыръ-Дарьѣ подошли.
Съ „Ватаги“ письма принесли...
Всѣ пріумолкли — всѣ читали...
А мы съ N. N. — мы прилегли
И тихо въ полумглѣ болтали.
Я думалъ: будетъ ли пора
И мнѣ имѣть семью на свѣтѣ,
Ждать писемъ, съ мыслью о привѣтѣ...
„А у тебя?...“
—„Жена и дѣти...
Есть домъ, есть мать, есть и сестра.
А писемъ... нѣтъ...“

П. А. Тулубъ.

МОРСКАЯ ДѢВА

РОМАНЪ

— The Sea-Lady, by H. G. Wells.

Окончаніе *).

XV.

Показанія моего кузена Мельвилля, къ сожалѣнію, никогда не отличались точностью въ числахъ. Между тѣмъ крайне интересно было бы установить, черезъ сколько именно дней между нимъ и Морской Дѣвой произошелъ интимный разговоръ о Чатрисѣ. Онъ шелъ по морскому берегу съ пачкой книгъ изъ публичной библіотеки, которыя миссъ Глендоверъ просила его принести ей. На одной изъ тѣхъ тѣнистыхъ дорожекъ, которыя придаютъ такую своеобразную прелесть всему Фолькстону, онъ наткнулся на небольшую группу, окружавшую кресло Морской Дѣвы. Чатрисъ сидѣлъ на деревянной скамейкѣ и, наклонившись впередъ, смотрѣлъ въ лицо Морской Дѣвѣ, а она что-то говорила, и на лицѣ ея блуждала улыбка, уже тогда поразившая Мельвилля; повидимому, у нея не было недостатка въ очаровательныхъ улыбкахъ. Нѣсколько поодаль отъ нихъ сидѣли Паркеръ и человѣкъ, возившій кресло.

Мельвилль нѣсколько замедлилъ шаги и подошелъ къ нимъ. Разговоръ при его приближеніи прекратился. Чатрисъ откинулся назадъ, не выражая, однако, досады или неудовольствія,

*) См. выше: іюль, стр. 274.

и замѣтивъ книги, которыя держалъ Мельвилль, перевелъ разговоръ на нихъ.

— Книги?—спросилъ онъ.

— Для миссъ Глендоверъ,—отвѣтилъ Мельвилль.

Наступило короткое молчаніе.

— Вы выступаете кандидатомъ отъ Гитскаго округа?—спросилъ Мельвилль.

— Сама судьба указываетъ мнѣ этотъ путь,—отвѣтилъ Чатрисъ.

— Распущеніе палаты, повидимому, послѣдуетъ въ сентябрѣ?

— Да, черезъ мѣсяцъ,—съ увѣренностью сказалъ Чатрисъ.

— Въ такомъ случаѣ мы скоро будемъ заняты.

— А *мнѣ* можно будетъ собирать для васъ голоса?—спросила Морская Дѣва.—Я никогда...

— Миссъ Уотерсъ уже говорила мнѣ о своемъ желаніи помочь намъ,—объяснилъ Чатрисъ и открыто посмотрѣлъ въ глаза Мельвиллю.

— Это тяжелая задача, миссъ Уотерсъ,—сказалъ Мельвилль.

— Не думаю. Это очень интересно. И мнѣ хочется быть полезной. Мнѣ очень хотѣлось бы оказать услугу... м-ру Чатрису. Я могла бы сопровождать васъ въ своемъ креслѣ.

— Это былъ бы настоящій пикникъ,—сказалъ Чатрисъ.

— Во всякомъ случаѣ, я буду вамъ содѣйствовать тѣмъ или инымъ способомъ,—сказала Морская Дѣва.

— Вы уже обдумали свои доводы?

— Я буду просить ихъ подавать голоса за м-ра Чатриса, буду затѣмъ напоминать имъ объ этомъ, буду улыбаться и говорить съ ними. Чтò же еще нужно?

— Ничего,—отвѣтилъ Чатрисъ.—Мнѣ хотѣлось бы имѣть такіе же хорошіе доводы.

Разговоръ перешелъ на анекдоты, касавшіеся избирательной кампаніи. Моему кузену только-что пришло въ голову, что, вѣроятно, м-съ и миссъ Бентингъ сидѣли тутъ раньше съ Морской Дѣвой и ушли въ городъ за покупками,—какъ вдругъ они вернулись. Чатрисъ поднялся имъ на встрѣчу и заявилъ, что онъ шелъ къ Аделинѣ,—чтò отнюдь не было замѣтно раньше; обмѣнявшись еще нѣсколькими пустыми замѣчаніями, онъ и Мельвилль простились съ дамами и ушли.

— Кто эта миссъ Уотерсъ?—спросилъ Чатрисъ послѣ короткаго молчанія.

— Пріятельница м-съ Бентингъ,—отвѣтилъ Мельвилль.

— Я догадываюсь... Она, кажется, очаровательная особа.

— Да.

— Она очень интересна. Болѣзнь заставляетъ ее быть пассивной; и, глядя на нее, невольно вспоминаешь произведенія живописи или... идеалы, существующіе лишь въ воображеніи. Она сидитъ въ своемъ креслѣ, улыбается и говоритъ. Въ ея глазахъ есть что-то удивительно задушевное. И однако...

Мой кузенъ упорно молчалъ.

— Гдѣ это м-съ Бентингъ познакомилась съ ней?

Мельвилль съ минуту собирался съ мыслями.

— Тутъ есть что-то такое...—началъ онъ.

— Тутъ чувствуется какая-то тайна,—сказалъ Чатрисъ.

Мой кузенъ, подобно мнѣ, глубоко ненавидитъ такое мистическое отношеніе къ женщинамъ. Онъ любитъ женщинъ вполнѣ опредѣленныхъ и милыхъ. Эти же два качества онъ цѣнитъ и во всемъ другомъ. Поэтому онъ только проворчалъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Чатриса.

Но Чатриса нельзя было этимъ остановить. Онъ перешелъ въ критическій тонъ.

— Безъ сомнѣнія, все это однѣ иллюзіи. Женщины всѣ въ извѣстной степени дѣйствуютъ на наше воображеніе. Мы получаемъ впечатлѣніе, и это все, чего мы ждемъ отъ нихъ. Она производитъ впечатлѣніе. Но какъ—въ этомъ-то вся тайна. Тутъ играетъ роль не только красота. Красоты на свѣтѣ много, но она не производитъ того впечатлѣнія. Все дѣло въ глазахъ, мнѣ кажется.

Онъ на минуту остановился.

— Въ глазахъ положительно нѣтъ ничего особеннаго, Чатрисъ,—замѣтилъ Мельвилль.—Смотрѣли ли вы когда-нибудь въ глаза черезъ небольшое отверстіе?

— Ахъ, нѣтъ, не то,—возразилъ Чатрисъ.—Я говорю не о чисто физическомъ глазѣ... Быть можетъ, все дѣло тутъ въ томъ, что вы имѣете передъ собой цвѣтущее лицо и... рядомъ съ этимъ кресло для больной. Странное противорѣчіе. Вы не знаете, въ чемъ дѣло, Мельвилль?

— Въ чемъ дѣло?

— Со словъ Бентинга я догадываюсь, что это не временное заболѣваніе, а природный недостатокъ.

— Онъ долженъ это знать.

— Я въ этомъ не вполнѣ увѣренъ. Не знаете ли вы, въ чемъ дѣло?

— Я не могу этого сказать,—обдуманно отвѣтилъ Мельвилль.

Предметъ разговора, казалось, былъ исчерпанъ. Они заго-

ворили объ одномъ общемъ другѣ, котораго напомнилъ имъ видъ гостинницы „Метрополь“. Потомъ совсѣмъ замолчали, пока не оставили позади себя гулявшей вокругъ оркестра шумной толпы. Тутъ Чатрисъ высказалъ новую мысль.

— Сложное, запутанное дѣло—вотъ побудительная причина для женщины заинтересоваться имъ,—замѣтилъ онъ.

— О чемъ вы говорите?

— Да о собираніи голосовъ. *Ее* не могутъ интересовать филантропы-либералы.

— Существуютъ различные типы. Къ тому же въ данномъ случаѣ это дѣло личнаго вкуса.

— Этого можетъ и не быть. Если *вы* можете интересоваться...

— О, я знаю!

— Къ тому же это не вопросъ убѣжденій. Тутъ просто сказывается интересъ къ самой избирательной агитаціи.

— Никто не можетъ предугадать, что *можетъ* заинтересовать женскій умъ,—замѣтилъ Мельвилль.

Чатрисъ ничего не отвѣтилъ.

Раздался полуденный пушечный выстрѣлъ.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ Чатрисъ и ускорилъ шаги.

Они застали Аделину за рабочимъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Когда они вошли въ комнату, она укоризненно указала имъ на часы. Чатрисъ поспѣшилъ извиниться, но ни однимъ словомъ не упомянулъ о Морской Дѣвѣ. Мельвилль передалъ свои книги и оставилъ ихъ наединѣ, погруженными въ изученіе подробностей областной организаціи, предложенной мѣстнымъ кандидатомъ либеральной партіи.

XVI.

Вскорѣ послѣ возвращенія Чатриса изъ Парижа, мой кузенъ Мельвилль и Морская Дѣва сидѣли какъ-то вдвоемъ въ саду подъ тѣнью большихъ темно-зеленыхъ деревьевъ, защищавшихъ ихъ отъ яркаго солнечнаго свѣта, заливавшаго всю лужайку передъ домомъ. Мельвилль, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ на Морскую Дѣву, казавшуюся въ этотъ день задумчивой и удрученной; позднѣе она, однако, заинтересовалась разговоромъ и оживилась. Не знаю, внушила ли она ему мысль достать папиросы, или онъ самъ попросилъ у нея позволенія курить. Какъ бы тамъ ни было, онъ вынулъ свой портсигаръ. Увидѣвъ папиросы, она сдѣ-

лала какой-то неопредѣленный жестъ, и онъ съ минуту въ нерѣшительности смотрѣлъ на нее.

— Кажется, вы...—началъ онъ.

— Я никогда не пробовала.

Онъ мелькомъ взглянулъ на Паркеръ, затѣмъ глаза его встрѣтились съ глазами Морской Дѣвы.

— Это одна изъ тѣхъ вещей, которыя меня интересовали,—сказала она.

Она взяла папиросу и задумчиво осмотрѣла ее.

— Тамъ внизу,—продолжала она,—это какъ разъ одна изъ тѣхъ вещей... Вы понимаете, у насъ можно получить только пропитанный водою табакъ, что-то такое, что̀ находятъ у матросовъ. Они, кажется, называютъ это жвачкой. Но объ этомъ слишкомъ противно говорить!

Она махнула рукой, какъ бы желая отогнать отъ себя непріятное воспоминаніе, и погрузилась въ задумчивость.

Мой кузенъ помогъ ей закурить папиросу.

— Я какъ разъ думалъ о томъ, что̀ собственно побудило васъ выйти на сушу,—сказалъ онъ.

Она пустила легкую струйку дыма и улыбнулась.

— Да вотъ это,—отвѣтила она.

— И прическа?

— Да, и туалеты.

Она вновь улыбнулась послѣ минутнаго колебанія.

— И все это,—сказала она, словно почувствовавъ, что отвѣтъ ея не вполнѣ удовлетворилъ его любопытство.

Она указала рукой на домъ, на лужайку и... мой кузенъ Мельвилль не могъ установить въ точности, на что̀ еще.

— Хорошо ли я курю?—спросила Морская Дѣва.

— Прекрасно,—отвѣтилъ Мельвилль съ легкимъ вздохомъ.—Какъ вамъ нравится куреніе?

— Я не жалѣю, что вышла на сушу,—съ улыбкой отвѣтила Морская Дѣва.

— Но неужели вы дѣйствительно пришли только за тѣмъ...

— Чтобы посмотрѣть, что̀ представляетъ собою жизнь здѣсь, на сушѣ?—прервала она его.—Неужели этого не достаточно?

Мельвилль задумчиво посмотрѣлъ на свою погасшую папиросу.

— Жизнь,—сказалъ онъ,—еще не исчерпывается всѣмъ этимъ.

— Чѣмъ?

— Солнечнымъ свѣтомъ. Папиросами. Разговорами. Красивой внѣшностью.

— Но приблизительно...

— Нѣтъ, вы знаете,—сказалъ Мелльвилль, не глядя на нее.

— Положительно не знаю,—сказала она послѣ короткаго молчанія.

— Вы говорили м-съ Бентингъ...—ему пришло въ голову, что это были какія-то сказки, но отступать было поздно.—Вы разсказывали ей что-то о душѣ.

Она не сразу отвѣтила. Когда онъ взглянулъ на нее, глаза ея улыбались.

— М-ръ Мельвилль,—наивно спросила она,—что̀ такое душа?

— Душа,—съ готовностью началъ мой кузенъ и на минуту остановился.—Душа,—сказалъ онъ, сбрасывая пепелъ съ своей потухшей папиросы.—Душа,—повторилъ онъ и мелькомъ взглянулъ на Паркеръ.—Душа, видите ли,—сказалъ онъ опять, взглянувъ на Морскую Дѣву съ видомъ человѣка, приступающаго къ объясненію труднаго, но хорошо знакомаго предмета.—Это довольно трудно объяснить...

— Существу, не имѣющему души?

— Нѣтъ, всякому,—отвѣтилъ Мельвилль, вдругъ сознаваясь въ своемъ замѣшательствѣ.

Съ минуту онъ задумчиво смотрѣлъ ей въ глаза.

— Впрочемъ, вы отлично знаете, что̀ такое душа.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтила она.

— Вы пришли на сушу, чтобы обрѣсти душу.

— Быть можетъ, я вовсе не нуждаюсь въ ней. *Зачѣмъ*... если у меня ея нѣтъ?..

— Да, *тамъ!*—Мой кузенъ пожалъ плечами.—Но, право... Это такъ трудно объяснить именно потому, что всѣ это знаютъ.

— Всякій изъ васъ имѣетъ душу?

— Всякій.

— Кромѣ меня?

— Въ этомъ я не увѣренъ.

Морская Дѣва погрузилась въ размышленія.

— М-ръ Мельвилль,—вдругъ сказала она,—что̀ такое „союзъ душъ“?

Мельвилль вдругъ швырнулъ на землю свою погасшую папиросу. Вопросъ Морской Дѣвы, очевидно, пробудилъ въ немъ какія-то воспоминанія.

— Это нѣчто неуловимое,—сказалъ онъ, — нѣчто обаятельное... А иногда такой духовный союзъ замѣняетъ собою другія отношенія, какъ посылаемыя черезъ лакея визитныя карточки замѣняютъ личный визитъ.

Наступило молчаніе. Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ,

тщетно стараясь яснѣе высказать свою мысль, найти что-нибудь болѣе подходящее. Морская Дѣва отказалась отъ попытки понять его и перешла къ болѣе важной для нея темѣ.

— Вы думаете, что миссъ Глендоверъ и... м-ръ Чатрисъ?..

Мельвилль взглянулъ на нее. Онъ замѣтилъ, что она не сразу произнесла это имя.

— Конечно, — сказалъ онъ, — это будетъ настоящій союзъ душъ.

Морская Дѣва серьезно посмотрѣла на него. Во взглядахъ, которыми они обмѣнялись, сквозила на этотъ разъ новая для нихъ близость. Мельвиллю вдругъ многое стало ясно. Это было открытіе, которое онъ, казалось, долженъ былъ сдѣлать уже давно. Онъ почувствовалъ какую-то непонятную горечь, ротъ его скривила судорога, въ голосѣ послышался упрекъ:—Вы хотите говорить о немъ?

Она кивнула головой, сохраняя тотъ же серьезный видъ.

— Но я не хочу. Впрочемъ, я не отказываюсь, если вы этого желаете.

Она не сразу отвѣтила.

— Я видѣла его впервые,—сказала она, какъ бы оправдываясь,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ... въ южныхъ моряхъ, близъ острововъ Тонга...

— И это настоящая причина, побудившая васъ выйти на берегъ?

— Да,—отвѣтила она, на этотъ разъ вполнѣ опредѣленно.

Мельвилль постарался выказать полнѣйшее безпристрастіе.

— Онъ красивъ, хорошо сложенъ и славный малый... да, славный малый,—сказалъ онъ.—Но я не понимаю, почему вы... Онъ васъ не видѣлъ?..

— О, нѣтъ!

И поза, и тонъ Мельвилля выражали крайнее свободомысліе.

— Я не понимаю, зачѣмъ вы явились сюда,—сказалъ онъ, —и чтò вы намѣрены дѣлать. Вы забываете о миссъ Глендоверъ. Кромѣ того, я не вижу, зачѣмъ *вамъ*...

— Я допускаю, что это не благоразумно,—отвѣтила она.— Но къ чему разсуждать объ этомъ? Это дѣло чувства, воображенія...

— Для него?

— Откуда мнѣ знать, какъ онъ смотритъ на это? Это именно я и хотѣла бы знать.

Мельвилль вновь посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы поступаете некрасиво,—сказалъ онъ.

— Почему?

— Потому что вы безсмертны и свободны. Потому что вы можете дѣлать все, что̀ вамъ вздумается... а мы не можемъ. Я не знаю, почему мы не можемъ, но это такъ. Все, что̀ мы имѣемъ,—это наша короткая жизнь, съ ея мелкими заботами, и наши мелкія души, которыя мы можемъ спасти или погубить. А вы, порожденія стихій, являетесь и маните насъ...

— Стихіи имѣютъ свои права,—сказала она и черезъ минуту прибавила:—Вы забываете, что̀ такое стихіи.

— Вы хотите сказать, что тамъ преобладающую роль играетъ воображеніе?

— Конечно. Это и есть единственная, настоящая стихія, элементъ. А всѣ элементы вашихъ химиковъ... все это продукты воображенія. Другихъ элементовъ нѣтъ... И всѣ элементы вашей жизни, — жизнь, которою вы живете, всѣ эти мелочи, которыя вы должны исполнять, эти мелкія заботы, мелкія обязанности и ежедневныя ограниченія — все это продукты воображенія, овладѣвшіе вами такъ сильно, что вы не можете сбросить ихъ съ себя. Того вы не смѣете, другого не можете, третьяго не должны. Намъ, слѣдящимъ за вами...

— Вы слѣдите за нами?

— Да, мы слѣдимъ за вами и порою завидуемъ вамъ. Завидуемъ не только окружающему васъ сухому воздуху, солнечному свѣту, тѣнистымъ деревьямъ, утреннему разсвѣту и еще многому другому въ томъ же родѣ,—мы завидуемъ вамъ и потому, что ваша жизнь имѣетъ начало и конецъ... потому что вы знаете, что вашему существованію наступитъ конецъ.

Она возвратилась къ своей прежней темѣ.

— Но вы сами ставите себѣ столько ограниченій, вы такъ связаны! Вы такъ плохо пользуетесь тѣмъ хорошимъ временемъ, которое вамъ дано. Вы словно вертитесь въ заколдованномъ кругѣ, вы боитесь дѣлать то, что̀ доставило бы вамъ наслажденіе, вы должны дѣлать какъ разъ обратное, хотя вы знаете, что это глупо и непріятно. Подумайте только обо всемъ, чего вы не должны дѣлать, даже въ мелочахъ. Въ эту страшную жару, напримѣръ, всѣ они сидятъ на морскомъ берегу въ шерстяныхъ платьяхъ и въ высокихъ, узкихъ ботинкахъ, хотя у многихъ изъ нихъ прелестнѣйшія ножки,—мы это видимъ;—и всѣмъ имъ почти не о чемъ говорить и не о чемъ думать, и они не смѣютъ дѣлать того, что̀ было бы вполнѣ естественно, и обязаны дѣлать всякія нелѣпости. Кто ихъ обязываетъ? Почему имъ не жить полной жизнью? Словно они не знаютъ, что всѣмъ имъ пред-

стоитъ умереть! Представьте себѣ, что вы пошли бы гулять въ купальномъ костюмѣ и бѣлой шляпѣ...

— Это было бы неприлично!—воскликнулъ Мельвиллъ.

— Но вѣдь васъ могутъ видѣть въ такомъ костюмѣ на морскомъ берегу!

— Это дѣло другое.

— Вовсе нѣтъ. Все это только ваше воображеніе. И такъ же призрачны всѣ ваши понятія о приличіяхъ, о томъ, что̀ слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Все это происходитъ отъ того, что вы погружены въ сонъ, странный, нездоровый сонъ. Какъ это все ничтожно, безконечно ничтожно! Я видѣла намедняхъ, какъ вы были разстроены чернильнымъ пятномъ на вашемъ рукавѣ,—вы не могли придти въ себя до самаго вечера.

Мельвиллъ, казалось, былъ огорченъ. Она оставила въ покоѣ чернильное пятно.

— Ваша жизнь, говорю я вамъ, сонъ,—сонъ, отъ котораго вы не можете пробудиться...

— А если такъ, зачѣмъ вы говорите мнѣ объ этомъ?

Она не сразу отвѣтила.

Онъ слышалъ шелестъ ея платья, когда она нагибалась къ нему. Приблизивъ къ нему свое лицо, она заговорила тихимъ, таинственнымъ шопотомъ, словно раскрывая тайну, которую не такъ легко было сообщить.

— Потому что существуютъ другіе, лучшіе сны, — прошептала она.

XVII.

Съ минуту Мельвиллю, казалось, что эти слова были произнесены кѣмъ-то инымъ, только не очаровательной дамой, сидѣвшей передъ нимъ въ своемъ креслѣ. Онъ не находилъ словъ, лицо его выражало тревогу. Морская Дѣва спокойно смотрѣла въ сторону, откинувшись назадъ въ свое кресло. Только когда она вновь заговорила, къ нему вернулось сознаніе дѣйствительности.

— Почему мнѣ не попробовать? - сказала она.—Если таково мое желаніе...

— Попробовать что̀?

— Если я люблю Чатриса?

— Надо подумать о препятствіяхъ,—замѣтилъ онъ.

— Онъ не принадлежитъ ей,—сказала она.

— Но онъ стремится къ этому,—сказалъ Мельвиллъ.

— Стремится? Онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Онъ не можетъ принадлежать ей. Еслибы вы не были погружены въ сонъ, вы бы видѣли это.

Мельвилль ничего не отвѣтилъ, и она продолжала:

— Въ ней нѣтъ ничего реальнаго. Она представляетъ собою воплощеніе всевозможныхъ идей, всяческой суеты. Она все вычитываетъ изъ книгъ. Даже самое себя, свой собственный характеръ она выработываетъ по книгѣ. Это не трудно замѣтить... Чего она добивается? Къ чему стремится? Вся ея работа, весь этотъ политическій вздоръ? Она говоритъ о положеніи бѣдныхъ классовъ!.. И чтò ей въ сущности за дѣло до положенія бѣдняковъ! Въ душѣ она не стремится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ болѣе счастливыми, она не любитъ ихъ, не страдаетъ за нихъ, она только вообразила себѣ, что должна дѣлать добро, и занимается ихъ дѣлами, вызывая благодарность, похвалы и благословенія. Ея мечты о серьезныхъ вещахъ! Толпа призраковъ... отблескъ миража. Суета суетъ...

— Для нея все это вполнѣ реально.

— Да, но она сама не реальна. Она плохо начинаетъ.

— А онъ?

— Онъ не вѣритъ въ это. Онъ выпутается изъ этого,— сказала Морская Дѣва.

— Мнѣ кажется, вы неправильно судите о немъ по его настоящимъ занятіямъ,—замѣтилъ Мельвилль. — Въ немъ много противорѣчій. Какъ и во всѣхъ насъ, — отрывисто прибавилъ онъ.—Въ немъ есть какое-то неопредѣленное стремленіе заниматься чѣмъ-нибудь приличнымъ...

— Неопредѣленное стремленіе,—согласилась она,—но...

— У него хорошія намѣренія, — сказалъ Мельвилль, настаивая на своемъ предположеніи.

— У него нѣтъ никакихъ намѣреній. Онъ только смутно подозрѣваетъ... то, чтò и вы начинаете подозрѣвать... Что можно стремиться къ чему-нибудь другому, даже если оно и не достижимо. Что ваша земная жизнь еще не исчерпываетъ собою всего. Что къ ней нельзя относиться слишкомъ серьезно. Потому что... существуютъ другіе, лучшіе сны!

Въ голосѣ ея было что-то, напоминавшее пѣсни сирены; мой кузенъ не рѣшался взглянуть ей въ лицо.

— Я не знаю никакихъ другихъ сновъ,—сказалъ онъ.—Съ насъ довольно насъ самихъ и нашей жизни. Какіе могутъ быть еще другіе сны? Какъ бы тамъ ни было, намъ ничего не остается, какъ примириться съ нашимъ сномъ. Къ тому же это не отно-

сится къ дѣлу. Мы говорили о Чатрисѣ и о томъ, зачѣмъ вы вышли на берегъ. Зачѣмъ вамъ или кому бы то ни было изъ вашего міра приходить къ намъ, вмѣшиваться въ нашу жизнь?

— Затѣмъ, что намъ, безсмертнымъ, все дозволено. И если у насъ является желаніе испытать эту жизнь, представляющуюся намъ столь же скоропреходящей, какъ падающій на землю дождь, зачѣмъ намъ отказываться отъ него?

— А Чатрисъ?

— Если онъ мнѣ нравится...

Мельвилль попытался низвести все это на степень простого, незначительнаго случая или спорнаго вопроса.

— Но что же вы думаете дѣлать, если вамъ удастся завлечь его?—спросилъ онъ.—Вы, конечно, не думаете вести свою игру такъ далеко. Не думаете же вы... выйти за него замужъ?

Морская Дѣва весело засмѣялась въ отвѣтъ на это практическое замѣчаніе.

— А почему бы нѣтъ?—спросила она.

— Чтобы прогуливаться затѣмъ въ своемъ креслѣ и... Нѣтъ, это не то. Что же это?

Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, глубокіе, какъ море. Тамъ, въ этой глубинѣ, шевелилось что-то неуловимое. Она улыбнулась ему.

— Нѣтъ! я не выйду за него замужъ и не буду сопровождать его въ своемъ креслѣ. Я не хочу состариться, какъ ваши земныя женщины. Вы слишкомъ скоро сгораете; вспыхиваете, гаснете и умираете. Что это за жизнь! Сперва болѣзни, потомъ старость! Когда кожа начинаетъ желтѣть, волосы сѣдѣютъ, а зубы... Даже любовь не могла бы заставить меня пойти на это. Нѣтъ... Но, знаете...—Голосъ ея перешелъ въ тихій шопотъ:—Существуютъ другіе, лучшіе сны...

— Какіе сны?—возмутился Мельвилль.—Что вы хотите этимъ сказать? Кто вы? Зачѣмъ вы вторгаетесь въ нашу жизнь,—вы, существо, выдающее себя за женщину,—и нашептываете что-то намъ, живущимъ этой жизнью, не имѣющимъ другого выхода?

— Для нѣкоторыхъ есть выходъ. Когда вся жизнь сосредоточивается въ одномъ мгновеніи...

Вдругъ она остановилась. Эта фраза на мой взглядъ не имѣетъ никакого смысла даже въ устахъ такой фантастической лэди, какою была Морская Дѣва. Какъ можетъ цѣлая жизнь сосредоточиться въ одномъ мгновеніи? Но что бы она ни сказала, не подлежитъ сомнѣнію, что она не докончила своей мысли...

. . . .

— До... *рисъ*! До... *рисъ*! Гдѣ вы?—Это былъ голосъ м-съ Бентингъ, доносившійся къ нимъ черезъ лужайку, голосъ настоящаго, вернувшій Мельвиллю сознаніе дѣйствительности. Онъ какъ будто пробудился и сбросилъ съ себя наконецъ тяготѣвшій надъ нимъ кошмаръ.

Онъ взглянулъ на Морскую Дѣву съ выраженіемъ недовѣрія, какъ бы сомнѣваясь въ томъ, что̀ было сказано, словно полагая, что разговоръ этотъ онъ только слышалъ во снѣ. Онъ чувствовалъ, какъ угасалъ какой-то свѣтъ, какъ исчезали чары. Глаза его остановились на виднѣвшейся подъ ея рукой надписи: „Фламксъ, фабрикантъ креселъ".

— Мы, можетъ быть, высказали больше серьезности, чѣмъ...—нерѣшительно произнесъ онъ.—То, что̀ вы сказали... Вы дѣйствительно думаете?..

Послышались шаги м-съ Бентингъ, и Паркеръ сдѣлала какое-то движеніе и кашлянула.

— Быть можетъ, въ другой разъ...

Было ли все это дѣйствительно сказано, или то были лишь какія-то странныя галлюцинаціи? Ему внезапно пришла въ голову эта мысль.

— Гдѣ ваша папироса?—спросилъ онъ. Но ея папироса уже давно погасла.

— О чемъ это вы говорили такъ долго?—спросила м-съ Бентингъ почти съ материнской нѣжностью, кладя руку на спинку кресла Мельвилля.

— О!—въ замѣшательствѣ отвѣтилъ Мельвилль, вскакивая со своего кресла, и, обратившись къ Морской Дѣвѣ съ какой-то дѣланной улыбкой, прибавилъ:—О чемъ это мы говорили все время?

— Какъ будто я не догадываюсь,—сказала м-съ Бентингъ, и они всѣ разсмѣялись.

XVIII.

Этотъ разговоръ, какъ я догадываюсь, повергъ Мельвилля въ бездну сомнѣній. Морская Дѣва созналась, что явилась къ людямъ ради Чатриса.

Что̀ же дальше?—Онъ еще не представлялъ себѣ ясно, что̀ должно было случиться съ Чатрисомъ, миссъ Глендоверъ и Бентингами, еслибы Морской Дѣвѣ, какъ это казалось теперь вполнѣ вѣроятнымъ, удалось „завлечь" Чатриса. Она говорила о другихъ снахъ, о другомъ существованіи, о другомъ мірѣ,—и Чат-

рису предстояло отправиться туда! И въ воображеніи Мельвилля съ удивительной силой и яркостью встала вдругъ видѣнная имъ когда-то картина, изображавшая мужчину и русалку, вмѣстѣ бросавшихся въ глубокое море... Неужели нѣчто подобное было возможно? Въ наше время? Если она даже говорила объ этомъ, думала ли она привести свое намѣреніе въ исполненіе? А если такъ, если она уже начала осуществлять задуманный ею планъ похищенія Чатриса, то что̀ было тутъ дѣлать порядочному, здравомыслящему молодому человѣку? Ждать, пока событія не приведутъ къ катастрофѣ?

Онъ почти постарѣлъ въ эти дни. Рискуя нарушить приличія, онъ бродилъ вокругъ извѣстной виллы на сандгетской Ривіерѣ съ тщетной надеждой добиться продолжительнаго *tête-à-tête* съ Морской Дѣвой, чтобы разъ навсегда разсѣять свои сомнѣнія и установить, что̀ изъ ихъ разговора дѣйствительно было сказано и что̀ явилось лишь плодомъ его воображенія. Ничто никогда не разстроивало его такъ, какъ этотъ разговоръ. Никогда ему не стоило такого труда сохранить свое обычное, спокойное, слегка юмористическое отношеніе къ жизни. Онъ сталъ положительно разсѣянъ. Наконецъ онъ внезапно уѣхалъ въ Лондонъ, рѣшившись сбросить съ себя все это навожденіе. Морская Дѣва простилась съ нимъ въ присутствіи м-съ Бентингъ какъ ни въ чемъ не бывало...

Къ крайней досадѣ Мельвилля, къ этимъ крупнымъ волненіямъ послѣдняго времени присоединились теперь еще мелкія непріятности: въ клубѣ его происходилъ ремонтъ, и Мельвиллю, какъ и другимъ членамъ, пришлось посѣщать другой, мало знакомый клубъ. Однако это временное неудобство совершенно неожиданно привело его къ интимной бесѣдѣ съ Чатрисомъ, такъ какъ Чатрисъ былъ членомъ клуба, пріютившаго у себя клубъ Мельвилля.

Взявъ со стола „Punch“—онъ былъ въ томъ состояніи, когда берешь все, что̀ ни попадется подъ руку,—Мельвилль принялся читать его, хотя смыслъ читаемаго не вполнѣ доходилъ до его сознанія. Наконецъ онъ вздохнулъ и поднялъ глаза: какъ разъ въ эту минуту въ комнату входилъ Чатрисъ.

Его удивило и даже слегка встревожило появленіе Чатриса, и Чатрисъ повидимому тоже былъ удивленъ и непріятно пораженъ этой встрѣчей. Онъ остановился въ какой-то неловкой позѣ и съ минуту не подавалъ вида, что узнаетъ Мельвилля. Но наконецъ кивнулъ головой и съ видимой неохотой подошелъ къ нему. Всѣ его движенія выражали тайное желаніе улизнуть.

— *Вы* здѣсь?—спросилъ онъ.

— А какимъ образомъ вы теперь не въ Гитѣ?—спросилъ въ свою очередь Мельвилль.

— Я пришелъ сюда написать письмо,—отвѣтилъ Чатрисъ.

Онъ взглянулъ на Мельвилля какимъ-то безпомощнымъ взглядомъ. Потомъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и спросилъ папироску. Вдругъ на него нашелъ приливъ откровенности.

— Не знаю, выставлю ли я свою кандидатуру,—сказалъ онъ.

Онъ закурилъ папиросу.

— А какъ бы вы поступили?—спросилъ онъ.

— Я? Это не мое призваніе,—отвѣтилъ Мельвилль.

— И не мое!

— Не поздно ли теперь отказываться отъ этого?—спросилъ Мельвилль.—Вы такъ много работали въ этомъ направленіи. Миссъ Глендоверъ...

— Я знаю,—отвѣтилъ Чатрисъ.—Но мнѣ не хочется продолжать. Я, быть можетъ, слишкомъ много работалъ, усталъ. Поэтому я и пріѣхалъ сюда.

Онъ бросилъ только-что начатую папиросу и тотчасъ же спросилъ другую.

— Вы слишкомъ усердно занимались статистикой,—замѣтилъ Мельвилль.

— Выборы, прогрессъ, всеобщее благо, патріотизмъ,—все это въ сущности очень мало меня интересуетъ. По крайней мѣрѣ теперь,—сказалъ Чатрисъ. Мельвиллю показалось, что онъ уже гдѣ-то слышалъ нѣчто подобное.

— Мы выростаемъ въ атмосферѣ, въ которой только и слышишь о необходимости составить себѣ карьеру. Мы узнаемъ объ этомъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Намъ не даютъ времени обдумать, чего мы собственно хотимъ, намъ вѣчно повторяютъ одно и то же. Старшіе вырабатываютъ нашъ характеръ, воспитываютъ нашъ умъ. Они толкаютъ насъ...

— Меня никто не толкалъ,—замѣтилъ Мельвилль.

— Но *меня*—да. И вотъ вамъ результаты!

— Вы не хотите сдѣлать себѣ карьеру?

— Но... Подумайте, что̀ это такое. Прежде всего, чего стоитъ попасть въ палату! Эти проклятыя партіи ни къ чему не стремятся,—положительно ни къ чему. Ихъ даже нельзя назвать приличными партіями. Приходится вступать въ сношенія съ разными коммерсантами, единственное стремленіе которыхъ заключается въ томъ, чтобы ихъ считали выше, чѣмъ они есть; приходится дѣйствовать сообща съ мѣстными дѣятелями и показы-

ваться на улицахъ вмѣстѣ съ ними; приходится болтать всякій вздоръ о благотворительности и всевозможныхъ учрежденіяхъ и завтракать и водить дружбу со всякимъ сбродомъ...

Онъ прервалъ самъ себя.—И они дѣлаютъ свое дѣло, точно такъ же, какъ мы свое. Всѣ ведутъ одну и ту же игру. Они гонятся за призрачнымъ вознагражденіемъ, день и ночь работаютъ, ссорятся и завидуютъ другъ другу, пытаясь вопреки всему убѣдить самихъ себя, что дѣятельность ихъ успѣшна...

Онъ остановился и закурилъ папиросу.

— Да,—согласился Мельвилль,—но мнѣ казалось, что *вами* руководило нѣчто болѣе высокое, чѣмъ партійная политика и личныя выгоды... Положеніе бѣдныхъ классовъ,—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.—Въ Сандгетѣ васъ окружала такая атмосфера вѣры...

— Я знаю,—отвѣтилъ Чатрисъ, уже во второй разъ.—Въ этомъ-то вся бѣда! Если я не вѣрю въ игру, которую веду, если источникъ вѣры совершенно погасъ во мнѣ, я все-таки не могу поддаться этому. Я знаю, что̀ я долженъ дѣлать, и сдѣлаю это; въ концѣ концовъ сдѣлаю. Я только говорю такъ, чтобы облегчить душу. Я началъ игру и долженъ довести ее до конца; теперь не время отступать. Поэтому я и пріѣхалъ въ Лондонъ—обдумать все это наединѣ съ самимъ собою. Я наткнулся на васъ въ минуту кризиса... Но это не мѣняетъ дѣла,—все это въ дѣйствительности меня не интересуетъ. Мнѣ предстоитъ выступить борцомъ какой-то призрачной партіи, умершей уже десять лѣтъ тому назадъ. И если партія эта побѣдитъ, я займу въ парламентѣ мѣсто созидающаго призрака...

Онъ вернулся къ своей главной мысли.—Интересъ умеръ, воля потеряла душу...

Онъ ближе придвинулся къ Мельвиллю.

— Я не могу сказать, чтобы я совсѣмъ не вѣрилъ. Когда я говорю, что не вѣрю, я захожу слишкомъ далеко. Я знаю, что избирательная кампанія ведетъ къ извѣстной цѣли. Тутъ есть работа, честная, серьезная работа. Но...

Мельвилль взглянулъ на него. Чатрисъ встрѣтилъ его взглядъ и съ минуту, казалось, не могъ оторваться отъ него. На него напала какая-то странная откровенность. Очевидно, онъ чувствовалъ необходимость излить кому-нибудь свою душу.

— Мнѣ не хочется взяться за эту работу. Когда я сажусь въ свое кресло и говорю себѣ: „отнынѣ, Чатрисъ, вся твоя жизнь будетъ посвящена этому“,—на меня находитъ какой-то ужасъ, Мельвилль.

— Гм...—задумчиво произнесъ Мельвилль. Послѣ этого онъ, съ видомъ домашняго доктора, три раза хлопнулъ Чатриса по плечу и наконецъ сказалъ:—Вы слишкомъ много занимались статистикой, Чатрисъ. Васъ утомила эта ежедневная работа. Вы не видите лѣса изъ-за деревьевъ. Вы забываете о стоящей передъ вами высокой цѣли въ виду мелкихъ временныхъ затрудненій. Вы напоминаете мнѣ художника, долго работавшаго надъ какой-нибудь мелкой подробностью въ своей картинѣ. Вамъ надо отступить назадъ и издали взглянуть на всю картину.

— Нѣтъ, это не то. Послѣднее время я только то и дѣлаю, что отступаю назадъ, чтобы взглянуть на цѣлое. Я допускаю, что правильное разрѣшеніе политическихъ вопросовъ — задача высокая и благородная... но... я преклоняюсь передъ ней, но она не чаруетъ моего воображенія. Въ этомъ вся бѣда.

— Что же чаруетъ ваше воображеніе! — спросилъ Мельвилль. Онъ былъ увѣренъ, что этотъ переворотъ въ Чатрисѣ былъ произведенъ Морской Дѣвой, и ему хотѣлось знать, какъ далеко она зашла. — Не думаете ли вы, напримѣръ, что... существуютъ другіе сны?

Но Чатрисъ ничѣмъ не выдалъ себя, и Мельвиллю пришлось отказаться отъ своихъ подозрѣній.

— Что вы хотите сказать... какіе сны?—спросилъ Чатрисъ.

— Возможна ли, напримѣръ, другого рода жизнь... другіе взгляды?..

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи,—сказалъ Чатрисъ и, помолчавъ, прибавилъ:—Аделина удивительно добра.

Мельвилль молча согласился съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ.

— Все это только настроеніе. Я не могу жаловаться на свою жизнь. Я ея даже не заслуживаю. Будемъ лучше говорить о чемъ-нибудь другомъ,—сказалъ Чатрисъ.

Но Мельвилль не находилъ другой, достаточно интересной темы.

— Въ Сандгетѣ все благополучно?—спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— О, да!

— А какъ поживаетъ миссъ Уотерсъ?

Чатрисъ бросилъ на него недовѣрчивый взглядъ.

— Очень хорошо,—отвѣтилъ онъ:—она такъ же очаровательна, какъ всегда.

— Она дѣйствительно думаетъ собирать для васъ голоса? Она можетъ сдѣлать очень многое, — сказалъ Мельвилль.

Наступило молчаніе.

— Кто эта миссъ Уотерсъ?—спросилъ Чатрисъ тономъ безпечной болтовни,

— Очаровательная особа,—отвѣтилъ Мельвилль.

Чатрисъ съ минуту подождалъ; его дѣланная безпечность исчезла. Онъ сталъ серьезенъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ,—кто эта миссъ Уотерсъ?

— Откуда мнѣ знать?—покривилъ душою Мельвилль.

— Ахъ, вы знаете! И другіе тоже знаютъ. Кто она?

Мельвилль встрѣтился съ нимъ взглядомъ.

— Развѣ они вамъ не говорили?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ вамъ знать это?—Мы дали обѣщаніе хранить это въ тайнѣ.

— Что̀?

Мой кузенъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Тутъ что-то неладно. У нея, быть можетъ, есть прошлое?

Мельвилль на минуту задумался о томъ, что̀ могла представлять собою жизнь на днѣ моря.—Да, у нея есть прошлое,—сказалъ онъ.

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла.

Наступило молчаніе.

— Послушайте, Мельвилль,—сказалъ Чатрисъ,—я хочу знать это. Если только это не секретъ спеціально отъ... Мнѣ непріятно быть среди людей, которые относятся ко мнѣ какъ къ чужому. Въ чемъ состоитъ эта тайна, касающаяся миссъ Уотерсъ?..

— Что̀ говоритъ миссъ Глендоверъ?..

— Ничего опредѣленнаго. Она ее не любитъ, и не говоритъ, почему. А м-съ Бентингъ такъ и полна таинственности. И сама она смотритъ какъ-то таинственно... И ея дѣвушка... Мнѣ это надоѣло.

— Почему же вы не спросите ее сами?

— Какъ же я могу спросить, когда я не знаю, въ чемъ дѣло? Чортъ побери! я спрашиваю васъ достаточно ясно.

— Хорошо,—сказалъ Мельвилль, и въ эту минуту онъ дѣйствительно рѣшился сказать все Чатрису. На языкѣ у него уже вертѣлись слова: „Дѣло въ томъ, что она—русалка“, но вдругъ онъ почувствовалъ, какъ невѣроятно это должно было звучать. Чатрисъ, съ его романтической натурой, могъ еще обрушиться на него за такое неуважительное отношеніе къ дамѣ...

Страшное сомнѣніе закралось въ душу Мельвилля. Онъ, какъ вамъ извѣстно, никогда не видѣлъ русалокъ собственными

глазами. Въ окружающей его обстановкѣ на него напало такое сомнѣніе, какого онъ не испытывалъ даже въ тотъ день, когда м-съ Бентингъ впервые разсказала ему о Морской Дѣвѣ. Только въ первоклассномъ лондонскомъ клубѣ можно встрѣтить такую атмосферу трезвости, исключающую всякую возможность чего-либо фантастическаго. Повсюду глазъ его встрѣчалъ тяжелыя кресла и массивные столы. Даже стоявшія на нихъ спичечницы отличались какой-то особенной массивностью. На тяжеломъ, обтянутомъ зеленымъ сукномъ столѣ лежало нѣсколько экземпляровъ „Times"'а, текущіе нумера „Punch"'а, тяжелая бронзовая чернильница и свинцовое пресспапье. Другіе, лучшіе сны! Это казалось невозможнымъ. Въ эту минуту до слуха Мельвилля яснѣе донеслось дыханіе спавшаго въ отдаленномъ углу въ удобномъ креслѣ члена клуба. Тяжелое и рѣшительное, оно напоминало по звуку пилу каменьщика. Казалось, при первомъ же упоминаніи о столь невѣроятномъ событіи, какъ появленіе русалки, оно должно было перейти въ негодующій смѣхъ.

— Вы не повѣрите мнѣ, если я вамъ скажу,—началъ Мельвилль.

— Все равно—скажите.

Мой кузенъ взглянулъ на стоявшее рядомъ съ нимъ пустое кресло. Оно очевидно было набито лучшимъ конскимъ волосомъ, набито опытной рукой, съ почти религіозной тщательностью. Гостепріимно раскрывая свои объятія, оно, казалось, говорило, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, — что ему необходимъ и послѣобѣденный сонъ. Въ такомъ креслѣ нечего было бояться сновидѣній!

Русалка? Ему пришло въ голову, что онъ, быть можетъ, явился жертвой заблужденія, что на него повліяла увѣренность м-съ Бентингъ. Нельзя ли было найти болѣе правдоподобное объясненіе, которое лишь косвенно давало бы понять истину!

— Не могу,—простоналъ онъ наконецъ.

Чатрисъ все время украдкой слѣдилъ за нимъ.

— Мнѣ рѣшительно все равно,—сказалъ онъ, бросая въ каминъ вторую папиросу.—Это не мое дѣло.—Потомъ, сильно жестикулируя, онъ вдругъ вскочилъ на ноги.—Вамъ незачѣмъ...—началъ онъ, повидимому намѣреваясь наговорить много непріятнаго. Но, не найдя очевидно ничего, достаточно язвительнаго для данной минуты, онъ отказался отъ своего намѣренія и направился къ двери.

XIX.

Мельвилль готовъ былъ уже броситься за нимъ. Онъ всталъ съ мѣста, и тутъ только замѣтилъ, что спавшій прежде посѣтитель теперь смотрѣлъ на него непріязненнымъ взглядомъ. Никакія оправданія, казалось, не могли бы побороть этой тяжелой непріязни... Мельвилль направился къ двери.

Свиданіе съ Чатрисомъ принесло моему кузену большое облегченіе. Его охватило чувство глубокаго нравственнаго негодованія, этого лучшаго лекарства противъ сомнѣній и душевнаго разлада. Чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе росло его негодованіе противъ Чатриса. Эта внезапная, ничѣмъ не оправдываемая вспышка мѣняла все дѣло. Ему очень хотѣлось вновь встрѣтиться съ Чатрисомъ, чтобы обсудить все дѣло съ новой точки зрѣнія.

Существовало ли гдѣ-нибудь на свѣтѣ болѣе непріятное, неблагодарное, неблагоразумное существо, чѣмъ этотъ самый Чатрисъ? Онъ былъ баловнемъ фортуны, все давалось ему само собой, даже самыя ошибки приносили ему больше выгодъ, чѣмъ другимъ ихъ удачи. Девятьсотъ-девяносто-девять человѣкъ изъ тысячи могли бы позавидовать никогда не измѣнявшему ему счастью. Многіе, работая всю свою жизнь, съ благодарностью принимали затѣмъ мельчайшую долю того, что̀ безъ всякаго труда давалось этому ненасытному, неблагодарному молодому человѣку. „Даже я,—подумалъ мой кузенъ,—могъ бы позавидовать ему... во многомъ. И при первомъ призывѣ долга,—какое тамъ!..—при первомъ намекѣ на необходимость сдерживать себя,—это неповиновеніе, этотъ протестъ и бѣгство“!

„Сто̀итъ только подумать объ общей участи людей,—продолжалъ разсуждать мой кузенъ,—обо всѣхъ, кто страдаетъ отъ голода, кто ведетъ жизнь, полную неустаннаго труда и лишеній, кто никогда не выходитъ изъ нужды и, тѣмъ не менѣе, съ нѣмой рѣшимостью исполняетъ свой долгъ или то, что̀ считаетъ своимъ долгомъ!.. А несчастныя цѣломудренныя женщины!.. Или тѣ честные труженики, которые исполнены стремленія жить для блага другихъ, но не могутъ осуществить этого стремленія изъ-за мелкихъ ежедневныхъ заботъ... И вдругъ является этотъ жалкій человѣкъ, съ его громадными способностями, съ его положеніемъ и связями, и съ невѣстой, которая не только богата и красива,—она красива, это не подлежитъ сомнѣнію,—но и болѣе всякой другой подходитъ для него какъ помощница...

„И онъ отворачивается отъ всего этого. Все это для него недостаточно хорошо. Оно, видите ли, не чаруетъ его воображенія. Ему нужна болѣе высокая красота. Чего же онъ *хочетъ*? Чего онъ ждетъ“?..

Негодованіе Мельвилля все росло по мѣрѣ приближенія его къ дому. Давно уже онъ не обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ, какъ въ этотъ день. Въ теченіе всего этого вечера жизнь представлялась ему въ розовомъ свѣтѣ; въ два часа ночи онъ наконецъ усѣлся передъ разведеннымъ въ каминѣ огнемъ, чтобы выкурить передъ сномъ еще сигару.

„Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ,—я довольствуюсь тѣмъ, что дали мнѣ боги. Я стараюсь быть счастливымъ, стараюсь дать немного счастья другимъ, исполняю свои небольшія обязанности—и этого съ меня довольно. Я не задаюсь ни слишкомъ высокими, ни слишкомъ широкими цѣлями. Нѣсколько старыхъ простыхъ идеаловъ...

„Гм... Чатрисъ—мечтатель, невыносимый, вѣчно недовольный мечтатель. О чемъ онъ мечтаетъ?.. Въ трехъ случаяхъ онъ оказывается мечтателемъ, а въ четвертомъ—избалованнымъ ребенкомъ. Мечтатель... Мечты... Другіе сны... Что она могла подразумѣвать подъ этими другими снами“?..

Мельвилль впалъ въ глубокую задумчивость... Вдругъ онъ вздрогнулъ, оглянулся кругомъ, посмотрѣлъ на часы и отправился спать.

XX.

Около недѣли спустя, Мельвилль въ одно прекрасное утро получилъ отъ м-съ Бентингъ телеграмму, призывавшую его въ Сандгетъ. „Пріѣзжайте. Настоятельная необходимость. Очень прошу!“ — гласила телеграмма. Онъ немедленно отправился на поѣздъ и еще до полудня прибылъ въ Сандгетъ.

М-съ Бентингъ находилась наверху у миссъ Глендоверъ и просила его подождать, пока она не освободится.

— Миссъ Глендоверъ нездорова?—спросилъ Мельвилль.

— Да, сударь, не совсѣмъ здорова, — отвѣтила горничная, очевидно ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ.

— А гдѣ остальные?—спросилъ онъ.

— Всѣ три барышни ушли въ Гитъ,—сказала горничная, очевидно съ намѣреніемъ не упоминая о Морской Дѣвѣ. Не желая разспрашивать ее, онъ ничего не спросилъ о миссъ Уотерсъ. Подождавъ еще минуту, горничная вышла.

Мельвилль немного постоялъ въ гостиной и вышелъ на ве-

ранду. Издали къ нему приближалась какая-то странная фигура. Это былъ Фредъ Бентингъ. Воспользовавшись тѣмъ, что никого не было дома, онъ отправился купаться. На немъ была широкополая бѣлая шляпа и полосатый плащъ; во рту онъ держалъ длинную трубку, которой могъ бы позавидовать любой взрослый мужчина.

— Галло!—крикнулъ онъ.—Мать посылала за вами?

Мельвилль утвердительно кивнулъ головой. — Гдѣ миссъ Уотерсъ?—спросилъ онъ.

— Ушла.

— Назадъ, въ море?

— Нѣтъ! помилуй Богъ! Она отправилась въ гостинницу Леммиджа. Со своей горничной.

— Почему?..

— Мать поссорилась съ ней изъ-за Гарри. Адди говоритъ, что Гарри изъ-за нея надѣлалъ всякихъ безумствъ.

— Изъ-за миссъ Уотерсъ?

— Да. Пересталъ думать о выборахъ, пересталъ работать. Ничего не сказалъ Аделинѣ, но она сама замѣтила, что что-то неладно. Начала разспрашивать. На слѣдующій день онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Она спросила, въ чемъ дѣло. Послѣдовало трехдневное молчаніе. Потомъ... Онъ написалъ.

Передавая все это, Фредъ то-и-дѣло поднималъ брови, опускалъ углы рта и значительно кивалъ головой.

— Какъ вамъ это нравится?—спросилъ онъ и въ поясненіе сказаннаго прибавилъ:—Написалъ ей письмо.

— Не писалъ же онъ ей о миссъ Уотерсъ?

— Не знаю, о чемъ онъ писалъ. Думаю, что онъ не упомянулъ ея имени, однако высказался довольно ясно. Знаю только, что все въ домѣ въ продолженіе двухъ дней напоминало слишкомъ туго натянутыя пружины, — и наконецъ эти пружины лопнули. Адди все писала ему письма, но ни одного изъ нихъ не отослала. Всѣ были разстроены. Только миссъ Уотерсъ сохраняла свой обычный довольный видъ. Наконецъ мать начала разспрашивать, Аделина кое-о-чемъ намекнула, мать сразу все поняла,—и произошла катастрофа.

— Неужели миссъ Глендоверъ...?

— Нѣтъ, мать. Мать взяла все это на себя и откровенно высказала все миссъ Уотерсъ; она это умѣетъ... Та ничего не отрицала. Сказала только, что это не въ ея власти, что онъ настолько же принадлежитъ ей, какъ и Аделинѣ. Я самъ слышалъ это,—разсказывалъ Фредъ.—Каково?.. принимая во вни-

маніе, что онъ обрученъ. И мать высказала ей все это, не стѣсняясь. Я слышалъ, какъ она говорила: „Я очень ошиблась въ васъ, миссъ Уотерсъ, очень, очень ошиблась“... Потомъ попросила ее оставить нашъ домъ. Сказала, что она плохо отблагодарила насъ за то, что мы приняли въ ней участіе, когда на нее никто и смотрѣть не хотѣлъ.

— И миссъ Уотерсъ уѣхала?

— Да, въ прекрасномъ кабріолетѣ, а за нею, во второмъ экипажѣ, горничная съ сундуками. Все какъ слѣдуетъ. Настоящая лэди... Никогда бы не повѣрилъ, еслибы самъ не видѣлъ этого... я хочу сказать—хвоста.

— А миссъ Глендоверъ?

— Адди? О, она хотѣла этого. Теперь она то спускается внизъ, то съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ снова уходитъ къ себѣ на верхъ. Мнѣ это хорошо извѣстно. У васъ никогда не было сестеръ. Я даже склоненъ думать, что имъ это нравится, — продолжалъ Фредъ таинственнымъ полушопотомъ, — Мабель почти больна. Сестры мои тоже. Дѣлаютъ изъ этого Богъ знаетъ что. Послушать ихъ, такъ можно подумать, что Чатрисъ — единственный мужчина на свѣтѣ. Веселенькій домъ, правда?

— А гдѣ же главный виновникъ всего?—спросилъ Мельвилль.—Въ Лондонѣ?

— Безпринципный джентльменъ, какъ я его называю?—отвѣтилъ Фредъ.—Онъ остановился тутъ, въ „Метрополѣ“.

— Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ въ „Метрополь“?

— Промежуточная станція, надо полагать. Онъ писалъ, что придетъ къ Аделинѣ и объяснитъ ей все,—однако не дѣлаетъ этого... Все откладываетъ. А Аделина говоритъ, что если онъ не придетъ скоро, то она вовсе не приметъ его, хотя бы сердце ея и разрывалось отъ этого на части.

— Ну, конечно,—какъ-то непослѣдовательно отвѣтилъ Мельвилль.—А онъ не двигается съ мѣста?.. А съ миссъ Уотерсъ онъ видится?

— Не знаю. Мы не можемъ слѣдить за нимъ. Во всякомъ случаѣ это было бы умно съ его стороны... Сюда налетѣла чуть ли не цѣлая сотня его родственниковъ,—словно стая вороновъ на трупъ. Я никогда не видѣлъ такого множества родственниковъ. Говорите послѣ этого о человѣкѣ изъ хорошей семьи,—это ужасно! Я никогда въ жизни не видѣлъ такой знатной семьи. И все больше тетки.

— А онъ наконецъ узналъ...?

— Что она русалка? Не думаю. Отецъ отправился сказать

ему объ этомъ. Конечно, онъ былъ слегка взволнованъ. Но Чатрисъ сразу срѣзалъ его. „Не говорите мнѣ, по крайней мѣрѣ, ничего дурного о ней",—сказалъ онъ. И отецъ удовольствовался этимъ и ушелъ. Но надо думать, что тетки разскажутъ ему все какъ слѣдуетъ.

— Послушайте,—сказалъ Мельвилль.—Чего же собственно ждутъ отъ меня? Зачѣмъ меня вызвали сюда?

— Не знаю. Хотятъ, вѣроятно, чтобы вы немного двинули это дѣло. Всѣ что-нибудь да дѣлаютъ — какъ для рождественскаго пуддинга. Меня никто не просилъ приложить руку, и я отправился купаться. Безъ меня пуддингъ былъ бы нехорошъ, но вотъ явились вы! Мнѣ кажется, что тутъ можно сдѣлать только одно... Хорошенько намылить Чатрису голову.

— Не думаю, чтобы это помогло.

— О, это не поможетъ!—замѣтилъ Фредъ и съ видомъ глубокаго убѣжденія прибавилъ:—Въ этомъ-то и дѣло!—Поправивъ затѣмъ складки своего плаща и передвинувъ во рту свою длинную погасшую трубку, онъ пошелъ своей дорогой. Волочившійся по полу плащъ на минуту задержалъ его у дверей. Слышно было, какъ онъ затопалъ своими босыми ногами по передней; затѣмъ все стихло.

— Фредъ!—сказалъ Мельвилль, внезапно вспомнивъ о чемъ-то, и направился за нимъ.

Но Фреда уже не было.

XXI.

Вмѣсто него появилась м-съ Бентингъ. Лицо ея являло слѣды недавняго волненія.

— Я телеграфировала вамъ, — сказала она.—Мы страшно разстроены.

— Миссъ Уотерсъ, какъ я догадываюсь...

— Уѣхала...

Она подошла къ нему, поднявъ руки.—Вы не можете себѣ представить! Эта бѣдная дѣвочка...

— Вы должны разсказать мнѣ все,—сказалъ Мельвилль.

— Я, положительно, не знаю, чтò дѣлать. Я не знаю, за чтò взяться. Я думала все исправить. Я замѣтила, что что-то неладно. Мнѣ стало ясно, что я была обманута, и я терпѣла это, пока могла. Но я должна была наконецъ высказаться. И всѣ порицаютъ меня за это. Всѣ.

— Въ такихъ дѣлахъ всякій поступокъ, каковъ бы онъ ни

былъ, вызываетъ только порицаніе,—сказалъ Мельвилль.—Вы не должны обращать на это вниманія.

— Постараюсь, — мужественно отвѣтила она. — Вы, м-ръ Мельвилль, знаете...

Онъ на минуту положилъ ей руку на плечо.

— О, да,—сказалъ онъ многозначительно, и м-съ Бентингъ, должно быть, почувствовала облегченіе.

— Мы только на васъ и надѣемся,—сказала она.—Я не знаю, что̀ бы я дѣлала безъ васъ.

— Но каково положеніе вещей? Что̀ я могу сдѣлать?

— Подите къ нему и положите конецъ всему этому,—сказала м-съ Бентингъ.

— А если...—нерѣшительно началъ Мельвилль.

— Подите къ ней. Объясните ей, какъ это будетъ ужасно для него и для всѣхъ насъ.

Мельвилль сдѣлалъ попытку добиться болѣе опредѣленныхъ инструкцій.

— Не возражайте,—умоляющимъ голосомъ произнесла м-съ Бентингъ.—Подумайте объ этой бѣдной дѣвочкѣ. Подумайте обо всѣхъ насъ.

— Конечно, конечно,—отвѣтилъ Мельвилль, думая о Чатрисѣ и уныло глядя въ окно.

— Вы или никто,—продолжала м-съ Бентингъ.—Фредъ слишкомъ молодъ, а Рандольфъ... Онъ не дипломатъ. Онъ... онъ просто буянитъ. Вы бы посмотрѣли на него внѣ дома. Мнѣ не разъ приходилось вмѣшиваться... Нѣтъ, только вы. Вы такъ хорошо знаете Гарри. Онъ вамъ вѣритъ. Никто не можетъ сказать ему того, что̀ можете сказать вы.

— Кстати: знаетъ онъ..?

— Не знаю. Откуда намъ знать это? Мы только знаемъ, что онъ потерялъ голову. Онъ поѣхалъ въ Фолькстонъ, она тоже тамъ, они, быть можетъ, видятся... Подите къ нему!—сказала м-съ Бентингъ, взявъ его за руку.

— Я пойду,—отвѣтилъ Мельвилль,—но я не вижу, что̀ изъ этого выйдетъ!

Тутъ м-съ Бентингъ схватила его руку обѣими своими пухлыми, хорошенькими ручками и заявила, что она никогда не сомнѣвалась, что онъ возьметъ это дѣло на себя, что его немедленный пріѣздъ въ отвѣтъ на ея телеграмму обязываетъ ее къ вѣчной благодарности, и затѣмъ, словно въ заключеніе, прибавила, что ему нужно позавтракать.

Мельвилль какъ-то невзначай принялъ предложеніе позавтракать, но сейчасъ же снова вернулся къ прежнему вопросу.

— Не знаете ли вы, каковы его намѣренія?..

— Онъ только написалъ Адди.

— Но это не онъ вызвалъ катастрофу?

— Нѣтъ,—Адди. Когда онъ уѣхалъ въ Лондонъ, ей это показалось страннымъ, и она въ письмѣ спросила его о причинѣ его отъѣзда. Онъ написалъ ей въ отвѣтъ, что ему хочется немного отдохнуть отъ политики, что эта жизнь не возбуждаетъ въ немъ того интереса, какого она, по его мнѣнію, заслуживаетъ;—тогда она догадалась обо всемъ...

— Обо всемъ? Да, но о чемъ именно?

— Что виною всему она, миссъ Уотерсъ.

Мой кузенъ погрузился въ размышленія. Такъ вотъ что̀ они считали самымъ главнымъ! — Хотѣлось бы мнѣ знать, что̀ онъ собственно думаетъ, — сказалъ онъ наконецъ, слѣдуя за м-съ Бентингъ къ столу. Въ теченіе этого завтрака Мельвиллю стало ясно, какое громадное облегченіе доставило м-съ Бентингъ данное имъ обѣщаніе повидаться съ Чатрисомъ. Повидимому, она считала себя теперь освобожденной отъ главной отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ. Она просто и ясно изложила ему свои доводы противъ тѣхъ обвиненій, которыя, повидимому, взводились на нее окружающими.

— Откуда мнѣ было знать?—говорила она, вновь повторяя исторію этого достопамятнаго появленія русалки, но съ новыми знаменательными подробностями.—Аделина первая крикнула: „Ее надо спасти!“—М-съ Бентингъ особенно напирала на это обстоятельство.—И что̀ же мнѣ оставалось дѣлать?—спрашивала она.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, передъ Мельвиллемъ все съ бо̀льшей и бо̀льшей ясностью вставала вся запутанность положенія, и предстоявшая ему задача принимала все болѣе и болѣе серьезные размѣры. Прежде всего оставалось невыясненнымъ, согласилась ли бы миссъ Глендоверъ простить своего жениха иначе какъ на извѣстныхъ условіяхъ. Между тѣмъ Морская Дѣва навѣрное не думала отказаться отъ своей власти надъ нимъ, если ей удалось ея достигнуть. Они готовились вести борьбу со стихіями, словно бы это былъ простой, обыкновенный случай. Мельвиллю становилось все яснѣе, что м-съ Бентингъ совершенно упускала изъ виду главную сущность натуры Морской Дѣвы, что она смотрѣла на все дѣло какъ на обычное колебаніе, какъ на простое проявленіе того духа непостоянства, который незамѣтно таится въ груди каждаго человѣка. И она вполнѣ надѣялась, что ему удастся возстановить прежнюю гармонію.

— Что касается Чатриса...—Мельвилль только покачалъ головой и разсѣянно отвѣчалъ м-съ Бентингъ.

XXII.

— Она хочетъ поговорить съ вами,—сказала м-съ Бентингъ, и Мельвилль не безъ тайнаго волненія отправился наверхъ.

Онъ поднялся на широкую, уставленную стульями площадку, чтобы избавить Аделину отъ необходимости сходить внизъ. Она вышла къ нему въ черномъ, отдѣланномъ кружевомъ, туалетѣ; ея темные волосы были зачесаны просто, но тщательно, и эта прическа очень шла къ ней. Она была блѣдна, на глазахъ замѣтны были слѣды слезъ, но всѣ ея движенія были полны достоинства, отличавшагося отъ ея обычной манеры держать себя своей безъискусственностью.

Она подала ему руку и заговорила слабымъ голосомъ.

— Вы... все знаете?—спросила она.

— Въ общихъ чертахъ, да.

— Почему онъ поступилъ такъ со мной?

Мельвилль взглянулъ на нее съ выраженіемъ глубокаго сочувствія.

— Я чувствую,—сказала она,—что это не грубость.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ Мельвилль.

— Тутъ какая-то тайна, которой я не могу понять. Казалось бы... его карьера... должна была его остановить...

Она покачала головой и съ минуту неподвижно смотрѣла на вазу съ цвѣтами.

— Онъ вамъ писалъ?—спросилъ Мельвилль.

— Три раза,—отвѣтила она, взглянувъ на него.

Мельвилль не рѣшался спросить ее о сюжетѣ этой корреспонденціи, но она сама заговорила объ этомъ.

— Мнѣ пришлось разспрашивать его,—сказала она.—Онъ скрывалъ отъ меня все, и я почти силой вынудила у него признаніе.

— Признаніе!—сказалъ Мельвилль:—въ чемъ?

— Въ томъ, что̀ онъ чувствуетъ къ ней и что̀ онъ чувствуетъ ко мнѣ... Онъ выяснилъ мнѣ многое. Но и теперь... Нѣтъ, я не понимаю.

Она слегка повернулась и, продолжая говорить, слѣдила за выраженіемъ лица Мельвилля.

— Знаете, м-ръ Мельвилль, это было для меня страшнымъ ударомъ. Мнѣ кажется, я никогда въ дѣйствительности не знала его. Должно быть, я... его идеализировала. Я думала, что онъ

интересуется... нашимъ дѣломъ... И онъ интересовался имъ. Онъ вѣрилъ въ него. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— Онъ и теперь вѣритъ,—сказалъ Мельвилль.

— Какъ это возможно?

— Онъ... онъ человѣкъ съ сильно развитымъ воображеніемъ.

— Или со слабой волей?

— Относительно... да.

— Это такъ странно, такъ непослѣдовательно!—со вздохомъ проговорила она.—Словно дитя, хватающееся за новую игрушку. Знаете, м-ръ Мельвилль,—она съ минуту колебалась,—я словно постарѣла изъ-за всей этой исторіи. Я чувствую себя гораздо старше, гораздо разумнѣе его. Я ничего не могу съ этимъ подѣлать. Боюсь, что для всякой женщины наступаетъ моментъ... когда она чувствуетъ нѣчто подобное. Мнѣ все кажется, что онъ—капризный ребенокъ. И я... я поклонялась ему, м-ръ Мельвилль!—сказала она, и голосъ ея дрогнулъ.

Мой кузенъ кашлянулъ и сталъ упорно смотрѣть въ окно.

— Если бы я могла думать, что она дастъ ему счастье... Но нѣтъ. Все, чтó въ немъ есть лучшаго, серьезнаго... Она не пойметъ и погубитъ все это.

— Онъ хотѣлъ бы?..—началъ-было Мельвилль, но тутъ же раскаялся въ смѣлости своего вопроса.—Онъ хотѣлъ бы, чтобы вы вернули ему его слово?

— Нѣтъ... Онъ хочетъ вернуться ко мнѣ назадъ.

— Но вы... хотите вы, чтобы онъ вернулся?

— Какъ я могу это сказать, м-ръ Мельвилль? Онъ даже не говоритъ вполнѣ опредѣленно, что хочетъ вернуться.

Мой кузенъ казался встревоженнымъ. Волненія никогда не затрогивали его очень глубоко, и эти осложненія въ дѣлахъ, которыя онъ привыкъ считать простыми, сильно смущали его.

— Иногда мнѣ кажется, что моя любовь къ нему умерла... —сказала она.—Это страшное разочарованіе... потрясеніе... обнаруженіе въ немъ такой слабости...

Мельвилль поднялъ брови и покачалъ головой въ знакъ согласія.

— Должно быть, я никогда не любила его. Но... Но я все думаю о томъ, чего онъ могъ бы добиться.

Голосъ ея заставилъ его обернуться; губы ея были крѣпко сжаты, по щекамъ текли слезы.

— Онъ еще можетъ всего этого добиться,—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Конечно, можетъ,—какъ-то тихо и беззвучно сказала она.

Моментъ слабости прошелъ. Она вдругъ перемѣнила тему разговора.—Кто она? Чтò это за существо, ставшее между нимъ и дѣйствительной жизнью? Чтò за тайна скрывается въ ней?.. И почему мнѣ приходится соперничать съ нею только въ силу того... что онъ не понимаетъ своего собственнаго характера?

— Понять свой собственный характеръ—это значитъ исчерпать одинъ изъ главнѣйшихъ интересовъ жизни,—сказалъ Мельвилль.—Послѣ этого... остается лишь погасшій вулканъ.

Мысли его приняли эгоистическое направленіе. Наконецъ онъ снова вспомнилъ о ней.

— Чтò есть въ ней такого, — сказала она съ тѣмъ стремленіемъ къ ясности, которое въ глазахъ Мельвилля представляло одно изъ ея непріятныхъ качествъ,—чего *я*..?

Мельвилль невольно смутился. Все кошачье въ его натурѣ выступило теперь наружу. Онъ попытался избѣгнуть объясненія.

— Дорогая миссъ Глендоверъ!—сказалъ онъ, стараясь показать, что отвѣтъ этотъ долженъ былъ вполнѣ удовлетворить ее.

— Въ чемъ разница между нами?—настаивала она.

— Есть вещи неуловимыя,—отвѣтилъ Мельвилль.—Онѣ не поддаются описанію.

— Но у васъ, у васъ должно было составиться извѣстное впечатлѣніе. Почему вы не... Развѣ вы не видите, м-ръ Мельвилль, какъ это для меня важно?.. Это не любезно съ вашей стороны... Простите, м-ръ Мельвилль, если я стараюсь выпытать отъ васъ слишкомъ многое. Но я... я хочу знать!

Мельвиллю въ эту минуту, быть можетъ, пришло въ голову, что въ этой дѣвушкѣ было нѣчто такое, чтò не вполнѣ соотвѣтствовало его прежнему представленію о ней.

— Я долженъ согласиться, что у меня составилось извѣстное впечатлѣніе,—сказалъ онъ.

— Вы мужчина, вы знаете его, вы знаете много такого, чего я не знаю. Если бы вы могли... быть откровенны!

— Хорошо,—сказалъ Мельвилль и остановился.

Она смотрѣла на него въ нѣмомъ ожиданіи.

— Разница есть,—сказалъ онъ и вновь замолчалъ.—Какъ мнѣ выразить ее? Мнѣ кажется, что, благодаря этой разницѣ, многое дается ей легче, чѣмъ вамъ. Она иногда больше соотвѣтствуетъ его темпераменту, чѣмъ вы.

— Да, я знаю. Но почему?

— Вы суровы. Вы сдержанны. Жизнь для такого человѣка, какъ Чатрисъ,—своего рода школа. Въ немъ есть что-то, чтò ставитъ его, быть можетъ, выше многихъ изъ насъ, но порою

мнѣ кажется, что именно вслѣдствіе этого и сама жизнь складывается для него тяжелѣе, чѣмъ для многихъ другихъ. Жизнь представляетъ для него столько ограниченій. Онъ знаетъ свой долгъ. И вы... Вы не должны обращать вниманія, если я скажу что-нибудь лишнее, миссъ Глендоверъ... я могу быть неправъ.

— Продолжайте,—сказала она,—продолжайте!

— Вы являетесь для него воплощеніемъ долга.

— Конечно! Какъ же иначе?

— Я говорилъ съ нимъ въ Лондонѣ, и мнѣ казалось тогда, что онъ совершенно неправъ. Съ тѣхъ поръ я обо многомъ успѣлъ передумать,—и мнѣ кажется, что и вы неправы. Въ нѣкоторыхъ мелочахъ.

— Не щадите теперь моего самолюбія. Говорите!—воскликнула она.

— Видите ли, вы очень точно нарисовали ему картину всей вашей будущей жизни. Вы выяснили ему, чего вы отъ него ожидаете. Вы словно выстроили домъ, въ которомъ ему придется жить. Пойти къ ней—значитъ для него выйти изъ дома,—правда, красиваго, изящнаго дома,—и направиться къ чему-то широкому, неизвѣстному, еще неизвѣданному. Въ ней есть что-то удивительно естественное. Она капризна и причудлива, какъ заходъ солнца, она свободна и вольна, какъ вѣтеръ. Она любитъ и уважаетъ его не потому, что онъ поступаетъ именно такъ; она не порицаетъ его, если онъ поступаетъ иначе,—она беретъ его такимъ, каковъ онъ есть. Она напоминаетъ собой ясное небо, дикую лѣсную чащу, свободный полетъ птицъ и бурное море. Вотъ что̀, мнѣ кажется, она представляетъ для него;—она является олицетвореніемъ Великаго Неизвѣстнаго. Вы... вы скорѣе представляете...

Онъ замялся.

— Продолжайте, — сказала она. — Доведите сравненіе до конца.

— Готовое зданіе... Я ему не сочувствую, — продолжалъ Мельвилль.—Я домашнее животное, и не хочу выходить изъ дома. Одна мысль объ этомъ уже пугаетъ меня. Но онъ другого мнѣнія.

— Да,—сказала она,—онъ другого мнѣнія.

Казалось, ее заинтересовало объясненіе Мельвилля. Она стояла, погруженная въ задумчивость.

— Конечно,—сказала она, задумчиво глядя на него.—Да, да. Таково впечатлѣніе. Но въ дѣйствительности... Существуетъ еще нѣчто другое, помимо впечатлѣній. Въ концѣ концовъ это только сравненіе. Выходить изъ дому на открытый воздухъ, ко-

нечно, очень пріятно, но большинству изъ насъ, даже почти всѣмъ, приходится жить въ домахъ.

— Конечно,—отвѣтилъ Мельвиллъ.

— Онъ не можетъ... Что онъ будетъ дѣлать съ нею? Какъ онъ можетъ жить съ нею? Что можетъ быть между ними общаго?

— Онъ увлеченъ ею,—сказалъ Мельвиллъ,—тутъ не можетъ быть рѣчи о какихъ бы то ни было планахъ.

— Въ концѣ концовъ,—сказала она,—онъ долженъ вернуться назадъ... если только я соглашусь на это. Пусть онъ погубитъ теперь все, пусть онъ пропуститъ выборы, пусть ему придется начинать потомъ сначала, уже съ меньшими надеждами, пусть онъ разобьетъ свое сердце...

Она остановилась; послышалось сдержанное рыданіе.

— Миссъ Глендоверъ,—внезапно произнесъ Мельвиллъ,—мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ понимаете... Вы думаете, что онъ не можетъ связать свою жизнь съ этимъ... съ этимъ существомъ, явившимся къ намъ?

— Да развѣ это возможно?

— Нѣтъ, это невозможно. Вы думаете, что онъ отвернулся отъ васъ ради чего-то неосуществимаго, что онъ совершенно безцѣльно пожертвовалъ собой ради какого-то призрака, что онъ поступилъ какъ глупецъ, и что все дѣло въ томъ, чтобы вновь вернуть все къ прежнему порядку?..

Онъ остановился; она ничего не сказала, но лицо ея выражало вниманіе.

— Чего вы не понимаете,—продолжалъ онъ,—чего, повидимому, не понимаетъ никто, это то, что она явилась къ намъ...

— Изъ моря.

— Изъ другого міра. Она нашептываетъ намъ, что наша жизнь призрачна, недѣйствительна, пуста, ограниченна; она разрушаетъ всѣ наши иллюзіи...

— Такъ что онъ...

— Да. И она неизмѣнно повторяетъ одно и то же: „существуютъ другіе, лучшіе сны"!

Миссъ Глендоверъ взглянула на него съ явной тревогой.

— Она говоритъ объ этихъ неясныхъ лучшихъ снахъ, она говоритъ о пути...

— Какомъ пути?

— Я не знаю, что это за путь. Но это нѣчто такое, что подрываетъ самую основу нашей обычной жизни... Она—русалка, она соткана изъ грезъ и желаній, это—сирена, воплощеніе соблазна. Она увлечетъ его съ собой...

— Куда?—прошептала она.

— Въ глубину.

Наступило продолжительное молчаніе. Мельвилль тщетно искалъ какихъ-нибудь подходящихъ выраженій, чтобы выяснить свою мысль.

— Изъ этого сна, въ который погружены мы всѣ,—сказалъ онъ, наконецъ,—можетъ быть только одинъ выходъ.

— И этотъ выходъ?

— Этотъ выходъ...—началъ Мельвилль, не смѣя высказать свою мысль.

Глаза ихъ встрѣтились; онъ слабо кивнулъ головой.

— Во всякомъ случаѣ...—поспѣшно сказалъ онъ, стараясь подыскать что-нибудь успокоительное.—Если она увлечетъ его, нашъ маленькій міръ... Для него не будетъ возврата.

— Не будетъ возврата,—повторила она.—Но увѣрены ли вы...

— Что желаніе остается желаніемъ, а бездна бездной?—да.

— Я никогда не думала...—начала она и остановилась.—Я не понимаю, м-ръ Мельвилль,—продолжала она.—Я думала... Я сама не знаю, что̀ я думала. Я считала безразсуднымъ и легкомысленнымъ съ его стороны предаваться фантазіи. Я согласна съ вами въ томъ, что мы производимъ на него неодинаковое впечатлѣніе. Но это... это предположеніе, что она можетъ оказаться для него роковой... Въ концѣ концовъ она...

— Она ничего,—отвѣтилъ онъ.—Она лишь орудіе какой-то невидимой силы... Чего-то такого, чего мы никогда не находимъ въ жизни, но къ чему мы вѣчно стремимся.

— Что̀ же это такое?—спросила она.

Мельвилль ничего не отвѣтилъ. Она съ минуту испытующе смотрѣла ему въ лицо, потомъ вновь отвернулась къ окну.

— Хотите вы, чтобы онъ вернулся?—спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, что у меня до сихъ поръ не было этого желанія.

— А теперь?

— Да... Но если онъ не вернется?

— Онъ не вернется ради работы,—сказалъ Мельвилль.—Не вернется и ради самоуваженія или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Все это—лишь призраки. И дворецъ, который вы воздвигли для него,—призракъ. Но... онъ, можетъ быть, вернулся бы...

Мельвилль остановился. У него было смутное желаніе испугать, пробудить, оскорбить ее, чтобы вызвать въ ней вспышку страсти, которая могла бы спасти Чатриса, но въ эту минуту ему стало ясно, какъ безразсудны были такія мечты. Она стояла

передъ нимъ, какъ всегда, непреклонная, сдержанная, интеллигентная, полная добрыхъ намѣреній, но безсильная. Ея поза, ея лицо выражали лишь ясный и разумный протестъ противъ всего, что̀ съ ней случилось. Но вдругъ въ ней произошла перемѣна. Она подняла глаза, протянула впередъ обѣ руки, и въ глазахъ ея появилось выраженіе, какого онъ не видалъ у нея никогда раньше. Онъ машинально взялъ обѣ ея руки, и съ минуту они стояли такъ, глядя въ глаза другъ другу.

— Скажите ему,—сказала она съ удивительной простотой,—чтобы онъ вернулся ко мнѣ! Скажите ему это.

— Вы обѣщаете ему прощеніе?

— Нѣтъ! Скажите ему, что я люблю его. Если онъ не вернется ради этого, значитъ, онъ не вернется совсѣмъ. Если онъ не вернется ради этого,—она на минуту остановилась,—то я и не хочу, чтобы онъ вернулся. Нѣтъ, не хочу. Онъ не любитъ меня, и я возвращаю ему его свободу.

Онъ крѣпко сжалъ ея руки, и они отошли другъ отъ друга.

— Вы выразили готовность помочь намъ; это очень любезно съ вашей стороны,—сказала она, когда онъ повернулся, чтобы уйти.—Скажите ему что̀ хотите, лишь бы онъ вернулся!.. Нѣтъ! Передайте ему то, что̀ я сказала.

Онъ понялъ, что она хотѣла сказать еще что-то, и остановился.

— Знаете, м-ръ Мельвилль, все это для меня... словно незнакомая книга. Увѣрены ли вы... въ томъ, что̀ говорите,—увѣрены ли вы, что она можетъ имѣть для него такое значеніе, что если онъ пойдетъ за нею...

Она остановилась. Онъ кивнулъ головой.

— Это будетъ для него...—сказала она и вновь остановилась.

— Не приключеніе, не временное увлеченіе, но полный разрывъ со всѣмъ, что̀ можетъ дать эта жизнь.

— Вы думаете,—настаивала она,—вы думаете...

— Смерть,—рѣшительно сказалъ Мельвилль, и съ минуту оба они стояли, не говоря ни слова. Она вздрогнула, но не сводила съ него глазъ. Наконецъ она заговорила вновь.

— Скажите ему, чтобы онъ вернулся ко мнѣ, м-ръ Мельвилль. Или,—въ голосѣ ея вдругъ прозвучала страсть,—если у меня нѣтъ надъ нимъ власти, пусть онъ идетъ своей дорогой. Но если онъ любитъ меня, онъ вернется: а если нѣтъ... пусть онъ идетъ туда, куда его зовутъ его мечты!

Онъ понялъ по ея лицу, что она не скажетъ ничего больше, что это ея послѣднее слово. Онъ вновь повернулся къ лѣстницѣ, еще разъ взглянулъ на нее и сталъ спускаться.

На поворотѣ онъ снова оглянулся; она все еще стояла на томъ же мѣстѣ. Ему захотѣлось какъ-нибудь высказать ей свое сочувствіе, но онъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ только сказать: „Я сдѣлаю все, что̀ могу". — И съ этимъ онъ оставилъ ее и отправился разыскивать Чатриса.

XXIII.

Онъ замѣтилъ его уже издали. Опершись на перила, Чатрисъ задумчиво смотрѣлъ внизъ. Почувствовавъ на своемъ плечѣ руку Мельвилля, онъ вздрогнулъ. Они поздоровались.

— Дѣло въ томъ,—началъ Мельвилль,—что меня... просили поговорить съ вами.

— Не оправдывайтесь,—отвѣтилъ Чатрисъ.—Я радъ объясниться съ кѣмъ-нибудь.

Наступило короткое молчаніе. Они стояли другъ подлѣ друга, глядя на гавань. Гдѣ-то далеко позади играла музыка; темныя фигуры гуляющихъ двигались взадъ и впередъ при свѣтѣ электрическихъ фонарей. Чатрисъ, очевидно, рѣшилъ играть роль свѣтскаго человѣка.

— Чудная ночь,—сказалъ онъ.

— Удивительная,—отвѣтилъ ему въ тонъ Мельвилль.

Онъ вынулъ сигару и обрѣзалъ ее.—Вы хотѣли узнать отъ меня кое-что...

— Я все знаю,—отвѣтилъ Чатрисъ, отворачиваясь отъ Мельвилля, который становился навязчивымъ.

— Вы видѣлись и говорили съ ней?

— Нѣсколько разъ.

Наступило минутное молчаніе.

— Что̀ вы намѣрены дѣлать?—спросилъ Мельвилль.

Чатрисъ ничего не отвѣтилъ, и Мельвилль не повторилъ своего вопроса. Наконецъ Чатрисъ повернулся.—Пройдемтесь,—сказалъ онъ, и они двинулись по направленію къ западу.

— Мнѣ очень жаль, что я причинилъ всѣмъ столько непріятностей,—началъ онъ, очевидно, повторяя заранѣе приготовленную рѣчь.—Нѣтъ сомнѣнія, что я поступилъ какъ оселъ. Я глубоко жалѣю объ этомъ. Въ значительной мѣрѣ вина падаетъ на меня. Но что касается открытаго скандала, то тутъ извѣстнаго порицанія заслуживаетъ и нашъ общій другъ, м-съ Бентингъ.

— Боюсь, что да,—согласился Мельвилль.

— Бываютъ моменты, когда невозможно избавиться отъ извѣстнаго настроенія. Разсужденія тутъ не помогаютъ.

— Сдѣланнаго не воротишь.

— Вы знаете, что Аделина, повидимому, съ самаго начала противилась присутствію... этой Морской Дѣвы. М-съ Бентингъ одержала верхъ. Потомъ, когда начались непріятности, она повидимому постаралась загладить свою ошибку.

— Я не зналъ, что миссъ Глендоверъ дѣлала какія-нибудь возраженія.

— Да, да. Она словно предвидѣла все. Конечно, это нисколько не извиняетъ меня. Но это нѣсколько оправдываетъ то, что васъ впутали въ эту непріятность.

Онъ пробормоталъ еще что-то о „глупыхъ непріятностяхъ" и „частныхъ дѣлахъ".

Они подошли между тѣмъ ближе къ оркестру и толпѣ гуляющихъ. На встрѣчу имъ неслась веселая мелодія. До слуха ихъ доносились голоса и обрывки разговоровъ.

— Я бы прервала съ нимъ всякія сношенія послѣ этого,— сказала какая-то молодая дѣвушка своей пріятельницѣ.

— Уйдемте отсюда,—отрывисто сказалъ Чатрисъ.

Они свернули съ широкой дороги и направились по одной изъ тѣхъ тропинокъ, которыя ведутъ внизъ, къ морю. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ всѣ эти величественные фасады съ лѣпными украшеніями, многоэтажныя гостинницы, электрическіе фонари, оркестръ музыки и смѣшанная праздничная публика совершенно исчезли у нихъ изъ виду. Это глубокое спокойствіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шумной толпы представляетъ одну изъ главныхъ прелестей Фолькстона. Они не слышали даже музыки; только изрѣдка доносились до нихъ отдѣльные слабые звуки. На морѣ тамъ и сямъ виднѣлись огни кораблей. На западѣ, подобно рою свѣтлячковъ, блестѣли огни Гита. Чатрисъ и Мельвилль опустились на свободную скамейку. Оба они молчали. Чатрисъ, казалось, держался на сторожѣ.—„Я бы прервала съ нимъ всякія сношенія послѣ этого",—пробормоталъ онъ въ полголоса.

— Я готовъ допустить, что былъ неправъ,—сказалъ онъ вслухъ,—что я выказалъ непростительную слабость. Въ такихъ вопросахъ существуетъ только одинъ, вполнѣ опредѣленный, путь. Колебаться, имѣть двѣ различныя точки зрѣнія—это значитъ заслужить порицаніе всѣхъ здравомыслящихъ людей... Но что же дѣлать... если эти двѣ различныя точки зрѣнія все-таки существуютъ... Вы сейчасъ изъ Сандгета?

— Да.

— Вы видѣли миссъ Глендоверъ?

— Да.

— И говорили съ ней?.. Чтò вы о ней думаете?

Глаза его задумчиво остановились на лицѣ Мельвилля, подыскивавшаго подходящій отвѣтъ.

— Я никогда не думалъ... я никогда раньше не считалъ ее особенно привлекательной. Милой,—да, но не плѣнительной. Но сегодня она показалась мнѣ... прямо великолѣпной.

— Такъ оно и есть,—сказалъ Чатрисъ,—такъ оно и есть. Вы только теперь начинаете понимать ее. Вы не знаете этой дѣвушки. Она не совсѣмъ... въ вашемъ духѣ. Увѣряю васъ, что мнѣ никогда не приходилось встрѣчать такого прямого и чистаго существа. Она такъ твердо вѣритъ, такъ просто творитъ добро, въ ней столько доброжелательности...

Онъ не докончилъ своей фразы, словно она и такъ вполнѣ выражала его мысль.

— Она проситъ, чтобы вы вернулись къ ней,—сказалъ Мельвилль.

— Я знаю,—сказалъ Чатрисъ, сбрасывая пепелъ съ сигары. —Она писала мнѣ... Въ этомъ-то и проявляется вся ея натура. Она не кокетничаетъ и не заигрываетъ, какъ другія женщины. Она не говоритъ, что я оскорбилъ ее или что-нибудь въ этомъ родѣ; она не умоляетъ меня вернуться къ ней ради самого Создателя. Она не скажетъ: „я бы прервала съ нимъ всякія сношенія послѣ этого". Она пишетъ все какъ есть. Мнѣ кажется, Мельвилль, я до сихъ поръ не зналъ ея. Нѣкоторыя стороны ея характера проявляются только теперь... До того, въ нашихъ отношеніяхъ, какъ вы сказали, было слишкомъ много статистики... я это сознавалъ все время.

Онъ впалъ въ задумчивость; сигара его еще слегка тлѣла и наконецъ совершенно погасла.

— Вы вернетесь?

— Клянусь Богомъ,—*да*!

Мельвилль не могъ подавить нѣкотораго волненія. Оба они нѣкоторое время, не двигаясь, сидѣли другъ подлѣ друга. Вдругъ Чатрисъ бросилъ въ сторону свою погасшую сигару. Казалось, этимъ жестомъ онъ отбрасывалъ отъ себя еще многое другое.— Конечно, вернусь,—сказалъ онъ.

— Не я виноватъ въ этихъ непріятностяхъ, въ этомъ разрывѣ,—продолжалъ онъ;—я былъ разстроенъ, озабоченъ... я, быть можетъ, и забралъ себѣ въ голову что-нибудь лишнее. Но если бы меня оставили одного... А тутъ меня прямо толкали на это.

— Это непріятное положеніе,—сказалъ Мельвилль.—Но я, быть можетъ, понимаю руководящіе вами мотивы лучше, чѣмъ вы думаете.

— Они, кажется, очень просты.

Онъ не сразу рѣшился приступить къ этой опасной темѣ.

— Та, другая...—сказалъ онъ.

Молчаніе Мельвилля, казалось, побуждало его продолжать. Онъ отбросилъ въ сторону осторожность.—Что̀ это такое? Зачѣмъ... это существо... вторглось въ мою жизнь? Зачѣмъ она сбила меня съ пути? Все перевернуто вверхъ дномъ. Она завладѣла моимъ воображеніемъ. Но какимъ образомъ? Я не могу этого понять.

— Она красива,—сказалъ Мельвилль.

— Красива, конечно. Но и миссъ Глендоверъ красива.

— Она очень красива. Я не слѣпъ, Чатрисъ. Это—другая красота.

— Да, но это ничего не объясняетъ. Почему она красива?

Мельвилль пожалъ плечами.

— Она не всѣмъ кажется красивой. Бентингъ, напримѣръ, вполнѣ равнодушенъ къ ней. И другіе, повидимому, не воспринимаютъ ея красоты... такъ, какъ я. Есть люди, на которыхъ красота вообще не дѣйствуетъ такъ, какъ на насъ. Она не волнуетъ ихъ.

— Почему же она волнуетъ насъ?

— У насъ... болѣе тонкое зрѣніе.

— Такъ ли? Можно-ли назвать такое зрѣніе болѣе тонкимъ, если оно оказывается для насъ роковымъ? Почему красота не производитъ на всѣхъ одинаковаго впечатлѣнія? Попробуйте разобрать это, Мельвиль. Почему *ея* улыбка кажется мнѣ такой очаровательной, почему *ея* голосъ трогаетъ меня? Почему *она*, а не Аделина? У Аделины честные, правдивые, открытые глаза; въ чемъ тутъ можетъ быть разница? Другой разрѣзъ глазъ, безконечно малая разница въ рѣсницахъ... и это такъ мѣняетъ все. Кто можетъ измѣрить эту разницу, кто можетъ опредѣлить ту особенность, которая заставляетъ меня терять голову при звукѣ ея голоса?.. Разницу? Въ концѣ концовъ это вещь видимая, осязаемая! Я вижу ее своими глазами. Клянусь Богомъ!—Онъ вдругъ разсмѣялся.—Представьте себѣ Гельмгольца, измѣряющаго эту разницу своими резонаторами, или Спенсера, объясняющаго ее идеей эволюціи.

— Эти вещи не поддаются измѣренію,—сказалъ Мельвилль.

— Но ихъ можно измѣрить по силѣ производимаго ими впе-

чатлѣнія,—сказалъ Чатрисъ.—И какъ бы тамъ ни было, почему они имѣютъ на насъ такое вліяніе? Я не могу отдѣлаться отъ этого вопроса.

Кузенъ мой, засунувъ руки въ карманы, очевидно размышлялъ.

— Это иллюзія, — сказалъ онъ. — Своего рода колдовство. Постарайтесь взглянуть на дѣло трезво. Кто она? Что̀ она можетъ дать вамъ! Она обѣщаетъ вамъ что-то неопредѣленное... Это ловушка, обманъ. Она представляетъ собою прекрасную маску...—Онъ остановился.

— Продолжайте, — сказалъ Чатрисъ послѣ короткаго молчанія.

— Для васъ, какъ и для всего живущаго, она означаетъ... смерть...

— Да,—я знаю,—сказалъ Чатрисъ.—Знаю,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Вы не можете сообщить мнѣ ничего новаго объ этомъ,— но почему... почему лицо смерти такъ прекрасно! Въ концѣ концовъ... мы составляемъ себѣ понятіе о долгѣ путемъ разсужденій. Но почему разумъ и справедливость должны стоять выше всего? Быть можетъ, существуютъ вещи, стоящія выше разума; быть можетъ, и желанія имѣютъ надъ нами свои права?

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на Мельвилля.

— Мнѣ кажется, что желанія *имѣютъ* свои права,—задумчиво отвѣтилъ мой кузенъ. — Красота во всякомъ случаѣ... Я хочу сказать, что мы—люди. Нашъ умъ развивается изъ насъ самихъ. Насъ окружаетъ съ одной стороны полный чудесъ матеріальный міръ, съ другой—мы стремимся къ чему-то высшему... —Онъ остановился, недовольный этимъ сравненіемъ.—Человѣкъ представляетъ собой какъ-бы промежуточную станцію... онъ долженъ идти на компромиссы.

— Что̀ вы и дѣлаете?

— Да, я стараюсь поддерживать равновѣсіе.

— Нѣсколько старыхъ гравюръ, нѣкоторая роскошь въ обстановкѣ, цвѣты и другія мелочи, не превышающія вашихъ средствъ, предметы искусства—въ умѣренномъ количествѣ, извѣстное уваженіе къ правдѣ и исполненіе долга—тоже въ умѣренной степени. Такъ! Но я не могу удерживать равновѣсія даже въ этомъ отношеніи. Я не могу довольствоваться этой будничной жизнью, не могу во всемъ соблюдать умѣренность, меня не удовлетворяетъ посредственная красота. Искусство!.. Я, должно быть, ненасытенъ, я—одинъ изъ тѣхъ, которые не под-

ходятъ для цивилизованнаго общества. Я уже во второй разъ рѣшаю довольствоваться только тѣмъ, что̀ здорово и благоразумно... Но это не для меня. Это не для меня,—повторилъ онъ. —Впрочемъ, что̀ пользы говорить объ этомъ! Вдаваясь въ эти разсужденія, я просто стараюсь выставить въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ все дѣло. Между тѣмъ я вовсе не хотѣлъ оправдываться. Мнѣ предстоитъ выборъ: или жизнь съ Аделиной, или эта женщина съ моря...

— Которая несетъ вамъ смерть.

— Кто это можетъ знать?

— Но вы сказали, что вашъ выборъ уже сдѣланъ.

— Да.—Казалось, онъ старался что-то припомнить.—Да,— повторилъ онъ.—Я уже сказалъ вамъ. Завтра я отправлюсь къ миссъ Глендоверъ. Да.—Онъ, повидимому, вспомнилъ остальную часть своей заранѣе приготовленной рѣчи.—Дѣло въ томъ, что мнѣ недостаетъ дисциплины, я долженъ выработать въ себѣ настойчивость, долженъ научиться не уклоняться въ сторону и не предаваться мечтамъ. Дисциплина!

— И трудъ.

— Трудъ, если хотите; это одно и то же. До сихъ поръ я не работалъ достаточно усидчиво. Я позволялъ себѣ и развлеченія. Я входилъ въ компромиссы и увлекся... Я рѣшилъ отказаться отъ этого,—вотъ и все.

— Но вы не должны считать свою работу презрѣнной.

— О, нѣтъ. Это трудная, тяжелая работа. Она имѣетъ свои непріятныя минуты. Приходится не только взбираться на крутизны, но проходить и болотистыя мѣста...

— Міръ нуждается въ вождяхъ, и человѣку съ вашимъ положеніемъ онъ даетъ очень много: свободу, почести, высокія традиціи...

— И въ свою очередь ждетъ за это отплаты. Я знаю. Я не правъ, или во всякомъ случаѣ былъ неправъ. Эта мечта такъ завладѣла мной... Я долженъ отречься отъ нея. Въ концѣ концовъ, отречься отъ мечты ужъ не такъ трудно. Это значитъ только рѣшиться жить. Человѣкъ можетъ найти себѣ достойное дѣло въ жизни.

— Если въ вашей жизни и нѣтъ Венеры, то остается еще архангелъ Михаилъ со своимъ мечомъ.

— Грозный ангелъ въ вооруженіи! Но ему приходится бороться съ живымъ дракономъ, а не съ собственными желаніями. А намъ приходится какъ-нибудь раздѣлаться съ драконами и такъ или иначе добиваться лучшихъ условій для рабочихъ классовъ,—выплатить имъ то, что̀ мы имъ должны.

Мельвилль не ожидалъ такого вывода изъ своего замѣчанія.

— Нѣтъ,—продолжалъ Чатрисъ,—у меня нѣтъ сомнѣній относительно выбора. Я займу свое мѣсто въ этой великой борьбѣ за будущее, которая придаетъ смыслъ всей жизни. Я долженъ отрезвиться, мнѣ нуженъ холодный душъ. Пора положить конецъ всѣмъ этимъ мечтамъ и желаніямъ. Я распредѣлю свое время, я подчиню свою жизнь опредѣленнымъ правиламъ, я устремлюсь въ борьбу, я весь отдамся служенію дѣлу, какъ подобаетъ человѣку. Работа, борьба и прогрессъ!

— И васъ будетъ поддерживать миссъ Глендоверъ.

— Конечно!—сказалъ Чатрисъ, и въ голосѣ его прозвучала какая-то неискренняя нота. — Способная, высокая, съ открытымъ взглядомъ. Клянусь Богомъ! Если не Венера, то во всякомъ случаѣ Аѳина-Паллада. Это она играетъ роль примирительницы.

И вдругъ, къ глубокому изумленію Мельвилля, онъ прибавилъ:—Это было бы совсѣмъ не такъ плохо.

Мельвилль съ трудомъ удержался отъ нетерпѣливаго движенія.

— Сомнѣній нѣтъ, рѣшеніе принято,—продолжалъ Чатрисъ. —Я выдержалъ борьбу и рѣшилъ сбросить съ себя все это. Я не болѣе, какъ человѣкъ, и долженъ жить жизнью, которая предназначена человѣку. Насъ манитъ къ себѣ идеалъ, этотъ свѣточъ и путеводный огонь всего міра, этотъ маякъ, горящій на далекой косѣ. Пусть онъ горитъ! Пусть онъ горитъ! Дорога ведетъ къ нему, проходитъ мимо и... уходитъ дальше... Мой выборъ сдѣланъ. Я рѣшилъ остаться человѣкомъ, я рѣшилъ жить и умереть человѣкомъ и нести на себѣ тяжести своего класса и своего времени. Я увлекся мечтой, но вы видите, что разумъ восторжествовалъ. И несмотря на горящій во мнѣ пламень, я отрекаюсь отъ этой мечты. Жребій брошенъ... Отреченіе! Вѣчно—одно отреченіе! Вотъ что̀ представляетъ жизнь для всѣхъ насъ. Желанія существуютъ только для того, чтобы отказываться отъ нихъ, чувства—чтобы подавлять ихъ. Мы не можемъ жить полной жизнью. Почему же *мнѣ* быть исключеніемъ? Для меня она—зло. Она несетъ мнѣ смерть...

„Но зачѣмъ видѣлъ я ея лицо? Зачѣмъ слышалъ я ея голосъ“!..

XXIV.

Они вышли изъ темноты и стали подниматься по длинной, отлогой тропинкѣ, ведущей къ Сандгету; вдали показался рядъ огней. Дойдя до вершины, они направились къ висѣвшей надъ

моремъ скалѣ; издали до нихъ доносились неясные звуки музыки. Съ минуту они молча стояли другъ подлѣ друга, устремивъ глаза внизъ. Мельвилль, повидимому, угадалъ мысли своего собесѣдника.

— Почему бы вамъ не отправиться туда сейчасъ? — спросилъ онъ.

— Въ такую ночь!—Чатрисъ вдругъ обернулся и окинулъ взглядомъ море и падавшую на него полосу луннаго свѣта. Нѣкоторое время онъ стоялъ такъ молча, не двигаясь съ мѣста; холодное лунное сіяніе придавало какую-то обманчивую выразительность его лицу.—Нѣтъ,—сказалъ онъ наконецъ, и слово это прозвучало какъ вздохъ.

— Подите къ ней. Положите конецъ этому. Она навѣрное думаетъ теперь о васъ...

— Нѣтъ,—сказалъ Чатрисъ,—нѣтъ.

— Еще нѣтъ десяти,—вновь попытался уговорить его Мельвилль.

Чатрисъ съ минуту подумалъ.—Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—не сегодня. Завтра, при свѣтѣ дня. Хорошо, если это будетъ сѣрый, пасмурный день съ юго-западнымъ вѣтромъ... Эти тихія, мягкія ночи! Неужели вы думаете, что я могу сдѣлать что-нибудь подобное въ такую ночь?

И уже про себя онъ вновь пробормоталъ:—„Отреченіе".

— Клянусь Богомъ!—вдругъ воскликнулъ онъ:—это какая-то волшебная ночь! Посмотрите на эти освѣщенныя окна и взгляните потомъ наверхъ... въ далекія, безпредѣльныя небеса! Вонъ тамъ, словно угасая въ лунномъ сіяніи, свѣтитъ одна звѣзда...

Только съ громаднымъ трудомъ удалось мнѣ разузнать то, что случилось послѣ этого. Разставаясь съ Чатрисомъ, Мельвилль вполнѣ вѣрилъ въ искренность принятаго имъ рѣшенія. Но вдругъ ему пришло въ голову, что оставалось еще существо, не считавшееся ни съ какими рѣшеніями; онъ совсѣмъ забылъ о Морской Дѣвѣ. Что она намѣрена была дѣлать? Эта мысль вновь вызвала въ немъ сильнѣйшую тревогу. Она заставила его вернуться назадъ къ гостинницѣ Леммиджа.

Чатрисъ и Мельвилль вмѣстѣ вернулись къ „Метрополю" и, крѣпко пожавъ другъ другу руки, распростились у дверей гостинницы. Чатрисъ, какъ показалось Мельвиллю, тутъ же поднялся на верхъ. Мельвилль былъ занятъ собственными мыслями и въ глубокой задумчивости отправился домой. Позднѣе, когда ему пришло въ голову, что Морская Дѣва съ своей стороны

способна была совершенно игнорировать отреченіе Чатриса, онъ, какъ я уже сказалъ, вернулся назадъ. Но прогулка передъ окнами гостинницы Леммиджа только привела его къ убѣжденію, что эта гостинница чрезвычайно похожа на другія гостинницы того же класса. Окна ея не выдавали тайнъ. На этомъ оканчивается разсказъ Мельвилля.

Вмѣстѣ съ этимъ должны окончиться и мои подробные мемуары. Существуютъ, конечно, нѣкоторые другіе источники. Главнѣйшіе изъ этихъ источниковъ — Гугъ, лакей, прислуживавшій Чатрису, и швейцаръ гостинницы Леммиджа.

Показанія лакея отличаются большой точностью. Въ четверть двѣнадцатаго онъ поднялся наверхъ спросить Чатриса, не нужно ли ему еще чего-нибудь, и засталъ его сидящимъ въ креслѣ передъ открытымъ окномъ, съ подпертой руками головой и устремленнымъ вдаль взглядомъ.

— Не нужно ли мнѣ чего?—повторилъ Чатрисъ.

— Да, сударь,—отвѣтилъ лакей.

— Ничего,—отвѣтилъ Чатрисъ,—рѣшительно ничего.

Удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, лакей пожелалъ ему спокойной ночи и удалился.

Чатрисъ, повидимому, оставался въ такомъ положеніи еще довольно долго — съ полчаса или больше. Но мало-по-малу въ настроеніи его, должно быть, произошла перемѣна. Спокойныя размышленія, очевидно, уступили мѣсто какой-то лихорадочной дѣятельности, словно истерической реакціи противъ принятыхъ имъ рѣшеній. Первое его дѣйствіе кажется мнѣ прямо смѣшнымъ. Онъ отправился въ свою уборную, и на другое утро „платья его“, по словамъ лакея, „были найдены разбросанными въ величайшемъ безпорядкѣ“. Этотъ несчастный поклонникъ красоты и грёзъ... брился! Онъ выбрился, умылся и причесался, и одна изъ щетокъ, какъ разсказывалъ его лакей, была найдена на другой день валявшеюся за кроватью. Но и это бросаніе щетками, на мой взглядъ, ничуть не извиняетъ его жалкихъ заботъ о туалетѣ. Онъ перемѣнилъ свой сѣрый костюмъ, который шелъ ему очень къ лицу, на бѣлый, который шелъ къ нему еще лучше. Онъ, очевидно, обдуманно и вполнѣ сознательно „принарядился“.

И увѣнчавъ свое „отреченіе“ всей этой процедурой, онъ, повидимому, не колеблясь, отправился въ гостинницу Леммиджа и спросилъ тамъ Морскую Дѣву.

Она уже спала.

Отвѣтъ этотъ исходилъ отъ Паркеръ и былъ переданъ Чатрису швейцаромъ.

— Скажите ей, что я здѣсь,—сказалъ Чатрисъ, сопровождая свои слова ругательствомъ.

— Она спитъ,—отвѣтилъ швейцаръ оффиціальнымъ тономъ.

— Скажете вы ей, что я здѣсь? — воскликнулъ Чатрисъ, внезапно блѣднѣя.

— Ваше имя, сударь?—спросилъ швейцаръ, стараясь прежде всего избѣжать шума.

— Чатрисъ. Скажите, что мнѣ нужно ее видѣть сейчасъ. Понимаете,—*сейчасъ*!

Швейцаръ отправился къ Паркеръ, но, не дойдя до верху, остановился. Въ эту минуту онъ искренно желалъ бы не быть швейцаромъ. Управляющаго не было дома, часъ былъ поздній. Наконецъ онъ рѣшился вновь попытать счастья у Паркеръ; говоря съ ней, онъ возвысилъ голосъ.

Морская Дѣва, очевидно, услышавъ шумъ, позвала Паркеръ. Наступило молчаніе.

Морская Дѣва, какъ я догадываюсь, накинула на себя свободное платье, и вѣрная Паркеръ помогла ей перейти изъ спальни на кушетку, стоявшую въ небольшой гостиной. Швейцаръ между тѣмъ стоялъ на лѣстницѣ, моля Бога, чтобы скорѣе явился управляющій. Вдругъ передъ нимъ появилась Паркеръ; она казалась слегка раскраснѣвшейся, но держала себя такъ, словно во всемъ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Миссъ Уотерсъ готова была принять м-ра Чатриса на нѣсколько минутъ. И Чатрисъ, блѣдный и рѣшительный, поднялся наверхъ, къ ожидавшей его Морской Дѣвѣ. Никто, кромѣ Паркеръ, не видѣлъ ихъ встрѣчи, — Паркеръ же навѣрное не устояла противъ желанія посмотрѣть на это; но Паркеръ молчалива, и ничто не можетъ сломить ея молчанія.

Все, что̀ мнѣ извѣстно, исходитъ отъ швейцара.—Когда я передалъ ему, что она ждетъ его, — разсказываетъ онъ, — онъ бросился наверхъ съ неприличной поспѣшностью.—Это семейная гостинница. Конечно, и здѣсь иногда приходится кое-что видѣть, но... Я не могъ найти управляющаго, чтобы разсказать ему объ этомъ. И что̀ же *мнѣ* было дѣлать? Съ минуту они говорили при открытыхъ дверяхъ, но затѣмъ дверь закрылась. Объ этомъ, должно быть, позаботилась ея горничная.

Я позволилъ себѣ нескромный вопросъ.

— Не могъ разобрать ни слова,—отвѣтилъ швейцаръ.—Они говорили шопотомъ.

Было десять минутъ перваго, когда Паркеръ, сохраняя свое обычное достоинство, спустилась внизъ, попросить кресло.

— Я вывезъ его,—разсказывалъ швейцаръ съ неподражае-

мымъ глубокомысліемъ. И предоставивъ мнѣ вполнѣ оцѣнить это сообщеніе, прибавилъ:—Но они не воспользовались имъ! Онъ снесъ ее внизъ на рукахъ. И вынесъ изъ гостинницы.

Замѣчанія, сдѣланныя имъ по адресу Морской Дѣвы, къ сожалѣнію, отличались нѣкоторой туманностью. На ней, повидимому, было свободное платье, и она „походила на статую",—не знаю только, что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать. Не была же она безстрастна. „Но она выглядѣла веселой", — разсказывалъ онъ дальше. Одна рука была обнажена, и чудные золотистые волосы падали внизъ по плечамъ.

— Онъ имѣлъ видъ человѣка, взвинтившаго самого себя. Она одной рукой держала его за голову,—да, держала̀ его за голову, перебирая пальцами его волосы... Увидѣвъ меня, она откинула назадъ голову и расхохоталась. Словно хотѣла сказать: „Ищите его теперь!"—Такъ и покатилась.

Съ минуту я стоялъ, стараясь представить себѣ эту необыкновенную картину. Вдругъ меня заинтересовалъ одинъ вопросъ:

— А *онъ* смѣялся?—спросилъ я.

— Помилуй Богъ, сударь,—смѣяться! *Нѣтъ*!

Происшествіе закончилось внѣ гостинницы Леммиджа, подъ открытымъ небомъ. Передъ нами разстилается широкій, пустынный морской берегъ, весь залитый электрическимъ свѣтомъ. Вдали вырисовываются темныя очертанія скалы, висящей надъ самымъ моремъ. Еще дальше, залитый луннымъ сіяніемъ, блестятъ Ламаншъ и его безчисленные корабли.

На самомъ высокомъ пунктѣ этого побережья стоитъ маленькая бесѣдка, въ которой въ зимній сезонъ играетъ струнный оркестръ. Крутыя ступеньки ведутъ оттуда на нижнюю дорогу. По этимъ ступенькамъ они, должно быть, спустились внизъ, спѣша покинуть эту земную жизнь и стремясь на встрѣчу невѣдомому и таинственному. Въ такомъ видѣ представляются они мнѣ; и хотя онъ и не расположенъ былъ смѣяться, на лицѣ его не было ни выраженія сомнѣнія, ни покорности. Онъ наконецъ нашелъ самъ себя, онъ былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ въ себѣ, а это сознаніе не можетъ причинять страданій, хотя оно и привело его быстрыми шагами къ смерти.

Они спускались внизъ, залитые кроткимъ серебристымъ луннымъ сіяніемъ; онъ несъ ее на рукахъ, прильнувъ головой къ ея плечу, и густая масса ея волосъ падала ему на лицо. Она, должно быть, улыбалась ему, ласкала его и что-то нашептывала ему на ухо. На минуту ихъ освѣтилъ яркій свѣтъ фонаря, стоящаго на этомъ спускѣ, на полдорогѣ отъ моря; затѣмъ они по-

грузились въ темноту. Онъ перешелъ съ нею черезъ дорогу, испещренную причудливыми узорами проходящаго черезъ листву деревьевъ луннаго свѣта, и, миновавъ кусты и кустарники, вышелъ къ открытому морю. Никто не видѣлъ этого разставанія съ жизнью, никто не можетъ сказать, оглянулся ли онъ назадъ, прежде чѣмъ войти въ воду, уплыть отъ берега и навѣки исчезнуть изъ вида людей.

Оглянулся ли онъ назадъ? Нѣкоторое время они плыли вмѣстѣ, этотъ человѣкъ и явившаяся за нимъ обитательница моря; надъ ними разстилалось далекое небо, со всѣхъ сторонъ ихъ окружала вода, полная проникавшаго въ нее луннаго свѣта. Они плыли впередъ на встрѣчу неизвѣстному, и у него не было времени подумать о правдѣ и объ оставленныхъ имъ позади обязанностяхъ. О послѣднихъ его минутахъ я могу лишь строить догадки. Напалъ ли на него внезапный ужасъ, понялъ ли онъ подъ конецъ свою непоправимую ошибку? И увлекла ли она его внизъ, въ неизвѣданную глубину, помимо его воли и желаній? Или же она до послѣдней минуты завлекала его своими ласками и, обвивъ руками его шею, тихо стянула его внизъ въ состояніи какого-то экстаза передъ наступающей смертью, пока не сомкнулись надъ нимъ тихія воды?

Мы не можемъ проникнуть въ эту тайну, и на берегу тихо вздымающагося моря должна окончиться исторія Чатриса. На всей южной половинѣ неба блестѣла лишь одна звѣзда; заходящая луна бросала еще полосу дрожащаго свѣта, ложившуюся на море и на противоположную темную часть неба. Темнота по обѣ стороны этой блестящей полосы по временамъ прорѣзывалась минутными вспышками фосфоресценціи; вдали ярко блестѣли огни кораблей. По фосфоресцирующимъ волнамъ, то всплывая вверхъ, то вновь погружаясь въ темноту, медленно скользило рыболовное судно. Далеко на западѣ виднѣлась полоса краснаго свѣта, а съ востока темную половину неба освѣщало сіяніе громаднаго маяка, то-и-дѣло исчезавшее и вновь появлявшееся.

И въ этомъ непрерывномъ угасаніи свѣта мнѣ мерещится нѣмой вопросъ, пытающійся проникнуть въ тайну спокойной ясной ночи.

Съ англ. Ел. Б.

РЕДАКЦІОННАЯ КОММИССІЯ

по

ПЕРЕСМОТРУ „ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ“

I.

14-го января 1902 года, по Высочайшему повелѣнію, объявлено было во всеобщее свѣдѣніе, что задачею предстоящей законодательной работы по пересмотру Положенія о крестьянахъ признано необходимымъ „поставить измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе“...

Такая широкая постановка вопроса и такія перспективы въ духѣ гуманныхъ началъ величайшаго законодательнаго акта открыты были для призванной въ іюнѣ того же года къ осуществленію и подготовкѣ законодательной реформы редакціонной коммиссіи: свобода личности, свобода труда, свобода самоуправленія—вотъ тѣ гуманнѣйшія начала, которыя безспорно одухотворяютъ одинъ изъ самыхъ выдающихся сборниковъ законодательства Царя-Освободителя, сообщившій всей эпохѣ свое историческое значеніе и наименованіе „освободительной“.

„Устраненіе всеобщаго произвола, отвѣтственность мѣстныхъ властей, гласность судопроизводства, самостоятельность земледѣльческихъ обществъ, право участвовать въ дѣлахъ мѣстнаго управленія не въ

видѣ чиновниковъ, а представителей сословія, вотъ тѣ вѣрныя гарантіи, которыя однѣ только могутъ обезпечить благосостояніе помѣщиковъ и вообще землевладѣльцевъ и принести существенную пользу государству";—такъ писалъ рязанскій губернскій комитетъ въ своемъ проектѣ Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ рязанской губерніи. „Произволъ и безотвѣтственность власти помѣщика составляютъ темную сторону крѣпостного права, въ силу которой оно и уничтожается; слѣдовательно, главною цѣлью реформы должно быть уничтоженіе произвола и учрежденіе отвѣтственныхъ властей. Главное начало, на которомъ можетъ быть устроено наше мѣстное управленіе, есть самостоятельность общества, выражающаяся въ правѣ выборовъ безъ контроля мѣстныхъ властей, въ назначеніи средствъ на расходы и въ контролѣ по употребленію средствъ. Управленіе мѣстными интересами должно быть передано мѣстнымъ жителямъ".

„Общество извѣстной мѣстности, управляясь само собою,—такъ продолжаетъ комитетъ,—несетъ и отвѣтственность; злоупотребленія и недостатки исправляются по мѣрѣ возможности и нѣтъ повода къ неудовольствіямъ. Народъ, не участвуя въ управленіи, лишенный всякихъ средствъ отвратить зло, которое его окружаетъ, приходитъ къ равнодушію, этой первой ступени общественной деморализаціи. Равнодушіе у насъ достигло теперь уже большихъ размѣровъ, ибо мы даже не пользуемся предоставленными намъ закономъ правами. Чтобы искоренить зло, чтобы всѣхъ и каждаго призвать къ общественной дѣятельности, чтобы всѣхъ сдѣлать причастными общественной жизни и устроить управленіе для блага управляемыхъ, а не для выгодъ управляющихъ, необходимо вызвать мѣстныя народныя силы и отдать на ихъ попеченіе всѣ мѣстные интересы. Второе начало, вытекающее изъ перваго, есть установленіе инстанцій мѣстнаго управленія и пріисканіе для того единицъ не вымышленныхъ, а живыхъ. Кругъ дѣйствія общей государственной централизаціи долженъ быть ограниченъ только дѣлами общаго государственнаго интереса и пользы; вмѣшательство же центральной власти во внутреннюю жизнь страны не только не приноситъ пользы, а вредъ, ибо главнымъ ея органамъ недоступны всѣ обыденные интересы каждой мѣстности, неизвѣстны всѣ мѣстныя условія, и потому всѣ предписанія объ управленіи этими интересами составляются въ общихъ фразахъ, ничего не рѣшающихъ и предоставляющихъ мѣстнымъ исполнителямъ обширное поле для произвольнаго толкованія. Отсюда источникъ всѣхъ злоупотребленій, отсюда всеобщее равнодушіе управляемыхъ, отсюда всеобщій ропотъ неудовольствія. Третье начало есть довѣріе къ административнымъ органамъ, а потому учрежденіе мѣстнаго управленія черезъ посредство избранныхъ сословіями лицъ и отвѣтственность ихъ передъ изби-

рателями. Четвертое начало—есть точное разграниченіе властей административной, полицейской и судебной. Въ настоящее время переворота и при совершенномъ сліяніи всѣхъ властей, отдѣленіе ихъ не представляется возможнымъ, но нельзя не имѣть этого въ виду при окончательномъ устройствѣ управленія... На этихъ общихъ соображеніяхъ и построено образованіе сельскихъ обществъ" [1]).

Итакъ, самостоятельность выборнаго общественнаго управленія, точное разграниченіе сферы дѣйствій мѣстныхъ выборныхъ и центральныхъ бюрократическихъ органовъ и наконецъ раздѣленіе властей административныхъ и судебныхъ—вотъ главныя начала реформы сельскаго управленія, указанныя рязанскимъ комитетомъ. Мы остановились на нихъ подробно, ибо знаемъ, какъ гармонировала съ этими основными началами, высказанными людьми жизни, вся послѣдующая законодательная дѣятельность въ области крестьянскаго общественнаго управленія, земскаго самоуправленія и суда. Начала эти самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ соединены съ началами Положенія 19-го февраля; они-то именно и составляютъ духъ этого законодательнаго акта, подобно тому, какъ само это положеніе, такъ сказать, воплощаетъ въ себѣ и олицетворяетъ собой все существо освободительной эпохи.

Какъ же выполнила современная намъ редакціонная коммиссія предначертанную ей задачу по пересмотру крестьянскихъ узаконеній „*на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года*"? Въ оффиціальныхъ изданіяхъ опубликованъ очеркъ работъ этой коммиссіи во всеобщее свѣдѣніе. Составленные ею проекты должны быть переданы на всестороннее обсужденіе губернскихъ комитетовъ. А потому позволительно и въ высшей степени интересно, полагаемъ, подробно разсмотрѣть эту работу, отмѣтить достоинства ея и недостатки, указать ея пробѣлы, ибо въ этомъ лишь и заключается вся цѣль предварительнаго опубликованія проектовъ законодательныхъ работъ.

Прежде всего для насъ представляется совершенно произвольнымъ то заключеніе редакціонной коммиссіи, гдѣ она полагаетъ ограничить пересмотръ крестьянскаго законодательства лишь нѣкоторыми отдѣлами Положенія 19-го февраля: такъ, по мнѣнію ея, пересмотру не должны подлежать ни Положеніе о выкупѣ, ни Положеніе о крестьянскихъ установленіяхъ, ни Положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и поселянъ разныхъ наименованій, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ и на земляхъ казенныхъ. Пересмотръ распро-

---

[1]) Повалишинъ, Участіе рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ. Труды рязанской ученой архивной коммиссіи. 1887 годъ, № 4, стр. 69 и слѣд.

страняется такимъ образомъ коммиссіей лишь на Общее Положеніе о крестьянахъ, да и то далеко не во всѣхъ его частяхъ. „Прежде всего,—значится въ трудахъ коммиссіи,—не подлежатъ пересмотру постановленія о правахъ крестьянъ личныхъ и по состоянію и о правахъ по имуществу. Постановленія эти, опредѣляя личную и имущественную правоспособность крестьянъ, всецѣло опираются на общія начала нашего законодательства гражданскаго и о состояніяхъ (ч. I т. X и т. IX св. зак.) и не устанавливаютъ какихъ-либо исключительныхъ для крестьянъ ограниченій и изъятій. Тѣсная связь означенныхъ постановленій съ общимъ нашимъ законодательствомъ уже сама по себѣ не допускаетъ возможности ихъ спеціальнаго, по отношенію къ крестьянамъ, пересмотра. Равнымъ образомъ, по мнѣнію коммиссіи, не подлежитъ пересмотру и тотъ раздѣлъ Общаго Положенія о крестьянахъ, который касается казенныхъ сборовъ и земскихъ повинностей. Раздѣлъ этотъ содержитъ въ себѣ, главнымъ образомъ, Высочайше утвержденное 23-го іюня 1899 года Положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, коимъ уже внесены существенныя улучшенія въ этой области крестьянской общественной жизни, причемъ дальнѣйшее ея упорядоченіе обезпечено мѣропріятіями, связанными съ отмѣной круговой поруки".

Такимъ образомъ редакціонная коммиссія предположила, оставивъ безъ всякаго измѣненія всѣ вообще Положенія о крестьянахъ, ограничиться лишь частичнымъ пересмотромъ одного Общаго Положенія по тремъ главнымъ отдѣламъ: 1) крестьянское общественное управленіе; 2) крестьянскій сословный судъ, и 3) виды и способы землепользованія крестьянъ.

Съ подобнымъ ограничительнымъ толкованіемъ предначертанной для коммиссіи работы врядъ ли возможно согласиться: не говоря уже о томъ, что оно противорѣчитъ буквальному тексту Высочайшаго повелѣнія, предусматривающаго пересмотръ крестьянскихъ узаконеній „на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года", а не одного лишь Общаго Положенія о крестьянахъ,—оно не согласуется и съ общимъ смысломъ повелѣнія видоизмѣнить „тѣ изъ существующихъ узаконеній, недостатки коихъ выяснены опытомъ".

Ходъ предначертанныхъ этимъ повелѣніемъ работъ по ясности и опредѣленности, казалось бы, не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ и произвольнымъ ограничительнымъ толкованіямъ: указанія опыта, одного лишь опыта, должны лечь въ основу предстоящихъ законодательныхъ видоизмѣненій; никакимъ умозрительнымъ заключеніямъ и абстрактнымъ выводамъ, не обоснованнымъ на указаніяхъ опыта, здѣсь не можетъ быть мѣста. А чѣмъ же, какъ не чисто

абстрактнымъ выводомъ, и къ тому же мало обоснованнымъ, представляется, напр., рѣшеніе редакціонной коммиссіи оставить въ силѣ безъ всякихъ измѣненій всѣ Положенія о крестьянскихъ установленіяхъ (книга III). „Возложенный на коммиссію трудъ,—такъ пишетъ по этому поводу редакціонная коммиссія,—заключается въ новомъ соображеніи собственно крестьянскаго законодательства, т.-е. тѣхъ законовъ, которые опредѣляютъ внутренніе распорядки крестьянской жизни, а отнюдь не тѣхъ, которые устанавливаютъ пріемы управленія крестьянами и характеръ правительственнаго надзора за сословными крестьянскими учрежденіями и возникающими въ крестьянской средѣ отдѣльными явленіями".

Необоснованность и, такъ сказать, предвзятость подобнаго толкованія вполнѣ очевидны; ясно, что редакціонная коммиссія желаетъ изъять изъ сферы обсужденія отдѣлъ законодательства о крестьянскихъ учрежденіяхъ, не справляясь съ мнѣніями мѣстныхъ людей и указаніями опыта. Мы не хотимъ утверждать, что указанія эти были бы неблагопріятны для существующихъ крестьянскихъ учрежденій и порядка надзора за сельскимъ управленіемъ; болѣе чѣмъ вѣроятно, что мѣстные губернскіе комитеты въ ихъ большинствѣ, и по крайней мѣрѣ по отношенію къ основнымъ началамъ этого Положенія, высказались бы въ благопріятномъ смыслѣ и не указали бы потребности въ какихъ-либо коренныхъ или существенныхъ здѣсь реформахъ. Но во всякомъ случаѣ ставить „вето" отъ имени редакціонной коммиссіи и вычеркивать изъ программы обсужденія, вопреки прямому смыслу и буквальному тексту Высочайшаго повелѣнія, весь отдѣлъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ то время какъ значительная часть общественнаго мнѣнія,—по скольку оно выражалось и въ земскихъ собраніяхъ, и въ трудахъ совѣщаній о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и въ періодической печати,—полно жалобъ и неудовольствій по поводу констатированныхъ въ этой области случаевъ произвола, особенно въ предѣлахъ компетенціи участковыхъ земскихъ начальниковъ,—совершенно не соотвѣтствуетъ той „государственной пользѣ", которую имѣетъ въ виду цитируемое нами Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ Положеній о крестьянахъ.

Точка зрѣнія редакціонной коммиссіи, будто при реформахъ въ области крестьянскаго законодательства отнюдь не слѣдуетъ касаться крестьянскихъ учрежденій, врядъ ли логична и врядъ ли можетъ выдержать какую-либо критику, ибо цѣль существованія самихъ крестьянскихъ учрежденій неразрывно связана съ крестьянскими интересами и только съ ними одними. Что̀ сказали бы мы, еслибы при пересмотрѣ, скажемъ, правилъ и порядковъ пассажирскаго или товарнаго движенія всѣ путейскіе, станціонные и другіе желѣзнодорожные

агенты въ правахъ своихъ и обязанностяхъ, въ отношеніяхъ своихъ къ публикѣ, были изъяты отъ дѣйствія какихъ бы то ни было реформъ и видоизмѣненій, на томъ основаніи, что рѣчь идетъ лишь объ удовлетвореніи нуждъ самихъ пассажировъ и отправителей товаровъ, а отнюдь не объ органахъ, завѣдующихъ желѣзнодорожнымъ движеніемъ? Конечно, мы назвали бы такую аргументацію странной. Но она показалась бы всѣмъ намъ еще страннѣе, еслибы на изъятіи этомъ настаивали сами же господа желѣзнодорожные агенты. Приведенный нами примѣръ тѣмъ болѣе подходящъ къ разсматриваемому случаю, что редакціонная коммиссія, труды которой подлежатъ нашему разсмотрѣнію, въ порядкѣ подчиненности, всецѣло входитъ въ составъ того вѣдомства [1]), которое именно и вѣдаетъ крестьянскими учрежденіями, выдѣленными изъ сферы обсужденія въ предпринятомъ пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ.

Не станемъ подробно останавливаться на вопросѣ, насколько вообще идея участковыхъ земскихъ начальниковъ, въ качествѣ правительственной административно-судебной и попечительной власти, поставленной надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, соотвѣтствуетъ началамъ Положенія 19-го февраля. Какъ извѣстно, Положеніе это не знало ни этой власти, ни этихъ правительственныхъ функцій. Редакціонная коммиссія полагаетъ, что именно въ отсутствіи попечительной и близкой къ населенію власти и заключался недостатокъ крестьянскаго законодательства, шедшаго во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ ощупью „исключительно на почвѣ умозрительныхъ началъ отвлеченной теоріи, а отнюдь не въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни“, что̀ единственно и объясняетъ „безуспѣшность производившихся въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка законодательныхъ работъ по этой части“.

Мнѣнія коммиссіи въ настоящее время мы оспаривать не станемъ,—оно завело бы насъ слишкомъ далеко; напомнимъ лишь попутно, что законъ о передѣлахъ мірской земли, на который за послѣднее время, равно какъ и на законъ 18-го марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, принято ссылаться, какъ на классическіе примѣры неудачныхъ законодательныхъ актовъ, съ чѣмъ вполнѣ соглашается и министерство внутреннихъ дѣлъ,—этотъ законъ изданъ 8-го іюня 1893 года, т.-е. болѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ учрежденія института участковыхъ земскихъ начальниковъ.

Итакъ, повторяемъ, что идея административно-судебной и попечительной власти надъ крестьянскимъ населеніемъ была совершенно

---

[1]) Редакціонная коммиссія, какъ извѣстно, состоитъ исключительно изъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

чужда и не соотвѣтствовала основнымъ началамъ Положенія 19-го февраля. Повторяемъ также, что губернскіе комитеты по пересмотру Положеній о крестьянахъ современнаго намъ состава [1]) врядъ ли стали бы настойчиво проводить мысль объ этомъ несоотвѣтствіи; но во всякомъ случаѣ они могли бы и непремѣнно указали бы немало недостатковъ въ существующемъ законодательствѣ о крестьянскихъ учрежденіяхъ, требующихъ того или иного дополненія или видоизмѣненія; для примѣра достаточно указать хотя бы на невыполнимость возложенныхъ на земскихъ начальниковъ нѣкоторыхъ обязанностей, напр., по надзору за ссудо-сберегательными кассами и товариществами, особенно за сельскими банками, за опекунствами, за нравственнымъ преуспѣяніемъ крестьянъ, за дѣйствительнымъ распланированіемъ селеній и пр. Закрывать глаза на всѣ, указанные опытомъ, недостатки отдѣла законодательства о крестьянскихъ учрежденіяхъ значило бы прикрываться давно устарѣвшей формулой: все обстоитъ благополучно. Врядъ ли оно соотвѣтствовало бы, однако, задачѣ наилучшаго измѣненія крестьянскихъ узаконеній.

Обративъ исключительное вниманіе на несовершенства одного лишь Общаго Положенія о крестьянахъ, разсчитаннаго „на постоянное дѣйствіе, не ограниченное какимъ-либо срокомъ или достиженіемъ опредѣленной цѣли", редакціонная коммиссія полагаетъ, что всѣ остальныя крестьянскія положенія, кромѣ отдѣла, трактующаго объ учрежденіяхъ, о чемъ мы только-что вели рѣчь, имѣютъ временный характеръ и предназначены „развязать вѣковыя отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными людьми и завершить поземельное устройство крестьянъ. Эта часть крестьянскаго законодательства, по мнѣнію коммиссіи, съ каждымъ годомъ все болѣе утрачиваетъ свое практическое значеніе и по выполненію своей особливой, преходящей задачи, очевидно, превращается въ историческій памятникъ былого законодательства"; таковы: положенія о выкупѣ и о поземельномъ устройствѣ крестьянъ (книги II, IV и V).

„Первое изъ приведенныхъ законоположеній, по мнѣнію коммиссіи, опредѣляющее основанія, ходъ и послѣдствія выкупной операціи, съ близящимся окончаніемъ выкупного процесса совершенно перестанетъ дѣйствовать. Равнымъ образомъ утратитъ силу и значеніе большинство правилъ, заключающихся въ положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, такъ какъ они направлены къ опредѣленію взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и временно-обязанныхъ крестьянъ и къ

[1]) Губернскіе комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состоятъ помимо чиновъ высшей губернской администраціи, изъ нѣсколькихъ дворянъ, по указанію депутатскаго собранія, изъ нѣсколькихъ земскихъ гласныхъ, по указанію начальника губерніи, и изъ земскихъ начальниковъ, числомъ не менѣе четырехъ.

установленію основаній поземельнаго устройства послѣднихъ. Изъ этихъ цѣлей первая въ настоящее время вполнѣ достигнута, а вторая близка къ окончательному осуществленію".

Думается намъ, что и это заключеніе коммиссіи основано на весьма спорныхъ „умозрительныхъ началахъ абстрактной теоріи, отнюдь не въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни", выражаясь словами самой же коммиссіи. Прежде всего, съ изданіемъ законовъ о пересрочкѣ выкупныхъ платежей, какъ извѣстно, срокъ окончанія выкупной операціи для сельскихъ обществъ, воспользовавшихся наибольшими льготами, отодвигается на 56 лѣтъ, т.-е. превосходитъ основной срокъ выкупа, установленный Положеніемъ о выкупѣ въ 49 лѣтъ (ст. 114 прежн. изд.); въ другихъ случаяхъ срокъ можетъ быть отодвинутъ на 41 годъ, на 28 лѣтъ;—наконецъ, для государственныхъ крестьянъ основной срокъ выкупа оканчивается лишь 1 января 1931 года,—періоды во всякомъ случаѣ настолько продолжительные, что о близящемся окончаніи выкупного процесса говорить пока еще не приходится; ибо если 56 лѣтъ считать такимъ незначительнымъ срокомъ, для котораго не стоитъ устанавливать никакого новаго законодательства, то съ еще большимъ основаніемъ необходимо было бы примѣнить это разсужденіе къ періоду въ 49 лѣтъ, составляющему основной срокъ выкупа надѣловъ, и такимъ образомъ Положеніе о выкупѣ могло бы и совершенно не появляться въ свѣтъ. Мы знаемъ, однако, какіе кардинальные вопросы крестьянскаго правопорядка трактуетъ Положеніе о выкупѣ; достаточно указать хотя бы на статьи 163 и 165 (прежн. изд.), являющіяся устоями всей нашей общинной формы землепользованія; на статьи 167, 169 и 170, устанавливающія основанія наслѣдованія, отчужденія и залога надѣльныхъ участковъ впредь до уплаты выкупной ссуды; на всю главу, трактующую о переходѣ крестьянъ-собственниковъ въ другія общества и сословія. Нельзя не указать, далѣе, на несоотвѣтствіе процентовъ роста, уплачиваемаго отдѣльными группами и разрядами крестьянъ за пользованіе выкупными ссудами въ зависимости отъ сроковъ окончанія выкупа,—несоотвѣтствія, внесеннаго указанными уже нами законами о пересрочкѣ. Предъ нами, наконецъ, въ ближайшемъ же будущемъ стоитъ выкупная реформа въ смыслѣ половиннаго пониженія окладовъ выкупныхъ платежей для мѣстностей центральнаго района имперіи,—все это такіе коренные вопросы, требующіе пересмотра и видоизмѣненія соотвѣтствующихъ частей Положенія о выкупѣ, что обходить ихъ молчаніемъ при пересмотрѣ всего вообще крестьянскаго законодательства положительно невозможно.

Редакціонная коммиссія полагаетъ, что указанные ею отдѣлы имѣютъ временное, преходящее значеніе и поэтому не заслуживаютъ никакого пересмотра. Но что̀ же въ жизни нашей вообще не временно

и не преходяще, и развѣ формы крестьянскаго самоуправленія, суда и землепользованія, развѣ органы и учрежденія крестьянскаго надзора имѣютъ болѣе постоянное значеніе? Гдѣ гарантія и чѣмъ поручится коммиссія, что еще до истеченія выкупной операціи формы эти и органы не претерпятъ самыхъ существенныхъ измѣненій? Стоитъ только вспомнить историческій ходъ событій въ этой области въ предѣлахъ послѣднихъ сорока лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостной зависимости: сколько реформъ, нововведеній, видоизмѣненій, особенно по отношенію къ органамъ крестьянскихъ учрежденій!

А въ положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, наконецъ, въ самомъ Общемъ Положеніи раздѣлы о правахъ крестьянъ личныхъ и по имуществу и о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, нынѣ замѣненныхъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 23 іюня 1899 года о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ и закономъ 12 марта 1903 года объ отмѣнѣ круговой отвѣтственности,—развѣ и здѣсь „все обстоитъ благополучно“? Сама редакціонная коммиссія признаетъ необходимымъ пересмотръ тѣхъ частей мѣстныхъ положеній, „коими опредѣляются существо и пространство правъ крестьянъ на надѣльную землю“. Да этого и нельзя не признать, ибо этими-то именно частями и опредѣляются у крестьянъ порядокъ и форма ихъ землепользованія, ихъ общинное и ихъ подворное наслѣдственное владѣніе, т.-е. тѣ именно основныя начала, которыя, по признанію коммиссіи, одухотворяютъ Положеніе 19 февраля.

Въ соотвѣтствующихъ указаніяхъ опыта нуждается и раздѣлъ законодательства о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, во-первыхъ, уже по одному тому, что въ раздѣлѣ этомъ помѣщена глава и о мірскихъ повинностяхъ—область, совершенно еще не затронутая реформами крестьянскихъ узаконеній и самымъ тѣснѣйшимъ образомъ соприкасающаяся съ отдѣлами законодательства о сельскомъ и мірскомъ управленіи; крайняя необходимость и неизбѣжность пересмотра законодательства о мірскихъ повинностяхъ предустановлена Высочайшею властью еще при изданіи Положенія 23 іюня 1899 года. Во-вторыхъ, самое Положеніе 23 іюня вовсе не является такимъ законодательнымъ актомъ, завершеннымъ въ окончательной формѣ, надъ пересмотромъ и обсужденіемъ котораго было бы поставлено „вето“. Достаточно указать на реформу 12 марта 1903 года, въ самомъ корнѣ измѣнившую всѣ основанія означеннаго Положенія, построеннаго, какъ извѣстно, на началахъ круговой отвѣтственности, и отмѣнившую бо́льшую половину его статей. Мало того, многія части этихъ двухъ законодательныхъ актовъ по духу своему доселѣ остаются несогласованными: какимъ образомъ, напримѣръ, можно согласовать принципъ

личной отвѣтственности въ платежѣ повинностей съ отобраніемъ надѣла недоимщика сельскимъ обществомъ? А это послѣднее, будучи свободно отъ круговой поруки, почему оно обязано отвѣтствовать въ бóльшей мѣрѣ, нежели каждый отдѣльный домохозяинъ, снимающій съ торговъ надѣлъ недоимщика по любой цѣнѣ внѣ всякой зависимости отъ суммы накопившихся на немъ недоимокъ,—тогда какъ общество, отбирающее надѣлъ, немедленно обязуется выплатить за своего нерадиваго члена всѣ числящіяся за нимъ недоимки? А продажа надѣльнаго участка земли подворно-наслѣдственнаго владѣнія съ торговъ за недоимки лицу любого сословія и за любую цѣну (третьи торги), хотя бы она и не покрывала собой накопившихся на участкѣ недоимокъ,—развѣ это соотвѣтствуетъ идеѣ неотчуждаемости надѣловъ? А въ обращеніи взысканія по недоборамъ и недоимкамъ домохозяина на заработки членовъ семьи, развѣ выдержанъ принципъ личной (а не семейной) отвѣтственности? Всѣ эти, какъ и многія другія, принципіальныя несогласія новыхъ податныхъ законовъ необходимо требуютъ дополненія и пересмотра.

Самая запутанность òргановъ, вѣдающихъ взысканія окладныхъ крестьянскихъ сборовъ, гдѣ искусственно переплетается компетенція податной инспекціи, земскихъ начальниковъ, волостныхъ властей и полиціи, настойчиво требуетъ болѣе строгаго разграниченія и распредѣленія. Цѣлесообразенъ ли, въ самомъ дѣлѣ, практикующійся нынѣ порядокъ взысканія повинностей, когда функціи податныхъ òргановъ ограничены опредѣленными сроками и смѣняются поочередно, какъ бы по временамъ года: осенью и зимой дѣйствуютъ земскіе начальники; послѣ новаго года и весной выступаютъ податные инспектора. Развѣ такое сезонное распредѣленіе ролей можетъ соотвѣтствовать требованіямъ жизни? Почему осенней продажей движимости неисправныхъ плательщиковъ долженъ завѣдывать земскій начальникъ, а весенней—тѣхъ же самыхъ плательщиковъ—податной инспекторъ; почему объ отсрочкѣ недобора, накопившагося до новаго года, обязанъ хлопотать земскій начальникъ, а объ отсрочкѣ того же самаго недобора, перешедшаго за 1 января, заботится уже податной инспекторъ, и развѣ новый годъ самъ по себѣ способенъ вносить какое либо существенное различіе какъ въ экономическое положеніе плательщиковъ, такъ и въ мѣры взысканія неуплаченныхъ ими повинностей? Немудрено, что и сами податные òрганы путаютъ свои функціи, не сообразуясь съ временами года.

Таковы указанія опыта на недостатки дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ. Закрывать глаза на эти недостатки и спокойно взирать на нихъ, прикрываясь щитомъ абстрактной формулы о необходимости лишь *частичнаго* пересмотра *нѣкоторыхъ* отдѣловъ

одного Общаго Положенія,—формулой, выведенной теоретически, кабинетнымъ способомъ,—не равносильно ли произвольному толкованію и ограниченію той задачи, которая предуказана Высочайшей властью?

„Обратившись къ ближайшимъ опредѣленіямъ заключающихся въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 года постановленій, которыя надлежитъ признать главными, одухотворяющими весь этотъ законодательный актъ, началами, редакціонная коммиссія полагаетъ, что таковыми, казалось бы, должны быть признаны: обособленность крестьянскаго сословія и, установленные въ соотвѣтствіи съ этимъ, особливый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ коренного, велѣніемъ закона, измѣненія. Дѣйствительно, хотя, однако, изъ этихъ началъ неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель и была установлена закономъ значительно позднѣе изданія Положеній 19 февраля, но по основному своему духу и преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ постановленіе это нельзя, казалось бы, не отнести къ такимъ, которыя представляются естественнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ основъ освободительной реформы. Главнѣйшей изъ этихъ основъ несомнѣнно было созданіе сельскаго населенія, обезпеченнаго въ своихъ насущныхъ потребностяхъ особымъ дарованнымъ ему земельнымъ фондомъ. Само собою разумѣется, что обстоятельство это силою вещей вызываетъ необходимость закрѣпленія этого фонда на вѣчныя времена за тѣмъ сословіемъ, обезпеченіемъ существованія коего онъ долженъ являться“.

Мы цитируемъ подлинное заключеніе редакціонной коммиссіи, чтобы нагляднѣе показать, какъ далека отъ исторической истины ея ретроспективная точка зрѣнія на основныя начала, одухотворяющія Положенія 19 февраля. Тѣ три начала,—обособленность крестьянскаго сословія, общинное землевладѣніе и неотчуждаемость надѣловъ,—которыми современная намъ редакціонная коммиссія одухотворила свою работу, если и могутъ быть почерпнуты изъ соотвѣтствующихъ частей крестьянскихъ законоположеній, то считать именно эти начала одухотворяющими величайшій законодательный актъ—значило бы умалять значеніе освободительной реформы: не къ тому были въ то время прикованы мысли и стремленія законодателя; его величайшая и труднѣйшая работа чрезвычайнаго историческаго значенія и важности была одухотворена началами свободы и равноправности сословій, улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ безъ особаго обремененія помѣщиковъ. Послѣдующая эволюція крестьянскаго законодательства и крестьянскаго быта выдвинула на очередь и тѣ начала, о которыхъ говоритъ редакціонная коммиссія; мы нимало не отрицаемъ чрезвы-

чайной важности этихъ вопросовъ; мы лишь указываемъ, что вопросы эти выдвинуты послѣдующей эпохой и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны за кардинальныя начала Положенія 19 февраля. Сама редакціонная коммиссія признаетъ, что законъ о неотчуждаемости надѣловъ является позднѣйшимъ наслоеніемъ крестьянскаго законодательства; добавимъ съ своей стороны, что и получившая столь широкую извѣстность статья 165-я Положенія о выкупѣ видоизмѣнена въ духѣ принциповъ общиннаго землепользованія лишь 14 декабря 1893 года; въ первоначальной же своей редакціи она способна была парализовать всѣ благія послѣдствія этой формы землевладѣнія.

Итакъ, нисколько не отрицая и не умаляя всей важности затронутыхъ коммиссіей вопросовъ, мы самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываемся противъ ограниченія предѣловъ предстоящей законодательной работы „въ духѣ основныхъ началъ Положенія 19 февраля“ лишь этими тремя, далеко не основными ея началами, какъ проектируетъ редакціонная коммиссія; такое толкованіе опять-таки вносило бы совершенно произвольное ограниченіе и затемнило бы ясный смыслъ Высочайшаго повелѣнія.

Коммиссія полагаетъ, далѣе, что „въ устоявшемъ въ теченіе вѣковъ бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства лежитъ залогъ прочности его особливаго сословнаго строя“, и что „простымъ изданіемъ закона нѣтъ возможности сгладить тѣ органическія особенности, которыя рѣзко отличаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія“... Не такъ думали выдающіеся умы начала 60-хъ годовъ, привлеченные къ законодательной работѣ: „Что касается до мысли устранить помѣщиковъ отъ дѣла мѣстнаго управленія,—писали, напр., депутаты отъ рязанскаго комитета по поводу проектовъ Положенія редакціонныхъ коммиссій по вопросамъ административнымъ,—то странно думать, что ихъ могло бы оскорбить предоставленіе нѣкотораго участія въ дѣлѣ общаго управленія, въ которомъ они всегда должны занимать первое мѣсто даже по одному нравственному вліянію. Напротивъ, гораздо оскорбительнѣе для дворянства отчужденіе его отъ участія въ дѣлахъ своей страны, съ предоставленіемъ ему только права носить гражданскій парадный мундиръ“. Рязанскій комитетъ съ своей стороны полагалъ, что сельское управленіе должно быть образовано на началахъ всесословности и что слѣдующей за сельскимъ обществомъ единицей управленія долженъ являться „округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ обществъ, находящихся въ одной мѣстности. Для управленія округомъ существуютъ собраніе землевладѣльцевъ и мировой судья. Собраніе землевладѣльцевъ составляется изъ потомственныхъ дворянъ округа и всѣхъ другихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ въ округѣ

землею въ количествѣ не менѣе 200 десятинъ; оно вѣдаетъ хозяйственную часть округа, а также контролируетъ правильность приговоровъ мірскихъ сходовъ, разсматриваетъ жалобы на мирового судью и повѣряетъ его денежную отчетность" [1]).

Не допускающій никакого возраженія, тонъ разсматриваемаго нами проекта о необходимости и неизбѣжности сословнаго строя въ области крестьянскаго управленія и суда даетъ впечатлѣніе и иллюзію, какъ будто взглядъ этотъ является совершенно безспорнымъ и давно рѣшеннымъ. Между тѣмъ стоитъ лишь обратиться къ даннымъ опыта и жизни, стоитъ лишь раскрыть журналы земскихъ собраній, вспомнить многочисленныя земскія ходатайства, стоитъ прочитать труды и заключенія мѣстныхъ комитетовъ и самого Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, припомнить постановленія и ходатайства различныхъ съѣздовъ дѣятелей самыхъ разнообразныхъ, не только общихъ, но даже и спеціальныхъ профессій, и нельзя не увидать, какъ вездѣ настойчивой красной нитью проходитъ мысль о недостаткѣ болѣе мелкаго, чѣмъ уѣздъ, сельскаго всесословнаго органа, или всесословной волости. Сколько писалось на эту тему въ періодической печати, сколько книгъ, брошюръ, научныхъ и популярныхъ, издано по этому вопросу! Неужели все это, по мнѣнію коммиссіи, настолько мелко, ничтожно и незрѣло, что не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, при обсужденіи реформы сельскаго управленія? Какое олимпійское невозмутимое величіе въ отношеніи коммиссіи къ животрепещущимъ вопросамъ жизни, разрѣшенія которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ все общество, вся мыслящая, вся земская Россія! Можетъ быть, при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости разрѣшеніе этого вопроса и не представлялось неотлагательнымъ; можетъ быть, онъ представлялся спорнымъ, и преждевременнымъ, и не назрѣвшимъ:—но вѣдь то было 43 года тому назадъ. Жизнь представляетъ все новыя и новыя требованія и запросы; пусть въ текстѣ самыхъ Положеній 19-го февраля и не находится началъ всесословности сельскаго управленія,—начало это, однако, нисколько не противорѣчитъ тому гуманному духу, которымъ проникнутъ весь этотъ законодательный актъ. Мы знаемъ, что и въ губернскихъ комитетахъ, и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ шла объ этомъ рѣчь; и если въ то далекое отъ насъ время, когда русскій крестьянинъ послѣ вѣковой спячки былъ впервые поставленъ на ноги, его нужно было пріучать не ходить, а прежде всего стоять на этихъ ногахъ, то неужели же въ области сельскаго самоуправленія онъ такъ-таки на вѣки обреченъ на неподвижное состояніе, закоченѣвъ въ своемъ „особливомъ сословномъ

[1]) Повалишинъ, тамъ же, стр. 70 и 177.

строѣ", сколько бы ни вопіяла о томъ окружающая его дѣйствительность,—и въ этомъ ли должно заключаться измѣненіе крестьянскихъ узаконеній „въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными требованіями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ" и устраненіе недостатковъ, выясненныхъ опытомъ? Очевидно, коммиссія не считаетъ нужнымъ считаться съ требованіями жизни и указаніями опыта и сама впадаетъ въ ту же ошибку, —полагая базисомъ законодательнаго своего проекта „умозрительныя начала отвлеченной теоріи",—въ которой она упрекаетъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не отвлеченная теорія руководитъ ею въ отмежеваніи обширныхъ запретныхъ областей крестьянскаго законодательства, куда не долженъ, по ея мнѣнію, проникать живительный лучъ критическаго анализа, гдѣ все должно быть сохранено въ застывшей неприкосновенности, гдѣ не требуется никакихъ согласованій закона съ требованіями текущей жизни? Въ эту область отнесены ею и обособленность крестьянскаго сословія, и исключительный порядокъ попечительнаго надзора за крестьянскими установленіями.

„Право государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, по мнѣнію коммиссіи, является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Надѣленіе крестьянъ землею за счетъ иного сословія обязываетъ правительство къ надзору за тѣмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ,—а именно, обезпечивалъ бы существованіе крестьянства, взятаго какъ сословіе, т.-е. въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей... Наконецъ государство до сихъ поръ не перестаетъ принимать особыя мѣры къ обоснованію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго люда. Съ этой цѣлью оно открываетъ крестьянамъ доступъ къ обширнымъ казеннымъ землямъ, снабжаетъ его особымъ кредитомъ для пріумноженія ихъ земельнаго фонда и т. п. Словомъ, государство и понынѣ продолжаетъ свою попечительную, по отношенію къ крестьянству, дѣятельность. Но тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимися его попечительными заботами".

Согласно этой точкѣ зрѣнія, компетенцію попечительныхъ заботъ участковыхъ земскихъ начальниковъ прежде всего необходимо было бы распространить на дворянское сословіе, издавна, гораздо ранѣе крестьянскаго, потребовавшее отъ государства и обезпеченія его быта земельнымъ фондомъ и особымъ кредитомъ на пріумноженіе этого фонда. Такія заботы въ данномъ случаѣ были бы тѣмъ болѣе умѣстны, что, какъ показываетъ практика, земельный фондъ дворянскаго сословія быстро исчезаетъ, тогда какъ земельный фондъ крестьянъ постепенно

увеличивается. Вѣроятно, редакціонная коммиссія, въ этой части записки, понятіе государства, въ разговорномъ значеніи этого слова, уподобляетъ понятію правительства, ибо государство, въ истинномъ значеніи своемъ, именно и состоитъ изъ совокупности сословій, населяющихъ извѣстную территорію; наше русское государство является по преимуществу государствомъ крестьянскимъ, какъ по численности населенія, такъ и по участію его въ сохраненіи и въ преуспѣяніи государства и въ матеріальномъ, и въ политическомъ отношеніи; крестьянское сословіе является само неразрывной, существенной частью государства, является необходимымъ членомъ государственнаго организма, и попечительныя заботы о сохраненіи этой части въ цѣлости есть лишь вопросъ самосохраненія всего организма.

Никакихъ чужихъ средствъ, за которыя бы было отвѣтственно крестьянство передъ государствомъ, оно не беретъ и не тратитъ, ибо никакихъ изолированныхъ средствъ и капиталовъ у государства, какъ понятія отвлеченнаго, но существуетъ и не можетъ существовать.

Указаніе редакціонной коммиссіи на особыя, исключительныя жертвы въ помощь крестьянскому сословію изъ средствъ общегосударственныхъ и за счетъ помѣстнаго дворянства—невѣрно, кромѣ того, и съ фактической стороны. Помѣстное дворянство, какъ извѣстно, за отведенные изъ ихъ земель крестьянскіе надѣлы получило вознагражденіе изъ выкупныхъ суммъ,—и вознагражденіе не малое; такъ, по свидѣтельству столь компетентнаго лица, какъ директоръ департамента окладныхъ сборовъ Н. Н. Кутлеръ, сообщенному имъ въ коммиссіи объ упадкѣ центра, работавшей въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ т. с. Коковцева, „при переводѣ крестьянъ на выкупъ оцѣнка земли почти всюду была произведена *выше* существовавшихъ въ то время продажныхъ цѣнъ на землю. Сопоставленіе оцѣнокъ земли для выкупа съ продажными цѣнами того времени на землю обнаруживаетъ, что приблизительно въ 80% помѣщичьихъ владѣній всѣхъ губерній продажная цѣна была ниже, чѣмъ выкупная... Въ губерніяхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ, весьма слабо населенныхъ въ то время, продажныя цѣны не были устойчивы, и разница между расцѣнкой земли для выкупа и продажными цѣнами получилась громадная: выкупная оцѣнка превышаетъ тутъ продажную цѣну въ 1½ — 3 раза и болѣе. Въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ разница между выкупными и продажными цѣнами не велика, особенно если принять во вниманіе, что зарегистрованныя продажныя цѣны нѣсколько ниже дѣйствительныхъ [1]).

Какъ видимъ, потери помѣщиковъ при отводѣ крестьянскихъ на-

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“ 1903 года, № 47.

дѣловъ нельзя назвать чувствительными, особенно въ восточномъ районѣ имперіи. Намъ могутъ указать, что помимо земель помѣщики потеряли даровой рабочій трудъ. Но оцѣнка такихъ потерь выходитъ уже изъ сферы частныхъ имущественныхъ интересовъ и примыкаетъ къ области условнаго правопорядка. Нельзя считать потери въ той области, которая законодательствомъ признана противной правиламъ нравственности: ростовщикъ не можетъ считать своихъ потерь на запрещенныхъ закономъ лихвенныхъ процентахъ; содержатели игорныхъ и развратныхъ притоновъ не въ правѣ претендовать на убытки, произведенные закрытіемъ ихъ предпріятій; были времена, когда и разбои, и грабежи, и пиратство считались дозволенными способами обогащенія, но кто же сталъ бы въ наши времена высчитывать убытки вора и грабителя, которому кара закона пресѣкла его безнравственные способы обогащенія.

Редакціонная коммиссія полагаетъ, что на предметъ обезпеченія крестьянскаго населенія надѣльными землями серьезныя жертвы понесли не только помѣщики, но и само государство,—и въ этомъ она опять ошибается. Правда, для выкупной операціи необходимо было произвести государственный заемъ, размѣры котораго послѣ конверсіи его въ 1895 году въ 4% ренту, какъ видно изъ баланса выкупной операціи, опубликованной въ матеріалахъ Особаго Совѣщанія [1]), достигли 754 милліоновъ рублей. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ того же баланса, правительство получаетъ отъ выкупной операціи прибыль, причемъ прибыль эта на 1-е января 1902 года выразилась въ цифрѣ 262½ милліоновъ рублей.

Я не стану теперь подробно останавливаться на этомъ вопросѣ и вводить читателя въ сложные цифровые разсчеты и комбинаціи выкупной операціи; интересующагося я отсылаю какъ къ цитированному нами балансу, такъ и къ статьѣ моей: „Вопросъ о положеніи выкупныхъ платежей въ Особомъ Совѣщаніи и въ коммиссіи о центрѣ“, напечатанной въ „Русской Мысли“ въ апрѣлѣ 1904 года. Я скажу лишь для поясненія, что иного результата отъ выкупной операціи, кромѣ прибылей, и быть не могло, развѣ что крестьянское населеніе съ самаго начала этой операціи по значительной части выкупныхъ долговъ переплачивало правительству лишніе ½% въ годъ, уплачивая 5½% роста тамъ, гдѣ само правительство платило лишь 5%; со времени конверсіи переплата эта возросла до 1,7%. Экскурсіи редакціонной коммиссіи въ область финансовыхъ разсчетовъ, какъ видимъ, оказались не вполнѣ удачными; ни о какихъ „серьезныхъ жертвахъ“ государства, равно какъ и помѣщиковъ, для обезпеченія крестьянскаго быта

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“ 1903 года, № 23, приложеніе.

говорить пока не приходится. Ставить же въ пассивъ государственной дѣятельности колонизаторскую политику врядъ ли возможно, ибо размѣщеніе прироста населенія составляетъ міровую проблему, надъ разрѣшеніемъ которой не только трудятся великіе умы, но и ведутся жесточайшія завоевательныя войны, проливается кровь, тратятся огромныя денежныя средства. Колонизація же свободныхъ запасныхъ земельныхъ пространствъ составляетъ столь элементарную задачу государственной необходимости, что о какихъ-либо серьезныхъ жертвахъ въ этой области намъ говорить, пока еще, слава Богу, нѣтъ повода.

Итакъ, резюмируя все сказанное нами, мы утверждаемъ, во-первыхъ, что, согласно съ прямымъ и яснымъ смысломъ Высочайшаго повелѣнія, пересмотру подлежатъ *всѣ* вообще Положенія 19 февраля, безъ какихъ-либо изъятій и ограниченій; во-вторыхъ, что тѣ три начала, которыя указаны редакціонной коммиссіей,—обособленность сословій, община и неотчуждаемость надѣловъ,—далеко не исчерпываютъ и не воплощаютъ началъ, положенныхъ въ основу законодательства 19 февраля.

Мы говоримъ далѣе, что проектъ редакціонной коммиссіи обходитъ молчаніемъ вопросъ чрезвычайной важности, вопросъ злободневный—о всесословномъ мелкомъ органѣ сельскаго управленія.

II.

Переходимъ къ положительной части работъ редакціонной коммиссіи. По мнѣнію коммиссіи, при пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ надлежитъ имѣть главнымъ образомъ слѣдующія цѣли: измѣненіе дѣйствующихъ узаконеній, касающихся общественнаго крестьянскаго управленія; упорядоченіе волостного суда; точное опредѣленіе правъ отдѣльныхъ крестьянъ на различные виды надѣльныхъ угодій; изысканіе способовъ, содѣйствующихъ развитію въ средѣ крестьянскаго населенія личной предпріимчивости и побуждающихъ крестьянъ къ примѣненію улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ пріемовъ и къ переходу къ болѣе совершеннымъ способамъ землепользованія; упорядоченіе земельныхъ отношеній крестьянъ со смежными владѣльцами, и въ связи со всѣми вышеуказанными цѣлями—упроченіе въ сельскомъ населеніи чувства законности и уваженія къ чужимъ правамъ.

Въ области усовершенствованій общественнаго крестьянскаго управленія коммиссія останавливается на необходимости нѣкоторыхъ видоизмѣненій первичныхъ ячеекъ этого управленія—сельскихъ обществъ—въ общества *земельныя*, объединенныя общностью землепользованія, и общества собственно *сельскія*, объединенныя интересами сосѣдской жизни; такая реформа, по мнѣнію коммиссіи, устранила бы нерѣдко

встрѣчающееся нынѣ совершенно искусственное соединеніе различныхъ селеній крестьянъ въ единое общество, или наоборотъ, разъединеніе одного селенія на различныя общества, по основаніямъ, давно утратившимъ всякое жизненное значеніе, по принадлежности крестьянъ разнымъ помѣщикамъ или по общему акту поземельнаго владѣнія. Итакъ, „принявъ за основной признакъ земельнаго общества совмѣстное владѣніе надѣльной землей, а сельскаго общества—проживаніе въ чертѣ одного селенія, коммиссія не могла, однако, не признать, что въ то время какъ каждое земельное общество составитъ вполнѣ обособленное отъ всѣхъ остальныхъ подобныхъ обществъ цѣлое,—наоборотъ, сельское общество, состоящее изъ одного селенія, можетъ быть нерѣдко съ пользою для дѣла объединено въ одно общество вмѣстѣ съ сосѣдними". Эту послѣднюю мѣру коммиссія считаетъ полезной главнымъ образомъ въ видахъ сохраненія непосильныхъ для мелкихъ обществъ мірскихъ расходовъ на содержаніе особыхъ лицъ должностного управленія, или особыхъ общественныхъ учрежденій или предпріятій: напр., содержаніе школы, пожарнаго обоза и т. п.

Необходимыя улучшенія должны коснуться, по мнѣнію коммиссіи, также и личнаго состава сходовъ и выборныхъ сельской администраціи. Коммиссія не указываетъ, однако, какихъ-либо опредѣленныхъ мѣръ въ этомъ направленіи; она напоминаетъ лишь предположеніе о замѣнѣ полныхъ сходовъ сходами выборныхъ, бывшее на обсужденіи губернскихъ совѣщаній по пересмотру Положеній о крестьянахъ въ 1894—1895 годахъ и вызвавшее тамъ совершенное разногласіе. По отношенію къ составу должностныхъ лицъ сельской администраціи, коммиссія, исходя изъ двухъ главныхъ причинъ неудовлетворительной ея дѣятельности,—чрезвычайной многочисленности ея обязанностей и полной подчиненности рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи, „почему либо желающимъ обратиться къ ея содѣйствію",—полагаетъ, что „практическія условія положенія и дѣятельности должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія едва ли дадутъ возможность достигнуть какихъ-либо коренныхъ улучшеній въ этой области".

Къ столь же пессимистическому выводу пришла коммиссія и по вопросу о реформѣ мірскихъ повинностей, имуществъ и капиталовъ, и, вполнѣ признавая „крайнюю обременительность для крестьянъ существующаго мірского обложенія и необходимость возможнаго его облегченія", она единственными мѣрами въ этомъ направленіи указала совершенно палліативныя средства: привлеченіе къ мірскому обложенію лицъ городскихъ состояній и разночинцевъ, проживающихъ въ селеніяхъ, на которыхъ распространена юрисдикція крестьянскихъ установленій,—выработку наиболѣе удобныхъ и справедливыхъ осно-

ваній обложенія и пріемовъ раскладки и, наконецъ, учрежденіе бдительнаго надзора за ходомъ общественнаго хозяйства. Но въ чемъ же здѣсь заключается реформа, и развѣ неизвѣстно редакціонной коммиссіи, что еще Высочайше утвержденнымъ 16-го февраля 1869 года Положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (лит. „В") установлено, что крестьяне, владѣющіе надѣломъ, и послѣ приписки къ городскому сословію обязаны отбывать мірскія повинности, и денежныя, и натуральныя? Развѣ коммиссіи неизвѣстенъ цѣлый рядъ указовъ правительствующаго сената (1889, 1893 годовъ по дѣлу Баксановыхъ, Колесниченко, Лазо, Ботезадо и др.) о томъ, что лица городскихъ сословій, *имѣющія осѣдлость* въ селеніяхъ, подлежатъ привлеченію къ платежу мірскихъ сборовъ? Всѣ эти узаконенія и разъясненія податнымъ органамъ, наблюдающимъ за правильностью сельскихъ раскладокъ, давно и хорошо извѣстны, и никакого новаго открытія коммиссія здѣсь не сдѣлала. Мѣра эта оказалась палліативной въ дѣлѣ уменьшенія обременительности мірского обложенія потому, что лица городскихъ сословій, подлежащія такому обложенію, составляютъ каплю въ морѣ мірскихъ нуждъ и потребностей; ибо эти разночинцы—по преимуществу пролетаріи, не имѣющіе никакой земли и никакой недвижимой собственности. А надзоръ участковыхъ земскихъ начальниковъ—развѣ онъ еще недостаточно бдителенъ, чтобы въ области мірского обложенія необходимо было прибѣгать къ еще болѣе бдительному надзору? Наконецъ, развѣ существующія основанія и пріемы раскладки мірскихъ сборовъ оказались несправедливыми? Вѣдь несправедливыя основанія не могли быть допущены органами уѣздной администраціи, призванными Положеніемъ 23-го іюня 1899 года (ст. 13—20) къ двойному контролю сельскихъ раскладочныхъ приговоровъ и со стороны податныхъ инспекторовъ, и со стороны земскихъ начальниковъ?

Думается намъ, что какія бы основанія раскладки ни принимать и ни придумывать, какіе бы наивящшіе способы бдительнаго контроля ни примѣнять, сколько бы ни привлекать къ обложенію лицъ, подчиненныхъ сельской юрисдикціи,—этого мелкаго мастерового люда, въ огромномъ большинствѣ случаевъ полныхъ пролетаріевъ,—мірское обложеніе не станетъ отъ того ни чуть не легче. Въ статьѣ моей, напечатанной въ 9-й книгѣ „Русской Мысли" за 1897 годъ, подъ заглавіемъ: „По поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ", мною указывалась цифра мірскихъ волостныхъ и сельскихъ сборовъ по рязанской губерніи, выведенная по даннымъ податныхъ инспекторовъ, въ 1.011.000 руб. въ годъ; эта цифра составитъ обложеніе мірскими сборами крестьянскихъ земель по 75 коп. съ десятины, или по 2 руб. 18 коп. съ души; земскій сборъ, тотъ самый сборъ, который вызвалъ

и продолжаетъ вызывать столько жалобъ и нареканій по своей чрезвычайной обременительности, который повлекъ за собой спеціальныя правительственныя мѣры по поводу его предѣльности, за тотъ же годъ выражался по губерніи (съ надѣловъ) въ цифрѣ 604 тысячи рублей—вдвое почти меньше, мірского. За тотъ же годъ свободный остатокъ отъ урожая съ надѣловъ, по переводѣ на деньги, выражался въ цифрѣ 1.836 тысячъ рублей. Какую же ничтожнѣйшую долю будутъ составлять среди этихъ громадныхъ цифръ какіе-нибудь рубли и копѣйки мірскихъ сборовъ съ сельскихъ разночинцевъ! Вѣдь еслибы привлечь къ мірскому обложенію всѣ вообще владѣльческія земли по губерніи безъ всякаго изъятія, то и тогда мірскіе сборы съ надѣловъ понизились бы менѣе чѣмъ на половину и превышали бы 40 коп. на десятину. Чтобы яснѣе и нагляднѣе представить себѣ интенсивность и чувствительность сословнаго мірского обложенія, достаточно указать одну лишь цифру, это—дворянскіе сборы: за тотъ же годъ и по той же губерніи они выражались въ цифрѣ 6 коп. съ десятины.

Итакъ, къ чему сводится вся сущность проектированныхъ коммиссіей мѣръ по упорядоченію сельскаго общественнаго управленія? Во-первыхъ, распредѣленіе сельскихъ обществъ на общества земельныя и сельскія, или, яснѣе сказать, селенныя,—съ весьма существенными, однако, оговорками и отступленіями для мелкихъ селеній; во-вторыхъ, весьма спорная реформа по отношенію къ составу сельскихъ сходовъ путемъ замѣны полныхъ сходовъ—сходами выборныхъ; въ-третьихъ, платоническое пожеланіе, или, точнѣе выразиться, сожалѣніе о невозможности упорядочить сельскую выборную администрацію, и въ-четвертыхъ, нѣсколько запоздалыхъ палліативовъ въ сферѣ мірского обложенія. И—это все.

А между тѣмъ, какъ просто, какъ легко, какъ логично разрѣшались бы даже эти, намѣченныя самой коммиссіей, неустройства сельскаго общественнаго управленія, еслибы приглядѣться и присмотрѣться къ голосу и къ требованіямъ жизни, которая сама подсказываетъ исходъ, еслибы живую мысль не запечатывать запретными печатями и замками: всесословная земская волость—вотъ жизненный исходъ, вотъ радикальная мѣра въ дѣлѣ улучшенія сельскаго быта. Поземельная община, или поземельное общество, въ качествѣ юридическаго лица, имѣющая своего представителя въ волостномъ собраніи, состоящемъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ или представителей отъ извѣстныхъ группъ землевладѣльцевъ, и волостная управа въ качествѣ органа исполнительнаго по всѣмъ хозяйственно-административнымъ дѣламъ волости,—одной этой организаціей достигаются цѣли и упорядоченія состава сходовъ, и улучшенія выборной администраціи, и облегченія мірского обложенія.

Въ чемъ мы безусловно присоединяемся къ проекту коммиссіи и готовы горячо его поддерживать—это въ облегченіи условій выхода изъ общества или изъ общины. Редакціонная коммиссія указываетъ, что за отмѣной круговой поруки нѣтъ уже никакихъ основаній насильственно задерживать въ обществѣ отдѣльныхъ домохозяевъ; имѣется уже полная возможность поставить выходъ изъ общества главнымъ образомъ, если не исключительно, въ зависимость отъ доброй воли каждаго члена его, „при томъ, разумѣется, условіи, чтобы выходящій разъ навсегда отказался отъ права участія во владѣніи и пользованіи мірской землей".

Думается мнѣ, что поземельная община нашихъ дней и не можетъ представляться ничѣмъ инымъ, какъ добровольнымъ союзомъ, юридическимъ лицомъ чисто имущественнаго характера: выходъ изъ этого союза всегда долженъ быть свободенъ; здѣсь нѣтъ мѣста никакому принужденію, подобно тому, какъ нельзя принудить никого состоять обязательнымъ участникомъ какой-либо акціонерной компаніи; каждый участвуетъ въ общемъ предпріятіи, въ эксплоатаціи общинной земли лишь до тѣхъ поръ, пока ему это представляется выгоднымъ, и свободно уходитъ къ другому занятію, разъ это послѣднее для него предпочтительнѣе. Но мы не можемъ себѣ уяснить, для чего необходимо при выходѣ изъ общины ставить непремѣннымъ условіемъ отказъ отъ земли на вѣчныя времена? Я полагаю вполнѣ возможнымъ установить даже особую форму увольненія крестьянъ путемъ временнаго исключенія изъ общины, подобно тому какъ изъ нея временно исключаются лица, поступившія на государственную службу, но не имѣющія однако правъ на совершенное исключеніе изъ податного состоянія (напр. почтальоны); въ каждый данный моментъ, за силою семейныхъ или иныхъ какихъ-либо обстоятельствъ, временно исключенный изъ общины можетъ вновь возвратиться въ общество съ правами на надѣлъ.

Когда мѣра эта была предложена мною въ коммиссіи по отмѣнѣ круговой поруки, засѣдавшей въ 1903 году при департаментѣ окладныхъ сборовъ, то я встрѣтилъ цѣлый рядъ весьма серьезныхъ возраженій; изъ нихъ наиболѣе существеннымъ являлось указаніе на неизбѣжность разрушающаго вліянія этой мѣры на сельскіе общественные распорядки: крайняя легкость отказа отъ земли и не меньшая легкость возвращенія на надѣлъ лицъ, порвавшихъ связь съ землей, лицъ, чуждыхъ для даннаго общества и числящихся въ немъ лишь номинально,—создаютъ такое ненормальное положеніе для членовъ общины даннаго состава и даннаго момента времени, находящихся подъ угнетеніемъ вѣчнаго страха предъ возможностью наплыва разныхъ бездомныхъ скитальцевъ или разбогатѣвшихъ аферистовъ и капиталистовъ (купцовъ), что всякое значеніе экономическихъ благо-

пріятныхъ послѣдствій общины подрывается въ самомъ корнѣ. Этотъ вѣчный страхъ способенъ будетъ парализовать всякую самодѣятельность и правильное развитіе общины, насколько оно выражается въ періодичности передѣловъ земли, и въ самомъ правѣ перехода къ подворному землепользованію. Вполнѣ признавая въ высшей степени серьезное значеніе за этими аргументами, я полагаю однако, что они касаются не столько самаго принципа предлагаемой мною мѣры, сколько отдѣльныхъ ея деталей.

Предложеніе мое въ самомъ принципѣ исходитъ изъ двухъ началъ, которыя остались нимало не поколебленными; первое начало—освобожденіе личности отъ земли, и второе—возможное обезпеченіе и устраненіе безземельнаго пролетаріата. Вотъ два главныхъ начала, къ которымъ община должна находиться въ подчиненномъ положеніи, ибо главной цѣлью общины именно и является поземельное устройство и обезпеченіе сельскаго населенія. Исходя изъ этихъ двухъ началъ, кто возьмется утверждать, что крестьянинъ долженъ быть навсегда прикованъ къ своему надѣлу и что, разъ отказавшись отъ земли, ему уже нѣтъ къ ней возврата? Такая отвлеченная теорія общины была бы слишкомъ жестокой.

Переходя къ частностямъ, въ чемъ видятъ опасность предлагаемой мною мѣры? Прежде всего, въ неустойчивости передѣловъ при постоянной возможности возвращенія на надѣлъ временно уволившихся членовъ. Я также полагаю, что ограниченія въ интересахъ правильности и устойчивости передѣловъ здѣсь совершенно необходимы. Я и говорю, что факультативному праву уволившихся на пользованіе надѣломъ должно соотвѣтствовать и факультативное надѣленіе землей возвратившагося лишь изъ свободныхъ надѣловъ или при первомъ передѣлѣ. Болѣе сложнымъ, повидимому, препятствіемъ являлся бы переходъ общины къ подворному землепользованію. Но при проектируемомъ мною порядкѣ временнаго увольненія изъ общины, уволившійся домохозяинъ „для счета народнаго“ продолжалъ бы числиться въ своемъ обществѣ, откуда и получалъ бы виды на жительство; такимъ образомъ не встрѣтилось бы неустранимыхъ затрудненій въ оповѣщеніи всѣхъ такихъ уволившихся о состоявшемся приговорѣ общины о переходѣ къ подворному землепользованію для предъявленія ими правъ на причитающіяся доли участковъ надѣловъ или для окончательнаго ихъ отказа отъ земли. Въ данномъ случаѣ вполнѣ возможно установленіе извѣстныхъ давностныхъ сроковъ на предъявленіе этихъ правъ. Къ тому же случаи перехода отъ общиннаго землепользованія къ подворному вообще очень рѣдки.

Говорятъ, что обезпеченіе пролетаріата можетъ подорвать экономическія силы общины при большомъ наплывѣ инвалидовъ. Но и

здѣсь вполнѣ возможны мѣры противъ неблагопріятныхъ послѣдствій слишкомъ широкаго проведенія въ жизнь права возвращенія на надѣлы. Совершенно необходимо установить для этого права извѣстную давность, причемъ, исходя изъ минимальныхъ сроковъ передѣловъ, давность эту возможно было бы установить двѣнадцатилѣтнюю. Но это уже вопросы частностей. Замѣтимъ при этомъ, что закономъ 12 марта 1903 года министру финансовъ предоставлено право слагать оклады выкупныхъ платежей съ надѣловъ бездоходныхъ, заброшенныхъ. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія интересы общины ничѣмъ нарушены не будутъ, разъ надѣлъ удалившагося члена никѣмъ не будетъ принятъ и останется безъ эксплоатаціи.

Замѣчательно, что, провозгласивъ однимъ изъ незыблемыхъ началъ пересмотра Положенія 19 февраля обособленность крестьянскаго сословія, редакціонная коммиссія замкнула надъ собой такое заколдованное кольцо, изъ котораго не оказалось положительно никакого выхода: не осталось мѣста никакимъ реформамъ въ смыслѣ дѣйствительнаго, радикальнаго улучшенія сельскаго правопорядка; мы уже видѣли, къ какимъ ничтожнымъ результатамъ привела коммиссію реформа сельскаго самоуправленія на почвѣ обособленности крестьянскаго сословія. То же самое наблюдается и въ проектированныхъ ею реформахъ волостной юстиціи. И вновь въ аргументаціи самой коммиссіи чувствуется сознаніе безплодности ея попытокъ.

„Обращаясь къ изысканію путей,—пишетъ редакціонная коммиссія,—могущихъ вывести наше сельское правосудіе въ области гражданскихъ правоотношеній изъ того *неупорядоченнаго* положенія (курсивъ мой), въ коемъ оно нынѣ находится, коммиссія признала прежде всего, что такимъ путемъ во всякомъ случаѣ не можетъ явиться сокращеніе круга вѣдомства волостныхъ судовъ до его прежнихъ ничтожныхъ размѣровъ, допускавшихъ разбирательство дѣлъ волостной подсудности на основаніяхъ, присущихъ простой домашней расправѣ. Не слѣдуетъ забывать, что число гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ по сельскому быту, уже нынѣ громадно и съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается. Замѣна волостного суда короннымъ была бы при такихъ условіяхъ сопряжена съ непосильными для государственнаго казначейства расходами и кромѣ того оказалась бы, можно сказать, физически неосуществимой, за отсутствіемъ у насъ надлежащаго числа лицъ, могущихъ отправлять судейскія обязанности. Дѣйствительно замѣстить должность волостныхъ судей, хотя бы даже и при значительномъ сокращеніи ихъ числа, изъ состава дѣятелей, органически связанныхъ со всѣми мѣстными интересами, немыслимо. Прогрессивная убыль

помѣстнаго класса достигла нынѣ такихъ размѣровъ, что во многихъ мѣстностяхъ встрѣчаются весьма серьезныя препятствія къ замѣщенію *исключительно изъ лицъ, къ нему принадлежащихъ* (курсивъ мой), должностей земскихъ начальниковъ".

Но чѣмъ же помочь горю? По мнѣнію коммиссіи, единственный исходъ—оставить волостной судъ въ настоящемъ его видѣ, снабдивъ его „твердыми правилами писаннаго закона", т.-е. оставить въ неприкосновенности тотъ самый судъ, который, выражаясь подлинными словами коммиссіи, „во многихъ мѣстностяхъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ волостныхъ писарей, въ качествѣ людей, обладающихъ бо̀льшимъ образованіемъ, нежели волостные судьи; между тѣмъ писаря часто не принадлежатъ къ мѣстному населенію и потому съ мѣстнымъ обычаемъ совершенно незнакомы". Любопытно при этомъ отмѣтить, что коммиссія признаетъ „недопустимымъ" предоставленіе повседневныхъ крестьянскихъ дѣлъ на судъ пришлыхъ коронныхъ судей, не знакомыхъ съ бытовыми сторонами сельской жизни. Очевидно, судъ волостныхъ писарей для коммиссіи представляется болѣе предпочтительнымъ. И по какимъ же дѣламъ? „На практикѣ разрѣшаемыя волостными судами дѣла о наслѣдственныхъ спорахъ между крестьянами доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей. По спорамъ о договорахъ найма и заборахъ товара, суду приходится порой разбираться въ бухгалтерскихъ книгахъ, такъ какъ одной изъ сторонъ являются нерѣдко торговые люди; по заемнымъ письмамъ волостному суду приходится рѣшать значеніе поручительныхъ и иныхъ надписей; въ дѣлахъ объ арендахъ и о сносѣ построекъ—разбирать чертежи и планы".

Сама коммиссія признаетъ, что ни одинъ изъ дѣйствующихъ въ имперіи кодексовъ ни процессуальнаго, ни матеріальнаго права не пригоденъ для волостного суда, превышая уровень развитія и пониманія судей; ни уложеніе о наказаніяхъ, ни I-я часть X-го тома, ни проектируемое гражданское уложеніе не могутъ быть ими въ достаточной степени усвоены и примѣнены правильно къ жизни. Въ одномъ случаѣ, „крестьянину былъ бы непонятенъ законъ, въ силу коего за уличную перебранку двухъ бабъ можетъ быть назначено наказаніе, доходящее до 6-ти мѣсяцевъ ареста или 500 рублей пени"; самый характеръ налагаемыхъ волостнымъ судомъ карательныхъ мѣръ рѣзко отличается отъ каръ, положенныхъ за тѣ же проступки въ общемъ уголовномъ законѣ. „Такъ, за преступныя дѣйствія, влекущія за собой въ правительственныхъ судахъ арестъ до трехъ мѣсяцевъ или даже тюремное заключеніе до одного года, волостной судъ въ правѣ приговорить виновныхъ только къ аресту до 15-ти дней и лишь въ особо важныхъ случаяхъ къ аресту до 30 дней, соединенному съ наказа-

ніемъ розгами до 20 ударовъ". Въ другомъ случаѣ, „гражданскій правооборотъ образовался у крестьянъ на основахъ порядка семейнаго и общиннаго и на принципѣ проведенія во многихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ, въ ущербъ началамъ индивидуальности и капитализма. Между тѣмъ, именно на послѣднихъ началахъ построено все содержаніе общаго гражданскаго права, въ томъ числѣ и дѣйствующаго X тома Свода Законовъ", предназначеннаго, по мнѣнію коммиссіи, лишь для дворянства, духовенства и купечества, но не для крестьянства. Коммиссія здѣсь приводитъ примѣры невозможнаго по X тому, но часто практикующагося среди крестьянъ устраненія отъ наслѣдованія ближайшихъ кровныхъ родственниковъ, съ дѣтства покинувшихъ семью, или непримѣнимость къ крестьянскому быту безусловнаго требованія письменной формы долгового обязательства или завѣщательныхъ актовъ.

Приведенные примѣры сословнаго правосудія представляются для насъ, однако, мало убѣдительными, такъ какъ въ вопросахъ опредѣленія размѣровъ уголовныхъ наказаній формула общаго уголовнаго законодательства, опредѣляющаго maximum возможной кары, по эластичности своей, нисколько не устраняетъ возможности примѣненія кары мѐньшаго размѣра, которой, по мнѣнію суда, заслуживаютъ данный проступокъ и данный субъектъ; равнымъ образомъ, для насъ представляется болѣе чѣмъ спорнымъ вопросъ объ интенсивности „легкаго", по мнѣнію коммиссіи, наказанія,—мѣсячнаго ареста, соединеннаго съ наказаніемъ розгами до 20-ти ударовъ; не думаемъ также, чтобы въ общемъ гражданскомъ законодательствѣ не могло быть допущено никакихъ изъятій относительно формальнаго требованія письменныхъ сдѣлокъ для лицъ неграмотныхъ, подобно тому, какъ оно и нынѣ, напр., допускается ст. 1700 X тома ч. I для сдѣлокъ по договорамъ найма крестьянами земель; мы лишь обращаемъ особое вниманіе на то обстоятельство, что сама коммиссія, признавшая полную непригодность X тома для крестьянскаго быта, тѣмъ не менѣе, считаетъ возможнымъ и нормальнымъ оставить права крестьянъ личныя, семейственныя и вотчинныя по внѣнадѣльному имуществу подъ охраной того же непонятнаго и непригоднаго для крестьянъ X тома. Исключеніе должны составлять крестьянскія обязательства и договоры и всѣ дѣла по наслѣдованію, для которыхъ, будто бы, необходимъ особый сельскій уставъ для волостныхъ судовъ. Впрочемъ, по отношенію къ наслѣдственнымъ правамъ коммиссія предлагаетъ оставить преобладающее значеніе за мѣстнымъ обычаемъ, т.-е. за тѣмъ правовымъ порядкомъ, который, по ея же удостовѣренію, „представляетъ задачу весьма трудную: рѣшить, что̀ есть обычай и что̀ нѣтъ".

Итакъ, волостной уставъ о наказаніяхъ и сельскій уставъ о дого-

ворахъ и наслѣдованіи—и вся задача упорядоченія волостного правосудія будетъ достигнута, какъ полагаетъ редакціонная коммиссія. „Труденъ и на первый взглядъ до дерзости смѣлъ лишь первый шагъ въ этомъ направленіи. Всѣ послѣдующіе шаги—а они неизбѣжны—несомнѣнно будутъ значительно легче, и, по глубокому убѣжденію коммиссіи, не пройдетъ и четверти вѣка, какъ нашъ сельскій судъ будетъ вооруженъ тѣмъ орудіемъ, безъ коего немыслимо ни правосудіе вообще, ни укрѣпленіе въ народномъ сознаніи стойкаго и правильнаго пониманія своего и чужого права, своихъ и чужихъ обязанностей".

Но вѣдь все это произойдетъ лишь черезъ 25 лѣтъ; а какъ же въ настоящее время? Опять тотъ же судъ волостныхъ писарей, тѣ же особливо-сословныя кары, тотъ же хаосъ примѣненія неуловимаго обычая? Компетентны ли были въ вопросахъ уголовнаго и гражданскаго права авторы, составлявшіе проекты сельскаго устава? По счастливой случайности, у насъ работаютъ спеціальныя коммиссіи по составленію уголовнаго и гражданскаго уложенія; почему не привлечены были къ участію эти высоко компетентныя учрежденія въ дѣлѣ составленія тѣхъ сельскихъ уставовъ, которыми будутъ руководствоваться при разрѣшеніи и опредѣленіи уголовныхъ проступковъ и гражданскихъ споровъ „по крайней мѣрѣ 80% всего населенія Имперіи"? По истинѣ, „шагъ смѣлый до дерзости" и не „на первый только взглядъ", какъ полагаетъ коммиссія.

Въ цѣляхъ ограниченія дѣятельности апелляціонной и кассаціонной инстанцій, т.-е уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія, редакціонная коммиссія предполагаетъ установить, чтобы приговоры и рѣшенія волостного суда по наименѣе важнымъ дѣламъ подлежали немедленному исполненію независимо отъ обжалованія ихъ; при кассаціонныхъ же жалобахъ требовать внесенія жалобщикомъ денежнаго залога, подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающею уваженія. Безъ этихъ вспомогательныхъ мѣропріятій волостная судебная процедура, по мнѣнію коммиссіи, „носитъ характеръ фиктивный и развѣнчиваетъ ее въ глазахъ населенія, оставляя въ немъ убѣжденіе въ безсиліи суда и побуждая къ самосуду".

Но и такихъ эстраординарныхъ мѣръ коммиссія считаетъ недостаточнымъ для приданія должнаго авторитета волостному суду въ глазахъ населенія. Мѣры эти теряютъ свою остроту предъ той частью проекта, гдѣ нынѣ существующую апелляціонную инстанцію—уѣздный съѣздъ, единственно компетентный мѣстный органъ правосудія—предполагается преобразовать въ „близкую къ населенію инстанцію", волостной съѣздъ, въ 2—4 пунктахъ уѣзда, съ тѣмъ, чтобы каждый такой съѣздъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника подлежащаго участка изъ земскихъ начальниковъ и предсѣдателей волостныхъ судовъ даннаго участка.

Врядъ ли нужно доказывать, въ какую пародію правосудія превратилась бы въ такомъ случаѣ приближенная къ населенію апелляціонная инстанція, и не трудно себѣ представить, какая роль досталась бы въ ней представителямъ мѣстнаго крестьянскаго населенія—предсѣдателямъ волостныхъ судовъ. Вѣроятно, нѣкоторымъ изъ членовъ самой редакціонной коммиссіи невольно пришла на память мастерская картина своеобразнаго правосудія изъ басни „Судъ звѣрей", ибо меньшинство коммиссіи осталось при особомъ мнѣніи, полагая, что организація выѣздныхъ сессій уѣзднаго съѣзда и введеніе въ составъ послѣдняго предсѣдателей волостныхъ судей гораздо вѣрнѣе служили бы цѣлямъ приближенія суда къ населенію безъ нарушенія элементарныхъ требованій справедливаго и свободнаго судебнаго рѣшенія. Можно еще было бы—не скажемъ примириться, но допустить возможность возникновенія въ средѣ редакціонной коммиссіи подобныхъ предположеній, если бы мы только-что не услыхали и не узнали отъ самой же коммиссіи, въ какомъ печальномъ положеніи находится постановка современной волостной юстиціи; въ самомъ дѣлѣ, полный хаосъ въ примѣненіи нормъ обычнаго права; смѣлыя „до дерзости" пробы воодушевленныхъ администраторовъ въ совершенно чуждой для нихъ священной области воплощенія народнаго правосознанія въ конкретныя формы законодательныхъ нормъ; невѣжество и юридическая безпомощность народныхъ судей и доминирующій голосъ волостного писаря, диктующаго имъ готовыя рѣшенія съ непонятными и путанными ссылками на толкованія самого сената... Достаточно лишь на одно мгновеніе представить себя въ роли ищущаго правосудія въ такомъ исключительномъ судилищѣ, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ возстать противъ малѣйшей попытки хотя немного затормазить и затруднить перенесеніе дѣла въ болѣе компетентную и безпристрастную судебную инстанцію. Подумала ли коммиссія о томъ, кто же и чѣмъ вознаградитъ потерпѣвшаго, напрасно отбывшаго какое-либо наказаніе, назначенное ему волостнымъ судомъ, разъ наказаніе это будетъ отмѣнено высшей инстанціей? Хорошо, если этимъ наказаніемъ явится штрафъ, а если имъ будетъ неправосудный арестъ? Представила ли она себѣ всю безпомощность бѣдняка, которому закрытъ доступъ къ правосудію, разъ онъ не имѣетъ денегъ—какъ неизбѣжный залогъ этого правосудія?.. Оставить населенію завѣдомо неисправный судъ, хаосъ правовыхъ нормъ неустановленныхъ обычаевъ и созидающихся, несформированныхъ законоположеній, и при этомъ всячески затруднить ему доступъ къ благому правосудію—единому источнику законности и правопорядка въ странѣ, и лелѣять себя мечтой о блаженныхъ будущихъ временахъ,—да развѣ такимъ порядкомъ увѣнчиваютъ и превозносятъ въ глазахъ населенія авторитетъ на-

роднаго суда, развѣ такъ проводятся въ жизнь идеи законности и порядка?

Въ отдѣлѣ реформы волостного суда, точно также какъ и въ отдѣлѣ сельскаго самоуправленія, изъ всѣхъ предположеній проекта мы согласны лишь съ однимъ,—это съ принятіемъ части содержанія предсѣдателей волостныхъ судовъ на счетъ государственнаго казначейства; но эту частность мы съ своей стороны связываемъ съ мѣрой совершенно иного характера, внѣ предположеній проекта коммиссіи. Мы полагаемъ, что такимъ предсѣдателемъ, получающимъ содержаніе отъ казны, долженъ быть не невѣжественный крестьянинъ, съ упованіемъ взирающій на всевѣдущаго волостного писаря—этого вершителя всѣхъ судебныхъ волостныхъ дѣлъ, а коронный судья, свѣдущій юристъ, выборный или по назначенію отъ правительства,—это несущественно. Подъ руководствомъ и подъ предсѣдательствомъ такого судьи оживетъ дѣятельность мѣстныхъ выборныхъ отъ крестьянскаго населенія волостныхъ судей, оживетъ норма обычнаго права, выслушанная отъ мѣстныхъ представителей, правильно понятая и воплощенная въ конкретную форму судебныхъ рѣшеній; въ его опытныхъ и умѣлыхъ рукахъ въ крестьянскомъ быту получатъ примѣненіе общія нормы уголовнаго и гражданскаго права, и тѣ деревенскія бабы, о которыхъ скорбитъ коммиссія, могутъ спокойно продолжать свою уличную перебранку, безъ всякаго риска быть оштрафованными за то на 500 рублей.

Редакціонная коммиссія недоумѣваетъ, откуда возьмутся средства, откуда возьмутся люди для такой реформы? Отвѣтъ нашъ все будетъ тотъ же: изъ всесословной волости. Думается намъ, что вмѣсто трехъ, четырехъ, вмѣсто пяти нынѣшнихъ волостныхъ судовъ, достаточно одного волостного суда реформированнаго типа; съ пособіемъ отъ казны, какъ это и предполагаетъ коммиссія, возможно имѣть для такого суда опытнаго и образованнаго юриста. Пусть юристъ этотъ будетъ не мѣстнымъ человѣкомъ; вѣдь и волостной писарь не мѣстный человѣкъ: думается, однако, что и въ мѣстныхъ людяхъ большого недостатка не будетъ; примѣръ, приводимый коммиссіей о недостаткѣ кандидатовъ на должность земскихъ начальниковъ, ничего еще не доказываетъ. Вѣдь для предсѣдателя волостного суда вовсе не требуется привилегированнаго сословнаго ценза; ему нужно лишь извѣстное образованіе.

Конечно, для выборныхъ мѣстныхъ людей нельзя установить строгаго образовательнаго ценза; но судьи, назначенные отъ правительства, должны обладать высшимъ юридическимъ образованіемъ; такихъ судей вполнѣ возможно ввести въ кругъ мѣстныхъ интересовъ или въ качествѣ обязательныхъ членовъ собраній всесословной волости, или предоставивъ имъ пассивное избирательное право.

Съ введеніемъ подобнаго коллегіальнаго волостного суда, подъ предсѣдательствомъ коронная судьи, судебныя функціи земскихъ начальниковъ, конечно, упразднятся, а слѣдовательно вполнѣ возможно и сокращеніе ихъ численнаго состава.

Трудно обсуждать вопросъ первостепенной важности о формахъ крестьянскаго землепользованія въ настоящемъ краткомъ и бѣгломъ очеркѣ. Ограничимся, поэтому, лишь разсмотрѣніемъ главныхъ моментовъ нашего дѣйствующаго и проектируемаго законодательства по отношенію къ этому основному вопросу, опредѣляющему весь строй хозяйственной жизни русской деревни. Мы не станемъ повторять аргументовъ сторонниковъ общиннаго или индивидуальнаго землепользованія, — они слишкомъ хорошо извѣстны. Напомнимъ лишь, что за послѣднее время идеи сторонниковъ индивидуальной поземельной собственности настолько сильно и властно охватили значительную часть правительственныхъ нашихъ сферъ, что для многихъ гибель русской общины казалась близкой и неизбѣжной; въ канцеляріяхъ соотвѣтствующихъ вѣдомствъ спѣшно приготовлялись уже проекты, въ самомъ корнѣ подрывающіе общинный строй земельныхъ распорядковъ, и сомнѣнія въ благодѣтельности проектовъ этихъ не допускалось: дни русской общины, казалось, были сочтены.

И въ эти-то тревожные дни смутныхъ ожиданій Высочайшій манифестъ 26-го февраля 1903 года нежданно разсѣялъ напрасные страхи и убѣдилъ всѣхъ въ непремѣнной волѣ Государя сохранить народу его вѣковой земельный строй. „Предначертанные нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи,—гласилъ манифестъ,—по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины“.

Редакціонная коммиссія по пересмотру Положенія о крестьянахъ имѣла такимъ образомъ предъ собой совершенно ясно выраженную волю законодателя въ двухъ Высочайшихъ повелѣніяхъ,—и въ цитированномъ манифестѣ 26-го февраля, и въ повелѣніи видоизмѣнить крестьянскія узаконенія въ духѣ началъ Положенія 19-го февраля, къ каковымъ необходимо отнести и общинную форму землепользованія. Проектъ весьма кстати приводитъ мнѣніе редакціонныхъ коммиссій,

трудившихся надъ составленіемъ Положеній 19-го февраля 1861 года, о преимуществахъ общиннаго и подворнаго владѣнія; вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить его разрѣшеніе естественному ходу вещей. „Слѣдуетъ удерживаться отъ стремленія разрѣшить этотъ вопросъ принудительными правительственными мѣрами. Всякое уклоненіе отъ этого начала было бы сопряжено не только съ самыми невыгодными для всѣхъ сторонъ послѣдствіями, но и съ ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ историческаго хода русской общественной жизни". Приведя на справку это историческое мнѣніе редакціонныхъ коммиссій 60-хъ годовъ, современная намъ редакціонная коммиссія утверждаетъ съ своей стороны, что „высказанныя сужденія сохраняютъ глубокое значеніе и въ настоящее время. При такихъ условіяхъ задача законодателя въ данномъ случаѣ должна состоять не въ коренной насильственной ломкѣ существующаго у крестьянъ порядка землепользованія, а главнымъ образомъ въ предоставленіи сельскому населенію всѣхъ средствъ къ сознательному по собственному почину, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, переходу къ болѣе совершеннымъ способамъ использованія ихъ земельныхъ богатствъ". Въ дальнѣйшемъ изложеніи проектируемыхъ мѣропріятій коммиссія считаетъ идеальнымъ лишь одинъ видъ землепользованія, а именно владѣніе отрубными земельными участками съ индивидуальнымъ хуторскимъ хозяйствомъ, совершенно справедливо полагая, что всѣ недостатки современнаго общиннаго землевладѣнія, какъ-то чрезполосность, длинноземелье, принудительный сѣвооборотъ, крайняя дробность участковъ, даже періодическая передвижка полосъ, въ одинаковой степени присущи и подворному, и наслѣдственному землепользованію. Въ качествѣ мѣръ переходныхъ къ начертанному идеалу хуторскаго хозяйства, въ виду крайней и непосильной дороговизны организаціи послѣдняго на болѣе широкихъ началахъ, коммиссія проектируетъ разселеніе большихъ деревень и выселеніе части домохозяевъ на отдѣльные земельные участки ихъ надѣловъ, съ размежеваніемъ земли и выдѣломъ ея по требованію выселяющагося къ одному мѣсту, причемъ весьма возможны случаи, что надѣльные участки такихъ переселенцевъ будутъ непосредственно примыкать къ ихъ усадьбамъ, т.-е. силою обстоятельствъ, безъ всякихъ особыхъ размежеваній, образуются отдѣльныя хуторскія хозяйства.

Польза такихъ хуторскихъ хозяйствъ представляется для коммиссіи настолько неопровержимой, что она проектируетъ даже непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ государственной власти; она высказываетъ пожеланіе поощрить крестьянъ къ выселеніямъ предоставленіемъ особыхъ податныхъ льготъ, напр., въ уплатѣ выкупныхъ платежей не только самимъ выселяющимся, но и остающимся въ корен-

номъ селеніи домохозяевамъ; вопросъ объ изысканіи особыхъ для сего льготъ необходимо разработать, по мнѣнію коммиссіи, болѣе детально, уполномочивъ министра внутреннихъ дѣлъ войти въ соглашеніе съ подлежащими вѣдомствами.

Словомъ, идеальное хуторское хозяйство настолько овладѣваетъ стремленіями проекта, что интересы общины совершенно затушевываются и отходятъ на второй планъ: основное начало сельскаго быта въ духѣ Положеній 19-го февраля, его общинное землепользованіе—въ переработкѣ коммиссіи получаетъ характеръ не той господствующей идеи, которая, согласно дважды высказанной Высочайшей волѣ, должна проникать собой все переработанное крестьянское законодательство, а какого-то неизбѣжнаго зла, остатка переживанія, тормазящаго прогрессъ сельско-хозяйственной техники и успѣхи земледѣлія, съ которымъ можно и должно пока мириться, но отъ котораго необходимо всемѣрно стараться отдѣлаться.

Въ данномъ случаѣ мы видимъ предъ собой весьма характерный образецъ тѣхъ предположеній, которыя неизмѣнно и постоянно сопутствуютъ всѣмъ спорамъ объ общинѣ: интересно, что не только защитники, но и противники общиннаго строя безконечно твердятъ о своемъ стремленіи какъ можно бережнѣе относиться къ этому вѣковому историческому институту и отнюдь не принимать относительно его какихъ-либо рѣшительныхъ, разрушающихъ его, мѣръ. Все различіе, на первый взглядъ даже не существенное, между окончательными формулами и тезисами сторонниковъ и противниковъ общины сводится лишь къ тому, что когда первые говорятъ: община должна быть оставлена законодательствомъ въ неприкосновенности, въ качествѣ института бытового, исторически возникающаго, развивающагося и разлагающагося, — оппоненты ихъ подтверждаютъ ихъ главное положеніе: да, оставить общину въ неприкосновенности, ибо безумно было бы почеркомъ пера уничтожать вѣковые институты и радикально измѣнять исторически сложившійся поземельный строй общественныхъ отношеній, но необходимо внести нѣкоторыя частичныя поправки и улучшенія въ дѣйствующее законодательство и предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ свободу выхода изъ общины и *свободу выдѣла* ихъ надѣльныхъ участковъ.

Но какъ не понять, что въ этой-то свободѣ выдѣла надѣльныхъ участковъ и таится смертельная гибель общины! О какихъ общинныхъ принципахъ и началахъ возможна рѣчь, когда эти принципы свободно и безнаказанно будетъ попирать любой крестьянинъ, не поладившій съ обществомъ и насильственно выхватывающій въ свою собственность любой кусокъ чужой земли? Именно чужой, ибо земля эта ему не принадлежитъ; она общественная; онъ—лишь временный

ея держатель и пользователь; право же собственности на общинную землю принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу, пользующемуся такими же правами и такой же охраной закона, какъ и лица физическія. Почему, на основаніи какихъ именно соображеній высшей справедливости, индивидуальныя стремленія отдѣльныхъ домохозяевъ должны пользоваться такой предпочтительной охраной закона, предъ которой замолкаютъ нормы дѣйствующаго права? Развѣ дѣйствующее наше законодательство не признаетъ существованія сельской общины, какъ юридическаго лица, развѣ оно не признаетъ ея имущественныхъ правъ? Ст. 17-я Общаго Положенія прямо указываетъ, что по дѣламъ хозяйственнымъ крестьяне составляютъ сельскія общества съ особымъ органомъ управленія — міромъ. Ст. 414-я (п. 3-й) I ч. X т. свода зак. признаетъ за сельскимъ обществомъ право пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имущества. Въ этихъ двухъ статьяхъ законъ, слѣдовательно, признаетъ особую форму земельной собственности, поземельную общину, т.-е. такую поземельную собственность, права на которую принадлежатъ цѣлому сельскому обществу. Объ этихъ же общинныхъ правахъ трактуетъ и ст. 34-я Общаго Положенія, предусматривающая право пріобрѣтенія сельскими обществами земель независимо отъ ихъ надѣла, причемъ право на участіе въ такомъ „общемъ владѣніи собственностью“ крестьянинъ можетъ уступить постороннему лицу лишь съ согласія міра (ст. 35). Послѣдующія сенатскія толкованія приведенныхъ статей вполнѣ установили принципъ общиннаго владѣнія подобными землями.

По отношенію къ надѣльнымъ землямъ тотъ же принципъ установленъ ст. 113 (прежней 165) Положенія о выкупѣ, ст. 93 Великор. Положенія и ст. 33 Положенія о государственныхъ крестьянахъ.

Во всѣхъ проектируемыхъ мѣропріятіяхъ, какъ административнаго характера, такъ и литературнаго, изъ лагеря противниковъ общины, свободу выхода изъ общины почему-то принято связывать съ свободой выдѣла надѣльнаго участка удаляющагося. Между тѣмъ эти мѣропріятія являются далеко не равнозначащими по отношенію къ принципамъ дѣйствующаго у насъ законодательства объ общинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если признать поземельную общину, какъ юридическое лицо имущественнаго характера, а за таковое несомнѣнно и признаетъ ее нашъ законъ въ цитированныхъ статьяхъ, то о насильственномъ удержаніи въ этой общинѣ отдѣльныхъ членовъ, держателей надѣльныхъ участковъ земли, съ чисто юридической стороны гражданскаго права не можетъ быть и рѣчи; до сихъ поръ свободному выходу крестьянъ изъ общины препятствовали правила чисто полицейскаго и фискальнаго характера; нынѣ, за отмѣной круговой поруки, препятствія эти утратили всякое практическое значеніе, и для крестьянина

открылся свободный выходъ изъ общины, разъ обработка надѣла почему-либо представляется ему невыгодной и разъ его влекутъ на сторону иные, болѣе прибыльные промыслы. Не хочешь работать, пахать и сѣять общинную землю—уходи; никому нѣтъ никакого интереса насильственно держать крестьянина на надѣльномъ участкѣ земли. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что уходящій отъ общественнаго надѣла въ правѣ утащить за собой и присвоить себѣ чужую собственность, принадлежащую всей общинѣ, всему міру, какъ юридическому лицу? Эта мысль такъ ясна, такъ обоснована юридически, что можно лишь удивляться предложеніямъ авторовъ, не желающихъ различать элементарнѣйшихъ правовыхъ понятій. За послѣднее время все чаще и чаще стали возникать различныя общества помощи, различныя патрональныя учрежденія, дающія пріютъ и работу бездомному люду. Кто сталъ бы удерживать этотъ людъ въ учрежденіяхъ этихъ насильственно? Но неужели же каждый, воспользовавшійся такой помощью и проживній нѣкоторое время въ пріютѣ, хотя бы онъ и выплачивалъ за свое содержаніе изъ своего заработка, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право, уходя, потребовать выдѣла себѣ не только тѣхъ вещей, которыми онъ пользовался въ пріютѣ, но и части недвижимаго имущества, напр., построекъ, принадлежащихъ этому пріюту?

По отношенію къ надѣламъ, всю путаницу понятій общей и индивидуальной собственности производитъ, повидимому, выкупная операція, выкупъ надѣловъ, особенно же допускаемый закономъ выкупъ надѣла отдѣльныхъ домохозяевъ. Но не надо забывать, что надѣлъ выкупается обществомъ, какъ юридическимъ лицомъ, и что выкупъ участковъ отдѣльными домохозяевами непремѣнно и безусловно долженъ быть санкціонированъ самой общиной (ст. 165-я).

Говорятъ, что съ поземельной общиной нечего церемониться, ибо отъ нея-то и происходитъ вся наша нищета, весь застой нашей сельско-хозяйственной промышленности. Хуторское хозяйство—вотъ идеалъ земледѣльческаго и землевладѣльческаго благосостоянія, вотъ оплотъ политическаго могущества страны. И при этомъ обыкновенно ссылаются на сравнительную хозяйственную обезпеченность сельскаго населенія нашихъ польскихъ и западныхъ губерній. Но развѣ идеалъ этотъ такъ безспорно установленъ? Развѣ редакціонная коммиссія, не постѣснившаяся бросить упрекъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелямъ, — творцамъ дѣйствующихъ нынѣ законоположеній о крестьянахъ, — въ отвлеченности и теоретичности ихъ умозрительныхъ началъ, развѣ она, поборница и поклонница трезваго опыта, заглянула и справилась съ мнѣніями и отзывами мѣстныхъ практическихъ людей, высказанными въ губернскихъ совѣщаніяхъ въ 1894 году по вопросу о хуторскомъ хозяйствѣ? Вопросъ этотъ разсматривался, напр.,

въ рязанскомъ совѣщаніи, которое признало, что, безспорно, хуторское хозяйство является выгоднѣе, нежели общинное, но при условіи образованія такихъ участковъ въ составѣ не менѣе 30—50 десятинъ на домохозяйство. „Но подобныхъ хуторскихъ участковъ невозможно образовать въ общинахъ даже бо́льшей по землевладѣнію величины, какъ по разнокачественности угодій надѣла, такъ въ особенности по неимѣнію для того достаточнаго количества земли въ общинахъ рязанской губерніи, а также вслѣдствіе привычки русскихъ крестьянъ жить селами, а не хуторами",—такъ заключаетъ рязанское совѣщаніе. Тульское совѣщаніе, останавливаясь на преимуществахъ общиннаго или индивидуальнаго землепользованія, отмѣчаетъ: „Что касается отношенія самихъ крестьянъ къ вопросу о предпочтительности того или другого способа пользованія землей, то однимъ изъ указаній на этотъ взглядъ можетъ служить то обстоятельство, что съ открытія дѣятельности въ тульской губерніи крестьянскаго земельнаго банка почти всѣ покупки крестьянами земель совершаются ими цѣлыми обществами, или товариществами, а самое пользованіе купленными землями происходитъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и при общинномъ владѣніи". Такъ говорятъ люди-практики въ взятыхъ нами на выдержку двухъ губерніяхъ района общиннаго землепользованія. Кто станетъ спорить, что при 50-ти десятинахъ надѣла хозяйство пойдетъ успѣшнѣе нежели, при 5-ти,—но при чемъ тутъ община и хутора? Указаніе тульскаго совѣщанія тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнно, что оно намѣчаетъ единственный возможный путь производства опытовъ съ насажденіемъ у насъ хуторскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы крестьянскому банку не взять на себя почина по насажденію въ средѣ Руси общинной хуторскаго хозяйства? Опытъ, имѣющій несомнѣнно государственное значеніе, умѣстно и производить за счетъ государственныхъ средствъ. Проектируемыя же мѣропріятія насильственнаго захвата чужихъ земель, принадлежащихъ общинѣ, для насажденія на нихъ культуры индивидуализма, по существу своему положительно ничѣмъ не отличаются отъ пресловутыхъ и нелѣпыхъ басенъ о черномъ передѣлѣ. Подобныя мѣропріятія тѣмъ болѣе недопустимы, что сама редакціонная коммиссія одной изъ задачъ своего труда поставила заботу „объ утвержденіи въ сельскомъ населеніи чувства законности и уваженія къ чужимъ правамъ".

Коммиссія подробно останавливается на вопросѣ объ упорядоченіи земельныхъ отношеній крестьянъ съ смежными владѣльцами. Для этого, по мнѣнію ея, требуется произвести въ Россіи цѣлый рядъ работъ по размежеванію и установленію болѣе точныхъ границъ поземельныхъ владѣній. Вполнѣ понятно, что существующихъ межевыхъ правительственныхъ силъ являлось бы для того недостаточнымъ. Необхо-

димо въ каждой губерніи учредить по нѣскольку должностей штатныхъ землемѣровъ, съ особымъ межевымъ ревизоромъ во главѣ. Такому насущному предложенію нельзя не сочувствовать. Нельзя не согласиться съ коммиссіей и въ томъ, что въ этомъ важномъ дѣлѣ расходъ казны на содержаніе землемѣровъ, хотя бы и въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ, не долженъ останавливать и что онъ „сторицею окупится достигнутыми результатами въ области землеустройства“. Предложеніе учредить институтъ этотъ при крестьянскихъ установленіяхъ также весьма практично; не мѣшало бы вообще землемѣрную часть передать въ руки болѣе живыхъ установленій, нежели архаическихъ, отжившихъ свой вѣкъ, ненужныхъ губернскихъ правленій. Это учрежденіе съ своими огромными штатами чисто канцелярскихъ чиновниковъ, не идущихъ далѣе нумераціи безконечнаго ряда исходящихъ и входящихъ бумагъ, чуждое жизни и ея живыхъ потребностей, стòитъ не малыхъ денегъ государству, во всякомъ случаѣ больше тѣхъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, которыя по проекту потребны для содержанія штата землемѣровъ. Отсюда безъ всякаго ущерба для дѣла можно было бы почерпнуть средства на введеніе нужнаго для страны института землемѣровъ.—А. Еропкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1904.

Кончина В. К. фонъ-Плеве.—Значеніе земскихъ учрежденій для провинціальной русской жизни.—Отношенія между губернскими и уѣздными земствами.—Заслуги губернскихъ земствъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. — Проектъ общеземской школьной выставки въ Москвѣ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатано:

„15-го іюля, въ десять часовъ утра, когда министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Плеве, направляясь на балтійскій вокзалъ для слѣдованія въ Петергофъ, проѣзжалъ по Измайловскому проспекту, подъ карету его стоявшимъ около тротуара человѣкомъ былъ брошенъ разрывной снарядъ. Послѣдовавшимъ взрывомъ были убиты министръ и кучеръ его кареты, крестьянинъ Иванъ Филипповъ; изъ находившихся случайно вблизи тяжело раненъ капитанъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Цвѣцинскій и получили пораненія: рядовой нестроевой штаба 37-й пѣхотной дивизіи Фризенбергъ, конторщикъ Лейба Мошковскій, извозчикъ Филиппъ Крайновъ, маляръ Иванъ Хромцовъ, артельщикъ Аѳанасьевъ, служащій въ конторѣ николаевской желѣзной дороги Лаврентьевъ, Ольга Тимофѣева и ея внучка 3-хъ лѣтъ и запасный рядовой Фридрихъ Гартманъ.

„Убійца, получившій при взрывѣ нѣсколько неопасныхъ ранъ, задержанъ на мѣстѣ преступленія и отказался назвать себя.

„По дѣлу производится слѣдствіе судебнымъ слѣдователемъ с.-петербургскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ".

Условія историческаго развитія нашего отечества сложились крайне своеобразно и во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличались отъ условій общественнаго развитія западной Европы. Вотъ что̀ говорилъ, напр., по этому поводу въ 1846 году покойный К. Д. Кавелинъ: „Въ

Европѣ сословія,—у насъ нѣтъ сословій; въ Европѣ—аристократія,—у насъ нѣтъ аристократіи; тамъ особенное устройство городовъ и среднее сословіе, — у насъ одинаковое устройство городовъ и селъ, и нѣтъ средняго, какъ и другихъ сословій; въ Европѣ рыцарство,—у насъ нѣтъ рыцарства; тамъ церковь, облеченная свѣтской властью, въ борьбѣ съ государствомъ,—здѣсь церковь, не имѣющая никакой власти и въ мірскомъ отношеніи зависящая отъ государства; тамъ множество монашескихъ орденовъ,—у насъ одинъ монашескій орденъ, да и тотъ основанъ не въ Россіи" [1]) и т. д. Если такая характеристика и заключала въ себѣ значительное преувеличеніе, то въ общемъ въ ней содержится и нѣкоторая доля правды. По сравненію съ западной Европой, наша общественная жизнь представлялась, до 60-хъ годовъ XIX вѣка, почти столь же однообразной и разбросанной, какъ разбросанны и однообразны необъятныя равнины нашего отечества. Но правительственная организація у насъ крѣпла, росла и развивалась, стремясь все болѣе и болѣе къ централизаціи во внутреннихъ дѣлахъ и къ военному могуществу—во внѣшнихъ. То, что можетъ быть названо *обществомъ* въ истинномъ значеніи этого слова, до послѣдняго времени въ Россіи почти не существовало. Условія историческаго развитія вырабатывали у насъ въ массѣ не столько гражданъ, сколько обывателей. Говоря такъ, мы слишкомъ далеки отъ мысли, чтобы отрицать, въ какую бы то ни было эпоху, у лучшей части нашего общества и народа стремленія къ работѣ на пользу общаго блага, родины и во имя высокихъ идеальныхъ принциповъ. Люди, способные возвышаться надъ узко-эгоистическими интересами, проникнутые „альтруизмомъ", и чувствомъ нравственнаго долга, всегда были у насъ и, быть можетъ, не въ меньшемъ относительно количествѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но и ихъ дѣятельность была окрашена у насъ какимъ-то особымъ колоритомъ и носила своеобразный характеръ: въ большинствѣ случаевъ мы видимъ взрывы энтузіазма, иногда высокіе примѣры героическаго самопожертвованія, но рѣдко встрѣчаемся съ систематическою, планомѣрною работой и съ энергическимъ, упорнымъ трудомъ.

Съ другой стороны—и это особенно характерно—русскій человѣкъ обычно дѣйствуетъ или въ одиночку, или стихійно настроенной толпой, а не посредствомъ какой-нибудь правильной организаціи общественныхъ силъ. У него слишкомъ еще слабъ общественный духъ, слишкомъ недостаточно развита наклонность къ совмѣстной работѣ, которая при современныхъ условіяхъ жизни только одна и можетъ гарантировать успѣхъ всякаго дѣла. Навыки къ вполнѣ упорядоченной коллективной дѣятельности, къ выдержкѣ и разумной дисциплинѣ при веденіи общественныхъ дѣлъ у насъ еще слабо развиты. Для этого въ русской

---

[1]) Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1897 г., стр. 6.

дѣйствительности не было, особенно въ дореформенную эпоху, надлежащихъ условій. Культура общественности требуетъ для себя и благопріятной почвы, и здоровой атмосферы. Ни тѣмъ, ни другимъ мы долгое время не обладали въ достаточной мѣрѣ. Какъ могли создаться у насъ общественные навыки и стремленія, когда, напр., даже наиболѣе образованная, наиболѣе благопріятно поставленная часть русскаго общества — помѣстное дворянство обречено было или нести, въ качествѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, одну лишь государственную службу, или жить изолированно въ своихъ имѣніяхъ? Общественныя функціи дворянства, его сословныя права и обязанности и прежде были довольно ограниченныя.

Переворотъ, произведенный въ русской жизни реформами 60-хъ годовъ и подготовленный цѣлымъ рядомъ политическихъ и экономическихъ факторовъ, создалъ у насъ почву и для развитія духа закономѣрной общественности. На арену исторіи выступили новыя живыя силы; положено было начало земскому и городскому самоуправленію; начинаютъ возникать и рости различныя общества, союзы и пр., — словомъ, жизнь стала все болѣе и болѣе кристаллизоваться и мало-помалу выходить изъ безформеннаго состоянія. Процессъ этотъ, несмотря на встрѣченныя имъ затрудненія, все шелъ впередъ. Въ этомъ процессѣ важное мѣсто занимали земскія учрежденія, такъ какъ они являлись, такъ сказать, одною изъ школъ для созданія у насъ общественныхъ навыковъ и традицій. Говоря это, мы должны, во избѣжаніе недоразумѣній, сдѣлать одну оговорку. Было бы большою ошибкою предположить, что наши земскія учрежденія могутъ *сами по себѣ* сыграть видную роль въ будущихъ судьбахъ нашего отечества. При современныхъ общественныхъ условіяхъ, наше земство, хотя и является учрежденіемъ безсословнымъ, тѣмъ не менѣе находится въ рукахъ тѣхъ элементовъ общества, жизненные интересы которыхъ не совпадаютъ, а во многомъ даже могутъ быть иногда противоположны интересамъ массы населенія. Эту рознь интересовъ можно прослѣдить на очень многихъ явленіяхъ земской жизни, хотя въ общемъ она иногда стушевывалась, во-первыхъ, тѣмъ, что въ земской работѣ постоянно выдвигался цѣлый рядъ задачъ, одинаково важныхъ для всѣхъ слоевъ населенія, а во-вторыхъ тѣмъ, что въ земскую среду въ довольно значительномъ количествѣ попадали люди, которые, въ силу идеологическихъ стремленій, были способны стать выше интересовъ своей группы или класса. Въ числѣ многихъ другихъ причинъ этому послѣднему явленію способствовала, съ одной стороны, сравнительно еще слабая дифференцировка нашей общественной жизни, а съ другой—то обстоятельство, что земскія учрежденія, по ограниченности своей компетенціи, не могли еще являться серьезной ареной для проявленія антагонизма различныхъ классовъ, ибо здѣсь не могли затро-

гиваться ихъ существенные интересы. Въ будущемъ такой антагонизмъ, несомнѣнно, проявится сильнѣе; и мы не видимъ въ этомъ ничего опаснаго, лишь бы были гарантированы надлежащія условія для правильнаго и свободнаго проявленія этого взаимодѣйствія. Впрочемъ, такого рода взаимодѣйствіе представляется намъ дѣломъ будущаго. Въ ближайшее же время, въ земствѣ, какъ и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ и организаціяхъ, выдвигаются задачи, рѣшеніе которыхъ диктуется всѣмъ ходомъ нашей исторической жизни и одинаково важно для всѣхъ слоевъ населенія.

Отмѣченная нами выше культурная и общественно-воспитательная роль земскихъ учрежденій въ значительной степени съуживается вслѣдствіе того, что, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, наше земство все болѣе и болѣе принимаетъ бюрократическій характеръ, по самому своему существу прямо противоположный принципу самоуправленія и общественности. Кромѣ того, крайне вредное вліяніе на общественное значеніе земскихъ учрежденій оказываютъ весьма часто повторяющіеся опыты постепеннаго ограниченія круга ихъ вѣдомства. Какъ, однако, ни были бы тяжелы условія земской жизни, они не должны парализовать энергію истинныхъ земскихъ тружениковъ. Сознавая всю важность и отвѣтственность своей работы, они не станутъ сомнѣваться въ ея продуктивности, если вспомнятъ аналогичную исторію мѣстнаго самоуправленія во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ. Въ интересной статьѣ г. Лазаревскаго о самоуправленіи, помѣщенной въ извѣстномъ сборникѣ „Мелкая земская единица", справедливо указывается, что „компетенція органовъ самоуправленія вообще имѣетъ повсемѣстно тенденцію къ постепенному расширенію. Обратное движеніе, отнятіе у самоуправляющихся единицъ уже предоставленныхъ имъ полномочій, наблюдалось лишь въ эпохи, наиболѣе реакціонно настроенныя, и всегда такое умаленіе учрежденій общественнаго управленія имѣло временный характеръ: отобранное скоро возвращалось имъ вновь". Наше земское самоуправленіе, какъ извѣстно, давно уже испытываетъ на себѣ умаленіе своей компетенціи, но, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что каковы бы ни были ближайшія перспективы его будущности, оно впослѣдствіи получитъ надлежащее положеніе въ странѣ. Но для того необходимо расширить сферу земской дѣятельности, разнообразить ее и сдѣлать ее возможно плодотворной и осязательной по своимъ результатамъ для жизни населенія.

Несмотря на то, что въ текущемъ году исполнится сорокъ лѣтъ со времени введенія у насъ земства, устройство земскихъ учрежденій находится еще и до сихъ поръ какъ бы въ незаконченномъ и несовершенномъ видѣ. Вопросъ о мелкой земской единицѣ, которая должна привить земское начало въ самыхъ нѣдрахъ народной жизни, остается еще далеко не разработаннымъ даже со многихъ принципіальныхъ сто-

ронъ и едва ли въ скоромъ времени можетъ разсчитывать на практическое осуществленіе. Еще въ менѣе опредѣленномъ положеніи остается вопросъ о сосредоточеніи работы земствъ отдѣльныхъ губерній для болѣе цѣлесообразнаго достиженія намѣченныхъ закономъ цѣлей. Интересы практической жизни и нужды самого земскаго хозяйства давно уже требуютъ систематической и планомѣрной совмѣстной работы земствъ того или иного района, но пока такого рода совмѣстная работа ведется случайно и не имѣетъ подъ собой никакой твердой, устойчивой почвы. По отдѣльнымъ отраслямъ земскаго хозяйства нерѣдко устроиваются теперь съѣзды, совѣщанія и т. п., бываютъ случаи, что нѣкоторые земскіе дѣятели изъ разныхъ концовъ Россіи приглашаются къ обсужденію различныхъ правительственныхъ мѣропріятій; возникаетъ цѣлый рядъ частныхъ сношеній земствъ между собою, взаимный обмѣнъ мнѣній, услугъ и т. д., но все это, конечно, можетъ разсматриваться только какъ зачатки будущей болѣе правильной организаціи.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, наибольшей территоріальной единицей, на которую распространяется систематическая и планомѣрная дѣятельность земскихъ учрежденій, является губернія, и губернское земство представляетъ собою органъ, на обязанности котораго по существу дѣла лежитъ, съ одной стороны, регулированіе этой дѣятельности, а съ другой — проведеніе въ жизнь тѣхъ мѣропріятій, какія оказываются не подъ силу отдѣльнымъ уѣзднымъ земствамъ. Къ сожалѣнію, однако, даже эти органы земскаго самоуправленія, задачи которыхъ довольно скромны, едва ли могутъ считать свое существованіе вполнѣ упрочившимся и за послѣдніе годы вызываютъ въ извѣстнаго рода печати противъ себя цѣлый рядъ нареканій,—правда, не имѣющихъ за себя хотя сколько-нибудь вѣскихъ и убѣдительныхъ данныхъ. Но, не говоря уже, если можно такъ выразиться, о внѣшнихъ врагахъ, какими можно считать представителей извѣстной части печати, встрѣчается не мало и внутреннихъ враговъ губернскаго земства —въ самой земской средѣ. Конечно, изъ числа земскихъ дѣятелей едва ли найдутся люди, которые стали бы отрицать необходимость самаго существованія губернскаго земства, но такихъ, которые стремятся ограничить компетенцію и сферу дѣятельности послѣдняго и довести ее до минимума, можно насчитать достаточное количество.

Разногласія между губернскимъ и уѣздными земствами стали обнаруживаться уже давно и нерѣдко принимали очень острый характеръ. Такъ, еще въ 1896 г., на совѣщаніяхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, одинъ изъ предсѣдателей губернской управы, между прочимъ, въ такихъ словахъ характеризовалъ отношенія уѣздныхъ земствъ къ губернскимъ: „Иногда приходится встрѣчаться съ стремленіями уѣздныхъ земствъ къ крайнему

сепаратизму, причемъ нерѣдко уѣздныя земства смотрятъ на губернское какъ на учрежденіе совершенно постороннее или только какъ на кассу, изъ которой можно черпать средства для покрытія своихъ уѣздныхъ расходовъ, но въ другихъ случаяхъ слышатся заявленія о нѣкоторомъ посягательствѣ со стороны губернскихъ земствъ на самостоятельность уѣздныхъ и на излишнее вторженіе первыхъ въ сферу дѣятельности послѣднихъ. Все это свидѣтельствуетъ, что не существуетъ еще въ земскомъ самосознаніи опредѣленнаго убѣжденія въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій". Распря между губернскимъ и уѣздными земствами сказалась спустя нѣсколько лѣтъ послѣ нижегородскихъ совѣщаній и въ московской губерніи, когда дѣло дошло до того, что г. Шиповъ принужденъ былъ тогда отказаться отъ должности предсѣдателя губернской земской управы. Инцидентъ этотъ, впрочемъ, былъ тогда же улаженъ, и г. Шиповъ согласился остаться на службѣ, но взаимныя отношенія между губернскимъ и уѣздными земствами московской губерніи (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми) едва ли даже и въ настоящее время находятся въ удовлетворительномъ состояніи. Цѣлый рядъ столкновеній и недоразумѣній между уѣздными и губернскими земскими учрежденіями происходилъ, какъ извѣстно, и въ другихъ губерніяхъ, приводя иногда къ очень печальнымъ послѣдствіямъ: многіе видные земскіе дѣятели покидали свою работу; энергія губернскихъ земствъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по различнымъ отраслямъ земскаго хозяйства ослабѣвала, а иногда отсутствіе единства во взглядахъ земцевъ на разграниченіе сферъ дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ давало точку опоры администраціи для того, чтобы опротестовать многія постановленія земскихъ собраній.

Мы не будемъ останавливаться на длинной исторіи столкновеній уѣздныхъ земствъ съ губернскими въ различныхъ губерніяхъ. Для характеристики же тѣхъ конфликтовъ, которые возникаютъ на этой почвѣ, думается намъ, достаточно привести хотя бы слѣдующую корреспонденцію изъ г. Шуи (владимірской губерніи), помѣщенную въ № 318 „Русскихъ Вѣдомостей" за 1903 г. и излагающую инцидентъ, происшедшій въ послѣдней сессіи шуйскаго уѣзднаго земскаго собранія. Вотъ что̀ мы читаемъ въ этой корреспонденціи:

„Жестокой и несправедливой критикѣ подверглись нѣкоторыя мѣропріятія губернскаго земства по народному образованію и медицинѣ. При этомъ въ докладѣ управы было подчеркнуто стремленіе губернской управы расширить свое вѣдомство на счетъ уѣздовъ, „взять уѣзды подъ свою опеку". Губернія,—говорится въ докладѣ,—призвана управлять только тѣми учрежденіями, которыя имѣютъ не мѣстное, а общее значеніе. Они не призваны быть опекуномъ уѣздовъ, употреблять средство однихъ на пользу другихъ и такимъ образомъ про-

изводить между ними уравненіе. Принципъ уравненія ведетъ къ опекѣ и кореннымъ образомъ противорѣчитъ земскому началу, которое состоитъ въ самодѣятельности. Въ уѣздахъ люди, несомнѣнно, стоятъ ближе къ практическому дѣлу; они дорожатъ именно тѣмъ, что они дѣлаютъ на свои, а не на чужія средства. Губернскія же земства путемъ субсидій, а нерѣдко и въ видѣ самостоятельныхъ учрежденій посягаютъ на самостоятельность уѣздовъ. Рядомъ съ уѣздными школами и больницами возникаютъ губернскія; „сочиняются" межуѣздныя школы и больницы, заводятся разнаго рода агенты, техническіе, агрономическіе, медицинскіе и даже цѣлыя бюро, а „для приманки уѣздныхъ земствъ имъ представляютъ, что для нихъ будетъ выгодно имѣть такія учрежденія, бюро и губернскихъ агентовъ, содержимыхъ на губернскій счетъ". Всѣ эти ламентаціи шуйскаго земства опираются на слѣдующее основаніе: шуйскій уѣздъ даетъ одну четверть губернскаго земскаго сбора, а получить можетъ на удовлетвореніе своихъ потребностей только $^1/_{13}$ часть губернскаго сбора, и то при условіи, если губернское земство распредѣлитъ свои сборы равномѣрно между всѣми 13-ю уѣздами. Въ дѣйствительности же, въ губернскомъ земствѣ создалось теченіе отказывать во многихъ ассигнованіяхъ шуйскому уѣзду, какъ богатому. Въ докладѣ шуйской управы говорится, что губернское земство „не призвано уравнивать выполненіе уѣздныхъ повинностей, а тѣмъ болѣе наперекоръ требованіямъ справедливости въ отношеніи къ плательщикамъ, хотя бы и губернскихъ земскихъ сборовъ; основное начало права есть правда или справедливость, но нельзя же подъ именемъ справедливости разумѣть обираніе имущихъ въ пользу неимущихъ, ибо это есть соціалистическое начало,—какъ объясняетъ по этому поводу Б. Н. Чичеринъ".

Отъ этихъ общихъ положеній докладъ переходитъ къ вопросу „о пособіяхъ губернскаго земства уѣзднымъ на дѣло народнаго образованія". „Губернское земство,—говоритъ управа,—съ каждымъ годомъ создаетъ все новыя и новыя потребности, удовлетвореніе которыхъ составляетъ даже роскошь, а въ дѣлѣ народнаго образованія посягательства губернскаго земства на самостоятельность уѣздныхъ скоро дойдутъ до такихъ предѣловъ, что въ концѣ концовъ уѣздныя земства могутъ стать лишь простыми агентами губернскаго земства"... „Шуйское земство ни въ какомъ случаѣ не можетъ признать рѣшеніе губернскаго земства о выдачѣ пособій уѣзднымъ земствамъ на устройство школъ достойнымъ глубокой благодарности, какъ отозвалось одно изъ уѣздныхъ земствъ"; „не можетъ (оно) согласиться и съ мнѣніемъ губернской управы относительно необходимости ассигнованій изъ средствъ хотя и губернскаго сбора на пріобрѣтеніе наглядныхъ пособій для земскихъ школъ и на устройство подвижныхъ музеевъ, такъ какъ... ему недостаточны игривыя фразы, когда дѣйствительность ука-

зываетъ на то, что масса населенія лишена возможности получить и начальное образованіе, заражена расколомъ, и тамъ поэтому господствуетъ невѣжество въ ущербъ благосостоянію". Такъ же шуйское земство отнеслось къ дѣятельности губернскаго по устройству межуѣздныхъ амбулаторій. „Нужно просить губернское земское собраніе межуѣздныя амбулаторіи передать въ вѣдѣніе уѣздныхъ земствъ и впредь никакихъ пособій на медицинскую часть уѣздамъ не назначать, такъ какъ эта потребность уѣздная". Въ довершеніе всего, шуйское земство принесло жалобу правительствующему сенату „на незаконность обращенныхъ къ исполненію постановленій владимірскаго губернскаго земскаго собранія 1902 г. по дѣлу народнаго образованія".

Принципіальные противники земскаго самоуправленія мишенью своихъ нападокъ избираютъ обыкновенно именно губернскія земства и въ особенности вооружаются противъ всякихъ попытокъ объединенія дѣятельности губернскихъ земствъ въ предѣлахъ того или иного района нѣсколькихъ губерній, хотя бы такого рода попытки диктовались самыми насущными потребностями жизни и даже признавались необходимыми самимъ правительствомъ, какъ, напр., въ страховомъ дѣлѣ. Представители охранительной печати довольно часто мирятся съ существованіемъ уѣздныхъ земствъ, а иногда выражаютъ даже симпатіи проекту введенія у насъ мелкой земской единицы, лишь бы уѣздныя земства и болѣе мелкіе земскіе органы представляли собою membra disjecta, не входящія въ составъ какой-либо стройной системы органовъ земскаго самоуправленія. Процессы диссоціаціи въ земской средѣ являются особенно желанными тѣмъ, кто все спасеніе видитъ въ бюрократическомъ строѣ и опасается всякой болѣе или менѣе систематически организованной общественной иниціативы. Фактъ усиленныхъ нападокъ нашихъ газетныхъ охранителей именно на губернскія земства кажется намъ высоко знаменательнымъ, и одна уже эта ихъ тенденція должна была бы, по нашему мнѣнію, заставить истинно земскихъ людей положить конецъ тѣмъ распрямъ и недоразумѣніямъ, которыя, какъ мы только-что отмѣчали, еще и до сихъ поръ далеко не вездѣ улажены.

Отрицательное отношеніе къ участію губернскихъ земствъ въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ уѣзднымъ земствамъ, мотивировалось многими земскими дѣятелями тѣмъ соображеніемъ, что такое участіе противорѣчитъ, будто бы, „Положенію о земскихъ учрежденіяхъ", устанавливающему полную самостоятельность дѣйствій уѣздныхъ земствъ. Однако „Положеніе" по данному вопросу формулируетъ взаимныя отношенія губернскихъ и уѣздныхъ земствъ въ такихъ общихъ чертахъ, что не даетъ никакихъ прочныхъ основаній къ такому его толкованію. Въ настоящее время, какъ извѣстно, сдѣлано болѣе точное и полное разъясненіе разбираемаго вопроса правительствующимъ сена-

томъ по жалобѣ херсонской губернской управы на опредѣленіе губернскаго присутствія, которое нашло незаконнымъ постановленіе херсонскаго губернскаго земскаго собранія объ участіи губернскаго земства въ $^1/_3$ расходовъ уѣздныхъ земствъ на народное образованіе. Въ этомъ сенатскомъ разъясненіи, между прочимъ, сказано: „хотя законъ признаетъ за уѣздными земствами полную самостоятельность дѣйствій по всѣмъ предметамъ, касающимся исключительно даннаго уѣзда или отнесеннымъ закономъ, либо постановленіемъ губернскаго собранія, къ вѣдомству уѣздныхъ земскихъ собраній, но при этомъ, однако, самостоятельность дѣятельности уѣздныхъ земствъ въ отведенной имъ сферѣ вовсе не исключаетъ возможности совмѣстной дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ, а напротивъ, подобная совмѣстная дѣятельность не только желательна, но часто даже необходима и можетъ выражаться въ самыхъ разнообразныхъ размѣрахъ, напр. въ распредѣленіи между губернскимъ и уѣздными земствами отдѣльныхъ отраслей одного и того же дѣла, въ выдачѣ воспособленій какъ губернскимъ земствомъ на уѣздныя потребности, такъ и уѣздными земствами на губернскія нужды. Но въ основу подобной совмѣстной дѣятельности должно быть положено соглашеніе подлежащихъ земствъ (губернскаго съ уѣздными), а не одностороннія постановленія или распоряженія губернскаго собранія, ограничивающія свободу или принудительно измѣняющія порядокъ дѣйствій уѣздныхъ земствъ въ дѣлахъ, составляющихъ предметъ ихъ вѣдомства".

Какъ видимъ, съ точки зрѣнія закона взаимныя отношенія губернскихъ и уѣздныхъ земствъ поставлены теперь въ довольно ясныя и опредѣленныя рамки. Но возможность конфликтовъ этимъ, конечно, не устраняется. Противъ губернскихъ земствъ ихъ противниками выставляется цѣлый арсеналъ доводовъ, которые, однако, кажутся намъ мало убѣдительными. Постараемся вкратцѣ сгруппировать эти доводы и сдѣлать имъ посильную оцѣнку. Такъ какъ вся эта аргументація со стороны противниковъ губернскихъ земствъ по существу остается одинаковой, къ какой бы отрасли земскаго хозяйства ни примѣнялись эти споры, то мы считаемъ полезнымъ остановиться только на одной сферѣ дѣятельности земствъ—на народномъ образованіи, которое за послѣдніе годы, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какая-либо другая отрасль земскаго хозяйства, вызывало разногласія между губернскими и уѣздными земствами.

Степень децентрализованности въ стремленіяхъ уѣздныхъ земствъ въ различныхъ мѣстностяхъ весьма различна. Мѣстами участіе губернскихъ земствъ въ дѣлѣ народнаго образованія или почти вовсе не признается, или же допускается въ рамкахъ содѣйствія высшему, среднему и профессіональному образованію. Однако, строго ограничительныя тенденціи встрѣчаются сравнительно рѣдко. По бóльшей же части

признается возможнымъ предоставить губернскимъ земствамъ принять дѣятельное участіе во внѣшкольномъ образованіи народа, въ дѣлѣ подготовки и улучшенія быта (духовнаго и матеріальнаго) народныхъ учителей и въ теоретической разработкѣ вопросовъ народнаго образованія, въ составленіи проектовъ новыхъ школъ и т. п. Впрочемъ, нѣкоторыя уѣздныя земства, допуская участіе губернскихъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ дѣятельности, считаютъ болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы бо̀льшая часть такой работы оставалась въ ихъ собственныхъ рукахъ; такъ, напр., устройство учительскихъ курсовъ и съѣздовъ, а иногда даже составленіе школьной сѣти признается болѣе полезнымъ сосредоточить въ уѣздныхъ земствахъ. Наибольшія же разногласія обычно возбуждаетъ вопросъ объ устройствѣ и содержаніи начальныхъ школъ, причемъ, однако, многія уѣздныя земства признаютъ возможнымъ и даже полезнымъ получать на этотъ предметъ ссуды отъ губернскихъ земствъ, въ особенности если онѣ идутъ не изъ смѣтныхъ назначеній; но когда рѣчь идетъ о пособіяхъ со стороны губернскихъ земствъ на устройство и содержаніе школъ, то здѣсь обыкновенно бываютъ особенно сильные протесты, такъ какъ выдача такихъ пособій въ большинствѣ случаевъ обусловливается, конечно, извѣстными требованіями, выставленіе которыхъ противники губернскихъ земствъ считаютъ вторженіемъ этихъ послѣднихъ въ кругъ дѣятельности уѣздныхъ земствъ, ненужной и вредной опекой и стремленіемъ самовластно подчинить себѣ уѣздныя земства. Наконецъ, устройство и содержаніе начальныхъ школъ всецѣло на счетъ губернскихъ земствъ почти всюду признается совершенно нежелательнымъ и нецѣлесообразнымъ.

Протестъ противъ стремленій губернскихъ земствъ къ опекѣ надъ уѣздными слышится, какъ „лейтъ-мотивъ", во всѣхъ разсужденіяхъ сторонниковъ земской децентрализаціи. Въ дѣйствительности, однако, такого рода стремленій къ опекѣ у губернскихъ земствъ вовсе и не существуетъ (объ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ если они гдѣ и проявлялись, то далеко не были сколько-нибудь характерными въ общемъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ); разногласія возникаютъ лишь въ толкованіи понятія „самостоятельность" въ примѣненіи къ уѣзднымъ земствамъ. Иные склонны придавать этому понятію значеніе, равносильное изолированному, замкнутому образу дѣятельности уѣздныхъ земствъ, находящемуся въ полной отчужденности отъ дѣятельности губернскихъ земствъ, посредствомъ строгаго разграниченія отраслей земскаго хозяйства, изъ которыхъ одни, согласно этому взгляду, должны всецѣло находиться въ рукахъ уѣздныхъ земствъ, другія—въ рукахъ губернскихъ. Такое пониманіе дѣла, однако, находится въ явномъ противорѣчіи и съ установившеюся практикою, и съ самымъ духомъ земскаго Положенія. Другіе усматриваютъ подрывъ самостоя-

тельности уѣздныхъ земствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда губернскія земства путемъ различнаго рода постановленій стараются пробудить энергію уѣздныхъ земствъ въ той или иной отрасли земскаго хозяйства; такъ, напр., губернскія земства часто рѣшаются выдавать пособія на устройство и содержаніе народныхъ школъ уѣзднымъ земствамъ лишь при соблюденіи послѣдними нѣкоторыхъ условій. Очевидно, и здѣсь нѣтъ никакого нарушенія уѣздной самостоятельности, ибо между поощреніемъ какого-либо дѣла и принужденіемъ къ нему лежитъ слишкомъ глубокая принципіальная разница.

Странные взгляды высказываются иногда сторонниками земской децентрализаціи и въ вопросѣ о расходованіи суммъ губернскаго земства на нужды отдѣльныхъ уѣздовъ: нерѣдко предлагается суммы эти распредѣлять не сообразно съ потребностями того или другого уѣзда въ удовлетвореніе тѣхъ или иныхъ нуждъ, а сообразно, напр., количеству вносимыхъ каждымъ уѣздомъ губернскихъ сборовъ. Но такой порядокъ расходованія суммъ губернскаго земства являлся бы, во-первыхъ, совершенно нецѣлесообразнымъ, такъ какъ лучше было бы губернскій сборъ съ уѣздовъ совсѣмъ уничтожить, чѣмъ перекладывать его изъ одного кармана въ другой съ тѣмъ, чтобы вновь вернуть въ первый, а во-вторыхъ, въ самомъ требованіи подобнаго порядка заключается полное отрицаніе понятія общественности, которая по самому своему существу предполагаетъ такое единеніе людей или группъ ихъ, которое представляетъ собою нѣчто цѣлое, органически слившееся; а если это такъ, то отдѣльные элементы, входящіе въ составъ этого цѣлаго, должны подчиняться интересамъ послѣдняго. Всякій общественный союзъ является какъ бы своего рода организаціей взаимнаго страхованія, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Дѣятельность губернскихъ земствъ, въ особенности вновь зарождающаяся въ той или иной области земскаго хозяйства, отрицается многими еще и по другимъ основаніямъ, кромѣ приведенныхъ выше. Такъ, весьма настойчиво проводится мысль, что всякое земское дѣло лучше будетъ вестись представителями уѣзднаго земства, чѣмъ губернскаго, такъ какъ первые, будучи мѣстными людьми, знаютъ ближе и основательнѣе потребности своего края, чѣмъ послѣдніе. Конечно, въ этомъ утвержденіи есть значительная доля правды, но и здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлой массой и преувеличеній, и недоразумѣній.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Прежде всего, участіе губернскихъ земствъ въ томъ или иномъ дѣлѣ не только не исключаетъ работы мѣстныхъ людей, но даже усиливаетъ продуктивность ихъ дѣятельности, а затѣмъ, когда говорятъ о важности житейскаго опыта, знаніи мѣстныхъ условій и т. п., то упускаютъ обыкновенно изъ виду другую сторону дѣла. Въ нашемъ обществѣ слишкомъ часто и по

большей части совершенно неосновательно противополагають житейскую практику теоретическимъ обобщеніямъ и въ послѣднихъ видять одни лишь кабинетныя измышленія; наши „практики" проявляютъ нерѣдко какое то органическое отвращеніе ко всякой мало-мальски отвлеченной мысли и враждебно относятся ко всему, что̀ выходитъ за узкіе предѣлы ихъ личнаго наблюденія, и даже гордятся такою „практичностью". Въ результатѣ такого близорукаго и односторонняго отношенія къ дѣлу весьма часто получается склонность къ компромиссамъ, неспособность заглянуть въ болѣе или менѣе отдаленное будущее, отсутствіе принципіальной оцѣнки по отношенію къ явленіямъ окружающей жизни и т. п. Про провинціальную жизнь въ разныхъ захолустьяхъ нашего отечества говорять, что она способна принижать духовно человѣка; но это приниженіе, по нашему мнѣнію, заключается не столько въ подавленіи энергіи и работоспособности,— вообще говоря, въ провинціи работають не мало,—сколько въ съуженіи умственнаго горизонта, въ уничтоженіи необходимаго простора мысли, въ ея обезцвѣчиваніи и изсушеніи; именно въ захолустной жизни создается чаще всего типъ людей, неспособныхъ изъ-за деревьевъ видѣть лѣса и потому косныхъ и закоренѣлыхъ обскурантовъ. Правда, за послѣднее время наша провинція довольно сильно шагнула впередъ; во многихъ ея пунктахъ кипитъ уже живая и энергичная работа на почвѣ общественной самодѣятельности; но все-же въ общемъ характеръ ея въ существенныхъ чертахъ не смогъ рѣзко измѣниться, и захолустная обывательщина слишкомъ еще часто даетъ себя чувствовать. Къ тому же нельзя не отмѣтить, что проявленія прогрессивныхъ теченій, замѣчаемыя за послѣдніе годы, въ значительной степени обусловливаются именно тѣмъ обстоятельствомъ, что провинція начинаетъ вступать все въ бо̀льшее и бо̀льшее соприкосновеніе съ крупными центрами просвѣщенія. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, замкнутая дѣятельность уѣздныхъ земствъ представляется намъ вовсе не полезною. Если мѣстные жители въ уѣздахъ на самомъ дѣлѣ обладаютъ большей опытностью и практичностью, то для того, чтобы работа ихъ не приняла узкаго и односторонняго характера, необходима, думается намъ, среди прочихъ условій, объединенность ея съ дѣятельностью губернскихъ земствъ, такъ какъ послѣднія располагаютъ гораздо бо̀льшимъ количествомъ трудовыхъ силъ, какъ въ составѣ своихъ гласныхъ, такъ и въ средѣ такъ называемаго теперь „третьяго̀ элемента". Здѣсь болѣе возможна и широта общественной мысли, и принципіальная постановка вопросовъ и т. п. Нельзя также забывать, что вся работа губернскихъ земствъ находится подъ бо̀льшимъ контролемъ общественнаго мнѣнія и гласности, чѣмъ уѣздныхъ.

Отмѣтимъ еще одинъ изъ мотивовъ отрицательнаго отношенія многихъ лицъ къ участію губернскихъ земствъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Какъ ни много толкуютъ у насъ за послѣднее время о необходимости широкаго распространенія образованія, было бы ошибкою считать это мнѣніе получившимъ всеобщее признаніе. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашей обывательской средой, тотъ очень хорошо знаетъ, что въ ней весьма еще живуча свѣтобоязнь, а еще болѣе распространено апатичное и пассивное отношеніе къ вопросамъ просвѣщенія. Къ сожалѣнію, какъ показываютъ наблюденія, даже въ средѣ самихъ земскихъ дѣятелей далеко не рѣдко можно встрѣтить подобное же отношеніе къ народному образованію. Поэтому, всякія попытки расширить рамки послѣдняго, всякое новое привлеченіе денежныхъ средствъ на это дѣло, встрѣчаютъ пассивное или даже активное противодѣйствіе со стороны подобныхъ лицъ. Выступленіе на сцену губернскихъ земствъ въ новой просвѣтительной роли, естественно, кажется имъ ненужнымъ расходованіемъ общественныхъ средствъ.

Едва ли нужно останавливаться на разборѣ подобнаго рода взглядовъ: слишкомъ уже извѣстна наша удивительная отсталость въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ, по сравненію съ другими культурными государствами,—отсталость, совершенно не гармонирующая ни съ потребностями жизни, ни съ международнымъ положеніемъ нашего отечества.

Постараемся теперь въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ ростомъ дѣятельности губернскихъ земствъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія за послѣдніе годы и показать, что ростъ этотъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, долженъ быть признанъ довольно значительнымъ.

Для сужденія о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію въ разное время, имѣются разнообразные источники, въ которыхъ дается сводка результатовъ этой дѣятельности. Нѣкоторыя губернскія земства сами дѣлали подобныя сводки по всей земской Россіи; въ видѣ примѣра укажемъ работу калужскаго губернскаго земства въ 1896 году, псковскаго въ 1898 году и пермскаго—въ 1903 г. Послѣдняя работа помѣщена въ № 3—4 „Сборника пермскаго земства“ за минувшій годъ и носитъ названіе: „Записка пермской губернской земской управы по вопросу объ участіи пермскаго земства въ развитіи средствъ начальнаго народнаго образованія въ губерніи“. Далѣе, о размѣрахъ затратъ губернскихъ земствъ на народное образованіе можно найти данныя за нѣкоторые годы послѣдняго десятилѣтія въ „Статистическихъ свѣдѣніяхъ по начальному образованію Россійской Имперіи“, издаваемыхъ министерствомъ на-

роднаго просвѣщенія (вышло до сихъ поръ четыре выпуска; послѣднія свѣдѣнія, вышедшія въ 1903 г., касаются данныхъ 1900 года); имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ министра народнаго просвѣщенія, и въ другихъ изданіяхъ этого министерства. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить отчеты департамента окладныхъ сборовъ министерства финансовъ о земскихъ приходахъ и расходахъ. Наконецъ, богатый матеріалъ заключается въ различныхъ изданіяхъ, діаграммахъ и картограммахъ нѣкоторыхъ выставокъ. Особенно цѣнный матеріалъ находится въ діаграммахъ, изготовленныхъ г. Дидрикилемъ къ выставкѣ „Сѣвернаго края“, бывшей въ августѣ и сентябрѣ прошлаго года въ Ярославлѣ. Сводныя свѣдѣнія о дѣятельности губернскихъ земствъ имѣются и въ матеріалахъ недавно бывшаго III-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи и т. д.

Упомянутая выше „Записка пермской губернской земской управы“ составлена частью на основаніи отвѣтовъ, полученныхъ отъ нѣкоторыхъ губернскихъ земствъ на посланную имъ программу, частью путемъ извлеченія свѣдѣній изъ множества земскихъ изданій за послѣдніе три года. Признавая нѣкоторую неполноту своихъ данныхъ, записка, однако, говоритъ: „тѣмъ не менѣе все-же удалось составить болѣе или менѣе отчетливое представленіе о дѣятельности по начальному народному образованію всѣхъ губернскихъ земствъ“.

Спрашивается, каковъ же общій итогъ этой дѣятельности? Въ названной запискѣ находимъ слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ: „Ознакомленіе съ земской литературой приводитъ къ выводу, что, несмотря на все разнообразіе формъ участія губернскихъ земствъ въ начальномъ образованіи, несмотря на существованіе рѣзкаго различія этихъ мѣропріятій между отдѣльными губернскими земствами, существуетъ общая тенденція — выступленіе губернскихъ земствъ съ каждымъ годомъ все въ болѣе и болѣе широкомъ масштабѣ въ мѣропріятіяхъ, вызываемыхъ заботою объ улучшеніи существующихъ, открытіи новыхъ школъ, попеченіемъ о внѣшкольномъ образованіи и проч.“. Вслѣдъ за этимъ записка отмѣчаетъ: „Повсюду такое активное участіе влечетъ за собой необходимость выработки извѣстнаго плана, извѣстныхъ основныхъ условій для совмѣстной дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Необходимость существованія такихъ условій вызывается какъ интересами дѣла, желаніемъ придать содѣйствію губернскихъ земствъ необходимую устойчивость и цѣлесообразность въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ, такъ равно стремленіемъ разграничиться во избѣжаніе вмѣшательства въ ту сферу хозяйственныхъ заботъ о народномъ образованіи, которою по существу ближе всего надлежитъ вѣдать уѣзднымъ земствамъ. *Такимъ образомъ нынѣ*

участія губернскаго земства долженъ быть выработанъ на началахъ добровольнаго соглашенія съ уѣздными земствами" (курсивъ подлинника). Въ „Запискѣ пермской губернской земской управы" на цѣломъ рядѣ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ наглядно показывается, какъ за послѣдніе годы постепенно наростала, расширялась и углублялась дѣятельность губернскихъ земствъ по всѣмъ отдѣламъ начальнаго народнаго образованія, какъ въ этомъ дѣлѣ постоянно выдвигались все новыя и новыя задачи. Этотъ духъ бодрой и живой иниціативы показываетъ, что съ каждымъ годомъ увеличивающееся участіе губернскихъ земствъ въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ является не случайнымъ дѣломъ, не модою или прихотью, а соотвѣтствуетъ дѣйствительно назрѣвшимъ потребностямъ жизни. Мы не будемъ, однако, останавливаться на данныхъ этой „Записки", а ограничимся приведеніемъ статистическихъ свѣдѣній, заключающихся въ діаграммахъ выставки „Сѣвернаго Края", такъ какъ это значительно упроститъ нашу задачу. Пользованіе этими цифрами тѣмъ болѣе удобно, что онѣ пріурочены къ одному году и касаются очень близкаго къ намъ времени.

Смѣтныя назначенія губернскихъ земствъ на 1903 годъ на народное образованіе составляли 3.777.118 руб., или 10,7% общаго бюджета. Въ 1900 г. расходы эти равнялись 2.308 тыс. руб., а въ 1895 г.—1.457 тыс. руб.; такимъ образомъ, за 8 лѣтъ они увеличились болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Если выразить въ процентахъ сумму расходовъ губернскихъ земствъ къ общей суммѣ расходовъ на народное образованіе — губернскихъ и уѣздныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, то процентъ этотъ будетъ равенъ для 1895 г.—15,6, для 1900 г.—15,7, а для 1903 г. — 19,5. Такимъ образомъ, мы видимъ, что не только возрастаетъ абсолютная цифра расходовъ губернскихъ земствъ на народное образованіе, но и ростетъ *относительная доля* участія ихъ въ общеземскихъ расходахъ на этотъ предметъ; иными словами, губернскія земства въ разбираемомъ отношеніи, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, постепенно завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе видное мѣсто. Однако, между отдѣльными земскими губерніями замѣчается въ этомъ дѣлѣ значительная разница. Такъ, напр., въ то время какъ въ 1903 г. расходы на народное образованіе губернскаго земства въ вятской губ. составляли 23,3% общей смѣты, въ воронежской—20,77, харьковской—17,2 и т. д.,—имѣется рядъ губерній, гдѣ процентъ этотъ былъ очень низокъ: въ орловской—3,6, саратовской—2,7 и въ калужской—2,6.

По абсолютной цифрѣ расходовъ на народное образованіе первое

мѣсто занимало въ 1903 г. вятское губернское земство, гдѣ было ассигновано на этотъ предметъ 404.635 руб., второе — московское (310.970 р.), третье—харьковское (308.695 р.), четвертое—воронежское (221.101 р.), пятое—полтавское (203.245 р.) и т. д. Зато есть губерніи, гдѣ суммы эти были весьма ничтожны, какъ, напр., въ пензенской (29.207 р.), орловской (25.859 р.) и въ калужской 20.289 р.). Посмотримъ теперь, на какія отдѣльныя отрасли народнаго образованія затрачиваются губернскими земствами относительно наибольшія суммы. Самая бо̀льшая доля (29,3% общей смѣты на народное образованіе) была ассигнована на 1903 г. на начальныя земскія школы. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи между губерніями замѣчается очень большая разница. Такъ, десять губерній [1]) на этотъ предметъ ничего не тратили; въ пятнадцати губерніяхъ процентъ ассигновокъ на начальныя земскія школы былъ ниже средняго общеземскаго и только въ девяти губерніяхъ онъ былъ весьма высокъ [2]), но и изъ нихъ въ харьковской губерніи огромная часть ассигновки (съ 1898 г. ежегодно назначается около 200.000 р.) остается незатрачиваемой, такъ какъ она опротестовывается губернаторомъ. Всего на начальныя школы было ассигновано на 1903 г. всѣми губернскими земствами 1.106.574 р., изъ которыхъ 47,9% составляли безвозвратныя пособія уѣзднымъ земствамъ на постройку и ремонтъ школъ и 27,5%—пособія на содержаніе школъ; 14,6% шли на доплату учительскаго жалованья; прочія статьи расхода были ничтожны по размѣрамъ, въ томъ числѣ и статьи расходовъ на содержаніе земскихъ школъ, принятыхъ всецѣло на счетъ губернскихъ земствъ,—всего 27.275 руб. (въ пяти земскихъ губерніяхъ). — Для выдачи безвозвратныхъ пособій губернскими земствами по бо̀льшей части образуются особые фонды, достигающіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже нѣсколькихъ сотенъ тысячъ рублей. Кромѣ пособій, многія губернскія земства выдаютъ *ссуды* изъ особыхъ капиталовъ: страхового, дорожнаго, пенсіоннаго и т. п.; для осуществленія возможности такихъ позаимствованій возбуждались и до сихъ поръ возбуждаются особыя ходатайства. Пособія и ссуды выдаются на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, чего мы касаться не будемъ, чтобы не входить въ излишнія подробности. Не будемъ также входить въ подробное разсмотрѣніе прочихъ статей расхода губернскихъ земствъ на начальныя школы; скажемъ только, что формы содѣйствія ихъ

---

[1]) Казанская, костромская, орловская, пензенская, псковская, рязанская, самарская, симбирская, тульская и ярославская.

[2]) Губерніи эти, расположенныя по высотѣ указаннаго процента въ восходящемъ порядкѣ, слѣдующія: с.-петербургская (32,7), владимірская (42,7), воронежская (44,5), олонецкая 51,9), курская (52,2), екатеринославская (52,2), вологодская (64,4), харьковская (64,6) и московская (78,9%).

школамъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе множатся, и ассигнуемыя суммы увеличиваются; здѣсь мы встрѣчаемся съ заботами о школьныхъ библіотекахъ, о снабженіи школъ наглядными пособіями, объ устройствѣ ночлежныхъ пріютовъ и проч.

Въ близкой связи съ разсмотрѣнною отраслью народнаго образованія стоитъ другая—подготовка и усовершенствованіе педагогическаго персонала, на что въ 1903 г. губернскими земствами было израсходовано 14,3% общей смѣты на народное образованіе. Кромѣ расходовъ на учительскія семинаріи и школы, губернскія земства за послѣднее время устроиваютъ педагогическіе и общеобразовательные курсы, причемъ курсамъ общеобразовательнаго характера, имѣвшимъ, несмотря на массу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, блестящій успѣхъ,—губернскія земства начинаютъ придавать особенно важное значеніе, справедливо полагая, что время спеціально-педагогическихъ курсовъ должно отходить въ область прошлаго.

Болѣе одной пятой доли (точнѣе 20,3%) общей смѣты на народное образованіе губернскія земства тратятъ на профессіональныя учебныя заведенія [1]). Въ слѣдующихъ губерніяхъ на этотъ предметъ тратится болѣе половины всей ассигновки на народное образованіе:

екатеринославская . .	50,7%
херсонская	58,3 „
тульская	70,7 „
полтавская . . . , .	71,1 „

Помощь населенію по распространенію среди него техническихъ и профессіональныхъ знаній, конечно, должна являться одною изъ существенныхъ заботъ земскихъ учрежденій, въ особенности въ области сельскохозяйственной и кустарной промышленности. Общее количество кустарей у насъ громадно, и хотя точной цифры ихъ числа не имѣется, но предполагаютъ — и, намъ думается, не безъ основанія,—что число это колеблется между 7 и 8 милліонами. Развитіе крупной капиталистической промышленности, столь замѣтное у насъ за послѣднія 15—20 лѣтъ, вытѣсняетъ неминуемо многіе кустарные промыслы, но тѣмъ не менѣе другіе изъ нихъ оказываются жизнеспособными даже и при высокомъ уровнѣ развитія крупной обрабатывающей промышленности. Поэтому, заботы земства о насажденіи профессіональныхъ знаній среди кустарей,—повторяемъ,—дѣло первостепенной важности. Къ сожалѣнію, однако, заботы эти не всегда увѣнчиваются желаннымъ успѣхомъ. Примѣромъ этому можетъ слу-

[1]) Надо думать, что процентъ этотъ еще выше, такъ какъ въ нѣкоторыхъ земствахъ расходъ этотъ относится не въ рубрику народнаго образованія, а въ рубрику экономическихъ мѣропріятій.

жить полтавское губернское земство, которое, какъ видно изъ только-что приведенной таблицы, занимаетъ выдающееся мѣсто среди другихъ губернскихъ земствъ по величинѣ затратъ на профессіональное образованіе. Въ докладѣ С. Ф. Русовой „О содѣйствіи техническому образованію кустарей гончаровъ полтавской и черниговской губерній", представленномъ III-му съѣзду русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, находимъ такую характеристику миргородской художественно-промышленной школы, учрежденной полтавскимъ губернскимъ земствомъ. „О степени общеобразовательной подготовки учениковъ можно судить по отвѣтамъ учениковъ": „треугольники бываютъ шестиугольные, многоугольные и равнобедренные". Технологія глины не проходится и не проходилась никогда: занятія въ мастерскихъ слабо или вовсе не контролируются. Ревизіонная коммиссія предлагаетъ собранію предпринять, по соглашенію съ министерствомъ, коренную реформу школы, хотя бы это и вызвало временное ея закрытіе. Гласные же прибавляютъ, что окончившіе миргородскую школу „ученики ни на что непригодны и потому должны умереть подъ заборомъ съ голоду, такъ какъ у нихъ не только нѣтъ никакихъ техническихъ знаній, но нѣтъ и привычки къ труду".— Миргородская школа, надо думать, является все-таки исключеніемъ среди учебныхъ заведеній этого рода, и мы не стали бы останавливаться на этомъ предметѣ, если бы вообще не было важныхъ недостатковъ въ постановкѣ нашего низшаго профессіональнаго образованія, доказательствомъ чему служитъ другой докладъ, представленный тому же съѣзду, именно докладъ г. Крылова: „Современное состояніе учебныхъ мастерскихъ по даннымъ III-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи". Въ числѣ тезисовъ этого доклада встрѣчаемъ слѣдующіе:

Существующія учебныя мастерскія имѣютъ въ своей организаціи слѣдующіе существенные дефекты: 1) недостатокъ матеріальныхъ средствъ; 2) несоотвѣтствующій контингентъ руководителей; 3) слабое знакомство учащихся съ графической и технической грамотностью и недостатокъ общей грамотности; 4) отсутствіе системнаго обученія; 5) недостаточная помощь (техническая и матеріальная) во время прохожденія курса въ учебной мастерской.

На нашъ взглядъ, достойно вниманія указаніе докладчика на недостатокъ общей грамотности среди учениковъ учебно-ремесленныхъ мастерскихъ. „Недостатокъ общей грамотности"—это выраженіе сдѣлалось у насъ избитымъ мѣстомъ, какихъ бы вопросовъ и сторонъ жизни населенія мы ни коснулись. Понятно, поэтому, что многія земства, вполнѣ ясно сознавая великую важность профессіональнаго образованія для народа, по неволѣ отодвигаютъ пока этотъ предметъ

на второй планъ и прежде всего стараются бороться съ главнымъ врагомъ—общимъ невѣжествомъ народа. Понятно также, почему большинство земствъ вооружаются противъ довольно распространеннаго у насъ стремленія—профессіонализировать нашу начальную школу путемъ введенія въ ея программы преподаванія различныхъ ремеслъ, садоводства, огородничества и т. п.

Кромѣ начальнаго и профессіональнаго образованія, большинство губернскихъ земствъ принуждено еще тратить, и нерѣдко весьма большія суммы, на среднія и другія общеобразовательныя неземскія учебныя заведенія. Этой статьи расходовъ не значится въ смѣтѣ на 1903 г. только въ двухъ губерніяхъ: с.-петербургской и рязанской. Зато въ другихъ губерніяхъ она поглощаетъ огромную долю общей смѣты на народное образованіе: такъ, напр., въ смоленской—55,5%, въ псковской—58,0, въ тамбовской—58,6, а въ калужской—даже 76,3%. Въ среднемъ, во всей земской Россіи доля эта составляетъ 17,5%. Въ виду того, что за послѣднее десятилѣтіе земства съ особенною настойчивостью проявляютъ свои заботы по отношенію къ начальному народному образованію, какъ къ основному базису просвѣщенія народа,—расходъ на среднія и другія общеобразовательныя учебныя заведенія является особенно отяготительнымъ для нихъ, и земства, чтобы избавиться отъ него, неоднократно возбуждали предъ правительствомъ ходатайства о снятіи съ нихъ этой обязательной статьи расхода. Такія ходатайства возбуждались и въ послѣднюю очередную сессію губернскихъ собраній (напр., въ курской губерніи). Нечего и говорить, насколько было бы желательно удовлетвореніе этихъ ходатайствъ, такъ какъ поддержка матеріальными средствами среднихъ и другихъ неземскихъ общеобразовательныхъ заведеній едва ли можетъ входить въ настоящее время въ задачи земскихъ учрежденій;—тогда освободившіяся суммы могли бы пойти на усиленіе средствъ по начальному школьному, а также и по внѣшкольному образованію народа.

Расходы губернскихъ земствъ на внѣшкольное образованіе въ 1903 г. составляли всего 205 тыс. руб., причемъ наибольшаго развитія это дѣло достигло въ губерніяхъ вятской, московской, харьковской и таврической (33½ тыс. руб. въ первой изъ нихъ и около 15 тыс. руб. въ послѣдней). Въ наихудшемъ положеніи оно было въ бессарабской губ. (500 руб.) и смоленской (300 руб.). Если суммы, затрачиваемыя губернскими земствами на внѣшкольное образованіе, не велики, то нельзя не признать, что въ разбираемомъ отношеніи замѣтно въ дѣятельности земствъ множество попытокъ и большое разнообразіе начинаній. Такъ, мы видимъ, что земства устроиваютъ воскресныя школы, вечерніе и повторительные классы, народныя чтенія, учреждаютъ безплатныя библіотеки и читальни, книжные склады

съ безплатной раздачей и удешевленной продажей книгъ, сами издаютъ газеты для народа (вятское и нижегородское земства) или же субсидируютъ изданія другихъ учрежденій (напр., полтавское губернское земство субсидируетъ газету „Хуторянинъ", издаваемую мѣстнымъ сельскохозяйственнымъ обществомъ и имѣющую довольно широкую програму) и т. д. Кромѣ того, губернскія земства выдаютъ субсидіи различнымъ обществамъ, преслѣдующимъ просвѣтительныя цѣли, городскимъ публичнымъ и общественнымъ библіотекамъ, музеямъ, архивнымъ коммиссіямъ и проч.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить цѣнныхъ заслугъ губернскихъ земствъ по изслѣдованію народнаго образованія, предпринятому во многихъ губерніяхъ и опубликованному въ капитальныхъ трудахъ. Мы не будемъ перечислять ихъ; скажемъ только, что нѣкоторые изъ этихъ трудовъ обратили на себя всеобщее вниманіе и были даже удостоиваемы премій, какъ, напр., „Вопросы школьной статистики московской губерніи" В. В. Петрова (удостоено Самаринской преміи московскимъ университетомъ). Не ограничиваясь единовременнымъ обслѣдованіемъ положенія народнаго образованія, нѣкоторыя губернскія земства завели правильную и систематическую текущую школьную статистику, причемъ расходы губернскихъ земствъ на школьную статистику, школьныя бюро и коммиссіи въ общемъ весьма невелики; такъ, въ 1903 г. на этотъ предметъ было ассигновано всего 51.200 руб. восемнадцатью губернскими земствами, въ которыхъ имѣется школьная статистика. Такова разнообразная и многосторонняя дѣятельность губернскихъ земствъ по народному образованію, очерченная нами лишь въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ. Если принять во вниманіе незначительность суммъ, находящихся въ распоряженіи губернскихъ земствъ (главнымъ образомъ, вслѣдствіе предѣльности земскаго обложенія и вслѣдствіе отсутствія полной самостоятельности въ дѣлѣ своихъ ассигновокъ), то станутъ ясными энергія и напряженность этой дѣятельности. Однако, этимъ значеніе губернскихъ земствъ далеко не ограничивается; чрезвычайно важна другая сторона ихъ дѣятельности: въ области народнаго образованія, какъ и въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства, губернскія земства стоятъ на стражѣ правильной и нормальной постановки земскаго дѣла путемъ возбужденія многочисленныхъ ходатайствъ предъ правительствомъ о желательномъ правовомъ положеніи школы, ея учителя и другихъ просвѣтительныхъ органовъ, подвѣдомственныхъ земскимъ учрежденіямъ. Правда, значительная часть этихъ ходатайствъ оставляется безъ удовлетворенія [1]), но и въ

---

[1]) См., напр., интересную и обстоятельную работу проф. Н. А. Карышева „Земскія ходатайства", помѣщенную въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1899 годъ.

этомъ случаѣ они, конечно, далеко не остаются безслѣдными, такъ какъ, если они не касаются какихъ-либо мелкихъ текущихъ вопросовъ, имѣющихъ только временное значеніе, а затрогиваютъ насущныя потребности жизни,—они найдутъ свое удовлетвореніе въ будущемъ, при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій въ развитіи нашей общественности. Кромѣ того, возбужденіе различнаго рода ходатайствъ принципіальнаго свойства оказываетъ огромное вліяніе на выработку правильнаго общественнаго мнѣнія, которое, несомнѣнно, является однимъ изъ могучихъ факторовъ въ подготовкѣ этого лучшаго будущаго.

По вопросу о земскихъ ходатайствахъ недавно состоялось новое узаконеніе, которое гласитъ: 1) къ вѣдомству уѣздныхъ земскихъ собраній въ особенности относится представленіе правительству ходатайствъ, касающихся исключительно мѣстныхъ пользъ и нуждъ уѣзда; 2) означенныя ходатайства представляются уѣздными земскими управами губернатору, который направляетъ оныя въ подлежащія министерства съ своимъ заключеніемъ. До сего времени земскія ходатайства проходили обязательно чрезъ губернскія земства.

Въ заключеніе намъ хотѣлось бы отмѣтить еще одну очень важную сторону въ дѣятельности губернскихъ земствъ. Въ началѣ нашего обзора мы указывали на огромное значеніе земскихъ учрежденій, какъ школы для выработки общественности, навыковъ къ коллективной и планомѣрной работѣ на пользу общую. Но земскія учрежденія оказываютъ такое вліяніе не только на своихъ непосредственныхъ дѣятелей-гласныхъ и ихъ избирателей, но и на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя работаютъ въ земствѣ по найму. Такихъ лицъ въ земской Россіи насчитываются многія тысячи. Съорганизовать ихъ въ одно стройное цѣлое, внести единство и солидарность въ ихъ работу является по необходимости одною изъ задачъ земскихъ учрежденій. И въ этомъ отношеніи губернскія земства располагаютъ гораздо бо́льшими средствами, чѣмъ уѣздныя: агрономическія, экономическія, статистическія, ветеринарныя, страховыя и прочія организаціи земскихъ служащихъ являются главнымъ образомъ дѣломъ рукъ губернскихъ земствъ. Губернскія же земства имѣютъ также гораздо болѣе силъ и средствъ, чѣмъ уѣздныя, устроивать всякаго рода съѣзды, совѣщанія и другія формы общенія земскихъ служащихъ. Наконецъ, губернскія земства въ довольно значительной степени содѣйствуютъ развитію у насъ общественности не прямымъ, а косвеннымъ образомъ, помогая матеріально и духовно различнаго рода обществамъ взаимопомощи, просвѣтительнымъ, благотворительнымъ, научнымъ и другимъ организаціямъ. Однимъ словомъ, губернскія земства играютъ весьма значительную культурную и воспитательную роль для нашего общества, и во многихъ губернскихъ городахъ, за исключеніемъ, разумѣется, столицъ и другихъ наиболѣе крупныхъ городовъ,

они являются центромъ, вокругъ котораго вращается почти вся умственная жизнь нашего культурнаго провинціальнаго общества.

Въ концѣ мая, какъ сообщается въ газетѣ „Русь" (31 мая, № 167), московская губернская управа представила губернатору ходатайство о разрѣшеніи устройства въ Москвѣ въ 1905 году общеземской выставки по народному образованію.

Въ 1905 году—пишетъ корреспондентъ „Руси"—исполняется сорокъ лѣтъ со времени фактическаго начала земской дѣятельности въ московской и другихъ губерніяхъ первой очереди. Поэтому является вполнѣ своевременнымъ уяснить, какіе успѣхи достигнуты за это время въ дѣлѣ народнаго образованія и какія задачи намѣчаются для ближайшаго будущаго, представить наглядную картину того, что въ этой области дѣлается и какъ дѣлается, уяснить сильныя и слабыя стороны въ постановкѣ дѣла, извлечь изъ протекшаго опыта полезныя указанія для будущаго, ознакомиться, наконецъ, со всѣми учебно-вспомогательными средствами, которыми могутъ въ настоящее время располагать народныя школы. Проектируемая выставка и должна будетъ отвѣтить на всѣ эти вопросы.

Губернскія земства, къ которымъ московская управа обратилась съ предложеніемъ принять участіе въ выставкѣ, отнеслись къ этой мысли съ большимъ сочувствіемъ и ассигновали на изготовленіе экспонатовъ соотвѣтствующія суммы.

Выставка предположена изъ двухъ отдѣловъ. Въ первый отдѣлъ войдутъ: 1) печатныя работы, діаграммы, картограммы, таблицы и проч., рисующія съ разныхъ сторонъ положеніе начальнаго народнаго образованія (школьнаго и внѣшкольнаго), общаго и профессіональнаго въ отдѣльныхъ губерніяхъ, уѣздахъ и городскихъ поселеніяхъ, а также выражающія сопоставленіе данныхъ по отдѣльнымъ губерніямъ между собою и съ данными другихъ мѣстностей; 2) печатныя работы, діаграммы, картограммы, таблицы и проч., иллюстрирующія расходы земствъ, обществъ и частныхъ лицъ на различные виды народнаго образованія, какъ-то: содержаніе школъ, содержаніе учительскихъ институтовъ и семинарій, стипендіи и пособія среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ и т. д.; 3) работы учениковъ начальныхъ училищъ (письмо, рукодѣліе, рисованіе, издѣлія ручного труда и т. д.).

Во второй отдѣлъ войдутъ экспонаты, иллюстрирующіе положеніе отдѣльныхъ сторонъ и отраслей народнаго образованія, какъ-то: 1) школьное строительство и обстановка школъ; 2) учебныя и наглядныя пособія; 3) школьная гигіена; 4) библіотечное дѣло; 5) народныя чтенія; 6) воскресныя и вечернія занятія; 7) книгоиздатель-

ство и книжная торговля. Сюда же войдутъ данныя о дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ, школьныхъ попечительствъ и вообще всѣ тѣ экспонаты, которые не обладаютъ полной однородностью и не могутъ быть систематически сопоставляемы по губерніямъ, но требуютъ выдѣленія въ особыя группы. Помимо этого, сюда войдутъ также данныя о постановкѣ пѣнія, рукодѣлія, ручного труда, о четвертомъ годѣ обученія, о школьныхъ праздниствахъ, о способахъ составленія школьной сѣти и т. п.

Выставку предполагается устроить съ 1-го іюня по 1-ое сентября 1905 года. Участіе въ ней, кромѣ московскаго земства, могутъ принимать и другія земства, какъ губернскія, такъ и уѣздныя. Приглашаются также къ участію городскія управленія, дирекціи народныхъ училищъ, епархіальные училищные совѣты, просвѣтительныя общества, издательскія фирмы и мастерскія, выпускающія собственныя учебныя пособія или торгующія заграничными изданіями и издѣліями. При выставкѣ организуется экспертная коммиссія, составляемая московской губернской земской управой изъ приглашаемыхъ ею компетентныхъ лицъ. По постановленію экспертной коммиссіи частные экспоненты могутъ получать почетные отзывы.

Если предположенія московскаго губернскаго земства осуществятся, то можно надѣяться, что выставка будетъ крайне интересною и поучительною:—такъ заключаетъ корреспондентъ газеты.—В. Бунинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1904.

Событія на Дальнемъ Востокѣ.—Дѣйствія владивостокской эскадры.—Опытъ крейсерства въ Красномъ морѣ.—Побѣдители и побѣжденные въ Трансваалѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.

За послѣднія недѣли ходъ событій въ Манчжуріи продолжаетъ неуклонно развиваться въ томъ же направленіи, какое приняли они послѣ перехода японскихъ войскъ черезъ Ялу: японцы медленно, съ большими перерывами и предосторожностями, подвигаются впередъ, а мы столь же систематически отступаемъ, иногда задерживая противника упорными кровопролитными битвами или смѣлыми казачьими развѣдками. Повидимому, главной нашей задачей на театрѣ войны остается— выиграть время и не дать непріятелю случая одержать рѣшительную побѣду до прибытія крупныхъ подкрѣпленій, посланныхъ изъ европейской Россіи. Съ своей стороны, японцы, конечно, заинтересованы въ томъ, чтобы какъ можно полнѣе и лучше воспользоваться численнымъ превосходствомъ своихъ силъ; они стараются охватить тремя арміями наши центральныя позиціи, угрожая одновременно Ляояну и Мукдену, и противодѣйствовать этому сосредоточенному движенію непріятельскихъ войскъ оказывалось чрезвычайно труднымъ. На лѣвомъ флангѣ, къ востоку отъ Ляояна, сдѣлана была серьезная попытка оттѣснить слишкомъ приблизившіяся части арміи генерала Куроки, и результатомъ было сраженіе 4-го іюля, о которомъ оффиціальныя телеграммы генералъ-адъютанта Куропаткина сообщаютъ слѣдующее:

„На восточномъ фронтѣ, послѣ занятія арміей Куроки переваловъ Фыньшуйлинскаго хребта, наши свѣдѣнія о ея силахъ и расположеніи были въ общемъ недостаточны; по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, она усилилась, и даже Куроки притянулъ къ ней съ направленія на Саймадзы часть силъ, тамъ находившихся; по другимъ свѣдѣніямъ, происходило передвиженіе войскъ къ Далинскому перевалу и къ Сюяню; было даже получено указаніе, что свою главную квартиру Куроки перенесъ къ Туинпу.

„По послѣдовательно собираемымъ свѣдѣніямъ и на основаніи развѣдокъ составилось предположеніе, что главныя силы противника сосредоточены въ окрестностяхъ Ляньшангуаня, а авангарды утвердились на перевалахъ... На 4-е іюля было назначено для выясненія силъ противника наступленіе противъ непріятельскихъ позицій по напра-

вленію къ Ляньшангуаню. Генералу графу Келлеру указано было не задаваться цѣлью овладѣть перевалами, а дѣйствовать въ зависимости отъ обнаруженныхъ боемъ силъ противника.

„Лѣвая колонна, въ составѣ трехъ батальоновъ, была направлена на Сыбейлинскій перевалъ; средняя колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кашталинскаго, силою въ 14 батальоновъ, съ 12-ю орудіями, назначалась для атаки перевала Сяокаолинъ, высотъ съ кумирней и перевала Уфангуанъ; правая колонна изъ одного батальона должна была занять перекрестокъ дорогъ, ведущихъ на перевалы Синкайлинъ и Лахолинъ для обезпеченія праваго фланга колонны генерала Кашталинскаго. Общій резервъ былъ оставленъ у Тхавуана, и часть силъ занимала Тхавуанскую позицію.

„Въ 10 часовъ вечера, 3-го іюля, голова колоннъ миновала Тхавуанъ; къ 11-ти часамъ батальонъ 22-го полка штыками сбилъ японскую заставу у перекрестка дорогъ на перевалы Лахолинъ и Синкайлинъ... Перевалы съ кумирней и Сяокаолинъ японцы за ночь очистили, оставивъ тамъ лишь заставы. Къ разсвѣту колонна генерала Кашталинскаго заняла эти перевалы, сбросивъ японскія заставы.

„Около $5^1/_2$ часовъ утра, 4-го іюля, японцы въ значительныхъ силахъ съ многочисленною артиллеріею заняли Уфангуанскій перевалъ и горные массивы южнѣе его. На флангѣ колонны генерала Кашталинскаго съ этой позиціи, равно какъ съ гребня горъ, лежащихъ къ востоку отъ высотъ съ кумирней, противникомъ былъ развитъ весьма сильный оружейный и артиллерійскій огонь по нашимъ войскамъ. Генералъ Кашталинскій для занятія горнаго массива выдвинулъ изъ своего частнаго резерва первоначально одинъ, а затѣмъ еще три батальона, но попытка овладѣть имъ не удалась, не взирая на огонь конно-горной батареи, ибо полевыя орудія по условіямъ мѣстности не могли быть введены въ дѣло.

„Около 8-ми часовъ утра генералъ графъ Келлеръ, наблюдавшій за ходомъ боя у Тхавуанской башни, счелъ необходимымъ переѣхать въ колонну генерала Кашталинскаго, выдвинувъ изъ общаго резерва три батальона на высоты у кумирни. Дабы удержаться на занятыхъ уже позиціяхъ въ виду напора противника, требовалось дальнѣйшее немедленное подкрѣпленіе резервами войскъ, введенныхъ въ бой. Между тѣмъ, позиціи эти, по своему положенію, не представлялись выгодными.

„Прибывшій въ передовую линію генералъ графъ Келлеръ опредѣлилъ силы противника настолько значительными, сравнительно съ нашими, что рѣшилъ боя не продолжать и резервовъ ни частнаго, ни общаго не расходовать; въ особенности въ виду того, что при дальнѣйшемъ наступленіи приходилось бы вести атаку безъ содѣйствія

полевой артиллеріи. Поэтому генералъ графъ Келлеръ около 10½ часовъ утра рѣшилъ отвести войска назадъ на прежнія позиціи на Янзелинскомъ перевалѣ. Войска отошли медленно, шагъ за шагомъ, въ полномъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ огня вызванной на позицію полевой батареи.

„Около полудня обозначилось наступленіе противника въ направленіи на правый флангъ Янзелинской позиціи; верстахъ въ четырехъ къ югу отъ Тхавуана, снялась японская горная батарея, которая послѣ 34-хъ выстрѣловъ нашей батареи, поставленной въ сѣдловинѣ южнѣе перевала Янзелинъ, была окончательно вынуждена замолчать. Къ тремъ часамъ пополудни бой прекратился; войска возвратились къ Тхавуану; наступленіе японцевъ было остановлено передъ долиной рѣхи Ланхе, на передовой занятой и удержанной нами позиціи.

„Вслѣдствіе безсонной ночи и крайне знойнаго дня, наши войска были утомлены, проведя на ногахъ въ дѣлѣ подрядъ болѣе пятнадцати часовъ. Потери точно не выяснились, но генералъ графъ Келлеръ доноситъ, что онѣ достигаютъ цифры свыше тысячи человѣкъ, причемъ особенно пострадалъ молодецкій 24-й полкъ".

Недѣлей позже, 11-го іюля, на южномъ фронтѣ, въ окрестностяхъ Дашичао, разыгрался бой съ наступавшими войсками генерала Оку. „На лѣвомъ флангѣ,—какъ телеграфировалъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ,—бой 11-го іюля начался съ разсвѣта перестрѣлкой передовыхъ частей у Танчи; затѣмъ въ теченіе двѣнадцати часовъ противникъ поддерживалъ сильнѣйшую артиллерійскую канонаду; артиллерійское состязаніе было благопріятно для насъ: японскія батареи, дѣйствовавшія противъ насъ въ семи верстахъ къ югу отъ Дашичао, къ четыремъ часамъ пополудни замолчали. Около четырехъ часовъ пополудни противникъ повелъ энергичное наступленіе въ направленіи отъ Дафаншэна на Инфэнчжай, съ цѣлью прорвать центръ нашей позиціи. Войска наши отбили всѣ атаки противника, и всѣ наши позиціи были нами удержаны; бой окончился въ 9½ часовъ вечера 11-го іюля. Начальникъ отряда, два дня удерживавшій наступленіе противника и отбившій всѣ атаки японцевъ, послѣ небольшого отдыха, не тревожимый противникомъ, началъ постепенно отходить къ сѣверу. Одновременно съ наступленіемъ отъ Гайчжоу на Дашичао, завершившимся боемъ 11-го іюля, противникъ въ этотъ же день развернулъ въ направленіи къ Хайчену силы около двухъ дивизій, но дѣйствія его здѣсь не носили рѣшительнаго характера".

Какъ видно изъ подробнаго донесенія командовавшаго нашимъ отрядомъ генерала Зарубаева, японцы съ утра 11-го іюля открыли канонаду противъ позицій праваго фланга и почти не прекращали ея въ теченіе пятнадцати часовъ. „Огонь сталъ затѣмъ сосредоточиваться

по войскамъ, находившимся на высотахъ южнѣе Цяньчжайцзы. Въ это же время японская пѣхота двумя батальонами стала занимать гору къ сѣверо-западу отъ Дафаншэна, но, сбитая оттуда выстрѣлами нашей артиллеріи, бѣжала. Наши снаряды ложились въ самую непріятельскую колонну. Въ началѣ двѣнадцатаго часа войска у Цяньчжайцзы были усилены батареей изъ резерва; нашъ огонь значительно ослабилъ огонь непріятельскихъ батарей. Къ двумъ часамъ дня вся наша артиллерія отъ Наньдалина, измѣнивъ фронтъ, открыла огонь въ направленіи на Дафаншэнъ; огонь былъ настолько успѣшенъ, что войска этого участка попытались перейти въ наступленіе противъ праваго фланга японцевъ. Двинутый впередъ батальонъ сразу выяснилъ большіе резервы непріятеля на линіи Менцзятунъ-Ванчанкоу, сталъ нести большія потери и долженъ былъ отступить. Въ это же время японцы на высотахъ у Ванчанкоу выдвинули еще не менѣе трехъ батарей. Къ четыремъ часамъ дня группировка японской пѣхоты заставляла предполагать, что они хотятъ прорвать нашу позицію въ направленіи на деревню Цяньчжайцзы, гдѣ былъ Барнаульскій полкъ. Непріятельская канонада усилилась; въ 7 час. 30 мин. вечера огонь японцевъ достигъ величайшей напряженности, и съ послѣдними лучами солнца непріятель бросился на Барнаульскій полкъ въ атаку. Полкъ былъ подкрѣпленъ тремя батальонами. Командиръ Барнаульскаго полка полковникъ Добротинъ лихо сметалъ японскія атаки, четыре раза бросаясь въ штыки. Барнаульцами отняты у непріятеля ружья и снаряженіе, количество которыхъ еще не выяснено. Часовъ въ девять вечера канонада стала смолкать, но ружейная перестрѣлка длилась до глубокой ночи. Мы сохранили всѣ наши позиціи. По окончаніи боя выяснилось, что противъ 18-ти батальоновъ дѣйствовало не менѣе двухъ японскихъ дивизій и подавляющее количество батарей. Общая длина позиціи достигала 16-ти верстъ. При такихъ условіяхъ, — говоритъ въ своей депешѣ генералъ Зарубаевъ, — я не призналъ умѣстнымъ продолжать бой на слѣдующій день и рѣшилъ отойти къ сѣверу. Отходъ съ позиціи былъ совершенъ въ величайшемъ порядкѣ. Потери еще не выяснены; но можно предполагать, что изъ строя выбыло около двадцати офицеровъ и шестисотъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ тяжеломъ 15-ти-часовомъ бою въ особенности выразилась несокрушимая стойкость сибирскихъ полковъ, на которые обрушился главный ударъ японцевъ. Ни одна пядь на позиціяхъ не была уступлена, несмотря на огромное численное превосходство и повторныя атаки на центръ, гдѣ дѣло четыре раза доходило до штыкового боя, котораго японцы не выдерживали. Всѣ батареи, работавшія подъ непрерывнымъ огнемъ въ продолженіе $15^1/_2$ часовъ, стоятъ выше всякой похвалы".

На слѣдующій день, 12 іюля, во второмъ часу дня, „послѣ незна-

чительной орудійной канонады и перестрѣлки съ нашими отходящими частями, противникъ занялъ Дашичао, и около дивизіи его пѣхоты продвинулось немного сѣвернѣе, по большой дорогѣ изъ Дашичао въ Хайченъ". Заодно съ Дашичао, намъ пришлось очистить и весьма важные пункты, къ которымъ особенно стремились японцы,—городъ Ньючуанъ и его гавань Инкоу; непріятель получилъ теперь возможность подвоза припасовъ и подкрѣпленій моремъ, и для арміи Оку открылась въ ближайшемъ сосѣдствѣ столь существенная для нея „морская база". Такимъ образомъ, обстоятельства сложились для насъ не особенно благопріятно въ южной Манчжуріи, тѣмъ болѣе, что и обычный періодъ дождей заставлялъ себя ожидать слишкомъ долго; но, къ счастью, противникъ не извлекаетъ всѣхъ выгодъ изъ безспорнаго превосходства своихъ силъ и ни одной своей „побѣды" не доводитъ до конца, такъ что наши отряды могутъ спокойно отступать къ главнымъ силамъ, въ образцовомъ порядкѣ,—„какъ на парадѣ", прибавляютъ иногда корреспонденты,—а эти главныя силы остаются пока еще нетронутыми, въ ожиданіи присоединенія къ нимъ новыхъ корпусовъ, находящихся въ пути. Въ этомъ непрерывномъ увеличеніи численности нашихъ войскъ, ядро которыхъ старательно сберегается на мѣстѣ для будущихъ наступательныхъ дѣйствій, можно видѣть залогъ дальнѣйшаго успѣшнаго хода и завершенія тяжелой и необыкновенно кровопролитной манчжурской кампаніи.

Вопреки всѣмъ первоначальнымъ предположеніямъ, военныя дѣйствія на морѣ заставляютъ чаще говорить о нашихъ успѣхахъ и гораздо сильнѣе возбуждаютъ общее вниманіе, чѣмъ сложныя и не всѣмъ понятныя операціи на сушѣ. Со времени назначенія адмирала Скрыдлова начальникомъ нашего тихоокеанскаго флота, маленькая владивостокская эскадра оказалась грозною активною силою, болѣе опасною для Японіи, чѣмъ могущественные броненосцы, стоящіе на рейдѣ у Портъ-Артура. Совершивъ свой опустошительный набѣгъ въ Корейскій проливъ, эскадра съумѣла уйти отъ преслѣдовавшаго ее непріятельскаго флота и въ то же время отразить нападеніе флотиліи миноносцевъ. Объ этой встрѣчѣ адмиралъ Скрыдловъ телеграфировалъ:

„Отрядъ крейсеровъ подъ флагомъ вице-адмирала Безобразова 18 іюня, пройдя Корейскій проливъ, въ 6 часовъ 20 минутъ вечера встрѣтилъ семь большихъ судовъ, по виду четыре броненосныхъ крейсера, три эскадренныхъ броненосца, одинъ или два эскадренныхъ миноносца. Нашъ отрядъ повернулъ назадъ. Непріятель началъ преслѣдовать, открывши совершенно безвредный огонь съ разстоянія 80 кабельтововъ; наши суда не отвѣчали. Въ восемь часовъ вечера

спереди отрядъ атаковали одиннадцать миноносцевъ. Атака для японцевъ оказалась совершенно неудачной. Адмиралъ Безобразовъ полагаетъ, что нашимъ огнемъ потоплено два миноносца. На слѣдующее утро непріятеля въ виду не оказалось. На отрядѣ нѣтъ потерь, ни поврежденій".

Кромѣ потопленія нѣсколькихъ японскихъ торговыхъ и транспортныхъ судовъ, эскадра задерживала нейтральные корабли, провозившіе военную контрабанду, и отсылала ихъ въ Владивостокъ для рѣшенія ихъ участи мѣстнымъ призовымъ судомъ. Весьма цѣнный призъ доставленъ былъ туда 21 іюня—британскій пароходъ „Чельтенгамъ", въ 6.000 тоннъ, шедшій въ Фузанъ съ грузомъ шпалъ и дерева для сеулъ-фузанской желѣзной дороги. Захватъ этого крупнаго англійскаго судна не вызвалъ никакихъ протестовъ или возраженій въ англійской печати, такъ какъ контрабандный характеръ груза, предназначеннаго для военныхъ цѣлей, былъ вполнѣ очевиденъ. Въ предѣлахъ Японскаго моря могли только рѣдко попадаться иностранные корабли съ военной контрабандой, и погоня за ними не особенно волновала заграничныхъ представителей морской торговли; но совершенно другой эффектъ произвело позднѣйшее извѣстіе о неожиданномъ переходѣ нашей эскадры черезъ Сангарскій проливъ въ Тихій океанъ для крейсерства у восточныхъ береговъ Японіи, гдѣ поддерживались оживленныя торговыя сношенія съ Америкою, при участіи многочисленныхъ англійскихъ и американскихъ пароходовъ. Эти постоянныя торговыя сношенія, считавшіяся до сихъ поръ вполнѣ огражденными отъ вмѣшательства русскихъ крейсеровъ, представляютъ жизненный интересъ для Японіи, которой они обезпечиваютъ правильную доставку необходимыхъ припасовъ и военныхъ принадлежностей изъ-за-границы; въ то же время они служатъ источникомъ крупныхъ выгодъ для иностранныхъ капиталистовъ и пароходныхъ компаній. Понятно поэтому, что появленіе нашей владивостокской эскадры въ водахъ, омывающихъ Японію съ востока, должно было произвести настоящую панику въ заинтересованныхъ коммерческихъ сферахъ; захваты нейтральныхъ судовъ тотчасъ же вызывали энергическіе протесты, для которыхъ всегда можно подыскать правдоподобныя основанія при недостаточной опредѣленности и ясности существующихъ положеній и обычаевъ международнаго права.

Между прочимъ, какъ видно изъ телеграммы адмирала Скрыдлова, 15-го іюля „прибылъ во Владивостокъ, подъ командою лейтенанта Владиславлева, германскій пароходъ „Arabia", задержанный отрядомъ крейсеровъ 9-го іюля во ста миляхъ къ сѣверу отъ города Іокогамы. При осмотрѣ судовыхъ бумагъ парохода обнаружено, что въ числѣ прочаго груза на пароходѣ находится около 1.200 тоннъ, адресован-

ныхъ въ порты Японіи—Іокогаму, Кобе и Нагасаки — и состоящихъ изъ разнаго желѣзнодорожнаго матеріала и 20.500 мѣшковъ муки. Наличіе на пароходѣ „Arabia“ грузовъ, объявленныхъ Императорскимъ правительствомъ военною контрабандою, заставило контръ-адмирала Іессена направить задержанный пароходъ въ ближайшій россійскій портъ Владивостокъ, для разсмотрѣнія дѣла этого парохода въ мѣстномъ призовомъ судѣ. Пароходъ „Arabia“, водоизмѣщеніемъ 7.500 тоннъ, построенъ въ 1901 году, принадлежитъ германской компаніи „Гамбургъ—Америка“, но зафрахтованъ сѣверо-американской компаніей „Портландъ“—азіатской компаніей для плаванія между Америкой, Японіей и другими портами Дальняго Востока“. Представители компаніи „Portland“ немедленно обратились съ жалобою къ министерству иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ, ссылаясь на то, что значительнѣйшая часть груза на захваченномъ пароходѣ предназначена для нейтральнаго государства—Китая, и что мѣшки съ мукою, адресованные частнымъ японскимъ фирмамъ не для продовольствія войскъ, должны быть причислены къ категоріи нейтральныхъ товаровъ; — и сѣверо-американское правительство, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, взяло на себя „энергическую“ защиту этихъ доводовъ и требованій, независимо отъ вопроса объ ихъ юридической правильности и основательности. Въ данномъ случаѣ не было въ сущности формальныхъ поводовъ для протеста, такъ какъ пароходъ „Arabia“ задержанъ въ районѣ возможныхъ военныхъ дѣйствій, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ, и споръ о законности приза будетъ еще разбираться надлежащимъ судомъ, который, разумѣется, выслушаетъ и приметъ во вниманіе всѣ справедливыя возраженія владѣльцевъ; наконецъ, самый приговоръ суда можетъ еще быть обжалованъ въ высшую инстанцію.

Болѣе труднымъ и щекотливымъ является дѣло британскаго парохода „Knight-Commander“, потопленнаго владивостокской эскадрою безъ предварительнаго разбирательства въ призовомъ судѣ,—вѣроятно, вслѣдствіе невозможности своевременнаго отвода парохода въ Владивостокъ съ достаточнымъ количествомъ команды. „По нашему взгляду, —заявилъ по этому поводу британскій премьеръ, Вальфуръ, въ палатѣ общинъ, 28-го (15) іюля,—этотъ поступокъ совершенно противорѣчитъ обычаямъ, принятымъ между націями въ случаѣ войны, и мы серьезно сообщили нашъ взглядъ русскому правительству. Мы убѣждены, что когда этотъ фактъ будетъ оффиціально доведенъ до свѣдѣнія русскаго правительства, — а онъ съ нашей стороны уже доведенъ до свѣдѣнія русскаго правительства,—оно сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы несчастные инциденты такого рода не могли болѣе повторяться. Я не сомнѣваюсь, что такъ именно случится“. Въ одной изъ

нашихъ газетъ было указано, что право топить нейтральные корабли съ военною контрабандою, при извѣстныхъ условіяхъ, предусмотрѣно не только русскими военно-морскими правилами, изданными въ 1895 г., но и соотвѣтственными англійскими постановленіями и инструкціями, и что поэтому британское правительство не имѣетъ права принципіально возражать противъ подобной практики; если же оно находило неправильнымъ или незаконнымъ указанный пунктъ нашихъ военно-морскихъ постановленій, то оно могло протестовать своевременно при самомъ ихъ обнародованіи. Но дѣло въ томъ, что Англія не имѣла ни повода, ни основанія вмѣшиваться въ вопросы русскаго законодательства, хотя бы они касались области морского международнаго права,—пока они не перешли на почву практическаго примѣненія, въ ущербъ интересамъ британскихъ подданныхъ; поэтому право протеста противъ спорнаго полномочія русскихъ военно-морскихъ командировъ возникло для Англіи лишь послѣ инцидента съ пароходомъ „Knight-Commander". Очевидно, командиръ военнаго судна можетъ непосредственно своею властью рѣшить участь захваченнаго нейтральнаго корабля только въ одномъ случаѣ,—если безусловно-контрабандный характеръ груза формально удостовѣренъ судовыми документами и если въ то же время полная законность задержанія признана письменнымъ заявленіемъ командира арестованнаго судна, причемъ самое разбирательство въ призовомъ судѣ являлось бы уже излишнимъ или безпредметнымъ. Уничтожить захваченное имущество, принадлежащее подданнымъ нейтральной державы, можно лишь по праву собственника, послѣ того какъ захватъ признанъ правильнымъ и добыча—законною; а собственникомъ и законнымъ распорядителемъ нельзя сдѣлаться по одному субъективному убѣжденію, безъ суда и безъ согласія владѣльца. Такимъ образомъ, чтобы считать себя въ правѣ потопить нейтральное судно, командиръ крейсера долженъ непремѣнно заручиться предварительнымъ формальнымъ признаніемъ безспорной законности приза, и, по всей вѣроятности, это условіе было соблюдено относительно парохода „Knight-Commander"; въ противномъ случаѣ, возраженія британскаго премьера едва ли могли бы быть устранены или опровергнуты. Ссылка на прецеденты или на способы дѣйствій самой Англіи была бы безполезна и неубѣдительна въ такой области, гдѣ право сопутствуетъ силѣ и гдѣ сила находится далеко не на нашей сторонѣ. Нѣкоторыя газеты ссылаются даже на американскую междоусобную войну, во время которой южане систематически топили нейтральные корабли, доставлявшіе военные грузы сѣвернымъ штатамъ; но южане не представляли собою самостоятельнаго государства, признаннаго другими державами, и уже потому не могутъ служить примѣромъ для Россіи. Какъ бы то ни было, дѣло идетъ о насильствен-

номъ примѣненіи извѣстнаго правила къ иностраннымъ кораблямъ въ открытомъ морѣ, и если это правило рѣшительно отрицается иностранными правительствами, то оно не можетъ быть примѣняемо нами противъ ихъ подданныхъ, ибо господство на моряхъ намъ не принадлежитъ. Категорическій тонъ заявленія британскаго премьера исключаетъ вообще всякую полемику по этому предмету; но въ то же время онъ обязываетъ и „владычицу морей" строго придерживаться высказаннаго ею взгляда въ случаѣ войны.

Къ сожалѣнію, наши газетные патріоты слишкомъ часто склонны думать и утверждать, что въ политикѣ лучше всего—дѣйствовать напроломъ, не обращая вниманія на мнѣнія и протесты чужихъ, хотя бы и могущественныхъ, націй. „Пошумятъ и успокоятся, воевать не станутъ",—говорятъ обыкновенно воинственные публицисты, усердно старающіеся втянуть свое отечество въ какой-нибудь непріятный и ненужный международный конфликтъ. То же самое повторялось нѣкоторыми изъ нашихъ газетъ по поводу необычайнаго шума, поднятаго за границей и особенно въ Англіи крейсерствомъ судовъ нашего Добровольнагс флота въ Красномъ морѣ. Мысль о томъ, чтобы въ ближайшемъ сосѣдствѣ Суэзскаго канала контролировать и задерживать всѣ проходящіе корабли для прекращенія подвоза извѣстныхъ товаровъ въ Японію,—была сама по себѣ довольно соблазнительная, и попытка осуществить ее имѣла свое вполнѣ законное основаніе. Два парохода Добровольнаго флота, „Петербургъ" и „Смоленскъ", снабженные всѣмъ необходимымъ для роли военныхъ крейсеровъ, вышли изъ Чернаго моря черезъ Дарданеллы подъ коммерческимъ флагомъ, безъ видимыхъ признаковъ вооруженія, и направились въ Красное море, гдѣ приняли характеръ военныхъ судовъ и стали дѣйствовать въ этомъ качествѣ, подъ командою русскихъ морскихъ офицеровъ. Законность этой метаморфозы не подлежала никакому сомнѣнію; всѣмъ извѣстно было назначеніе судовъ Добровольнаго флота служить крейсерами въ военное время, и никто не оспаривалъ установившейся практики, въ силу которой этимъ судамъ предоставлялось безпрепятственно проходить черезъ Босфоръ и Дарданеллы съ военнымъ грузомъ, подъ торговымъ флагомъ. Наше морское вѣдомство, стоящее въ сторонѣ отъ политики, никакъ не могло предвидѣть чисто-политическихъ послѣдствій своихъ безусловно цѣлесообразныхъ военно-морскихъ распоряженій; оно дѣйствовало въ несомнѣнномъ согласіи съ строгими нормами международнаго права, дозволяющими крейсерство въ нейтральныхъ водахъ; капитаны крейсеровъ имѣли предъ собою точныя правила и инструкціи, уполномочивающія ихъ задерживать и отсылать въ ближайшій русскій портъ всѣ нейтральные корабли съ военными или нужными для войны грузами, даже по одному подозрѣнію въ томъ, что эти грузы

направляются въ Японію; а въ случаѣ, если бы не хватило офицеровъ и команды для всѣхъ арестованныхъ судовъ, капитаны—опять-таки въ силу точныхъ печатныхъ правилъ—могли считать себя въ правѣ топить задержанные корабли съ военной контрабандой. Казалось бы, дѣло задумано было прекрасно съ практической точки зрѣнія;—помѣшала только политика, которой, вѣроятно, не приняли въ разсчетъ при организаціи этого крейсерства. На бѣду, первыя, наиболѣе эффектныя дѣйствія нашихъ вспомогательныхъ крейсеровъ въ Красномъ морѣ относились именно къ такимъ нейтральнымъ судамъ, которыхъ не слѣдовало задерживать по соображеніямъ дипломатіи. Принудительному осмотру подвергся имперско-германскій пароходъ „Prinz Heinrich“, причемъ съ него отобрана была почта, слѣдовавшая на Дальній Востокъ, и передана потомъ другому пароходу, шедшему въ томъ же направленіи; а нѣсколько пакетовъ, адресованныхъ въ порты Японіи, арестовано въ качествѣ контрабанды. При исключительно-дружественныхъ и доброжелательныхъ отношеніяхъ къ намъ Германіи,—отношеніяхъ, которыя нужно особенно цѣнить въ настоящее время,—можно было вполнѣ довольствоваться признаніемъ того факта, что „Prinz Heinrich“ есть германскій почтовый пароходъ и возитъ только почту, и затѣмъ ничего другого, кромѣ соблюденія правилъ международной вѣжливости, не предстояло бы при этой встрѣчѣ. По общимъ началамъ международнаго права, частная почтовая корреспонденція признается неприкосновенною и во время войны; но къ числу предметовъ военной контрабанды отнесена и „переписка съ непріятелемъ“, что, конечно, давало право подвергать контролю и частныя письма, и посылки, направляемыя въ Японію. Инцидентъ съ пароходомъ „Prinz Heinrich“ не вызвалъ неудобныхъ для насъ осложненій, такъ какъ германское правительство отнеслось къ нему съ чисто-дружеской сдержанностью и заранѣе обнаружило готовность истолковать его въ смыслѣ простого недоразумѣнія; но этотъ случай былъ для насъ крайне непріятенъ въ томъ отношеніи, что далъ нѣмецкимъ газетамъ благодарный матеріалъ для рѣзкихъ нападокъ на „руссофильскую“ оффиціальную политику Германіи и усилилъ вообще враждебное намъ настроеніе значительной части германскаго общества, гдѣ дружба съ Россіею и безъ того не пользуется популярностью.

Второй, еще болѣе крупный политическій фактъ созданъ былъ захватомъ британскаго парохода „Malacca“ и приводомъ его, съ русскою командой и подъ русскимъ флагомъ, въ Портъ-Саидъ: на пароходѣ оказались запасы боевыхъ снарядовъ, принадлежащіе, по заявленію капитана, британскому правительству и предназначенные для англійской эскадры въ Тихомъ океанѣ, но возбудившіе подозрѣніе въ принадлежности ихъ поставщикамъ военной контрабанды для Японіи.

Извѣстіе объ этомъ захватѣ возбудило цѣлую бурю негодованія въ Англіи; газеты требовали рѣшительныхъ мѣръ для немедленнаго — хотя бы и насильственнаго—освобожденія арестованнаго парохода; въ парламентѣ дѣлались энергическіе запросы правительству, и командиры британскихъ военныхъ судовъ въ Средиземномъ морѣ тотчасъ же получили приказаніе направиться къ Портъ-Саиду. Англичане были серьезно возмущены „дерзостью" небольшого русскаго судна, позволившаго себѣ распоряжаться на главномъ морскомъ пути всемірной и въ частности британской торговли; они не понимали, какъ можно было не повѣрить англійскому капитану, когда онъ прямо заявилъ о принадлежности военнаго груза британскому правительству. Между тѣмъ командиръ „Петербурга" дѣйствовалъ, съ своей точки зрѣнія, правильно, по долгу службы, и имѣлъ безспорное право усомниться въ достовѣрности показаній британскаго капитана, если они не подкрѣплялись оффиціальными документами; вообще онъ не превысилъ своихъ полномочій, рѣшивъ поступить именно такъ, а не иначе, — хотя дипломатія предписывала бы старательно избѣгать всякаго насилія по отношенію къ англичанамъ въ открытомъ морѣ, при отсутствіи положительныхъ доказательствъ нашей правоты. Нашъ крейсеръ могъ бы также провѣрить заявленіе англійскаго капитана, не откладывая дѣла до разбирательства въ призовомъ судѣ; для этого стоило только потребовать письменнаго подтвержденія со стороны британскихъ властей въ Портъ-Саидѣ, гдѣ не трудно было получить по телеграфу надлежащую оффиціальную справку изъ Лондона. Но командиры военныхъ судовъ не руководствуются соображеніями политики, и результатомъ этихъ невольныхъ политическихъ ошибокъ было не только прекращеніе начатаго нами крейсерства въ Красномъ морѣ, но и возбужденіе крайне стѣснительнаго и несвоевременнаго для насъ вопроса о закрытіи Босфора и Дарданеллъ для судовъ Добровольнаго флота, предназначенныхъ для роли вспомогательныхъ военныхъ крейсеровъ.

Вопросъ о проливахъ, правда, не поставленъ оффиціально и не служитъ предметомъ переговоровъ; но онъ заранѣе предрѣшается противъ насъ Англіею, которая по поводу задержанія „Малакки" сослалась на то, что суда Добровольнаго флота, вышедшія изъ Чернаго моря подъ торговымъ флагомъ, не могутъ, будто бы, дѣйствовать потомъ въ качествѣ военныхъ крейсеровъ. Британскій премьеръ высказалъ этотъ взглядъ и въ парламентѣ, и притомъ въ такой рѣшительной формѣ, что всякія возраженія были бы практически безцѣльны. Лондонскій кабинетъ откровенно придаетъ своему взгляду значеніе требованія, подкрѣпляемаго всѣмъ морскимъ могуществомъ Англіи, и на этой почвѣ намъ не приходится спорить съ британскимъ прави-

тельствомъ, при настоящихъ обстоятельствахъ. По справедливости и по здравому смыслу разсужденіе Бальфура должно быть признано совершенно произвольнымъ: проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы подъ торговымъ флагомъ не лишаетъ судовъ Добровольнаго флота тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя во всемъ мірѣ присвоиваются крупнымъ торговымъ судамъ; каждое независимое государство можетъ, по своему желанію, превращать свои торговые корабли въ военные, и никакая посторонняя держава не въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло или оспаривать законность такого превращенія; слѣдовательно, и коммерческіе пароходы Добровольнаго флота, по выходѣ черезъ Дарданеллы, могутъ быть въ каждый данный моментъ превращены нами въ вооруженные крейсеры, и никакое иностранное правительство не имѣетъ права протестовать противъ этого. Закрытіе проливовъ для военныхъ судовъ нисколько не предопредѣляетъ и не ограничиваетъ будущей судьбы кораблей, проходящихъ черезъ проливы подъ торговымъ флагомъ; выйдя изъ Дарданеллъ, торговый корабль можетъ на слѣдующій же день получить военное назначеніе, и въ этомъ новомъ своемъ видѣ и качествѣ онъ только теряетъ право обратнаго прохода черезъ проливы. То, что примѣнимо и повсюду примѣняется къ дѣйствительнымъ коммерческимъ пароходамъ, сохраняетъ тѣмъ большую силу по отношенію къ судамъ нашего Добровольнаго флота, имѣвшимъ съ самаго начала полу-казенный, полу-военный характеръ. Возражая противъ употребленія этихъ судовъ какъ военныхъ крейсеровъ, послѣ прохода ихъ черезъ Дарданеллы подъ торговымъ флагомъ, англичане опираются, конечно, не на логику и не на принципы международнаго права, а на свои реальные интересы, требующіе закрытія доступа къ военнымъ дѣйствіямъ для всѣхъ кораблей нашего черноморскаго флота, въ томъ числѣ и „добровольнаго". До послѣдняго времени Добровольный флотъ свободно пользовался своими привилегіями при проходѣ черезъ проливы, съ согласія Порты, и только неудачный инцидентъ съ „Малаккой" доставилъ Англіи случай вмѣшаться въ вопросъ, касающійся, прежде всего, нашихъ сосѣдскихъ отношеній съ Турціею, какъ законною фактическою обладательницею проливовъ.

Кажущійся успѣхъ, достигнутый лондонскимъ кабинетомъ въ дѣлѣ ограниченія нашего крейсерства, не имѣлъ, однако, того общаго значенія, какое приписывалось ему въ Англіи; это ясно видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго сообщенія, появившагося въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 20 іюля:

„Съ самаго начала русско-японской войны Императорское правительство принимало мѣры, дабы предотвратить подвозъ военной контрабанды, отправляемой японской арміи и флоту на судахъ нейтральныхъ націй. Въ Высочайше утвержденныхъ 14-го февраля 1904 года

правилахъ, которыми Россія намѣрена руководствоваться во время войны съ Японіею, былъ объявленъ списокъ предметовъ, нами признаваемыхъ военной контрабандой, а также сдѣлано заявленіе, что военно-морскимъ властямъ предписано принять къ неуклонному исполненію постановленія, изложенныя въ положеніи о морскихъ призахъ, Высочайше утвержденномъ 27-го марта 1895 года, и въ инструкціи о порядкѣ остановки, осмотра и задержанія, а также отвода и сдачи задержанныхъ судовъ и грузовъ, утвержденной адмиралтействъ-совѣтомъ 20-го сентября 1900 года.

„Пароходы Добровольнаго флота „Петербургъ" и „Смоленскъ", получивъ спеціальное порученіе, срокъ котораго уже истекъ, слѣдуя по назначенію, руководствовались вышеозначенными постановленіями и во время своего прохода Краснымъ моремъ останавливали и осматривали всѣ встрѣченныя ими въ морѣ подозрительныя суда. При означенныхъ условіяхъ командиръ „Петербурга" остановилъ, между прочимъ, англійскій пароходъ „Малакка", капитанъ котораго отказался представить судовые документы о грузѣ, вслѣдствіе чего пароходъ былъ задержанъ и подлежалъ отправленію для выясненія дѣла въ Портъ Императора Александра III.

„Однако, вслѣдствіе оффиціальнаго заявленія великобританскаго правительства о томъ, что на пароходѣ „Малакка" перевозился англійскій казенный грузъ, Императорское правительство, по соглашенію съ великобританскимъ правительствомъ, сдѣлало распоряженіе о новомъ осмотрѣ задержаннаго парохода въ одномъ изъ ближайшихъ портовъ на пути его слѣдованія и въ присутствіи англійскаго консула. Осмотръ былъ произведенъ въ Алжирѣ, причемъ англійскій генеральный консулъ оффиціально удостовѣрилъ, что военные припасы на „Малаккѣ" составляютъ собственность британскаго правительства, а остальной грузъ не представляетъ военной контрабанды.

„Принимая во вниманіе такое удостовѣреніе, Россійское Императорское правительство рѣшило освободить задержанный грузъ и судно. Означенное рѣшеніе, однако, не должно быть истолковано въ смыслѣ отказа Императорскаго правительства отъ своего намѣренія посылать какъ отдѣльные крейсеры, такъ и вообще всякія военныя суда для предотвращенія подвоза военной контрабанды нашему противнику".

Недавняя смерть бывшаго трансваальскаго президента Крюгера (14 іюля, нов. ст.), на 79 году жизни, въ Кларанѣ, напоминаетъ въ одно и то же время и о печальныхъ особенностяхъ внѣшней политики Англіи, и о великихъ достоинствахъ ея системы общаго и колоніальнаго управленія. Всего два года тому назадъ окончилась тяжелая, почти трехлѣтняя борьба Трансвааля за независимость, и до сихъ поръ еще не видно, чтобы побѣдители давали особенно чувствовать побѣжденнымъ совершившуюся перемѣну въ положеніи страны. Бывшіе вооруженные враги британскаго владычества пользуются всѣми правами гражданъ, свободно обсуждаютъ свои нужды и интересы въ публичныхъ собраніяхъ, обращаются съ своими жалобами и требова-

ніями къ представителямъ британской власти и часто получаютъ удовлетвореніе; мѣстная печать ничѣмъ не стѣснена и высказывается безпрепятственно о всякихъ дѣлахъ и вопросахъ, волнующихъ населеніе. При извѣстіи о кончинѣ непримиримаго вождя и правителя буровъ, англійскій губернаторъ Трансвааля, сэръ Артуръ Лаулей, въ засѣданіи мѣстнаго законодательнаго совѣта, выразилъ свое сочувствіе и уваженіе къ памяти покойнаго; „тѣ, которые нынѣ занимаютъ мѣсто, гдѣ Крюгеръ былъ такою выдающеюся фигурою,—сказалъ онъ между прочимъ,—обязаны признать важность потери, причиненной его смертью". По предложенію генеральнаго атторнея, сэра Ричарда Соломона, законодательный совѣтъ единогласно принялъ резолюцію о выраженіи симпатій и соболѣзнованія семьѣ Крюгера. Британское правительство не затруднилось также разрѣшить перенесеніе праха покойнаго въ Преторію, для устройства соотвѣтственныхъ національныхъ похоронъ, не опасаясь какихъ-либо политическихъ демонстрацій, хотя бы и враждебныхъ. Въ Англіи и ея колоніяхъ народныя демонстраціи считаются законными и необходимыми проявленіями политической жизни; оттого тамъ не бываетъ скрытыхъ волненій и тайныхъ заговоровъ.

Въ маѣ происходили въ Преторіи публичныя засѣданія бурскаго конгресса, состоявшаго изъ 134 делегатовъ отъ различныхъ мѣстностей Трансвааля, при участіи всѣхъ выдающихся предводителей буровъ—генераловъ Бота и Деларея, Шалькъ-Бургера и другихъ. Генералъ Бота произнесъ вступительную рѣчь, имѣвшую характеръ цѣлой національной программы. „Отвѣтственное правительство—заявилъ онъ въ заключеніе—гарантировано намъ при заключеніи мира. Если правительство полагаетъ, что отвѣтственность за эту обширную страну лучше возложить на плечи немногихъ лицъ, чѣмъ на большинство населенія, то отвѣтственность останется за ними. Будущность такого правительства зависитъ отъ конституціи. Если она не будетъ основана на широкихъ началахъ и принципахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ потребностямъ и способныхъ возродить благосостояніе и развитіе нашей страны, то надо считать еще открытымъ вопросъ, будемъ ли мы помогать правительству или нѣтъ". Послѣ генерала Боты говорилъ Шалькъ-Бургеръ, который совѣтовалъ членамъ конгресса критиковать правительство безъ раздраженія и обиды: буры вообще стремятся дѣйствовать заодно съ правительствомъ, и потому слѣдуетъ избѣгать возбужденій взаимнаго недовѣрія. На слѣдующій день конгрессъ принялъ рядъ резолюцій, выражающихъ пожеланія и предложенія буровъ по адресу правительства, въ области мѣстной политики, школьнаго дѣла, народнаго хозяйства и финансовъ. По приглашенію трансваальскаго губернатора, члены бурскаго конгресса собрались въ па-

латѣ законодательнаго совѣта для совмѣстнаго совѣщанія. Генералъ Бота отъ имени конгресса указалъ на то, что представительный характеръ этого съѣзда опровергаетъ предположеніе о глухомъ недовольствѣ буровъ, ворчливо сидящихъ, будто бы, на своихъ фермахъ; напротивъ, они искренно желаютъ помогать и содѣйствовать правительству. Сэръ Артуръ Лаулей въ своемъ отвѣтѣ привѣтствовалъ членовъ конгресса и увѣрилъ ихъ, что онъ очень интересуется ихъ мнѣніями и настроеніемъ. „Правительство—по словамъ губернатора—всегда стремилось къ тому, чтобы возможно полнѣе ознакомиться съ нуждами и желаніями народа; многіе могутъ засвидѣтельствовать, что при всякомъ вопросѣ происходили многочисленныя обсужденія прежде принятія какой-либо мѣры. Поэтому онъ, губернаторъ, и просилъ членовъ конгресса поговорить съ нимъ лично, ибо лучше всего встрѣчаться лицомъ къ лицу и откровенно высказываться о публичныхъ дѣлахъ; тогда могутъ легко устраниться нѣкоторыя изъ существующихъ или возможныхъ недоразумѣній. Англичанамъ приходится жить вмѣстѣ съ бурами, и всѣ они проникнуты идеею—сдѣлать Трансвааль великой страной. Ихъ пути, быть можетъ, различны, но общая цѣль облегчить совмѣстную работу“. Губернаторъ предложилъ членамъ конгресса высказаться прямо, отъ чистаго сердца, и съ своей стороны обѣщалъ быть столь же откровеннымъ; онъ просилъ никогда не колебаться приносить ему жалобы на несправедливыя или стѣснительныя дѣйствія должностныхъ лицъ, и вообще не накоплять своихъ неудовольствій, а указывать правительству на ихъ причины, для своевременнаго устраненія ихъ. Затѣмъ губернатору были представлены всѣ резолюціи конгресса, и онъ тутъ же далъ по нимъ подробныя объясненія. Собраніе разошлось въ спокойной увѣренности, что въ Трансваалѣ нѣтъ побѣжденныхъ и побѣдителей, а есть только разумные правители, старающіеся сойтись съ управляемыми полноправными гражданами на почвѣ общихъ интересовъ страны и населенія. Никакая иноземная вражда не отниметъ у Англіи этого великаго преимущества,—духа правды и свѣта въ дѣлахъ управленія,—вѣрнѣе всякихъ армій и флотовъ обезпечивающаго прочность и процвѣтаніе британской имперіи.

Въ послѣдніе мѣсяцы французскія парламентскія партіи были поглощены, съ одной стороны, продолжавшеюся борьбою за и противъ министерства Комба, а съ другой—рѣшительнымъ конфликтомъ между республикою и римско-католическою церковью. Глава кабинета успѣшно выдержалъ жестокую кампанію, предпринятую противъ него клерикалами въ союзѣ съ нѣкоторыми честолюбивыми радикальными депутатами; онъ долженъ былъ одновременно давать отпоръ защитникамъ

монашескихъ орденовъ, умѣреннымъ республиканцамъ и также соціалистамъ въ родѣ бывшаго министра Мильерана, причемъ ему пришлось считаться не только съ возраженіями и критикою, но и съ личными инсинуаціями и обвиненіями, отчасти явно клеветническими. Чтобы положить конецъ намекамъ и нападкамъ послѣдней категоріи, Комбъ заговорилъ о нихъ въ палатѣ, въ одномъ изъ іюньскихъ засѣданій, и тогда же, по предложенію одного изъ его сторонниковъ, назначена была спеціальная парламентская коммиссія изъ тридцати-трехъ членовъ, для разслѣдованія и провѣрки слуховъ о монашескихъ попыткахъ подкупа министра-президента и его сына, начальника канцеляріи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ долгихъ поисковъ, многочисленныхъ допросовъ свидѣтелей, очныхъ ставокъ и подробнѣйшихъ обсужденій, коммиссія пришла къ заключенію, что обвинители ничѣмъ не могли подтвердить свои намеки и отчасти вынуждены были отказаться отъ нихъ, и въ результатѣ остаются лишь пустые разговоры и выдумки, которыми не стоило утруждать серьезныхъ парламентскихъ дѣятелей. Положеніе министерства Комба вновь укрѣпилось, вопреки ожиданіямъ противниковъ, и кабинетъ могъ спокойно продолжать свою упорную и послѣдовательную борьбу противъ духовныхъ конгрегацій. Борьба эта, какъ можно было предвидѣть заранѣе, привела наконецъ къ открытому разрыву съ папствомъ, и съ конца іюля (нов. ст.) прекратились всякія дипломатическія отношенія между Ватиканомъ и французскою республикою. Трудно еще сказать что-либо опредѣленное о дѣйствительномъ значеніи этого конфликта и о возможныхъ его практическихъ послѣдствіяхъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1904.

I.

— Курсъ русской исторіи. Проф. В. Ключевскаго. Часть I. М. 1904.

Изданіе курса русской исторіи, В. О. Ключевскаго,— продолженное и законченное,—будетъ безъ сомнѣнія однимъ изъ наиболѣе интересныхъ, если не самымъ интереснымъ явленіемъ нашей исторической литературы за послѣднее время. Давняя дѣятельность г. Ключевскаго на каѳедрѣ московскаго университета дала его профессурѣ большую популярность; отдѣльные труды его, какъ, напр., его книга о „Житіяхъ святыхъ"—первое обширное критическое изслѣдованіе по этому предмету,—его книга о „Боярской думѣ" и другія работы меньшаго объема, привлекали оригинальностью взглядовъ, массою пересмотрѣннаго историческаго матеріала, и расширяли извѣстность автора далеко за предѣлы его каѳедры. Но „курса" все-таки не было, и это возбуждало справедливыя сожалѣнія, что остается непроизводительнымъ для массы заинтересованныхъ читателей и самихъ спеціалистовъ тотъ большой трудъ, который, очевидно, былъ уже потраченъ профессоромъ на составленіе его лекцій. Такой упрекъ дѣлался многимъ даровитымъ профессорамъ,—и г. Ключевскій бывалъ въ ихъ числѣ,—которые завлекали слушателей и которыхъ лекціи все-таки оставались неизданными. Профессора обыкновенно возражали на этотъ упрекъ тѣмъ, что лекціи ихъ были еще недостаточно выработаны, чтобы явиться передъ „большой публикой" (въ числѣ которой предполагались и требовательные спеціалисты); но возраженія этого рода не были удовлетворительны: если лекціи въ теченіе многихъ лѣтъ имѣли успѣхъ въ университетѣ и могли считаться достигающими своей цѣли, то онѣ съ тѣмъ же успѣхомъ могли служить и для тѣхъ читателей внѣ университета, которые стоятъ на томъ же уровнѣ знаній, какъ студенты,

—но, почему-либо, лишены возможности пріобрѣтать это знаніе въ университетской аудиторіи. Масса познаній, въ какихъ нуждается наше даже „образованное“ общество, чрезвычайно велика; средства ея распространенія все еще не велики, — и въ самомъ дѣлѣ можно было справедливо сожалѣть, что съ отсутствіемъ изданія лекцій (разумѣемъ особенно тѣ, которыя, какъ, напр., русская исторія, могли имѣть наиболѣе образовательное дѣйствіе) изъ просвѣтительнаго матеріала общества исключаются столь цѣнныя вещи. Отсутствіе изданій становится прямо досадно, когда — собственно для студенческой потребы—издаются лекціи „литографированныя“, на которыя профессора выдаютъ свое соизволеніе. Подъ Дамокловымъ мечомъ репетицій и экзаменовъ студенты поглощаютъ эти литографированныя изданія,— но для обыкновеннаго читателя эти литографированныя изданія, въ ихъ обыкновенномъ видѣ, бываютъ иногда просто недоступны: трудно читать это сѣро-бумажное и грязное печатаніе... Но интересъ предмета выводилъ иногда, и, можетъ быть, нерѣдко, и эти сѣрыя изданія за предѣлы ихъ спеціальной университетской публики. Въ такомъ изданіи и мы имѣли случай познакомиться съ нѣкоторыми эпизодами курса г. Ключевскаго, но только съ нѣкоторыми; прочесть цѣлое намъ запретила наука офтальмологія.

Настоящее изданіе состоялось слѣдующимъ образомъ:

„Издаваемый курсъ, — говоритъ г. Ключевскій въ предисловіи,— составился изъ многолѣтнихъ чтеній по русской исторіи. По измѣнявшимся условіямъ преподаванія, а также по движенію русско-исторической литературы и по мѣрѣ знакомства съ новыми источниками приходилось излагать отдѣльныя лекціи и цѣлые отдѣлы изъ года въ годъ неодинаково, сокращая одно, расширяя другое. Такъ составилось нѣсколько редакцій курса, которыя предстояло объединить, свести въ нѣчто цѣльное. Этимъ объясняются размѣры нѣкоторыхъ лекцій, не соотвѣтствующіе обычному академическому часу. Въ недостаткѣ, чтобы не сказать—отсутствіи, доступныхъ публикѣ университетскихъ курсовъ русской исторіи лекторъ видитъ оправданіе своей рѣшимости, а въ близости конца преподавательской работы единственное побужденіе начать изданіе курса, безспорно нуждающагося въ обработкѣ. Лекторъ не замедлитъ выпускомъ *дальнѣйшихъ частей* курса“.

Разумѣется, лучше поздно, чѣмъ никогда. Жаль было все-таки, что лишь „близость конца преподавателькой работы“, т.-е. срока профессуры, побудила автора начать изданіе курса,—и такъ долго „публика“ лишена была возможности учиться по нему русской исторіи. Этотъ „недостатокъ, чтобы не сказать—отсутствіе“ университетскихъ курсовъ русской исторіи есть несомнѣнно большой ущербъ для нашего образованія, — гдѣ и въ самомъ дѣлѣ слишкомъ замѣтно незнаніе,

слабое пониманіе собственной исторіи; между тѣмъ какъ это пониманіе могло бы и должно бы быть сильнымъ и здравымъ средствомъ къ развитію общественнаго сознанія...

Кромѣ этого ущерба, могъ быть и другой. Въ теченіе продолжительной преподавательской дѣятельности,—какъ видно изъ собственныхъ словъ автора,—„курсъ" необходимо подвергался измѣненіямъ по движенію исторической литературы, по расширенію знакомства съ источниками: взгляды историка осложнялись; онъ велъ дальнѣйшія изслѣдованія и (за исключеніемъ двухъ-трехъ отдѣльныхъ трудовъ, являвшихся въ печати) онъ велъ эти изслѣдованія, такъ сказать, въ своемъ домашнемъ кругу. Это было лишеніемъ для ученыхъ сотоварищей, не знавшихъ, на ту минуту, компетентныхъ указаній; но могло не быть выгодой и для изслѣдователя, который въ ходѣ работы былъ укрытъ отъ критики,—она въ свою очередь могла бы быть для него не безполезной.

По настоящей первой части можно видѣть, что трудъ г. Ключевскаго (какъ, впрочемъ, и впередъ должно было ожидать) будетъ преисполненъ интереса для спеціалистовъ и любителей русской исторіи. Это—цѣлый итогъ многолѣтней работы ученаго, вооруженнаго большими знаніями, не склоннаго принимать безъ провѣрки чужіе выводы, напротивъ—всегда стремившагося къ самостоятельному анализу, и нерѣдко смѣлаго и оригинальнаго. По упомянутой трудности знать теченіе работы, курсъ г. Ключевскаго, плодъ многолѣтней профессуры, явится для „большой публики" новостью и безъ сомнѣнія возбудитъ живѣйшее вниманіе.

Въ самомъ началѣ „Курса" авторъ отступилъ отъ примѣра своихъ предшественниковъ, поставивъ вопросы, на которыхъ они обыкновенно не останавливались: они прямо начинали съ изложенія русской исторіи—съ вопросовъ о происхожденіи племени, до-историческихъ преданій, первыхъ историческихъ извѣстій, топографіи, условій мѣстной природы и климата, и т. д. Нашъ авторъ ставитъ цѣлый, такъ сказать, научно-теоретическій вопросъ объ отношеніи русской исторіи къ исторіи всеобщей, вопросъ весьма естественный въ широкой постановкѣ университетской науки, и весьма естественный по современнымъ отношеніямъ русскаго народа и государства, — когда они, проживши долгіе вѣка въ національномъ и культурномъ уединеніи, вступили въ разностороннее тѣсное общеніе съ другими народами, и занимаютъ свое мѣсто въ исторіи „человѣчества" и его „прогресса",—въ который авторъ вѣритъ.

Въ первой главѣ,—съ которой начинаются эти вводныя объясненія г. Ключевскаго,—авторъ прежде всего объясняетъ научную задачу изученія *мѣстной* исторіи (какою является русская, какъ и всякая

единичная исторія государства и народа, по отношенію къ *всеобщей*) объясняетъ „историческій процессъ", опредѣляетъ исторію „культуры" и „цивилизаціи", „историческую соціологію". Въ историческомъ изученіи именно могутъ быть проведены точки зрѣнія культурно-историческая и соціологическая, и въ изученіи мѣстной исторіи, по мнѣнію автора, эта соціологическая точка зрѣнія представляетъ и методологическое удобство, и дидактическую цѣлесообразность. Затѣмъ, авторъ даетъ схему соціально-историческаго процесса и объясняетъ значеніе мѣстныхъ сочетаній общественныхъ элементовъ въ историческомъ изученіи.

Вторая глава продолжаетъ объясненіе общей постановки „Курса". Основнымъ фактомъ русской исторіи г. Ключевскій ставитъ колонизацію, намѣчаетъ періоды русской исторіи, какъ главные моменты колонизаціи, и господствующіе факты каждаго періода. Далѣе, онъ ставитъ вопросъ объ историческихъ фактахъ и такъ называемыхъ идеяхъ, указываетъ различное происхожденіе фактовъ и идей и ихъ взаимодѣйствіе; останавливается на существѣ и методологическомъ значеніи фактовъ политическихъ и экономическихъ. Наконецъ, въ заключеніе своихъ вводныхъ объясненій, г. Ключевскій говоритъ о „практической цѣли изученія отечественной исторіи".

Въ прежнія времена „практическая цѣль" научнаго изученія понималась прямо какъ „польза" науки; исторія казалась собраніемъ нравоученій, похвалою добродѣтели, осужденіемъ преступленія и порока. Позднѣе, когда въ изученіи исторіи получилъ больше мѣста критическій анализъ и самый горизонтъ изслѣдованія расширился, сочли неумѣстнымъ говорить о тѣсно понимаемой „пользѣ" исторіи,— цѣль ея была, какъ цѣль всякой науки—польза высшаго порядка, а не узкая польза элементарнаго нравоученія. Нашъ авторъ совершенно опредѣленно понимаетъ „практическую цѣль", т.-е., по старинному, „пользу", изученія отечественной исторіи,—и совершенно справедливо.

Послѣ того, какъ имъ указаны были общія задачи историческаго изученія, онъ продолжаетъ: „Въ связи съ этимъ рѣшается еще одинъ вопросъ: сверхъ чисто научнаго, какой еще *практическій* результатъ можно получить отъ изученія мѣстной исторіи? Этотъ вопросъ тѣмъ важнѣе, что мѣстная исторія, изученіе которой мы предпринимаемъ, есть исторія нашего отечества. Научные наблюденія и выводы, какіе мы сдѣлаемъ при этой работѣ, должны ли остаться въ области чистаго знанія, или они могутъ выйти изъ нея и оказать вліяніе на наши стремленія и поступки? Можетъ ли научная исторія отечества имѣть свою прикладную часть для дѣтей его? Я думаю, что *можетъ* и *должна имѣть*, потому что цѣна всякаго знанія опредѣляется его связью съ нашими нуждами, стремленіями и поступками; иначе знаніе стано-

вится простымъ балластомъ памяти, пригоднымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который идетъ безъ настоящаго цѣннаго груза"... Слѣдующее за этимъ объясненіе можно было бы особенно рекомендовать преподавателямъ русской исторіи,—они могли бы извлечь отсюда цѣнное наставленіе, которое освѣтило бы имъ нравственную цѣнность ихъ труда; можно бы вообще рекомендовать и всѣмъ, кому неясны „уроки исторіи" и кто часто думаетъ, что исторія пригодна только для хвастливой реторики.

Съ третьей главы начинается собственно фактическое изложеніе. Въ рядѣ отдѣльныхъ главъ авторъ ставитъ предметомъ изслѣдованія: форму поверхности Европейской Россіи;—вліяніе природы страны на исторію ея народа; — начальную лѣтопись, какъ основной источникъ для исторіи древнѣйшаго періода;—историко-критическій разборъ начальной лѣтописи, какъ исходнаго пункта лѣтописанія; — главнѣйшіе факты древней исторіи, разселеніе славянства съ VI вѣка, разселеніе восточныхъ славянъ въ русской равнинѣ;—слѣдствія этого разселенія: юридическія и экономическія; — политическія слѣдствія разселенія: „призваніе князей"; значеніе Кіева;—дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей: объединеніе восточныхъ славянскихъ племенъ подъ ихъ властью;—порядокъ княжескаго владѣнія послѣ Ярослава; — политическое раздробленіе русской земли въ XII вѣкѣ, элементы земскаго единства; – русское гражданское общество въ XI—XII вѣкѣ; Русская Правда;—вопросы о составѣ Русской Правды; — церковные уставы;—главныя явленія второго періода русской исторіи; бытъ высшаго и низшаго слоя общества; половецкія нападенія; признаки запустѣнія Днѣпровской Руси и отливъ населенія на сѣверо-востокъ;—этнографическія слѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья; вопросъ о происхожденіи великорусскаго племени; отношенія русскихъ съ элементомъ инородческимъ: слѣды финскаго вліянія; вліяніе природы верхняго Поволжья; — политическія слѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья,—земли и княженія Ростова и Суздаля; попытка превратить власть великаго князя въ государственную. Послѣднія двѣ главы посвящены удѣльному періоду: разсматривается удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, его происхожденіе;—слѣдствія удѣльнаго порядка: обѣднѣніе удѣльныхъ князей, ихъ взаимное отчужденіе, упадокъ земскаго сознанія и гражданскаго чувства среди удѣльныхъ князей...

Въ настоящей замѣткѣ мы могли только вкратцѣ указать содержаніе первой части „Курса"; но и по этому краткому указанію читатель можетъ видѣть богатство и разнообразіе вопросовъ, поставленныхъ г. Ключевскимъ и, иногда, впервые введенныхъ въ разсмотрѣніе историческаго развитія русскаго государства. Многое является если

не прямымъ нововведеніемъ, то болѣе пристальнымъ и разностороннимъ изслѣдованіемъ какъ общаго значенія русской исторіи по ея отношенію къ всеобщей, т.-е. къ исторіи человѣчества, такъ и разнообразныхъ условій, въ которыхъ слагался характеръ древней Руси.

Мы не сомнѣваемся, что трудъ г. Ключевскаго, — хотя бы въ подробностяхъ онъ и вызвалъ противорѣчія спеціалистовъ по тому или другому вопросу (какъ это бывало относительно другихъ его трудовъ), —въ общемъ окажетъ освѣжающее вліяніе на нашу историческую литературу. Такое вліяніе можетъ произвести именно историческая пытливость автора, который вообще, не довольствуясь объясненіемъ внѣшней связи фактовъ, ищетъ объясненія ихъ органическаго происхожденія и взаимодѣйствія.—Любители и спеціалисты русской исторіи несомнѣнно будутъ съ живѣйшимъ интересомъ ожидать дальнѣйшихъ частей „Курса", въ которыхъ долженъ опредѣлиться цѣльный взглядъ автора на историческое развитіе русскаго государства,—вопросъ первой важности въ смыслѣ тѣхъ „практическихъ цѣлей", которыя, по мнѣнію автора, можетъ и должно имѣть изученіе отечественной исторіи.—А. Пыпинъ.

II.

— Г. Б. Іоллосъ, Письма изъ Берлина. Спб., 1904 („Библіотека Общественной Пользы").

Обычная судьба газетныхъ корреспонденцій—скорое забвеніе. Посвященныя злобѣ дня, онѣ вмѣстѣ съ нею теряютъ свое значеніе. Сами авторы рѣдко стараются обезпечить за ними бо́льшую долговѣчность, путемъ изданія ихъ отдѣльной книгой. Нужна совсѣмъ особая комбинація обстоятельствъ, чтобы вызвать исключеніе изъ этого правила: нужно, чтобы корреспондентъ (если онъ пишетъ изъ-за границы) долго жилъ въ одной и той же странѣ, всесторонне изучилъ мѣстную жизнь, глубоко проникъ въ ея двигающіе мотивы, сроднился съ нею, сохраняя, въ то же время, духовную близость къ своей родинѣ—и, освѣщая свои наблюденія общею мыслью, излагалъ ихъ въ изящной литературной формѣ. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяли, напримѣръ, письма, которыя Луи Бланъ, во время своего изгнанія (въ шестидесятыхъ годахъ), посылалъ изъ Лондона въ парижскую газету „Temps". Переизданныя подъ названіемъ „Lettres sur l'Angleterre", они внесли цѣнный вкладъ въ богатое наслѣдство даровитаго писателя. Рядомъ съ ними можно поставить берлинскія корреспонденціи Г. Б. Іоллоса, давно уже обращавшія на себя вниманіе чита-

телей „Русскихъ Вѣдомостей". Соединенныя теперь въ одно цѣлое, онѣ представляютъ еще бо́льшій интересъ, чѣмъ при самомъ ихъ появленіи. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что онѣ даютъ яркую картину германской—въ особенности прусской—государственной и общественной жизни въ концѣ XIX-го и началѣ XX-го вѣка. Передъ нами проходятъ и лица, и событія, и вопросы, развертывается мирная борьба идей и партій, намѣчаются контуры вѣроятнаго будущаго. Изъ четырехъ статей Г. Б. Іоллоса, включенныхъ въ составъ сборника, двѣ („День выборовъ въ Берлинѣ" и „Вирховъ какъ общественный дѣятель") носятъ тотъ же характеръ, какъ и корреспонденціи; двѣ другія („Отъ Фридриха-Вильгельма IV до Вильгельма II" и „Бисмаркъ") служатъ какъ бы введеніемъ къ нимъ, представляя общій обзоръ новѣйшей исторіи Германіи до того момента, съ котораго начинаются „Письма изъ Берлина".

Велика и важна роль, которую играетъ, по самому своему положенію, императоръ германскій-король прусскій—и еще важнѣе она становится въ рукахъ такого богато одареннаго человѣка, какъ Вильгельмъ II-ой. Его ча́сто сравниваютъ съ его двоюроднымъ дядей, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. И дѣйствительно, у нихъ есть общія черты: способность и охота произносить красивыя рѣчи, измѣнчивость настроеній, стремительность дѣйствій, разносторонность интересовъ и вкусовъ. Тѣмъ не менѣе, Г. Б. Іоллосъ совершенно правъ, утверждая, что глубокаго сходства между ними нѣтъ. „Вильгельмъ II-ой,—говоритъ нашъ авторъ,—меньше всего романтикъ [1]). Онъ сынъ своего вѣка, для котораго средневѣковая форма—только одинъ изъ способовъ воздѣйствія на современниковъ... Фридрихъ-Вильгельмъ IV занималъ тронъ въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда отъ воли высоко поставленныхъ личностей зависитъ форма, темпъ преобразованій—но его воля оказалась для этого слишкомъ слабой. Вильгельмъ II, наоборотъ, человѣкъ съ несомнѣнно сильною волей, но задачи времени слишкомъ сложны, чтобы зависѣть отъ рѣшительности одной воли". Отсюда его наклонность къ жалобамъ на упадокъ монархическаго авторитета — жалобамъ, для которыхъ, по мнѣнію Г. Б. Іоллоса, нѣтъ достаточнаго основанія. Уваженія къ порядку и законности теперь, въ сущности, больше, чѣмъ полвѣка тому назадъ. Число преступленій противъ государственнаго и общественнаго порядка въ послѣдніе годы не увеличилось, а уменьшилось. Если въ народѣ усилился критицизмъ, то только потому, что молчаніе не считается больше обязанностью управляемыхъ. Императоръ, поэтому, „положительно несправедливъ къ самому себѣ, когда говоритъ, что

---

[1]) Фридриха-Вильгельма IV-го Д. Ф. Штраусъ сравнилъ, какъ извѣстно, съ „романтикомъ на тронѣ цезарей"—императоромъ Юліаномъ.

онъ менѣе авторитетенъ у своихъ соотечественниковъ, чѣмъ былъ его дѣдъ Вильгельмъ I-ый" (письмо 19-е). Примѣровъ его иниціативы, иногда весьма удачной, въ „Письмахъ изъ Берлина" приведено немало; достаточно указать на починъ, который онъ нѣсколько разъ бралъ на себя по вопросу о реформѣ средней школы (письмо 89-ое)... Большое вліяніе на развитіе Вильгельма II-го имѣла среда, въ которой онъ выросъ. Его мать, кронпринцесса, впослѣдствіи императрица Викторія (или, какъ ее обыкновенно называютъ въ Германіи, императрица Фридрихъ), смягчила военные инстинкты Гогенцоллерновъ—инстинкты, которыхъ не былъ чуждъ самъ Фридрихъ,—интересомъ ко всему, что̀ знаменуетъ собою прогрессъ и уваженіе къ свободѣ. Родители Вильгельма II-го часами вели бесѣды о научныхъ и общественныхъ вопросахъ; Гельмгольцъ, Дюбуа-Реймонъ, Моммзенъ, Целлеръ, Вирховъ были у нихъ желанными гостями. Удачно былъ выбранъ ими и воспитатель — скромный, широко образованный филологъ Гинцпетеръ, руководившій занятіями Вильгельма, пока онъ посѣщалъ гимназію въ Касселѣ. Когда Викторія, послѣ долгой мучительной болѣзни, сошла въ могилу, ея память почтили всѣ лучшіе люди Германіи,—и только о̀рганы піетистовъ и реакціонеровъ ограничились перепечаткой оффиціальныхъ бюллетеней или холоднымъ заявленіемъ, что покойная императрица всегда была имъ чужда, какъ человѣкъ другой націи и другихъ взглядовъ (письма 86-е и 93-е).

Ревниво оберегающій свою самостоятельность, именно потому удалившій Бисмарка, Вильгельмъ II-ой понимаетъ, однако, всю цѣну даровитыхъ и до извѣстной степени независимыхъ совѣтниковъ. Изъ трехъ канцлеровъ, имъ выбранныхъ, мало способенъ къ выдающейся роли былъ, вслѣдствіе старости, только одинъ Гогенлоге. Каприви доказалъ свою твердость въ борьбѣ съ аграріями (письма 9-е и 13-е); Бюловъ сразу овладѣлъ вниманіемъ рейхстага (письмо 53-е). Изъ числа министровъ совершенно несоотвѣтствующимъ своему положенію является только одинъ Рекке, недолго управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (письмо 47-ое). Министръ народнаго просвѣщенія Боссе, вообще довольно безцвѣтный, даетъ рѣшительный отпоръ консервативному депутату, обвиняющему его въ пристрастіи къ катедеръ-соціалистамъ, и съ гордостью восклицаетъ: „За все время моего управленія не было случая, чтобы въ статуты факультетовъ были внесены измѣненія одностороннимъ указомъ или чтобы я попробовалъ игнорировать право университета, составляющее принадлежность его автономіи" (письмо 45-ое). Военный министръ (генералъ Бронсаръ) „подкупаетъ рейхстагъ естественностью тона и живостью темперамента" (письмо 30-ое). Генералъ-почтмейстеръ Стефанъ возводитъ свое вѣдомство на такую высокую степень, о которой нѣсколькими годами

раньше нельзя было и мечтать (письмо 43-е). Министра торговли и промышленности Берлепша заслуженно называютъ министромъ соціальныхъ реформъ (письмо 1-ое). Статсъ-секретарь графъ Позадовскій мужественно защищаетъ заранѣе проигранное дѣло (письмо 74-ое). Какъ ни извилистъ путь, которымъ шелъ министръ финансовъ Микель, превращаясь постепенно изъ ученика Маркса въ вождя націоналъ-либераловъ, затѣмъ въ любимца аграріевъ, это не мѣшаетъ ему оставить глубокій и хорошій слѣдъ въ прусской финансовой системѣ (письма 7-е, 8-е, 42-ое). Всѣ сотрудники императора одинаково признаютъ необходимость гласности, законность критики, иногда весьма рѣзкой, и незыблемость конституціонныхъ основъ германской имперіи и прусской монархіи.

Далеко не всегда рѣшающее значеніе принадлежитъ рейхстагу; далеко не все то, что онъ признаетъ своевременнымъ и полезнымъ, переходитъ въ жизнь,—но за то онъ обладаетъ сдерживающею силой, не допускающей, бо̀льшею частью, рѣзкихъ скачковъ назадъ, ограниченій однажды пріобрѣтеннаго права. По истинѣ драматическаго интереса полны страницы, посвященныя Г. Б. Іоллосомъ преніямъ о такъ называемомъ Umsturzgesetz—законопроектѣ, обострявшемъ наказанія за разные виды политической агитаціи (письма 23-е, 24-е, 29-е, 30-е), о Zuchthausvorlage—попыткѣ довести до каторжной работы отвѣтственность за смуту, возникающую во время стачки (письма 73-е и 74-е). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ побѣда осталась на сторонѣ оппозиціи. Это объясняется тѣмъ, что на стражу свободы, когда ей грозитъ серьезная опасность, становятся не только крайнія партіи, но и націоналъ-либералы, и даже католическій центръ. „Есть еще, — воскликнулъ Бассерманъ, одинъ изъ выдающихся націоналъ-либераловъ, — есть еще богатый капиталъ любви къ родинѣ и довѣрія къ монархіи: его не слѣдуетъ уничтожать драконовскими законами, вызывающими у неимущихъ представленіе, что государство создано только для того, чтобы не дать имъ подняться на высшую ступень“. Въ такомъ же духѣ говорилъ и Либеръ, вождь клерикаловъ... По тѣмъ вопросамъ, которые входятъ въ область не общеимперскаго, а спеціально-прусскаго законодательства, аналогичную роль играетъ прусская палата депутатовъ. И она, несмотря на крайне несовершенную избирательную систему (трехклассную, похожую на ту, которая существовала у насъ въ городахъ при дѣйствіи городового положенія 1870-го года), несмотря на полное отсутствіе представителей народной массы, оказываетъ неодолимое противодѣйствіе регрессивнымъ тенденціямъ, отъ времени до времени захватывающимъ правительство. Это противодѣйствіе было первой причиной неудачи, постигшей попытку министра народнаго просвѣщенія графа

Цедлица подчинить народную школу вліянію духовенства [1]); о него прямо разбился законопроектъ, ограничивавшій право собраній и союзовъ (письмо 47-ое). Даже изъ среды прусской палаты господъ, этого антиквированнаго учрежденія, извѣстнаго подъ названіемъ „музея политическихъ реликвій", раздается иногда свѣжее, живое слово, благодаря засѣдающимъ въ ней представителямъ большихъ городовъ и высшихъ учебныхъ заведеній (письма 76-ое и 92-ое).

Когда на очереди стоитъ законопроектъ, внушенный реакціонными тенденціями, оппозиція въ палатахъ находитъ энергичную поддержку въ общественномъ мнѣніи, выражающемся путемъ коллективныхъ заявленій. Созываются многочисленныя собранія, подписываются протесты, выступаютъ на сцену цѣлыя корпораціи—и въ концѣ концовъ задуманный шагъ назадъ такъ или иначе терпитъ неудачу. Примѣровъ этому въ „Письмахъ изъ Берлина" приведено немало. Противъ школьной реформы, упомянутой нами выше, высказались, между прочимъ (въ формѣ петиціи на имя палаты депутатовъ), *сто-два* профессора галльскаго университета, т.-е. почти весь учащій персоналъ его (письмо 3-е). Когда въ рейхстагѣ разсматривался такъ называемый Umsturzgesetz, одна изъ направленныхъ противъ него петицій была подписана всей интеллигенціей города Готы, съ предсѣдателемъ суда, директоромъ гимназіи и евангелическимъ духовенствомъ во главѣ (письмо 25-ое), другая—выдающимися учеными, художниками и беллетристами, въ томъ числѣ и такими, которые не принимали активнаго участія въ политикѣ (напр. Густавъ Фрейтагъ, Теодоръ Фонтанъ) или стояли близко къ придворнымъ сферамъ (напр. Вильденбрухъ). На одномъ изъ берлинскихъ митинговъ противъ проекта краснорѣчиво говорилъ консерваторъ фонъ-Герлахъ. „Общество, — восклицаетъ онъ, — развивается и крѣпнетъ только тогда, когда не закрываетъ глаза предъ дѣйствительными соціальными недостатками. Гдѣ нѣтъ критики, нѣтъ и надежды на лучшее будущее... Творцы проекта хотятъ укрѣпить вѣру, но развѣ въ вѣрѣ возможно принужденіе? Они говорятъ о порядкѣ, но развѣ порядокъ — наказывать человѣка, стремящагося къ осуществленію своихъ идеаловъ мирными средствами"? (письма 26-ое и 28-ое). Еще болѣе сильная буря поднялась противъ такъ называемаго lex Heinze — законопроекта, направленнаго, подъ предлогомъ охраненія нравственности, къ ограниченію свободы художественнаго творчества и въ концѣ концовъ отвергнутаго рейхстагомъ (письмо 82-ое).

Собранія, съѣзды, общества, союзы играютъ, вообще, видную роль

[1]) Этотъ законопроектъ былъ взятъ назадъ по приказанію императора-короля, выразившаго нежеланіе идти въ разрѣзъ съ громко осудившими его умѣренными партіями (свободными консерваторами и націоналъ-либералами).

въ германской жизни и пользуются очень широкою свободой. Съѣздъ народныхъ учителей въ Галле насчитываетъ до двухъ тысячъ участниковъ (письмо 4-ое). Въ соціально-евангелическомъ съѣздѣ рядомъ съ пасторами сидятъ профессора, судьи, купцы, ремесленники; въ засѣданіяхъ его присутствуетъ мѣстный оберъ-президентъ; министръ народнаго просвѣщенія письменно выражаетъ сожалѣніе о невозможности прибыть на съѣздъ (письмо 18-ое). На мюнхенскомъ съѣздѣ представителей городскихъ бюро найма на работы баварскій министръ-президентъ заявляетъ, что въ такихъ общественныхъ учрежденіяхъ правительство видитъ не противниковъ, а союзниковъ (письмо 65-ое). Полнѣйшій просторъ предоставляется и международнымъ съѣздамъ—съѣзду горнорабочихъ, затрогивавшему самые жгучіе вопросы фабрично-заводскаго законодательства (письмо 17-ое), женскому конгрессу, съ его 1.500 участницами изъ разныхъ странъ Европы и Америки (письма 36—39). Еще важнѣе ежегодные партійные съѣзды, изъ которыхъ подробно описаны Г. Б. Іоллосомъ ганноверскій съѣздъ соціалъ-демократовъ (письмо 79-ое) и боннскій съѣздъ клерикаловъ (письмо 86-ое).

Чрезвычайно рельефны у Г. Б. Іоллоса изображенія выдающихся членовъ рейхстага—Рихтера, Бебеля, Ауера, Фольмара, Беннигсена, Штумма, Либера. Ярко освѣщены иногда и менѣе извѣстные, но почему-либо типичные парламентскіе дѣятели, напр. богатый пивоваръ Резике (письмо 75-ое), не принадлежащій ни къ какой партіи, отстаивающій, въ критическіе моменты, интересы предпринимателей, но чуждый враждебнаго или высокомѣрнаго отношенія къ рабочимъ и признающій за ними „право на участіе въ общемъ благосостояніи страны“. Свобода преній и въ рейхстагѣ, и въ палатѣ депутатовъ очень велика, но для предупрежденія ея излишествъ вполнѣ достаточною оказывается власть президента. Прошло то время, когда ея не хотѣли признавать министры (припомнимъ извѣстное столкновеніе военнаго министра Роона съ вице-президентомъ палаты депутатовъ Бокумъ-Дольфсомъ, происшедшее въ 1863 г., въ эпоху „конфликта“); теперь ея не оспариваетъ никто, и авторитетъ „перваго между равными“ возвышается удачнымъ, бо̀льшею частью, выборомъ лицъ, занимающихъ президентское кресло. Большимъ уваженіемъ пользовался консерваторъ Левецовъ, большимъ уваженіемъ пользуется и его преемникъ клерикалъ графъ Баллестремъ. Когда министръ торговли и промышленности Брефельдъ позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе одному изъ членовъ рейхстага за допущенный имъ, будто бы, некорректный пріемъ, президентъ,—которому одному принадлежитъ право отмѣчать и останавливать отступленія отъ парламентскихъ правилъ,—объявилъ во всеуслышаніе, что поступокъ министра, не соотвѣтствуя устано-

вившимся отношеніямъ между членами союзнаго совѣта [1]) и рейхстагомъ, можетъ затруднить и понизить положеніе президента. Брефельдъ поспѣшилъ удостовѣрить, что вовсе не имѣлъ въ виду коснуться прерогативъ президента. Не стѣсняется Баллестремъ и тогда, когда ему приходится употребить свою власть противъ одного изъ членовъ своей партіи. Вождь центра, Либеръ, упрекнулъ однажды германскіе суды въ наклонности къ пристрастію; президентъ немедленно призвалъ его къ порядку. Въ исполненіе своихъ обязанностей Баллестремъ вноситъ много спокойнаго, добродушнаго юмора, располагающаго къ нему всѣ партіи и облегчающаго для него руководительство рейхстагомъ (письма 74-е и 75-е).

Разногласія между правительствомъ и оппозиціей не мѣшаютъ успѣху законодательной работы, направленной ко благу населенія. Послѣднее десятилѣтіе XIX-го вѣка принесло съ собою продолженіе мѣропріятій, долженствующихъ поднять и улучшить положеніе рабочаго класса. Работа въ пекарняхъ сведена къ двѣнадцати часамъ въ день; въ нѣсколькихъ германскихъ государствахъ установлены должности фабричныхъ инспектрисъ; проектируются новыя ограниченія дѣтскаго труда; сокращена продолжительность занятій въ торговыхъ заведеніяхъ. Собственно въ Пруссіи реформы Микеля значительно увеличили обложеніе достаточныхъ классовъ и затруднили уклоненіе ихъ отъ платежа слѣдующей съ нихъ налоговой суммы. Параллельно съ законодательствомъ дѣйствуетъ ничѣмъ не стѣсняемая общественная иниціатива: образуется центральное бюро для учрежденій въ пользу труда, широко распространяется „Hilfsverein für weibliche Angestellte“, предпринимается изслѣдованіе съ цѣлью противодѣйствія эксплоатаціи швей, раскрываются тяжелыя условія, въ которыя поставленъ, мѣстами, промысловый (не-фабричный) трудъ дѣтей школьнаго возраста. Утверждается и входитъ въ силу общегерманское гражданское уложеніе, не удовлетворившее всѣхъ ожиданій, которыя возлагались на него друзьями трудящейся массы, но ничего не уступившее и клерикаламъ, пытавшимся, при этомъ удобномъ случаѣ, поколебать институтъ гражданскаго брака (письмо 33-е). На новую дорогу вступаетъ средняя школа: по образцу Альтоны и Франкфурта-на-Майнѣ многіе города устраиваютъ классическія гимназіи, въ которыхъ древніе языки—и вовсе не ко вреду ихъ изученія—преподаются только начиная съ среднихъ или высшихъ классовъ (латинскій—съ 4-го, греческій—съ 6-го); императоръ провозглашаетъ классическія и реальныя гимназіи, а также реальныя училища, учрежде-

---

[1]) Въ рейхстагѣ прусскіе министры могутъ говорить только какъ члены имперскаго союзнаго совѣта (Bundesrath).

ніями равнаго ранга и значенія (письма 89-е и 90-е). Въ университетской жизни единственнымъ диссонансомъ звучитъ удаленіе (по распоряженію совѣта министровъ) приватъ-доцента Аронса, замѣчательнаго ученаго, но приверженца крайнихъ мнѣній. По прежнему университеты пользуются широкою самостоятельностью; университетскія юбилейныя празднества (въ Галле, въ Кенигсбергѣ) по прежнему носятъ характеръ празднествъ національныхъ; по прежнему профессора, единично и коллективно, безпрепятственно возвышаютъ свой голосъ по общимъ вопросамъ. Когда берлинскій университетъ поднесъ почетный докторскій дипломъ уволенному въ отставку министру Берлепшу, восхваляя его „справедливость къ требованіямъ труда“, газеты, преданныя интересамъ фабрикантовъ, попробовали-было взвести на профессоровъ обвиненіе въ фрондированіи, въ строптивости,—но ихъ извѣты не нашли никакого отголоска въ оффиціальныхъ сферахъ (письмо 35-ое). Прекрасное выраженіе старыя, но до сихъ поръ живыя университетскія традиціи нашли въ рѣчи гейдельбергскаго профессора Остгофа, произнесенной въ отвѣтъ на привѣтствіе студентовъ по поводу избранія его въ ректоры университета (письмо 57-ое).

Въ странѣ съ ничѣмъ не стѣсненной общественной иниціативой не могутъ бездѣйствовать, не могутъ не идти впередъ органы самоуправленія. Въ крупныхъ городахъ Германіи думы и магистраты (городскія управы) не только хорошо исполняютъ свои непосредственныя, ближайшія задачи, но, въ большинствѣ случаевъ, постоянно раздвигаютъ предѣлы своей дѣятельности. Берлинская дума, вслѣдствіе преобладанія въ ней буржуазнаго элемента, не принадлежитъ къ числу самыхъ передовыхъ, туго поддается на нововведенія, отстаетъ, напримѣръ, отъ Франкфурта-на-Майнѣ, Штутгарта, даже Ульма,—но и она, повидимому, готова усвоить себѣ широкую программу, намѣченную новымъ бургомистромъ (товарищемъ городского головы). Въ составъ этой программы входитъ, между прочимъ, постройка на счетъ города домовъ, съ цѣлью противодѣйствія чрезмѣрному повышенію квартирныхъ цѣнъ, а также лучшее обезпеченіе многочисленныхъ рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ предпріятіяхъ (письма 63-е и 87-е). Думы имѣютъ полную возможность протестовать противъ явнаго нарушенія законовъ, ограждающихъ личныя права гражданъ,—напримѣръ, противъ произвольныхъ мѣръ, принимаемыхъ такъ называемою полиціею нравственности (письмо 56-е). Медленность въ удовлетвореніи законныхъ требованій думы становится предметомъ запроса въ палатѣ депутатовъ (письмо 67-е). Вообще парламентская трибуна, какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ прусскомъ сеймѣ, является мѣстомъ гласнаго—и мирнаго—обсужденія всѣхъ явленій, волнующихъ, въ данный моментъ, германское общество. Укажемъ, для примѣра, на

пренія въ рейхстагѣ объ-инцидентѣ, тѣсно связанномъ съ „честью мундира“ (письмо 40-ое).

Выдвигая на первый планъ вопросы политики, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, „Письма изъ Берлина“ отводятъ немало мѣста и другимъ сторонамъ германской жизни. Мы найдемъ въ нихъ и некрологи замѣчательныхъ людей (Л. Бухера, Виггерса, Либкнехта, Г. Фрейтага, Дюбуа-Реймона), и описанія юбилейныхъ празднествъ (въ честь Шпильгагена, въ честь Моммзена, въ память Гёте, Гутенберга, Шульце-Делича), и экскурсію въ область періодической печати, и очеркъ „новой общины“ (съ декадентскимъ оттѣнкомъ), и взглядъ на положеніе нѣмецкаго театра (народъ, по наблюденію автора, „еще не пресытился зрѣлищами, не ищетъ пикантныхъ или циничныхъ развлеченій, а наивно восхищается Шиллеромъ и Лессингомъ, тогда какъ для *верхнихъ десяти тысячъ* m-me Санъ-Женъ интереснѣе Маріи Стюартъ“). Общее впечатлѣніе, выносимое изъ книги Г. Б. Іоллоса, можетъ быть названо отраднымъ, хотя авторъ не думаетъ скрывать тѣневыя стороны картины. Особенно наглядно перемѣна къ лучшему, происшедшая въ положеніи Германіи, обнаруживается путемъ сравненія. „Я очень далекъ,—читаемъ мы въ 50-мъ письмѣ, написанномъ въ концѣ 1897-го года,—отъ мысли идеализировать настоящее: еще очень долго придется бороться за то, чтобы исчезли наиболѣе вопіющія злоупотребленія; но если сравнить, напримѣръ, Германію наканунѣ 1848-го года съ нынѣшнею, то окажется, что она прошла порядочную дистанцію впередъ“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что̀ происходило въ Силезіи во время голода сороковыхъ годовъ, когда Вирховъ написалъ свой знаменитый отчетъ о голодномъ тифѣ... И теперь всплываютъ иногда „такія черты неуваженія къ культурѣ, которыя казались давно похороненными. Или это только атавизмъ? Во всякомъ случаѣ, съ нимъ можно бороться и громко взывать къ лучшимъ сторонамъ человѣка и общества, не боясь шипѣнія злобствующихъ патріотовъ“. Результатъ сравненія благопріятенъ и въ такомъ случаѣ, если взять для него исходную точку не такъ далеко. „Письма изъ Берлина“ удостовѣряютъ, что опасность для государственнаго порядка со стороны крайнихъ партій въ настоящее время гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, во время дѣйствія исключительныхъ законовъ. Развитіе соціалъ-демократіи въ послѣдніе годы было, по справедливому замѣчанію одного изъ ея противниковъ, ничѣмъ инымъ, какъ „постепеннымъ ослабленіемъ революціоннаго фазиса“. Яркой иллюстраціей этой мысли служитъ одна изъ журнальныхъ статей Г. Б. Іоллоса, присоединенныхъ къ сборнику его писемъ: „День выборовъ въ Берлинѣ“... Вся книга Г. Б. Іоллоса—одинъ изъ лучшихъ

противовѣсовъ тѣмъ пессимистическимъ взглядамъ, которые слишкомъ часто высказываются у насъ на будущность нашихъ ближайшихъ западныхъ сосѣдей.—К. А.

III.

— Веселовскій, А. Н., академикъ. В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“. Спб. 1904.

Эта книга представляетъ собой явленіе замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Не говоря о томъ, что связь между жизнью и творчествомъ Жуковскаго нашла въ трудѣ акад. Веселовскаго въ высшей степени законченное и глубоко продуманное истолкованіе, она раскрываетъ передъ читателемъ страницу изъ исторіи нашей общественности въ широкомъ смыслѣ, что̀ дѣлаетъ трудъ А. Н. Веселовскаго цѣннымъ не только въ литературномъ, но и въ историческомъ отношеніи. Избѣгая широкихъ очерковъ и групповыхъ характеристикъ à vol d'oiseau, авторъ съ рѣдкимъ умѣньемъ вводитъ читателя въ изображаемую среду, заставляя его дышать ея воздухомъ, жить ея настроеніями, испытывать логическую и психологическую неизбѣжность думать въ ея положеніи тѣми же думами и переживать тѣ же чувства. Этому способствуетъ своеобразный и сравнительно новый въ ряду научныхъ пріемовъ автора методъ: документируя каждое положеніе, изслѣдователь группируетъ фактическій матеріалъ писемъ, воспоминаній, свидѣтельствъ очевидцевъ — въ такой послѣдовательности и съ такимъ искусствомъ, что передъ глазами встаетъ, осложняясь съ каждымъ новымъ моментомъ, *подлинная*, открытая научнымъ анализомъ, живая жизнь, въ ея наиболѣе сокровенныхъ побужденіяхъ и интересахъ.

Г. Веселовскій не рѣшается назвать свой трудъ біографіей. Исчерпавъ всѣ до сихъ поръ извѣстные матеріалы и много документовъ, являющихся въ его извлеченіяхъ впервые, авторъ предполагаетъ возможность открытія новыхъ фактовъ. Предпочитая назвать свою работу „реальной характеристикой“, онъ говоритъ: „Будущій біографъ поэта будетъ, безъ сомнѣнія, богаче меня фактами, либо не открытыми доселѣ, либо недосмотрѣнными мною. Послѣдней возможности я не отрицаю; но для меня всего важнѣе вопросъ: угадалъ ли я общее настроеніе, отвѣтилъ ли требованіямъ объективности безпристрастнымъ выборомъ матеріала, предоставляющимъ читателю выводы и оцѣнку? Къ этой объективности я стремился, сознавая, что она всецѣло недостижима. Я старался направить анализъ не столько на личность, сколько на общественно-психологическій типъ, къ которому можно

отнестись отвлеченнѣе, внѣ сочувствій или отверженій, которыя такъ легко заподозрить въ лицепріятіи".

Мы сказали, что авторъ предпочитаетъ представить читателю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлинный фактъ, чѣмъ растворить его хотя бы въ искусной, но неизбѣжно расплывчатой авторской передачѣ. Это несомнѣнно требуетъ большей напряженности со стороны читателя, но зато даетъ особую выразительность и силу тѣмъ обобщеніямъ автора, которыя являются естественнымъ результатомъ значительнаго подбора фактовъ. Въ этомъ отношеніи въ книгѣ г. Веселовскаго находимъ рядъ мѣткихъ и сильныхъ опредѣленій, глубокихъ по захвату содержанія и точно кованыхъ по формѣ. Прежде всего это можно сказать по поводу выясненія литературныхъ направленій, извѣстныхъ подъ названіями „сентиментальныхъ" и „романтическихъ", характеристика и разграниченіе которыхъ служили камнемъ преткновенія для цѣлаго ряда изслѣдователей литературы, видѣвшихъ настоятельную необходимость опредѣлиться въ этихъ понятіяхъ. Съ Жуковскимъ связывали обыкновенно представленіе какъ о наиболѣе типичномъ выразителѣ тѣхъ чувствъ и идей, настраивавшихъ человѣка „страстно, дѣвственно и недѣятельно" и входившихъ прежде въ понятіе *романтизма*. Понятіе это было неопредѣленно какъ для сверстниковъ Жуковскаго, такъ и для ближайшаго (да и позднѣйшаго) къ нему литературнаго поколѣнія; въ немъ, по выраженію автора, было болѣе инстинкта, чѣмъ сознанія.

Въ главѣ „Эпоха чувствительности" авторъ даетъ характеристику того „новаго стиля", который сталъ водворяться въ европейскихъ литературахъ съ первой трети восемнадцатаго вѣка. Его зарожденію предшествовало соотвѣтственное настроеніе общественной психики, какъ отраженіе совершившагося соціальнаго переворота. Новое настроеніе вызвало протестъ противъ разсудочной искусственной культуры, законы которой создавались въ чопорныхъ съ виду европейскихъ салонахъ, стѣсняя чувство требованіями обрядоваго приличія, фантазію—условными литературными формами. Требованія свободы личности проникли въ сознаніе и воплотились въ идеалъ человѣка добраго по природѣ, неиспорченнаго цивилизаціей. Чувство ставится выше разсудка (Руссо, Стернъ). Создалось цѣлое ученіе о чувствѣ и сердцѣ, о природѣ и естественности, природѣ—наставницѣ добру, милосердію, нравственности; ученіе о свободѣ страстей и идеалѣ демократіи. Послѣдователи новаго ученія, въ жизни и литературѣ, распались на двѣ группы: одна группа характеризуется лучше всего дѣятелями нѣмецкаго Sturm und Drang'а шестидесятыхъ—восьмидесятыхъ годовъ восемнадцатаго вѣка. Ихъ характернѣйшій признакъ—вдохновенный энтузіазмъ, направленный на дѣятельный подвигъ и борьбу.

„Они сознаютъ себя свободными отъ всѣхъ разсудочныхъ суевѣрій, которыя до тѣхъ поръ считались нормой жизни; изъ мѣщански-растворенной условной культуры ихъ тянетъ къ природѣ, къ народу и его пѣснѣ, къ идеализованной народной старинѣ, въ просторъ всемірной поэзіи, къ обновленію литературныхъ формъ". Рядомъ съ ними стоятъ люди другого склада: если тѣхъ можно было назвать бурными энтузіастами чувства, этихъ лучше всего опредѣлить, какъ мирныхъ энтузіастовъ чувствительности, замкнутыхъ въ восторженномъ анализѣ своихъ ощущеній, баюкающихъ себя тихими мечтами и нѣжными звуками. „Они боготворятъ Клопштока, піэтисты и мистики, могутъ пристроиться ко всякой церковной-религіозной реакціи, ужиться и съ политической, ибо отошли отъ общественности въ міръ своего крошечнаго „я", въ абстракцію „человѣчности", внутренней „свободы", въ уединеніе, въ природу, вѣщающую о благости Творца".

Эта сфера чувствительности, приводящая къ соотвѣтственнымъ идеаламъ любви и дружбы (amitié amoureuse), къ меланхоліи задумчивости, къ неопредѣленности въ выборѣ цвѣтовъ и красокъ, съ предпочтеніемъ всего неяркаго, половинчатаго въ литературѣ, выработала свои сюжеты и свой поэтическій языкъ. Въ этихъ признакахъ видѣли романтизмъ, и на его счетъ относили ту систему представленій и образовъ, которая питала типичную для того времени балладу. Но это не романтизмъ съ его теоретической обоснованностью, а доромантизмъ (итальянцы называли его preromanticismo на почвѣ чувствительности).

„Такъ, — говоритъ авторъ, — создалось литературное теченіе, вызвавшее къ бытію груды череповъ и скелетовъ, сонмы призраковъ и мыслей на кладбищѣ, все это закутанное ночью или освѣщенное задумчивой луною. Къ могиламъ паломничали неудачно влюбленныя барышни, любили рисовать могильный холмъ, на которомъ выписывали свое имя. Слезы и мысли о смерти, безотчетное уныніе стали литературной манерой, въ меланхолію играли („мрачныя удовольствія меланхолическаго сердца" Шатобріана); у чувствительниковъ явился новый этикетъ, наслажденіе своимъ сердцемъ нормировалось разсудкомъ, и новый флагъ нерѣдко прикрывалъ вожделѣнія старой, чувствительной эклоги. Настроеніе охватило не только молодое поколѣніе Франціи и Италіи, но и стариковъ: галантная Аркадія перестала ворковать и настроилась на слезы; такой эклектикъ, какъ Монти, пишетъ „Entusiasmo malinconico", Пиндемонте чувствителенъ въ своихъ „Poesie campestri"; одинъ итальянскій журналистъ изъ іезуитовъ водитъ насъ, въ сопутствіи Юнга, по Campo-Santo въ Бергамо; пьеса озаглавлена: „Красоты Кладбища" (Il bello sepolcrale).

Въ той же послѣдовательности подражанія европейскимъ литера-

турнымъ вліяніямъ явились и у нась произведенія, проникнутыя новымъ настроеніемъ, обнаружившія, что и у насъ наступилъ свой періодъ сердца. Уже Державина коснулись Юнгъ и Оссіанъ. Карамзинъ, окруженный французскими и нѣмецкими сентименталистами, явился „организаторомъ" цѣлой школы нашего сентиментализма. „Самъ онъ шелъ по чужимъ слѣдамъ, но его школа всего лучше выдаетъ слабости ремесла". Князь Шаликовъ весьма показателенъ для этой школы, которая послужила переходомъ къ настоящему творцу новаго направленія. „Засентиментальничалъ,—такъ опредѣляетъ авторъ новыя литературныя явленія,—и Жуковскій, единственный настоящій поэтъ эпохи нашей чувствительности, единственный, испытавшій ея настроеніе не литературно только, но страдой жизни, въ ту пору, когда сердце требуетъ опеки любви, и позже, когда оно ищетъ взаимности. И этотъ опытъ оставилъ глубокіе слѣды на человѣкѣ, далъ особый поворотъ его чувству, навсегда связавъ его „воспоминаніями"; мотивы сентиментальной поэзіи поддержали его настроеніе, но оно наложило на нихъ печать искренности, изящной задумчивости, которая перебиваетъ условность голосомъ сердца. Этотъ поэтическій cliché, отзвукъ испытаннаго и выстраданнаго, связалъ его: настали иныя времена, проглянуло и позднее счастье, а печальное cliché повторяется среди шалостей Арзамаса и новыхъ увлеченій, „Отчетовъ о лунѣ" и эпитафіи „бѣлки". Точно Leitmotiv, отъ котораго поэтъ не можетъ отвязаться".

Послѣдующія главы разсказываютъ жизнь Жуковскаго въ связи съ тѣми внѣшними и внутренними условіями, среди которыхъ происходилъ ростъ личности и развитіе поэтическаго таланта. За періодомъ юныхъ лѣтъ, когда совершился первый опытъ сентиментальнаго увлеченія и сложился идеалъ дружбы „вѣрной и вѣчной", послѣдовала пора самообразованія, въ которомъ общественные вопросы сознательно отодвигались на второй планъ, уступая мѣсто самоусовершенствованію и самоуглубленію въ сферѣ интересовъ личнаго счастья; въ идеалѣ будущаго видную роль занимаетъ счастье семьи, если она будетъ, и затѣмъ уже исполненіе общественныхъ условій. Важнымъ средствомъ къ исканію совершенства является дружба. „Черта интересная для психологіи поэта, у котораго такъ много было мечтательности и самонаблюденія, такъ много полетовъ къ небу — и любви къ педагогическимъ таблицамъ, къ кропотливымъ, порой призрачнымъ выкладкамъ, какъ обезпечить себя матеріально; такъ много порядка — фантазіи". Къ этой же порѣ относится и глубокая привязанность Жуковскаго къ М. А. Протасовой, своимъ грустнымъ финаломъ положившая начало душевному одиночеству поэта. Личность Жуковскаго отражается въ его отношеніяхъ къ ближайшимъ людямъ, друзьямъ или родственни-

камъ, и въ книгѣ мы встрѣчаемъ рядъ краткихъ, но обычно-документальныхъ характеристикъ Андрея Тургенева, Протасовыхъ, А. Ѳ. Воейкова, этого „страстнаго эгоиста, съ громаднымъ самомнѣніемъ, поддержаннымъ случайнымъ успѣхомъ“. Отмѣчая поворотный моментъ въ стремленіяхъ Жуковскаго, когда отъ неудавшейся попытки найти счастье въ семейной жизни онъ обратился къ погонѣ за дѣятельностью и поэтической славой, авторъ указываетъ на выдающуюся роль, какую играла въ этомъ поворотѣ М. А. Протасова. Авторъ приводитъ цитату изъ ея письма. „Теперь поговоримъ о томъ, чего я отъ тебя требую,—писала она Жуковскому, покорная какъ и онъ, Провидѣнію.— Tu me prometteras de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ma gloire et mon bonheur. Если бы ты зналъ, сколько меня упрекала совѣсть (за) это бездѣйствіе, въ которомъ ты жилъ до сихъ поръ! Я не только причина всѣхъ твоихъ горестей, но даже и этого мучительнаго ничтожества, которое отымаетъ у тебя будущее, не давая въ настоящемъ ничего кромѣ слезъ. Итакъ занятія, непремѣнно занятія!“ Требованія дѣятельности и славы начинаютъ настойчиво повторяться въ дневникѣ и письмахъ Жуковскаго. Внимательному и детальному анализу подвергаетъ г. Веселовскій эволюцію общественныхъ взглядовъ Жуковскаго. Это не былъ гражданскій пѣснопѣвецъ (выраженіе кн. Вяземскаго). По отзыву Ал. Тургенева,—„у него все *для души:* душа его въ талантѣ, и талантъ въ душѣ“. Ко второй половинѣ жизни воззрѣнія Жуковскаго отлились въ благодушную систему общественности, въ основѣ которой—лежитъ теорія гуманистической личности, „души“, прогрессъ опредѣляется „временемъ“, „Промысломъ“, его желательный характеръ — „умѣренность“ („умѣренность, покорность“, „Пѣвецъ въ Кремлѣ“), сдерживающее начало — историческое преданіе. Время — единственный, „вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго“, оно „послушно одному Богу“. Исторія „говоритъ властителямъ: будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ: впереди, но ровнымъ шагомъ; отстанете, онъ васъ покинетъ, повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу — онъ васъ раздавитъ“. Историческое преданіе,—въ міросозерцаніи Жуковскаго,—то-же, что воспоминаніе: одно хранитъ лучшіе опыты сердца, которыхъ не забыть, другое—вѣковые опыты народной жизни, ихъ же не прейдеши. Промыслъ и общественные перевороты, нарушающіе умѣренность прогресса, сопоставляются въ апологѣ, написанномъ Жуковскимъ для Н. Тургенева, пострадавшаго въ событіяхъ 14 декабря 1825 года: въ переворотахъ многіе гибнутъ, для лучшихъ они — испытаніе свыше; такъ сгораетъ въ горнѣ голикъ, „а золото горитъ и не ропщетъ на судьбу и вѣритъ тому, что безъ огня не быть ему чистымъ, и радуется пламени, кото-

рое возносить его достоинство". Онъ хлопоталъ о Н. Тургеневѣ, принималъ участіе въ личной судьбѣ декабристовъ, но ихъ движеніе осуждалъ.

Чрезвычайно характерно отношеніе Жуковскаго къ Пушкину. Извѣстна та взаимная, сердечная близость, которая связывала обоихъ поэтовъ. Послѣ смерти Пушкина Жуковскому, вмѣстѣ съ Дуббельтомъ, былъ порученъ разборъ его писемъ и бумагъ. Къ протоколу Дуббельта Жуковскій написалъ объяснительную записку, въ которой, исходя изъ понятныхъ въ настоящее время соображеній, счелъ нужнымъ защитить покойнаго поэта отъ подозрѣній со стороны Бенкендорфа въ политической неблагонадежности. „Благоволили ли вы,—спрашиваетъ Жуковскій послѣдняго,—взять на себя трудъ когда-нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ?" Вы слышали о нихъ отъ другихъ, „вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ". И Жуковскій излагаетъ политическое credo Пушкина: „*Первое*: Я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благотворителя, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣряю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что̀ онъ былъ въ послѣдніе годы) рѣшительно убѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и это не по одной любви къ нынѣшнему Государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву [1]). *Второе*: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія и въ этомъ онъ даже доходилъ до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ то же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна, и что она, служа защитою обществу отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго произвола. *Третье*: Пушкинъ былъ врагъ іюльской революціи. По убѣжденію своему онъ былъ карлистъ; онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и незыблемость законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорою гражданскаго порядка. Наконецъ, *четвертое*: онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ („былъ почти фанати-

---

[1]) „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что́ вижу вокругъ себя; какъ писатель—я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками—я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ послалъ" (изъ письма къ Чаадаеву).

ческій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую, чему доказательство нашелъ я еще недавно въ письмахъ его женѣ")— Таковы были главныя политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. *Они были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частыхъ, непринужденныхъ разговоровъ... И они были таковы уже прежде 1830 года*". Пушкинъ созрѣлъ, мужалъ умомъ, онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ— и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и что бы онъ не написалъ, еслибъ несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, „перваго поэта Россіи"!

Изслѣдователи Пушкина могли бы составить любопытный комментарій къ этой оцѣнкѣ взглядовъ поэта, комментарій, который выяснилъ бы, какую роль играли въ ней интересы „души" сравнительно съ истиннымъ ὀбразомъ Пушкина.

„Цѣнность этого документа,—говоритъ г. Веселовскій,—опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрить въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и безсознательный, невольный шаржъ—идеализацію, къ чему, какъ никто, былъ способенъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелямъ: все, что входило въ кругъ его симпатій, выростало или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковскій *зналъ* своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ. Эти цѣли выяснились для Жуковскаго изъ того ограниченнаго круга идей, въ которыхъ онъ выросъ и созрѣлъ и которыя начинаетъ приводить въ систему. Мы видѣли, какъ онъ упорядочилъ свои общественные взгляды, —ими онъ мѣритъ Пушкина; и въ области духовно-нравственныхъ вопросовъ, волновавшихъ его со времени его юношескаго дневника, онъ пытается разобраться, привести ихъ къ органической цѣльности. Они окончательно опредѣлятъ какъ его взглядъ на возвышенную поэзію-религію, такъ и его отрицательное отношеніе къ Онѣгинымъ, Печоринымъ и къ теченіямъ русской литературы, современной послѣдней порѣ его дѣятельности".

Послѣднія главы имѣютъ огромное значеніе для опредѣленія Жуковскаго въ исторіи русской литературы. Уже изъ тѣхъ соображеній автора, на которыхъ мы остановились въ началѣ нашей замѣтки, можно было заключить, что полное отнесеніе Жуковскаго къ теченію романтизма должно было значительно пострадать. Сводя итоги детальной разработки отношеній Жуковскаго къ тѣмъ направленіямъ

западной литературы, которыя она отразила, авторъ приходитъ къ выводу, что и въ послѣдующіе періоды жизни поэтъ не выходилъ изъ тѣхъ же теченій сентиментализма, въ которыя онъ вступилъ въ началѣ своей литературной дѣятельности. До конца онъ піэтистъ съ идеаломъ schöne Seele, выспренней дружбы, поэзія для него религіозное откровеніе, являющее „святость жизни... во всей ея красѣ небесной"; слова поэта—дѣла поэта; до-Шиллеровское отожествленіе поэзіи и добродѣтели замѣняется требованіемъ, что поэтъ долженъ быть чистъ душой, тогда слово его будетъ благодатно. Изъ сферы сентиментализма перешло къ Жуковскому пристрастіе къ мечтательности, загробнымъ образамъ и таинственной лунѣ и то настроеніе меланхоліи, которое онъ тщился превратить въ понятіе—христіанской грусти.

Поэзія Sturm und Drang'а, бурныхъ стремленій и геніальничанья, съ ея энергическими заявленіями личности и протестомъ противъ всякихъ условностей, коснулась Жуковскаго не своей психологіей, а литературной стороной: интересомъ къ народной старинѣ (Бюргеръ), міровой литературѣ и поэтическому экзотизму (Гердеръ, Фоссъ)...

Жуковскій остался въ „преддверіи романтизма", которому авторъ посвящаетъ поразительную по глубинѣ эрудиціи и блеску анализа характеристику. Жуковскій—не символистъ стиля романтиковъ, въ сравненіи съ которыми его скорѣе можно назвать классикомъ. Его чудесное не изъ области романтизма: оно либо лунное, загробное, либо просто сказочно-страшное; приходятъ на память Юнговы ночи и Оссіанъ. Изслѣдованіе народности въ произведеніяхъ Жуковскаго приводитъ автора къ выводу, что народность не лежала въ сферѣ его непосредственныхъ интересовъ. И она являлась для него лишь однимъ изъ средствъ выразить свое личное настроеніе. Въ этомъ отношеніи Жуковскій всю жизнь оставался лирикомъ. Онъ явился у насъ первымъ поэтомъ непосредственнаго чувства. Осталась та *правда настроенія*, которая, по слову изслѣдователя, составляетъ завѣтъ Жуковскаго;—„это стало требованіемъ, и эта правда пройдетъ „вѣковъ таинственную даль".

IV.

— Уткинскій сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портретами. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изд. М. В. Беэръ. Москва. 1904.

Предисловіе разъясняетъ происхожденіе этого важнаго въ историческомъ и историко-литературномъ отношеніи сборника. Матеріалъ его извлеченъ изъ семейнаго архива, принадлежащаго М. В. Беэръ

(рожденной Елагиной, дочери Е. И. Мойеръ) и хранящагося въ селѣ Уткинѣ, бѣлевскаго уѣзда, тульской губерніи. Для печати были выбраны: во-первыхъ, (всѣ неизданныя и извѣстныя лишь отчасти) письма Жуковскаго, во-вторыхъ, письма Протасовой и Мойеръ, и въ-третьихъ, нѣсколько писемъ Ек. Аѳ. Протасовой. Въ нихъ содержится много дополнительныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ чертахъ личности Жуковскаго, объ исторіи его любви, объ его душевномъ состояніи въ первые годы петербургской жизни и т. д. Затѣмъ эти письма вносятъ нѣсколько поправокъ къ хронологіи произведеній Жуковскаго и представляютъ любопытный матеріалъ къ характеристикѣ лицъ, съ которыми былъ близокъ Жуковскій.

Письма Ек. Аѳ. Протасовой, матери Маріи Андреевны, бывшей предметомъ несчастной любви поэта, бросаютъ свѣтъ на личность писавшей въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ она представлялась. Упорно не соглашаясь на бракъ Жуковскаго съ ея дочерью, она рисовалась, главнымъ образомъ по отзывамъ Жуковскаго, женщиной съ суровымъ и непреклоннымъ характеромъ, мало доступной чувству живого состраданія и отзывчивости. Останавливаясь на этой сторонѣ личности Протасовой, г. Грузинскій говоритъ: „При чтеніи писемъ Екат. Аѳ. смягчается тотъ образъ сухой и безсердечной матери, упорно жертвующей счастіемъ самыхъ близкихъ людей въ угоду своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, который очерченъ въ отзывахъ Жуковскаго, и передъ нами выступаетъ человѣкъ, горячо любящій и свою Машу, и Жуковскаго, глубоко и искренно страдающій самъ отъ ихъ горя, но не имѣющій выхода, такъ какъ вѣра и нравственный долгъ запрещаютъ ему согласиться на то, что̀ въ глазахъ другихъ составляетъ желанное счастіе. Екат. Аѳан. имѣла рядъ недостатковъ, иногда дѣлавшихъ для ея близкихъ жизнь съ ней нелегкою (о чемъ прямо свидѣтельствуетъ нѣжно любившая ее Марія Андреевна), но собственно въ своемъ твердомъ отказѣ на бракъ Жуковскаго она была вполнѣ искренна и руководилась исключительно требованіями своей совѣсти. Можно соглашаться или не соглашаться съ ея доводами, но необходимо признать, что въ этомъ вопросѣ трудно считать ее формалисткой (а это имя нерѣдко давалось и дается ей); гораздо формальнѣе ставили дѣло всѣ сторонники брака, начиная съ самого Жуковскаго, кончая митроп. Филаретомъ, когда основывались на томъ, что „по книгамъ нѣтъ родства между Жуковскимъ и Маріей Андреевной"... Въ одномъ изъ писемъ Ек. Аѳ. такъ изображаетъ свои отношенія къ Жуковскому: „Вы знаете доброту сердца и милое дарованіе моего брата (т.-е. Вас. Андр.,) вы видите, что моя привязанность къ нему основательна. Я начала любить его тогда, когда онъ и не понималъ этого слова. Онъ выросъ въ моихъ глазахъ, мы одного отца дѣти. Батюшка былъ къ нему при-

вязанъ страстно. Я имѣла мать примѣрной добродѣтели, она послѣ кончины бабушки привязалась къ нему, какъ къ сыну. Примѣръ ея заставилъ меня еще болѣе его любить.—Такъ жили мы до 1805 года.—Тутъ Василій Андреевичъ сдѣлался поэтомъ, уже нѣсколько извѣстнымъ въ свѣтѣ. Надобно было ему влюбиться, чтобъ было кого воспѣвать въ своихъ стихотвореніяхъ. Жребій палъ на мою бѣдную Машу. Ей было тогда 11 лѣтъ. Она не могла кокетствомъ его привязать къ себѣ, ни блестящими отличными достоинствами, потому что еще не имѣла ничего своего, а была истинный ребенокъ. Но какъ мнѣ опредѣлено всегда терпѣть отъ милыхъ мнѣ людей, потому что я слѣпа въ моихъ привязанностяхъ, то онъ мнѣ и заплатилъ за мою любовь. Проживши лѣто вмѣстѣ, поѣхалъ онъ въ Москву, откуда мнѣ писалъ и предлагалъ руку Машѣ. Можете себѣ представить, какъ меня огорчила этакая романтическая мысль. Я отвѣчала ему самымъ сильнымъ образомъ и, кажется, никакой надежды не оставила, но отказала совершенно. Здоровье мое, и безъ того огорченіями разстроенное, не выдержало, я занемогла. Это дошло до Василія Андреевича. Онъ отгадалъ причину болѣзни и написалъ ко мнѣ такое письмо, которое совершенно меня успокоило. Онъ давалъ мнѣ слово никогда не думать объ этомъ бракѣ и побѣдить себя, только просилъ меня не сказывать о его страсти матушкѣ и Машѣ. — Я обрадовалась безъ памяти его письму, повѣрила его обѣщанію и сожгла всѣ письма съ тѣмъ, чтобы скрывать отъ всего свѣта минутное его заблужденіе".

Интересны по формѣ и содержанію и письма Маріи Андреевны. Въ нихъ отразилась вся ея личность, представлявшая соединеніе глубоко-трогательныхъ и возвышенныхъ чертъ. „Надо удивляться,—говоритъ о ней г. Грузинскій,—до чего просто и благородно прошла она по своей нелегкой жизненной дорогѣ и какимъ живымъ, истинно человѣческимъ содержаніемъ съумѣла наполнить свою скромную долю, полную однако внутреннихъ бурь и тяжелыхъ разочарованій. Усвоивъ себѣ съ раннихъ лѣтъ возвышенный, идеалистическій строй души, такъ шедшій къ ея личности, она среди всѣхъ испытаній сохранила его до послѣдней минуты въ полной чистотѣ, не затемнивъ ни разу ни сентиментальностью, ни разочарованностью". Выйдя замужъ за Мойера, она примирилась съ своей неожиданной долей, но по временамъ чувство ея къ Жуковскому, съ которымъ она свыклась съ раннихъ лѣтъ, давало себя чувствовать и выражалось тогда строками тихой грусти. „Милый Жуковскій,—пишетъ она ему изъ Дерпта 2 августа 1819 г.,—завтра бывалъ счастливый для меня день. Сердце все еще не перестало роптать.—Но ни слова о грустномъ, я затѣмъ только взялась за перо, чтобъ отдохнуть съ тобой немного. Мы возвратились сюда всѣ здоровы, старая жизнь началась опять и, признаюсь, теперь кажется

несноснѣе прежняго"... Чувство, выразившееся въ этихъ словахъ, далеко, однако, не исчерпываетъ обычнаго настроенія Маріи Андреевны. Гораздо знаменательнѣе мотивъ, отразившійся въ письмѣ отъ 6 сентября того же года: „Милый другъ, я опять въ нерѣшимости, посылать ли тебѣ мои бредни. Скажу тебѣ одно: никогда мнѣ не бывала твоя Нина (имѣется въ виду стихотвореніе „Къ Нинѣ") такъ понятна,—какъ теперь; я думаю, вопреки твоему молчанію, что ты держишь то, что̀ въ ней обѣщалъ. Когда мнѣ случится безъ ума грустно, то я заберусь въ свою горницу и скажу громко: Жуковскій! и всегда станетъ легче.

„И въ самой разлукѣ
Ты будешь хранитель невидимый взору, но видимый сердцу!
Въ часы испытанья и мрачной тоски".

„Смотри только, сдержи и то, что̀ обѣщано въ послѣднихъ 12 строкахъ и на что̀ я *надѣюсь*, какъ на будущую жизнь. Я не потеряла привычку дѣлиться съ тобой весельемъ и тоской".

Эти двѣнадцать строкъ читаются слѣдующимъ образомъ:

„Мой другъ, не страшися минуты конца:
Посланникомъ мира, съ лучемъ утѣшенья
Ко смертной постели приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящія смерти,
Не ужасъ могилы узришь предъ собой,
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій!"

Какъ эти настроенія характерны и для эпохи, для тѣхъ условій и вліяній, среди которыхъ они развились!

Къ сборнику писемъ приложенъ указатель личныхъ именъ; текстъ снабженъ примѣчаніями преимущественно фактическаго характера. Изъ приложенныхъ портретовъ два являются впервые (Ек. Аѳ. Протасовой и Авд. Петр. Кирѣевской); они сдѣланы съ оригиналовъ, хранящихся въ Уткинскомъ архивѣ.

А. Н. Веселовскій въ трудѣ, о которомъ мы говорили выше, даетъ указаніе, что съ первыми листами печатавшагося сборника писемъ Жуковскаго онъ познакомился лишь при корректурѣ послѣдняго листа своей работы. Г. Веселовскій допускаетъ вѣроятность, что въ новыхъ письмахъ Жуковскаго могутъ оказаться новыя біографическія подробности и хронологическія даты, но едва ли въ нихъ найдутся—„новыя психологическія откровенія". Познакомившись съ письмами, авторъ дѣлаетъ нѣсколько существенныхъ замѣчаній въ предисловіи и, между

прочимъ, останавливается на характеристикѣ М. А. Протасовой-Мойеръ, этой „духовной дочери“ Жуковскаго. Уткинскому сборнику предстоитъ, такимъ образомъ, занять видное мѣсто среди матеріаловъ, отражающихъ Жуковскаго и его среду.

V.

— Стихотворенія Н. П. Огарева. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Т. I. Москва. 1904.

„Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь потухшій, вспыхнувъ блѣдно,—
Исчезнетъ жизнь моя.

Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя,
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье—
И вотъ что̀ жизнь моя! ..“

Эта жизнь совершилась съ рѣдкой полнотой ощущеній въ условіяхъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ, о которыхъ исторія можетъ разсказать гораздо больше, чѣмъ лежащій передъ нами сборникъ стихотвореній самого поэта. Грустная задушевная исповѣдь одинокой, тонко чувствующей души, жаждущей дружескаго привѣта и страдающей отъ вѣчнаго разлада между небомъ и землей,—поэзія Огарева замкнулась въ интимный міръ личныхъ ощущеній и лирическихъ изліяній. Къ стихотвореніямъ его нужны комментаріи историческіе и біографическіе, но читатель будетъ съ избыткомъ вознагражденъ за трудъ, потраченный на установленіе связи между лирикой Огарева и внѣшними событіями его жизни. Отчасти это сдѣлано въ нѣсколькихъ статьяхъ, отчасти составляетъ предметъ будущихъ изысканій. Особый интересъ біографіи Огарева придаетъ его дружба съ Герценомъ, ихъ общія стремленія, выразившіяся позже, въ періодъ долголѣтней заграничной жизни, въ совмѣстной журнальной дѣятельности. Въ 1846 г. Огаревъ посвятилъ Герцену, между прочими, слѣдующія строки, характеризующія его отношеніе къ своему другу:

„Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный,
Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
Таковъ остался нашъ союзъ нетлѣнный!
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо,
И пусть мечты и люди идутъ мимо“.

Первый сборникъ своихъ стихотвореній Огаревъ издалъ въ 1856 г.; за первымъ изданіемъ послѣдовали второе и третье; въ Лондонѣ въ 1858 г. появилось новое изданіе, значительно увеличенное. Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ, кромѣ напечатанныхъ при жизни, еще 65 стихотвореній, еще не бывшихъ въ печати. Изъ тѣхъ же, которыя были напечатаны послѣ смерти поэта, редакторъ помѣстилъ лишь избранныя, не считая Огарева принадлежащимъ къ числу тѣхъ поэтовъ, „чья каждая строка драгоцѣнна". Матеріалъ въ настоящемъ томѣ расположенъ такимъ образомъ, что въ первую часть вошли произведенія, такъ сказать, признанныя самимъ Огаревымъ: стихи, кромѣ поэмъ лондонскаго изданія 1858 г., и все то, что̀ было напечатано имъ самимъ послѣ выхода въ свѣтъ этого изданія; во вторую часть вошли часть изъ напечатаннаго при жизни, затѣмъ лучшее изъ напечатаннаго послѣ смерти и наконецъ стихотворенія, сохранившіяся въ рукописи. Первый томъ снабженъ подробными біографическими примѣчаніями. Между прочимъ, къ одной изъ эпиграммъ, приведенной въ примѣчаніи, позволимъ себѣ указать извѣстный намъ варіантъ (можетъ быть — поправку?). Эпиграмма эта — „Примѣръ неправильныхъ, но справедливыхъ удареній".

„Голосъ *нижный*, голосъ невскій,
Головнинскій, Валуевскій
Издаетъ Андрей Краевскій,
Нашъ Краевскій, нашъ Андрей —
Ты съ болотъ своихъ Петровскихъ
Не достигнешь до московскихъ,
До московскихъ, до катковскихъ,
До катковскихъ, леонтьевскихъ,
Полицейскихъ, муравьевскихъ
Доносныхъ Вѣдомостей".

Во второй томъ г. Гершензонъ предполагаетъ помѣстить поэмы. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть болѣе или менѣе полное (возможное по цензурнымъ соображеніямъ) собраніе сочиненій Н. П. Огарева. Трудъ, предпринятый г. Гершензономъ, чрезвычайно полезный, и первый томъ свидѣтельствуетъ о внимательномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу.

Послѣ выхода въ свѣтъ перваго собранія стихотвореній Огарева, Н. Г. Чернышевскій предсказывалъ ему блестящую судьбу. „Но случилось другое,—говоритъ г. Гершензонъ.—Внѣшняя сила обрекла поэзію Огарева на долгое забвеніе; почти полвѣка она была погребена, и вотъ лишь теперь выходитъ на свѣтъ для новой жизни. Сохранила ли она еще способность жить, найдетъ ли отзвукъ въ душѣ современнаго русскаго человѣка? Субъективное, лирическое чувство скоро старѣетъ: оно кажется потомству окаменѣвшимъ, примитивнымъ, мало

расчлененнымъ; дайте теперь влюбленному юношѣ сонеты Петрарки,—онъ, можетъ быть, будетъ наслаждаться ихъ изяществомъ, но останется холоденъ, потому что не найдетъ въ нихъ своей любви, потому что у каждой эпохи — свой особенный темпъ чувства. Изъ всѣхъ видовъ литературы лирика наименѣе долговѣчна; мы до сихъ поръ читаемъ „Донъ Кихота" и „Гамлета", но едва ли кто изъ современной молодежи читалъ какое-нибудь лирическое стихотвореніе хотя бы близкаго къ намъ XVIII столѣтія". Несмотря на это, г. Гершензонъ признаетъ кромѣ историческаго значенія еще и поэтическое для современнаго поколѣнія. Въ чувствахъ Огарева и его поэзіи, думается г. Гершензону, есть вѣчное ядро, которое еще долго будетъ сообщать живую силу его стихамъ, даже когда ихъ форма устарѣетъ. Намъ же кажется, напротивъ, что стихи его сохранятъ свое значеніе скорѣе, какъ поэтическій комментарій къ той славной страницѣ изъ исторіи нашего общественнаго развитія, въ которую онъ вписалъ свое имя, какъ дѣятель извѣстнаго направленія и другъ Герцена.

Къ книгѣ приложенъ прекрасно исполненный портретъ Огарева и его факсимиле.

VI.

— Петровъ, Г. С., священникъ. Война и миръ. Спб. 1904.
— Кн. Эсперъ Ухтомскій. Передъ грознымъ будущимъ. Къ русско-японскому столкновенію. Спб. 1904.
— Іеромонахъ Михаилъ, доцентъ Спб. Духовной Академіи. Письма о войнѣ.

Первая изъ этихъ брошюръ представляетъ выдающійся интересъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ она насается. Переживаемая нами война явилась такой неожиданностью для Россіи и особенно въ такой моментъ, когда, казалось, всѣ интересы должны были бы сосредоточиться на внутреннихъ условіяхъ нашей жизни,—что поднятое ею возбужденіе, по своему моральному и общественному характеру, далеко превзошло все когда-либо испытанное русскимъ обществомъ. Не слѣдуетъ измѣрять этого возбужденія его внѣшними проявленіями, но то, что̀ переживаетъ теперь мыслящая часть русскаго общества, не можетъ не возбуждать въ немъ сознанія неудовлетворенности многими сторонами его существованія. Являются признаки, пока единичные, такихъ общественныхъ настроеній, совокупность которыхъ можетъ образовать психическую среду, исключительно благопріятную для развитія той общественной энергіи, которая въ минуты высочайшаго подъема національнаго духа творитъ чудеса, создаетъ геніевъ и опредѣляетъ эпоху. Война разразилась тамъ, гдѣ ея менѣе всего ожидали. Таинственный—полумиѳическій для русскаго средняго человѣка Востокъ

предсталъ въ видѣ грозной военной твердыни, призванной защищать отчетливо сознанные національные идеалы и пріобрѣтенія многовѣковой оригинальной культуры. Всколыхнулась философская мысль, вспомнились предсказанія Элизé Реклю, предвидѣвшаго возможность столкновенія Россіи или иной европейской державы съ японцами, народомъ цѣпкимъ и стойкимъ, который охотно перенимаетъ преимущества внѣшней европейской цивилизаціи, но на іоту не поступается въ своей духовной культурѣ. Особое значеніе пріобрѣли и „Три разговора" покойнаго Влад. Серг. Соловьева, и его статьи о Китаѣ. „И если многіе говорили о приближеніи грозы,—писалъ онъ,—то за мною остается лишь печальное преимущество послѣдняго и не говорящаго, а *кричащаго*, что гроза совсѣмъ близка, что она готова разразиться, хотя огромное большинство и не замѣчаетъ ея".

Въ обзорѣ будущихъ возможныхъ судебъ европейскихъ народовъ панмонголизмъ, съ легкой руки Соловьева, сталъ играть видную роль, и мысли его о грядущемъ нашествіи на Европу желтокожихъ стали привлекать всеобщее вниманіе. Прольются рѣки крови, казалось Соловьеву, но Европа не погибнетъ. Напротивъ, она сплотитъ, спаяетъ европейскіе народы во-едино, и они сбросятъ съ себя монгольское иго. Тогда-то и явится человѣкъ-геній, который подчинитъ себѣ все, это—антихристъ... Гроза панмонголизма, по Соловьеву, является знаменіемъ, что всемірная исторія кончилась, что духовное содержаніе доступной человѣку жизни исчерпано, что человѣчество изжилось, одряхлѣло, устало...

Останавливаясь на этихъ мысляхъ Соловьева, о. Петровъ видитъ въ нихъ въ значительной степени отраженіе личной усталости, переносимой на представленіе общемировой жизни. „Если позволительно человѣку загадывать въ будущее,—говоритъ о. Петровъ,—то, судя по всему, до „конца" еще далеко. Всемірная исторія отнюдь не кончена. И содержаніе міровой жизни еще не исчерпано. И человѣчество своихъ силъ не изжило. Не изжило по той простой причинѣ, что далеко еще не всѣ ихъ проявили: случая не представлялось, умѣнья примѣнить ихъ не хватало, не было ни сознанія настоящей цѣли жизни, ни, можетъ быть, сознанія самихъ силъ. Силы человѣческаго духа такъ велики, представляютъ такой неизмѣримо-цѣнный капиталъ, что человѣчество до сихъ поръ еще и само ихъ не знаетъ, не вѣдаетъ хорошо, чтò оно можетъ сдѣлать, на какую высоту поднять міровую жизнь. Оцѣнщика свѣдущаго для духовныхъ силъ человѣчества нѣтъ на землѣ. Не было у человѣчества еще и серьезной рѣчи о предпріятіи, которое было бы но силамъ генію человѣческаго духа. Какъ же говорить, что эти силы растрачены, ушли безъ возврата? Куда ушли? На чтò истрачены?"

„Душа современнаго „культурнаго“ человѣка если и устала, то устала не отъ работы, не отъ исполненнаго и *конченнаго* дѣла, а, напротивъ, отъ поисковъ работы, отъ исканія дѣла, отъ незнанія настоящаго дѣла, отъ сознанія, что истинное-то, живое дѣло, дѣло жизни, до сихъ поръ еще и не начато“.

Эти слова автора заслуживаютъ самаго живого сочувствія.

Дѣло идетъ, конечно, о культурномъ русскомъ человѣкѣ, такъ какъ европейскій культурный человѣкъ знаетъ, что̀ ему надо дѣлать за свой страхъ и совѣсть, знаетъ, зачѣмъ живетъ и чего можетъ ждать отъ жизни въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя ставятъ его дѣятельность и среда. Смыслъ своей жизни европейскій человѣкъ могъ бы воплотить, и даже больше,—имѣетъ право воплотить въ исканіи внутреннихъ путей къ идеальнымъ цѣлямъ человѣчества. Европейскій человѣкъ побѣдилъ элементарныя внѣшнія преграды, за которыми стоитъ свобо̀да личности, сознательное участіе въ общей культурной работѣ. Заключивъ внѣшнія обстоятельства своей жизни въ тѣ стройныя формы, на которыхъ можно уже наблюдать законы историческаго развитія, европейскій человѣкъ пріобрѣлъ возможность свободно думать о душѣ и ея побужденіяхъ сверхъ-человѣческаго свойства. Иное дѣло русскій культурный человѣкъ. Никто не говорилъ такъ много о душѣ, какъ именно онъ, и въ своей литературѣ, и въ поэзіи, и въ житейской морали. Никто не стремился къ ней съ такою пламенной жаждой подчинить высшимъ ея запросамъ всѣ личныя стремленія, найти въ ней обновленіе и хоть какое-либо оправданіе за то, что̀ творится вокругъ, за тотъ неосмысленный хаосъ явленій, въ которомъ волей-неволей человѣческая личность должна принимать участіе. Эти исканія души у русскаго человѣка всегда принимали видъ болѣзненно-страстныхъ, нетерпѣливо тревожныхъ порывовъ, на которые душа откликалась такими же страстными, тревожными звуками. Въ итогѣ исканій большинства лучшихъ русскихъ людей лежитъ или неудовлетворенность, или скорбная тоска по утраченной вѣрѣ въ идеалъ. Еще труднѣе добраться до души среднему культурному человѣку. На пути лежитъ неблагодарная внѣшняя и трудная по своимъ техническимъ свойствамъ задача.

За разрѣшеніе этой задачи берется очень много людей, изъ которыхъ одни являютъ высокіе подвиги самопожертвованія, другіе остаются теоретиками общаго блага. Среди этихъ теорій наименѣе состоятельными, для даннаго времени, оказываются тѣ, которыя слишкомъ много требованій предъявляютъ къ душѣ и совершенно упускаютъ изъ виду необходимость заботъ о той оболочкѣ, съ которой неразрывно связана (по крайней мѣрѣ здѣсь, на землѣ) душевная жизнь. Это разграниченіе рѣдко имѣютъ въ виду современные теоретики общаго блага,

постоянно толкуя о какомъ-то неопредѣленномъ „дѣлѣ", котораго ищетъ или не дѣлаетъ современный культурный человѣкъ, и изъ этого недѣланія настоящаго дѣла выводятъ всѣ современные недуги и печали. Дѣло это, повторяютъ они на разные лады, должно быть непремѣнно духовное, непремѣнно проникнутое высшимъ свѣтомъ откровенія и Божіей правды. Пишутъ увлекательно, красиво, говорятъ хорошія слова, отъ которыхъ теплѣетъ сердце и смягчается суровая мысль, зрѣетъ одна изъ проблемъ нравственнаго воспитанія, но положеніе едва ли мѣняется въ существенныхъ чертахъ. Не проще ли низвести дѣло съ небесъ на землю и допустить, что гораздо болѣе правы тѣ, которые полагаютъ, что прежде, чѣмъ говорить о „дѣлѣ" духовномъ, просвѣтленномъ, прежде, чѣмъ сосредоточивать вниманіе исключительно на душѣ, нужно помочь человѣку добраться до настоящаго культурнаго дѣла, облегчить ему внѣшніе способы преодолѣнія препятствій, безъ чего всякое истинно-культурное дѣло, какъ это мы и видимъ на ежедневномъ опытѣ, будетъ валиться изъ рукъ. До тѣхъ поръ средній культурный человѣкъ останется иностранцемъ въ истинной культурѣ, не зная, куда дѣвать, къ чему приложить избытокъ духовной самодѣятельности...

Да, поработать надъ тѣми условіями, которыя необходимы для сознательной русской культурной жизни, является въ настоящее время болѣе существенной задачей, чѣмъ безпрестанные вздохи и томленія о душѣ, которая давно уже рвется изъ потемокъ суевѣрія и противорѣчій. Можно сказать, что всѣ усилія священника Петрова въ его общественной и литературной дѣятельности сводятся къ тому, чтобы пробудить стремленіе именно къ сознательной культурной работѣ; къ такой работѣ призываетъ онъ и въ настоящей брошюркѣ, но, къ сожалѣнію, призывъ его оставляетъ жаждущаго работать на полдорогѣ. Онъ говоритъ о культурной работѣ, но расчленяетъ акты этой работы исключительно на усилія самоусовершенствованія, на цѣли религіознаго очищенія. Не совсѣмъ ясно уподобляя царство человѣческое (въ противоположеніе Царству Божію) неперебродившему виноградному вину, въ которомъ много еще „бродильной мути и кислоты", много „болѣзненныхъ и грустныхъ явленій", почтенный авторъ даже намекомъ не касается вопроса о возможности тѣхъ внѣшнихъ усилій, которыя человѣчество могло бы предпринять для устраненія этихъ явленій,—а между тѣмъ при ихъ отсутствіи дѣятельность на пользу духовной культуры пошла бы безконечно успѣшнѣе. Должна ли „душа" въ этой работѣ приспособиться къ внѣшнимъ условіямъ или не противиться злу,—остается также неизвѣстнымъ. Читатель приходитъ въ недоумѣніе тѣмъ больше, что авторъ съ большимъ искусствомъ беретъ вопросы широко и ставитъ ихъ такимъ

образомъ, что невольно заставляетъ задуматься. И тѣмъ досаднѣе бываетъ встрѣчать половинчатое или противорѣчивое рѣшеніе задачи, оставляющее читателя неудовлетвореннымъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ, проникшись вдохновеннымъ словомъ писателя, почувствуетъ въ своей душѣ благой порывъ, но... такъ и замретъ на порывѣ въ нерѣшительности, куда и на что направить свою волю.

Задачу „современника" священникъ Петровъ представляетъ такимъ образомъ: ея цѣль—„ускорить процессъ бродильнаго сока. Необходимо всѣми силами грубое и жестокое мягчить, уродливое выпрямлять, болѣзненное врачевать. Задача великая, но и тяжелая. Тѣмъ болѣе тяжелая, что многія болѣзненныя явленія общечеловѣческихъ отношеній застарѣлыя, въѣвшіяся, укорененныя вѣками, а международная нравственная медицина *пока* такъ же несовершенна въ методахъ и средствахъ леченія, какъ и медицина обыкновенная. Совершенные методы леченія и совершеннѣйшія лекарства, конечно, есть, но они пока еще не извѣстны всѣмъ, не получили широкаго общечеловѣческаго распространенія, не имѣютъ повсемѣстнаго примѣненія. Приходится массамъ употреблять старыя, грубыя средства и пріемы".

Общечеловѣческія международныя отношенія представляются автору тѣми же застарѣлыми, болѣзненными явленіями, для леченія которыхъ употребляютъ пока еще только внѣшнія средства. „Иногда прибѣгаютъ къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, къ операціямъ, пускаютъ въ ходъ ножъ, и тогда возникаетъ кровавая война. Международную болѣзнь лечатъ кровопусканіемъ. Суровое и грозное леченіе". Объясненіе, какъ видитъ читатель, весьма поверхностное. Авторъ настаиваетъ на нравственномъ воздѣйствіи по отношенію къ Европѣ. Культура ея должна измѣниться. Сила пушекъ и бронированнаго кулака должна превратиться въ силу сердца, въ могущество и обаяніе любви. Все это, конечно, прекрасно, но какъ съ этой замѣной примирить авторъ грозу общемонгольскаго взрыва, въ которой Россіи снова предстоитъ столь неблагодарная въ культурномъ отношеніи роль оплота европейскаго благоденствія? Кротость и непротивленіе злу бирманцевъ не смягчили сердца жестокихъ насильниковъ—англичанъ, и это примѣръ не единственный, когда нарушеніе гармоніи между удовлетвореніемъ запросовъ духовной и матеріальной культуры приводило къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ и непримиримымъ логическимъ противорѣчіямъ.

При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ намъ показалось, что авторъ нѣсколько оптимистически смотритъ на степень культуры и просвѣщенія нашей родины. Просвѣщеніе измѣряется прежде всего общественнымъ самосознаніемъ, насколько оно способно вникать въ глубину переживаемаго момента и отзываться на него именно тѣми актами своей

мысли и чувства, которыя въ томъ или другомъ случаѣ необходимѣе всего. Но хотя бы по вопросу о войнѣ, если оставить въ сторонѣ общечеловѣческія побужденія—любовь, сострадание, энтузіазмъ,—можемъ ли мы сказать, что общество наше вполнѣ сознательно относится къ войнѣ въ томъ смыслѣ, что стремится выяснить ея истинное значеніе, истинныя причины того, что заставило „дерзкаго" врага обрушиться на нашъ флотъ? Намъ кажется—двухъ отвѣтовъ не можетъ быть на этотъ вопросъ, и за попытку къ болѣе конкретному разрѣшенію его общество было бы крайне признательно такому жизненному писателю, какъ священникъ Петровъ.

Гораздо опредѣленнѣе выражаетъ свое отношеніе къ войнѣ князь Эсперъ Ухтомскій: „Принадлежа къ убѣжденнымъ сторонникамъ мирной, неспѣшной, культурной работы русскихъ людей въ границахъ родного намъ, необъятнаго по размѣрамъ населенія азіатскаго материка, я, въ силу всего ранѣе мною высказывавшагося въ печати, не могу не болѣть душой, видя, какъ испортились наши пріязненныя отношенія къ народамъ Востока, какъ осложняются и безъ того колоссальныя задачи наши въ Азіи, какъ несвоевременно близится часъ расплаты за послѣдніе, черезъ чуръ, быть можетъ, смѣлые шаги по направленію къ незамерзающему морю, къ полуденнымъ краямъ, къ очагамъ стародавнѣйшей культуры... И не потому мучительно-остро это чувство, что тамъ намъ можетъ грозить бѣда, что возможно предположеніе о случайныхъ пораженіяхъ и катастрофахъ, что озлобленіе японцевъ и коварство китайцевъ способно серьезно устрашить. Нѣтъ, при всей вѣроятности большой тучи и горя въ разгаръ кроваваго столкновенія съ желтой расой, несмотря на всякія разочарованія, которыя насъ ждутъ въ этой области, главное — не въ нихъ, не въ матеріальномъ уронѣ, но въ цѣнѣ побѣдъ... Смущаетъ и прямо пугаетъ въ данный историческій моментъ до извѣстной степени глубоко безсознательное отношеніе общества къ быстро развертывающимся передъ нимъ событіямъ, которыя втягиваютъ Россію въ такой водоворотъ, ставятъ ее лицомъ къ лицу съ такими неизвѣстными величинами, что и разгадать ничего нельзя въ сгустившейся тьмѣ. Къ чему послужитъ титаническая борьба въ сферѣ, гдѣ противникамъ, въ сущности, нечего дѣлить? Cui prodest?"

Останавливаясь на пророчествахъ Вл. С. Соловьева относительно панмонголизма и такъ называемой желтой опасности, авторъ является рѣшительнымъ противникомъ взглядовъ покойнаго философа. По его словамъ — „никакого панмонголизма, никакой „Азіи для азіатовъ", никакой Японіи, дѣйствительно способной направить пробужденный Востокъ противъ Европы, по моему, и нѣтъ, и быть не можетъ. Всѣ тѣ идеи міровового господства (въ предѣлахъ Стараго Свѣта), кото-

рыми жили и дышали величайшія монархіи древняго міра и средневѣковыя, всецѣло перешли въ кровь и плоть русскаго народа, послѣ столѣтій единоборства съ татарами. Чингисы и Тамерланы, вожди необозримыхъ вооруженныхъ массъ, создатели непобѣдимыхъ царствъ и крѣпкихъ духомъ, широкодумныхъ правительствъ,—все это закаливало и оплодотворило государственными замыслами долгополую, по-китайски консервативную, зміемудрую допетровскую Русь, образовавшую обратное переселенію восточныхъ народовъ теченіе западныхъ элементовъ въ глубь Азіи, гдѣ мы — дома, гдѣ жатва давно насъ ждетъ, но не пришли еще желанные жнецы: терпимость къ чужому міровоззрѣнію, высшая христіанская культура, образованность и гуманность рука объ руку съ техническимъ прогрессомъ. Отчасти все это уже вносится нами въ эти далекія страны, отчасти всему этому отмыкается даже сибирская глушь; но, строго говоря, эта русская эра такъ мало пока сдѣлала для современной Азіи, такъ неопредѣленна и несовершенна по горизонтамъ и дѣламъ своимъ, что это пора сознать, въ этомъ пора разобраться".

Іеромонахъ Михаилъ совсѣмъ не касается общихъ вопросовъ и въ своихъ письмахъ о войнѣ развиваетъ, на темы ближайшихъ потребностей военнаго времени, идеи любви, самоотреченія, вѣры и долга. Изложены онѣ хорошо и, благодаря этому, могутъ быть полезны въ смыслѣ распространенія гуманныхъ настроеній.

Появилось въ „Times"'ѣ еще мнѣніе о русско-японской войнѣ, гр. Л. Н. Толстого, мнѣніе, которое возбуждаетъ серьезное недоумѣніе. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности говорить о немъ.

VII.

— Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь, 1904.

Авторъ этой книги прошелъ всѣ стадіи солдатской службы и вводитъ читателя въ мало извѣстный интимный солдатскій мірокъ, изображавшійся въ большинствѣ случаевъ со стороны; здѣсь же непосредственность впечатлѣній составляетъ особую цѣнность книги. Конечно, слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что авторъ вышелъ изъ народной среды и своимъ развитіемъ былъ обязанъ самообразованію, пріобрѣтенному въ часы досуга отъ военныхъ занятій, но это придаетъ его труду и нѣкоторую, вполнѣ понятную, односторонность, выражающуюся въ идеализаціи военной службы, способной, по мнѣнію автора, послужить хорошей школой для народа. Вмѣсто того, чтобы высказать простое пожеланіе, чтобы въ полкъ поступали

молодые люди, уже прошедшіе курсъ *настоящей* народной школы (каковой у насъ еще нѣтъ), авторъ высказываетъ мысль о недостаточности обученія только военнымъ артикуламъ и о необходимости преподавать солдатамъ, на ряду съ артикулами, „еще кое-что",—„а именно—воспитаніе"; авторъ указываетъ на примѣры: *нѣкоторые* солдаты, „попавшіе въ счастливыя условія относительно развитія и воспитанія", становятся неузнаваемы и пріобрѣтаютъ привычки къ разумной и порядочной жизни. „Еслибы въ войсковыхъ частяхъ, — говоритъ г. Подшиваловъ,—заботились о болѣе частомъ предоставленіи солдатамъ *счастливыхъ условій*, то развитіе и воспитаніе, какъ факторы прогресса, широкой волной разлились бы изъ полковъ по всѣмъ деревнямъ и захолустьямъ". Отсюда неотразимо слѣдуетъ тотъ выводъ, что забота о предоставленіи солдатамъ „счастливыхъ условій"—не частое явленіе, и что отчасти, въ зависимости отъ этого, гораздо бо̀льшей извѣстностью пользуются факты обратнаго порядка: значительная часть солдатъ окончательно отбивается отъ земли, лишая такимъ образомъ общество здоровыхъ и сильныхъ работниковъ въ сферѣ сельско-хозяйственной промышленности; другая же часть, возвращаясь въ деревню, вноситъ съ собою туда и печальные плоды городской и казарменной цивилизаціи, образуя элементы нравственнаго и физическаго вырожденія. Такое пониманіе вещей безусловно оставляетъ въ силѣ другое пожеланіе автора, чтобы пріемы обученія солдатъ соединялись съ принципами гуманнаго отношенія; здѣсь все, что̀ говоритъ объ этомъ авторъ, самъ на себѣ испытавшій всѣ прелести военной муштры, заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія и сочувствія.

Съ живымъ интересомъ читаются главы, въ которыхъ авторъ просто, но вполнѣ литературно разсказываетъ исторію своей солдатчины отъ рекрутской „ставки" до блестящихъ успѣховъ по службѣ и выхода въ запасъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Будучи одаренъ, повидимому, отличными способностями и любознательностью, авторъ быстро выдѣлился изъ обычной солдатской среды и, освоившись со всѣми сторонами своей службы, задумался надъ общими нравственными вопросами жизни солдата въ полку, съ цѣлью улучшенія ея внутреннихъ условій. Свои размышленія авторъ заключалъ въ форму „бесѣдъ", которыя и представлялъ на усмотрѣніе и утвержденіе начальства; между прочимъ, одинъ изъ его литературныхъ трудовъ получилъ довольно любопытную судьбу. Нѣкоему „штабсъ-ротмистру К—ву (сынъ извѣстнаго редактора газеты)" было поручено руководство къ печати. Штабсъ-ротмистръ составилъ это руководство по тетрадкамъ автора, причемъ воспользовался еще и устными его поясненіями. Работа штабсъ-ротмистра свелась къ простой компиляціи. „Оба мои руко-

водства, какъ пѣшее, такъ и конное,—говоритъ авторъ,—соединили въ одно, съ раздѣленіемъ на двѣ части. Рисунки сохранили характеръ моихъ рисунковъ; что касается текста, то въ общемъ онъ сохранилъ тотъ же видъ, какъ и въ моихъ тетрадкахъ, но слогъ исправленъ и нѣкоторыя командныя слова, названныя мною по-русски, были замѣнены французскими, по образцу французскихъ руководствъ. Черезъ нѣкоторое время руководство вышло изъ печати за подписью штабсъ-ротмистра К—ва. Это руководство потомъ раздавали всѣмъ нижнимъ чинамъ, обучавшимся въ фехтовальной командѣ"...

Чтобы познакомить читателя съ изложеніемъ автора, приведемъ разсказъ объ его пребываніи и умственныхъ интересахъ во время командировки въ военно-телеграфный паркъ, для изученія телеграфнаго дѣла и фехтованія. Тамъ царствовала своя, научная, атмосфера, въ которой, послѣ суровой казарменной дисциплины, жилось и дышалось легко. „Въ паркѣ я впервые познакомился съ нашими корифеями литературы (Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ и проч.). Моя любовь къ чтенію развилась въ сильной степени, чему способствовали полный выборъ книгъ и уже окончательное ознакомленіе съ учебниками.

„Изъ-за увлеченія чтеніемъ однажды произошелъ со мною слѣдующій инцидентъ: взявъ у одного солдата, принадлежащаго къ телеграфной командѣ, Миловидова, для чтенія книгу—романъ, подъ заглавіемъ „Царь-Освободитель", изъ эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, гдѣ описывались сильныя страданія случайно воспитанной крестьянской дѣвушки отъ преслѣдованій помѣщика,—я такъ увлекся этимъ романомъ, что не утерпѣлъ и взялъ его съ собою въ классъ и, сидя на задней лавкѣ, продолжалъ читать во время занятій. На спокойное чтеніе въ классѣ я разсчитывалъ потому, что обучающій насъ поручикъ Сыхинъ, вѣря моимъ знаніямъ, никогда меня не вызывалъ и не спрашивалъ; но я ошибся: онъ замѣтилъ мое углубленіе въ книгу, подойдя ко мнѣ взялъ ее и, ни слова не говоря, сейчасъ же вызвалъ меня къ доскѣ. Здѣсь онъ приказалъ мнѣ начертить схему трехъ станцій и разсказать прохожденіе по нимъ тока. Эта задача—одна изъ трудныхъ и еще не была намъ показана, но я, какъ любитель заглядывать въ учебникъ впередъ, еще раньше ознакомился съ ней и усвоилъ ее хорошо; я нарисовалъ и разсказалъ правильно. Тогда обучающій, улыбнувшись, сказалъ:

„— Хорошо, садись; но все-таки во время занятій читать постороннія книги не полагается.

„— Виноватъ, ваше благородіе, — сказалъ я и въ то же время грустно поглядѣлъ на книгу, лежащую у него на столѣ, которую мнѣ очень хотѣлось дочитать, такъ какъ меня прервали на самомъ интересномъ мѣстѣ.

„Книгу онъ оставилъ у себя, а послѣ занятій вызвалъ солдатика, которому она принадлежала, и наказалъ его на одинъ день дневальнымъ, потому что на книгѣ не было казеннаго штемпеля. Я очень скорбѣлъ, что былъ причиной наказанія Миловидова, и съ удовольствіемъ принялъ бы на себя хотя большее наказаніе, но этого сдѣлать было нельзя. Послѣ я все-таки выпросилъ ее у Миловидова, уже съ наложеннымъ на нее казеннымъ штемпелемъ, и въ тотъ же день вечеромъ дочиталъ".

Съ трогательною искренностью передаетъ авторъ сцену прощанія съ матерью передъ уходомъ въ полкъ и затѣмъ свою скорбь, когда, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ посѣтилъ родныя мѣста и не засталъ ея уже въ живыхъ. Отчетливо рисуются и различные моменты солдатской жизни, какъ, напримѣръ, уходъ за лошадьми, играющій такую важную роль въ жизни кавалериста, затѣмъ время обѣда, обученіе верховой ѣздѣ, чтенія для солдатъ, смотры и т. д. Книга вообще читается съ неостывающимъ интересомъ, но не слѣдуетъ забывать, что автору довелось служить все-же въ одномъ изъ привилегированныхъ полковъ, и что жизнь зауряднаго армейскаго солдата несравненно сѣрѣе и бѣднѣе впечатлѣніями. Во всякомъ случаѣ первый опытъ автора заслуживаетъ полнаго вниманія.—Евг. Л.

Въ теченіе іюля мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

А. Г.—Наши задачи на Востокѣ. Стр. Спб. 904. Стр. 32. Ц. 60 к.

Арефьевъ, Н. В.—Русскій путеводитель по Берлину. Berlin. 904. Стр. 236.

Бемъ-Баверкъ, Е.—Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ. Перев. съ нѣм. А. Санина. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 212. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищева-Пушкина, М. М.—Cours théorique et pratique de langue française à l'usage de la jeunesse. Par M. Bobristcheff-Pouschkine. Пособіе къ практическому изученію французскаго языка для старшаго возраста. Съ предисловіемъ и съ литературными образцами для чтенія и диктовки. Спб. 904. Стр. XIV+420.

—— Cours pratique de grammaire et de dictées françaises. Livre second. Спб. 904. Стр. 602+383. Ц. 2 р. 50 к.

Браунсъ, Р., проф. Гиссенскаго унив. — Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсторожденія и значеніе ихъ для промышленности. Драгоцѣнные камни. Перев. съ нѣм. В. Н. Лемана, съ дополненіями относительно Россіи А. П. Нечаева и П. П. Сущинскаго, подъ общей ред. проф. А. А. Иностранцева. Вып. I. Стр. XI+64. Съ 11 таблицами (въ фототипіяхъ и краскахъ). Вып. II. Стр. 65—112. Съ 9 табл. (въ краскахъ). Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 904. Ц. вып. 2 р. 75 к.; за все соч. въ 10 вып. 25 р.

Бѣлинскій, В. Г.—Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ, подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VII. Спб. 904. Стр. VIII+643. Цѣна 1 р. 25 к.

Вейлерзе, Г.—Японія въ наши дни. Соціологическіе этюды. Спб. 904. Стр. III+373. Ц. 1 р. 25 к.

Воблый, К. Г.—Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія. (Опытъ статистико-экономическаго изслѣдованія). Варшава. 904. Стр. III+195. Цѣна 1 р. 50 к.

Георгіевскій, П. И., ордин. проф. Имп. Спб. унив.—Политическая экономія. 4-ое изданіе. Т. I. Спб. 904. Стр. XXIV+309.

——— Политическая экономія. 4-ое изданіе. Т. II. Спб. 904. Стр. VII+321. Ц. за два тома 3 р. 50 к.

Голубевъ, П. А.—200-лѣтіе русской горной промышленности. Пермь. 904. Стр. 93+XV.

Гречушкинъ, С. И. — Міръ Божій. Третья и четвертая книга для чтенія въ начальныхъ, двухклассныхъ и воскресныхъ школахъ, съ рисунками. М. 904. Стр. VIII+416. Ц. 80 к.

Гуревичъ, Л.—Сѣдокъ и другіе разсказы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 904. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

Дамашке, А.—Задачи городского хозяйства. Переводъ съ нѣм. В. Я. Канель, съ предисловіемъ проф. моск. унив. И. Х. Озерова. Изд. Д. С. Горшкова. М. 904. Стр. XVI+324. Ц. 1 р. 50 к.

Донатъ, д-ръ, предсѣдатель физическаго отдѣла „Уранія". Радій. Докладъ, читанный въ Берлинѣ, въ обществѣ „Уранія". Съ 10 иллюстраціями. Перев. съ нѣм. А. Соловьева. Спб. 904. Стр. 24. Ц. 30 к.

Корсаковъ, В. В.—Въ старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Спб. 904. Стр. VII+358. Ц. 1 р. 25 к.

Лемке, Мих.—Ник. Мих. Ядринцевъ. Біогр. очеркъ къ десятилѣтію со дня кончины. 1894—1904. Съ 8 иллюстраціями и введеніемъ И. И. Попова. Изд. редакціи „Восточнаго Обозрѣнія". Спб. 904. (Въ пользу фонда на устройство школы имени Ядринцева въ Иркутской губ.). Стр. XIV+219. Ц. 1 р. 50 к.

Лоуэль, П.—Душа Дальняго Востока. Перев. съ англ. кн. А. О. Спб. 904. Стр. 171.

Мережковскій, Д. С.—Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на остр. Лезбосѣ. Изд. М. Пирожкова. Спб. 904. Стр. 164. Ц. 1 р. 25 к.

Мирэ.—Жизнь. Разсказы. Изд. Л. А. Мукосѣева. Нижній-Новгородъ. 904. Стр. 227. Ц. 1 р.

Островскій, А. Н.—Полное собраніе сочиненій, подъ ред. М. И. Писарева. Т. III. Съ портретомъ П. А. Стрепетовой въ роли Катерины. Стр. 469. Т. IV. Съ факсимиле автора. Стр. 631. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 904. Ц. за 10 том. 16 р.

Порчинскій, I. А.—Малярійный комаръ, въ связи съ болотной лихорадкой; его жизнь, свойства и способы борьбы. Съ 60 рисунками въ текстѣ. (Труды бюро по энтомологіи ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Т. V, № 1). Изд. министерства земледѣлія и госуд. имуществъ. Спб. 904. Стр. 108. Ц. 30 к.

Растеряевъ, Н.—Государственное хозяйство. Курсъ финансовой науки. Спб. 904. Стр. VI+562. Ц. 2 р. 85 к.

——— Путевые очерки и замѣтки по Европѣ. Спб 904. Изд. Н. Растеряева. Стр. 294. Ц. 1 р. 25 к.

Регель, Э., д-ръ.—Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Ч. II. Описаніе и культура растеній, годныхъ для комнаты и домашнихъ оранжерей. Вып. II. Съ приложеніемъ: „Комнатный и лѣтній прѣсноводный акваріумъ", и съ подробными алфавитными указателями ко всему труду. Изд. 2-е, со многими измѣненіями и дополненіями Р. Э. Регеля. Съ 442 политипажами. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 904. Стр. 600. Ц. 4 р.

Рыбкинъ, М. Д.—Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Изд. 3-е, испр. и доп. Спб. 905 (?). Стр. 277. Ц. 1 р.

Сологубъ, Өедоръ.—Жало смерти. Землѣ земное. Обручъ. Баранчикъ. Красота. Утѣшеніе.—Разсказы. М. 904. Книгоиздательство „Скорпіонъ". Стр. 204. Ц. 1 р. 50 к.

Стремоуховъ, Н. П. — Въ Бухару! Романъ-быль. Съ портретомъ автора. Спб. 905 (?). Ц. 75 к.

Стриндбергъ, Августъ. — Отецъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ шведскаго А. и П. Ганзенъ. Съ портретомъ автора. Изд. С. Скирмунта. М. 904. Стр. 59. Ц. 40 к.

Танъ.—Очерки и разсказы. Томъ IV. Чукотскіе разсказы, книга вторая. Второе изданіе. Изд. Н. Глаголева. Спб. 904. Стр. 301. Ц. 1 р.

——— Пашенькина смерть. Разсказъ. Стр. 40. Ц. 7 к.—Черный студентъ. Разсказъ. Стр. 24. Ц. 4 к.—Кто первый пролилъ на землѣ кровь. Очеркъ. Ц. 4 к. Изд. Н. Глаголева.

Татариновъ, Петръ, нар. учитель.—Ариѳметическій задачникъ. Для начальн. нар. училищъ вѣдомства мин. нар. пр. и церковно-приходскихъ школъ. Изд. 2-ое, исправл. Составлено примѣнительно къ руководству къ преподаванію ариѳметики директора нар. училищъ С.-Петерб. губ. В. А. Латышева. Симферополь. 904. Стр. XIX+124+V. Ц. 30 к.

Тенеромо, И.—Катастрофа. Повѣсть. Елисаветградъ, 904. Стр. 44. Ц. 25 к.

Трескинъ, Д. Н.—Мѣщанскій вѣкъ. (Размышленіе по поводу сочиненія Максима Горькаго „Мѣщане"). Кіевъ. 904. Стр. 14. Ц. 10 к.

Уайльдъ, Оскаръ.—Баллада рэдингской тюрьмы. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Обложка работы М. А. Дурнова. Книгоиздательство „Скорпіонъ". М. 904. Стр. 49. Ц. 50 к.

Успенскій, М.—Рѣдкій антиминсъ. Спб. 904. (Оттискъ изъ „Записокъ Русскаго Отдѣл. Имп. Русскаго Археологич. Общества"). Съ иллюстраціею. Стр. 4.

Федоровъ, Адольфъ. — Торговый домъ Фохтъ и Мейеръ. Руководство для обученія нѣмецкому языку въ торговыхъ школахъ, торговыхъ классахъ, коммерческихъ училищахъ, четырехклассныхъ женскихъ и мужскихъ учебн. заведеніяхъ и т. д. Спб. 904. Съ рисункомъ. Изд. А. Ф. Маркса. Стр. 168. Ц. 1 р.

Франке, О., д-ръ.—Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Пер. съ нѣм. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 904. Стр. II+25.

Цебрикова, М. К.—Королевская кормилица. По роману Б. Ауэрбаха „На высотѣ". Изд. О. Н. Поповой. Спб. 904. Стр. 224. Ц. 40 к.

Чикаленко, Е.—Розмова про сельске хазяйство. 4-та кныжка. Выноградъ. Выдання друге, выправлене и доповнене. Зъ 16 малюнкамы. Спб. 904. Стр. 44. (Благотворит. Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, № 9). Ц. 6 к.

Шекспиръ.—Т. V. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 904. („Король Генрихъ VI" и „Титъ

Андроникъ" въ перев. О. Чюминой, съ предисл. Е. В. Аничкова и Р И. Бойля; „Два знатныхъ родича", въ перев. проф. Н. Холодковскаго, съ предисл Р. И. Бойля; „Эдуардъ III", въ перев. В. С. Лихачова, съ предисл. Р. И. Бойля; „Венера и Адонисъ" и „Лукреція", въ перев. А. М. Ѳедорова, съ предисловіями проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. „Жалобы влюбленной", въ перев. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ"; „Страстный пилигримъ", перев. В. А. Мазуркевича; „Фениксъ и голубка", перев. А. М. Ѳедорова; „Сонеты", съ предисл. И. И. Иванова; Вильямъ Шекспиръ, очеркъ С. А. Венгерова; Шекспиръ-Бэконовскій вопросъ, проф. Н. И. Стороженка; Бэконовскій шифръ, Р. И. Бойля. Примѣчанія къ V тому, С. А. Венгерова, Р. И. Бойля, А. Горнфельда. Шекспиръ въ русской литературѣ, библіографич. очеркъ Н. Н. Бахтина; Завѣщаніе Шекспира, перев. В. Д. Гарднера). Стр. 602. Съ 188 рисунками въ текстѣ, 42 автотипіями на отдѣльныхъ листахъ и 9 фототипіями и хромолитографіями. Ц. 5 р.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы. Книга III. Германія. Второе дополненное изданіе, подъ ред. П. И. Вейнберга. Книга III. Германія. Вып. VII. Стр. 225—320.—Вып. VIII. Германія (окончаніе). Нидерланды. Скандинавія. Стр. 321—448. М. 904. Ц. за 10 вып. (два тома) 5 р.

— Библіотека нашихъ дѣтей. Изд. О. Н. Поповой. — А. Додэ. Разсказы. Книжка I. Стр. 44. Ц. 10 к. Книжка II. Стр. 31. Ц. 5 к.—Военные разсказы. Стр. 36. Ц. 8 к —Моя мать Жакъ. Стр. 51. Ц. 12 к.—В. Гауффъ. Избранныя сказки. Съ рисунками. Стр. 144. Ц. 30 к.

— Врачебно-санитарная хроника Ярославской губерніи (годъ второй). 1904 годъ. №№ 1—7. Январь—іюнь. Приложенія къ „Вѣстнику Ярославскаго земства". Стр. 328.

— Врачебно-санитарный листокъ Симб. губерніи (прилож. къ „Вѣстнику симб. земства"). 1904. №№ 11—12. Стр. 173—208.

— Извѣстія Восточнаго института. Подъ ред. директора института А. Позднѣева. 1902—1903 академическій годъ. Т. VIII. Стр. CXXXIX—CLXII и 518. (Статьи: Матеріалы для изслѣдованія Бутхаскаго фудутунства, Сергѣя Горяинова; Экскурсія для изученія порта Инъ-Коу, Конст. Дмитріева; Дневникъ поѣздки въ Японію, Павла Васкевича; Замѣтки и комментаріи на китайское угол. право, перев. съ англ. А. Д. Дабовскаго. Приложеніе: Лѣтопись Дальняго Востока. Т. IX. Стр. CLXIII—CC и 570. (Статьи: Взглядъ на соврем. состояніе европ. литературы о Дальнемъ Востокѣ, Н. В. Кюнера; Чжилинская армія, Блонскаго; Замѣтки и комментаріи, и пр., А. Д. Дабовскаго, продолженіе; Дневникъ поѣздки въ Японію, Павла Васкевича; Рабочій вопросъ на каменноуг. копяхъ Мукденской провинціи, Ал. Спицына. Приложеніе: Лѣтопись Дальняго Востока). Владивостокъ. 903.

— Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института. 1904. Т. I. Вып. 3 — 4. Съ 1 таблицей. Съ портретомъ А. А. Ржешотарскаго. Стр. XI, 257—514 (техническія отдѣленія) и 155—315 (экономическое отдѣленіе). Спб. 904. (Статьи: Ломоносовъ, какъ физико-химикъ, Б. Меншуткина; Постановка техническаго образованія въ Соедин. Штатахъ, В. Магѣева; Работы русскихъ ученыхъ по исторіи франц. революціи, Н. И. Карѣева; О пріемахъ группировки статистич. наблюденій, А. А. Чупрова; Вопросъ о городской реформѣ въ Кахановской коммиссіи, В. М. Гессена и др.).

— Карта театра русско-японской войны (Японія, Корея, Восточный Китай и Маньчжурія), тщательно вывѣренная по послѣднимъ даннымъ магистромъ геологіи С. Н. Никитинымъ, старшимъ геологомъ Геологическаго комитета и

членомъ-корреспондентомъ Имп. Академіи Наукъ. Отдѣльныя подробныя карты Желтаго моря съ Печилійскимъ заливомъ и Квантунской области. Планы Портъ-Артура, Токіо и Іокогамы. Общій размѣръ карты, отпечатанной въ 6 красокъ, 21×15 вершковъ. Алфавитный указатель встрѣчающихся на картѣ названій въ различныхъ, наиболѣе употребительныхъ ихъ транскрипціяхъ. Изд. тов. „Просвѣщеніе" Спб. 904. Ц. 65 к.

— Научный Архивъ Виленской окружной лечебницы. №№ 1 и 2. Вильна. 904. Стр. V+376 Съ таблицами и діаграммами. (Статьи: Судебно-психіатрическія экспертизы, А. фонъ-Фрикена; Энергетическая психологія, Н. В. Краинскаго; Хирургическое вмѣшательство при леченіи паралича, А. Н. Виршубскаго; Къ вопросу объ Akinesia algera, М. Маевскаго; Къ вопросу о самоубійствѣ, И. Райхера; Элементы декадентства въ произведеніяхъ душевно-больныхъ, П. Мысловскаго; О книгѣ Конанъ-Дойля: „Приключенія сыщика Холмса", М. Маевскаго; Вліяніе „настроенія" на эволюцію психіатрическаго дѣла въ Россіи).

— Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Т. I. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, В. М. Гессена, I. В. Гессена, М. Н. Ипполитова, А. А. Леонтьева, П. Н. Милюкова, В. А. Розенберга, И. М. Страховскаго, Н. В. Чехова и Г. И. Шрейдера. Изданіе Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участіи редакціи газеты „Право". Спб. 904. Стр. IV+439. Ц. 2 р. 50 к.

— Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ ред. проф. Моск. унив. А. А. Мануилова. Вып. I. (Статьи: Изъ хроники крестьянскаго дѣла, Вл. Розенберга; Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины, В. М. Хвостова; Крестьянская позем. община по проекту гражданскаго уложенія, его же; Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи, А. А. Мануилова). Изд. Д. С. Горшкова. М. 904. Стр. VI+285. Ц. 1 р. 25 к.

— Отчетъ Коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ за 1903 г.—Начальныя народныя училища. Двадцать-седьмой годъ: 1877 — 1904. Спб. 904. Стр. VI+524.

— Пожарное дѣло. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Органъ пожарно-страхового дѣла въ Россіи. Изданіе Имп. Россійскаго пожарнаго общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Его Имп. Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича. Безъ предварит. цензуры. Годъ XI. Главный редакторъ князь А. Д. Львовъ. Редакторъ Д. П. Струковъ. № 26. Стр. 400 — 424. (Статьи: Десять лѣтъ..., Ив. Ос. Фесенко; Журн. „Пожарное дѣло" и земская пожарно-страховая дѣятельность, К. Іордана; Привѣтъ въ день десятилѣтія, Вл. Тавастшерна; Листокъ, Н. Мячина; Значеніе пожарнаго органа въ нашей печати, Ник. Жервэ; Пожарные въ русской беллетристикѣ, И. Вишнякова).

— Русскій путеводитель по нѣмецкимъ и прочимъ западно-европейскимъ курортамъ и санаторіямъ. Составили: д-ръ мед. М. Г. Вечеславъ и Ѳ. Тарасевичъ. Berlin. 904. Стр. 236.

— Санитарное бюро Ярославской губернской земской управы. Протоколы губернскаго санитарнаго совѣта 1903 года, съ приложеніями. Годъ I. Изд Ярославской губ. земской управы. Ярославль. 904. Стр. 84.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1902 годъ. Вып. II. Изд. нижегор. губ. земства. Н.-Новгородъ. 904. Стр. 81+123. Цѣна 1 р. 50 к.

— Труды четвертаго губернскаго съѣзда земскихъ врачей Ярославской

губерніи. Книга III. Сообщенія по разнымъ врачебно-санитарнымъ вопросамъ. Ярославль. 904. Стр. 180.

— Указатель книгъ, допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ теченіе 1903 года въ библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя библіотеки-читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній. М. 904. Стр. 100. Ц. 25 к.

— Хозяйственно-экономическія свѣдѣнія о царанахъ Костештской, Меренской и Яловенской волостей Кишиневскаго уѣзда. Съ предисловіемъ В. Лемперта. Кишиневъ. 904. Стр. III+36+21. Ц. 50 к.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ ЗЕМСКИХЪ РѢЧЕЙ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Земство и деревня. Спб., 1904 (Библіотека „Общественной пользы").

Книга В. Д. Кузьмина-Караваева вышла въ свѣтъ какъ нельзя болѣе во-время. Вопросы, которыхъ она касается, поставлены на очередь и въ законодательныхъ сферахъ, и общественнымъ мнѣніемъ. Положеніе деревни обсуждалось въ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, обсуждается въ Особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а также въ губернскихъ совѣщаніяхъ, призванныхъ высказаться относительно пересмотра узаконеній о крестьянахъ. Судьба земства зависитъ, во многихъ отношеніяхъ, какъ отъ этого пересмотра, такъ и отъ административной реформы, подготовляемой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. И вотъ, именно деревнѣ и земству посвящены статьи, доклады и рѣчи, написанные и сказанные В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ и соединенные имъ теперь въ одно цѣлое. Основанные на близкомъ, непосредственномъ знакомствѣ и съ деревней, и съ земствомъ, согрѣтые желаніемъ лучшаго будущаго и для той, и для другого, всѣ труды автора проникнуты одной общей идеей. Въ поднятіи правового уровня крестьянства, какъ и въ обезпеченіи самостоятельности земскихъ учрежденій, онъ видитъ необходимыя условія и предпосылки широкаго развитія русской жизни на началахъ самоуправленія и свободы.

„Крестьянинъ—предметъ. Столѣтія крѣпостного права пріучили насъ такъ смотрѣть на него и его такъ смотрѣть на себя. Онъ былъ столѣтія объектомъ мѣропріятій помѣщичьей власти, безъ правъ, безъ имущества, безъ права думать о наилучшемъ устройствѣ своей жизни, но и безъ обязанности самому о себѣ заботиться, безъ обязанности жить не одной данной минутой, а заглядывая далеко впередъ. Манифестъ 19-го февраля объявилъ его человѣкомъ и тѣмъ открылъ ему возможность человѣкомъ сдѣлаться. Но чтобы онъ сталъ человѣкомъ, нужно было еще многое другое. Нужно было, чтобы прежній рабовладѣлецъ призналъ его лицомъ и чтобы онъ самъ созналъ себя личностью. Отсутствіе этого сознанія въ крестьянствѣ и есть основная современная *нужда* сельской промышленности". Эту руководящую мысль В. Д. Кузьминъ-Караваевъ проводитъ, со всею силою убѣжденности, во всѣхъ своихъ этюдахъ, прямо или косвенно отно-

сящихся къ деревнѣ. Выдвигая на первый планъ „правовыя нужды деревни“ (въ статьѣ, носящей это заглавіе) и освѣщая ихъ съ помощью трудовъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, онъ приходитъ къ заключенію, что „пока принимаемыя государствомъ экономическія мѣры имѣютъ передъ собой не личность, сильную, активную, самодѣятельную, а пассивный *объектъ мѣропріятій*, до тѣхъ поръ рѣшающаго значенія онѣ имѣть не могутъ“. При безправіи немыслимо и просвѣщеніе, столь необходимое для народа—просвѣщеніе, конечно, болѣе широкое, чѣмъ простая грамотность. Безправіе служитъ почвой для развитія произвола—въ семьѣ, въ общинѣ, среди органовъ власти; „для деревни существуетъ только *одинъ* законъ, не допускающій фактически возможности дѣйствовать по усмотрѣнію—уставъ о воинской повинности“. Какъ смотритъ авторъ на волостной судъ, на остатки крестьянскаго самоуправленія, на земскихъ начальниковъ—это, въ виду вышесказаннаго, не требуетъ объясненія. Въ статьѣ: „Будущіе участковые судьи и земскіе начальники“ онъ возражаетъ противъ перваго изъ этихъ институтовъ преимущественно потому, что онъ задуманъ съ цѣлью оправдать и поддержать существованіе второго. Въ „земской адвокатурѣ“, за организацію которой онъ горячо стоитъ, онъ видитъ, между прочимъ, средство смягчить произволъ почти всемогущей, de facto, мѣстной судебно-административной власти.

Общностью цѣлей и стремленій объединены и статьи В. Д. Кузьмина-Караваева о земствѣ, „неразрывно связанномъ съ деревней“. „Идея земскаго самоуправленія“—читаемъ мы въ предисловіи—„окрѣпла въ послѣдніе годы. За ней стоитъ громадный, колоссальный фактъ—сорокалѣтнимъ опытомъ доказанное умѣнье вести дѣло, готовность приносить личныя силы и матеріальныя средства на служеніе нуждамъ и пользамъ мѣстнаго населенія. Фактъ растетъ—растетъ неудержимо съ каждымъ годомъ“. Росту идеи, воплотившейся въ фактѣ, не соотвѣтствуетъ, однако, оффиціальное ея признаніе: наоборотъ, чаще прежняго идутъ съ нею въ разрѣзъ и законопроекты, и законы, и административныя мѣры. Всего дальше уклонялся отъ нея составленный при Д. С. Сипягинѣ проектъ „земскаго управленія“ въ тринадцати неземскихъ губерніяхъ—и соотвѣтственно этому всего ярче важнѣйшія черты истинно-земскаго строя освѣщены въ статьѣ В. Д. Кузьмина-Караваева, вызванной упомянутымъ проектомъ. Онъ доказалъ неопровержимо, что бюрократическое учрежденіе не можетъ и не должно дѣйствовать на основаніи началъ, свойственныхъ учрежденіямъ общественнымъ, что комитетъ, земскій только по имени, не можетъ считаться, въ качествѣ земства, юридическимъ лицомъ, что обложеніе населенія, намѣчаемое такимъ комитетомъ и окончательно утверждаемое стоящими надъ нимъ административными властями,

противорѣчитъ элементарнымъ требованіямъ государственнаго права. До извѣстной степени свободнымъ отъ этихъ недостатковъ является положеніе объ „управленіи земскимъ хозяйствомъ“ въ девяти западныхъ губерніяхъ, получившее силу закона 2-го апрѣля 1903-го года; но и оно, какъ подробно объяснено въ посвященной ему статьѣ В. Д. Кузьмина-Караваева, безсильно восполнить пробѣлъ, обусловливаемый отсутствіемъ настоящаго земства.

Тѣ же самыя причины, въ силу которыхъ идея земскаго самоуправленія остается до сихъ поръ вовсе непримѣненной къ окраинамъ государства, привели къ существенному умаленію ея въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Законъ 12-го іюня 1900-го года о предѣльности земскаго обложенія ограничилъ самостоятельность земства не въ той мѣрѣ, какъ предполагалось сначала, но все-же весьма значительно. Возраженія противъ такъ называемой фиксаціи, впервые высказанныя въ то время, когда она еще подготовлялась [1]), В. Д. Кузьминъ-Караваевъ поддерживалъ и развивалъ, поэтому, и послѣ ея осуществленія. Онъ показалъ, что съ изданіемъ закона 12-го іюня центральная роль въ завѣдываніи дѣлами о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ, „поскольку всякое начинаніе зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ“, перешла изъ рукъ земства въ руки администраціи, мѣстной и центральной—и выставилъ на видъ всю теоретическую несообразность, всѣ практическія неудобства положенія, въ которомъ очутилось земство. Еще раньше, въ статьѣ о „губернаторскихъ протестахъ“, онъ раскрылъ крайнюю неопредѣленность постановленій, регулирующихъ, съ 1890-го года, вмѣшательство администраціи въ земскую жизнь—вмѣшательство, далеко выходящее за предѣлы нормальнаго, необходимаго контроля. Это не мѣшаетъ ему отдавать справедливость тѣмъ—къ сожалѣнію, немногимъ—новымъ узаконеніямъ, которыя, не стѣсняя свободы дѣйствій земскихъ учрежденій, устраняютъ возможность черезчуръ поспѣшныхъ, недостаточно обдуманныхъ рѣшеній. Въ статьѣ: „Новые необязательные земскіе расходы“ онъ возстаетъ противъ попытки одного изъ земскихъ собраній слишкомъ узко истолковать тотъ пунктъ закона 12-го іюня 1900-го года, по которому внесеніе въ земскія смѣты новыхъ необязательныхъ расходовъ допускается не иначе какъ по докладу управы или по предварительномъ разсмотрѣніи коммиссіею изъ гласныхъ.

Какъ ни содержательны и интересны статьи В. Д. Кузьмина-Караваева, вниманіе читателей въ еще бо̀льшей, быть можетъ, мѣрѣ привлекаютъ рѣчи, произнесенныя имъ въ земскомъ собраніи. До сихъ

---

[1]) Первая серія статей о фиксаціи, появившаяся, въ 1900-мъ году, въ „Сѣверномъ Курьерѣ“, не вошла, къ сожалѣнію, въ составъ настоящей книги.

поръ пренія въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, даже по самымъ важнымъ вопросамъ, доходили до всеобщаго свѣдѣнія только въ видѣ газетныхъ отчетовъ, бо̀льшею частью отрывочныхъ, неполныхъ и не всегда точныхъ. Никто изъ земскихъ и городскихъ гласныхъ не издавалъ сборника своихъ рѣчей; весьма рѣдко они просматривали изложеніе сказаннаго ими, приготовленное репортеромъ для печати, еще рѣже протестовали противъ допущенныхъ при этомъ ошибокъ. Характеръ преній въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ остается, такимъ образомъ, мало извѣстнымъ, еще меньше изслѣдованнымъ. А между тѣмъ онъ несомнѣнно имѣетъ свои отличительныя черты, вполнѣ заслуживающія изученія. Почти никогда, во-первыхъ, рѣчи, произносимыя въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, не пишутся заранѣе; едва ли, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, составляется даже ихъ подробный конспектъ, какъ это дѣлается судебными ораторами, даже наиболѣе склонными и способными къ импровизаціи [1]). Подготовка къ рѣчи ограничивается, обыкновенно, чтеніемъ очередныхъ докладовъ управы или коммиссій и справкою съ прежними постановленіями по данному предмету. Являясь въ засѣданіе, гласный часто не знаетъ, придется ли ему просить слова: это зависитъ, сплошь и рядомъ, отъ хода преній, отъ свойства выслушанныхъ аргументовъ. Вторая особенность земскихъ и думскихъ рѣчей обусловливается ихъ содержаніемъ. Относясь, бо̀льшею частью, къ дѣловымъ, сравнительно узкимъ вопросамъ, онѣ не даютъ удобной почвы для красноречія, ни въ формѣ порывовъ, вызванныхъ страстью, ни въ формѣ о̀бразовъ, иллюстрирующихъ мысль. Цѣль оратора заключается не въ томъ, чтобы растрогать, поразить, увлечь слушателей, а въ томъ, чтобы убѣдить ихъ въ формальной правильности или практической цѣлесообразности предлагаемаго рѣшенія. Отсюда краткость и сжатость рѣчи, прямо идущей къ намѣченному заключенію; отсюда сдержанный, спокойный тонъ, отсутствіе или скудость украшеній. Само собою разумѣется, что все это относится къ господствующему типу, а не къ отступленіямъ отъ него, всегда возможнымъ или, лучше сказать, неизбѣжнымъ, какъ въ виду различія темпераментовъ и натуръ, такъ и въ виду различія обсуждаемыхъ темъ. Всего яснѣе и рельефнѣе указанныя нами черты выступаютъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ и въ небольшихъ городскихъ думахъ; въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ думахъ столицъ и крупныхъ губернскихъ городовъ ихъ измѣняютъ, до извѣстной степени, и бо̀льшая важность задачъ, и болѣе высокій образовательный уровень большин-

[1]) Здѣсь слѣдуетъ искать одну изъ причинъ рѣдкаго появленія въ печати *текста* земскихъ и думскихъ рѣчей. Много, въ этомъ отношеніи, значитъ и то, что не вездѣ имѣются на лицо стенографы и не всегда возможно воспользоваться ихъ работой.

ства гласныхъ. И здѣсь, однако, преобладающимъ остается *дѣловой* характеръ рѣчи. Ошибочно было бы думать, что этимъ исключается ораторское искусство, въ широкомъ смыслѣ слова. Какъ бы несложенъ ни былъ предметъ рѣчи, какъ бы ни скромна была ея цѣль, дѣйствіе ея усиливается или ослабѣваетъ въ зависимости отъ внѣшнихъ ея достоинствъ или недостатковъ. Ея успѣху вездѣ и всегда способствуетъ послѣдовательность, стройность, ясность, отсутствіе повтореній; далеко не лишнимъ является въ ней и нѣкоторое изящество слова. Еще болѣе цѣнны, конечно, другія качества, которыми ораторъ отличается отъ говоруна: богатство аргументовъ, находчивость въ выборѣ возраженій, умѣнье отличать существенное отъ несущественнаго, ничего важнаго не упускать изъ виду и ни на чемъ не останавливаться черезчуръ долго. Немалый просторъ для развитія этихъ качествъ даютъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ, земскія собранія и городскія думы. Насъ давно убѣдила въ этомъ земская жизнь и вновь убѣждаютъ рѣчи В. Д. Кузьмина-Караваева. Нужно надѣяться, что его примѣру не замедлятъ послѣдовать многіе другіе земскіе и городскіе гласные, рѣчи которыхъ, вмѣстѣ взятыя, послужатъ матеріаломъ для болѣе подробной, болѣе доказательной характеристики русскаго „дѣлового" краснорѣчія. Припомнимъ, что по отношенію къ судебному краснорѣчію такая работа сдѣлалась возможной только благодаря изданію нѣсколькихъ сборниковъ судебныхъ рѣчей.

Тверское губернское земское собраніе, въ составъ котораго съ 1897 г. входилъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, съ самаго начала заняло выдающееся положеніе въ земскомъ мірѣ. Въ его средѣ скоро образовались и довольно прочно сложились двѣ группы—пожалуй, двѣ партіи, если взять это слово въ самомъ обширномъ его смыслѣ. Одна стояла за возможно бо̀льшее развитіе земской дѣятельности, направляемой ко благу массы населенія; другая избѣгала широкихъ задачъ, и держалась, обыкновенно, спеціальной точки зрѣнія привилегированныхъ классовъ. На сторонѣ первой группы былъ перевѣсъ знанія и таланта, но и вторая, отчасти благодаря внѣшней поддержкѣ, была соперникомъ далеко не безсильнымъ. Борьба, въ исходѣ которой никогда нельзя было быть увѣреннымъ заранѣе, обостряла интересъ къ земскому дѣлу, заставляла глубже вдумываться въ его основы, восходить отъ частныхъ вопросовъ къ болѣе общимъ началамъ. Внутри каждой группы оставалось мѣсто для свободы дѣйствій; единодушіе въ главномъ не исключало разногласія въ частностяхъ. Всѣ эти условія благопріятствовали зарожденію и росту того, что̀ мы назвали выше дѣловымъ краснорѣчіемъ. Отстаивать свое мнѣніе приходилось въ спорѣ то съ противниками, то съ союзниками; нужно было усвоить себѣ самые различные полемическе пріемы, нужно было быть всегда готовымъ и

къ наступленію, и къ оборонѣ. Чтобы выдвинуться впередъ, требовалось изученіе всѣхъ сторонъ земской жизни, потому что онѣ всѣ привлекали къ себѣ вниманіе собранія. И дѣйствительно, рѣчи В. Д. Кузьмина-Караваева касаются самыхъ различныхъ темъ, какъ въ области земскаго хозяйства (дорожное, страховое, школьное дѣло, подводная повинность, земская эмеритура, народное продовольствіе), такъ и въ болѣе широкой средѣ общихъ вопросовъ, предлагаемыхъ правительствомъ на заключеніе земскихъ собраній (избирательный цензъ, срокъ полномочій земскихъ управъ, вознагражденіе гласныхъ) или возбуждаемыхъ самимъ земствомъ (мелкая земская единица, пересмотръ закона о фиксаціи, отношеніе губернскаго земства къ уѣзднымъ). Отличительныя черты этихъ рѣчей—сжатое, но по возможности всестороннее, исчерпывающее обсужденіе даннаго вопроса, спокойный тонъ, постоянная забота о достоинствѣ и самостоятельности земства. Полемика, всегда оживленная, иногда горячая, остается свободной отъ личнаго элемента, отъ неуваженія къ противникамъ. Для оратора нѣтъ ничего неважнаго въ земскомъ дѣлѣ: онъ вдается, когда нужно, въ мелкія подробности, охраняетъ земскую кассу отъ сравнительно небольшихъ, но тяжелыхъ для нея потерь (рѣчь о подводной повинности), предостерегаетъ отъ неосторожнаго шага, какъ бы симпатична, повидимому, ни была его цѣль (рѣчь о пріобрѣтеніи имѣнія г. Уѣдинова). Въ большомъ докладѣ о земскихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ, въ обзорѣ кустарныхъ промысловъ бѣжецкаго уѣзда, въ возраженіяхъ противъ фантастическаго проекта желѣзной дороги онъ выступаетъ во всеоружіи фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, одно собраніе которыхъ требовало усидчивой, продолжительной работы. Какъ юристъ, онъ возстаетъ противъ попытки обратить часть страхового капитала на предметъ, не имѣющій ничего общаго съ его спеціальнымъ назначеніемъ, но соглашается. хотя и скрѣпя сердце, на безвозвратное позаимствованіе изъ этого капитала, когда нѣтъ на лицо другихъ средствъ предупредить разореніе крестьянской массы. Нѣсколько разъ онъ возвращается къ опроверженію взгляда, видящаго въ исправности дорогъ чуть не главную задачу земскихъ учрежденій. Большія затраты на этотъ предметъ кажутся ему нецѣлесообразными уже потому, что не установлены еще съ достаточною твердостью лучшіе способы постройки и починки дорогъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Указавъ, въ видѣ примѣра, на коренное разногласіе въ средѣ инженеровъ по вопросу о гравійныхъ дорогахъ (одни утверждали, что онѣ возможны только на глинистомъ грунтѣ, другіе—что именно на такомъ грунтѣ онѣ непрактичны), онъ пришелъ къ заключенію, что идти дальше опытовъ еще не время. Съ большою энергіей онъ оспаривалъ мысль, слишкомъ часто заявляемую въ общественныхъ собраніяхъ и

стѣсняющую ихъ свободу дѣйствій—мысль, что судить о спеціальныхъ вопросахъ компетентны только спеціалисты.

Наибольшій интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, представляютъ тѣ рѣчи В. Д. Кузьмина-Караваева, въ которыхъ ему приходилось касаться общихъ вопросовъ. Чрезвычайно мѣтки доводы, которыми онъ отражаетъ (въ рѣчи о роли земства въ продовольственномъ дѣлѣ) обвиненіе земства въ нежеланіи оказать содѣйствіе администраціи. Въ неурожайномъ 1902-мъ году, уже послѣ изданія новыхъ правилъ о народномъ продовольствіи, тверской губернаторъ предложилъ губернской управѣ принять участіе въ покупкѣ и продажѣ хлѣба и посѣвныхъ сѣмянъ для населенія губерніи. Редакціонная коммиссія земскаго собранія высказалась за отклоненіе этого предложенія, на томъ основаніи, что въ операціяхъ, производимыхъ земствомъ, оно должно пользоваться полною самостоятельностью, а въ данномъ случаѣ такая самостоятельность была бы невозможна. Во время преній одинъ изъ гласныхъ, опровергая мнѣніе коммиссіи, воспользовался пущеннымъ до него въ оборотъ сравненіемъ неурожая съ пожаромъ и воскликнулъ: „да, пожаръ есть, и для тушенія его у насъ существуютъ двѣ пожарныя команды, но вмѣсто того, чтобы тушить пожаръ, онѣ занимаются пререканіями". „Нельзя сказать,—возразилъ на это В. Д. Кузьминъ-Караваевъ,—что у насъ есть двѣ команды, призванныя тушить пожаръ. Вѣрнѣе было бы сказать, что одна команда призвана заботиться о тушеніи пожара, а другая команда—предупредительная: на обязанности ея лежитъ страховое дѣло—предупрежденіе пожарныхъ убытковъ. Первое учрежденіе—губернскій продовольственный комитетъ, второе—земство. Завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ передано въ руки комитета, за земствомъ же оставлена забота объ экономическомъ благосостояніи населенія, т.-е. о принятіи мѣръ, которыя должны возмѣстить пожарные убытки—поддержать хозяйство населенія для будущаго.... Земская дѣятельность только тогда можетъ давать плодотворные результаты, когда мы не являемся второй пожарной командой, такъ какъ нельзя допустить, чтобы въ одномъ дѣлѣ было два хозяина: одинъ—òрганъ, дѣйствующій на началахъ бюрократическихъ, другой—òрганъ, дѣйствующій на началахъ самоуправленія". Болѣе удачнаго отвѣта на опасный упрекъ нельзя себѣ и представить. Оставшись въ силѣ, сравненіе съ двумя пожарными командами могло обратиться въ обвинительный актъ противъ земства, способнаго изъ-за пререканій съ администраціей забыть о вопіющей нуждѣ населенія.

Какъ понималъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ столь дорогую для него самостоятельность земства—это показываетъ всего яснѣе его рѣчь о фиксаціи земскаго обложенія (послѣдняя по времени изъ всѣхъ вошедшихъ въ составъ книги). „Самостоятельность земскихъ учре-

жденій"—читаемъ мы здѣсь—„трактуется обыкновенно какъ ихъ право, какъ ихъ привилегія, и съ этой только стороны вопросъ оцѣнивается. Глубокое заблужденіе! Права общественнаго учрежденія суть въ то же время и его обязанности. Начало самостоятельности, положенное въ основу закона 1 января 1864 г., возлагало на земство тяжелую обязанность и громадную отвѣтственность. Если я долженъ рѣшить данный вопросъ и если я знаю, что мое рѣшеніе—окончательное, въ такомъ случаѣ я напрягаю всѣ свои силы для наилучшаго рѣшенія. Но если я знаю, что надо мной стоитъ другая инстанція, которая вопросъ будетъ пересматривать и перерѣшать, то я отнесусь къ рѣшенію болѣе легко... Безконечно важно созданіе въ земскомъ собраніи настроенія—настроенія, которое покоилось бы на сознаніи гласными своей самостоятельности, самодѣятельности, на сознаніи отвѣтственности, не проблематической судебной, а самой реальной: передъ населеніемъ. Мы призываемся сюда облагать другихъ и облагать себя. Мы призываемся удовлетворять свои потребности, поскольку удовлетворяемъ потребности другихъ. Такого рода дѣятельность требуетъ постояннаго сознанія своей отвѣтственности; она требуетъ, чтобы человѣкъ стоялъ лицомъ къ лицу съ своею совѣстью, чтобы онъ не могъ найти сторонняго авторитета, которымъ могъ бы прикрыться въ своемъ общественномъ служеніи. Въ этомъ смыслѣ первый серьезный ударъ земству былъ нанесенъ Положеніемъ 1890-го г.; второй, еще болѣе сильный—болѣе сильный потому, что онъ коснулся самой больной стороны нашего дѣла: нашего обложенія,—нанесъ законъ 12-го іюня 1900-го года. Создалась возможность въ земскомъ собраніи составлять не смѣты, а смѣтныя предположенія. Это—громадная разница. Тутъ уже устраняется сознаніе отвѣтственности". Въ доказательство этой мысли ораторъ сослался на примѣръ старицкаго уѣзда, повысившаго въ 1901 г. свою смѣту на 17%—чего раньше никогда не бывало. Очевидно, старицкое земство разсчитывало либо на неутвержденіе смѣты, либо на выдачу субсидіи. И то, и другое одинаково несогласно съ призваніемъ земства. „Не можешь тратить много—не трать. Если увеличеніе обложенія непосильно для населенія—не увеличивай, но къ стороннимъ источникамъ не обращайся". Стремленіе свалить съ себя дѣло, отдать его въ другія руки—вотъ чего опасается В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, вотъ противъ чего онъ такъ сильно и убѣжденно возстаетъ.

Раздѣляя, въ общемъ, взгляды В. Д. Кузьмина-Караваева, мы расходимся съ нимъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ его рѣчей — о мелкой земской единицѣ— была подробно разобрана нами во внутреннихъ обозрѣніяхъ „Вѣстника Европы" (1902 г., январь и май). Годъ спустя, онъ возвратился

въ земскомъ собраніи къ тому же вопросу, поставленному нѣсколько иначе. На этотъ разъ его возраженія противъ мелкой земской единицы имѣли менѣе принципіальный характеръ; они сводились, главнымъ образомъ, къ опасенію, что изъ-за нея будетъ забыто многое другое, отнюдь не менѣе важное. „Когда будетъ дана та или другая мелкая организація на мѣстахъ, когда будетъ устроена мелкая земская единица, тогда"—такъ думаетъ ораторъ—„общественная мысль успокоится и невольно остановится на томъ, что отнынѣ земская дѣятельность можетъ развиваться безпрепятственно и крестьянская жизнь будетъ идти лучше". Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что не въ такихъ розовыхъ мечтахъ слѣдуетъ искать руководящую мысль защитниковъ мелкой земской единицы. Они вовсе не придаютъ ей значенія панацеи, вовсе не ожидаютъ *отъ нея одной* обновленія сельской жизни; они видятъ въ ней только составную часть крупнаго дѣла, но часть настолько важную, что *нѣкоторые* хорошіе результаты она можетъ принести даже сама по себѣ, отдѣльно отъ всего остального. Само собою разумѣется, что при этомъ имѣется въ виду не *всякая* мелкая организація, а только такая, которая соединяла бы въ себѣ всѣ существенныя черты истинно земской единицы (всесословность, самообложеніе, самоуправленіе). Не вполнѣ согласны мы съ В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ и по вопросу о ходатайствахъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Отмѣненный недавно порядокъ, при дѣйствіи котораго уѣздныя ходатайства непремѣнно должны были проходить черезъ губернское земское собраніе, мы не можемъ признать необходимымъ для полноты правъ губернскаго земства [1]). Сохраняя, de facto, возможность высказаться по всѣмъ уѣзднымъ ходатайствамъ, касающимся общихъ вопросовъ, губернское земство ничего не потеряетъ отъ того, что мимо него пройдутъ ходатайства, относящіяся къ чисто мѣстнымъ интересамъ—а для уѣздныхъ земствъ далеко не безполезнымъ окажется ускореніе процедуры, связанной съ движеніемъ ходатайства. Что предварительная повѣрка уѣзднаго ходатайства губернскимъ земствомъ не всегда была удобна для уѣзда—доказательство этому можно найти въ рѣчахъ В. Д. Кузьмина-Караваева, вызванныхъ обременительностью подводной повинности въ бѣжецкомъ уѣздѣ.

Со стороны формы рѣчи В. Д. Кузьмина-Караваева удовлетворяютъ вполнѣ требованіямъ „дѣлового" краснорѣчія. Съ особенною силой онѣ должны были дѣйствовать на слушателей: В. Д. Кузьминъ-Караваевъ—съ этомъ согласится, безъ сомнѣнія, всякій, кто посѣщалъ,

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 5 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

въ послѣдніе годы, засѣданія административнаго отдѣленія с.-петербургскаго юридическаго общества,—соединяетъ въ себѣ всѣ внѣшнія качества оратора. Изъ предисловія къ его книгѣ видно, что онъ не состоитъ болѣе земскимъ гласнымъ; въ газетахъ было сообщено о выходѣ его изъ состава с.-петербургской думы, куда онъ только-что былъ избранъ. Пожелаемъ и для него самого, и для учрежденій, которымъ онъ служилъ и могъ бы служить съ такою любовью къ дѣлу, скорѣйшаго возвращенія его къ общественной дѣятельности.

К. Арсеньевъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Octave Mirbeau. Forces et moralités. Paris, 1904 (Eug. Fasquelle, éditeur).

Подъ этимъ средневѣковымъ заглавіемъ, Мирбо, одинъ изъ самыхъ безпощадныхъ обличителей французской дѣйствительности, издалъ сборникъ одноактныхъ пьесъ, представленныхъ за послѣдніе годы на разныхъ парижскихъ сценахъ. Заглавіе сборника—очень подходящее, такъ какъ всѣ эти пьесы—„нравоученія въ шуточной формѣ". Внѣшняя правдоподобность въ нихъ мало соблюдена. Положенія—скорѣе фантастическія; всѣ дѣйствующія лица наивно обнаруживаютъ свое душевное уродство, отдѣльные типы каррикатурны, индивидуальная психологія—со всей сложностью и дурныхъ, и хорошихъ побужденій, со всей правотой и вмѣстѣ съ тѣмъ неправотой каждаго человѣка въ каждомъ данномъ случаѣ—отсутствуетъ. Но это та свобода, которая составляетъ привилегію фарсовъ и старинныхъ „moralités", не преподающихъ уроковъ нравственности, а только рисующихъ въ аллегорической формѣ пороки и страсти людей. Если за внѣшней неправдоподобностью положеній и шаржировкой отдѣльныхъ типовъ чувствуется человѣческая и общественная правда, то цѣль автора фарсовъ достигнута; то, что̀ кажется слишкомъ рѣзкимъ въ характеристикѣ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесъ, становится вѣрнымъ, какъ выраженіе коллективныхъ чертъ общества. И въ этомъ смыслѣ пьесы Мирбо представляютъ большой интересъ. Онъ ополчается въ нихъ главнымъ образомъ на то, что̀ ему кажется основнымъ порокомъ французскаго буржуазнаго общества,—на эгоизмъ, и показываетъ разнообразныя проявленія его въ семьѣ, въ управленіи общественными дѣлами, въ безсердечіи представителей закона, въ нравахъ французской прессы и т. д. Бойкость діалога Мирбо, его смѣлые парадоксы, его подчасъ очень жестокіе и мѣткіе „mots",—все это дѣлаетъ его пьесы очень забавными, сценичными—и вмѣстѣ съ тѣмъ очень убѣдительными своимъ блестящимъ противопоставленіемъ французскихъ законовъ и правъ честныхъ и бѣдныхъ рабочихъ, эгоизма нечистоплотныхъ жуировъ и униженія ихъ жертвъ, лицемѣрныхъ гражданскихъ чувствъ и грубаго отстаиванія „шкурныхъ интересовъ" и т. д. Мирбо—убѣжденный противникъ современнаго буржуазнаго строя Франціи и доказываетъ, что всѣ принципы, на которые онъ опирается, сво-

дятся къ громкимъ и пустымъ фразамъ; въ дѣйствительности же въ обществѣ царитъ право сильнаго и черствый эгоизмъ. Этотъ взглядъ господствуетъ теперь во всей передовой французской литературѣ, которая отличается отъ натуралистовъ школы Зола главнымъ образомъ своимъ воинствующимъ отношеніемъ къ обществу. Зола изображалъ „аппетиты", равняющіе всѣ классы общества, но считалъ зломъ только уклоненіе отъ принциповъ общественности. Идеалы его были умѣренно буржуазные. Новѣйшее поколѣніе французскихъ писателей возстало противъ этихъ идеаловъ, утратило вѣру въ силу принциповъ, служащихъ—по ихъ убѣжденію—только оплотомъ для несправедливости, насилія и рабства. Самый талантливый изъ современныхъ французскихъ писателей, Анатоль Франсъ, тоже перешелъ въ новѣйшихъ своихъ повѣстяхъ отъ прежняго своего всепрощенія во имя всеотрицанія, отъ презрительно-снисходительной любви къ людямъ и улыбающагося отношенія къ ихъ слабостямъ—къ рѣзкому и опредѣленному осужденію французской дѣйствительности, французскаго правосудія и т. д. Мирбо идетъ въ своихъ комедіяхъ—какъ и въ знаменитомъ „Journal d'une femme de chambre", въ драмѣ „Les affaires sont les affaires" и въ другихъ произведеніяхъ—по слѣдамъ Франса. Одна изъ комедій въ новомъ его сборникѣ, „Le portefeuille", нѣсколько напоминаетъ даже по замыслу блестящую сатиру Франса „L'affaire Crainquebille". Но комедія Мирбо слабѣе: онъ не выдерживаетъ строго реалистическаго тона, составляющаго силу сатиры Франса. Чтобы яснѣе оттѣнить злоупотребленія властью закона противъ беззащитныхъ бѣдняковъ, Мирбо изображаетъ „жертву" полиціи ангеломъ невинности и добродѣтели,—и въ результатѣ получается фальшиво-сентиментальный, нежизненный образъ, герой изъ мелодрамы стараго типа. Это пристрастіе къ „жертвамъ", идеализація ихъ, портитъ ѣдкость сатиръ Мирбо, но,—какъ мы увидимъ, разбирая отдѣльныя пьесы сборника,—общая картина современныхъ нравовъ и картина устоевъ буржуазнаго общества сдѣланы Мирбо очень смѣло и убѣдительно.

Наиболѣе жизненная и жестоко правдивая пьеса въ сборникѣ Мирбо—„Vieux ménage". Тонъ ея мрачно-саркастическій; безвыходность изображеннаго въ ней положенія производитъ сильное и мучительное впечатлѣніе. Нападки автора направлены противъ эгоизма, лежащаго въ основѣ французской буржуазной семьи. Характеръ „moralité" Мирбо выдерживаетъ въ своей пьесѣ тѣмъ, что въ ней нѣтъ рѣзко очерченныхъ индивидуальностей. Дѣйствующія лица—безъименныя: мужъ, жена, горничная. Тотъ же пріемъ соблюденъ и въ другихъ пьесахъ, гдѣ представлены общественные типы, собирательныя лица, а не сложные индивидуальные характеры. Въ „Vieux ménage"

на сценѣ мужъ и жена — оба старики; ему шестьдесятъ-пять, ей шестьдесятъ лѣтъ. Вся жизнь ихъ очевидно прошла въ борьбѣ двухъ эгоизмовъ. Теперь жена больна и тиранически требуетъ непрерывныхъ заботъ о себѣ, не считаясь съ эгоистическими желаніями и привычками мужа, а мужъ, въ свою очередь, видитъ въ больной старой женщинѣ только помѣху для себя и считаетъ себя жертвой ея капризовъ, — ему удобнѣе считать ея страданія вымышленными, чѣмъ жалѣть и щадить ее. Оба несчастны именно изъ-за своего эгоизма, и потому что они прикованы другъ къ другу внѣшними узами, правами человѣка на человѣка, установленными властью закона, а не душевной связью. Жена придирчива вслѣдствіе своей болѣзни. Всякое движеніе причиняетъ ей боль, и ей кажется поэтому, что мужъ и служанка недостаточно бережно ведутъ ее на террасу и усаживаютъ въ кресло ея грузное тѣло. Она охаетъ, выводитъ изъ себя мужа своими жалобами и требованіями не отходить отъ нея, но и не курить въ ея присутствіи и т. д. Онъ въ свою очередь мучитъ ее недовѣріемъ къ ея страданіямъ, ироническимъ тономъ, упреками въ томъ, что она сама виновата, не слушается его совѣтовъ, не беретъ примѣра съ него, умѣющаго страдать безъ жалобъ; онъ увѣряетъ ее, что ей хорошо на воздухѣ, что ей нужно ходить, что ей не вредитъ дымъ сигары, и очень жестко, не скрывая своего раздраженія, доказываетъ, что изъ нихъ двоихъ онъ—жертва ея эгоизма.

Весь разговоръ ведется о мелочахъ, но эти будничные попреки, вызванные обоюднымъ раздраженіемъ и закоренѣлымъ эгоизмомъ типичной буржуазной четы, рисуютъ чрезвычайно мѣтко и художественно безъисходное томленіе мелочно-уродливой жизни. Катастрофы не происходитъ, а между тѣмъ ясно, что союзъ этихъ людей, не освященный душевной близостью, только усугубилъ въ каждомъ изъ двухъ супруговъ природную черствость и себялюбіе. Наконецъ, мелкая ссора и взаимные попреки въ неделикатности, восхваленіе каждымъ своего долготерпѣнія и своихъ качествъ прекращаются,—жена обѣщаетъ не говорить „непріятностей", въ виду угрозы мужа уйти и оставить ее одну на террасѣ: больная старуха боится одиночества. Разговоръ переходитъ на тэму, которая обнаруживаетъ главную скрытую язву ихъ семейной жизни. Жена дѣлаетъ мужу предложеніе, доказывающее, до какой глубины отчаянія она дошла и на какія униженія она согласна — изъ страха еще худшаго позора. Стараясь говорить какъ можно деликатнѣе, безъ возмущенія, она заявляетъ мужу, что его образъ жизни ей извѣстенъ, что она знаетъ о его преслѣдованіяхъ молоденькихъ дѣвушекъ, о томъ, что онъ не стѣсняется устраивать свиданія у себя въ домѣ—и, главное, что онъ не оставляетъ въ покоѣ ея служанокъ. Онъ ихъ мѣняетъ, слѣдуя капризамъ своихъ вку-

совъ, и всѣ онѣ дерзки и небрежны въ уходѣ за больной госпожой, сознавая свою силу въ домѣ. Только для того, чтобы предотвратить позоръ, т.-е. вмѣшательство полиціи въ похожденія мужа, и чтобы обезпечить себѣ старательныя услуги служанокъ, жена предлагаетъ мужу завести романъ съ ихъ красивой сосѣдкой, одинокой и сравнительно почтенной женщиной. Это ей кажется все-таки болѣе приличнымъ, и она надѣется въ лицѣ подобной подруги мужа найти знакомую, которая будетъ иногда навѣщать ее и развлекать ея тоску. Трудно сказать, кто изъ двухъ болѣе низко палъ въ своемъ эгоизмѣ, мужъ ли, который тщетно изображаетъ изъ себя оклеветанную добродѣтель и говоритъ возмущенныя фразы о своей почтенности, хотя не можетъ опровергнуть ясныхъ и справедливыхъ обвиненій жены,—или жена, забывающая всякое чувство собственнаго достоинства, предлагающая очень некрасивую сдѣлку только изъ боязни открытаго скандала и — главное — для того, чтобы обезпечить себѣ внимательный уходъ за своимъ немощнымъ тѣломъ. Рѣзкое столкновеніе двухъ эгоизмовъ представлено въ сценѣ объясненія мужа и жены съ чрезвычайной смѣлостью, оригинальностью и силой. Пьеса заканчивается на томъ, что выведенный изъ терпѣнія мужъ уходитъ, и несчастная больная, которая больше всего на свѣтѣ боится остаться одной, зоветъ въ отчаяніи мужа, обѣщаетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ словъ, зоветъ служанку и въ ужасѣ отъ того, что никто не является, призываетъ смерть, какъ избавленіе отъ страданій. Ничто не измѣнилось, положеніе остается въ концѣ пьесы такимъ же, какимъ было въ началѣ, такъ что драматическаго дѣйствія нѣтъ въ этой картинкѣ нравовъ. Мы только заглянули въ жизнь одной изъ многихъ буржуазныхъ семей и увидѣли внутренній разладъ, таящійся въ ней. Нравоученіе пьесы (она вѣдь входитъ въ число „moralités“) состоитъ въ открытомъ вопросѣ: кто виноватъ? Въ сущности, въ данномъ случаѣ обѣ стороны жалки; и мужъ, и жена—жертвы взаимной тираніи, отсутствія солидарности, привычки лгать, отстаивая свой эгоизмъ. И не противъ нихъ, не противъ отдѣльныхъ жалкихъ и мелкихъ людей ополчается Мирбо, а противъ французскаго общества, санкціонирующаго ложь и эгоизмъ въ семьѣ.

Болѣе общій характеръ носитъ небольшая граціозная пьеса подъ заглавіемъ „Amants“. Это не общественная сатира, а тонкая насмѣшка надъ женской психологіей. „Онъ“ и „она“ въ саду, въ романтической обстановкѣ. „Онъ“ искренно любитъ и потому весь отдается радости своего чувства. Но „ей“ „только любви“ мало, — ей нужны внѣшнія доказательства, нужно, чтобы онъ постоянно помнилъ о ея „жертвѣ своей репутаціей“ (она замужняя женщина), постоянно идеализировалъ ее, говорилъ о ея „высокой душѣ“,—т.-е. ей нужна на-

рядная ложь любовной риторики. Ея упреки въ томъ, что онъ ее разлюбилъ, сначала ошеломляютъ его своей явной нелѣпостью; ея слова о принесенной ею „жертвѣ“ ему непонятны; — очевидно, что ихъ увлеченіе было взаимнымъ и о „жертвѣ“ не можетъ быть рѣчи. Слова объ идеальности и духовности ея чувствъ, недостаточно имъ оцѣненной, очевидно тоже удивляютъ его. Не притворяясь самъ, онъ не зналъ, что она жаждетъ притворства, а просто и искренно относился къ ихъ взаимной страсти. Вскорѣ, однако, послѣ вспышки оскорбленнаго чувства справедливости и правды, онъ понимаетъ наконецъ капризъ своей подруги. Ей нужна ложь о возвышенныхъ чувствахъ; она ей дороже тихой правды простой любви. Онъ поэтому „проситъ прощенія“, „благодаритъ ее за великодушный даръ ея сердца“ и повторяетъ съ нѣсколько ироническимъ экстазомъ: „ton coeur, ton âme“—вмѣсто оскорблявшихъ ее прежнихъ нѣжныхъ словъ о красотѣ ея глазъ и ея губъ. Слова перемѣнились, и она довольна, хотя смыслъ словъ тотъ же. Эта маленькая сценка заключаетъ въ себѣ ясную насмѣшку надъ нео-романтизмомъ и фальшивымъ идеализмомъ Ростана, Бурже и другихъ.

Въ двухъ сатирическихъ пьесахъ, „Scrupules“ и „Le portefeuille“, Мирбо возвращается къ общественнымъ тэмамъ. „Scrupules“ изображаетъ фантастическое положеніе, приводящее къ разговору, гдѣ высказываются въ парадоксальной формѣ вѣрныя мысли. Въ роскошный отель богатаго коллекціонера objets d'art вламывается ночью—или, вѣрнѣе, подъ утро—воръ. Но воръ этотъ совершенно особаго рода—джентльменъ въ безукоризненномъ вечернемъ туалетѣ, цѣнитель и знатокъ искусства, съ перваго взгляда отличающій табакерку старинной работы отъ современной поддѣлки, приходящій въ экстазъ передъ бронзовой статуэткой и опредѣляющій, какимъ мастеромъ она сдѣлана. Онъ является, взломавъ окно, въ сопровожденіи лакея съ изящнымъ чемоданомъ, спокойно и увѣренно открываетъ отмычкой ящики письменнаго стола, отбираетъ процентныя бумаги, отдаетъ наличныя деньги лакею и не трогаетъ писемъ, считая шантажъ ниже своего достоинства. Но онъ нечаянно опрокидываетъ вазу, она съ трескомъ разбивается, и, услышавъ шумъ, въ комнату входитъ пострадавшій собственникъ отеля. Воръ, видя, что онъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, не дѣлаетъ тщетныхъ попытокъ къ бѣгству и остается „на высотѣ положенія“. Онъ съ утонченной вѣжливостью обращается къ „пострадавшему“, извиняется за причиненное безпокойство, и такъ какъ тотъ оказывается такимъ же оригиналомъ, какъ и воръ, то между ними завязывается саркастически-любезная бесѣда, въ которой воръ излагаетъ свою философію. Онъ заявляетъ себя профессіональнымъ воромъ, совершающимъ кражи со взломомъ почти каждую ночь, по

выходѣ изъ клуба или со свѣтскаго бала: онъ всюду принятъ, такъ какъ въ обществѣ цѣнятъ его умъ, образованность и утонченную свѣтскость. Профессію вора онъ избралъ какъ самую честную, т.-е. такую, въ которой человѣкъ не лицемѣритъ по крайней мѣрѣ передъ самимъ собой. До того онъ брался за многія занятія, но онѣ возмущали его природную искренность и совѣстливость. Онъ былъ сначала крупнымъ коммерсантомъ, но ему опротивѣли мошенническіе пріемы въ борьбѣ съ конкуррентами, недобросовѣстныя спекуляціи и т. д. Потомъ онъ сдѣлался финансистомъ, но не могъ примириться съ биржевой дѣятельностью, спекуляціями на дутыя цѣнности, обогащеніемъ на счетъ разоренія другихъ, рекламой, темными аферами. Точно также разочаровалъ его журнализмъ; онъ увидѣлъ, что при современномъ положеніи французской прессы газетная дѣятельность не можетъ обезпечить человѣка съ широкими потребностями, если не заниматься ловкимъ шантажемъ. Политика ему представляется тоже слишкомъ нечистоплотнымъ ремесломъ. Даже свѣтская карьера, для которой у него были всѣ данныя, какъ у человѣка красиваго, умѣющаго нравиться и внѣшностью, и обхожденіемъ, умнаго, образованнаго, ловкаго спортсмена и т. д., была ему не по душѣ. Ему было противно интриговать, льстить вліятельнымъ людямъ, быть завсегдатаемъ будуаровъ модныхъ куртизанокъ, торговать своими связями и т. д. „Я былъ слишкомъ совѣстливъ (j'avais trop de scrupules) для всѣхъ этихъ занятій,—говоритъ онъ,—а потому избралъ другое: если человѣкъ (онъ говоритъ, очевидно, о современномъ французскомъ обществѣ) не можетъ освободиться отъ рокового закона воровства, то не честнѣе ли быть откровеннымъ воромъ, чѣмъ маскировать свое естественное желаніе присвоивать себѣ чужую собственность притворствомъ, которое все равно никого не обманываетъ. Поэтому я краду—откровенно занимаюсь кражами. Я проникаю со взломомъ ночью въ богатые дома и беру въ чужихъ кассахъ то, что̀ считаю необходимымъ для удовлетворенія моихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. Это отнимаетъ у меня часъ-другой ночью, а въ остальное время я живу какъ всѣ другіе, даже лучше и красивѣе другихъ“. При всей намѣренной парадоксальности этой profession de foi философа-грабителя, въ его словахъ много правды, и сатира на французскую дѣйствительность—очень злая и очень мѣткая. Сцена написана съ художественнымъ сарказмомъ; разговоръ ведется съ изысканной свѣтской любезностью, пострадавшій относится къ вору, какъ любезный хозяинъ къ гостю, принимаетъ съ благодарностью его комплименты своему вкусу въ выборѣ прекрасныхъ предметовъ своихъ коллекцій, соглашается съ его аргументаціей, усиливая ее собственными замѣчаніями о сущности всѣхъ узаконенныхъ обществомъ профессій. На

предложеніе вора послѣдовать его примѣру онъ отвѣчаетъ съ улыбкой, что онъ слишкомъ старъ, чтобы мѣнять свои привычки. Бесѣда прерывается появленіемъ коммиссара, призваннаго въ первую минуту потерпѣвшимъ... только для соблюденія пустой формальности, какъ онъ любезно говоритъ своему нежданному гостю. Онъ, дѣйствительно, сейчасъ же выпроваживаетъ коммиссара, взбѣшеннаго тѣмъ, что его напрасно обезпокоили ночью, и предлагаетъ вору остаться выпить утренняго кофе. Тотъ выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, такъ какъ было бы не по джентльменски завтракать во фракѣ,—и кромѣ того его долгое отсутствіе обезпокоило бы его домашнихъ. Онъ откланивается, зоветъ своего лакея, который удалился вглубь комнаты во время бесѣды, и направляется къ окну, чтобы уйти тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ. Хозяинъ спѣшитъ удержать его, проситъ выйти черезъ дверь, и воръ извиняется въ своемъ невольномъ движеніи. „Профессіональная привычка...", говоритъ онъ. Легкій тонъ и изящное остроуміе маленькой пьесы смягчаютъ своей художественностью жестокость сатирическаго замысла, придающаго ей серьезное общественное значеніе.

Въ „Le portefeuille" противопоставлена наивная честность голодающаго нищаго, который приноситъ въ полицейскій участокъ найденный имъ портфель съ десятью тысячами франковъ, цинизму развращеннаго своей властью коммиссара, который хотя и называетъ честнаго нищаго героемъ и восторгается его подвигомъ, но сажаетъ его въ тюрьму за бродяжничество, такъ какъ тотъ не имѣетъ постояннаго мѣстожительства: „законъ не обязываетъ находить ночью портфели съ банковыми билетами, но онъ требуетъ, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ опредѣленное мѣстожительство". Сатира Мирбо направлена въ этой пьесѣ противъ злоупотребленія законами во вредъ беззащитной массѣ и для контраста съ честнымъ и загнаннымъ нищимъ выведенъ коммиссаръ, воображающій себя „любителемъ утонченныхъ ощущеній" (его литературное образованіе ограничивается романами Бурже, на героевъ котораго онъ хотѣлъ бы походить) и устроивающій, подъ предлогомъ сильныхъ ощущеній, у себя въ бюро свиданія съ своей возлюбленной; она по его наущенію производитъ скандалы на улицѣ передъ участкомъ, и ее приводятъ къ нему „за нарушеніе общественной тишины". Это ему кажется и очень романтичнымъ,—и къ тому же удобно, такъ какъ въ своемъ бюро онъ въ безопасности отъ вторженія своей ревнивой жены. Когда возлюбленная коммиссара, возмущенная арестомъ нищаго, даетъ волю своему негодованію, коммиссаръ пользуется своей властью—и арестуетъ ее. Пьеса написана въ очень циничномъ тонѣ и обнаруживаетъ глубину протеста автора противъ терпимыхъ обществомъ несправедливостей. Та же тэма,—возму-

щеніе противъ корыстности и эгоизма магистратуры,—лежитъ въ основѣ другой пьесы, „Epidémie". Въ общемъ „фарсы" Мирбо—рѣзкій протестъ противъ общественныхъ язвъ Франціи, и его художественный талантъ придаетъ большую силу его искреннему возмущенію.

II.

Maurice Maeterlinck. Le Double Jardin. Стр. 296. Paris, 1904. (E. Fasquelle, éditeur).

Морисъ Метерлинкъ—авторъ „Trésor des humbles", книги, проповѣдующей „глубокую жизнь", т.-е. повиновеніе внутреннему голосу души, раздающемуся „въ тишинѣ", когда умолкаютъ страсти и чувства и просыпается не сознаваемая въ шумномъ теченіи внѣшнихъ событій правда человѣческихъ стремленій, направленныхъ всегда къ добру—къ любви и справедливости. Передъ этой правдой—учитъ Метерлинкъ—всѣ души равны, ибо пороки и страсти, то, что̀ люди называютъ добромъ и зломъ,—лишь внѣшніе пласты, отложенія вѣковъ культурной жизни человѣчества. Вслушиваясь въ безсознательную правду инстинктовъ, понявъ трагизмъ бытія въ минуты кажущагося благополучія („le tragique quotidien", по выраженію Метерлинка), человѣкъ становится вооруженнымъ противъ судьбы и твердымъ въ своемъ стремленіи къ наибольшему торжеству любви и справедливости, къ побѣдѣ надъ эгоизмомъ и слѣпотой теперешняго человѣчества,—къ царству мира и красоты. Это идеалистическое ученіе Метерлинка — быть можетъ, самое глубокое и полное выраженіе духа новѣйшей европейской литературы, и въ немъ источникъ того обаянія и того значенія, которое Метерлинкъ имѣетъ для идейной жизни нашего времени. Поэзія и драмы Метерлинка—въ особенности его первыя символическія пьесы—художественное воплощеніе тѣхъ же мыслей, облеченныхъ въ образы и формы, поражающіе своей странной красотой. Этотъ Метерлинкъ, — т.-е. создатель философіи „Trésor des humbles" и отчасти „La sagesse et la destinée", и авторъ такихъ драмъ, какъ „Aveugles", „Intérieur", „Aglavaine et Selisette" и др., навсегда останется въ литературѣ, какъ мыслитель и художникъ. Но Метерлинкъ не остался на этомъ пути, отчасти отдалявшемъ его отъ пониманія „большой публики". Одинокаго созерцателя „внутренней красоты" и высотъ самопознающаго духа соблазнила—хотѣлось бы сказать: совратила—культурная жизнь Франціи, внѣшнія блага жизни, умножающей блескъ и суетную радость преходящихъ мгновеній; мистикъ, превозносившій жизнь за экстазъ откровеній духа, сталъ постепенно превращаться въ позитивиста, цѣнящаго выше всего матеріальныя побѣды куль-

туры, увеличивающія удобства и внѣшнюю красоту жизни. Идеалъ „мудрости жизни", углубленія духа замѣнился прославленіемъ изобрѣтательности человѣческаго разума, подчиняющаго силы природы и увеличивающаго благополучіе и удобства жизни. Если онъ теперь остается оптимистомъ, проповѣдующимъ чуть ли не наступленіе новаго золотого вѣка, то это слѣдуетъ понимать въ смыслѣ соціальныхъ утопій à la Беллами, а не внутренняго просвѣтленія и духовнаго совершенствованія. Этотъ идеалъ—общефранцузскій, или даже общеевропейскій, и, проповѣдуя его, Метерлинкъ становится однимъ изъ многихъ и утрачиваетъ значеніе вдохновеннаго учителя жизни, какимъ онъ былъ прежде. Популярность Метерлинка, можетъ быть, даже увеличилась со времени его поворота въ сторону позитивизма. „Монна Ванна"—одна изъ самыхъ знаменитыхъ драмъ послѣднихъ лѣтъ,—а это драма внѣшнихъ страстей, т.-е. того, что прежній Метерлинкъ считалъ препятствіемъ къ проявленію тихой и мудрой правды души, устраняющей власть катастрофъ, сближающей людей во взаимномъ пониманіи. Но „Монна Ванна" проявляетъ всю силу художественнаго таланта Метерлинка, и это ставитъ ее высоко среди произведеній бельгійскаго поэта. Что же касается новѣйшихъ философскихъ книгъ Метерлинка, то каждая изъ нихъ является разочарованіемъ для почитателей его. Уже „Le Temple Enseveli" съ оптимистической вѣрой въ совершенствующіяся качества людей производилъ впечатлѣніе проповѣди наивнаго моралиста, вѣрящаго въ торжество добра точно по профессіональной привычкѣ, безъ углубленія въ смыслъ кажущихся побѣдъ культуры. А недавно вышедшая новая книга Метерлинка, „Le Double Jardin", еще болѣе безотрадна. Это сборникъ этюдовъ на литературныя и общественныя поэмы, путевыхъ замѣтокъ, описаній природы, животныхъ и цвѣтовъ, и по поводу всего этого Метерлинкъ высказываетъ свое новое—и неожиданное для автора „Trésor des Humbles"—пониманіе жизни, задачъ и надеждъ человѣчества. Если представить себѣ Метерлинка по его прежнимъ произведеніямъ, то воображенію рисуется мудрецъ въ родѣ древнихъ фламандскихъ мистиковъ, человѣкъ, ушедшій отъ суеты городовъ въ тишину мирныхъ полей и садовъ, знающій помыслы людей, но чуждый ихъ вкусамъ, жрецъ духовной красоты, созерцательныхъ чувствъ и настроеній, внимательный къ тому, что невидимо живетъ, когда молчатъ „дѣла людскія", когда нѣтъ событій—и просыпается душа. Можно представить себѣ этого мудреца и среди зрѣлищъ суетной жизни толпы, но очевидно, что онъ не сольется съ ея вожделѣніями, съ тѣмъ, что составляетъ ея радость и гордость, а будетъ жить своей вѣрой въ скрытую жизнь души. А между тѣмъ обликъ автора „Double Jardin" очень ясно вырисовывается по отдѣльнымъ очеркамъ книги—и онъ

совершенно не отвѣчаетъ типу мудреца и мистика. Это, по французскому выраженію, „un monsieur très chic“, со вкусами и привычками свѣтскихъ парижанъ: онъ ѣздитъ въ автомобилѣ и очень интересуется этимъ спортомъ (очеркъ: „En automobile“), хорошо управляетъ шпагой и сторонникъ дуэли („Eloge de l'épée“), ѣздитъ зимой на Ривьеру и разсуждаетъ объ иллюзіяхъ рулетки въ Монте-Карло („Le Temple du Hasard“), путешествуетъ по Италіи („Vue de Rome“), занимается въ своемъ помѣстьѣ пчеловодствомъ и разводкой цвѣтовъ, интересуется политикой („Le Suffrage Universel“), цѣнитъ въ женщинахъ энергичность и приспособленность къ жизненной борьбѣ наряду съ развитіемъ ея духовной личности („Portrait de femme“). Обо всемъ этомъ Метерлинкъ говоритъ очень красиво, иногда тонко, поэтично, съ обычнымъ совершенствомъ художественнаго стиля,—но все, что онъ говоритъ, не ставитъ его надъ созерцаемыми явленіями, а подчеркиваетъ только его солидарность съ ними. Иногда даже, увлекаясь „культурными благами“, которымъ трудно приписать философское значеніе, Метерлинкъ тщетно пытается идейно отнестись къ предметамъ роскоши или комфорта,—онъ пишетъ страницы стилистическихъ упражненій, за которыми въ сущности нѣтъ мысли. Таковъ, напр., очеркъ „En automobile“, гдѣ онъ обнаруживаетъ техническія знанія опытнаго „chauffeur“'а, перечисляетъ всѣ составныя части чудовища, созданнаго руками человѣческими, восторгается сложностью и цѣлесообразностью малѣйшихъ частицъ организма, въ который разумъ человѣческій вдохнулъ жизнь. Такой диѳирамбъ генію изобрѣтательности можно было бы пропѣть по поводу и всѣхъ предшествующихъ, и всѣхъ несомнѣнно ожидающихъ человѣчество техническихъ открытій,—но это не касается основныхъ принциповъ жизни, отношенія человѣка къ явленіямъ правды, къ которой онъ долженъ стремиться,—а только эти вопросы занимали Метерлинка, когда онъ былъ дѣйствительно учителемъ жизни и противопоставлялъ волю и духъ человѣка судьбѣ, тайнѣ, вѣчно окружающей человѣка въ бытіи,—а не частичнымъ побѣдамъ разума въ области познаваемаго. Единственная идея общаго характера, которую находитъ Метерлинкъ, пролетая километры за километрами по большой дорогѣ, минуя поля и лѣса, это—что человѣкъ, изобрѣтя автомобиль, „побѣждаетъ пространство“. Но это скорѣе общее мѣсто („глотать пространство“ — avaler l'espace—ходячая фраза французскихъ велосипедистовъ, автомобилистовъ и т. д.), чѣмъ выражающая что-либо мысль. Очевидно, когда мыслитель становится соучастникомъ жизни во имя внѣшнихъ благъ, онъ теряетъ способность судить о нихъ съ высоты.

Но посмотримъ въ другихъ очеркахъ мысли, высказываемыя Метерлинкомъ въ защиту уже не „vie profonde“, а противоположнаго ей

матеріалистическаго идеала современной Франціи. Очень характеренъ въ этомъ смыслѣ очеркъ: „Eloge de l'épée". Дуэль осуждается уже даже въ самой Франціи передовыми людьми, — и странно слышать защиту ея изъ устъ Метерлинка. „Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—что дуэль, т.-е. возможность отстоять свое право, не прибѣгая къ власти законовъ и все-же вполнѣ корректно, отвѣчаетъ неоспоримой потребности человѣка". Говорить такъ—не значитъ ли возводить страсти, злобу, месть въ законъ души, — вмѣсто того, чтобы умиротворять раздоръ между людьми, учить ихъ познавать въ себѣ ту глубину, на которой всѣ столкновенія исчезаютъ, всѣ условныя понятія объ оскорбленной чести кажутся мертвыми предразсудками? Такъ училъ прежній Метерлинкъ; теперешній же, совращенный культомъ удобствъ и роскоши (и всѣхъ предразсудковъ, связанныхъ съ этимъ) развиваетъ мысль о правотѣ дуэли очень странными аргументами. „Не забудемъ,—говоритъ онъ,—что мы прежде всего хищныя, предназначенныя для борьбы существа, и что не слѣдуетъ убивать въ себѣ качества и свойства первобытнаго человѣка... Горе намъ, если стихійныя силы, которыя могутъ всегда вооружиться противъ насъ, не встрѣтятъ отпора, потому что въ насъ угаснетъ духъ мести, недовѣрія, гнѣва, грубости, воинственности—очень пагубный съ человѣческой точки зрѣнія, но болѣе нужный, чѣмъ наиболѣе восхваляемыя добродѣтели, въ борьбѣ съ врагами нашего рода". Итакъ, чтобы побѣждать и подчинять себѣ силы природы, давайте пока „отстаивать свою честь" (понимаемую въ большинствѣ случаевъ совершенно условно, какъ не разъ доказывалъ самъ Метерлинкъ) въ поединкахъ. Какъ вяжутся эти слова не только съ прежнимъ Метерлинковскимъ идеаломъ мудрой жизни, но хотя бы только съ свободой отъ предразсудковъ, сословныхъ и другихъ?

Самымъ полнымъ и яснымъ изложеніемъ новой позитивной философіи Метерлинка является послѣдній очеркъ въ книгѣ — „Rameaux d'olivier". Въ немъ онъ прямо отказывается отъ стремленія искать цѣли жизни въ изслѣдованіи безсознательныхъ движеній души, въ совершенствованіи духовной природы человѣка, и тѣмъ самымъ освобожденіи ея отъ рабства событій, внѣшней судьбы, а переноситъ центръ тяжести въ изученіе внѣшняго міра, въ расширеніе позитивныхъ благъ. „До сихъ поръ,—говоритъ онъ,—мы орудовали нашей несовершенной логикой или празднымъ воображеніемъ въ изслѣдованіи загадки бытія; теперь, выйдя изъ нашего слишкомъ замкнутаго внутренняго жилища (sortis de notre demeure trop intérieure), мы пытаемся вступить въ соотношеніе съ самой загадкой". „Мы были слѣпыми, воображавшими себѣ внѣшній міръ, сидя въ закрытой комнатѣ,—говоритъ онъ, пользуясь символомъ своей драмы „Слѣпые",—а теперь мы тѣ же слѣпые, которыхъ молчаливый вожатый ведетъ

поочередно въ лѣса, равнины, на горы, на берегъ моря". Что выигралъ Метерлинкъ, отвернувшись отъ изученія внутренняго міра человѣка къ созерцанію явленій? Прежде онъ вникалъ въ отношенія человѣческаго разума и воли къ непознаваемому, и выводилъ заключенія о томъ, какъ слѣдуетъ жить въ правдѣ. Непознаваемое остается тайной, но отношеніе къ нему есть нѣчто реальное, обусловливающее жажду совершенствованія, имѣющее нравственную цѣнность. Теперь онъ ослѣпленъ частными побѣдами знаній, расширеніемъ области познаваемаго — и приходитъ къ фальшивой философіи, къ отрицанію вѣчной таинственности бытія. Какъ бы ни раздвигались границы позитивныхъ знаній, человѣчество всегда будетъ имѣть предъ собою рѣзко разграниченные міры познаваемаго и непознаваемаго; и философія устанавливаетъ отношенія ко всей суммѣ того и другого. Соотношенія не мѣняются, каковъ бы ни былъ прогрессъ положительныхъ наукъ. А когда мыслитель опьяненъ мнимымъ торжествомъ культуры, считаетъ ея блага самыми высокими, то получается то, что случилось съ Метерлинкомъ. Онъ забылъ о мудрости, о свободѣ, о результатахъ внутренняго просвѣтленія для торжества человѣческихъ добродѣтелей, справедливости и любви, и принялся восхвалять автомобили, разсуждать (довольно банально) о безуміи игроковъ въ рулетку и trente-et-quarante въ Монте-Карло, вѣрящихъ въ расположеніе къ нимъ шарика изъ слоновой кости или картъ, случайно укладывающихся въ извѣстномъ порядкѣ, или же описывать цвѣты разныхъ странъ и т. д. Въ идейномъ смыслѣ все это лишено всякаго значенія, и хотя многія страницы его книги (о цвѣтахъ и о пчелахъ) очень поэтичны и красивы, все-же приходится жалѣть о прежнемъ Метерлинкѣ, учившемъ, какъ жить въ красотѣ и любви.

Единственный оазисъ въ „Double Jardin"—статья о новой драмѣ, гдѣ Метерлинкъ доказываетъ, что прежняя драма, построенная на борьбѣ страстей, отжила свое время, потому что насъ удовлетворяетъ только проникновеніе въ глубину истинно свободныхъ душъ, а тамъ нѣтъ борьбы,—кромѣ желанія побороть узость эгоизма во имя торжества любви и справедливости. Вотъ, по его мнѣнію, задача грядущей драмы. Она отчасти осуществлена — въ прежнихъ драмахъ Метерлинка. Но онъ отрекся теперь отъ самого себя — и кто его замѣнитъ?—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

А. П. Чеховъ.

Русскую литературу постигла новая значительная утрата: въ ночь на 2-ое іюля въ Баденвейлерѣ скончался Антонъ Павловичъ Чеховъ. Его кончина тѣмъ болѣе поразила общество, что послѣднія извѣстія о состояніи его здоровья были успокоительны, и ничто повидимому не предвѣщало столь близкаго рокового конца. Недугъ, на почвѣ котораго произошло ослабленіе сердечной дѣятельности—туберкулезъ легкихъ, уже съ давнихъ поръ подтачивалъ силы покойнаго, но давалъ возможность надѣяться, что при хорошихъ условіяхъ подъ южнымъ солнцемъ легочный процессъ если не совершенно уничтожится, то по крайней мѣрѣ сильно замедлится. И Чеховъ по необходимости переселился въ Крымъ, въ Ялту, яркимъ тонамъ которой въ душѣ предпочиталъ мягкіе сѣрые пейзажи средниxъ губерній Россіи. Ближайшимъ друзьямъ было извѣстно теченіе болѣзни, заставившей Чехова, по настоянію врачей, поселиться въ заграничномъ курортѣ, но для обширнаго круга почитателей его таланта кончина его явилась неожиданной и тѣмъ болѣе печальной.

Внѣшніе факты жизни Чехова немногосложны. Вся она ушла на служеніе родной литературѣ, интересы которой давали исчерпывающее содержаніе его лучшимъ стремленіямъ. Онъ родился 17 января 1860 года въ Таганрогѣ, тамъ же учился въ гимназіи, послѣ чего поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Получивъ въ 1884 году степень врача, онъ мало интересовался медицинской практикой, но, всецѣло уйдя въ литературную дѣятельность, сохранилъ особое свойство наблюдательности, быть можетъ развитой въ немъ занятіями медициной,—способность проникать въ глубь наблюдаемыхъ явленій по внѣшнимъ, случайнымъ, часто едва уловимымъ симптомамъ.

Заботы и радости литературной работы позналъ Чеховъ еще на студенческой скамьѣ. Отдаваясь порыву безотчетной наблюдательности и непосредственныхъ молодыхъ настроеній, онъ сталъ помѣщать въ различныхъ юмористическихъ журналахъ остроумные, бойкіе разсказы изъ повседневной жизни. Въ этихъ первыхъ разсказахъ она рисовалась своими нескладными и смѣшными сторонами безъискусственно, просто, такъ, какъ схватывалъ ее непосредственный сторонній наблюдатель, у котораго съ нею нѣтъ ничего общаго. Въ жизни людей много вздорнаго,

смѣшного, надъ чѣмъ не грѣшно и даже слѣдуетъ посмѣяться, а если человѣкъ склоненъ къ философіи, то и пофилософствовать, возведя явленіе къ его общей причинѣ. Но это будетъ уже дѣломъ читателя, Чеховъ же (или, вѣрнѣе, Чехонте, какъ онъ подписывался въ первый періодъ своей литературной дѣятельности) не задается цѣлями обобщенія. Его занимаетъ главнымъ образомъ роль случая, имѣющаго такое значеніе въ сплетеніяхъ жизненныхъ обстоятельствъ. „Вы говорите, что человѣкъ—творецъ своего счастья,—разсуждаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ его разсказа „Счастливчикъ",—какой къ чорту онъ творецъ, если достаточно больного зуба или злой тещи, чтобы счастье его полетѣло вверхъ тормашкой? Все зависитъ отъ случая. Случись сейчасъ съ нами кукуевская катастрофа (разговоръ происходитъ въ вагонѣ), вы другое бы запѣли".. И больные зубы, и злыя тещи, и нелѣпыя жены, и наивные мужья, и растерявшіеся дѣльцы, и трепещущіе чиновники, и одурѣлое начальство—всѣ эти лица даютъ безконечные поводы убѣдиться во власти всемогущаго случая, ставящаго ихъ въ самыя невозможныя, самыя курьезныя положенія. Заключаясь иногда въ форму слишкомъ анекдотическую, доводящую впечатлѣніе до шаржа, разсказы эти въ общемъ содержатъ въ себѣ много реальной правды, при которой одни торжествуютъ, другіе сознательно и безсознательно страдаютъ, и въ нихъ смѣхъ далеко не всегда останавливается на ступени безудержнаго веселья, когда за смѣхомъ не встаетъ ничего горькаго. Нервныя, болѣзненныя ноты звучатъ между строками въ разсказахъ уже и этого періода. Иногда же разсказы молодого Чехова возбуждаютъ глубоко-грустное чувство и искреннюю жалость къ людямъ одинокимъ и обездоленнымъ въ жизни. Старикъ извозчикъ, у котораго сынъ умеръ въ больницѣ, надрывается отъ трудно-сдерживаемаго горя и не можетъ найти человѣка, передъ которымъ онъ могъ бы раскрыть и облегчить свою душу; но въ городѣ нѣтъ никого, кто отнесся бы съ участіемъ къ старику. И онъ идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь, и въ перебивку съ думами объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ, разсказываетъ ей все, и тѣмъ утѣшаетъ себя въ безъисходной тоскѣ, въ безлюдьѣ. „Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина"...

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ у Чехова замѣчается болѣе серьезное отношеніе къ своему таланту, обнаружившее бо̀льшую глубину художественнаго анализа и мастерство кисти. Кругъ, изъ котораго Чеховъ почерпаетъ свои наблюденія, остался все тотъ же—средній кругъ общества, живущаго мелкими интересами, томящагося внутренней пустотой при отсутствіи живого культурнаго идеала, на который могли бы устремиться лучшіе порывы души и жажда духовнаго обновленія, превращающагося, за отсутствіемъ самодѣятель-

ности, въ безпредметныя жалобы и надоѣдливое нытье. Но въ его изображеніяхъ почувствовалось уже не господство отдѣльныхъ случайностей, направляющихъ жизнь въ ту или другую сторону, но какая-то общая подпочва, дѣлающая удушливой атмосферу, въ которой слабѣютъ и обезличиваются люди. „Выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое,—совѣтуетъ герой Чеховской драмы Ивановъ ближайшему поколѣнію,—безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше". И онъ предостерегаетъ отъ борьбы въ одиночку съ тысячами, отъ поединковъ съ мельницами, отъ битья лбомъ объ стѣну, вообще отъ всякаго дѣла, въ которомъ могла бы проявиться смѣлая иниціатива. „Запритесь въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло"....—„Вы мнѣ глубоко несимпатичны",—говоритъ ему молодой Львовъ и возмущается пустотой и бездушіемъ той среды, которая губитъ Ивановыхъ тысячами въ самую цвѣтущую пору ихъ жизни. И Чеховъ выводитъ на сцену безконечную галерею людей, настолько свыкшихся съ атмосферой мѣщански-ничтожныхъ дѣлъ и будничнаго переползанія изо дня въ день, что они или не замѣчаютъ тяжести и пошлости своего существованія, или же томятся безнадежнымъ уныніемъ, страдая безволіемъ и не находя оправданія своей жизни. Въ этихъ новыхъ разсказахъ опредѣлились художественные пріемы Чехова и создался общій фонъ—меланхолическій, сумрачный, на которомъ люди рисуются эскизно, силуэтами, неопредѣленно выступая своими очертаніями изъ общей картины чего-то символически-неяснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожно-близкаго и понятнаго душѣ. Со сборника „Въ сумеркахъ" (1887) началась литературная извѣстность Чехова, поддержанная и распространившаяся цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ, по истинѣ художественныхъ произведеній, какъ „Степь", „Скучная исторія", „Дуэль", „Палата № 6", „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка", „Мужики".

Вмѣстѣ съ другими многочисленными разсказами, печатавшимися въ лучшихъ столичныхъ журналахъ, эти произведенія выходили въ отдѣльныхъ сборникахъ („Въ сумеркахъ", „Пестрые разсказы", „Хмурые люди", „Разсказы"), которые выдерживали большое количество изданій и свидѣтельствовали о громадной популярности автора. Въ 1901—1902 гг. А. Ф. Марксъ издалъ полное собраніе сочиненій Чехова въ десяти томахъ, а черезъ годъ то же собраніе, дополненное новыми произведеніями, было дано въ качествѣ преміи къ „Нивѣ". Извѣстность Чехова вышла далеко за предѣлы родины и выразилась въ многочисленныхъ заграничныхъ изданіяхъ его сочиненій, переведенныхъ почти на всѣ европейскіе языки, и постановкѣ на сцену его пьесъ, и у насъ не сходившихъ съ репертуара словно спеціально-

Чеховскаго московскаго художественнаго театра. Отдаваясь своей любви къ путешествіямъ. Чеховъ совершилъ въ 1890 году поѣздку на Сахалинъ, результатомъ которой явилась превосходная книга, ярко и объективно рисующая мрачныя черты внѣшняго и духовнаго быта обитателей этого острова смерти и страданій. Тонъ книги—серьезный, строгій; на многихъ страницахъ отразилось вдумчивое изученіе различныхъ сторонъ ссыльно-поселенскаго быта. Но и въ эту суровую лѣтопись ужасовъ каторги и полнаго угнетенія личности проникло любящее сердце автора и сумѣло раскрыть, подъ внѣшними проявленіями насилія, всевозможной дикости и грубости, глубоко человѣческія, трогательно-душевныя движенія. Особенно теплымъ чувствомъ проникнуты описанія быта женщинъ и дѣтей. Непривѣтливо, по словамъ Чехова, встрѣчаютъ всякаго новаго человѣка въ семьѣ: надъ колыбелью ребенка не поютъ пѣсенъ и слышатся только одни зловѣщія причитанія. Однако,—„что бы ни говорили и какъ бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ—это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свѣтѣ любятъ порочную мать и разбойника-отца, и если ссыльнаго, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки, то какую цѣну должна имѣть для него любовь ребенка!“ То же участливое и нѣжное чувство заставило писателя задуматься надъ долей многихъ тысячъ заброшенныхъ и безпріютныхъ дѣтей, разбросанныхъ по всему необъятному пространству нашей родины, и вызвало рядъ трогательныхъ, наводящихъ на серьезное размышленіе очерковъ изъ дѣтскаго быта.

Сахалинъ, несомнѣнно, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на душу Чехова и заставить его глубоко вдуматься въ различныя стороны русской жизни, отъ которыхъ страдаетъ семейный и общественный бытъ и погибаетъ нравственный обликъ человѣка. Послѣ этого путешествія пессимизмъ Чехова достигаетъ высшей степени своего выраженія и только прорывающійся время отъ времени юморъ смягчаетъ иногда слишкомъ мрачныя картины. Было бы благодарной задачей уловить признаки внутренней связи между впечатлѣніями Чехова, вывезенными изъ поѣздки на Сахалинъ, и тѣми изображеніями, въ которыхъ отразились состоянія духа и самосознанія современнаго средняго обывателя. Духовное измельчаніе, разбродъ мыслей, самодурство, произволъ—въ разныхъ условіяхъ выливаются въ разныя формы, но всѣ развиваются на одной и той же почвѣ, въ одной и той же нездоровой психической средѣ. Но Чеховъ рѣдко высказывается

въ положительномъ смыслѣ, отъ себя лично, о томъ или другомъ конкретномъ явленіи, ставшемъ одной изъ неистощимыхъ темъ его разсказовъ. Словно боясь занять положеніе резонера, онъ предпочитаетъ нарисовать образъ, создать въ воображеніи читателя лицо, отъ котораго было бы естественно услышать то, что его устами хотѣлъ бы высказать авторъ. Иногда Чехова не легко бываетъ угадять въ его образахъ, картина вѣрна самой себѣ и освѣщена ровнымъ огнемъ авторскаго чувства. Но есть вопросы, ставящіе читателя внѣ всякаго сомнѣнія, что въ рѣшеніи ихъ участвуетъ самъ авторъ, что то, что высказываетъ у него то или другое лицо, принадлежитъ ему самому и опредѣляетъ, такимъ образомъ, его отношеніе къ предмету. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является, напримѣръ, положеніе женщины въ нашемъ обществѣ. Внимательный читатель замѣтитъ особенно тщательную разработку этого вопроса въ сахалинскихъ очеркахъ. Въ разсказахъ она выразилась въ безконечномъ разнообразіи женскихъ образовъ, во множествѣ сюжетовъ, построенныхъ на различныхъ проблемахъ женскаго вопроса. Если угодно, и здѣсь можно искать аналогій: и въ нашемъ обществѣ женщина на три четверти еще подневольное существо, какою въ большинствѣ случаевъ она и является у Чехова. Чаще всего она испытываетъ наиболѣе тяжкія послѣдствія нашего ненормальнаго общественнаго быта. Она угнетена, забита, невѣжественна; она страдаетъ отъ нескладицы семейной жизни и сама, вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ не умѣетъ воспитывать, является тяжелымъ и скучнымъ бременемъ для мужа. Еще тяжелѣе бываетъ наблюдать женщину, олицетворяющую собой только торжествующее, красивое животное, какою является у него Аріадна. Но у Чехова есть намеки, что онъ вѣритъ въ лучшее будущее женщины. Въ разсказѣ, гдѣ изображается подобный типъ, нѣкто Шамохинъ, испытавшій на себѣ всю тяжесть жизни съ Аріадной, такъ говоритъ объ общихъ условіяхъ, формирующихъ такихъ женщинъ: „а всему виною наше воспитаніе, батенька. Въ городахъ все воспитаніе и образованіе женщины въ своей главной сущности сводятся къ тому, чтобы выработать изъ нея человѣка-звѣря, т.-е. чтобы она нравилась самцу и чтобы умѣла побѣдить этого самца“.—И Шамохинъ развиваетъ программу воспитанія женщины. Она не нова, но какъ еще безконечно - далека отъ своего осуществленія! „Нужно,—говоритъ онъ,—чтобы дѣвочки воспитывались и учились вмѣстѣ съ мальчиками, чтобы тѣ и другіе были всегда вмѣстѣ. Надо воспитывать женщину такъ, чтобы она умѣла, подобно мужчинѣ, сознавать свою неправоту, а то она, по ея мнѣнію, всегда права. Внушайте дѣвочкѣ съ пеленокъ, что мужчина, прежде всего, не кавалеръ и не женихъ, а ея ближній, равный ей во всемъ. Прі-

учайте ее логически мыслить, обобщать, и не увѣряйте ее, что ея мозгъ вѣситъ меньше мужского, и что поэтому она можетъ быть равнодушна къ наукамъ, искусствамъ, вообще культурнымъ задачамъ". Шамохинъ опровергаетъ ходячія мнѣнія и переходитъ къ примѣрамъ. „Мальчишка-подмастерье,—продолжаетъ онъ,—сапожникъ или маляръ, тоже имѣетъ мозгъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ взрослый мужчина, однако же участвуетъ въ общей борьбѣ за существованіе, работаетъ, страдаетъ. Надо также бросить эту манеру ссылаться на физіологію, на беременность и роды, такъ какъ, во-первыхъ, женщина родитъ же не каждый мѣсяцъ; во-вторыхъ, не всѣ женщины родятъ и, въ-третьихъ, нормальная деревенская женщина работаетъ въ полѣ наканунѣ родовъ—и ничего съ ней не дѣлается. Затѣмъ должно быть полнѣйшее равноправіе въ обыденной жизни". Такъ разсуждаетъ Шамохинъ, за которымъ стоитъ писатель - другъ, мыслитель - врачъ Чеховъ. Онъ могъ бы набросать множество программъ по всевозможнымъ вопросамъ, сотни и тысячи лѣтъ ждущимъ своего разрѣшенія,—но какая въ нихъ польза, если люди все равно не возьмутся за выполненіе ихъ? Отсюда—глубокое разочарованіе и тоска... Въ жизни господствуютъ странные и дикіе предразсудки, которые держатъ человѣка въ досадномъ и тягостномъ плѣну, создавая безконечныя недоразумѣнія, ничѣмъ не заслуженныя страданія. Люди мятутся и мучатся, обвиняютъ себя, нападаютъ на окружающихъ, на среду, на жизнь вообще,—и создаютъ вокругъ себя такую атмосферу, въ которой, дѣйствительно, жить нельзя безъ того, чтобы не задушить въ себѣ всякій порывъ, зовущій на свѣжій воздухъ, на свободу и просторъ. Воспитаніе, образованіе, взаимный договоръ между людьми, свободно принимающими его нравственное обязательство, могутъ, конечно, умѣрить количество предразсудковъ и связанныхъ съ ними страданій, но еслибы люди достигли идеала въ этихъ отношеніяхъ, все-же оставалась бы огромная доля необъяснимаго, стихійнаго начала, накопленнаго человѣчествомъ въ теченіе прошлыхъ тысячелѣтій, съ которымъ такъ непосильно-тяжела борьба, что ея не боятся развѣ безумцы, видящіе въ своемъ чуть не геніальномъ прозрѣніи остовъ жизни, цѣль и смыслъ ея, яснѣе, чѣмъ снующіе вокругъ нихъ здоровые и уравновѣшенные люди. Но и эти безумцы, умнѣйшая и благороднѣйшая часть общества, „съ молокомъ матери всосавшіе благіе порывы", слишкомъ слабы, чтобы разрубить Гордіевъ узелъ для общаго блага. Падая при первомъ грубомъ прикосновеніи жизни, они видятъ только невозможность жить неосмысленно и предпочитаютъ не жить вовсе, чѣмъ жить такъ, какъ они жили раньше. Съ ними случается то же, что̀ съ Андреемъ Ефимычемъ, котораго только-что помѣстили въ палатѣ № 6. Онъ понялъ свое положеніе и еще что-то... чего не

можетъ передать,—онъ понялъ „дѣйствительность", которой стало ему „страшно". — „Это какое-то недоразумѣніе, — проговорилъ онъ, разводя руками въ недоумѣніи. Надо объясниться, тутъ недоразумѣніе"... Но объясняться не съ кѣмъ: ни у него, ни у сосѣда его по несчастію нѣтъ той „общей идеи", того „бога живого человѣка", который можетъ разъяснить недоразумѣніе между нимъ, благороднымъ больнымъ безумцемъ, и міромъ равнодушныхъ здоровыхъ людей. „А если нѣтъ этого, то и нѣтъ ничего", какъ говоритъ старый профессоръ въ „Скучной исторіи", и „дѣйствительность", въ видѣ кулака больничнаго сторожа Никиты, прекращаетъ жалкое, прозрѣвшее существованіе несчастнаго Андрея Ефимовича.

Жестокія это впечатлѣнія... Не всѣ люди добровольно жертвуютъ имъ собою. Другіе предпочитаютъ уйти отъ нихъ, не знать никакихъ общихъ идей и благихъ порывовъ и жить мелкой повседневной жизнью, оберегая себя отъ ненужныхъ страданій и печалей. Одни изъ нихъ уходятъ въ добровольные футляры, другіе создаютъ себѣ настолько низменные идеалы, что въ примѣненіи къ нимъ самое слово „идеалъ" звучитъ какъ-то оскорбительно и обидно. Іонычи, Бѣликовы, Матвѣи Саввичи („Бабы") и имъ подобные, разработанные въ Чеховскихъ разсказахъ, лишены возможности даже въ мечтѣ, даже въ галлюцинаціи пережить ту картину будущаго человѣчества, которую рисуетъ больному Коврину легенда о черномъ монахѣ: „Васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность. И чѣмъ больше на землѣ такихъ, какъ ты, тѣмъ скорѣе осуществится это будущее. Безъ васъ, служителей высшему началу, живущихъ сознательно и свободно, человѣчество было бы ничтожно; развиваясь естественнымъ порядкомъ, оно долго бы еще ждало конца своей земной исторіи. Вы же на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше введете его въ царство вѣчной правды—и въ этомъ ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословеніе Божіе, которое почило на людяхъ".

„— А какая цѣль вѣчной жизни?—спрашиваетъ Ковринъ.

„— Какъ и всякой жизни—наслажденіе. Истинное наслажденіе въ познаніи, а вѣчная жизнь представитъ безчисленные и неисчерпаемые источники для познанія, и въ этомъ смыслѣ сказано: въ дому Отца Моего обители многи суть". И служеніе высшему началу въ людяхъ есть, только оно обставлено великими трудностями и соблазнами. Оно мелькаетъ въ порывахъ дяди Вани, въ сознательномъ стремленіи къ созидательной работѣ у Астрова, въ бодромъ и смѣломъ идеализмѣ студента Трофимова. И если „Дядя Ваня" оканчивается грустнымъ аккордомъ неудовлетворенныхъ стремленій, и разбитые, измученные, истерзанные люди утѣшаютъ себя перспективой *отдыха* за длинными рядами дней терпѣнія и испытанія, то наступитъ время,

когда то, что лишь намеками сквозитъ въ натурахъ дѣятельныхъ и стремящихся къ идеально-просвѣтленной жизни, восторжествуетъ надъ людьми, какъ могучее, властное начало, которое озаритъ весь міръ и откроетъ въ жизни неизсякаемый источникъ человѣческаго счастья... Эти люди не будутъ говорить объ отдыхѣ, подобно Сонѣ, послѣ мучительныхъ, но безплодныхъ усилій („Дядя Ваня"); слова ихъ явятся призывомъ къ великому культурному дѣлу, къ великому строительству жизни на новыхъ, разумныхъ началахъ. Эта мечта—мечта обаятельно-прекрасная, и пусть она живетъ въ человѣчествѣ, какъ спасительный маякъ среди ненастья и мрака надъ бурнымъ моремъ житейскимъ.... Но пока она совершится, воплотившись въ живую жизнь, люди гибнутъ въ напрасныхъ страданіяхъ, жалкой суетѣ, мелкой борьбѣ или засыпаютъ въ тупой неподвижности и слѣпотѣ.

Все это — чувства и настроенія, которыми жила и продолжаетъ жить значительная часть представителей нашихъ поколѣній, къ которымъ такъ чутко прислушивался Чеховъ. То, къ которому принадлежалъ онъ самъ, утратило вѣру въ идеалы отцовъ, разбило старые кумиры, но само растерялось передъ громадностью тѣхъ задачъ личныхъ, общественныхъ и прочихъ, остановилось въ нерѣшительности и въ попыткахъ разобраться въ хаосѣ вопросовъ, связанныхъ съ личнымъ участіемъ каждаго въ общемъ дѣлѣ, пошло единицами вразбродъ, неувѣренное въ себѣ, безпомощное,—и одни надорвались и изнемогли, подобно Иванову, другіе свернули съ большой дороги и пошли проселками искать мѣщанскаго счастья. Какъ историческое звено, этотъ моментъ найдетъ свое объясненіе въ обстоятельствахъ внѣшнихъ, обусловленныхъ всѣмъ ходомъ развитія русской жизни, всѣмъ процессомъ борьбы прогрессивныхъ общественныхъ элементовъ съ косностью пережившей себя рутины, еще сильной соками отжившихъ поколѣній, еще держащейся корнями своими за могучую почву—ихъ вскормившую. Но художественное отраженіе этого момента нашло въ Чеховѣ своего чуткаго и высоко-даровитаго изобразителя, сумѣвшаго придать своимъ картинамъ ярко-субъективное, новое въ нашей литературѣ, „чеховское" настроеніе, въ которомъ сказалось такъ много мягкой, поэтической грусти, такъ много недосказанной скорби, невыплаканныхъ слезъ....

Это настроеніе дѣлало Чехова, по отношенію ко многимъ людямъ, близкимъ, почти роднымъ. И весь его талантъ, мягкій, задушевный, лишенный стремленія къ эффектамъ, говорилъ душѣ о чемъ-то ей одной понятномъ, близкомъ, исполненномъ участія и ласки. Людямъ, никогда не видавшимъ Чехова, казалось, что со страницъ его разсказовъ на нихъ смотрятъ его безконечно-грустные и задумчивые глаза, имъ становился понятенъ духовный обликъ человѣка, слова ко-

тораго будили въ нихъ сознательное отношеніе къ жизни, вызывали участіе ко всему человѣческому, на чемъ лежитъ печать страданія и горя.

Тѣ, кто не видалъ Чехова, не увидятъ его болѣе. „Высокая нотка задрожала, оборвалась"... Чехова не стало. При жизни писателя, его творенія можно было подвергать субъективной оцѣнкѣ, не соглашаться съ нимъ, ждать отъ него все болѣе и болѣе совершенныхъ твореній. Но когда неожиданно приходитъ роковая вѣсть о вѣчномъ молчаніи, сковавшемъ уста писателя, мысль сосредоточивается на духовномъ подвигѣ почившаго въ его цѣломъ, и въ груди пробуждается чувство глубокой скорби о столь преждевременной утратѣ. Въ Чеховѣ русская литература потеряла художника, владѣвшаго прекраснымъ и оригинальнымъ талантомъ, не знавшаго иныхъ велѣній, кромѣ тѣхъ, которыя были внушены любовью къ человѣчеству и долгомъ передъ жадно внимавшей ему родиной. Родинѣ Чеховъ оставилъ богатое духовное наслѣдіе, и она навсегда сохранитъ о немъ благодарную память.

Евг. Ляцкій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1904.

По поводу начала второго полугодія новой думы, и замѣтка о „спорныхъ" въ ней вопросахъ гл. М. В. Красовскаго.—Двадцать-пять лѣтъ веденія городомъ начальнаго образованія и общіе результаты того.—Четырехклассныя училища, впервые основанныя городомъ, и встрѣчаемыя препятствія къ дальнѣйшему ихъ развитію.—Городскіе училищные дома и задержка въ ихъ постройкѣ.—По поводу „Предварительнаго сообщенія орѳографической подкоммиссіи", и отзывъ академика Ягича о реформѣ русскаго правописанія.—Споры о „неудачной" продажѣ права собственности на сочиненія А. П. Чехова.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ открывается второе полугодіе распорядительной и контролирующей дѣятельности столичной городской думы, дѣйствующей въ первый разъ на основаніи новаго петербургскаго „Положенія" 8-го іюня 1903 года; нельзя, конечно, не пожелать этому новому полугодію лучшей судьбы, сравнительно съ тою, какая выпала на долю такой же дѣятельности думы въ первое ея полугодіе. При обзорѣ городскихъ дѣлъ за это первое полугодіе (см. іюнь, стр. 871—873), мы имѣли случай убѣдиться, что для удовлетворенія самыхъ насущныхъ городскихъ нуждъ почти ничего не было сдѣлано городскимъ общественнымъ управленіемъ, что̀, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ думѣ не было дано возможности въ теченіе *шести* мѣсяцевъ окончательно организовать хотя бы само городское общественное управленіе; въ сентябрѣ, по истеченіи цѣлаго полугодія, какъ городская управа, такъ и исполнительныя коммиссіи, завѣдующія самыми важными отраслями городского самоуправленія, остаются въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ эти исполнительные о̀рганы были, полгода тому назадъ, при открытіи думы, на основаніи новаго закона: неизвѣстно и теперь—городская управа останется при настоящемъ числѣ своихъ членовъ, опредѣленномъ въ „Положеніи", или окажется необходимымъ ходатайствовать объ увеличеніи ихъ числа; исполнительнымъ коммиссіямъ остается точно также неизвѣстнымъ, по какой причинѣ дума нынѣшній разъ отлагала избраніе новыхъ членовъ на мѣсто прежнихъ, дѣйствующихъ уже цѣлые полгода безъ всякихъ полномочій. До настоящаго времени обыкновенно каждый новый составъ думы *безотлагательно* избиралъ новыхъ членовъ исполнительныхъ коммиссій; такъ было даже и послѣ замѣны „Положенія" 1870 года — новымъ 1892 года, какъ нынѣ „Положеніе" 1903 года замѣняетъ собою „Положеніе" 1892 года. Городской управѣ всѣми тремя „Положеніями" (1870, 1892 и 1903 г.) предоставлялось одина-

ково только „представлять" думѣ о необходимости *избранія* той или другой исполнительной коммиссіи; но законъ ей никогда не предоставлялъ права представлять о *закрытіи* коммиссій, уже однажды разрѣшенныхъ думою и допущенныхъ правительствомъ; одна дума, на основаніи докладовъ своей ревизіонной коммиссіи, можетъ найти необходимымъ закрыть ту или другую коммиссію, а потому и нынѣшній разъ,—какъ то было въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ городского самоуправленія,—предстояло думѣ не больше, какъ только избрать новыхъ уполномоченныхъ членовъ въ исполнительныя коммиссіи, если сама дума не нашла бы ту или другую коммиссію излишнею.

Къ упорядоченію дѣятельности думы и установленію правильнаго хода въ ней дѣлъ необходимо было также поспѣшить разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ правилъ для того, а также и въ удовлетвореніе требованія нового закона — дать инструкцію новому предсѣдателю думы по порядку назначенія дѣлъ на очередь. Но дума поручила это дѣло— городской управѣ!... въ противность прежнимъ порядкамъ, когда оно поручалось подготовительнымъ коммиссіямъ; правда, дума опредѣлила управѣ срокъ, но это въ настоящее время—одна формальность, такъ какъ впередъ могло быть извѣстно, что управа не исполнитъ порученія, и что за это съ нея никто не взыщетъ, такъ какъ компактное большинство гласныхъ (95) находится въ ея распоряженіи, да и самъ предсѣдатель думы, какъ мы уже видѣли, являлся до настоящаго времени защитникомъ управы болѣе, чѣмъ самъ предсѣдатель управы, предоставлявшій, повидимому, предсѣдателю думы исполненіе его обязанностей по защитѣ докладовъ управы.

Одинъ изъ новыхъ гласныхъ городской думы, М. В. Красовскій, весьма кстати потому обратилъ особое вниманіе на эту новую должность въ общей системѣ городского общественнаго управленія, а именно, на особаго предсѣдателя городской думы, и посвятилъ цѣлую замѣтку разсмотрѣнію вопроса о правахъ и взаимныхъ отношеніяхъ предсѣдателя думы и городского головы [1]). По мнѣнію автора, это— вопросъ „спорный" и „остается открытымъ", но и то, и другое если случилось, то только благодаря исключительно тому, что предсѣдатель думы, во многихъ отношеніяхъ, имѣлъ всю возможность рѣшить этотъ вопросъ практическимъ путемъ; но такъ какъ этого не случилось, то только потому и могъ явиться въ средѣ думы отвлеченный вопросъ о „рангѣ" предсѣдателя думы и городского головы, который, собственно, есть и предсѣдатель управы: но предсѣдатель управы, вмѣстѣ съ самой управой, безъ сомнѣнія, стоитъ ниже думы и ея предсѣдателя. И дѣйстви-

---

[1]) „Право", 1904 г., № 23, 6 іюня: „По поводу нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ въ организаціи преобразованнаго общественнаго управленія г. Петербурга".

тельно, предсѣдатель управы *представляетъ* предсѣдателю думы доклады управы и заявленія гласныхъ; предсѣдатель управы ожидаетъ отъ предсѣдателя думы назначенія дѣлъ на очередь, и обязанъ доводить о томъ до свѣдѣнія гласныхъ; предсѣдатель управы не можетъ обращаться съ докладами непосредственно къ думѣ или дѣлать ей предложенія, помимо предсѣдателя думы: таково естественное, выраженное и въ законѣ, отношеніе предсѣдателя думы къ предсѣдателю управы. Но именно этому предсѣдателю подчиненнаго органа предоставлено архаическое наименованіе „городского головы", что до сихъ поръ соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ городской голова предсѣдательствовалъ и въ управѣ, и въ думѣ; но теперь у него отнята самая существенная часть прерогативы—предсѣдательство въ думѣ, и тѣмъ не менѣе, оставаясь при одной младшей должности—предсѣдателя управы, подчиненнаго думѣ органа,—онъ продолжаетъ носить прежнее названіе городского головы. Вотъ это совершенно случайное обстоятельство и могло сдѣлать безспорное по себѣ—спорнымъ, и вызвать лишній, чтобы не сказать — праздный вопросъ, который если и остался, по выраженію М. В. Красовскаго, „открытымъ", то только потому, что, съ одной стороны, предсѣдатель думы не взялъ на себя трудъ, или ему не было по силамъ, фактически установить правильныя отношенія между собою и предсѣдателемъ управы, а съ другой—такія отношенія выяснились бы вполнѣ при помощи инструкціи какъ для самой думы, такъ и для ея предсѣдателя; но—составленіе такой инструкціи было поручено, какъ мы уже упоминали, управѣ, вмѣсто того, чтобы поручить такое дѣло думской подготовительной коммиссіи.

М. В. Красовскій совершенно справедливо говоритъ: „предоставляя думѣ избрать себѣ предсѣдателя изъ среды гласныхъ, не занимающихъ должностей по общественному управленію, законъ 8-го іюня 1903 г. не вошелъ, однако, въ подробное опредѣленіе правъ и обязанностей предсѣдателя думы и отношеній его къ городскому головѣ (т.-е. предсѣдателю управы).... Развитіе общихъ началъ, преподанныхъ въ законѣ, и подробное выясненіе всѣхъ частностей устройства и дѣятельности сложнаго механизма общественнаго управленія г. Петербурга, составляетъ предметъ инструкцій, которыя должны быть изданы думою, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ. Но инструкціи эти—заключаетъ авторъ замѣтки—еще не выработаны (а почему?), и задача ихъ составленія представляется — по мнѣнію автора — настолько сложною и трудною, что, конечно, пройдетъ не мало времени до ихъ изданія",—особенно, прибавимъ отъ себя,—если составленіе такихъ инструкцій будетъ оставаться въ рукахъ городской управы: задача такого составленія можетъ, въ такомъ случаѣ, сдѣлаться не только сложною и трудною—она можетъ сдѣлаться безконечною!

Между тѣмъ, вся исторія инструкцій и правилъ говоритъ, что задача составленія инструкціи какъ думѣ, такъ нынѣ и ея предсѣдателю, никогда не считалась ни „сложною", ни „трудною", потому что она состояла только въ *пересмотрѣ* прежней инструкціи, въ *дополненіи* ея, по указанію опыта, а послѣ введенія новаго „Положенія 1892 года", въ отмѣну „Положенія 1870 года", въ необходимыхъ измѣненіяхъ примѣнительно къ новому тогда „Положенію". Все это совершалось въ какія-нибудь два-три засѣданія какой-нибудь подготовительной коммиссіи, а дума въ ближайшемъ засѣданіи разсматривала составленный ею проектъ и утверждала. Ничего другого не предстояло сдѣлать и теперь, какъ только то, что̀ было сдѣлано въ 1892 году, и что̀ тогда, несмотря на существенныя отступленія отъ „Положенія 1870 года", не представляло ни особой сложности, ни особаго труда, при пересмотрѣ инструкціи, составленной для думы на основаніи прежняго закона; пришлось сдѣлать однѣ необходимыя перемѣны, вызванныя новымъ тогда закономъ; ничего другого не предстояло бы сдѣлать и теперь. Но до какой степени самъ предсѣдатель думы, повидимому, не торопился разрѣшеніемъ всѣхъ такихъ вопросовъ, клонящихся къ выясненію правъ и обязанностей предсѣдателя думы и управы — можно видѣть изъ самой замѣтки М. В. Красовскаго.

„Скорѣйшее разрѣшеніе вопроса (о правахъ и взаимныхъ отношеніяхъ предсѣдателя думы и городского головы, т.-е. предсѣдателя управы) представляется—такъ весьма справедливо говоритъ авторъ—крайне желательнымъ, ибо предсѣдатель думы и городской голова являются весьма важными о̀рганами въ общественномъ управленіи нашей столицы, и отъ правильной постановки ихъ временныхъ отношеній, отъ того, будутъ ли они содѣйствовать другъ другу, или же постоянно сталкиваться и пререкаться, въ значительной степени зависитъ успѣшный ходъ городского управленія С.-Петербурга. Въ недавнее время по этому предмету составленъ и отпечатанъ въ „Извѣстіяхъ Городской Думы" (апрѣль, № 10, стр. 1300) докладъ городской управы, который, однако, касается только вопросовъ редакціи пригласительныхъ повѣстокъ на думскія собранія и представительства внѣ собраній думы, не обнимая другихъ, возникавшихъ въ думѣ, спорныхъ вопросовъ по разграниченію правъ и обязанностей предсѣдателя думы и городского головы. *Въ послѣднемъ очередномъ собраніи думы предъ предстоящимъ перерывомъ ея занятій на лѣтніе мѣсяцы упомянутый докладъ къ слушанію не назначенъ* [1]), а слѣдовательно,

[1]) Отъ предсѣдателя думы, по закону, зависѣло назначеніе этого доклада къ слушанію—но онъ не назначилъ! Но этого впредь не случится, когда дума въ инструкціи опредѣлитъ точнѣе порядокъ назначенія дѣлъ на очередь.

вопросы о правахъ предсѣдателя думы и объ его отношеніи къ городскому головѣ будутъ обсуждаться въ думѣ не раньше осени. Весьма было бы полезно, чтобы въ этотъ промежутокъ времени печать обратила на нихъ вниманіе и занялась ихъ разработкой. Настоящая замѣтка представляетъ собою первую попытку въ этомъ отношеніи. При этомъ, отнюдь не претендуя ни на всесторонность изслѣдованія, ни на безошибочность заключеній, она имѣетъ задачею лишь намѣтить требующіе разработки спорные вопросы и, высказавъ вполнѣ объективно предположенія относительно правильнаго ихъ разрѣшенія, вызвать замѣчанія и возраженія, которыя помогутъ всесторонне освѣтить эти вопросы".

Пользуемся этимъ приглашеніемъ и сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу высказанныхъ авторомъ соображеній и предлагаемыхъ съ его стороны рѣшеній относительно нѣкоторыхъ сомнѣній и споровъ въ новой думѣ по вопросамъ, касающимся правъ и обязанностей предсѣдателя думы. Въ числѣ такихъ „спорныхъ" вопросовъ на первомъ мѣстѣ авторъ помѣщаетъ вопросъ:—кому принадлежитъ „*право созывать собраніе думы*"?—предсѣдателю ли думы, или городскому головѣ, т.-е. предсѣдателю управы? Основываясь, конечно, не на буквѣ закона, а руководясь одними сужденіями членовъ государственнаго совѣта, высказанными при разсмотрѣніи проекта новаго Положе́нія, авторъ замѣтки приходитъ къ заключенію, что „приглашенія гласнымъ на всѣ собранія думы должны исходить отъ городского головы". Но что̀ могло бы послѣдовать, если бы городской голова̀, въ силу такой теоріи, пригласилъ гласныхъ въ собраніе думы, а предсѣдатель думы отказался бы явиться, между тѣмъ какъ городской голова, созвавшій собраніе, не имѣетъ права предсѣдательствовать въ думѣ? Дѣло въ томъ, однако, что дни и часы 24-хъ собраній думы опредѣляются самою думою на весь годъ впередъ, и ни малѣйше не зависятъ отъ городского головы, и потому онъ имѣетъ не „право", а *обязанность* исполнить постановленіе думы и вмѣстѣ сообщить гласнымъ въ назначенный думою срокъ списокъ дѣлъ, поставленныхъ на очередь предсѣдателемъ думы; городскому головѣ ничего не остается, какъ исполнять порученіе предсѣдателя думы. Будь своевременно составлена управою инструкція для дѣлопроизводства въ думѣ и для ея предсѣдателя, — такой вопросъ, какъ настоящій, не могъ бы даже и явиться въ средѣ гласныхъ. Несравненно важнѣе тутъ другой вопросъ: когда городская управа удосужится исполнить данное ей думою порученіе—составить такую инструкцію?—Пропустивъ уже одинъ срокъ, она, конечно, не затруднится пропустить и слѣдующіе, новые сроки, какіе ей будутъ назначены.

Второй „спорный" вопросъ—въ томъ же родѣ: кому, предсѣдателю ли думы, или городскому головѣ, т.-е. предсѣдателю управы, „при-

надлежитъ первое мѣсто" въ „собраніяхъ думы", напримѣръ, при торжественныхъ молебствіяхъ и т. под.? Впрочемъ, авторъ замѣтки самъ вспомнилъ, что подобныя собранія думы вовсе „не предусмотрѣны „Положеніемъ" 8 іюня 1903 года", которое допускаетъ только 24 собранія думы, заранѣе предназначенныя, какъ мы видѣли, думою,— а потому никакихъ другихъ собраній думы, кромѣ экстренныхъ, и не можетъ быть. Точно также не можетъ быть и самаго вопроса о первенствѣ между предсѣдателемъ думы и предсѣдателемъ управы (городскимъ головой): и тотъ, и другой, могутъ являться представителями города не иначе, какъ по полномочію думы. И это опять можетъ быть все разъяснено и установлено инструкціею.

Несравненно важнѣе и существеннѣе третій и послѣдній вопросъ, который авторъ считаетъ „спорнымъ", но опять только потому, что предсѣдатель думы ни разу не настаивалъ на необходимости для городской управы, въ назначенный думою срокъ, представить проектъ инструкціи. Законъ на этотъ разъ, повидимому, ясенъ и точенъ: гласный, желающій сдѣлать думѣ предложеніе (ст. 59), обращается съ письменнымъ о томъ заявленіемъ къ городскому головѣ, который, по собраніи надлежащихъ справокъ, передаетъ предложеніе предсѣдателю думы. Но когда?! Такой фактическій вопросъ и ему подобные рѣшаются обыкновенно не закономъ, а инструкціею, которая должна служить въ развитіе и объясненіе способа примѣненія закона на практикѣ.

Авторъ, какъ мы видѣли, считаетъ составленіе подобной инструкціи дѣломъ весьма „сложнымъ" и труднымъ; но на этотъ разъ онъ самъ доказалъ, что такая работа не представляетъ въ себѣ ничего сложнаго и труднаго; онъ тутъ же и предложилъ думѣ „впредь до изданія (?) инструкціи установить: а) что по запросамъ городской голова обязанъ въ *недѣльный* срокъ сообщить сдѣлавшему запросъ гласному просимыя свѣдѣнія, или же увѣдомить о причинахъ, препятствующихъ сообщенію таковыхъ; и б) что доклады управы по предложеніямъ гласныхъ должны быть приготовлены и переданы предсѣдателю въ *мѣсячный* срокъ, а при невозможности соблюсти этотъ срокъ, по сложности возбужденнаго вопроса или по инымъ препятствіямъ, городской голова обязанъ увѣдомить внесшихъ предложенія гласныхъ о причинахъ, вызывающихъ замедленіе во внесеніи докладовъ по ихъ предложеніямъ. Очевидно, при этомъ, что гласный, получившій отказъ въ сообщеніи свѣдѣній, или предложеніе коего задержано, имѣетъ право обжаловать думѣ отказъ или медленность городского головы или управы".

Но для думы было бы несравненно проще и цѣлесообразнѣе принять серьезныя мѣры къ немедленному составленію *полной* инструкціи, на что вовсе не потребуется много времени, какъ мы уже объяснили

то выше,—чѣмъ рѣшать, по клочкамъ, какіе-нибудь отдѣльные вопросы, подобные настоящему.

Въ 1902 г., 15-го іюня, исполнилось цѣлое двадцатипятилѣтіе (1877—1902 г.) дѣятельности городской исполнительной коммиссіи по народному образованію, и тогда же городская дума дала ей средства составить подробный историческій очеркъ быстраго развитія дѣла народнаго образованія въ столицѣ и его замѣчательныхъ успѣховъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ.

Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, въ 1877 году, министерство народнаго просвѣщенія имѣло на весь городъ 14 начальныхъ училищъ, съ 14 классами, каждый въ 50 учащихся, а всего учащихся въ городѣ было около *800* дѣтей обоего пола! Это и было все, что̀ министерство могло тогда передать въ вѣдѣніе города; въ настоящее же время городъ содержитъ въ 332 училищныхъ помѣщеніяхъ—524 класса!! Всѣхъ учащихся, обоего пола, къ концу истекшаго 1903—4 года было *26.201*; изъ нихъ: 13.201 мальчиковъ и 13.000 дѣвочекъ. Не менѣе обращаетъ на себя вниманіе, за этотъ же періодъ, и качественная сторона успѣховъ народнаго образованія въ столицѣ: въ этомъ отношеніи вышедшій нынѣ въ свѣтъ отчетъ городской коммиссіи по народному образованію, подъ заглавіемъ: „Двадцатипятилѣтіе начальныхъ училищъ города С.-Петербурга, 1877—1902 г.", представляетъ чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній о томъ, сколько трудностей представляло это дѣло въ своемъ началѣ, когда потребовалась даже борьба съ тѣмъ самымъ вѣдомствомъ, которое само же передало городу дѣло начальнаго образованія, но не желало допустить самостоятельности для него въ веденіи самаго дѣла, между тѣмъ какъ только достиженіе такой самостоятельности, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, и было впослѣдствіи причиною чрезвычайныхъ успѣховъ дѣла начальнаго народнаго образованія въ столицѣ. Городу (25 лѣтъ тому назадъ) приходилось иногда обращаться даже къ сенату, который всегда и удовлетворялъ законныя его жалобы на министерство.

До 1877 года городъ субсидировалъ министерство народнаго просвѣщенія, отчисляя на этотъ необязательный для него расходъ всего 14.000 рублей въ годъ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ на себя веденіе училищнаго дѣла, расходъ на одно начальное обученіе сталъ быстро возрастать, и нынѣ, въ 1904 году, превысилъ 1.300.000 рублей!! Такая щедрость города была возможна опять единственно подъ условіемъ самостоятельности въ веденіи самаго дѣла, такъ какъ и до сихъ поръ

расходъ на этотъ предметъ относится къ числу необязательныхъ расходовъ. Впрочемъ, увеличенiе такихъ расходовъ произошло вовсе не отъ одного увеличенiя численности училищъ, но также и отъ улучшенiя обстановки школьныхъ помѣщенiй и дальнѣйшаго развитiя самого училищнаго дѣла. Въ этомъ отношенiи истекшее двадцатипятилѣтiе было ознаменовано главнѣйше двумя новыми городскими предпрiятiями, а именно, *постройкою городскихъ домовъ*, спецiально приспособленныхъ для соединенiя подъ одною кровлею нѣсколькихъ училищъ или классовъ, что представило массу выгодъ, и экономическихъ, и организацiонныхъ, немыслимыхъ при разсѣянiи училищъ въ случайныхъ наемныхъ квартирахъ. Но въ истекшее двадцатипятилѣтiе этому дѣлу было положено только начало, такъ какъ коммиссiя успѣла, въ послѣднiя пять-шесть лѣтъ, отстроить и устроить всего только два училищныхъ дома: на 600 и 1.000 учащихся.

Другое начинанiе училищной коммиссiи относилось *къ довершенiю народнаго образованiя* въ столицѣ: въ 1877 г., городу были переданы только однѣ начальныя школы, съ трехлѣтнимъ обученiемъ въ нихъ; довершенiе же народнаго образованiя было предоставлено такъ называемымъ четырехкласснымъ училищамъ или „городскимъ", съ научною программою, близкою къ четыремъ классамъ гимназiи. Эти послѣднiя, несмотря на ходатайство города о передачѣ и ихъ въ его вѣдѣнiе, остались въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенiя, а число ихъ до 90-хъ годовъ истекшаго столѣтiя не шло далѣе шести на весь городъ, между тѣмъ какъ начальныя училища къ этому времени считались уже сотнями. Только въ 90-хъ годахъ, благодаря просвѣщеннымъ усилiямъ тогдашняго попечителя с.-петербургскаго округа, покойнаго М. Н. Капустина, число „городскихъ" училищъ, содержимыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенiя, начало увеличиваться и нынѣ дошло до 14 мужскихъ и женскихъ. Но такъ какъ одновременно съ тѣмъ росло и число начальныхъ училищъ, то недостатокъ въ четырехклассныхъ училищахъ продолжалъ ощущаться почти въ той же степени, какъ и прежде. Многiе ли могли найти возможность попасть въ городскiя министерскiя училища, когда изъ начальныхъ училищъ выпуски въ послѣднiе годы стали приближаться къ 5.000!?

Такъ какъ городу было отказано въ правѣ вести самостоятельно дѣло обученiя въ собственныхъ „городскихъ" училищахъ, то дума прежде могла только оказывать денежную помощь или министерству, или частнымъ лицамъ, открывавшимъ четырехклассныя „городскiя" училища, и на это расходовалось не болѣе 14.000 рублей. Въ 1896 г., дума, пользуясь наступившимъ тогда въ ноябрѣ столѣтiемъ со дня кончины Екатерины Великой, во имя ея сдѣлала еще разъ попытку просить о разрѣшенiи ей открыть *городское* училище, по „Положенiю"

о городскихъ училищахъ 1872 года,—но опять получила отказъ; по истеченіи двухъ лѣтъ, въ 1898 г., на возобновленное ходатайство о томъ же дума хотя снова получила отказъ, но съ примѣчаніемъ: „еслибы дума желала учредить училище, которое не пользовалось бы правами правительственныхъ училищъ, а существовало бы *на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній*, то съ мнѣніемъ думы *можно было бы* согласиться". Строго говоря, съ этимъ даже нельзя было не согласиться: подобное право основывать четырехклассныя городскія училища признано давно за городскою думою самимъ закономъ. Дума, на этотъ разъ, согласилась воспользоваться указаніемъ министерства, такъ какъ „городскія" училища, основанныя на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, пользуются одинаковою программою съ министерскими, и учащіеся въ нихъ лишены только особыхъ преимуществъ при поступленіи на государственную службу. Въ засѣданіи 6 ноября 1898 года, дума и постановила, какъ говорится въ „Отчетѣ", „учредить первое городское четырехклассное училище имени Императрицы Екатерины Великой, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, и уполномочила коммиссію на открытіе его съ 1899—1900 учебнаго года, ассигновавъ на содержаніе училища по 8.200 руб. въ годъ.

„Опредѣлено было, что училище предназначается для обученія мальчиковъ, окончившихъ курсъ начальнаго народнаго училища, на 200 учениковъ; что въ немъ должны быть 8 учителей, плата за обученіе — 20 рублей, предметы преподаванія—слѣдующіе: „а) Законъ Божій, б) чтеніе и письмо, в) русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе, съ переводомъ на русскій языкъ, г) ариѳметика съ алгеброй, д) геометрія, е) географія и исторія какъ всеобщая, такъ и, главнѣйше, отечественная, ж) свѣдѣнія изъ естественной исторіи, физики и химіи, з) черченіе и рисованіе, и) пѣніе и гимнастика".

„Вслѣдствіе прошенія коммиссіи, управленіе петербургскаго учебнаго округа увѣдомило, что съ его стороны „не встрѣчается препятствій къ открытію упомянутаго выше училища, но съ тѣмъ, чтобы: 1) разрѣшеніе на открытіе училища было дано не исполнительной коммиссіи, а городскому общественному управленію; 2) учащіе, въ виду великовозрастности учащихся, 11—17 лѣтъ, должны быть мужского пола; 3) изъ числа учащихъ въ училищѣ долженъ быть выбранъ завѣдующій училищемъ, на которомъ лежала бы обязанность ближайшаго руководства учебною частью училища и завѣдываніе хозяйственною его частью, и 4) *училище это подчинялось всѣмъ требованіямъ закона о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ*" (отнош. 2 апрѣля 1899 г., № 3894). Въ выданномъ затѣмъ коммиссіи отъ управленія округа свидѣтельствѣ на право содержанія городского училища было вмѣнено въ обязанность училищу, на основаніи предложенія мини-

стерства народнаго просвѣщенія: „въ устройствѣ учебной части руководствоваться въ точности какъ указаннымъ Положеніемъ 1872 года, такъ и всѣми изданными министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ развитіе его, распоряженіями и инструкціями“ (Свидѣтельство за № 5530, отъ 11 мая 1899 г.).

Въ день открытія перваго „городского“ четырехкласснаго мужского училища, 15 сентября 1899 года, состоялось новое рѣшеніе думы объ устройствѣ такого же женскаго училища, въ ознаменованіе дня рожденія великой княжны Маріи Николаевны, а самое открытіе послѣдовало въ февралѣ 1901 года. Съ того времени, число „городскихъ“ училищъ, содержимыхъ городомъ, начинаетъ довольно быстро возрастать: начиная съ 1899 года, когда, какъ мы видѣли, было открыто первое „*городское*“ училище, въ обоихъ смыслахъ этого слова,— и по „Положенію о *городскихъ* училищахъ 1872 г.“, и по завѣдыванію имъ самимъ городомъ, почему и начальныя училища именуются также городскими—въ теченіе истекшихъ пяти лѣтъ число такихъ „городскихъ“ училищъ, открытыхъ самимъ городомъ и завѣдуемыхъ имъ, возросло до *семи* (4 мужскихъ и 3 женскихъ); въ истекшемъ учебномъ 1903—1904 г. въ нихъ обучалось 827 (506 мужск. пола и 321 женскаго); на содержаніе ихъ ассигновано на 1904 годъ — около 66$^1/_2$ тысячъ. Въ нынѣшнемъ году, первое мужское „городское“ училище успѣло уже сдѣлать два выпуска: въ первый разъ въ 33 уч., и вторично—48.

Нельзя, конечно, возвратить утраченнаго времени, но нельзя также и не пожалѣть, что разрѣшеніе на открытіе „городскихъ“ училищъ не было дано двадцать лѣтъ тому назадъ: нѣтъ сомнѣнія, что число этихъ училищъ въ настоящее время было бы весьма значительно. Впрочемъ, при нѣкоторой, со стороны министерства народнаго просвѣщенія, нравственной поддержкѣ города на этомъ прекрасномъ пути, городъ можетъ получить возможность возвратить время, потерянное безъ пользы для довершенія начальнаго образованія. Къ сожалѣнію, надежда на такую поддержку со стороны учебнаго вѣдомства едва ли бы оправдалась,—и вотъ почему.

Коммиссія не могла не обратить вниманія на то обстоятельство, что *начальныя* училища, состоящія въ вѣдѣніи думы, хотя и находятся подъ ближайшимъ надзоромъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, но городъ, въ лицѣ своей училищной коммиссіи, лишенъ права выдавать своимъ учащимся какія-нибудь свидѣтельства, которыя сообщали бы имъ такія права,—какъ, напримѣръ, на льготу по воинской повинности. Экзамены выпускаемыхъ изъ начальныхъ училищъ и выдача имъ свидѣтельства, которыя даютъ право на упомянутую льготу, могутъ производить исключительно члены городского училищнаго совѣта, но не коммиссіи; этотъ совѣтъ состоитъ изъ пред-

ставителей отъ различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и двухъ представителей отъ города; отъ министерства народнаго просвѣщенія тамъ также два члена. Итакъ, одно присутствіе на экзаменахъ въ начальныхъ училищахъ представителей отъ правительства вообще и отъ спеціальнаго вѣдомства въ частности—дало возможность начальнымъ училищамъ, хотя и завѣдуемымъ думою, а не министерствомъ, доставлять, однако, своимъ учащимъ тѣ же права, какими пользуются такія же училища, содержимыя министерствомъ.

Руководясь этимъ примѣромъ, еще въ 1903 году, училищная коммиссія обратилась, чрезъ г. попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, съ ходатайствомъ о предоставленіи оканчивающимъ курсъ въ открытыхъ с.-петербургскою городскою думою четырехклассныхъ городскихъ училищахъ, по Положенію 1872 года, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, тѣхъ же правъ, какія присвоены учащимся въ правительственныхъ такихъ же городскихъ училищахъ, при условіи выдержанія испытаній въ особыхъ коммиссіяхъ, гдѣ присутствовали бы члены отъ правительства, подобно тому, какъ это происходитъ въ начальныхъ училищахъ. Въ апрѣлѣ текущаго года коммиссія получила отрицательный отвѣтъ, на томъ основаніи, что въ 1899 году министерство разрѣшило с.-петербургскому городскому управленію учредить въ С.-Петербургѣ одно четырехклассное городское училище на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ, чтобы оно въ устройствѣ учебной части руководствовалось въ точности какъ положеніемъ 31 мая 1872 года, такъ и всѣми изданными министерствомъ въ развитіе его распоряженіями и инструкціями. „*Между тѣмъ*,—говорится далѣе,—*изъ имѣющихся въ министерствѣ данныхъ видно, что означенныя условія городскимъ управленіемъ не выполняются*: учители назначаются изъ лицъ съ самымъ разнообразнымъ образовательнымъ цензомъ, иногда безъ всякаго учительскаго званія; учебная часть устроена также не вполнѣ согласно съ постановкой ея въ правительственныхъ городскихъ училищахъ. Произведенная ревизія [1]) показала, что едва ли городскому управленію удастся столь же успѣшно справиться съ этимъ типомъ учебныхъ заведеній, какъ оно справилось съ начальными училищами. Тѣмъ не менѣе, городскому управленію было дозволено начальствомъ учебнаго округа, безъ представленія министерству, открыть еще два такія мужскія городскія училища и два женскія, которыя уже вовсе Положеніемъ 1872 года не предусматриваются.

„Такой видъ учебныхъ заведеній нельзя признать желательною замѣною надлежаще организованныхъ городскихъ училищъ, а потому, при обсужденіи вопроса объ учрежденіи такихъ училищъ, необходимо

[1]) О ней, вѣроятно, не было сообщено думѣ, а потому мы не могли нигдѣ получить о ней справку, ни о томъ, когда и кѣмъ она была произведена.

соблюдать особенную осторожность, имѣя въ виду, что на это дѣло затрачиваются общественныя, а не частныя средства. Поэтому ходатайства о такихъ училищахъ должны направляться въ министерство; женскія же городскія училища ни властью начальства округа, ни властью министерства открываемы быть не могутъ.

„Обращаясь за симъ къ вопросу объ учрежденіи проектируемыхъ испытательныхъ коммиссій, нельзя не замѣтить, что эти коммиссіи не могутъ представить собою дѣйствительно контролирующаго учрежденія, такъ какъ депутаты учебнаго вѣдомства, избираемые изъ учителей городскихъ училищъ и безъ всякихъ опредѣленныхъ полномочій, конечно, явятся малоавторитетными лицами въ глазахъ представителей городского управленія; притомъ же, съ увеличеніемъ числа содержимыхъ городомъ городскихъ училищъ, у учебнаго вѣдомства не окажется достаточно лицъ для присутствованія въ коммиссіяхъ.

„При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что Положеніемъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которымъ лишь отчасти городское управленіе можетъ руководствоваться въ примѣненіи къ учреждаемымъ имъ городскимъ училищамъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ эти учебныя заведенія должны сохранять свои типичныя черты (городскія училища), образованіе коммиссій разрѣшается только по отношенію къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ 1-го разряда, именуемымъ „частными гимназіями“ (ст. 3738, т. XI, ч. I св. зак.), такъ что учрежденіе такихъ коммиссій для открываемыхъ с.-петербургскимъ городскимъ управленіемъ городскихъ училищъ является законодательнымъ вопросомъ“...

Въ заключеніе г. министръ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи управленію с.-петербургскимъ учебнымъ округомъ, присовокупилъ, что „выходить изъ рамокъ закона, по отношенію къ учреждаемымъ с.-петербургскимъ городскимъ управленіемъ училищамъ министерство не можетъ, для возбужденія же въ законодательномъ порядкѣ вопроса объ измѣненіи закона министерство не имѣетъ въ виду мотивированнаго ходатайства“.

Надобно думать, что коммиссія не замедлитъ войти въ думу съ докладомъ, который и представитъ собою такое мотивированное ходатайство. Главный мотивъ, конечно, будетъ тотъ, что если для успѣховъ такого важнаго дѣла, какъ довершеніе народнаго образованія столицы, при дѣятельномъ содѣйствіи мѣстныхъ силъ, которыя облегчили бы трудъ и уменьшили бы расходы на это правительства, недостаетъ только соотвѣтственнаго законоположенія, то уже и этого одного мотива достаточно, по нашему мнѣнію, чтобы законодательная власть обратила вниманіе на такое ходатайство города.

Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, со стороны министерства высказываются уже впередъ нѣкоторыя какъ бы возраженія противъ та-

кого ходатайства; указывается на то, что городъ назначаетъ учителей иногда „безъ всякаго учительскаго званія"; да и учебная часть устроена не вполнѣ согласно съ постановкой въ правительственныхъ городскихъ училищахъ; но и учителя въ этихъ училищахъ, и программа преподаванія—все это требуетъ утвержденія со стороны чиновъ министерства, а потому высказанные упреки городскимъ четырехклассныкъ училищамъ было бы болѣе справедливо отнести къ бездѣйствію контролирующей и утверждающей власти, а не къ городскому общественному управленію: эта власть и должна объяснить, на какомъ основаніи она давала, напримѣръ, разрѣшеніе обучать лицамъ „безъ всякаго учительскаго званія",—если только это случалось. Женскія училища, дѣйствительно, не предусмотрѣны „Положеніемъ 1872 года", но прежнее министерство, по нашему мнѣнію, вполнѣ правильно давало городу разрѣшеніе на открытіе ихъ, такъ какъ городу разрѣшены четырехклассныя училища на правахъ частныхъ лицъ, которымъ и разрѣшаются женскія четырехклассныя училища: такъ, мы имѣемъ, между прочимъ, извѣстныя четырехклассныя училища,—конечно, женскія, О. К. Витмеръ (бывш. Богдановой-Муравьевской) и Е. П. Томиловской. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ утверждать, что прежнее министерство народнаго просвѣщенія не сдѣлало никакой ошибки, разрѣшивъ думѣ то, что̀ разрѣшено частнымъ лицамъ.

Предложеніе, на будущее время, направлять ходатайства о „городскихъ" училищахъ въ министерство, вѣроятно, относится къ дирекціи училищъ, а не къ городскому общественному управленію, такъ какъ въ законѣ ясно указано, къ кому оно должно обращаться съ подобными ходатайствами. Что же касается до утвержденія, что „Положеніемъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ" городское управленіе можетъ руководиться „лишь отчасти" въ примѣненіи къ учреждаемымъ имъ городскимъ училищамъ, то въ статьѣ закона, если намъ не измѣняетъ память, нѣтъ подобнаго выраженія: „лишь отчасти",—напротивъ, статья требуетъ полнаго подчиненія со стороны городского общественнаго управленія „Положенію о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ",—но не отчасти.

Новое дѣло постройки городомъ собственныхъ училищныхъ домовъ съ многоклассными училищами, снабженныхъ всѣми приспособленіями и усовершенствованіями, какія только вызываются требованіями здоровой школьной жизни,—заняло, какъ то и слѣдовало ожидать, видное мѣсто въ отчетѣ коммиссіи за 25 лѣтъ городского управленія начальными училищами.

„При устройствѣ многоклассныхъ училищъ, — говоритъ отчетъ (стр. 100), — коммиссіи по народному образованію пришлось вести упорную борьбу съ защитниками стараго типа начальной школы. Осо-

бенно настойчиво высказывался противъ многоклассныхъ училищъ бывшій директоръ народныхъ училищъ с.-петербургской губерніи, г. Латышевъ (нынѣ помощникъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа), и въ училищномъ совѣтѣ, и въ печати; въ издаваемомъ имъ педагогическомъ журналѣ „Русскій Начальный Учитель" онъ, во время уже постройки (перваго) Василеостровскаго училищнаго дома, въ 1896 г., писалъ: „хотятъ устроить столь вредное въ воспитательномъ отношеніи массовое скопленіе учащихся и проявляютъ любовь къ муштровкѣ (?!) учащихся"... „Отчетъ" приводитъ подробно отвѣты на всѣ возраженія, которыя тогда дѣлались и другими противъ многоклассныхъ училищъ (стр. 100—104), а въ настоящее время ко всему тому присоединяется семилѣтнее существованіе перваго училищнаго дома, такъ что теперь, о „вредѣ" такихъ домовъ едва-ли громко рѣшится говорить и вышеупомянутый бывшій директоръ народныхъ училищъ с.-петербургской губерніи, и „Отчетъ" коммиссіи съ полнымъ правомъ могъ нынѣ заключить, говоря: „сооруженіе перваго образцоваго училищнаго дома (на Вас. Остр., на 600 учащихся), составляющее, въ связи съ переходомъ къ многоклассной училищной системѣ, знаменательное явленіе въ дѣятельности думы на поприщѣ народнаго образованія, обратило на себя всеобщее вниманіе. Государь Императоръ, ознакомившись съ проектомъ постройки этого дома изъ отчета градоначальника за 1896 годъ, соизволилъ найти такое начинаніе думы „практичнымъ". Министръ народнаго просвѣщенія, графъ И. Д. Деляновъ, при личномъ подробномъ осмотрѣ зданія, въ первые же дни по его окончаніи (26 октября 1897 г.), вполнѣ одобрилъ его устройство.—Первый опытъ—говорится далѣе въ „Отчетѣ"—показалъ вполнѣ цѣлесообразность постройки училищныхъ зданій, а дума не замедлила приступить къ постройкѣ второго училищнаго дома, на Греческомъ проспектѣ,—на „Прудкахъ",—постановивъ о томъ въ слѣдующемъ уже 1898 году, 15 мая. Постройка и отдѣлка перваго дома, съ 12 соединенными классами, потребовала не болѣе 15 мѣсяцевъ и обошлась въ 160 тысячъ (вмѣстѣ съ расходомъ на устройство церкви при училищѣ), а на постройку второго дома, съ 18 соединенными классами, было ассигновано думою 200.000 рублей, самая же постройка была исполнена въ 21 мѣсяцъ.

„Вслѣдъ за окончаніемъ постройки этого (послѣдняго) дома рѣшенъ былъ думою вопросъ о сооруженіи еще двухъ училищныхъ домовъ: въ засѣданіи 10 января 1901 года городская дума постановила внести въ предположенный заемъ—750.000 р. на постройку домовъ для городскихъ училищъ, а 27 декабря того же 1901 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на производство городомъ $4^1/_2$% облигаціоннаго займа въ 30.000.000 р., съ обращеніемъ изъ этой суммы 750.000 р. на постройку училищныхъ зданій. На этотъ предметъ, согласно по-

становленію думы *13 декабря 1903 года*, въ смѣту *на 1903 г.* было внесено 400.000 рублей. Для постройки двухъ училищныхъ домовъ коммиссія избрала: 1) участокъ земли въ Нарвской части, на углу Дровяной и Пріютской улицъ, который, еще думскимъ постановленіемъ 15 мая 1898 г., былъ предназначенъ для постройки училищнаго дома, и 2) участокъ на Петербургской Сторонѣ, по Большой Ружейной улицѣ № 14, для городского училищнаго дома имени Пушкина".

„Отчетъ" не объясняетъ, почему же училищная коммиссія, имѣя въ рукахъ вышеупомянутое постановленіе думы и ассигнованныя на постройку деньги, не поступила такъ, какъ она поступила въ 1896 г., приступивъ немедленно къ постройкѣ. Можно только догадываться, что на этотъ разъ коммиссія отступила отъ своего образца и ввела, хотя полезныя, вообще, дополненія къ постройкѣ училищнаго дома, какъ, напр., помѣщеніе въ немъ читальни, но, во-первыхъ, это было не совсѣмъ согласно съ назначеніемъ займа, разрѣшеннаго исключительно для постройки *училищныхъ* домовъ, а во-вторыхъ, это же обстоятельство вынудило заняться составленіемъ новыхъ плановъ, на что̀ и ушло время! Къ этому слѣдуетъ присоединить и то обстоятельство, что 1903-й годъ ослабилъ вообще энергію въ городскомъ общественномъ управленіи: ожидался новый законъ, а затѣмъ выборы, когда всѣ были озабочены болѣе постройкою не училищныхъ домовъ, а новой думы, по возможности, изъ стараго матеріала. Въ нынѣшнемъ (1904) году, въ маѣ мѣсяцѣ, дума разсмотрѣла наконецъ докладъ коммиссіи о сооруженіи двухъ училищныхъ домовъ, на вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и утвердила его. При этомъ неожиданно явился на сцену новый вопросъ:—кому строить эти дома—тому ли учрежденію, которое доказало вполнѣ свою способность и умѣнье строить училищные дома, уже отстроивъ безупречно два такихъ дома, т.-е. исполнительной училищной коммиссіи, или—городской управѣ, которая также доказала свою строительную способность, но на другихъ домахъ,—наприм., на Васильевскомъ Острову, училищною коммиссіею былъ построенъ первый училищный домъ на Среднемъ проспектѣ, по 7 линіи, а управа построила тамъ же, въ Гавани, извѣстный домъ, который долженъ былъ служить въ помощь во время наводненій, и именно для этой-то цѣли и оказался негоднымъ! Весьма понятно, что дума громаднымъ большинствомъ рѣшила,—имѣя, конечно, въ виду пользу дѣла, съ одной стороны, а съ другой, зная, что тѣмъ управа не устраняется отъ постройки, такъ какъ коммиссія „подчинена" ей, и за управою не только сохраняется право, но на ней лежитъ даже обязанность наблюдать за дѣйствіями коммиссіи,—дума рѣшила вопросъ въ пользу постройки новыхъ училищныхъ домовъ училищною коммиссіею. Дума, изъ прежнихъ отчетовъ коммиссіи, знала, что и при постройкѣ первыхъ двухъ училищныхъ домовъ

сама коммиссія просила управу назначить въ ея строительную суб-коммиссію члена управы, что̀ ею и было исполнено, и такимъ образомъ, управа могла ежедневно знать о всѣхъ деталяхъ постройки и, въ случаѣ надобности, потребовать отъ строителей объясненія. Тѣмъ не менѣе, предсѣдатель управы пошелъ противъ большинства думы и, безъ всякихъ разсужденій, заявилъ коротко, что онъ остается при „особомъ мнѣніи", т.-е. находитъ болѣе полезнымъ, чтобы городская управа строила и училищные дома!

Надобно было ожидать, что и нынѣ, какъ въ 1896 г., когда дума, также въ апрѣлѣ или въ маѣ, постановила о постройкѣ перваго училищнаго дома, училищная коммиссія въ іюнѣ же, какъ тогда, приступить къ закладкѣ домовъ, и къ сентябрю будущаго 1905 года городъ будетъ имѣть еще два новыхъ училищныхъ дома на 1.200 учащихся; но, вмѣсто того, въ газетахъ появилось извѣстіе, что г. градоначальникъ опротестовалъ то постановленіе думы, и такимъ образомъ—какъ сообщаетъ газета „Русь" (4 іюля, № 201)—„особому по дѣламъ г. Петербурга присутствію предстоитъ разрѣшить весьма существенный принципіальный вопросъ о томъ, предоставляется ли по новому Положенію объ общественномъ управленіи г. Петербурга право какой-либо строительной дѣятельности городскимъ исполнительнымъ коммиссіямъ. Городская дума высказалась по этому вопросу въ утвердительномъ смыслѣ, предоставивъ нѣкоторымъ коммиссіямъ самостоятельно вѣдать постройки и капитальный ремонтъ. Высшая инстанція признала этотъ взглядъ думы несогласованнымъ съ закономъ, изъ котораго видно, что подобнаго рода функціи, а равно и отвѣтственность возлагаются исключительно на городскую управу, какъ главный исполнительный органъ думы. Въ свою очередь, и городская управа держится одинаковаго взгляда со сдѣланнымъ разъясненіемъ. Исполнительныя же коммиссіи вообще имѣютъ основаніе доказывать обратное, отстаивая свою самостоятельность отъ управы".

Мы, конечно, не знаемъ настоящихъ мотивовъ протеста, но не можемъ согласиться съ доводами, приводимыми въ газетѣ. Тутъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого „принципіальнаго" вопроса: новое „Положеніе 8-го іюня 1903 г." въ отношеніи построекъ ничѣмъ особенно не отличается отъ предъидущихъ: всякое исполнительное дѣло ведется или управою, или другимъ также исполнительнымъ, но спеціальнымъ органомъ, и одинаково подъ надзоромъ управы; притомъ, отвѣтственность при постройкѣ,—будетъ ли то управа строить, или коммиссія,—все-таки падаетъ, прежде всего, на архитектора, а не на членовъ управы, въ ихъ полномъ составѣ. Впрочемъ, отрицательное постановленіе упомянутаго особаго присутствія будетъ еще обсуждаться думою въ одномъ изъ осеннихъ же засѣданій, и очень воз-

можно, что дума обжалуетъ постановленіе особаго присутствія въ сенатъ, а въ такомъ случаѣ дѣло о постройкѣ двухъ новыхъ училищныхъ домовъ, столь необходимыхъ для упорядоченія школьнаго дѣла, можетъ быть, будетъ отложено—ad calendas graecas!—особенно если это дѣло окончится притомъ возложеніемъ постройки на городскую управу. У насъ было уже замѣчено, что городская управа постоянно жалуется на то, что она черезчуръ обременена дѣлами, а съ другой стороны, настаивая теперь на томъ, что постройки должны быть ея дѣломъ, какъ бы ищетъ случая возложить на себя еще новое бремя. Какъ это объяснить?! Трудно также объяснить и то, что исполнительныя коммиссіи называются *исполнительными*, а въ то же время имъ какъ будто бы нельзя поручить именно исполненія дѣла, которое ближе всего касается ихъ же, а не управы. Впрочемъ, какъ бы ни окончилась *принципіальная* сторона возбужденнаго протестомъ дѣла, *фактическая* его сторона уже теперь несомнѣнна: городъ непремѣнно могъ бы имѣть еще два новыхъ училищныхъ дома *къ сентябрю 1905 года*, такъ какъ на практикѣ оказалось, въ 1896—97 году, что для постройки дома на 600 учащихся, на Васильевскомъ Острову, было совершенно достаточно 15 мѣсяцевъ,—а теперь все это сдѣлалось, по меньшей мѣрѣ, не скоро возможнымъ...

Еще въ концѣ мая, или въ началѣ іюня, появилась въ продажѣ брошюра подъ заглавіемъ: „Предварительное сообщеніе орѳографической подкоммиссіи“, избранной „Коммиссіею по вопросу о русскомъ правописаніи“, состоящею при Отдѣленіи русскаго языка и словесности нашей Академіи наукъ. Этой подкоммиссіи „было поручено выработать проектъ тѣхъ *упрощеній* въ нынѣ принятомъ правописаніи, которыя *не связаны съ исключеніемъ изъ алфавита какихъ-нибудь буквъ*“. Но подкоммиссія, какъ бы считая русскую азбуку личною и полною собственностью коммиссіи, громко заявила, что „буквы ъ, ѣ, ѳ и одно изъ начертаній для звука *і уже исключены изъ азбуки*“;—будемъ, однако, разумѣть, что такой рѣшительный приговоръ имѣетъ силу закона только для самой субкоммиссіи! По поводу такого и ему подобныхъ приговоровъ субкоммиссіи, съ цѣлью *упрощенія* русскаго правописанія,—которое походитъ болѣе на *опрощеніе*, давно уже практикуемое у насъ полуграмотными,—въ газетахъ появилось открытое письмо къ члену упомянутой коммиссіи, московскому профессору П. Ѳ. Брандту, извѣстнаго нашего академика Ягича: „Само собою разумѣется,—пишетъ онъ,—что теоретически нельзя никому отрицать права на всевозможныя попытки упрощенія какъ въ области правописанія, такъ и первоначальнаго обученія. Если небольшому, но дѣятельному

кружку лицъ, выдвинувшихъ этотъ вопросъ, удастся привлечь на свою сторону громадное интеллигентное русское общество, причемъ я предполагаю наличность свободной агитаціи и за и противъ, то естественно, что и школѣ нельзя будетъ не считаться съ перемѣной вкуса публики. Но каждое правительство, не только русское, должно быть въ подобныхъ вопросахъ консервативнымъ и не должно ставить ни себя, ни подвѣдомственную его надзору школу во главѣ этого движенія.

„Въ этомъ-то и заключается ошибка проф. Брандта и его приверженцевъ. Они желаютъ сначала черезъ педагогическіе кружки (въ послѣднее время даже посредствомъ Академіи) оказать давленіе на министерство народнаго просвѣщенія, чтобы оно начало проводить реформу въ школахъ. Но гдѣ же у школьнаго вѣдомства ручательство, что изданныя имъ для школъ предписанія не разобьются о противодѣйствіе широкихъ круговъ русской интеллигенціи? Русское правописаніе, вѣдь этого же никто отрицать не станетъ, есть историческое зданіе, точно такъ же какъ французское, англійское, нѣмецкое или изъ славянскихъ языковъ—чешское и еще болѣе польское. Тысячелѣтія работаютъ надъ этимъ зданіемъ—одно сломится, другое измѣнится, третье пристроится, можетъ быть иногда и не совсѣмъ „стильно", но основной характеръ цѣлаго сохраняется.

„Самъ проф. Брандтъ не можетъ не считаться съ этимъ, и даже и онъ долженъ умѣрить свои орѳографическія вожделѣнія, слѣдовательно и онъ становится на точку зрѣнія оппортунизма, которая, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ правописанія, является лучшей точкой зрѣнія. Чѣмъ менѣе требовать сразу, тѣмъ болѣе видовъ на успѣхъ. Вотъ, напримѣръ, еслибы въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ и широко распространенныхъ политическихъ и литературныхъ изданіяхъ можно было достигнуть пропущенія беззвучнаго „ъ" въ концѣ словъ, то вскорѣ и школа должна была бы считаться съ этимъ „совершившимся фактомъ". До тѣхъ же поръ, пока даже этого упрощенія „ера" не достигли, я считаю преслѣдованіе бѣднаго „ятя" несправедливымъ. Можетъ быть, его употребленіе можно было бы еще болѣе упорядочить, чѣмъ это сдѣлалъ Гротъ, но чтобы уже такъ трудно было врѣзать себѣ въ память примѣненіе этой буквы, этому я никогда не повѣрю. Такимъ тупымъ я не считаю русскій народъ. Воображаемыя трудности съ „ѣ" кажутся мнѣ поэтому сильнымъ преувеличеніемъ. Что же тогда должны бы сказать англичане, французы и нѣмцы о своемъ правописаніи? Но съ другой стороны, кто же пожелаетъ утверждать, что русскій языкъ пересталъ бы существовать и безъ „ятя". Мнѣ кажется только, что устраненіе его не такъ близко, какъ ижицы, ѳиты, десятиричнаго иже и ера (ѣ, ѳ, і, ъ)".

По поводу смерти А. П. Чехова сообщены были въ газетахъ нѣкоторыя любопытныя подробности объ условіяхъ продажи имъ права собственности на его сочиненія издателю „Нивы“, А. Ф. Марксу. Оказывается, что покойный писатель получилъ 75 тысячъ рублей за все напечатанное имъ до 1899 года; сверхъ того, за право отдѣльнаго изданія послѣдующихъ произведеній, независимо отъ предварительнаго напечатанія ихъ въ журналахъ, онъ долженъ былъ получать по 250 рублей за листъ, съ надбавкою по 200 р. черезъ каждыя пять лѣтъ; въ дѣйствительности уже въ 1904 году плата была доведена до 1.000 р. за листъ. Казалось бы, что эти условія могли бы быть признаны блестящими,—особенно если вспомнить, что за право собственности на всѣ сочиненія И. С. Тургенева (кромѣ стихотвореній) уплачено было около 70 тысячъ рублей, а М. Е. Салтыковъ незадолго до своей смерти едва не подписалъ контракта на продажу всего своего литературнаго достоянія за 60 тысячъ рублей и воздержался отъ этого только по настойчивымъ совѣтамъ своихъ друзей. Въ матеріальномъ отношеніи А. П. Чеховъ былъ несравненно счастливѣе другихъ нашихъ писателей, даже такихъ выдающихся, какъ Вс. Гаршинъ, получавшій, кажется, отъ 75 до 100 рублей за листъ, или Глѣбъ Успенскій, бѣдствовавшій до конца дней своихъ. Однако, какъ видно отчасти изъ напечатанныхъ въ „Новомъ Времени“ отрывковъ изъ писемъ А. П. Чехова къ издателю названной газеты, покойный былъ, будто бы, недоволенъ условіями состоявшейся продажи и находилъ ихъ слишкомъ для себя невыгодными. Издатель „Новаго Времени“, съ своей стороны, утверждаетъ, что слѣдовало бы, по справедливости, уплатить гораздо больше и что издатель въ сущности воспользовался лишь деликатностью и уступчивостью А. П. Чехова. „Г. Марксъ—пишетъ онъ — желалъ получить какъ можно больше изъ тѣхъ разсказовъ, которые Чеховъ печаталъ подъ псевдонимомъ Чехонте и которые самъ считалъ слабыми. Уступая просьбѣ г. Маркса, онъ жертвовалъ своимъ литературнымъ вкусомъ въ пользу прибылей издателя“. Но если, какъ сказано выше, Чеховъ продалъ право собственности на *все* напечатанное имъ до заключенія договора, т.-е. до 1899 года, то этимъ самымъ онъ продалъ и право изданія всѣхъ напечатанныхъ имъ небольшихъ разсказцевъ, подъ псевдонимомъ Чехонте, и издатель не имѣлъ уже повода „просить“ о разрѣшеніи перепечатать ихъ; требованіе же объ исключеніи какихъ-либо изъ этихъ разсказовъ изъ новаго изданія по соображеніямъ литературнаго вкуса едва ли могло быть заявлено впервые послѣ подписанія договора. Изъ этихъ небольшихъ разсказовъ составилось нѣсколько томовъ. „Естественно,—говоритъ „Новое Время“,—что г. Марксъ выручилъ всю уплаченную Чехову сумму первымъ же изданіемъ“. Почему это „естественно“—вы-

ручить однимъ изданіемъ, хотя бы сочиненій Чехова, 75 тысячъ рублей прибыли,—мы не знаемъ; намъ, напротивъ, представляется это весьма сомнительнымъ и даже, пожалуй, невозможнымъ. Если же удалось г. Марксу получить такую неслыханную прибыль, то это, конечно, едва ли способно было такъ сильно огорчать А. П. Чехова, который все-таки имѣлъ въ своемъ распоряженіи крупную сумму въ 75 тысячъ рублей, сверхъ ежегоднаго дохода отъ новыхъ своихъ произведеній и отъ постановки театральныхъ пьесъ. Правда, покойный Чеховъ, какъ разсказываетъ „Новое Время", неправильно распорядился своимъ капиталомъ: „онъ затѣялъ строить дачу, и въ нѣсколько лѣтъ эти тысячи растаяли, и растаяла мечта о своей независимости и свободѣ; онъ снова остался безъ денегъ, и единственный ресурсъ, который ему оставался,—это трудъ". Разумѣется, мысль объ обезпеченіи своей матеріальной независимости и свободы посредствомъ постройки дачи—если такая странная мысль существовала у Чехова,—была по существу ошибочна; но неудачное израсходованіе полученнаго капитала нисколько не доказываетъ еще невыгодности самой сдѣлки о продажѣ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ этихъ постороннихъ, случайныхъ обстоятельствъ, совершившаяся продажа, какъ свидѣтельствуетъ издатель „Новаго Времени", „составляла одно изъ мученій его (Чехова) за послѣдніе годы. Мысль, что онъ все продалъ, прошедшее и будущее (?), что у него есть „хозяинъ", который по праву покупки всѣмъ этимъ владѣетъ, какъ собственностью, отравляла его. Онъ пробовалъ убѣдить г. Маркса, нажившаго на его сочиненіяхъ, какъ говорили, большія деньги, измѣнить условія. Г. Марксъ предложилъ ему 5.000 руб. на поѣздку заграницу для поправленія здоровья и свои изданія въ хорошихъ переплетахъ. Чеховъ изданія въ хорошихъ переплетахъ взялъ, а отъ 5.000 руб. отказался". Между прочимъ, Чехову, будто бы, принесло убытокъ изданіе его сочиненій въ видѣ приложеній къ „Нивѣ", ибо „какъ разъ въ это время составлялся проектъ о выкупѣ сочиненій Чехова у г. Маркса, а съ приложеніемъ ихъ къ „Нивѣ" они являлись обезцѣненными на книжномъ рынкѣ, насытивъ массу читателей, и разговоры о выкупѣ прекратились тотчасъ же". Насколько намъ извѣстно, право выкупа существуетъ только относительно родовыхъ имѣній, и трудно понять, какой „проектъ выкупа" могъ быть предложенъ собственнику, пріобрѣвшему извѣстное право вовсе не для перепродажи: ничто не мѣшало вѣдь „хозяину" сочиненій Чехова потребовать за нихъ хотя бы милліонъ. По увѣренію „Новаго Времени", плата отъ 250 до тысячи рублей съ листа за отдѣльное изданіе новыхъ сочиненій Чехова „совершенно ничтожна, потому что Гончаровъ и Григоровичъ брали съ г. Маркса за печатный листъ по 1.000 руб. только за однократное помѣщеніе ихъ разсказовъ въ „Нивѣ", а тутъ

дѣло идетъ о пожизненной и посмертной собственности на протяженіи полувѣка, когда писатель могъ вырости необыкновенно". Такъ какъ за предварительное помѣщеніе своихъ разсказовъ или пьесъ въ журналахъ и въ той же „Нивѣ" Чеховъ могъ получать тоже тысячу рублей за листъ, кромѣ дальнѣйшей полистной платы за отдѣльное изданіе, то гдѣ же тутъ матеріалъ для ламентацій объ убыткахъ, о „вѣчной заботѣ о насущномъ хлѣбѣ" и т. п.? Не странны ли въ устахъ издателя „Новаго Времени" эти запоздалыя горькія жалобы на большіе барыши другого издателя,—когда отъ него же зависѣло своевременно предупредить продажу и устроить для Чехова болѣе выгодную комбинацію?

Подобные споры изъ-за барышей не имѣютъ вообще никакой связи съ литературою, и не слѣдовало вообще поднимать ихъ по случаю смерти А. П. Чехова. Давно извѣстно, что капиталисты-предприниматели—и въ томъ числѣ издатели—стремятся къ полученію возможно большей прибыли, и въ этомъ нѣтъ ничего новаго или необычнаго. Никто не поднималъ, напр., вопроса о томъ, почему за капитальное сочиненіе покойнаго Н. К. Шильдера объ Александрѣ I уплачено было автору только три тысячи рублей и затѣмъ впослѣдствіи добавочныхъ три тысячи, — быть можетъ, всего 50 или 60 рублей за печатный листъ, — какъ извѣстно со словъ самого автора; весьма вѣроятно, что на этомъ дѣлѣ издатель „нажилъ большія деньги", но ставить это ему въ упрекъ было бы несправедливо, да и возбуждать подобные щекотливые вопросы въ печати не принято.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Комитета по организаціи Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Казани.

Комитетъ по организаціи Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Казани, избранный съ разрѣшенія господина Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа изъ среды профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго Университета, считаетъ долгомъ увѣдомить городскія и земскія общественныя учрежденія Восточной Россіи о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ въ г. Казани предполагается открытіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ съ отдѣленіями историко-филологическимъ и физико-математическимъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ.

Предположено принимать на Курсы лицъ, кончившихъ женскія среднія учебныя заведенія. Преимущественное право поступленія на Курсы предполагается предоставить лицамъ женскаго пола, кончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округовъ: Казанскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго и Западно-Сибирскаго, а также въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Восточной Сибири и Средней Азіи. Въ настоящее время уроженки и жительницы этихъ мѣстностей, ищущія высшаго образованія, принуждены направляться въ столичные города, надолго отрываться отъ семьи и нерѣдко страдать отъ дороговизны жизни въ столицахъ. Этими соображеніями и руководствовались профессора и преподаватели Казанскаго Университета, возбуждая ходатайство объ открытіи Высшихъ Женскихъ Курсовъ на Востокѣ Россіи, въ г. Казани. Въ настоящее время проектъ положенія о Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ г. Казани уже выработанъ и находится на разсмотрѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій для скораго открытія и правильной организаціи Курсовъ является количество матеріальныхъ средствъ, которыми будутъ располагать Курсы. Комитетъ по организаціи Курсовъ возлагаетъ въ этомъ отношеніи надежду на матеріальную поддержку со стороны городскихъ и земскихъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, и поэтому обращается къ городскимъ и земскимъ общественнымъ учрежденіямъ Восточной Россіи съ покорнѣйшею просьбою оказать матеріальную поддержку дѣлу, предпринятому въ интересахъ всего Востока Европейской Россіи и Сибири. Починъ пожертвованіямъ уже положенъ Казанскимъ Губернскимъ Земствомъ, внесшимъ въ кассу Комитета 3.000 р. въ ознаменованіе столѣтняго юбилея Императорскаго Казанскаго Университета, предстоящаго 5 ноября 1904 г.

II. — Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1905 г.

Золотая медаль, учрежденная 1878 г. С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ въ память заслугъ вице-предсѣдателя этого Общества, члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Воронова, нынѣ находящаяся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Общества Грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ 1905 г. автору лучшаго сочиненія, посвященнаго одной изъ слѣдующихъ темъ:

1) *Исторія возникновенія и развитія Обществъ содѣйствія начальному народному образованію въ Россіи и общій обзоръ ихъ дѣятельности.*

Трудъ этотъ долженъ быть написанъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и дать по возможности полную и безпристрастную картину дѣятельности этихъ Обществъ на пользу народнаго просвѣщенія; при этомъ должно быть выяснено значеніе частной иниціативы въ связи съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла и общимъ состояніемъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ, обращая должное вниманіе на примѣнявшіяся мѣропріятія для доставленія какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія, автору слѣдуетъ выяснить значеніе имѣющагося въ этомъ дѣлѣ опыта и указать желательныя средства, способы и задачи для наиболѣе плодотворнаго развитія дѣятельности Обществъ.

2) *Книга для чтенія по отечественной географіи и исторіи.*

Желательно имѣть популярно изложенный систематическій очеркъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній о Россіи для читателя, имѣющаго образованіе лишь начальное. Выборъ матеріала предоставляется автору, однако при изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду религіозное міросозерцаніе православнаго народа русскаго, необходимо преимущественно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ жизни Россіи. Весьма желательны соотвѣтственно подобранныя иллюстраціи къ тексту.

3) *Сочиненіе, посвященное вопросу о введеніи сельско-хозяйственныхъ занятій въ начальной школѣ и устройству школьныхъ хозяйствъ.*

Вопросъ этотъ долженъ быть по возможности всесторонне освѣщенъ и разсмотрѣнъ отчасти на основаніи опыта Французской и Германской школы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни. Здѣсь должно быть принято во вниманіе не столько утилитарное, сколько общепедагогическое значеніе такихъ занятій, основанныхъ на наблюденіи и ознакомленіи съ природою. Съ другой стороны, слѣдуетъ выяснить какъ общественное значеніе такихъ

школьныхъ хозяйствъ, такъ и ихъ практическое значенiе для жизни сельскаго учителя. Сочиненiе это, однако, не должно ограничиваться одними общими разсужденiями академическаго характера, но заключать въ себѣ наглядные примѣры и факты, взятые изъ русской школьной жизни, а конечные выводы формулировать въ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ тезисахъ.

Всѣ представляемыя на конкурсъ сочиненiя должны удовлетворять требованiямъ литературнаго изложенiя. Труды эти могутъ быть какъ печатные, такъ и рукописные.

Условiя присужденiя медали въ память А. С. Воронова:

1) Согласно правилъ о медали въ память А. С. Воронова, таковая можетъ быть присуждена за сочиненiе, явившееся въ предшествующiе два года предъ послѣднимъ присужденiемъ медали; а такъ какъ медаль была присуждена въ текущемъ 1904 г., то нынѣ таковая можетъ быть присуждена лишь за сочиненiя, появившiяся не раньше 1901 года.

2) Сочиненiе должно быть представлено въ Правленiе С.-Петербургскаго Общества Грамотности (С.-Пб., Театральная ул., д. № 5), или избранную для присужденiя медали Воронова особую коммиссiю, не позже 1 декабря сего 1904 года, причемъ до этого срока каждый дѣйствительный членъ Общества имѣетъ право письменно заявить о тѣхъ трудахъ, которые, по его мнѣнiю, имѣли бы право на присужденiе медали.

3) Если признано будетъ удостоеннымъ медали рукописное сочиненiе, то таковое, по соглашенiю Правленiя С.-Петербургскаго Общества Грамотности съ авторомъ, можетъ быть издано за счетъ Общества, съ уплатою автору вознагражденiя по соглашенiю.

ПОПРАВКА.

Въ iюльской книгѣ, на стр. 120, въ 9-ой строкѣ сверху, слѣдуетъ исключить слово *когда*; на стр. 136, въ 9-ой строкѣ сверху напечатано: *объ* оставленiи,—слѣдуетъ читать: *при* оставленiи.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль — Августъ, 1904.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Подъ редакціей М. И. Писарева. Т. III. Стр. 469. Т. IV. Стр. 631. Съ портретами, факсимиле и примѣчаніями. Изд. тов. „Просвѣщеніе“. Спб. 1904. Ц. за 10 томовъ 16 р.

Въ третьемъ томѣ настоящаго изданія, редактируемаго съ большою тщательностью извѣстнымъ артистомъ Имп. театровъ, М. И. Писаревымъ, помѣщены слѣдующія драматическія произведенія А. Н. Островскаго: „Воспитанница“, „Гроза“, „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“, „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“, „За чѣмъ пойдешь, то и найдешь“ (Женитьба Бальзаминова), „Тяжелые дни“. Сверхъ примѣчаній, касающихся главнымъ образомъ времени появленія пьесъ въ печати и постановки ихъ на сценахъ Москвы и Петербурга, приложенъ также портретъ П. А. Стрепетовой въ роли Катерины. Въ четвертомъ томѣ напечатаны: „Козьма Мининъ“ въ двухъ редакціяхъ, „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, „Шутники“ и „Воевода“ (Сонъ на Волгѣ), въ первой редакціи. Къ книгѣ приложено факсимиле автора, съ рукописи пьесы „Не все коту масленица“.

В. В. Корсаковъ. Въ старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Спб. 904. Стр. 352. Ц. 1 р. 25 к.

Въ интересныхъ очеркахъ д-ра В. В. Корсакова сообщается много цѣнныхъ свѣдѣній и наблюденій относительно жизни Китая за послѣдніе годы, предшествовавшіе боксерскому движенію. Авторъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Пекинѣ, гдѣ выдержалъ и знаменитую осаду посольствъ китайцами въ 1900 году; дальнѣйшія событія, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи, открыли настежъ двери въ Китай для „европейской цивилизаціи“, прививаемой пушками и штыками. „Пронесшійся по странѣ ураганъ — говоритъ В. В. Корсаковъ, — смелъ съ лица земли десятки тысячъ человѣческихъ жизней, вырвалъ многое доброе съ корнемъ изъ китайской жизни и бросилъ въ эту жизнь новую закваску. Закваска хотя и вызвала сильное броженіе, но броженіе это не дало добраго, жизнепитающаго источника“; напротивъ, оно усилило вражду между китайцами-язычниками и христіанами, распространило въ народѣ непримиримую ненависть къ европейцамъ и обострило взаимныя чувства недовѣрія и соперничества между различными европейскими націями. Живой разсказъ автора объ его путешествіи чрезъ Монголію до Пекина и о пребываніи въ китайской столицѣ вводитъ читателя въ особый міръ, представляющій для насъ много любопытнаго и загадочнаго; между прочимъ, очень интересны описанія аудіенцій у богдыхана и императрицы-правительницы по случаю прибытія посольства князя Э. Э. Ухтомскаго въ 1897 году.

Душа Дальняго Востока. Сочиненіе П. Лоуэль. Перев. съ англ. кн. А. О. Спб. 1904 г. Стр. 171.

Книжка Лоуэля представляетъ попытку заглянуть въ личную и національную психологію народовъ Дальняго Востока, съ европейской или, вѣрнѣе, американской точки зрѣнія. Авторъ высказываетъ много остроумныхъ замѣчаній, дѣлаетъ интересныя сопоставленія, напоминаетъ любопытные факты, но воздерживается отъ положительныхъ и опредѣленныхъ выводовъ; часто онъ ограничивается парадоксами, болѣе или менѣе оригинальными. Для него не подлежитъ сомнѣнію высокій уровень цивилизаціи въ Японіи, „гдѣ десятилѣтнія дѣвушки, въ чайныхъ домахъ, являются образцами утонченности, а гдѣ простые рабочіе, въ часы досуга, играютъ въ шахматы“; но въ то же время, „въ такой странѣ, гдѣ при входѣ въ домъ снимаешь не шляпу, а сапоги, дается сразу понять, что здѣсь придется подойти къ человѣчеству съ обратнаго конца“. По мнѣнію автора, японская нація „представляетъ собою примѣръ совершенно законченной жизни расы“, и жизненная сила ея „истощилась уже болѣе тысячелѣтія тому назадъ“; и хотя это мнѣніе далеко не обосновано фактами или аргументами въ книжкѣ Лоуэля, но самая книжка читается съ интересомъ.

А. Г. Наши задачи на Востокѣ. Спб. 1904. Стр. 32.

Въ этой небольшой брошюрѣ предлагается читателю довольно ясная и опредѣленная постановка весьма сложныхъ вопросовъ, относящихся къ нашей политикѣ на ближнемъ и среднемъ Востокѣ, но въ то же время рекомендуется слишкомъ рискованная и едва ли осуществимая программа наступательнаго движенія на Дальнемъ Востокѣ. Для обезпеченія „самостоятельной морской базы“ у береговъ Тихаго океана, авторъ требуетъ: „1) распространенія нашего исключительнаго вліянія во всей Кореѣ, въ сѣверной и южной Манчжуріи, или включенія ихъ въ наши предѣлы; 2) созданія на Дальнемъ Востокѣ, именно въ сѣверной Манчжуріи, прочнаго для насъ оплота путемъ колонизаціи ея кореннымъ русскимъ населеніемъ; 3) экономическаго развитія края, съ созданіемъ (на казенный счетъ?) въ немъ горной и заводской промышленности“. Авторъ упускаетъ изъ виду, что, ставя себѣ подобныя задачи, мы не только жертвовали бы насущными интересами коренной Россіи и ея населенія ради цѣлей отдаленныхъ и фантастическихъ, но должны бы были также отказаться отъ всякой надежды на прочный миръ съ Японіею и Китаемъ, — не говоря уже объ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ.

Астонъ, В. Г. — Исторія японской литературы. Съ англ. перев. В. Мендринъ, п. р. проф. Е. Спальвина. Владивостокъ. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Наши собственныя свѣдѣнія о Японіи такъ скудны, что нельзя не обратить вниманія хотя бы и на переводъ сочиненія, составленнаго, однако, знатокомъ японской литературы, бывшимъ долгое время секретаремъ англійскаго посольства въ Токіо, а переводъ исполненъ подъ опытною редакціею проф. нашего Восточнаго Института въ Владивостокѣ. Трудъ Астона выясняетъ причину кажущейся намъ, какъ будто, необычайной быстроты развитія Японіи — въ какія-нибудь 50 лѣтъ! Но на дѣлѣ, какъ оказывается, „Японія давно уже существуетъ, какъ государство культурное... И она давно уже имѣла тѣ данныя, которыми обусловливается жизнь культурныхъ націй... Японская литература начинается съ VII-го вѣка по Р. Х., и уже съ того времени начинается классическій ея періодъ“...

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1904 г.
(Тридцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ го
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	[illegible]
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по по
діямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ,
и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписк**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. К
бяспикова, на Моховой, и въ К
торѣ Н. Печковской, въ Петр
скихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образовані
Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фа
лію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго
нему) почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого у
жденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщ
Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчи
переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе
40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію жу
нала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію
Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билет*
на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранны
подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.